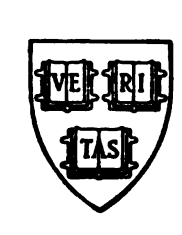

VE RI
TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1873 г.

ТОМЪ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, № 2—49.
1873.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. ЯНВАРЬ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1795 гг. **томъ четвертый и послѣдній.** Часть XXII, письма 221—226: Крымскій ханъ Шагинъ-Гирей.—Бытъ русскаго дворянства. 1785—1786 гг.

При этой книгѣ приложены: 1) Портретъ **Герцога Бирона.** 1740 г. Грав. Акад. **А. А. Сѣряковъ,** и 2) Холмогорскій острогъ, 1744—1780 гг.; рисунокъ принцессы **Екатерины Антоновны.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1873.

1-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Подъ ред. Н. В. Калачова. Книга 2. Спб., 1872, б. 8°, XVI, 198, VIII, 70, VI, 210, IV и 10 стр. Ц. 2 р.

Пока результаты, добытые архивною при второмъ археологическомъ съѣздѣ коммиссіею, увидятъ свѣтъ и сдѣлаются общимъ для всѣхъ архивовъ закономъ, — Н. В. Калачовъ, починщикъ и душа помянутой коммиссіи, выпустилъ уже второй томъ своего монументальнаго описанія Моск. архива мин. юстиціи. Вышедшіе два тома (о первомъ см. въ «Русской Старинѣ» 1870 г., апрѣль) всего лучше и нагляднѣе доказываютъ, съ одной стороны — что̀ можетъ сдѣлать серьезное знаніе и любовь къ предмету, съ другой — что̀ преобразованіе архивной части въ Россіи нельзя откладывать, и тѣмъ болѣе, что главныя положенія уже слишкомъ годъ какъ выработаны вышеупомянутой коммиссіей. Нынѣ вышедшій второй томъ состоитъ изъ нѣсколькихъ статей. Такъ, въ немъ помѣщено продолженіе описанія книгъ писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ и межевыхъ, вновь поступившихъ въ архивъ; описаніе такихъ же книгъ, составленныхъ по патріаршимъ указамъ 1620 — 1703 гг., дополняющее собою описаніе писцовыхъ книгъ въ отношеніи къ землямъ духовнаго вѣдомства въ столѣтіяхъ XVII и началѣ XVIII; о построеніи въ Москвѣ сгорѣвшаго въ 1753 г. Головинскаго дворца, (статья эта представляетъ образецъ того, въ какомъ видѣ архивъ желалъ бы сдѣлать общеизвѣстными тѣ изъ своихъ рукописей, болѣе или менѣе, значительныхъ по объему, которыя составляютъ собственно одно дѣло или посвящены одному какому-либо предмету).

Но первое мѣсто во второмъ томѣ принадлежитъ описанію книгъ и дѣлъ бывшаго Сыскнаго Приказа. Матеріаловъ этого рода хранится въ архивѣ 495 книгъ и 274 вязки. Книги не представляютъ особенной важности: это — или входящіе и исходящіе реестры, приходныя и расходныя, записныя, журналы, протоколы. Вязки же, съ заключающимися въ нихъ дѣлами, даютъ главный и основной матеріалъ, самыя разнородныя свѣдѣнія о Сыскномъ Приказѣ. Всѣхъ дѣлъ въ вязкахъ 5,840, и они идутъ безъ промежутковъ съ половины 1730 года (время учрежденія Сыскнаго Приказа) до конца 1763 (время его закрытія). Шестая часть этого числа дѣлъ (т. е. около 1,000) относится къ внутреннему устройству и управленію С. Приказа; остальное же—судебно-уголовные процессы, напр. о ворѣ Каинѣ, о московскомъ пожарѣ 1748 года, о бѣлгородскомъ губернаторѣ Салтыковѣ, статскомъ совѣтникѣ Пассекѣ, полковникѣ Борисѣ Дуровѣ, и пр., и пр.; дѣла татинныя, разбойныя, убійственныя, грабежъ, зажигательство, богохульство, расколъ, святотатство, ограбленіе мертвыхъ тѣлъ, слово и дѣло, покражи изъ дворца, и пр. Словомъ, все это представляетъ громадный интересъ и для изслѣдователя исторіи русскаго права, и для исторіи общественнаго и частнаго быта въ XVIII столѣтіи. Во второмъ томѣ пока помѣщена первая часть описанія документовъ С. Приказа, именно— «Устройство, составъ и дѣлопроизводство С. Приказа». Эта часть состоитъ изъ пяти главъ (помѣщенія С. Приказа; личный составъ; колодники, денежныя суммы; дѣлопроизводство). Каждой главѣ предшествуетъ подробное изложеніе содержанія.

Трудъ этотъ, исполненный по указаніямъ и подъ ближайшимъ наблюденіемъ г. Калачова, трудъ превосходный, можетъ служить образцомъ для архивныхъ работъ и обозрѣній. Подобное описаніе или обозрѣніе памятниковъ одного извѣстнаго учрежденія или извѣстной группы чрезвычайно полезно; планъ его слѣдуетъ сообщить для руководства всѣмъ правительственнымъ архивамъ, а самую книгу послать въ образецъ. Особенно это важно и необходимо для трехъ Западно-русскихъ центральныхъ архивовъ, въ которыхъ хранятся книги и связки, относящіяся къ тому или другому судебному или административному учрежденію. Послѣ образцовыхъ трудовъ Моск. архива мин. юстиціи (всѣхъ ихъ вышло 10 томовъ), продолжать перечневое описаніе документовъ Западно-русскихъ архивовъ по случайному хронологическому порядку мало полезно.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать второй части описанія документовъ С. Приказа, а также грамотъ XIV, XV, XVI и XVII вѣка, къ которымъ уже приступлено. Число этихъ грамотъ простирается до 15,000.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Вып. 9-й. М., 1872, б. 8°, IV (нен.), 420, 92 и III стр. Ц. 1 р. 50 к.

Говоря о 8-мъ вып. («Русская Старина» 1870 г., октябрь), мы выразили желаніе, чтобы г. Безсоновъ, въ видахъ удешевленія и ускоренія изданія, печаталъ свои объемистыя замѣтки особо. И теперь о 9-мъ вып. приходится начать нашъ отзывъ съ того же. Недавно — вышедшій выпускъ имѣетъ на оберткѣ еще особое заглавіе: «Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго». Но какъ это заглавіе, такъ и другое, выставленное нами въ нача-

ПЕРВОЕ ТРЕХЛѢТІЕ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870—1872.

Отъ редакціи.

Сегодня, 1-го января 1873 года, исполнилось первое трехлѣтіе существованія нашего изданія „Русская Старина“. Само собою разумѣется, что о нашей редакторской дѣятельности всего лучше и всего безпристрастнѣе могутъ судить сами читатели „Русской Старины“. Тѣмъ не менѣе во внутреннемъ развитіи и въ обстановкѣ каждаго періодическаго изданія, въ особенности же спеціально-историческаго, какъ наше, встрѣчается много такихъ особенныхъ условій, которыя или ускользаютъ отъ вниманія читателей, или даже бываютъ имъ вовсе неизвѣстны. Въ тѣхъ періодическихъ органахъ, въ которыхъ редакціонная работа опредѣляется довольно ясно ихъ составомъ и преимущественно направленіемъ, высказываемымъ въ собственныхъ руководящихъ статьяхъ редакцій, всякія добавочныя объясненія могутъ показаться излишними, между тѣмъ, какъ изданію, подобному „Русской Старинѣ“, заключающему въ себѣ по преимуществу матеріалы и притомъ сырые, представляется необходимымъ знакомить, время отъ времени, читателей съ тѣми началами и съ тѣми взглядами на способъ исполненія предположенной задачи, какими руководствуется редакція. Поэтому теперь, когда со времени появленія первой книги „Русской Старины“ минуло уже три года, и когда, въ продолженіе этого промежутка времени, подписчики могли достаточно познакомиться съ тѣми разнообразными матеріалами, которые мы помѣстили на страницахъ нашего изданія, мы находимъ не лишнимъ объяснить читающей публикѣ тѣ основанія и тѣ соображенія, какихъ держалась и какихъ намѣрена держаться въ будущемъ редакція „Русской Старины“.

I.

При объявленіи объ изданіи „Русской Старины“ мы говорили, что она „будетъ служить отечественной исторіи и исторіи русской литературы сообщеніемъ на своихъ страницахъ: Записокъ и воспоминаній историческихъ дѣятелей, очерковъ, автобіографій, историческихъ изслѣдованій, государственныхъ и дипломатическихъ актовъ, писемъ и разныхъ замѣтокъ, относящихся къ отечественной исторіи и исторіи русской литературы преимущественно за два послѣднія столѣтія“. При этомъ мы тогда же заявили, что „все то, что́ служитъ къ чести и славѣ прежнихъ отечественныхъ дѣятелей, будетъ съ полнымъ безпристрастіемъ помѣщаться на ряду съ тѣми данными, которыя указываютъ на перешедшія уже въ достояніе исторіи темныя стороны нашего общественнаго быта“. Позволяемъ себѣ думать, что мы, по мѣрѣ возможности и условій нашей печати, исполнили это заявленіе фактически, подборомъ представленныхъ нами матеріаловъ, подтвердивъ справедливость мысли, что безъ полнаго безпристрастія невозможна правдивая оцѣнка ни событій, ни личностей, еще и доселѣ вызывающихъ не только разнорѣчивыя, но порою даже и противоположныя о себѣ мнѣнія.

Несмотря на видимую разнородность матеріаловъ, входящихъ въ наше изданіе, мы не разграничили его на особые отдѣлы, хотя такое разграниченіе и могло бы придать „Русской Старинѣ“ ту наружную стройность, которую многіе считаютъ необходимою принадлежностію каждаго періодическаго изданія и безъ которой оно, по ихъ мнѣнію, представляется только простымъ сборникомъ, гдѣ выборъ и послѣдовательность статей обусловливается одною лишь случайностію, безъ обдуманнаго заранѣе строгаго плана. Конечно, для удовлетворенія подобнаго, хотя съ нашей точки зрѣнія и нѣсколько педантическаго требованія, мы могли бы раздѣлить „Русскую Старину“ на отдѣлы: оффиціальныхъ актовъ, записокъ или мемуаровъ, біографій и т. д., но мы находили прежде, да и теперь находимъ, что введеніе въ наше изданіе какихъ-либо особыхъ отдѣловъ было бы крайне неудобно по слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ большинствѣ случаевъ редакція „Русской Старины“ располагаетъ такими матеріалами, которые были заготовлены не только за десятки лѣтъ, но иногда даже и болѣе, нежели за цѣлое столѣтіе до настоящаго времени. Въ такихъ матеріалахъ весьма часто не бываетъ никакихъ опредѣленныхъ перерывовъ и разсказъ или изложеніе документа тянется безпрерывно, такъ что не представляется удобствъ для раздѣленія статьи на равномѣрныя части, безъ ущерба

для интереса содержанія и послѣдовательности изложенія. Вслѣдствіе этого, редакція „Русской Старины“ бываетъ вынуждена или ожидать удобнаго случая, когда представится возможность сдѣлать перерывъ, или же печатать матеріалъ отъ начала до конца въ одной книгѣ, хотя бы объемъ ее и не соотвѣтствовалъ размѣрамъ остальныхъ ея частей. Понятно, что при такомъ отличительномъ свойствѣ матеріаловъ, сообщаемыхъ въ нашемъ изданіи, введеніе въ него систематическихъ отдѣловъ представляло бы значительныя неудобства, такъ какъ редакція очень часто была бы принуждена, для соблюденія такой формальности, жертвовать сущностію дѣла, заботясь преимущественно только о томъ, чтобы въ каждомъ изъ отдѣловъ было что-нибудь къ нему подходящее.

Свойствомъ матеріаловъ объясняется и то еще обстоятельство, почему иногда въ какой либо книгѣ бываетъ у насъ одна, преобладающая надъ прочими, по своему размѣру, статья. Такой составъ книгъ „Русской Старины“ придаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, однообразіе всему изданію, но мы съ своей стороны остаемся при томъ убѣжденіи, что такое лишь видимое, но не существенное, однообразіе способствуетъ всего болѣе интересу и законченности тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которые появляются па страницахъ нашего изданія.

По всей вѣроятности читатели „Русской Старины“ успѣли уже замѣтить нѣкоторую особенность въ группировкѣ матеріаловъ, преимущественно въ послѣднее время, при увеличивающемся все болѣе и болѣе ихъ приливѣ въ распоряженіе редакціи. Особенность эта заключается въ томъ, что мы стараемся въ одной и той же книгѣ пріурочить главные матеріалы къ извѣстной эпохѣ, или къ одной какой-либо личности. Такую систему, которая, быть можетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, придаетъ также однообразіе нашему изданію,— мы считаемъ, однако, съ своей стороны весьма иногда полезною. Подобная одновременная совокупность матеріаловъ доставляетъ читателямъ возможность опредѣлить съ бо́льшею точностію характеръ той эпохи или той личности, о которой идетъ дѣло; между тѣмъ какъ растянутость матеріаловъ на нѣсколько книгъ ослабляетъ цѣлостность впечатлѣнія. Кромѣ того, надобно принять въ соображеніе, что нерѣдко о какой-либо эпохѣ или о какой-либо личности имѣются несходственныя, а иной разъ даже и противорѣчущія между собою свѣдѣнія, исходящія изъ двухъ враждебныхъ одинъ другому лагерей. Такъ какъ задача нашего изданія,—по многимъ, а между прочимъ и по совершенно независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ,—не заключается въ исторической критикѣ помѣщаемыхъ въ „Русской Старинѣ“ матеріаловъ, то

мы, сближая въ одной и той же книгѣ разнородные матеріалы, относящіеся къ какой-либо одной эпохѣ или къ одной исторической личности, даемъ тѣмъ самымъ читателямъ нашимъ возможность, чрезъ сопоставленіе свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, придти къ самостоятельному заключенію о степени правдивости тѣхъ или другихъ извѣстій. Что же касается собственно исторической критики, то такъ какъ изданіе наше посвящено историческимъ письменнымъ памятникамъ и событіямъ ближайшей къ намъ эпохи—и даже такой, дѣятели которой не всѣ еще сошли въ могилу,—то само собою разумѣется, что въ отношеніи ни тѣхъ, ни другихъ не можетъ еще быть правдивой и безпристрастной критики. При такихъ, слишкомъ уважительныхъ обстоятельствахъ, вся критическая дѣятельность въ нашемъ изданіи должна ограничиться помѣщеніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ какого-либо примѣчанія, опредѣляющаго, съ нашей точки зрѣнія, степень историческаго безпристрастія печатаемаго матеріала и принятіемъ на страницы нашего изданія тѣхъ фактическихъ поправокъ или тѣхъ положительныхъ, но не критическихъ разъясненій, какія могутъ быть сообщены тѣми, которые или сами лично, или по достовѣрнымъ разсказамъ, или на основаніи какихъ-либо особыхъ матеріаловъ, недоступныхъ еще для русской печати. могутъ дополнить или освѣтить поярче факты, сообщаемые „Русской Стариною.“ Мы никогда не отказываемся отъ напечатанія подобнаго рода поправокъ и разъясненій, хотя бы онѣ и касались непосредственно трудовъ редакціи. Но при этомъ мы принуждены избѣгать помѣщенія въ „Русской Старинѣ“ такихъ только поправочныхъ и разъяснительныхъ сообщеній, которыя могутъ вовлечь насъ въ безплодную полемику. совершенно несоотвѣтствующую ни характеру, ни спеціальной задачѣ нашего изданія. Говоря это, мы пользуемся случаемъ, чтобы повторить. что всякая дѣльная поправка, даже собственныхъ недосмотровъ и промаховъ редакціи, всегда будетъ принята ею съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Чуждые всякаго ложнаго самолюбія, мы въ присылкѣ подобныхъ сообщеній будемъ видѣть только живое участіе читателей къ посильнымъ нашимъ трудамъ, и потому особенно просимъ, чтобы подобныя замѣтки и донесенія сообщались бы прямо къ намъ, а отнюдь ни въ другія повременныя изданія, гдѣ онѣ могутъ остаться незамѣченными читателями „Русской Старины“.

Группируя статьи по принятой нами системѣ, мы до нѣкоторой степени имѣемъ въ виду и тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы подѣлиться съ нами какими-либо сообщеніями объ извѣстныхъ имъ событіяхъ или личностяхъ. Между тѣмъ, при усвоиваемой нами системѣ,

гораздо отчетливѣе обрисовывается и эпоха, и личность, и вся та обстановка, среди которой этой послѣдней приходилось жить и дѣйствовать такъ, что и постороннія, на счетъ всего этого, сообщенія могутъ быть написаны гораздо точнѣе и подробнѣе въ виду уже напечатанныхъ нами свѣдѣній. Вслѣдствіе же этого и самыя сообщенія могутъ быть сдѣланы въ одинъ пріемъ, тогда какъ разрозненность матеріаловъ нерѣдко устраняла бы подобнаго рода удобство и вызывала бы повтореніе поправокъ, а также отрывочныя только дополненія и одностороннія замѣчанія.

II.

Для тѣхъ, кто незнакомъ близко съ процессомъ изданія рукописныхъ историческихъ памятниковъ, трудъ этотъ можетъ казаться весьма легкимъ и незамысловатымъ, когда онъ относится къ ближайшей намъ эпохѣ. На дѣлѣ, однако, это выходитъ нѣсколько иначе. Добросовѣстная редакція письменныхъ памятниковъ даже и позднѣйшаго времени требуетъ очень часто самой тщательной обработки, Не говоря уже о томъ, что иные списки бываютъ или распространены, или сокращены противъ подлинника по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, онѣ зачастую искажаются только вслѣдствіи малограмотности ихъ переписчиковъ. Вслѣдствіе этого, рѣдкая изъ рукописей, обратившая на себя почему-либо особенное вниманіе своихъ современниковъ, не появилась впослѣдствіи во множествѣ болѣе или менѣе невѣрныхъ списковъ. Примѣромъ тому могутъ служить записки партизана Давыдова, письма Н. Н. Муравьева къ Ермолову, Ермолова—къ Устрялову и нѣкоторые другіе матеріалы нами напечатанные. Въ подобныхъ случаяхъ сличеніе нѣсколькихъ разнящихся между собою рукописей, при отсутствіи подлинной, и выборъ изъ нихъ наиболѣе достовѣрной составляютъ не малую часть редакціоннаго труда, не говоря уже о томъ, что иной разъ неразборчивость почерка, сокращеніе именъ собственныхъ, неопредѣленное означеніе личностей и отсутствіе хронологическихъ данныхъ, заставляютъ по долгу вдумываться въ дѣйствительный смыслъ написаннаго и собирать разныя справки о тѣхъ личностяхъ, къ которымъ можетъ относиться какое-либо извѣстіе, встрѣчающееся хотя бы и въ подлинной рукописи. Кромѣ того, для такихъ провѣрокъ встрѣчается у насъ не мало препятствій вслѣдствіе крайне неудовлетворительной разработки біографическихъ и генеалогическихъ свѣдѣній, даже о такихъ личностяхъ, которыя занимали весьма видное мѣсто въ нашей государственной или общественной дѣятельности. Такимъ образомъ самостоятельною работою редакціи „Русской Старины“ должны быть

розысканія для провѣрки и обстановки издаваемыхъ ею матеріаловъ соотвѣтствующими объясненіями. Мы не беремся сами судить, до какой степени редакція „Русской Старины“ успѣла удовлетворить этой потребности, но можемъ только сказать, что для удовлетворенія ея были приложены наши старанія [1]). Редакція составила около себя кружокъ изъ лицъ, извѣстныхъ ей своими спеціальными знаніями по той или другой эпохѣ русской исторіи, или же по какому-либо отдѣлу русской старины. Труды, подготовляемые этими лицами, въ совокупности съ окончательными трудами самой редакціи, даютъ ей возможность представлять печатаемые ею матеріалы съ тѣми примѣчаніями, которыя могутъ, до извѣстной степени, освободить читателей отъ дополнительныхъ справокъ.

Въ объявленіи объ изданіи „Русской Старины“ мы обѣщали, что „будемъ печатать матеріалы съ совершенною точностію дословно, а нѣкоторые, по чему-либо особенно важные или характеристичные, и буквально, т. е. съ сохраненіемъ правописанія подлинника; матеріалы-же, писанные на иностранныхъ языкахъ, будутъ, бóльшею частію, помѣщаться не только въ переводѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ подлинникѣ“. Какъ дословное, такъ и буквальное печатаніе иныхъ историческихъ матеріаловъ не всегда можетъ быть приведено въ исполненіе по обстоятельствамъ, независящимъ отъ редакціи. Тѣмъ не менѣе, она постоянно старалась держаться крайнихъ предѣловъ цензурнаго простора и въ особенности никогда не позволяла себѣ дѣлать такіе пропуски, сокращенія и урѣзки, которые измѣнили бы значеніе какого-либо факта или смыслъ отзыва о какой-либо личности, и вслѣдствіе этого повели бы къ неправильнымъ или односторонним взглядамъ на фактъ или на лицо. Этого правила, столь необходимаго для сохраненія исторической истины, редакція намѣрена строго держаться и на будущее время, предпочитая даже отложить печатаніе какого нибудь матеріала до болѣе удобной поры, нежели печатать его въ измѣненномъ или искаженномъ видѣ.

Что касается помѣщенія въ подлинникѣ матеріаловъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, независимо отъ ихъ перевода на русскій, то трехлѣтній опытъ достаточно убѣдилъ редакцію „Русской Старины“ въ необходимости такого порядка. Такъ, напримѣръ, письма Екатерины II, писанныя на ея своеобразномъ французскомъ языкѣ, при всѣхъ стараніяхъ лучшихъ переводчиковъ, нелегко поддаются

[1]) При этомъ, однако, мы всегда избѣгали—излишнихъ или слишкомъ дробныхъ, мелочныхъ примѣчаній; обременяя тотъ или другой матеріалъ, или записки—они, ничего въ сущности не объясняя, затрудняли бы только чтеніе.

Ред.

точной передачѣ на русскій языкъ со всѣми оттѣнками подлинника, такъ что печатаніе его представляется, вслѣдствіе этого, необходимымъ. Тоже самое должно сказать и о дипломатическихъ актахъ, писанныхъ на французскомъ языкѣ, такъ какъ русскій языкъ, не употребляемый въ дипломатической перепискѣ, не получилъ той гибкости, какая бываетъ необходима для точной передачи всѣхъ дипломатическихъ тонкостей.

III.

Желаніе оставаться вполнѣ безпристрастными въ отношеніи тѣхъ историческихъ, или вообще тѣхъ замѣчательныхъ личностей, о которыхъ появляются свѣдѣнія на страницахъ нашего изданія, не рѣдко ставитъ редакцію въ весьма щекотливое положеніе. Хотя въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится передавать какія-либо не совсѣмъ похвальныя свѣдѣнія о дѣятельности какого-нибудь лица, мы чувствуемъ себя совершенно правыми въ нравственномъ отношеніи, но, тѣмъ не менѣе, затруднительность нашего положенія, и вслѣдствіе этого, не уменьшается. Правда, изданіе наше, выдвинувшись изъ сферы современной публицистики, не усвоиваетъ себѣ никакихъ исключительныхъ симпатій или антипатій ни къ эпохѣ, ни къ личности. И нельзя не согласиться, что всякое тенденціозное направленіе „Русской Старины“ было бы непростительною ошибкой, такъ какъ оно неизбѣжно отняло бы у нея ту полную независимость, какою должно безусловно пользоваться каждое, подобнаго рода, изданіе. Оно, по нашему мнѣнію, должно единственно служить отголоскомъ прошедшаго, безъ всякихъ заранѣе составленныхъ предубѣжденій ни за, ни противъ. Поэтому мы беремъ каждый историческій матеріалъ свободными, не связанными ничѣмъ руками и съ спокойною совѣстію передаемъ его подъ типографскій станокъ, не дѣлая изъ него ни панегирика, ни памфлета; затѣмъ, конечно, уже не наша вина, если онъ иной разъ принимаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ какъ бы особенный оттѣнокъ, не приходящійся по вкусу тому или другому, или затрогивающій чье-либо фамильное, иногда, впрочемъ, совершенно ложное самолюбіе. Въ томъ же, что мы постоянно руководствуемся чувствомъ историческаго безпристрастія читатели наши могли легко убѣдиться не только изъ того, что мы охотно помѣщаемъ всякое опроверженіе, но и изъ того еще, что мы нерѣдко сами, если это бываетъ возможно, сопоставляемъ такіе матеріалы, которые иногда опровергаютъ неблагопріятные отзывы, сдѣланные о комъ-либо въ другихъ, нами же сообщаемыхъ матеріалахъ. Кромѣ того, когда, по имѣющимся въ виду обстоятельствамъ, или

по особымъ отношеніямъ лицъ, а также по ихъ служебной или общественной обстановкѣ, можно заподозрить небезпристрастность свѣдѣній, мы дѣлаемъ въ примѣчаніи соотвѣтственную оговорку, ослабляющую жесткій или рѣзкій отзывъ о какой-либо личности. Далѣе этого въ подобныхъ случаяхъ не должна, да и не можетъ идти редакція „Русской Старины“.

Изъ всего этого видно, что въ отношеніи такъ называемой на юридическомъ языкѣ „диффамаціи“ мы считаемъ себя совершенно свободными отъ всякаго упрека со стороны нравственной, такъ какъ мы слишкомъ далеки отъ мысли нанести какое-либо оскорбленіе живымъ или умершимъ воспоминаніемъ объ ихъ прошедшей общественной или государственной дѣятельности. Точно также мы далеки, впрочемъ, и отъ мысли издавать похвальныя слова въ ихъ пользу. Мы относимся къ каждой личности совершенно безучастно, предоставляя говорить о ней другимъ, которые какъ похвалы, такъ и порицаніе должны были принять исключительно на свою совѣсть. Объясненіе наше въ этомъ смыслѣ тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что у насъ никогда не помѣщались какія-либо безымянные мемуары, записки или сообщенія, такъ что при этихъ условіяхъ всегда бываетъ на лицо тотъ, кто посредствомъ нашего изданія высказываетъ свое мнѣніе и свои взгляды на нравственныя качества и на поступки упоминаемыхъ въ „Русской Старинѣ“ лицъ.

Извѣстно, однако, что законъ не слишкомъ снисходительно относится къ тѣмъ нравственнымъ доводамъ, на которые мы указываемъ теперь, потому что онъ предоставляетъ не только самимъ лицамъ, считающимъ себя оскорбленными въ печати, но и наслѣдственнымъ ихъ представителямъ право требовать судебнымъ порядкомъ возстановленія оскорбленной и опороченной чести, посредствомъ обвинительнаго приговора надъ тѣми, кто окажется въ этомъ виновнымъ, а такъ какъ мы имѣемъ сотрудниковъ, обрѣтающихся преимущественно въ царствѣ мертвыхъ, то прямою за нихъ отвѣтчицею является редакція „Русской Старины“. Кромѣ того, собственно для насъ правильная постановка вопроса о пользованіи такимъ правомъ представляется гораздо важнѣе, нежели для всѣхъ другихъ періодическихъ изданій, такъ какъ по самому содержанію нашего изданія мы несравненно чаще, нежели другія изданія, можемъ подвергнуться обвиненію въ оскорбленіи чьей-либо чести,— обвиненію, въ сущности, однако, незаслуженному нами. Съ своей стороны мы постараемся объяснить, какъ мы смотримъ на такіе случаи, гдѣ, повидимому, представляется поводъ къ обвиненію нашего изданія въ диффамаціи.

Не подлежитъ, какъ кажется, никакому сомнѣнію, что было бы крайне

ошибочно и даже чрезвычайно недобросовѣстно искажать историческіе матеріалы въ виду того опасенія, что какое-нибудь сообщаемое въ нихъ свѣдѣніе или обстоятельство можетъ показаться оскорбительнымъ для того, къ кому оно относится лично или наслѣдственно. Притомъ, понятіе объ оскорбленіи такъ удобо-растяжимо, что редакція „Русской Старины“, при всей даже самой мелочной щепетильности и безпредѣльной осторожности, никогда не можетъ быть увѣрена, что какое-нибудь извѣстіе не вызоветъ противъ нея чьего-либо неудовольствія. Слѣдовательно, еслибы редакція „Русской Старины“, издавая подлинные историческіе матеріалы, стала раздумывать, какъ будутъ приняты находящіяся въ нихъ извѣстія отдѣльными личностями, то понятно, что она позволила бы себѣ тѣмъ самымъ ставить личныя, иногда вовсе неумѣстныя и даже смѣшныя притязанія выше исторической правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлки и сокращенія, произвольно допускаемыя редакціею въ упомянутыхъ матеріалахъ, неизбѣжно должны были бы подорвать въ общественномъ мнѣніи ихъ историческій кредитъ. Это съ одной стороны. Съ другой же стороны мы полагаемъ, что, печатая матеріалы, выставляющіе какую-либо личность въ неблагопріятномъ свѣтѣ, мы тѣмъ самымъ не только не вредимъ ея чести, но, напротивъ, предоставляемъ удобный случай ограждать ее,—(если это кому-нибудь желательно) отъ несправедливыхъ нареканій. Нельзя не принять въ соображеніе, что тѣ рукописные матеріалы, которые до настоящаго времени хранились подъ спудомъ и теперь являются впервые на страницахъ нашего изданія, все равно и безъ насъ, рано или поздно, выступили бы въ печати на свѣтъ Божій. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе проходитъ времени отъ дѣятельности какого-нибудь лица, тѣмъ болѣе представляется затрудненій для возстановленія ея въ истинномъ видѣ. Современники такого лица сходятъ постепенно съ земнаго поприща, у остающихся же въ живыхъ многія частности улетучиваются изъ ихъ памяти, а также утрачиваются или теряются изъ виду разные письменные документы, которые въ извѣстныхъ случаяхъ, еще по горячимъ слѣдамъ, могли бы представить собою оправдательныя данныя. Независимо отъ этого, копіи съ рукописей, а также устные, заимствованные изъ нихъ разсказы, распространяются въ публикѣ все болѣе и болѣе, получая впослѣдствіи окончательную, полную достовѣрность. Вслѣдствіе всего этого мы приходимъ къ тому твердому убѣжденію, что чѣмъ ранѣе появится о комъ-нибудь въ печати такой отзывъ, который можетъ показаться оскорбительнымъ или ему самому, или близкимъ къ нему по родству лицамъ, считающимъ своею обязанностію охранить его честь,— тѣмъ болѣе представляется удобства и средствъ для защиты дѣйстви-

тельно оскорбленнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для возстановленія правды путемъ печати. Въ такихъ вполнѣ достаточныхъ способахъ защиты никогда не было и не будетъ со стороны редакціи „Русской Старины“ ни малѣйшаго отказа.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что послѣ всѣхъ приведенныхъ нами объясненій и соображеній, тѣ строки „Русской Старины“, которыя могли бы показаться инымъ, почему-либо, оскорбительными, непріятными или щекотливыми, будутъ въ глазахъ ихъ имѣть совершенно другое значеніе. Они не признаютъ въ нихъ ни умышленной, ни даже случайной обиды, но найдутъ въ нихъ только проявленіе мнѣній и взглядовъ, несходственныхъ съ ихъ собственными мнѣніями и взглядами и при томъ такихъ, которые составились безъ нашего участія и, какъ мы замѣтили выше, могутъ сдѣлаться, а быть можетъ и сдѣлались уже извѣстными публикѣ и безъ посредства „Русской Старины“.

IV.

Одною изъ важныхъ редакціонныхъ работъ нашего изданія должно считать составленіе „Указателя“ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Русской Старинѣ“. Въ изданіяхъ, которыя, подобно нашему, предназначаются, между прочимъ, и для того, чтобы служить справочною книгою по русской исторіи, „Указатель“ такого рода, тщательно и систематически составленный, долженъ считаться необходимою принадлежностію. Къ каждому изъ трехъ годовъ нашего изданія (1870, 1871 и 1872 гг.) приложены подробные, возможно полные алфавитные указатели, приэтомъ въ указателѣ къ 1870 году приведены ссылки на два изданія „Русской Старины“ 1870 г. Въ предисловіи къ указателю перваго года редакція ознакомила читателей съ тѣми основаніями, которыхъ она сочла нужнымъ держаться при составленіи „Указателя“. Опытъ подтвердилъ удобство системы, принятой однажды редакціею, но, тѣмъ не менѣе, редакція въ послѣдующіе годы старалась улучшать въ „Указателѣ“ нѣкоторыя частности, какъ-то: означать при сколь возможно бо̀льшемъ числѣ упоминаемыхъ въ текстѣ „Русской Старины“ лицъ, годы ихъ рожденія и смерти въ самомъ „Указателѣ“, желая этимъ устранять надобность въ особыхъ справкахъ со стороны читателей;—приводить ссылки на поправки не только фактовъ, но простыхъ описокъ или опечатокъ;—сверхъ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда о какомъ-либо замѣчательномъ лицѣ встрѣчается въ разныхъ матеріалахъ длинный рядъ извѣстій, приводить ихъ въ послѣдовательный хронологическій порядокъ въ самомъ „Указателѣ“, такъ какъ подобный порядокъ можетъ, до извѣстной степени, способствовать составленію, болѣе или менѣе, подробнаго біографиче-

скаго очерка лицъ, по матеріаламъ, находящимся на страницахъ „Русской Старины" [1]).

Вмѣстѣ съ симъ редакція обратила вниманіе на внѣшность изданія. Имѣя въ виду, что книги, подобныя „Русской Старинѣ", какъ справочныя, навсегда остаются принадлежностью даже самыхъ маленькихъ библіотечекъ, мы озаботились, чтобы бумага, шрифты, а также точность, чистота и исправность печати—были безукоризненны, и въ этомъ отношеніи не останавливаемся предъ издержками.

V.

Ознакомивъ нашихъ читателей съ внутреннею дѣятельностію редакціи „Русской Старины", съ дѣятельностію, мало извѣстной, и, даже, быть можетъ, вовсе незамѣтной для большинства постороннихъ лицъ, мы постараемся свести итоги этой дѣятельности, въ видѣ общаго отчета о главнѣйшихъ матеріалахъ нашего изданія за три первые года его существованія.

Въ продолженіе этого времени редакціею „Русской Старины" было дано подписчикамъ: въ 1870 году—81, въ 1871 году—100 и въ 1872 году—112 печатныхъ листовъ, хотя по условію подписки все количество печатныхъ листовъ въ каждый изъ трехъ годовъ могло ограничиться за это время не болѣе какъ 66 листами въ годъ. Число сообщеній, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" разными лицами, было: въ 1870 г.—141; въ 1871—154; въ 1872—220. Кромѣ того, въ это же время было издано въ видѣ приложеній 107 печ. листовъ въ трехъ томахъ „Записокъ Болотова" (напечатаны въ два столбца), а также были приложены къ „Русской Старинѣ" 54 гравюры портретовъ, рисунковъ, виньетокъ и снимковъ съ автографовъ [2]).

---

[1]) Для удобства также справокъ, оглавленія къ каждому изъ шести томовъ, выпущенныхъ нами, «Русской Старины»—мы заботливо систематизировали. Всѣ напечатанные нами историческіе матеріалы переименованы въ этихъ оглавленіяхъ по царствованіямъ, а историческо-литературные—по эпохамъ и именамъ писателей, къ которымъ они относятся; что касается до приложенія (записки Болотова), то къ каждому изъ трехъ выпущенныхъ томовъ помѣщено особое, весьма обстоятельное оглавленіе. **Ред.**

[2]) Портреты: Петра Великаго, писанный Риго въ 1717 г. съ натуры, гравированный на стали въ Лондонѣ; Емельяна Пугачева; А. Т. Болотова (автора «Записокъ»); А. Л. Витберга, академика, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ; пѣвца былинъ, крестьянина Рябинина.

Картина проф. В. И. Якоби «Арестъ Бирона» въ 1740 г.

Рисунки: «Ботикъ Петра Великаго», «Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ» по проекту академика Витберга, домъ въ Бунцлау, въ которомъ скончался кн. М. И. Кутузовъ-Смоленскій.

Памятники: кн. М. И. Кутузову въ городѣ Бунцлау и М. И. Глинкѣ на

Въ виду всего этого, и принимая въ соображеніе условія подписки, редакція позволяетъ себѣ предполагать, что она, какъ слѣдуетъ, исполнила свои обязанности передъ подписчиками въ отношеніи количества обѣщаннаго ею матеріала, и добавить къ этому, что и ежемѣсячный выпускъ книжекъ, несмотря на разныя препятствія иногда встрѣчаемыя редакціею, отличался постоянною точностію: каждое 1-е число книга „Русской Старины“ выходитъ и тогда же разсылается подписчикамъ.

VI.

Удовлетвореніе публики со стороны редакціи только количествомъ матеріаловъ,—внѣшнимъ изяществомъ изданія, а также вполнѣ исправнымъ выпускомъ въ свѣтъ каждой книги не ограничиваются обязанности редакціи. На ряду, даже выше, стоятъ ея нравственныя обязанности, заключающіяся въ томъ, чтобы удовлетворить ожиданія публики сообщеніемъ матеріаловъ, дѣйствительно заслуживающихъ вниманіе по качеству, т. е. по ихъ **внутреннему содержанію**. Безъ всякаго сомнѣнія, всѣ очень хорошо понимаютъ, что изданіе у насъ историческихъ матеріаловъ, въ особенности все ближе и ближе подходящихъ къ настоящему времени, не можетъ пользоваться безусловнымъ цензурнымъ просторомъ, такъ что въ этомъ отношеніи редакція „Русской Старины“ можетъ располагать матеріалами, имѣющимися въ ея распоряженіи, только въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе, тѣсныхъ предѣлахъ. Поэтому о внутреннемъ достоинствѣ нашихъ матеріаловъ возможно судить правильно и безпристрастно не иначе, какъ только имѣя, прежде всего, въ виду это слишкомъ важное и существенное условіе.

Помѣщенные, а также и нынѣ помѣщаемые въ „Русской Старинѣ“ матеріалы раздѣляются на двѣ группы: матеріалы къ отече-

---

могилѣ; 35 рисунковъ въ текстѣ «Записокъ Болотова», изображающія сцены изъ русско-прусской Семилѣтней войны, также изъ быта дворянъ XVIII вѣка, казнь Емельки Пугачева (рисунокъ съ натуры) и проч.

Планъ Петропавловскаго (въ Камчаткѣ) порта при осадѣ его англо-французскою эскадрою въ 1854 г.

Фрески XI вѣка на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора: а) музыканты и плясуны, б) княжеская охота.

Снимки: резолюцій Петра Великаго, подписи: Фридриха Великаго, Емельки Пугачева (также снимокъ его печати), съ писемъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго (о взятіи Измаила 1790 г. и о Бородинской битвѣ 1812 г.).

Почти всѣ гравюры исполнены лучшимъ изъ современныхъ на деревѣ граверовъ Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ (граверъ Его Императорскаго Величества).

ственной исторіи и матеріалы къ исторіи русской литературы. Первая группа дѣлится, въ свою очередь, на два разряда: на матеріалы, обнимающіе собою какую-нибудь продолжительную эпоху въ исторіи, а также объясняющіе замѣчательный періодъ въ дѣятельности какого нибудь историческаго лица, или вообще, очерчивающіе его жизнь и личный характеръ, и на матеріалы отрывочные, относящіеся только къ какой-нибудь эпохѣ или личности, и представляющіе, болѣе или менѣе, характеристическія ихъ черты. Такимъ образомъ къ первому разряду относятся: записки, автобіографіи, воспоминанія и переписки, заключающія въ себѣ, болѣе или менѣе, длинный рядъ послѣдовательныхъ писемъ по какому-нибудь одному государственному или общественному вопросу. Ко второму разряду принадлежатъ: оффиціальныя, прежде неизвѣстныя, правительственныя распоряженія (указы, постановленія и т. п.) небольшіе разсказы, замѣтки, анекдоты, отдѣльныя письма и т. д.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ первому разряду, были напечатаны нами въ обозрѣваемое трехлѣтіе, между прочимъ, слѣдующіе:

«Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ въ XI–XV столѣтіяхъ» и «Кто такой былъ Гедиминъ?» († 1345 г.). Эти два изслѣдованія молодаго ученаго, г. Никитскаго, представляютъ новыя данныя изъ бытовой исторіи Сѣверной державы а также интересныя соображенія къ опредѣленію знаменитаго властителя происхожденія Литовскаго государства.

Впрочемъ, изслѣдованіямъ изъ до-Петровской Россіи мы отводили мало мѣста въ нашемъ изданіи. Новѣйшая исторія нашего отечества гораздо менѣе разработана, а между тѣмъ всестороннее ее изученіе особенно полезно; разработкѣ исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій по преимуществу и посвящена «Русская Старина». Относительно XVIII и XIX вѣковъ она представила на своихъ страницахъ;

«Записки сподвижниковъ Петра Великаго: генералъ-прокурора кн. Никиты Юрьевича Трубецкаго (1717—1763), и гр. Г. П. Чернышева (1672—1745). Тѣ и другія записки, на ряду съ обильными данными для біографій обоихъ лицъ и членовъ ихъ семей, представляютъ нѣсколько чертъ—немаловажныхъ къ обрисовкѣ тѣхъ эпохъ, въ которыя подвизались эти государственные дѣятели.

«Секретныя депеши объ обидѣ прусскаго посла Петромъ I и княземъ Меншиковымъ 1707 года», составляютъ, безспорно, одну изъ замѣчательнѣйшихъ когда-либо возбуждавшихся дипломатическихъ переписокъ. Собственно же для нашей родной старины онѣ важны въ томъ отношеніи, что изображаютъ весьма живую и своеобразную картину придворныхъ нравовъ временъ Петра Великаго.

«Шутки и потѣхи Петра Великаго». Статья эта составляетъ собраніе матеріаловъ, въ которыхъ все принадлежитъ самому Петру Великому, и которые, поэтому, выставляютъ въ яркомъ свѣтѣ одну изъ отличительныхъ чертъ его характера—мѣшать дѣло съ разгуломъ и иногда въ забавномъ видѣ представлять тѣ стороны государственной и общественной жизни, противъ кото-

рыхъ онъ велъ упорную борьбу. Отрицать историческую важность такихъ документовъ никакъ нельзя, хотя бы они, съ извѣстной точки зрѣнія, и набрасывали нѣкоторую тѣнь на личность Великаго преобразователя Россіи.

«Записки придворнаго брилліантщика Позье о пребываніи его въ Россіи съ 1729 по 1764 годъ». Онѣ были переведены съ неизданной еще французской рукописи, и представляютъ ту особенность, что не принадлежатъ, какъ это обыкновенно было съ прежними матеріалами, подобнаго рода, перу какого-нибудь дипломата или иностранца, занимавшаго въ Россіи видный служебный постъ. Между тѣмъ ремесло Позье поставило его въ прямыя сношенія съ императрицею Анной Ивановной, правительницею Анной Леопольдовной, Елизаветою Петровною, Петромъ III и Екатериною II, а также съ такими личностями, каковы: Биронъ, Левенвольдъ, Линаръ, Лестокъ, Шуваловы, Разумовскіе, Воронцовы и другіе. Связи Позье въ высшихъ сферахъ доходили до того, что этотъ безвѣстный швейцарскій выходецъ являлся посредникомъ между великимъ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ и императрицею Елизаветою Петровной. Понятно, что при такой обстановкѣ Записки Позье имѣютъ историческое значеніе, и въ нихъ дѣйствительно сообщаются весьма важныя и интересныя замѣтки о переворотахъ 1741 и въ особенности 1762 годовъ, а также драгоцѣнныя черты для характеристики Елизаветы Петровны, Петра III, и нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка.

«О поврежденіи нравовъ въ Россіи», записки князя М. М. Щербатова, одного изъ ученѣйшихъ и самыхъ трудолюбивыхъ дѣятелей прошлаго столѣтія въ области отечественной исторіи. Эти записки существовали въ искаженныхъ рукописяхъ и по одной изъ нихъ были въ 1858 году напечатаны заграницей. Понятно, что при такихъ условіяхъ ни описки, ни печатное изданіе не могли получить того значенія, на какое имѣетъ безспорное право это замѣчательное въ своемъ родѣ произведеніе. Редакціи «Русской Старины» удалось впервые представить сочиненіе князя Щербатова въ настоящемъ видѣ, съ небольшими лишь выпусками, напечатавъ его съ подлинника, написаннаго собственною рукою автора.

«Письмо къ вельможамъ—правителямъ государства» 1787 г., кн. М. М. Щербатова должно занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ публицистической, столь скудной нашей литературѣ XVIII в. Письмо князя Щербатова, не вдается въ личности, не оскорбляетъ никого изложеніемъ хотя и правдивыхъ, но позорныхъ фактовъ изъ жизни тѣхъ или другихъ дѣятелей; онъ, въ общихъ чертахъ, представляетъ весьма сильную сатиру на нравы нашего высшаго класса въ эпоху Екатерины II. Документъ этотъ былъ напечатанъ нами съ копіи, поправленной рукою самаго князя Щербатова, и, слѣдовательно, вполнѣ замѣняющій подлинникъ.

«Письма Екатерины II къ графу Стакельбергу» (1773—1793 гг.) относятся къ дѣламъ польскимъ, шведскимъ и отчасти курляндскимъ, обрисовывая главную суть ея политики въ отношеніи Польши. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ весьма характеристичны. Письма же, полученныя отъ императрицы графомъ Стакельбергомъ во время бытности его посланникомъ въ Стокгольмѣ, всѣ, безъ исключенія, имѣютъ чрезвычайно важный историческій интересъ, обнаруживая желаніе Екатерины II сблизиться какъ можно тѣснѣе съ Швеціею, съ цѣлью образовать изъ нея и изъ Англіи союзъ, для возстановленія низвергнутаго порядка во Франціи.

«Воспоминанія о масонскихъ ложахъ» А. П. Степанова и «Воспоминанія о встрѣчахъ съ Александромъ I» А. П. Кернъ, два небольшіе разсказа, но весьма живо переносятъ въ эпоху царствованія Александра Павловича; послѣдній разсказъ, принадлежа перу женщины — обрисовываетъ то чарующее, обаятельное вліяніе, какое производилъ этотъ государь на современное ему общество и въ особенности на современницъ.

«Записки сенатора П. С. Рунича о Пугачевскомъ бунтѣ» принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ матеріаловъ для изслѣдованія Пугачевщины. Авторъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, назначенныхъ для поимки самозванца. Записки свои Руничъ писалъ или какъ очевидецъ, или по разсказамъ участниковъ возмущенія, или даже съ ссылкою на свидѣтельство самаго Пугачева. Кромѣ того, записки Рунича представляютъ довольно подробную картину мятежа и мѣстами яркими красками освѣщаютъ состояніе всего населенія взволнованной мятежемъ юго-восточной части Россіи.

«Письма Пикара къ князю А. Б. Куракину» (1781 г.) составляютъ довольно живую и, во всякомъ случаѣ, весьма интересную картину жизни высшаго петербургскаго общества въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ моментовъ царствованія Екатерины II. Въ этихъ письмахъ сообщаются, между прочимъ, такіе факты изъ правительственныхъ сферъ, которые доселѣ были неизвѣстны и которые утратились бы совершенно для потомства, еслибы не сохранились письма Пикара.

«Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, имъ самимъ писанная» (1752 — 1827) гг. Достоинства этихъ записокъ, какъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ очерковъ русскаго быта минувшаго времени, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію и онѣ были вполнѣ оцѣнены всѣми органами русской періодической печати. Набрасываемыя Добрынинымъ бытовыя картины, типы духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, помѣщиковъ, а также современнаго ему средняго и мелкаго чиновничества — поразительно живы; еслибы у насъ нашлось нѣсколько подобныхъ записокъ, бытъ русскаго общества XVIII в. оживился бы въ замѣчательно-художественномъ воспроизведеніи. Мы полагаемъ, что нисколько не ошиблись, когда, приступивъ къ печатанію Записокъ Добрынина, замѣтили, что вообще авторы историческихъ повѣстей и романовъ изъ эпохи XVIII вѣка найдутъ въ нихъ весьма богатый матеріалъ для своихъ произведеній.

«Отчеты Лагарпа графу Н. И. Салтыкову о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ въ самой подробной «Исторіи царствованія императора Александра I», написанной г. Богдановичемъ, не вполнѣ разъяснено то огромное вліяніе, какое имѣлъ республиканецъ Лагарпъ на политическія убѣжденія своего воспитанника, ставшаго потомъ русскимъ самодержцемъ.

Къ числу капитальныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» обозрѣваемаго трехлѣтія, должно отнести «Архивъ князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго». Печатаніе этого «Архива», какъ вѣроятно помнятъ читатели, вызвало противъ насъ нареканіе со стороны одного изъ внуковъ знаменитаго полководца, но это обстоятельство дало намъ случай вновь объяснить подробно то важное значеніе, какое должны имѣть эти матеріалы, для полной, а не для односторонней характеристики кн. Кутузова.

«Переписка И. В. Васильчикова съ княземъ П. М. Волконскимъ (1820—1821 гг.). Она заключаетъ въ себѣ рядъ интимныхъ писемъ Васильчикова, быв-

шаго въ то время командиромъ гвардейскаго корпуса, къ князю П. М. Волконскому, одному изъ самыхъ близкихъ лицъ къ императору Александру Павловичу, о возмущеніи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, надѣлавшемъ тогда столько шума и въ Россіи, и за границею. Письма эти, если не прямо, то косвенно предназначались для сообщенія государю, а потому они еще болѣе пріобрѣтаютъ значенія историческихъ документовъ объ одномъ изъ такихъ событій, которыя вообще дали извѣстное направленіе образу мыслей Александра I въ послѣдніе годы его царствованія.

Письма, статьи и проекты Вас. Назаровича Каразина, и въ особенности «Письмо Н. В. Каразина къ императору Николаю 1826 года съ приложеніемъ его записокъ, представленныхъ императору Александру I». Само собою разумѣется, что съ многими мнѣніями, высказываемыми Каразинымъ, никакъ нельзя соглашаться безусловно, особен въ настоящую пору. Тѣмъ не менѣе, письма эти и статьи имѣютъ большой историческій интересъ, указывая на то, какъ наши передовые люди, въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—къ числу которыхъ безспорно, принадлежалъ и Каразинъ,—смотрѣли на условія и обстановку государственнаго строя Россіи.

«Графъ Н. С. Мордвиновъ», подъ такимъ заглавіемъ были помѣщены нѣкоторые изъ замѣчательныхъ мнѣній, записокъ и проектовъ, составленныхъ этимъ государственнымъ мужемъ по разнообразнымъ вопросамъ государственнаго и общественнаго нашего строя.

«Графъ М. М. Сперанскій». При томъ огромномъ историческомъ значеніи, какое имѣлъ нѣкогда Сперанскій въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, изученіе руководившихъ имъ началъ представляетъ предметъ въ высшей степени занимательный, чему и содѣйствуютъ помѣщенные подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ, оставшіеся неизданными отрывки изъ философскаго сочиненія, надъ которымъ трудился Сперанскій въ 1830-хъ годахъ, и которые, конечно, едва ли не лучше всего могутъ охарактеризовать умственное и нравственное направленіе этого государственнаго дѣятеля; кромѣ того о Сперанскомъ «Русская Старина» сообщила еще нѣсколько матеріаловъ—частью изъ періода его молодости, частью относящихся къ эпохѣ его наибольшаго значенія.

«Записки академика А. Л. Витберга», строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ (1787—1855 гг.), помѣщены были нами въ виду одной изъ задачъ «Русской Старины», а именно: съ цѣлію обнародованія документовъ, служащихъ къ ознакомленію съ жизнію и дѣятельностію отечественныхъ нашихъ талантовъ. Независимо отъ этого, въ Запискахъ Витберга встрѣчаются весьма интересныя указанія на религіозно-мистическое настроеніе императора Александра I, обнаружившееся въ немъ послѣ вѣнскаго конгресса,—настроеніе, какъ извѣстно, имѣвшее сильное вліяніе на внутреннюю и въ особенности на внѣшнюю политику императора.

«Воспоминанія моей жизни», записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова (1792—1826 гг.), отличаясь простотою и ясностію изложенія, представляютъ много любопытныхъ подробностей объ императорѣ Александрѣ I, а также о многихъ близкихъ къ нему лицъ, (напр. баронета Вилліе), съ которыми Тарасову доводилось бывать въ безпрерывныхъ и многолѣтнихъ сношеніяхъ. Въ этихъ запискахъ — впервые является самое подробное изложеніе событій, совершившихся во время путешествій императора Александра I по Россіи, и въ особенности интересно изложены болѣзни, а затѣмъ кончина

этого государя; къ особѣ котораго, Тарасовъ, по самой обязанности своей, былъ весьма приближенъ.

«Статсъ-дамы русскаго двора въ XVIII вѣкѣ». Біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова. По всей вѣроятности, нѣкоторые изъ читателей находили эти списки довольно скучными, но не такъ долженъ взглянуть на нихъ историкъ нашего общества. Онъ найдетъ въ нихъ не мало замѣтокъ о былой жизни русскаго двора и эти замѣтки, при отсутствіи у насъ мемуаровъ, относящихся ко двору, доставятъ ему матеріалъ, далеко не безполезный. При этомъ надобно замѣтить, что и личность составителя «Списковъ» П. Ѳ. Карабанова служитъ вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ въ вѣрности всего имъ передаваемаго.

«Записки М. А. Бестужева» знакомятъ съ положеніемъ участниковъ возмущенія 14-го декабря во время содержанія ихъ въ Петропавловской крѣпости и пребыванія ихъ въ ссылкѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ впѣрвые объяснена та чрезвычайно любопытная «стѣнная азбука», этотъ языкъ заживо погребенныхъ въ казематахъ,—остроумно изобрѣтенная и примѣненная на практикѣ авторомъ записокъ.

«Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ»,—этими громкими въ нашей военной исторіи текущаго столѣтія именами озаглавленъ рядъ документовъ, относящихся къ эпизоду, чрезвычайно важному въ исторіи Кавказа и до сихъ поръ еще неизслѣдованному, именно къ удаленію Ермолова, при участіи Паскевича и Дибича, отъ званія командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Событіе это, при той громадной популярности, какою пользовался Ермоловъ не только въ военныхъ кружкахъ, но и въ цѣломъ русскомъ обществѣ, возбуждало какъ тогда, такъ и впослѣдствіи постоянно самые разнородные толки. Напечатанныя нами впервыя донесенія Паскевича и письма Дибича къ императору Николаю Павловичу очерчиваютъ весьма ярко эти личности и впѣрвые выставляютъ весьма многія, бывшія доселѣ неизвѣстными стороны этого дѣла, въ чрезвычайно любопытныхъ подробностяхъ. Особенно полно обрисовалась въ нашемъ изданіи личность Алексѣя Петровича Ермолова, такъ какъ, независимо отъ указанныхъ писемъ и донесеній о немъ Дибича и кн. Паскевича, мы сгруппировали на страницахъ «Русской Старины» довольно обширное собраніе подлинныхъ документовъ самаго Ермолова, между прочимъ привели весьма характеристичное письмо его къ историку Устрялову и друг.; всѣмъ этимъ матеріаламъ предпослали мы статью М. Н. Похвиснева.

«Смерть А. С. Грибоѣдова», составившая горестную утрату для нашей литературы, но и поставившая русское правительство въ нѣкоторыя политическія затрудненія относительно Персіи, была до сихъ поръ весьма мало извѣстна во всѣхъ ея подробностяхъ. Помѣщенное въ «Русской Старинѣ» объ этомъ событіи обширное изслѣдованіе А. П. Берже составлено по подлиннымъ документамъ, а именно: на основаніи нотъ, депешъ и донесеній высшихъ правительственныхъ лицъ Россіи, Персіи и Англіи. Такимъ образомъ, при помощи этихъ матеріаловъ, нами впѣрвые напечатанныхъ, объясняются вполнѣ всѣ обстоятельства, при которыхъ погибъ авторъ «Горя отъ ума».

«Записки партизана Дениса Давыдова» относятся къ воспоминаніямъ о польской войнѣ 1831 года. Онѣ важны не только по замѣчательной личности ихъ автора, но и потому еще, что онъ или принималъ самъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ непосредственное участіе, или же имѣлъ о нихъ свѣдѣнія изъ ближайшихъ источниковъ. Въ этихъ запискахъ можно найти не только

рядъ фактовъ, бывшихъ доселѣ неизвѣстными, но и свѣдѣнія, объясняющія такія происшествія, о которыхъ въ народной молвѣ ходили разные глухіе толки. Воспоминанія написаны съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Мастерство разсказа, художественность въ изображеніи характеровъ разныхъ историческихъ личностей, заставляютъ мириться съ отсутствіемъ того безпристрастія, которое замѣчаютъ нѣкоторые въ Д. В. Давыдовѣ.

«Воспоминанія И. И. Свіязева» (дѣйствительнаго статскаго совѣтника, академика архитектуры) 1824—1826 гг.; а также «Воспоминанія доктора И. И. Евронеуса о службѣ въ военномъ поселеніи, объ отношеніяхъ къ графу Аракчееву» и «О бунтѣ военныхъ поселянъ» дополняютъ вполнѣ достовѣрнымъ и безъискусственнымъ разсказомъ тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются уже въ печати о характерѣ временщика, оставившаго по себѣ такую тяжелую, непріязненную память, а также дорисовываютъ кровавыя картины бунта военныхъ поселянъ.

«Записки М. И. Глинки» (1804—1854 гг.) чрезвычайно важны въ томъ отношеніи, что какъ нельзя лучше содѣйствуютъ объясненію тѣхъ условій, въ какія былъ поставленъ нашъ знаменитый композиторъ, и даютъ обильный историческій матеріалъ для эстетической критики его произведеній. Весьма полезныя объясненія и дополненія къ этимъ Запискамъ — составляютъ подлинныя либретто оперъ и писемъ М. И. Глинки, изданныя нами съ примѣчаніями В. В. Стасова, а также «Воспоминанія о Глинкѣ» сестры его Л. И. Шестаковой, П. А. Степанова и Ѳ. М. Толстаго.

«Записки Я. П. Бакланова о блокадѣ и штурмѣ Карса 1855 г.» и «Воспоминанія» того же Бакланова о службѣ при генералѣ М. Н. Муравьевѣ — въ Западной Россіи—во время польской смуты 1863 г.—И тѣ, и другія Записки хотя и касаются не далекихъ событій, но еще весьма мало разъясненныхъ во всѣхъ частностяхъ, и потому передаваемыя о нихъ свѣдѣнія однимъ изъ главныхъ ихъ участниковъ имѣли полное право занять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

«Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней» — воспоминанія Т. П. Пассекъ (1810—1825 г.) составляютъ живые очерки дворянскаго быта московскаго и провинціальнаго въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Интересъ этихъ очерковъ усиливается тѣмъ, что въ нихъ является иногда А. И. Герценъ, близкій родственникъ составительницы записокъ; что же касается до быта дворянскаго, то собственно темныя стороны отжитаго крѣпостнаго права ярко выдвигаются въ напечатанномъ нами дѣлѣ генералъ-лейтенанта Льва Измайлова, а также въ другихъ документахъ.

VII.

Мы указали на нѣкоторыя капитальныя статьи нашего изданія, т. е. такія, которыя съ бо̀льшею или меньшею законченностію опредѣляютъ какую-либо личность, эпоху или отдѣльное событіе. Но, кромѣ этихъ матеріаловъ, существуютъ еще небольшіе, отрывочные матеріалы, иногда служащіе дополненіемъ или разъясненіемъ главныхъ, а иногда и совершенно самостоятельно указывающіе на какой-нибудь неизвѣстный прежде, но заслуживающій вниманія, фактъ.

Въ число небольшихъ по объему, но иногда весьма важныхъ по значенію историческихъ матеріаловъ, нами помѣщено значительное собраніе неизданныхъ или весьма мало извѣстныхъ доселѣ указовъ, правительственныхъ распоряженій, писемъ, замѣтокъ, и проч. документовъ. Въ числѣ ихъ есть относящіеся до всѣхъ царствованій, начиная съ Петра Великаго до времени императора Николая Павловича включительно.

Изъ до-Петровскаго времени отмѣтимъ «Переписку запорожцевъ съ однимъ изъ Турецкихъ Султановъ», и весьма своеобразный указъ о нѣмцахъ, приписываемый царю Алексѣю Михайловичу.

По отношенію къ царствованію Петра Великаго заслуживаютъ вниманія: Указъ о безчестныхъ словахъ 1700 г.; новые матеріалы о Булавинскомъ бунтѣ 1708 г.; рядъ писемъ великаго государя къ одному изъ дѣятельнѣйшихъ его сподвижниковъ Григорію Скорнякову-Писареву; распоряженія по кораблестроенію; письма къ бомбардиръ-лейтенанту Пальчикову; указъ о вознагражденіи за археологическія находки (1718 г.), довольно большое собраніе писемъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, а также писемъ, донесеній и замѣтокъ современниковъ Петра, знаменитыхъ его «птенцовъ»: кн. Меншикова, гр. Головкина, барона Шафирова, гр. Шереметева, Артемія Волынскаго и другихъ.

Относительно времени со смерти Петра I до восшествія на престолъ Екатерины II можно отмѣтить статью объ арестѣ и ссылкѣ Бирона; указъ отъ имени Іоанна Антоновича въ Москву (1740 г.); нѣкоторыя весьма своебразныя распоряженія императрицъ Анны и Елизаветы Петровны, заключающія въ себѣ интересныя черты нравовъ того времени (о выводѣ тараканов, о наказаніи за разговоры въ церкви, о высылкѣ ко двору мартышки и котовъ, о сборѣ на подарки посланнымъ и проч.); обстоятельное извѣстіе о смерти и погребеніи правительницы Анны Леопольдовны (сообщено гр. М. А. Корфомъ); императорскіе Совѣты въ Россіи въ XVIII в., статья С. М. Соловьева и проч.

Вѣкъ Екатерины II выраженъ у насъ матеріалами второй группы не особенно разнообразно, но и тутъ есть нѣкоторыя неизвѣстныя досель ея распоряженія и впервые изданные въ «Русской Старинѣ» доклады; но особенно замѣчательны переписка ея предшественника Петра III, съ Фридрихомъ II, и указъ Петра III синоду о соблюденіи правосудія (26-го марта 1762 г.). Указъ этотъ, дѣлающій величайшую честь его времени, не только не былъ въ свое время обнародованъ, но умышленно держался прежними нашими іерархами подъ спудомъ.

Царствованіе императора Павла обрисовывается въ матеріалахъ нашего изданія въ цѣломъ рядѣ подлинныхъ (многіе впервые у насъ обнародованы) распоряженіяхъ, указахъ и письмахъ этого государя. Изъ нихъ особенно замѣчательны указы с.-петербургскимъ губернаторамъ.

Особенно много свѣдѣній удалось намъ представить о царствованіи Александра I; читатели найдутъ въ «Русской Старинѣ», 1870—1872 гг., рядъ весьма либеральныхъ, гуманныхъ мѣропріятій первой половины его правленія, какъ напр., относительно крестьянъ, солдатъ и проч.; заботы государя о просвѣщеніи; затѣмъ ходъ великой борьбы 1712—1814 гг.; извѣстія о печальномъ событіи, извѣстномъ подъ названіемъ «Семеновскаго бунта» 1820 г. Это событіе, имѣвшее столь рѣшительное вліяніе на измѣненіе образа мыслей и

дѣйствій Александра I, передано у насъ въ свидѣтельствахъ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ въ нашихъ матеріалахъ много подробностей, ярко освѣщающихъ отношенія Александра I къ гр. Аракчееву, и вообще обрисовывающихъ личность послѣдняго и весь кругъ его дѣяній, заклейменный названіемъ: «Аракчеевщины». Между прочимъ у насъ впèрвые помѣщена записка изъ подлиннаго дѣла объ убійствѣ «домоправительницы» Аракчеева — Настасьи; приведены о немъ народныя пѣсни, разсказы и проч. Письма императрицы Маріи Ѳедоровны къ генералу Коновницыну (о воспитаніи и руководствѣ великихъ князей Николая и Михаила) указываютъ на заботливость этой мудрой государыни по весьма важному вопросу, каково воспитаніе лицъ августѣйшаго семейства.

Относительно тридцатилѣтія, съ 1825 по 1855 годъ мы въ періодъ обозрѣваемаго трехлѣтія «Русской Старины» представили на страницахъ этого изданія нѣсколько разностороннихъ свѣдѣній (воспоминаній, писемъ и разсказовъ) о печальной смутѣ 14-го декабря, о причинахъ и послѣдствіяхъ этой смуты; матеріалы для знакомства съ личностью цесаревича Константина Павловича, (разсказы Колзакова и Данилова), данныя для исторіи волненій въ военныхъ поселеніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ 1831 г. Чрезвычайной важности замѣтки покойнаго императора Николая Павловича о Пруссіи въ эпоху пережитаго ею въ 1849 г. кризиса и объ отношеніяхъ къ ней Россіи. Черты великодушія въ характерѣ императора Николая (разсказы князя А. А. Суворова-Рымникскаго и друг.). Мнѣніе одного изъ главныхъ дѣятелей по открытію дѣла Петрашевскаго (1849 г.) и рядъ послѣдовавшихъ мѣропріятій относительно печати, учебныхъ заведеній, направленія въ нихъ воспитанія и преподаванія наукъ (напр. русской исторіи) и проч. Нѣкоторыя свѣдѣнія къ исторіи славной по героизму русскаго народа борьбы 1853—1855 годовъ; изъ матеріаловъ послѣдняго рода особенно интересно: «Мнѣніе объ оборонѣ и паденіи Севастополя», изложенное кн. И. Ѳ. Паскевичемъ-Варшавскимъ въ его предсмертномъ письмѣ къ кн. М. Д. Горчакову и проч.

Относительно всѣхъ указанныхъ эпохъ на страницахъ „Русской Старины“, независимо отъ подлинныхъ документовъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, помѣщено болѣе двухъ сотъ разсказовъ и анекдотовъ; изъ нихъ большинство записано знаменитымъ московскимъ археологомъ П. Ѳ. Карабановымъ. Относительно этого отдѣла нашего изданія (озаглавленнаго: Листки изъ записной книжки „Русской Старины“) мы должны оговориться, что принимаемъ на свои страницы разсказы и анекдоты съ особенною осторожностью, а именно только тѣ изъ нихъ, которые исходятъ отъ лицъ, по своему положенію, связямъ и значенію въ государственной или общественной жизни, дѣйствительно имѣвшимъ возможность знать тѣ факты, которые они передаютъ въ разсказахъ; а также въ тѣхъ случахъ, если самые факты подтверждаются одновременными имъ событіями или не противорѣчатъ характерамъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, къ коимъ они относятся. Сообщаемъ же мы таковые анекдоты и разсказы именно потому, что въ нихъ сплошь, да рядомъ, встрѣчаются безцѣнныя

черты для обрисовки характеровъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей и для освѣщенія нравовъ прежняго времени.

VIII.

Обращаясь къ матеріаламъ по исторіи русской литературы, мы должны сказать, что относительно ихъ, въ истекшее трехлѣтіе намъ весьма посчастливилось. Съ каждымъ годомъ уменьшается число такихъ произведеній нашихъ прежнихъ писателей, которыя, по разнымъ причинамъ, не были до сихъ поръ изданы, или въ изданіяхъ своихъ сдѣлались чрезвычайно рѣдки, а между тѣмъ по чему-либо заслуживаютъ воспроизведенія въ печати. Приступая къ изданію „Русской Старины", мы имѣли еще много такихъ литературныхъ произведеній, и поспѣшили отвести имъ мѣсто на страницахъ нашего сборника. Такимъ образомъ нами помѣщены въ „Русской Старин":

«Вадимъ Новгородскій», трагедія въ стихахъ Я. Б. Княжнина, вызвавшая извѣстный указъ Екатерины II 1793 г., также помѣщенный въ «Русской Старинѣ».

Басни И. И. Хемницера по подлинной его рукописи и путевой журналъ этого высокодаровитаго писателя XVIII вѣка.

«Подщипа» или «Трумпфъ», шуто-трагедія безсмертнаго И. А. Крылова, а также вновь открытыя его: басня «Обѣдъ у Медвѣдя» и одно «Посланіе».

Поэма «Войнаровскій», и почти всѣ думы, посланія, сатира на Аракчеева, эпиграмма, отрывки и замѣтки К. Ѳ. Рылѣева, поэта по своему времени весьма талантливаго. Безъ малаго полстолѣтія не только его произведенія (впрочемъ, весьма патріотическія), но и самое имя Рылѣева не произносилось въ русской печати; появившись въ «Русской Старинѣ» сочиненія этого писателя вновь получили право гражданства въ исторіи русской мысли, русской литературы. При этомъ многія изъ его сочиненій напечатаны нами съ подлинныхъ бумагъ, весьма обязательно разобранныхъ и подготовленныхъ къ печати П. А. Ефремовымъ.

Нѣсколько историческихъ былинъ, записанныхъ со словъ народныхъ пѣвцовъ; нѣсколько стихотвореній: М. Ю. Лермонтова, А. И. Одоевскаго, П. С. Бобрищева-Пушкина, Кюхельбекера, гр. Е. П. Ростопчиной, Сухорукова, Е. Баратынскаго, гр. Я. И. Ростовцева, эпиграммы и шутки Н. Ѳ. Щербины. и проч.

Вновь найденные отрывки изъ «Мертвыхъ Душъ» Н. В. Гоголя, а также его юмористическая замѣтка въ одинъ альбомъ; письма его—къ И. И. Сосницкому о постановкѣ на сцену «Ревизора» и С. Т. Аксакову.

«Умъ хорошо, а два лучше», юмористическая статья А. И. Г—на; «Маіоръ», талантливая шутка, поэма художника и стихотворца П. А. Ѳедотова и «Солдатская сказка про царей Россійскаго и Нѣмецкаго», соч. Ѳ. С. Чернышева.

На ряду съ литературными произведеніями мы напечатали нѣсколько матеріаловъ, прямо относящихся къ біографіямъ нашихъ писателей.

Въ этомъ отношеніи укажемъ на рядъ статей М. Н. Лонгинова о литера-

турной дѣятельности нѣсколькихъ русскихъ писателей XVIII вѣка; П. А. Ефремова о Княжнинѣ и Рылѣевѣ. Письма Св. Димитрія Ростовскаго, И. П. Кулибина, Радищева, Карамзина, Батюшкова, Скобелева, Булгарина, Сеньковскаго, Пушкина, Лермонтова; доносы на литературу Ф. Ф. Вигеля. Воспоминанія: Н. И. Греча о Ѳ. В. Булгаринѣ, Н. А. Радищева—о его отцѣ А. Радищевѣ, Ѳ. Н. Глинки—о Рылѣевѣ, Н. В. Берга—о Гоголѣ, П. А. Каратыгина—о Грибоѣдовѣ, В. Д. Давыдова — о его отцѣ, партизанѣ и писателѣ Денисѣ Давыдовѣ; бар. Ѳ. А. Бюлера—о Н. А. Полевомъ, М. П. Погодина—о П. А. Мухановѣ и объ А. Ѳ. Вельтманѣ; статьи—о Гильфердингѣ, объ М. Я. Морошкинѣ, академикѣ Пекарскомъ, М. А. Бестужевѣ; А. С. Воронова— о С. Н. Палаузовѣ и проч.

IX.

Въ видахъ ознакомленія читателей „Русской Старины“ съ текущею русскою литературою — съ самаго начала существованія нашего изданія, былъ открытъ при немъ „Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ“. Хотя по самому роду нашего журнала, мы могли-бъ ограничиться строго историческими произведеніями, но придавая болѣе широкое значеніе понятію о старинѣ, мы указываемъ въ „Листкѣ“ и на всѣ другія произведенія, появляющіяся въ нашей литературѣ, если они до нѣкоторой степени заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о старинномъ нашемъ бытѣ, или относящіеся къ нему матеріалы. Вслѣдствіе этого, въ столбцахъ „Библіографическаго Листка“ и появляется разборъ книгъ богословскаго, юридическаго, педагогическаго и политико-экономическаго содержанія, а также разборъ книгъ, относящихся къ описаніямъ различныхъ мѣстностей Россіи. Затѣмъ, главная задача нашего „Библіографическаго Листка“ заключается въ томъ, чтобы указать, какое теоритическое или практическое значеніе можетъ имѣть та и другая книга, къ разъясненію, въ какомъ-либо отношеніи, нашей былой государственной, общественной и домашней жизни.

Кромѣ того, при первоначальномъ объявленіи объ изданіи „Русской Старины“ мы предположили включить въ составъ каждой книги, въ видѣ „Приложеній“, тѣ записки русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, которыя, по своему объему, не могуъ помѣщаться въ текстѣ журнала. До сихъ поръ мы печатали еще „Записки Болотова“, составляющія одинъ изъ наиглавнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества въ XVIII столѣтіи, чѣмъ и объясняется обширность этихъ любопытныхъ „Записокъ“, далеко превосходящія всѣ другіе матеріалы подобнаго рода, написанные на русскомъ языкѣ. Въ нихъ заключаются драгоцѣнныя данныя для знакомства съ воспитаніемъ русскихъ дворянъ въ первой половинѣ XVIII в., обширныя свѣдѣнія для исторіи Семилѣтней войны и вообще о

пребываніи русскихъ въ завоеванной ими Пруссіи; картины петербургской жизни и двора въ царствованіе Петра III; описаніе революціи 1762 г., — московскій мятежъ 1771 г., — волненіе народа во время Пугачевщины; описаніе казни Пугачева, свидѣтелемъ которой былъ самъ Болотовъ; массу подробностей (иногда слишкомъ мелочныхъ) къ описанію производства въ Россіи генеральнаго межеванья, одного изъ благодѣтельнѣйшихъ для Россіи дѣяній правительства Екатерины II, и т. д. Вообще „Записки Болотова“ съ неподдѣльной простотой всесторонне изображаютъ бытъ нашего помѣстнаго дворянства, отношенія начальниковъ добраго стараго времени къ своимъ подчиненнымъ и проч. Весьма интересны сношенія Болотова съ извѣстнымъ въ свое время дѣятелемъ Н. И. Новиковымъ, да и вообще самая личность Болотова заслуживаетъ большаго вниманія. Кромѣ служебныхъ и хозяйственныхъ занятій, онъ успѣваетъ заниматься и переводами, и живописью, и медициною; онъ устроиваетъ театръ, дѣлаетъ разные физическіе опыты, и наконецъ, мало этого, умудряется въ тогдашней провинціальной глуши сдѣлаться редакторомъ журнала! По нашему мнѣнію, жизнь такого русскаго человѣка, въ ту все еще глухую пору, заслуживаетъ изученія, такъ что едва ли можно тяготиться длиннотою и мелочами его „Записокъ“.

Этотъ историко - литературный памятникъ важенъ и для исторіи русскаго языка. Превосходный слогъ Болотова исполненъ самыхъ оригинальныхъ чисто-русскихъ словъ и оборотовъ — полныхъ выразительности и прелести. Мы надѣемся, что наши филологи обратятъ вниманіе на эту сторону изданнаго нами памятника, а наши писатели воскресятъ изъ забвенія многія слова и выраженія Болотова.

Въ настоящей статьѣ мы старались подробно объяснить нашимъ читателямъ тѣ условія, въ какія поставлено такое спеціальное изданіе, какъ „Русская Старина“ и тѣ взгляды, какими руководствуется редакція, стараясь не отступать отъ своей существенной задачи. Ежедневно увеличивающійся приливъ матеріаловъ даетъ редакціи возможность на будущее время держаться еще болѣе строгаго ихъ выбора, вести его вообще такъ, чтобы оно вполнѣ заслуживало то лестное вниманіе, какое успѣло пріобрѣсти въ читающемъ русскомъ обществѣ.

Ред.

ЗАПИСКИ ГРАФА Ѳ. П. ТОЛСТАГО,

Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой принадлежитъ къ той небольшой группѣ дѣятелей, которые составляютъ гордость и украшеніе русской аристократіи, но аристократіи не одной породы, а ума и таланта.

Въ продолженіе почти семидесяти лѣтъ художническая дѣятельность графа Ѳедора Петровича—сдѣлала его извѣстнымъ во всей Европѣ. Академіи Художествъ многихъ европейскихъ державъ имѣютъ его въ числѣ почетныхъ своихъ членовъ. Маститый славный представитель русскихъ художниковъ—гр. Ѳедоръ Петровичъ—издавна пользуется глубочайшимъ уваженіемъ всѣхъ дѣятелей въ области искусства и стяжалъ это благоговѣйное уваженіе своею незапятнанною, многолѣтнею, вполнѣ труженическою жизнію.

Записки о такой жизни должны быть вдвойнѣ интересны: онѣ любопытны, какъ изложеніе фактовъ, пережитыхъ человѣкомъ высокаго ума и образованія, и назидательны—какъ исповѣдь художника, имѣющаго полное право сказать, что только личнымъ, неустаннымъ трудомъ и энергіей,—безъ малѣйшаго, съ чьей бы то ни было стороны покровительства, проложилъ онъ себѣ дорогу на высшую степень извѣстности и славы, какую только можетъ достигнуть художникъ.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ—принадлежитъ къ числу самоучекъ. До сихъ поръ мы встрѣчали самоучекъ, пролагающихъ себѣ путь въ мірѣ художествъ или науки съ низшихъ ступеней; въ графѣ Ѳедорѣ Петровичѣ мы видимъ самоучку, смѣло направившагося въ храмъ искусства — съ высшихъ ступеней русскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, его происхожденіе, родственныя и другія связи,

предразсудки и предубѣжденія того сословія, къ которому онъ принадлежитъ, первоначальное образованіе, имъ полученное,—словомъ сказать, все соединилось, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—противъ того, чтобы 18-ти-лѣтній юноша промѣнялъ всѣ блага предстоявшей ему карьеры на тяжкій трудъ художника.

Но молодой человѣкъ чувствовалъ свое призваніе и, ободренный милостивыми словами императора Александра I, мудро провидѣвшаго въ немъ высокое дарованіе, смѣло вступилъ на тернистый путь русскаго художника. Впѐрвые тогда Россія увидала въ семьѣ подвижниковъ искусства графа, представителя одной изъ именитѣйшихъ фамилій.

Многіе годы посвящены были имъ на самообразованіе, на довершеніе того, что ни домашнее, крайне плохое воспитаніе, ни обученіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ—не могли ему дать. Такимъ образомъ этотъ графъ-самоучка, открывъ въ себѣ призваніе художника, прежде всего позаботился объ обогащеніи себя умственными знаніями. Приэтомъ, переходя отъ книги къ кисти, отъ кисти къ рѣзцу, отъ рѣзца къ сложнымъ выкладкамъ математики (которую онъ очень любилъ), гр. Ѳедоръ Петровичъ постоянно дѣлалъ замѣтки о мелкихъ и крупныхъ событіяхъ своей жизни, своихъ знакомствахъ, впечатлѣніяхъ во время путешествій и пр. Эти-то замѣтки, къ сожалѣнію не за всѣ года уцѣлѣвшія, и дали возможность гр. Ѳедору Петровичу, въ концѣ уже пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, составить нынѣ печатаемыя записки о его жизни.

Объемля болѣе трети столѣтія, записки гр. Ѳедора Петровича довольно значительны по объему. Къ сожалѣнію однако, первыя ихъ главы, по желанію графа и его достойной супруги графини Анастасіи Ивановны, остаются пока въ рукописи.... Затѣмъ на страницахъ „Русской Старины" представляется нынѣ та часть Записокъ, въ которой авторъ выступаетъ на поприще художника, т. е. съ 1802 года.

Прежде однако, чѣмъ перейдемъ къ разсказу составителя Записокъ, считаемъ необходимымъ привести главнѣйшіе факты изъ его жизни до 1802 года.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ родился въ Петербургѣ, 10 февраля 1783 года. Отецъ его бригадиръ, гр. Петръ Андреевичъ Толстой, былъ въ то время начальникомъ коммисаріата; жена его, мать графа Ѳедора Петровича,—Елисавета Егоровна, рожденная Barbotte de Morni, была племянницей адмирала Крузе. Послѣ крещенія (17 февраля 1783 г.) малютка графъ Ѳедоръ сдѣланъ былъ сержантомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и ему выданъ годовой отпускъ, который вплоть до восшествія на престолъ Павла, ежегодно возобнов-

лялся. Родитель Ѳедора Петровича былъ человѣкъ тогдашняго дворянскаго образованія, и при недостаточности состоянія, соединялъ высокую честность; такъ что, занимая мѣста, на которыхъ обыкновенно наживали богатства, гр. Петръ Андреевичъ жилъ и содержалъ большую семью однимъ лишь жалованьемъ.

Въ 1788 году малютка графъ Ѳедоръ переѣхалъ съ отцемъ въ Выборгъ, ближе къ театру бывшей въ то время русско-шведской войны; въ 1790 году онъ опять съ родителями въ Петербургѣ и видитъ громадное пиршество, устроенное въ 1791 году Екатериною II для народа, по случаю заключенія мира. Картины бывшихъ при этомъ увеселеній и разныхъ народныхъ сценъ живо отпечатлѣлись въ памяти автора Записокъ.

Недостаточность состоянія родителей обусловливала и наемъ учителей: первымъ изъ нихъ, по времени, былъ нѣкто Ѳедоровъ, канцелярскій чиновникъ въ коммисаріатѣ. Онъ былъ въ родѣ гувернёра или дядьки; между прочимъ, водилъ своего воспитанника, предъ Петровымъ днемъ, въ кунскамеру Академіи Наукъ, гдѣ читалъ въ то время публичныя лекціи изъ натуральной исторіи профессоръ Прокофьевъ. „Эти лекціи, разсказываетъ графъ: были для меня лучшимъ удовольствіемъ и я не могъ дождаться того дня, когда можно было идти въ Академію. Бывши еще маленькимъ, я очень любилъ рисовать и болѣе всего Ивана царевича, Бову королевича, волшебниковъ, богатырей и другихъ сказочныхъ героевъ..... Изрядно читать и писать я выучился съ помощью матери, на шестомъ году возраста, почти самоучкою“.

На 9-мъ году гр. Ѳедоръ Петровичъ увезенъ былъ изъ родительскаго дома внучатнымъ дядею 25-ти-лѣтнимъ графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ,— человѣкомъ съ большими связями и впослѣдствіи высокаго положенія. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Алексѣевнѣ Голицыной и былъ роднымъ племянникомъ гр. Н. И. Салтыкова. Молодой, богатый, блестящій гр. Петръ Александровичъ сдѣланъ былъ командиромъ одного изъ армейскихъ полковъ, расположеннаго близь Вильны, въ мѣстечкѣ Ошмянахъ, и сюда увезъ автора настоящихъ Записокъ. Три года, проведенные имъ у дальняго своего родственника, оказались для его воспитанія совершенно безполезными; гр. Петръ Александровичъ вовсе объ этомъ не заботился: заброшенный мальчикъ былъ отданъ подъ наблюденіе камердинера-француза; берейторъ выучилъ гр. Ѳедора Петровича верховой ѣздѣ, и затѣмъ время проходило въ разныхъ полковыхъ пустыхъ забавахъ, какъ-то въ охотѣ, катаньѣ и проч.

Вдругъ совершенно случайно гр. Петръ Александровичъ, неиз-

вѣстно по чьему совѣту, отдалъ племянника въ знаменитую іезуитскую школу въ Полоцкѣ, бывшую при тамошнемъ іезуитскомъ монастырѣ. Такъ какъ, по молодости лѣтъ, мальчика еще нельзя было опредѣлить прямо въ школу, то его отдали въ домъ Полоцкаго коменданта маіора фонъ-Дуве, гдѣ надъ ученьемъ гр. Ѳедора наблюдалъ самъ настоятель іезуитскаго монастыря патеръ Груберъ, „извѣстный тогда во всемъ свѣтѣ глубокою, обширною ученостью и громаднымъ умомъ. Это распоряженіе Петра Александровича, говоритъ авторъ Записокъ, могло бы принести мнѣ большую пользу, еслибы было сдѣлано во-время, а не тогда, какъ мнѣ было съ небольшимъ только десять лѣтъ, и еслибы я могъ кончить полный курсъ ученія въ знаменитой Полоцкой іезуитской школѣ; но такъ какъ этого совсѣмъ не было въ виду у моихъ покровителей, то отправленіе меня въ Полоцкъ было совершенно безполезно..... Обученіе наукамъ, вслѣдствіе моего малаго возраста, шло поверхностно, за исключеніемъ рисованія, къ которому я уже тогда показывалъ большую способность и страсть".

Ученіе въ Полоцкѣ продолжалось недолго. Петръ Александровичъ вытребовалъ къ себѣ племянника. Плохое обученіе гр. Ѳедора не мѣшало дядѣ предположить для него довольно блестящую карьеру. А именно Петръ Александровичъ предполагалъ, когда графу Ѳедору будетъ пятнадцать лѣтъ, перевесть его изъ сержантовъ гвардіи къ себѣ въ полкъ. Всякій же сержантъ гвардіи, послѣ пяти-лѣтней дѣйствительной службы, при переходѣ въ армію, получалъ чинъ капитана. „На осуществленіе этого плана далъ свое согласіе гр. Н. И. Салтыковъ и даже предложилъ ему взять меня къ себѣ тотчасъ же въ флигель-адъютанты, разсказываетъ гр. Ѳедоръ Петровичъ, что, по тогдашнему военному уставу, давало право прямо на маіорскій чинъ. А до тѣхъ поръ я, по предположенію дяди, долженъ былъ учиться у іезуитовъ, и пріѣзжать къ нему только на лѣтнія вакаціи. Объ этомъ своемъ распоряженіи относительно меня онъ говорилъ и мнѣ, и всѣмъ въ полку. Подобныя продѣлки вельможъ и случайныхъ людей въ царствованіе императрицы Екатерины II, хотя были рѣдки, но не были и диковинкою; всюду ходилъ тогда сильный ропотъ на эти странныя и ни съ чѣмъ несообразныя несправедливости, столь недостойныя царствованія великой государыни. Но надобно сказать и то, что въ сущности эти несправедливости не производили большаго зла, потому что фаворныя выскочки, не отличаясь впослѣдствіи особыми достоинствами, способностями и рвеніемъ къ службѣ, оставались навсегда маіорами. „Блестящее будущее, которое готовилъ мнѣ Петръ Александровичъ въ такія молодыя лѣта,

могло бы, конечно, доставить мнѣ впослѣдствіи прекрасную карьеру, но судьба рѣшила иначе".

Отправленный вторично въ Полоцкъ къ патеру Груберу, гр. Ѳедоръ Петровичъ внезапно и уже въ послѣдній разъ былъ вытребованъ оттуда; дѣло въ томъ, что вступившій въ то время на престолъ императоръ Павелъ, повелѣлъ гр. Петру Александровичу сдать полкъ и ѣхать въ Петербургъ. Дядя повезъ съ собой и племянника.

Свиданіе съ родителями 12-ти-лѣтняго мальчика было очень трогательно. Отца своего, бывшаго уже генераломъ, онъ нашелъ на гауптвахтѣ въ зимнемъ дворцѣ, гдѣ перебывали въ это время многія жертвы капризовъ новаго государя. Суровость новыхъ порядковъ, смѣшной маскарадъ самыхъ разнообразныхъ и нелѣпыхъ формъ одеждъ — все поражало мальчика..... Между тѣмъ, отецъ, выйдя въ это время въ отставку и стѣсняемый нуждой, не зналъ что дѣлать съ сыномъ. Но вотъ, по совѣту двоюроднаго его брата, маіора Морскаго кадетскаго корпуса Андрея Яковлевича Перфильева, гр. Ѳедора отдали въ Морской кадетскій корпусъ.

Это было въ то время одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Во главѣ его стоялъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ директоръ Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Учебныя занятія юноши шли весьма хорошо. Всѣ же свои досуги онъ продолжалъ посвящать художеству. „Съ самаго дѣтства любилъ я рисовать,—писалъ въ это время гр. Ѳедоръ Петровичъ, страсть къ этому безпрестанно увеличивается, такъ что я все свободное время отъ классовъ и приготовленія къ нимъ провожу съ карандашемъ или кистью въ рукахъ".

26-го февраля 1800 года графъ Ѳедоръ Петровичъ произведенъ по экзамену (цѣлымъ годомъ ранѣе срока) въ гардемарины. Лѣтомъ 1800 года и затѣмъ лѣтомъ 1801 года совершилъ плаваніе въ Швецію, Данію и Норвегію; а 23 іюня 1802 года, по окончаніи курса наукъ, произведенъ въ мичмана..... Но здѣсь мы предоставляемъ слово самому автору Записокъ.

Сдѣлаемъ лишь предварительно одно замѣчаніе: если кто станетъ искать въ предлагаемой автобіографіи живаго изложенія, мастерски набросанныхъ картинъ и драматическихъ эпизодовъ, тотъ ошибется. Изложеніе Записокъ довольно сухо, на литературныя достоинства разсказа авторъ и не претендуетъ; весь же интересъ вращается около его художнической дѣятельности и лишь изрѣдка на общемъ фонѣ картины труженической жизни автора являются, исполненныя правды, характеристики видныхъ въ обществѣ своего времени лицъ обоего пола и интересныя черты нравовъ недавней старины.

Ред.

I.

1802 года іюня 23 числа, по окончаніи курса въ морскомъ корпусѣ, я былъ произведенъ мичманомъ въ гребной флотъ и потому оставался жить въ Петербургѣ, что мнѣ давало средство учиться математикѣ, которую я особенно любилъ.

Въ началѣ, вышедъ изъ корпуса, посѣщая театры, болѣе всего восхищался я прекрасными балетами г-на Дидло. Имѣя большую способность ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ, я скоро пристрастился къ балетнымъ танцамъ и учился у Дидло очень прилежно. Онъ всѣмъ тогда говорилъ, что еслибы я совсѣмъ посвятилъ себя этому искусству, то могъ бы быть замѣчательнымъ артистомъ. Я изучалъ основательно хореграфію и мимику у Бузани, весьма замѣчательнаго по этой части артиста. Въ то время вошло въ моду у молодыхъ офицеровъ, въ нѣкоторыхъ конныхъ гвардейскихъ полкахъ, учиться вольтижированію на лошадяхъ, то старшій братъ мой, служившій въ Семеновскомъ полку, учился то же съ ними въ манежѣ. Увидалъ я однажды это ученіе, и мнѣ оно очень понравилось; я сталъ тоже учиться вольтижировать; верховая ѣзда, со всѣми ея наѣздническими хитростями, хорошо мнѣ была извѣстна, почему я былъ совершенно свой на лошади; при врожденной же легкости прыгать, я скоро сдѣлался первымъ вольтижёромъ между всѣми учащимися; свободно и легко дѣлалъ на полномъ карьерѣ лошади всѣ штуки, исполняемыя въ циркахъ и одинъ изъ всѣхъ учащихся ѣздилъ, стоя на лошади. Я почти одинъ изъ послѣднихъ началъ ѣздить въ манежъ, и не прошло мѣсяца, какъ перегналъ всѣхъ тамъ учащихся. Все, что дѣлается подъ вліяніемъ моды, а не по дѣйствительному побужденію узнать и научиться, бываетъ всегда непродолжительно и проходитъ вмѣстѣ съ модою; а еще болѣе избалованная свѣтская молодежь не выдерживаетъ ни ученія, ни занятій, гдѣ требуется постоянный трудъ; его они боятся, какъ физическаго, такъ еще болѣе моральнаго. Можетъ быть нѣкоторые изъ молодежи и хотѣли бы чему-нибудь выучиться, еслибъ можно было какую-нибудь науку вдругъ проглотить, какъ ложку лекарства, только не много поморщась отъ горечи принятаго; у нихъ вѣроятно стало бы духу приняться за такую науку. Такъ и тутъ

случилось; изъ большаго количества богатой, образованной молодежи, бросившейся учиться вольтижировать на лошадяхъ, спустя весьма короткое время, не осталось никого: одни должны были кинуть учиться вольтижировать по совершенной ихъ неловкости, другіе, увидя, что сдѣлаться искусными вольтижёрами въ нѣсколько дней невозможно, а что на это нужно много времени, упорнаго труда и терпѣнія, котораго они боятся, какъ огня, оставили манежъ. Продолжали учиться вольтижировать я съ братомъ, да еще человѣкъ десять статскихъ. Но это продолжалось, къ крайнему моему сожалѣнію, очень не долго; содержать лошадей для малаго числа учащихся оказалось очень невыгодно для берейтора, почему онъ, продавъ лошадей, уѣхалъ на родину.

Я былъ также страстный охотникъ биться на рапирахъ. Сначала учился на эспадронахъ у Вальвиля, но всегда предпочиталъ рапиры эспадронамъ и саблямъ, потому что въ assaut на рапирахъ, при большомъ проворствѣ и искусствѣ владѣть рапирой, надобно имѣть гораздо болѣе тонкости въ соображеніи дѣйствій при нападеніи и оборонѣ; болѣе хитрости въ умѣньи заманить своего противника на то дѣйствіе съ его стороны, которое выгодно для нанесенія ему рѣшительнаго штоса. Надобно умѣть читать въ глазахъ и въ выраженіи лица противника, что намѣревается онъ дѣлать и предупреждая во всѣхъ его дѣйствіяхъ, тщательно отъ него скрывать собственныя намѣренія. Въ рапирномъ assaut гораздо болѣе игры и соображенія, нежели на эспадронахъ и сабляхъ, гдѣ первенство зависитъ болѣе всего отъ быстроты дѣйствій.

На рапирахъ первоначально я учился у Разинкина, Данилова и Тарасова, фехтмейстеровъ въ корпусахъ; всѣ они были лучшими учениками Севербрика, считавшагося однимъ изъ лучшихъ и первыхъ фехтмейстеровъ въ Европѣ. Многіе годы я ни разу не пропускалъ офицерскихъ фехтовальныхъ классовъ во флигеляхъ Михайловскаго замка; ко мнѣ продолжалъ ходить биться, два раза въ недѣлю, Даниловъ, который бился очень проворно; Севербрикъ, увидавъ однажды меня, бившагося въ офицерскомъ классѣ, и зная мою страсть къ фехтовальному искусству, изъявилъ готовность давать мнѣ окончательные уроки; они продолжались съ полгода.

Вскорѣ по выпускѣ моемъ въ офицеры, извѣстный своею ев-

ропейскою ученостію, математикъ, членъ нашей Академіи Наукъ профессоръ Фусъ, преподававшій у насъ, въ морскомъ корпусѣ, на французскомъ языкѣ высшія вычисленія и механику, зная о моемъ желаніи продолжать учиться математикѣ, предложилъ ходить къ нему и пользоваться его уроками, безъ всякаго вознагражденія. Онъ меня и въ корпусѣ очень любилъ за мое прилежаніе.

Однажды батюшка привезъ мнѣ стеклянный патъ, изображающій портретъ Наполеона Бонапарта. Вещица мнѣ очень понравилась, и я на моемъ рабочемъ столѣ, взявъ огарокъ чистаго воску, подкрасилъ патъ тѣльнымъ цвѣтомъ и вылѣпилъ на самомъ столѣ, съ помощію ножичка и булавки, очень вѣрную копію съ этого каме. Когда при свиданіи Фусъ увидалъ у меня на столѣ эту вещицу, то она ему очень понравилась, узнавъ же, что это дѣлалъ я, и какимъ способомъ, онъ удивился и сказалъ, что я имѣю большія способности къ художествамъ. Фусъ совѣтовалъ мнѣ не оставлять этого занятія, какъ самаго пріятнаго препровожденія времени. Въ слѣдующее свиданіе онъ мнѣ далъ для пробы бронзовую медаль, выбитую въ честь одного германскаго ученаго съ его портретомъ. Я скопировалъ этотъ портретъ на круглой аспидной дощечкѣ. Фусъ, увидя копію, нашелъ, что у меня есть рѣшительный талантъ къ художествамъ и совѣтовалъ непремѣнно идти въ Академію Художествъ, спросить тамъ медальерный классъ и познакомиться съ какимъ-нибудь изъ учениковъ этого класса, чтобъ узнать у него, какъ приготовляетея и красится воскъ для лѣпки, и какіе на то употребляются инструменты. Я не замедлилъ отправиться, въ первое свободное время, въ Академію Художествъ; отыскалъ медальерный классъ, гдѣ и познакомился съ ученикомъ Шиловымъ. Онъ научилъ меня приготовлять воскъ для лѣпки изъ него моделей и красить его въ пріятный тѣльный цвѣтъ; снабдилъ меня разной величины стеками пальмоваго дерева, которыми очень ловко лѣпить, и далъ мнѣ скопировать профильную голову римскаго консула Каракаллы. Съ этихъ поръ я сталъ посѣщать медальерный классъ всегда, когда только позволяли мнѣ занятія науками.

Работа изъ воска мнѣ очень понравилась и не прошло и трехъ недѣль, какъ я совершенно хорошо изучилъ всѣ тонкости и механизмъ лѣпленія изъ воска; но объ академическомъ искусствѣ рисованія я не имѣлъ понятія, и все мое знаніе художествъ

ограничивалось умѣніемъ лѣпить изъ воска головки и портреты съ натуры.

Въ медальерномъ классѣ я, между прочимъ, учился рѣзать на стали. Съ мѣсяцъ спустя, послѣ того, какъ началъ я ходить въ этотъ классъ, въ одно утро зашелъ туда профессоръ скульптуры Прокофьевъ, весьма талантливый художникъ. Удивленный, при видѣ молодаго флотскаго офицера, занимающагося лѣпкою изъ воска, онъ подошелъ ко мнѣ, внимательно разсмотрѣлъ мою работу, спросилъ фамилію и о томъ, съ какого времени занимаюсь я лѣпкою; онъ нашелъ во мнѣ очень большія способности къ художествамъ. Узнавъ о страстномъ желаніи моемъ учиться имъ, Прокофьевъ спросилъ: «скажите, какъ вы хотите учиться? Основательно какъ художникъ, или, какъ всѣ ваши братья-дворянчики, только для забавы?»

Въ этотъ моментъ почувствовалось мнѣ настоящее мое призваніе, я созналъ, что только слѣдуя ему, могу я, по всегдашнему моему желанію, быть обязаннымъ только себѣ и избѣгнуть всякихъ покровительствъ и протекцій. Я рѣшился посвятить себя художествамъ и отвѣчалъ Прокофьеву, что хочу знать и научиться искусству основательно и сдѣлаться, если буду въ силахъ, настоящимъ художникомъ.

«Когда такъ, то оставьте теперешнее ваше занятіе изъ воска, а попросите у вице-президента дѣйст. ст. совѣт. (Чикалевскаго) билетъ на право посѣщенія художественныхъ академическихъ классовъ и начните учиться съ самаго начала, по принятому въ Академіи курсу».

На другой день я уже имѣлъ этотъ билетъ и въ пять часовъ, послѣ обѣда, явился въ рисовальный классъ. Натурные классы начинались въ 5-ть часовъ и оканчивались въ 7, самое удобное для меня время по моимъ служебнымъ занятіямъ, и я всякій день въ положенные часы ходилъ изъ Семеновскаго полка въ академическіе классы; а дома, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, лѣпилъ изъ воска портреты съ натуры. Послѣ перваго пробнаго рисунка съ оригиналовъ головы Апполона въ Академіи, я былъ помѣщенъ въ рисовальный классъ съ оригиналовъ цѣльныхъ фигуръ, а недѣли чрезъ двѣ или три перешелъ въ гипсовый классъ съ бюстовъ. Въ этомъ классѣ учили академики, опредѣленные къ тому по дежурствамъ на всю недѣлю.

Тутъ я познакомился съ однимъ изъ лучшихъ рисовальщиковъ натурнаго класса, получившаго обѣ серебряныя медали, Орестомъ Адамовичемъ Кипренскимъ. Зная обычай академическихъ профессоровъ и академиковъ считать приходящихъ учениковъ за что-то ничтожное, не заслуживающихъ никакого вниманія, и никогда ничего не показывающихъ приходящимъ ученикамъ, Кипренскій пришелъ въ гипсовый классъ, въ первый день послѣ моего туда поступленія, и сдѣлался моимъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ, столь трудномъ для начинающаго, въ первый разъ, рисовать съ гипсовыхъ головокъ. Съ того времени, видя мое сильное желаніе учиться, Кипренскій приходилъ ко мнѣ въ классъ каждый вечеръ и чрезвычайно дѣятельно толковалъ мнѣ о лучшемъ способѣ рисовать съ гипсовъ, такъ что мѣсяца черезъ три я былъ переведенъ въ классъ гипсовыхъ фигуръ. Орестъ Адамовичъ и въ этомъ классѣ продолжалъ меня посѣщать и давалъ свои умныя и очень полезныя наставленія. Я собственно ему и его благороднымъ указаніямъ обязанъ моимъ быстрымъ успѣхамъ въ гипсовомъ классѣ, которымъ такъ удивлялись въ Академіи.

Не болѣе какъ чрезъ два мѣсяца я былъ переведенъ въ натурный классъ. Въ немъ учили профессора, отправлявшіе свое дежурство по недѣльно; каждый разъ, смѣняя другъ друга, они мѣняли позу натурщика. Рисунокъ съ натуры, въ теченіе недѣли, нужно было приготовить и представить въ субботу на экзаменъ, гдѣ на немъ ставили нумеръ, соотвѣтствующій его достоинству; имена учениковъ, выставлявшихъ свои рисунки на экзаменъ, не сказывались экзаменаторамъ. Каждую треть года ставилась «на натуру» группа изъ двухъ натурщиковъ на двѣ недѣли, за которую получившіе первые нумера удостоивались сначала серебряныхъ — вторыхъ, а потомъ первыхъ медалей. Пока рисовались рисунки во всѣхъ классахъ Академіи, учениковъ не выпускали изъ класса, чтобы они не давали оканчивать за себя работу другимъ воспитанникамъ, лучше ихъ рисующимъ. Кипренскій, продолжавшій рисовать въ натурномъ классѣ, подходилъ ко мнѣ показывать и учить, какъ должно писать съ натуры. Въ началѣ онъ приходилъ даже раза по два и по три въ теченіе двухчасовыхъ классовъ, потому что профессора, дежурившіе и въ натурномъ классѣ, также по недѣлямъ, очень небрежно отно-

сились къ посторонним лицамъ, приходившимъ учиться художеству, и никогда не останавливались у нихъ, чтобъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе насчетъ ихъ работъ, а проходили мимо и показывали только казеннымъ ученикамъ. Только профессоръ скульптуры Прокофьевъ, во время своего дежурства, не пропускалъ никого въ классѣ, ни казенныхъ, ни вольно-приходящихъ, и всѣмъ одинаково показывалъ и объяснялъ, что надо наблюдать при рисовкѣ и лѣпкѣ съ натуры. Странное недоброжелательство профессоровъ къ постороннимъ ученикамъ меня чрезвычайно удивляло и, не касаясь личныхъ достоинствъ каждаго въ художественныхъ занятіяхъ, сильно уменьшило уваженіе къ нимъ, какъ къ учителямъ. На меня, перваго изъ дворянъ, къ тому же еще съ титломъ графа и въ военномъ мундирѣ, начавшаго серьезно учиться художеству и ходить въ академическіе классы, они смотрѣли съ какимъ-то негодованіемъ, какъ на лицо, оскорбляющее и унижающее ихъ своею страстію къ искусству; въ особенности скульпторъ Мартосъ вездѣ съ насмѣшкой и пренебреженіемъ говорилъ о моемъ желаніи быть, въ одно и то же время, графомъ, военнымъ и художникомъ, чего, по его мнѣнію, дворянину достичь невозможно. Я не обращалъ вниманія на глупыя сужденія Мартоса и продолжалъ усердно посѣщать натурные классы, не пропуская ни одного. Освоясь съ рисованіемъ съ натуры, благодаря совѣтамъ Кипренскаго, я сталъ думать, какъ бы увеличить время, положенное для рисованія съ натуры; двухъ часовъ въ день казалось мнѣ мало. Для усовершенствованія себя въ техникѣ рисованія съ натуры и для изощренія памяти при изученіи натуры въ разныхъ ея положеніяхъ, я придумалъ заготовить у себя дома папку съ такою же точно бумагою, какая была у меня въ натурномъ классѣ, для того, чтобы, приходя изъ Академіи, рисовать на ней на память натуру, поставленную въ классѣ, и такъ продолжалъ рисовать всю недѣлю. Такъ я дѣлалъ при каждой новой позѣ натурщиковъ, а также и по третямъ, при постановкѣ группъ. Позже я завелъ у себя большую деревянную доску, выкрашенную черной краской и вылакированную, на которой рисовалъ мѣломъ, то же наизусть, въ натуральную величину тѣ модели, которыя ставились въ натурномъ классѣ. Этотъ, мною изобрѣтенный, способъ учиться принесъ мнѣ много пользы, потому что ускорилъ и много способствовалъ изученію натуры.

Я много также рисовалъ съ гипсовыхъ анатомій, которыя находились въ Академіи.

Въ продолженіе моего ученія въ натурномъ классѣ, я не разъ получалъ на моихъ рисункахъ нумера, за которые казенные ученики получали серебряныя медали; но такъ какъ въ статутѣ Академіи на этотъ счетъ ничего не было сказано о вольно-приходящихъ ученикахъ, то имъ и не давали медалей, а потому я ихъ и не получалъ. Для изученія женскихъ формъ я ходилъ рисовать въ античныя галлереи Академіи, гдѣ рисовалъ также и съ другихъ античныхъ статуй, причемъ восхищался изящною красотою формъ и позами этихъ превосходныхъ произведеній древности. Увлекшись красотою статуй Греціи, полюбилъ ея высокія произведенія въ барельефахъ и скульптурѣ, въ саркофагахъ, жертвенникахъ, вазахъ, чашахъ, канделябрахъ, лампахъ, мебели, колесницахъ и т. д.; со всѣхъ этихъ произведеній искусства древней Греціи я много рисовалъ, старательно и долго ихъ изучалъ, и вполнѣ полюбилъ древнюю Грецію; сталъ читать и изучать все, что было писано о нравахъ, обычаяхъ, внѣшней и домашней жизни этого знаменитаго, отличавшагося необыкновеннымъ, изящнымъ вкусомъ и образованнѣйшаго народа въ древности, объ ихъ храмахъ, публичныхъ зданіяхъ, жилыхъ, изящно украшаемыхъ домахъ. Изучалъ также ихъ домашнюю утварь, женскіе костюмы и головные уборы. Обыкновенныя мужскія одѣянія у нихъ также изящны, какъ и военныя, только гораздо проще въ украшеніи, ибо шлемы ихъ военныхъ, щиты, рукояти, ножны мечей и гнемиды украшаются богатыми, изящными рельефными работами; ихъ необыкновенной формы колесницы украшены искусной работой. Извѣстно, что любовь къ изящному у древнихъ грековъ до того была развита, что они украшали малѣйшія бездѣлушки своего быта: вѣсы, безмѣны, молотки; даже ихъ гвозди имѣютъ красивую форму. Объ ихъ превосходныхъ бронзовыхъ и мраморныхъ произведеніяхъ и говорить нечего. Наконецъ, ихъ разнообразные музыкальные инструменты всегда отличались красивыми формами.

Въ то время, когда я со всѣмъ пыломъ молодости отдался занятіямъ въ Академіи, меня перевели изъ Петербурга въ гребной флотъ, находящійся въ Роченсольмѣ, и я получилъ приказаніе туда явиться. Это меня очень встревожило, потому что мнѣ прихо-

дилось прекратить мои занятія, да кромѣ того, и общество въ Роченсольмѣ состояло изъ однихъ морскихъ офицеровъ, которые ни чѣмъ другимъ не занимались, кромѣ карточной игры, безпрестанныхъ попоекъ и развратныхъ забавъ. Родители мои точно также, какъ и я, были встревожены этимъ переводомъ. На другой день, послѣ полученія приказа ѣхать въ Финляндію, я просилъ графа Петра Александровича Толстаго, тогдашняго военнаго генералъ-губернатора Петербурга, у котораго въ домѣ я принятъ былъ, какъ сынъ, чтобы онъ попросилъ исправляющаго должность морскаго министра, вице-адмирала Чичагова, оставить меня въ Петербургѣ. Петръ Александровичъ, зная о моихъ занятіяхъ, обѣщался на другой же день поговорить объ этомъ съ Чичаговымъ и былъ увѣренъ, что тотъ исполнитъ его просьбу. Черезъ день Петръ Александровичъ велѣлъ мнѣ явиться къ Павлу Васильевичу Чичагову.

Въ первое пріемное утро, въ 8 часовъ, я былъ у министра. Онъ тогда жилъ на Васильевскомъ островѣ, по набережной, недалеко отъ Горнаго корпуса, въ собственномъ домѣ. Когда доложили Чичагову о моемъ приходѣ, онъ позвалъ меня въ кабинетъ, гдѣ сталъ разспрашивать о моемъ ученіи въ корпусѣ, о занятіяхъ по выходѣ въ офицеры, что было сдѣлано, какъ я видѣлъ, съ намѣреніемъ испытать меня и повѣрить то, что, какъ кажется, ему хорошо было извѣстно изъ отчета корпуса. Поговоривъ и отпуская меня, онъ сказалъ: «Вы останетесь здѣсь». Совершенно счастливый я вышелъ отъ него и не шелъ, а летѣлъ домой. Обрадованный словами Чичагова, я спокойно занимался дѣломъ, не смотря на то, что три раза получалъ письменныя приказанія отъ начальника гребнаго флота явиться. Въ послѣднемъ приказаніи было сказано, что если я чрезъ двадцать четыре часа не отправлюсь на котку, то завтрашній день буду туда отправленъ съ фельдъегеремъ. Съ этимъ приказомъ я тотчасъ же поѣхалъ къ Чичагову и получилъ отъ него отвѣтъ: «Я вамъ сказалъ, что вы не поѣдете на котку; отправляйтесь спокойно домой».

Приказы по войску, отдаваемые государемъ, по утрамъ приносились брату фельдфебелемъ его роты и всегда читались батюшкой вслухъ. Съ какимъ удовольствіемъ прочли всѣ мы въ приказахъ того дня, въ который я ходилъ къ Чичагову, слѣдующее:

«1804 года, 23-го іюня, гребнаго флота мичманъ графъ Тол-

стой, назначенъ адъютантомъ къ исправляющему должность министра морскихъ силъ, вице-адмиралу Чичагову».

Это было тѣмъ удивительнѣе, что при вступленіи на тронъ Павла I всѣ личные генеральскіе адъютанты были вовсе уничтожены во всемъ русскомъ войскѣ и оставались адъютанты только при штабахъ и полкахъ, да царскіе генералъ- и флигель-адъютанты, что не было отмѣнено и при вступленіи на престолъ Александра Павловича. Чрезъ это назначеніе адъютантомъ къ Чичагову, я сдѣлался первымъ и единственнымъ генеральскимъ адъютантомъ во всемъ русскомъ войскѣ со времени кончины Екатерины II.

Въ томъ же году, по представленію министра Чичагова, былъ измѣненъ мундиръ моряковъ и сдѣланъ гораздо удобнѣе для флотскихъ офицеровъ. Парадный мундиръ остался прежняго покроя и цвѣта, кромѣ стоячаго бѣлаго, съ вышитыми золотомъ якорями, воротника, замѣненнаго зеленымъ, съ прежнимъ шитьемъ. Что касается нижняго платья, то вмѣсто бѣлыхъ узкихъ панталонъ, входящихъ въ сапоги, съ гусарскою венгеркою, были введены широкія панталоны зеленаго цвѣта, идущія сверхъ сапогъ, при чемъ носилась шпага. Вмѣсто треугольной, высокой шляпы, съ огромной золотой петлицей, съ звѣздой, въ срединѣ которой пристегнута была кокарда, а отъ кокарды шло большое бѣлое перо, какъ у конныхъ,—назначена небольшая, низенькая треугольная шляпа, на манеръ англійскихъ, съ петлицей изъ узкаго, прикрѣпляющаго кокарду, галуна. Къ парадному мундиру прибавленъ для вседневнаго ношенія вицъ-мундиръ, покроя двубортнаго фрака, только съ стоячимъ воротникомъ; съ нимъ носились широкія, идущія сверхъ сапогъ, панталоны. При вицъ-мундирѣ носили не шпаги, а кортики, которые носятъ и теперь; шляпа была та же, что и при парадныхъ мундирахъ.

II.

Въ 1809 году скончалась наша добрая матушка. Батюшка уѣхалъ въ Москву, а я съ сестрой переселился къ дядюшкѣ Петру Александровичу Толстому, который былъ въ Петербургѣ генералъ-губернаторомъ и жилъ на дворцовой набережной въ казенномъ, бывшемъ графа Остермана, домѣ. Петръ Александровичъ находился или въ родствѣ, или въ короткихъ связяхъ съ большею частію вельможъ, составлявшихъ дворъ Александра Павловича, а потому, живя у него, я имѣлъ случай познакомиться съ лично-

стями, игравшими при дворѣ первыя роли. Моральныя свойства и качества большинства придворныхъ всегда и всюду одинаковы, начиная съ дворовъ императорскихъ и кончая двора ми германскихъ владѣтельныхъ князей, исключая, разумѣется, людей государственныхъ, отличающихся своими достоинствами, умомъ и приносимою отечеству пользою. Исключая сихъ послѣднихъ, дворы обыкновенно состоятъ изъ людей знатныхъ фамилій, избранныхъ не по ихъ достоинствамъ, а по прихоти или по проискамъ и интригамъ, изъ людей безъ настоящаго образованія ума и сердца, безъ необходимыхъ каждому, истинно-просвѣщенному человѣку познаній, а между тѣмъ властелина должны бы были окружать люди съ этими именно качествами. Но они бо̀льшею частію окружаются народомъ, съ наружною только полировкою салоннаго воспитанія; людьми, которыхъ наука и знаніе состоятъ въ умѣньи сколь возможно лучше льстить, ловко подличать и хитро̀ интриговать. Какъ себя-любивые эгоисты, они не любятъ другъ друга и, пожимая при ветрѣчахъ руку, въ то же самое время стараются изобрѣтать надежное средство, какъ бы хорошенько надуть пріятеля и очернить его, для своей выгоды, передъ властителемъ, при этомъ конечно обманываютъ и самаго господина.

Петръ Александровичъ Толстой жилъ открытымъ домомъ, и потому за обѣдами и на вечерахъ, кромѣ родныхъ и близкихъ знакомыхъ, у него бывало много и постороннихъ. Почти ежедневными посѣтительницами были двѣ сестры Маріи Алексѣевны, жены Петра Александровича, фрейлины большаго двора, княжны Софья и Елизавета Алексѣевны Голицыны, впослѣдствіи вышедшія замужъ. Елизавета—была миніатюрное, довольно интересное, отъ природы неглупое и доброе существо, но со всѣми причудами и странностями нашихъ знатныхъ и богатыхъ барышень высшаго круга того времени и особенно приготовляемыхъ ко двору; она вышла за графа Остермана-Толстаго; Софья—высокая, худощавая, очень дурная лицомъ, выражающимъ въ самыхъ непріятныхъ чертахъ душевныя ея качества, капризная и злая, вышла за меньшаго брата парижскаго эмигранта, графа Сенъ-При. Два брата Сенъ-При эмигрировали въ Россію въ царствованіе императора Павла I и были опредѣлены офицерами въ Семеновскій полкъ; меньшо̀й братъ впослѣдствіи перешелъ изъ гвардіи въ камеръ-юнкеры.

Князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ, родной братъ Маріи Алексѣевны, получилъ воспитаніе въ Парижѣ, куда на одиннадцатомъ году былъ отправленъ, съ французомъ-гувернёромъ, родными тетками, графинями Апраксиными. Французъ ничему не научилъ его и онъ, восемнадцати лѣтъ, вернулся въ Петербургъ съ знаніемъ только французскаго языка и совершенно отжившимъ человѣкомъ. Единственное достоинство его заключалось въ томъ, что онъ обладалъ чрезвычайно хорошими способностями рисовать каррикатуры. Вслѣдствіе развратной жизни, онъ умеръ на двадцать четвертомъ году. Еще очень часто бывала на вечерахъ и обѣдахъ у моего дяди княжна Туркистанова, самая короткая пріятельница обѣихъ сестеръ Голицыныхъ, любимица Марьи Алексѣевны и ея мужа, дѣвушка уже не первой молодости, очень умная, хитрая, ловкая, веселая и весьма занимательная въ салонныхъ бесѣдахъ. Почтеннѣйшій дядюшка, какъ мнѣ казалось, очень за ней ухаживалъ и она скоро, по его просьбѣ, была сдѣлана фрейлиной большаго двора.

Кромѣ тетушекъ Марьи Алексѣевны и другихъ родныхъ, очень часто также пріѣзжала къ намъ родная сестра Петра Александровича Толстаго, бывшая замужемъ за генералъ-маіоромъ Пашковымъ, очень богатымъ, но безъ всякаго образованія человѣкомъ; впрочемъ, какъ говорили, очень хорошимъ заводчикомъ. Фельдмаршалъ, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, вельможа екатерининскаго времени, родной дядя Петра Александровича, тоже бывалъ у насъ не рѣдко, а также и супруга его Наталья Владиміровна, которой всѣ боялись при дворѣ и которая умѣла пріобрѣсти право всѣхъ бранить за все, что только было сдѣлано не по ней. Не описывая придворныхъ, потому что они не представляютъ ничего особеннаго, я не касаюсь и наружности ихъ, за исключеніемъ Салтыкова и кн. А. Н. Голицына, бывшихъ близкими родственниками Марьи Алексѣевны.

Чтобы представить себѣ личность графа Николая Ивановича Салтыкова, надо вообразить себѣ маленькаго роста старичка, худощаваго, сгорбленнаго, съ длиннымъ носомъ и въ военномъ мундирѣ. Онъ ходилъ всегда, поддергивая штаны, какъ-будто, боясь, что онѣ свалятся; это было очень смѣшно и каррикатурно. Николай Ивановичъ отличился въ Семилѣтнюю войну при осадѣ Кольберга, велъ войну въ Молдавіи, путешествовалъ по Европѣ

при Екатеринѣ II въ званіи воспитателя великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ былъ большой ханжа, носилъ на шеѣ, кромѣ креста, множество маленькихъ финифтяныхъ образковъ, носилъ ихъ даже во всѣхъ карманахъ; впрочемъ, былъ человѣкъ очень умный и свѣдущій, и въ свое время игралъ большую роль.

Противоположность Салтыкову составлялъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, воспитанный при дворѣ, и только для двора. Имѣя отъ природы острый умъ, онъ въ особенности отличался способностію передразнивать и подражать голосамъ другихъ до того вѣрно, что въ другой комнатѣ нельзя было не обмануться и не принять его за того, кого онъ передразнивалъ. Бывши оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, онъ часто пріѣзжалъ къ намъ послѣ засѣданія въ Синодѣ и подсмѣивался, передразнивая бѣлые и черные клобуки ихъ голосами. Къ нему я еще возвращусь въ моихъ запискахъ.

Князь Багратіонъ и графъ Витгенштейнъ, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливались въ домѣ у Петра Александровича, какъ у короткаго пріятеля, и всегда ночевали въ моей комнатѣ. Оба были прекрасные, добрые люди и очень хорошіе генералы, особенно князь Багратіонъ.

Графъ Остерманъ-Толстой, женатый на княжнѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Голицыной, былъ человѣкъ очень не глупый и храбрый, но чрезвычайно разсѣянный, гордый и напыщенный своею знатностію, при этомъ неимовѣрно жестокій съ своими крѣпостными людьми. На высотахъ Кац-баха онъ разбилъ французовъ и потерялъ руку.

Бывалъ нерѣдко у насъ также князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, молодой человѣкъ, прославившійся въ модномъ свѣтѣ остротами, каламбурами и язвительными надъ всѣми насмѣшками. Еще бывалъ часто Михайло Алексѣевичъ Обресковъ. Будучи не глупъ, онъ, по своему родству и богатству, сдѣлался обычнымъ засѣдателемъ свѣтскихъ салоновъ, въ чемъ и состояла вся его служба отечеству, вознагражденная чиномъ генерала и проч.

Ѣздилъ къ намъ и генералъ Уваровъ, также человѣкъ проводившій время въ свѣтскихъ гостинныхъ; онъ былъ шефомъ кавалергардскаго полка. Уваровъ былъ не далекъ, но не въ такой степени, какъ Башутскій, комендантъ нашей столицы, ни-

чего незнавшій и ничему не учившійся, кромѣ фронтовой, плацъ-парадной службы. Уваровъ умѣлъ поставить себя такъ, что былъ любимъ государемъ и уважаемъ великими князьями.

Изъ эмигрантовъ, наѣхавшихъ въ Петербургъ во время французской революціи при Екатеринѣ II и Павлѣ I и бывшихъ въ это время въ большой модѣ у нашей знати, а особенно у придворныхъ дамъ, очень хорошо были приняты въ домѣ Петра Александровича Толстаго: маркизъ Грамонъ, баронъ или графъ Мастенъ, старикъ съ молодымъ сыномъ, который былъ прапорщикомъ въ Семеновскомъ полку и состоялъ въ ротѣ моего брата, графа Александра Петровича; два брата Сенъ-При, тоже офицеры Семеновскаго полка и еще нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ эмигрантовъ.

У Марьи Алексѣевны часто, по цѣлымъ утрамъ, просиживалъ патеръ Груберъ, бывшій настоятель іезуитскаго монастыря въ Полоцкѣ. Въ это время онъ былъ уже генераломъ іезуитскаго ордена. Княгиня очень его любила, и вообще Груберъ былъ уважаемъ въ Петербургѣ. Полоцкій іезуитскій монастырь былъ переведенъ въ Петербургъ императоромъ Павломъ I и помѣщенъ въ зданіи католической церкви.

Патеръ Груберъ былъ человѣкъ высокаго ума и обширныхъ познаній во всѣхъ наукахъ, въ томъ числѣ астрономіи, физики, химіи и во всѣхъ естественныхъ наукахъ; при томъ большой политикъ и, тѣмъ болѣе, замѣчательный, что, хотя и состоялъ іезуитомъ, но отличался прямымъ характеромъ, былъ справедливъ и добродушенъ. При обширныхъ занятіяхъ, сопряженныхъ съ его саномъ, при занятіяхъ науками, Груберъ любилъ художества, былъ хорошимъ миніатюристомъ на слоновой кости и находилъ время заниматься этимъ искусствомъ.

Узнавъ, что патеръ Груберъ въ Петербургѣ, я отправился къ нему. Онъ, увидя меня, обрадовался, принялъ радушно и пригласилъ ходить къ нему какъ можно чаще, говоря, что съ радостію будетъ помогать мнѣ и давать совѣты по моимъ занятіямъ въ наукахъ и художествѣ. Съ этихъ поръ почти постоянно, до самой его смерти, я бывалъ у него по два раза въ недѣлю. Его совѣтамъ я много обязанъ въ моемъ самообразованіи.

Еще посѣщали Петра Александровича всѣ шефы стоявшихъ въ столицѣ полковъ, бо́льшею частію, генералы павловскихъ вре-

менъ; ихъ познанія ограничивались вытягиваніемъ носковъ, ружейными пріемами и полковыми ученіями. Не могу понять, какъ могутъ производить въ генералы людей безъ малѣйшихъ познаній въ необходимыхъ для военнаго начальника наукахъ и ввѣрять такимъ лицамъ распоряженіе войсками на войнѣ. Мнѣ случилось однажды быть въ ихъ обществѣ въ кабинетѣ Петра Александровича Толстаго, гдѣ они разсматривали географическія карты и разные планы, которыхъ у Петра Александровича было большое собраніе. Между прочимъ, зашла рѣчь объ опредѣленіи разстоянія до предметовъ, находящихся на дальнемъ и недоступномъ мѣстѣ, а также объ опредѣленіи высоты горъ; никто изъ присутствующихъ, не исключая и дядюшки, не могъ объяснить, какъ это дѣлается. Когда я, при всей моей застѣнчивости, рѣшился вступить въ ихъ разговоръ и объяснить нѣкоторыя правила геодезіи, по которымъ составляютъ топографическія карты, то Петръ Александровичъ съ большимъ удивленіемъ, раздѣленнымъ и другими, спросилъ меня: «Да почему же ты это знаешь?» — «Потому, отвѣчалъ я, что флотскій офицеръ обязанъ знать все, что касается чистой математики».

III.

Изъ дома Петра Александровича мнѣ было недалеко и очень удобно ходить въ медальерный классъ Академіи Художествъ, а вечеромъ отъ 6-ти до 7-ми часовъ въ натурный классъ. Я рисовалъ также и третные рисунки по исторической части, задаваемые казеннымъ ученикамъ и представлялъ ихъ въ Академическій Совѣтъ на экзаменъ. У себя дома въ часы, свободные отъ научныхъ занятій, я лѣпилъ изъ воска портреты, которые всѣ находили очень похожими съ оригиналами; сочинялъ и лѣпилъ цѣлыя группы и барельефы, причемъ бралъ сюжеты изъ древней исторіи, греческой миѳологіи и изъ богатыхъ интересными сюжетами преданій гомерическихъ вѣковъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я сталъ ходить въ медальерный классъ, случилось мнѣ познакомиться съ старикомъ учителемъ этого класса, Альбрехтомъ, глупымъ и лишеннымъ всякаго образованія евреемъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ царствованіе императрицы Екатерины II для рѣзанія печатей на стали и крѣпкихъ камняхъ, въ чемъ былъ очень ловокъ и хорошо зналъ техническую часть этого искусства; но, кромѣ рѣзанія на

стали и камняхъ (искусство, какъ бы привиллегированное еврейскому племени), да способности къ пронырству и искательствамъ; во всемъ прочемъ Альбрехтъ былъ совершенный невѣжда; не говоря уже о научныхъ познаніяхъ и свѣдѣніяхъ въ изящныхъ искусствахъ, не только не умѣлъ рисовать, но даже не зналъ, какъ надо начертить простой профильный глазъ. Пріѣхавъ въ Россію, Альбрехтъ вскорѣ съумѣлъ открыть себѣ дорогу къ нѣкоторымъ знатнымъ и богатымъ барамъ, для рѣзанія ихъ печатей, потомъ былъ опредѣленъ медальеромъ на монетный дворъ, гдѣ сталъ рѣзать штемпеля для медалей во вкусѣ весьма плохаго времени медальернаго искусства, остававшагося въ началѣ текущаго столѣтія почти на той же степени развитія, на какой оно было въ XVII вѣкѣ. Штемпеля эти обыкновенно дѣлались по рисункамъ, доставляемымъ медальерамъ монетнаго двора лицами, заказывающими медали. Въ царствованіе императора Павла I, Альбрехтъ былъ сдѣланъ главнымъ медальеромъ монетнаго двора и учителемъ, во вновь учрежденномъ при Академіи Художествъ классѣ, рѣзанія штемпелей на стали. Не смотря на всю ничтожность Альбрехта, какъ художника, надъ которымъ въ Академіи всѣ смѣялись, знакомство съ нимъ было для меня очень полезно, но не ради его искусства рѣзать на стали—эту премудрость я постигъ въ первую же недѣлю моего посѣщенія класса, — а потому, что въ его домѣ я встрѣтилъ двухъ очень умныхъ и ученыхъ нѣмцевъ: профессора нумизматики Круга и члена Академіи Наукъ — Аделунга. Съ перваго же раза я очень понравился этимъ лицамъ и былъ ими обласканъ, въ особенности Кругомъ, который былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ свое руководство въ нумизматикѣ. Кромѣ того, замѣтивъ во мнѣ сильное стремленіе къ пріобрѣтенію познаній, этотъ почтенный ученый познакомилъ меня съ профессорами Паротомъ, Моргеристерномъ и Келлеромъ, антикваріями и археологами эрмитажа, которыхъ обширныя познанія имѣли чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на мое образованіе. Въ ихъ обществѣ я хорошо выучился нѣмецкому языку, котораго, по выходѣ изъ морскаго корпуса, совсѣмъ не зналъ. Этому много пособило также и частое посѣщеніе мною нѣмецкаго театра, который я очень любилъ.

Первый нѣмецкій театръ въ Петербургѣ былъ устроенъ Коцебу въ зданіи Академіи Художествъ, въ царствованіе импера-

тора Павла Петровича. Въ тоже царствованіе, съ отъѣздомъ Коцебу въ чужіе кря, онъ прекратился, а потомъ, въ царствованіе Александра I былъ снова возобновленъ, въ одномъ изъ двухъ великолѣпныхъ домовъ противъ Зимняго дворца, антрепренеромъ Мире, бывшимъ фехтмейстеромъ. Представленія этого театра много способствовали моему быстрому изученію нѣмецкаго языка, но не въ такой мѣрѣ, какъ мое знакомство съ одной очень красивой и весьма умной молодой вдовой, баронессой Штейнъ, не знавшей ни слова по-русски.

IV.

Сильно страдая морскою болѣзнію при малѣйшей качкѣ во время морскихъ походовъ, я никакъ не могъ оставаться въ этой службѣ и желалъ перейти въ сухопутную — конную. Командиръ кавалергардскаго полка Уваровъ зналъ, какъ я ѣзжу верхомъ и предложилъ мнѣ перейти къ нему въ полкъ, на что я, разумѣется, съ большою радостію согласился. Вскорѣ Уваровъ доложилъ объ этомъ государю, который изъявилъ свое согласіе на мой переходъ. Но такъ какъ тогда существовало постановленіе не переводить прямо изъ флотской службы въ сухопутную, а только чрезъ годъ по выходѣ изъ первой, то я и подалъ Чичагову просьбу объ отставкѣ. Онъ уговаривалъ меня остаться, говоря: «смотрите, чтобы не обманули васъ эти господа», но я представилъ ему всѣ причины, побуждающія меня оставить флотскую службу и получилъ отставку съ чиномъ лейтенанта и мундиромъ.

Павелъ Васильевичъ Чичаговъ былъ человѣкъ весьма умный и образованный. Будучи прямаго характера, онъ былъ удивительно свободенъ и какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ, простъ въ обращеніи и разговорахъ съ государемъ и царской фамиліей. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ обращался съ ними съ большимъ невниманіемъ, а съ иными даже съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всей пустой, высокомѣрной знатью; но Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна его очень любили. Съ низшими себя и съ своими подчиненными и просителями (которыхъ всегда при-

нималъ безъ малѣйшаго различія чиновъ и званія) Чичаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ.

Получивъ отставку, я могъ вполнѣ посвятить все свое время научнымъ занятіямъ, въ особенности художеству, къ которому все болѣе и болѣе прилѣплялся. Выставляемые мною на академическихъ выставкахъ барельефы и группы изъ воска и глины, и скульпторныя работы были всегда одобряемы Совѣтомъ; о нихъ уже стали говорить и въ городѣ.

Спустя восемь или девять мѣсяцевъ послѣ моей отставки, государь обѣдалъ у Петра Александровича. Послѣ обѣда Марья Алексѣевна показала его величеству собранныя у ней въ кабинетѣ мои работы изъ воска. Государь позвалъ меня въ кабинетъ; когда я вошелъ, онъ, любуясь и хваля мою работу, сказалъ:

— «Я обѣщалъ перевести васъ въ кавалергардскій полкъ; но такъ какъ кавалергардскихъ офицеровъ у меня много, и я могу ихъ нажаловать, сколько мнѣ угодно, а художниковъ нѣтъ, то мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы, при вашемъ талантѣ къ художеству, пошли по этой дорогѣ».

Послѣ этихъ милостивыхъ словъ мнѣ ничего не оставалось, какъ исполнить волю императора.

Какъ ни хотѣлось мнѣ служить въ конницѣ, а особенно въ кавалергардахъ, однако предложеніе императора болѣе всего согласовалось съ моею привязанностію къ художествамъ и съ твердо принятыми правилами быть по службѣ обязану только самому себѣ, получать награды и повышенія отнюдь не съ помощію протекціи и покровительства; для этого я былъ слишкомъ гордъ.

Года два слишкомъ послѣ этого я все оставался никуда не опредѣленнымъ на службу и принужденъ былъ для своихъ нуждъ трудами добывать копѣйку. Хорошо еще, что у меня была даровая квартира въ домѣ дяди, хотя, впрочемъ, прескверная, въ подвалѣ, состоявшая изъ двухъ, весьма небольшихъ комнатокъ и сѣней.

Назначенный посланникомъ въ Парижъ, Петръ Александровичъ хотѣлъ взять съ собой и меня, но, по случаю поспѣшности отъѣзда, не взялъ,—ограничившись обѣщаніемъ прислать за мной. Марья Алексѣевна, взявъ съ собой мою сестру, уѣхала въ Москву, а я оставался еще въ генералъ-губернаторскомъ домѣ.

Въ это время Николай Николаевичъ Новосильцевъ, человѣкъ умный, образованный и честный, былъ присоединенъ къ «тріумвирату», какъ называли совѣтъ, составленный Александромъ I для помощи себѣ по управленію государствомъ. Тріумвиратъ состоялъ изъ императора и его, какъ онъ называлъ, «друзей», князя Чарторыжскаго, графа Строганова, сына президента Академіи Художествъ, Александра Сергѣевича.

Этому почтенному любителю и знатоку изящныхъ искусствъ я сдѣлался извѣстенъ по работамъ моимъ, представляемымъ на академическія выставки, и былъ имъ любимъ.

Однажды въ 1806 году, въ воскресенье (въ эти дни у Александра Сергѣевича всегда обѣдали его родные и знакомые), Николай Николаевичъ Новосильцевъ, узнавъ, что я болѣе двухъ лѣтъ, оставленный безъ всякаго содержанія, не могу добиться у моего дяди, Николая Александровича Толстаго, оберъ-гофмаршала, доклада обо мнѣ государю, сталъ разспрашивать меня подробно обо всемъ, и я разсказалъ ему, какъ со мной поступлено было по выходѣ моемъ изъ флота, а также и о предложеніи мнѣ государя сдѣлаться художникомъ.

На другой же день послѣ этого разговора я получилъ указъ объ опредѣленіи меня при эрмитажѣ, съ жалованьемъ 1,500 руб. ассигн. Это дало мнѣ возможность оставить помѣщеніе въ домѣ Петра Александровича. На другой же день послѣ полученія указа я переѣхалъ въ наемную квартиру.

Въ это время возвратился меньшой братъ мой, служившій шесть лѣтъ въ англійскомъ флотѣ и во все это время только три мѣсяца проведшій на берегу, и то въ разныя времена. Онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, во время борьбы Англіи съ Америкой и Испаніей, подъ начальствомъ адмирала Сидней-Смита, и былъ, между прочимъ, въ знаменитомъ Трафальгарскомъ сраженіи, подъ командою адмирала лорда Нельсона. Отъ этого знаменитаго моряка братъ мой получилъ чрезвычайно лестные аттестаты. По возвращеніи въ Россію, ему зачислена была служба въ англійскомъ флотѣ за русскую службу. Такъ какъ ему недоставало одного мѣсяца до полученія Георгіевскаго креста за восемнадцать шестимѣсячныхъ кампаній, а онъ очень желалъ получить этотъ крестъ, то и поѣхалъ въ Гельсингфорсъ на транспортѣ, отвозившемъ туда провіантъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я не выходилъ изъ дома, занимаясь моимъ образованіемъ и художествами. Въ это время (въ 1809 году) я имѣлъ несчастіе получить извѣстіе, что транспортъ, на которомъ братъ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ, возвращаясь оттуда, по оплошности лоцмана и глупости капитана, разбился о подводный камень въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ берега. Эта катастрофа произошла въ октябрѣ, въ пятницу вечеромъ. Капитанъ, бывшій въ каютѣ, не успѣлъ изъ нея выскочить и погибъ первый, а братъ, бывшій на верху съ командою, когда транспортъ пошелъ ко дну, успѣлъ влѣсть на гафель; команда также спаслась на торчащихъ изъ воды мачтахъ. Братъ, стоя на гафелѣ, по поясъ въ водѣ, посадилъ часть команды на гребныя суда, бывшія на бикштовѣ, отправилъ ее на берегъ подъ начальствомъ младшаго офицера, который тоже спасся на мачтѣ, и, приказавъ ему пріѣхать за остальными, самъ остался, исполняя морской уставъ, по которому командиръ, въ случаѣ погибели судна, спасается послѣднимъ; а братъ, послѣ утонувшаго капитана, былъ старшимъ на транспортѣ.

Когда мичманъ въ послѣдній разъ прибылъ къ мѣсту крушенія за остальной командой, брата моего уже не нашли: надо полагать, что у него отъ холода окостенѣли руки и что онъ, не въ состояніи будучи удержаться, упалъ въ воду. Его искали, но никакъ не могли найти. Тяжело терять родныхъ и разставаться съ ними навсегда, а еще тяжелѣй терять брата, съ которымъ съ дѣтства я росъ вмѣстѣ и былъ друженъ, и который, судя по ученію въ корпусѣ, откуда онъ вышелъ первымъ въ мичмана и по аттестатамъ отъ капитановъ кораблей, на которыхъ онъ служилъ въ англійскомъ флотѣ, и даже лично отъ самаго Нельсона, подавалъ большія надежды быть самымъ полезнымъ слугой отечеству. Въ началѣ его службы морское министерство назначило его, вмѣстѣ съ нашимъ двоюроднымъ братомъ Докторовымъ, вышедшимъ изъ корпуса вмѣстѣ съ братомъ и бывшимъ также въ англійской службѣ, начальниками двухъ фрегатовъ «Кастора» и «Поллукса», строившихся въ адмиралтействѣ, чтобы быть посланными на три года кругомъ свѣта для какихъ-то розысканій и открытій.

V.

12-го апрѣля 1809 г. я получилъ два первыхъ перстня за восковыя работы, поднесенныя императрицамъ Маріи Ѳедоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ; въ послѣдующіе годы я получалъ много перстней.

Зимой ѣздилъ на нѣсколько времени въ Москву, въ отпускъ къ батюшкѣ, жившему у своей матушки. Въ Москвѣ я совершенно нигдѣ не бывалъ, не видалъ ни благороднаго собранія, ни театра, ни англійскаго клуба; изъ родныхъ бывалъ только у графа Ѳедора Андреевича Толстаго.

Это былъ отставной бригадиръ, вышедшій въ царствованіе Екатерины II въ отставку капитаномъ гвардіи. Чинъ давалъ ему право ѣздить шестеркою въ каретѣ; никогда онъ не служилъ, потому что гвардейская служба не могла называться службою, да и ту онъ мало исполнялъ, почти постоянно отпрашиваясь въ отпускъ. Ѳедоръ Андреевичъ былъ давно уже женатъ на единственной дочери богатаго купца, старовѣра Дурасова, котораго тогда уже не было въ живыхъ. Не знаю, каковъ былъ отецъ, а что касается дочери, то это была женщина невѣроятно грязная и скупая, безъ малѣйшаго образованія и воспитанія, не знающая ни читать, ни писать — въ полномъ смыслѣ безграмотная; впрочемъ, отъ природы не глупая. Крестный мой батюшка, графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой былъ чрезвычайно скупъ всегда, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы пособить бѣдному и избавить его въ крайности отъ совершенной погибели. Для себя, на свои сообразныя съ его умомъ прихоти, онъ былъ вовсе не скупъ. Домъ онъ имѣлъ чрезвычайно богато убранный, наполненный мраморомъ, бронзою и фарфоромъ. Но между этимъ богатствомъ еще замѣтнѣе бросались въ глаза вздорныя бездѣлушки и вещицы, втертыя ему въ руки подъ видомъ древности плутами и иностранными аферистами, для которыхъ подобные господа сущій кладъ, точно также, какъ и для торгашей картинъ, сбывающихъ имъ копіи вмѣсто оригиналовъ, конечно, за очень хорошую цѣну. Изъ тщеславія графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой не жалѣлъ ничего на обѣды и балы, которые дѣйствительно были лучшими въ Москвѣ, чему не препятствовала и жена. За то за вседневнымъ ея обѣдомъ совершенно нечего было ѣсть. У ней я въ

первый разъ увидѣлъ, какъ за обѣдомъ, вмѣсто жаркаго, подавали жареные въ маслѣ соленые огурцы.

У гр. Ѳ. А. Толстаго была одна только дочь, лѣтъ 10-ти или 11-ти; при ней была англичанка.

Ѳедоръ Андреевичъ сказалъ мнѣ въ присутствіи жены, что онъ мнѣ, какъ своему крестнику, оставитъ послѣ себя въ наслѣдство подмосковную деревню Ивановскую съ заводами, какіе тамъ есть; это онъ повторилъ всѣмъ роднымъ, и жена ему не перечила, а между тѣмъ обѣщаніе это такъ и осталось одними словами.

Еще я бывалъ у двоюроднаго дяди, графа Степана Ѳедоровича **Толстаго**, но очень рѣдко. Чаще всего бывалъ у двоюродныхъ сестеръ Толстыхъ, жившихъ у своей бабушки, Майковой, и, бывши друженъ съ старшей сестрой, Александрой Ивановной, я познакомился и съ ея короткой пріятельницей, меньшой дочерью **Майковой** и родной сестрой извѣстнаго поэта Екатерининскихъ временъ, Василія Майкова, женщиной очень умной и превосходно воспитанной; она была замужемъ за Хлюстинымъ, очень богатымъ человѣкомъ. Отецъ этихъ Хлюстиныхъ былъ уменъ и умѣлъ, какъ говорится, выйти въ люди, то есть былъ статскимъ совѣтникомъ изъ простыхъ цѣловальниковъ; жилъ онъ въ Москвѣ роскошно, имѣя свой собственный, хорошій оркестръ музыки. Я очень хорошо сошелся съ Хлюстиной и почти каждый вечеръ проводилъ съ ней у ея матери, или у Александры Ивановны.

По прошествіи пяти мѣсяцевъ, я воротился изъ отпуска въ Петербургъ.

VI.

Съ Пантелеймонской улицы, у Лѣтняго сада, гдѣ была моя квартира, далеко было ходить въ Академію, а потому я переѣхалъ на Васильевскій островъ и поселился противъ академической литейной. Такимъ образомъ я могъ не тратить времени на ходьбу въ **натурный** классъ и могъ имѣть подъ руками модели и другія необходимыя пособія для сочиняемыхъ мною восковыхъ и глиняныхъ барельефовъ, которые я выставлялъ на академическихъ выставкахъ. Я первый сталъ лѣпить изъ воска большіе барельефы изъ исторіи древней, русской и всемірной, употребляя самые вѣрные костюмы; это мнѣ очень удобно было дѣлать, такъ какъ я изучилъ археологію и имѣлъ большое собраніе

костюмовъ, какъ древнихъ, такъ и среднихъ вѣковъ всѣхъ странъ и народовъ, а также множество описаній ихъ жизни и утвари въ разные вѣка. Боже мой, сколько мнѣ надо было еще учиться, чтобы сдѣлаться хорошо образованнымъ человѣкомъ и художникомъ! Но, Богъ дастъ, думалъ я, терпѣніе и прилежаніе мнѣ въ этомъ пособятъ!

Кромѣ нужныхъ мнѣ для образованія положительныхъ наукъ, любя русскую литературу, я прилежно изучалъ нашихъ русскихъ поэтовъ и писателей временъ Екатерины II и ея преемниковъ. Съ иными я лично былъ знакомъ, съ другими встрѣчался въ литературныхъ обществахъ, гдѣ мы были вмѣстѣ членами, или въ домахъ, гдѣ въ извѣстные дни недѣли по вечерамъ собирались извѣстные въ Петербургѣ своимъ образованіемъ литераторы, разнаго рода ученые, талантливые художники и музыканты; напримѣръ, въ домѣ Алексѣя Николаевича Оленина, извѣстнаго своимъ образованіемъ, любовію къ искусствамъ и знатока въ нихъ; въ домѣ Дм. Ник. Блудова, тоже очень образованнаго, умнаго, прекраснаго человѣка, очень хорошо знавшаго русскій языкъ и замѣчательнаго литератора. Еще собирались въ домѣ Муравьевой и въ домѣ Петра Андреевича Кикина, статсъ-секретаря и докладчика писемъ на имя его величества, человѣка чрезвычайно добраго, прекраснаго и большаго любителя искусствъ [1]). П. А. Кикинъ учредилъ «Общество поощренія художествъ», въ которомъ, по его приглашенію, участвовалъ и я. Когда общество было утверждено государемъ, предсѣдателемъ его единогласно избранъ былъ Петръ Андреевичъ, секретаремъ—Василій Ивановичъ Григоровичъ, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, казначеемъ—инженерный полковникъ Андрей Петровичъ Сапожниковъ. Дѣлами общества завѣдывалъ комитетъ, состоявшій изъ восьми лицъ, выбираемыхъ на три года изъ среды членовъ. Бутурлинъ и я назначены были постоянными членами комитета.

Въ 1809 году, 25-ти лѣтъ отъ роду, въ чинѣ отставнаго флотскаго лейтенанта, я былъ избранъ, за выставляемыя мною на академическихъ выставкахъ работы, почетнымъ членомъ Академіи, тогда какъ не было ни одного изъ почетныхъ ея членовъ мо-

---

[1]) Съ личностью П. А. Кикина читатели «Русской Старины» знакомы по обширному собранію писемъ къ нему А. П. Ермолова (1817—1832 гг.) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. VI, стр. 501—538. Ред.

ложе пятидесяти лѣтъ и всѣ они были уже въ большихъ чинахъ. Въ это званіе обыкновенно выбирались люди знатные, могущіе принести пользу художествамъ. Тѣмъ страннѣе было мое избраніе въ почетные члены, что большая часть старыхъ академическихъ профессоровъ не благоволили къ вольно-приходящимъ въ Академію молодымъ художникамъ. Военный чинъ мой также заставилъ ихъ много говорить, въ особенности Мартоса. «Какъ-де могъ президентъ предложить флотскаго лейтенанта въ почетные члены, а не въ академики».

Гр. Ѳ. П. Толстой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕРЦОГЪ БИРОНЪ,

регентъ Россійской Имперіи.

род. 1690 † 1772 г.

I.

Биронъ представляетъ собою типъ, далеко не привлекательный, но во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно своеобразный. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ онъ находился безотлучно при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (сперва въ Митавѣ, потомъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ), и, по своему, былъ лично ей преданъ. Послѣ кончины ея, онъ даже остался при тѣлѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ и отложилъ до ея погребенія, не только переѣздъ свой въ Зимній дворецъ, гдѣ помѣщался малолѣтній императоръ Іоаннъ Антоновичъ; но и приведеніе въ исполненіе замысла своего о сверженіи регентши Анны Леопольдовны. Когда онъ самъ, послѣ 22-хъ[1]) дневнаго регентства, попалъ въ ссылку, продолжавшуюся 22 года, то, обращаясь оттуда съ прошеніями къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Биронъ подписывался ея вѣрноподданнымъ. Между тѣмъ, онъ никогда не принималъ россійскаго подданства; напротивъ того, кичился предъ русскими званіемъ иностранца, ненавидѣлъ ихъ и считалъ, пожалуй, не выше китайцевъ,— мнѣніе, которымъ и теперь насъ удостоиваетъ бо̀льшая часть полуобразованныхъ нѣмцевъ, именно надменностью своею отличающихся отъ истинно-просвѣщенныхъ. Это былъ типъ наемника, извлекавшаго выгоды изъ того положенія, на которое поднялъ его слѣпой случай, и имѣвшаго притомъ, въ ужасающихъ размѣрахъ, всѣ пороки своей эпохи.

Одновременно съ опалою Бирона, безъ сомнѣнія, уничтожено много его портретовъ. Случиться могло это не только потому, что изображеніе Бирона напоминало періодъ тяжкихъ испытаній,

---

[1]) По убѣжденію самого Бирона, подтверждаемому въ извѣстной степени событіями, цифра *2* имѣла какое-то кабалистическое значеніе въ его жизни.

Бар. Ѳ. Б.

но и оттого, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія государственные перевороты до того быстро слѣдовали въ Россіи, одинъ за другимъ, что увлекали въ заточеніе кліентовъ за ихъ патронами и что тѣмъ изъ первыхъ, которымъ удавалось уцѣлѣть, не безопасно было беречь портреты опальныхъ своихъ покровителей. Вотъ почему нѣсколько сохранившихся въ С.-Петербургѣ портретовъ Бирона составляютъ въ настоящее время любопытную историческую рѣдкость. Намъ извѣстно всего пять портретовъ Бирона и два—его жены. Иные изъ нихъ случайно сохранились у ихъ потомковъ по женской линіи; другіе же—въ императорскихъ дворцахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, какъ напр.—въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Академіи Наукъ.

Въ Курляндіи, и въ особенности въ Митавѣ, вѣроятно, можно насчитать и бо̀льшее число портретовъ Бирона. Ихъ можно видѣть и за границей, напр., въ Саганѣ и въ за̀мкѣ Вартенбергъ (въ Силезіи), помѣстьяхъ, принадлежащихъ потомству Бирона, по мужской линіи.

I. Изъ портретовъ Бирона, находящихся въ С.-Петербургѣ, самый замѣчательный, по нашему мнѣнію, тотъ, о которомъ имѣется всего болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній,—это овальная миніатюра по грудь, на которой онъ представленъ въ низпадающемъ на плечи, большомъ напудренномъ парикѣ, въ черныхъ латахъ, съ рукавами суконной одежды оранжеваго цвѣта [1]), въ Андреевской лентѣ и съ накинутою на лѣвое плечо герцогскою мантіей (малиноваго бархата, подбитою горностаевымъ мѣхомъ), на которой нашита Андреевская звѣзда. Миніатюра эта рисована водяными красками (à la gouache) на пергаментѣ. Размѣры ея: $1^3/_4$ вершка въ вышину

[1]) Нѣкоторые любители старины полагаютъ, что это тогдашняя форма конной-гвардіи. Но, по спискамъ офицеровъ этого полка, помѣщенныхъ въ IV томѣ Исторіи онаго, изданной въ С.-Петербургѣ, въ 1849 году, И. В. Анненковымъ, легко убѣдиться, что Биронъ въ этомъ полку никогда не числился, хотя полкомъ командовалъ его братъ Карлъ-Магнусъ. Посему, оранжевый цвѣтъ (составляющій вмѣстѣ съ голубымъ, оба цвѣта герба Курляндіи) одежды заставляетъ полагать, что Биронъ представленъ на этомъ портретѣ въ формѣ существовавшей въ то время курляндской конницы или драгунской гвардіи. Переданные намъ однимъ русскимъ вельможей и однимъ курляндскимъ дворяниномъ разсказы совершенно сходятся въ томъ, что вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Павла I, онъ, во время вахтъ-парада, обратилъ особенное вниманіе на стоявшаго въ сторонѣ видпаго мужчину, военная одежда котораго, совершенно незнакомая сему государю, состояла именно изъ голубаго и оранжеваго цвѣта. Спросивъ у графа Палена: «Кто это такой?» императоръ Павелъ получилъ въ отвѣтъ: «Главнокомандующій курляндскою гвардіей вашего императорскаго величества, баронъ Дризенъ!» Когда Павелъ I съ полкомъ прошелъ мимо его, Дризенъ, со слезами на глазахъ, воскликнулъ въ

безъ малаго $1^1/_2$ вершка въ ширину. Стекло на ней простое, неровно-обрѣзанное кругомъ. Рамка овальная, мѣдная, грубой работы. Съ тѣхъ поръ, какъ начинаю себя помнить, т. е. приблизительно съ 1827 года, я знаю этотъ портретъ. Онъ тогда висѣлъ на перевязанной бантомъ Андреевской лентѣ, надъ однимъ изъ дивановъ, въ гостинной моей родной бабки, съ материнской стороны, кавалерственной дамы Елисаветы Александровны Пальменбахъ, рожденной баронессы Черкасовой, которая съ 1797 по 1802 годъ была начальницею Смольнаго монастыря и почтена была особенною пріязнею императрицы Маріи Ѳеодоровны. Елисавета Александровна, дочь одного изъ полезнѣйшихъ сподвижниковъ Екатерины II, барона Александра Ивановича Черкасова, по матери своей, принцессѣ Екатеринѣ Ивановнѣ (Гедвигѣ-Елисаветѣ) курляндской, единственной дочери Бирона, приходилась ему родною внучкою. Послѣ ея кончины, въ 1832 году [1]), этотъ портретъ достался моей матушкѣ. Мнѣ тогда было только 11-ть лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно, я при жизни бабушки еще не могъ вести съ нею разговоровъ о Биронѣ. Но когда другой ея внукъ, старшій изъ числа моихъ двоюродныхъ братьевъ, Левъ Павловичъ Батюшковъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ генеральнаго штаба), уже интересовавшійся тогда отечественною исторіей и семейными преданіями, пытался разспрашивать ее объ немъ, то почтенная старушка, отличавшаяся умомъ и тактомъ, всегда отвѣчала уклончиво, что-де „о Биронѣ говорить не стоитъ, такъ какъ о немъ ничего нельзя сказать хорошаго". Если она берегла его портретъ, то, конечно, наиболѣе потому, что получила его отъ своей матери. Должно быть принцесса Елисавета-Гедвига увезла его съ

полголоса: «Ganz wie der alte Fritz!» (Двѣ капли воды Фридрихъ Великій!) Представленный государю послѣ парада, Дризенъ былъ переименованъ въ русскіе генералъ-маіоры, и ему были пожалованы: Анненская лента и имѣніе въ Курляндіи. По прибытіи его на мѣсто, оказалось, что тамъ по близости находилось не одно, а два казенныхъ имѣній, носившихъ оба названія той мызы, которая ему была пожалована. Онъ рѣшился послать въ Петербургъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что одной части пожалованныхъ ему мѣстностей желаетъ дать имя Paul's Gande (Милость Павла), а другую назвать Sorgenfrei (Беззаботное, Sans Souci). На это послѣдовало соизволеніе, и такимъ образомъ, оба имѣнія остались за Дризеномъ. Но даръ государя не пошелъ въ прокъ Дризену; онъ скоро промоталъ оба имѣнія, и самъ получилъ отъ своихъ земляковъ насмѣшливое прозвище Sorgenfrei, т. е. человѣка свободнаго отъ заботъ о поземельной собственности. Бар. Ѳ. Б.

[1]) См. болѣе подробныя свѣдѣнія о фамиліяхъ Биронъ, бароновъ Черкасовыхъ и Пальменбахъ, въ статьяхъ пишущаго эти строки: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1870 года, главы III, X и XI. Бар. Ѳ. Б.

Іоаннъ регентъ
і Герцогъ

E. v. Biron

собою, когда бѣжала изъ родительскаго дома (въ Ярославлѣ), въ Троицкую лавру, гдѣ доведено было до свѣдѣнія императрицы Елисаветы Петровны, что она желаетъ обратиться въ православіе [1]). Нарисована же эта миніатюра, по всей вѣроятности, до регенства, какъ убѣдимся въ томъ при сравненіи ея съ другими портретами. Теперь она уже давно принадлежитъ мнѣ и находилась на бывшей здѣсь въ 1870 году, въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, выставкѣ старинныхъ портретовъ.

II. Другой портретъ, также грудной, и писанъ масляными красками неизвѣстнымъ живописцемъ Италіянской школы. Въ вышину имѣетъ онъ 1 арш. и 4 вершка, а въ ширину—1 аршинъ. Этотъ портретъ долгое время находился въ имѣніи зятя Бирона, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Александра Ивановича Черкасова, Смоленской губерніи, Ельнинскаго уѣзда, села Путятино, перешедшемъ впослѣдствіи къ сыну его, барону Петру Александровичу. Тамъ, въ числѣ другихъ фамильныхъ портретовъ, онъ пострадалъ въ 1812 году, отъ варварства французскихъ мародеровъ, которые перецарапали ихъ шомполами и саблями, а нѣкоторымъ даже повыкололи глаза. Когда я, въ 1857 году, получилъ этотъ портретъ отъ двоюродной тетки моей, баронессы Софіи Петровны Черкасовой, то пришлось перевести его на новое полотно. На этомъ портретѣ Биронъ также представленъ въ большомъ, напудренномъ парикѣ, въ полуоборотъ на лѣво, такъ что на кафтанѣ, изъ алаго бархата, видна лишь Андреевская лента, а звѣзды не видно; камзолъ изъ золотой парчи. Этотъ портретъ, въ 1870 году, также находился на выставкѣ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Портретъ этотъ переданъ въ гравюрѣ, приложенной къ этой книгѣ „Русской Старины".

Относительно головы и лица, слѣдуетъ замѣтить, какъ общую черту портретовъ Бирона [2]), что голова всюду представляется нѣсколько съуженою къ верху и что лобъ сталъ высокъ только подъ старость, между тѣмъ, какъ нижняя часть лица полнѣе, что, по мнѣнію френологовъ, доказываетъ недостаточное развитіе умственныхъ способностей, преобладаніе чувственности, и вообще животныхъ инстинктовъ. Дѣйствительно, въ Биронѣ было больше хитрости и пронырства, чѣмъ ума и подготовки къ управленію обширнымъ государствомъ. Онъ держался при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, между

---

[1]) С. Н. Шубинскаго, историческіе очерки, С.-Петербургъ, 1869 года. «Дочь Бирона», стр. 116. Бар. Ѳ. Б.

[2]) Съ двухъ первыхъ портретовъ есть гравюры у Д. А. Ровинскаго, съ нѣкоторою разницею въ одеждѣ на послѣднемъ. См. каталогъ принадлежащихъ ему гравюръ, Спб. 1872 г., изд. Акад. Наукъ.

прочимъ, тѣмъ, что запугивалъ ее мнимыми заговорами и крамолою. Какъ только эта государыня скончалась, Биронъ долженъ былъ пасть; еслибъ даже дверь его спальни крѣпче была-бъ задвинута, такъ что Манштейнъ не вошелъ бы въ нее, то Биронъ неизбѣжно палъ бы отъ другой руки, при иной обстановкѣ, единственно отъ того, что употреблялъ во зло власть, насильственно захваченную, и не имѣлъ главнаго, необходимаго качества мудраго правителя—ставить пользу и интересы управляемой страны выше своихъ личныхъ интересовъ. Лицо собственно на этомъ портретѣ № II свѣжѣе, моложе и полнѣе, чѣмъ на другихъ: оно даже нѣсколько смуглое, что произошло, быть можетъ, отъ колорита. Носъ правильный, но соразмѣрный; глаза довольно темные и взглядъ имѣетъ скорѣе проницательный, чѣмъ суровое выраженіе; а такъ какъ тутъ Биронъ представленъ безъ мантіи, то все вышесказанное заставляетъ насъ отнести этотъ портретъ къ 1730-мъ годамъ, т. е. къ тому времени, когда Биронъ уже былъ кавалеромъ обоихъ русскихъ орденовъ, графомъ и оберъ-камергеромъ (все это было ему пожаловано въ теченіе 1730 года); но еще не герцогомъ, въ каковое званіе онъ облеченъ былъ лишь въ 1737 году, т. е. за три года до ссылки въ Сибирь. Еслибы этотъ портретъ написанъ былъ уже въ бытность его герцогомъ, извѣстное всѣмъ тщеславіе Бирона непремѣнно бы побудило его позировать въ мантіи. На основаніи сихъ соображеній, этотъ портретъ слѣдуетъ считать первымъ въ хронологическомъ порядкѣ, т. е. старѣйшимъ противу всѣхъ другихъ. На миніатюрѣ же (№ I), лицо у Бирона блѣдное, обрюзглое, носъ длиннѣе и каріе глаза нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ на другомъ портретѣ (№ II), и положительно выражающіе не только строптивость и суровость, но даже жестокость. Что же касается собственно до глазъ, то извѣстно, что съ лѣтами утрачивается первоначальный ихъ цвѣтъ. Но всѣ описанные нами портреты еще не представляютъ намъ Бирона-регента.

III. Въ продолженіе его 22-хъ дневнаго регентства начата была граверомъ Вортманомъ и осталась неоконченною гравюра, на которой онъ изображенъ по колѣна, въ напудренномъ парикѣ меньшаго, противу прежнихъ, размѣра, весь въ бронѣ, въ лентѣ, въ мантіи и опирающимся лѣвою рукою на какой-то жезлъ, подлиннѣе фельдмаршалскаго. Вся фигура на половину обращена вправо. Не додѣланными остались лѣвая рука и вся мантія. Тутъ носъ похожъ на ястребиный клювъ и лицо худощавое. Гравюра эта и самая гравировальная доска принадлежатъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

IV. Портретъ Бирона по грудь, писанный масляными красками,

въ русскомъ гвардейскомъ мундирѣ изъ свѣтло-зеленаго сукна, съ золотымъ позументомъ (вѣроятно Измайловскаго, гдѣ онъ, быть можетъ, числился, такъ какъ этимъ полкомъ командовалъ его братъ, Густавъ Биронъ), и въ Андреевской лентѣ,—также находился на выставкѣ 1870 года, имѣетъ 18-ть вершковъ въ вышину и 15-ть въ ширину. Онъ принадлежитъ гатчинскому дворцу. Портреты галлереи въ семъ дворцѣ и въ такъ называемомъ англійскомъ дворцѣ, выстроенномъ Екатериною II для великаго князя Александра Павловича въ Старомъ Петергофѣ, составились преимущественно изъ коллекціи портретовъ, современныхъ этой государынѣ владѣтельныхъ особъ, которые они сами ей присылали [1]). Эта коллекція помѣщалась въ чесменскомъ дворцѣ до обращенія его въ военную богадѣльню при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Вслѣдствіе сего полагаемъ, что этотъ портретъ присланъ былъ Бирономъ изъ Митавы, послѣ вторичнаго вступленія его въ управленіе герцогствомъ Курляндскимъ, продолжавшемся 6-ть лѣтъ, отъ 1763 года до отреченія его въ 1769 году, въ пользу своего старшаго сына Петра. Но на этомъ портретѣ онъ еще такъ моложавъ, что приходится полагать, что онъ былъ написанъ гораздо прежде: лицо полное, глаза темные, даже видна нѣсколько принужденная искательная улыбка, тогда какъ на другихъ его портретахъ именно поражаетъ совершенное отсутствіе улыбки, по тогдашнимъ понятіямъ, такъ сказать, обязательной на портретахъ.

V. Овальный портретъ по грудь, имѣющій 14½ вершковъ въ длину и 11 вершковъ въ ширину, писанный масляными красками и изображающій Бирона уже въ преклонныхъ годахъ, въ черныхъ латахъ съ оранжевыми рукавами, въ Андреевской лентѣ и въ герцогской мантіи, находившійся на выставкѣ 1870 года (№ 164-й, втораго изд. каталога выставки), принадлежитъ Аполлинѣ Михайловнѣ Веневитиновой, рожденной графинѣ Віельгорской, приходящейся по матери своей, принцессѣ Луизѣ Карловнѣ Биронъ, правнучкою герцогу Эрнесту-Іоганну. На этомъ портретѣ особенно поражаетъ развитіе нижней челюсти и сильно выдающійся двойной, старческій подбородокъ—словомъ, это Биронъ, какимъ описалъ его намъ пресловутый Казанова, видѣвшій его въ проѣздъ свой черезъ Митаву, на маскарадѣ у герцогини Бенигны-Готтлибъ. „Le Chambellan Comte Kaiserling“, говоритъ Казанова, — „me présenta à la duchesse, femme du célèbre Biron, ancien favori de l'Impératrice Anne. C'est un vieillard

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ» 1870 года, мартъ, стр. 178. Бар. Ѳ. В.

assez courbé, à tête chauve. A le considérer de près, on reconnaissait qu'il avait dû être fort bel homme [1]).

VI. Подъ пару (pendant) гравированному портрету Бирона (№ III) выгравированъ былъ Вортманомъ и совершенно оконченъ во время регенства Бирона портретъ его жены, рожденной Тротта-фонъ-Трейденъ. Мѣдная доска этой гравюры сохранилась въ Императорской Академіи Наукъ. Въ соотвѣтственность мужу, вся фигура жены его обращена въ полуоборотъ налѣво. Прическа напудренная; на герцогинѣ кружевное платье, множество бриллiантовъ, на лѣвомъ плечѣ горностаевая мантія, чрезъ правое плечо надѣта лента, на груди бриллiантовая звѣзда ордена св. Екатерины; лѣвая рука касается лежащей на подушкѣ герцогской короны. Внизу крупная надпись, состоящая изъ словъ: „Benigna Gottlieb"; а между ними герцогскій гербъ, составленный изъ герба Курляндіи и герба графской фамиліи Биронъ; но въ обоихъ именахъ буква *g* не додѣлана снизу и, судя по оставшемуся подъ этими словами пустому пространству, нарушающему симметрію, надо полагать, что, по случаю опалы и ссылки Бирона,— вмѣстѣ съ кончиками буквъ *g*, соскоблено было съ мѣдной доски продолженіе надписи, что-нибудь, напр., въ родѣ слѣдующаго: „герцогиня Курляндская и Семигальская, свѣтлѣйшая супруга регента Россійской имперіи".

и VII. Портретъ Бенигны-Готтлибъ Биронъ, писанный по грудь, масляными красками, овальный, имѣющій, подобно портрету ея мужа (№ V), 14 верш. вышины и 11 вер. въ длину, и принадлежащій также Ан. Мих. Веневитиновой, находился, въ 1870 году, на выставкѣ старинныхъ портретовъ подъ № 163-мъ, по 2-му изд. каталога. И тутъ прическа, напудренная съ наколотыми на нее бриллiантовыми эгретками (aigrettes), жемчужное ожерелье, лента и звѣзда; но мантіи нѣтъ. Существенная разница между этими двумя портретами заключается въ томъ, что на первомъ Бенигна-Готтлибъ представлена молодою и очень полною женщиной, которая, въ отношеніи здоровья и дородности, могла поспорить съ самою императрицею Анною Іоанновною; а что на второмъ представлена женщина, пожилая, блѣдная и имѣющая уже морщины; словомъ, тутъ видны слѣды лѣтъ, лишеній и страданій въ ссылкѣ, такъ что нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ портретъ написанъ уже по возвращеніи Бироновъ изъ

[1]) Камергеръ графъ Кейзерлингъ представилъ меня герцогинѣ, супругѣ извѣстнаго Бирона, бывшаго фаворитомъ императрицы Анны. Это уже порядочно сгорбившійся, плѣшивый старецъ. Вглядываясь поближе, легко было увѣриться, что онъ, вѣроятно, когда-то былъ очень красивымъ мужчиной. Mémoires de Jacques de Casanova de Seingalt, Paris, 1843, Tome IV, p. 277 et 278.

Пелима и Ярославля. Первый портретъ герцогини особенно интересенъ тѣмъ, что совершенно опровергаетъ мнѣніе, выраженное объ ней княземъ П. В. Долгоруковымъ въ I томѣ Записокъ, изданныхъ имъ въ Женевѣ, будто Бенигна-Готтлибъ была слабаго и болѣзненнаго сложенія (complexion rachétique), будто Биронъ никогда съ нею не жилъ (онъ былъ арестованъ въ ея спальной) и отъ нее дѣтей не имѣлъ; а что жена его носила подушку, когда была одержима беременностью—другая особа, жившая въ то время въ Митавѣ. Всѣ дѣти Бирона: Петръ, Карлъ и Елисавета-Гедвига родились въ этомъ городѣ. Ихъ портреты также находились на выставкѣ 1870 года, а именно: 1) принадлежащій мнѣ миніатюрный портретъ герцога Петра Бирона, который правилъ Курляндіей по отреченіи отца и уступилъ это герцогство въ 1795 году императрицѣ Екатеринѣ II (№ 596 по 2-му изд. каталога);. 2) принадлежащій мнѣ же портретъ, писанный по грудь масляными красками принцессы Елисаветы-Гедвиги, по принятіи православной вѣры Екатерины Ивановны, бывшей въ замужествѣ за барономъ А. И. Черкасовымъ (№ 369, по 2-му изд. каталога); и 3) небольшаго размѣра портретъ масляными красками принца Карла Бирона, принадлежащій его родной внучкѣ, Ан. Мих. Веневитиновой. Онъ находился тамъ подъ № 440-мъ (по 2-му изд. католога).

Для бо́льшей полноты характеристики семейства Бирона, прибавимъ слѣдующее:

Э. I. Биронъ оставилъ по себѣ недурную память въ Курляндіи и лучше умѣлъ ладить съ тамошнимъ дворянскимъ сеймомъ (Landtag), чѣмъ сынъ его, герцогъ Петръ, въ пользу котораго онъ отрекся отъ власти.

Послѣ смерти Э. I. Бирона, возникли раздоры между герцогомъ Петромъ, съ одной стороны, принцемъ Карломъ и ихъ сестрою баронессою Черкасовою, съ другой стороны: принцъ велъ многолѣтній и сложный процессъ противъ брата своего по поводу завѣщанія отца; баронесса даже жаловалась Екатеринѣ II на неисправную уплату слѣдовавшей ей пенсіи, пока декларація, подписанная при уступкѣ Курляндіи Россіи, не обезпечила окончательно ихъ участь (П. С. З., Т. XXIII, № 17,319). Кромѣ раздоровъ, между нисходящими Бирона, замѣчательны многочисленные разводы супруговъ.

Въ семействѣ Бирона, женщины, въ отношеніи культуры, стояли выше мужчинъ. Это отчасти доказываютъ хранящіяся въ государственномъ архивѣ письма Гедвиги-Екатерины Биронъ, матери герцога Эрнеста-Іоганна, рожденной фонъ-деръ-Раабъ, и переписка, происходившая на русскомъ языкѣ между герцогинею Бенигной-Готтлибъ и

женою одного изъ ярославскихъ воеводъ, г-жею Шубиною. Герцогиня и ея дочь были свѣдущи въ рисованіи и женскихъ рукодѣліяхъ. Въ Ярославлѣ начали онѣ вышивать по шелковой матеріи изображенія окружавшихъ ихъ въ Сибири кочевыхъ инородцевъ и ихъ промысловъ. Этою матеріей до сихъ поръ обиты стѣны одной комнаты Митавскаго зàмка. Кромѣ того, во время ссылки, Бенигна-Готтлибъ сочинила, на нѣмецкомъ языкѣ, нѣсколько стихотвореній духовнаго содержанія, которыя изданы были въ Митавѣ, въ 1777 году, подъ заглавіемъ: „Eine grosse Kreuzträgerin“, такъ какъ дѣйствительно этой женщинѣ пришлось долго и безвинно нести тяжелый крестъ, при чемъ она показала больше смиренія, чѣмъ ея дочь, не потерпѣвшая до конца.

Что же касается до самаго Бирона, то имя его легло кровавымъ пятномъ на страницы русской исторіи и за это пятно 22-хъ лѣтняя ссылка едва ли была достаточнымъ ему возмездіемъ. При величайшей снисходительности, невозможно извинить его свирѣпость, пороками и жестокостью, составлявшими отличительную черту первой половины XVIII столѣтія. Однако-жъ, слѣдуетъ помнить, что началомъ суда праваго и милостиваго Россія обязана Екатеринѣ II, а довершеніемъ этого великаго дѣла нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Вотъ почему современники великой государыни менѣе содрагались, чѣмъ мы, при воспоминаніи о Бироновщинѣ. Сравненіе съ иными эпохами, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, дѣлаетъ ее болѣе страшною. До Рылѣева, а затѣмъ и Лажечникова, никто не думалъ воспѣвать Волынскаго и, зная, что лишь въ Китаѣ дѣти расплачиваются за грѣхи отцевъ, никто изъ русскихъ никогда не выказывалъ недоброжелательства ни дѣтямъ, ни внукамъ Бирона. Что же касается до А. П. Волынскаго, то въ сущности полнаго и живѣйшаго сожалѣнія заслуживаетъ лишь ужасная казнь его, но личность его не вызываетъ сочувствія. Человѣку, воспитывавшемуся за границей и вполнѣ просвѣщенному для своего вѣка, неизвинительно было торговать политическимъ вліяніемъ Россіи на сосѣднее государство (Персію) и брать взятки, будучи губернаторомъ въ Астрахани, гдѣ о нихъ до сихъ поръ еще живо преданіе.

Впрочемъ, нашъ образованный XIX вѣкъ произвелъ чудовище, превзошедшее даже грубаго, необразованнаго Бирона: утонченно воспитанный въ заточеніи и въ школѣ несчастія, Наполеонъ III, изъ личныхъ видовъ и подъ предлогомъ спасенія общества отъ гидры соціализма, въ теченіе двухъ сутокъ, послѣдовавшихъ за переворотомъ 2-го декабря, положилъ гекатомбу, состоявшую изъ 30,000

мертвыхъ тѣлъ и изгнанниковъ[1]), къ подножію своего недолговѣчнаго престола, такъ что объ немъ справедливо могъ сказать поэтъ:

Que de transports dans les provinces,
Que de transports dans les cités!
Jamais avènement de prince
N' a fait tant de transportés!

Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

II.

РОДОСЛОВІЕ ФАМИЛІИ БИРОНА[2]).

1.

№		№ отцовскій.
1.	Карлъ Биронъ. Ж. Одилія Крей (Krey).	

2.

2.	Іоганнъ	1.
3.	Карлъ	1.

3.

4.	Яковъ, былъ живымъ еще въ 1636 г.	2.
5.	Карлъ. Ж. фонъ-Шульте	2.
6.	Матіасъ	2.
	Одилія, за Михайломъ фонъ-Турнау (Turnauw)	2.
7.	Матіасъ	3.

4.

8.	Карлъ, подполковникъ, убитъ подъ Офеномъ 1686	
9.	Оттонъ-Фридрихъ, сперва польскій маіоръ; убивъ на дуэли оберъ-егермейст. фонъ-Нольде, вступилъ въ бран-	

---

[1]) Kinglake: L'Invasion de la Crimée, Bruxelles, 1869, tome I.

[2]) Предлагаемая здѣсь родословная, составлена при участіи бар.. Ѳ. А. Бюлера. Она извлечена изъ обширнаго генеалогическаго труда одного любителя и знатока русской генеалогіи. Трудъ этотъ нами выпущенъ въ отдѣльномъ изданіи: «Русская родословная книга» (Спб. 1873 г. Изданіе «Русской Старины»), и можетъ служить обращикомъ помѣщенныхъ въ ней родословій. Ред.

№ | № отношеній

денбургскую службу и былъ генералъ-лейтенантомъ. Въ 1690 г. получилъ Salvum conductum на возвращеніе въ Польшу, и, снова вступивъ въ польскую службу, былъ комендантомъ въ Могилевѣ. Ж. 1) Христина-Катерина фонъ-деръ-Гребенъ (съ 1683 г. во 2-мъ бракѣ за ротмистромъ Оттономъ Магнусомъ Бутларомъ (Buttlar); 2) съ 1683 Анна фонъ-Шлобгутъ (Schlobhut), вдова графа Георга-Максимиліана Вршовецъ . . . 4.

10. Карлъ, корнетъ польской службы, р. въ февр. 1633, † 3 марта 1730. Ж. Гедвига-Катерина фонъ-деръ-Раабъ (v. d. Raab, genannt Thulen), р. 1661 . . . . . . 5.

11. Карлъ, ротмистръ въ 1654. . . . . 6.

5.

12. Георгъ-Фридрихъ, маіоръ въ 1715. Ж. 10 апрѣля 1709. Марія-Варвара фонъ-Нацмеръ (Natzmer) † 1726 . .

13. Карлъ-Магнусъ, русскій генералъ-маіоръ, † 1739 . . . 9.

Анна-Христина, † 3 мая 1727. За Морицомъ-Іоганномъ фонъ-Брюнекомъ (v. Brünneck) . . . .

14. Карлъ, русскій генер.-аншефъ (5 сентября 1739), р. 14 мая 1684, † 2 апр. 1743. Ж Христина-Луиза фонъ-Ламбздорфъ, † въ іюнѣ 1760; (во 2-мъ бракѣ за графомъ Францомъ-Георгомъ фонъ-Пфейлицеромъ (Oberburggraf von Pfeilitzer Franck) . . . .

15. Эрнстъ-Іоганнъ, графъ Римской имперіи, 12 авг. 1730, герцогъ курляндскій и семигальскій 1737, регентъ россійскій 1740, р. 23 нояб. 1690, † 18 дек. 1772. Ж. 1723, Бенигна-Готлибъ Тротта-фонъ-Трейденъ (Trotta, genannt Treyden), р. 15 окт. 1703, † 5 ноября 1782 [1]).

16. Густавъ, русскій ген.-анш. (14 февр. 1740), † 1742. Ж. кж. Александра Александровна Меншикова, р. 17 декабря 1712, † 13 октября 1736 . . . . 10.

Доротея-Елисавета, за польскимъ корнетомъ Германомъ Фридрихомъ Медемомъ . . . .

[1]) Родная ея сестра, Θекла (Thecla von Trotta, genannt Treyden) была съ 1733 г. 2-ю женою лифляндскаго генералъ-губернатора (1737—1740), генер.-аншефа Рудольфа-Августа фонъ-Бисмаркъ, р. 12 марта 1683, † 4 октября 1750. Въ 1-мъ бракѣ (1714), онъ былъ женатъ на Альбертинѣ-Луизѣ фонъ-Ассебургъ, † 1715.

№		№ отцовскій
	Гертруда-Софія, 1) за Эрихомъ Албедилемъ, капитаномъ л.-гв. семеновскаго полка; 2) за ротмистромъ Карломъ-Магнусомъ Корфомъ. . . . . Гедвига-Софія-Христина, за фонъ Тобіеномъ (v. Tobien). Анна-Марія, за Медемомъ, служившемъ въ л.-гв. преображенскомъ полку. . . . . Сабина Юліана, 1) за камеръ-юнкеромъ Георгомъ Ландебергомъ, съ которымъ развелась; 2) за Эбергардомъ фонъ-Альтенъ-Бокумъ (v. Alten-Bokum) . . . . . Урсула-Марія, за Гергардомъ-Іоганномъ фонъ-Раденомъ.	10.

6.

17.	Петръ, герцогъ Курляндскій и Семигальскій (17/28 марта 1795 г. отрекся отъ престола), род. 15 февраля 1724, † 13 января 1800. Ж. 1) 15 октября 1765, принцесса Каролина-Луиза Вальдекская, развелась съ нимъ 1772, † въ Лозаннѣ 19 іюля 1780; 2) кж. Евдокія Борисовна Юсупова, развелась съ нимъ 1778, † 1780; 3) 1779 г. графиня Анна-Шарлотта-Доротея Медемъ, р. 3 февраля 1761, † 20 августа 1821 г. (всѣ дѣти отъ 3-го брака)	15.
18.	Принцъ Карлъ-Эрнстъ, русскій генералъ-маіоръ, род. 11 октября 1728, † 4/16 октября 1801. Ж. кж. Аппполонія Матвѣевна Понинская, род. 4 февраля 1760, † въ С.-Петербургѣ 24 іюля 1800. . . . . Принцесса Гедвига-Елисавета (въ православіи Екатерина Ивановна), род. 23 іюня 1727, † въ Дерптѣ 31 марта 1797; съ 1759 г. за поручикомъ (впосл. д. т. с.) Барономъ Александромъ Ивановичемъ Черкасовымъ. .	

7.

19.	Петръ, наслѣдный принцъ Курляндскій, род. 23 февраля 1787, † 25 марта 1790. . . . . Принцесса Катерина-Фридерика-Вильгельмина-Бенигна, род. 8 февраля 1781; 1) съ 23 іюля 1800, за княземъ Юліемъ-Армандомъ-Людовикомъ Рогапомъ, австрійскимъ генералъ-маіоромъ; они развелись 7 марта 1805; 2) съ 5 мая 1805 за кн. Василіемъ Сергѣевичемъ Трубецкимъ (Долг. ч. I, стр. 324, № 67), развелись	

№ — № отцовскій.

1806; 3) съ 8 октября 1819 за австрійск. камергеромъ графомъ Карломъ-Рудольфомъ Шуленбургомъ. (Кромѣ титула принцессы Курлянд., она носила титулъ герцогини Саганской) . . . .

Принцесса Марія-Паулина-Луиза, род. 19 февраля 1782, † 8 января 1845, съ 26 апрѣля 1800 за владѣтельнымъ принцемъ Фридрихомъ-Германомъ-Оттономъ Гогенцоллернъ-Гехингенъ, род. 22 іюля 1776, † 13 сентября 1838 (ихъ единственный сынъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, отказался отъ Гогенцоллернъ-Гехингенскаго престола въ пользу короля Прусскаго 7 декабря 1849) . . . . 17.

Принцесса Іоганна-Катерина, род. 24 іюня 1783, съ 18 марта 1801, за Францискомъ Пиньятелли-ди-Бельмонте, герцогомъ д'Ачеренца (Pignatelli di Bilmonte. duca d'Acerenza) . . . .

Принцесса Шарлотта-Фредерика, род. 26 января 1789. † 10 марта 1791. . . . .

Принцесса Катерина, род. 12 ноября 1792 . . . . .

Принцесса Іоганна-Доротея, род. 21 августа 1793, † 19 сентября 1862; съ 24 апрѣля 1809 за графомъ Эдмондомъ Таллейранъ-Перигоръ, герцогомъ Дино (въ Калабріи), род. 12 авг. 1787, † 1872, (съ 12 дек. 1864, во 2-мъ бр. женатъ на вдовѣ Макъ-Доннель). (По инвеститурѣ короля Прусскаго отъ 6 января 1845 года герцогиня Доротея Дино получила титулъ герцогини Саганской) . . . .

20. Принцъ Густавъ-Каликстъ, родился 29 января 1780, † 20 іюня 1821. Ж. 5 сентября 1806. графиня Фанни-Луиза-Франциска Мальцанъ, род. 23 сентября 1790 (съ 28 іюля 1833, во 2-мъ бракѣ за прусскимъ генералъ-лейтенантомъ фонъ-Штанцомъ) . . . . . .

21. Принцъ Петръ-Алексѣй (по-русски Петръ Карловичъ), штабъ-ротмистръ кавалергардскаго полка, камергеръ, родился 21 февраля 1781, † 29 апрѣля 1809, холостымъ. . . . .

22. Принцъ Адольфъ, родился 30 декабря 1783, † въ малолѣтствѣ . . . . 18.

23. Принцъ Константинъ, родился 14 марта 1787, † въ малолѣтствѣ . . . .

№		№ отцовскій.
	Принцесса Бенигна, род. 30 декабря 1778	
	Принцесса Каролина, † въ малолѣтствѣ	
	Принцесса Луиза (по-русски Луиза Карловна), род. 14/25 іюля 1791, † 6 февраля 1853; съ 11/23 апрѣля 1816 за графомъ Михайломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ (Дол. ч. III, стр. 96, № 14), род. 31 октября 1787, † 28 августа 1858.	8.
	Принцесса Катерина, род. 15 сент. 1798, † въ малолѣтствѣ.	

8.

№		№ отцовскій.
24.	Принцъ Карлъ-Фридрихъ-Вильгельмъ, род. 13 дек. 1811, † 21 марта 1848, бездѣтный. Ж. съ 26 февр. 1833, графиня Агнесса Липпе-Бистерфельдъ, р. 30 апр. 1810, (во 2-мъ бр. съ 9 іюля 1849 за графомъ Леопольдомъ Цитеномъ).	
25.	Принцъ Каликстъ-Густавъ-Германъ, род. 3 января 1817. Ж. съ 6 ав. 1845; кж. Елена Васильевна Мещерская, род. 2 января 1819.	
26.	Принцъ Петръ-Густавъ-Германъ, род. 12 апрѣля 1818 .	
	Принцесса Луиза, род. 30 марта 1808, съ 30 мая 1829 за гр. Альфредомъ Гогенталемъ, род. 5 дек. 1806, † 16 ноября 1860; (во 2-мъ бракѣ былъ женатъ съ 3 окт. 1846 г., на вдовѣ Маріи фонъ-Ласпергъ, рожд. принцессѣ Гольдштейнъ-Бекской, род. 23 окт. 1810, † 11 мая 1869).	20.
	Принцесса Лаура-Франциска-Іоганна-Александра, род. 15 августа 1810	
	Принцесса Антуанетта, род. 17 января 1813; съ 29 октября 1834 за отставнымъ генералъ-маіоромъ Лазаремъ Якимовичемъ Лазаревымъ, † 14 октября 1871 г. .	
	Принцесса Фанни-Юлія-Тереза, род. 1 апр. 1815; съ 25 іюня 1850, за полковникомъ (нынѣ ген.-лейт. и генер.-адъют. короля прусскаго) фонъ-Бойеномъ (Boyen).	

9.

№		№ отцовскій.
27.	Принцъ Густавъ-Петръ-Іоганнъ, род. 27 окт. 1859. . .	25.

Бюлау (Personnages énigmatiques. Paris, 1761. v. III, page 107) сообщетъ, что извѣстный искатель приключеній, французскій графъ Бонневаль (въ Турціи Ахметъ-паша, † 22 марта 1747) былъ женатъ на Юдиеи-Шарлоттѣ, принцессѣ Биронъ, изъ курляндской фамиліи; что она не послѣдовала за своимъ мужемъ въ Турцію, и осталась во Франціи, гдѣ и умерла въ 1741 г., не оставивши потомства отъ этого брака. Въ росписяхъ фамиліи Биронъ, напечатанныхъ въ Дерптскомъ журналѣ «Das Inland» (1847, № 15, 1848 г., № 48 и 1849, № 14), эта Юдиеь-Шарлотта не показана, и мы не имѣли возможности удостовѣриться въ справедливости этого свѣдѣнія. А. Л.

III.

Челобитная сына Бирона, Карла Эрнста.

1737 г.

всепресветлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Імператрица Anna Ioanovna, Самодержіца всеросеиская. Вашего Імператорскаго величества неизреченная ко мнѣ милость, которая ежедневно, безъ всякихъ моихъ заслугъ, умножается, подаетъ мнѣ смѣлость симъ моимъ всенижайшимъ прошеніемъ Ваше Величество утруждать.

Извѣстно Вашему Імператорскому Величеству о моей искренней и всеусердиой вѣрности, которую я всегда неотмѣнно имѣлъ, и во всю мою бытность при вашей августѣйшей персонѣ услугами своими, хотя весьма малыми, засвидѣтельствовать старался; однако-жъ не имѣя, по моей склонности, чину, не могъ и по-нынѣ усердія своего и прилежности, по желанію моему, довольно показать.

Всемилостивѣйшая Государыня Імператрица! Прошу вашего Імператорскаго Величества всенижайше, да повелитъ державство ваше: меня нижайшего и вѣрнѣйшаго своего раба, по обыкновенной вашего Імператорскаго Величества ко мнѣ материнской милости, пожаловать въ Камеръ Геры. И оную должность не токмо ревностно и съ крайнимъ прилежаніемъ исправлять обѣщаюся, но и не усыпное попечеіе имѣть буду пристойнымъ поведеніемъ, благороднымм вашему величеству услугами такой высокой Імператорской милости удостоится.

Въ надеждѣ всемилостивѣйшаго прозбы моей услышенія, остаюсь, до скончанія жизни своей, въ глубочайшей покорности вашего Імператорскаго величества всеподаннѣйшій, всенижайшій и всевѣрнѣйшій рабъ Карлъ Эрнестъ, принцъ Курляндскій.

Carl Ernest Prince zu Curland.

St.-Petersburg,
20 Iunii 1837.

Собственноручная резолюція императрицы: «Ученит по сему. Анна».

Сообщ. Н. Я. Максимовъ.

Примѣчаніе. Письмо на листѣ сѣрой бумаги; титулъ императрицы въ началѣ и подпись латинскими буквами въ концѣ прошенія писаны рукою сына Бирона. Въ титулѣ слово «великая» было пропущено и вписано послѣ надъ чертою.

Н. М.

Вновь пожалованному камергеру, второму сыну временщика, было въ 1737 г. восемь лѣтъ и восемь мѣсяцевъ отъ роду. Ред.

ДѢТИ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ.

1740 — 1807 гг.

Академикъ А. А. Куникъ въ 1864 г. случайно пріобрѣлъ у одного изъ букинистовъ (на Большой Садовой улицѣ), для своей весьма богатой по исторіи библіотеки, очень любопытную рукопись. Эта тетрадь, въ 4-ю долю сѣроватой бумаги, изъ семи листковъ, переплетенной въ толстый кожаный переплетъ. Рукопись нѣкогда принадлежала извѣстному историку Д. Н. Бантышу-Каменскому [1]), и заключаетъ въ себѣ: а) собственноручныя замѣтки архимандрита Іосифа; б) записанное Бантышъ-Каменскимъ въ Полтавѣ, въ 1819 г., со словъ архимандрита Іосифа, извѣстіе о пребываніи этого лица въ городкѣ Горсензѣ, въ Ютландіи, при дѣтяхъ бывшей правительницы Россіи Анны Леопольдовны; в) родословіе ея фамиліи и г) рисунокъ, собственноручно-исполненный дочерью Анны Леопольдовны — принцессою Екатериною Антоновною.

Такъ какъ рукописи, гравюры, медали и другіе вещественные памятники послѣ смерти частныхъ владѣльцевъ легко теряются и, во всякомъ случаѣ, приносятъ болѣе пользы въ общественныхъ хранилищахъ, нежели въ частныхъ собраніяхъ, то А. А. Куникъ, какъ курьезный рисунокъ, такъ и рукопись принесъ, вскорѣ по пріобрѣтеніи ихъ — въ даръ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ [2]).

Нынѣ, пользуясь весьма обязательнымъ разрѣшеніемъ почтеннаго академика, мы представляемъ читателямъ «Русской Старины» разсказъ архимандрита Іосифа и вполнѣ точный фото-литографическій снимокъ съ рисунка «Холмогорскаго острога», въ которомъ многіе годы томились и здѣсь же умерли правительница Анна Леопольдовна и ея мужъ, генералиссимусъ россійскихъ войскъ, герцогъ Браунпвейгъ-Люнебургскій Антонъ-Ульрихъ [3]). Въ этомъ же острогѣ прожили тридцать шесть лѣтъ (съ 1744 по 1780 г.) четверо дѣтей бывшей правительницы, принцъ Петръ и Алексѣй, и принцессы Екатерина и Елисавета.

---

[1]) Біографическое извѣстіе о немъ см. въ «Русской Старинѣ», изданіе 1871 г., т. III, стр. 525.

[2]) См. проток. историко-филологич. отдѣленія Акад. Наукъ, 1864 г. § 112. (Засѣд. 24 іюня). Ред.

[3]) См. рисунокъ въ приложеніи къ стр. 73 этой книги «Рус. Ст.» Ред.

Обращаясь къ рукописи, замѣтимъ, что она начинается слѣдующими отрывочными замѣтками:

«Приложенный здѣсь планъ изъображенъ руками
Тоя, кто оный градъ своими зрѣлъ очами,
И жилъ полъ-вѣка въ немъ, а нынь не въ немъ живетъ,
Но Богъ да продлитъ жизнь ея до ветхихъ лѣтъ».

Помѣта Д. Н. Бантыша-Каменскаго: «Сіи стихи сочинены и написаны архимандритомъ Іосифомъ, равно какъ и на рисункѣ» дома.

Далѣе слѣдуютъ замѣтки о. Іосифа: «1799, іюня 7, пришелъ ко мнѣ руской Сергѣй Степановичъ Геберъ, называя себя капитаномъ. По объявленію его онъ женатъ».

«1795 года марта 1 дня, въ 11 часовъ, пришелъ ко мнѣ руской матросъ Ѳедоръ Окуловъ. Онъ изъ Петербурга отплылъ съ прочими на кораблѣ выборскаго купца Ефима Ивановича Маса, называемомъ Генрихъ-Фердинандъ, октября послѣднихъ числъ. Шкиперъ на ономъ былъ Якобъ-Фридрихъ Расп е р т ъ. Корабль сей близь Ростока, въ 7 д. ноября, разбило. Шкиперъ, съ тремя [матросами] потонулъ, изъ коихъ руской 16-ти лѣтній мальчикъ, Филимонъ, потонулъ, а явившійся матросъ спасся. Какъ чрезъ Бельтъ никого безъ дацкаго пашепорта въ Копенгагенъ не пропускаютъ, то я просилъ Ш. о выдачѣ ему онаго. Но сей отказался помогать рускимъ».

«На контрактѣ, данномъ имъ купцу Масу и записанномъ въ маклерской книгѣ, Васильевской части, подъ № 558, подписался маклеръ Василій Леонтьевъ».

Затѣмъ съ 3-й стр. рукописи начинается записка Бантыша-Каменскаго.

Ред.

I.

Въ бытность мою въ Полтавѣ, въ 1817, 18 и 19 годахъ познакомился я съ тамошнимъ архимандритомъ Крестовоздвиженскаго монастыря Іосифомъ, бывшимъ до того восемь лѣтъ въ Ютландіи, въ городѣ Горсензѣ. Зная, что на семъ полуостровѣ никогда не было монастыря россійскаго, вопросилъ я однажды сего архимандрита о причинѣ толь долговременнаго его на ономъ пребыванія?

Сначала отвѣчалъ онъ непонятными словами для меня: что имѣлъ порученіе отъ правительства; потомъ, когда короче узнали мы другъ друга, открылъ мнѣ слѣдующее:

„Въ 1794 г. императрица Екатерина II отправила его въ Ютландію, къ содержавшимся на семъ полуостровѣ, подъ датскимъ присмотромъ, несчастнымъ дѣтямъ правительницы Анны, родному брату и сестрѣ императора Іоанна III [1]). Сначала жили они съ родителями своими въ Холмогорахъ; потомъ, по кончинѣ герцога Антона-Уль-

[1]) Здѣсь царя Іоанна IV Грознаго надо разумѣть I, брата Петра Великаго царя Іоанна Алексѣевича—II, а правнука послѣдняго, императора Іоанна Антоновича—III-мъ. Ред.

Ри Сестрою Императора.

ед-
вы.
зѣ
ько
аго
ди-
ге-
III
на
ер-
се-
въ
ей
не
д-
ю
ко
ъ,

ъ
о-

о
-
-
.

-
ѣ

-
-

риха, въ 1776 году послѣдовавшей, переведены въ Ютландію посредствомъ ходатайства родственницы ихъ, тогдашней датской королевы. Принцъ Алексѣй и принцесса Елисавета [1]) скончались въ Горсензѣ до прибытія архимандрита Іосифа: онъ засталъ въ живыхъ только принца Петра и Екатерину [2]). Первый былъ крѣпкаго и здороваго сложенія, небольшаго роста, имѣлъ важный видъ, который соединялъ, однако-жъ, съ чрезвычайною робостію [3]); принцесса Екатерина лишилась слуха въ тотъ самый день, какъ братъ ея, Іоаннъ III лишился престола: ее тогда уронили [4]). Принцъ Петръ скончался на рукахъ архимандрита Іосифа, какъ истинный христіанинъ, съ твердымъ упованіемъ на Всемогущаго; принцесса Екатерина переселилась въ вѣчность въ 1807 году, черезъ пять лѣтъ [5]) по отъѣздѣ въ Россію архимандрита Іосифа. И теперь въ лютеранской тамошней церквѣ стоятъ на виду четыре гробницы, заключающія бренные останки невинныхъ сихъ жертвъ! Наслѣдный принцъ датскій (нынѣшній [въ 1819] король) каждый годъ навѣщалъ ихъ вмѣстѣ съ своею супругою и изъявлялъ сожалѣніе, смотря на нихъ. Они говорили только по-руски, почему и не могли объясняться съ принцемъ [6]) При нихъ, по самую кончину, находился датскій придворной штатъ.

Серебряный рубль, съ изображеніемъ Іоанна III, напоминалъ имъ о прошедшемъ ихъ величіи. Принцесса Екатерина чрезвычайно дорожила симъ рублемъ [7]).

Прилагаемый здѣсь рисунокъ, изображающій первобытное мѣсто ихъ заключенія въ Холмогорахъ, нарисованъ принцессою Екатериною и подаренъ ею архимандриту Іосифу, отъ котораго я получилъ оный. Должно прибавить, что принцесса сія не училась рисовать.

Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Полтава, 3 февраля 1819 года.

---

[1]) Принцесса Елисавета, по словамъ архимандрита Іосифа, была чрезвычайнаго ума и неоднократно писала, тайнымъ образомъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II. Д. В. К.

[2]) Принцесса Екатерина родилась 15 іюля 1741 года. Д. В. К.

[3]) Принцъ Петръ до такой степени былъ боязливъ, что каждый разъ прятался, когда узнавалъ о пріѣздѣ датскаго принца; съ великимъ трудомъ уговаривали его являться къ нему на глаза. Сіе слышалъ я отъ архимандрита. Д. В. К.

[4]) Въ письмѣ, приведенномъ ниже, принцесса Екатерина пишетъ, что она совсѣмъ потеряла слухъ на восьмомъ году отъ роду. Ред.

[5]) Не черезъ пять, а черезъ четыре года. Ред.

[6]) Они любили играть въ карты, вмѣстѣ съ архимандритомъ. Болѣе, по словамъ его, никакихъ не имѣли увеселеній. Д. В. К.

[7]) Этотъ рубль не очень рѣдокъ; у любителей старинныхъ или рѣдкихъ монетъ его можно видѣть. Мы пріобрѣли его за семь рублей. Ред.

Изъ помѣты въ рукописи видно, что архимандритъ Іосифъ умеръ въ Полтавѣ, въ 1824 году.

II.

Дѣти правительницы Анны Леопольдовны освобождены изъ Холмогорскаго заточенія въ 1780 г. Въ ночь на 27 іюня этого года они были перевезены въ Новодвинскую крѣпость. Въ ночь же на 30 іюля, на фрегатѣ «Полярная Звѣзда», принцы и принцессы отплыли отъ береговъ Россіи. Всѣ они были щедро снабжены одеждою, посудою и всѣми необходимыми вещами. Для содержанія въ Горсензѣ Екатерина II назначила имъ по смерть ихъ пенсію каждому принцу и принцессѣ по 8,000 руб. въ годъ, а всѣмъ вообще 32,000 руб. Вся эта сумма выдавалась отъ русскаго двора полностью до 1807 г., т. е. до кончины послѣдней представительницы этого злосчастнаго семейства.

10-го сентября 1780 г., послѣ бурнаго плаванія, Брауншвейгская фамилія прибыла къ Бергену, откуда на датскомъ военномъ кораблѣ 5-го октября — къ Фланстранду, и затѣмъ сухимъ путемъ 15-го октября въ Горсензъ [1]).

Здѣсь, съ теченіемъ времени, русскіе служителя, состоявшіе при принцахъ и принцессахъ, были уволены и уѣхали въ Россію. Оставленъ лишь священникъ и церковники, да небольшой штатъ придворныхъ изъ датчанъ. Этими послѣдними приставниками принцы и принцессы не всегда были довольны, такъ какъ нѣкоторые изъ придворныхъ зачастую оказывались людьми крайне недобросовѣстными и корыстолюбивыми. Они обкрадывали злополучныхъ отшельниковъ, и ловко умѣли скрывать свои продѣлки отъ датской королевской фамиліи, которая, конечно, оградила бы своихъ родственниковъ [2]) отъ притѣсненій.

Принцесса Елисавета скончалась 20-го октября 1782 г., на 39 году отъ рожденія. Пять лѣтъ спустя (22-го октября 1787 г.), умеръ младшій принцъ Алексѣй. Принцъ Петръ умеръ 30-го января 1798.

Осталась въ живыхъ только старшая сестра Екатерина. Вотъ какою описывалъ ее Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ въ 1780 году. «Старшая сестра Екатерина имѣетъ отъ роду 38 лѣтъ; сухощава и небольшаго роста; бѣлокура и похожа на отца. Въ молодыхъ лѣтахъ потеряла она слухъ и такъ косноязычна, что словъ ея нельзя почти разумѣть. Братья и сестра объясняются съ нею знаками. При всемъ томъ, имѣетъ столько понятія, что когда братья и сестра, не дѣлая никакихъ знаковъ, говорятъ ей что-нибудь шепотомъ, она понимаетъ ихъ по одному движенію губъ и отвѣчаетъ имъ сама, иногда тихо, иногда довольно громко, такъ что и не привыкшій къ такому разговору можетъ разумѣть ее. Изъ обхожденія ея видно, что она робка, уклонна, вѣжлива и стыдлива; нрава тихаго и веселаго: увидя, что другіе въ разговорахъ смѣются, хотя и не знаетъ тому причины, смѣется вмѣстѣ съ ними».

Со смертью братьевъ и сестеръ, осиротѣвъ пятидесяти-шестилѣтнею старушкою, принцесса Екатерина влачила свою жизнь въ Горсензѣ крайне пе-

---

[1]) См. статью г. Полѣнова: «Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія», Труды Имп. Росс. Акад., 1840 г., ч. I, а также см. наше изслѣдованіе «Іоаннъ Антоновичъ», въ «Отеч. Зап.» 1866 г., кн. VII, стр. 530—558. Ред.

[2]) Датская королева Юліана-Марія была родною сестрою герцога Антона-Ульриха, мужа Анны Леопольдовны, слѣдовательно была родной теткою ея дѣтей. Ред.

чально до того, что даже тосковала о своемъ заточенiи въ Холмогорахъ. Вотъ ея письмо къ императору Александру I, 1803 г., въ которомъ ярко выставляется ее печальное положенiе. Приводимъ этотъ любопытный документъ буквально, разставивъ лишь знаки препинанія [1]). Ред.

Влагочестивеиши самодержавнешій

Все Милостивѣишіи Государъ Я много разъ слышала, что вы делаете великіе милости для всехъ людей, и что вы любите всехъ, и что вы сами прошенія всехъ нещастныхъ примаете, и слушаете, и я потому осмелилася къ Вашему Императорскому Величеству написать писмо, и я теперича впервое разъ покорнѣше благодарю вамъ потому, что вы мне, нещасной, всакой годъ изволите посылать денги изруской земли для моего содержаніе; но я сказываю правду Вашему Величеству, [отъ] оныхъ никакои позы [пользы] не имела, потому что мои дански [датскіе] приворни все употребляи денга для своеи полэы, и что они были прежде совсемъ бѣдны и ничто не имели, а теперича они о того [оттого] зделялися богачы, потому они всегда люкавы были; и они все дорогіе вещи взяли послѣ смерти моихъ братцовъ и сестрица и все комнаты себѣ взяли и у полковника одного, я думаю, пятнаца комнаъ [комнатъ], а у мене четырѣ. И все они делали, что имъ угодно; и мнѣ тогда по луче было какъ братцы мой живы были, а когда они умерли я осталась толко одна нещасная, на старости моей и я поболше несщаслива потому что ничего не слышу, потому что я потеряла совсѣмъ слышанья на восмомъ году жизни моей; и потому оны лукавые объ манываютъ меня, что я ничего не слышу, и они всякой день ѣздятъ гулятъ, а я всегда одна дома, и когда они дома биватъ они ко мне никогда неходятъ, какъ кушатъ и они разумеютъ говорить по рускому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по данскому [по датски]. И когда они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостѣ; они говорятъ всегда сними а я смотрю то на гостѣ, то придворни и приготовлятъ много кушатъ; они всегда меня худо обижаютъ, и недаютъ мнѣ пива одной бутылка; они говорятъ ето дорого и они наливаютъ мнѣ токо одинъ стаканъ и онъ стоитъ у меня когда я пожелаю пить; и про всякую вещь они меня всегда много обижаютъ и потому я всякои день плачу и не знаю за что меня сюда Богъ послалъ и почему я такъ долго живу на светѣ, и я всякой день поминаю Холмогоръ, потому что мнѣ тамъ былъ рай, а тутъ адъ. Сколко мнѣ худо тутъ жить между лукавыми данскими

---

[1]) Списки съ письма извѣстны изслѣдователямъ, но вполнѣ оно не было ни разу напечатано. Ред

[датчанами], которые хитры и всегда меня такъ много обижаютъ [1]) и когда бы я ето все своеи воли и меня обижаютъ, какъ имъ угодно. И когда священикъ мой ко мне приходитъ, они всегда примѣчаютъ крѣпко, что бы. я ничто ему объ етомъ неговорила; я теперича еще скажу Вашему Императорскому Величеству, что я ни одно слово не разумею по нѣменскому и по данскому и они меня заставляютъ часто писать писма и я всегда пишу по руский, а они переводятъ по нѣменский совсемъ противно моймъ мысли и оны пишутъ по нѣменскию все то, что толко на добно для нихъ ползъ и после они меня заставляютъ писать и я все ето перепишу сама и не разумею по нѣменскому и по данскому ни одно слова, и они меня научили писатъ по нѣменскихъ, потому чтобъ я для нихъ ползы все писала и после они по силаютъ ето писмо въ Копенгагенъ кпринцу [2]); после они просили меня написатъ имъ пансіонъ по рускому языку для нихъ ползы и я обетомъ ничег не знала, и потому не хотѣла обетомъ писатъ, и они меня заставляли и я сердилась, бранила ихъ и плакала; послѣ они сказали, что ето приказалъ принцъ Фридрикъ; послѣ они сами изсвоей голови видумали и написатли по рускому языку, и меня заставили переписать; и я не хотела обетомъ писать, потому что ето не мои и не дански [т. е. не датскія], но руски денги и что ето не справедливо имъ получать руски денги, и что они сами выдумали отсвоей хитрости и лукавства; и что они меня принудили на писать противъ моей воли и желанія, и когда я имъ писала пансіонъ, то они меня одну заперли въ комнату ссекретаремъ и не пускали священика моего, чтобъ онъ ето не видѣлъ, не пускали и запретили мнѣ крѣпко, чтобъ я ему не говорила, и я написала послѣ все, что они заставили, потому что я боялася, чтобъ принцъ на меня не сердился, чтобъ меня поболше не обижали. И я думала, что Вашего Императорское величество ето не подпишите; я думала, что вы узнаете обетой ихъ хитрости и что вы уразумѣете, что ето несправедливо, потому что священикъ обетомъ не пописался [не подписался]; и когда бы я знала что они выграютъ по своему лукавству и что вы не узнаете ихъ хритрости, то я ихъ бы и когда [никогда] непослушала, то они говорили, что ето принцъ приказалъ, и что я бы лучше захотѣла умереть, нежели написать пансіонъ, потому что ето великой грѣхъ давать рускіе денги имъ за ихъ хитрость и лукав-

---

[1]) Затѣмъ принцесса писала и зачеркнула:... «и потому я всякой день» «какъ имъ угодно».

[2]) Изъ этого видно, что датское правительство и королевская фамилія ничего не могла знать о злоупотребленіяхъ недобросовѣстныхъ приставниковъ принцессы Екатерины. Ред.

ства и за ихъ обиди, и я потому побоше плачу, не могу спать и желею, что я не умерла прежде етого.

И я теперь покорнѣше прошу васъ, Всемилостивѣши Імператоръ, простить меня за ето, ради Бога, потому что я написала ето [т. е. прошеніе о выдачѣ придворнымъ пенсіи отъ русскаго двора] противъ моего желаніе и неизволте посила [посылать] денги лукавымъ данскимъ [датчанамъ], и когда милосердный Богъ дастъ мнѣ смерть, то извольте сребрену посуду и всѣ веще и все мой кардиропни дѣнги и прочія взять въ Питербуркъ, потому что привезли всѣ изруской земли. И я теперь, припаде предстопи ваши, прошу васъ со слѣзами: здѣлать всѣмилостивѣшу милость нещасной мнѣ, и когда угодно есть вашей воли, то изволте мене нешасну въ манастиръ, и тогда не надобно будетъ сюда посилить всякой гдъ многи денги для моего содержаніе; мнѣ есть уже шездесятъ три года, и я желаю по стрыщся вмонахинь и тамъ я буду спокойна, и буду молйтся заздоровье ваше, и буду спости мою душу; я желаю очень окончить жизнь свою въ манастырѐ, и за ето милость вашу благословитъ васъ самъ Богъ, а я буду чувствовать и благодарить васъ здешнѣй и будущеи жизни. Всемилостивеиши Імператоръ, вашего імператорскаго величествомъ, покорнѣшая слуга Екатерина, принцесса брауншвѐска.

Августа $\frac{16}{28}$ дня 1803 году, Горсенсъ, что въ Ютландіи.

Къ письму приложена собственная печать ея свѣтлости съ изображеніемъ буквы: С.

На собственноручномъ письмѣ принцессы свидѣтельство причта:

„Получилъ я сіе письмо въ церквѣ изъ собственныхъ рукъ принцессы и, во уваженіе ея свѣтлости прошенія, имѣю первѣйшую въ жизни моей честь всеподданнѣйше представить оное вашему императорскому величеству. Синодальный соборный іеромонахъ Феофанъ.

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь церковникъ Петръ Стефановъ.

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь церковникъ Петръ Ивановъ Поликратовъ.

Примѣчаніе. Въ 1803-мъ году архимандритъ Іосифъ былъ отозванъ въ Россію. Датскіе приближенные принцессы Екатерины получили пенсію, а все ея имущество, по духовному завѣщанію, послѣ ея смерти, 9 апрѣля 1807 г., поступило наслѣднику Датскаго престола принцу Фридриху. **Ред.**

Сообщ. **Академикъ А. А. Куникъ.**

РОДОСЛОВІЕ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

(Старшая вѣтвь до IV-го колѣна).

Царь Алексѣй Михайловичъ, † 1676.

- Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, † 1696.
  - Анна Іоанновна, императрица, † 1740.
  - Екатерина Іоанновна, царевна, † 1733. ∞ Карлъ Леопольдъ, герцогъ Мекленбургскій, † 1747.
    - Анна, правительница, † въ Холмогорахъ, 1746. ∞ Антонъ - Ульрихъ, герцогъ Брауншвейгъ - Люнебургскій, † въ Холмогорахъ, 1776.
      - Іоаннъ III, императоръ, уб. въ Шлиссельбургѣ, 1764.
      - Екатерина, принцесса. † 1807.
      - Алексѣй, принцъ. † 1787.
      - Елисавета, принцесса. † 1782.
      - Петръ, принцъ. † 1798.

Скончались и погребены въ Горсенсѣ.
- Императоръ Петръ I, † 1725.

ВСКРЫТІЕ ЧУЖИХЪ ПИСЕМЪ И ДЕПЕШЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II

(перелюстрація).

Въ Запискахъ Храповицкаго, изданныхъ въ 1862 году въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", очень часто встрѣчается слово „перелюстрація". Чуть ли не еженедѣльно разъ, а иногда и чаще Храповицкій пишетъ: „Изъ перелюстраціи видно....", или „Отдавъ перелюстрацію, императрица замѣтила.....", „Въ перелюстраціи пишетъ....." и т. п.

Перелюстраціею называлось чтеніе чужихъ писемъ и депешъ, нарушеніе тайны писемъ; ею замѣнялись отчасти газеты и телеграммы нынѣшняго времени; она была важнымъ орудіемъ при управленіи дѣлами, потому что при помощи ея правительство знало о положеніи дѣлъ и о настроеніи умовъ, сколько въ провинціи, столько за границею, о расположеніи министровъ и государей европейскихъ державъ; о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ аккредитованныхъ, при русскомъ дворѣ, иностранныхъ дипломатовъ [1]).

Въ Петербургѣ, какъ видно изъ смысла, въ которомъ употребляется это выраженіе въ Запискахъ Храповицкаго, по крайней мѣрѣ, въ 1787 и 1788 годахъ, было обыкновеніе доставлять императрицѣ каждый разъ, тотчасъ же по прибытіи почты и до ея отправленія, письма извѣстныхъ лицъ. „Перелюстровать" такія письма, было важнымъ занятіемъ Екатерины и она часто, по поводу содержанія такихъ документовъ, въ бесѣдѣ съ своимъ секретаремъ, дѣлала разнаго рода замѣчанія, и Храповицкій читалъ перелюстрацію. Письма и депеши, получаемыя иностранными дипломатами отъ ихъ правительствъ, были

---

[1]) Въ словѣ перелюстрація: пере происходитъ отъ латинскаго per, такъ что по настоящему слѣдовало бы говорить перлюстрація. По-нѣмецки «Perlustration» употребляется въ смыслѣ тщательнаго просмотра, обыска, визитаціи. А. В.

предметомъ особеннаго вниманія Екатерины. Бо̀льшая часть замѣтокъ о перелюстраціи относится къ 1788 и 1789 годамъ. Очевидно, такія замѣтки состоятъ въ соотношеніи со днями прибытія иностранной почты, приходящей разъ или два раза въ недѣлю. Такъ, напр., говорится о перелюстраціи: 19, 20, 23, 27 іюля; 13, 20, 24, 27, 31 августа; 3, 7, 14, 17, 28 сентября и т. д.

О значеніи перелюстраціи лучше всего можно заключить изъ слѣдующихъ замѣтокъ Храповицкаго относительно частной переписки императрицы Екатерины съ докторомъ Циммерманомъ и принцемъ де-Линь.

26-го января 1791 года: «Читано мнѣ письмо къ Циммерману, которе нарочно чрезъ Берлинъ по почтѣ отправится, чтобъ тамъ увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣды....». «Хочу доказать пруссакамъ, что ихъ не боимся et qu'ils penseront deux fois, avant d'entreprendre quelque chose».

6-го февраля 1791 года: «Послано письмо къ Циммерману въ Ганноверъ, по почтѣ чрезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать, что турокъ спасти не могутъ».

6-го іюня 1791 года: «Переписалъ отпускъ съ письма къ Циммерману, гдѣ говорится объ Англія, что всегда сію націю любили....». «Мы никогда войны не начинаемъ, но защищаться умѣемъ.» «....Письмо сіе отправлено по почтѣ чрезъ Берлинъ».

16-го сентября 1791 года: «Письмо къ Циммерману, нарочно по почтѣ отправленное, чтобъ прусскій король вошелъ съ войсками во Францію», «il peut s'il veut. Я, такимъ образомъ, подучила короля шведскаго» (слова Екатерины).

Кому извѣстно содержаніе этихъ писемъ [1]), тотъ пойметъ, что императрица желала такимъ образомъ дѣйствовать на настроеніе умовъ въ Германіи, пожалуй, и на самыя правительства въ Англіи и Пруссіи. Екатерина объясняетъ общія начала политики Россіи, доказываетъ, что западнымъ державамъ нечего бояться Россіи, что она намѣрена жить въ мирѣ съ сосѣдями, но что она и не боится войны. Поэтому такія письма, которыя читались въ Берлинѣ, могли считаться демонстраціями русскаго правительства; ихъ можно сравнить съ передовыми статьями въ какой-нибудь оффиціальной газетѣ. Когда Екатерина писала Циммерману объ Англіи и Пруссіи, отношенія этихъ державъ къ Россіи внушали серьезныя опасенія. Ожидали войны съ Англіей и Пруссіей. Редакція собственноручныхъ писемъ Екатерины, касавшихся до восточнаго вопроса, до французской революціи, могла имѣть большое значеніе въ глазахъ Европы, могла и дѣйствовать на положеніе дѣлъ. Однажды Екатерина самодовольно замѣтила Храповицкому, что чрезъ свою переписку съ Вольтеромъ она со-

[1]) Они напечатаны въ «Собр. Соч. Екат.», изд. Смирд., III, 475 и слѣд.
А. В.

дѣйствовала къ отрѣшенію Шуазеля отъ министерства [1]); а немногимъ позже, когда Герцбергъ въ Пруссіи подалъ въ отставку, Храповицкій замѣтилъ Екатеринѣ, что ея переписка съ Циммерманомъ имѣла вліяніе на это событіе [2]).

Итакъ, Екатерина, отправляя частныя письма за границу, надѣялась, что будутъ читать оныя въ Берлинѣ, т. е., что они будутъ распечатаны въ прусскомъ почтамтѣ, и что содержаніе такихъ писемъ дойдетъ до свѣдѣнія тѣхъ лицъ, отъ которыхъ отчасти зависѣло рѣшеніе важныхъ политическихъ вопросовъ. Что именно къ этой процедурѣ относится терминъ „перелюстрація", видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Екатерина съ неудовольствіемъ слѣдила за неуспѣшнымъ дѣйствіемъ прусскихъ и австрійскихъ войскъ въ борьбѣ противъ французской революціи. Она желала занять своихъ западныхъ сосѣдей этою войною, отвлечь ихъ вниманіе отъ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ было дѣломъ первой важности для Россіи, а именно отъ устройства польскихъ и турецкихъ дѣлъ въ пользу Россіи [3]). Походъ союзныхъ войскъ въ Шампань, однако, очень скоро окончился несчастною канонадою при Вальми (Valmy) и возвращеніемъ герцога Брауншвейгскаго съ войсками къ Рейну. Екатерина, покровительница бурбонскихъ принцевъ-эмигрантовъ, тогда выразила свое неудовольствіе въ письмѣ къ принцу де-Линь, о которомъ Храповицкій пишетъ 1-го ноября:

«Читали мнѣ готовое письмо au prince de Ligne, съ сожалѣніемъ о смерти сына его, въ сраженіи съ французами убитаго. Тутъ довольно круто писано о худыхъ успѣхахъ прусской и австрійской армій, и сколько сострадаютъ несчастію французскихъ принцевъ. Хотятъ, чтобы сіе письмо видѣлъ императоръ, а потому, по совѣту Зубова, пустить чрезъ Берлинъ, дабы тамъ могли его перелюстровать. Въ письмѣ точно изъяснено qu'á Du Mourier [4]). Custine и Montesquieu [5]) ни дождь, ни грязь въ успѣхахъ не препятствуютъ».

---

[1]) «Записки Храповицкаго» 6 февр. 1791 г. А. В.

[2]) Храповицкій «напоминалъ о смѣнѣ Шуазеля перепискою съ Вольтеромъ, и что нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманомъ смѣнили Герцберга». «И впрямь такъ; я и забыла, отвѣчала Екатерина». См. «Записки Храповицкаго» 5 августа 1791 г. А. В.

[3]) «Зап. Храп.», 14-го дек. 1791 г. Слова Екатерины: «Je me casse la tête» чтобъ подвигнуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія... Они меня не понимаютъ. Il y a des raisons, qu'on ne peux pas dire; je veux les engager dans les affaires pour avoir les condées franches; у меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобъ они были заняты. А. В.

[4]) Вмѣсто Dumouriez. А. В.

[5]) Вмѣсто Montesquiou-Fézensac, который командовалъ южною арміею и въ сентябрѣ 1792 г. занялъ Савоію. А. В.

Екатерина желала перелюстраціи своихъ писемъ въ Берлинѣ. Спрашивается: знали-ли тѣ лица, письма и депеши которыхъ читались императрицею, объ этомъ? Могли-ли они желать такой прозрачности своихъ дѣйствій и мыслей? Едва-ли. Письма Екатерины къ принцу де-Линь и доктору Циммерману могли считаться лишь невинною болтовнею. Прямой практической цѣли, какую имѣютъ депеши правительствъ къ дипломатамъ, они не имѣли. За то Екатерину въ особенности интересовало то, что заключалось въ дѣловой перепискѣ министровъ и посланниковъ. Еслибы въ Берлинѣ могли „перелюстровывать" инструкціи русскихъ министровъ къ графу Нессельроде въ Берлинѣ, или къ графу Штакельбергу и Булгакову въ Варшавѣ, или къ князю Голицыну въ Вѣнѣ, то изъ такихъ документовъ узнали бы многое[1]), чего нельзя было найти въ дружескихъ фразахъ и приготовленныхъ къ перелюстраціи остротахъ, которыя встрѣчались въ письмахъ Екатерины къ автору сочиненія: „Ueber die Einsamkeit", и къ знаменитому представителю французскаго ésprit и искусства каламбуровъ, де-Линю.

Между перелюстрованными письмами, о которыхъ говоритъ Храповицкій, встрѣчаются нѣкоторыя, впрочемъ, весьма немногія, которыя, пожалуй, и допускаютъ предположеніе, что отправители ихъ знали перелюстраціи. Особенно письма прусскаго правительства могли быть предназначены для чтенія императрицею.

Извѣстно, что Густавъ III, надѣясь на Пруссію и Англію,—весною 1788 г. началъ войну съ Россіею; однако Храповицкій пишетъ, 27 іюля 1788 г., что онъ „изъ перелюстраціи видѣлъ отзывъ прусскаго короля о совершенной impartialité въ поступкѣ шведскомъ", прибавляя къ этому: „напротивъ того, въ письмѣ графа Румянцова изъ Берлина, замѣчается, что пріятно Англіи и Пруссіи остановленіе флота, въ Архипелагъ назначеннаго".

Отношенія Россіи къ Пруссіи, въ продолженіе шведской и турецкой войнъ, становились все хуже и хуже. Россія не хотѣла допустить присоединенія Гданска и Торуня къ Пруссіи, Пруссія опасалась успѣховъ Россіи въ борьбѣ съ Густавомъ III и съ Оттоманскою Портою. Въ Россіи даже ожидали нападенія прусскихъ войскъ на Лифляндію. При всемъ томъ, однако, у Храповицкаго сказано 25-го марта 1789 года:

«Въ перелюстраціи, Герцбергъ пишетъ en clair, что онъ Россіи и ея ве-

---

[1]) Читатели «Русской Старины», знакомые съ обширнымъ собраніемъ собственноручныхъ писемъ Екатерины II къ гр. Штакельбергу (1789—1794 гг.), видѣли какое громадное значеніе и интересъ имѣютъ эти письма даже теперь. См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. III, стр. 310, 474, 605, и 689.

Ред.

личеству не врагъ, знаетъ, что мы должны быть союзники натуральные, но онъ пруссакъ и не такой воскъ, какъ французы».

Изъ многихъ депешъ и писемъ и изъ образа дѣйствій прусскаго министра Герцберга извѣстно, что онъ постоянно старался дѣйствовать противъ интересовъ русской политики. Поэтому, такія фразы, писанныя, по всей вѣроятности, къ прусскому посланнику, барону Келлеру, могли дѣйствительно имѣть назначеніе, чрезъ перелюстрацію, сдѣлаться извѣстными императрицѣ.

Наконецъ, можно указать еще на одинъ случай, въ которомъ авторъ депеши могъ желать или ожидать чтенія ея императрицею. Храповицкій, говоря объ условіяхъ мира съ Турціею, которыя долженъ былъ предложить Портѣ французскій посланникъ Шуазель-Гуфье, замѣчаетъ 30-го марта 1789 года:

«Въ перелюстраціи писемъ графа Сегюра en clair, понеже съ нашимъ курьеромъ отправлены; онъ вѣ Парижъ и въ Константинополь пишетъ согласное и дѣлая похвалу ея величеству, убѣждаетъ Шуазель-Гуфье къ совершенію мира съ Портою».

Бо́льшая часть данныхъ, сдѣлавшихся извѣстными императрицѣ чрезъ перелюстрацію, такого свойства, что ими авторы писемъ или депешъ никакимъ образомъ не были компрометированы. За то есть нѣкоторые случаи чтенія въ перелюстраціи такихъ писемъ, отправители и получатели которыхъ, по всей вѣроятности, не ожидали, чтобы содержаніе этихъ писемъ сдѣлалось извѣстнымъ Екатеринѣ. Встрѣчаются письма, которыя заставляютъ полагать, что перелюстрація была секретомъ, что ею была нарушаема тайна писемъ, что и въ Россіи при Екатеринѣ существовалъ Cabinet noir, подобный устроенному во Франціи при Людовикѣ XIV и такимъ же учрежденіямъ и въ другихъ государствахъ.

На пути въ Крымъ, въ началѣ 1787 года, въ письмѣ англійскаго посланника Фицъ-Герберта къ лорду Эллису въ Лондонѣ отъ 15—16 марта въ перелюстраціи читали, что „князь Потемкинъ изъ новокупленныхъ въ Польшѣ земель, можетъ быть, сдѣлаетъ tertium quid, ни отъ Россіи, ни отъ Польши независимое“ [1]). Сообщеніе такого слуха англійскимъ дипломатомъ въ письмѣ, о которомъ онъ ожидалъ бы, что содержаніе его будетъ извѣстно Екатеринѣ, было бы неосторожнымъ.

Изъ замѣтки Храповицкаго отъ 8-го октября 1788 года,—„Удивлялись, что по перелюстраціи извѣстно Сенъ-Сафорену объ указѣ графу Мусину-Пушкину, Горновскимъ забытомъ, и взяли-было подо-

---

[1]) «Записки Храповицкаго», 16-го марта 1787 г. В.

зрѣніе на комнатныхъ лакеевъ",—видно, что датскій посланникъ писалъ въ Данію о случаѣ, считавшемся при дворѣ тайною.

Изъ перелюстраціи писемъ изъ Австріи Екатерина узнала, что Іосифъ II писалъ своему брату Леопольду, „о таковомъ раззореніи Баната, которое въ 500 лѣтъ не поправится", и что для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ турокъ императоръ думаетъ: „поощрить венгровъ и для сего утвердить ихъ привиллегіи" [1]). Едва ли Іосифъ II или Кауницъ могли желать, чтобы Екатерина знала объ этихъ подробностяхъ.

Въ письмахъ къ Екатеринѣ принцъ де-Линь лишь очень осторожно говорилъ о неудачныхъ дѣйствіяхъ русскаго войска въ турецкомъ походѣ. Какъ царедворецъ и личный другъ Екатерины, онъ, напротивъ, льстилъ ей при каждомъ случаѣ, хвалилъ Потемкина безмѣрно, и поздравлялъ ее съ успѣхами русскаго оружія. Иначе же онъ писалъ къ графу Кобенцелю и къ графу Сегюру, какъ узнала Екатерина. Храповицкій пишетъ 17-го декабря 1787 года:

«Замѣчена въ перелюстраціи видимая къ намъ злоба принца де-Линь, въ которой, можетъ быть, участвуетъ и графъ Кобенцель, ибо къ нему и къ графу Сегюру пишетъ принцъ изъ Яссъ, что обѣ наши арміи многочисленны только больными и умирающими; вся тогость войны пала на австрійцевъ, и т. д. [2])».

Извѣстно, что графъ Сегюръ въ то время всевозможными средствами старался составить тѣсный союзъ между Франціею и Россіею. Французскій дворъ дѣйствовалъ нерѣшительно. Министры Бріеннъ и Монморенъ, при печальномъ положеніи Франціи, не могли дѣйствовать смѣло противъ Англіи, Пруссіи и Турціи въ пользу Россіи. Личное отношеніе Сегюра къ Екатеринѣ было весьма дружеское въ продолженіе всего этого времени. Тѣмъ сильнѣе было раздраженіе императрицы, когда она однажды изъ перелюстраціи узнала, что Франція желала поддерживать Густава III противъ Россіи, и даже намѣревалась предложить Россіи возвращеніе Польшѣ тѣхъ земель, которыя отошли къ Россіи въ 1772 году. Письмо графа Монморена къ Сегюру было доставлено въ Петербургъ русскимъ курьеромъ. Оно читалось Екатериною, Храповицкій скопировалъ то, что относилось къ вышеприведеннымъ предметамъ, а императрица „при отдачѣ перелюстраціи", собственноручно надписала:

«Никогда еще не попадались депеши, кои болѣе доказываютъ злостное расположеніе Франціи противъ Россіи, какъ сіи: тутъ явно и ясно оказы-

---

[1]) «Записки Храповицкаго», 5-го ноября 1787 г. В.

[2]) Къ сожалѣнію, между письмами принца де-Линь къ графу Сегюру, напечатанными во II-мъ томѣ его сочиненій, изданныхъ въ 1860 году, не находится это письмо. А. В.

вается,колико стараются умалять ея величіе, ослабить всѣ ея подвиги и успѣхи даже до малѣйшаго. Непримиримый врагъ Россіи [1])!»

Уже изъ выраженія, что при перелюстраціи попадаются депеши иностранныхъ министровъ къ ихъ посланникамъ, видно, что содержаніе письма Монморена нечаянно сдѣлалось извѣстнымъ императрицѣ, и каковъ вообще былъ характеръ учрежденія перелюстраціи. Изъ записокъ Сегюра, къ тому же, видно, что французскій дипломатъ никакимъ образомъ не ожидалъ, что Екатерина чрезъ чтеніе письма Монморена узнала о намѣреніи Франціи возстановить прежніе предѣлы Польши. Сегюръ разсказываетъ [2]), что онъ, получивъ эту депешу, испугался и переговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ посланникомъ императора, графомъ Кобенцелемъ, который совѣтовалъ ему ни слова не сказать объ этомъ дѣлѣ императрицѣ. Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній Сегюра видно его убѣжденіе, что русское правительство, развѣ только чрезъ Кобенцеля, а никакимъ другимъ путемъ, слѣдовательно и не чрезъ перелюстрацію, могло узнать о намѣреніи французскаго министерства сдѣлать Россіи предложеніе возстановить Польшу [3]).

Также съ Сегюромъ случилось слѣдующее: Въ отношеніи къ французской революціи онъ былъ либераломъ и одобрялъ образъ дѣйствій короля Людовика XVI, рѣшившагося на разныя реформы, на созваніе собранія нотаблей и états généraux и на отмѣну многихъ средневѣковыхъ привиллегій. Въ Россіи же разсуждали иначе и порицали короля за его слабость [4]). Въ разговорѣ съ Сегюромъ князь Потемкинъ, бывшій въ началѣ 1789 года въ Петербургѣ, сдѣлалъ нѣкоторыя колкія замѣчанія о Людовикѣ XVI и о положеніи Франціи [5]), а также и Екатерина, узнавъ о штурмѣ Бастиліи, насмѣшливо говорила о Франціи. Совсѣмъ иначе писалъ Сегюръ къ Лафаэту объ этомъ же событіи, какъ и вообще о французской революціи, по всей вѣроятности, не разсчитывая на то, что императрица будетъ читать его письмо, а Храповицкій сдѣлаетъ изъ него выписку. Послѣдній пишетъ 2-го августа 1789 года: „Вынувъ изъ перелюстраціи, отдали мнѣ письмо du Comte Ségur au Marquis de Lafayette: „Можетъ ли такъ писать королевскій министръ?“—Я. „Они друзья и

[1]) «Записки Храповицкаго», 14-го января 1789 года.

[2]) Ségur, Mémoires et souvenirs, III, 446. А. В.

[3]) «Je me bornai donc à cette première confidence, et, comme elle (т. е. cette confidence), ne fut pas probablement ignorée des ministres russes, je crus m'être, à cet égard, suffisemment acquitté de l'ordre extraordinaire, que j'avais reçu». А. В.

[4]) «Записки Храповицкаго», 29-го іюля 1789 года. А. В.

[5]) Ségur, III, 452—454. А. В.

были вмѣстѣ въ Америкѣ"—„Да, они двоюродные: que dira l'Empereur, quand il saura tout cela? C'est une lettre curieuse; онъ его поздравляетъ съ счастливою революціею, qu'avait amenée l'impéritée de quelques ministres, le poids des impôts et l'ambition irritée des Parlements; je la craignais, parce qu'elle aurait détruit la France, si un concours presque miraculeux de circonstances n'avait fait evanouir tous les obstacles, qui devaient vous arrêter dans vos opérations".

Немудрено, что при русскомъ дворѣ не раздѣляли такого образа мыслей. Никакимъ образомъ нельзя полагать, чтобы графъ Сегюръ употребилъ такія выраженія, зная о перелюстраціи [1]).

Изъ слѣдующей замѣтки, впрочемъ, видно, что иногда за границею опасались, что-то въ родѣ перелюстраціи въ Россіи. Храповицкій пишетъ 1-го марта 1789 года: „Замѣчено (императрицею), что много цыфровъ въ перелюстраціи отъ Кауница и короля прусскаго. Я сказалъ, что можно будетъ узнать изъ нотъ, которыя они подадутъ. „Правда", сказала Екатерина.

Итакъ, соображая съ цифрами въ перелюстрованныхъ депешахъ изъ Австріи и Пруссіи, содержаніе поданныхъ русскому правительству прусскихъ и австрійскихъ нотъ, надѣялись добраться до ключа къ этимъ цифрамъ.

Наконецъ, еще слѣдующій случай достоенъ вниманія, какъ скоро шведско-русская война въ 1788 году приняла весьма благопріятный для Россіи оборотъ чрезъ образованіе конфедераціи въ Аньяла [2]), вице-канцлеръ сообщилъ объ открывшихся между финскими инсургентами и русскимъ правительствомъ переговорахъ датскому посланнику Сенъ-Сафорену [3]). Послѣдній, конечно, тотчасъ же написалъ объ этомъ датскому министру. 3-го сентября, пишетъ Храповицкій: „отдавая перелюстрацію, приказывала замѣтить неосторожность Сенъ-Сафорена, написавшаго безъ цифръ сообщеніе вице-канцлера по финскимъ дѣламъ".

При важности конфедераціи въ Аньяла для Россіи и при глубокой тайнѣ, сохранявшейся относительно сношеній между русскимъ кабинетомъ и антагонистами Густава III, перелюстрація письма Сенъ-

---

[1]) Другіе случаи, изъ которыхъ видно, что иностранцы, отправлявшіе письма за границу, по всей вѣроятности не знали о перелюстраціи,—встрѣчаются въ Запискахъ Храповицкаго: 12-го марта, 31-го августа, 14-го сентября, 10-го декабря 1788 года; 19-го апрѣля, 7-го октября 1789 года. А. В.

[2]) См. мою статью въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1868 года, февраль. А. В.

[3]) «Записки Храповицкаго», 1-го сентября 1788 года. А. В.

Сафорена могла имѣть большое значеніе. Она же показываетъ, что Екатерина опасалась чтенія этого письма за границею. Письма въ Данію отправлялись чрезъ Пруссію.

При тогдашнихъ, мало развитыхъ, средствахъ сообщенія, при отсутствіи телеграфическихъ депешъ, при весьма скромномъ только развитіи журналистики, перлюстрація могла считаться неизбѣжнымъ зломъ, необходимымъ средствомъ управленія, особенно дѣлами внѣшней политики. Тогда легче, чѣмъ въ настоящее время, прибѣгали въ такимъ мѣрамъ. Сохраненіе тайны писемъ, добросовѣстность при управленіи почтою не въ такой степени, какъ нынѣ считались обязанностями правительствъ. Намъ извѣстенъ случай, что, по полученіи при дворѣ извѣстія о пораженіи русскаго войска при Пароеальми (лѣтомъ 1789 года), запрещено было курьерамъ „развозить письма по рукамъ, но отдавать въ почтамтъ“. Екатерина тогда замѣтила: „C'est un secret d'état; на что давать знать министрамъ прусскому и англійскому, чтобы дѣлали прибавленія и заводили новыя интриги“ [1])?

Многія извѣстія о важныхъ событіяхъ получались чрезъ перлюстрацію раньше, чѣмъ обыкновеннымъ путемъ, которымъ о нихъ иногда, пожалуй, никогда-бы не узнавали. Такъ, напр., весною 1788 года положеніе Россіи въ отношеніи къ Швеціи было весьма непріятное. Ходили слухи о вооруженіи Густава, но Екатерина, занятая турецкою войною, не желала разрыва съ Швеціею, и даже до самаго іюня мѣсяца, между тѣмъ, какъ уже шведскій флотъ съ войскомъ былъ отправленъ къ берегамъ Финляндіи, надѣялась на сохраненіе мира. Поэтому каждое извѣстіе о событіяхъ въ Стокгольмѣ имѣло большой интересъ для Екатерины. О мѣрахъ же, принятыхъ Густавомъ къ войнѣ, о средствахъ, которыми онъ располагалъ, она узнавала, между прочимъ, чрезъ перлюстрацію писемъ датскаго министра въ Стокгольмѣ [2]). Чрезъ перлюстрацію другихъ писемъ Екатерина узнавала, какъ думали въ Лондонѣ и въ Парижѣ о внезапномъ нарушеніи мира Густавомъ и какъ правительства Англіи и Франціи относились къ Швеціи въ первое время войны,—каковы были дѣйствія эскадры подъ командою фонъ-Дезина и Повалишина на берегахъ Швеціи, о вооруженіи Даніи, о дѣйствіяхъ англійскаго дипломата Элліота въ Юго-Западной Швеціи для спасенія Густава III, о

[1]) «Зап Храп.», 9 іюня 1789. А. Б.

[2]) Говорятъ, что на этотъ разъ графъ Разумовскій, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, недостаточно былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Швеціи. А. Б.

событіяхъ на сеймѣ въ Стокгольмѣ [1]). Также и о турецкихъ дѣлахъ встрѣчались иногда важныя извѣстія въ перелюстраціи. Между прочимъ тутъ „попалась" депеша лорда Кармартена къ Фреверу „о заключеніи союза съ Пруссіею, и что намѣрены обще стараться о возстановленіи спокойствія въ Европѣ". Любопытно, что о взятіи Хотина Екатерина, кажется, впервые узнала чрезъ перелюстрацію, гдѣ сообщались всѣ подробности капитуляціи этой крѣпости. Между тѣмъ какъ Храповицкій, 28-го сентября, замѣчаетъ, что изъ перелюстраціи видно взятіе Хотина 8-го сентября; не ранѣе какъ 7-го октября онъ пишетъ о полученіи донесенія графа Румянцова-Задунайскаго объ этомъ событіи [2]).

Изъ письма одного испанца, служившаго въ войскѣ Румянцова, Екатерина узнала, что въ Бессарабіи, еще въ позднюю осень 1788 года ожидали дѣла съ турками; изъ письма прусскаго короля къ барону Келлеру въ Петербургѣ узнали объ окончаніи и результатахъ кампаніи австрійцевъ противъ турокъ въ 1788 году; изъ письма Сегюра къ французскому дипломату Женету узнали о нѣкоторыхъ подробностяхъ событій во Франціи, лѣтомъ 1790 года; изъ письма Сенъ-Сафорена къ Бернсторфу узнали о неудачахъ финскихъ конфедератовъ въ Швеціи и о томъ, что голова барона Спренгтпортена, находившагося въ службѣ Россіи и оказавшаго императрицѣ важныя услуги при составленіи конфедераціи въ Аньяла, была оцѣнена королемъ въ 3,000 талеровъ, и т. д. [3]).

Изъ этихъ примѣровъ можно заключить о значеніи перелюстраціи во время Екатерины II.

Въ настоящее время такое учрежденіе едва-ли могло-бы имѣть такую важность. Быстрыя сообщенія, телеграммы, желѣзныя дороги, гласность, печатаніе протоколовъ засѣданій парламентовъ, изданіе красныхъ, синихъ, желтыхъ и т. д. книгъ, публичность засѣданій законодательныхъ палатъ, интерпелляціи, адресы, народныя собранія и т. д. замѣняютъ отчасти дѣйствія такъ называемыхъ cabinets noirs или перелюстраціи прошлаго столѣтія.

Одесса. А. Брикнеръ.

Примѣчаніе. Перелюстраціи внутренней и внѣшней кореспонденціи времени Екатерины II, «Русская Старина» обязана обширнымъ собраніемъ весьма интересныхъ матеріаловъ: это переписка лучшихъ, образованнѣйшихъ русскихъ людей 1790—1795 гг. Письма эти мы представимъ въ ближайшихъ книгахъ нашего изданія. Ред.

---

[1]) «Зап. Храп.»: 26 мая, 29 іюня, 20 и 24 августа, 7 и 28 сентября, 12, 19, 29 октября 1788 г.; 22 и 25 февраля 1789 г. А. В.

[2]) 7-го сентября 1788 года. А. В.

[3]) «Зап. Храп.»: 9 ноября, 16 ноября, 23 ноября 1788 года и 14 іюля 1790 года А. В.

КНЯЗЬ В. Г. МАДАТОВЪ.

генералъ-лейтенантъ.

род. 1782 † 1828 г.

Въ „Русской Старинѣ" (изд. 1872 г., т. V, стр. 706—726) и т. VI, стр. 38—69; 243—281) помѣщены донесенія Паскевича и письма Дибича къ императору Николаю Павловичу. Донесенія Паскевича исключительно направлены къ обвиненію, главнымъ образомъ, бывшаго командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генерала Ермолова, и отчасти нѣкоторыхъ близко стоявшихъ къ нему по службѣ лицъ, въ томъ числѣ генералъ-лейтенанта князя Мадатова, въ неспособности и въ злоупотребленіяхъ власти, по завѣдыванію ввѣренными имъ войсками и краемъ.

Имена и дѣятельность Ермолова и князя Мадатова принадлежатъ исторіи. Она одна, путемъ безпристрастія, внѣ всякихъ интригъ и преднамѣренныхъ цѣлей, можетъ открыть истину, насколько возведенныя на названныхъ лицъ обвиненія справедливы. Историкъ Кавказа Н. Ѳ. Дубровинъ, имѣющій въ виду многія данныя для вѣрной оцѣнки дѣятельности Ермолова и князя Мадатова на Кавказѣ, въ замѣткѣ своей, помѣщенной въ „Русской Старинѣ" (изд. 1872, т. VI, стр. 281), вполнѣ ясно выразилъ характеръ и цѣль этихъ донесеній. Хотя замѣтка господина Дубровина снимаетъ предъ современнымъ обществомъ тѣнь, набросанную донесеніями Паскевича на покойнаго моего мужа, князя Мадатова, но я, дорожа памятью его и зная близко все то, что происходило на Кавказѣ въ эпоху пріѣзда туда Паскевича, считаю себя обязанною выяснить, въ свою очередь, насколько могу, истину, присоединивъ къ этому хотя нѣкоторыя изъ хранящихся у меня собственноручныхъ писемъ Ермолова къ князю Мадатову.

Почти вся служба покойнаго моего мужа на Кавказѣ совпадаетъ со временемъ пребыванія въ этомъ краю Ермолова, въ званіи коман-

дира отдѣльнаго кавказскаго корпуса; слѣдовательно Ермолову болѣе и ближе, чѣмъ Паскевичу, было извѣстно, въ какой степени князь Мадатовъ своею дѣятельностію оправдывалъ возложенныя на него правительствомъ обязанности. Характеръ этой дѣятельности и оцѣнка ея выясняются письмами Ермолова къ покойному моему мужу. Паскевичъ пріѣхалъ на Кавказъ съ цѣлью такъ, или иначе, обвинить Ермолова и занять его мѣсто. Упрекая его, хотя несправедливо, Паскевичъ, чтобы не впасть, вѣроятно, въ противорѣчіе съ самимъ собою, счелъ необходимымъ, въ этихъ видахъ, осудить и князя Мадатова, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Ермолова.

Обращаюсь къ тѣмъ обвиненіямъ, которыя касаются собственно князя Мадатова въ донесеніяхъ Паскевича; но предварительно полагаю не безполезнымъ, для болѣе вѣрной и ясной оцѣнки этихъ обвиненій, сказать нѣсколько словъ о служебномъ положеніи князя Мадатова до столкновенія его съ Паскевичемъ.

Князь Мадатовъ, до пріѣзда Паскевича на Кавказъ, въ 1826 году, былъ окружнымъ начальникомъ трехъ ханствъ въ Закавказьи: Шекинскаго, Ширванскаго и Карабагскаго. Лѣтомъ, упомянутаго года, наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-мирза внезапно вторгся въ наши предѣлы. Одинъ отрядъ, подъ его начальствомъ, бросился въ Карабагъ, а другой, подъ командою эриванскаго сардаря Гуссейнъ-хана, въ Бамбахскую дистанцію и провинцію Шурагель. Аббасъ-мирза, напавъ на принадлежащее въ Карабагѣ князю Мадатову имѣніе Чинахчи, и раззоривъ оное, устремился къ Шушѣ, обложилъ эту крѣпость и послалъ передовой отрядъ для занятія Елисаветполя. Ограниченное число нашихъ войскъ, разбросанныхъ по всему пространству Кавказа, давало возможность противопоставить непріятелю лишь слабыя силы.

Въ это время князь Мадатовъ находился на кавказскихъ минеральныхъ водахъ для возстановленія своего здоровья, разстроеннаго ранами, предшествовавшими военными трудами и климатомъ областей, бывшихъ въ его управленіи. Тамъ получилъ онъ отъ Ермолова, по случаю нашествія Персіянъ, предписаніе немедленно прибыть въ Тифлисъ. Забывъ свою болѣзнь, Мадатовъ, гдѣ на перекладной, гдѣ верхомъ, прискакалъ, въ нѣсколько дней, въ Тифлисъ. Здѣсь онъ получилъ предписаніе принять въ свою команду незначительный отрядъ, сосредоточенный на рѣкѣ Акстафѣ, и ожидать прибытія новыхъ силъ съ кавказской линіи. Между тѣмъ положеніе Закавказья было весьма затруднительно; крѣпость Шуша, съ малочисленнымъ гарнизономъ, находилась въ тѣсной блокадѣ войсками Аббасъ-мирзы; весь Елисаветпольскій округъ занятъ былъ персіянами; всѣ сообщенія между

Грузіею и мусульманскими провинціями прерваны; деревни и ближайшія нѣмецкія колоніи разорены. Съ другой стороны сардарь эриванскій, съ своими силами, ожидалъ только возможности соединиться съ Аббасъ-мирзою, чтобы совмѣстно открыть военныя дѣйствія. Настроеніе жителей, не исключая и Тифлиса, было крайне тревожное; одни, обольщенные разными обѣщаніями персіянъ, бѣжавшихъ хановъ и царевича грузинскаго Александра, ожидали случая стать на сторону враговъ, другіе, вѣрные нашему правительству, трепетали за свое имущество и жизнь.

При такомъ положеніи дѣлъ, угрожавшемъ гибельными послѣдствіями въ странѣ, населенной единовѣрцами непріятелей, необходимы были дѣйствительныя и скорыя мѣры; нужно было одержать побѣду внезапную, рѣшительную. Побѣда эта была одержана княземъ Мадатовымъ блистательно. 3-го сентября 1826 г. онъ разбилъ наголову близь Шамхора персіянъ въ числѣ, пять разъ превосходившемъ наши силы, и затѣмъ занялъ Елисаветполь. Шамхорская побѣда имѣла громадныя послѣдствія: она возвратила намъ Елисаветполь, унизила высокомѣріе непріятеля, успокоила жителей Грузіи, съ трепетомъ видѣвшихъ персидскія знамена, съ одной стороны, въ 160 верстахъ, а съ другой въ 60-ти отъ Тифлиса; побѣда эта вынудила Аббасъ-мирзу снять осаду Шуши и произвела то впечатлѣніе на персіянъ и жителей Карабага, которое высказано въ прилагаемомъ донесеніи полковника Реута [1]).

Аббасъ-мирза, узнавъ о пораженіи передовыхъ его войскъ подъ Шамхоромъ, съ главными своими силами, двинулся на встрѣчу князю Мадатову. Послѣдній предвидѣлъ это обстоятельство, и уже дѣлалъ необходимыя распоряженія къ принятію боя, какъ вдругъ было получено предписаніе отъ Паскевича, чтобы, въ случаѣ приближенія главныхъ силъ персіянъ, не атаковывать ихъ до его пріѣзда въ Елисаветполь. 11-го сентября Паскевичъ дѣйствительно прибылъ въ Елисаветполь и принялъ начальство надъ войсками. Послѣ шамхорской побѣды Паскевичъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Votre mari est brave, je veux aller chez lui, mais je n'ai pas d'equipage". Я ему предложила нашу коляску. Отзывъ о моемъ мужѣ Паскевича мнѣ показался сначала искреннимъ, но вскорѣ я узнала отъ нѣкоторыхъ лицъ, что ему шамхорское дѣло далеко не пришлось по сердцу.

Передача новому лицу командованія войсками безъ всякой причи-

---

[1]) Смотри приложеніе I-е. Полковникъ Реутъ во время осады Шуши былъ командиромъ 42 егерскаго полка. Донесеніе его хотя и значится въ изданной въ 1863 г. біографіи князя Мадатова, но при настоящей статьѣ оно напечатано цѣликомъ съ подлинника. Кн. С. М.

ны и въ то время, когда предпріятіе начато было съ совершеннымъ успѣхомъ, безъ сомнѣнія, должно было удивить и огорчить князя Мадатова. Это понималъ очень хорошо и самъ Ермоловъ, который въ письмѣ своемъ, отъ 9-го сентября, между прочимъ, выразился: „Неоскорбитесь ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не последній и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать, сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаніе непріятеля и здѣшнихъ народовъ можетъ принести пользы службѣ государя. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности„ [1]).

Паскевичъ пріѣхалъ въ Елисаветполь съ такою же предвзятою, въ отношеніи князя Мадатова, мыслію, съ какою прибылъ въ Тифлисъ въ отношеніи Ермолова. Недоброжелательство Паскевича обнаружилось на первыхъ порахъ пріѣзда его къ войскамъ. О послѣднихъ онъ отозвался въ своемъ донесеніи императору Николаю, что они отвратительно одѣты, мало дисциплированы, и въ боевомъ отношеніи не стойки. „Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ“ [2]), говоритъ Паскевичъ. Спрашивается: улучшилъ ли онъ матеріальное и строевое положеніе войскъ? Положительно нѣтъ, не смотря на то, что даже наканунѣ елисаветпольскаго сраженія онъ „въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дѣлалъ всѣмъ отрядамъ движенія вправо, влѣво, впередъ и обратно, училъ строиться изъ каре въ колонну, изъ колонны въ каре“ [3]). Онъ оставилъ войска въ такомъ же видѣ, въ какомъ они были при Ермоловѣ; и какимъ войскамъ Паскевичъ обязанъ своими успѣхами въ персидскую и турецкую кампаніи? Конечно тѣмъ не стойкимъ людямъ, съ которыми, по мнѣнію его, „сохрани Богъ, быть въ дѣлѣ!“ Далѣе Паскевичъ возложилъ на князя Мадатова, человѣка истинно боеваго и далеко не безполезнаго ему съ этой стороны, обязанности провіантмейстера. Такое распоряженіе мужъ мой иначе и не могъ объяснить себѣ, какъ желаніемъ устранить его, по возможности, отъ непосредственнаго участія въ подвигахъ войскъ. Что подобное распоряженіе могло быть непріятно князю Мадатову,—это понятно каждому. Паскевичъ доносилъ, „что Мадатовъ хочетъ ѣхать въ Тифлисъ, ибо не хочетъ быть провіант-

[1]) «Біограіфія князя» Мадатова, изд. 2, 1863 г., стр. 211. Кн. С. М.
[2]) «Русская Старина», изд. 1872 г., т. V, стр. 723. С. М.
[3]) «Русская Старина», изд. 1872 г., т. V, стр. 722. С. М.

мейстеромъ, послѣ я его уговорилъ этого не дѣлать, какое высокомѣріе! Послѣ я узналъ, что это все играно было [1])".

Не въ игру игралъ въ этомъ случаѣ князь Мадатовъ, а какъ мнѣ извѣстно изъ его разсказовъ о грустномъ для него времени, онъ боролся между чувствомъ оскорбленія и долгомъ чести, обязывавшей его не покидать свой постъ среди трудныхъ обстоятельствъ. Мужъ мой подчинился голосу чести и, до отозванія его отъ арміи, старался устроить продовольственную часть войскъ, настолько удовлетворительно, насколько это было возможно въ краѣ, раззоренномъ нашествіемъ персіянъ. Подтвержденіемъ сказаннаго служатъ указанія, имѣющіяся въ біографіи князя Мадатова, составленной его сослуживцами.

Устраняя по возможности и безъ всякаго основанія князя Мадатова отъ прямаго его поприща, Паскевичъ не ограничился этимъ, а старался выставить военныя способности его въ крайне ничтожномъ видѣ. Такъ Паскевичъ въ одномъ мѣстѣ (въ донесеніи Дибичу) выразился, что князь Мадатовъ „въ распоряженіяхъ своихъ способностей не имѣетъ, а только храбрый гусаръ [2]), въ другомъ мѣстѣ, въ описаніи елисаветпольскаго сраженія, Паскевичъ, между прочимъ, говоритъ „ширванскій баталіонъ, ударивъ въ штыки, прорвалъ ихъ (т. е. персіянъ) линію,—другіе поддержали. Генералъ-маіоръ Вельяминовъ [3]) это приказалъ. Князь Мадатовъ на себя взялъ, чего не сдѣлалъ, а я не зналъ его, ему повѣрилъ. Всѣ сіи обстоятельства я гораздо позже узналъ и оттого въ реляціи его похвалилъ" [4]).

Всякое дѣло оцѣнивается по его результатамъ. Великое послѣдствіе—всегда будетъ великимъ, несмотря на то,—произошло-ли оно отъ гусарской удали, или отъ геніально-задуманныхъ соображеній. Вся служебная дѣятельность князя Мадатова съ 1799 по 1829 годъ, т. е. по день смерти его подъ стѣнами крѣпости Шумлы, имѣетъ характеръ почти исключительно боевой; всѣ военныя задачи, данныя ему въ теченіи этого времени, какъ свидѣтельствуетъ біографія Мадатова, исполнены блистательно и въ полномъ смыслѣ безупречно. Дѣйствія моего мужа въ войну съ Турціею 1808, 1809 и 1810 годовъ, въ отечественную войну 1812 года, въ походахъ отъ 1813 до 1815 года, военныя дѣйствія въ Дагестанѣ (1819 и 1820 годовъ), покореніе области Табасеранской, дѣйствія противъ Терекеменскихъ селеній, Башлы и Енгикента, сраженіе подъ Лавашею, покореніе акушинцевъ, взятіе приступомъ Хозрека, занятіе Казыкумыка,

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1872 г., т. V, стр. 722.

[2]) «Русская Старина», изд. 1872 г., т. VI, стр. 41. С. М.

[3]) Начальникъ штаба кавказскаго корпуса. С. М.

[4]) «Русская Старина», изд. 1872 г., т. V. стр. 723. С. М.

побѣда надъ персіянами подъ Шамхоромъ (1826 г.), освобожденіе Елисаветполя, елисаветпольское сраженіе, походъ въ Мѣшкинъ, дѣло у Ходоперинскаго моста, взятіе крѣпостей Исакчи и Гирсово, на Дунаѣ (1828 году), командованіе праводскимъ отрядомъ въ Европейской Турціи, отраженіе турокъ отъ Праводъ, взятіе редутовъ, близъ Шумлы—да будутъ отвѣтомъ на мнѣніе Паскевича о военныхъ способностяхъ князя Мадатова.

Въ дѣйствіяхъ князя Мадатова въ елисаветпольскомъ сраженіи Паскевичъ, какъ выше сказано, не находитъ ничего похвальнаго. Странно, но, впрочемъ, понятно. Вѣдь надо же было ему себя выставить въ возможно яркомъ свѣтѣ! Если въ елисаветпольскомъ сраженіи роль Мадатова была ничтожна, то отчего исторія не только иначе, а совершенно противуположно заключенію Паскевича, выставляетъ дѣйствія Мадатова подъ Елисаветполемъ, и даже прямо указываетъ, что Паскевичъ не хотѣлъ дать сраженіе, а рѣшился на это по настоянію Мадатова, хорошо знавшаго непріятеля, съ которымъ предстояло имѣть дѣло [1].

Мнѣ положительно извѣстно изъ разсказовъ участниковъ елисаветпольскаго сраженія, что Паскевичъ не желалъ атаковать персіянъ, а предполагалъ встрѣтить ихъ въ узкихъ улицахъ города; это намѣреніе было оставлено только вслѣдствіе доводовъ князя Мадатова о той опасности, которой могли бы подвергнуться наши войска отъ такого распоряженія. Мнѣніе князя Мадатова было поддержано начальникомъ штаба Вельяминовымъ, и когда Паскевичъ согласился дѣйствовать такъ, какъ совѣтывалъ Мадатовъ, то Вельяминовъ, сказалъ послѣднему: „тѣшьтесь, князь, но чтобы впослѣдствіи не отвѣчать“. О всякомъ успѣхѣ князя Мадатова въ персидскую кампанію Паскевичъ относился съ крайнимъ неудовольствіемъ. Такимъ образомъ его раздражила экспедиція въ Мѣшкинъ, о которой онъ даже не донесъ государю, несмотря на принесенную ею пользу въ отношеніи продовольствія войскъ, какъ видно изъ нижеслѣдующаго описанія этого дѣла:

Въ первыхъ числахъ декабря, князь Мадатовъ, по требованію генерала Ермолова, пріѣхавшаго въ то время въ Нухинскую провинцію, вызванъ былъ для личнаго совѣщанія, и получилъ секретное предписаніе сдѣлать экспедицію на Араксъ.

Будучи увѣренъ, что глубокій снѣгъ, покрывавшій горы со стороны Нахичеванскаго ханства, предохранитъ насъ отъ всякаго покушенія непріятеля на томъ пунктѣ, князь Мадатовъ собралъ отрядъ

---

[1]) «Біографія князя Мадатова». изд. 2, 1863 г., стр. 119. С. М.

свой у Агъ-Оглана и выступилъ къ Араксу: одному баталіону 42 егерскаго полка, съ карабагскимъ ополченіемъ, состоявшимъ изъ армянской пѣхоты и татарской конницы, приказалъ онъ расположиться у этой рѣки, выше Худоперинскаго моста, и стараться переправить на нашъ берегъ нѣкоторыя кочевья, между коими находились увлеченные жители нашихъ селеній, или отогнать ихъ далѣе отъ береговъ, для прекращенія производившихся разбоевъ.

28-го декабря, соединясь съ прибывшимъ изъ Джевата полковникомъ Мищенко, князь Мадатовъ перешелъ, въ сильный холодъ, но поясъ въ водѣ, Араксъ, и двинулъ войска свои по Делаурскому ущелью, къ рѣкѣ Самбуру, гдѣ кочевали тогда шахсеванцы, аджалибцы и другія племена, производившія набѣги и грабежи по нашимъ границамъ. Неожиданное появленіе нашихъ войскъ привело ихъ въ замѣшательство. Карабагцы и ширванцы, подкрѣпляемые армянами, бросившись стремительно, отбили у нихъ до 20,000 овецъ и множество верблюдовъ, лошадей, скота и другаго имущества. За симъ 500 семействъ, перешедшихъ сюда изъ ханства Карабагскаго и Ширванскаго при перемѣнѣ обстоятельствъ, бывъ ограблены и брошены безъ средствъ къ возвращенію на прежнія мѣста свои, прибѣгли къ русскому отряду.

Находя Мѣшкинскій округъ удобнѣйшимъ для дѣйствія противъ шахсеванцевъ, князь Мадатовъ призналъ полезнымъ распустить слухи, что намѣревается двинуться въ ханство Талышинское. Находившіеся тамъ шахсеванцы, будучи обмануты сими слухами, желали уклониться отъ нападенія русскихъ на ихъ кочевья, и невольно выполнили требованія русскаго генерала. Войска наши поспѣшно вступили въ мѣста, избранныя для ихъ дѣйствія. Дабы совершенно воспользоваться оплошностію противниковъ, князь Мадатовъ съ карабагскою и ширванскою конницею и армянскою пѣхотою, стремительно ударилъ на непріятеля и обратилъ его въ бѣгство, отбивъ при семъ случаѣ 2,000 верблюдовъ, 10,000 рогатаго скота и 60,000 овецъ. За симъ, князь вступилъ въ городъ Лори, гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ Мѣшкинскаго округа и братомъ его, которые просили о пощадѣ и покровительствѣ. Успѣхи нашего оружія убѣдили ихъ въ заблужденіи, и они спѣшили доказать покорность свою, давъ, съ цѣлымъ округомъ своимъ, присягу на вѣрноподданство императору.

Умалчивать о боевыхъ подвигахъ князя Мадатова или представлять ихъ въ иномъ видѣ — было еще мало Паскевичу. Онъ желалъ совершеннаго удаленія Мадатова отъ арміи и достигъ цѣли. Мадатовъ сдалъ свой отрядъ другому лицу, среди заботъ и приготовленій къ переправѣ черезъ Араксъ; онъ былъ устраненъ, такимъ обра-

зомъ, безъ всякаго повода, а только потому, что ему, какъ выразился Дибичъ въ донесеніи своемъ къ императору Николаю [1]): вообще недовѣрялъ Паскевичъ. Послѣ сдачи отряда, князь Мадатовъ отправился прямо въ Тифлисъ. Не заставъ Дибича, мужъ мой неоднократно обращался къ нему съ просьбою о разрѣшеніи ему прибыть въ Петербургъ. Разрѣшеніе послѣдовало по прошествіи 5-ти мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ князь Мадатовъ вынесъ рядъ страданій отъ печали, бездѣйствія и интригъ лицъ, окружавшихъ Паскевича. Въ Петербургѣ мужъ мой получилъ назначеніе въ арміи, дѣйствовавшей въ Европейской Турціи.

Донесенія Паскевича о князѣ Мадатовѣ, какъ о человѣкѣ и дѣятелѣ, по управленію ханствами въ Закавказьѣ, по своей неправдивости, превосходятъ всякое ожиданіе.

Данныя для этихъ донесеній онъ получалъ отъ извѣстнаго армянина Карганова. Основывать обвиненіе на показаніи подобныхъ ему людей—крайне недобросовѣстно со стороны Паскевича. Это значитъ злоупотреблять довѣріемъ и пользоваться всякими средствами для достиженія цѣли, зная, что каждое его слово будетъ принято за истину, безъ всякой провѣрки.

Управленіе князя Мадатова ханствами въ Закавказьѣ далеко не было таково, какимъ представилъ его Паскевичъ. По распоряженію Мадатова, были учреждены въ каждомъ ханствѣ провинціальные суды, въ которыхъ онъ не рѣдко присутствовалъ въ качествѣ окружнаго начальника. Для усиленія торговли и промышленности имъ проложены новыя дороги, улучшены трудные пути сообщенія вообще; для казаковъ, занимавшихъ посты по большой дорогѣ отъ Елисаветполя до подъема въ крѣпость Шушу, и для проѣзжающихъ устроены помѣщенія на мѣстахъ, благопріятныхъ въ климатическомъ отношеніи; заботливостью князя Мадатова размножены и улучшены шелковичные сады. Пріучить къ повиновенію людей, чуждыхъ гражданскому благоустройству, обезпечивъ ихъ имущество, и даже жизнь, отъ произвола владѣтелей, было предметомъ особаго попеченія князя Мадатова [2]). Выполненіе этой послѣдней задачи было не легко при тогдашнихъ правахъ хановъ и бековъ, дѣйствовавшихъ противъ слабыхъ, по своему крайнему, ни чѣмъ не стѣсненному произволу. Надъ этими преградами, правда, не останавливался князь Мадатовъ и велъ благое дѣло, возложенное на него Ермоловымъ, твердо и съ успѣхомъ. Такое дѣйствіе, конечно, вызвало неудовольствіе во многихъ, ставшихъ, при

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1872 г., т. VI, стр. 268. С. М.

[2]) «Біографія князя Мадатова», изд. 2, 1863 г., стр. 83—87. С. М.

первомъ удобномъ случаѣ, противъ Ермолова и князя Мадатова, въ качествѣ обвинителей; но спрашивается: правы ли были эти недовольные, а вмѣстѣ съ ними и Паскевичъ, въ своемъ заключеніи?

Заявленіе Паскевича, что Мадатовъ ненавидимъ въ провинціи и вообще не соотвѣтствуетъ своему назначенію управляющаго ханствами, противорѣчитъ истинѣ. Отзывъ Ермолова и очевидцевъ о дѣятельности князя Мадатова и о степени необходимости его на Кавказѣ, далеко расходится съ заключеніемъ Паскевича [1]).

Тяжело становится, когда вспомнишь эпоху пріѣзда на Кавказъ Паскевича. Въ это время появились осужденія въ небывалыхъ поступкахъ лицъ, оказавшихъ своею службою не мало услугъ отечеству. Происки людей, недоброжелательныхъ моему мужу, преслѣдовали его повсюду, даже въ Европейской Турціи, куда онъ перешелъ съ Кавказа, и гдѣ онъ своими распоряженіями и успѣхами обращалъ на себя постоянное вниманіе государя и главнокомандующаго.

Подъ стѣнами Шумлы князь Мадатовъ долженъ былъ отвѣчать на разные вопросные пункты, посылаемые ему по обиднымъ и возмутительнымъ по содержанію обвиненіямъ. Доносы вызывались путемъ, въ высшей степени неприличнымъ; такъ, напримѣръ, въ крѣпости Шушѣ барабаннымъ боемъ по улицамъ приглашали жителей подавать жалобы на князя Мадатова; жалобы эти, какъ и слѣдовало ожидать, оказались впослѣдствіи, по повѣркѣ ихъ особою коммиссіею, несправедливыми. Клевета доходила до того, что даже явилось сомнѣніе, законно-ли пользуется мужъ мой принадлежавшимъ ему въ Карабагѣ имѣніемъ. По этому поводу, по высочайшему повелѣнію, былъ сдѣланъ генераломъ Сипягинымъ запросъ Ермолову, который отвѣчалъ [2]), что князь Мадатовъ владѣетъ имѣніемъ на основаніи рескрипта императора Александра I [3]), переданнаго въ подлинникѣ имъ, Ермоловымъ, Паскевичу. Мало того, за нѣкоторые долги, кои легко могли бы быть покрыты средствами его имѣнія [4]), продали въ казну за ничтожную сумму принадлежавшій моему мужу въ Тифлисѣ домъ, не предваривъ его объ этомъ и въ то время, когда онъ жертвовалъ собою въ войнѣ. Такимъ образомъ это было сдѣлано тогда, когда князь Мадатовъ не имѣлъ возможности личнымъ присутствіемъ сохранить свое достояніе.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ оскорбленій было то, что у мужа мо-

---

[1]) «Біографія князя Мадатова», изд. 2. 1863 г., стр. 63. С. М.

[2]) См. Приложеніе II. С. М.

[3]) См. Приложеніе III. С. М.

[4]) Имѣніе это заключалось въ 102,462 дес. земли, населенной 1,245 семействами. С. М.

его, тамъ же, подъ Шумлою, открылось кровотеченіе горломъ, которое въ два дня свело его въ могилу на 47 году жизни.

Такъ угасла жизнь, полная силъ, энергіи и честныхъ намѣреній. Я убѣждена, что правдивый судъ исторіи выставитъ дѣятельность князя Мадатова не въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Паскевичъ въ своихъ донесеніяхъ, но такъ какъ понимали дѣйствія Мадатова многіе честные его сослуживцы. Вотъ отзывъ одного изъ нихъ, именно Алексѣя Степановича Хомякова, который близко зналъ моего мужа, и разбиралъ матеріалы для составленія историческаго очерка его жизни, слѣдовательно имѣлъ полную возможность основывать свое заключеніе на дѣйствительныхъ фактахъ: „Это (т. е. жизнеописаніе князя Мадатова) только могильный камень, вмѣсто мавзолея, котораго бы я желалъ; такова сила условій и препятствій, налагаемыхъ на описаніе, въ которомъ нужно обходить молчаніемъ то, о чемъ бы слѣдовало сказать, и нельзя отдать справедливости знаменитому усопшему, не осудивъ завистливой посредственности живыхъ“ [1]).

Въ другомъ своемъ письмѣ А. С. Хомяковъ о достоинствѣ и недостаткахъ книги о жизни князя Мадатова говоритъ [2]): „Вообще въ ней сдѣлано то, что можно было сдѣлать. Она будетъ поддерживать память о храбромъ, заслуживающемъ воспоминаній отечества, но, какъ я уже говорилъ вамъ, не отдаетъ ему полной справедливости, такъ какъ послѣдняя можетъ быть достигнута только изъ сравненія того, что совершилъ князь, съ тѣмъ, чего не сдѣлали, или что испортили другіе. Чтеніе книги, и въ особенности приложеній, привело меня къ заключенію, что Грузія была свидѣтельницею того же, что происходило на моихъ глазахъ въ Турціи. Дѣлались огромныя ошибки. Князь исправлялъ ихъ, и въ то время, когда имъ уже были сорваны лавры, являлись распоряженія, мѣшавшія ему доплести изъ нихъ вѣнокъ“.

Княгиня С. А. Мадатова.

---

[1]) «Біографія князя Мадатова», изд. 2, 1863 г., ст. II. С. М.
[2]) «Біографія князя Мадатова», изд. 2, 1863 г., ст. III. С. М.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Примѣчаніе. Въ приложеніяхъ къ статьѣ княгини С. А. Мадатовой помѣщены лишь тѣ письма Ермолова, которыя не вошли въ біографію князя Мадатова и относятся исключительно къ эпохѣ пріѣзда на Кавказъ Паскевича.

Число писемъ Ермолова къ князю Мадатову, хранящихся у вдовы покойнаго князя, простирается до 65-ти. Письма эти обнимаютъ собою время отъ 1818 до 1827 года. Печатать ихъ при настоящей статьѣ не признано необходимымъ въ виду того, что часть писемъ уже издана при біографіи князя Мадатова, часть же, касаясь до дѣйствій его въ Дагестанѣ, составляетъ, главнымъ образомъ, интересъ времени до пріѣзда на Кавказъ Паскевича. Тѣмъ не менѣе, всѣ безъ исключенія письма Ермолова проникнуты чувствомъ искренняго и полнаго довѣрія къ способностямъ и полезной дѣятельности князя Мадатова на Кавказѣ; въ подтвержденіе сказаннаго представляются слѣдующія выписки, которыя хотя и помѣщены въ біографіи князя Мадатова, но вполнѣ характеризуютъ отношеніе Ермолова къ Мадатову, и выясняютъ, насколько первый цѣнилъ службу послѣдняго.

Генералъ Ермоловъ, свидѣтельствуя предъ лицемъ государя императора Александра I объ успѣхахъ князя Мадатова при покореніи Табасарани писалъ: «Не могу, государь, довольно похвалить отличное служеніе генералъ-маіора князя Мадатова, коего каждое дѣйствіе служитъ доказательствомъ вѣрности, дѣятельности и храбрости неограниченныхъ; долженъ и то, вашему императорскому величеству, всеподданнѣйше донести, что, хорошо зная здѣшніе народы, онъ употребляемъ здѣсь съ особенною пользою, имѣя способность внушить мусульманамъ усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества».

Въ другомъ письмѣ: «Цѣлую тебя, любезный мой Мадатовъ, и поздравляю съ успѣхомъ. Ты предпринялъ дѣло смѣлое и кончилъ славно!

«Весьма хорошо, что сіе произошло въ самое то время, когда дагестанская каналья дѣлаетъ противъ насъ заговоръ и присягу.

«Теперь не время помышлять имъ объ истребленіи невѣрныхъ, надобно думать о собственной защитѣ.

«Нѣкоторое время долженъ я, любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ, стѣснить твою дѣятельность, но сего требуютъ обстоятельства. Потерпи немного, не далеки случаи, гдѣ службѣ царя нашего полезна будетъ храбрость твоя и усердіе.

«Еслибы могъ я столько положиться на каждаго изъ моихъ товарищей, то не столько было бы мнѣ трудно, ибо ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности и не мало еще сдѣлаешь по дружбѣ ко мнѣ и давней свычкѣ.

«Ты не воображаешь, сколько я восхищенъ, что подъ твоимъ начальствомъ служатъ татары храбро. Я все то опишу въ рапортѣ государю и увѣренъ, что онъ будетъ весьма доволенъ». И т. д. Вѣрный Ермоловъ.

22-го августа 1819 года.

I.

Господину генералъ-маіору и кавалеру князю Мадатову. Полковника Реута рапортъ. Побѣда вашего сіятельства при Шамхорѣ нанесла ужасъ и здѣсь персіянамъ. Аббасъ-мирза, который располагалъ, съ окончаніемъ минъ

подъ крѣпостную стѣну, штурмовать на дняхъ крѣпость Шушу, узнавъ о совершенномъ разбитіи вашимъ сіятельствомъ передовыхъ войскъ его, самъ, съ бывшими здѣсь при немъ большими силами, внезапно 5-го числа сего мѣсяца отступилъ отъ крѣпости къ рѣкѣ Тертеру, гдѣ, какъ слышно, оставшись только съ частію легкихъ войскъ для наблюденія движенія вашего сіятельства, большую часть силъ своихъ отправилъ для переселенія изъ Карабага деревень и кочеваго народа на Араксъ, куда и тягости его отосланы. Мехти-ханъ, со своею конницею, также поспѣшаетъ переселять отселѣ народъ, но многіе ему въ томъ противятся. Ежели ваше сіятельство изволите ускорить сюда прибытіемъ, то полагаю большая часть народа останется въ Карабагѣ, ибо многіе и отъ самаго Аракса возвратятся. Я теперь разослалъ во всѣ мѣста нарочныхъ людей съ извѣстіями о слѣдованіи вашего сіятельства съ большими силами и о побѣдахъ надъ персіянами. Убѣждаю всѣхъ не переходить отселѣ, и собравшись въ крѣпкія мѣста, сопротивляться усилію непріятеля, увѣряя, что начальство наше ни мало не обвиняетъ ихъ въ измѣнѣ и всегда пещись будетъ о ихъ благосостояніи. По малому количеству силъ, я не могъ безъ приближенія вашего сіятельства ни перерѣзать дороги непріятелю, ни преслѣдовать онаго, и оттого теперь Мехти-ханъ, въ переселеніи народа, можетъ быть возымѣетъ нѣкоторый успѣхъ. Но когда изволите прибыть ваше сіятельство на Тертеръ, то не благоугодно ли будетъ съ увѣдомленіемъ о томъ меня, разрѣшить съ частію войскъ изъ крѣпости на легкахъ податься черезъ горы къ Араксу для остановленія кочевья; или, еще лучше, удостойте снабдить отъ себя частію кавалеріи, потому что, за падежемъ здѣсь отъ голоду казачьихъ лошадей, я имѣю только двадцать человѣкъ конныхъ.

Беки всѣ и ихъ семейства находятся у меня подъ строгимъ наблюденіемъ. Крѣпость Шуша, которая безъ повелѣнія начальства никогда оставлена бы не была непріятелю, до тѣхъ поръ, пока здѣсь войска государя живы, получа нынѣ свободу, ожидаетъ скорѣйшаго прибытія вашего сіятельства, и всѣ въ оной нетерпѣливо желаютъ изъявить вамъ свое поздравленіе. По отступленіи персіянъ, я нѣсколько поправился провіантомъ изъ остатковъ, найденныхъ въ ближайшихъ деревняхъ, но весьма мало; только одинъ недостатокъ хлѣба болѣе всего устрашалъ, и кромѣ голода, я ничего не боялся.

Крѣпость Шуша,
№ 1,052.
11-го сентября 1826 года.

II.

Письмо генералъ-адъютанта Сипягина къ А. П. Ермолову.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ! Къ дѣлу, производимому мною по высочайшему повелѣнію, насчетъ имѣнія въ Карабагской провинціи генералъ-лейтенанта князя Мадатова, необходимо потребовалось имѣть именной высочайшій указъ, или рескриптъ, по которому имѣніе сіе принято настоящимъ владѣльцемъ отъ Мехти-Кули, хана карабагскаго.

Не отыскавъ таковаго повелѣнія въ дѣлахъ канцеляріи г. главнокомандующаго, я полагалъ, что оно находится у самого корпуснаго командира генералъ-адъютанта Паскевича, въ числѣ бумагъ, переданныхъ отъ вашего высокопревосходительства, и просилъ доставить мнѣ копію, но на дняхъ получилъ я увѣдомленіе, что и у него ни копіи, ни подлинника не имѣется.

И потому я имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство почтить меня увѣдомленіемъ, на чье имя послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отдачѣ князю Мадатову упоминаемаго имѣнія, и гдѣ таковое повелѣніе должно храниться, а съ тѣмъ вмѣстѣ покорнѣйше прошу прислать копію съ онаго, если ваше высокопревосходительство изволите имѣть у себя таковую, или же подлинникъ.

27-го января 1828 года.

III.

Милостивый государь, Николай Мартемьяновичъ! За отсутствіемъ моимъ не могъ я отвѣтствовать на почтенное отношеніе вашего превосходительства, января отъ 27-го дня, за № 250, коимъ спрашивать изволите, на чье имя послѣдовало высочайшее повелѣніе, на основаніи коего предоставлено генералъ-лейтенанту князю Мадатову вступить во владѣніе имѣніемъ, даннымъ ему бывшимъ ханомъ карабагскимъ, увѣдомляя притомъ, что, не отыскавъ онаго въ дѣлахъ канцеляріи, вы извѣщены г. корпуснымъ командиромъ, что у него нѣтъ ни подлинника, ни копіи съ таковаго повелѣнія.

Не знаю причинъ, побудившихъ г. корпуснаго командира на подобный отзывъ, я имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что ему доставленъ мною подлинный высочайшій рескриптъ блаженныя памяти императора, августа отъ 23-го дня, 1821 года, а имъ препровождена ко мнѣ копія съ онаго за собственноручною его скрѣпою. Снявъ списокъ съ онаго для свѣдѣнія вашего у сего сообщаю; позволяя себѣ думать, что, по крайней мѣрѣ, храненіе высочайшихъ повелѣній и рескриптовъ найдено будетъ въ надлежащемъ порядкѣ со стороны моей. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Покорный слуга. А. Ермоловъ.

5-го мая 1828 года.

Орелъ.

Его превосходительству Н. М. Сипягину,
Тифлисскому военному губернатору.

IV.

Высочайшій рескриптъ на имѣніе въ Карабагѣ. Господину генералу отъ инфантеріи Ермолову. Признавая основательными представленныя вами причины, по коимъ находите вы справедливымъ и полезнымъ, дабы генералъ-маіоръ князь Мадатовъ воспользовался имѣніемъ, предлагаемымъ ему отъ хана карабагскаго взамѣнъ другаго, принадлежащаго предкамъ его въ семъ ханствѣ, я предоставляю вамъ допустить князя Мадатова принять оное имѣніе въ вѣчное потомственное владѣніе. Ни мало не сомнѣваюсь, что новый владѣлецъ, благоразумными распоряженіями своими и лучшимъ образомъ обхожденія съ поселянами, покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго, предъ своенравнымъ господствованіемъ азіатскимъ, и чрезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ державѣ, всегда готовой споспѣшествовать благу своихъ подданныхъ. Александръ.

Царское Село.
Августа, 23-го дня 1821 года.

V.

Письма А. П. Ермолова къ кн. В. Г. Мадатову.
1826—1827 гг.

1.

Любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ! Весьма порадовали вы меня извѣстіемъ о разбитіи мошенниковъ. Дѣло точно прекрасное и ожидаю, что произведетъ страхъ. Признаюсь, что не вѣрилъ столько необыкновенному количеству побитыхъ; разспрашивалъ подробно, и пріятно было узнать, что потеря злодѣевъ точно ужасна. Гаджи мамадъ-Ага, казахской, извѣстный своими съ сардаремъ сношеніями и намъ недоброжелательствующій, конечно, не радовался пораженію друзей и на вопросъ мой о числѣ убитыхъ, говорилъ то двѣсти, то болѣе, но никогда не свыше четырехсотъ человѣкъ. Но я вижу ложь и желаніе распустить слухи для уменьшенія нашихъ выгодъ. Я не далъ ему сего замѣтить, обласкалъ и сдѣлалъ подарокъ, награду обѣщалъ впослѣдствіи.

Вы также ласкайте ихъ. Они вамъ много вѣрятъ!

Какъ хорошо случилось, что вы, любезный князь, сдѣлали начало совершенно въ подтвержденіе донесенія моего, что распорядилъ я наступательное дѣйствіе прежде прибытія генерала Паскевича. Думали, что мы перепугались и ничего не смѣли предпринять!—Досадно мнѣ только, что упустили орудія и я подозрѣваю, что это произошло отъ желанія добычи, на которую бросилась наша конница, оставя безъ вниманія орудія, ибо мудрено имъ было уйти, когда непріятель преслѣдованъ довольно далеко. Это много бы украсило побѣду.

Происшествіе сіе порадуетъ столицу, а я ожидаю донесеніе о взятіи Елисаветполя, гдѣ, можетъ быть, также случится вамъ попугать мошенниковъ. Дай Богъ!

Будьте скромны въ рекомендаціи, не представляйте, кромѣ истино отличившихся.

Прощайте, желаю вамъ счастія и на васъ много надѣюсь.

Странно, что отъ Реута нѣтъ извѣстій. Неужели никто изъ нашихъ посланныхъ не прошелъ въ крѣпость и оттуда къ намъ никто выдти не можетъ? Душевно-почитающій Ермоловъ.

7-го сентября 1826 года.
Тифлисъ.

2.

Любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ! Я сказалъ оффиціально то, что и здѣсь пріятно мнѣ повторить насчетъ вашей службы. Душевно благодарю васъ и доволенъ распоряженіями вашими въ разсужденіи Шекинской и Ширванской провинцій.

Припомните негодованіе ваше, когда, по прибытіи въ Карабагъ, приказалъ я вамъ заняться провинціями. Кажется я не ошибся, ибо зналъ, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ никто лучше васъ въ томъ не успѣетъ, ни дѣятельнѣйшихъ мѣръ употребить не можетъ.

Если справедливо, удивляюсь, какъ залѣзъ въ Кубу генералъ Краббе? Неужели не могъ онъ сладить со сволочью? Бѣсятъ меня подобныя мерзости, которыя при малѣйшей распорядительности случаться не должны! Благодарю

Бога, что вамъ удалось прогнать подлаго мошенника Аббасъ-каджара, который, не знаю отчего, такъ быстро побѣжалъ, когда не было у васъ средствъ его преслѣдовать и не остановить даже, когда и войскъ было у него много и артиллеріи онъ не потерялъ. Вы, любезный князь, хорошее положили начало при Шамхорѣ.

Теперь скажу вамъ по-пріятельски о вашихъ собственно дѣлахъ. Нельзя безъ негодованія и гнѣва принять звѣрскаго поступка карабагцевъ, которые не оставили въ покоѣ праха родителей вашихъ. Я думаю, что это Мехти мошенника мщеніе, который мечталъ уже вѣчно обладать Карабагомъ!

Чувствую, что и совершенное разстройство состоянія васъ огорчаетъ, но совѣтую имѣть терпѣніе и не дать повода заключать, что вы прежде всего помышляете о его поправленіи. И у васъ есть непріятели, которые готовы не все лучшее сказать; насчетъ вашъ. Остерегитесь, прошу васъ, и вѣрьте, что всѣхъ насъ каждый шагъ замѣчаютъ, хотя бы и заслуживали лучшее мнѣніе! По сей причинѣ подвластныхъ вашихъ не удовлетворяю я тотчасъ и прежде всѣхъ прочихъ, и хочу употребить въ томъ строгую осмотрительность и умѣренность. Всѣ закричатъ на васъ, и я не избѣгу упрека, которому не желаю подвергнуться. Вы согласиться должны, что всего возвратить и невозможно, и несправедливо. У насъ въ свѣжей памяти война, которая многихъ разрушила состояніе и о возстановленіи таковаго помышлять было невозможно.

Въ предписаніяхъ моихъ найдете средства на первый случай поправить состояніе вашихъ подвластныхъ, дабы не лишить ихъ хлѣба на будущій годъ, предоставя способы для распашки. Напишите мнѣ скорѣе, что за суммы провинціальнаго суда и я часть денегъ прикажу дать за скотъ, дабы имѣли жители, что заплатить за плуги и другія потребности. Напишите въ такомъ смыслѣ рапортъ.

Послушайте меня, имѣйте терпѣніе.

Денисъ (Давыдовъ) разбилъ Бессанъ-хана, брата сардаря, и прошелъ за два маленькіе марша отъ Эриванской крѣпости. Душевно-любящій Ермоловъ.

29-го сентября 1826 года.

Гассанъ-су.

3.

Любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ! Получилъ письмо ваше и вижу сколько огорчены ваше сіятельство послѣднимъ въ генералъ-лейтенанты производствомъ, въ которое вы не включены. Весьма справедливо скорбите вы и я могу увѣрить васъ, что меня самого чрезвычайно тронуло отказанное вамъ повышеніе въ чинъ, тогда какъ произведены многіе, не имѣющіе равныхъ съ вами правъ.

Мудрено отгадать настоящую сему причину, но позволительно думать, что вамъ есть сильные непріятели. Государь императоръ не иначе могъ отказать въ чинѣ, какъ по внушеніямъ неблагопріятнымъ, насчетъ васъ сдѣланнымъ. Но служба ваша была усердна и полезна, и потому нѣтъ причины, чтобы непріятели ваши могли всегда отвращать отъ оной вниманіе императора.

Ваше сіятельство, не будете сомнѣваться, чтобы я не хотѣлъ отдать справедливое уваженіе службѣ вашей и свидѣтельствовать о подвигахъ, и потому будете имѣть довѣренность къ дружественному совѣту моему, состоящему въ томъ, чтобы вы имѣли терпѣніе и твердость, отбросивъ неприличное намѣреніе, удалиться отъ дѣятельной службы и состоять по арміи въ то время, когда здѣсь война, въ которой вы, будучи употреблены, принести можете

большую весьма пользу знаніемъ земли и неиріятеля. Послушайте меня, любезный князь, и будьте терпѣливы, не могу я не желать вамъ добра и милостей государя, которыя вы заслужили. Отбросьте намѣреніе ваше и вы заставите замолчать недоброжелательствующихъ вамъ усердіемъ вашимъ и извѣстною всѣмъ сослуживцамъ вашимъ отличною храбростію. Узнаетъ императоръ истину, которая отъ него не скрывается, но его неимовѣрной дѣятельности.

Возвратившійся мирза-Джанъ скажетъ вамъ многое и можетъ быть знаетъ онъ, кто наиболѣе вредить вамъ можетъ.

Прошу васъ еще продолжать по-прежнему ваше служеніе и не помышлять быть по арміи. Боюсь я, чтобы таковымъ требованіемъ не повредили вы себѣ въ мнѣніи государя, которому можетъ не понравиться вашъ поступокъ. Неужели никогда не бывали потери по службѣ вознаграждаемы, и почему одни вы могли бы на то не имѣть надежды, особенно при государѣ справедливомъ.

Вѣрьте моему совершенному почтенію. Истинно-уважающій Алексѣй Ермоловъ.

10-го октября 1826 года.

Тифлисъ.

4.

Нечего писать много, любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ, довольно поздравить васъ отъ души съ чиномъ и саблею.

Увѣряю васъ, что не болѣе можетъ обрадовать меня собственная награда! Я доволенъ, что искалъ васъ успокоить и вскорѣ оправдалась надежда моя на справедливость императора. Дай Богъ счастья, любезный князь, а служить, знаю, что будете славно!

Радъ душевно, и я успокоился, ибо оскорбительно для меня было бы. Истинно-почитающій Ермоловъ.

21-го октября 1826 года.

Нуха.

5.

Я ожидаю васъ, любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ, въ Пиразы или Арешъ, куда я буду не прежде одиннадцати дней, слѣдовательно вамъ достаточно времени, чтобы собрать всѣхъ тѣхъ, кого мнѣ видѣть и обласкать нужно. Я весьма желаю васъ видѣть, чтобы обо всемъ переговорить.

Повидайтесь съ Паскевичемъ предъ отъѣздомъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствій, къ которымъ онъ, кажется, готовъ. Не раздражайте могущественнаго. Прощайте. Душевно-почитающій Ермоловъ.

20-го ноября 1826 года.

С. Шемаха.

6.

Князь Валеріанъ Григорьевичъ! Получилъ рапортъ вашего сіятельства съ Казумъ-Бекомъ.

Странно письмо Чилаева къ вамъ и не понимаю, какія причины могли вынудить его оставить крѣпость, какъ онъ говоритъ.

Какой подлый поступокъ мерзавца Аббасъ-мирзы, что Чилаева и другихъ отдалъ измѣннику Гаджи-Агаларъ-Беку для вымѣна семьи его и мошенника Аседа-мирзы. Гаджи-Агаларъ смѣетъ еще, сверхъ того, требовать Ростомъ-Бека.

Какія злодѣйскія намѣренія, чтобы имѣть въ рукахъ своихъ всѣхъ людей,

по обширному родству своему и прежнимъ связямъ, могущихъ возмущать Карабагъ и быть намъ вредными.

Вѣрю, что г. Чилаеву хочется получить свободу, но съ такими условіями я не намѣренъ доставать его, ибо вижу весьма ясно намѣренія подлеца Киджара.

Посмотримъ, что пишетъ Аббасъ-мирза г. Паскевичу. Онъ полагаетъ, что я уже не существую и что чрезъ него можетъ получить выгодный миръ. Желаю ему и сей славы!

Между тѣмъ желаю, чтобы ваше сіятельство сдѣлали удачно то, о чемъ мы говорили, и желаю отъ души! Подумайте о семъ со вниманіемъ и осторожностію. Мнѣ пишите обо всемъ, что узнаете, что предпримите [1]).

Кузумъ-Бекъ проситъ о какомъ-то родственникѣ своемъ, желающемъ возвратиться изъ бѣговъ. Разсмотрите вину его, и если правда, что онъ бѣжалъ, будучи настращенъ и по молодости, то возвратите его, изъ уваженія къ памяти отца его убитаго, въ Кырчи сражавшагося за васъ. Прощайте. Истинно-почитающій А. Ермоловъ.

7-го декабря 1826 года.

Лагерь при Ханабатѣ.

7.

Князь Валеріанъ Григорьевичъ! Получилъ бумаги ваши, изъ коихъ вижу, что къ 20 числу приказали вы войскамъ быть въ готовности.

Подлые персіяне не перестаютъ дѣлать разбои и нападеніе ихъ на Дизахской-Магалъ, досадно! Хорошо, что вы подвинули изъ Ахуглана подполковника Миклашевскаго, который еслибы теперь не успѣлъ наказать ихъ то они не посмѣютъ, по крайней мѣрѣ, впредь дѣлать нападеніе вмѣстѣ съ регулярными своими войсками.

Если обстоятельства представятъ вамъ случай дѣйствовать на кочевья въ Муганской степи, я увѣренъ, что вы соблюдете возможную осторожность.

Желаю вамъ успѣха и не сомнѣваюсь, порадуюсь, если Богъ дастъ вамъ наказать мошенниковъ, которые много нанесли намъ оскорбленій.

Не теперь знакомлюсь я съ храбростію вашею и потому совѣтую вамъ быть осторожнымъ. Если что случится съ начальникомъ, не всегда между подчиненными сохраняется порядокъ. Дай Богъ вамъ счастья, любезный князь. Истинно-почитающій Ермоловъ.

14-го декабря 1826 года.

Лагерь при с. Чары.

8.

Поздравляю васъ, любезный князь, Валеріанъ Григорьевичъ, съ успѣхомъ весьма полезнымъ для дѣлъ нашихъ и всеконечно распространившимъ большой ужасъ, котораго пользу почувствуемъ мы впослѣдствіи. Вы повѣрите, что мнѣ пріятно было узнать, что весь успѣхъ пріобрѣли вы, не употребивъ даже войскъ, кромѣ двухъ полковъ казаковъ, и что съ усердіемъ дѣйствовали тѣ люди, о коихъ говорятъ, что они страждутъ подъ управленіемъ нашимъ. Это можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ, что между ширванцами и карабагцами снискали вы нѣкоторую довѣренность! Для пользы службы нахожу выгоднымъ, что Ата-ханъ и братъ его явились къ вамъ и просили о покровительствѣ. Ласкайте ихъ и обнадеживайте, что они сохранятъ всѣ

---

[1]) Дѣло шло о секретной Мѣшкинской экспедиціи. Кн. С. М.

свои права и выгоды, что начальство всегда съ пріятностію будетъ видѣть ихъ усердіе. Истолкуйте имъ, что мы ничего отъ нихъ не потребуемъ, но чтобы они персіянамъ никакихъ уже не оказывали пособій. Вѣроятно, что Ата-ханъ въ особенности уразумѣетъ выгоды независимости отъ персіянъ и, по злобѣ на Аббасъ-мирзу, не будетъ ему желать добра.

Хорошо, что вы приказали шагсеванцамъ кочевать на Муганской степи. Пусть познакомятся они со снисхожденіемъ нашимъ, но дайте, любезный князь, строгое приказаніе, чтобы войска наши, ни жители мусульманскихъ провинцій не дѣлали имъ никакого вреда, ни безпокойствъ.

Пишите, что у васъ происходитъ? Жаль, что не попались вамъ персидскія войска, которыя, конечно, были бы обработаны порядочно. Думаю, что худое время и недостатокъ въ фуражѣ ничего не допустятъ васъ сдѣлать болѣе, ибо, сверхъ того, ожидать можно, что Аббасъ-мирза приметъ какія-нибудь мѣры, чтобы вы не покусились на Агаръ. Неужели нѣтъ у него войскъ, ибо не вѣроятно, чтобы въ продолженіе зимы не старался онъ набирать сарбазовъ, и учить ихъ. Будьте осторожны. Давайте мнѣ знать обо всѣхъ случаяхъ, ибо я долженъ весьма частыя дѣлать донесенія.

Еще повторяю съ удовольствіемъ, что я весьма обрадованъ былъ успѣхами вашими и желаю хорошаго окончанія.

Примите, любезный князь, увѣреніе мое въ совершенномъ почтеніи и уваженіи Ермоловъ.

13-го января 1827 года.

Тифлисъ.

Я давно немного нездоровъ и со двора не выѣзжаю.

Сообщ. княгиня С. А. Мадатова.

КНЯЗЬ М. С. ВОРОНЦОВЪ.

Письма его къ кн. В. О. Бебутову.

Послѣ генералъ-лейтенанта князя В. О. Бебутова († 1858), съ біографіею котораго мы познакомили читателей «Русской Старины» (изд. 1872 г., т. V, стр. 431—433), не осталось ни библіотеки, кромѣ развѣ нѣсколькихъ книгъ, ни мемуаровъ, ни особаго собранія документовъ, а если что и было, то бóльшею частію уничтожено ближайшими его родственниками. Спустя слишкомъ 12 лѣтъ, послѣ смерти кн. Бебутова, сынъ его, кн. Николай Васильевичъ, передалъ въ мое распоряженіе всѣ уцѣлѣвшія у него отцовскія бумаги, заключающія въ себѣ преимущественно письма ген. Ермолова, кн. Воронцова и ген. Муравьева. Первыхъ, т. е. писемъ ген. Ермолова, оказалось 20, которыя цѣликомъ напечатаны въ V томѣ «Русской Старины» (стр. 433—456); писемъ кн. Воронцова сохранилось 76. Мы печатаемъ вслѣдъ за симъ небольшое только извлеченіе изъ нихъ, такъ какъ все остальное не представляетъ интереса.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что переписка кн. Воронцова съ кн. Бебутовымъ имѣла крайними предѣлами 1846 и 1853 года; съ этого времени отношенія между ними измѣнились, а 4-го марта 1854 года кн. Михаилъ Семеновичъ отправился въ отпускъ и на Кавказъ болѣе не возвращался.

А. П. Берже.

Пользуемся случаемъ, чтобы оговорить здѣсь нѣсколько замѣченныхъ описокъ и опечатокъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи А. П. Берже: «Смерть Грибоѣдова», — помѣщенномъ въ «Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 163—208.

Ред.

На	163	стран.	14	строка	сн.	Н. С.		читай:	н. с., т. е. надв. сов.
»	165	»	10	»	св.	хана,		»	ханъ
»	169	»	14	»	сн.	намѣреніемъ		»	съ намѣреніемъ
»	180	»	13	»	св.	упомянутыхъ		»	упомянутымъ
»	185	»	13	»	сн.	высочество		»	величество
»	187	»	8	»	»	»		»	»
»	187	»	17	»	»	»		»	»
»	200	»	7	»	»	Кеиб-Али-султанъ		»	Келб-Али-султанъ
»	203	»	21	»	»	высочество		»	величество.

1.

Владикавказъ, 24-го октября 1846 г.

Любезный князь, Василій Осиповичъ. Вы можете себѣ вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я получилъ вчера рапортъ вашъ съ Давыдовымъ. Я его самаго отправилъ съ донесеніемъ государю, и увѣренъ объ удовольствіи, съ которымъ его тамъ примутъ. Нельзя довольно похвалить рѣшительность и скорость вашей аттаки 16 числа [1]). Успѣхъ былъ полный и такой, какъ всегда ожидать должно, когда мы прямо и безъ остановки идемъ на непріятеля, на рукопашный бой. Радуюсь душевно, что славное это дѣло досталось на вашу участь. Пришлите поскорѣе представленіе объ отличившихся, чтобы скорѣе можно было выпросить для нихъ должное награжденіе. Весьма хорошо, что драгуны такъ блистательно и полезно начали свою службу въ новомъ ихъ распоряженіи, это еще болѣе ободритъ прекрасный этотъ полкъ и достойнаго его начальника и будетъ имѣть сильное дѣйствіе въ пользу регулярной кавалеріи, на всѣ племена, мирныя и немирныя въ вашемъ сосѣдствѣ. Я очень радъ, что любезные наши Захарій и Григорій Орбеліани имѣли такое участіе въ такомъ дѣлѣ. Надѣюсь, что Цудахаръ занятъ вами или кн. Аргутинскимъ [2]). Что же касается до тѣхъ изъ акушинцевъ которые вновь намъ измѣнили, то весьма бы полезно было двухъ или трехъ изъ нихъ повѣсить, и тоже самое сдѣлать съ тѣми изъ русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, которые точно безъ принужденія служили Шамилю.

Прощайте. Жена моя, которая въ этомъ случаѣ служитъ мнѣ секретаремъ, сердечно вамъ кланяется и отъ всей души поздравляетъ

2.

Владикавказъ, 30-го октября 1846 г.

Вы такъ хорошо устроили наши дѣла славною вашею побѣдою, что, взявъ, впрочемъ, нужныя предосторожности на всякій случай, я считаю возможнымъ оставить эти мѣста и поѣхать въ Тифлисъ. Надѣюсь вскорѣ получить отъ васъ дальнѣйшія извѣстія о приведеніи всего въ порядокъ въ Даргинскомъ Обществѣ и узнать, сколько именно

---

[1]) Рѣчь идетъ о пораженіи кн. Бебутовымъ 20 т. сборища горцевъ, подъ предводительствомъ Шамиля, при селеніи Кутиши, въ сѣверномъ Дагестанѣ. А. В.

[2]) Ген.-лейтенантъ кн. Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгоруковъ, командовавшій войсками въ южномъ Дагестанѣ; впослѣдствіи генералъ-адъютантъ. А. В.

пострадали несчастные цудахарцы, которые, по всѣмъ извѣстіямъ, хорошо защищались и надѣялись на секурсъ или отъ васъ, или отъ кн. Аргутинскаго. Ваша блистательная побѣда все поправила и для дѣлъ Шамиля, можно полагать, что это гораздо хуже нежели, еслибы, увидя, что наши войска близки, онъ бы пошелъ домой, не аттакуя Цудахаръ. Но все-таки цудахарцевъ жаль и при томъ надобно намъ подумать и о будущемъ, и вотъ почему я вамъ адресую сегодня-же оффиціальную бумагу съ моими мыслями, представляя ихъ, впрочемъ, на ваше разрѣшеніе, ибо вы лучше знаете то, что полезно и то, что возможно. Если самурскіе баталіоны будутъ зимовать на мѣстѣ будущаго расположенія полка, то мнѣ кажется, что за Акушу и Цудахаръ, особливо когда отъ васъ что-либо будетъ въ Мехтулинскомъ ханствѣ, нечего намъ бояться. Впрочемъ, должно надѣяться, что дѣло у Кутиши надолго отниметъ у непріятеля всякое желаніе опять вторгнуться въ наши границы, и въ здѣшнихъ мѣстахъ дѣло это будетъ имѣть благопріятныя для насъ послѣдствія. Какъ ни старался Шамиль дать фальшивый оборотъ этому происшествію, извѣстіе о его разбитіи вездѣ распространилось, даже съ увеличиваніями въ нашу пользу. Между чеченцами прошли слухи, сперва, что Шамиль потерялъ три пушки, а потомъ говорили, что онъ потерялъ даже 11-ть. Все это для насъ хорошо и болѣе расположитъ здѣшніе народы къ покорности. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ ваши представленія объ отличившихся и прошу васъ, кромѣ оффиціальнаго, написать мнѣ, сколько можно, болѣе подробностей и все, что могли узнать о дѣйствительной потерѣ непріятеля, кто именно изъ нихъ убитъ и раненъ, если есть люди извѣстные, сколько пропало русскихъ артиллеристовъ у Шамиля. Надобно немедленно судить по полевому уложенію всѣхъ четырехъ, которые попались намъ въ руки. Также необходимо, мнѣ кажется, поступить по всей строгости съ однимъ или двумя изъ главныхъ акушинцевъ, которые намъ измѣнили, тѣмъ болѣе, что это уже не въ первый разъ. О всемъ этомъ буду ждать отъ васъ извѣстія. Здѣсь все хорошо и было на дняхъ преполезное дѣло въ большой Кабардѣ, т. е. истребленіе партіи абрековъ Мухаммеда Куденетова; онъ самъ съ двумя однофамильцами его убиты и сами кабардинцы помогали намъ въ этомъ происшествіи. Мы послѣ-завтра отправляемся въ Тифлисъ.

3.

9-го ноября 1846 г., Тифлисъ.

Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я, любезный кн. Василій Осиповичъ, письмо ваше съ подробностями о прекрасныхъ вашихъ дѣйствіяхъ противъ Шамиля, и о нѣкоторыхъ предположеніяхъ на

будущее время. До полученія сего письма вашего я писалъ къ вамъ изъ Владикавказа, представляя на ваше разсужденіе мысли мои на счетъ огражденія въ будущемъ году и далѣе Даргинскаго Общества и прочія покорныя намъ народонаселенія. Въ результатѣ общихъ нашихъ дѣлъ рѣшительное пораженіе, вами нанесенное самому Шамилю, такъ важно, что все, что случилось прежде, послужило въ нашу пользу, ибо, если отрядъ кн. Аргутинскаго прежде былъ бы сосредоточенъ около Кумуха, Шамиль бы не смѣлъ и не могъ аттаковать Цудахаръ и не былъ бы побитъ, что всего для насъ важнѣе и будетъ имѣть для насъ самыя благопріятныя послѣдствія. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя не пожалѣть о жителяхъ Цудахара и Ходжал-Махи, которые столько разъ усердно противились Шамилю и которымъ, въ этомъ случаѣ, помочь мы не могли, и если, я надѣюсь, въ Цудахарѣ и Ходжал-Махи опять заселятся, то надобно будетъ на будущее время такъ распорядиться, чтобы ихъ защитить противъ всякаго нападенія. Пораженіе, сдѣланное вами Шамилю, такъ сильно и для него тàкъ вредно, что я никакъ не полагаю, чтобы онъ опять пустился на Даргинское Общество; но онъ можетъ послать туда какого-либо наиба и опять ихъ раззорить, какъ скоро насъ не будетъ для ихъ спасенія. Но можно ли будетъ цудахарцамъ опять поселиться въ раззоренномъ ихъ селеніи? Камня для строенія тамъ всегда довольно, но для домовъ нуженъ и лѣсъ, а откуда они возьмутъ лѣсъ? Что можемъ сдѣлать, чтобы имъ помочь? Мнѣ кажется, что можно бы и полезно бы, наказывая акушинцевъ, которые намъ измѣнили, между прочимъ, взять у нихъ или деньгами, или скотомъ, или какъ угодно и тѣмъ помочь цудахарцамъ и ходжалмахинцамъ, которые пострадали. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ объ этомъ ваше мнѣніе. Насчетъ плѣнныхъ русскихъ я жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ извѣстія. Я увѣренъ, что и въ Петербургѣ захотятъ узнать, что вы сдѣлали съ взятыми русскими, которые дѣйствительно и безъ принужденія служили Шамилю. Вы пишете, что ихъ числомъ 8; ихъ надо судить по полевому уложенію, т. е. кончить въ 1 или 2 дня. Конечно, всѣхъ нельзя разстрѣлять, но 2 или 3 примѣра необходимы. Сдѣлайте милость, пришлите это дѣло поскорѣе. По извѣстіямъ изъ горъ, кажется, что русскихъ вообще пропало въ эту экспедицію 150 человѣкъ и осталось всего у Шамиля 140; это одно изъ лучшихъ послѣдствій прекрасной вашей побѣды. Признаюсь, что не понимаю: зачѣмъ кн. Аргутинскій не пріѣхалъ къ вамъ въ Акушу, или даже прежде; можетъ быть, онъ пріѣдетъ къ вамъ въ Шуру. Во всякомъ случаѣ, непремѣнно нужно, чтобы вы, вмѣстѣ съ нимъ, сдѣлали предположеніе, что̀ должно, и что̀ можно занять, для обезпеченія Даргинскаго Общества. Насчетъ Гергебиля мнѣ всегда казалось, что этотъ

пунктъ намъ нуженъ и будетъ весьма полезенъ для вашего сообщенія и соединенія съ самурскимъ отрядомъ, но я бы хотѣлъ лучше знать все, что касается до мѣстности, и не слишкомъ ли это развлечетъ ваши силы? Во всякомъ случаѣ, мы переговоримъ объ этомъ, когда вы пріѣдете въ Тифлисъ, ибо я надѣюсь, что вы къ намъ въ теченіе зимы пріѣдете, а занятіе Гергебиля, если будетъ, не можетъ сдѣлаться иначе, какъ весною. Между тѣмъ, я жду съ нетерпѣніемъ ваши представленія объ отличившихся. Будьте увѣрены, что никто не можетъ желать болѣе моего, чтобы была отдана полная справедливость храброму и почтенному кн. Кудашеву, столько разъ уже оказавшему полезнѣйшую службу въ вашихъ мѣстахъ; поклонитесь ему отъ меня и скажите ему, что я его отъ всей души поздравляю съ новыми подвигами, и что никто болѣе меня не желаетъ ему всякаго успѣха и полной справедливости.

Вы вѣрно огорчены были ужаснымъ приключеніемъ съ кн. Чавчавадзе [1]; мы всѣ поражены этимъ и весь городъ въ печали. Бѣдная княгиня Дадіани въ самомъ ужасномъ положеніи. Дай Богъ, чтобы это не помѣшало ея родамъ....

По извѣстіямъ одного вѣрнаго лазутчика прямо изъ Веденя, Шамиль чрезвычайно печаленъ и обезкураженъ, и говорилъ, что онъ оставилъ будто наиба въ Цудахарѣ (видно Зухума), но что онъ цудахарцамъ не вѣритъ и непремѣнно пойдетъ еще разъ, чтобы ихъ раззорить до тла, и что послѣ того онъ пойдетъ на Кумыкскую плоскость: это все совершенный вздоръ. Онъ долго теперь никуда не пойдетъ, ибо онъ очень хорошо знаетъ, что онъ ни въ чемъ не можетъ успѣть ни противъ васъ, ни противъ Кумыкской плоскости; онъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о смерти кн. Чавчавадзе, приключившейся ему 6-го ноября 1846 года, вслѣдствіе сильнаго ушиба отъ паденія съ дрожекъ.

Кн. Александръ Гарсевановичъ Чавчавадзе началъ службу въ первые годы русскаго владычества въ Закавказьѣ, состоялъ адъютантомъ при маркизѣ Паулуччи, а потомъ при Барклаѣ-де-Толли. По завоеваніи въ 1827 году Эривани, онъ былъ назначенъ начальникомъ Армянской области; съ 1843 года управлялъ почтовою частью Закавказья и скончался членомъ совѣта главнаго управленія этого края, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла. Послѣ кн. Чавчавадзе остались три дочери; Нина, вдова А. С. Грибоѣдова; Екатерина, супруга владѣтельнаго мингрельскаго князя Давида Дадіани; и Софія, супруга барона Александра Павловича Николаи, нынѣ статсъ-секретаря, сенатора, тайнаго совѣтника и начальника главнаго управленія намѣстника кавказскаго, и одинъ сынъ, кн. Давидъ, нынѣ свиты его величества генералъ-маіоръ. Въ заключеніе скажемъ, что кн. Александръ Чавчавадзе оставилъ по себѣ память хорошаго грузинскаго поэта.

А. В.

долженъ, сколько можно, поддерживать духъ своихъ, но онъ самъ совершенно чувствуетъ свою слабость. У него убитъ его главный секретарь, о которомъ онъ чрезвычайно жалѣетъ; онъ также оплакиваетъ потерю своихъ русскихъ.

4.

18-го ноября 1846 г., Тифлисъ.

Спѣшу поздравить васъ съ царскою милостію: полученіемъ ордена св. Георгія 3-го класса, какъ вы то увидите изъ оффиціальнаго моего извѣстія. Государь чрезвычайно доволенъ, какъ то не могло быть иначе, прекраснымъ и блистательнымъ вашимъ дѣломъ и отдаетъ полную справедливость рѣшительнымъ вашимъ мѣрамъ и движеніямъ. Храбрые драгуны обратили на себя также особое вниманіе государя, который, впрочемъ, вообще восхищенъ поведеніемъ всѣхъ войскъ, столь много отличившихся подъ начальствомъ вашимъ. Что пріятно видѣть также здѣсь,—это общее удовольствіе не только вашихъ родныхъ и знакомыхъ, но всей публики, какъ насчетъ успѣховъ, именно вашихъ, такъ и удовольствія, и благоволенія къ вамъ государя императора. Генералъ Козляниновъ[1]), при первой встрѣчѣ, послѣ кутишинской побѣды, сказалъ мнѣ: „Хорошее дѣло и, слава Богу, хорошему человѣку досталось сдѣлать"....

Сообщ. А. П. Берже.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ген.-лейт. Григорій Өедоровичъ Козляниновъ, начальникъ артиллеріи кавказскаго корпуса. А. Б.

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ХМЫРОВЪ.

род. 1830 г. † 1872 г.

27-го ноября 1872 года небольшая семья тружениковъ въ области русской исторической науки понесла тяжкую утрату: въ этотъ день умеръ въ С.-Петербургѣ, послѣ продолжительной болѣзни и въ крайней бѣдности, М. Д. Хмыровъ.

Приводимъ собственноручно написанное имъ въ нашемъ альбомѣ „Знакомые. Книга автографовъ") обозрѣніе его литературной дѣятельности. Ред.

— —

„Хмыровъ, Михаилъ Дмитріевичъ, родился 1-го сентября 1830 г.; воспитывался въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ (который былъ тогда всего одинъ). Выпущенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ прапорщикомъ, въ 1848 г. Оставилъ военную службу въ 1861 г. и съ той поры до-нынѣ (1868 г.) бьетъ баклуши, состоя не у дѣлъ.

„Началъ печататься подневольно, написавъ, по приказанію кадетскаго начальства, „Стихотвореніе" на случай 50-ти-лѣтняго юбилея службы (и жизни) великаго князя Михаила Павловича. Стихотвореніе это, безъ согласія и даже вѣдома автора, тиснуто въ одной изъ книжекъ „Журнала Военно-Учебныхъ Заведеній", за 1848 г.

„Другое же „Стихотвореніе", вызванное 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ службы покойнаго императора Николая I въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку и стяжавшее автору-прапорщику чинъ подпоручика („за отличіе по службѣ"), съ подаркомъ по этому чину (перстень, за который взято деньгами), напечатано въ одномъ изъ тогдашнихъ газетныхъ изданій, но въ какомъ именно, автобіографъ не помнитъ.

„Этимъ стихотвореніемъ заключилась псевдо-пиндарическая дѣятельность будущаго писателя въ прозѣ, который, по внутреннему влеченію, обратился къ занятіямъ отечественной исторіей, впрочемъ, безъ всякихъ писательскихъ цѣлей.

„Неожиданное приглашеніе одного изъ петербургскихъ редакторовъ, Богъ вѣсть на чемъ основанное, было единственнымъ поводомъ перваго печатнаго труда еще служившаго во фронтѣ автобіографа.

„Трудъ этотъ, подъ титуломъ: „Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время“, печатался статьями въ журналѣ „Разсвѣтъ“, 1860 г., а потомъ, въ 1867 году, изданъ однимъ книгопродавцемъ особою книгою, съ нѣкоторыми, впрочемъ, дополненіями самаго автора, набѣжавшими вслѣдствіе знакомства съ разными архивами.

„Погрузившись въ чтеніе архивовъ (начиная съ архива л.-гв. Измайловскаго полка), автобіографъ возмнилъ о возможности существовать трудомъ литературнымъ, началъ принимать разные заказы въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, произвелъ рядъ статей, статеекъ, замѣтокъ и проч., и проч., въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

Въ 1861 году:

Для журнала „Разсвѣтъ“: „Русскія писательницы: Анна Сунина, Марья Поспѣлова и Елисавета Кульманъ“.

Для журнала „Время“: „Обстоятельства, приготовившія опалу Эрнста-Іоганна Бирона, герцога Курляндскаго“, переводъ съ французскаго, съ обширными примѣчаніями самаго переводчика, приложенными особо къ статьѣ.

Для „Энциклопедическаго Словаря“, издаваемаго русскими учеными и литераторами, статьи (въ т. I): „Авдова гора“, „Австерія“, „Адашевъ, Ѳед. Григ.“, „Адашевъ, Ал. Ѳед.“, „Адашевъ, Дан. Ѳед.“; (въ т. III): „Албазинъ, гор.“; „Александровъ, гор., Владимірской губ.“; „Алапеусъ, гр. Дав. Макс.“; „Алапеусъ, Макс. Макс.“.

Въ 1862 году:

Для газеты „Русскій Міръ“, статья: „Густавъ Биронъ, братъ регента“ (№ 2 и 3).

Для журнала „Разсвѣтъ“, статья: „Ксенія Борисовна Годунова“.

Для художественнаго альбома „Сѣверное Сіяніе“ (вып. IV): „Ермакъ“; (вып. VI) „Марина Мнишекъ“; (вып. VII) „Суворовскій походъ въ Швейцарію“; (вып. X) „Малолѣтство царя Ивана Грознаго“; (вып. XII) „Мѣстничество и разряды“.

Для „Энциклопедическаго Словаря“ (т. IV): „Амвросій Юшкевичъ“, архп.; „Анастасій Братановскій“, архп.; „Анастовы монастыри“; „Ангальтъ, гр. Ѳед. Евст.“; „Андожская пустынь“; „Андреевскіе монастыри“; „Андреевскія церкви“; „Андрей, гребенскій атаманъ“; „Анзерскій-Троицкій скитъ“; „Анненгофы, дворцы“; „Аносинъ-Борисоглѣбскій монастырь“; „Антоніевы монастыри“; (въ т. V) „Ан-

цифоровъ, Данило"; „Араслань-Алей, царев. астраханскій"; „Арбатъ, уроч. москв."; „Арсеньевы, дворяне"; „Арсеньевы монастыри"; „Артугъ, монастырь"; „Архангельская епархія и іерархія"; „Атласовъ, Влад. Вас., покоритель Камчатки"; „Аѳанасій II Кондоиди, епископъ"; „Аѳанасій Любимовъ, архп."; „Аѳанасьевскіе монастыри".

Въ 1863 году:

Для „Сѣвернаго Сіянія" (вып. II): „Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ"; (вып. III) „Стрѣльцы и первый стрѣлецкій бунтъ съ раскольничьимъ мятежемъ"; (вып. IV) „Аскольдъ и Диръ"; (вып. V) „Ѳедоръ Борисовичъ Годуновъ"; (вып. VI) „Андрей Юрьевичъ Боголюбскій"; (вып. X) „Иванъ III Васильевичъ и татары"; (вып. XI) „Избраніе и вступленіе на царство Михаила Ѳедоровича Романова".

Для „Энциклопедическаго Словаря" (въ т. VI, отд. I) „Евдокія Ѳедоровна, царица"; „Евреи въ Россіи"; „Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская"; „Екатерининскіе монастыри"; „Екатеринославская епархія и іерархія"; „Елецкій-Троицкій монастырь"; „Елецкій-Успенскій монастырь".

Для „Гудка" юмористическое стихотвореніе: „Разсказъ разночинца".

Въ 1864 году:

Для „Сѣвернаго Сіянія" (вып. I): „Казанскій походъ царя Ивана Грознаго въ 1552 г."; (вып. II) „Зиновій-Богданъ Хмельницкій, гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра"; (вып. V) „Коронованіе императрицы Екатерины II, 1762 г.", очеркъ изъ русскихъ нравовъ XVIII в.; (вып. VII) „Царевичъ Иванъ Ивановичъ, сынъ Ивана Грознаго"; (вып. VIII) „Россія и Русскіе въ эпоху второй войны съ Наполеономъ, 1806—1807 гг."; (вып. IX) „Союзники во Франціи въ 1814 г.", военно-историческій очеркъ изъ русскихъ и не русскихъ нравовъ наполеоновскаго времени.

Въ 1865 году:

Для „Сѣвернаго Сіянія" (вып. IV): „Первое нашествіе татаръ на Россію въ 1224 г.".

Для „Портретной галлереи русскихъ дѣятелей", изд. Мюнстера, біографіи: „Александра I, князя Барклая-де-Толли", графа М. Г. Воронцова, И. Л. Голенищева-Кутузова, князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, князя М. Д. Горчакова, графа И. И. Дибича-Забалканскаго, Екатерины II, архіеп. Иннокентія, И. Ѳ. Крузенштерна, М. П. Лазарева, графа М. А. Милорадовича, графа Н. С. Мордвинова, П. С. Нахимова, графа К. В. Нессельроде, князя А. Ѳ. Орлова, Петра I, графа П. П. фонъ-деръ-Палена, князя И. Ѳ. Варшавскаго,

графа М. И. Платова, графа К. Г. Разумовскаго, П. И. Рикорда, Я. И. Ростовцева, графа Н. П. Румянцева, митрополита Филарета Кіевскаго, М. Г. Хомутова, В. Я. Чичагова, А. С. Шишкова, И. И. Шувалова".

Для „Артиллерійскаго журнала": „Артиллерія и артиллеристы на Руси до-Петровской"; „Артиллерія и артиллеристы на Руси въ единодержавіе Петра I".

Въ 1866 году:

Для „Портретной галлеріи", біографіи разныхъ историческихъ дѣятелей. Перечень ихъ помѣщенъ въ оглавленіи къ „Портретной галлереи г. Мюнстера". Впрочемъ, всѣ біографіи, мною составленныя, подписаны моимъ именемъ.

Для „Артиллерійскаго журнала" (въ № 1): „1-й генералъ-фельдцейхмейстеръ, царевичъ Александръ Имеретинскій"; (въ №№ 2, 3 и 4) „2-й генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Як. Вил. Брюсъ"; (въ № 8) „3-й генералъ-фельдцейхмейстеръ Гинтеръ", ст. 1-я.

Для „Отечественныхъ Записокъ" (въ №№ 5, 6, 8, 10 и 12): „Графъ Лестокъ".

Для „Русскаго Архива" (въ № 7): „Свѣдѣнія о Василіи Купріяновѣ, директорѣ московской типографіи при Петрѣ I".

Въ 1867 году:

Для „Артиллерійскаго журнала" (въ № 2): „3-й генералъ-фельдцейхмейстеръ Гинтеръ", ст. 2-я.

Для „Русскаго Архива": „Капитуляціи гр. Миниха съ русскимъ правительствомъ въ 1721 и 1727 гг."; „Диспозиція и церемонія въѣзда императрицы Анны Ивановны въ Петербургъ".

Въ 1868 году:

Для „Русскаго Архива" (въ № 1): „Собственноручный указъ императора Петра I".

Для „Портретной галлереи", біографіи: „Карамзина, Жуковскаго и Пушкина".

До этого мѣста доведенъ собственноручно-написанный М. Д. Хмыровымъ перечень его трудовъ. Въ послѣдующіе годы имъ, между прочимъ, составлены:

Для историческаго сборника „XVIII вѣкъ" (кн. 1-я). „Свѣдѣнія о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской".

Въ 1869 году:

Хмыровымъ составлено еще нѣсколько біографій русскихъ писателей и художниковъ для „Портретной галлереи"; написанъ почти

весь текстъ къ „Живописному Сборнику“, изданному Генкелемъ и напечатаны слѣдующія статьи: Въ журналѣ „Народная школа“ (№ 4) историко-характеристическій очеркъ: „Училища и образованность на Руси до-Петровской“.

Въ „Военно-медицинскомъ“ журналѣ (№№ 1, 2, 3 и 4) рядъ очерковъ подъ заглавіемъ: „Русская военно-медицинская старина“.

Въ сборникѣ „XVIII вѣкъ“ дополненная и исправленная статья: „Густавъ-Биронъ, братъ регента“.

Въ 1870 и 1871 году:

Хмыровъ занимался составленіемъ цѣлаго ряда историческихъ очерковъ для предпринятаго г. Генкелемъ изданія русской исторіи съ картинами; но изданіе это не состоялось по случаю внезапнаго отъѣзда г. Генкеля за границу. Кромѣ того, Хмыровымъ, въ этотъ періодъ времени, написана исторія горнаго дѣла въ древней Россіи;— судьба этого сочиненія остается пока еще незвѣстной. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., имъ напечатана статья: „Послѣдніе четыре года изъ жизни Суворова“.

Въ 1872 году:

Въ журналѣ „Всемірный трудъ“ (№ 1), явилась послѣдняя статья Хмырова, подъ заглавіемъ „Генералъ-аншефъ А. П. Ганнибалъ, арабъ Петра Великаго“.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ, Хмыровымъ были составлены для календарей, издававшихся Генкелемъ, два алфавитно-справочные перечня: одинъ—русскихъ государей, другой—удѣльныхъ князей (оставшійся неоконченнымъ по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ автора). Перечни эти представляютъ трудъ въ высшей степени добросовѣстный и самостоятельный, такъ какъ Хмыровъ внесъ въ него нѣсколько новыхъ данныхъ.

Вся жизнь М. Д. Хмырова представляетъ неустанный, упорный трудъ. Въ то время, когда товарищи его, шутя и весело „дѣлали себѣ карьеру“, этотъ человѣкъ, увлекаемый страстью къ серьезному труду, погружался въ историческія розысканія, разслѣдованіе тѣхъ или другихъ фактовъ, нерѣдко по подлиннымъ архивнымъ бумагамъ, или предпринималъ обширные библіографическіе труды.

На свои ничтожныя, тяжкимъ трудомъ добытыя средства—М. Д. Хмыровъ составилъ значительную библіотеку, тѣмъ болѣе интересную, что она спеціально относится къ русской исторіи. Независимо отъ библіотеки, имъ составленъ чрезвычайно полезный для справокъ весьма обширный отдѣлъ вырѣзокъ статей изъ русскихъ журналовъ

(1755 — 1865 гг.) по исторіи, географіи, статистики, политической экономіи, исторіи литературъ русской и иностранныхъ, и проч., и проч.

Для этого чрезвычайно полезнаго собранія Хмыровъ разрѣзалъ на статьи до 12,000 книгъ всевозможныхъ русскихъ журналовъ. Въ этотъ отдѣлъ обращались весьма многіе за справками и покойный съ рѣдкою готовностью дѣлился результатами своихъ долголѣтнихъ работъ.

Жаль, если библіотека М. Д. Хмырова не будетъ пріобрѣтена какимъ-нибудь общественнымъ книго-хранилищемъ.

Умеръ М. Д. Хмыровъ почти въ совершенной нищетѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ его предсмертной болѣзни, онъ питался хлѣбомъ, яйцами и иногда студнемъ изъ мелочной лавки. Только поддержка нѣкоторыхъ знакомыхъ и изъ числа ихъ весьма значительная помощь, оказанная А. А. Краевскимъ — о чемъ покойный М. Д. Хмыровъ съ глубокою признательностью отзывался, освободили почтеннаго труженника отъ накопившагося на немъ долга и онъ могъ умереть спокойно, что не обременитъ этимъ долгомъ свое семейство.

Пожелаемъ, чтобы хотя въ будущее время въ русскомъ обществѣ труженики, — подобные Хмырову, столь честно, столь безкорыстно преданные своему дѣлу, не умирали бы почти съ голоду. Ред.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

„Альбомъ ипохондрика".

Предъ нами большая, переплетенная тетрадь, озаглавленная ея авторомъ, Н. Ѳ. Щербиною: „Альбомъ ипохондрика". Изъ вошедшихъ въ этотъ собственноручный альбомъ Щербины эпиграммъ и шутокъ, нѣсколько было уже напечатано въ „Русской Старинѣ" (изд. 1872 г., т. V, стр. 150—158). Присоединяемъ къ нимъ еще нѣсколько сатирическихъ произведеній: посланій, эпиграммъ и шутокъ покойнаго поэта.

Ред.

I.

Таганрогскимъ грекамъ.

Ямбъ.

У моря, гдѣ однимъ разсчетомъ
Живутъ корыстные умы,
Что звали древніе болотомъ,
И моремъ называемъ мы.
Гдѣ у Танаиса когда-то
Народъ воинственный блуждалъ,
Гдѣ грекъ, потомокъ Герострата,
Безстыдно Скиѳа и Сармата,
Уничижаясь надувалъ:
Тамъ грековъ жалкіе потомки,
Соревнователи жидовъ,
Эллады рухнувшей обломки
У русскихъ выплакали кровъ.
Вы не узнаете въ нихъ грека,
Который чувствомъ красоты,
Сознаньемъ гордымъ человѣка
Взрастилъ нетлѣнные цвѣты.....

Нѣтъ! Въ этихъ пасынкахъ Эллады
Терситъ презрѣнный оживленъ:
Они за рубль продать вамъ рады
Свой вѣковѣчный Парѳенонъ;
Они вамъ промѣнять готовы
На хлѣбъ ущелье Термопилъ,
Носить турецкіе оковы,
Средь гомерическихъ могилъ.

Таганрогъ, 1843.

II.

Напутственное посланіе

къ нѣкоему безсребреннику и Московскому книгочію, старцу ***, отправляющемуся, на казенный счетъ, изучать Монголовъ—на мѣстѣ.

Отечество наше богато,
Въ немъ всякой деньгу зашибетъ,
Обильно сребра въ немъ и злата:—
Понятно, что ты патріотъ.....
Но, странно, о, старецъ маститый,
Ты вздумалъ Москву покидать,
И градъ, стариной знаменитый,
На степи монголовъ мѣнять!....
Повѣрь мнѣ,—ты ѣдешь безплодно,
Свой край покидая родной,
Въ пустыни Сибири холодной
Въ предѣлы Орды Золотой.
Исторію нашей Россіи
Довелъ ты до ига татаръ,
И, вспомнивъ шатанья былыя,
Ты прежній почувствовалъ жаръ
Поѣздить опять изъ разсчета
На счетъ тароватой казны:—
Узнать, вишь, припала охота
Характеръ монгольской страны.....
Не ѣзди,—и смѣло прогоны
Ты можешь въ карманъ положить,
Татарщину всю безъ препоны
Легко и въ Москвѣ изучить:
Пусть дикія рѣчи . . . . . .
Хвастливо тебѣ говоритъ,
Молчитъ многодумно Садовскій,
Иль шутъ—Рамазановъ кричитъ;
Григорьевъ пусть, смертнымъ въ забаву,
Серьезныя пишетъ статьи
И Тертій пусть, Богу во славу,
Гласитъ псалмопѣнья свои;
Да главное, что-бъ неуклонно

Ты .... «Москвитянинъ» читалъ.—
И скажутъ, что ты всесторонно,
На мѣстѣ татаръ изучалъ.

Эльдорадо, 1854. Козьма Демьяновъ.

III.

Любовная пѣсня,

пропѣтая Дико-Каменной киргизкой къ Н. А. Сѣверцову, во время ученой экспедиціи его на рѣки Сыръ-Дарью и Аму-Дарью, посланной Академіей Наукъ для всесторонняго изслѣдованія дрожанія крылышекъ у мошекъ, роящихся надъ берегами этихъ рѣкъ.

О, ты, айрянъ моихъ желаній,
О, ты, кумысъ моихъ страстей,
Каймакъ сердечныхъ упованій,
Баранъ больной души моей!
Ты барантóй, на душу грянулъ,
Нагайкой сердце мнѣ стегнулъ,
И мой киргизскій духъ воспрянулъ,
Когда въ кибиткѣ ты заснулъ.
Дороже пестраго халата,
Мой нѣжный другъ, твоя любовь,
Разитъ она сильнѣй булата,
И, какъ кизикъ, сжигаетъ кровь.
Пріиди-жь ко мнѣ, шайтанъ, мой милый,
Прійди, батыръ звѣрей и птицъ!....
Сливаю я мой стонъ унылый
Со ржаніемъ пылкихъ кобылицъ.....

Спб., 1859.

Ученыя примѣчанія одного знаменитаго русскаго оріенталиста:

Айрянъ—кислое молоко, смѣшанное съ водой. Прохладительный напитокъ.

Барантá—ночной набѣгъ для воровства и грабежа.

Кизикъ—кирпичи изъ навоза для топлива, горящіе очень жарко, хотя и непламенно.

Шайтáнъ—чортъ.

Батыръ—богатырь, витязь, герой.

NB. Эта пѣсня положена на музыку однимъ изъ воспитанниковъ училища Глухо-нѣмыхъ.

IV.

NN.

У русской гласности прося
Грѣшкамъ мизернымъ воздаянья,

Онъ «обличаетъ» всѣхъ и вся,
Не обличая дарованья.

1859.

V.

Отвѣтъ NN на его тупую эпиграмму на меня.

Чтобъ вѣру дать моимъ словамъ:
Пиши побольше эпиграммъ.

1859.

VI.

Фигура поправленія.

(Объ одномъ критикѣ).

Онъ всѣхъ Фигляриныхъ идей
Живою сталъ апотеозой...
Иль нѣтъ: предъ нимъ и самъ Ѳаддей
Покажется маркизомъ Позой!...

Спб., 1859.

VII.

Рифмы.

Къ тѣни славной, къ тѣни Бозіо
Всуе долженъ я взывать,
Оттого, что на Перозіо
Трудно рифму пріискать....

Въ словѣ русскомъ (вѣрь мнѣ, Бозіо)
Нашей честной правды цвѣтъ:
Нѣтъ въ немъ рифмы на Перозіо
И на Кокорева нѣтъ!

1860. Мартъ.

VIII.

NN.

О, еслибъ также вдохновенно
Въ стихахъ ты взятки обличалъ,
Какъ въ Пошехоньѣ изступленно
Ты эти-жъ взятки въ прозѣ бралъ:
То геніальнѣйшимъ поэтомъ
Прослылъ бы передъ цѣлымъ свѣтомъ.

1860.

IX.

Наше богатство.

Насъ через-чуръ ужъ осудили строго:
Мы не совсѣмъ безумно жили;
Хоть денегъ мы и растеряли много,
За то вопросовъ накопили.

27 октября 1867.

X.

Тарифная Коммиссія.

Лишь только пошлину убавимъ мы на кофій,
Въ Коммиссіи Тарифной говорятъ,—
То Сидоръ и Козьма, Матрёна и Прокофій
Развитіемъ ума, какъ Гумбольдтъ, заблестятъ.
И такъ, похѣримъ мы нашъ классицизмъ ученья
И вѣдомство .....го упразднимъ:
Его-жъ, для вящшаго финансовъ сбереженья,
Коммиссіей Тарифной замѣнимъ,
И, кофій, вмѣсто школъ, введя въ употребленье,
Мы быстро разовьемъ въ Россіи просвѣщенье.

11 декабря 1867 г.

XI.

Членамъ-фритредерамъ Тарифной Коммиссіи.

Коммиссіей своей вы то намъ натворили,—
Какъ будто кофею вы никогда не пили.

13 декабря 1867.

XII.

Мы.

У насъ чужая голова,
А убѣжденья сердца хрупки.
Мы—европейскія слова
И азіатскіе поступки.

Мартъ, 1860.

Замѣтки, поправки и мелочи.

I.

«Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», составилъ Д. Ровинскій. Спб., 1872 г., въ 8-ю д.

У насъ было, и есть въ настоящее время, довольно любителей, собирающихъ гравюры вообще и портреты въ особенности. Въ числѣ ихъ есть лица, располагающія большими матеріальными средствами, которыя дозволяютъ имъ собирать довольно полныя коллекціи; но лица эти ревниво прячутъ свои собранія, исчезающія безъ слѣда и безъ пользы для другихъ: такъ если не пропали, то прошли безслѣдно коллекціи Шишкина, Карабанова, Погодина и многія другія, и вопросъ приведенія въ ясность всѣхъ имѣющихся портретовъ нашихъ дѣятелей оставался до сихъ поръ нерѣшеннымъ; при собираніи свѣдѣній о существованіи какого-либо портрета, приходилось обращаться за справками къ каталогамъ Другулина или Мюллера, которые составлялись, какъ и всѣ каталоги этого рода, по наличнымъ экземплярамъ, имѣвшимся въ рукахъ этихъ торговцевъ. Въ виду сказаннаго, надо по истинѣ удивляться громадному труду г-на Ровинскаго, описавшаго въ изданной имъ нынѣ книгѣ: «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» (Спб., 1872 г., на 2 нн., LVI, 236 стр., въ 8°) болѣе шести тысячъ портретовъ русскихъ дѣятелей, не имѣя за собой почти никакихъ

Сборника»; на стран. 246, подъ № 7,784, не указанъ портретъ Вонлярлярскаго, при его сочиненіяхъ и проч. Въ доказательство же того, до какой степени у насъ трудно избѣжать опечатокъ, приводимъ опечатки, въ короткой, сравнительно, замѣткѣ самаго рецензента: онъ говоритъ, напр., о «портретѣ **Ершова** при его исторіи» (Ертова?), о портретѣ Н. В. **Рѣпкиной**, при Репертуарѣ 1870 (Рѣпиной? 1840 г.?).

Н. П. Дуровъ.

II.

Раевскіе.

Въ Запискахъ М. А. Бестужева («Русская Старина», изд. 1870 г., т. I, стр. 257) находятся слѣдующія строки: «Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощенный за чистосердечное раскаяніе, проживалъ, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ. Наполнилъ свой штабъ большею частію изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ, онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Флотскій офицеръ фонъ-Д. подалъ въ Петербургѣ допосъ, въ которомъ представилъ Раевскаго, какъ измѣнника. Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ».

Здѣсь память измѣнила М. А. Бестужеву и онъ сдѣлалъ погрѣшности: «Братъ мой, Николай Николаевичъ **Раевскій** (тоже могу сказать и про брата Александра Ник. Раевскаго) никогда не принадлежалъ къ какому-нибудь тайному, политическому обществу, не былъ судженъ слѣдственной коммиссіей, не нуждался чистосердечнымъ раскаяніемъ заслуживать прощеніе, не наполнялъ свой штабъ декабристами и не получалъ изъ Петербуга строжайшаго выговора хотя и человѣколюбиво обращался съ ссыльными офицерами, которые находились въ его полку. Во всемъ этомъ можно удостовѣриться по архиву нижегородскаго драгунскаго полка. Странная и, къ сожалѣнію, не рѣдко встрѣчающаяся неточность въ статьяхъ дѣятельныхъ членовъ тайнаго общества и современныхъ разскащиковъ объ этой грустной эпохи».

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. III, прим. на стр. 53, надобно читать такъ: «Екатерина Николаевна Самойлова, замужемъ за Николаемъ Семеновичемъ Раевскимъ, имѣла счастіе быть матерью моего отца Н. Н. Раевскаго. Вторымъ бракомъ она вышла замужъ за Льва Денисовича Давыдова».

С. Н. Раевская.

Ноября 24 дня,
1872 года.

III.

Атаманы Власовъ и Илловайскій.

Д. К. Тарасовъ» въ XIV главѣ своихъ «Записокъ («Русская Старина» изд. 1872 г.: т. VI, стр. 105) пишетъ, что съ прибытіемъ императора Александра I въ Таганрогъ (въ 1825 г.) прибылъ туда же и донской наказной атаманъ, генералъ **Власовъ**, съ своимъ штабомъ.

Въ 1825 году былъ донскимъ атаманомъ не Власовъ, а генералъ-лейтенантъ Алексѣй Васильевичъ **Илловайскій**, и именно онъ пріѣзжалъ въ Таганрогъ представиться императору Александру I.

Илловайскій вступилъ въ званіе донскаго атамана въ 1821 году и пробылъ до 1827 года, въ этомъ послѣднемъ году назначенъ, вмѣсто Илловайскаго — генералъ-лейтенантъ (впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи) Димитрій Ефимовичъ Кутейниковъ. Кутейникова, въ февралѣ 1836 года, перемѣнилъ генералъ-лейтенантъ (впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи) Максимъ Григорьевичъ **Власовъ**, пробывшій въ званіи войсковаго наказнаго атамана Войска Донскаго до самой смерти своей (въ іюнѣ 1848 года). **Ред.**

лѣ отзыва, ошибочны: это — «Пространный пѣсенникъ», составленный г. Безсоновымъ изъ пѣсенниковъ отъ Новикова и до 1872 г. На 500 страницахъ помѣщено пѣсенъ, записанныхъ П. В. Кирѣевскимъ, только двадцать; остальное же, составляющее громадную массу, перепечатано изъ старыхъ пѣсенниковъ и изъ всѣмъ извѣстныхъ сборниковъ Сахарова, Варенцова, Рыбникова, Якушкина, Максимовича, Метлинскаго. Ко всему этому, неизвѣстно для чего, пришиты семинарскія канты (330—354) и пѣсни сербскія (393—404). Это безцеремонное захватываніе всего, что только подъ руку попадется весьма примѣчательно въ г. Безсоновѣ, постоянно повторяющимъ свою «покорнѣйшую просьбу» не перепечатывать цѣликомъ пѣсенъ, такъ какъ онѣ «являются здѣсь свѣту впервые». Что касается объясненій и замѣтокъ г. Безсонова, то, во имя справедливости, мы должны замѣтить, что они отличаются прежними, чтобъ не сказать болѣе, странностями. Такъ напр., на стр. XXXIX—XLI, г. Безсоновъ объясняетъ, почему «юбилей великаго героя послѣ долгихъ двухсотъ лѣтъ оказался все-таки слишкомъ раннимъ и преждевременнымъ». Причинъ выставлено много, но мы укажемъ на главнѣйшія: 1) «открытое письмо наше (т.-е. г. Безсонова) къ Кашперову, не возбуждая творчества ни въ комъ, должно было укрыться обратно въ портфейль»; 2) «даже одна изъ многихъ пѣсенъ народныхъ, нами аранжированная (?!) къ исполненію, и та не нашла себѣ ни гдѣ удобнаго мѣста и радушнаго приглашенія»; 3) «наконецъ, изданный нами (т.-е. г. Безсоновымъ) томъ народныхъ произведеній великой эпохи (8-й вып.), за неимѣніемъ особаго павильона, послѣ первыхъ дней торжества принужденъ былъ ретироваться; по-прежнему не ознакомилась съ нимъ и литература наша». Передъ этимъ помѣщенъ, почти на ста страницахъ, набранный петитомъ, панегирикъ селу Кускову и роду Шереметевыхъ (было бы умѣстнѣе поднести сіе произведеніе владѣльцамъ Кускова, гдѣ г. Безсоновъ жилъ, о чемъ онъ упоминаетъ), при чемъ пѣсня «Вечеръ поздно изъ лѣсочка» напечатана одиннадцать разъ, сподрядъ (51—66)!! Для образца филологическихъ толкованій г. Безсонова приведемъ его объясненіе слѣдующаго стиха «за рѣчкою право за Ни-волгою», такимъ образомъ составилось изъ пере-правы и Не-ваги» (стр. XXXI); еслибы г. Безсоновъ поставилъ «право» въ занятыхъ, а собственное имя «Волга» написалъ черезъ большую букву, тогда бы не пришлось ему говорить такого курьезнаго толкованія.

Съ 10-мъ выпускомъ драгоцѣнное собраніе пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго оканчивается. Но чтобы оно было вполнѣ драгоцѣннымъ, т.-е., чтобы оно было собраніемъ только П. В. Кирѣевскаго, слѣдуетъ, при второмъ его изданіи, тщательно сличить съ подлинникомъ, оставшимся послѣ П. В. Кирѣевскаго, и исключить всѣ замѣтки г. Безсонова, о неумѣстности которыхъ Ѳ. И. Буслаевъ заявлялъ еще въ 1862 году: тогда все изданіе не превысило бы 4-хъ томовъ и стоило бы 5 р., между тѣмъ теперь, благодаря словоохотливости и болѣзненно-развитому самомнѣнію г. Безсонова, оно разрослось въ 10 вып. и стоитъ 10 руб.

Медали на дѣянія Петра Великаго, изд. Юл. Иверсеномъ. Спб. 1872. 4°, XXV, 65 стр. Этой полезной книгѣ предпослано весьма обстоятельное предисловіе, въ которомъ авторъ рѣшаетъ слѣдующіе любопытные для нумизматовъ вопросы: 1) какія медали, временъ Петра Великаго, были наградными медалями; 2) изъ какого металла были чеканены оригинальныя медали того времени; 3) какіе матеріалы представляютъ намъ минцкабинеты и литература; 4) какіе медальеры жили во время П. В. и какая причина происхожденія большаго числа копій съ медалей на дѣянія Петра Великаго; 5) гдѣ находятся оригиналы описанныхъ медалей. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе медалей, въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ медалей «на рожденіе Петра». Послѣ медали «на кончину П. В.» слѣдуетъ прибавленіе, въ которомъ описаны медали въ память П. В., чеканенныя въ позднѣйшее время. Къ книгѣ приложено двѣнадцать таблицъ снимковъ медалей.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Томъ седьмой. Спб., Тип. Имп. Ак. Н. 1872, б. 8°, XVII и 757 стр.

Этимъ томомъ закончилось монументальное, роскошное (есть и дешовое, въ другомъ форматѣ) изданіе сочиненій Дрежавина, предпринятое нашею Академіею Наукъ, подъ редакціею многоуважаемаго академика Я. К. Грота, отличающееся превосходною внѣшностью и замѣчательно-богатою редакторскою обстановкою текста. Въ седьмой томъ вошли сочиненія въ прозѣ, относящіяся: 1) къ исторіи Пугачевщины, 2) къ гражданской дѣятельности (1777—1816); или содержащія въ себѣ: 3) литературныя сочиненія (1778—1816) и 4) дополненія къ сочиненіямъ и перепискѣ Державина.

Въ виду оконченнаго изданія сочиненій Державина, нельзя не высказать самаго горячаго желанія, чтобы Академія Наукъ обратила свое вниманіе на Пушкина и Гоголя.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. **ФЕВРАЛЬ.** 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Подписка на „Русскую Старину“ изд. **1873 г.** (четвертый годъ изданія) продолжается. Цѣна **8** руб. съ пересылкой и доставкой.

„Русская Старина“ **1870** г. (первый годъ, два изданія) и **1871** г. (второй годъ) разошлись сполна по подпискѣ.

„Русская Старина“ **1872** г. (изданіе второе) можно получить всѣ 12-ть книгъ съ приложеніями, цѣна **8** руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1873.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ. Съ пред. и прим. Павла Савваитова. Спб. Тип. Ак. Н., 1872. Б. 8°, 198 столбц.

Въ самомъ концѣ XII столѣтія, за четыре года до взятія Царьграда крестоносцами, туда отправился нѣкто Добрыня Андрейковичъ, впослѣдствіи — архіепископъ Антоній, трижды приглашенный новгородцами на каѳедру и трижды слышавшій обычную новгородскую фразу: «кланяемся тебѣ; иди, куда хочешь». Плодомъ этого путешествія была «Книга Паломникъ» или «Сказаніе мѣстъ святыхъ во Царѣградѣ», и хотя оно дошло до насъ въ спискѣ XV вѣка, но, по времени, въ ряду путешествій русскихъ людей въ чужія земли, занимаетъ первое мѣсто послѣ извѣстнаго путешествія игумена Даніила. Этотъ памятникъ отличается краткостью (54 столбц.), искренностью и простотою изложенія и содержитъ въ себѣ не только любопытныя извѣстія о мѣстахъ и святыняхъ цареградскихъ, но и столь важныя показанія, надъ разъясненіемъ которыхъ придется потрудиться нашимъ историкамъ, напримѣръ, о походѣ княгини Ольги на Царьградъ, о дани, взятой ею съ грековъ, и о вещественномъ памятникѣ этого событія, который Добрыня Андрейковичъ видѣлъ въ алтарѣ Софійскомъ («блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду.... во блюдѣ же Олжинѣ камень драгій, на томъ же камени написанъ Христосъ.... у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено»).

Первое извѣстіе объ этой рукописи было сообщено Строевымъ въ 1834 году; но подробнѣйшая историческая замѣтка о путешествіи Добрыни Андрейковича, съ указаніемъ нѣкоторыхъ изъ обстоятельствъ, имѣющихъ особенное значеніе для историковъ древней Руси и Византіи, принадлежитъ Сахарову («Сѣв. Пч.» 1846 г., № 11). Сахаровъ хотѣлъ самъ издать это путешествіе, но, по обстоятельствамъ, не могъ исполнить свое намѣреніе и подарилъ рукопись П. И. Савваитову, который, снабдивъ ее предисловіемъ и обширными примѣчаніями, издалъ по порученію Петербургской Археографической Коммиссіи въ двухъ чтеніяхъ: 1) первое въ угоду палеографамъ, исполнено со всевозможною точностью: страница въ страницу, строка въ строку, буква въ букву, съ титлами, строчными и надстрочными знаками, словомъ—насколько это зависѣло отъ средствъ типографскихъ; 2) во второмъ—титла раскрыты, знаки препинанія разставлены и пониманіе подлинника облегчено примѣчаніями. Къ изданію приложено: 1) фотолитографическій снимокъ первой страницы рукописи; 2) планъ Царьграда; 3) планъ и разрѣзъ храма Св. Софіи. Подобно всѣмъ изданіямъ и трудамъ нашего достопочтенаго археолога и археографа П. И. Савваитова, и это отличается замѣчательною тщательностію и любовью къ дѣлу. Редакторскіе оттиски этого прекраснаго изданія нѣсколько отличны отъ экземп. коммис.: въ нихъ длина страницы (въ первомъ чтеніи) отвѣчаетъ подлиннику, а не формату книги, и самые экземпляры весьма искусно переплетены на манеръ старинныхъ, пергаменныхъ переплетовъ.

Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб., 1872. Б. 8°. Т. IX, 536 стр. Т. X, XXXVI и 477 стр. Ц. за кажд. 3 р.

Каждый томъ этого любопытнаго «Сборника» мы встрѣчаемъ съ искреннимъ привѣтствіемъ: каждый томъ вноситъ въ область русской исторіи XVIII вѣка множество любопытныхъ и частью новыхъ данныхъ. Но чѣмъ любопытнѣе и разнообразнѣе матеріалъ, тѣмъ тщательнѣе и подробнѣе должна быть его редакторская обработка при изданіи, о чемъ мы уже имѣли случай замѣтить («Русск. Стар.» 1871, ноябрь). Наши тогдашнія три замѣчанія (о предисловіи, объяснительныхъ примѣчаніяхъ и словарѣ) и теперь, съ выходомъ IX и X т., остаются не только въ полной силѣ, но даже отчасти увеличиваются тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ, что ни передъ IX-мъ, ни передъ X-мъ томомъ нѣтъ совсѣмъ предисловія, хотя бы самаго краткаго. Между тѣмъ, судя по переводамъ, прилагаемымъ къ документамъ на иностранныхъ языкахъ и занимающимъ почти половину тома—«Сборникъ» предназначается не только для ученыхъ (имъ переводъ не нуженъ), но, главнымъ образомъ, для образованной и любопытной публики. Но если для публики необходимъ переводъ, то для нея еще необходимѣе обстоятельное и подробное предисловіе, составленное на основаніи помѣщенныхъ въ томѣ матеріаловъ; тогда вообще яснѣе бы было видно, что новаго вноситъ съ собою томъ, почему тотъ или другой документъ выбранъ и помѣщенъ?

Въ девятый томъ вошли: письма Екатерины II къ Павлу и Маріѣ Ѳеодоровнѣ (изъ архива с. и. в. великаго князя Константина Николаевича, архива, какъ можно судить по настоящимъ документамъ, чрезвычайно интереснаго); изъ бумагъ И. И. Шувалова; переписка гр. П. А. Румянцева съ Панинымъ; письма кн. Чарторыйскаго къ Новосильцеву, и пр. Десятый томъ содержитъ въ себѣ бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ государственномъ архивѣ (начало этихъ бумагъ занимаетъ весь VII-й томъ «Сборника»). При бѣгломъ обзорѣ вновь вы-

ЗАПИСКИ ГРАФА Ѳ. П. ТОЛСТАГО,

Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ.

1783 — 1873.

VII[1]).

Около 1808 — 1809 гг. явился въ Петербургъ молодой художникъ, пріѣхавшій изъ Польши, Орловскій. Онъ бойко рисовалъ каррикатуры и съ поразительнымъ искусствомъ улавливалъ сходство тѣхъ лицъ, которыя попадали въ его до крайности смѣшныя каррикатуры. Не менѣе ловко рисовалъ онъ казаковъ, башкиръ и лошадей, но только казацкихъ, которыхъ онъ хорошо изучилъ. Орловскій отличался большими способностями, но не имѣлъ ни малѣйшей научной подготовки, а объ анатоміи человѣка не имѣлъ даже ни малѣйшаго понятія; вслѣдствіе этого онъ вовсе не умѣлъ изображать голыя фигуры. Будучи, однако, человѣкомъ весьма не глупымъ и въ обществѣ находчивымъ и ловкимъ, Орловскій, благодаря своимъ одностороннимъ способностямъ по искусству, скоро вошелъ въ моду между военною молодёжью. Впрочемъ, какъ ему ни хотѣлось получить званіе академика, Совѣтъ Академіи не признавалъ его достойнымъ этого званія. Я тоже очень любилъ Орловскаго и сожалѣлъ, что онъ не будетъ серьезнымъ художникомъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, стр. 24 — 51. Въ первыхъ главахъ «Записокъ гр. Ѳ. П. Толстаго» вкралось нѣсколько описокъ и погрѣшностей. Вмѣсто нихъ надо читать: на стр. 37, строка 18 сверху, «съ гусарскою вырѣзкою»; на стр. 42, строка 5 снизу, напеч: «Альбрехтомъ», читай: «Лебрехтомъ»; на стр. 43, строка 9 снизу, читай: «Моргенштерномъ». Кромѣ

Въ 1811 году скончался президентъ нашей академіи графъ Строгановъ, и на мѣсто его поступилъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. При всемъ его образованіи, познаніяхъ, любви къ искусству, не смотря на полный авторитетъ, который онъ умѣлъ пріобрѣсти до того, что каждое его слово въ высшихъ кругахъ общества было закономъ,—Оленинъ своимъ управленіемъ сдѣлалъ для академіи болѣе вреда, нежели пользы. Алексѣй Николаевичъ былъ слишкомъ самонадѣянъ въ своихъ познаніяхъ и слишкомъ много вѣрилъ въ непогрѣшимость своихъ взглядовъ и убѣжденій.

Въ годъ моего избранія почетнымъ членомъ Академіи Художествъ, я, съ позволенія батюшки, женился на бѣдной, благородной и очень доброй дѣвушкѣ, по фамиліи Дудиной, хорошо образованной и очень любившей русскую литературу. Послѣ женитьбы переѣхалъ я жить въ домъ моей тещи, такъ какъ женѣ не хотѣлось разстаться съ своей матушкой. Въ ея небольшомъ деревянномъ домѣ, на Васильевскомъ острову, въ 14-й линіи, нанялъ я одну половину и здѣсь устроилъ у себя, по воскресеньямъ, вечера, въ которые собирался у меня кружокъ пріятелей, хотя и немногочисленный, но за то состоявшій изъ людей очень умныхъ и истинно образованныхъ. Это были не изъ тѣхъ людей, къ которымъ принадлежитъ бо́льшая часть нашей молодой аристократіи, воспитанной только для бальныхъ паркетовъ и салонной болтовни; то были люди, любившіе оте-

того, на стр. 38, строка 6 сверху, послѣ словъ: «германскихъ владѣтельныхъ князей»—вкрался пропускъ слѣдующихъ словъ: «исключая, разумѣется, людей государственныхъ, отличающихся своими достоинствами, умомъ и приносимою отечеству пользою. Исключая сихъ послѣднихъ, дворы» и проч. Пропускъ этотъ въ бо́льшей части экземпляровъ I-й книги «Русской Старины» исправленъ въ перепечаткѣ двухъ страницъ.

Еще одна замѣтка: по поводу характеристики (помѣщенной на стр. 48 -49), гр. Ѳедора Андреевича Толстаго, отмѣтимъ, что она тѣмъ интереснѣе, что относится къ человѣку, составившему, какъ всѣмъ, конечно, извѣстно, громадное книгохранилище; изъ этого собранія описаны: славяно-россійскія рукописи въ изд. К. Калайдовича и П. Строева. (М. 1825 г.) и старопечатныя книги славянскія и россійскія» въ изд. П. Строева. (М. 1829 г.) Библіотека и собраніе рукописей гр. Ѳедора Андреевича Толстаго, по истинѣ, многоцѣнны; имя собирателя чествовалось какъ мецената просвѣщенія и, между тѣмъ, по свидѣтельству настоящихъ, вполнѣ правдивыхъ «Записокъ», меценатъ дѣйствовалъ исключительно изъ тщеславія и самъ не вѣдалъ значенія своихъ собраній. Характеристика этой, во всякомъ случаѣ, весьма своеобразной личности, въ подлинникѣ Записокъ гр. Ѳ. П. сдѣлана подробнѣе; для печати авторъ нѣкоторыя болѣе рѣзкія черты опустилъ. Ред.

чество и постоянно занимавшіеся науками, съ цѣлью быть ему полезными.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей, бо̀льшею частію молодыхъ литераторовъ и поэтовъ, изъ близкихъ моихъ родныхъ бывалъ у меня двоюродный братъ, поручикъ Преображенскаго полка. Еще живши съ родителями, я его очень любилъ и онъ мнѣ платилъ тѣмъ же; пріязни нашей не мѣшало совершенное различіе характеровъ. Я всегда былъ тихаго нрава и любилъ занятія, а онъ, хотя и обладалъ весьма умной головой, но былъ большой кутила, первостатейный повѣса и дуэлистъ, такъ что почти не выходилъ изъ-подъ ареста. При всемъ томъ (какъ это согласить!) графъ Толстой (прозванный впослѣдствіи американецъ), былъ чрезвычайно добръ, всегда былъ готовъ отдать послѣднюю копѣйку бѣдному, честенъ и ни за что не согласился бы обмануть, либо солгать. Въ то же время онъ обыгралъ бы васъ въ карты до нитки! Множество дуэлей было у него изъ-за картъ.

Остальные родные, особенно люди зрѣлаго возраста, были вооружены противъ меня за то, что я избралъ для моего служенія отечеству неблагородную дорогу художника, въ чемъ меня вообще многія изъ лицъ знатныхъ фамилій обвиняли, утверждая, что этимъ поступкомъ безчещу мою фамилію. Таковы были сужденія высшаго круга, а между тѣмъ, не обращали вниманія на то, что въ Россіи бывали иногда губернаторы и другія военно-административныя лица ни наукой, ни опытностью вовсе не приготовленныя къ тѣмъ важнымъ государственнымъ должностямъ, которыя они занимали. Таковыхъ невѣждъ въ старинное время особливо много бывало изъ военныхъ; воспитываясь въ военныхъ заведеніяхъ и въ молодости проводя время въ занятіяхъ фронтомъ, они, какъ весьма понятно, не могли пріобрѣтать познаній, необходимыхъ для гражданской службы. А между тѣмъ, впослѣдствіи времени, имъ ввѣряли высокіе посты, ввѣряли благосостояніе многихъ милліоновъ людей. Издавна многіе удивлялись, почему въ Россіи внутреннее устройство было плохо? У насъ долгое время, какъ министры, такъ и представляемыя ими лица на посты губернаторовъ, да генералъ-губернаторовъ видно вполнѣ были убѣждены, что съ полученіемъ эполетъ съ толстой бахрамой пріобрѣтаются всевозможныя знанія службы по всѣмъ долж-

ностямъ; эти господа бывало весьма храбро принимали на себя управленіе громадными областями, либо цѣлыми учрежденіями; словомъ, брали на себя дѣло, къ которому до того никогда не готовились и котораго, слѣдовательно, вовсе не знали......

Обвиненія на меня сыпались отовсюду. Не только всѣ родные, (кромѣ моихъ родителей), но даже бо̀льшая часть постороннихъ, упрекали меня за то, что я первый изъ дворянъ, имѣя самыя короткія связи со многими вельможами, могущими мнѣ доставить хорошую протекцію, наконецъ, нося титулъ графа, избралъ путь художника, на которомъ необходимо самому достигать извѣстности. Всѣ говорили, будто бы я унизилъ себя до такой степени, что наношу безчестіе не только своей фамиліи, но и всему дворянскому сословію. Изъ родныхъ моихъ нашелся даже и такой, съ позолоченымъ ключемъ назади, человѣкъ, промотавшій два огромныя имѣнія, который писалъ батюшкѣ въ Москву, что я, вѣроятно, сошелъ съ ума, потому что отказался отъ протекціи оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстаго, оставилъ-де всѣхъ родныхъ и дома хорошихъ знакомыхъ, связался съ какими-то нѣмецкими и русскими профессорами и провожу съ ними все время.

Жалкіе, пустые люди! Они не понимали, какую пользу я пріобрѣталъ отъ сообщества этихъ «какихъ-то» профессоровъ, пользу для моего самообразованія, котораго я такъ стремился достигнуть. Между тѣмъ въ подтвержденіе моего сумасшествія этотъ же, ничему не учившійся, чванливый и пустой человѣкъ, написалъ батюшкѣ, что я хожу вездѣ въ дѣтской суконной курточкѣ, въ бѣлыхъ канифасовыхъ шароварчикахъ, въ башмакахъ и безъ галстука, съ отложнымъ воротникомъ отъ сорочки, съ распущенными длинными локонами. Въ этомъ описаніи правда заключалась лишь въ томъ, что я не одѣвался по существовавшей, въ описываемое время, смѣшной, каррикатурной, неуклюжей модѣ, не только совершенно скрывавшей фигуру человѣка, но и обезображивавшей его до крайности; въ особенности смѣшна была въ то время одежда, назначавшаяся для обыкновеннаго домашняго костюма. Выходя на улицу и гуляя лѣтомъ, я не рядился въ длиннополый до каблуковъ сюртукъ съ высокимъ отложнымъ воротникомъ, въ узко обтягивавшія ноги пантолоны, входившія до половины икры въ сапоги, съ гусарской вырѣзкой и кисточкой напереди, не наверн-

тывалъ на шею нѣсколькихъ косынокъ, чтобы составить широкій и высокій галстукъ, который бы скрывалъ всю верхнюю часть моего лица чуть не до верхней губы, и не тратилъ время на завязываніе и расправленіе по модѣ, въ видѣ розана, большаго банта этого галстука; не выстригалъ себѣ затылка и висковъ подъ гребенку и не оставлялъ на головѣ надо лбомъ густаго и довольно высокаго клока волосъ, называемый а-ля-кокъ, который нужно было взбивать и причесывать въ кольцы, на что требовалось еще больше времени, чѣмъ на бантъ галстука. Я составилъ себѣ костюмъ простой, легкій, покойный и вполнѣ удобный для занятій. Онъ состоялъ въ короткомъ, до колѣнъ, однобортномъ сюртукѣ, съ низенькимъ отложнымъ воротникомъ; сюртукъ шитъ былъ гладко, по моей таліи, и обыкновенно былъ свѣтло-гороховаго сукна. Остальныя части костюма: широкія, длинныя, бѣлыя, канифасныя брюки, однобортный жилетъ, чулки и башмаки; на шею я повязывалъ себѣ небольшой кисейный платокъ, связанный на переди большимъ узломъ, изъ-подъ него я выставлялъ воротничекъ сорочки. Волосы, отъ природы вившіеся у меня кудрями, я не стригъ по модѣ, а оставлялъ ихъ свободно висѣть кругомъ, локонами, до самыхъ плечъ. Зимой я ходилъ въ томъ же костюмѣ, только сѣраго сукна.

Любезный мой родственникъ писалъ также батюшкѣ, что я хожу въ моемъ костюмѣ не только по улицамъ, но и ко всѣмъ знакомымъ въ гости, и что онъ лѣтомъ видѣлъ меня, такъ одѣтаго, сидящимъ съ президентомъ Академіи Художествъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ на его дачѣ. Правда, что лѣтомъ, живя на дачѣ, на Карповкѣ, я часто бывалъ въ моемъ вседневномъ костюмѣ у нашего президента, который меня любилъ, ласкалъ, требовалъ, чтобы я приходилъ къ нему какъ можно чаще и не замѣчалъ, какъ я одѣтъ, по модѣ, или нѣтъ. Но сущая ложь, чтобы я, въ моемъ вседневномъ костюмѣ, ходилъ всюду въ гости; вышедъ изъ флота въ отставку съ мундиромъ, я въ немъ обыкновенно ходилъ по гостямъ.

Письмо почтеннѣйшаго дядюшки до того встревожило батюшку, что онъ тотчасъ собрался-было ѣхать въ Петербургъ, но былъ остановленъ пріѣхавшимъ въ Москву княземъ Егоромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, съ которымъ я всякій день видался. Онъ успокоилъ батюшку, какъ на счетъ моего костюма,

такъ и относительно всѣхъ моихъ поступковъ и убѣдилъ его въ томъ, что всѣ умные и благомыслящіе люди не только не порицаютъ моихъ дѣйствій, а напротивъ, чрезвычайно хвалютъ и съ презрѣніемъ отзываются о тѣхъ, которые смѣются надо мной, вслѣдствіе того только, что я, будучи слишкомъ двадцати лѣтъ, продолжаю учиться какъ школьникъ.

Первый мой ребенокъ была дочь. О небесной радости, которой мы съ женою были исполнены при первомъ взглядѣ на нашего ребенка, говорить невозможно; подобныя чувства не могутъ быть переданы словами и перомъ; ихъ можно чувствовать, ими можно наслаждаться, но никогда нельзя передать всей глубины и красоты ихъ посредствомъ письма и разсказа. Языка чувствъ, души и сердца мы не имѣемъ; языкъ же ума, которымъ мы владѣемъ, для этого слишкомъ недостаточенъ и въ лексиконѣ его нѣтъ словъ, которыя бы могли передать въ полной силѣ то, что чувствуется душей и сердцемъ.

VIII.

Въ 1810 году я опредѣленъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ монетный департаментъ по медальерной части. Это было время управленія министерствомъ финансовъ графомъ Гурьевымъ, который, по вступленіи въ министры, очень скоро показалъ Россіи свои обширныя свѣдѣнія по финансовой части: серебряный рубль доведенъ былъ имъ до четырехъ мѣдныхъ рублей ассигнаціями! Если онъ, какъ министръ финансовъ, во всѣхъ своихъ операціяхъ не пользовался ни малѣйшимъ уваженіемъ, то за то по кухмистерской части достигъ неувядаемой славы, изобрѣтеніемъ великолѣпной гречневой каши («Гурьевская») на мозгахъ изъ говяжьихъ костей, о которой извѣстно было не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи.

Графъ Гурьевъ, какъ говорили, сдѣлавшись министромъ, завелъ цвѣтныя линейки въ шнуровыхъ книгахъ кабинета его величества, въ которомъ онъ былъ директоромъ. Насколько эти разныхъ красивыхъ цвѣтовъ линейки облегчали счетоводство, объ этомъ знаютъ бухгалтеры, но по наружности шнуровыя книги дѣйствительно сдѣлались гораздо красивѣе. Вскорѣ Гурьевъ былъ пожалованъ графомъ.

Спустя короткое время послѣ моего опредѣленія въ монетный

департаментъ, министерство финансовъ нашло необходимымъ замѣнить существовавшую мѣдную размѣнную монету новой. Утвержденный государемъ проектъ новой системы мѣдной размѣнной монеты былъ немедленно опубликованъ, съ означеніемъ времени размѣна этихъ монетъ. Господину министру не пришло въ голову, прежде доклада его величеству, освѣдомиться, можетъ ли Екатеринбургскій монетный дворъ, гдѣ всегда чеканилась мелкая мѣдная монета, къ назначенному времени размѣна старой монеты на новую, заготовить такое ея количество, чтобы не задерживать размѣна. И вотъ, когда уже объявлено было о введеніи въ Россіи новой мелкой размѣнной монеты, оказалось, что Екатеринбургскій монетный дворъ, при его тогдашнемъ составѣ, никакъ не могъ къ назначенному времени изготовить полное количество размѣнной монеты новаго образца. Поэтому министръ, для поправленія своей важной ошибки, которая могла бы поставить въ самое затруднительное положеніе размѣнъ прежнихъ денегъ на новыя, чтобы ускорить заготовку новаго образца монету, приказалъ рѣзчикамъ передѣла золотой и серебряной монеты, заготовляющейся на монетномъ же дворѣ, оставить на время свое дѣло и заняться приготовленіемъ матошниковъ и штемпелей для чеканки мѣдныхъ грошей. Но такъ какъ этого пособія оказалось недостаточно, то мы, медальеры, не имѣвшіе никакихъ сношеній съ монетными передѣлами, видя затруднительное положеніе монетнаго двора, предложили свои труды на рѣзьбу матошниковъ и штемпелей для грошей. Предложенія наши были приняты.

Вмѣстѣ съ другими медальерами, я съ семи часовъ утра до восьми вечера, проводилъ время въ крѣпости, гдѣ находится монетный дворъ, за рѣзьбой матошниковъ и штемпелей, которыхъ каждый изъ насъ приготовлялъ въ день по восьми штукъ.

Благодаря неблагоразумнымъ, относительно измѣненія монеты, распоряженіямъ министра, которому, озабоченному съ своими вельможными пріятелями потребленіемъ знаменитой «Гурьевской» каши, не было времени думать объ этой финансовой операціи, производство заказанной мнѣ Виленскимъ университетомъ медали въ честь попечителя университета, графа Чацкаго, не могло быть мною начато ранѣе какъ черезъ полтора мѣсяца, такъ какъ только къ этому времени работа моя въ крѣпости должна была окончиться.

При поступленіи моемъ на службу въ монетный департаментъ, рѣзьба штемпелей для отбивки медалей изъ металловъ производилась такимъ же образомъ, какъ и сотни лѣтъ предъ тѣмъ, медальерами безъ малѣйшаго художественнаго образованія, по рисункамъ, по большей части весьма плохо сочиненнымъ и нарисованнымъ. Таковы были почти всѣ рисунки, которые присылались для изготовленія штемпелей и медалей въ монетный департаментъ отъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ, учрежденій и заведеній, для раздачи медалей въ награду отличившимся по наукамъ и мастерствамъ, или въ почетъ и память полезныхъ изобрѣтеній, открытій и вообще дѣйствій, долженствующихъ быть переданными позднѣйшему потомству.

Всѣ медали, произведенныя у насъ, со времени появленія ихъ въ Россіи до начала царствованія Александра Павловича, носятъ на себѣ отпечатокъ самаго дурнаго стиля и вкуса, существовавшаго во Франціи и во всей Европѣ во времена Людовика XIV и его преемниковъ. Во Франціи такъ продолжалось до первой революціи; во время консульства въ Парижѣ въ первый разъ появились хорошо сочиненныя и художественно исполненныя медали, съ основательнымъ знаніемъ археологіи: то были медали, вычеканенныя на побѣды Бонапарта въ Египтѣ. Онѣ были составлены и исполнены особо существовавшею тогда для сего въ Парижѣ коммиссіею, подъ начальствомъ Денона, генералъ-инспектора Парижскаго Музея.

Въ Россіи же медали сочинялись и производились на прежній ладъ, съ полнымъ невѣдѣніемъ въ художествѣ и неумѣніемъ рисовать. Всѣ медали, выбитыя на монетномъ дворѣ до царствованія Александра Павловича, какъ на разные случаи, такъ и въ честь принесшихъ славу и пользу отечеству вельможъ и военачальниковъ, въ честь отличившихся ученыхъ, сановниковъ, учредителей корпусовъ и училищъ благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ и другихъ подобныхъ заведеній, исполнены старинными медальерами съ самымъ плохимъ понятіемъ объ изящныхъ искусствахъ, не знавшихъ даже правильности формъ — ни человѣка, ни животныхъ, еще менѣе знакомыхъ съ архитектурою и перспективою. Таковы же были и штемпеля, рѣзанные главнымъ медальеромъ Лебрехтомъ, изъ перекрещенныхъ евреевъ, бывшимъ тогда уже въ чинѣ статскаго совѣтника. Всѣ эти ме-

дали во вкусѣ временъ Людовика XIV были наполнены бестолковыми аллегоріями, представлявшими миѳологическихъ боговъ въ тѣхъ каррикатурныхъ, фантастическихъ костюмахъ, въ какіе ихъ наряжали въ то время въ театрахъ, звѣрей и птицъ, породы которыхъ невозможно было опредѣлить, уродливыхъ пирамидъ съ висящими на нихъ вензелями и портретами, увѣнчанными гирляндами цвѣтовъ, лавровъ и дубовыхъ листьевъ. Представлялись также на медаляхъ уродливые, ни на что не похожіе храмы, тоже украшенные гирляндами, пылающіе жертвенники, колонны и тому подобное. И все это изображено было безъ всякаго вкуса, совершенно несообразно съ природою и безъ всякаго понятія о художествѣ и перспективѣ. Къ довершенію всего этого, между аллегорическими изображеніями миѳологическихъ боговъ, людей и животныхъ, зданій и разныхъ вещей, наставленныхъ на медаляхъ безъ всякаго толка и вкуса, по землѣ, воздуху и во всѣхъ направленіяхъ, сновало по нѣскольку преуродливыхъ купидоновъ, одни—съ гирляндами, другіе—съ вѣнками, факелами, стрѣлами и даже пылающими сердцами и портретами въ рукахъ. Это смѣшное, жалкое положеніе медальернаго искусства у насъ на монетномъ дворѣ, стоявшаго внѣ всѣхъ правилъ, требуемыхъ новѣйшей степенью художественнаго образованія, нужно было измѣнить.

Пройдя курсъ художника по скульптурѣ и рисованію, а также и курсъ необходимыхъ каждому художнику наукъ, преподаваемыхъ Академіей Художествъ, я, кромѣ того, старался обогащать себя всѣми познаніями, имѣющими тѣсную связь съ художествомъ. Сдѣлавшись, по волѣ государя, медальеромъ, я изучилъ, кромѣ извѣстной мнѣ художественной части этого искусства, и грубую техническую часть, принадлежащую къ медальерному искусству, какъ-то: ковку и закалку штемпелей, дѣланіе пунсоновъ, а также и всю операцію выбиванія медалей изъ металловъ въ исполненные медальерами штемпеля. Эти, чисто механическія производства не принадлежатъ къ занятіямъ медальеровъ, и для каждаго изъ этихъ занятій на монетномъ дворѣ есть особые мастера. Но я думаю, что медальеръ долженъ знать, какъ дѣлается все, необходимое для производства отбиваемыхъ изъ металла медалей. Поэтому я составилъ себѣ планъ, котораго намѣренъ былъ держаться на поприщѣ медальернаго искусства.

Во-первыхъ, думалъ я, буду рѣзать штемпеля для медалей

не иначе, какъ по рисункамъ, мной самимъ сочиненнымъ и по моделямъ, мною же вылѣпленнымъ изъ воска, если мнѣ доставлены будутъ письменныя свѣдѣнія, на какой случай, или въ память чего должна быть произведена заказанная мнѣ медаль. Я полагалъ, что всякой медали должно было предшествовать сочиненіе и вылѣпка модели изъ воска такъ, чтобы всякій, смотря на готовую медаль, могъ узнать, не прибѣгая къ надписи, на какой случай она выбита.

Сочиненіе поручаемыхъ мнѣ медалей и рѣзаніе штемпелей для отбивки ихъ въ металѣ, я полагалъ производить въ античномъ греческомъ вкусѣ, какъ лучшемъ въ изящныхъ искусствахъ. Если изображаемое на медали событіе или дѣйствіе въ память будущимъ вѣкамъ, по поводу какого бы то ни было предмета, по сюжету своему должно быть изображено группою людей, то медаль должна быть сочинена и вылѣплена изъ воска и съ нея вырѣзанъ штемпель съ строгимъ исполненіемъ красоты и вѣрности природы. Строго соблюдая вѣрность обычаевъ, костюмовъ, мѣстности и страны того времени и тѣхъ лицъ, при которыхъ совершилось долженствующее быть изображеннымъ на медали извѣстное событіе, можно помѣщать въ группахъ, гдѣ не препятствуетъ этому сюжетъ медали, и голыя фигуры, какъ лучшее украшеніе въ изящныхъ искусствахъ. Какъ людскія группы и одиночныя фигуры во всѣхъ атитюдахъ и позахъ, такъ и аллегорическія изображенія, и вообще все, представляемое на моделяхъ, должно быть помѣщено на фонѣ медалей, на самой срединѣ, и при томъ такъ, чтобы представляло вообще трехугольную форму. При этомъ должно наблюдать, чтобы какъ можно менѣе оставалось пустаго фона, излишество котораго очень вредитъ красотѣ медали. Само собою разумѣется, что для избѣжанія этого, ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ наполнять медаль посторонними вещами, не относящимися къ объясненію того предмета, на какой производится медаль.

Если встрѣчается надобность помѣщать въ медаляхъ дикихъ звѣрей, домашнихъ животныхъ, птицъ и всякаго рода пресмыкающихся, то они должны быть изображаемы совершенно вѣрно съ натурой и всѣ ихъ движенія и дѣйствія должны быть сообразны съ природой и наклонностями изображаемаго животнаго,

поэтому художникъ-медальеръ необходимо долженъ быть знакомъ съ зоологіей.

Костюмы изображаемыхъ на медаляхъ фигуръ, согласно представляемому фигурами званію и относительно времени и страны, въ которой происходило дѣйствіе, должны быть изображаемы археологически вѣрно.

Такъ какъ нерѣдко случается изображать на медаляхъ различныя зданія, то медальеру необходимо хорошо, вполнѣ основательно знать правила архитектуры и перспективы, чтобы всѣ зданія и вообще все, что передается на медаляхъ, изображать вѣрно; вообще рисунокъ медали долженъ быть исполненъ изящно и строго, сообразно съ натурою и вполнѣ ясно изображать то дѣйствіе, въ память котораго чеканится медаль.

Принявъ должность медальера монетнаго двора, я не оставлялъ дѣятельно заниматься вообще моимъ образованіемъ. Для этой цѣли, кромѣ домашнихъ занятій и чтенія, я слушалъ всѣ публичныя лекціи по «Статистикѣ» и «Политической Экономіи», читанныя профессоромъ Германомъ; а также по «Исторіи», «Физикѣ», «Химіи» и вообще по всему, имѣющему отношеніе къ естественнымъ наукамъ. Лекціи по «Зоологіи», читанныя въ послѣдовавшее время профессоромъ Куторгой въ университетѣ, я слушалъ два года съ ряду. Я старался пользоваться всѣми средствами, которыя могли быть полезны для моего образованія, не пропускалъ ни одного собранія находившихся въ Петербургѣ литературныхъ обществъ, почти во всѣхъ этихъ обществахъ я былъ членомъ. Я былъ весьма хорошо принятъ въ домъ Оленина, бывшаго тогда государственнымъ секретаремъ; человѣка, какъ я уже говорилъ, весьма образованнаго, чрезвычайно начитаннаго и большаго любителя наукъ, художествъ и искусствъ. Въ назначенные дни недѣли у него собиралось все, что было въ Петербургѣ хорошо образованнаго, отличавшагося своими дарованіями, умомъ и познаніями. Подобные дома могутъ считаться хорошими школами для молодыхъ людей, ищущихъ просвѣщенія. Въ это время мнѣнія Оленина въ столицѣ, какъ я выше замѣтилъ, пользовались неоспоримымъ авторитетомъ. У Оленина я познакомился и очень хорошо сошелся съ Гнѣдичемъ, Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ и Плетневымъ, также съ Гречемъ, издававшимъ «Сынъ Отечества», а впослѣдствіи (съ 1825 г.) «Сѣверную Пчелу»,

умнымъ молодымъ человѣкомъ, но большимъ болтуномъ; съ отличавшимся тогда своими повѣстями Александромъ Бестужевымъ, умнымъ молодымъ офицеромъ и съ братомъ его, Николаемъ Бестужевымъ, тоже очень умнымъ и образованнымъ морскимъ лейтенантомъ балтійскаго флота. Былъ также знакомъ съ Булгаринымъ, выпущеннымъ изъ кадетскаго корпуса при императорѣ Павлѣ, полякомъ, человѣкомъ не глупымъ, хотя и плохимъ романистомъ. Вскорѣ послѣ моего съ нимъ знакомства, я узналъ, что Булгаринъ не пользовался хорошей репутаціей, поэтому впослѣдствіи я съ нимъ совсѣмъ не сходился.

Я былъ также коротко знакомъ съ Лобановымъ, учителемъ русскаго языка императрицы Елисаветы Алексѣевны; былъ очень хорошо принятъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ и супругой его, женщиной чреавычайно доброй и привѣтливой. У нихъ въ домѣ также, въ назначенные дни, собирались наши литераторы, поэты и вообще отлично образованные люди. Хорошо былъ принятъ я у Муравьевой; съ дѣтьми ея, гвардейскими офицерами, отличавшимися умомъ и образованіемъ, я былъ пріятельски знакомъ.

У Алексѣя Николаевича Оленина, любившаго театръ, какъ и всѣ искусства, разыгрывались иногда артистами нашей театральной труппы нѣкоторыя сцены изъ русскихъ пьесъ. Между прочимъ, однажды наша первоклассная трагическая актриса, г-жа Семенова—старшая, въ одной довольно большой сценѣ, представленной въ домѣ Алексѣя Николаевича, не помню, взятой ли изъ какой-нибудь пьесы, или нарочно для сего случая составленной кѣмъ-нибудь изъ нашихъ литераторовъ, играла роль веселой, хитрой, весьма забавной субретки, подшучивающей и выводящей изъ терпѣнія серьезную, трагическую личность, эту послѣднюю роль исполнялъ И. И. Сосницкій. Сцена эта была исполнена превосходно и совершенно вѣрно, хотя представлена была артистами совершенно противоположныхъ амплуа. Этой сценой оправдывается мое убѣжденіе, что человѣкъ, имѣющій отъ природы истинный талантъ въ какомъ бы то ни было изъ трехъ искусствъ—сценическомъ, художественномъ или музыкальномъ, будучи человѣкомъ умнымъ и вполнѣ образованнымъ и обученнымъ въ томъ искусствѣ, на которое судьба его обрекла,—можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствовать во всѣхъ отрасляхъ того искусства.

Это и доказала г-жа Семенова, высокая трагическая актриса, представивъ такъ восхитительно шутливую, веселую и хитрую субретку въ сценѣ, разыгранной въ домѣ Оленина [1]).

---

[1]) Для доказательства справедливости моего мнѣнія приведу другой, позднѣйшій примѣръ: г-нъ Ольриджъ, природный негръ, въ бытность свою въ Петербургѣ, обворожившій своимъ искусствомъ трагическаго актера всѣхъ истинныхъ знатоковъ и любителей сценическаго искусства, какъ извѣстно, превосходно разыгрывалъ въ трагедіяхъ великаго Шекспира роли короля Лира, Отелло, жида Шейлока, и друг.; между тѣмъ, тотъ же Ольриджъ въ одной шутливой пьесѣ, въ свой бенефисъ, сыгралъ неподражаемо хорошо самую комическую и главную роль, на которой держится вся пьеса. Онъ представлялъ простаго, но смышленаго и забавнаго, любящаго подгулять негра, служащаго работникомъ на фермѣ одного достаточнаго, семейнаго американца. Въ одной сценѣ этой пьесы, сильно кряхтя подъ тяжестью огромной корзины, онъ вноситъ ее въ домъ фермера, ставитъ среди комнаты на скамейку и, подойдя къ авансценѣ, съ удовольствіемъ выпрямляетъ свою освобожденную отъ тяжести спину; вытягивая руки, онъ нечаянно, оборотившись назадъ, видитъ вылѣзшаго изъ корзины молодаго красиваго мужчину, во мгновеніе исчезнувшаго внутри комнатъ. Сначала онъ поражается изумленіемъ, но потомъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, начинаетъ хохотать отъ всей души, такъ искренно и вѣрно, что зрителямъ невозможно было не раздѣлить съ нимъ этого смѣха. Получивъ за свой трудъ порядочную флягу водки, до которой негры большіе охотники, онъ выражаетъ самымъ смѣшнымъ образомъ свое удовольствіе; любуясь флягою, онъ потягиваетъ изъ нея водку; по мѣрѣ отуманивающихъ его винныхъ паровъ постепенно развеселяясь, негръ, въ состояніи совершеннаго опьяненія, предается полному веселью. Онъ сбрасываетъ съ себя куртку, но не покидая фляги, начинаетъ пѣть и плясать уморительно смѣшно танцы своего племени, прерывая то и другое, то сильнымъ, безъ причины смѣхомъ, то глоткомъ водки. Повторяя это, онъ доходитъ до того, что ноги отказываются ему служить, и онъ, полупадая, садится на полъ. Это постепенное охмѣленіе, отъ радостной улыбки при первыхъ глоткахъ водки до совершеннаго опьяненія, было исполнено Ольриджемъ необыкновенно вѣрно и до крайности смѣшно, но безъ всякой натяжки и пошлыхъ фарсовъ. Напротивъ того, всѣ его движенія, выражавшія неловкость захмѣлѣвшаго негра и производившія такой сильный смѣхъ въ зрителяхъ, были деликатны, даже граціозны. Когда негръ сидѣлъ на полу, изъ внутреннихъ комнатъ потребовали его, придти туда со свѣчей. Какъ уморительно, сидя на полу, доставалъ онъ свою куртку и, добывъ ее, возился, отыскивая рукава! Ощупавъ одинъ рукавъ, онъ долго не могъ попасть въ него рукой, наконецъ кое-какъ вдернулъ его на правую руку и, не найдя другаго рукава, остолбенѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать съ своей лѣвой рукой. Послѣ продолжительнаго смѣшнаго выворачиванія куртки, онъ попадаетъ, наконецъ, рукой въ другой рукавъ и, обрадованный этимъ, вздергиваетъ его на плечо, хотя рукавъ этотъ оказался у него надѣтымъ вовсе не сверху, а снизу куртки. Негръ этого не замѣчаетъ. Когда изъ внутреннихъ комнатъ раздался второй призывъ съ угрозой, онъ началъ вставать, опираясь на стѣну; ноги его не слушались и не разъ, когда онъ, вставши на ноги и держась за стѣну, отдѣлялъ потомъ отъ нея руки, чтобы идти, ноги не выдерживали качаніе торса;

Что же касается изящныхъ художествъ, то, не упоминая о другихъ художникахъ, довольно назвать одного Микель-Анджело, въ одно и то же время производившаго геніальные памятники по скульптурѣ, живописи и архитектурѣ, проектировавшаго и построившаго знаменитый куполъ святаго Петра въ Римѣ. Въ музыкѣ мнѣніе мое доказывается тѣмъ, что великіе музыканты писали разнаго рода сочиненія для разныхъ инструментовъ, и если мы не встрѣчаемъ артистовъ, играющихъ въ одно и то же время одинаково хорошо на разныхъ инструментахъ, то причина этого — необходимость долголѣтняго техническаго труда для каждаго инструмента.

IX.

Петербургъ, какъ и вся Россія, находился въ ужасномъ волненіи, когда Наполеонъ объявилъ намъ войну и шелъ съ соединенными силами всей Европы на наше отечество. По реляціямъ, присылавшимся отъ Барклая-де-Толли, русскія арміи, по оборонѣ западныхъ границъ Россіи, исполняли превосходно отступленіе предъ несмѣтною арміею геніальнаго полководца, завлекая его къ Смоленску.

Въ столицѣ пріуныли, всѣ казенныя мѣста спѣшили вывозить драгоцѣнности Петербурга въ мѣста, безопасныя отъ непріятеля. Тысячи повозокъ пригонялись въ городъ, для вывоза отсюда во внутрь Россіи обитательницъ Смольнаго монастыря, институтовъ и двора. Нельзя не вспомнить при этомъ одну черту, дѣлающую величайшую честь царствовавшей тогда государынѣ, — императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ: когда ее спросили, сколько нужно подводъ для вывоза ея вещей, она отвѣчала: «такъ какъ нѣтъ возможности спасти имущество всѣхъ жителей Петербурга до послѣдней бѣдной, то и я должна терпѣть одинаковую съ ними

скользя по полу, ноги расходились въ разныя стороны, и негръ самымъ смѣшнымъ образомъ падалъ на полъ. Наконецъ, поднявшись на ноги и нѣсколько укрѣпясь на нихъ, онъ пошелъ отыскивать шандалъ со свѣчей; находитъ его и, желая взять, роняетъ, но подхватываетъ другой рукой наоборотъ, и не замѣчая этого, суетъ шандаломъ къ горящей на стѣнѣ лампѣ: понявъ свою ошибку, негръ смѣется надъ собой и переворачиваетъ шандалъ, но никакъ не можетъ зажечь свѣчи, а потому и заканчиваетъ тѣмъ, что гаситъ и лампу. Испуганный этимъ, выпуча глаза, разинувъ ротъ и растопиря руки и ноги, онъ остается въ изумленіи, какъ окаменѣлый. Вся эта сцена, какъ и вся пьеса, была исполнена Ольриджемъ поразительно хорошо.

Гр. Ѳ. П. Т.

участь», и оставила всѣ свои драгоцѣнности и любимыя вещи, не трогая съ мѣста. Эта кроткая, умная государыня во всѣхъ случаяхъ поступала какъ истинная царица.

Вскорѣ послѣ того, въ полномъ собраніи дворянства послѣдовало весьма шумное, единодушное избраніе графа Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова начальникомъ петербургскаго ополченія, вслѣдъ за этимъ онъ назначенъ главнокомандующимъ всею русскою арміей.

Я часто видалъ этого знаменитаго военачальника, до назначенія его главнокомандующимъ, у Логина Ивановича Кутузова, съ которымъ онъ былъ близкій родня и друженъ. Михаилъ Илларіоновичъ, съ геніальною способностію военачальника, соединялъ удивительную любезность и остроту въ обществѣ, особенно въ дамскомъ. По желанію супруги Логина Ивановича, Надежды Никитичны, которую Михаилъ Илларіоновичъ очень любилъ и уважалъ, я вылѣпилъ ей его портретъ изъ воска. По назначеніи его главнокомандующимъ, въ послѣдніе два дня предъ отправленіемъ къ арміи, онъ провелъ оба вечера у Логина Ивановича и Надежды Никитичны, по его желанію, безъ свидѣтелей. Но мнѣ, ходившему въ то время каждый вечеръ читать Надеждѣ Никитичнѣ и Логину Ивановичу сочиненія Пушкина и Жуковскаго, не было воспрещено оставаться, когда пріѣзжалъ къ нимъ Михаилъ Илларіоновичъ, и оба эти вечера я провелъ вмѣстѣ съ ними. Михаилъ Илларіоновичъ въ эти достопамятные для меня вечера былъ очень веселъ, говорилъ много о Наполеонѣ и шутилъ. Говоря о своемъ отъѣздѣ на другой день въ армію, онъ сказалъ, что если застанетъ наши войска еще въ Смоленскѣ, то не впуститъ Наполеона въ предѣлы Россіи. Въ послѣдній вечеръ онъ сидѣлъ у Логина Ивановича не долго, но былъ очень веселъ, и когда пошли провожать его въ переднюю, послѣднія слова, сказанныя имъ смѣючись Надеждѣ Никитичнѣ, были: «я бы ничего такъ не желалъ, какъ обмануть Наполеона».

Между тѣмъ, изъ арміи получались самыя неутѣшительныя реляціи. Наполеонъ, со всей своей арміей, вступилъ уже въ предѣлы Россіи; Кутузовъ не засталъ войскъ въ Смоленскѣ и далъ Наполеону при Бородинѣ первое сраженіе, знаменитое по громадности сражавшихся армій и по искусству, съ которымъ Кутузовъ, командуя малочисленнѣйшими въ сравненіи съ непрія-

тельскою арміей войсками и имѣя менѣе пушекъ, съумѣлъ удержать свою позицію, не уступивъ непріятелю ни клочка земли. Не имѣя достаточно войска, Кутузовъ не могъ загородить Наполеону дорогу къ Москвѣ и оставилъ его туда идти, разославъ летучіе отряды для уничтоженія по этой дорогѣ всѣхъ средствъ къ добыванію продовольствія наполеоновской арміи.

Извѣстіе о вступленіи Наполеона въ Москву привело въ большое уныніе нашу столицу, и нѣкоторые очень сильно стали нападать за это на Кутузова. Но Михаилъ Илларіоновичъ, какъ умный, опытный, закаленный въ бояхъ военачальникъ, разсчиталъ, что, пожертвовавъ Москвой и сосредоточивъ свои силы въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, онъ впослѣдствіи будетъ имѣть средства не только выгнать Наполеона съ позоромъ изъ Москвы, но и уничтожить его полчища — и исполнилъ это во славу отчизны и свою. Не долго повеличался надменный Наполеонъ въ голыхъ, обгорѣлыхъ стѣнахъ Москвы. Скоро обрадованы мы были извѣстіемъ объ изгнаніи непріятеля изъ Москвы и о его бѣгствѣ со всей арміей въ самомъ отчаянномъ положеніи, жестоко гонимой и поражаемой со всѣхъ сторонъ до самой границы, за которую успѣлъ уйдти только самъ Наполеонъ съ его приближенными маршалами и ничтожнымъ числомъ войска; всѣ почти полчища его остались въ Россіи, погребенными или полоненными со всею ихъ артиллеріей, военными снарядами, полковымъ багажемъ и со всѣми награбленными въ Москвѣ вещами. Убѣжавъ за границу, Наполеонъ опять собралъ большую армію изъ войскъ, остававшихся въ Германіи и посредствомъ новой конскрипціи—со всей Франціи.

Преслѣдуемый за границей нашими войсками, подъ начальствомъ императора Александра Павловича, съ которымъ соединились Швеція, Пруссія и Австрія, Наполеонъ терпѣлъ почти безпрерывныя пораженія, о которыхъ немедленно получались въ Петербургѣ реляціи.

Вскорѣ послѣ перехода за границу государя съ войсками въ 1813 году, Кутузовъ занемогъ и умеръ въ Бунцлау. Тѣло его ввезено было въ Петербургъ, чрезъ Петергофскія тріумфальныя ворота; въ Коломенской части были выпряжены лошади изъ похоронной колесницы, на которой везенъ былъ гробъ съ останками этого знаменитаго вождя, и она везена была до самой Казанской церкви (гдѣ онъ похороненъ), огромной массой народа всѣхъ сословій,

безъ разбора—въ армякахъ, фракахъ, въ статскихъ и военныхъ мундирахъ. Я видѣлъ между ними нѣкоторыхъ въ различныхъ лентахъ черезъ плечо и не съ одной звѣздой.

Когда пришло къ намъ извѣстіе о совершенномъ разбитіи всей собранной Наполеономъ арміи подъ городомъ Лейпцигомъ и о бѣгствѣ его съ этого крѣпкаго пункта, я убѣдился, что пришелъ уже конецъ величію Наполеонова владычества надъ Европой, и тотчасъ началъ лѣпить портретъ нашего императора въ военномъ древне-славянскомъ костюмѣ, въ шлемѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой—со щитомъ, по борту котораго въ барельефѣ вылѣпилъ пѣшее и конное сраженіе, а въ срединѣ—русскій гербъ. Я изобразилъ государя въ видѣ славянскаго божества Родомысла, которому приписывались качества Минервы и Марса. Восьмиугольная внѣшняя форма этого медальона имѣла въ діаметрѣ болѣе четверти аршина; портретъ находился внутри, въ кругу. Вылѣпивъ изъ воска этотъ портретъ, я вырѣзалъ съ него форму въ крѣпкомъ составѣ мѣди, чтобы отливать алебастровые слѣпки и пускать въ публику. Работая этотъ портретъ, я вздумалъ также, по окончаніи войны (что она скоро окончится совершеннымъ низверженіемъ Наполеона — въ этомъ я былъ увѣренъ), представить всю ее, со вступленія Наполеона съ войскомъ въ предѣлы Россіи, до совершеннаго окончанія войны. Мнѣ не долго пришлось этого ждать. Послѣ многихъ блестящихъ побѣдъ надъ Наполеономъ, въ 1814 году пришла, наконецъ, реляція, возвѣстившая о вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ и о плѣненіи Наполеона. Тогда я немедленно принялся, по собраннымъ донесеніямъ, сочинять и рисовать по той же величинѣ и формѣ, по какой сдѣланъ былъ мною портретъ Александра Павловича, всѣ битвы, которыя, по моему соображенію, наиболѣе способствовали вступленію нашихъ войскъ въ Парижъ и окончанію войны. Для изображенія отечественной войны въ медальонахъ, я избралъ нижепоименованныя сраженія, при чемъ во главѣ всей коллекціи медальоновъ, состоящей изъ 20-ти штукъ, долженъ былъ стоять портретъ государя въ видѣ Родомысла, съ надписью кругомъ: «Родомыслъ девятаго-надесять вѣка».

II-й медальонъ долженъ былъ изображать народное ополченіе; III-й—битву Бородинскую; IV-й—освобожденіе Москвы; V-й—бой при Маломъ Ярославцѣ; VI-й —трехдневный бой при Красномъ;

VII-й—сраженіе при Березинѣ; VIII-й—бѣгство Наполеона за Нѣманъ; IX-й—первый шагъ Александра за предѣлы Россіи; X-й—освобожденіе Берлина; XI-й—тройственный союзъ; XII-й—сраженіе на высотахъ Кацбаха; XIII-й—бой при Кульмѣ; XIV-й—битва при Лейпцигѣ; XV-й—освобожденіе Амстердама; XVI-й—переходъ за Рейнъ; XVII-й—сраженіе при Бріенѣ; XVIII-й—бой при Арсисъ-сюръ-объ; XIX-й—сраженіе при Ферпамиенуазѣ; XX-й—покореніе Парижа.

Относительно каждаго изъ этихъ сраженій, согласно реляціямъ, я помѣстилъ при рисункахъ краткія описанія. Это огромное предпріятіе, кромѣ моего личнаго, тяжелаго и продолжительнаго труда по лѣпкѣ всѣхъ рисунковъ изъ воска и рѣзьбѣ съ нихъ формъ въ крѣпкомъ составѣ, для отливанія гипсовыхъ слѣпковъ, требовало такихъ издержекъ, на которыя у меня, жившаго однимъ жалованьемъ, не было средствъ. Я думалъ: «какъ мнѣ больно будетъ, если не получу отъ правительства пособія, о которомъ буду просить. Тогда я вынужденъ буду отказаться отъ исполненія столь сильно интересующаго меня художественнаго предпріятія».

Между тѣмъ государь императоръ вернулся изъ Парижа. Я, чрезъ оберъ-гофмаршала двора его величества Николая Александровича Толстаго, представилъ императору его портретъ, вылѣпленный изъ воску въ видѣ Родомысла, вырѣзанную съ него въ мѣди форму и гипсовый слѣпокъ, за что получилъ отъ государя бриліантовый перстень въ 1,500 руб. ассигнаціями. Вслѣдъ за симъ какой-то берлинскій чугунный заводчикъ, не знаю отъ кого, получилъ гипсовый слѣпокъ, съ вырѣзанной мною формы портрета Александра Павловича въ видѣ Родомысла и, отливъ съ него множество чугунныхъ экземпляровъ, получилъ за нихъ до пятидесяти тысячъ рейхсталеровъ. Этотъ простой литейщикъ чугунныхъ вещей нашелъ средство чрезъ свою братію нѣмцевъ, которыми наводнена Россія, представить одинъ изъ вылитыхъ имъ изъ чугуна Родомысловъ нашему государю и получилъ отъ него бриліантовый перстень въ 5,000 руб., съ вензелемъ его величества, тогда какъ я, сочинившій и вылѣпившій этотъ самый портретъ, и вырѣзавшій съ него форму на мѣди, получилъ, какъ уже упомянулъ, простой перстень въ 1,500 руб. ас.........

Многіе изъ нашихъ гвардейскихъ офицеровъ накупили въ

Берлинѣ этихъ, вылитыхъ изъ чугуна, портретовъ нашего царя и привезли сюда, въ полномъ убѣжденіи, что это произведеніе берлинскаго артиста. Тѣ изъ нихъ, которые покороче были со мной знакомы, приносили ихъ показывать, чтобы поразить меня искусствомъ прусскихъ медальеровъ. Я предложилъ имъ потрудиться, если они умѣютъ читать по-русски, прочесть находящуюся подъ портретомъ надпись и имя художника, произведшаго этотъ портретъ, и показалъ имъ вылѣпленнаго мною изъ воска Родомысла и мною же вырѣзанную на мѣди форму. На счетъ же отливки изъ чугуна, я объяснилъ имъ, что тутъ нѣтъ никакого особаго искусства и что всякій нашъ чугунный заводчикъ такъ же отливаетъ, какъ заводчикъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и всюду.

Вскорѣ послѣ возвращенія государя изъ Парижа, я нарисовалъ начисто сочиненные мною двадцать вышеперечисленныхъ медальоновъ, представлявшихъ отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ и, переплетя въ книгу, представилъ его величеству при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государь! Горя усердіемъ вѣрноподданнаго, любя славу Твоего народа, благоговѣя къ священному имени Твоему и удивляясь со всею вселенною твердости Твоего духа и великимъ, содѣяннымъ Тобою дѣламъ и подвигамъ, дерзнулъ я, въ восторгѣ души моей, предпріять трудъ, приличный воображенію и рукѣ величайшаго художника; но во мнѣ оный есть ни иное что, какъ пламенное чувство засвидѣтельствовать предъ Тобою, Великій Государь, предъ Отечествомъ моимъ и предъ цѣлымъ свѣтомъ, что неслыханная доселѣ слава нашихъ дней, поражая умъ и сердце каждаго, можетъ и посредственный талантъ такъ одушевить, что онъ силою своего усердія отворитъ себѣ и внидетъ во врата грядущихъ временъ. Исполненный сими чувствами дерзнулъ я изобразить въ медаляхъ знаменитѣйшія событія 1812, 1813 и 1814 годовъ.

«Прости, Великій Государь, сіе дерзновеніе! Рука моя слаба, но духъ мой, удивленный Твоими дѣлами, силенъ: онъ подкрѣпитъ руку мою. Твое вниманіе дастъ ему возможность предстать съ достоинствомъ предъ лице потомства. Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный, графъ Ѳедоръ Толстой».

Медальоны были представлены императору государственнымъ секретаремъ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ. Его величество, прочтя мое письмо и разсмотрѣвъ рисунки, былъ очень доволенъ моей идеей, представить отечественную войну въ медальонахъ и рисункахъ, и приказалъ Шишкову, какъ предсѣдателю Россійской Академіи, составить комитетъ подъ его пред-

сѣдательствомъ и въ засѣданіи членовъ Россійской Академіи: разсмотрѣть, вѣрно ли исторически опредѣленъ мною весь ходъ сраженій съ самаго вступленія Наполеона съ арміей въ предѣлы Россіи и до окончанія войны. Въ этотъ комитетъ государь лично назначилъ придворнаго антикварія и археолога Келера и профессора исторіи нумизматики Круга. А по художественной части Совѣтомъ Академіи Художествъ назначены были: профессора скульптуры Мартосъ и Щедринъ, и профессоръ исторической живописи — Угрюмовъ.

Этотъ комитетъ одобрилъ всѣ медальоны, не сдѣлавъ ни одного замѣчанія, ни относительно хода военныхъ дѣйствій, ни относительно описанія сраженій, ни по художественной части. Только предсѣдатель сдѣлалъ нѣкоторыя поправки въ слогѣ описаній.

На другой день послѣ утвержденія комитетомъ представленнаго мною проекта медальоновъ и описаній къ нимъ, Александръ Семеновичъ доложилъ объ этомъ государю, который и благоволилъ согласиться дать мнѣ пособіе на лѣпку сочиненныхъ мною медальоновъ и рѣзаніе съ нихъ въ ту же величину осьмиугольныхъ формъ для выпуска въ свѣтъ гипсовыхъ слѣпковъ, а также и на изданіе книги мною составленныхъ описаній съ контурными гравюрами съ моихъ рисунковъ и съ описаніями ихъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ для раздачи при выпускѣ гипсовыхъ коллекцій этихъ медальоновъ. Не будучи знакомъ съ дѣломъ печатанія книгъ и такъ какъ мое собственное дѣло — лѣпка большихъ медальоновъ, а особенно рѣзаніе формъ въ крѣпкомъ металлѣ — требовало труда нѣсколькихъ лѣтъ, то я не могъ взять на себя хлопоты по изданію книги; президентъ Академіи поручилъ это дѣло секретарю Россійской Академіи Соколову. Поэтому назначенныя мнѣ на пособіе 20 тысячъ рублей ассигнаціями изъ кабинета государя были отправлены Александру Семеновичу въ Россійскую Академію, тѣмъ болѣе, что главныя издержки по изданію медальоновъ должно было употребить на печатаніе книги и гравированіе къ нимъ рисунковъ. Собственно на свою работу, на восковые медальоны, на приготовленіе металлическихъ формъ для вырѣзыванія въ нихъ формъ съ восковыхъ медалей и на приготовленіе стальныхъ литеръ для наколачиванія надписей кругомъ медальоновъ я издержалъ всего

только по 200 руб. ассигн. на каждый медальонъ; остальныя деньги пошли на напечатаніе описаній медальоновъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Доставленныя мною въ русскую академію гравюры въ контурахъ къ этимъ книгамъ были гравированы Уткинымъ, по заказу русской академіи.

Кому и какой отчетъ по этому дѣлу давалъ Соколовъ, я не знаю, вѣроятно, президенту русской академіи, которому и я, по изготовленіи каждаго медальона, давалъ отчетъ въ употребленныхъ мною на него деньгахъ.

X.

Въ 1820 году я жилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, съ женою и дѣтьми. Вскорѣ по пріѣздѣ двора въ Царское Село, по желанію нашего ангела императрицы Елисаветы Алексѣевны, я имѣлъ счастіе первый разъ представиться ея величеству. Введенный Николай Михайловичемъ Лонгиновымъ въ кабинетъ государыни (гдѣ уже находилась ея величество), я былъ пораженъ, какъ простотою ея туалета, такъ и обстановкою кабинета. На Елисаветѣ Алексѣевнѣ было простенькое безъ всякаго украшенія платье обыкновенной лѣтней матеріи, съ накинутою на шею и плечи бѣлою батистовою косынкою, заколотою на груди простою булавкою. Кабинетъ императрицы былъ безъ всякихъ излишнихъ украшеній и роскоши, устроенный не для показа, а для настоящихъ занятій. Когда я подошелъ къ императрицы, чтобы поцѣловать ея руку, она приняла меня съ такимъ простосердечіемъ и ласкою, что я не могъ удержать слезъ отъ умиленія. Императрица долго говорила со мною, разспрашивала о моихъ родителяхъ, о моемъ дѣтствѣ, и очень подробно о томъ, какъ я сдѣлался художникомъ. Въ то самое лѣто я имѣлъ счастіе довольно часто бывать у ея величества, такъ какъ ей угодно было знать обо всемъ, что я буду производить по художеству.

Дня черезъ три или четыре послѣ моего перваго представленія въ ея величеству, государыня получила небольшую коллекцію цвѣтовъ, писанныхъ гвашью, однимъ замѣчательнымъ въ Парижѣ по этой части художникомъ. Лонгиновъ сказалъ мнѣ, что императрицѣ угодно, чтобы я разсмотрѣлъ эту коллекцію цвѣтовъ.

Въ назначенный день, я явился въ кабинетъ императрицы,

гдѣ она, съ тою же ласкою, какъ и въ первый разъ, изволила меня принять, и показала полученную коллекцію цвѣтовъ; они ей очень нравились. Эта коллекція состояла изъ восемнадцати разныхъ цвѣтковъ, писанныхъ гвашевыми красками на грунтовой зеленовато-сѣрой бумагѣ; цвѣты были красиво расположены и исполнены съ французскимъ шикомъ. Осматривая коллекцію и отдавая полную справедливость искусству парижскаго художника, владѣть гвашевыми красками, я сказалъ: «мнѣ кажется, что въ принятой этимъ артистомъ манерѣ рисовать цвѣты, видно болѣе желанія блеснуть эффектомъ и выставить свой вкусъ, нежели съ строгою отчетливостью передать съ натуры на бумагу копируемый цвѣтокъ, такъ какъ онъ есть, со всѣми малѣйшими подробностями, принадлежащими этому цвѣтку, отчего въ этихъ столь различныхъ между собою цвѣтахъ, съ перваго рисунка показывается какое то сходство между собою, не смотря на ихъ различныя формы и цвѣты!»

На это императрица сказала мнѣ: «попробуйте нарисовать какой-нибудь цвѣтокъ и покажите его мнѣ».

Не рисовавъ никогда цвѣтовъ, я, однако, принялъ это предложеніе. Вернувшись домой, я нашелъ въ нашемъ маленькомъ садикѣ кустъ довольно красивыхъ свѣтло-лиловыхъ цвѣтовъ о шести листочкахъ. Сорвавъ небольшую вѣтку съ двумя цвѣтками и съ зеленью, тотчасъ же принялся рисовать его, но не акварелью и не гвашью, и не на грунтовой бумагѣ, а просто на цвѣтной англійской, и водяными красками, которыя я употреблялъ для моихъ рисунковъ и которыя почти всѣ состоятъ изъ чистыхъ природныхъ корпусныхъ и минеральныхъ красокъ; употреблялъ я ихъ по принятому мною способу. Этотъ способъ оказался особенно удобенъ для рисованія цвѣтовъ и фруктовъ.

На другой день рисунокъ былъ готовъ. Я отнесъ его императрицѣ, которая, увидѣвъ его, очень хвалила, и сказали мнѣ, что она находитъ въ моемъ цвѣткѣ болѣе жизни и натуры, нежели въ коллекціи присланныхъ ей цвѣтовъ. Такое заключеніе ея величества о моемъ, въ первый разъ мною написанномъ, цвѣткѣ, несказанно меня обрадовало. Съ тѣхъ поръ я сталъ, въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, рисовать цвѣты, фрукты и ягоды, то по одиночкѣ, то группами; также бразильскихъ бабочекъ, жучковъ, стрекозъ, разныхъ формъ и цвѣтовъ, со все-

возможными узорами и съ металлическими отблесками, также рисовалъ маленькихъ птичекъ изъ породы колибри, коихъ перышки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестятъ металломъ. Впослѣдствіи я сдѣлалъ очень много рисунковъ во всѣхъ этихъ родахъ для императрицы Елисаветы Алексѣевны, и представилъ ей, между прочимъ, нѣсколько большихъ рисунковъ, на которыхъ были сгруппированы вмѣстѣ цвѣты, фрукты, птички, бабочки, стрекозы и жучки. Для императрицы также нарисовалъ коллекцію бабочекъ изъ десяти экземпляровъ, между которыми есть съ металлическими отливами. Для императрицы Маріи Ѳедоровны я нарисовалъ коллекцію стрекозъ въ двѣнадцати экземплярахъ.

Я рисовалъ какъ въ этомъ родѣ, такъ и въ другихъ, много рисунковъ, какъ въ альбомы дамъ, такъ и мужчинъ. По совѣту нѣкоторыхъ художниковъ, я сталъ собирать въ одинъ альбомъ всѣ находящіеся у меня, моей работы, рисунки, какъ въ родѣ цвѣтовъ, бабочекъ, птичекъ и тому подобныхъ, такъ и въ другихъ родахъ сочиненные и выполненные мною разные сюжеты красками, сепью и карандашемъ, и въ контурахъ перомъ, однимъ словомъ, всѣ рисунки, произведенные мною съ того времени, какъ я началъ рисовать, кромѣ, впрочемъ, тѣхъ рисунковъ, которые я рисовалъ въ натурномъ классѣ въ Академіи и эскизовъ, сочиненныхъ и рисованныхъ мною на мѣсячные и третные экзамены Академіи. Все это я соединилъ со всѣми мною сочиненными и окончательно нарисованными большими композиціями, взятыми изъ сюжетовъ священнаго писанія, исторіи, миѳологіи, аллегорическихъ и другихъ различныхъ сюжетовъ, и разныхъ проектовъ для фонтановъ въ чисто оконченныхъ контурахъ, изъ чего составился альбомъ, болѣе нежели въ сто двадцать рисунковъ.

Графъ Ѳ. П. Толстой.

ЗАПИСКИ П. А. КАРАТЫГИНА[1].

Прошу извиненія у снисходительныхъ читателей, если я въ моихъ «Запискахъ», при всемъ моемъ желаніи, не могъ иногда держаться хронологическаго порядка. Во-первыхъ, избитая память моя подъ часъ мнѣ измѣняетъ, и я, припоминая давнопрошедшее, невольно то забѣгаю впередъ, то снова возвращаюсь назадъ; и во-вторыхъ, послѣдовательно, безъ пропусковъ, печатать мои «Записки» въ настоящее время я нахожу не совсѣмъ удобнымъ.

П. К.

I.

Вспоминая теперь порядки, бывшіе въ театральномъ училищѣ въ мое время, т.-е. полъ-вѣка тому назадъ, нельзя не подивиться безпечности нашего начальства того добраго стараго времени. Были у насъ тогда учители танцованія, пѣнія, музыки, фехтованія, а учителя драматическаго искусства, кажется, и по штату тогда не полагалось! Видно находили это роскошью. Во время великаго поста однако устроивался у насъ въ одной изъ залъ временной театръ, на которомъ игрались небольшія пьесы воспитанниками и воспитанницами; и на этотъ разъ инспекторъ школы обыкновенно приглашалъ кого-нибудь изъ старшихъ актеровъ поучить ихъ немножко и руководить этими спектаклями.

Тогда былъ главнымъ директоромъ императорскихъ театровъ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, онъ занялъ мѣсто Александра Львовича Нарышкина, извѣстнаго остряка и настоящаго русскаго аристократа временъ Екатерины II и Александра I.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. V, стр. 423—430: «Воспоминанія объ А. С. Грибоѣдовѣ», т. VI, стр. 297—308: «Русскій театръ при Александрѣ I». Ред.

Князь Тюфякинъ былъ далеко не похожъ на своего добраго и благороднаго предшественника не только по внѣшнему, но и по внутреннему складу; обращенія его съ артистами (не говорю съ артистками, особенно съ молоденькими и хорошенькими) доходили иногда до безобразнаго самоуправства и цинизма. Это случалось чаще въ послѣобѣденную пору. Чтобы дать понятіе о монгольскихъ замашкахъ этого князя, я приведу только два эпизода изъ нашей закулисной хроники того времени: однажды маленькій воспитанникъ театральной школы, лѣтъ 8-ми или 9-ти, нечаянно пробѣжалъ гдѣ-то позади сцены во время какого-то балета; князь выскочилъ изъ своей директорской ложи, велѣлъ позвать къ себѣ бѣднаго мальчугана и подбилъ ему глазъ своей подзорной трубкой, которая у него тогда была въ рукахъ. На счастье мальчугана, тогда еще не были въ употребленіи бинокли и потому у него остался синякъ только подъ однимъ глазомъ. Другой случай былъ не по балетной, а по драматической части. Былъ у насъ тогда одинъ молодой актеръ Б—въ (онъ поступилъ на сцену, оставя статскую службу, и имѣлъ тогда чинъ титулярнаго совѣтника). Ему назначили какую-то ничтожную роль, не подходящую къ его амплуа; онъ отъ нее отказался, и его сіятельство, за таковую дерзость, велѣлъ посадить его на съѣзжій дворъ!

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Эта грустная исторія, разумѣется, глубоко оскорбила и возмутила всю труппу и старшіе актеры (въ томъ числѣ и отецъ мой) рѣшились идти къ грозному директору просить его отмѣнить это приказаніе, которое унижало званіе придворнаго артиста; но монгольскій князь принялъ этотъ справедливый протестъ за явный бунтъ, вспылалъ гнѣвомъ и погрозилъ имъ, что доложитъ объ ихъ дерзости государю и что ихъ всѣхъ въ Сибирь законопатятъ. Бѣдные старики-артисты убрались по добру-да по здорову отъ сіятельной грозы, повѣся горемычныя головы, а Б—въ, высидѣвъ нѣсколько дней въ арестантской, на съѣзжемъ дворѣ, вышелъ въ отставку (поступя опять въ гражданскую службу, онъ впослѣдствіи дослужился до тайнаго совѣтника) [1]).

---

[1]) Въ приложеніи мы помѣщаемъ документъ, показывающій, какъ относились, въ описываемое время, къ «русскимъ артистамъ», лица, несравненно болѣе кн. Тюфякина развитыя и даже весьма гуманныя. Ред.

Но если этотъ сіятельный деспотъ былъ плохой цѣнитель талантовъ, за то по хозяйственной части имѣлъ репутацію разсчетливаго администратора и, какъ говоритъ преданіе, въ продолженіе его директорства не только никогда не было дефицита, но оставалось ежегодно нѣсколько тысячъ въ экономіи.

Здѣсь я не лишнимъ считаю замѣтить, что, дѣйствительно, балетъ и опера монтировались довольно роскошно по тому времени; но наша драматическая сцена не могла похвалиться особенною заботливостію его сіятельства и никогда при немъ не щеголяла ни новыми декораціями, ни костюмами. Театральное училище, сколько я помню, кн. Тюфякинъ посѣщалъ только разъ въ годъ, во время танцовальныхъ экзаменовъ; словесные же—его нисколько не интересовали, также точно, какъ и школьные наши спектакли; за то мы, бывало, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали первой недѣли великаго поста, когда являлись къ намъ плотники для постановки нашего временнаго театра, но, увы! у меня хоть тогда была охота смертная къ драматическимъ занятіямъ, но участь-то была горькая! до сихъ поръ мнѣ было суждено изображать только безсловесныя личности, и я фигурировалъ на сценѣ не разжимая губъ (развѣ только иногда отъ зѣвоты). Мрачная перспектива фигурантской службы была, конечно, очень непривлекательна. Фигурантъ, какъ всѣмъ извѣстно, самое жалкое существо въ театральномъ мірѣ.... ни къ кому изъ земныхъ тружениковъ такъ не подходитъ русская поговорка: «неволя пляшетъ, неволя скачетъ», какъ къ нему. Вѣчно толкущійся, грустно смѣющійся, онъ, бѣднякъ, какъ автоматъ, осужденъ допрыгивать свой вѣкъ при всевозможныхъ лишеніяхъ до скуднаго своего пенсіона! Понятное дѣло, что постояннымъ и единственнымъ моимъ желаніемъ было выпрыгнуть изъ этого панургова стада, но не такъ-то еще скоро осуществились мои мечты. Съ какой, бывало, завистью я глядѣлъ тогда на старшихъ воспитанниковъ, подвизавшихся на нашей крошечной сценкѣ, и какъ радёхонекъ бывалъ, если мнѣ дадутъ какую-нибудь ничтожную ролишку. Замѣчательно, что изъ всѣхъ взрослыхъ воспитанниковъ того времени (1816 и 1817 гг.), участвовавшихъ въ этихъ спектакляхъ, только двое или трое поступили изъ училища въ драматическую труппу; прочіе же предпочли балетную часть. Сознавали ли они свою неспособность быть актерами или, можетъ быть, всемогущій, гроз-

ный Дидло загораживалъ имъ дорогу на это поприще; только всѣ они впослѣдствіи были кто солистомъ, кто корифеемъ, а кто горемычнымъ фигурантомъ.

Въ этотъ же періодъ времени отецъ мой, желая пріохотить старшихъ моихъ братьевъ къ драматическому искусству, устраивалъ иногда домашніе спектакли въ своемъ семейномъ кругу. Братья мои Александръ, Василій и Владиміръ были тогда уже чиновниками и служили въ разныхъ департаментахъ. Отецъ и мать мои имѣли тогда казенную квартиру въ домѣ Голлидея, на Офицерской улицѣ. Квартира была очень тѣсная, она состояла изъ четырехъ маленькихъ комнатъ, а семья наша была довольно большая. Всею техническою частью при устройствѣ этихъ спектаклей завѣдывалъ старинный другъ нашего семейства и страстный театралъ съ незапамятныхъ временъ, нѣкто князь Иванъ Степановичъ Сумбатовъ (родомъ армянинъ). Это былъ самый благороднѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, какого мнѣ случалось встрѣчать въ моей жизни. Бывало недѣли за двѣ до представленія поднимался въ нашемъ тихомъ семействѣ, какъ говорится, дымъ коромысломъ. Пачкатня, стукотня, клейка, шитье костюмовъ и проч. Тутъ отецъ, мать, сестра и братья мои, короче сказать, всѣ принимались за работу, но главный распорядитель бывалъ постоянно нашъ добрый князь; онъ былъ тутъ и плотникъ и ламповщикъ, машинистъ и декораторъ, даже и типографщикъ: онъ ухитрился печатать на какомъ-то ручномъ станкѣ афиши для этихъ спектаклей. Труппа наша состояла, кромѣ трехъ моихъ братьевъ, сестры и меня, еще изъ нѣкоторыхъ близкихъ нашихъ знакомыхъ: въ томъ числѣ было семейство балетмейстера Вальберха.

Зрителями этихъ спектаклей обыкновенно бывали иные актеры и актрисы того времени и знакомые отцу моему литераторы, въ числѣ послѣднихъ бывалъ и князь Шаховской. Тутъ-то и зародилась у старшаго моего брата Василія (впослѣдствіи извѣстнаго трагика) страсть къ сценическому искусству.

Замѣчательно, что прежде онъ выбиралъ себѣ по большей части комическія роли, а серьезныя—охотно уступалъ другимъ; такъ напримѣръ, игралъ онъ Жеронта въ комедіи «Шалости влюбленныхъ», Трумфа—въ извѣстной пародіи Ив. Анд. Крылова, даже Филатку—въ оперетѣ «Янъ» (Княжнина), потомъ

уже принялся за драму, которая, конечно, и была настоящимъ его назначеніемъ.

Въ то время актеръ Величкинъ, занимавшій на сценѣ первыя комическія роли, хаживалъ также на домашніе наши спектакли и, видя брата моего Василія въ своихъ роляхъ, сталъ на него коситься и подозрѣвать въ немъ будущаго своего соперника; онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что братъ мой готовится занять его амплуа. Когда же впослѣдствіи увидѣлъ его въ какой-то небольшой драмѣ, то подошелъ къ нему и дружески сказалъ: «Нѣтъ, Васенька, комическія роли не по твоей части, вотъ драма—другое дѣло, это болѣе по твоимъ способностямъ». Простакъ Величкинъ думалъ схитрить, а сказалъ правду.

Князь Шаховской, который тогда считался строгимъ и опытнымъ знатокомъ драматическаго искусства, вскорѣ замѣтивъ хорошіе задатки для сцены въ моихъ старшихъ братьяхъ (особенно въ Васильѣ), предложилъ нашему отцу принять ихъ подъ свое покровительство и образовать изъ нихъ артистовъ. Отецъ и мать охотно согласились на это предложеніе и въ тотъ же годъ оба брата мои начали ходить къ князю для уроковъ. Черезъ полгода, кажется, они уже дебютировали на школьномъ театрѣ въ присутствіи директора кн. Тюфякина. Весь этотъ спектакль былъ составленъ собственно изъ учениковъ Шаховскаго; они разыгрывали разныя сцены и отрывки изъ нѣкоторыхъ драмъ и комедій.

Братъ Василій игралъ третій актъ изъ «Эдипа въ Аѳинахъ» (роль Полиника); братъ Александръ—Эраста въ комедіи «Любовная ссора». Другіе соученики ихъ были: Борецкій, Барановъ, Вальберхъ, Рыкаловъ, Колобухинъ и проч. Вскорѣ послѣ этого пробнаго спектакля нѣкоторые изъ этихъ учениковъ дебютировали уже на Большомъ театрѣ. Братъ мой Александръ не имѣлъ ни большой страсти къ театру, ни особенныхъ способностей и потому уклонился отъ предложенія поступить на сцену; онъ остался чиновникомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ секретаремъ при министрѣ народнаго просвѣщенія Уваровѣ и умеръ бѣднякомъ на 46-мъ году своей труженической жизни. Брату Василію также предложила дирекція дебютировать, но отецъ и мать наши не вполнѣ были довольны его успѣхами, хотя сами и сознавали хорошія въ немъ способности для сцены; они же согласились на его дебютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ еще очень

молодъ: ему тогда было съ небольшимъ 16-ть лѣтъ, и дебютъ былъ отложенъ до тѣхъ поръ, пока разовьются въ немъ физическія силы, а вмѣстѣ съ ними и дарованіе его. Между тѣмъ онъ продолжалъ учиться у кн. Шаховскаго, у котораго въ то время собиралось часто большое общество истыхъ театраловъ и извѣстныхъ литераторовъ. Князь Шаховской любилъ иногда похвастать своими учениками и заставлялъ ихъ, въ присутствіи всего общества, разыгравать нѣкоторыя сцены изъ приготовленныхъ имъ пьесъ, или декламировать отдѣльные монологи. Въ числѣ его пріятелей были тогда Катенинъ и Грибоѣдовъ, которые однако дерзали иногда съ нимъ спорить и во многомъ были несогласны относительно театральнаго искусства. Иногда даже втихомолку и подсмѣивались надъ нимъ, какъ надъ отставнымъ профессоромъ, у котораго, по ихъ мнѣнію, рутина и традиція играли главную роль. Тутъ-то и познакомился Катенинъ съ моимъ братомъ.

Павелъ Александровичъ Катенинъ былъ тогда штабсъ-капитаномъ Преображенскаго полка и пользовался извѣстностью, какъ удачный переводчикъ «Расина» и «Корнеля»; онъ былъ страстный любитель театра и самъ прекрасно декламировалъ. Грибоѣдовъ же былъ тогда поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; первый опытъ его была передѣланная съ французскаго комедія въ стихахъ: «Молодые супруги». Опытъ весьма неудачный; читая теперь эти дубовые стихи, съ трудомъ вѣришь, что лѣтъ черезъ пять или шесть онъ написалъ свою безсмертную комедію. Катенинъ тогда же предложилъ брату учиться у него, въ чемъ также уговаривалъ его и Грибоѣдовъ. Братъ сказалъ объ этомъ предложеніи отцу и матери; они, какъ я уже выше замѣтилъ, не слишкомъ были довольны методой кн. Шаховскаго, стало быть охотно согласились, тѣмъ болѣе, что въ то время былъ у Шаховскаго любимый его ученикъ Брянскій, который, по смерти Яковлева, занялъ первое амплуа въ трагедіи, и вѣроятно, брату моему доставались бы на долю второстепенныя роли. Братъ началъ усердно заниматься съ Катенинымъ. Князь Шаховской былъ разгнѣванъ этой дерзостью и никогда не могъ простить ему такого оскорбленія. Дерзость точно была неслыханная въ нашемъ закулисномъ мірѣ, гдѣ Шаховской считался заслуженнымъ профессоромъ декламаціи и чуть ли не Магометомъ зако-

новъ драматургіи. Всѣ его сеиды были озадачены этой возмутительной выходкой моего брата.

Катенинъ (критику котораго всегда такъ уважали Пушкинъ и Грибоѣдовъ) былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и образованія: французскій, нѣмецкій, итальянскій и латинскій языки онъ зналъ въ совершенствѣ, понималъ хорошо англійскій языкъ и нѣсколько греческій. Память его была изумительна. Можно положительно сказать, что не было ни одного всемірнаго историческаго событія, котораго бы онъ не могъ изложить со всѣми подробностями; въ хронологіи онъ никогда не затруднялся; однимъ словомъ, это была живая энциклопедія. Будучи въ Парижѣ въ 1814 году (вмѣстѣ съ полкомъ), онъ имѣлъ случай видѣть всѣ сценическія знаменитости того времени: Тальму, m-lle Дюшена, m-lle Марсъ, Потье, Брюне, Молле и проч. Съ этимъ-то высокообразованнымъ человѣкомъ братъ мой началъ приготовляться къ театру, и въ продолженіе почти двухъ лѣтъ онъ ежедневно бывалъ у него. Послѣ обычныхъ уроковъ, Катенинъ читалъ ему въ подстрочномъ переводѣ латинскихъ и греческихъ классиковъ и знакомилъ его съ драматической литературой французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ авторовъ. Можно утвердительно сказать, что окончательнымъ своимъ образованіемъ братъ мой былъ много обязанъ Катенину. Занятія ихъ были исполнены классической строгости и постояннаго, честнаго и неутомимаго труда. Нѣтъ, въ нынѣшнее время такъ не приготовляются къ театру. Теперь дебютантъ едва съумѣетъ выучить кое-какъ роль, идетъ съ дерзостью на сцену, по пословицѣ: «смѣлость города беретъ!» Бо́льшая часть молодыхъ людей современнаго поколѣнія увѣрена, что можно неучась быть и писателемъ, и актеромъ [1]). Не такъ думалъ братъ мой, приготовляясь къ театру въ серьезной, классической школѣ, и потомъ онъ до гроба сохранилъ строгую любовь и уваженіе къ своему искусству. Оставимъ теперь на время моего брата въ

---

[1]) Не такъ еще давно одинъ театральный критикъ-реалистъ (теперь уже покойный), печатно заявлялъ, что онъ не понимаетъ, что значутъ такъ-называемыя хорошія манеры и приличіе на сценѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергалъ всякую сценическую подготовку и внѣшность какъ-то: мимику, жесты и проч., а напротивъ, требовалъ, чтобы актеры играли нутромъ! Да проститъ ему Апполонъ его прогрѣшенія и да избавитъ онъ насъ отъ такихъ актеровъ-вантрелоковъ. П. К.

его классической школѣ и обратимся къ нашей, вовсе не классической, въ которой мы учились «чему-нибудь и какъ-нибудь».

II.

Въ это время переведенъ былъ съ московскаго театра на петербургскій членомъ репертуарной части Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ, который имѣлъ въ Москвѣ репутацію заслуженнаго драматурга, знатока сценическаго искусства и славился, какъ отличный актеръ, на всѣхъ любительскихъ театрахъ. Хотя тогда еще не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни дилижансовъ, но слава опередила этого драматурга. Князь Тюфякинъ, не понимавшій ровно ничего ни въ литературѣ, ни въ драматическомъ искусствѣ, пригласилъ его принять на себя вмѣстѣ съ должностью члена репертуарной части, обязанность учителя декламаціи въ театральномъ училищѣ. Кажется въ то время кн. Шаховской пораздорилъ въ чемъ-то съ Тюфякинымъ, и онъ, въ досаду ему, выписалъ въ Петербургъ Кокошкина.

Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали эту московскую знаменитость. Нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ были отобраны заблаговременно для его класса. Я имѣлъ счастіе попасть въ то же число. Наступилъ назначенный день и мы чинно собрались въ залу. Вотъ, въ 12 часовъ утра, пріѣзжаетъ онъ очень важно, настоящимъ московскимъ бариномъ, въ четверкѣ, съ форейторомъ, лакей былъ въ басонахъ и въ трехугольной шляпѣ; двери распахнулись и явился къ намъ знаменитый Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Я, какъ теперь его помню, на немъ были: свѣтло-синій фракъ съ гладкими золотыми пуговицами, бѣлое широкое жабо и жилетка, на брызжахъ его манишки блистала большая бриліантовая булавка: красновато-коричневыя панталоны изъ вязанаго трико были въ обтяжку, на ногахъ высокіе сапоги съ кисточками; на обѣихъ рукахъ бриліантовые старинные перстни. Лицо необыкновенно красное и лоснящееся, толстыя надутыя губы, небольшой, вздернутый носъ былъ осѣдланъ золотыми очками; курчавые рыжеватые его волосы были тщательно завиты и зачесаны назадъ, короче сказать, мудрено было вообразить себѣ личность, болѣе подходящую къ роли Фамусова. Вообще моментъ перваго появленія этого драматурга имѣлъ на насъ комическій эффектъ. Воспитанницы стали переглядываться и пере-

шептываться между собою, а мы, мальчишки, подталкивали другъ дружку и подтрунивали надъ его важной фигурой. Кокошкинъ, горделиво, съ чувствомъ собственнаго своего достоинства, сѣлъ въ кресла у стола, на которомъ былъ списокъ учениковъ и нѣсколько театральныхъ пьесъ для нашего экзамена; въ томъ числѣ, разумѣется, и «Мизантропъ» его перевода. Онъ вынулъ большую золотую табакерку, осыпанную жемчугомъ, поставилъ ее на столъ и началъ по одиночкѣ выкликать, прежде дѣвицъ, потомъ мальчиковъ и каждаго изъ нихъ заставлялъ прочесть что-нибудь. Тутъ его гримасы и пожиманіе плечами ясно показывали, что онъ былъ нами недоволенъ; онъ безпрестанно останавливалъ и поправлялъ профановъ. Наконецъ, желая дать вѣсъ своему авторитету, онъ тяжеловѣсно поднялся съ креселъ и самъ началъ декламировать монологи изъ разныхъ трагедій и комедій. Эта декламація была неестественна и исполнена натянутой, надутой дикціи. Первая его лекція произвела въ нашемъ кружкѣ разноголосицу; иные были безотчетно озадачены его самодовольной, мишурной важностью, другіе видѣли въ немъ московскаго педанта на барскихъ ходуляхъ, который хотѣлъ напустить намъ пыли въ глаза. На меня онъ произвелъ тоже непріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ ставилъ у насъ въ училищѣ нѣсколько спектаклей и тутъ-то мы вполнѣ убѣдились, что не все то золото, что блеститъ и что въ Петербургѣ нельзя справлять праздниковъ по московскимъ святцамъ; между тѣмъ у нѣкоторыхъ москвичей и до сихъ поръ, по преданію, Кокошкинъ пользуется репутаціей знатока, глубоко понимавшаго театръ. Его некрологи наполнены всевозможными похвалами, а московскіе его ученики-артисты и теперь еще съ благоговѣніемъ о немъ вспоминаютъ. Онъ дѣйствительно былъ человѣкъ добрый и страстно любилъ театръ; открытый домъ его былъ какъ полная чаша съ московскимъ стариннымъ хлѣбосольствомъ; домашніе его спектакли и балы посѣщались высшимъ московскимъ обществомъ; а кто же изъ насъ не знаетъ, что щедрымъ угощеніемъ можно легко набрать себѣ и поклонниковъ, и крикливыхъ хвалителей: или какъ говоритъ Чацкій:

«Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
«Обѣды, ужины и танцы!»

Кокошкинъ, кажется, не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ пробылъ въ Петербургѣ и, возвратясь въ Москву, занялъ должность директора тамошняго театра, вмѣсто Майкова, который переведенъ былъ директоромъ въ Петербургъ; князь же Тюфякинъ уѣхалъ за границу и умеръ въ Парижѣ въ 1822 году.

III.

Аполлонъ Александровичъ Майковъ былъ старинный пріятель кн. Шаховскаго и при немъ Шаховской сдѣлался снова постояннымъ учителемъ декламаціи въ театральномъ училищѣ. Кн. Шаховской былъ такой же фанатикъ своей профессіи, какъ и Дидло; также готовъ былъ рвать на себѣ волосы, войдя въ экстазъ, также плакалъ отъ умиленія, если его ученики (особенно ученицы) вѣрно передавали его энергическія наставленія; онъ былъ также неутомимъ, не смотря на свою необыкновенную тучность. Два или три раза въ недѣлю онъ бывалъ у насъ въ школѣ по вечерамъ и прилежно занимался съ нами; по утрамъ же, онъ обыкновенно до обѣда не выходилъ изъ своего рабочаго кабинета, гдѣ одна конченная имъ пьеса смѣнялась другой безпрерывно.

Хотя нельзя сказать, чтобъ и онъ не былъ чуждъ нѣкотораго педантизма, но вообще должно сознаться, что онъ много въ свое время сдѣлалъ пользы для русскаго театра. Изъ-подъ его ферулы вышло не малое число учениковъ и ученицъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи замѣчательными артистами. Съ дурнымъ, шепелеватымъ произношеніемъ, съ писклывымъ голосомъ, онъ умѣлъ, однако, всегда ясно растолковать мысль автора и передать самую интонацію рѣчи. Съ нетвердой ролью не смѣй, бывало, ученикъ къ нему показываться; онъ тотчасъ выгонитъ его изъ класса. Никто изъ русскихъ авторовъ больше его не написалъ театральныхъ пьесъ, и какъ же онъ, бывало, любилъ, чтобы около его на репетиціяхъ собирался кружокъ любопытныхъ зрителей; нужды нѣтъ, кто бы они ни были: хористы, фигуранты, даже хоть плотники или ламповщики. Онъ тогда безпрестанно обертывался и наблюдалъ, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ его комедія или драма; онъ, подобно Мольеру, готовъ былъ читать свое сочиненіе безграмотной кухаркѣ.

Репутація кн. Шаховскаго, какъ учителя-драматурга, такъ и человѣка, была довольно двусмысленна: иные въ немъ души

не слышали, другіе, напротивъ, бранили его какъ бездушнаго интригана и недоброжелателя. И тѣ и другіе по моему были пристрастны: онъ имѣлъ, какъ и всякой человѣкъ, недостатки и слабости, отрицать же въ немъ достоинства какъ драматурга, такъ и учителя — было бы несправедливо. Актриса Ежова съ юныхъ лѣтъ сдѣлалась подругой его жизни и, надо признаться, много вредила ему въ общественномъ мнѣніи. Хотя она тоже была вовсе не злая женщина, но, живучи съ нимъ, имѣла сильное вліяніе на его слабый характеръ: онъ, какъ Сократъ, побаивался своей Ксантипы. Во время директорства Нарышкина, кн. Шаховской довольно долго былъ не только членомъ репертуарной части, но, по своей силѣ, могъ считаться чуть ли не вице-директоромъ, и въ эту-то пору, какъ говоритъ театральное преданіе, бывало много несправедливостей и пристрастія, въ которыхъ за-частую была не безгрѣшна его подруга жизни. Личная же его слабость къ любимымъ своимъ ученикамъ была нерѣдко въ ущербъ другимъ артистамъ, которые не имѣли счастія у него учиться. Часто случалось, что о новомъ своемъ ученикѣ онъ пуститъ заранѣе молву, что это-де талантъ необыкновенный, который убьетъ на-повалъ и того, и другаго, а на дѣлѣ выходитъ, что самъ дебютантъ повалится при первомъ дебютѣ.

Какъ человѣкъ очень умный и довольно хорошо образованный, онъ дѣйствительно зналъ театральную технику въ совершенствѣ и могъ, по тогдашнему времени, назваться профессоромъ по этой части. Иногда случалось, что по болѣзни онъ не могъ быть у насъ въ школѣ, тогда его ученицъ (и учениковъ, за компанію), привозили къ нему на домъ для уроковъ (разумѣется, въ сопровожденіи гувернантки). Бо́льшая часть его ученицъ были молоденькія и хорошенькія воспитанницы, стало быть имѣли и своихъ поклонниковъ-театраловъ, которые, на сей конецъ, знакомились съ Шаховскимъ, и, какъ будто нечаянно, пріѣзжали къ нему въ гости во время его классовъ.

Хотя братъ мой и сдѣлался ренегатомъ, выйдя изъ его студіи, но я, какъ воспитанникъ, принадлежалъ къ числу его учениковъ; онъ меня очень любилъ и ласкалъ; одно лѣто я даже провелъ у него на дачѣ; тогда онъ жилъ на Емельяновкѣ (по петергофской дорогѣ), не далеко отъ взморья. Помню я, какъ однажды въ темную бурную ночь, въ половинѣ августа, князь долго не

возвращался изъ города; вода, отъ сильнаго морскаго вѣтра, выступала изъ береговъ. Екатерина Ивановна (Ежова) была въ страшномъ безпокойствѣ, она взяла фонарь и пошла вмѣстѣ со мною на большую дорогу его встрѣчать. Тучнаго князя везъ его кучеръ шажкомъ; при сильномъ вѣтрѣ лѣсъ шумѣлъ, буря свирѣпствовала и мѣшала намъ слышать приближающійся экипажъ князя; вдругъ изъ-за угла лошади его наткнулись прямо на фонарь, зазженный пламенной любовью Екатерины Ивановны; лошади испугались, рванулись въ сторону, дрожки опрокинулись и князь свалился въ канаву!

— «Какой тутъ чортъ пугаетъ фонаремъ моихъ лошадей?» кричалъ испуганный князь.

— «Это я... я вышла къ тебѣ на встрѣчу, чтобъ тебѣ удобнѣе было проѣхать».

— «Кто просилъ тебя тутъ, Катенька, соваться, ты чуть не убила меня своею нѣжностію».

Кучеръ въ это время остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ и кое-какъ мы втроемъ вытащили изъ канавы насквозь промокшаго князя. Вода лилась съ его платья, а брань—съ языка. Екатерина Ивановна сама была и перепугана, и огорчена этимъ происшествіемъ, и не знала какъ успокоить своего друга. Они оба были правы, но на грѣхъ мастера нѣтъ; иногда и хорошія намѣренія имѣютъ дурныя послѣдствія.

Въ то старое доброе время переводчиковъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ для театра было очень немного, а драматическихъ сочинителей еще меньше и потому рѣдкій бенефисъ обходился безъ содѣйствія князя Шаховскаго; не говорю уже о бенефисѣ Ежовой, для которой онъ ежегодно былъ повиненъ написать оригинальную пьесу, съ хорошею для нея ролью и вообще составить заманчивую афишку. Тутъ, разумѣется, выгоды ихъ были обоюдны: ихъ касса вѣроятно была одна. Князь Шаховской не имѣлъ никакого состоянія.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что если у него и были нѣкоторые нравственные недостатки, то его положительно нельзя упрекнуть въ корыстолюбіи. Я не помню ни одной его пьесы, которая бы не шла въ бенефисъ артистовъ и, разумѣется, эти пьесы отдавались имъ безъ всякаго вознагражденія; развѣ иногда кое-какіе неважные подарки предлагались князю послѣ удачнаго бенефиса

за его труды. Между тѣмъ какъ онъ, будучи съ директорами театровъ всегда въ дружескихъ отношеніяхъ, могъ бы легко продавать свои пьесы въ казну и имѣть отъ этого большія выгоды. Едва ли онъ такъ же получалъ жалованье, какъ драматическій учитель, онъ былъ имъ просто изъ любви къ искусству.

Домашнее министерство финансовъ было по части Екатерины Ивановны, князь же, какъ членъ Россійской Академіи и общества любителей русскаго слова, состоялъ по министерству народнаго просвѣщенія и хлопоталъ только о томъ, чтобъ у него были свѣчка или лампа въ его рабочемъ кабинетѣ, а что дѣлалось въ столовой, гостиной и даже въ дѣтской—это до него не касалось. Наружность князя была очень оригинальна и даже каррикатурна: онъ былъ высокаго роста, брюхо его было необъятной величины, голова большая и совершенно лысая, носъ длинный съ горбомъ; вообще вся фигура его была тучна и неуклюжа, голосъ же, напротивъ, былъ тонокъ и пискливъ. Живучи у него на дачѣ и послѣ часто бывая у него, я имѣлъ случай хорошо ознакомиться и съ его характеромъ, и вообще съ домашнимъ его бытомъ. Князь былъ необыкновенно богомоленъ: ежедневно цѣлый часъ онъ не выходилъ изъ своей молельни, гдѣ читалъ молитвы и акафисты и дѣлалъ обычное число земныхъ поклоновъ, такъ что на верхней части лба у него не сходило темноватое пятно, въ родѣ мозоли. Впрочемъ, это гимнастическое упражненіе было, вѣроятно, полезно для его здоровья при его тучности и сидячей жизни. Въ 1-е число каждаго мѣсяца, въ день имянинъ, рожденья его самаго или кого-нибудь изъ его семьи были у него на дому молебны; въ церкви же, по большимъ праздникамъ, онъ обыкновенно почти всю обѣдню стоялъ наколѣняхъ, глубоко вздыхая, и со слезами на глазахъ повторялъ молитвы священника или псалтыри дьячка и пѣлъ вмѣстѣ съ хоромъ. (Крайне фальшиво: у него не было никакого слуха). Антагонисты его положительно не вѣрили его религіозности и утверждали, что все это притворство и лицемѣріе, и называли его Тартюфомъ. Но какая же была цѣль этого лицемѣрія, какая польза? Кого же онъ хотѣлъ обмануть этой набожностію?

Въ монастырѣ подобное лицемѣрство имѣло бы смыслъ и значеніе, въ театральномъ же мірѣ, гдѣ онъ провелъ всю свою

жизнь, въ этихъ антиподахъ монастырскаго обычая, всѣ такія продѣлки не имѣли ни смысла, ни цѣли, ни значенія.

Тогда, разумѣется, я не вѣрилъ искренности князя, а теперь не могу признать справедливость обвиненій его противниковъ, и вполнѣ убѣжденъ, что онъ не былъ Тартюфомъ. Катенинъ и Грибоѣдовъ были тогда большіе вольнодумцы, особенно первый, и любили подтрунивать надъ княземъ на счетъ его религіозныхъ убѣжденій; тутъ онъ выходилъ изъ себя, спорилъ до слезъ и часто выбѣгалъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Кн. Шаховской, какъ драматическій писатель, по справедливости долженъ занять почтное мѣсто въ исторіи русскаго театра; онъ написалъ болѣе ста пьесъ: трагедій, драмъ, комедій, оперъ и водевилей, но едва-ли и половина изъ нихъ была тогда напечатана; въ настоящее же время онѣ сдѣлались библіографическою рѣдкостью и ихъ теперь не только не отыщешь въ книжныхъ лавкахъ, но сомнѣваюсь, чтобъ онѣ вполнѣ уцѣлѣли и въ театральной библіотекѣ.

IV.

Въ продолженіе этого времени мнѣ довелось сыграть на нашей школьной сценѣ нѣсколько значительныхъ ролей; на публичномъ же театрѣ я въ первый разъ игралъ въ 1818 году, роль Вильгельма—въ драмѣ «Эйлалія Мейнау», соч. Коцебу, въ бенефисъ актера Боброва [1]), который самъ проходилъ со мною эту роль. Въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ моей роли мнѣ даже аплодировали. Первый аплодисментъ, первое одобреніе публики! Боже мой, какъ я былъ—счастливъ! Я думалъ, что этотъ строгій, безпристрастный ареопагъ не можетъ ошибаться. Я былъ—13-тилѣтній мальчишка, мальчишку игралъ и былъ въ полномъ восторгѣ! Съ этого времени мнѣ начали давать небольшія роли пажей, крестьянскихъ мальчиковъ и другія подходящія къ моему возрасту. Отецъ мой просилъ капельмейстера Кавоса учить меня пѣнію, я раза три былъ у него въ классѣ, но такъ какъ голосъ мой находился еще тогда въ переходномъ состояніи, т. е.

---

[1]) Елисей Петровичъ Бобровъ былъ замѣчательный комикъ въ свое время особенно личности Мольеровскихъ простяковъ подходили къ его простоватой фигурѣ и добродушной физіономіи; роли «Мѣщанинъ во дворянствѣ»—Мольера, «Транжиринъ» — Шаховскаго, «Богатоновъ» — Загоскина исполнялись имъ неподражаемо хорошо. П. К.

изъ сопрано измѣнялся въ другой неопредѣленный, или лучше сказать, у меня тогда Кавосъ не доискался просто никакого голоса,—форсировать же неокрѣпшій голосъ не только безполезно, но даже вредно—и потому опытный капельмейстеръ посовѣтовалъ мнѣ переждать это кризисное время. Не могу при этомъ случаѣ не посвятить нѣсколькихъ строчекъ памяти этого необыкновеннаго человѣка.

Грустно становится, что въ нынѣшнее время мы не встрѣчаемъ уже болѣе такихъ безкорыстныхъ жрецовъ искусства, какіе были прежде. Катерина Албертовичъ Кавосъ былъ итальянецъ, уроженецъ Венеціи, и съ молодыхъ лѣтъ переселился въ Россію. Онъ былъ прекрасный композиторъ, отличный знатокъ музыки и учитель пѣнія съ большимъ вкусомъ и прекрасною методою. Кромѣ занятій своихъ въ театрѣ, онъ 25 лѣтъ занималъ должность учителя пѣнія въ Екатерининскомъ институтѣ и въ Смольномъ монастырѣ. Кавосъ написалъ нѣсколько оперъ, музыкъ для балетовъ, разныхъ романсовъ, русскихъ пѣсенъ и проч. Лучшія его оперы: «Иванъ Сусанинъ», «Князь невидимка», «Любовная почта», «Илья богатырь» и «Вавилонскія развалины». Онъ вполнѣ можетъ назваться основателемъ русской оперы въ Петербургѣ, потому что до него игрались у насъ оперы только иностранныхъ композиторовъ.

Кто бы могъ повѣрить, что бо́льшая часть пѣвцовъ и примадоннъ того времени не знали почти вовсе музыки и, благодаря неусыпному, тяжкому труду Кавоса, пѣли (по слуху) въ операхъ: Моцарта, Паэзьелло, Чимаразо, Спонтини, Шпора, Херубини, Мегюля и другихъ первоклассныхъ маэстро. Чего ему стоило съ каждымъ отдѣльно выдалбливать его партію, налаживать ежедневно, то какъ канарейку, то какъ снигиря и потомъ согласовать ихъ вмѣстѣ въ дуэтахъ, тріо, квартетахъ, квинтетахъ и, наконецъ, въ финалахъ! Непостижимый трудъ, дивное терпѣніе, просто геркулесовскій подвигъ! За то все время дня, чуть ли иногда не до глубокой ночи, онъ посвящалъ своимъ ученикамъ и службѣ. Кавосъ былъ человѣкъ необыкновенно доброй и сострадательной души, готовый на всякую услугу. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался директоромъ музыки, бѣднѣйшіе музыканты находили въ немъ своего покровителя и отца; онъ всегда не только радушно ходатайствовалъ за нихъ

у начальства, но за-частую помогалъ имъ своими деньгами. Этотъ итальянецъ былъ просто выродокъ изъ своихъ одноземцевъ. Чтобы дать понятіе, какъ этотъ человѣкъ былъ далекъ отъ интригъ и зависти, которыя такъ обыкновенны въ закулисномъ мірѣ, я припомню здѣсь о безкорыстномъ участіи Кавоса при постановкѣ оперы: «Жизнь за Царя» Глинки: не смотря на то, что Кавосъ самъ написалъ оперу на тотъ же сюжетъ, подъ названіемъ «Иванъ Сусанинъ», онъ усердно принялся разучивать новую оперу своего соперника и хлопоталъ о ней, какъ о своей собственной. Самъ Глинка печатно въ этомъ сознавался въ своихъ Запискахъ [1]).

V.

Говорить о моихъ учебныхъ занятіяхъ въ театральномъ училищѣ, о моей фигурантской толкотнѣ въ балетахъ, едва-ли это будетъ кому-нибудь интересно; и потому я перехожу теперь къ дебюту моего брата. Братъ мой Василій явился въ первый разъ на сцену въ 1820 году, 3-го мая, на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ нашего отца, въ роли Фингала (въ трагедіи того же названія, соч. Озерова). Помню я, какъ въ этотъ вечеръ, за часъ до начала спектакля, вся семья наша собралась въ маленькую уборную, окно которой выходило на ту сторону, гдѣ былъ тогда коммиссаріатъ. Матушка наша сама одѣвала брата, прилаживала его костюмъ [2]), причесывала, бѣлила и румянила, а на самой тогда лица не было. Этотъ часъ рѣшалъ судьбу ея сына. Тутъ пришелъ и Катенинъ осмотрѣть своего ученика, туалетъ котораго былъ совсѣмъ почти оконченъ. Храбрый капитанъ тоже побаивался, хотя и старался своими словами ободрить робкаго дебютанта.

Наконецъ, пришелъ и отецъ нашъ спросить, готовъ ли братъ и можно ли начинать. Матушка, со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ сказала: «можно» и перекрестивъ сына, поцѣловала его. Черезъ нѣсколько минутъ раздалась громкая увертюра Козловскаго, и невольная дрожь пробѣжала по жиламъ дебютанта и его единокровныхъ. Братъ, въ полномъ вооруженіи,

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. II, стр. 64—72.

[2]) Полный костюмъ, со всѣми аксесуарами, отецъ нашъ сдѣлалъ на свой счетъ, потому что директоръ (кн. Тюфякинъ) отказалъ дебютанту въ новомъ костюмѣ. Князь, какъ я уже выше замѣтилъ, былъ большой экономъ. П. К.

въ шлемѣ на головѣ, вышелъ изъ уборной и мы всѣ, со страхомъ и трепетомъ, пошли за нимъ. Театръ, не смотря на прекрасную майскую погоду, былъ полонъ сверху до низу. Все наше семейство осталось за кулисами, никто изъ насъ не имѣлъ бодрости пойдти смотрѣть представленіе изъ зрительной залы, а бѣдная матушка наша со страха убѣжала за самую заднюю декорацію. Вотъ, наконецъ, Старнъ прочелъ монологъ, предшествовавшій появленію Фингала:

«Но плески въ воздухѣ народа раздались... и проч.

Еще минута и Фингалъ является на сцену. Единодушный громъ рукоплесканій зрителей также раздался въ воздухѣ, и дебютантъ, а за нимъ и мы вздохнули свободнѣе. Онъ, по принятому обычаю, преклонилъ голову передъ снисходительными зрителями и новые продолжительные аплодисменты вторично его привѣтствовали; наконецъ все умолкло, онъ началъ свой монологъ; голосъ его дрожалъ, слышно было, что онъ еще не можетъ съ нимъ совладать, не можетъ осилить свою робость, но когда онъ произнесъ окончательные стихи перваго монолога, громкія рукоплесканія на этотъ разъ были уже не знакомъ ободренія дебютанту, но наградой и одобреніемъ. Первый актъ прошелъ съ успѣхомъ; мы въ половину были успокоены; но въ первомъ актѣ одна только декламація; второй актъ этой трагедіи самый трудный: онъ требуетъ и душевнаго жара, и сильнаго чувства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сценическихъ движеній. Новыя, мучительныя ожиданія, новыя опасенія. Второй актъ произвелъ эффектъ больше перваго; во многихъ мѣстахъ его роли, публика не давала ему кончить его рѣчи, и взрывы аплодисментовъ, и крики браво! были лестной наградой счастливому дебютанту. По окончаніи трагедіи, разумѣется, его вызвали нѣсколько разъ, и дебютъ брата моего, по справедливости, долженъ быть внесенъ въ театральную хронику, какъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ на русской сценѣ.

Само собою разумѣется, что братъ мой не могъ быть безъ погрѣшностей и недостатковъ; первыя роли въ трагедіяхъ требуютъ столько важныхъ условій, что мудрено ихъ удовлетворить начинающему актеру, 18-ти-лѣтнему юношѣ. Кромѣ чувствъ, душевнаго жара, яснаго произношенія, правильной дикціи, звучнаго

органа, мимика и пластика составляютъ необходимую принадлежность трагика. Хотя ростъ моего брата былъ высокъ не по годамъ, но вся фигура его тогда еще не сложилась; ни органъ его, ни физическія силы не могли быть въ полномъ развитіи; въ немъ замѣтенъ былъ также недостатокъ сценической ловкости, которая, конечно, пріобрѣтается только опытностію; но при всемъ томъ бо́льшая часть данныхъ говорила въ его пользу и по первому дебюту можно было тогда судить о будущихъ его успѣхахъ.

Въ третьемъ актѣ я смотрѣлъ изъ первой кулисы; подлѣ меня стоялъ старшій театральный плотникъ Ананій Фроловъ, который лѣтъ уже 40 служилъ въ этой должности; онъ оборотился къ другому плотнику, низенькому, черноволосому парню и сказалъ ему въ полголоса: «Ну, братъ Васюха, насмотрѣлся я на дебютантовъ-то, перевидалъ ихъ на своемъ вѣку, но помяни мое слово, что этотъ молодецъ далеко пойдетъ и будетъ важный ахтеръ. Послѣ Алексѣя Семеновича (Яковлева) мнѣ не доводилось встрѣчать здѣсь такого лихача!» Парень, къ которому относились эти слова, былъ Василій Жуковъ (впослѣдствіи извѣстный табачный фабрикантъ, милліонеръ, первостатейный купецъ, коммерціи совѣтникъ, с.-петербургскій городской голова и проч., и проч.), который тогда служилъ также плотникомъ на Большомъ театрѣ [1]). Старикъ Фроловъ въ одномъ Васильѣ (моемъ братѣ) угадалъ будущаго знаменитаго артиста по первому его дебюту, но какой прозорливый мудрецъ могъ бы тогда предвидѣть, глядя на Васюху Жукова, что онъ сдѣлаетъ себѣ такую блестящую карьеру!

По окончаніи спектакля я отпросился изъ школы домой, ради нашего семейнаго праздника. Изъ театра къ намъ собралось нѣсколько нашихъ короткихъ знакомыхъ поздравить брата съ успѣхомъ. Первый почетный гость былъ, разумѣется, Катенинъ; съ нимъ пришелъ также его двоюродный братъ Александръ Андреевичъ Катенинъ [2]), товарищъ моего брата по гимназіи, бывшій

---

[1]) Къ чести Василія Григорьевича Жукова надо сказать, что онъ не только не скрываетъ прежняго своего званія и горемычной бѣдности, но какъ человѣкъ правдивый, чуждый тщеславной гордости, за-частую вспоминаетъ о ней въ кругу своихъ гостей, и, вѣроятно, многимъ изъ его знакомыхъ доводилось слышать отъ него самого о разсказанномъ мною закулисномъ анекдотѣ. П. К.

[2]) А. А. Катенинъ впослѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ, командиромъ Преображенскаго полка, потомъ былъ дежурнымъ генераломъ, товарищемъ

тогда еще юнкеромъ Преображенскаго полка. Но такъ какъ юнкерамъ въ то время не дозволялось ходить въ театръ, такъ онъ, переодѣвшись въ статское платье, забрался куда-то въ верхнюю галлерею. Не могъ не быть также въ нашемъ семейномъ кругу и нашъ неизмѣнный другъ кн. Сумбатовъ, онъ только молча потиралъ руки и добродушно улыбался. Весело и шумно сѣли мы за ужинъ, выпили за здоровье учителя и ученика, которому, конечно, желали дальнѣйшихъ успѣховъ. Майская ночь въ Петербургѣ и такъ коротка, но для насъ она промелькнула незамѣтно. Давно уже взошло солнце, а никто изъ насъ не думалъ о снѣ. Мы не могли еще наговориться, нарадоваться, припоминая, въ какихъ именно мѣстахъ были рукоплесканія и гдѣ кричали «браво»; всѣ шумѣли, перебивали другъ друга, но надо же было наконецъ дать отдохнуть дебютанту, измученному потрясеніями прошлаго дня, надо было дать покой отцу и матери, которые вѣроятно не менѣе его были утомлены вчерашними хлопотами, мучительнымъ ожиданіемъ роковаго спектакля и, наконецъ, избыткомъ радости. Смолкнувшій на время уличный шумъ возобновился; по мостовой начали снова дребезжать экипажи, на улицѣ послышался людской говоръ; крики мясниковъ, разносчиковъ и зеленщиковъ, съ ихъ обычными возгласами: «вотъ салатъ, шпинатъ, петрушка, огурцы зелены!» и проч. Поэтическіе восторги должны были уступить жизненной прозѣ, и одушевленная бесѣда и разговоры о будущихъ лаврахъ Мельпомены были заглушены профанами-зеленщиками.

На слѣдующее утро, по обыкновенію, собрался театральный людъ на репетицію. Составились отдѣльные кружки актеровъ, актрисъ, танцоровъ и проч. Разумѣется, о чемъ же имъ было говорить, какъ не о вчерашнемъ спектаклѣ. Дебютъ новичка — дѣло не ежедневное, онъ всегда служитъ предметомъ толковъ, сужденій и споровъ. Бо́льшая часть закулисныхъ судей хвалили дебютанта, но тутъ, конечно, не могло обойтись безъ опозиціи; эту оппозицію составляли нѣкоторые изъ учениковъ кн. Шаховскаго, которому, вѣроятно, то же не очень былъ пріятенъ успѣшный дебютъ моего брата. Въ началѣ 20-хъ годовъ петербургская пресса была весьма ограничена, тогда издавалось всего двѣ или

военнаго министра кн. Долгорукаго, и наконецъ оренбургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. П. К.

три газеты и тоже не болѣе трехъ журналовъ: «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Благонамѣренный». Въ двухъ или трехъ газетахъ отозвались о дебютѣ моего брата съ похвалою, но вскорѣ появилась такъ-называемая ругательная статья въ «Сынѣ Отечества»; статья была подписана Александромъ Бестужевымъ (впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго), который былъ давнишній противникъ Катенина и принадлежалъ къ партіи Шаховскаго. На эту статью напечаталъ антикритику Андрей Андреевичъ Жандръ и завязалась продолжительная полемика. Не имѣя теперь подъ руками этихъ статей, я, конечно, не могу судить, на чьей сторонѣ оказался перевѣсъ.

Между тѣмъ, братъ мой продолжалъ неутомимо работать и приготовляться ко второму дебюту, который для него былъ важнѣе перваго по многимъ отношеніямъ. Въ первый дебютъ онъ игралъ въ бенефисъ своего отца, который болѣе 25-ти лѣтъ былъ извѣстный актеръ, стало быть сынъ могъ ожидать къ себѣ отъ публики нѣкотораго снисхожденія, къ тому же, и пословица говоритъ: «первую пѣсенку, зардѣвшись спѣть», да и вообще въ первый дебютъ публика бываетъ не слишкомъ взыскательна; второй же дебютъ непремѣнно долженъ быть успѣшнѣе перваго, чтобы расположить публику въ свою пользу.

Всякій понимаетъ, что къ первому дебюту готовятся долго, стало быть дебютантъ имѣетъ возможность выработать и приготовить свою роль такъ, чтобъ исполнить ее съ возможною отчетливостью.

Большую ошибку дѣлаетъ начинающій актеръ, если онъ на первый разъ выберетъ себѣ блестящую роль, а во второй дебютъ окажется слабѣе; онъ тогда много проигрываетъ въ мнѣніи публики.

Такъ, напримѣръ, было съ актеромъ Борецкимъ: онъ дебютировалъ въ Эдипѣ (трагедіи Озерова); роль сильная, эффектная и, какъ говорится, благодарная; успѣхъ былъ блестящій, но за то онъ въ этой роли, какъ бы истратилъ весь запасъ своего дарованія и не пошелъ далѣе; во всѣхъ послѣдующихъ роляхъ проглядывалъ тотъ же слѣпой Эдипъ; лучше этой роли онъ рѣшительно ничего не сыгралъ въ продолженіе своей двадцатилѣтней службы.

Второй дебютъ моего брата былъ 13-го мая, въ роли Эдипа (въ трагедіи «Эдипъ-царь», соч. Грузинцева). Эта роль считалась

самою трудною изъ всего репертуара классическихъ трагедій; она требовала много чувствъ, силы, мимики и пластики. Въ этой трагедіи—Эдипъ, еще молодой человѣкъ; страшная, карающая его судьба ему еще неизвѣстна; онъ еще не знаетъ, что онъ убійца своего отца и мужъ своей матери; обо всемъ этомъ онъ узнаетъ въ продолженіе трагедіи; легко себѣ вообразить, какихъ сценическихъ средствъ требуется отъ актера для выполненія этой сильной роли. Въ 5-мъ актѣ онъ является на сцену съ выколотыми глазами и, осуждая себя на вѣчное изгнаніе изъ отечества, прощается со своими дѣтьми.

Ростъ брата Василія, красивая наружность, великолѣпный греческій костюмъ, много говорили въ его пользу при первомъ его появленіи. Принятъ онъ былъ прекрасно; тотъ же восторгъ и аплодисменты, какъ и въ первый разъ; всѣ сильныя мѣста его роли имѣли блестящій эффектъ, и второй дебютъ удался сверхъ ожиданія. Третій его дебютъ былъ 27-го мая въ роли Танкреда (трагедія Вольтера, переводъ Гнѣдича). Эта роль соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его средствамъ и фигурѣ. Роль эта не такъ сильна, какъ двѣ первыя, но очень эффектна, симпатична и выгодна для дебютанта; личность благороднаго и несчастнаго Танкреда возбуждаетъ въ зрителяхъ невольное къ нему сочувствіе. Въ этотъ спектакль дебютантъ былъ принятъ публикою съ такимъ же одобреніемъ, какъ и въ прежнихъ роляхъ.

По принятымъ правиламъ театральной администраціи, судьба дебютанта обыкновенно рѣшается или послѣ перваго дебюта, если дебютантъ окажется положительно бездарнымъ, или послѣ третьяго, если въ немъ дирекція находитъ дарованіе; не знаю почему, только отъ брата моего потребовали четвертаго дебюта, который и состоялся 11-го іюля, въ ролѣ Пожарскаго (трагедія Крюковскаго). Замѣчательно, что всѣ его дебюты происходили въ самое невыгодное время для театральныхъ представленій.

Въ лѣтнюю пору, какъ извѣстно, мало охотниковъ посѣщать спектакли, стало быть надобно сильно заинтересовать публику, чтобы заманить ее въ театръ, но во всѣ дебюты моего брата были почти полные сборы.

28-го іюля онъ былъ опредѣленъ на службу и подписалъ кон-

трактъ на три года, съ жалованьемъ по 2,000 руб. ассигнацiи, казенная квартира, 10 сажень дровъ и въ три года одинъ бенефисъ.

VI.

Въ 1822 году дебютировала на Большомъ театрѣ, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго, воспитанница театральнаго училища Дюрова, въ комедiи «Школа женщинъ» Мольера (перев. Хмельницкаго), и имѣла замѣчательный успѣхъ; ко второму ея дебюту была приготовлена комедiя «Молодость Генриха V», и кн. Шаховской хотѣлъ, чтобы и я также дебютировалъ вмѣстѣ съ нею. Собственно говоря, это не могло назваться дебютомъ, потому что я уже года два или три участвовалъ въ драматическихъ спектакляхъ. Роль, выбранная княземъ для моего дебюта, была вовсе не важная. Мнѣ поаплодировали, какъ дебютанту, при первомъ выходѣ—и только. Въ концѣ пьесы начали громко вызывать дебютантку, и князь мнѣ также велѣлъ выйдти вмѣстѣ съ нею, хотя я вполнѣ сознавалъ, что не стою этой чести; короче сказать, мой дебютъ прошелъ такъ себѣ, ни дурно, ни хорошо. Замѣчательно, что въ тотъ же вечеръ я участвовалъ въ балетѣ «Тѣнь Либаса», какъ фигурантъ. Крѣпостникъ Дидло не соглашался еще дать мнѣ вольную.

Въ 1823 году, 1-го марта, я выпущенъ изъ училища на роли вторыхъ любовниковъ. Въ общественномъ быту—счастливымъ любовникамъ, конечно, многiе могутъ позавидовать, но счастливые любовники въ комедiяхъ и драмахъ—самыя несчастныя созданiя; они каждый вечеръ повторяютъ свои стереотипныя объясненiя въ любви, тянутъ безпрерывную канитель и надоѣдаютъ зрителямъ до тошноты своими приторными сладостями; а любовники въ старину были еще приторнѣе нынѣшнихъ. Въ прежнихъ комедiяхъ по бо̀льшей части авторы выводили двухъ любовниковъ: одинъ—повѣса, негодяй и вертопрахъ, а другой—нравственный, скромный и благовоспитанный молодой человѣкъ; первый изъ нихъ обыкновенно тѣшитъ публику, и смѣшными фразами, и комическимъ своимъ положенiемъ, а второй—кромѣ скуки, ничего не выжметъ изъ своей роли, за что и получаетъ въ концѣ пьесы обычную награду и, какъ счастливый соперникъ, соединяется со своей возлюбленной. Вотъ этихъ-то счастливцевъ мнѣ и суждено было изображать, почти лѣтъ десять къ ряду, пока судьба не вытолкнула меня на

другое амплуа, болѣе подходящее къ моему веселому характеру, а можетъ быть и способностямъ.

VII.

Въ 1828 году перешелъ съ московской сцены на петербургскую актеръ Рязанцевъ, и съ первыхъ же своихъ дебютовъ сдѣлался любимцемъ публики. Это былъ, дѣйствительно, замѣчательный комикъ. Онъ былъ небольшаго роста, толстенькій, кругленькій, краснощекій, съ лицомъ, полнымъ жизни, съ большими черными и выразительными глазами; всегда веселъ и натураленъ, всегда симпатично дѣйствовалъ онъ на зрителей. Такой непринужденной веселости и простоты я не встрѣчалъ ни у кого изъ своихъ товарищей въ продолженіе моей службы. При появленіи его на сцену, у всѣхъ невольно появлялась улыбка и комизмъ его возбуждалъ въ зрителяхъ единодушный смѣхъ. Жаль, что этотъ преждевременно погибшій артистъ былъ подверженъ нашей національной слабости, обыкновенной спутницы русскихъ самородныхъ талантовъ. Разгульная жизнь много вредила ему серьезно изучать свое искусство. Ему случалось за-частую выходить на сцену съ нетвердой ролью, но за то онъ имѣлъ необычайную способность слушать суфлёра и умѣлъ всегда ловко вывернуться изъ бѣды. Вотъ одинъ закулисный анекдотъ, который даетъ нѣкоторое понятіе о его сметкѣ и находчивости. Однажды мы играли трехъ-актную комедію, подъ названіемъ «Жена и должность», переведенную съ французскаго Мундтомъ. На послѣдней репетиціи Рязанцевъ не отходилъ отъ суфлёрской будки и, какъ говорится, «ни въ зубъ толкнуть». Тогда былъ у насъ инспекторомъ драматической труппы нѣкто Храповицкій, Александръ Ивановичъ, отставной полковникъ Измайловскаго полка [1]). Онъ всегда сиживалъ подлѣ суфлёра и строго слѣдилъ за порядкомъ. На этотъ разъ онъ морщился, вздыхалъ, пожималъ плечами, теръ себѣ затылокъ и вертѣлся на стулѣ, какъ на иголкахъ. Наконецъ, въ 3-мъ актѣ терпѣніе его лопнуло; онъ вскочилъ и сказалъ Рязанцеву:

---

[1]) Этотъ Храповицкій былъ страстный любитель театра и самъ отчаянный трагикъ; съиздавна онъ свирѣпствовалъ на своихъ домашнихъ спектакляхъ и считалъ себя великимъ артистомъ и знахаремъ театральнаго искусства. О немъ я послѣ скажу поподробнѣе. П. К.

— «Что же это значитъ, братецъ? Какъ же ты будешь играть сегодня вечеромъ?»

— «Ничего, Александръ Ивановичъ, утро вечера мудренѣе, сыграю какъ-нибудь».

— «Какъ-нибудь! вскричалъ Храповицкій въ бѣшенствѣ. Нѣтъ, любезный, ты меня извини, но всему есть мѣра. Эта комедія переведена Мундтомъ (Мундтъ въ то время былъ секретаремъ директора, князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина), онъ завтра скажетъ директору, что я ни зачѣмъ не смотрю, и мнѣ будетъ нахлобучка. Не прогнѣвайся, любезный, я хотя тебя очень люблю, но не намѣренъ изъ за тебя получать выговоровъ. Дружба—дружбой, а служба—службой. Я сегодня приглашу его сіятельство въ театръ полюбоваться, какъ ты занимаешься своею должностью».

Съ этими словами онъ ушелъ съ репетиціи, не досидѣвъ до конца, чего никогда съ нимъ не случалось. Рязанцевъ хладнокровно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, махнулъ рукой и сказалъ: «дудки! онъ не въ первый меня этимъ стращаетъ, да нашего директора къ намъ въ театръ и калачемъ не заманишь». (Дѣйствительно, кн. Гагаринъ весьма рѣдко удостоивалъ насъ этой чести; онъ являлся въ русскіе спектакли по экстренной какой-нибудь надобности, напримѣръ, когда государь пріѣзжалъ въ театръ, или, когда послѣ пьесы былъ какой-нибудь маленькій балетъ или дивертисементъ). Въ тотъ вечеръ, передъ нашей комедіей, шелъ какой-то водевиль; я одѣлся, вышелъ за кулисы, и увидѣвъ кн. Гагарина въ его директорской ложѣ, побѣжалъ сказать Рязанцеву объ этомъ неожиданномъ гостѣ.

— «Ну, братъ Вася, плохо! Кн. Гагаринъ пріѣхалъ! Онъ вѣрно явился для нашей комедіи; видно Храповицкій сдержалъ слово».

— «Вотъ это подло, сказалъ Рязанцевъ, не ждалъ я отъ Храповицкаго такой низости».

Тутъ онъ началъ торопливо одѣваться и позвалъ къ себѣ въ уборную нашего суфлёра Сибирякова, котораго заставилъ начитывать ему свою роль. Рязанцевъ продолжалъ одѣваться, раскрашивать свою физіономію, а суфлёръ торопливо читалъ пьесу около его, какъ дьячекъ. Тутъ режиссеръ позвалъ всѣхъ на сцену и Рязанцевъ сказалъ Сибирякову: «Ну, смотри, Иванъ, держи ухо востро, не зѣвай, выручи меня изъ бѣды; надо его сіятельству

туману напустить. Смотри же, чтобъ я зналъ роль. Завтра угощу тебя до положенія ризъ».

Началась наша комедія довольно, впрочемъ, сухая; первыя явленія были безъ Рязанцева, но лишь только онъ вышелъ на сцену, публика оживилась, симпатичность его вступила въ свои права и дѣло пошло на ладъ; онъ игралъ молодцомъ, весело, живо, съ энергіей, не запнулся ни въ одномъ словѣ и бралъ, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Публика была совершенно довольна; смѣялась отъ души, вызвала его и другихъ артистовъ, и комедія удалась вполнѣ. Даже его сіятельство два или три раза хотѣлъ улыбнуться. По окончаніи комедіи кн. Гагаринъ (человѣкъ гордый и серьезный), выходя изъ своей ложи, процѣдилъ сквозь зубы Храповицкому, котораго онъ не очень жаловалъ: «Что же вы мнѣ давеча нагородили о Рязанцевѣ? Дай Богъ, чтобъ онъ всегда такъ игралъ». Онъ какъ-будто хотѣлъ этимъ сказать: стоило ли меня безпокоить по-пустому. Ошеломленный Храповицкій пришелъ къ намъ въ уборную и сказалъ Рязанцеву:

— «Ну, братъ Вася, чортъ тебя знаетъ, что ты за человѣкъ такой! Ты такъ игралъ, что я просто ротъ разинулъ».

— «Да за то чего же мнѣ это и стоило, Александръ Ивановичъ, отвѣчалъ Рязанцевъ, утирая лившійся съ него потъ и перемѣняя бѣлье. Видите, я отъ волненія и усердія, теперь какъ мокрая мышь».

Храповицкій часто насъ потѣшалъ своими курьезами и наивностью. Онъ былъ отчаянный формалистъ и бюрократъ, и страдалъ какой-то бумагоманіей. Въ продолженіе одного года у него насчитывалось до 2,000 №№ исходящихъ бумагъ, не смотря на то, что по неграмотности его, онѣ стоили ему головоломнаго труда; о всякихъ пустякахъ у него писались отношенія, рапорты, предписанія и донесенія, то въ театральную контору, то директору, то начальнику репертуара, то актерамъ. Особенно онъ надоѣдалъ своими рапортами директору.

Когда ввели во французской труппѣ обыкновеніе колокольчикомъ сзывать артистовъ изъ уборной на сцену. Князь Гагаринъ приказалъ тоже дѣлать и въ русскомъ театрѣ. Храповицкій, по этому важному случаю, написалъ въ контору требованіе, что-де нужно купить большой валдайскій колокольчикъ. Кн. Гагаринъ,

любившій всегда что-нибудь сдѣлать Храповицкому наперекоръ, написалъ собственноручно на его бумагѣ: «купить колокольчикъ, только не валдайскій». Храповицкій задумался, гдѣ же ему пріобрѣсти большой колокольчикъ не валдайскаго произведенія?

Какъ-то разъ начальникъ репертуара Р. Зотовъ присылаетъ ему записку, въ которой пишетъ, что такую-то новую пьесу придется вѣроятно положить въ Лету. Храповицкій опять задумался, подозвалъ меня и говоритъ: «Посмотри, пожалуйста, что это такое пишетъ мнѣ Зотовъ? Тутъ вѣрно ошибка и надо было написать, отложить къ лѣту, но лѣтомъ такую большую пьесу намъ ставить вовсе невыгодно». Когда же я ему объяснилъ, что миѳологическая Лета значитъ рѣка забвенія,—онъ очень этимъ огорчился и саркастически замѣтилъ, что въ дѣловыхъ бумагахъ миѳологія вовсе неумѣстна.

Однажды на масляницѣ онъ замѣтилъ, что старшій нашъ капельдинеръ былъ пьянъ; онъ подозвалъ его къ себѣ и началъ его распекать: «Ну, боишься ли ты Бога? Есть ли въ тебѣ совѣсть? говорилъ онъ, на масляницѣ, когда у насъ и утромъ и вечеромъ спектакли, ты пьянехонекъ, не могъ подождать! ну вотъ придетъ великій постъ, пей себѣ, сколько хочешь, никто тебя не осудитъ».

VIII.

Первый мой водевиль «Знакомые незнакомцы», былъ игранъ въ 1830 г. Мотивомъ для эпизодической сцены двухъ журналистовъ послужила мнѣ бывшая въ то время ожесточенная вражда Булгарина и Полеваго. Хотя эти два дѣйствующія лица нисколько не были похожи относительно ихъ частной жизни, но публика поняла этотъ намекъ, тѣмъ болѣе, что Рязанцевъ, игравшій петербургскаго журналиста, лицомъ и голосомъ очень походилъ на Булгарина.

Оконча мой водевиль, я представилъ его въ дирекцію; долго не получалъ никакого отвѣта, наконецъ Мундтъ, секретарь директора, сказалъ мнѣ, отъ имени кн. Гагарина, что если я согласенъ отдать свою пьесу безвозмездно, то онъ прикажетъ поставить ее на сцену. Я отвѣчалъ ему, что не смѣлъ и мечтать о какомъ-нибудь вознагражденіи, а желаю только, чтобъ ее съиграли на публичной сценѣ. Водевиль мой былъ принятъ, пропущенъ цензурой и приступлено къ его постановкѣ. Н. Дюръ подобралъ

музыку для куплетовъ и вскорѣ начались репетиціи. Въ немъ участвовали всѣ лучшіе комическіе артисты того времени: Рязанцевъ, Дюръ, Григорьевъ, Воротниковъ и Шемаевъ. Женскую роль играла Шелехова.

Всѣ артисты были довольны своими ролями и предсказывали большой успѣхъ моему первому дѣтищу; это дѣтище меня самого занимало какъ ребенка, но отцовское сердце замерло отъ страха, когда я увидѣлъ на афишѣ: «На Новомъ театрѣ, у Семіоновскаго моста, завтра, въ среду, 12-го февраля, будетъ представленъ въ 1-й разъ «Знакомые незнакомцы», водевиль въ одномъ дѣйствіи». Имени автора, по моему желанію, не было выставлено.

И дѣйствительно, слѣдовало бы положить за правило, не выставлять никогда именъ начинающихъ сочинителей. Разсчетъ простой и благоразумный: понравится пьеса, публика вызоветъ автора, не понравится—и знать его не къ чему.

Деревянный театръ у Симіоновскаго моста (на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь скверъ), былъ выстроенъ для цирка Турньера, который долго тамъ давалъ конныя свои представленія; впослѣдствіи дирекція купила его, передѣлала арену въ партеръ и преобразила въ императорскій театръ.

Въ день представленія моего водевиля, по окончаніи репетиціи, Храповицкій позвалъ насъ всѣхъ къ себѣ на блины (тогда была масляница). Онъ жилъ по сосѣдству къ театру, на Моховой, въ собственномъ домѣ. Прійдя къ Храповицкому, мы сѣли за столъ, подали блины и хозяинъ, вмѣстѣ съ гостями, выпили за успѣхъ моего водевиля; я благодарилъ ихъ за доброе желаніе, но тутъ кто-то изъ насъ пролилъ масло, актриса Шелехова замѣтила, что это дурная примѣта для автора, но жена Храповицкаго, хотя была женщина и съ предразсудками, очень серьезно успокоивала меня и сказала, что на масляницѣ пролить масло ничего дурнаго не можетъ предвѣщать. Рязанцевъ тутъ прибавилъ, что, напротивъ, это означаетъ, что водевиль мой пойдетъ какъ по маслу. «Дай-то Богъ, только бы мой первый блинъ не вышелъ комомъ,» отвѣчалъ я ему.

Позавтракавъ у Храповицкаго, мы разъѣхались по домамъ. Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ я роковаго вечера. Явившись въ театръ, у меня духа не хватило идти въ партеръ и я остался за кулисами. Водевиль начался. Первыя явленія прошли благо-

получно, два или три куплета были повторены по требованію публики и у меня отлегло отъ сердца. Явился Рязанцевъ и дѣло пошло какъ по маслу, по его же предсказанію. Короче сказать, водевиль былъ разыгранъ на славу и имѣлъ большой успѣхъ; по окончаніи его начали вызывать автора, я вышелъ на сцену; когда публика увидѣла, что авторъ—актеръ (что тогда еще было большою рѣдкостью), меня вызвали вторично; затѣмъ вызвали всѣхъ артистовъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ.

Вообще успѣхъ перваго представленія пьесы не есть еще ручательство за ея достоинство, потому что тутъ бываютъ, по бо̀льшей части, знакомые автора, которые за долгъ себѣ поставляютъ разыгрывать роли клакеровъ; но у меня тогда рѣшительно таковыхъ не имѣлось и мои «Знакомые незнакомцы» были одобрены вовсе незнакомыми мнѣ зрителями. До закрытія театровъ, передъ великимъ постомъ, мой водевиль сыграли раза два или три, но г. директоръ не удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Прошелъ великій постъ, прошло даже два съ половиной мѣсяца, послѣ перваго представленія моего водевиля, но мнѣ наше благосклонное начальство даже спасибо не сказало за него, что мнѣ было очень тогда прискорбно.

По открытіи театровъ, послѣ Пасхи, встрѣтилъ меня Булгаринъ на Невскомъ проспектѣ и, погрозивъ пальцемъ, сказалъ мнѣ: «Ага! молодой человѣкъ, вы въ нашъ огородъ камешки бросаете, задѣваете нашу братію-журналистовъ, берегитесь, вѣдь мы народъ бѣдовый, смотрите, не обожгитесь». Я переконфузился и началъ оправдываться тѣмъ, что о немъ ничего у меня не сказано оскорбительнаго; но онъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «Полноте, полноте, я пошутилъ, я не такой человѣкъ, и самъ готовъ смѣяться надъ своими слабостями, а у кого же ихъ нѣтъ?

«Смѣяться право не грѣшно,
«Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно».

А Рязанцевъ, собака, говорятъ мастерски меня скорчилъ. Я не видалъ еще вашей пьесы, но многіе хвалятъ; на дняхъ непремѣнно пойду посмотрѣть и самъ напишу о ней статью, только ужъ не прогнѣвайтесь, какая случится. Въ литературномъ дѣлѣ

у меня нѣтъ ни свата, ни брата.... мнѣ тетка Варвара, а правда сестра» [1]).

Недѣлю спустя, послѣ этой встрѣчи, играли мой водевиль на Маломъ театрѣ. По окончаніи спектакля, Булгаринъ пришелъ къ намъ въ уборную, въ полномъ восхищеніи, хвалилъ и меня, и актеровъ, а Рязанцева, который представлялъ его личность, называлъ своимъ двойникомъ.

Вскорѣ появился въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетонъ Булгарина, гдѣ онъ расхвалилъ мой водевиль; потомъ Полевой, въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ», также благосклонно о немъ отозвался, несмотря на то, что московскій журналистъ выведенъ у меня личностью, не совсѣмъ благовидной. Вотъ что, между прочимъ, тамъ было сказано: «говорятъ, что авторъ «Знакомыхъ незнакомцевъ» хотѣлъ насъ вывести въ лицѣ журналиста Баклушина, но мы нисколько на это не въ претензіи; напротивъ, очень рады, если наша личность послужила ему типомъ для милаго и остроумнаго водевиля». Другія газеты также похвалили мой водевиль.

Мѣсяца черезъ четыре, кажется, я получилъ отъ директора въ подарокъ золотые часы; но я вполнѣ увѣренъ, что безъ журнальныхъ похвалъ едва ли бы я удостоился директорской награды. 23-го сентября, того же года, этотъ водевиль былъ игранъ въ присутствіи покойнаго государя, императрицы и всей царской фамиліи; государь остался имъ очень доволенъ и чрезъ нѣсколько дней я получилъ отъ него прекрасный брилліантовый перстень.

Петербургская аристократія тогда очень рѣдко посѣщала нашъ русскій театръ; она постоянно бывала въ итальянской оперѣ, во французскихъ спектакляхъ и балетѣ; но въ этотъ разъ, узнавъ еще наканунѣ, что государю угодно видѣть русскій водевиль, за долгъ себѣ поставила запастись билетами, а потому весь бель-этажъ и первые ряды креселъ въ этотъ вечеръ были заняты лицами высшаго общества.

Я помню, какъ Храповицкій послѣ спектакля сказалъ мнѣ: «знаешь ли ты, братецъ, въ какое время тебѣ посчастливилось доставить удовольствіе государю, ему, батюшкѣ, теперь не до

---

[1]) Это была любимая поговорка Булгарина. Не знаю, была ли у него тетка Варвара, но что касается до сестры, такъ объ этомъ старушка на двое говорила. П. К.

веселья. Завтра, говорятъ, онъ уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ ужъ появилась холера».

Дѣйствительно, на другой же день онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ неожиданный его пріѣздъ оживилъ упавшихъ духомъ москвичей и предупредилъ, можетъ быть, народное волненіе.

Въ слѣдующемъ году, 1-го февраля, «Знакомые незнакомцы» были играны на Эрмитажномъ театрѣ и за этотъ спектакль Рязанцевъ, я, Григорьевъ и Шелёхова получили подарки [1]).

Мнѣ еще не разъ придется въ моихъ Запискахъ вспомнить съ душевною благодарностію о милостяхъ покойнаго государя.

Осенью 1830 года была играна другая моя пьеса, подъ названіемъ «Сентябрьская ночь», въ бенефисъ Рязанцева (имени автора я также не рѣшился выставить на афишѣ). Въ немъ участвовали, кромѣ самаго бенефиціанта, Григорьевъ, Дюръ и Воротниковъ, тѣ же самые персонажи, которымъ я былъ обязанъ успѣхомъ перваго моего водевиля. Хотя эта пьеска не имѣла такого успѣха, какъ первая, но она была такъ дружно и ловко разъиграна, что понравилась публикѣ. Начали вызывать автора, но я считалъ себя недостойнымъ этой чести, не рѣшился выйдти и просилъ сказать, что автора нѣтъ въ театрѣ. Рязанцевъ хотѣлъ-было меня насильно вытащить, но я убѣжалъ наверхъ въ уборную и спрятался тамъ. Эту пьеску въ то время очень часто играли во многихъ кадетскихъ корпусахъ, потому что въ ней нѣтъ женскихъ ролей.

IX.

Въ 1830 году комедія «Горе отъ ума» была играна отрывками, сначала 1-е дѣйствіе (въ бенефисъ Сосницкаго), потомъ 3-е—въ бенефисъ (Александры Михайловны Каратыгиной). Въ іюнѣ, того же года, мнѣ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, дирекція назначила бенефисъ, и мы съ нимъ рѣшились выпросить позволеніе у Булгарина (которому покойный Грибоѣдовъ предоставилъ полное право распоряжаться своею комедіей), взять въ свой бенефисъ четвертое дѣйствіе. Булгаринъ жилъ тогда въ своемъ Карловѣ. Мы ему написали самое чувствительное письмо и вскорѣ получили отъ

[1]) Въ 1833 году, 8-го ноября, открывали Михайловскій театръ, предназначавшійся собственно для французскихъ спектаклей, но для открытія его былъ приготовленъ новый балетъ: «Воспитанница амура», а передъ нимъ (по приказанію покойнаго государя) былъ игранъ мой водевиль. П. К.

него письменное разрѣшеніе. Къ чести Булгарина надобно сказать, что онъ поступилъ съ нами очень великодушно: онъ не взялъ съ насъ за это позволеніе ни гроша, хотя черезъ полтора года послѣ того (въ 1832 г.) Брянскій долженъ былъ заплатить Булгарину 1,000 руб. ассигн. за дозволеніе сыграть комедію въ свой бенефисъ въ полномъ составѣ [1]).

Въ бенефисъ нашъ съ Григорьевымъ шла драма «Людмила» и 3-е и 4-е дѣйствія комедіи «Горе отъ ума». И не смотря на знойныя Петровки, театръ былъ совершенно полный, по возвышеннымъ цѣнамъ. Вотъ какъ были тогда распредѣлены роли:

Чацкій—Каратыгинъ 1, Фамусовъ—Рязанцевъ, Софья—Семенова [2]), Платонъ Михайловичъ—Брянскій, Наталья Дмитріевна—Каратыгина (Александра Михайловна), Загорецкій—Григорьевъ, Молчалинъ — Дюръ, Лиза — Монготье, Скалозубъ—Экунинъ, Хлестова—Ежова, Репетилова игралъ—я, потому что Сосницкій былъ тогда боленъ и лечился въ Одессѣ. По возвращеніи же его изъ отпуска, онъ занялъ принадлежащую ему по всѣмъ правамъ роль; а я съ тѣхъ поръ сталъ играть Загорецкаго. Рязанцевъ былъ очень забавенъ въ Фамусовѣ, но по моему лучше Щепкина едва ли можно съиграть эту роль.

Здѣсь я бы желалъ высказать нѣсколько личныхъ моихъ мнѣній о тѣхъ спорныхъ пунктахъ, которые и теперь иногда появляются въ театральныхъ рецензіяхъ, когда рѣчь идетъ о комедіи «Горе отъ ума». Не помню кто-то изъ нынѣшнихъ критиковъ утверждалъ положительно; что Молчалинъ долженъ быть старше Чацкаго. На чемъ же было основано это странное мнѣніе? На одномъ стихѣ, который говоритъ Фамусовъ:

«Далъ чинъ ассессора и взялъ въ секретари».

---

[1]) Брянскій, однако, ошибся въ разсчетѣ и не сдѣлалъ полнаго сбора. Назначивъ слишкомъ высокія цѣны на мѣста, онъ не принялъ въ соображеніе того, что три акта этой комедіи (1-й, 3-й и 4-й) уже были играны въ продолженіе цѣлаго года, стало быть въ его бенефисъ новостью для публики былъ только одинъ 2-й актъ.

Странная судьба этой безсмертной комедіи: почти 40 лѣтъ она представлялась на сценѣ и печаталась съ значительными выпусками и только въ 1869 году (въ мой бенефисъ) было дозволено цензурою играть ее вполнѣ въ томъ видѣ, какъ она написана авторомъ. П. К.

[2]) Эту актрису не должно смѣшивать съ ея однофамилицей—знаменитой трагической актрисой, которая тогда уже сошла со сцены. П. К.

Этотъ критикъ не сообразилъ того обстоятельства, что въ то старое доброе время чиновники записывали своихъ сыновей на службу, чуть ли не съ 12-ти лѣтъ, такъ что же мудренаго, что Молчалинъ на 20-мъ году могъ получить этотъ чинъ по протекціи Фамусова. Если же этого не было, то какъ же понимать стихи Чацкаго:

«Подумайте: всегда вы можете его (т. е. Молчалина)
«Беречь и пеленать, и посылать за дѣломъ;
«Мужъ—мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей» и проч.

Потомъ самъ Молчалинъ говоритъ о себѣ:

«Въ мои лѣта не должно смѣть
«Свое сужденіе имѣть».

Не ясно ли это доказываетъ, что Молчалинъ человѣкъ еще очень молодой.

Другой критикъ утверждаетъ, что Чацкому должно быть не болѣе 20-ти лѣтъ, потому что онъ вмѣстѣ съ Софьей росъ и воспитанъ, а Софьѣ, по словамъ Чацкаго, 17-ть лѣтъ. Тутъ явно оказывается большая несообразность въ ихъ метрическихъ свидѣтельствахъ. Еслибъ Чацкому было дѣйствительно 20-ть лѣтъ, то какимъ же-образомъ три года онъ пробылъ за границей? до того времени, по крайней мѣрѣ, три года прослужилъ въ кавалеріи вмѣстѣ съ Платономъ Михайловичемъ? Потомъ Молчалинъ въ сценѣ съ Чацкимъ говоритъ ему:

«Татьяна Юрьевна разсказывали что-то,
«Изъ Петербурга воротясь,
«Съ министрами про вашу связь,
«Потомъ разрывъ...»

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что Чацкій, оставя военную службу, служилъ потомъ по статскимъ дѣламъ, и потому, какъ ни разсчитывай — Чацкому minimum — должно быть лѣтъ 25-ть или 26-ть.

Изъ біографіи Грибоѣдова видно, что онъ писалъ свою комедію въ продолженіе двухъ лѣтъ; легко можетъ быть, что тутъ вкралась маленькая неточность въ хронологіи; такъ же точно, какъ въ манускриптѣ автора, а потомъ во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ «Горя отъ ума», есть стихъ, явно ошибочной. Чацкій говоритъ Платону Михайловичу:

«Не въ прошломъ ли году въ концѣ,
«Въ полку тебя я зналъ» и проч.

Могъ ли Чацкій въ прошломъ году его знать, когда самъ три года былъ за границей?

По моему мнѣнію, стоило бы только Грибоѣдову прикинуть года три или четыре Софьѣ Павловнѣ, тогда бы и спора никакого не было о годахъ дѣйствующихъ лицъ.

Теперь о костюмировкѣ. Многіе изъ театральныхъ критиковъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ требовали непремѣнно, чтобы костюмы дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствовали тому времени, въ которое была написана эта комедія. Я не навязываю ни кому своего мнѣнія, но полагаю, что тратиться дирекціи на старомодные костюмы не только безполезно, но это даже будетъ въ ущербъ самой пьесѣ. Извѣстно, что давно отжившая мода бываетъ каррикатурна и возбуждаетъ невольный смѣхъ; что же будетъ хорошаго, если Чацкій явится во фракѣ, съ широчайшимъ воротникомъ, упирающимся въ затылокъ, съ рукавами въ обтяжку, съ поднятыми буфами на плечахъ, съ тальей на спинѣ, съ узкими фалдами, въ короткомъ жилетѣ, въ высокомъ галстукѣ, съ торчащими на щекахъ воротничками и проч. Я увѣренъ, что при первомъ его выходѣ бо̀льшая часть публики не удержится отъ смѣха и, того гляди, своимъ смѣхомъ разсмѣшитъ и самаго актера. Софья Павловна покажется еще забавнѣе: съ тальей чуть не подъ мышками, въ узкомъ обдернутомъ платьѣ, въ уродливой прическѣ, съ высокой черепаховой гребенкой въ косѣ и прочими каррикатурными принадлежностями. Мода мѣняется ежегодно, и за-частую прежній покрой платьевъ снова входитъ въ моду; за нею не угоняешься, стало быть и хлопотать не изъ чего.

Грибоѣдовъ написалъ свою комедію въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Еслибъ театральная дирекція пожелала исполнить требованіе нашихъ критиковъ, то была бы въ большомъ затрудненіи при выборѣ модныхъ картинокъ того времени. которую изъ нихъ предпочесть—не ту ли, которая посмѣшнѣе?

Мужской бальный нарядъ (черная пара) былъ точно такой же тогда, какъ и теперь; разница только въ покроѣ. Правда, что франты, двадцатыхъ годовъ, являлись на балы въ узкомъ нижнемъ платьѣ (pantalon collants), въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, но вѣдь у Фамусова вовсе не балъ, Софья Павловна ясно говоритъ Скалозубу:

Вы на вечеръ къ намъ будете?
Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепіано,
Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

Само собою разумѣется, что Скалозубъ долженъ быть въ формѣ александровскаго времени (въ ботфортахъ, въ трехъугольной шляпѣ съ чернымъ перомъ), кн. Тугоуховскій, Фамусовъ и, пожалуй, еще два—три старика изъ гостей, также должны быть одѣты въ старомодныя платья. (Я помню, напримѣръ, графа Хвостова, Дмитрія Львовича Нарышкина, кн. Голицына, извѣстнаго актера Дмитревскаго и нѣсколькихъ другихъ стариковъ, которые до самой смерти носили свои старомодные наряды. Въ Москвѣ же подобныхъ личностей было несравненно болѣе.) Старухѣ Хлестовой непремѣнно слѣдуетъ быть въ костюмѣ прошлаго вѣка. Эта барыня ни за что бы не надѣла современнаго наряда. Что же касается до прочихъ персонажей, то рядить ихъ въ шуты вовсе не слѣдуетъ.

П. А. Каратыгинъ.

От редакціи. Авторъ „Записокъ", изъ которыхъ мы уже не въ первый разъ приводимъ полные живаго интереса разсказы, род. въ 1805 г. Въ 1815 г. П. А. Каратыгинъ поступилъ въ театральное училище. 1-го марта 1823 г. вступилъ онъ на русскую сцену. 1-го марта 1873 г. истекаетъ пятьдесятъ лѣтъ служенія его искусству.

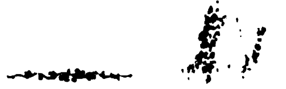
Петръ Андреевичъ Каратыгинъ, принадлежа къ семьѣ, изъ которой вышло нѣсколько крупныхъ талантовъ, ознаменовалъ свою полувѣковую службу замѣчательною преданностью и любовью къ искусству. Всегда хорошій, умный актеръ—онъ былъ и остается чрезвычайно полезнымъ артистомъ; нѣсколько уже поколѣній зрителей встрѣчаютъ его въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ съ полнымъ удовольствіемъ. Отличный знатокъ сцены, опытный наставникъ въ драматическомъ искусствѣ, Петръ Андреевичъ былъ руководителемъ безчисленнаго множества любителей-актеровъ, устраивая домашніе спектакли въ царскихъ чертогахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ и въ семьяхъ всѣхъ сословій петербургскаго населенія.... Въ теченіе 12-ти лѣтъ былъ онъ наставникомъ драмат. искусства въ театральномъ училищѣ; его совѣтамъ и указаніямъ обязаны своимъ развитіемъ многіе изъ артистовъ русской сцены, въ числѣ которыхъ довольно назвать Максимова и безсмертнаго Мартынова. Независимо отъ сего, Петръ Андреевичъ служеніе свое театру ознаменовалъ обширною и притомъ вполнѣ безкорыстною дѣятельностью на поприщѣ драматическаго писателя. Первые

опыты его въ литературѣ относятся къ 1821 г., то были пьески для домашнихъ спектаклей въ театральномъ училищѣ, онѣ вызвали одобреніе А. С. Грибоѣдова. Въ 1830 году, Каратыгинъ впервый разъ поставилъ свое произведеніе на сцену общественнаго театра и затѣмъ въ теченіе сорока лѣтъ явилось изъ подъ его пера до ста пьесъ оригинальныхъ, переводныхъ и передѣлокъ иностранныхъ пьесъ; если не всѣ они отличаются литературными достоинствами, то почти всѣ дали превосходныя роли знаменитымъ, первокласснымъ дарованіямъ русской сцены, каковы: Рязанцевъ, Дюръ, Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Асенкова, сестры Самойловы и друг.

Комедіи, водевили, передѣлки и переводы П. А. Каратыгина въ значительной степени оживляли нашу сцену.... [1]).

С.-Петербургское Собраніе Художниковъ, какъ извѣстно, предполагаетъ 1 марта 1873 г. отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей П. А. Каратыгина. Мы не сомнѣваемся, что на этотъ праздникъ сойдется много почитателей нынѣ старѣйшаго артиста и писателя.

Ред.



[1]) П. А. Каратыгину принадлежитъ также множество стихотвореній, эпиграммъ и куплетовъ; нѣкоторыя изъ этихъ произведеній извѣстны всей Россіи. Между прочимъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1871 г., т. IV, стр. 304), напечатано замѣчательное посланіе его къ Галламъ, 1852 г. Ред.

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЪ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

ГЛАВА V[1]).

1818—1820.

Изъ деревни К[illegible]вки, Тверской губерніи, гдѣ я находилась въ 1818 г., мать пов[illegible]еня, въ Москву, въ пансіонъ. Хотя я не ясно понимала, что [illegible] ожидаетъ, но сердце у меня упало, когда мы подъѣхали къ крыльцу трехъ-этажнаго дома, стоявшаго посреди двора и когда передъ нами распахнулась огромная дверь.

По широкой лѣстницѣ мы поднялись въ бель-этажъ и вошли въ обширную залу. Въ гостинной насъ приняла содержательница пансіона M-lle Данквартъ и помощница ея, M-lle Фислеръ, отличная піанистка, любимая ученица Гуммеля. Печать оффиціальности и холода лежала на всѣхъ лицахъ и предметахъ; какой-то гулъ отдавался по всему дому отъ шаговъ ходящихъ людей, гулъ этотъ мѣшался съ голосами говорящихъ и звуками нѣсколькихъ фортепіанъ, на которыхъ тоскливо твердились экзерсициі. Я до того окаменѣла отъ страха и тоски, что даже не могла заплакать, когда мать простилась со мной.

Меня помѣстили въ пансіонъ.

Въ классной комнатѣ толпа дѣвочекъ обступила меня. Онѣ съ любопытствомъ осматривали меня и въ полголоса разговаривая между собой, называли меня «новенькой».

---

[1]) Смотри первыя главы «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. VI, стр. 607—648. Ред.

Изъ старшаго класса нѣсколько взрослыхъ дѣвушекъ, притворивши немного дверь, посмотрѣли на «новенькую» и равнодушно опять закрыли ее.

Я походила на дикаго звѣрька, попавшаго въ клѣтку.

Чувство одиночества и сиротливости до того овладѣло мной, что, когда я пришла въ дортуаръ ложиться спать, то, истерично рыдая, упала на свою постель. Много ночей провела я въ слезахъ и горькомъ дѣтскомъ раздумьѣ.

Все было мнѣ противно, начиная отъ звонка, сзывавшаго въ классы къ обѣду и ужину до ласкъ, которыми начальство осыпало дѣтей въ глазахъ ихъ родителей, особенно, получивши подарки; отъ чая съ синимъ молокомъ и черной патокой, вмѣсто сахара, до дурацкаго колпака, которымъ украшали за разговоры по-русски.

Меня помѣстили въ меньшой классъ; тамъ уроки давала сама M-lle Данквартъ; она была вспыльчива и строга. Мы ожидали ея прихода въ классъ съ болѣзненнымъ чувствомъ и, не смотря на все стараніе учеництъ, къ концу урока всегда оставалось много наказанныхъ. Наказанія были разнаго рода: ставили въ уголъ, на колѣни, маленькимъ драли уши, сѣкли, съ большими перебранивались, чаще же всего оставляли безъ обѣда и безъ ужина, и такъ долго держали подъ наказаніемъ, что не рѣдко ученицы, ставшія въ уголъ съ горькими слезами, утомившись, охладѣвали и начинали развлекать себя, то царапая известку со стѣны, то, отрывая отъ книгъ бумагу, скатывали шарики и изъ подтишка стрѣляли ими съ пальца въ подругъ и даже въ классную даму, ко всеобщему удовольствію. Иныя до того освоивались съ наказаніями, что превращали ихъ въ забаву и не затрудняли себя приготовленіемъ уроковъ или снисканіемъ похвалъ за благонравіе. Въ первые дни моего помѣщенія въ пансіонъ, я была приведена въ ужасъ наказаніемъ одной ученицы. Ей надѣли на голову остроконечную шапку, на плеча рогожку и на веревкѣ водили по всѣмъ комнатамъ. Дѣвочка, внѣ себя отъ огорченія и стыда, разливалась въ слезахъ. Когда же вели ее мимо насъ въ третій разъ, она уже не плакала, а ожесточенно улыбалась, дѣлала намъ смѣшныя гримасы и строила изъ рукъ длинный носъ въ спину водившей ее M-lle Данквартъ.

Я была въ числѣ хорошихъ ученицъ, но успѣховъ въ ученьѣ

было мало, отъ методы преподаванія. Мы затверживали наизусть цѣлыя страницы, едва понимая содержаніе предмета. Катихизисъ мы учили на славянскомъ языкѣ, не имѣя о немъ понятія; грамматику—по-французски и по-нѣмецки, не умѣя порядочно читать ни на одномъ изъ этихъ языковъ. Тетради, писанныя подъ диктовку, были испещрены точно гіероглифами, за что изобрѣтательницамъ этихъ гіероглифовъ привязывались на лобъ тетради, но отъ этого знаніе не увеличивалось. Я долго не сходилась съ подругами, удалялась всѣхъ, одиноко садилась въ уголъ, усердно твердила уроки и, едва понимая ихъ содержаніе, усиливалась сообразить, для чего мы все это такъ мучительно учимъ? Единственнымъ наслажденіемъ мнѣ было, когда, забывши все, что меня окружало, я отдавалась воспоминаніямъ. Милые мнѣ образы обступали до того живо и отрадно, что пансіонъ становился мнѣ день-ото-дня противнѣе, съ своимъ формализмомъ, подавляющимъ ученьемъ, двоедушіемъ, голодомъ и холодомъ. Отъ холода мы страдали по зимамъ жестоко, а стужа въ комнатахъ была до того нестерпима, что мы плакали, вставая съ постели утромъ при огнѣ и едва могли держать въ рукѣ перо. Многія не могли выносить этого и заболѣвали. По воскресеньямъ и праздникамъ меня брали къ себѣ то княгиня Хованская, то Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ. У нихъ я отдыхала за весь холодъ и тоску протекшей недѣли, и возвращалась въ пансіонъ со слезами и съѣстными запасами.

Княгиня меня очень любила; княжны и молодые Голохвастовы, часто проводившіе вечера у княгини, ласкали и забавлялись мной. За мою нелюдимость всѣ называли меня «дикимъ ребенкомъ», а изъ Татьяны почему-то перекрестили въ «Темиру». Я такъ привыкла къ этому названію, что долго считала его своимъ настоящимъ именемъ. Видя мою страсть къ чтенію, князь давалъ мнѣ читать повѣсти и разсказы изъ своей библіотеки. Умѣстившись на широкомъ диванѣ, въ диванной, почти всегда пустой, я цѣлые часы до того зачитывалась, что меня точно и въ домѣ не было. На этомъ же диванѣ находились мои куклы со всѣми своими пожитками, которыя случайно значительно умножились. Разъ пріѣхалъ къ Хованскимъ ихъ родственникъ, старичекъ, князь Петръ Николаевичъ Оболенскій, добрѣе котораго трудно было встрѣтить человѣка. Пока никто не выходилъ къ нему,

онъ сѣлъ подлѣ меня на диванъ и игралъ со мною въ куклы; а на другой день кукламъ моимъ привезъ цѣлый картонъ прекрасныхъ лоскутковъ и всегда оказывалъ мнѣ самое сердечное расположеніе.

Между многочисленными посѣтителями дома Хованскихъ, болѣе другихъ обращали на себя мое вниманіе два красивые брата Карръ, особенно старшій, тѣмъ, что у него была одна нога оторвана въ сраженіи и онъ ходилъ на костыляхъ; да еще князь Евгеній Оболенскій, сынъ Петра Николаевича, впослѣдствіи получившій извѣстность, какъ декабристъ.

Стройный, прекрасный, съ кроткимъ, пріятнымъ выраженіемъ лица, кн. Евгеній привлекалъ меня сколько красотой своей, столько и блестящимъ гвардейскимъ мундиромъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ Хованскимъ, я садилась противъ него и засматривалась, какъ нѣкогда на картину Венеры, а князь Евгеній Петровичъ и не подозрѣвалъ, что чистое дитя поклонялось красотѣ его.

Въ домѣ Ивана Алексѣевича Яковлева я любила бывать еще больше, нежели у княгини; не потому, чтобы меня тамъ больше ласкали, но тамъ былъ маленькій товарищъ, съ которымъ уже зарождалось у насъ взаимное сочувствіе и во всемъ домѣ вѣяло чѣмъ-то, чего не было ни въ нашемъ домѣ, ни у княгини, чего я тогда не умѣла опредѣлить, а только чувствовала.

Въ домѣ у княгини былъ строгій порядокъ правилъ, строго держались семьи того времени, сжимавшей откровенность, самобытность, волю и желанья; узы приличій были крѣпко затянуты.

У Ивана Алексѣевича былъ только процессъ капризнаго человѣка, оригинальнаго деспота, но семьи, начинавшей уже отживать, давящей тысячами условій взаимныхъ отношеній и условіями общественныхъ приличій тамъ не было. Даже воспитаніе, не втѣсненное въ какую-нибудь теорію, давало свободу развиваться естественнымъ силамъ и способностямъ. Все это содержало въ себѣ свѣжія начала жизни новой. Когда Луиза Ивановна уѣзжала за мною въ пансіонъ, Саша Герценъ не отходилъ отъ окна, ждалъ меня, выбѣгалъ на встрѣчу и за руку тащилъ въ свою комнату къ своимъ книжкамъ, къ своимъ игрушкамъ, которыхъ у него было множество дорогихъ, затѣйныхъ и большею частію переломанныхъ. Мы заигрывались до обѣда. Обѣдать шли на верхъ, гдѣ, въ большой столовой, находили Ивана Але-

ксѣевича и сенатора. Саша, держа меня за руку, подводилъ съ ними здороваться. Иванъ Алексѣевичъ, серьезно произнося: «А! Танюша!», давалъ цѣловать себя въ обѣ щеки; Левъ Алексѣевичъ, добродушно улыбаясь, съ разными шутливыми возгласами, дѣлая уморительныя гримасы, обнималъ меня. За обѣдомъ меня сажали рядомъ съ Сашей; онъ имѣлъ привычку, въ продолженіе стола, часто брать меня за руку, боясь, чтобы я не ушла.

Однажды, когда обѣдалъ у Ивана Алексѣевича — Милорадовичъ, Саша Герценъ взялъ у меня подъ столомъ руку и, по манерѣ своей, вертѣть и ломать все, что попало ему въ руки, сталъ вертѣть мнѣ пальцы, и, позабывшись такъ повернулъ одинъ палецъ, что едва не вывихнулъ. Я вскрикнула отъ боли, выдернула руку и громко заплакала. Саша, испугавшись, закричалъ и заревѣлъ вдвое громче меня. Иванъ Алексѣевичъ бросился къ Сашѣ и схватилъ его на руки; а Луиза Ивановна и Милорадовичъ—ко мнѣ. Милорадовичъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни, осмотрѣлъ мою руку, и, замѣтивши, что палецъ немного припухъ, сталъ обливать мнѣ руку холодной водой.

Луиза Ивановна, видя, какъ сенаторъ и Иванъ Алексѣевичъ торопливо хлопочутъ около Саши, замѣтила имъ, что не зачѣмъ такъ заботиться о немъ, что это баловать его, а надобно заставить его просить прощенья у меня. Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ на это, что Саша перепуганъ больше меня, а это опасно для его здоровья, и о прощеніи тутъ толковать нечего, что Саша ребенокъ — и сдѣлалъ не преднамѣренно.

Саша, выслушивая ихъ препиранія, отталкивалъ стаканъ съ водою, которой его отпаивали отъ испуга, рвался у нихъ изъ рукъ, и каждый разъ, взглянувши на меня, закатывался еще сильнѣе.

— «Балуйте его, балуйте больше, съ сердцемъ добавила Луиза Ивановна, онъ кому-нибудь голову сорветъ».

Вырвавшись изъ рукъ отца, Саша подошелъ ко мнѣ, серьезно посмотрѣлъ и видя, что я не плачу, робко попробовалъ взять меня за руку; я подала ему здоровую. Онъ взялъ ее, наклонился и поцѣловалъ больную руку. Потомъ торжественно посмотрѣлъ на всѣхъ и улыбнулся. Онъ какъ-будто бы хотѣлъ сказать этой улыбкой: «вотъ что надобно было сдѣлать».

Послѣ этого Саша старался загладить свою неосторожность

не дѣтски съ деликатнымъ вниманіемъ. Подавши мнѣ игрушку, смотрѣлъ какъ я ею играю, то говорилъ матери: «поподчивайте Танхенъ тѣмъ-то или тѣмъ и меня вмѣстѣ съ нею, или я отдамъ Танхенъ совсѣмъ эту книжку, она ее любитъ».

Чтобы окончательно изгладить горькое впечатлѣніе о случившемся, сенаторъ привезъ волшебный фонарь и китайскій фейерверкъ. Не показывая ихъ никому, отдалъ Карлу Ивановичу, чтобы онъ приготовилъ вечеромъ представленіе. Послѣ чая сенаторъ сказалъ Сашѣ, что въ кабинетѣ его ждетъ за чѣмъ-то Кало. Предвидя что-нибудь забавное, Саша вскочилъ съ дивана и направился въ двери. Всѣ пошли за нимъ.

Въ кабинетѣ было темно. Въ дверяхъ церемонно встрѣтилъ насъ Карлъ Ивановичъ и просилъ войдти.

Едва вступили въ темноту, какъ раздался легкій трескъ и въ глубинѣ комнаты завертѣлся кругъ изъ разноцвѣтныхъ огней, переливаясь они то втягивались въ центръ круга, то развивались изъ него, принимая разнообразныя состоянія цвѣтовъ и формъ. Это былъ китайскій фейерверкъ, привезенный для полнаго излеченія «Шурки» отъ испуга.

Какъ только фейерверкъ окончился, Карлъ Ивановичъ пригласилъ почтенную публику присутствовать при представленіи волшебныхъ картинъ.

Въ темнотѣ показался огонекъ и освѣтилъ фонарикъ. Вмѣстѣ съ этимъ образовалось на растянутой по стѣнкѣ бѣлой простынѣ, свѣтлое пятно и больше ничего.

Чего не надумаешься тутъ, что-то явится въ этихъ лучахъ свѣта изъ выпуклаго стекла? Вдругъ выступаетъ слонъ, увеличивается, уменьшается, точно живой; иной разъ пройдетъ вверхъ ногами, чего живому слону и не сдѣлать; потомъ Давидъ и Голіаѳъ дерутся и двигаются оба вмѣстѣ; потомъ арабъ, черный какъ моська Карла Ивановича, камердинера дядюшки. Весело было смотрѣть на такое общество и вверхъ головой и вверхъ ногами. Проходятъ китайцы, японцы, индійцы... Карлъ Ивановичъ ихъ представляетъ и за нихъ говоритъ; мы въ восторгѣ аплодируемъ.

Левъ Алексѣевичъ не меньше насъ утѣшается. Иванъ Алексѣевичъ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ дѣлаетъ замѣчанія. Представленіе кончается. Вносятъ свѣчи. Сенаторъ передаетъ Сашѣ въ полное владѣніе и фейерверкъ, и фолшебный фонарь,

съ ящичкомъ разрисованныхъ фигуръ на стеклахъ. Мы уходимъ. Иванъ Алексѣевичъ даетъ намъ по крымскому яблоку на сонъ грядущій. Сенаторъ уѣзжаетъ со двора.

На святкахъ Карлъ Ивановичъ придумываетъ каждый день какое-нибудь новое увеселеніе для своего любимца.

Разъ онъ устроилъ для него маскарадъ въ большой залѣ нижняго этажа, постоянно запертой и рѣдко топленой. Залу тепло протопили, убрали цвѣтами и транспарантами, освѣтили люстрами. Вся молодая комнатная прислуга, мужская и женская, закостюмировалась турками, пастушками и маркизами. Надобно было закостюмировать и насъ. Придумывали костюмъ для Саши.

— Одѣньте Сашу купидономъ, сказала я, вспомнивши, что когда я училась танцовать въ домѣ однихъ сосѣдей, съ ихъ дѣтьми, то въ какой-то торжественный день изъ насъ состроили балетъ, одѣвши въ планшевые пантолонцы, коротенькія бѣлыя юбочки и вѣнки.

Сашѣ моя мысль понравилась, и онъ настоялъ, чтобы его такъ одѣли. Когда онъ былъ въ вѣнкѣ, съ лукомъ и колчаномъ за плечами, я увидала на уборномъ столѣ гранаты. Мнѣ показалось, что хорошо бы гранатами украсить купидона, и предложила надѣть ихъ на него.

— Помилуй, сказала Луиза Ивановна, кто-же видалъ на купидонахъ гранаты?

— Ну такъ что-жъ, совершенно серьезно возразилъ Саша, что не видали—пускай увидятъ на мнѣ, надѣньте ихъ на меня непремѣнно.

Въ залѣ насъ встрѣтилъ Карлъ Ивановичъ въ костюмѣ, сіявшемъ фольгой и блестками. Все пестрое общество привѣтствовало насъ и проводило на приготовленныя мѣста. Раздались звуки органа. Органъ этотъ, украшенный портретомъ Фридриха Великаго, былъ подаренъ Сашѣ сенаторомъ. Начались танцы. Блестящій вечеръ окончился комнатнымъ фейерверкомъ.

Праздникъ въ долго нетопленой залѣ и легкихъ костюмахъ не сошелъ съ рукъ даромъ. У Саши показался сильный жаръ, также и у меня, а черезъ нѣсколько дней открылся коклюшъ. Сашу перевели на верхъ въ диванную, положили на широкій, длинный диванъ, обитый зеленымъ сукномъ; а меня—въ уборной Луизы Ивановны. Весь домъ былъ въ тревогѣ и суетѣ. Больше

всѣхъ былъ разстроенъ Карлъ Ивановичъ, считая себя виной болѣзни своего любимца.

Докторъ пріѣзжалъ утромъ и вечеромъ. Иванъ Алексѣевичъ самъ давалъ Сашѣ лекарства. Луиза Ивановна помѣстилась въ той же комнатѣ съ работой. Комнату натопили нестерпимо.

У меня припадки болѣзни были гораздо легче, нежели у Саши. Въ страшной тоскѣ отъ сильнаго коклюша, жары въ комнатѣ, излишняго ухаживанія и всеобщаго смущенія, Саша капризничалъ нестерпимо, катался по дивану, ничего не хотѣлъ ни ѣсть, ни принимать и скучалъ страшно. Чтобы развлечь и развеселить его, перевели на верхъ меня, и положили на противоположный конецъ дивана.

Саша настоялъ, чтобы мы держали одну и ту же діэту, принимали одно и тоже лекарство. Карлъ Ивановичъ ухаживалъ за Сашей, какъ нянька, носилъ его на рукахъ, разсказывалъ сказки, приносилъ книжки съ картинками, не утомляясь, объяснялъ ихъ по нѣскольку разъ сряду, клеилъ и точилъ игрушки, Сенаторъ привозилъ разные сюрпризы и курьезности. Я пользовалась всѣми этими удовольствіями вмѣстѣ съ Сашей.

Меня продержали у Ивана Алексѣевича около двухъ мѣсяцевъ, не столько изъ заботы о моемъ здоровьѣ, сколько для товарищества Сашѣ.

Въ это время въ Москву наѣзжали возвратившіеся съ полей битвъ генералы и офицеры. Многіе изъ нихъ были старые сослуживцы Ивана Алексѣевича и сенатора по Измайловскому полку, а теперь, покрытые славой, участники только что прекратившейся войны, они пировали на радостяхъ побѣдъ и отдыхали отъ трудовъ. Многіе изъ нихъ часто бывали у насъ, разсказывали о событіяхъ этого блестящаго времени, о своихъ дѣлахъ и засиживались за полночь въ кабинетѣ Ивана Алексѣевича.

Мы, живя на верху, присутствовали при ихъ бесѣдахъ и нерѣдко засыпали на диванѣ за спиной какого-нибудь героя.

Изъ ихъ живыхъ разсказовъ и сужденій, мы много узнали того, чего не удавалось послѣ учить ни въ одной исторіи.

Особенно мы любили разсказы Милорадовича и его самого. Намъ нравилось его открытое, благородное лицо, пріятный взглядъ, живой разговоръ съ рѣзкой мимикой и громкимъ смѣ-

хомъ; его блестящій мундиръ, высокій султанъ на шляпѣ, звѣзды на груди, множество крестовъ на шеѣ, которые онъ иногда снималъ и давалъ намъ играть ими.

Мы слышали, что его называли рыцаремъ безъ страха, Боярдомъ, русскимъ Мюратомъ. Всѣ эти названія мы относили къ его храбрости, разсуждали о немъ и дивились его геройству. Понятно, что при такой обстановкѣ, Саша былъ отчаянный патріотъ и собирался въ полкъ; исключительное чувство національности довело его до слѣдующаго. Между прочими у насъ бывалъ графъ Кенеона, французскій эмигрантъ и генералъ-лейтенантъ русской службы, отчаянный роялистъ. Онъ участвовалъ на знаменитомъ праздникѣ, на которомъ топтали народную кокарду, и гдѣ Марія Антуанета пила за погибель революціи. Графъ Кенеона, худой, стройный, высокій и сѣдой старикъ, былъ типъ учтивости и изящныхъ манеръ. Въ Парижѣ его ждало перство, онъ уже ѣздилъ поздравлять Людовика XVIII съ мѣстомъ и возвратился въ Россію для продажи имѣнія. Надобно-же было, на бѣду Саши, чтобы вѣжливѣйшій изъ генераловъ всѣхъ русскихъ армій, сталъ при немъ говорить о войнѣ, «да вѣдь вы, стало сражались противъ насъ?» спросилъ пренаивно Саша. «Non, mon petit, non j'était dans l'armée russe».—«Какъ, сказалъ Саша, вы французъ, а были въ нашей арміи, это не можетъ быть!»

Иванъ Алексѣевичъ строго взглянулъ на Сашу и замялъ разговоръ. Графъ геройски поправилъ дѣло: онъ сказалъ, обращаясь къ хозяину, «что ему нравятся такія патріотическія чувства»; отцу, однако, они не понравились, и онъ Сашѣ задалъ послѣ отъѣзда гостя страшную гонку. «Вотъ что значитъ, говоритъ очертя голову обо всемъ, чего ты не понимаешь и не можешь понять. Графъ, изъ вѣрности своему королю, служилъ нашему императору».

Дѣйствительно это трудно было понять.

Въ продолжительную болѣзнь нашу, Саша такъ привыкъ ко мнѣ, что по отъѣздѣ моемъ въ пансіонъ, долго тосковалъ и просилъ привезти меня обратно.

Увидались мы не скоро. Въ февралѣ пріѣхала въ Москву тетушка Елисавета Петровна и остановилась у княгини, куда и меня стала брать по воскресеньямъ. Въ концѣ мая пансіоне-

рокъ распустили на вакацію. Меня взяла княгиня въ свою подмосковную деревню Красненьково, которое простотой своей пріятно напомнила мнѣ Карповку. Запущенный, тѣнистый садъ съ трехъ сторонъ окружалъ домъ. Вѣтки, свободно раскинувшейся въ прохладѣ малины, съ ягодами врывались въ окна, когда ихъ открывали; за просторнымъ дворомъ тянулись поля хлѣба, прудъ, за нимъ густой лѣсъ, куда мы ходили за грибами и ягодами. Въ пруду я едва не утонула, купаясь. Княгиня меня не стѣсняла, и я свободно играла цѣлые дни на дворѣ передъ окнами ея комнаты, читала свои дѣтскія книжки или катала въ повозочкѣ куколъ.....

ГЛАВА VI.

1820—1828.

Было майское утро. Пансіонерки, собравшись въ классѣ, на третьемъ этажѣ, въ ожиданіи учителя, въ полголоса разговаривали о приближавшейся вакаціи.

Съ утра въ воздухѣ парило. Въ комнатѣ было душно. На небѣ неподвижно стояло небольшое облако, изъ него поминутно свѣтила молнія и гремѣлъ громъ.

Вошелъ учитель; за нимъ заперли на ключъ дверь изъ предосторожности, чтобы которая-нибудь изъ лѣнивыхъ учениць не прокралась въ нее изъ класса. Разговоры прекратились. Начался урокъ. Облако растягивалось по небу; громъ гремѣлъ не переставая. Учитель подошелъ къ окну и только-что хотѣлъ закрыть его, какъ по комнатѣ сверкнула огненная черта съ страшнымъ трескомъ и градъ кирпичей посыпался во всѣ стороны.

Раздался отчаянный крикъ. Всѣ бросились къ двери и стали ломиться въ нее; какими-то судьбами она распахнулась. Толпа ринулась въ корридоръ. По корридору, съ крикомъ, бѣжали дѣти изъ другихъ классовъ. Всѣ высыпали во дворъ.

Гроза была въ полномъ блескѣ.

Темная туча покрывала небо. Молніи горѣли. Удары грома сливались съ шумомъ проливнаго дождя и сыпавшагося града. Начальство наше растерялось. Когда растворили флигель, дѣти тѣснясь, толкая другъ друга, торопились войти въ него; всѣ были измочены дождемъ, избиты градомъ, перепуганы, расплаканы.

Въ домъ войти опасались. Ждали, что онъ загорится, но онъ уцѣлѣлъ, молнія, разбивши печь, проникла въ бель-этажъ, и сквозь раскрытое окно вылетѣла въ садъ.

Въ Москвѣ тотчасъ сдѣлалось извѣстно, что молнія ударила въ нашъ пансіонъ. Дворъ наполнился экипажами. Встревоженные родители и родственники воспитанницъ, иные сами пріѣхали, другіе прислали экипажи.

Меня увезли къ княгинѣ.

Чрезъ нѣсколько дней изъ пансіона дали знать, что все исправлено и дѣтей просятъ возвратиться.

Наступала вакація. Ученье шло небрежно. Воспитанницы одна за другой уѣзжали, оставшіяся не отходили отъ оконъ, ожидая за собой присылки. Я съ часа-на-часъ ждала экипажа отъ дяди Александра Ивановича, изъ Тульской деревни; онъ писалъ, что беретъ меня къ себѣ на все лѣто; вмѣстѣ съ нимъ писалъ и братъ мой Алеша, какъ у нихъ въ деревнѣ весело: есть качели, билліардъ, бильбокэ; въ прудѣ много карасей, а въ грунту шпанскихъ вишенъ. Я не знала какъ и дожить до того времени, когда все это увижу.

Въ одно утро вижу я къ крыльцу подъѣзжаетъ коляска, изъ нее выходитъ старушка въ дорожномъ платьѣ. Я узнала въ ней Наталью Ивановну, кормилицу дяди, вскрикнула отъ радости, стремглавъ сбѣжала внизъ и бросилась ей на шею.

Получивши отпускъ, я собралаcь мгновенно, распростилась и уѣхала съ Натальей Ивановной на квартиру. На слѣдующій день мы отправились въ путь.

Погода стояла сѣренькая, моросилъ частый дождикъ.

За заставой Петръ Семеновичъ, управляющій дяди, присланный провожать меня, привязалъ колокольчикъ, застегнулъ у коляски кожу и опустилъ зонтъ. Лошади бѣгутъ рысцей, колокольчикъ звенитъ, мы сидимъ въ полу-муракѣ и разговариваемъ; я считаю сколько дней мнѣ придется прожить въ деревнѣ, и нахожу, что просрочить недѣли двѣ ничего не значитъ.

— А сколько верстъ отъ Москвы до Чертовой? спрашиваю я Наталью Ивановну.

— Два девяноста, свѣтъ мой, ласково отвѣчаетъ она, и не увидишь, какъ доѣдешь.

— Скоро ли теперь мы пріѣдемъ, говорю я на третій день нашего путешествія.

— Да вотъ, отвѣчаетъ она, проѣдемъ Лопасню, тамъ наша Сторожевая, а за ней рукой подать до Чертовой.

Проѣзжаемъ Лопасню, поля ржи и гречихи передъ нами раскидываются во всѣ стороны.

— Вотъ и наша Сторожевая, говоритъ Петръ Семеновичъ, тяжело спускаясь съ козелъ и поправляя что-то у коляски.

— Нельзя-ли опустить верхъ? спрашиваю я его.

— Если вы прикажете — опустимъ, отвѣчаетъ онъ.

Первый разъ въ жизни слышу я, что могу приказывать; мнѣ это пріятно. Я приказываю.

Верхъ коляски опущенъ. Съ обѣихъ сторонъ видны крестьянскія избы, крытыя соломой. Встрѣчающіяся бабы низко кланяются мнѣ, мужики скидаютъ шапки, ребятишки, игравшіе посреди дороги, разбѣгаются; одни прячутся въ избы, другіе останавливаются и смотрятъ на экипажъ, розиня ротъ, вытащивъ руки изъ рукавовъ рубашки. Кучеръ погрозилъ на нихъ кнутомъ. Я подымаюсь въ собственномъ мнѣніи. Въ сторонѣ свѣтлѣетъ прудъ, надъ нимъ склонились вербы и купаютъ въ его водѣ свои вѣтки.

— На этотъ прудъ, говоритъ Наталья Ивановна, дядинька ѣздитъ рыбу ловить; тутъ водятся только караси, попадаютъ куда какіе хорошіе, все больше желтые, въ ведрѣ ровно золото блестятъ.

Проѣзжаемъ Сторожевую; опять поля волнующаго хлѣба, луга цвѣтовъ. Показался плетень, за плетнемъ деревья.

— Это нашъ нижній садъ, говоритъ Наталья Ивановна, а вотъ это, смотри-ка другъ, сквозь деревья, наша баня, прудъ, вонъ и флагъ развѣвается на бельведерѣ дома, а вотъ и домъ.

Мы въѣзжаемъ во дворъ; дядя и Алеша стоятъ на крыльцѣ и машутъ намъ бѣлыми фуражками. Мы входимъ въ комнаты. Я осматриваюсь и прихожу въ восторгъ. Въ раскрытыя окна и двери балкона тѣснятся деревья, кусты бѣлой и синей сирени, пунцовые піоны, розаны и льется запахъ лиловыхъ фіалокъ. Закатывающееся солнце отбрасываетъ на все алый оттѣнокъ

Алеша тащитъ меня за руку въ садъ взглянуть на приготовленные мнѣ сюрпризы.

— Оставимъ это до завтра, говоритъ тетка, а теперь угостимъ ее чаемъ съ нашими деревенскими сливками и хорошимъ ужиномъ, да уложимъ пораньше спать, пускай отдохнетъ съ дороги.

Войдя въ назначенную мнѣ комнату, я увидала молодую горничную, которая убирала мои вещи; она мнѣ нравится. Дядя тутъ же даритъ ее мнѣ. Внѣ себя отъ радости, я обнимаю крещеную собственность; дѣвушка также радуется чему-то. Всю ночь мнѣ снилось, что я играю съ моей Софьей въ бильбоке, и ѣмъ вишни.

Утромъ рано отправились мы съ Алешей въ завѣтную бесѣдку. Тамъ я увидала такое множество игръ и игрушекъ, что у меня занялся духъ отъ волненія. Я все пересмотрѣла, все перетрогала, во все переиграла, и только сильное желаніе попробовать вишенъ, выманило меня къ грунтовому сараю. Мы добѣжали до него аллеями грушъ и яблонь. Обширный деревянный сарай покрытъ былъ сѣткой, сквозь нее виднѣлись спѣлыя вишни; ихъ стерегъ молодой человѣкъ слѣпой, такъ чудно, что едва-мы тронули сѣтку, какъ онъ уже летѣлъ къ намъ, и только узнавши, что мы, успокоился и пустилъ подъ сѣтку. За обѣдомъ подавали шампанское, поздравляли меня съ пріѣздомъ, во дворѣ стрѣляли изъ пушекъ, я затыкала себѣ уши. Дядя жилъ со всѣми удобствами и роскошью достаточнаго помѣщика. Многочисленная прислуга считала закономъ каждое его приказаніе и старалась во взорѣ угадывать его желанія. Обширный домъ дяди стоялъ среди двухъ садовъ, тѣнистаго съ цвѣтниками и затѣйливыми бесѣдками, и фруктоваго съ оранжереями, парниками, теплицами, полными тропическихъ растеній и фруктовъ. Фрукты каждый день подавались въ изобиліи послѣ обѣда, состоявшаго изъ пяти или шести, отлично сервированныхъ.

Намъ дана была свобода бѣгать и играть, гдѣ и сколько душа пожелаетъ. Дядя и весь домъ баловали насъ на всѣ руки, садовники обкармливали ягодами, овощами и подпускали подъ сѣтку объѣдаться вишнями. Съ помощію пріятелей изъ прислуги, добывали мы зайцевъ, бѣлокъ, ежей, отыскивали птичьи гнѣзда и вытаскивали изъ нихъ яица, которыя ни на что не были намъ нужны. Какъ-то попалось намъ, въ дуплѣ забора, гнѣздо горихвостокъ, мы сдѣлались внѣ себя отъ нашей находки. Мать съ

жалобными криками вилась надъ нашими головами, мы нисколько не трогались этимъ, повытаскали всѣхъ малютокъ и, только на другой день очувствовавшись, отнесли пятерыхъ обратно, оставивши себѣ одну на утѣшеніе. Утѣшала она насъ не долго; дня черезъ три мы ее похоронили въ саду. Взамѣнъ горихвостки дядя подарилъ мнѣ ручную канарейку. Въ одно прекрасное послѣ обѣда канарейка выпорхнула въ открытое окно, мгновенно появившаяся ворона, въ нашихъ глазахъ, схватила ее и унеслась. Слабый пискъ послышался въ воздухѣ; я упала на землю, заливаясь слезами. Долго эта тяжелая сцена возмущала мои удовольствія. Чтобы развлечь меня, дядя отдалъ въ мое распоряженіе шкафъ, наполненный книгами съ самыми заманчивыми названіями. Послѣ продолжительной переборки, я остановилась на «Целинѣ или дитя тайны», и пока не узнала этой тайны, не оставляла книги ни днемъ, ни ночью; узнавши, перешла къ «Мальчику у ручья», отъ него къ «Яшенькѣ и Жоржетѣ»..... Книги до того поглотили меня, что я отказывалась отъ игръ и прогулокъ.

Иногда дядя, окончивши свои занятія по хозяйству, разсказывалъ намъ о своей военной жизни, о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, объ аустерлицкой битвѣ, гдѣ онъ съ своей батареей былъ оставленъ прикрывать отступленіе нашихъ войскъ, какъ всѣ они легли на мѣстѣ—онъ палъ послѣдній, жестоко израненный, и былъ спасенъ мародерами. За аустерлицкую битву онъ получилъ Георгія и высоко цѣнилъ этотъ знакъ отличія, вполнѣ имъ заслуженный.

Иногда дядя читалъ намъ отрывки изъ дневника Алексѣя Петровича Ермолова, писаннаго имъ въ юности; разсказывалъ какъ они были дружны, какъ служили вмѣстѣ въ конной артиллеріи, жили на одной квартирѣ, спали въ одной комнатѣ.

Черезъ двѣ недѣли, прожитыя сверхъ срока, дядя самъ отвезъ меня въ Москву и представилъ въ пансіонъ.

Опять я въ классѣ, опять по воскресеньямъ у княгини и у Яковлевыхъ. Больше всѣхъ мнѣ обрадовался Саша Герценъ. Онъ прожилъ все лѣто въ Москвѣ, одиноко, въ скукѣ. При первомъ свиданьи, Саша разсказалъ мнѣ, какъ онъ былъ встревоженъ, услыхавши, что и его, какъ меня, хотятъ отдать въ пансіонъ, что боясь пансіона, онъ долго просыпался по ночамъ и плакалъ.

«Теперь, говорилъ онъ, все это кончено; рѣшено учить меня дома. Учителя уже ходятъ ко мнѣ—французъ Бушо изъ Меца, учитъ по-французски, а нѣмецъ изъ Сарепты—Иванъ Ивановичъ Экъ—по-нѣмецки».

Вскорѣ я увидала обоихъ учителей. Мужчина высокаго роста, совершенно плѣшивый, кромѣ двухъ-трехъ клокъ волосъ, безконечной длины на высокахъ; таковъ былъ m-r Бушо. Важность отпечатлѣвалась не только въ каждомъ поступкѣ его, но и въ каждомъ движеніи. Онъ кланялся ногами, улыбался одной нижней губой, голова у него никогда не гнулась съ тѣхъ поръ, какъ его перестали пеленать; ко всему этому надобно прибавить французскую физіономію конца прошлаго вѣка, съ огромнымъ носомъ, нависшими бровями; одну изъ тѣхъ физіономій, которую можно видѣть на хорошихъ гравюрахъ, представляющихъ народныя сцены временъ федераціи. Бушо былъ человѣкъ добрый, такъ точно, какъ лошадь—звѣрь добрый по инстинкту, и къ нему однако, какъ къ лошади, не всякій бы рѣшился подойти ближе размѣра ноги и копытъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа въ самый разгаръ революціи, и, припоминая теперь его слова и лицо, можно думать, что citoyen Bouchot не былъ празднымъ, ни при взятіи Бастиліи, ни 10 августа. Онъ обо всемъ говорилъ съ пренебреженіемъ, кромѣ Меца и тамошней соборной церкви. О революціи онъ почти никогда не говорилъ, но какъ-то грозно улыбался. Разъ какъ-то Саша спросилъ его, за что французы казнили Людовика XVI? онъ коротко отвѣчалъ: «parce qu'il a été traitre à la patrie». Холостой, серьезный, важный, онъ не тратилъ съ Сашей словъ, спрягалъ глаголы, диктовалъ изъ «Les Lucas de Marmontel», разставлялъ послѣ accent grave et aigu, отмѣчалъ на поляхъ сколько ошибокъ, бранился и уходилъ, опираясь на огромную суковатую палку.

Саша Герценъ учился неохотно, невнимательно; его лѣнь и разсѣянность были такъ велики, что приводили въ изумленіе самого Бушо. Увѣщанія, просьбы, брань, ничто не дѣйствовало. Бушо предложилъ попробовать, не подѣйствуетъ ли затронутое самолюбіе. Для этого опыта избрали меня. Передъ началомъ урока, Бушо, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Voulez-vous partagez nos leçons m-lle Toinon?» почему-то Бушо всегда называлъ меня Toinon; я помѣстилась вмѣстѣ съ Сашей за большой столъ, выкрашенный

въ темно-голубую краску. Урокъ начался чтеніемъ. Саша читалъ вяло, пропускалъ слова, недоговаривалъ, вертѣлся на стулѣ, бросалъ на меня лукавые взгляды и улыбки, ни мало не трогаясь досадой Бушо. Послѣ чтенія, мы писали подъ диктантъ, дѣлали анализъ, спрягали глаголы. Бушо хвалилъ меня, саркастически посматривая на Сашу, который ничего не замѣчая, внимательно слушалъ мои отвѣты, и когда урокъ окончился, выразилъ чрезмѣрную радость. Онъ вообразилъ, что Бушо хотѣлъ меня срѣзать, да неудалось.

Участіе мое въ урокахъ Саши оказало пользу, только не въ томъ смыслѣ, какъ предполагали, ему надобенъ былъ товарищъ, который раздѣлялъ бы съ нимъ занятія и помогалъ нести бремя склоненій и спряженій, а не соученикъ, возбуждающій соревнованіе. Саша былъ не завистливъ.

Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, замѣчая, что Саша вмѣстѣ со мною учится охотнѣе, нерѣдко, взявши меня на праздникъ, оставлялъ у себя по недѣли. Мнѣ это не вредило.

Саша зналъ уже нѣсколько по-французски изъ разговоровъ съ отцомъ и сенаторомъ. По-нѣмецки онъ говорилъ съ дѣтства съ матерью, m-me Прово, Кало; всѣ они плохо знали по-русски, и между собою объяснялись на нѣмецкомъ языкѣ. Посѣщали Луизу Ивановну также только нѣмцы. Помню я какую-то Амалію высокую, худую, родственницу m-me Прово, и молодаго Гезеля изъ аптеки съ Маросейки; это былъ человѣкъ отчаянный и ученый, и что отъ него всегда пахло ребарборой съ розовымъ масломъ. Гезель принесъ однажды Сашѣ комедіи Коцебу на русскомъ языкѣ и картинку, на которой представленъ былъ юноша съ длинными волосами; при этомъ разсказалъ, что юношу зовутъ Карлъ Зандъ, что онъ убилъ кинжаломъ почтеннаго сочинителя комедій, Коцебу, а юношѣ за это отрубили голову. Картинку повѣсили въ комнатѣ Луизы Ивановны надъ умывальнымъ столикомъ. Саша мнѣ показалъ ее и разсказалъ всю исторію. Комедіи Коцебу мы читали вмѣстѣ, нѣкоторыя обливали слезами и дивились, за что Зандъ убилъ такого хорошаго писателя.

Мелькомъ слышали мы что-то о заговорѣ, о брошенномъ жребіи, выпавшимъ на долю Занда, стало быть онъ не по своей волѣ убилъ Коцебу, и не могли придумать, кого изъ нихъ надобно жалѣть. Впослѣдствіи «Кинжалъ» Пушкина вывелъ насъ

этого затрудненія, и Саша растроганнымъ голосомъ читалъ на память всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать:

«Лемносскій Богъ тебя сковалъ» и проч.

Иванъ Ивановичъ Экъ, по преимуществу учитель музыки, былъ также высокъ ростомъ, какъ и Бушо; но такъ тонокъ и гибокъ, что походилъ на развернутый англійскій футъ, который на каждомъ дюймѣ гнется въ обѣ стороны. Фракъ у него былъ сѣренькой, съ перламутровыми пуговицами, пантолоны черныя, какой-то неопредѣленной, допотопной матеріи; онѣ смиренно прятались въ сапоги à la Souvoroff, съ кисточками; ихъ выписывалъ Экъ изъ Сарепты. Это было одно изъ тѣхъ тихихъ, кроткихъ нѣмецкихъ существъ, исполненныхъ простоты сердечной, кротости и смиренія, которыя неузнанныя никѣмъ, и счастливыя въ своемъ маленькомъ кружечкѣ живутъ, любятъ другъ друга, играютъ на фортепіано и умираютъ такъ, какъ жили. Это лицо изъ реформаціи, изъ временъ пуританизма во всей его чистотѣ.

Иванъ Ивановичъ занимался не столько грамматикой съ Сашей, сколько съ Егоромъ Ивановичемъ Герценомъ уроками на фортепіано. Музыка была для Егора Ивановича наслажденіемъ и отдыхомъ отъ безпрерывныхъ оскорбленій и огорченій, ничѣмъ не заслуженныхъ. По врожденной способности онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ игрѣ на фортепіано, не смотря на то, что Иванъ Ивановичъ, повидимому, и самъ былъ не далекъ въ ней. Однажды Егоръ Ивановичъ, разыгрывая экзерсиціи Краммера, затруднился; Иванъ Ивановичъ предложилъ ему играть одну руку, а самъ сталъ играть другую; дѣло и такъ не шло на ладъ. Тогда Иванъ Ивановичъ сказалъ: «das können wir nicht alle beide» и отложилъ ноты.

Въ то время, какъ на Александра постоянно обращено было вниманіе, Егоръ Ивановичъ оставался забытымъ. Но, не смотря на явное предпочтеніе себѣ меньшаго брата, онъ всегда искренно любилъ его; съ своей стороны Александръ, во всю жизнь свою, сохранялъ къ нему уваженіе и дружескія чувства, какія только были возможны при различіи возраста, характера, образованности и цѣлей.

При всемъ попеченіи объ образованіи Александра, развитіе

религіознаго чувства не входило и не могло войти въ кругъ его воспитанія. Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ смотрѣлъ на религію не такъ, какъ на врожденную потребность человѣческаго духа, а какъ на необходимую принадлежность каждаго образованнаго человѣка и требовалъ только соблюденія обрядовъ. По праздникамъ онъ посылалъ насъ къ обѣдни; на страстной недѣлѣ заставлялъ ѣсть постное и говѣть. Въ ребячествѣ Александръ со страхомъ шелъ къ исповѣди; причастившись, начиналъ нетерпѣливо ждать свѣтлаго воскресенья; дождавшись, объѣдался красными яицами, пасхами и куличами. Надъ кроваткой Александра всегда висѣлъ образокъ, передъ которымъ его упрашивали утромъ и вечеромъ помолиться. Онъ машинально крестился, зѣвалъ, озираясь во всѣ стороны, читалъ молитвы, да: «помилуй Господи папеньку, маменьку, меня, младенца Александра», часто; не договоривши послѣдняго, убѣгалъ. Когда Александръ ложился спать, Иванъ Алексѣевичъ подходилъ къ его постели, крестилъ его и укутывалъ простыней и байковымъ одѣяломъ. Это дѣлалось постоянно до Александрова ареста. «Въ религіи, говорилъ Иванъ Алексѣевичъ Александру,—когда тотъ начиналъ задаваться вопросами,—разсуждать нечего, а надобно вѣрить и исповѣдать то, что предписываетъ та религія, въ которой родился». При этомъ, однако, Иванъ Алексѣевичъ самъ плохо исполнялъ уставы своей церкви, ссылаясь на слабое здоровье. Не рѣдко, когда священникъ приходилъ съ крестомъ въ Рождество или въ Свѣтлое Воскресенье, онъ высылалъ пять рублей, съ извиненіемъ, что не можетъ принять его, такъ какъ попы наносятъ съ собой много холода и онъ можетъ простудиться. Луизу Ивановну вовсе не занимали религіозные вопросы; она, не разсуждая, каждый годъ причащалась, напившись передъ причастіемъ кофе со сливками, къ великому соблазну Вѣры Артамоновны, да по праздникамъ ѣздила въ лютеранскую церковь, взявши съ собой Александра и Егора Ивановича. Въ лютеранской церкви Александръ пріобрѣлъ искусство передразнивать. Пріѣхавши домой, ко всеобщему удовольствію, Саша весьма живо представлялъ пастора и его декламацію. Это искусство онъ удержалъ навсегда.

Остановиться на безжизненномъ формализмѣ Александръ не могъ. Какъ только онъ раскрылъ Евангеліе, живое чувство въ немъ сказалось. Евангеліе онъ читалъ много и съ любовью. Онъ

читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искренное, глубокое уваженіе къ читаемому. Не помню, чтобъ когда-нибудь онъ взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ. Это его проводило черезъ всю жизнь. Во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ, онъ возвращался къ чтенію Евангелія и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на его душу. Ни ледяная атмосфера родительскаго дома въ этомъ отношеніи, ни вліяніе матеріальнаго химика, ни чтеніе классиковъ XVIII столѣтія, не могли затаить пробудившейся въ немъ святой искры религіознаго чувства; она разгорѣлась и рождала періоды пламенной вѣры и молитвы, и переставши освѣщать и согрѣвать высшія области духа его, горячо проявлялась въ дружбѣ, любви, наукѣ и человѣчности.

Онъ хотѣлъ вѣрить и искалъ истины.

ГЛАВА VII.

Въ этотъ годъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, пріѣхала въ Москву моя мать и, по обыкновенію, остановилась у княгини. Никогда она не была ко мнѣ такъ нѣжна, какъ въ это время. Продержавши меня у себя нѣсколько дней, она отвезла меня въ пансіонъ, прощаясь, перекрестила и сказала, чтобы я не плакала, что черезъ недѣлю она опять за мною пріѣдетъ. Черезъ недѣлю ее не было уже на свѣтѣ. Отъ меня скрыли какъ болѣзнь ея, такъ и кончину. Мать мою похоронили въ Донскомъ монастырѣ. Когда все было кончено, одна родственница моего отца взяла меня къ себѣ и послѣ небольшаго вступленія, сказала:

— «Что дѣлать, Танечка, воля Божья — ты сирота, матери у тебя больше нѣтъ».

Оцѣпененіе мое перетревожило всѣхъ; оно начало проходить, когда надѣли на меня трауръ. Я стала что-то соображать, понимать — и залилась слезами.

Отецъ мой въ это время тайно проживалъ въ Москвѣ; случайно узнавши о болѣзни жены, прискакалъ къ княгинѣ за день до кончины моей матери. У гроба ея онъ плакалъ, раскаявался въ сдѣланныхъ ей огорченіяхъ и, услыша, что мысли обо мнѣ тревожили ее до послѣдней минуты, клялся замѣнить мнѣ ее. Всѣ родные моей матери были глубоко поражены и огорчены ея кончиной....

Когда я явилась въ пансіонъ въ глубокомъ трауръ, начальницы и воспитанницы встрѣтили меня съ сердечнымъ участіемъ. Одна изъ воспитанницъ подарила мнѣ, переведенныя на русскій языкъ, «Сказки дочери моей», хотя голова моя уже была набита комедіями и удолерскими замками, я съ увлеченіемъ читала эти сказки. Не смотря на ихъ конфектную мораль, онѣ въ простыхъ дѣтскихъ разсказахъ, отчасти открыли мнѣ нравственный міръ и возбудили намѣреніе подражать хорошимъ примѣрамъ.

У княгини и у Яковлевыхъ встрѣтили меня со слезами и вездѣ съ какимъ-то почетомъ. Я не понимала тогда, что это почетъ былъ несчастію и удивлялась, за что это всѣ меня такъ уважаютъ. Вдругъ мнѣ показалось, что мнѣ очень весело и я сама люблю всѣхъ больше прежняго. Одинъ Саша Герценъ былъ со мной холоденъ, обыкновенно какъ-то странно смотрѣлъ на меня, одѣтую въ черное платье, обшитое бѣлымъ батистомъ, долго не говорилъ со мною ни слова, не подходилъ ко мнѣ и не звалъ играть или читать вмѣстѣ, какъ бывало прежде.

Весной Яковлевы рѣшились раздѣлиться. Отъ тройнаго управленія, основаннаго на дѣйствіи въ перекоръ другъ другу, страдало какъ хозяйство, такъ и крестьяне. Сенаторъ и Иванъ Алексѣевичъ ѣздили къ старшему братцу для переговоровъ. Старшій братецъ обѣщалъ къ нимъ пріѣхать для окончанія дѣла. Всѣ въ домѣ боялись этого братца и ждали съ волненіемъ. Саша, какъ и всѣ, боялся его и желалъ видѣть.

Въ назначенный день пригласили къ засѣданію Дмитрія Павловича Голохвастова и Андрея Ивановича Ключарева, чиновника, завѣдывавшаго дѣлами Яковлевыхъ. Всѣ сидѣли молча, когда оффиціантъ доложилъ, что братецъ изволилъ пожаловать. Сенаторъ и Иванъ Алексѣевичъ встали и пошли ему на встрѣчу. Саша вышелъ въ другую комнату и остановился у двери, чтобы посмотрѣть на ужаснаго братца. Братецъ тихо подвигался впередъ, держа передъ собой образъ и едва только онъ началъ патетическую рѣчь, какъ Иванъ Алексѣевичъ прервалъ ее холоднымъ замѣчаніемъ. Братецъ закричалъ и бросилъ образъ, сенаторъ закричалъ еще ужаснѣе. Саша опрометью бросился на верхъ. Вся прислуга попряталась по угламъ.

Что было и какъ было послѣ — неизвѣстно, но шумъ затихъ

и раздѣлъ былъ совершенъ. Братецъ остался обѣдать, послѣ обѣда отдыхалъ и провелъ весь вечеръ у братьевъ.

Ивану Алексѣевичу досталось село Васильевское съ деревнями; сенатору—Новоселье съ Уходовымъ, принадлежавшія моему дѣду, Петру Алексѣевичу—старшему изъ братьевъ Яковлевыхъ; Александу Алексѣевичу—Перхушково, подъ Москвой.

Лѣтомъ Иванъ Алексѣевичъ, съ семействомъ, уѣхалъ въ Васильевское. Я оставалась у княгини на время вакаціи. Саша писалъ мнѣ изъ деревни. Это была наша первая переписка. Его поощряли къ перепискѣ со мною, въ виду его пользы. Къ сожалѣнію, письма эти, со множествомъ другихъ, писанныхъ Сашей въ разныя времена и подъ разными впечатлѣніями, сожжены въ то время, какъ его арестовали. Нѣкоторыя изъ нихъ я переписала, отрывками, въ переплетенную тетрадь бѣлой бумаги, подаренную мнѣ Александромъ, съ надписью: «не для вздорныхъ статей».

Дѣтскія письма Саши мы часто, смѣясь, перечитывали съ нимъ и съ Вадимомъ Пассекомъ, моимъ мужемъ. Я помню содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первое письмо я получила изъ-подъ московнаго села Покровскаго, принадлежавшаго сенатору. По пути въ Васильевское, Иванъ Алексѣевичъ въ немъ остановился и отдыхалъ тамъ двѣ недѣли.

....«Покровское, писалъ мнѣ Саша, стоитъ среди дремучаго лѣса; деревья въ немъ такъ часты и высоки, что, пройдя нѣсколько шаговъ, не знаешь куда выйдешь. Въ лѣсу этомъ живетъ много волковъ; лѣсъ такъ близко подходитъ къ дому, что я хожу туда съ книгой, ложусь подъ дерево и читаю; волки бѣгаютъ мимо меня. Я остаюсь въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока Вѣра Артамоновна позоветъ меня въ комнаты»....

....«Мы помѣстились въ старомъ, полуразвалившемся домѣ, писалъ онъ, по пріѣздѣ въ Васильевское. Подлѣ него дикій, запущенный садъ, дорожки въ немъ заросли лопушникомъ и крапивой, вершины березъ покрыты вороньими гнѣздами; вечерами онѣ съ крикомъ прилетаютъ въ садъ и садятся на деревья. У насъ въ саду много крупной клубники; садовникъ кормитъ меня клубникой, когда прихожу къ нему смотрѣть, какъ онъ троитъ мятную и розовую воду»....

....«Левка принесъ мнѣ зайца, сообщалъ Саша въ одномъ письмѣ, я помѣстилъ его въ чуланъ, подлѣ моей комнаты, самъ кормлю его хлѣбомъ, капустой и молокомъ». Послѣ зайца описана была бѣлка, какъ она, сидя въ клѣткѣ, бѣгаетъ по колесу, или, сѣвши на заднія лапки, покрывается пушистымъ хвостомъ. За бѣлкой слѣдовало извѣстіе о фальконетѣ. По пріѣздѣ въ Васильевское, Иванъ Алексѣевичъ подарилъ Сашѣ маленькій фальконетъ, и позволилъ каждый вечеръ, одинъ разъ, изъ него выстрѣлить съ плотины, идущей черезъ Москву-рѣку, въ присутствіи Луизы Ивановны и многочисленной прислуги. Впослѣдствіи этотъ фальконетъ разорвало у Саши на рукѣ, не сдѣлавши ему никакого вреда, кромѣ испуга. «Утрами, писалъ онъ, я играю на солнцѣ у рѣки, на площадкѣ бѣлаго песка, поросшаго подлѣ воды высокимъ тростникомъ и въ длинной ивовой аллеѣ, идущей по берегу. Смотрю, какъ купаются деревенскіе ребята, плаваютъ въ лодкѣ, рыбаки ловятъ рыбу, которую мы у нихъ покупаемъ. Мнѣ самому хочется покупаться, поплавать въ лодкѣ и рыбу половить, папенька не позволяетъ».

Иванъ Алексѣевичъ прожилъ въ Васильевскомъ до осени.

Мнѣ у княгини было хорошо. Меня любили и ласкали. Въ день моего рожденія, подарили мнѣ нѣсколько томовъ «Образцовыхъ сочиненій». Они развили во мнѣ страсть къ стихамъ и декламаціи. Память у меня была такъ хороша, что, прочитавши нѣсколько разъ какіе-нибудь стихи, говорила ихъ наизусть. Я уходила читать и декламировать въ небольшой садикъ, находившійся противъ оконъ внутреннихъ комнатъ. Взявши скамеечку, я помѣщалась на ней, то въ кустахъ малины, то въ смородинѣ и безпощадно заѣдала стихи ягодами. Баллады Жуковскаго, басни, Вѣтряна и Алькаскаръ, ода Богъ, Державина, все читала, все учила, половину понимая, половину не понимая. Часто вечеромъ декламирую разные стихи передъ княжнами и передъ собиравшимися у нихъ молодыми родственницами и родственниками. Разъ увидавши въ окно полный мѣсяцъ, смотря на него, я стала говорить:

На темно голубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна.

Потомъ:

Вотъ и мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой.

Мнѣ нравилось, на каждый случай, сказать стихи. Всѣ забавлялись этимъ и поощряли меня. Съ трудомъ оставила я эту привычку.

Въ это лѣто княжна Екатерина Ѳедоровна вышла замужъ за Веприйскаго и уѣхала съ нимъ въ его брянскую деревню; съ ней, какъ будто что-то теплое, животворное удалилось изъ дома княгини.

По возвращеніи въ Москву Ивана Алексѣевича, занятія Саши Герцена возобновились въ прежней формѣ. Сухое ученіе еще больше стало отталкивать его послѣ знакомства съ живой природой въ деревнѣ. Въ началѣ онъ скучалъ, игрушки бросилъ. Дѣтство преждевременно оканчивалось. Потребность живыхъ впечатлѣній и ихъ раздѣла томила его. Исходъ этому онъ нашелъ въ книгахъ. Первая прочтенная имъ книга была «Лолота и Фанжанъ». Онъ былъ отъ нея въ восторгѣ, пересказывалъ мнѣ ея содержаніе, сверхъ того совѣтовалъ и прочитать. За Лолотою слѣдовалъ «Алексисъ или домикъ въ лѣсу». Съ легкой руки мамзель Лолоты онъ пустился читать безъ выбора, безъ устали, понимая, не понимая, старое, новое, трагедіи Сумарокова, Россіаду, «Россійскій Ѳеатръ, etc. etc.

Прочитавши все, что нашлось въ сундукѣ, хранившемся въ кладовой, Саша началъ добывать книги по сторонамъ. Провизоръ съ Маросейки сталъ доставлять ему французскіе романы. Романы поглотили все вниманіе Саши. Онъ забывалъ себя въ камлотовой курточкѣ и переселялся послѣдовательно въ молодого Бургарда, Алкивіада, Ринальдо Ринальдини и т. д., но какъ умственное его обжорство не знало мѣры, то вскорѣ не достало романовъ въ фармацеи на Маросейкѣ.

Въ нижнемъ этажѣ ихъ дома была сложена огромная библіотека изъ книгъ прошедшаго столѣтія. Сашѣ позволили оттуда брать ихъ, сколько хотѣлось. Онъ не замедлилъ воспользоваться этимъ позволеніемъ и сталъ читать все, что только попадалось ему подъ руку: путешествія, романы, исторію, репертуаръ французскаго театра.

Воображая себя пажомъ въ любимой пьесѣ «Фигаро», онъ влюбился въ 18-ти лѣтнюю красивую брюнетку, дочь одного изъ пріятелей Ивана Алексѣевича, посѣщавшую ихъ отъ времени

до времени. Когда она входила въ комнату, онъ терялся, краснѣлъ и не смѣлъ подходить къ ней близко.

Страсть къ чтенію росла у Александра съ лѣтами; она скорѣе всѣхъ уроковъ Бушо развила въ немъ врожденную способность къ языкамъ, черезъ что, съ дѣтскихъ лѣтъ, познакомила съ общимъ образованіемъ своего вѣка. Это было для него чрезвычайно важно, какъ для будущаго писателя, доставивши обладаніе авторскимъ слогомъ, и какъ для человѣка. Раскрывши передъ нимъ условія моральнаго міра, она спасла нравственную чистоту, свойственную его идеальной натурѣ, предохранила отъ порочныхъ увлеченій, пустоты и безсердечныхъ прихотей окружавшей его среды, и возбудила негодованіе противъ неравномѣрнаго распредѣленія благъ общественнаго быта. Послѣднему много способствовали исключительныя условія его жизни и семейнаго положенія.

Александру не было еще двѣнадцати лѣтъ, какъ онъ узналъ изъ разговора нянекъ и прислуги, во всѣхъ подробностяхъ, объ отношеніяхъ своихъ родителей. Грустно говорилъ онъ мнѣ о своемъ открытіи и жаловался на то, что онъ и мать его поставлены въ ложное общественное положеніе.

Разъ Саша слышалъ, какъ Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ и Петръ Кирилловичъ Эссенъ, разговаривая о немъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, называли его положеніе ложнымъ и совѣтовали, чтобы скорѣе вывести его въ люди, записать въ военную службу, обѣщая свое содѣйствіе. Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ имъ, что хочетъ открыть ему дипломатическую карьеру. — «Да развѣ изъ военныхъ не выходятъ люди достойные,—вотъ, хоть бы и мы съ тобой», говорили они.

— «Это такъ, отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, да я разлюбилъ все военное».

Разговоръ этотъ оставилъ Александру тяжелое воспоминаніе.

— Ну, если такъ, значитъ я не завишу ни отъ отца, ни отъ общества, добавлялъ онъ, съ навертывавшимися на глазахъ слезами.

Къ отцу онъ сдѣлался холоднѣе, въ обществѣ сталъ стѣсняться и теряться.

Не смотря на то, что отецъ заботился о немъ съ всегдашней любовію, родные и знакомые окружали вниманіемъ и

относились какъ бы къ законному сыну Ивана Алексѣевича, Саша чувствовалъ себя чуждымъ въ томъ кругу, въ которомъ былъ поставленъ обстоятельствами—и отдалился отъ него.

Всѣ эти условія, при сильно впечатлительной натурѣ Александра и глубокой чувствительности, отчасти имѣли вліяніе, не только на чувства, но на понятія и на поступки его.

Отклонившись отъ круга аристократическаго, онъ приблизился къ народу, сталъ сочувствовать всему лишенному какихъ-либо правъ и ставить въ укоръ высшему кругу общества преимущества, которыми оно пользовалось исключительно.

Это настроеніе духа поддерживалось ропотомъ прислуги, деспотизмомъ отца и картиной печальнаго положенія крестьянъ, которую онъ видалъ во время своего лѣтняго пребыванія въ имѣніяхъ Ивана Алексѣевича. Притѣсненія и злоупотребленія прикащиковъ, управляющихъ и конторщиковъ доводили Сашу до того, что у него захватывало дыханіе, онъ едва не падалъ въ обморокъ, и обращаясь къ отцу, настоятельно просилъ, чтобы всѣ злоупотребленія были уничтожены.

Каждый годъ, къ масляницѣ, пріѣзжали въ Москву съ оброкомъ крестьяне Ивана Алексѣевича, изъ его Керенскаго имѣнія. Оброкъ они платили не деньгами, а натурой. Съ огромнымъ обозомъ муки, крупы, масла, мерзлыхъ свиней, поросятъ, гусей и проч. живности являлись они на барскій дворъ. Шкунъ, крестьянинъ Ивана Алексѣевича — на оброкѣ, которому поручалось дѣлать разныя закупки для дома и ревизовать имѣнія, назначался для ревизіи и пріема керенскихъ съѣстныхъ запасовъ, вмѣстѣ съ писаремъ. Александръ, слыша, что Шкунъ при пріемѣ беретъ съ крестьянъ взятки, самъ являлся стеречь сдачу провизіи, при этомъ говорилъ крестьянамъ, чтобы они ни Шкуну, никому ничего не давали. Крестьяне ему кланялись и благодарили, а потомъ и вся дворня объѣдалась жареными гусями и поросятами. Когда керенской староста, сдавши оброкъ, являлся къ Ивану Алексѣевичу и, дрожа отъ страха, останавливался у дверей въ ожиданіи квитанціи въ правильной сдачѣ оброка и барскихъ приказаній, Александръ не выходилъ изъ комнаты отца въ продолженіе всей аудіенціи, и съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ защищалъ отъ грабежа керенскую провизію, заступался за старосту, когда, послѣ трехъ-часовой, доводящей до истомы, на-

таціи, Иванъ Алексѣевичъ, выдавая квитанцію, за возможныя случиться провинности, грозился старостѣ обрить бороду; а староста, не помня себя отъ страха, кланялся ему въ ноги, умоляя о помилованіи.

Не разъ, разсуждая о Шкунѣ, мы придумывали средства, какъ бы избавить отъ него и отъ подобныхъ ему все человѣчество, и намъ казалось такъ возможно и такъ легко уничтожить всякое зло, всѣ несчастія и пороки, всѣхъ сдѣлать счастливыми, самимъ получить великую благодарность, и достигнуть высшаго нравственнаго совершенства.

Вскорѣ послѣ раздѣла имѣній, Иванъ Алексѣевичъ купилъ домъ въ Москвѣ, въ Старой Конюшеной, въ приходѣ Власія, а сенаторъ купилъ себѣ домъ на Арбатѣ, куда и переселился съ грудной дочерью Софьей и малолѣтнимъ сыномъ, красивымъ, бѣлокурымъ ребенкомъ, Сережей, котораго всѣ называли Лелѣемъ, какъ онъ самъ себя прозвалъ [1]). Съ сенаторомъ удалились Карлъ Ивановичъ Кало, вся прислуга сенатора и все, что разливало жизнь въ домѣ. Домъ Ивана Алексѣевича принялъ характеръ угрюмый; повсюду распространилась глубокая тишина, ходили осторожно, говорили въ полголоса изъ подавленности и страха.

Новый домъ былъ каменный, двухъ-этажный; онъ стоялъ глубоко въ пространномъ дворѣ. Наружностью походилъ на фабрику или скорѣе на тюрьму. Въ толстыя стѣны его вдавались окна; въ нижнемъ этажѣ нѣкоторыя окна были съ желѣзными рѣшетками. Съ обѣихъ сторонъ дома раскидывались тѣнистые полисадники. Въ верхнемъ этажѣ длинная зала, выходившая окнами на двѣ противоположныя стороны, раздѣлялась поперегъ широкими ширмами. Узкая отгороженная часть образовывала родъ корридора, съ дверью въ переднюю. У противоположной стороны ширмъ стоялъ покойный диванъ и передъ нимъ круглый раздвижной столъ краснаго дерева; на немъ обѣдали, пили чай, вокругъ него собирались вечеромъ посѣтители, состоявшіе изъ сенатора, двухъ племянниковъ Голохвастовыхъ, племянника Николая Васильевича Шатанова и нѣсколько привиллегированныхъ постороннихъ лицъ. На диванѣ Иванъ Алексѣевичъ занималъ одно привычное мѣсто. Изъ залы одна дверь

---

[1]) Нынѣ знаменитый фотографъ С. Л. Левицкій.

вела въ небольшой кабинетъ Александра; тамъ онъ спалъ на широкомъ турецкомъ диванѣ, а днемъ, сидя здѣсь, передъ раскрытымъ ломбернымъ столомъ, бралъ уроки, читалъ, занимался. Корельской березы шкафъ съ книгами, три плетеные стула, парусинныя шторы на окнѣ составляли все убранство комнаты, въ которой прошли послѣдніе годы отрочества и первые годы юности Саши. Подъ окномъ его комнаты росъ тополь, такой густой и высокій, что вѣтвями своими затѣнялъ часть окошка. Рядомъ съ кабинетомъ Саши, въ крошечной комнаткѣ, помѣщались его электрическая и пневматическая машина, глобусы небесный и земной, на стѣнахъ висѣли ландкарты, у окна стоялъ желтый столъ, весь изрѣзанный и исчерченный перочиннымъ ножикомъ; за этимъ столикомъ Саша иногда учился съ избранными учителями, когда желалъ уйти съ глазъ Ивана Алексѣевича. Дальше шли двѣ гостинныя, чайная, помѣщеніе прислуги. Нижній этажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ довольно удобныхъ комнатъ со сводами. Тамъ, въ первое время жилъ Иванъ Алексѣевичъ, потомъ переселился на верхъ; при немъ остался Саша, а мужчины помѣстились внизу, гдѣ и прожили нѣсколько лѣтъ сряду. На верху Иванъ Алексѣевичъ устроилъ себѣ спальню въ большой гостинной. Простая деревянная, некрашеная кровать его, покрытая бѣлымъ байковымъ одѣяломъ, стояла у средней стѣны между двухъ печей. Передъ ней ночной столикъ, на которомъ всегда лежали какіе-нибудь мемуары, и стоялъ стаканъ и графинъ съ водою. По обоимъ концамъ комнаты были небольшіе письменные столы съ книгами, бумагами, деревенскими отчетами и бронзовыми низенькими подсвѣчниками съ зонтиками зеленымъ шелковымъ опахаломъ. Передъ столами стояли кресла, на нихъ Иванъ Алексѣевичъ попеременно, то за тѣмъ, то за другимъ столомъ занимался дѣлами или читалъ. Большею частію онъ читалъ, лежа на постелѣ. Мебель, вещи, бумаги никогда не мѣняли мѣстъ своихъ. Книги съ замѣтками имѣли опредѣленныя мѣста.

Жизнь въ домѣ Ивана Алексѣевича шла однообразно, какъ заведенные часы. Въ десятомъ часу утра камердинеръ увѣдомлялъ Вѣру Артамоновну, что баринъ всталъ; она отправлялась варить кофе. Узнавши, что кофе на столѣ, мы шли на верхъ, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ передъ завтракомъ прохаживался вдоль

амфилады комнатъ, куря свою коротенькую трубочку. Когда онъ былъ въ досадномъ расположеніи духа, то пробѣгалъ мимо насъ, будто не замѣчая; если же былъ въ обыкновенномъ состояніи, то останавливался, увидя насъ. Мы, по очередно, подходили къ нему и прикладывались, цѣлуя его на обѣ щеки. Здороваясь, онъ называлъ Сашу—Шушкой, а меня «рындой» за бѣлую длинную блузу, которую я надѣвала по утрамъ. Отпивши вмѣстѣ кофе, большею частію въ молчаніи, мы спѣшили уйдти внизъ, гдѣ, смѣясь, толковали на свободѣ о капризахъ Ивана Алексѣевича, называя его за глаза Der Heer, — такъ деръ геромъ онъ и остался у насъ навсегда. При вставаніи Ивана Алексѣевича съ постели, передняя наполнялась прислугой, начинали чистить комнаты, прибирать, если была зима—топить печи, протирать окна, которыя въ половинѣ Ивана Алексѣевича никогда, нигдѣ не растворялись, кромѣ Сашиной комнаты. Когда Иванъ Алексѣевичъ, отпивши кофе, входилъ въ свою спальню, человѣкъ подавалъ ему грѣтыя газеты, которыя онъ читалъ всегда послѣ завтрака, и никакъ не могъ примириться, получая гамбургскія газеты, что нѣмцы печатаютъ нѣмецкими буквами—говорилъ, что отъ этихъ буквъ съ хвостиками слабѣетъ зрѣніе. Каждое утро поваръ приносилъ Ивану Алексѣевичу въ рѣшетѣ показать купленую провизію и почти каждый разъ Иванъ Алексѣевичъ, посмотрѣвши на запискѣ цѣну, морщился и говорилъ:

— У, у какъ дорого! что это, подвозовъ, что ли нѣтъ?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ поваръ.

— Ну, такъ мы съ тобой поменьше будемъ покупать, пока подвезутъ.

Отпустивши повара, Иванъ Алексѣевичъ начиналъ сводить счеты, писалъ въ деревню приказы, журилъ кого-нибудь, ссорился съ камердинеромъ, главнымъ паціентомъ въ домѣ. Иногда утромъ являлся Шкунъ — ему приказывалось что-нибудь посмотрѣть по газетамъ, или купить для дома: сыру, муромскихъ сальныхъ свѣчей, которыми освѣщался весь домъ, крымскихъ яблоковъ. Когда вечеромъ уѣзжали посѣтители, Иванъ Алексѣевичъ, передъ спаньемъ, ходилъ около часа вдоль комнатъ, иногда вмѣстѣ съ Александромъ, а когда у нихъ бывала я, то всѣ трое врядъ, а за нами, случалось, шелъ Макбетъ—большая, бѣ-

лая ньюфаундленская собака, подаренная Дмитріемъ Павловичемъ Голохвастовымъ.

Впослѣдствіи Иванъ Алексѣевичъ купилъ еще два дома, въ связи съ тѣмъ, въ которомъ жилъ. Оба дома стояли на заперти; онъ ни одинъ не отдавалъ въ наймы, изъ опасенія пожара.

Каждый вечеръ онъ спрашивалъ, заперты ли ворота, на отвѣтъ «заперты-съ» качалъ головой, въ знакъ сомнѣнія, и довольствовался процесомъ порядка.

Событія 1812 года остались для него le grand évenement de la vie, за которымъ послѣдовали годы глубокаго покоя въ Москвѣ, и разстройство здоровья отъ работъ на пожарѣ Москвы и осенней поѣздки въ 1812 г. въ Петербургъ, на фельдъегерскихъ.

Спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ Ивана Алексѣевича изъ деревни, я замѣтила въ домѣ княгини, что родные часто съѣзжались, о чемъ-то таинственно толковали между собой, шептались съ возгласами изумленія и были чѣмъ-то крайне озабочены. Больше всѣхъ горячился сенаторъ, и часто произносилъ имя «Николаша». Тоже самое происходило и въ домѣ Ивана Алексѣевича; тамъ я узнала, что вся эта тревога происходитъ отъ того, что меньшой сынъ Елисаветы Алексѣевны Голохвастовой, Николай Павловичъ влюбился и потихоньку женился на небогатой и незнатной дѣвушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ Казначеевой. Елисавета Алексѣевна, гордая своимъ знатнымъ происхожденіемъ и богатствомъ, полагая, что только самыхъ извѣстныхъ фамилій дѣвушки достойны сыновъ ея, была чрезвычайно недовольна выборомъ Николая Павловича, и видя, что всѣ ея резоны не дѣйствуютъ, просила родныхъ образумить ея сына. За этимъ дѣло не стало. Всѣ родные принялись образумливать Николашу, совѣтовали бросить пустыя мечты и затѣи, и не огорчать мать. Успѣхъ этихъ уговоровъ вышелъ обратный. Николай Павловичъ, просивши нѣсколько разъ мать свою, благословить его жениться, получая постоянный отказъ, рѣшилъ, что можно обойтись и безъ благословенія.

Въ одну прекрасную ночь, когда всѣ уснули крѣпкимъ первымъ сномъ, онъ тихонько вылѣзъ изъ окна флигеля, въ которомъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, пріѣхалъ къ невѣстѣ, ожидавшей его, и обвѣнчался.

Саша, разсказывая мнѣ это событіе, говорилъ: «Николай Павловичъ самъ себя увезъ». Утромъ, когда узнали о побѣгѣ Николая Павловича, весь домъ пришелъ въ ужасное волненіе. Прислуга божилась, что ничего не знала; поѣхали къ княгинѣ, къ сенатору. Елисавета Алексѣевна была такъ поражена, что тутъ же слегла въ постель, съ которой и не вставала болѣе. Родные толковали, тужили вмѣстѣ, какъ молодые подъѣхали къ воротамъ, прося позволенія войдти и видѣть мать. Имъ отказали. Во все продолженіе болѣзни Елисаветы Алексѣевны, они каждый день подъѣзжали къ воротамъ ея дома, спрашивали о ея здоровьѣ и просили, чтобы ихъ приняли. Только передъ кончиною своею Елисавета Алексѣевна приняла сына и благословила, жену же его видѣть не хотѣла.

Мы слышали отъ прислуги, что какъ въ домѣ Елисаветы Алексѣевны, такъ и въ домѣ княгини, вся прислуга знала, что Николай Павловичъ женится тайно и помогала ему не только уйдти, но даже заранѣе устроить квартиру и роскошно убрать всю цвѣтами, деревьями изъ оранжереи Елисаветы Алексѣевны. Садовникъ, ночами, перекидывалъ растенія черезъ заборъ сада Голохвастовыхъ, а нѣкоторые изъ прислуги ихъ принимали и отвозили на квартиру. Камердинеръ Николая Павловича подставилъ ему къ окну лѣстницу и проводилъ до экипажа.

Въ продолженіе этого года, меня перемѣстили изъ пансіона Данквартъ, въ пансіонъ m-lle Воше. Мы слышали, что она, будучи еще очень молодой, эмигрировала изъ Франціи во время революціи 1790 годовъ, вмѣстѣ съ аббатомъ Мальэрбомъ; сначала они открыли пансіонъ для дѣвицъ въ Варшавѣ, потомъ переѣхали въ Москву; аббатъ Мальэрбъ устроился при католической церкви, а m-lle Воше открыла пансіонъ. Когда я поступила въ него, тамъ было не больше 25-ти дѣвочекъ, получавшихъ почти домашнее воспитаніе. Аббатъ Мальэрбъ, старый, добродушный, каждый день приходилъ въ пансіонъ къ обѣду и оставался до поздняго вечера. Дѣти радостно встрѣчали его, обнимали. Отличившихся онъ исключительно ласкалъ, провинившимся испрашивалъ прощеніе. M-lle Воше сама преподавала намъ многіе предметы, все на французскомъ языкѣ.

Послѣ древней исторіи, она начинала намъ исторію Франціи. Въ противуположность Бушо, она, бывало, глубоко растроганнымъ

голосомъ говорила о несчастномъ королѣ Людовикѣ XVI и Маріи Антуанетѣ, объ ихъ страданіяхъ и казни, и съ ужасомъ о террорѣ. У аббата Мальэрбо я выучилась пѣть: «O Richard! oh mon roi», и пѣсню изъ дезертира «peut on affliger ce qu'on aime», которыя игралъ оркестръ на знаменитомъ праздникѣ, данномъ гвардіей въ залѣ Версальскаго театра, когда вошли въ нее король, королева и дофинъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА.

род. 1779, ум. 4 мая 1826 г.

Елисавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа), дочь маркграфа баденъ-дурлахскаго Карла-Лудвига, съ 1793 г. супруга в. кн., впослѣдствіи императора Александра I, род. въ Карлсруэ, 13-го января 1779 г. Въ высшей степени симпатичная личность императрицы Елисаветы Алексѣевны, какъ при ея жизни, такъ и въ послѣдующее время, была мало извѣстна въ русскомъ обществѣ; ее мало было видно при жизни, мало говорили о ней и послѣ смерти; это происходило оттого, что изъ двухъ императрицъ-современницъ дѣйствія замѣчательной, славной великими благотвореніями Маріи Ѳеодоровны не могли не имѣть значительно бо́льшаго для себя простора, почему они и затмѣвали царствовавшую государыню; вмѣстѣ съ симъ въ самомъ характерѣ Елисаветы Алексѣевны такъ много было скромности и наоборотъ столь мало тщеславія и желанія быть предметомъ говора людскаго, что эта прелестная, по душевнымъ и сердечнымъ качествамъ, личность не могла, по самой природѣ своей, слишкомъ выдвигаться. Вся жизнь ея была замкнута въ самомъ тѣсномъ кружку близкихъ и милыхъ ей лицъ; къ числу ихъ принадлежала госпожа Питтъ, жена наставника императрицы въ англійскомъ языкѣ; послѣ смерти своего мужа, Питтъ продолжала занятія англійскимъ языкомъ съ государыней, поселилась во дворцѣ и скоро самая тѣсная дружба и искреннѣйшая любовь соединила наставницу съ царственной ученицей.

Г-жа Питтъ имѣла несчастіе пережить своего друга; горько оплакавъ его, она уѣхала на родину, увозя съ собой прекрасный ея портретъ, нѣсколько подарковъ императрицы и большое собраніе писемъ и записочекъ, которыми чуть ни ежедневно обмѣнивались оба друга. Все

это перешло по смерти г-жи Питтъ къ ея наслѣдницамъ, но изъ писемъ уцѣлѣли весьма немногія [1]).

Николай Ѳедоровичъ фонъ-Крузе пріобрѣлъ эти драгоцѣнные остатки корреспонденціи императрицы Елисаветы Алексѣевны съ ея ближайшимъ другомъ и весьма обязательно сообщилъ „Русской Старинѣ", которая съ удовольствіемъ помѣщаетъ ихъ на свои страницы; если въ этихъ небольшихъ записочкахъ читатель найдетъ хоть нѣсколько словъ, дорисовывающихъ нравственный обликъ супруги императора Александра I, то это вполнѣ объяснитъ, почему настоящіе документы заслуживаютъ быть сохраненными для исторіи.

Прежде, однако, чѣмъ приведемъ эти письма, а также записочки государыни къ г-ну Питтъ, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ напомнить дышащее прелестною искренностью стихотвореніе Пушкина: оно относится къ 1819 году и явилось въ „отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь ея императорскаго величества государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны".

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ Касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елисавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой,
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И не подкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

Ред.

---

[1]) О г-жѣ Питтъ упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» почетный лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ. («Русская Старина», изд. 1872 г., т. VI, стр. 137 и 138).

1 [1]:

[A Monsieur, Monsieur Pitt]. C'est moi qui dois Vous demander Monsieur, de ne pas me taxer de Negligence pour avoir tardé, jusqu'à présent, à Vous prier de Venir chez moi, et Vous remercier en même tems de m'avoir donné Occasion de le faire. J'hésitois par la crainte, que des occupations plus éssentielles ne reclament les Momens, que Vous me donnez, mais je desire beaucoup recommencer l'étude de Votre belle Langue et Vous prie Monsieur de me faire le plaisir de venir chez moi demain, à onze heures. Elisabeth.

Ce Jeudi, 17 Nov.

2.

[A Monsieur, Monsieur Pitt]. Croyez Monsieur, que j'ai partagé bien vivement Vos inquietudes et celles de Mad. Pitt et que je me rejouis de même avec Vous de l'heureux Changement, qui s'est fait à l'état de Votre Enfant. Puissiez Vous avoir le bonheur de le Voir bientôt entierement remis. J'espere, que jusqu'à ce moment Vous ne serez occupé que de lui et de sa pauvre Mère, qui doit avoir si cruellement souffert, et j'aurai alors une double satisfaction à Vous revoir chez moi. E.

Письма императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Питтъ и его женѣ (переводъ).

1.

(Господину Питтъ). Я должна просить васъ, милостивый государь, не пенять на меня, что я замедлила просьбой придти ко мнѣ и въ то же время поблагодарить васъ за доставленный мнѣ случай сдѣлать это нынѣ. Я колебалась изъ опасенія, что занятія болѣе серьезныя не потребовали бы у васъ того времени, которое вы мнѣ отдаете; но я весьма желаю возобновить изученіе вашего прекраснаго языка и прошу васъ, милостивый государь, доставить мнѣ удовольствіе придти завтра, въ одиннадцать часовъ.

Елисавета.

Четвергъ, 17-го ноября.

2.

(Господину Питтъ). Вѣрьте, милостивый государь, что я очень живо раздѣляла ваши и Madame Питтъ безпокойства, и что я такъ же радуюсь съ вами счастливой перемѣнѣ, которая произошла въ состояніи здоровья вашего дитяти. Желаю вамъ имѣть счастіе видѣть его въ скоромъ времени совершенно выздоровѣвшимъ. Надѣюсь, что до того времени вы будете заняты исключительно имъ и его бѣдной матерью, которая должна была такъ жестоко страдать, и я тогда буду имѣть двойное удовольствіе видѣть васъ у себя. Е.

---

[1]) Письма приводимъ съ буквальною точностью. Ред.

3.

[A Monsieur, Monsieur Pitt]. Je dois renoncer aujourd'hui au plaisir de Vous Voir Monsieur; excusez moi de ne Vous en avertir que si tard; je ne prévoyois pas l'empêchement qui est survenu. J'espere m'en dedomager Vendredi prochain. Elisabeth.

4.

[Господину Питтъ]. Pardonnez moi Monsieur si je ne puis pas avoir le plaisir de Vous voir aujourd'hui. Le fils aîné de la Duchesse, qui est très malade depuis Dimanche, se trouve un peu soulagé ce Matin et je ne puis me resoudre à le quitter ni lui, ni sa Mere. Vous m'excuserez d'autant plus facilement, j'en suis sûre, que le Souvenir des inquietuds que Votre fils Vous a donné, est encore présent à Votre memoire et que la pauvre Duchesse se trouve actuellement dans la même position.

5.

Je Vous remercie, ma chere Madame Pitt, de l'avis, que Vous me

---

3.

(Господину Питтъ). Я должна отказаться сегодня отъ удовольствія видѣть васъ, милостивый государь; извините, что я такъ поздно извѣщаю васъ объ этомъ; я не предвидѣла воспослѣдовавшей помѣхи. Надѣюсь вознаградить себя за это въ будущую пятницу. Елисавета.

4.

(Господину Питтъ). Извините меня, милостивый государь, что я не могу имѣть удовольствіе видѣть васъ сегодня. Старшій сынъ герцогини, который очень боленъ съ воскресенья, сегодня чувствуетъ себя немного лучше, и я не могу рѣшиться оставить ни его, ни его мать. Вы тѣмъ скорѣе меня извините, я въ томъ увѣрена, что воспоминаніе о безпокойствахъ, которыя болѣзнь вашего сына причинила вамъ, должно еще быть въ вашей памяти; бѣдная герцогиня находится теперь въ такомъ же положеніи.

5.

Благодарю васъ, моя дорогая Madame Питтъ, за совѣтъ, который вы мнѣ даете; я воспользовалась имъ, написавъ еще нѣсколько словъ герцогинѣ и прилагаю при семъ. До свиданія, я надѣюсь, что вы здоровы.

Примѣчаніе. Проточный знакъ на бумагѣ: 1812 г.

donnez; j'en ai profité en ecrivant encore quelques Mots à la Duchesse et je les joins ici.

Bonjour, j'espere que Vous Vous portez bien.

6.

[A Madame Pitt]. Je Vous remercie, ma chere Madame Pitt, et pour les livres, que Vous m'avez envoyé hier et pour la lettre de la Duchesse; je n'y ai pas trouvé toute la Satisfaction, que Vous desiriez, car la pauvre Duchesse m'y paroit bien triste. Elle me dit de lui répondre par la même occasion et je Vous demanderai quelques notions sur la personne, qui doit se charger de ma lettre. J'espere Vous voir un de ces jours, si Votre Santé le permet. Je ne puis pas Vous fixer d'avance un moment, puisque mon tems n'est pas reglé encore, mais je desire Vous voir le plus tôt possible.

7.

Je joins ici ma lettre pour la Duchesse et une petite Caisse dont le porteur de la lettre voudra peut être bien se charger, si cependant elle était trop grande et qu'elle le gênat—rendez la moi et je la ferai partir par une Estafette.

Comment Va Votre Santé, ma chere Madame Pitt? et Voulez Vous bien me faire le plaisir de venir chez moi demain soir à 7 heures ou 7 heures $^{1}/_{2}$.

Ce Jeudi, matin.

6.

(Госпожѣ Питтъ). Благодарю васъ, дорогая Madame Питтъ, и за книги, которыя вы мнѣ вчера прислали, и за письмо герцогини. Я не нашла въ немъ того удовольствія, котораго вы ожидали, потому что бѣдная герцогиня кажется мнѣ въ немъ очень грустной. Она проситъ меня отвѣчать ей тѣмъ же путемъ, и я прошу васъ дать мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о лицѣ, которое должно взять на себя передачу моего письма. Надѣюсь видѣть васъ на дняхъ, если ваше здоровье позволитъ это; я не могу назначить вамъ заранѣе удобной минуты, потому что мое время еще не распредѣлено; но желаю видѣть васъ сколь возможно скорѣе.

Примѣчаніе. Проточный знакъ на бумагѣ: 1813 г.

7.

Прилагаю здѣсь мое письмо къ герцогинѣ и маленькій ящикъ, который податель письма можетъ быть согласится взять; если же онъ покажется слишкомъ великъ и стѣснитъ его, то возвратите его мнѣ, и я пошлю съ эстафетой.

8.

[A Madame, Madame Pitt]. Je n'ai pas pu Vous remercier tantôt par écrit, ma chere Madame Pitt, pour l'envoi des Mince Pies, que Vous avez bien voulu me faire; mais je Vous prie de recevoir ici mes remerciemens pour Votre Souvenir. Pourquoi donc croyez Vous, que je n'attache pas de prix à un objet semblable? J'aime beaucoup les Mince Pies et j'en ai mangé à Votre Santé autant que j'ose me le permettre. Je suis bien fâchée de ne pas oser esperer de Vous voir demain; mais c'est demain les fiançailles de la G. D. Catherine et toute la journée sera remplie pour moi de fatigues et de représentations. J'espere que rien ne me privera de Votre Societé Mercredi Soir. Si Vous aviez un empêchement faites le moi savoir j'en ferais de même de mon Côté. Je joins ici les livres que j'avais convenu avec Vous de Vous rendre.

9.

Vienne, ce 15 Decembre 1814.

La Confiance que Vous voulez bien me temoigner, ma chère Madame Pitt, en me parlant de tout, ce qui Vous touche de plus près, m'a flattée et satisfaite bien plus, que je ne puis Vous l'exprimer; mais avant de m'etendre sur ce sujet laissez moi Vous remercier de ce que Vous Vous êtes enfin decidée à accepter la proposition, que du consentement de l'Empereur je l'ai chargé de Vous faire. Combien ne Vous dois je pas de reconnoissance de ce, que Vous Vous prêtez à un arrange-

---

' Какъ ваше здоровье, моя дорогая Madame Питтъ? не сдѣлаете ли вы мнѣ удовольствіе придти завтра вечеромъ, въ семь часовъ или въ половинѣ осьмаго?

Четвергъ, утромъ.

Примѣчаніе. Проточный знакъ на бумагѣ: 1813 г.

8.

(Госпожѣ Питтъ). Я не могла поблагодарить васъ письменно, моя дорогая Madame Питтъ, за Mince Pies [1]), которые вы имѣли любезность прислать мнѣ; но теперь прошу васъ принять мою благодарность за вашу память. Зачѣмъ же вы думаете, что я не цѣню подобную вещь; я очень люблю Mince Pies, и съѣла ихъ за ваше здоровье, сколько могла себѣ позволить. Я очень жалѣю, что не могу надѣяться видѣть васъ завтра, но это день обрученія великой княжны Екатерины Павловны и весь день для меня будетъ наполненъ церемоніями и представленіями. Я надѣюсь, что ничто не лишитъ меня вашего общества въ среду вечеромъ? Если же встрѣтится какое-нибудь препятствіе, то дайте мнѣ знать объ этомъ; я съ моей стороны сдѣлаю тоже самое.

---

[1]) Mince Pies, родъ слоеныхъ пирожковъ, съ фруктами и вареньемъ внутри.

ment, qui me donnera la facilité de Vous voir souvent et de profiter de tout le Charme et de l'utilité de Votre Societé. Je sais l'attrait, que Vous avez pour la solitude depuis l'Epoque de Votre Malheur et j'apprecie d'autant plus Votre complaisance à mon Egard, mais j'ose le dire c'est de l'amitié, que je Vous offre, sentiment qu'on ne sauroit ne pas eprouver pour Vous lorsqu'on Vous connoit, et l'amitié fait du bien quelques fois aux Coeurs les plus dechirés. Ce n'est que sous ce rapport là que j'ai osé Vous faire la proposition de Vous rapprocher de moi, et j'attends avec bien de l'impatience le moment qui nous reunira. Je Vous felicite d'avoir trouvé dans la Societé de Vos parens et les progrès de Votre fils—les seules consolations, dont Vous soyez susceptible, cet enfant Vous causera encore du bonheur, j'en suis sûre, Dieu est trop juste pour ne pas Vous en laisser gouter par le seul être humain, qui puisse Vous en donner.

J'accepte avec bien de la reconnoissance la promesse, que Vous me faites de me donner de Vos Nouvelles de tems en tems et de m'avertir du moment où Vous croirez, pouvoire quitter l'Angleterre. J'ignore encore celui de notre depart d'ici et comme je ferai à mon retour en Russie, un detour pour voir encore, pendant quelques jours, ma Mere et mes Soeurs; je crains bien, qu'il ne s'ecoule des mois avant, que je ne sois rendue à Petersbourg; je ne croyois pas en le quittant que ce seroit pour si longtems et je ne cache pas, que je desire bien souvent

---

Прилагаю при семъ книги, о которыхъ мы уговорились, что я вамъ ихъ отошлю.

Примѣчаніе. Проточный знакъ на бумагѣ: 1815 г.

9.

Вѣна, 15-го декабря 1814.

Довѣріе, которое вы такъ добры, что оказываете мнѣ, моя дорогая Madame Питтъ, сообщая мнѣ о всемъ, что близко васъ касается, польстило мнѣ и обрадовало больше, нежели я могу вамъ это выразить; но прежде, чѣмъ распространиться объ этомъ предметѣ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за то, что вы согласились принять, наконецъ, мое предложеніе, которое, съ согласія государя, я поручила ему сдѣлать вамъ. Какъ я должна быть вамъ благодарна за то, что вы подчиняетесь распоряженію, которое даетъ мнѣ возможность часто васъ видѣть и пользоваться пріятностью вашего общества. Я знаю ваше влеченіе къ уединенію со времени вашего несчастія, и тѣмъ болѣе цѣню вашу услужливость въ отношеніи ко мнѣ, но, смѣю сказать, предлагаю вамъ дружбу, которой невозможно не чувствовать къ вамъ, когда узнаешь васъ; а дружба вѣдь часто приноситъ облегченіе самому разбитому сердцу. Только для этого я и просила васъ быть ближе ко мнѣ, и съ нетерпѣніемъ жду минуты, когда мы снова увидимся. Поздравляю васъ съ тѣмъ, что вы въ кругу вашихъ родныхъ въ успѣхахъ вашего сына вы нашли единственное утѣшеніе, которое

m'y retrouver. Lise et la Duchesse sont principalement les objets qui m'y attirent. Je n'y ramenerai pas ma Soeur Amélie et cette circonstance sera bien douloureuse pour moi à mon retour en Russie.

En lisant Votre aimable lettre, j'ai été fâchée et honteuse de ne pouvoir y répondre qu'en français. Les sons de Votre langue ont un bien plus grand caractere de verité, que ceux de la langue française, qui semble ne jamais exprimer que des phrases vuides de sens. Ne croyez pas cependant, je Vous en prie, que ce que je Vous dis soit des phrases; croyez de ma part à une Amitié à une Estime bien profondement sentis et que je Voudrais pouvoir Vous exprimer en d'autres termes que ceux, qui s'employent, malheureusement souvent, pour des indifférens. Adieu, ma chere Madame Pitt, puissiez Vous jouir de toutes les consolations et de toutes les bénedictions, que je Vous souhaite. Elisabeth.

10.

Carlsrouhe, ce 23 Nov. 1818.

[A Madame, Madame Pitt]. J'étois bien impatiente, chère Madame Pitt, d'apprendre que Vous êtes arrivée heureusement en Angleterre et je commençois à m'inquieter de ne recevoir aucune nouvelle de Vous, lorsque l'Empereur m'envoya Votre lettre du 26 Oct., qui avoit été oubliée pendant quelque tems sur sa table. Ce que Vous m'y dites sur Votre Voyage m'a parfaitement rassurée et Vous croirez aisément, que

---

вамъ доступно. Этотъ ребенокъ, я въ томъ увѣрена, принесетъ вамъ много радостей. Господь слишкомъ справедливъ, чтобы не допустить васъ быть счастливою единственнымъ существомъ, которое можетъ васъ радовать.

Я также съ благодарностью принимаю ваше обѣщаніе писать ко мнѣ изрѣдка и дать мнѣ знать, когда вы найдете возможнымъ оставить Англію. Я не знаю еще, когда мы уѣдемъ отсюда, и такъ какъ я намѣрена еще посѣтить мою мать и сестеръ, то опасаюсь, что пройдетъ много времени, пока буду снова въ Петербургѣ. Я не думала, уѣзжая, что покидаю его такъ на долго и не скрою отъ васъ, что часто желала находиться въ немъ. Лиза и герцогиня, главнымъ образомъ, туда привлекаютъ меня. Я не привезу сестры Амаліи, и это обстоятельство будетъ весьма горестно для меня, при возвращеніи въ Россію.

Читая ваше милое письмо, я была сконфужена и недовольна моимъ неумѣньемъ отвѣчать вамъ иначе, какъ по-французски. Звуки вашего языка больше выражаютъ истинныя чувства, нежели французскій, который, повидимому, представляетъ однѣ фразы безъ смысла. Не думайте только, пожалуйста, что я говорю вамъ фразы; будьте увѣрены, что я васъ глубоко уважаю и люблю, и хотѣла бы высказать это вамъ въ другихъ выраженіяхъ, нежели въ тѣхъ, которыя, къ несчастью, часто употребляются для тѣхъ, къ которымъ мы совершенно равнодушны.

Прощайте, моя милая Madame Питтъ, желаю, чтобы вы могли пользоваться

je partage de tout mon Coeur tout ce que Vous avez éprouvé en revoyant Votre fils et les autres personnes de Votre famille. Je crois deviner par un passage de Votre lettre, que Vous avez le désir bien naturel de prolonger Votre Séjour en Angleterre; mais l'Empereur ne me parle pas du tout du contenu de la lettre, que Vous me dites lui avoir écrit. Il faudra donc attendre son arrivée ici, qui aura lieu dans quelques jours, pour apprendre Vos projets et sa décision; il fixera aussi lui même, quand il sera ici, le moment de mon départ pour la Russie; s'il m'en laisse le choiy, je ne le prolongerai pas au delà de quinze jours, afin d'arriver encore à Petersbourg pour le commencement de notre nouvelle année. Ce n'est qu'hier, que j'ai reçu par M-r Longuinoff, Votre seconde lettre, chère Madame Pitt; et je ne saurois assez Vous exprimer toute ma reconnaisance pour les soins; que Vous avez donné à Victor Touloubieff de même que pour ceux, que Vous mettez à me consoler des mauvaises nouvelles, qu'on m'avoit donné à son sujet. Je crains que ce jeune homme ne fera pas honneur au nom russe dans le Collège où il est; toute fois il ne faut pas en desesperer et je me dis, qu'on a vu quelques fois de grands hommes commencer par être mauvais sujets. Encore une fois recevez mes sensibles remercimens pour l'intêret, que Vous lui témoignez. Veuillez le lui continuer, si Vous passez cet hiver en Angleterre. Si non j'espere, que nous Vous verrons avant quinze jours. Quelque soit le parti auquel Vous Vous déciderez, s'il

---

всѣми утѣшеніями и всѣми благословеніями, которыя я на васъ призываю. Елисавета.

10.

Карлсруэ, 23-го ноября 1818 г.

Я съ большимъ нетерпѣніемъ, дорогая Madame Питтъ, ожидала извѣстія о вашемъ благополучномъ прибытіи въ Англію, и начинала уже безпокоиться, когда Государь прислалъ мнѣ ваше письмо отъ 26-го октября, которое пролежало нѣсколько времени у него на столѣ. То, что вы пишите о вашемъ путешествіи, меня совершенно успокоило, и вы легко повѣрите, что я отъ всего сердца сочувствую вашей радости при новомъ свиданіи съ вашимъ сыномъ и прочими членами семейства. Я угадываю по одному мѣсту въ вашемъ письмѣ, что вы имѣете весьма естественное желаніе продлить ваше пребываніе въ Англіи; но императоръ ничего не говоритъ мнѣ о содержаніи письма, которое, какъ вы говорите, вы ему писали. Поэтому, надо будетъ ожидать его пріѣзда сюда, а будетъ черезъ нѣсколько дней, чтобы узнать о вашихъ намѣреніяхъ и его рѣшеніи; онъ также самъ назначитъ день моего отъѣзда въ Россію; если же онъ предоставитъ это моему выбору, то я не останусь здѣсь болѣе двухъ недѣль, чтобы успѣть вернуться въ Петербургъ къ началу нашего новаго года.

Только вчера получила я, черезъ господина Лонгинова, ваше второе письмо, дорогая Madame Питтъ, и право не знаю, какъ выразить вамъ мою благодарность за заботы ваши о Викторѣ Тулубьевѣ, и за старанія утѣшить меня

contribue à Votre Satisfaction et à Votre bien être, j'en serai toujours contente. Ma Mère Vous fait ses remercimens de Votre Souvenir, ma Soeur Amélie de même; je vois celle ci bien rarement; elle est toujours auprès de mon Frère, dont la Santé continue encore à nous donner de grandes inquietudes. Vous savez la manière, dont j'ai envisagé ce Voyage avant de l'entreprendre; mon attente n'a été trompée sous aucun rapport et j'y ai éprouvé autant de peines et de contrarietès pour le moins, que de sujet de satisfaction; mais je ne regrette pas cependant de l'avoir fait et il m'auroit été bien douloureux d'apprendre de loin les sujets d'inquietudes de ma Famille sans pouvoir les partager avec eux. Si je pars incessamment, comme je le suppose, que Dieu nous donne seulement un heureux retour dans cette mauvaise Saison.

Adieu, chere Madame Pitt, je suis bien impatiente d'apprendre Votre decision et si nous ne nous retrouvons pas ensemble à Petersbourg cet hiver, je penserai pour m'en consoler, que Vous êtes plus heureuse là, où Vous Vous trouvez. Dans ce cas donnez moi du moins de Vos nouvelles le plus souvent possible. Elisabeth.

11.

J'ai été charmée, chère Madame Pitt, de recevoir de Vos nouvelles et d'apprendre, que Votre fils a passé prés de Vous quelques jours de plus que je ne croyois. Le projet, que Vous avez formé d'amener M-me

---

по поводу неблагопріятныхъ извѣстій, которыя мнѣ о немъ дали. Я опасаюсь, что этотъ молодой человѣкъ не принесетъ чести русскому имени въ томъ училищѣ, гдѣ онъ находится; во всякомъ случаѣ, не надо въ немъ отчаяваться, и я утѣшаю себя тѣмъ, что многіе великіе люди въ юности бывали сорванцами. Еще разъ приношу вамъ мою искреннюю благодарность за участіе, которое вы въ немъ принимаете, и прошу васъ заботиться о немъ впродолженіе всей зимы, если вы проведете ее въ Англіи. Если же нѣтъ, то надѣюсь, что мы увидимъ васъ ранѣе двухъ недѣль; какое бы ни было ваше рѣшеніе, буде оно клонится къ доставленію вамъ спокойствія и счастія, я всегда останусь имъ довольна. Моя мать благодаритъ васъ за память, также и моя сестра Амалія; я весьма рѣдко вижусь съ сестрой, такъ какъ она проводитъ бо̀льшую часть времени съ моимъ братомъ, здоровье котораго продолжаетъ очень васъ безпокоить. Вамъ извѣстно, какъ я смотрѣла на это путешествіе прежде, нежели рѣшилась его предпринять; мои ожиданія не были ни въ чемъ обмануты, и я имѣла, по крайней мѣрѣ, столько же неудачъ и непріятнаго, сколько причинъ быть довольной; но я не жалѣю, что пріѣхала сюда, потому что мнѣ было бы весьма грустно узнавать издалека о причинѣ горя моего семейства, не имѣя возможности раздѣлить его съ нимъ. Если я уѣду въ скоромъ времени, какъ предполагаю, то дай Богъ счастливаго возвращенія въ столь дурное время года.

Прощайте, дорогая Madame Питтъ, я очень желаю узнать поскорѣй о ва-

Mowberly avec Vous à Zarskeselo me fait plaisir, parce que sa société sera pour Vous une consolation et une distraction necessaire dans ce Moment; je desire, que sa santé se trouve bien aussi de cette course et que Vous trouviez encore du beau tems chez nous. En attendant de Vous revoir, chère Madame Pitt, croyez que je partage tout ce, que Vous devez éprouver aujourd'hui. E.

Zarskeselo. Jeudi 13 Sept.

12.

[A Madame Pitt]. Si Vous êtes bien sûre, chère Madame Pitt, de n'etre pas trop fatiguée en venant chez moi, je Vous prie de me faire ce plaisir demain à cinq h. après dinner. Je comptois Venir chez Vous et suis prête à le faire pour peu que Vous puissiez souffrir en Venant chez moi.

J'ai reçu Votre lettre de cérémonie. A mon avis on Vous a donné une peine tout à fait inutile en Vous la fesant écrire.

13.

[A Madame, Madame Pitt]. Pouvez Vous, ma chere Madame Pitt, me faire le plaisir de Venir passer la soirée avec moi aujourd'hui? J'espere, que

---

шемъ рѣшенія, и если мы не встрѣтимся въ Петербургѣ зимою, буду думать, для своего утѣшенія, что вы болѣе счастливы тамъ, гдѣ находитесь. Въ такомъ случаѣ, пишите, по крайней мѣрѣ, почаще. Елисавета.

11.

Я была очень рада, дорогая Madame Питтъ, получить извѣстіе отъ васъ и слышать, что вашъ сынъ пробылъ съ вами нѣсколькими днями долѣе, нежели я предполагала. Ваше намѣреніе привезти съ собою миссприсс Моуберли въ Царское-Село мнѣ очень нравится, потому что ея общество будетъ служить вамъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ, необходимымъ въ настоящую минуту. Я желаю, чтобы эта поѣздка имѣла также хорошее вліяніе на ея здоровье и чтобы вы нашли еще у насъ хорошую погоду. Ожидаю скоро увидѣть васъ, дорогая Madame Питтъ, и увѣряю васъ, что раздѣляю все, что вы должны сегодня чувствовать. Е.

Царское-Село. Четвергъ, 13 сентября.

Примѣчаніе. Проточный знакъ на бумагѣ: 1819 г.

12.

(Госпожѣ Питтъ). Если вы увѣрены, дорогая Madame Питтъ, что не очень устанете, придя ко мнѣ, то прошу васъ сдѣлать мнѣ это удовольствіе завтра, въ 5 часовъ, послѣ обѣда. Я собиралась придти къ вамъ и готова это сдѣлать, если только вы думаете, что васъ утомить придти ко мнѣ. Я получила ваше оффиціальное письмо. По моему, васъ утрудили совершенно напрасно, заставивъ его написать.

Vous Vous rappellerez notre traité ét que Vous ne refuserez pas un autre engagement pour moi.

J'ai reçu hier Votre lettre pour ma Soeur et la ferai partir par la poste prochaine. Vous avez bien tort de nourrir des Scrupules sur ce que notre Soirée s'est prolongée dernierement; ce que je puis Vous dire de mieux pour ma justification c'est que je ne me suis pas apperçu du tout qu'il était si tard.

Si Vous venez, ayez la complaisance de Venir environ sept heures.

14.

[A Madame, Madame Pitt]. Il me paroit, qu'il y a longtems, que je ne Vous ai Vue, ma chere Madame Pitt; pouvez Vous me faire le plaisir de Venir chez moi ce Soir à sept heures et demi ou 8 heures et Vous portez Vous bien? Si Vous ne me refusez pas ne Vous donnez pas la peine de me répondre.

15.

[A Madame, Madame Pitt]. Comment Vous portez Vous, ma chere Madame Pitt. Je croyois que Vous viendriez peut être chez la petite Galitzin ce matin pour voir encore une fois l'Ambassadeur de Perse

---

13.

(Госпожѣ Питтъ). Не можете ли вы. дорогая Madame Питтъ, сдѣлать мнѣ удовольствіе, провести сегодняшній вечеръ со мною? Я надѣюсь, что вы не забыли нашего уговора и не откажетесь отъ другаго приглашенія, ради меня.

Я получила вчера ваше письмо къ моей сестрѣ и отправлю его со слѣдующей почтой. Вы напрасно досадуете на себя за то, что нашъ вечеръ такъ продлился прошлый разъ; самое лучше, что я могу сказать въ мое оправданіе, это то, что я вовсе не замѣтила, какъ было поздно

Если вы у меня будете то, сдѣлайте одолженіе, придите около семи часовъ.

14.

(Госпожѣ Питтъ). Мнѣ кажется, что я давно не видала васъ, моя дорогая Madame Питтъ. Не можете ли вы сдѣлать мнѣ удовольствіе: придти ко мнѣ сегодня вечеромъ, въ половинѣ восьмаго или въ восемь часовъ? Здоровы ли вы? Если вы не откажете, то не трудитесь отвѣчать.

15.

Какъ вы поживаете, моя дорогая Madame Питтъ? Я надѣялась, что вы можетъ быть придете сегодня поутру къ маленькой Голицыной, чтобы видѣть еще разъ персидскаго посланника; но кажется, что вамъ достаточно было видѣть его въ каретѣ, и вы не интересуетесь взглянуть на него поближе. Я однако очень жалѣю, что забыла спросить васъ, не желаете ли вы имѣть билеты, и серіозно упрекаю себя за эту небрежность. Желала бы имѣть возможность самой извиниться

mais il paroit qu'il Vous suffit de l'avoir Vu en Voiture et que Vous n'êtes pas curieuse de le Voir à pied. J'ai cependant de bien Vifs regrets d'avoir oublié de Vous demander si Vous ne desirez pas avoir des billets, et je me reproche serieusement cette Negligence. Je voudrais pouvoir Vous en faire des excuses moi même ce Soir, si Votre Santé le permet venez chez moi à sept heures. Mais je crains que Vous n'ayez mal à la lête parce que M-lle Hein et moi avons la tête en desordre et je crains, que ce ne soit une influence du tems.

16.

[A Madame Pitt]. Je Vous envoie, chère Madame Pitt, ces Effets, que Vous avez gagné à la lotterie de l'Institut de la Societé des Dames. Vous aurez probablement oublié, que Vous avez accepté ce printemps quelques billets de ma part. En Voici le resultat. Il est si mediocre pour la qualité, que je n'aurais pas osé Vous l'offrir, si ce n'étoit pour l'acquit de ma Conscience.

J'espere que Vous Vous sentez la force pour faire la course de Zarskeselo et compte bien Vous y voir aujourd'hui.

Je Viens de recevoir Votre billet et Vous en remercie ne me répondez pas; je vous verrai tantôt.

17.

[A Madame Pitt]. J'avois compté Venir chez Vous ce soir, chère Madame Pitt. Vous porter moi même réponse a Votre lettre, mais un

---

передъ вами въ этомъ; сегодня вечеромъ, если ваше здоровье позволитъ, приходите ко мнѣ въ семь часовъ; но я боюсь, не болитъ ли у васъ голова, потому что у Mademoiselle Гейнъ и у меня голова не въ порядкѣ, и я опасаюсь, не есть ли это вліяніе погоды.

16.

(Госпожѣ Питтъ). Посылаю вамъ, дорогая Madame Питтъ, вещи, которыя вы выиграли въ лотерею женскаго (патріотическаго) общества. Вы, вѣроятно, и забыли, что весной приняли отъ меня нѣсколько билетовъ, коихъ результатъ предъ вами. Онъ такъ посредственъ качествомъ, что я не рѣшилась бы вамъ это предложить, если бы то не было для успокоенія моей совѣсти.

Я надѣюсь, что вы чувствуете себя въ силахъ предпринять поѣздку въ Царское-Село, и что я васъ тамъ сегодня увижу.

Только что получила вашу записку, и благодарю за нее; не отвѣчайте мнѣ, такъ какъ мы скоро увидимся.

17.

(Госпожѣ Питтъ). Я надѣялась придти къ вамъ сегодня вечеромъ, дорогая Madame Питтъ, и сама принести отвѣтъ на ваше письмо; но обѣдъ въ Павловскѣ такъ меня утомилъ, что я должна отказаться отъ этого. Если вы не

dinner à Pawlowsky m'a ôté toutes mes forces et je dois y renoncer. Si Vous n'allez pas à Cam. Ostrof c'est à mon retour, que je viendrci terminer notre affaire, si Vous y allez peut être, cela se pourroit il à Cam. Ostrof même.

18.

Voudriez Vous bien, chere Madame Pitt, me faire le plaisir de m'envoyer le roman, que Vous m'avez offert pour la Grande Duchesse Héléne et qui a je crois le titre de Counter charm.

19.

[A Madame Pitt]. Je dois, chere Madame Pitt, en Vous remerciant du livre, que Vous m'avez envoyé, renoncer à en profiter et Vous le rendre parceque l'impression en est si menue, que mes yeux ne me permettraient pas d'en faire une lecture suivie, surtout à lumière il me serait impossible d'en lire une page de suite.

Quant aux deux romans, que Vous me proposez, je les connais; mais si Vous me les proposez pour la G. Dse Héléne, je Vous en remercierai en refusant Votre offre; elle a de quoi lire dans ce Moment et il vaut mieux ne pas lui donner trop de livres à la fois.

Je me suis enfin decidee à partir pour Zarskeselo Samedi, et je Vous en préviens, chère Madame Pitt, en souhaitant bien sincerement, que Vous Vous sentiez assez bien pour y venir le même jour ou du moins le plus tôt possible.

поѣдете на Каменный Островъ, тогда я приду къ вамъ и мы покончимъ наше дѣло; если же вы ѣдете, то, можетъ быть, это будетъ возможно на Каменномъ же Острову.

Примѣчаніе. Проточный знакъ на бумагѣ: 1820 г.

18.

Не будете ли вы такъ любезны, дорогая Madame Питтъ, сдѣлать мнѣ удовольствіе прислать романъ, который вы мнѣ предлагали для великой княгини Елены Павловны, и заглавіе котораго, мнѣ кажется: «Counter charm».

19.

(Госпожѣ Питтъ). Я должна, дорогая Madame Питтъ, поблагодаривъ васъ за книгу, которую вы мнѣ прислали, отказаться отъ чтенія и возвратить ее вамъ, потому что печать такъ мелка, что глаза не позволили бы мнѣ прочитать ее всю; особенно при свѣчахъ было бы невозможно прочесть изъ нея хотя бы одну страницу.

Что касается тѣхъ двухъ романовъ, которые вы мнѣ предлагаете, скажу вамъ, что я уже знаю ихъ; если же это для великой княжны Елены Павловны,

20.

Nor Sire's distress, nor Monarch's prayer,
Could bind thy angel form to earth;
Thy Spirit quits a world of care,
And flies to Her who gave thee birth.

Tho'painful' tis from thee to part —
Submissive to the Will Divine,
We strive to soothe the woe-fraught heart,
That mourns the loss of worth like thine.

Yet Grief will still assert its sway,—
Grief all may feel, but none express;
Alas! so early snatch'd away —
Twere better to have loved the less.

Dec. 7 1816.

Помѣта г-жи Питтъ: Written by M-r Weeks on the Death of Lise Galitzine, the adopted daughter of the Empress Elizabeth.

21.

Adieux de Marie Stuart à la France.

Adieu plaisant Pays de France
O ma patrie
La plus chérie
Qui as nourri ma jeune Enfance,
Adieu France, adieu mes beaux jours,
La Nef qui déjoint nos Amours
N'aura de moi que la moitié
Une part te reste elle est tienne.

то я поблагодарю васъ и все же откажусь: у нея, въ настоящую минуту, есть что читать, и лучше не давать ей слишкомъ много книгъ заразъ.

Я наконецъ рѣшилась ѣхать въ Царское-Село, въ субботу, о чемъ и извѣщаю васъ, дорогая Madame Питтъ, искренно желая, чтобы вы чувствовали себя достаточно хорошо для поѣздки туда въ тотъ же день или, по крайней мѣрѣ, въ самомъ скоромъ времени.

20.

Помѣта г-жи Питтъ: Стихотвореніе г-на Виксъ на кончину княжны Голицыной, любимицы императрицы Елисаветы.

21.

Помѣта г-жи Питтъ: Подарено мнѣ императрицей Елисаветой; списано ею собственноручно изъ принадлежащаго ей собранія стиховъ.

Je la fie à ton Amitié
Pour que de l'autre il te souvienne.

Помѣта г-жи Питтъ: Given to me by the Empress Elizabeth—and copied by herself out of Her collection of small poetry.

22.

Императрица Александра Ѳеодоровна г-жѣ Питтъ.

(1826 г.)

[A Madame Pitt]. Non, ma chere Madame Pitt. Ce n'étoient point de vaines paroles, que je vous ai dis hier. Vous nous feriez une peine sensible si maintenant Vous vouliez quitter votre appartement. Il vous appartient non seulement pour cet hyver, mais à tout jamais; voilà l'intention de l'Empereur, qui n'a jamais pensé un instant, que vous deviez céder vos Chambres. Qu'il ne soit plus question de rien. J'en ai parlé au Prince Volkongsky, tout est arrangé; et vous voilà tranquille dans votre coin, entourée des Souvenirs sacrês. C'est vous même qui êtes pour nous un Souvenir sacré. Adieu, je vous embrasse de tout mon Coeur et vous prie de ne plus parler de cette affaire. Al.

Сообщ. Н. Ѳ. фонъ-Крузе.

22.

Письмо императрицы Александры Ѳеодоровны.

1826 г.

(Госпожѣ Питтъ). Нѣтъ, моя дорогая Madame Питтъ, то не были пустыя слова, которыя я вамъ вчера говорила. Вы насъ чувствительно огорчили бы, если бы захотѣли оставить ваше помѣщеніе. Оно вамъ принадлежитъ не только на эту зиму, но навсегда. Это намѣреніе императора, который никогда не думалъ, что вы должны будете уступить ваши комнаты. Пусть объ этомъ не будетъ болѣе рѣчи. Я говорила съ княземъ Волконскимъ, все устроено и вы можете быть спокойны въ вашемъ уголкѣ, окруженныя священными воспоминаніями. Для насъ вы сами священное воспоминаніе. Прощайте, цѣлую васъ отъ всей души и прошу не говорить болѣе объ этомъ. Ал.

Переводъ—Н. Д. Фоминой.

В. Н. КАРАЗИНЪ.

род. 1773 г., ум. 1842 г.

30-го января 1873 года минуло сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго общественнаго дѣятеля Василія Назаровича Каразина. Этотъ день долженъ быть чествуемъ въ исторіи просвѣщенія нашего отечества вообще, и въ жизни Харьковскаго университета, основаннаго энергіей В. Н. Каразина, въ особенности. «Русская Старина» въ трехъ-лѣтнее свое бытіе представила множество матеріаловъ для знакомства съ дѣятельностью Каразина. Нынѣ, въ день столѣтняго юбилея рожденія этого замѣчательнаго, всесторонне-даровитаго русскаго человѣка, наше изданіе представляетъ еще одинъ, доселѣ не извѣстный плодъ трудовъ того же В. Н. Каразина [1]).

Ред.

О возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка.

Когда въ половинѣ XVIII вѣка нашли тождество (identité) электрической силы, обнаруживающейся при треніи стекла и другихъ тѣлъ, съ дѣйствіями молніи, и сдѣлали опыты проводить сію послѣднюю въ мѣсто, назначаемое по произволу, то не замедлили примѣтить, что сею силою, или веществомъ (до нынѣ еще трудно опредѣлить, что̀ она такое?) изобилуетъ атмосфера. Физики же, де-Люкъ и Гумбольдъ, увѣрили насъ, что и атмосфера тѣмъ болѣе ею изобилуетъ,

[1]) Вотъ перечень записокъ, мнѣній и проектовъ В. Н. Каразина, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» 1870—1872 гг. 1) Письма къ императорамъ Александру I и Николаю I (т. II, 532—544). 2) Письмо и объяснительная записка къ гр. В. П. Кочубею (т. II, 544—566). 3) Польскій вопросъ въ 1839 г. (т. II, 307—313). 4) Записка, представленная императору Александру I, 1820 г. (т. III, 16—38). 5) Разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи, 1820 г. (т. III, 326—328). 6) Письмо къ И. И. Бахтину объ устройствѣ поселянъ, 1820 г. (т. III, 335—366). 7) Записка императору Александру I отъ имени гр. Воронцова, 1820 г. (т. III, 366). 8) Письмо къ кн. Ад. Чарто-

чѣмъ болѣе отдаляется отъ земли. Весьма вѣроятно, что самые верхніе слои воздуха состоятъ въ безпрерывномъ волненіи, какъ море въ бурную погоду, отъ непрестаннаго прилива и отлива электричества. Симъ только образомъ можно изъяснить происхожденіе и кажущуюся неправильность метеоровъ, которые иногда не имѣютъ никакой причины въ положеніи земнаго шара на эклиптикѣ. Всякое время года это доказываетъ, но особливо зима. Сегодня, напримѣръ, при самомъ косвенномъ удареніи солнечныхъ лучей, въ странѣ, довольно близкой къ полюсу, дѣлается оттепель: реомюровъ термометръ подымается на 5 градусовъ выше точки замерзанія. Завтра, предъ разсвѣтомъ или въ полдень, настаетъ морозъ въ 20° и болѣе; къ вечеру опять оттепель. Пускай, кто хочетъ изъясняетъ всѣ таковыя перемѣны вѣтрами. Но, кромѣ того, что не всегда вѣтеръ предшествуетъ перемѣнѣ погоды, происхожденіе самыхъ вѣтровъ будетъ совсѣмъ неизъяснимо, если не принять вліянія разнообразнаго и ежечасно-измѣняющагося положенія планетъ на нашу землю; которое вліяніе передается электрическимъ веществомъ, яко тончайшимъ и могущественнѣйшимъ послѣ свѣта. Оно одно къ сему способно: воздухъ, каковымъ мы его знаемъ, слишкомъ, такъ-сказать, грубъ для принятія впечатлѣній, вопреки притягательной и центробѣжной силы, на столь великихъ разстояніяхъ.

Въ младенчествѣ обществъ человѣческихъ конечно воображали, что изобрѣтатель лодки или жернова достигнулъ до послѣдней степени искуства. Теперь мы управляемъ кораблями, надежно обтекающими шаръ земной, и мельницы наши, въ недостаткѣ воды и вѣтра, движутся силою огня: нѣсколько фунтовъ воды, въ пары обращенной, ровно и плавно ворочаютъ ужаснѣйшими тяжестями. Почему же не думать, что человѣкъ можетъ заставить себѣ повиноваться и электрическую силу, подобно какъ повинуются ему животныя, вода, воз-

ряжскому о Сербахъ, 1804 г. (т. III, 707—710). 9) Замѣтка по поводу проекта объ освобожденіи Сербовъ (т. III, 718—719). 10) Записка о метеорологіи, 1810 г. (т. III, 719—722). 11) Первое письмо къ императору Александру I, 1801 г. (т. IV, 68—79). 12) Письмо къ М. М. Сперанскому, 1810 г. (т. V, 82—83), и 13) Взглядъ на Тавриду (т. V, 661—669).

Въ «Русской же Старинѣ» читатели найдутъ: 1) очеркъ жизни В. Н. Каразина («Русск. Стар.», изд. 1871 г., т. III, стр. 326—328); 2) замѣтку о нападкахъ на этого замѣчательнаго человѣка со стороны невѣжественныхъ его современниковъ (изд. 1872 г., т. V, стр. 148—149), и наконецъ—3) заявленіе по поводу столѣтія дня его рожденія («Русск. Стар.», изд. 1872 г., т. VI, стр. 294—296). Въ этомъ заявленіи предлагается Харьковскому земству соорудить памятникъ В. Н. Каразину и мы вновь повторяемъ, что таковое дѣло составляетъ нравственную обязанность представителей Харьковскаго земства. Ред.

духъ и огонь? Все дѣло только въ томъ, чтобъ досягнуть до ея хранилища и устроить каналъ для проведенія ея на то, или другое употребленіе по нашей волѣ. Но хранилище сіе уже извѣстно: это высоты атмосферы, природная область громовъ и лучезарныхъ метеоровъ; каналомъ можетъ служить всякая металлическая проволока, а воздушные шары, или аэростаты, якоремъ для удержанія конца сей металлической нити постоянно въ надлежащей высотѣ. О какъ желалъ бы я, чтобъ судьба именно Россіи предоставила сдѣлать сей важный шагъ на поприщѣ наукъ и пользы рода человѣческаго!.. Ванъ-Марумъ, въ Голландіи, и другіе послѣ него испытывали химическое дѣйствіе электричества. Гумфри-Деви, въ Англіи, сдѣлалъ чудесныя, можно сказать, открытія посредствомъ гальваническаго снаряда. Химія получаетъ совсѣмъ новый видъ. Преобразованіе ея, совершившееся уже единожды со временъ Пристлея и Лавуазье во второй половинѣ XVIII вѣка, составляетъ теперь вторую и еще блистательнѣйшую эпоху... Но что будутъ значить опытодѣйствія, производимыя самою большою электрическою, или гальваническою машиною, противъ предполагаемаго мной электро-атмосфернаго снаряда! Бумажные змѣи, имѣвшіе не больше 18-ти квадратныхъ футъ плоскости и поднятые не свыше 90 россійскихъ саженей, давали уже искры ужасной величины, которыхъ трескъ, близкій къ грому, былъ слышенъ на великомъ разстояніи.·. [1])! Самая большая электрическая машина, которой бы стеклянный кругъ составлялъ, напримѣръ, шесть аршинъ въ діаметрѣ (и который развѣ только на славномъ Петербургскомъ зеркальномъ заводѣ можетъ быть отлитъ и вышлифованъ) противу аэростата посредственной величины, одѣтаго полосами фольги и плавающаго на высотахъ атмосферы, будетъ ребяческой игрушкой: будетъ то, что маленькая модель вѣтренаго крыла, противъ настоящей англійской мельницы на ея ходу. Человѣкъ, со всѣмъ своимъ искуствомъ, никогда не можетъ достигнуть до обширности дѣйствій неизмѣримыхъ массъ природы. Онъ тогда только и великъ, когда ими находитъ средство пользоваться.

Опыты, производимые предполагаемымъ снарядомъ, будутъ, конечно, поразительны. Они откроютъ множество новыхъ истинъ, обнаружатъ такія таинства въ естествѣ, которыя безъ сего пособія были бы во вѣки неизслѣдимы. Никогда еще машины физиковъ не представляли столь важнаго и великолѣпнаго зрѣлища, по-истинѣ достойнаго вниманія царей!

---

[1]) De l'éléctricité des météores, par Bertholon, Tome I, pag. 43, 44 & 45 ed. de 1787.

Слѣдствіемъ сихъ опытовъ могутъ быть: 1) ближайшее свѣдѣніе о причинахъ перемѣнъ и явленій въ атмосферѣ. Сомнѣваться нельзя, что электричество есть главное орудіе, которое природа употребляетъ для произведенія не только грома, молніи и блестящихъ метеоровъ, но и вообще всѣхъ перемѣнъ воздушныхъ, не исключая самыхъ вѣтровъ [1]). Имѣя способъ узнавать самомалѣйшія измѣненія электрическаго состоянія атмосферы въ высотахъ ея, то-есть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно первоначально и въ самой бòльшей своей силѣ обнаруживается, мы, конечно, въ непродолжительное время постигнемъ какъ и въ какомъ случаѣ дѣйствуетъ на нашу землю положеніе прочихъ небесныхъ тѣлъ. Сіи наблюденія будутъ важнѣйшею услугою для метеорологіи и представятъ возможность сдѣлать ее точною наукою, т. е. наукою вычислять и предрекать погоды на опредѣленное мѣсто и время, подобно, напримѣръ, какъ астрономія предсказываетъ затмѣнія. Очевидно, впрочемъ, что въ связи съ такими наблюденіями должны быть астрономическія познанія для вычисленія аспектовъ и еще другія мѣры, изложенныя мною въ „Разсужденіи о метеорологіи" (Memoire lû à la Société des Naturalistes à Moscou, en 1810), котораго экземпляръ я имѣлъ счастіе поднести Государю Императору въ Харьковѣ. Но все это преимущественно возможно у насъ! Нашему правительству стòитъ только захотѣть—и все сдѣлается!.. И одна услуга сія метеорологіи будетъ столь велика, что она немедленно поравняетъ Россію въ чести, пріобрѣтенной въ отношеніи къ наукамъ, съ самыми просвѣщенными государствами, а монарха ея поставитъ въ число первѣйшихъ благотворителей наукамъ. Во всѣхъ дѣлахъ въ мірѣ происходитъ обыкновенно такъ, что разсѣянное одного рода пристаетъ къ организованной уже, бòльшей массѣ. А поелику, нѣтъ еще нигдѣ подобнаго сему государственнаго предпріятія, да и ни одно царство не можетъ представить столь обширнаго и разнообразнаго поля для наблюденій сего рода, какъ Россія, то ученые не только цѣлой Европы, но и прочихъ частей свѣта, гдѣ только достигло европейское просвѣщеніе (ученые Филадельфіи, Калькутты и т. д.), также мореходцы, подобные нашему Крузенштерну, нечувствительно стали бы сноситься съ сословіемъ, которому бы поручено было сіе дѣло. Новая жатва познаній, новые лавры для любезнаго нашего отечества! 2) Химія подвинется впередъ гораздо далѣе, нежели, можетъ быть, надѣются теперь самые смѣлые ученые сей части. Мы подойдемъ къ тѣмъ великимъ средствамъ, которыя сама природа употребляетъ для

[1]) Нагрѣваніемъ атмосферы между тропиками далеко не вполнѣ удовлетворительно объясняется происхожденіе вѣтровъ въ разныхъ широтахъ и въ разное время. В. К.

сложенія и разложенія тѣлъ. Нельзя сомнѣваться, что свѣтъ входитъ въ составъ электричества; управляя столь огромными запасами электричества, по своему произволу, мы будемъ имѣть въ своихъ рукахъ изобиліе сей тонкой, для всѣхъ нашихъ сосудовъ неудержимой, неосязаемой и почти невещественной матеріи. Мы станемъ ее химически соединять съ тѣлами. Въ возможности сего увѣрили меня опыты Пристлея, Кавендиша, Лавуазье; но еще болѣе мои собственные (если смѣть мнѣ поставить въ семъ случаѣ мое незначущее имя подлѣ именъ таковыхъ мужей). На сѣверѣ мы будемъ преобращать наши произведенія въ вещества, производимыя природой подъ вліяніемъ тропическаго солнца. Это не мечта воображенія моего: опыты Бертолона ведутъ уже къ тому [1]). Но напечатанное въ № 232 „Русскаго Инвалида" прошедшаго года извѣстіе, автора, котораго я до сихъ поръ не знаю даже по имени, подтверждаетъ совершенно мою мысль [2]). 3) Технологія обогатится, всеконечно, новыми составами и способами для вящшихъ выгодъ и наслажденій общественной жизни. Не только важныя открытія относительно металловъ подразумѣваю я здѣсь. Извѣстно уже, что электричество переиначиваетъ свойства нѣкоторыхъ жидкостей. Я, по моимъ опытамъ, заключаю, что можно составлять спиртъ безъ помощи броженія хлѣбныхъ и тому подобныхъ сладкихъ растворовъ, и такъ далѣе. 4) Самое земледѣліе и прочія части домоводства, сверхъ чрезвычайныхъ пользъ, которыя доставитъ имъ метеорологія, приведенная въ систему [3]), могутъ стяжать другія, безпосредственныя для себя выгоды [4]).

---

[1]) De l'éléctricité des végéteaux.

[2]) Прошедшею зимою сдѣланъ былъ однимъ испытателемъ природы слѣдующій замѣчательнѣйшій опытъ: въ весьма темной комнатѣ поставлены были разнаго рода растенія, въ горшкахъ и банкахъ, на употребляемую при электризованіи, изолированную скамейку... будучи ежедневно электризованы по пяти, или шести разъ, полупоблекшія растенія получали новую жизнь; здоровыя приносили цвѣты и плоды въ обыкновенное время, но въ совершеннѣйшемъ видѣ. Между тѣмъ растенія, кои (въ сей темной комнатѣ) не находились на скамейкѣ и не были электризованы, вскорѣ поблекли и наконецъ совершенно увяли». («Рус. Инвалидъ» 1817 г., № 232-й, на 4-й стр.).

[3]) «Une Science, qui guiderait l'agriculture dans ses travaux, qui previendrait bien des mauvaises recoltes; une Science, donc le commerce, la navigation et la tactique peuvent tirer le plus grand parti dans leurs opérations; une Science, enfin, qui mettrait les gouvernemens à même de prevenir la disette, ou dumoins à obvier, en tous cas, qu'elle ne dégénère en famine, une telle Science, si jamais la météorologie obtient ce nom, est au dessus d'un éloge étendu et détaillé» (Memoire, lû à la Société Imperiale des Naturalistes à Moscou, le 15 Mars 1810).

[4]) «...Nous nous contenterons de rapporter ici une observation infiniment intéréssante, que M-r l'abbé Toaldo, célébre physicien d'Italie, nous a communiquée... Le sénateur Guirini, depuis plusieurs années, a fait construire un con-

Я долженъ сократить сію записку, чтобъ донести нѣчто и о мѣрахъ для произведенія въ дѣйствіе моей мысли. Предполагаемое мною приложеніе электрической силы верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка, какъ и всѣ новыя техническія идеи, не можетъ быть введено въ общее употребленіе прежде, нежели гдѣ либо будетъ испытано и доведено до возможной удобности, на что, безъ сомнѣнія, нужны издержки и нѣкоторое время. Буде бы я столько счастливъ былъ, чтобы мнѣ сдѣлано было таковое порученіе, то я мѣстомъ опытовъ избралъ бы: или собственное мое имѣніе, въ Слободско-Украинской губерніи, или—еслибы могло статься, что государь императоръ благоволилъ бы видѣть лично результаты столь необыкновенныхъ физическихъ опытовъ,—я бы предпочелъ лѣтнее мѣстопребываніе его величества, какое мнѣ указано будетъ. Издержки, потребныя на электро-атмосферный снарядъ, будутъ почти равны въ обоихъ случаяхъ, ибо въ сосѣдствѣ С.-Петербурга, или Москвы, дешевле нѣкоторые припасы къ оному, какъ-то: тафта на воздушные шары, резина—для покрыванія ихъ, сѣрная кислота—для наполненія, и пр., но за то гораздо дороже работники. Необходимо два шара, дабы одинъ былъ въ запасѣ на всякой случай и для сравненія электричества въ разныхъ высотахъ въ одно время. Внизу, вмѣсто резервуара, долженъ быть изъ мѣдныхъ бляхъ составленный, высеребренный шаръ же; ибо никакая другая фигура по угловатости своей къ сему неспособна. Снуры должны быть слегка обвиты серебряною, можетъ быть и вызолоченою проволкою. Но какъ оная будетъ довольно тонка, то сіе не составитъ великой издержки. Затѣмъ нѣсколько воротовъ съ шелковыми тесьмами, нѣсколько блоковъ, маленькое деревянное строеніе для защиты и ограда изъ кирпича, на сколѣ положеннаго, вокругъ упомянутаго металлическаго шара, яко самаго опаснаго мѣста, составляютъ почти все, что нужно! Не полагаю, чтобы издержки вообще многимъ превысили двадцать тысячъ рублей,

---

ducteur, ou paratonnère sur la maison de campagne d'Altichiero, lieu superbe au bord de la Brenta... Il a fait planter une file de jasmins sauvages, quis... etc. Deux de ces jasmins qui se trouvaient contigus à la chaine du conducteur, dans l'endroit où il s'enfonce en terre, se sont élevés à une hauteur extraordinaire, et au bout de deux ans on les a vus surpasser le toit de la maison à trente pieds de hauteur; tandis que les autres jasmins qui sont cultivés avec le même soin, ont à peine quatre pieds de hauteur. Ces deux arbrisseaux, qui se sont entortillés au mat et à la chaine du conducteur, sont d'une grosseur triple des autres et donnent des fleurs avant eux et en beaucoup plus grande quantité; ils continuent encore à en donner plusieurs jours et plusieurs semaines après les autres» (Bertholon. De l'èlèctricité des météores, Tome II, p. 370 etc. (ed. de 1787). В. К.

хотя съ точностію суммы опредѣлить не могу. Но ежели бы заблагоразсуждено было соединить опыты надъ электрическою силою атмосферы съ метеорологическими наблюденіями, то по необходимости должно предпочесть одну изъ столицъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма близкое къ той или другой мѣсто, ибо все это не можетъ быть дѣломъ одного человѣка. Потребно уже сословіе, состоящее, однако, не болѣе какъ изъ трехъ лицъ, свѣдующихъ въ наукахъ физическихъ. Въ упомянутомъ моемъ маленькомъ сочиненіи я предполагалъ снабдить ученыя и учебныя заведенія, отъ академій, университетовъ и до уѣздныхъ училищъ (т. е. не всѣ въ имперіи, но тѣ изъ нихъ, которыя по климату, или особливому мѣстному положенію, представляютъ различія) единообразными метеороскопическими орудіями (разумѣется самыми дешевыми и необходимыми); въ нихъ учителей, или смотрителей (по усмотрѣнію) привести въ обязанность дѣлать наблюденія по даннымъ имъ правиламъ, и въ семъ отношеніи подчинить ихъ такому ученому сословію, которое назвать можно: государственный метеорологическій комитетъ. Сомнѣнія нѣтъ, что коль скоро въ чужихъ краяхъ сдѣлалось бы извѣстно сіе учрежденіе нашего правительства, то всѣ наблюдатели и метеорологи, коихъ нынѣ уже довольное число въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, вошли бы съ нимъ въ сношеніе и комитетъ нашъ сдѣлался бы центральнымъ, по причинамъ, кои я осмѣлился донести выше сего. Но такое предположеніе требуетъ уже плана, обработаннаго во всѣхъ его подробностяхъ: возможно ли написать оный безъ особливаго повелѣнія?

Членъ разныхъ ученыхъ обществъ и правитель дѣлъ филотехническаго

Василій Каразинъ.

Февраля дня 1818 года.

Москва, у Кузнецкаго моста, въ домѣ Бекерса.

Сообщ. Ф. В. Каразинъ.

От редакціи. Оригиналъ этой записки, какъ сообщаетъ намъ Ф. В. Каразинъ, находится въ архивѣ Министерства Народ. Просвѣщ. въ дѣлѣ подъ № 20,008, картонъ № 296. Изъ этого дѣла видно: 1) что ст. сов. Каразинъ поднесъ государю въ Харьковѣ, въ 1817 г., экземпляръ годичнаго отчета о занятіяхъ филотехническаго общества; 2) что въ началѣ 1818 г. Статсъ-Секретарь Марченко (Вас. Роман.) потребовалъ отъ Каразина, по высочайшему повелѣнію, доставленія подробнаго объясненія статьи объ электричествѣ, помѣщенной въ упомянутомъ отчетѣ; 3) что по доставленіи отъ Каразина этого объясненія (настоящей записки), оное было препровождено, по высочайшему же повелѣнію, на заключеніе Академіи Наукъ; 4) что академикъ Фусъ рѣшилъ: а) что «устроеніе электроатмосфернаго снаряда, по проекту Каразина, будетъ безполезно, поелику помощію простѣйшихъ орудій, какъ-то лейденскихъ банокъ, гальваническаго столба, и пр., хотя нѣсколько медленнѣе, но за то несравненно легче, надеж-

нѣе и при меньшихъ издержкахъ добывается такое количество электричества, какое только бываетъ нужно»; и 6) что «для содѣланія метеорологіи наукою точною необходимо нужно не учрежденіе метеорологическаго комитета, а открытіе періодическаго возобновленія перемѣнныхъ погодъ». Съ рѣшеніемъ этимъ г-на Фуса согласился ученый комитетъ главнаго правленія училищъ. Министръ (кн. А. Н. Голицынъ) донесъ, чрезъ комитетъ министровъ. государю императору о заключеніи академіи и ученаго комитета; тѣмъ дѣло и кончилось. Когда же Каразинъ вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія въ 1819 году, съ прошеніемъ о сообщеніи ему копій какъ съ его записки, такъ и съ послѣдовавшей по ней переписки, о которой онъ оставался въ совершенной неизвѣстности, то на прошеніи этомъ директоръ департамента написалъ: «Г. министръ приказалъ объявить просителю, что поелику проектъ его Академіею не одобренъ, то и оставленъ безъ дальнѣйшаго употребленія; почему не признается надобнымъ выдавать съ него и съ производства по оному копій, каковыя даются только по дѣламъ тяжебнымъ. 13 апрѣля 1819 г.».—Внизу этой надписи рукою какого-то канцелярскаго чиновника отмѣтка: «объявлено словесно г-ну просителю въ сентябрѣ 1819 года».

Нельзя не подивиться духу того времени!

Ред.

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1839 ГОДА.

Изъ всѣхъ владѣній Средней Азіи Хивинское ханство, по своему географическому положенію близь нашихъ окраинъ и въ низовьяхъ важнѣйшей водной артеріи страны, всегда обращало на себя наибольшее наше вниманіе. Мы находились съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ, когда имѣли еще очень смутное понятіе о Ташкентѣ или Самаркандѣ. Начиная съ XVII столѣтія, къ Хивѣ направляются русскіе путешественники, большею частію въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ (Хохловъ—1620 г., Ѳедотовъ—1669, Даудовъ—1675, Беневени—1725, Гладышевъ, Муравинъ и Назимовъ—1740, Рукавкинъ—1753, Бланкеннагель—1793, Муравьевъ—1819, Никифоровъ—1841, Данилевскій и Базинеръ—1842, Игнатьевъ и Бутаковъ—1858 и проч.), и даже военныя экспедиціи (яицкихъ казаковъ въ началѣ XVII столѣтія, князя Александра Бековича Черкасскаго 1717 г., генералъ-адъютанта Перовскаго 1839), а въ 1847 году, занявъ низовья Сыръ-Дарьи и открывъ плаваніе по Аральскому морю, мы примкнули почти непосредственно къ ея владѣніямъ. Но вскорѣ, вслѣдствіе случайнаго обстоятельства, вниманіе наше обратилось совершенно въ другую сторону. Съ 1853 года мы двинулись вверхъ по Сыръ-Дарьѣ и постепенно заняли значительныя части Коканскаго и Бухарскаго ханствъ съ Ташкентомъ (1865) и Самаркандомъ (1868). Вслѣдъ за тѣмъ (1869) войска наши высадились у Красноводска и упрочились на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Такимъ образомъ Хива, забытая на время, была обойдена съ двухъ сторонъ. Она не потеряла, однако, для насъ того значенія, которое даетъ ей самое географическое ея положеніе; напротивъ, всякій разъ, когда въ средѣ ученыхъ обществъ и въ литературѣ обсуждался вопросъ о мѣрахъ къ развитію нашей торговли въ Средней Азіи, постоянно высказывалась мысль о важности

въ этомъ отношеніи водянаго пути по Аму-Дарьѣ, ключемъ котораго служитъ Хивинское ханство. Средне-азіятскій вопросъ сводится, слѣдовательно, прежде всего на вопросъ хивинскій.

Историческихъ матеріаловъ для изученія хивинскаго вопроса много, но, къ сожалѣнію, они еще не вышли изъ архивовъ и не разработаны въ литературѣ. Мы не имѣемъ, напримѣръ, до сихъ поръ исторіи послѣдней хивинской экспедиціи, хотя со времени ея прошло уже болѣе тридцати лѣтъ. Единственное описаніе ея было напечатано въ „Военномъ Сборникѣ" №№ 1—4. Основою его послужилъ почтенный трудъ по этому предмету, совершенный въ 1849 году, по порученію генералъ-адъютанта Перовскаго, Михаиломъ Игнатьевичемъ Иванинымъ, лично участвовавшимъ въ экспедиціи, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба. Но описаніе было напечатано не имъ самимъ, не въ томъ видѣ, какъ онъ того желалъ, и безъ всякихъ pièces justificatifs, и потому не можетъ имѣть значенія законченнаго историческаго труда. Люди, занимающіеся нашими азіятскими окраинами, конечно, не разъ еще обратятся къ историческому изслѣдованію знаменитой хивинской экспедиціи, этого любопытнаго и поучительнаго, во многихъ отношеніяхъ эпизода нашего движенія на востокъ. Желая содѣйствовать имъ обнародованіемъ матеріаловъ, мы, пользуясь бумагами, оставшимися послѣ смерти лица, близкаго къ генералу Перовскому, помѣщаемъ на страницахъ нашего журнала слѣдующіе интересные и неизданные еще офиціальные документы, относящіеся къ экспедиціи:

1) Всеподданнѣйшее представленіе проекта экспедиціи въ Хиву, съ приложеніемъ состава отряда и издержекъ экспедиціи. Представленіе и проектъ съ приложеніями писаны на синей бумагѣ, одною рукою, съ помарками и отмѣтками для переписчика.

2) Списокъ съ предписанія военнаго министра командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, отъ 27-го февраля 1840 года, за № 113. Это отвѣтъ на донесеніе генерала Перовскаго о неудачѣ экспедиціи и о направленіи войскъ обратно на линію.

3) Подлинное письмо отъ оренбургскаго военнаго губернатора къ владѣльцу Хивы, отъ 5-го августа 1840 года. Письмо это, по случаю высылки хивинскимъ ханомъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, не было отправлено по назначенію. Мы помѣщаемъ его только въ русскомъ текстѣ.

I.

Составленную, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, и на указанныхъ началахъ, записку, относительно воен-

наго поиска на Хиву, всеподданнѣйше при семъ представляя, осмѣливаюсь присовокупить:

1) Что нѣкоторыя статьи, по означенному предпріятію, требуютъ предварительныхъ распоряженій и пріуготовленій, которыя могутъ продлиться болѣе года; а какъ нынѣшнія отношенія къ Хивѣ и, между прочимъ, своевольные поборы хивинцевъ съ бухарскихъ каравановъ и притѣсненія, останавливающія торговлю, вѣроятно, потребуютъ окончательно какой-нибудь расправы, то и было бы желательно, въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній, приступить нынѣ же къ заготовкѣ такихъ вещей и запасовъ, которые не подвержены порчѣ отъ времени.

2) Если бы изъ числа 12-ти конно-артиллерійскихъ орудій, предположенныхъ при отрядѣ, восемь замѣнить горными единорогами, какихъ нынѣ при оренбургскомъ корпусѣ нѣтъ вовсе, то это чрезвычайно облегчило бы перевозку артиллеріи. Независимо отъ настоящаго обстоятельства, горные единороги были бы весьма полезны для случающихся нерѣдко степныхъ поисковъ и походовъ.

Проектъ экспедиціи въ Хиву.

Успѣхъ военнаго, противу Хивы, предпріятія основывается почти исключительно на вѣрномъ разсчетѣ и соображеніи средствъ и способовъ для продовольствія людей и лошадей. Если отрядъ въ четыре тысячи человѣкъ при 12-ти орудіяхъ дойдетъ въ хорошемъ состояніи до Хивы, то этого уже достаточно; и даже этотъ умѣренный разсчетъ основанъ не столько на дѣйствительной потребности соединенной силы, сколько на необходимости разсылать безпрестанно довольно значительные разъѣзды и конвои. Остается только обезпечить еще продовольствіе отряда какъ на мѣстѣ, въ Хивѣ, такъ и на обратномъ пути.

Отрядъ можетъ выступить съ средней части оренбургской линіи, около Орска, Илецкой Защиты, Оренбурга, или съ нижней линіи, около Сарайчика и Калмыковой. Въ первомъ случаѣ предстоятъ два пути: по восточную и по западную сторону Аральскаго моря; во второмъ же—только послѣдній.

Разстояніе отъ Орска до Хивы, сколько извѣстно, одинаково по обоимъ путямъ и составляетъ до 1,250 верстъ; отъ Сарайчика до Хивы не болѣе, если не менѣе, 1,000 верстъ; но низменная прикаспійская степь несравненно голѣе и безплоднѣе степей сѣверо-восточныхъ и сверхъ того около устьевъ Эмбы стоятъ едва проходимыя лѣтомъ обширныя болота.

Путь по восточную сторону Арала, до рѣки Сыра, очень хорошъ; но далѣе онъ представляетъ то важное неудобство, что необходимо переправляться черезъ четыре рѣки: Сыръ, Яны, Куванъ и Аму, изъ

коихъ одна до ста саженъ ширины, а другая еще гораздо шире; кромѣ того, пески Кизылъ-Кумъ вовсе безводны, а ихъ нельзя пройдти скорѣе, чѣмъ въ 4 или 5 сутокъ.

Караванный путь изъ Оренбурга въ Хиву, по западную сторону Арала, идетъ: вверхъ по Илеку, черезъ горы Мугаджаръ, верховья рѣки Эмбы и потомъ низменной, суглинистой и песчаной степью, до урочища Донгур-тау, у подошвы Чинка, или у подъема на Усть-Уртъ. Далѣе по самому Усть-Урту, западнымъ берегомъ Арала, на урочище Ай-бугыръ, у подошвы горнаго Чинка, а оттуда черезъ города Куня-Ургенчъ, или черезъ Ходжейли, на Хиву.

Этимъ путемъ отрядъ дойдетъ безъ всякихъ затрудненій до верховьевъ Эмбы: далѣе, кормъ и вода становятся хуже и бѣднѣе; но на урочищѣ Донгур-тау есть хорошіе луга и камыши, и здѣсь необходимо было бы основать предварительно становище и заготовить продовольствіе и фуражъ. По самому Усть-Урту дорога хороша, но кормы бѣдные, колодцевъ немного и всѣ они маловодны; топлива, напротивъ, достаточно, потому что есть саксаулъ и другіе кустарники. Отъ Ай-бугыра, гдѣ также должно основать склады, значительныхъ затрудненій не предстоитъ; кормы изрядные, воды много и можно даже, частію, надѣяться, найдти у жителей хлѣба разнаго рода въ зернахъ.

Остается еще принять въ разсужденіе путь на Хиву, черезъ Каспійское море и отъ восточныхъ береговъ его далѣе сухимъ путемъ. Здѣсь заслуживаютъ вниманія наши три точки прибрежья: Новоалександровское укрѣпленіе, Мангишлакская пристань и заливъ Карабугасъ. Первое представляетъ два неудобства: затруднительное къ нему плаваніе, по узкому фарватеру, въ случаѣ противныхъ вѣтровъ, и безкормица и безводица пути поперегъ Усть-Урта; Кара-бугасъ ближайшая къ Хивѣ часть Каспійскаго моря, но онъ слишкомъ мало извѣстенъ и путь отъ него до Хивы также пролегаетъ по голоднымъ пескамъ; Мангишлакъ, хотя и отстоитъ отъ Хивы верстъ на 700—800, но за то плаваніе къ нему прямѣе, удобнѣе, а путь до Хивы, вдоль подошвы Чинка, нѣсколько обильнѣе водой и кормами. Впрочемъ, высадка съ моря цѣлаго отряда съ лошадьми и верблюдами представляетъ столько затрудненій, что подобное предпріятіе, при нынѣшнихъ средствахъ, должно почесться несбыточнымъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что путь изъ Оренбурга, или отъ Илецкой Защиты черезъ Усть-Уртъ, благонадежнѣе прочихъ, и что путь черезъ Сарайчикъ и Мангишлакъ могутъ съ выгодою представить средства вспомогательныя.

Безводье и безкормица составляютъ главное затрудненіе всякаго

степнаго поиска; въ первомъ отношеніи зима—лучшее время года, потому что снѣгъ замѣняетъ воду, а во второмъ—весна. Въ раннюю весну, когда снѣгъ только что, частію, растаялъ, вода мѣстами накопилась, а между тѣмъ свѣжая трава уже начала пробиваться, всего выгоднѣе предпринимать степной походъ; но время это весьма непродолжительно; особенно, если разсудить, что путь лежитъ на югъ, и снѣгъ около Оренбурга сходитъ гораздо позже, чѣмъ на Усть-Уртѣ. Среди лѣта жары въ степи нестерпимы; зимою, даже и на самомъ Усть-Уртѣ морозы бываютъ до 20 и болѣе градусовъ, иногда при значительныхъ вьюгахъ (буранахъ); при самомъ наступленіи весны, отблескъ снѣга отъ яркихъ солнечныхъ лучей, среди обширныхъ и голыхъ степей, бываетъ поводомъ ко всеобщимъ глазнымъ болѣзнямъ, что можно, частію, предупредить, волосяными на глазахъ сѣтками. Продолжительная и ясная осень весьма благопріятна для степныхъ походовъ; но тутъ опять не могутъ быть устранены затрудненія относительно воды и корма. Если бы можно надѣяться на сѣверную зиму, то возможность отправить весь отрядъ на полозьяхъ перевысила бы всѣ другія неудобства; но какъ слишкомъ легко могло бы случиться, что отрядъ, съ половины пути, не будетъ въ состояніи идти далѣе на саняхъ, то это произвело бы слишкомъ значительное разстройство и потому должно предпочесть вьюкъ и колеса, какъ средства, хотя и менѣе выгодныя, но болѣе благонадежныя.

По всему этому, удобнѣе будетъ выступить съ средней части линіи въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, съ тѣмъ, чтобы пуститься въ обратный путь въ концѣ августа или въ началѣ сентября. Можно также наоборотъ, выступить осенью и воротиться весною, можно бы почти рѣшиться и на зимній походъ; но въ этомъ случаѣ выгоднѣе выступить съ Нижнеуральской линіи, потому что Эмбенскія болота замерзаютъ и путь чрезъ это значительно сокращается. Какъ въ степи, такъ и въ самой Хивѣ, климатъ вообще здоровый и за исключеніемъ неизбѣжныхъ военныхъ трудовъ и лишеній, особенныхъ причинъ къ болѣзнямъ и смертности предположить нельзя.

Предполагаемый походъ пѣшкомъ совершенъ быть не можетъ; необходимо подвезти весь отрядъ до мѣста. Между тѣмъ главнѣйшее затрудненіе цѣлаго предпріятія состоитъ въ недостаткѣ корма для скота, и въ особенности для лошадей. Къ этому должно еще присовокупить, что для дѣйствій на мѣстѣ нѣтъ надобности въ значительномъ количествѣ конницы, потому что разстоянія городовъ въ ханствѣ весьма не велики, а изрѣзанная во всѣхъ направленіяхъ

каналами мѣстность, позволяетъ пѣхотѣ дѣйствовать съ большею выгодою. По симъ причинамъ, лошадей должно замѣнять, сколько и гдѣ можно, верблюдами, которые подымаютъ на себѣ и везутъ въ упряжи втрое или вчетверо противъ лошади, а между тѣмъ довольствуются самымъ тощимъ кормомъ и гораздо легче переносятъ жажду. Предположивъ, что собственно въ отрядѣ будетъ не съ большимъ 4,500 человѣкъ, достаточно имѣть въ томъ числѣ восемь сотенъ доброконныхъ казаковъ; на остальныхъ же положить по одному верблюду на 8—10 человѣкъ, если верблюды пойдутъ въ упряжи или по одному на три человѣка, если пойдутъ вьюкомъ. Въ послѣднемъ случаѣ люди должны сидѣть, по примѣру азіатцевъ, въ подвѣшенныхъ къ верблюду корзинахъ, откуда, въ случаѣ нужды, даже довольно удобно обороняться. Но если можно будетъ пріучить заблаговременно верблюдовъ къ упряжи, то это было бы несравненно выгоднѣе, потому что количество скота уменьшилось бы отъ этого болѣе, чѣмъ вдвое. Предполагаемымъ путемъ отъ Оренбурга до Хивы всюду можно проѣхать на колесахъ; но для настоящей цѣли нужно устроить особыя повозки: длинныя, на высокихъ колесахъ и съ широкими ободьями. Орудія, по крайней мѣрѣ, на половину, также могутъ быть запряжены верблюдами.

Весь отрядъ было бы полезно раздѣлить, для легчайшаго продовольствія скота, на три части, изъ коихъ одной слѣдовало бы выступить около Ильинской, другой—около Илецкой Защиты, а третьей—изъ Сарайчика или Калмыковой, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ тремъ частямъ соединиться на общемъ привалѣ, у Донгур-тау, гдѣ пастбища привольны. Далѣе, также необходимо идти, по крайней мѣрѣ, въ трехъ колоннахъ, одна отъ другой на одинъ или на два перехода; въ противномъ случаѣ воды въ колодцахъ Усть-Урта было бы недостаточно.

Полагая разстояніе отъ Оренбурга до Хивы, по избранному пути, 1,250 верстъ, и каждый переходъ въ 25 верстъ, отрядъ дойдетъ въ 50 дней, или вѣрнѣе переходовъ, изъ коихъ около 18-ти, отъ Донгур-тау до Ай-бугыра, по Усть-Урту.

Только самое необходимое число верблюдовъ должно находиться при отрядѣ; остальные же должны выступить дня два или три спустя и могутъ также слѣдовать до Донгур-тау, двумя или тремя различными путями. Часть продовольствія могутъ поднять и верблюды собственно отрядные. Черезъ Усть-Уртъ, отъ Донгур-тау до Ай-бугыра, продовольствіе, по недостатку воды для скота, должно быть доставляемо небольшими караванами. Если бы къ тому времени занять Мангишлакъ, то вѣроятно нашлось бы средство доставить въ

Хиву заготовленный на Мангишлакѣ провіантъ. Въ противномъ случаѣ, надобно сложить хотя небольшой запасъ въ Новоалександровскѣ, на всякій случай. Если, какъ можно надѣяться, въ Хивѣ найдутся хотя небольшіе частные запасы хлѣба, то въ подвозномъ будетъ менѣе нужды; но положиться на это нельзя. Весь отрядъ необходимо довольствовать также мясомъ и виномъ; относительно же средствъ заготовленія перваго будетъ говориться ниже. Башкиры охотно будутъ довольствоваться усталыми лошадьми и даже верблюдами. Кромѣ обыкновенной артиллеріи, хорошо было бы снабдить отрядъ кегорновыми мортирками, ракетами генерала Шильдера, ракетами для сигналовъ и фалшфейерами.

Необходимо рѣшить, какое участіе заставить принять во всемъ этомъ кайсаковъ. Они, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы принести намъ весьма значительную пользу; но какъ минутное расположеніе извѣстнѣйшихъ наѣздниковъ, зависящее отъ внушеній Хивы и другихъ мгновенныхъ обстоятельствъ, нельзя положительно предвидѣть, то и должно обезпечить себя по возможности съ той стороны и принять заблаговременныя мѣры; а именно: усилить отрядъ султана—правителя западной части, подполковника Айчувакова и роздать, черезъ него, благонадежнѣйшимъ родамъ нѣсколько хлѣба, объявивъ имъ чтобы готовились въ походъ и чтобы, за наличную плату, товарами и припасами въ извѣстныхъ мѣстахъ, доставили лошадей и барановъ, для продовольствія отряда. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта и подобныя мѣры принесутъ много пользы, и что во время степнаго пути, развѣдочная и форпостная служба можетъ быть, частію, исправляема кайсаками; но главнѣйшая помощь ихъ будетъ состоять въ доставленіи отряду мяснаго продовольствія.

Предпріятіе это, во всякомъ случаѣ, требуетъ значительныхъ пріуготовленій: заготовку нѣсколькихъ тысячъ арбъ или повозокъ, кошемныхъ шатровъ или кибитокъ, наемъ или покупку верблюдовъ, и наконецъ подвозъ запаснаго продовольствія на Мангишлакъ или Новоалександровскъ и на главное становище при Донгурѣ. Итакъ, чтобы не было остановки къ тому времени, когда сочтено будетъ нужнымъ приступить къ самому исполненію, желательно бы было заняться нынѣ же, безотлагательно, пріуготовленіями и въ особенности заготовкою такихъ припасовъ и снарядовъ, которые значительной порчѣ отъ времени не подвержены.

Отчетность по экспедиціи вообще не можетъ быть обыкновенная, какъ потому, что потребности здѣсь частію вовсе не тѣ, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и потому, что самая заготовка скота и вещей не можетъ происходить на общепринятыхъ основаніяхъ; надобно

будетъ закупать то и другое по одиночкѣ, гдѣ случится, у кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ, при чемъ невозможно соблюдать общеустановленнаго порядка.

Итакъ, сообразивши все, вѣрнѣе и благонадежнѣе приступить къ дѣлу такимъ образомъ:

Основать предварительно, за годъ, два становища; одно—при южной оконечности Мугоджарскихъ горъ, верстъ слишкомъ за 300 отъ Оренбурга, а другое—у Донгур-тау, въ такомъ же почти разстояніи отъ перваго. Тогда можно будетъ заготовить, по крайней мѣрѣ на этихъ двухъ точкахъ, нѣсколько сѣна, и можно подвезти туда заблаговременно овесъ и продовольствіе для людей. Пѣшій гарнизонъ, въ Мугоджарскихъ горахъ 250 человѣкъ, а на Донгур-тау—350, должны оставаться тамъ на зимовкѣ и послужитъ, частію, для перемѣны въ отрядѣ больныхъ и усталыхъ. Вѣроятно будетъ удобнѣе выкомандировать для этого пѣхоту, а потомъ, во время слѣдованія отряда, забрать ее съ собою, замѣнивъ пѣшими казаками и башкирами. Въ этомъ случаѣ и самое продовольствіе предварительныхъ гарнизоновъ на становищахъ не составитъ особаго расхода, потому что пѣхота и безъ того продовольствуется отъ казны. Можетъ быть удастся согласить отчасти и самихъ кайсаковъ помогать при заготовкѣ сѣна, что весьма облегчило бы дѣло. Если такимъ образомъ продовольствіе отряда будетъ вполнѣ обезпечено на этихъ двухъ точкахъ, то одна половина затрудненій устранится и останется только пройдти благополучно Усть-Уртъ, верстъ не съ большимъ 400.

При обратномъ слѣдованіи было бы полезно отправить часть отряда по восточную сторону Арала, для осмотра и описи неизвѣстной еще доселѣ страны; при чемъ бухарцы могутъ со всею удобностію доставить туда продовольствіе, прямо отъ себя, въ чемъ, вѣроятно, при нынѣшнихъ дружескихъ къ намъ отношеніяхъ своихъ не откажутся.

При отрядѣ предположено имѣть двѣ разборныхъ лодки и шесть бударъ (челноковъ), какъ для осмотра береговъ Арала, Сыра и Аму, такъ и для переправы черезъ каналы; кромѣ того, на послѣдній предметъ заготовлены будутъ бурдюки или кожаные мѣхи, которые послужатъ на пути и для запаса воды. Будары съ удобствомъ заступятъ мѣсто госпитальныхъ фуръ для трудно-больныхъ.

Три съ половиною сводныхъ баталіона пѣхоты предполагается образовать изъ отборныхъ людей 22-й пѣхотной дивизіи, а именно: изъ Уральска одинъ, изъ Оренбурга одинъ и изъ Верхнеуральска одинъ, замѣнивъ ихъ, гдѣ нужно, казачьими войсками.

Достовѣрно извѣстно, что когда, послѣ нападеній хивинцевъ зимою съ 1824 на 1825 годъ на вооруженный караванъ нашъ, въ слѣ-

дующую зиму отправлена была ученая экспедиція, подъ начальствомъ полковника Берга къ Аральскому морю, то въ Хивѣ были сдѣланы уже всѣ приготовленія для поднесенія мнимымъ побѣдителямъ городскихъ ключей. Плѣнники наши увѣряютъ даже единодушно, что золотые ключи были уже отлиты. Независимо отъ этого четыре значительныхъ поколѣній туркменъ неоднократно просили русскаго подданства; со времени задержанія у насъ хивинскаго каравана и прекращенія торговли, нужда и бѣдность въ Хивѣ непрестанно возрастали и ханъ, лишившись доходовъ своихъ, началъ взимать съ туркменъ и ближайшихъ кайсаковъ довольно отяготительную подать; а наконецъ, есть въ Хивѣ и въ степи давнишнее повѣрье, что Хива погибнетъ отъ русскаго оружія, если воды Аму-Дарьи станутъ снова разливаться до Стараго Ургенча, покинутаго въ древнія времена, какъ говорятъ, по недостатку воды; нынѣ же заливъ Аму-Дарьи дѣйствительно сталъ снова наполняться, въ Куня-Ургенчѣ поселились жители, и народъ съ трепетомъ ожидаетъ исполненія второй части предсказанія. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ полагать, что можетъ быть кайсаки и туркмены разграбятъ Хиву, прежде чѣмъ отрядъ нашъ успѣетъ туда дойти; но опредѣлить это положительно нельзя и въ этомъ отношеніи также выгоднѣе основать заблаговременно за годъ складъ и становище у Донгур-тау; очень быть можетъ, что и этого движенія съ нашей стороны будетъ достаточно, для окончательнаго смиренія Хивы. Вѣроятно и самые плѣнники наши въ Хивѣ, до 2 т. человѣкъ, не останутся при этомъ въ бездѣйствіи. Во всякомъ случаѣ, предпріятіе это, кажется, должно стараться разгласить; сами хивинцы понимаютъ, что оно есть дѣло вынужденное, а недобровольное и одинъ страхъ уже могъ бы дать ему выгоднѣйшій для насъ оборотъ. Кромѣ того, это послужило бы для насъ и опытомъ, для предпріятія болѣе отдаленнаго настоящаго похода. Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что всѣ вообще предположенія эти могутъ вдругъ потребовать значительныхъ измѣненій: все зависитъ отъ мѣстныхъ, случайныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ: надобно будетъ пользоваться мгновенно тѣмъ, что случай и обстоятельства представятъ; а потому даже и самое время года для выступленія нельзя опредѣлить съ совершенною положительностію.

Остается еще опредѣлить съ точностію два обстоятельства:

1) Если признано будетъ нужнымъ занять Хиву нашими войсками, то на какомъ основаніи это послѣдуетъ? то есть удовольствоваться ли наказаніемъ ослушныхъ и предоставить ханство послѣ того судьбѣ своей, или же сдѣлать на мѣстѣ какія-либо постоянныя распоряженія на будущее время? Если посадить на ханство въ Хиву одного

изъ благонадежныхъ степныхъ султановъ, то это вовсе не было бы противно народнымъ обычаямъ азіатцевъ и обезпечило бы насъ на будущее время отъ коварной непріязненности Хивы.

2) Если Хива, увидѣвъ рѣшительность дѣйствій нашихъ, исполнитъ немедленно всѣ требованія Россіи и вышлетъ, напримѣръ, всѣхъ плѣнниковъ еще до окончанія предпріятія, то какъ намъ въ такомъ случаѣ поступить? Для отряда собственно выгоднѣе воротиться, если онъ будетъ еще довольно близокъ къ предѣламъ нашимъ, въ особенности если не минуетъ еще пустынь безводныхъ; въ противномъ же случаѣ, самая необходимость потребуетъ дойти до Хивы и расположиться тамъ на время, для отдыха и подкрѣпленія силъ отряда. (См. табл., на стр. 246).

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Если верблюды пойдутъ подъ вьюкомъ, то вмѣсто 1,712 понадобится ихъ до пяти тысячъ.

2) Часть подъемныхъ лошадей, подъ артиллеріею, также можно будетъ замѣнить верблюдами и вмѣсто 203 лошадей положить 69 лошадей, подъ два орудія, а подъ остальныя восемь—69 верблюдовъ.

3) Кромѣ того, на заблаговременный подвозъ продовольствія и фуража въ оба становища, какъ для отряда, такъ и для гарнизона, полагая, что и вошедшіе въ разсчетъ 1,712 верблюдовъ будутъ употреблены предварительно на тотъ же предметъ, понадобится еще упряжныхъ—3,400 верблюдовъ и при нихъ возчиковъ 700, если поднять все въ одинъ разъ; если же въ два оборота, что весьма возможно, то довольно половиннаго числа; но въ этомъ случаѣ необходимо назначить въ конвой, въ помощь гарнизону, еще до 400 казаковъ.

4) Слѣдовательно, на полугодовомъ продовольствіи, со включеніемъ возчиковъ, при отрядѣ состоять будутъ: 5,776 человѣкъ, 1,402 лошади и 1,638 верблюдовъ. На годовомъ, при обоихъ становищахъ,—731 человѣкъ, 100 лошадей, полагая при каждомъ становищѣ по 50 конныхъ казаковъ, и 8 верблюдовъ при артиллеріи. Остальные 603 лошади, 66 верблюдовъ обоихъ гарнизоновъ, равно какъ и временный конвой, если онъ назначится къ караванамъ, въ помощь гарнизонамъ, будутъ на продовольствіи, по обстоятельствамъ отъ 3-хъ до шести мѣсяцевъ.

5) Всего полагается имѣть при отрядѣ и на становищахъ, два комплекта боевыхъ зарядовъ, четыре комплекта ружейныхъ патроновъ для пѣхоты, и по 60 патроновъ на казачье ружье и пистолетъ; кромѣ того, въ запасъ, пороху 100 пудовъ, свинцу 10 пудовъ, ракетъ генерала Шильдера 250, сигнальныхъ 500, фальшфейеровъ 500.

6) Всѣмъ чинамъ отряда предполагается производить винную и мясную дачи: офицерамъ всѣмъ вообще по 1 фунту мяса въ день; нижнимъ чинамъ, со включеніемъ нестроевыхъ, возчиковъ и вожаковъ, вина по 3 чарки и мяса по 3 фунта въ недѣлю. Офицерскимъ и артиллерійскимъ лошадямъ отпускать по 4 гарнца овса въ день; всѣмъ прочимъ по два.

7) Опоражнивающихся по пути верблюдовъ, изъ подъ продовольствія, предполагается употреблять на перевозку при отрядѣ воды.

СОСТАВЪ ОТРЯДА.

	Генераловъ.	Шт.-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унт.-офиц. и урядниковъ.	Гарнист., барабанщиковъ, трубачей.	Рядовыхъ, кононер. и казаковъ.	Не строевыхъ. Классныхъ чиновниковъ.	Не строевыхъ. Нижн. чин. и деньщиковъ.	Лошадей. Верховыхъ.	Лошадей. Упряжныхъ и вьючныхъ.	Вожаковъ и возчиковъ, изъ кайсаковъ.	Верблюдовъ.
При штабѣ отряда	1	4	11	10	—	—	4	50	80	—	5	20
Три съ половиною сводные баталіона, изъ 22-й пѣхотной дивизіи	—	7	60	287	63	2520	3	258	36	—	10	40
Батарея конно-артиллерійской казачей бригады, въ восьми орудійномъ составѣ	—	1	7	20 фурш. 2	4	170 фурш. 2	1	32	135 офиц. 20	133 подъем. 5	—	—
Четыре орудія конной артиллеріи съ пѣшею прислугой	—	—	2	8	—	70	—	12	2	65	—	—
Три казачьи полка: Уральскій, Башкирскій и Оренбургскій, пополамъ съ башкирами, въ томъ числѣ конныхъ восемь сотенъ	—	3	57	60	—	1650	—	—	800 офиц. 126	—	40	180
Гурьевскихъ казаковъ, гребцовъ	—	—	—	—	—	32	—	—	—	—	—	—
Для основанія двухъ становищъ, въ гарнизонъ, оренбургскаго и башкирскаго войска шесть сотенъ	—	1	18	24	—	660	—	—	660 офиц. 13	—	—	66
При нихъ, четыре легкія орудія гарнизонной артиллеріи	—	—	2	4	—	18	—	2	2	—	2	8
Подъемныхъ верблюдовъ, въ упряжи: подъ запасный комплектъ артиллерійскихъ снарядовъ, на 12 орудій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	36
Подъ запасные патроны	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	60
Подъ двѣ разборныя лодки, со всѣми къ нимъ припасами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	10
Подъ двѣ походныя кузницы, съ необходимыми запасами	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	18
Подъ госпиталь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	4
Подъ свозъ войлочныхъ кибитокъ, для штаба, для больныхъ и пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	60
Собственно при отрядѣ, на подъемъ двухмѣсячнаго продовольствія и нѣкоторыхъ другихъ тяжестей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300	1200
Итого	1	16	157	415	67	5122	8	354	1904	203	400	1712

Издержки экспедиціи.

NB Разсчетъ примѣрный.

I. По продовольствію войскъ.

a) За исключеніемъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ постоянно на казенномъ продовольствіи, вновь поступаетъ до 2,300 человѣкъ; на нихъ, на шесть мѣсяцевъ:

1) Сухарей до 3,600 четвертей	по	9 руб	32,400 руб.
2) Крупъ до 325 четвертей.	»	13 »	4,225 »
3) Мяса на 6,000 чел. до 11,000 пуд. . .	»	5 »	55,000 »
4) Спирту 1,000 ведеръ . . . : . . .	»	24 »	24,000 »
За 250 боченковъ	»	10 »	2,500 »
5) Уксусу 50 ведеръ	»	12 »	600 »
6) Соли до 1,000 пудовъ.	»	1 »	1,000 »
7) Сушеной квашеной капусты, по полуведру на человѣка въ мѣс., за ведро	»	1 » 20 к.	21,600 »
8) Овса на лошадей и верблюдовъ до 15,000 четвертей	»	5 »	75,000 »
		Итого . . .	216,325 руб.

b) Годовое продовольствіе, на 731 человѣка и 100 лошадей, при становищахъ:

1) Сухарей на сто казаковъ 540 четв.	по	9 руб.	4,860 руб.
2) Крупъ на сто казаковъ до 29 четверт.	»	13 »	377 »
3) Мяса на 731 чел. 2,200 пудовъ . . .	»	5 »	11,000 »
4) Спирту 600 ведеръ по 24 рубля, да на бочки 1,600, всего	»	— »	16,000 »
5) Уксусу 30 ведеръ	»	12 »	360 »
6) Соли 220 пудовъ.	»	1 »	220 »
7) Квашеной сушеной капусты, на 731 ч.	»	— »	5,262 »
8) Овса на сто лошадей 115 четвертей .	»	5 »	575 »
		Итого . . .	38,654 руб.

NB Разсчетъ этотъ сдѣланъ въ томъ предположеніи, что на становищахъ будетъ, за исключеніемъ ста казаковъ, пѣхота; въ противномъ случаѣ, годовое довольствіе гарнизоновъ обойдется до 95,000 рублей

c) Шестимѣсячное продовольствіе четырехъ казачьихъ сотенъ, назначенныхъ въ конвой къ продовольственнымъ караванамъ обойдется по тому разсчету около . . . . 20,000 руб.

d) Въ запасъ, сверхъ полугодоваго на отрядъ продовольствія, трехмѣсячное, которое частію доставится на Мангишлакъ и Новоалександровскъ. . . . . 108,000 »

Затѣмъ всего на продовольствіе . . . 382,979 руб.

II. По постройкѣ разныхъ вещей.

1) На постройку 3,500 верблюжихъ арбъ съ упряжью, полагая по 75 рублей . . . . 262,500 руб.

2) Дегтю и коломази. . . . . 17,500 »

3) На постройку 2-хъ разборныхъ лодокъ со всѣми къ нимъ принадлежностями и шести бударъ	5,000 руб.
4) На двѣ кузницы, со всѣми припасами	2,000 »
5) За 1,000 кожаныхъ мѣховъ (бурдюковъ) по 8 руб.	8,000 »
6) За 200 ведеръ, 500 лопатъ, 200 кирокъ, 200 топоровъ, 70 ломовъ	3,500 »
7) На покупку кошмъ, веревокъ и брезентовъ, для укупорки провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ, по 12 р. на арбу	42,000 »
8) На госпитальные припасы и принадлежности	8.000 »
9) На покупку 47 войлочныхъ кибитокъ по 150	7,050 »
Итого . . .	355,550 руб.
NB 1) Если бы понадобилось строить на нижнихъ чиновъ пѣхоты теплую одежду, то это составило бы, полагая по 25 рублей на человѣка	85,000 руб.
2) Можетъ быть окажется необходимымъ запастись также холщевыми мѣшками, для земляныхъ работъ.	

III. Наемъ вожаковъ и покупка верблюдовъ.

1) Возчикамъ и вожакамъ изъ кайсаковъ, собственно при отрядѣ, на продовольствіи состоящимъ: 421 чел. по 120 руб.	50,520 руб.
2) Тоже, 350 человѣкамъ при караванѣ, на своемъ продовольствіи, по 150 руб. каждому	52.500 »
3) На покупку 3,000 верблюдовъ, по 150 руб.	450,000 »
4) На покупку десяти лошадей, подъ топографовъ	1,500 »
NB Если бы, вопреки нынѣшняго предположенія, пришлось выступать зимою, то необходимо было бы снабдить верблюдовъ кошемными попонами.	
Итого . . .	551,520 руб.

IV. Чрезвычайныя издержки.

1) На покупку во время похода лошадей и верблюдовъ, взамѣнъ упалыхъ и усталыхъ	50,000 руб.
2) На подъемъ штабъ-и оберъ-офицерамъ годовое жалованье, по внутреннему положенію до	90,000 »
3) На добавочное жалованье, по грузинскому окладу, до	180,000 »
4) На непредвидѣнные расходы	6.000 черв.
5) На подарки кайсакамъ, на раздачу имъ провіанта, на одареніе старшинъ туркменскихъ	6,000 »
	320,000 руб.
	золотомъ 12,000 чер.
А всего на все, примѣрныхъ расходовъ	1,698,049 р. ас.
	золотомъ 12,000 чер.
	(120,000 руб.)

Примѣчанія: 1) Въ издержкахъ по экспедиціи артиллерійскіе снаряды не включены.

2) Издержки могутъ быть отчасти сокращены: хозяйственными распоряженіями при заготовленіи вещей и выручкою за продажу скота по окончаніи похода; но съ другой стороны, неблагопріятныя обстоятельства и непредвидѣнныя затрудненія въ доставкѣ продовольствія, могли бы и увеличить по

нѣкоторымъ статьямъ расходы. Независимо отъ этого, издержки могли бы отчасти быть вознаграждены сборомъ съ хивинцевъ военной контрибуціи.

II.

Предписаніе военнаго министра командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса отъ 27 февраля 1840 года, за № 113.

Секретно.

Государь Императоръ, прочитавъ донесеніе ваше, отъ 30 января изъ Акъ-Булака, изъявилъ крайнее свое соболѣзнованіе о тѣхъ чрезвычайныхъ и неожиданныхъ трудностяхъ, съ которыми вы и отрядъ вамъ ввѣренный должны были бороться въ продолженіе послѣдняго мѣсяца похода вашего въ безпріютной Киргизской степи.

Труды и лишенія, претерпѣнныя отрядомъ, дѣйствительно превосходятъ все, что ожидать было можно и Его Величество, при всемъ искреннемъ сожалѣніи о неудачѣ вашего предпріятія, покоряясь безропотно опредѣленію Всевышняго, совершенно убѣжденъ въ необходимости, въ которую вы были поставлены, предпринять обратный на линію путь. Вполнѣ оцѣняя чувства, побудившія васъ къ этой рѣшимости, Государь Императоръ благодаритъ васъ за оную, видя въ ней сохраненіе отряда, который, въ противномъ случаѣ, нашелъ бы, по всей вѣроятности, безславную погибель въ безнадежной борьбѣ съ природными препятствіями.

Между тѣмъ Государь Императоръ, имѣя въ виду то невыгодное впечатлѣніе, которое неминуемо должно быть произведено неудачею настоящей противъ Хивы экспедиціи, изволитъ признавать необходимымъ возобновить ее сколько можно безотлагательно, дабы съ одной стороны показать непоколебимую твердость правительства въ достиженіи единожды предположенной цѣли, а съ другой—явить доказательство неослабной его силы и могущества.

Но если неудача перваго предпріятія, въ странѣ совершенно неизвѣстной, можетъ быть извинена, и дѣйствительно въ общемъ мнѣніи извиняется недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній о мѣстности, въ особенности же встрѣчею зимы и снѣговъ, какихъ въ томъ краю доселѣ не бывало, то всякая неудача предпріятія послѣдующаго доказала бы или недостаточность соображеній, или физическую невозможность исполнить самое дѣло, чего никакъ нельзя допустить.

Вслѣдствіе сего Государь Императоръ, соизволяя, чтобы вы занялись безотлагательно составленіемъ предначертанія о новой экспедиціи въ Хиву, вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы, для несомнѣннаго обезпеченія ея успѣха, воспользуетесь всѣми опытами, которые пріобрѣли въ продолженіе настоящаго похода.

Съ своей стороны Государь Императоръ полагать изволитъ, что походомъ симъ дознана совершенная невозможность достигнуть до Хивы зимнимъ временемъ, а потому, по мнѣнію Его Величества, ничего не оставалось бы инаго, какъ предпринять новый походъ лѣтомъ или осенью, изъ Оренбурга нынѣшнемъ путемъ, или изъ Астрахани моремъ къ Новоалександровску, либо въ другое, на восточномъ берегу Каспійскаго моря мѣсто, къ Хивѣ ближайшее.

Походъ князя Бековича-Черкасскаго служитъ доказательствомъ возможности этого дѣла. Но какъ сила составляемаго отряда вполнѣ должна соотвѣтствовать цѣли экспедиціи и нѣтъ возможности соединить достаточно способовъ для перевозки моремъ всего отряда, то по необходимости должно будетъ ограничиться перевозкою на судахъ одной пѣхоты съ артиллеріею, въ одинъ и даже въ два рейса, направивъ степью, къ мѣсту высадки ея кавалерію съ верблюжьимъ транспортомъ. Вмѣстѣ съ этимъ транспортомъ должны быть отправлены и лошади артиллерійскія, употребивъ ихъ на это время для поднятія какой-либо части тяжестей отряда.

Выступленіе въ степь этого сухопутнаго отдѣленія экспедиціи весьма бы выгодно было распорядить изъ Сарайчика или Гурьева, съ тѣмъ, чтобы она слѣдовала по направленію морскаго берега, дабы прибыть въ одно время съ пѣхотою къ мѣсту высадки; но если непроходимость эмбенскихъ болотъ будетъ признана непреодолимымъ для подобнаго движенія препятствіемъ, то, конечно, не оставалось бы ничего инаго, какъ отправить кавалерію съ верблюжьимъ транспортомъ такимъ образомъ, чтобы она перешла Эмбу въ верховьяхъ или въ срединѣ ея теченія.

Впрочемъ, не дѣлая никакихъ рѣшительныхъ на предметъ сей предположеній, въ ожиданіи соображеній вашихъ, Государь Императоръ изволилъ обратиться нынѣ же къ способамъ снаряженія будущей экспедиціи.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ самый составъ отряда.

Корпусъ оренбургскій, ослабленный весьма значительно отдѣленіемъ $3^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты для нынѣшней экспедиціи и оказывающійся сверхъ того, по неопытности солдатъ и офицеровъ, недовольно способнымъ къ перенесенію трудностей дальняго похода, не представляетъ надежнаго основанія къ будущему снаряженію. По сему Государь Императоръ признать изволилъ за благо назначить нынѣ же 24 роты изъ полковъ 6-го пѣхотнаго корпуса. Роты эти безотлагательно будутъ сформированы въ составѣ 6-ти сводныхъ баталіоновъ и направлены изъ Москвы въ Саратовскую губернію, съ тѣмъ, чтобы оттуда уже получить дальнѣйшее направленіе, или на оренбургскую

линію, или въ Астрахань, смотря потому, сухимъ ли путемъ или моремъ экспедиція будетъ предпринята. Вмѣстѣ съ сими баталіонами будетъ отправлена въ Саратовскую губернію одна легкая артиллерійская батарея въ восьми орудейномъ составѣ мирнаго времени.

Батарея эта назначается съ орудіями и съ двумя на каждое зарядными ящиками на случай, если бы вы признали полезнымъ имѣть при отрядѣ нѣсколько орудій болѣе значительнаго калибра, нежели состоящія приономъ нынѣ.

Сверхъ того, для вящшаго усиленія артиллеріи отряда, Государь Императоръ полагать изволитъ имѣть при ономъ, вмѣсто дивизіона, цѣлую конно-артиллерійскую батарею казачей артиллеріи.

О составѣ 6-ти сводныхъ баталіоновъ и артиллерійской батареи, въ составъ отряда назначаемыхъ, о времени ихъ выступленія и порядкѣ слѣдованія вы, вмѣстѣ съ симъ, получите подробное мое увѣдомленіе.

По неизвѣстности времени, въ которое экспедиція можетъ быть предпринята, ни мѣста, изъ коего она выступитъ, все, что относительно матеріальнаго ея снаряженія на первый случай сдѣлать можно, заключается въ благовременномъ приготовленіи запаса сухарей. Запасъ этотъ Государь Императоръ полагаетъ ограничить четырехъ-мѣсячною пропорціею, взявъ нужную для приготовленія онаго муку изъ неприкосновенныхъ запасовъ оренбургскаго корпуса. Сухари эти, когда порядокъ слѣдованія экспедиціи будетъ опредѣленъ, могутъ быть свезены въ общій складъ, вмѣстѣ съ потребнымъ количествомъ крупы изъ тѣхъ же запасовъ.

Генералъ-маіору Рокасовскому вмѣстѣ съ симъ дано предписаніе распорядиться этимъ дѣломъ, принявъ въ разсчетъ примѣрно на 10 т. человѣкъ, полагая въ отрядѣ 6-ть баталіоновъ пѣхоты, артиллерію по назначенію и то же число казаковъ и прислуги, какое состоитъ при настоящей экспедиціи.

Сверхъ этого провіанта, для обезпеченія потребностей отряда, можетъ быть предоставлено 1,500 четвертей сухарей перепекаемыхъ, по извѣстному вамъ распоряженію, изъ астраханскихъ запасовъ, каковое распоряженіе остается и нынѣ въ своей силѣ.

Къ заготовленію овса, по неизвѣстности на какой именно пунктъ онъ потребуется, до времени не можетъ быть приступлено. Заготовленіе прочихъ припасовъ, какъ-то: спирта, соли, перца, хрѣна и т. д. по незначительности нужныхъ количествъ, въ свое время, вѣроятно, никакихъ затрудненій не встрѣтитъ.

Хотя огнестрѣльные припасы и снаряды хивинскаго отряда остались не израсходованными, но если бы часть ихъ подверглась порчѣ

во время пути, или оставлена была въ степи по недостатку способовъ къ перевозкѣ, то пополненіе ихъ не можетъ встрѣтить препятствій ни во времени, ни въ способахъ.

Къ собранію самыхъ положительныхъ свѣдѣній о перевозочныхъ способахъ, имѣющихся въ Астрахани и въ устьяхъ Волги, сдѣлано распоряженіе, и о послѣдствіяхъ этого изысканія вы будете увѣдомлены.

Военный министръ генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ.

Директоръ статсъ-секретарь Брискорнъ.

III.

От оренбургскаго военнаго губернатора владѣльцу Хивы.

Съ прибывшимъ въ недавнее время въ Россію капитаномъ Абботомъ, посѣщавшимъ также и Хиву, получено здѣсь новое письмо отъ владѣльца хивинскаго. Письмо это, равно какъ и прежде полученное мною, были представлены на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Государя Императора.

Хотя, во исполненіе повелѣній Его Императорскаго Величества, правительство хивинское неоднократно было извѣщаемо мною во всей подробности о справедливыхъ требованіяхъ Россіи, хотя требованія сіи были, сверхъ того, объясняемы пріѣзжавшимъ на оренбургскую линію хивинскимъ посланцамъ, хотя тоже самое было подтверждено и въ письмѣ господина министра иностранныхъ дѣлъ къ самому хивинскому владѣльцу, не менѣе того требованія сіи до нынѣ не приведены еще въ исполненіе.

А какъ въ письмахъ, вновь полученныхъ, замѣчается нѣкоторое сомнѣніе въ точномъ уразумѣніи настоящихъ требованій Россіи, то Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ еще разъ подтвердить владѣльцу хивинскому:

во-первыхъ, что присылка въ Оренбургъ всѣхъ русскихъ, насильственно удерживаемыхъ хивинцами въ неволѣ, должна предшествовать всякимъ переговорамъ и возобновленію всякихъ сношеній. Доселѣ въ два раза прислано только 100 человѣкъ; каждый разъ владѣтель хивинскій увѣрялъ, что болѣе въ Хивѣ русскихъ плѣнныхъ нѣтъ. Между тѣмъ онъ въ послѣднемъ письмѣ самъ сознается, что собрано тамъ вновь нѣкоторое число плѣнныхъ. Отъ него зависитъ ускорить высылкою въ Оренбургъ всѣхъ русскихъ, задерживаемыхъ въ хивинскихъ владѣніяхъ, и тогда Государь Императоръ предастъ минувшее великодушному забвенію и дозволитъ приступить къ переговорамъ о будущихъ сношеніяхъ Россіи съ Хивою;

во-вторыхъ, вмѣстѣ съ возвращеніемъ всѣхъ находящихся въ Хивѣ русскихъ невольниковъ, ханство хивинское должно прекратить

навсегда враждебныя свои противъ Россіи дѣйствія: не притѣснять и не возмущать кайсаковъ, болѣе уже ста лѣтъ признающихъ надъ собою владычество Россіи; не вмѣшиваться вовсе въ ихъ дѣла и не оказывать покровительства измѣнникамъ кайсакамъ; не задерживать насильственно и не грабить караваны, идущіе какъ изъ Бухары въ Россію, такъ и обратно; строго наблюдать, чтобы хивинцы не покупали и не держали у себя русскихъ въ неволѣ; и наконецъ, предоставить русскимъ торговцамъ въ Хивѣ ту же свободу и ту же личную безопасность, какими въ Россіи пользуются подданные всѣхъ азіатскихъ областей, находящихся съ нами въ мирныхъ и торговыхъ сношеніяхъ.

Таковы суть главныя и справедливыя требованія Россійскаго Правительства. Исполненіе перваго изъ нихъ, то-есть немедленная присылка въ Оренбургъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, будетъ служить первымъ шагомъ къ примиренію. Въ удостовѣреніе же точнаго соблюденія прочихъ условій, хивинцы должны будутъ прислать въ Россію двухъ или трехъ заложниковъ изъ почетнѣйшаго сословія тамошнихъ жителей.

Когда все сіе будетъ выполнено, тогда только будутъ прекращены приготовленія къ военнымъ противу Хивы дѣйствіямъ, отпустятся задержанные въ Россіи купцы хивинскіе съ ихъ товарами и торговыя сношенія возобновятся на прежнемъ основаніи.

Итакъ, владѣльцу хивинскому открывается еще возможность къ примиренію; но для сего онъ долженъ дѣйствовать искренно и не теряя времени въ безполезныхъ для него ухищреніяхъ. Если онъ вполнѣ постигнетъ собственныя свои выгоды, то онъ поспѣшитъ исполнить сіи требованія наши; если же онъ станетъ по прежнему упорствовать въ необдуманной враждѣ противъ Россіи, то послѣдствія сего упорства докажутъ ему, что всякое неблагонамѣренное дѣйствіе получаетъ, рано или поздно, заслуженное наказаніе.

Сіе объявленіе дѣлается мною вновь хивинскому правительству, по Всемилостивѣйшему соизволенію Его Императорскаго Величества, въ отвѣтъ на оба вышепомянутыя письма, въ коихъ владѣлецъ хивинскій изъявляетъ желаніе объ установленіи мирныхъ сношеній.

Оренбургскій военный губернаторъ Перовскій.

Августа 5-го дня 1840 года.

КНЯЗЬ М. С. ВОРОНЦОВЪ.

Письма его къ кн. В. О. Бебутову [1]).

5.

23-го декабря 1846 г. Тифлисъ.

..... Что касается до того, что вы мнѣ пишете о намѣреніяхъ непріятеля опять васъ безпокоить со стороны Акуши, то вы очень хорошо сдѣлали, что подкрѣпили дженгутаевскій отрядъ и опять поручили это дѣло кн. Кудашеву, который всегда такъ хорошо оборонялъ эту мѣстность и наказывалъ непріятельскія покушенія; но я думаю, что ничего серьезнаго противъ васъ не предпримутъ, и что, не говоря о зимней погодѣ, вы же сами отняли у нихъ и духъ, и силу опять идти на Акушу. Конечно, вамъ трудно за все отвѣчать, что дѣлается въ Даргинскомъ обществѣ, но за то вы имѣете теперь въ вашемъ распоряженіи два баталіона самурскаго полка, которые доселѣ уходили на зимовку на Самуръ, и не могли вамъ содѣйствовать. Скорѣе можетъ какая-нибудь партія напасть на сѣверные магалы Казикумухскаго ханства, чтобы отогнать стадо или два барановъ, но и тутъ Агаларбекъ [2]) въ готовности сдѣлать все возможное для защиты. Конечно, они могутъ также придти хищническимъ образомъ около раззоренныхъ селеній Цудахара и Ходжал-Махи, потому, что до весны намъ возстановить этихъ селеній невозможно: главныя же деревни Акушинскія, ежели хотя немного укрѣпились, всегда могутъ отстоять до полученія отъ васъ секурса. Впрочемъ, посмотримъ, что будетъ, а я увѣренъ, что вы сдѣлаете все возможное для предупрежденія какого-нибудь серьезнаго зла.....

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, стр. 103—108.

[2]) Ханъ казикумухскій. **А. В.**

6.

28-го марта 1847 г. Тифлисъ.

Я получилъ сегодня письмо отъ ханши Нох-Бикэ [1]) и сегодня же ей отвѣчаю. Я также пишу кн. Кудашеву на его вопросъ, что онъ очень хорошо сдѣлалъ, что размѣнялъ гумбетовцевъ на ханшу. Что же касается до увѣренія ханши, что Даніель-бекъ желаетъ къ намъ возвратиться, если бы былъ увѣренъ въ пріемѣ, то надобно ей сказать, что мы не можемъ вѣрить его словамъ, что онъ знаетъ, что я сдержу свое обѣщаніе, что онъ будетъ хорошо принятъ и содержанъ, но что мы больше просить и предлагать ему не будемъ и что пусть онъ. тамъ пропадаетъ, если ему угодно и если онъ не образумится.

Сдѣлайте одолженіе, скажите ханшѣ, сколько я обрадовался ея освобожденію какъ для нее, такъ и для милыхъ ея дѣтей, и что какъ я радъ буду видѣть ее въ Дженгутаѣ.

Я съ нетерпѣніемъ жду извѣстія, будетъ ли что-нибудь предпринято непріятелемъ въ вашу сторону или на Казикумухъ. По всѣмъ рапортамъ, Шамиля ждутъ вездѣ, но мнѣ кажется, что онъ самъ никуда не пойдетъ, а если пошлетъ сильныя партіи, то скорѣе на деревни близъ Цудахара. Впрочемъ, надо быть готовымъ вездѣ и, Богъ дастъ, бѣды никакой не будетъ; а какъ скоро будетъ подножный кормъ, то ужъ не ихъ дѣло, а наше ихъ безпокоить. По моему мнѣнію, весьма счастливо, что у насъ теперь не два, а четыре баталіона изъ самурскаго отряда готовы для защиты Акуши и даже Кумуха, поелику въ случаѣ нужды они могутъ идти къ Цудахару взадъ и во флангъ тѣхъ, которые бы пустились черезъ это селеніе на Кумухъ. Ковалевскій же поставилъ два баталіона около Чираха и, по крайней мѣрѣ, у насъ по возможности все сдѣлано для обороны.

7.

18-го апрѣля 1847 г. Тифлисъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 8-го апрѣля и благодарю васъ за интересныя подробности о краѣ и о свиданіи съ ханшею Нох-Бикэ. Изъ описанія всѣхъ вашихъ дѣйствій и распоряженій, которыя, какъ всегда, основаны на благоразуміи и на совершенномъ знаніи края и людей, вы не иначе могли отвѣчать акушинцамъ какъ-то, что вы имъ сказали. Противъ малыхъ партій они

---

[1]) Нох-Бикэ, дочь Махти Шамхала тарковскаго и жена Ахмед-хана мехтулинскаго. Послѣ смерти мужа въ 1843 г., ей было поручено управленіе ханствомъ, что и продолжалось по 1855 г. Нох-бикэ нѣкоторое время находилась въ плѣну у Шамиля. А. В.

должны сами защищаться, а въ случаѣ сильнаго нападенія наши резервы довольно близки, чтобы имъ помочь. Время проходитъ и по сю пору послѣ всѣхъ угрозъ и приготовленій, непріятель ничего не сдѣлалъ противъ насъ. Это дожно быть отъ того, что у насъ все было готово для встрѣчи. Теперь я все-таки еще не совершенно покоенъ на счетъ деревень Казикумухскихъ, между Цудахаромъ и Кумухомъ, но какъ скоро май мѣсяцъ начнется и съ этой стороны опасности уже не будетъ, между тѣмъ возвращеніе ваше въ Шуру и распоряженія ваши будутъ имѣть благотворныя дѣйствія. Что касается нападенія на Кумыкскую плоскость, то я не могу думать, чтобы имъ былъ тамъ какой-либо успѣхъ. Въ прошломъ году дѣла тамъ были не такъ установлены, какъ теперь и все-таки они ничего не могли сдѣлать. Теперь же при возможности въ два часа прійти туда драгунамъ, если Шамиль въ самомъ дѣлѣ думаетъ и увѣряетъ чеченцевъ, что мы ихъ въ этомъ году оставимъ совершенно въ покоѣ и что я въ Чечнѣ не буду, то пріѣздъ мой въ концѣ сего мѣсяца во Владикавказъ ихъ удивитъ. Я же надѣюсь тамъ быть 28-го.

На счетъ Нох-Бикэ мы сдѣлали все, что можно было, по вашему желанію. Я бы хотѣлъ сдѣлать и больше, но вы знаете, что денегъ у насъ не слишкомъ много и ханша должна сáма признаться, что мы не виноваты, если она столь много вѣрила преступной горничной дѣвкѣ, тѣмъ болѣе, что она прежде имѣла причины ей не довѣрять; и платить за эту безразсудную довѣренность въ теперешнемъ положеніи нашей казны и несправедливо, и трудно; впрочемъ, она можетъ быть увѣрена, что я всегда буду стараться оказывать ей помощь и отъ всей души желаю ее успокоить.

Я очень радъ, что Шамхалъ доволенъ посланными ему дрожками. Желалъ бы ему сдѣлать угодное по дѣлу пожара въ Шурѣ, но право, не знаю, какъ за это приняться.

У насъ здѣсь все, слава Богу, хорошо. Послѣ завтра будетъ большая скачка; между тѣмъ, мы принялись сильно воевать съ саранчею, которой, къ несчастью, много показывалось около Тифлиса и въ направленіи къ Ганджѣ (Елисаветполю). Покамѣстъ не имѣетъ еще крыльевъ, уничтожать оную, болѣе или менѣе, можно и мы будемъ печатать для общаго свѣдѣнія, гдѣ и какъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ, что было сдѣлано.

Къ намъ пріѣзжалъ сюда владѣтель Абхазіи, кн. Шарвашидзе; очень хорошо себя велъ и всѣмъ здѣсь очень понравился.

8.

13-го февраля 1849 г. Тифлисъ.

..... Кн. Аргутинскій мнѣ пишетъ, что умерла Шалихальша и умеръ Улу-бей.

Изъ Владикавказа Ильинскій пишетъ, что Шамиль, узнавъ, что Акинскій наибъ намѣренъ покориться, послалъ туда сильную партію мюридовъ. Они успѣли истребить часть имущества и фамиліи Наиба, но акинцы сильно дрались, и когда пришли къ нимъ на помощь галгаевцы и малхинцы, мюриды прогнаны съ потерею, какъ увѣряютъ, до 100 чел. убитыхъ и тяжело раненыхъ.

9.

26-го іюня 1849 г. Ростовъ-на-Дону.

Посылаю къ вамъ привезенныя фельдъегеремъ бумаги изъ кавказскаго комитета на счетъ Эриванской области, уничтоженія палатъ государственныхъ имуществъ и пр. Слава Богу, что это дѣло наконецъ у насъ въ рукахъ и въ томъ видѣ, какъ мы желали; безъ этого мнѣ было бы очень непріятно пріѣхать въ Петербургъ, для продолженія споровъ, особливо съ гр. Киселевымъ и въ необходимости показывать столько же упрямства, сколько и онъ показывалъ въ защиту своихъ палатъ. Теперь уже ихъ нѣтъ и я надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, за Кавказомъ никогда и не будетъ.

На правомъ флангѣ все кончилось, какъ я и ожидалъ, почти ни чѣмъ, вездѣ все идетъ своимъ порядкомъ, такъ что ничто не мѣшаетъ продолжать предпринятый путь. Дай Богъ только, чтобы дѣла венгерскія не помѣшали государю возвратиться въ Петербургъ, ибо мнѣ было бы очень скучно ѣхать въ Варшаву. Кажется, что вездѣ и особливо въ Парижѣ демагоги все болѣе и болѣе находятся въ дурномъ положеніи и можно надѣяться, что народы образумятся.

Мы завтра отправляемся въ Новочеркаскъ и далѣе; жара страшная......

10.

13-го мая 1850 г. Царскіе Колодцы.

..... Здѣсь мы получили непріятное извѣстіе о большой потерѣ въ храброй партизанской командѣ на Лезгинской линіи, которою начальствовалъ отличный офицеръ Кобуловъ. Лезгины хотѣли сдѣлать нападеніе на Белаканы, какъ говорятъ, съ 4 наибами. Распоряженія вездѣ были сдѣланы и Кобулову поручено было защитить Белаканы. Онъ это сдѣлалъ безъ потери, отбивъ непріятеля, но потомъ занесся такъ далеко за ними, что попалъ въ какую-то трущобу, гдѣ

они засѣли въ большомъ числѣ, и было кровавое дѣло: самъ Кобуловъ, еще партизанскій офицеръ Ивановъ и тифлисскаго полка молодой офицеръ кн. Эристовъ, который былъ съ командою охотниковъ изъ 80-ти человѣкъ, пали жертвой лишней смѣлости и неосторожности. Лезгины ушли въ горы, и вѣрно имѣли также большой уронъ, но очень жаль нашихъ храбрецовъ.....

11.

17-го мая 1850 г. Аксу.

..... Путешествіе наше идетъ очень хорошо и въ особенности долженъ вамъ сказать, что отъ Нухи сюда всѣ почты содержатся превосходно малаканами. Дай Богъ, чтобы они такъ продолжали и чтобы имъ самимъ было бы это выгодно, тогда это дѣло распространится и по другимъ мѣстамъ Грузіи и почты, вообще возьмутъ другой видъ.

Здѣсь, къ несчастію, появилась саранча, но жители какъ-то мало ея боятся, потому что она недавно родилась, а хлѣбà уже почти готовы и сѣнокосъ конченъ....

Завтра мы поѣдемъ верхомъ по новой дорогѣ въ Шемаху и тамъ я кончу это письмо.

По послѣднему письму отъ кн. Ивана Малхазовича (Андронникова) изъ Гори, кажется, что возмущеніе въ Осетіи беретъ довольно серьезный видъ. Онъ знаетъ край хорошо и, я надѣюсь, поведетъ это дѣло благоразумно и не слишкомъ рискуя людьми. По желанію его, мы пишемъ Золотареву [1]), чтобы онъ сдѣлалъ диверсію съ ротою пѣхоты и милиціею изъ Квишета на Нарское ущелье. Впрочемъ, весьма можетъ быть, что глупые осетины, когда увидятъ сильныя мѣры противъ нихъ, перемѣнятъ свой тонъ и поймутъ свое настоящее положеніе; дай Богъ, чтобы это было такъ!

19-го мая. Шемаха.

Мы пріѣхали сюда вчера верхомъ по новой дорогѣ полковника Славича: она превосходно трассирована и очень много на ней сдѣлали. Ежели будутъ рабочіе, кромѣ солдатъ, то она вчернѣ будетъ готова въ нынѣшнемъ же году, а не то такъ въ будущемъ. Офицеръ путей сообщенія Якубовскій показываетъ усердіе и дѣятельность, которыя не всегда отличаютъ господъ путей сообщенія.

Я былъ восхищенъ здѣсь тѣмъ, что я видѣлъ въ магометанскихъ училищахъ, открытыхъ здѣсь въ прошломъ году;—учениковъ въ обоихъ

---

[1]) Генералъ-маіоръ Ефимъ Ивановичъ Золотаревъ, командиръ одного изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, штабъ-квартира котораго была въ уроч. Ананурѣ. А. В.

150, изъ лучшихъ здѣшнихъ фамилій; успѣхи самые удовлетворительные, и въ теченіе года почти всѣ говорятъ по-русски, а многіе говорятъ и пишутъ какъ нельзя лучше. Заведеніе св. Нины также прекрасно, о чемъ я доношу главной попечительницѣ. Сегодня мы отправляемся въ Алти-Агачъ, гдѣ надѣюсь встрѣтить кн. Моисея Захаровича (кн. Аргутинскій). Урожаи вездѣ прекрасные, но отъ Баку и Муганской степи идетъ саранча; вообще надѣятся, что, по позднему времени, она не успѣетъ сдѣлать обыкновеннаго вреда; сѣнокосы почти вездѣ кончены и ячмень будутъ на-дняхъ собирать, Одно не хорошо, что въ Нухинскомъ уѣздѣ много грабежей.

12.

22-го мая 1850 г. Кусары.

..... На правомъ флангѣ было дѣло, похожее на происшествіе на Лезгинской линіи. Магометъ Аминь сдѣлалъ сильное покушеніе противъ нашихъ мирныхъ и на самыя наши линіи. Евдокимовъ принялъ самыя лучшія мѣры и непріятель ни въ чемъ не успѣлъ; но двѣ сотни линейныхъ казаковъ, отъ лишней смѣлости, бросились прямо на весьма сильнаго непріятеля, и съ тремя офицерами жизнью за это заплатили. Я надѣюсь сегодня-же послать къ вамъ краткое извлеченіе изъ обоихъ этихъ дѣлъ, для напечатанія въ „Кавказѣ". Начавши разъ описывать всѣ военныя дѣла, мы не должны умалчивать и о потеряхъ, неразлучныхъ съ военными дѣйствіями въ большомъ размѣрѣ; въ противномъ случаѣ будутъ извѣстія частныя, преувеличенныя и всякаго рода разсказы.....

13.

8-го іюня 1850 г. Ахты.

Пишу къ вамъ особое письмо по одному предмету, весьма важному, а именно: о положеніи края, безпрестанно подверженнаго то непріятельскимъ партіямъ, то еще болѣе разбойникамъ всякаго рода, находящимъ безпечное укрывательство, и даже помощь у жителей верхнихъ нашихъ магаловъ. Разбои эти не только продолжаются, но и усиливаются въ бывшемъ Елисуйскомъ владѣніи, на правомъ флангѣ Лезгинской линіи и во всемъ Нухинскомъ уѣздѣ. Теперь болѣе говорятъ о славномъ Богарчи; но онъ ли все это дѣлаетъ или другіе—я не знаю; но знаю только, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ никакой нѣтъ безопасности, ни сообщенія, ни свободы для торговыхъ и другихъ оборотовъ. Недавно еще взяты паромщики даже на Мингачаурской переправѣ, а въ Нухѣ мнѣ всѣ купцы сказали, что вся ихъ торговля слабѣетъ, потому что ни откуда нельзя привозить и ни куда нельзя отвозить товары безъ крайней опасности похищенія оныхъ на дорогѣ и убіенія людей, при

оныхъ находящихся. Всему этому способствуетъ: 1) слабость нашей границы между Казикумухскимъ ханствомъ и верхними магалами лезгинскаго округа; 2) усилія и вліяніе бывшаго султана надъ прежними его подвластными; 3) шаткое положеніе умовъ жителей верхнихъ магаловъ и праваго фланга лезгинскаго округа, и, наконецъ, 4) общій страхъ, наведенный на тѣхъ изъ жителей, которые бы хотѣли намъ быть вѣрными; но, не имѣя отъ насъ дѣйствительной помощи, не могутъ противустоять непріятелю, и за малѣйшій отказъ помощи хищникамъ, жестоко ими наказаны. Чувствуя все это, я прибылъ въ этотъ край и сдѣлалъ трудную рекогносцировку верхняго Самура для отысканія средствъ измѣнить, болѣе или менѣе, столь дурное и фальшивое положеніе. Узнавши этотъ край, я рѣшился устроить укрѣпленіе въ Лучекѣ: этимъ устраняется отчасти опасность по Самуру, внизъ, для Борчи и для работъ шинской дороги. Но что идетъ къ западу отъ Лучека, могло бы быть укрѣплено, только если бы мы могли занять постоянно милиціею, деревни выше Лучека, какъ-то: Гельмецъ, Цахуръ, Джинихъ и пр. Въ Калало же, во время теплое, т. е. мѣсяца на два, и никакъ не болѣе трехъ, приводить ежегодно маленькій отрядъ съ Лезгинской линіи, что и составило бы для насъ порядочную передовую линію, за которою можно бы принимать уже другія мѣры, для отысканія и истребленія скрывающихся въ нашихъ округахъ хищниковъ и тѣхъ изъ самыхъ жителей, которые охотно, и безъ необходимости, имъ помогаютъ. Къ несчастію, занятіе милиціею и постоянно промежутка между Лучекомъ и Калало, по крайней мѣрѣ, на этотъ годъ, кажется, невозможно. Въ Цахурѣ жители мнѣ откровенно сказали, что не могутъ и не смѣютъ ни защищаться, ни даже помогать милиціи, которая бы рѣшилась у нихъ остаться, и что они скорѣе согласны къ переселенію куда намъ угодно, нежели къ принужденію дѣлать то, что они считаютъ невозможнымъ. Лично познакомившись съ Цахуромъ, я долженъ признаться, что жители правы. Деревня эта почти неприступна съ нашей стороны, по худому качеству тропинокъ, но съ непріятельской совершенно открыта и доминирована. Самые смѣлые наши беки и милиціонеры, осмотрѣвъ мѣсто, резонно объявили, что тамъ стоять невозможно. Деревня Гельмецъ, на правомъ берегу Самура, могла бы легко защищаться при маленькой части регулярнаго войска, котораго однако слишкомъ раздроблять я не могу, и могла бы быть защищена и милиціею, если бы въ жителяхъ было болѣе единодушія въ нашу пользу, но на первый случай и на это считать невозможно. Бучкіевъ съ милиціею остался тамъ на нѣсколько дней, но ему разрѣшено отойти ближе къ Лучеку, до дер. Кхины, гдѣ

онъ будетъ служить аванпостомъ для отряда, строющаго Лучекъ, а другая небольшая часть милиціи будетъ служить въ томъ же видѣ, въ кутанахъ, нѣсколько верстъ выше Лучека, по Кара-Самуру, или Ширакскому ущелью. Увидимъ въ теченіе этого года, какъ себя будутъ вести жители, вообще въ окрестностяхъ Цахура. Но между тѣмъ надобно заняться внутреннею нашею частью, и вотъ почему я пишу сегодня же къ вамъ оффиціально на счетъ командъ изъ милиціи и охотниковъ, въ Нухинскомъ уѣздѣ, подъ начальствомъ Ширъ-Али-бека, а въ верхнихъ магалахъ кн. Мачабелова; а для единства поручить начальство всего этого предпріятія Спиридону Чавчавадзе, съ объявленіемъ всего этого опаснаго края въ военное положеніе. Мнѣ кажется, что эта мѣра необходима, ибо мѣстные участковые не только безсильны для этого, но въ этомъ и искренно признаются. Я видѣлъ въ Цахурѣ и Гельмецѣ пріѣхавшихъ ко мнѣ туда помощника участковаго засѣдателя, родню Даніель-бека, Хаджи-Агу, и бывшаго участковаго Зиссермана, первый—изъ азіатовъ, второй—изъ жидовъ; но оба молодцы и готовые пролить кровь свою, какъ честные офицеры, но оба совершенно безсильны и обезкуражены. Можетъ быть, Чавчавадзе съ Мачабеловымъ, имѣя сотню или двѣ настоящихъ молодцовъ, поправятъ тамъ наши дѣла; а Ширъ-Али-бекъ, по мнѣнію кн. Моисея Захаровича (Аргутинскаго) хорошо будетъ дѣйствовать въ Нухинскомъ уѣздѣ. Присутствіе же кн. Григорія (Орбеліани) съ отрядомъ въ Лучекѣ будетъ весьма полезно, и можетъ быть найдется возможность впослѣдствіи постоянно занять Гельмецъ. Ежели же и за всѣмъ этимъ не будетъ желаемаго успѣха, то не остается другаго средства, какъ зимою переселить всѣхъ жителей верхнихъ деревень, что тѣмъ легче, что они и безъ того зимою, почти всѣ и съ скотомъ, и съ семействами находятся въ нижней части округа. Одно будетъ тогда затрудненіе, куда ихъ дѣвать лѣтомъ, хотя на кочевье, потому что они жаркаго климата сносить не могутъ. Можетъ быть, съ помощью Божіей, всѣ эти обстоятельства въ теченіе сего года поправятся, и въ моральномъ видѣ укрѣпленіе Лучека, какъ я отъ всѣхъ здѣсь слышу, вездѣ, будетъ имѣть сильное въ нашу пользу вліяніе. Вотъ то, что я нужнымъ счелъ вамъ сообщить, для лучшаго объясненія оффиціальнаго распоряженія, которое къ вамъ сегодня же отправляется.

Сообщ. **А. П. Берже.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Историческіе разсказы и анекдоты,

записанные со словъ разныхъ лицъ [1]).

Гг. редакторы «Русской Старины», Читая прекрасный вашъ журналъ, я нахожу особенно полезнымъ то, что редакція «Русской Старины», представляя весьма важные историческіе матеріалы,—не пренебрегаетъ никакими, повидимому самыми мелочными разсказами и анекдотами о событіяхъ и дѣятеляхъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на судьбы Россіи, или характеризующихъ свое время. Дѣйствительно мелочные разсказы и анекдоты проливаютъ часто свѣтъ на многія событія и на многія личности, иначе совершенно необъяснимыя.

Полагая, что прилагаемые при семъ три анекдота редакція найдетъ не безполезнымъ помѣстить въ своемъ изданіи, я долженъ присовокупить, что одинъ анекдотъ о Суворовѣ и анекдотъ о Потемкинѣ разсказаны мнѣ очевидцемъ графомъ Рачинскимъ—умершимъ въ 1858 году въ Митавѣ, болѣе 90 лѣтъ отъ роду и едва-ли ни послѣднимъ бывшимъ дѣйствительнымъ командоромъ державнаго мальтійскаго ордена, хаживавшаго на галерахъ и лично знавшаго Гомпеша, послѣдняго гросмейстера ордена. Во время свиданія императрицы Екатерины съ королемъ польскимъ Станиславомъ въ Каневѣ, онъ былъ камеръ-пажомъ при Станиславѣ, а во время пребыванія Суворова въ Митавѣ, онъ жилъ въ Митавѣ по возвращеніи своемъ изъ С.-Петербурга, куда ѣздилъ, въ свитѣ графа Литта, для представленія короны и ордена св. Іоанна Іерусалимскаго императору Павлу.

А. Бѣлаго.

1.

Кн. Г. А. Потемкинъ.

Во время путешествія императрицы Екатерины II на югъ Россіи, она, какъ извѣстно, имѣла свиданіе въ Каневѣ со Станиславомъ королемъ польскимъ; но когда Станиславъ готовился перейти на барку

---

[1]) См. большое собраніе «Историческихъ разсказовъ и анекдотовъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 и 1872 гг.

императрицы, Потемкинъ проворно выскакиваетъ на берегъ, преклоняетъ колѣно и цѣлуетъ руку короля. Знавшихъ гордость великолѣпнаго князя Тавриды, въ особенности съ важными и высоко-стоящими лицами, поступокъ этотъ чрезвычайно удивилъ всѣхъ, кромѣ короля, который послѣ объяснилъ своимъ приближеннымъ, что Потемкину хочется быть польскимъ королемъ. Извѣстно, что король польскій могъ быть избираемъ лишь изъ польскихъ подданныхъ. Потемкинъ же, получивъ передъ тѣмъ имѣніе въ Польшѣ, своей выходкой въ Каневѣ какъ-бы публично признавалъ себя подданнымъ и гражданиномъ Польши.

2.

Кн. Суворовъ.

Суворовъ, отправляясь въ Италію и проѣзжая Митаву, остановился въ замкѣ герцога—огромное зданіе, выстроенное Іоанномъ Бирономъ на русскія деньги. Разумѣется, всѣ служащіе и неслужащіе спѣшили представиться фельдмаршалу и взглянуть на геніальнаго чудодѣя. Каково же было изумленіе, когда въ залахъ ожидавшіе выхода фельдмаршала, внезапно увидѣли, что дверь отворилась и Суворовъ босой, въ одной рубашкѣ, объявляетъ: „помилуй Богъ! Суворовъ сейчасъ выйдетъ“. И дѣйствительно, не успѣли ожидавшіе выхода его придти въ себя отъ изумленія, отъ такого нечаяннаго появленія Суворова, какъ Суворовъ, уже въ полной парадной формѣ, украшенный всѣми орденами, явился. Къ этому разсказщикъ графъ Рачинскій присовокупилъ, что между ними разсказывали, что Суворовъ болѣе счастливъ, нежели геніаленъ, и что во всякомъ случаѣ онъ уже очень старъ и едва-ли годится предводительствовать арміями противъ французовъ; выходка Суворова, по мнѣнію разсказщика, имѣла вѣроятно цѣлью показать, что онъ вовсе не дряхлъ, и что дай Богъ каждому молодому такъ проворно одѣться и явиться на оффиціальный пріемъ.

3.

Извѣстный ученый, историкъ Браунщвейгъ, мой предмѣстникъ по бывшей моей должности директора гимназіи и училищъ Курляндской губерніи, разсказывалъ мнѣ, что во время проѣзда Суворова черезъ Митаву ему, Браунщвейгу, было около 10 лѣтъ. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Суворовъ отправился пѣшкомъ на площадь, гдѣ находилась гауптвахта; за нимъ слѣдовала необъятная толпа народа, а въ этомъ числѣ, впереди другихъ, и онъ, Браунщвейгъ. Время было обѣденное. Суворовъ, придя на гауптвахту, увидѣлъ, что солдаты ѣли кашу, и, не долго думая, онъ усѣлся вмѣстѣ съ ними и съ необыкновеннымъ аппетитомъ принялся тоже ѣсть кашу.....

Сообщ. **Александръ Бѣлаго.**

Графъ М. И. Платовъ.

Знаменитый атаманъ донцовъ, происходя изъ среды ихъ, ревниво оберегалъ патріархальные нравы своихъ соотечественниковъ и, такъ сказать, щеголялъ полнымъ знаніемъ ихъ быта и пониманіемъ простой, но смышлёной рѣчи казака.

Вотъ въ доказательство этого два примѣра:

1) Въ 1809 году, когда медленныя распоряженія главнокомандующаго нашею арміею повлекли за собою различныя неудачи нашихъ войскъ (несчастный приступъ Милорадовича къ Журжѣ; пораженіе самого главнокомандующаго подъ Браиловымъ, и проч.) и армія наша только послѣ пятимѣсячныхъ попытокъ могла переправиться чрезъ Дунай, атаманъ Платовъ, укрѣпившись въ Силистріи, зорко слѣдилъ за всѣми движеніями турокъ. Тутъ прискакалъ къ нему съ передовыхъ постовъ казакъ и, едва переводя духъ отъ усталости, вскричалъ:

„Тьма тьмущая турки валитъ, ваше превосходительство!“

— Куда?—спрашиваетъ Платовъ.

„Кубыть на лѣво!“

— Конница, или пѣхота?

„И конница, и пѣхота, и пушки: подъ землею такой гулъ, да трескотня, какъ на толчеѣ!“

— Хорошо, братецъ; спасибо!

И Платовъ полетѣлъ съ своими полками искать „тьму тьмущую турки;“ разбилъ двухбунчужнаго пашу, Махмуда; преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля и взялъ самого пашу въ плѣнъ.

Платовъ не сталъ разспрашивать, что̀ значитъ „подъ землею гулъ:“ онъ зналъ, что аванпостные казаки обязаны не только „смотрѣть“ за видимымъ непріятелемъ, не только слѣдить за нимъ по „сакмѣ“ (слѣды людей и лошадей на травѣ), но и „прикладывать ухо къ землѣ“, отражающей движеніе массъ на поверхность ея.

2) Въ томъ же году, Платовъ, находясь на аванпостахъ своихъ, замѣтилъ, что впереди ихъ ѣдутъ спокойно нѣсколько человѣкъ. Вообразивши, что это непріятельскіе всадники подпущены такъ близко къ нашей линіи, онъ разсердился и закричалъ: „вѣстовой! поскачь, братецъ, на пикеты—чего они смотрятъ, нерадивцы, что позволяютъ туркамъ такъ близко разъѣзжать и не ухлопаютъ ихъ!“

Полетѣлъ вѣстовой и, чрезъ нѣсколько минутъ прискакавъ обратно, крикнулъ:

— Это не турки, ваше превосходительство; это три Шица ѣздютъ!

— „Хорошо, братецъ!“—сказалъ Платовъ, и успокоился.

Дѣло въ томъ, что при Платовѣ былъ свитскій (нынѣ генеральнаго штаба) офицеръ Шицъ; вѣстовые казаки Платова думали, что Шицъ не фамилія, а должность и посланный вѣстовой, увидѣвши разъѣзжавшихъ трехъ нашихъ свитскихъ офицеровъ, донесъ, что это „три Шица", а не турки, и Платовъ тотчасъ же понялъ его.

3) Платовъ отличался высокимъ патріотизмомъ. Когда армія наша вынуждена была оставить Москву и первопрестольная столица русская освѣтилась заревомъ пожара, Платовъ не вынесъ этого страшнаго зрѣлища, зарыдалъ и, проникнутый местію къ виновнику страданій отечества, объявилъ всѣмъ окружающимъ его: „если кто, хоть бы простой казакъ, доставитъ ко мнѣ Бонапартишку,—живаго или мертваго,—за того выдамъ дочь свою!" Это восклицаніе славнаго вождя донцовъ дошло до Англіи и въ 1814 году появился въ Лондонѣ портретъ дѣвицы, въ національномъ донскомъ костюмѣ съ надписью:

„Мисъ Платовъ".

„По любви къ отцу—отдаю руку; а по любви къ отечеству—и сердце свое".

Графъ Платовъ въ 1812 году имѣлъ дочь—дѣвицу, графиню Марью Матвѣевну, вышедшую потомъ въ замужество за донскаго генерала, Тимофея Дмитріевича Грекова.

Сообщ. А. П. Ч.

Артистки Семеновы.

Въ дополненіе и исправленіе напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" замѣтокъ объ артисткахъ Семеновыхъ [1]), считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ незабвенныхъ, близкихъ моему сердцу женщинахъ, бывшихъ украшеніемъ русскаго театра въ царствованія Александра I и Николая.

Екатерина Семеновна родилась 7-го ноября 1786 года; Нимфодора Семеновна—въ 1788 году; обѣ родились въ Петербургѣ и воспитывались въ театральномъ училищѣ. Екатерина Семеновна сдѣлалась актрисою трагическою, Нимфодора Семеновна—оперною. Онѣ появились на сценѣ императорскаго театра въ первую половину царствованія императора Александра I и отмѣчались на театральныхъ афишахъ „большая" и „меньшая". Въ царствованіе Александра обѣ Семеновы нѣсколько разъ играли въ Зимнемъ дворцѣ, на эрмитажномъ театрѣ, въ присутствіи императорской фамиліи, и

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. VI, стр. 606, 699—700 замѣтки кн. В. Баюшева и Б. М. Федорова. Ред.

удостоивались высочайшихъ подарковъ. Екатерина Семеновна имѣла особенный успѣхъ въ трагедіяхъ: Эдипъ въ Аѳинахъ, Фингалъ, Ифигенія въ Авлидѣ, Медея, Андромаха, Федра, Марія Стюартъ, Сумбека, Меропа, Танкредъ, Гоѳолія, Димитрій Донской, Бахчисарайскій фонтанъ, Пожарскій;—а Нимфодора Семеновна отличалась въ операхъ: Весталка, Ромео и Юлія, Сандрильона, Отецъ и Дочь, Снѣгъ, Водовозъ, Каменщикъ, Сорока-Воровка, Алина, Королева Голконская, Красная Шапочка, Женщина-Лунатикъ, Швейцарское Семейство, Іоанна д'Аркъ, Князь Невидимка.

Постоянными руководителями въ изученіи ролей были: Екатерины Семеновны—Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, извѣстный переводчикъ Илліады; а Нимфодоры Семеновны—капельмейстеръ императорскихъ театровъ Катерина Альбертовичъ Кавосъ [1]). Екатерина Семеновна играла въ послѣдній разъ на Большомъ театрѣ въ трагедіи „Пожарскій", въ 1826 г.; а Нимфодора Семеновна сошла со сцены въ 1831 г.; обѣ оставили театръ съ пенсіею по 4,000 руб. ассиг. въ годъ отъ императорскаго кабинета.

Сенаторъ князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ, проживъ въ Петербургѣ съ Екатериною Семеновною неразлучно болѣе 15 лѣтъ, и имѣя отъ нея дѣтей; одного сына и трехъ дочерей, долженъ былъ переселиться съ нею въ Москву, чтобъ имѣть ближайшій надзоръ за своими помѣстьями съ 4 т. душъ, находившимися въ Тамбовской губерніи. Они оставили навсегда Петербургъ въ февралѣ 1827 года. Тогда жили еще въ Москвѣ родныя сестры князя Ивана Алексѣевича, вдовы: Марья Алексѣевна Арсеньева, Екатерина Алексѣевна Ляпунова и княгиня Прасковья Алексѣевна Крапоткина, и родной дядя его князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ, 80-ти-лѣтній бездѣтный вдовецъ, оставившій ему, по духовному завѣщанію, 1,000 душъ и около 300 т. р. капитала. Князь Петръ Ивановичъ очень любилъ своего племянника и Екатерину Семеновну, и на ихъ рукахъ скончался въ февралѣ 1828 года. При жизни своей и еще за нѣсколько дней до своей смерти, князь Петръ Ивановичъ часто уговаривалъ Екатерину Семеновну выйти замужъ за князя Ивана Алексѣевича; но она не рѣшалась исполнить его искреннее желаніе: она опасалась, что по предразсудкамъ тогдашняго времени, званіе княгини принудитъ ее на всегда оставить сценическое искуство, которое она любила страстно,—навсегда отказаться отъ успѣховъ на театральномъ поприщѣ, на

[1]) См. о Кавосѣ въ этой книгѣ «Русской Старины», въ Запискахъ П. А. Каратыгина, стр. 159. Ред.

которомъ она, въ продолженіе 20-ти лѣтъ, была любимицею публики. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ чуждъ сословныхъ предразсудковъ тогдашняго времени; онъ былъ страстный любитель сценическаго искусства, ваянія и живописи, отличалъ человѣка только по личнымъ его достоинствамъ, и будучи въ высшей степени религіозенъ, чтилъ таланты, какъ даръ Божій.

Въ одинъ прекрасный майскій день 1828 года, рано утромъ, въ церкви, что въ Лужникахъ, близь Дѣвичьяго-Поля, онъ сочетался бракомъ съ Екатериною Семеновною, въ присутствіи близкихъ родныхъ и двухъ или трехъ свидѣтелей изъ своихъ короткихъ знакомыхъ. День свадьбы проведенъ былъ скромно въ семейномъ кругу. Княгиня Екатерина Семеновна не оставляла своего любимаго искусства, о которомъ она всегда говорила съ большимъ одушевленіемъ. Особенными почитателями ея таланта были: служившій въ Москвѣ цензоромъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, извѣстный сочинитель „Семейной Хроники", посвятившій ей нѣсколько стиховъ своего сочиненія; издатель журналовъ „Телескопъ" и „Молва", профессоръ изящныхъ искуствъ московскаго университета Николай Ивановичъ Надеждинъ, и того же университета профессоръ извѣстный историкъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ, читавшій ей свои трагедіи: „Марѳа Посадница". и „Царевна Софія". Нашъ великій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ не разъ бывалъ въ домѣ княгини Екатерины Семеновны и оставилъ ей въ память экземпляръ своей трагедіи „Борисъ Годуновъ", съ собственноручною надписью на обертке: „княгинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Гагариной отъ Пушкина, Семеновой—отъ сочинителя".

Княгиня Екатерина Семеновна игрывала нѣсколько разъ съ любителями сценическаго искуства на своемъ домашнемъ театрѣ, на домашнихъ театрахъ своихъ знакомыхъ, и въ 1830 году, въ пользу императорскаго московскаго человѣколюбиваго общества, явилась на театрѣ, устроенномъ въ залѣ Московскаго благороднаго собранія. Въ этотъ разъ она играла въ трагедіи „Медея" и въ драмѣ „Ненависть къ людямъ и раскаяніе". Въ обѣихъ этихъ пьесахъ первыя мужскія роли исполнилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ. Объ этихъ представленіяхъ, какъ мнѣ помнится, были напечатаны статьи въ издаваемыхъ тогда журналахъ профессоромъ Надеждинымъ „Телескопъ" и „Молва".

Въ 1832 году, 12 октября, скончался князь Иванъ Алексѣевичъ; онъ погребенъ на кладбищѣ московскаго Новоспасскаго монастыря. Въ сентябрѣ 1833 года, старшая изъ дочерей князя Ивана Алексѣевича и княгини Екатерины Семеновны, Надежда

Ивановна, 16-ти лѣтъ отдана въ замужество, съ приданымъ въ 120,000 р. асс. капитала, за коллежскаго совѣтника Матвѣя Михайловича Карніолинъ-Пинскаго, служившаго въ то время начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ министерства юстиціи. Они были бездѣтны; бракъ ихъ былъ несчастливъ... Въ 1845 г., когда Карніолинъ-Пинскій сдѣлался директоромъ департамента министерства юстиціи, онъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ жены своей. Это грустное и многотомное дѣло, продолжавшееся 8 лѣтъ, крайне разстроило здоровье и состояніе княгини Екатерины Семеновны. Страдая душевно и тѣлесно, княгиня Екатерина Семеновна нѣсколько разъ пріѣзжала изъ Москвы въ Петербургъ, чтобъ слѣдить за дѣломъ ея любимой дочери. Въ 1847 году княгиня Екатерина Семеновна въ послѣдній разъ играла съ любителями драматическаго искуства на домашнемъ театрѣ г. Галлера; но вскорѣ послѣ того она сдѣлалась больною, скончалась отъ паралича въ Петербургѣ, 1-го марта 1849 года, на рукахъ своей несчастной дочери; погребена на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. День кончины княгини Екатерины Семеновны удостовѣряется надписью на духовномъ ея завѣщаніи, составленномъ въ январѣ 1834 года въ пользу ея дѣтей.

Чрезъ 4 года послѣ кончины княгини Екатерины Семеновны, рѣшилась участь ея дочери: въ 1853 году, по приговору уголовнаго суда, разсторгнутъ бракъ ея съ Карніолинъ-Пинскимъ. О, если-бъ судьбѣ угодно было, чтобъ это во многихъ отношеніяхъ интересное для криминалиста, дѣло было разсмотрѣно въ порядкѣ нынѣшняго судопроизводства, и отдано на судъ присяжныхъ, конечно, жена Карніолинъ-Пинскаго была бы оправдана! Несчастная дочь княгини Екатерины Семеновны лишилась своего состоянія во время производства дѣла съ Карніолинъ-Пинскимъ, послѣ окончательнаго приговора суда, жила въ бѣдности въ разныхъ губерніяхъ, и наконецъ, исчезла изъ виду своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Мужъ княгини Екатерины Семеновны, князь Иванъ Алексѣевичъ, съ молоду былъ постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Василіемъ Валентиновичемъ Мусинъ-Пушкинымъ, который съ начала царствованія императора Николая, по день своей кончины, послѣдовавшей въ 1835 году; состоялъ оберъ-шенкомъ при высочайшемъ дворѣ. Онъ имѣлъ трехъ дочерей отъ Нимфодоры Семеновны, родной сестры княгини Екатерины Семеновны. Старшая изъ нихъ, Прасковья Васильевна, въ 1829 году, выдана въ замужество за капитана лейбъ-гвардіи конно-піонернаго дивизіона, впослѣдствіи въ отставкѣ генералъ-маіора, князя Ивана Алексѣевича Гагарина, двоюроднаго племянника князю Ивану Алексѣевичу Гагарину, мужу княгини Ека-

терины Семеновны. Лѣтъ чрезъ пять послѣ смерти графа Мусинъ-Пушкина, Нимфодора Семеновна вышла замужъ за французскаго подданнаго Лестрелень; ей теперь 84-й годъ. Она совершенно потеряла зрѣніе.

Въ предѣлахъ замѣтокъ гг. кн. Баюшева и Федорова, я ограничиваюсь сообщеніемъ этихъ немногихъ, но вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній объ актрисахъ Семеновыхъ.

Сообщ. Н. Ив. Стародубскій.

С.-Петербургъ, 28 декабря 1872 г.

Императоръ Александръ I — гр. Аракчееву [1]).

Ахенъ, октября 24-го 1818 года.

При семъ прилагаю записку военнаго генералъ-губернатора о случившемся происшествіи въ театрѣ.

Наглость сія мнѣ крайне не нравится. Я нахожу, что слабо поступлено по сему дѣлу. Перваго виновника нахожу я жандармскаго офицера, не пошедшаго на мѣсто, дабы лично видѣть, что происходитъ. Втораго—унтеръ-офицера, не умѣвшаго заставить себя слушать и не вытолкнувшаго за плечи того, котораго слѣдовало вывесть, чѣмъ бы, вѣроятно, все происшествіе и кончилось.

Какъ уже довольно времени протекло, то, мнѣ кажется, вновь возобновить сію исторію неумѣстно. Но я никакъ не намѣренъ впредь допускать подобныя наглости. По сему объяви военному ген.-губернатору и министру полиціи, дабы строго было надсматриваемо за поведеніемъ сихъ трехъ актеровъ, и даже и прочихъ, и при первой дерзости арестовать виновнаго и, посадя въ смирительный домъ, уже не иначе изъ онаго выпустить, какъ съ выключкою изъ труппы и съ отсылкою на житье въ Вятскую, Пермскую или Архангельскую губерніи въ примѣръ другимъ, весьма мало заботясь, что устройство труппы отъ того потерпитъ. Я предпочитаю имѣть дурной спектакль, нежели хорошій, но составленный изъ наглецовъ. Въ Россіи они терпимы быть не должны. При томъ нахожу нужнымъ, чтобы жандармскій унтеръ-офицеръ разжалованъ былъ въ рядовые за то, что не умѣлъ заставить себя слушать, а офицеръ—арестованъ на недѣлю за то, что не пошелъ самъ прекратить безпорядокъ.

Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ.

---

[1]) Копія письма руки покойнаго чл. госуд. сов. Н. И. Вахтина сообщена намъ Н. Н. Селифонтовымъ. Дѣло, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, неизвѣстно М. И. Богдановичу, на заключеніе котораго мы препровождали настоящій документъ. Ред.

Бахметевы.

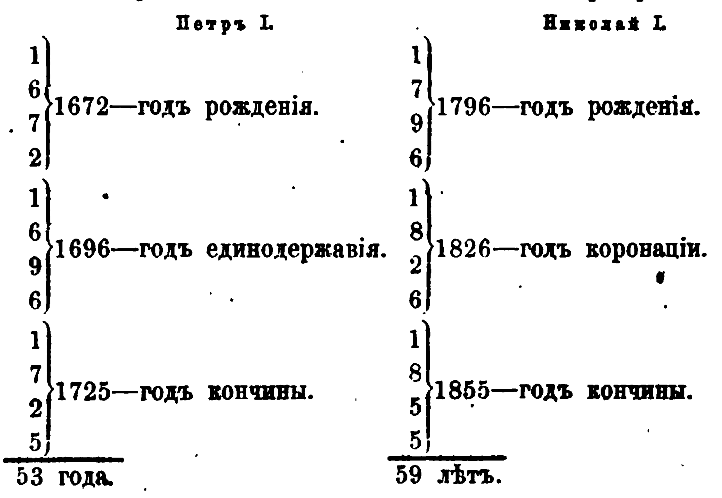
Въ дополненіе и исправленіе одного примѣчанія, покойнаго М. Д. Хмырова, къ письмамъ императора Павла («Русск. Стар.», изд. 1872 г., т. V, стр. 253), приводимъ слѣдующую замѣтку о Н. Н. Бахметевѣ и его дѣтяхъ. Н. Н. Бахметевъ былъ женатъ и скончался, около 1831 г. вдовцомъ. Онъ имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей; старшій изъ сыновей—Николай воспитывался въ институтѣ корпуса Путей Сообщеній и, не окончивъ курса, перешелъ юнкеромъ въ армію, въ одинъ изъ уланскихъ полковъ. Второй сынъ—Алексѣй, воспитывался также въ институтѣ корпуса Путей Сообщеній и, окончивъ тамъ курсъ наукъ, произведенъ былъ въ инженеръ-прапорщики въ 1834 или 1835 гг.; многіе изъ его товарищей по воспитанію, въ настоящее еще время, находятся на службѣ въ вѣдомствѣ Путей Сообщеній. Третій сынъ—Александръ, воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, не окончивъ курса, около 1832 года перешелъ юнкеромъ въ армію.

Николай Николаевичъ Бахметевъ, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, былъ всѣми любимъ и уважаемъ; онъ пользовался расположеніемъ трехъ императоровъ: Павла I, Александра I и Николая I. Служба его въ Оренбургскомъ краѣ имѣла не малое вліяніе на развитіе того края, и особенно замѣчательна въ отношеніи управленія степью.

Знаменательныя цифры въ жизни императоровъ Петра I и Николая I.

По поводу помѣщенной въ «Русской Старинѣ» (изд. 1871 т. III стр. 535) замѣтки М. И. Богдановича о курьезности чиселъ дня рожденія, коронаціи и кончины императора Александра I, я не лишнимъ считаю сообщить также странную случайность цифръ изъ царствованій двухъ императоровъ Петра I и Николая I.

Взявши года трехъ важныхъ эпохъ изъ жизни этихъ двухъ государей: Петра I, годы рожденія, единодержавія и кончины, и Николая I годы рожденія, коронаціи и кончины и сложивши цифры, составляющія эти года, получимъ число прожитыхъ лѣтъ каждымъ изъ этихъ императоровъ:



Петръ I.

1, 6, 7, 2 } 1672—годъ рожденія.
1, 6, 9, 6 } 1696—годъ единодержавія.
1, 7, 2, 5 } 1725—годъ кончины.
53 года.

Николай I.

1, 7, 9, 6 } 1796—годъ рожденія.
1, 8, 2, 6 } 1826—годъ коронаціи.
1, 8, 5, 5 } 1855—годъ кончины.
59 лѣтъ.

Сообщ. Р. Ситовскій.

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЩЕРБИНА.

Помѣщаемыя здѣсь пять стихотвореній покойнаго Щербины вошли въ собраніе его сочиненій, изд. въ Спб., 1857 г. Мы печатаемъ ихъ съ значительными поправками и дополненіями по подлинной рукописи автора. **Ред.**

I.

Современная вакхическая пѣсня.

Въ нашемъ духѣ много воли,
Сердце пламени полно...
Мы желаемъ лучшей доли,—
Лучшей доли не дано!...
И исторія отъ вѣка
Не цѣпямъ ли обрекла
И свободу человѣка,
И высокія дѣла?
Что земля намъ обѣщаетъ!
Путь земной тяжелъ и пустъ,—
И невольно вылетаетъ
Стихъ проклятія изъ устъ...
Въ насъ подрыто утѣшенье,
Что намъ небо суждено:
Небо, полное сомнѣнья,
Безотвѣтно и темно....
Исчезаютъ, какъ мечтанья,
Какъ предутренняя тьма,
Нашей вѣры упованья
Въ свѣтѣ шаткаго ума.
Но земля, хоть на мгновенье,
Все-жъ красою расцвѣла

Для неправдъ и наслажденья
Торжествующаго зла.
Мы гнушалися порокомъ,
Страстны къ доблестнымъ дѣламъ;
О прекрасномъ и высокомъ
За скамьей твердили намъ...
Жизнь высокаго не знала,
Школьныхъ истинъ не взлюбивъ,
И съ насмѣшкой насъ карала
За одинъ къ нему порывъ.
Измельчали мы постыдно;
Чувство правое губя,
Ложнымъ холодомъ обидно
Мы клевещемъ на себя...
Евы розовыя дѣти!
Въ вашей страсти нѣтъ любви:
Все въ ней призракъ, бредъ иль сѣти,
Прихоть жизни, жаръ въ крови...
Грустно!... Пусть не раздается
Пѣсня скорбная моя:
Нашимъ пѣснямъ посмѣется
Внуковъ юная семья.
Пусть въ туманѣ опьяненья
Голова моя горитъ...
Жажду я самозабвенья,—
Лучъ блаженства въ немъ сокрытъ.

1843.

II.

Поколѣнію.

Какъ распялъ ветхій міръ божественное слово,
И въ человѣкѣ былъ людьми непризнанъ Богъ:
О, дѣти лучшія колѣна молодого,
И васъ межъ ближними никто признать не могъ!...

И братья, и отцы, живущіе преданьемъ,
Въ себѣ убивши мысль отъ юношескихъ лѣтъ,
За благо воздаютъ вамъ тягостнымъ страданьемъ,
И равнодушіемъ вамъ платятъ за привѣтъ.

Отъ застарѣлыхъ узъ имъ отрѣшиться больно,
Какъ псу, привыкшему на привязи ходить,
Который уязвитъ въ безсмысліи невольно
Того, кто-бъ захотѣлъ его освободить...

Мужайтесь, пусть зовутъ его крамолой злою
Порывы страстные возвышенной любви,
И называютъ мысль — ребяческой мечтою,
А пылъ сердечныхъ чувствъ — волненіемъ въ крови.

Пусть, какъ апостолу, въ минуту истомленья,
Въ минуту слабости, вамъ пѣтелъ пропоетъ;
Раскаянья слеза вамъ будетъ въ облегченье,
И къ новымъ подвигамъ васъ мощно воззоветъ, —

И ваши тайныя, невидимыя слезы
Польютъ сокрытыя блаженства сѣмена;
Для міра выростутъ изъ вашихъ терній розы,
И ваша мысль всплыветъ нетлѣнна и ясна.

1848.

III.

Пѣсня Прометея.

Я любимое чадо природы,
Я опасный соперникъ боговъ,—
И за даръ благодатной свободы
Я поспорить съ богами готовъ.

Говорятъ, широко мирозданье,
Человѣкъ же ничтоженъ и малъ;
Но гордись человѣка названьемъ
Ты, кто мыслилъ, любилъ и страдалъ.....
И пустыней какой безъисходной
Безъ тебя показался-бы міръ,
И какой красотою безплодной
Пламенѣлъ бы лучистый эфиръ,
И безсмысленной, грустной громадой
Въ его свѣтѣ земля бы плыла,
И тогда бы она не отрадой,
Но укоромъ Зевесу была...

Говорятъ, что пространствомъ и силой
Незамѣтно ты въ мірѣ закрытъ,
Говорятъ, что ты скованъ могилой
И нуждой, какъ младенецъ, повитъ...
Но настанутъ вѣка золотые:
Ты ихъ мыслью своей призовешь,
И добра сѣмена дорогія
Своей кровью обильно польешь,
И всѣ силы души и природы
Покоришь себѣ, новый Зевесъ,
Создашь новое солнце свободы
И два солнца засвѣтятъ съ небесъ.

1848.

IV.

Поэту.

Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тьму свѣтъ и свѣтъ тьму.

Ісаія. V, 20.

О, поэтъ! ты — совѣсть вѣка,
Лучшій сынъ земли родной,
Цвѣтъ роскошный человѣка,
Человѣкъ передовой.
Больно знать, что въ наше время
Пало сердце не одно,
Что глубоко порчи сѣмя
У людей вкоренено,
Что не вѣдаемъ добра мы...
Но, поэтъ, больнѣй того:
Злу всходятъ ѳиміамы
Изъ кадила твоего!
Ложной силѣ, но могучей
И твоя летитъ хвала,
Что надъ міромъ новой тучей,
Скрывшей солнце, налегла...
О, когда и вдохновенье
Тьму сгущаетъ нашихъ дней,—
То не знаменье-ль паденья
Невозстаннаго людей!...
Въ прахъ спускаются презрѣнный
Свѣта горняго столпы
И вожди непосвященной,
Многонемощной толпы..
Но воспрянь!... Твою лампаду
Прежнимъ пламенемъ зажги,
Упованье и отраду
Въ ней намъ свято береги;
Не склоняй къ кумирамъ слуха,
И по Богѣ поборай:
Ихъ грѣхи противу духа
Паче всѣхъ грѣховъ карай,—
Да звучитъ твой стихъ обронный,
Правды Божіей набатъ,
Въ пробужденье мысли сонной,
Въ кару жизни беззаконной,
На погибель всѣхъ неправдъ.

1855.

V.

Поэтамъ.

Le caractère de notre littérature au XIX siècle est polemique. Partout nous y trouvons la lutte et l'effort... Qu'est devenu cette naiveté feconde de l'artiste qui produit son oeuvre sans vouloir en faire une démonstration, un plaidoyer, une attaque, une vengeance.

Lerminier.

Не расточайте имъ, сынамъ своекорыстья,
Ни вашихъ образовъ, ни вашихъ райскихъ сновъ:
Больного дерева они гнилые листья,
Растущаго безъ тѣни и плодовъ,

Что соки лучшіе себѣ порабощая,
Питаться не даетъ побѣгамъ молодымъ,
Которыхъ въ будущемъ зоветъ судьба иная,
Несхожая стремленьями съ былымъ.

Предъ совѣстью ихъ предстаньте вы укоромъ,
Во всеоружіи разящаго стиха,
Клеймите цѣли ихъ презрѣньемъ и позоромъ,
Раскройте гной проказы и грѣха.

На погребальный ладъ настройте ваши лиры,
Благоухающій снимите свой вѣнецъ,
Одѣньтесь вретищемъ,— да дрогнутъ всѣ кумиры
И капище и нечестивый жрецъ.

Занѐ онъ предался лишь своему мамонѣ,
А долгъ гражданственный попралъ или забылъ,
И хитро, не ходя ни въ правдѣ, ни въ законѣ,
Онъ зло свое законностью прикрылъ...

Здѣсь все ослѣплено безумной плоти силой,
А свѣтозарный духъ подавленъ иль забытъ;
И все ихъ лучшее обманчиво и гнило,
А должный путь терновникомъ повитъ.

Здѣсь легкомысленно играютъ вѣщимъ словомъ,
И слова торжники врываются во храмъ
Мы скверны старыя сокрыли въ храмѣ новомъ,
И рѣчь у всѣхъ не вторитъ ихъ дѣламъ.

На безобразіе, на «мерзость запустѣнья»
Личина красоты накинута у насъ;
Лишь себялюбія доступны намъ движенья,
Но доблести намъ не доступенъ гласъ...

На злато вѣсится продажно судъ неправый,
Онъ, лжи потворствуя, караетъ правоту,
И въ зло преобразить умѣетъ онъ лукаво
Прямой души порывы и чистоту...

О, Боже! Имъ въ корысть и родины невзгода,
Всѣ испытанія, всѣ земскія бѣды,
Чтобъ нагло расхищать сокровища народа,
Его труда тяжелаго плоды...

Такъ не бросайте-жъ имъ цвѣтовъ воображенья,
Да ритмъ поэзіи не услаждаетъ ихъ:
Достойны-ли того сыны уничиженья,
Рабы своихъ желаній мелочныхъ!...

Но, обличая ихъ постыдныя дѣянья,
Врачуйте старый ядъ и въ духѣ, и въ крови:
Да разражается, какъ громъ негодованья,
Надъ ними ямбъ бичующей любви.

1856.

Н. Ѳ. Щербина.

Проектъ составленія и изданія „Настольной энциклопедіи русскаго отечествовѣдѣнія".

Любимой мечтой покойнаго М. Д. Хмырова—съ жизнью и дѣятельностью котораго читатели «Русской Старины» уже знакомы, [1]) было—составить «Энциклопедію отчизновѣдѣнія», т. е. подробный словарь всего, что только писалось о Россіи. Мысль объ этомъ громадномъ трудѣ занимала Хмырова постоянно; онъ неутомимо заботился о ея осуществленіи; но, къ сожалѣнію, не встрѣтилъ ни одного лица или учрежденія которое рѣшилось бы оказать матеріальную поддержку столь важному и полезному предпріятію. Въ бумагахъ покойнаго сохранился краткій проектъ предполагавшагося имъ изданія. Было бы искренно жаль, если бы мысль Хмырова умерла вмѣстѣ съ нимъ, а потому я обращаюсь въ редакцію «Русской Старины» съ просьбой напечатать на страницахъ своего журнала составленный Хмыровымъ проектъ, тѣмъ болѣе, что онъ отчасти характеризуетъ и направленіе литературной дѣятельности покойнаго.

С. Н. Шубинской.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше того.
Русская пословица.

Нѣтъ нужды доказывать, что знаніе своего отечества по возможности, во всѣхъ отношеніяхъ,—нравственно-обязательно для каждаго истинно-просвѣщеннаго гражданина.

Наше отечество, Россія, по многимъ уваженіямъ, въ особенности достойно такого знанія.

Дѣйствительно, не только въ ряду государствъ существующихъ, но и существовавшихъ когда-либо на поприщѣ всемірной исторіи, не видимъ ни одного, которое бы, какъ наша Россія, въ теченіе цѣ-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г. т. VII, стр. 109—114. Мы считаемъ себя счастливыми, что наше пожеланіе о пріобрѣтеніи книгохранилища Хмырова какимъ-нибудь общественнымъ учрежденіемъ не осталось напраснымъ: замѣчательное собраніе брошюръ (журнал. вырѣзокъ) покойнаго вмѣстѣ съ его библіотекой по волѣ его императорскаго высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, пріобрѣтено музеемъ имени его высочества, см. ниже стр. 289. Ред.

лаго тысячелѣтія, не смотря на различныя, часто противоположныя, вліянія историческія, оставалось вѣрно своимъ начальнымъ преданіямъ, шло твердо однимъ и тѣмъ же путемъ, выросло въ державу сильную, занимающую по праву видное мѣсто между первоклассными государствами Европы, образованнѣйшей части свѣта.

Съ другой стороны, Россія, выступившая на поприще науки гораздо позже всѣхъ другихъ государствъ Европы, умѣла произвесть давнымъ-давно и сохранить до нынѣ не только обильный сводъ лѣтописей, этотъ источникъ народнаго самопознанія, но и поэтическое „Слово о полку Игоревѣ“, превосходный образчикъ русскаго эпоса; при самомъ началѣ своего научнаго бытія, она уже имѣла Ломоносова; а теперь, когда этому бытію не минуло еще двухъ вѣковъ, съ гордостію произноситъ извѣстныя всему просвѣщенному міру имена: Карамзина, Крылова, Пушкина.

Каковы же должны быть духовныя силы народа, въ средѣ котораго могли возникнуть и эти явленія, и такая личность, какою міръ знаетъ Петра?

Каковъ же долженъ быть самъ народъ, который, путемъ татарщины, двухъ двѣнадцатыхъ годовъ и Севастополя, пришелъ къ мирному уничтоженію крѣпостнаго права и торжественному введенію гласнаго суда?

Не интересно ли, не поучительно ли ознакомиться съ источниками, развитіемъ и приложеніемъ духовныхъ и физическихъ силъ такого народа, — въ разныя эпохи его историческаго бытія?

Но гдѣ же способы къ такому знакомству, хотя поверхностному, за то вполнѣ достойному для всякаго уровня образованія?

Способовъ этихъ нѣтъ, потому что не только изученіе, самое чтеніе сочиненій, посвященныхъ той или другой сторонѣ, тому или другому предмету отечествовѣдѣнія, требуетъ извѣстной подготовки и пріемовъ, весьма и весьма многимъ чуждыхъ.

Надо обобщить свѣдѣнія о Россіи, собрать ихъ вмѣстѣ, расположить удобно для всѣхъ и дать возможность каждому, кто бы онъ ни былъ, легко и скоро найти предметъ отечествовѣдѣнія, его интересующій, и тутъ же—полное справочное объясненіе этого предмета, съ указаніемъ источниковъ къ дальнѣйшему и подробнѣйшему его изученію.

Другими словами—нужна „Настольная энциклопедія русскаго отечествовѣдѣнія“, которая одна только можетъ всецѣло удовлетворить сказанной надобности, уже чувствуемой теперь весьма ощутительно.

Для того же, чтобъ надобность эта удовлетворялась удобнѣйшимъ образомъ, предполагаемая „Энциклопедія" должна:

1) Вмѣстить въ себѣ, безъ всякаго исключенія, все касающееся Россіи во всѣхъ отношеніяхъ.

2) Представить это все въ видѣ, хотя сжатомъ, но обстоятельномъ и приноровленномъ къ пониманіямъ всѣхъ уровней; — наконецъ,

3) облегчить самый пріемъ отыскиванія справокъ—расположеніемъ всего матеріала въ валовомъ алфавитномъ порядкѣ, яснымъ для каждаго.

Масса свѣдѣній, долженствующихъ составить отечественную „Энциклопедію", дѣйствительно, огромна. Но убѣжденіе это не должно мѣшать другому, что Россія, выработавъ, въ тысячелѣтній періодъ времени свое настоящее положеніе, отнесется вполнѣ сочувственно къ изданію, которое, независимо отъ существенной надобности въ немъ для самой Россіи, не имѣетъ до сихъ поръ ничего себѣ подобнаго ни въ одной изъ странъ просвѣщенной Европы.

Отчего же не быть намъ, русскимъ, хотя въ чемъ-нибудь научномъ, — первыми?

Нѣтъ сомнѣнія, что затраты знанія, труда и капитала, на такое изданіе, какъ отечественная „Энциклопедія", — велики. Но кто же сомнѣвается, что и русская земля наша „велика и обильна".

Капиталы—есть; знаній—не занимать-стать; къ труду русскій человѣкъ способенъ, не хуже всякаго нѣмца. Кликните кличь, — найдутся и люди, которые на своихъ плечахъ вынесутъ русскую „Энциклопедію" отъ *А* до самой *Ѳ*.....

Подвигъ такого изданія будетъ истинно патріотическимъ—потому уже, что онъ, самымъ существомъ дѣла, изъемлется отъ всякаго подражанія иноземцамъ и не допускаетъ никакого у нихъ заимствованія. Сотрудникамъ отечественной „Энциклопедіи" не зачѣмъ будетъ обращаться къ другимъ литературамъ и не придется дѣлать выжимокъ изъ разныхъ „конверсаціонсовъ". Весь матеріалъ будетъ свой, родной, добываніе и обработка котораго укажутъ людей, быть можетъ, дѣльныхъ и способныхъ, но неимѣющихъ къ чему и куда приложить свой трудъ. Сколько честнаго хлѣба дастся честнымъ людямъ!

Съ другой стороны, изданіе отечественной „Энциклопедіи" не можетъ быть убыточнымъ. Подписчикомъ на него, кромѣ Россіи, явится вся просвѣщенная Европа, которая знаетъ о Россіи менѣе, нежели о Японіи и Томбукту. Узнавъ объ изданіи, чуждомъ всякаго заимствованія у Европы и, въ то же время, самостоятельномъ, ка-

питальномъ, просвѣщенная Европа не замедлитъ кинуться на него съ жадностью.

Понятно, что при капиталахъ долженъ быть уже готовъ и полный составъ людей, способныхъ участвовать въ „Энциклопедіи“ трудомъ литературнымъ.

Желательно, чтобы люди эти, посвятивъ трудъ свой на извѣстное время исключительно „Энциклопедіи“, получали задѣльную плату по мѣрѣ подготовленія ими статей, такъ какъ всякой иной порядокъ вознагражденія—не привлечетъ сотрудниковъ дѣльныхъ и, слѣдовательно, не улучшитъ самого изданія.

Размѣръ вознагражденія, въ видахъ труда, лишеннаго возможности заимствовать и переводить изъ иностранцевъ, но поставленнаго въ необходимость имѣть дѣло съ источниками на половину нетронутыми, долженъ быть сравнительно бо́льшой, а именно сто пятьдесятъ рублей за листъ печатный, или 7—8 копѣекъ за каждую строку столбца.

По исчисленію приблизительному, все изданіе „Настольной энциклопедіи русскаго отечествовѣдѣнія“ займетъ отъ 12 до 14 томовъ, каждый отъ 30 до 50 листовъ печатныхъ, въ два столбца.

Все изданіе, при готовыхъ капиталахъ и людяхъ, должно окончиться не больше, какъ въ 8 лѣтъ. До истеченія этого срока „Энциклопедія“ можетъ издаваться и выпусками, но не иначе, какъ побуквенно, каждый выпускъ—буква.

Но было бы лучше, не спѣша выпусками, издать всю „Энциклопедію“ разомъ, осмотрительно и прочно, потому что русская читающая публика питаетъ справедливое недовѣріе къ изданіямъ выпусками, тѣмъ больше капитальнымъ, какъ „Энциклопедія“.

Сущность плана отечественной „Энциклопедіи“—слѣдующая:

Задача „Энциклопедіи“, о которой рѣчь, состоитъ въ томъ, чтобъ она могла дать сжатый, но руководящій отвѣтъ на всякій вопросъ, такъ или иначе касающійся Россіи.

Ничто, стало быть, такъ или иначе касающееся Россіи, не должно опуститься „Энциклопедіей“ и всему, безъ всякаго исключенія, слѣдуетъ дать въ ней мѣсто.

Какъ ни трудна, повидимому, задача такого рода, она, тѣмъ не менѣе, разрѣшима. Нужны только добросовѣстныя усилія способныхъ лицъ.

Масса знаній и совокупность труда предполагаются тутъ сами собою. На нихъ-то лежитъ вся суть дѣла—составленіе общаго алфавита статей „Энциклопедіи“.

Съ такимъ алфавитомъ—дѣло можетъ считаться на половину

сдѣланнымъ, и если остановится, то развѣ за оскудѣніемъ средствъ денежныхъ..... Но, повторяемъ, „земля наша велика и обильна“.

Общій алфавитъ—главнѣйшая и капитальнѣйшая часть задачи „Энциклопедіи“—долженъ сложиться изъ многихъ другихъ алфавитовъ, составленныхъ каждый по извѣстной отрасли отечествовѣдѣнія. Чѣмъ эти отрасли дробнѣе, тѣмъ лучше.

При составленіи алфавитовъ должно руководиться одной цѣлью: чтобъ въ нихъ вошло все, не только существующее, но когда-либо существовавшее на землѣ русской, и не примѣшалось ничего, не имѣющаго къ Россіи отношенія непосредственнаго.

Въ этихъ видахъ, отжившія учрежденія, исчезнувшіе города, упраздненные монастыри, расформированные полки, угасшія фамиліи, вымершіе обычаи, забытые обряды, истлѣвшіе журналы—должны занять свое мѣсто на ряду съ нынѣшними. Тутъ всѣ пропуски дѣлаются промахами. Потому-то и составленіе алфавита всему этому признается дѣломъ капитальнѣйшимъ, починъ и выполненіе котораго принадлежитъ, по существу, внимательно-копотливому труду лицъ способныхъ, знатоковъ,—каждый по своей части. Трудъ этотъ не можетъ стоить дешево. Но онъ долженъ быть оцѣненъ по достоинству и вознагражденъ прежде всего.

Окончивъ съ алфавитами, слѣдуетъ приступить немедленно къ изготовленію самыхъ статей, по программамъ, обдуманнымъ заранѣе для каждой отрасли отечествовѣдѣнія и обязательнымъ для всѣхъ сотрудниковъ.

Программы эти, соображенныя съ объемомъ всего изданія (до 14 том.), а также съ его характеромъ, преимущественно справочнымъ, должны опредѣлить, каждая по своей отрасли, не только размѣръ статей (не свыше 3-хъ столбцовъ), но и самый порядокъ ихъ изложенія. Только такимъ способомъ можно отстранить излишнее многословіе и, ограничиваясь извѣстными предѣлами, дать всему должное мѣсто. Справляющійся будетъ доволенъ найти нужныя ему свѣдѣнія и указанія и, конечно, не посѣтуетъ, если замѣтитъ, что всѣ статьи извѣстной отрасли отечествовѣдѣнія написаны по одному и тому же образцу.

Пояснимъ это примѣрами:

Городъ. Годъ перваго о немъ упоминанія. Сжатый перечень замѣчательнѣйшихъ въ немъ и съ нимъ событій. Погодный реестръ начальствовавшихъ въ немъ лицъ. Списокъ замѣчательныхъ людей, въ немъ родившихся, жившихъ или умершихъ. Настоящее положеніе, или—время исчезновенія.

Уѣздъ. Сжатый историческій перечень мѣстныхъ событій по годамъ. Географія и этнографія. Перечень замѣчательныхъ мѣстъ.

Губернія. Годъ учрежденія и годы перемѣнъ административныхъ. Реэстръ губернаторовъ.

Епархія. Годъ учрежденія. Перемѣны территоріальныя, по годамъ. Реэстръ іерарховъ.

Монастырь. Время учрежденія. Перечень церквей. Очеркъ событій. Замѣчательные постриженники и погребенныя въ монастырѣ лица.

Учрежденіе (коллегія, канцелярія, контора). Время образованія и упраздненія. Предметы вѣдѣнія. Реэстръ лицъ начальствовавшихъ.

Полкъ. Годъ сформированія. Годы переименованій. Очеркъ службы. Перечень лицъ замѣчательныхъ.

Писатель. Происхожденіе. Время рожденія и смерти. Перечень замѣчательнѣйшихъ произведеній. Мѣсто погребенія. Жена и дѣти.

Іерархъ. Происхожденіе. Время рожденія и смерти. Послужный списокъ. Перечень сочиненій. Мѣсто погребенія.

Журналъ. Время, предметъ, форматъ и цѣна изданія. Перечень редакторовъ и замѣчательнѣйшихъ сотрудниковъ.

и т. д.

Каждая статья должна быть непремѣнно снабжена библіографическимъ указателемъ источниковъ, какъ лучшихъ, такъ и доступнѣйшихъ.

Статьи содержанія слишкомъ общеизвѣстнаго (напр. Петръ I, Екатерина II, Суворовъ, Москва, С.-Петербургъ) должны быть излагаемы въ объемѣ самомъ сжатомъ, никакъ не свыше 2-хъ столбцевъ; но за то къ нимъ слѣдуетъ прилагать библіографическій указатель, сравнительно съ другими, подробнѣйшій.

И наоборотъ, статьямъ содержанія гораздо менѣе важнаго, но не имѣющимъ цѣльныхъ, гдѣ-либо напечатанныхъ, источниковъ, или основаннымъ на свѣдѣніяхъ исключительно архивныхъ,—надо давать объемъ сравнительно большій, но не свыше 3-хъ столбцовъ.

Предметы царствъ природы, наукъ, искуствъ, промышленности и проч. имѣютъ въ отечественной „Энциклопедіи" каждый свое мѣсто, съ добавленіемъ къ заголовку статьи—словъ: въ Россіи. Напр. ариеметика въ Россіи; музыка въ Россіи; медвѣдь въ Россіи; ленъ въ Россіи и т. п.

Названія мѣстъ, лицъ и предметовъ иноземныхъ также входятъ въ отечественную „Энциклопедію", но не иначе, какъ по отношенію къ Россіи, что должно быть добавляемо и къ заголовку каждой такой статьи.

Пояснимъ и это примѣрами:

Франція, по отношенію къ Россіи. Начало (если можно годъ) сношеній торговыхъ или дипломатическихъ. Годы войнъ и договоровъ. Перечни пословъ: французскихъ—въ Россіи и русскихъ—во Франціи, по годамъ. Замѣчательные французы въ Россіи.

NB. Тоже о каждой странѣ.

Надиръ-шахъ, персидскій. Перечень отношеній его къ Россіи, по годамъ.

NB. Тоже о другихъ государяхъ.

Іезуиты, по отношенію къ Россіи. Начало ихъ появленія и очеркъ дѣятельности въ Россіи. Русское о нихъ законодательство.

NB. Тоже о предметахъ однородныхъ.

Фамиліи всѣхъ иноземныхъ посланниковъ, когда-либо находившихся въ Россіи, должны занимать свое мѣсто въ алфавитѣ, но съ рефератомъ на страну, которой тѣ посланники были представителями.

Иностранные писатели о Россіи, всѣхъ временъ, должны быть упомянуты всѣ, безъ исключеній, каждый въ своемъ мѣстѣ алфавита, съ краткимъ очеркомъ жизни и подробнѣйшимъ указателемъ всѣхъ изданій и переводовъ его труда о Россіи.

Исполненная такимъ образомъ „Настольная энциклопедія русскаго отечествовѣдѣнія" представитъ обильный сводъ справокъ, полезныхъ каждому, необходимыхъ многимъ и, кромѣ того, дастъ массу руководящихъ указаній желающимъ посвятить себя изученію какой-либо отрасли отечествознанія.

Какъ предпріятіе коммерческое, „Энциклопедія" эта стóитъ того, чтобъ для ея изданія, требующаго большихъ издержекъ, организовалась даже компанія на паяхъ, которые могли бы быть вносимы, по разсчету, и трудомъ литературнымъ.

Испросивъ разрѣшеніе Государя Императора: объявить подписку на такое патріотическое дѣло,—можно будетъ видѣть сочувственно ли отнесется къ нему Россія? затѣмъ приступать къ дѣлу немедленно или, въ случаѣ неблагопріятномъ, не приступать ни къ чему, а присланныя суммы возвратить по принадлежности.

Почтовые расходы на эту обратную разсылку суммъ не составятъ большой издержки, которую, однако, вѣроятно съ охотой примутъ на себя люди глубоко заинтересованные патріотическою цѣлью самаго дѣла.

М. Д. Хмыровъ.

Некрологъ. 12 января 1873 г. скончался въ Петербургѣ, 67 лѣтъ отъ роду, князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій. Приводимъ перечень званій и должностей покойнаго, такъ какъ ими опредѣляется степень значенія и дѣятельности князя: гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества, директоръ московскаго главнаго архива мин. иност. дѣлъ, завѣдывающій государственнымъ древлехранилищемъ хартій, рукописей и печатей; присутствующій въ московской дворцовой конторѣ; завѣдывающій палатами бояръ Романовыхъ въ Москвѣ; членъ императорской археографической коммиссіи; почетный членъ: москов-

скаго и казанскаго университетовъ, общества любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ, общества исторіи и древностей Остзейскихъ губ.; императорской публичной библіотеки, Кіевской временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ; дѣйствительный членъ: московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, одесскаго общества исторіи и древностей; музеума древностей и виленской временной археологической коммиссіи; членъ-корреспондентъ имп. археологическаго общества и Академіи Наукъ; наконецъ почетный мировой судья по Алатырскому уѣзду, Симбирской губерніи.

Кн. М. А. Оболенскій род. въ 1806 году. Въ 1818 г. опредѣленъ пажемъ, а въ 1825 году произведенъ въ прапорщики въ л.-г. финляндской полкъ. Въ составѣ полка кн. Оболенскій участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 г. и 16 сентября, въ сраженіи близъ крѣпости Варны, раненъ пулею. Онъ также участвовалъ въ польской войнѣ 1831 г. Въ 1832 г. кн. Оболенскій изъ капитановъ гвардіи перешелъ въ гражданскую службу, завѣдывалъ секретною частью канцеляріи намѣстника царства польскаго, а въ 1833 г. причисленъ къ московскому главному архиву; чрезъ семь лѣтъ онъ вступилъ въ управленіе этимъ богатѣйшимъ хранилищемъ древнихъ хартій, грамать и вообще матеріаловъ къ отечественной исторіи. Съ 1840 по годъ смерти включительно—кн. Михаилъ Андреевичъ неизмѣнно оставался на этомъ посту, тщательно оберегая ввѣренный ему архивъ, быть можетъ, иногда слишкомъ ревниво относительно гг. ученыхъ и изслѣдователей. Память кн. М. А. Оболенскаго почтенна, какъ одного изъ любителей и изслѣдователей отечественной исторіи. Ему и его сотрудникамъ подчиненнымъ принадлежитъ нѣсколько изданій и сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторые составляютъ важные памятники русской исторіи.

Приводимъ указаніе на нѣкоторыя изъ сообщеній, замѣтокъ и изданій кн. М. А. Оболенскаго:

1) Историческій Сборникъ. Москва, 1838 г.

2) Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Тетради I—IV. Москва 1847—1848 гг.

3) Ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю Ягайлу 1392—1399 гг. Казань, 1850 г.

4) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Москва, 1851 г.

5) Новый Лѣтописецъ, составл. въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Москва, 1853 г.

. Новое свидѣтельство о родопочитаніи.

Извѣстія Им. Ак. Наукъ, 1855 г., т. IV, (вып. 3.)

Книга объ избраніи на царство царя Михаила Θеодоровича. Изд. кн. М. Оболенскій, М., 1856 г. Съ портретомъ царя Михаила и роскошно раскра-

шенными рисунками (121 рис.). Книга эта напечатана въ небольшомъ количествѣ экземп. и нынѣ составляетъ большую рѣдкость.

Указатель изданіямъ Коммиссіи печатанія Государственныхъ грамать и договоровъ, состоящей при Москов. главномъ Архивѣ минист. ин. дѣлъ, и книгамъ, изданнымъ кн. М. А. Оболенскимъ. М., 1856 г., 16 стр., въ 8. д.

Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, 1726—1730 гг.
Библ. Зап. 1858 г. т. I, № 23.

Свѣдѣнія объ авторѣ «Ядро Россійской Исторіи» А. И. Манкѣевѣ (†1723 г.)
Библ. Зап., 1858 г., т. I, № 2.

Образцы старинныхъ записей вольныхъ людей въ крестьяне, въ бобыли и во дворъ въ холопи.
Журн. землевлад., 1858 г, т. I, № 3.

О переводѣ кн. Курбскаго сочиненій Іоанна Дамаскина.
Библ. Зап., 1858 г., т. I, № 12.

Русская типографія въ Парижѣ въ 1790-хъ гг.
Библ. Зап., 1858 г, т. I, № 5.

Новые матеріалы для исторіи слѣдственнаго дѣла надъ патріархомъ Никономъ.
Архив. историч. и практич. свѣдѣній о Россіи. 1859 г. кн. V.

Сельскія инструкціи 1765—1766 гг. 1) Инструкція сотскому. 2) Докторское наставленіе. 3) Инструкція головѣ. (изъ «Сборника» кн. М. А. Оболенскаго).
Журн. Землевлад. 1859 г., т. VI, № 24

Инструкція 1763 г. тит. сов. А. Шестакову, какимъ образомъ поступать въ собственной его императорскаго величества вотчинѣ, въ селѣ Бобрикахъ съ деревнями, кн. С. Гагарина [1]) (изъ «Сборника» кн. М. А. Оболенскаго).
Журн. Землевлад. 1859 г., т. VI, № 23.

Свѣдѣнія объ иноземцѣ Мартинѣ Нейгебауерѣ, бывшемъ наставникѣ царовича Алексѣя Петровича.
Библ. Зап 1859 г., т. II, № 20.

О происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятеля въ 1812 г. Донесеніе А. Д. Бестужева-Рюмина, и разсказъ Москвича о томъ-же, сообщ. кн. М. А. Оболенскій.
Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Рос. 1859 г., кн. II.

Свѣдѣнія о (гр. Локателли) авторѣ книги «Lettres Moscovites».
Библ. Зап. 1859 г., т. II, № 18 (отд. оттиски, М., 1859 г.)
Архив. Историч. и практ. свѣдѣній о Россіи кн. III, отд. 3.

Проектъ д. с. сов. Ив. Елагина объ опредѣленіи въ неотъемлемое владѣніе дворцовымъ крестьянамъ земли и проч. (изъ «Сборника» кн. М. А. Оболенскаго).
Журн. землевл. 1859 г., т. VI, №№ 21 и 22.

Одна изъ мѣръ къ распространенію грамотности: мнѣніе кн. М. А. Оболенскаго объ изданіи, для народнаго чтенія, русскихъ лѣтописей.

---

[1]) Этотъ документъ очень любопытенъ какъ для знакомства со взглядами на хозяйство въ XVIII стол., такъ и для характеристики кн. С. Гагарина, о которомъ много пишетъ его подчиненный А. Т. Болотовъ въ «Запискахъ», изданныхъ въ приложеніи къ «Русской Старинѣ». Ред.

Архив. историч. и практич. свѣдѣній о Россіи 1859 г., кн. II.

Восточныя надписи на старинныхъ русскихъ грамотахъ кн. М. А. Оболенскаго.

Извѣстія Имп. Археолог. Общ. 1859 г., т. II, вып. 2. Изв. Восточ. Отд. Имп. Арх. Общ. 1860 г., ч. I., вып. 4.

Патріархъ Кириллъ Лукарисъ (1621—1638) и его значеніе въ исторіи восточной церкви, изслѣд. свящ. Павловича. Рецензія кн. М. А. Оболенскаго.

Правосл. Обозр. 1859 г., т. I, № 1; 1860 г., № 1.

Боярская книга 1556 г. Сообщена кн. М. А. Оболенскимъ съ примѣчаніями и указателемъ.

Правосл. Обозр. 1859 г., т. I, № 1; 1860 г., № 1.

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства: переписка Петра I съ Екатериной Алексѣевной; царицы Прасковьи Өедоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи; царевича Алексѣя и царицы Евдокіи Өедоровны; герцогини курляндской Анны Ивановны. Составилъ кн. М. А. Оболенскій и А. Н. Аөанасьевъ, ч. 1, 2, 3 и 4 съ 8-ю снимками. М., въ 8-ю д., 1861—1862 гг.

Это одинъ изъ важнѣйшихъ сборниковъ матеріаловъ къ русской исторіи XVIII вѣка. Нельзя не пожелать, чтобы изданіе его было продолжено. Еслибы было приступлено къ полному собранію писемъ императрицъ Анны Ивановны, Елисаветы Петровны и императоровъ Петра II и Петра III, то имѣя въ виду, что все написанное Петромъ Великимъ — уже собирается особою коммиссіею, учрежденною по иниціативѣ министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстаго, а собственноручныя бумаги Екатерины II печатаются по предначертанію Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича (вышли уже два тома бумагъ Екатерины II по 1773 г.), то такимъ образомъ близко было бы время, когда литература отечественной исторіи могла представить изданія собственноручныхъ бумагъ членовъ всего россійскаго царскаго дома за время XVIII вѣка.

Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ кн. М. А. Оболенскій сдѣлалъ еще нѣсколько сообщеній и замѣтокъ въ разныя повременныя изданія; изъ особыхъ же трудовъ, его особенно занимало совершенно самостоятельное изслѣдованіе „О первоначальной русской лѣтописи“. Вслѣдъ за изданнымъ имъ по сему предмету краткимъ очеркомъ (М., 1870 г. въ 4-ю д. листа, 96 стр.) [1]) кн. Оболенскій готовилъ къ печати „Лѣтописецъ русскихъ царей“, рукопись малоизвѣстную и для отечественной исторіи драгоцѣнную. Этимъ изданіемъ кн. М. А. Оболенскій занимался еще на смертномъ одрѣ.....

Ред.

---

[1]) Отзывъ объ этомъ трудѣ, вполнѣ достойномъ похвалы, напечатанъ въ библіогр. листкѣ «Русской Старины» 1871 г., въ кн. IX.

Библіографическія замѣтки.

I.

«Памятники Русской Старины въ Западныхъ губерніяхъ имперіи», собралъ и изд. П. Н. Батюшковъ [1]).

П. Н. Батюшковъ недавно издалъ V-й выпускъ «Памятниковъ Русской Старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи». Весь этотъ выпускъ посвященъ Вильнѣ и состоитъ изъ альбома въ 18-ть рисунковъ и книги текста (въ академическую четвертку, 8 и 117 стр.). Акварели рисунковъ были сдѣланы академикомъ И. П. Трутневымъ и, подъ его наблюденіемъ, другими молодыми художниками; самые же рисунки превосходно исполнены въ Берлинѣ, въ хромолитографіяхъ Винкельмана и Лойлота, снискавшихъ себѣ извѣстность не только въ Старомъ, но и Новомъ Свѣтѣ. Этотъ, кажется первый, опытъ хромолитографическаго печатанія русскихъ изданій заграницей, показывая другимъ издателямъ дорогу, замѣчателенъ еще тѣмъ, что исполненіе заграничное неизмѣримо дешевле нашего отечественнаго, не говоря уже о достоинствахъ исполненія и извѣстной нѣмецкой аккуратности.

Альбомъ открывается выходнымъ листомъ, обличающимъ въ составителѣ его, художникѣ В. В. Грязновѣ, не заурядное дарованіе. На этотъ виньеточный листъ собраны и искусно разставлены въ миніатюрѣ всѣ, болѣе или менѣе, крупные памятники Русской Старины въ Вильнѣ и ея округѣ. Въ отверстіе (окно, или врата), бокамъ котораго приданъ образъ нѣкоего византійскаго зданія, открывается далекая лѣтняя перспектива, позлащенная лучами солнечными; тутъ все есть: горы, озера, рѣки, курганы, съ развалинами и памятниками, хорошо знакомыми по своему сходству и даже обстановкѣ всякому, кому хоть разъ случилось все это видѣть въ натурѣ. Такимъ образомъ, на выходномъ листѣ мы находимъ: развалины Коложской церкви XII в. близъ Гродны, Супрасльскій монастырь, развалины Пятницкой церкви, Борисоглѣбской, Новогрудской, Сенковичской; древніе зàмки: Виленскій, Лидскій, Трокскій, Кревскій, Новогрудскій; башню XII в. близь Каменца, надгробную плиту надъ могилою православнаго (въ XVI в.) графа Тышкевича, Закорнаго, изъ Супрасльскаго монастыря; голосникъ изъ Коложской церкви, розетку изъ Пречистенскаго собора. Надпись надъ виньеткой «Вильна» составлена изъ буквъ по рукописи XIII вѣка. За выходнымъ листомъ слѣдують: общій видъ города Вильны, планъ, три вида Николо-Перенесенской церкви; три вида Пятницкой, четыре вида, съ планами, Пречистенскаго собора; Троицкая церковь, Духовскій монастырь, пещерная церковь Виленскихъ мучениковъ; развалины Спасской и Никодимовской церкви, Александро-невская и Георгіевская часовни; иконы Одигитріи и Остробрамской Богородицы.

Текстъ, замѣчательно чисто и опрятно отпечатанный на превосходной бумагѣ, начинается «Очеркомъ исторіи города Вильны», принадлежащимъ перу даровитаго молодаго профессора петербугскаго университета, В. Г. Васильевскаго, несомнѣнный историческій талантъ котораго особенно ясно обозна-

---

[1]) О выходѣ въ свѣтъ этого изданія мы своевременно заявили («Русская Старина» 1872 г., кн.VI). На случай замѣтимъ, что экземпляровъ V-го выпуска изданія П. Н. Батюшкова (складъ у А. Ѳ. Базунова) осталось весьма немного.

чился въ недавней его монографіи («Византія и Печенѣги»), помѣщенной въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1872 г., ноябрь и декабрь). Достоинства этого «Очерка», доведеннаго до начала XVII вѣка, слѣдующія: вполнѣ основательная критика извѣстій какъ русскихъ, такъ и польскихъ; полнѣйшее безпристрастіе въ оцѣнкѣ лицъ и событій и во взглядѣ на оныя; отсутствіе національнаго увлеченія, столь вреднаго въ дѣлѣ науки, особенно исторической, могущаго только воспитать ложный вкусъ и возбудить ненаучныя вожделѣнія. За «Очеркомъ» В. Г. Васильевскаго слѣдуютъ статьи и статейки, принадлежащія разнымъ лицамъ и объясняющія тотъ или другой рисунокъ. Ко всему этому приложенъ описательный указатель лицъ, мѣстъ, предметовъ и реченій, составленный П. А. Гильтебрандтомъ, подъ наблюденіемъ котораго печатался и самый текстъ. Цѣна за альбомъ и текстъ назначена пять рублей, почти впятеро меньшая противъ стоимости, противъ того, во что обошлось все изданіе. Такое уменьшеніе въ цѣнѣ объясняется великодушнымъ побужденіемъ — не раззорять и безъ того скуднаго кармана нашихъ тружениковъ археологической и исторической науки, которые одни только и въ состояніи оцѣнить это изданіе и пожелать пріобрѣсти оное.

За такой прекрасный подарокъ русской наукѣ, литературѣ и обществу нельзя не поблагодарить П. Н. Батюшкова, трудамъ и заботамъ котораго это роскошное изданіе обязано своимъ существованіемъ. **Ред.**

II.

Народныя чтенія.

Владиміръ святой и равноапостольный. Спб., 1872 г., 20 стр. въ 8°, съ 10-ю раскрашенными картинками. Цѣна 10 к. Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Спб., 1872 г., 35 стр., въ 8°, съ 10-ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

Народныя изданія наши дѣлятся на двѣ группы, рѣзко различающіяся по литературному достоинству: къ одной изъ нихъ принадлежатъ тѣ безграматныя изданія спекуляторовъ, которыя, благодаря промышленной ловкости издателей, расходятся въ народѣ десятками тысячъ экземпляровъ, къ другой,— тѣ немногіе, пока попытки нашихъ извѣстныхъ писателей: Максимова, Бестужева-Рюмина, Костомарова и др., и добросовѣстныя изданія нѣкоторыхъ книгопродавцевъ мелкихъ произведеній лучшихъ писателей нашихъ для народнаго чтенія, но къ сожалѣнію, изданія второй группы мало, сравнительно, распространяются въ народѣ; потому что въ народѣ нашемъ потребность лучшаго чтенія, болѣе производительнаго въ нравственномъ смыслѣ не выяснилась еще настолько, чтобы эти безграмотныя и безсодержательныя книженки не находили себѣ покупателей; однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ для развитія въ немъ охоты къ дѣльному и полезному чтенію, служатъ, безъ сомнѣнія, народныя бесѣды и потому мы съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ всякую удачную попытку въ этомъ дѣлѣ. Къ числу подобныхъ попытокъ мы относимъ, между прочими, чтенія, заглавія которыхъ приведены выше; онѣ остановили въ особенности наше вниманіе и потому еще: что принадлежатъ, по видимому, начинающему писателю, пробующему свои силы и не рѣшающемуся еще выставлять имени подъ своими трудами. Въ историческомъ чтеніи о Владимірѣ святомъ авторъ встрѣчаетъ затрудненіе на первомъ шагу: онъ долженъ, щадя религіозное чувство народа, очень осторожно

касаться языческаго періода жизни великаго князя, обойти его онъ не можетъ, потому что безъ него историческая характеристика великаго князя будетъ не полна и одностороняя; авторъ очень удачно обошелъ эту трудность, обрисовыя Владиміра лучшимъ представителемъ языческаго міра и обставляя личность его тѣми симпатичными народу чертами, которыми онъ окружилъ его въ своихъ пѣсняхъ. Мысль показать слушателямъ наглядно, въ доступныхъ ихъ пониманію образахъ, заимствованныхъ изъ народной литературы, какъ отразился въ сознаніи народномъ переходъ отъ языческихъ чувственныхъ идеаловъ къ идеаламъ христіанскимъ задумана и исполнена очень удачно. Тоже мы можемъ сказать о второмъ чтеніи: въ немъ ярко очерчена наиболѣе симпатичная народу сторона дѣятельности великаго царя-работника. Судя по этимъ разсказамъ, мы вправѣ ожидать, что авторъ пополнитъ скудный еще запасъ чтенія полезнаго и интереснаго для народа.

Д. Ч.

Отъ управленія Музея имени Государя Наслѣдника Цесаревича.

I.

Его императорское высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ благоволилъ принять на себя званіе почетнаго президента музея.

Управленіе Музея имени его высочества открыло свои дѣйствія для устройства музея, согласно общимъ основаніямъ, высочайше одобреннымъ 3-го января 1873 года.

Ихъ императорскіе высочества великіе князья: Владиміръ Александровичъ, Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи благоволили принятъ званіе почетныхъ членовъ музея.

Избраны управленіемъ и утверждены его высочествомъ почетными членами Музея: высокопреосвященнѣйшіе митрополиты: санктпетербургскій Исидоръ, московскій Иннокентій и кіевскій Арсеній; генералъ-фельдмаршалы: князь А. И. Барятинскій и графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ; государственный канцлеръ князь А. М. Горчаковъ; министры: императорскаго двора графъ А. В. Адлербергъ 2-й, военный—Д. А. Милютинъ, народнаго просвѣщенія—графъ Д. А. Толстой, финансовъ—М. Х. Рейтернъ, внутреннихъ дѣлъ—А. Е. Тимашевъ; государственныхъ имуществъ—П. А. Валуевъ и юстиціи—графъ К. И. Паленъ; управляющій морскимъ министерствомъ—Н. К. Краббе, шефъ корпуса жандармовъ—графъ П. А Шуваловъ 1-й; генералъ-губернаторы: московскій—князь В. А. Долгоруковъ, кіевскій—А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, туркестанскій—К. П. фонъ-Кауфманъ 1-й и Западной Сибири—А. П. Хрущовъ; начальникъ главнаго штаба—графъ Ѳ. Л. Гейденъ 2-й, наказной атаманъ войска донскаго М. И. Чертковъ 1-й, гофмаршалъ двора Государя Наслѣдника Цесаревича В. В. Зиновьевъ и генералъ-адъютантъ графъ С. Г. Строгановъ.

II.

Съ разрѣшенія его высочества почетнаго президента, управленіе пріобрѣло въ собственность Музея библіотеку отъ вдовы покойнаго М. Д. Хмырова. Библіотека эта по преимуществу относится до русской исторіи; кромѣ книгъ, особую цѣнность библіотеки составляютъ матеріалы по разнымъ отраслямъ отечествовѣдѣнія, которые удалось покойному собрать въ своей библіотекѣ. Извѣстно, до какой степени бываетъ, трудно прослѣдить всѣ особыя изданія по какой нибудь отрасли знаній; даже и въ такомъ случаѣ, когда существуютъ хорошіе библіографическіе каталоги, нерѣдко встрѣчаются затрудненія справиться съ достаточною точностью о томъ, что явилось въ разное время о какомъ-нибудь предметѣ въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Покойный Хмыровъ занимался собраніемъ и классификаціей по отдѣльнымъ предметамъ всего, что было когда-нибудь напечатано въ періодическихъ изданіяхъ, вслѣдствіе чего его библіотека представляетъ учено-литературное собраніе всѣхъ періодическихъ изданій русскихъ, начиная съ 1755 года, и современныхъ имъ на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, относящихся преимущесвенно до Россіи. Но изданія эти не сохраняются въ томъ видѣ, въ какомъ они выходили въ свѣтъ: каждый нумеръ журнала и газеты разрѣзывался на свои составныя статьи, изъ которыхъ на каждой означены время ея появленія въ печати, названіе изданія, нумеръ примѣнительно къ каталогу. Такимъ образомъ, въ пріобрѣтенной библіотекѣ, кромѣ книгъ, имѣется чрезвычайно полезный для справокъ весьма обширный отдѣлъ вырѣзокъ статей изъ русскихъ журналовъ по исторіи, географіи, статистикѣ, политической экономіи, исторіи литературы и проч.

Управленіе Музея, пріобрѣтая библіотеку М. Д. Хмырова и тѣмъ полагая основу будущей библіотеки Музея имени Государя Наслѣдники Цесаревича, испросило соизволеніе его высочества почетнаго президента, въ память заслугъ покойнаго, сохранить наименованіе этой библіотеки „хмыровскою“; назависимо этого желая почтить память полезнаго дѣятеля, управленіе имѣетъ въ виду употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобъ трудъ, начатый Хмыровымъ. былъ продолжаемъ и чтобъ основанная имъ впервые въ Россіи литературно-справочная библіотека, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, могла служить съ пользой для всѣхъ указаній по русской періодической литературѣ. Съ этою цѣлью управленіе постановило помѣстить Хмыровскую библіотеку въ Москвѣ въ зданіи управленія музея и сдѣлать ее открытою для пользованія желающихъ. О времени открытія библіотеки управленіе не замедлитъ объявить въ газетахъ.

шедшихъ томовъ, мы встрѣтили въ IX-мъ томѣ (стр. 433) небольшую ошибку: «Sceniawa—Сценява». Такого мѣстечка «Сценявы» нѣтъ ни въ Россіи, ни за границей, а есть «Sieniawa—Сенява», мѣстечко надъ Сяномъ или Саномъ, родина извѣстной галицко-русской фамиліи Сенявскихъ, отъ которыхъ, по браку, имѣніе это перешло въ родъ кн. Чарторыйскихъ. И вотъ, именно, изъ этой-то Сенявы (а не Сценявы) написалъ 12/24 декабря 1812 г. Адамъ Чарторыйскій письмо, которое помѣщено въ IX-мъ т. «Сборника».

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева, томъ XXII, М., 1872, 8°, 346, VII и III стр. Ц. 2 р.

Этотъ томъ, составляя продолженіе предыдущаго, предлагаетъ обозрѣніе событій въ царствованіе Елисаветы Петровны за 1745, 46 и 47 годы. Послѣдняя глава посвящена «образованности въ Россіи въ первыя семь лѣтъ царствованія Елисаветы» (1741—1747). Въ этомъ томѣ встрѣчаются интересныя свѣдѣнія объ изданіи Библіи, объ отношеніяхъ синода къ оберъ-прокур. кн. Шаховскому (впрочемъ, болѣе обширныя подробности объ этомъ читатели найдутъ въ нашемъ отдѣльномъ изданіи «Записокъ Шаховскаго»), о столкновеніи эстляндскихъ привилегій съ общими распоряженіями правительства, и пр.

Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Изслѣд. архим. Хрисанфа. Т. I, Спб., 1873, 8°, 4 нен. и 640 стр., Ц. 3 р.

Имя о. Хрисанфа отчасти извѣстно нашимъ читателямъ по прекрасному и замѣчательно-умному слову, сказанному имъ при погребеніи А. Ѳ. Гильфердинга («Р. Ст.» 1872, октябрь). Теперь достопочтенный ученый выступаетъ съ докторскою диссертаціею, которая громадна какъ по своему объему (вышедшій томъ посвященъ религіямъ только востока), такъ и по внутреннему содержанію и значенію для науки исторической и богословской. Чисто ученый, непредвзятый характеръ этого изслѣдованія выясняется изъ слѣдующихъ словъ почтеннаго автора: «правда, съ нашей христіанской точки зрѣнія, всѣ эти вѣрованія древности—ложь и заблужденіе... Но этотъ мракъ и эти тѣни своею противоположностію ярче, яснѣе отражаютъ для насъ свѣтъ истины.... Среди самаго мрака этихъ изжитыхъ человѣческихъ заблужденій, по временамъ, свѣтили лучи того свѣта истины, который никогда всецѣло не оставлялъ человѣка; среди самыхъ суевѣрій, мы находимъ здѣсь слѣды истины: въ этихъ призрачныхъ мечтаніяхъ языческой древности, въ этихъ чарахъ, созданныхъ воображеніемъ древняго человѣка, въ этихъ миѳахъ и легендахъ древняго міра, въ этихъ причудливыхъ образахъ фантазіи, по временамъ, высказывалось исканіе истины.... Словомъ, въ отжившихъ вѣрованіяхъ язычества мы находимъ историческое свидѣтельство объ истинѣ христіанства». Въ началѣ о. Хрисанфъ разсматриваетъ общій характеръ язычества и его религіозныя системы, затѣмъ переходитъ къ плану и порядку изслѣдованія (стр. 74—85), послѣ чего уже слѣдуютъ: 1) религія Китая, 2) религія Индіи, 3) буддизмъ, 4) религія Ирана или Зороастрова. Сочиненіе достопочтеннаго о. Хрисанфа, отличающееся новизною и самостоятельностію, заставляетъ насъ вспомнить объ одномъ очень почтенномъ трудѣ, вышедшемъ лѣтъ десять тому назадъ въ Кіевѣ и, къ сожалѣнію теперь забытомъ; онъ состоитъ изъ четырехъ книгъ, написанъ проф. Кіевской академіи г. Новицкимъ и носитъ слѣдующее заглавіе: «О развитіи древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій». Къ четвертой книгѣ г. Новицкимъ приложенъ замѣчательный и подробный отвѣтъ Чернышевскому на его разборъ труда г. Новицкаго.

Русская историческая библіографія. Годъ восьмой (1862). Спб., 1872, м. 8°, 4 и 357 стр. Ц. 1 руб.

Этотъ почтенный и толковый трудъ, начатый братьями Ламбиными, продолжается и нынѣ, благодаря участію и содѣйствію нашего достоуважаемаго академика А. А. Куника. По своей серьёзности и строгой систематичности, трудъ этотъ рѣзко выдѣляется изъ прочихъ, съ нимъ однородныхъ, которые, за послѣднее время, будто изготовляясь въ какой-то библіографической лабораторіи, стали наводнять собою нашу литературу. Съ этими лабораторными трудами [въ нихъ особенно курьёзны, помимо спѣшности и неполноты, грубыя ошибки, отсутствіе системы и пр., — малограмотныя предисловія и два-три на цѣлый томъ примѣчанія, напр., въ родѣ слѣдующаго, относящагося къ характеристикѣ Наполеона III: «новѣйшая исторія и трагикомическая катастрофа при Седанѣ, даютъ намъ ключъ къ пониманію этой гнусной и подлой личности» (!!], академическое изданіе «Русской Исторической Библіографіи», конечно, не имѣетъ ничего общаго.

Отдѣльныхъ книгъ и статей по исторіи и ея вспомогательнымъ наукамъ, вышло въ 1862 году до 5,000, которыя расположены по прежнимъ, весьма основательнымъ, 28-ми рубрикамъ. Къ концу, помимо дополненія, приложены: указатель личныхъ именъ, географическихъ и другихъ названій и алфавитный списокъ періодическихъ изданій. Если слѣдуетъ чего пожелать отъ редакціи «Русской Исторической Библіографіи», то это—скорѣйшаго пополненія тѣхъ промежутковъ, которые встрѣчаются между этими восьмью книгами: 1-я и 2-я вышли въ 1861 году, 3-я—1865, 4-я—1867, 5-я—1868, 6-я—1869, 7-я—1870, 8-я—1872.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. МАРТЪ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ этой книгѣ приложены четыре таблицы гравированныхъ рисунковъ Ледянаго дома, 1740 г.: 1) планъ и фасадъ дома и бани; изображеніе слона; 2) внутренность спальни и уборная; 3) столовая и кабинетъ; 4) ледяные дельфины и пушки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Труды этн. стат. эксп. въ Западно-Русскій край. Югозападный отдѣлъ. 1-й вып. I тома, томъ VI, 1-й вып. VII тома. Изд. подъ набл. П. А. Гильтебрандта. Ц. за 3 тома 7 р. 50 к.

Императорское Русское Географическое Общество, давно уже снарядившее этнографическо-статистическую экспедицію въ Западно-Русскій край, начинаетъ теперь знакомить публику съ своими почтенными, по этой части, трудами. Посылка П. П. Чубинскаго въ Югозападный край въ 1869 году увѣнчалась большимъ успѣхомъ: помимо собственныхъ своихъ трудовъ и разъѣздовъ, П. П. Чубинскій съумѣлъ привлечь къ экспедиціи сочувстіе и участіе мѣстныхъ собирателей и изслѣдователей; и такимъ образомъ, благодаря всему этому, стали уже черезъ годъ поступать отъ него собранные имъ матеріалы и изслѣдованія. Общество, разсмотрѣвъ доставленный П. П. Чубинскимъ матеріалъ, раздѣлило оный на 7 томовъ: I—вѣрованія и суевѣрія, загадки и пословицы, колдовство; II—сказки миѳическія и бытовыя; III—народный календарь; IV—пѣсни обрядовыя; V—пѣсни бытовыя; VI—волостные суды; VII—евреи, поляки, племена немалорусскаго происхожденія, малоруссы (статистика, сельскій бытъ, языкъ). Приготовленіе къ печати и наблюденіе было поручено Н. И. Костомарову (томы III, IV и V) и П. А. Гильтебрандту (томы I, II, VI и VII).

Въ первый выпускъ I-го тома вошли вѣрованія и суевѣрія, систематически расположенныя по программѣ г. Ефименко, что придастъ особенный вѣсъ и значеніе всему матеріалу; при чемъ въ началѣ каждаго повѣрія или сказанія стоитъ въ скобкахъ мѣстность, т. е., гдѣ или записано, или слышано. Главныя правила для малороссійскаго правописанія, весьма простыя и несложныя, основанныя на фонетикѣ, были предложены П. А. Гильтебрандтомъ, затѣмъ разсмотрѣны и одобрены коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга. Первый выпускъ VII-го тома содержитъ въ себѣ этнографическое и статистическое описаніе племени польскаго, еврейскаго и другихъ; малороссы же составятъ 2-й выпускъ. Ко вторымъ выпускамъ будутъ приложены указатели и, кромѣ того, три карты. Шестой томъ весь посвященъ волостнымъ судамъ, и появленіе его въ настоящую минуту, когда подготовляется реформа волостной юстиціи, какъ нельзя болѣе кстати.

П. А. Гильтебрандтъ—молодой ученой, уже пріобрѣвшій извѣстность замѣчательнаго редактора нѣсколькихъ археографическихъ, палеографическихъ и этнографическихъ изданій; по этому намъ весьма пріятно было встрѣтить его имя, какъ редактора настоящихъ «Трудовъ этногр. стат. экспед.»,—что служитъ полнымъ ручательствомъ того, что «Труды» изданы съ полною обстоятельностью и знаніемъ дѣла. **М.**

Новыя Псковскія изданія.

Въ прошломъ году (см. декабрь) мы имѣли случай высказать нѣкоторыя наши соображенія по поводу малой дѣятельности губернскихъ статистическихъ комитетовъ и губернскихъ вѣдомостей. Теперь понемногу начинаютъ откликаться секретари статистическихъ комитетовъ. Такъ, недавно секретарь Псковскаго комитета, И. И. Василёвъ прислалъ намъ три новыхъ своихъ изданія. Первое мѣсто принадлежитъ изъ нихъ «Видамъ города Пскова и его окрестностей», превосходно снятымъ съ натуры фотографомъ К. И. Кампрадомъ. Всѣхъ видовъ 30; къ нимъ приложенъ текстъ, написанный И. И. Василёвымъ; и все это, уложенное въ папку, сдѣланную довольно прочно, въ видѣ ящичка, стоитъ 8 р., что, собственно говоря, не очень дорого, если принять во вниманіе весьма изрядный объемъ снимковъ и тщательность и аккуратность исполненія. Если бы всѣ наши комитеты послѣдовали прекрасному примѣру И. И. Василёва, тогда русская археологическая наука, имѣя обширное собраніе фотографически-вѣрныхъ данныхъ, сдѣлала большой бы шагъ впередъ. Помимо городскихъ и окрестныхъ видовъ Пскова, изобилующихъ разными историческими обломками и остатками, есть много рисунковъ для исторіи архитектуры древнихъ церквей и монастырей, для исторіи нашей иконописи, и другихъ памятниковъ, наприм., мечи благовѣрныхъ князей Гавріла и Довмонта, вещи царя Ивана Грознаго—въ Печерскомъ монастырѣ, видъ Поганкиныхъ палатъ, и пр. Вторая книга вмѣщаетъ въ себѣ изслѣдованіе И. И. Василёва «Лёнъ и Псковская губернія» (224 стр. Ц. 1 р. 50 к.), съ картою и весьма оригинальнымъ чертежемъ цѣнности льна. Этотъ почтенный спеціальный трудъ открывается подробными историческими свѣдѣніями о льняной промышленности и торговлѣ въ Псковской губерніи (съ начала XVII вѣка). Затѣмъ, послѣ подробнаго описанія современнаго состоянія, говорится о значеніи льнянаго промысла и торговли для Псковской губерніи. Третья книжка—«Псковскій календарь на 1873 годъ»—хотя и маленькая (всего 72 стр. 12°), но весьма практичная и сподручная. За святцами идутъ свѣдѣнія о предугадываніи погоды, не на основаніи глупѣйшаго Брюсова предсказателя, а изъ наблюденій народа и любознатель-

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЪ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

ГЛАВА VIII [1].

1820—1826.

Какъ вспомнишь радость и печаль,
Что въ прежніи годы волновали,
Какъ намъ становится ихъ жаль,
Свята для насъ былаго даль;
И вотъ, еще грустнѣй мы стали.
Гдѣ сердца жаръ, гдѣ огнь въ крови?
Гдѣ жаръ мечтательной любви?

—въ.

Въ маѣ 1820 года меня взяли изъ пансіона. Нѣсколько лѣтъ провела я въ деревнѣ, сначала у бабушки въ Кашинскомъ уѣздѣ, потомъ полной хозяйкой въ домѣ отца, въ Корчевѣ. Осенью 1825 г. тетушка повезла меня въ Москву. Между посѣтителями дома Ивана Алексѣевича Яковлева я увидала новое лицо, то былъ человѣкъ небольшаго роста, рябой, въ парикѣ, иногда бѣлокуромъ, иногда рыжеватомъ, съ манерами, въ которыхъ видно было притязаніе на пріятность и изящество. Я спросила Сашу кто это такой? «Это Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, спасенный отъ воды; безобразнѣйшій изъ смертныхъ. Онъ воображаетъ, что красивѣе и неотразимѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ».

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. VI, стр. 607—648; изд. 1873 г. т. VII, стр. 181—211. Ред.

При этомъ Саша разсказалъ мнѣ, какъ Карлъ Ивановичъ попалъ къ нимъ въ домъ.

«Недавно, говорилъ онъ, гуляя въ Лужникахъ, около Москвы-рѣки, мы увидали толпу народа, стоявшую на Воробьевыхъ-горахъ, въ рѣкѣ кто-то купался, вдругъ раздался крикъ: «тонетъ, тонетъ, помогите!» Въ то же мгновеніе уральскій казакъ сбѣжалъ съ горы и бросился въ воду. Черезъ нѣсколько минутъ онъ показался на поверхности, держа въ рукахъ Карла Ивановича, лишившагося чувствъ, и положилъ его на берегъ. Утопленнику подана была помощь, казаку сдѣлали денежный сборъ» Иванъ Алексѣевичъ, принимавшій участіе въ этомъ событіи, написалъ о поступкѣ казака Петру Кирилловичу Эссену. Эссенъ наградилъ казака деньгами и произвелъ его въ урядники. На другой день, послѣ своего спасенія, Карлъ Ивановичъ явился къ Ивану Алексѣевичу съ благодарностію за участіе, и съ тѣхъ поръ сталъ посѣщать ихъ домъ.

Кромѣ Зонненберга, состоявшаго въ качествѣ гувернера, при чьихъ-то дѣтяхъ, въ домѣ Ивана Алексѣевича я не нашла никакой перемѣны.

Однажды по утру пріѣхалъ сенаторъ, смущенный и озабоченный, и прошелъ прямо къ Ивану Алексѣевичу, не останавливаясь съ нами. Черезъ нѣсколько минутъ, слуга сенатора выставилъ изъ-за двери лицо въ медвѣжьемъ воротникѣ, подозвалъ Сашу и таинственно сказалъ ему: «Государь скончался въ Таганрогѣ». Всѣ были поражены. Императора Александра любили и искренно сожалѣли о немъ.

Пока присягали цесаревичу, и въ лавкахъ продавали портреты императора Константина, разнесся слухъ, что онъ отказался отъ престола.

Различныя обстоятельства, вмѣстѣ съ походами за границу, имѣли вліяніе на идеи и взгляды, на жизнь и на положеніе родины молодыхъ людей того времени, по преимуществу изъ классовъ образованныхъ и офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Во Франціи они увидали миръ новый, о которомъ имѣли понятіе только отдѣльныя лица. Лучшіе, болѣе способные, стали всматриваться въ жизнь того народа, для усмиренія котораго пришли. Изучая борьбу политическихъ партій, впивая идеи гражданственности и правъ конституціонныхъ, многіе вздумали пере-

дать родной странѣ лучшія изъ преобразованій. Съ пылкостію молодости, считая все возможнымъ, они не брали въ разсчетъ ни исторической необходимости, ни времени, ни степени образованности своего народа. Составились тайныя общества, съ цѣлью добыть конституціонную форму правленія для Россіи. Нѣкоторые члены думали, что они дѣйствуютъ въ духѣ императора, принимаясь за пріуготовительныя мѣры; самые ярые изъ реформаторовъ обратились къ идеалу республики. Часть солдатъ, возвратившаяся съ запада, желала, чтобы съ ними обращались такъ, какъ они привыкли во Франціи.

Отреченіе цесаревича послужило предлогомъ къ возстанію. 14-го декабря возстаніе вспыхнуло и было подавлено.

Вскорѣ слуга сенатора, ѣздившій съ нимъ каждый день по переднимъ сенаторовъ и по присутственнымъ мѣстамъ, сообщилъ намъ, что въ Петербургѣ былъ бунтъ и что вдоль Галерной стрѣляли изъ пушекъ. Въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ къ намъ жандармскій генералъ графъ Комаровскій и разсказалъ о каре на Исакіевской площади, конно-гвардейской аттакѣ и о смерти графа Милорадовича.

Политическія событія интересовали Сашу, а меня изъ дружбы къ нему и по новости производимаго ими ощущенія. Конечно, все это понималось полуребячески, туманно, превратно. Толкуя о петербургскомъ мятежѣ, мы воображали, что оно, въ самомъ дѣлѣ, было изъ-за цесаревича съ тою цѣлью, чтобы посадить его на престолъ, ограничивши власть.

Саша купилъ портретъ императора Константина, повѣсилъ его въ своей комнатѣ, позвалъ меня и торжественнымъ голосомъ сказалъ:

— «Преклонитесь, это великій человѣкъ».

Почему мы ему поклонились, за что его любили, мы и сами этого не знали, такъ оно и осталось въ неизвѣстности.

Затѣмъ пошли аресты. Таинственно говорили, что того-то взяли, того-то привезли изъ деревни. Между прочимъ, услыхали, что арестованъ князь Евгеній Оболенскій, а вмѣстѣ съ нимъ и братъ его Константинъ. О нихъ всѣ сожалѣли, а еще больше объ ихъ семействѣ и особенно объ отцѣ князѣ Петрѣ Николаевичѣ. Не только заговорщики, но и тѣ, кто находился съ ними въ близкихъ или дружескихъ отношеніяхъ подвергались подо-

зрѣнію. Страхъ распространился по государству. Всѣ трепетали, кто за сына, кто за мужа, кто за друзей, а кто за себя.

IX.

Въ одно изъ пребываній моихъ у отца, между нами произошло объясненіе.

Весенній вечеръ былъ до того тихъ, что, при раскрытыхъ окнахъ, пламя двухъ восковыхъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ, горѣло неподвижно.

Я съ отцемъ сидѣла подлѣ стола.

— «Ты такъ еще молода, говорилъ мнѣ отецъ, что тебѣ необходима руководительница-мать. Я замѣнить тебѣ ее не могу».

Я не отвѣчала ни слова, отецъ продолжалъ:

— «Тебѣ нужна не только руководительница, но и учительница. Едва ты начала разумно заниматься, какъ тебя и взяли изъ пансіона».

— Это правда, отвѣчала я; да вотъ, теперь представляется случай мнѣ учиться. Сашѣ взяли хорошихъ учителей. Иванъ Алексѣевичъ проситъ васъ отпустить меня къ нимъ брать уроки вмѣстѣ съ Сашей.

— «Согласенъ, но нельзя же тебѣ, молоденькой дѣвочкѣ, постоянно жить внѣ родительскаго дома. По возрасту твоему ты почти невѣста; сверхъ ученія, необходимо заботиться, чтобы ты была пристроена за человѣка, соотвѣтствующаго тебѣ по своему общественному положенію, который бы тебѣ былъ покровителемъ, такъ что онъ ступитъ шагъ, ты за нимъ и защищена. Вотъ напримѣръ: баронъ Н. К—ъ. Ты знаешь его почтенную матушку, она тебя любитъ; Ни—й А—чъ милый, добрый молодой человѣкъ, онъ скоро сюда будетъ. Ты видала его портретъ — помнишь?.... Притомъ разсуди сама, возможно ли устроить твою судьбу въ домѣ Ивана Алексѣевича. Онъ человѣкъ больной, капризный. Посѣщаютъ его старые генералы, его сослуживцы, да родные; какая же партія тамъ можетъ тебѣ представиться. Въ обществѣ изъ его дома тебѣ бывать не съ кѣмъ. Луиза Ивановна женщина отличная, но по своему общественному положенію въ извѣстныхъ домахъ принята быть не можетъ. Саша острый мальчикъ, ты съ нимъ дружна съ дѣтства; быть вмѣстѣ, положимъ, это имѣетъ свою пріятность; учиться вмѣстѣ—также, но Саша, да

учителя, учителя, да Саша, да идеи, — все это хорошо — не на долго, а потомъ что?»

— Потомъ.... отвѣчала я, сбитая съ пути логикой отца, потомъ можно и устроиться, какъ вы говорите.

— «Да вѣдь для того, чтобы порядочно устроиться должна быть подготовка, среда. Я и забочусь о томъ, чтобы эти два условія соединить вмѣстѣ. Искалъ я было для тебя гувернантку, но теперь представляется случай еще лучше. Помнишь Л — у М — ну Т — ву?»

— Гувернантка П — хъ?

— «Да и ихъ родственница. Помнишь у нее шифръ на плечѣ императрицы Маріи Ѳедоровны. Она получила его за прилежаніе и благонравіе въ Смольномъ монастырѣ; это дѣвушка съ большими познаніями, умна, любезна; она была назначена во фрейлины ко вдовствующей государынѣ. Но такъ какъ выпускъ былъ въ 1812 году, то это и не состоялось. Пріѣхавши въ деревню къ матери, по родству и по просьбѣ П — хъ, она согласилась заниматься съ ихъ дѣтьми».

— Что-же это, вы опять хотите меня къ П—ъ помѣстить, сказала я чуть не сквозь слезы.

— «Помилуй, что за идея.... Я только хотѣлъ тебѣ выяснить достоинства Л—ты М—ны и знать, помнишь-ли ты ее? Она тебя ласкала».

— Нисколько не ласкала. Когда я входила къ ней въ классную, всегда выгоняла вонъ, къ Е — нѣ П — нѣ. А ужъ эта, что за противная!

— «Ну, что тутъ Е — на П — на, Богъ съ ней; тутъ въ лучшемъ устройствѣ твоего положенія. Я и думалъ, хорошо если бы женщина такая достойная, какъ Л—та М — на согласилась быть твоей руководительницей, заступить тебѣ мѣсто матери».

Сердце у меня упало. Чувствовалось что-то недоброе.

— «Вотъ, продолжалъ отецъ нѣсколько смущеннымъ голосомъ, въ виду твоихъ выгодъ, я и сдѣлалъ предложеніе......».

— Какъ, вы ужъ пригласили ее ко мнѣ въ гувернантки?

— «Нѣтъ, душа моя, не въ гувернантки, я предложилъ ей быть тебѣ матерью».

— Матерью! нѣтъ! не хочу, не хочу! вскричала я, и зарыдала. Отецъ обнялъ меня и самъ заплакалъ.

— Отвезите меня въ Москву, къ моимъ роднымъ, говорила я, рыдая.

— «Какъ же это, другъ мой, сказалъ отецъ, ты не хочешь раздѣлять моего счастія, не хочешь мою жену назвать матерью».

— Не могу, отвѣчала я, она чужая!

Мало по малу, то лаской, то выраженіемъ своего огорченія, отецъ смягчилъ мое отчаяніе. На душу налегло мнѣ точно камень.

На слѣдующій день было объявлено всему дому, что отецъ женится. Начались приготовленія къ свадьбѣ. На лицахъ прислуги нашей замѣтно было смущеніе. Къ характеру отца были привычны. Не смотря на барскую взыскательность, онъ никого не тѣснилъ и не отягощалъ работами.

Уѣзжая вѣнчаться, отецъ со слезами на глазахъ обнялъ меня, просилъ не огорчаться, не разстраивать его, быть съ его женой ласковой. Я видѣла, что ему тяжело и обѣщала все. Оставшись одна, я обошла всѣ комнаты, убранныя по праздничному—пустыя, онѣ стояли въ какомъ-то ожиданіи и раздражали душу. Молитва успокоила меня и раскрыла сердце къ любви.

Когда закричали «молодые ѣдутъ», оффиціанты выбѣжали принимать ихъ на крыльцо. Священникъ, за ранѣе приглашенный, встрѣтилъ въ дверяхъ залы, съ крестомъ въ рукахъ. Я осталась въ гостинной. Въ полурастворенную дверь я слышала шаги входившихъ, голосъ отца, шорохъ женскаго платья, смѣшанные голоса—и все затихло. Спустя минуту, раздались слова «благословенъ Богъ нашъ», начался молебенъ. Я стала на колѣни.

Молебенъ кончился. Л—та М—на одна вошла въ комнату. Взоры ея искали меня..........

Когда отецъ подалъ мнѣ бокалъ шампанскаго, за здоровье молодыхъ, я сама не понимая, какъ я выпила его до дна. Отецъ горячо обнялъ меня.

Съ этого времени значеніе мое въ домѣ отца на много градусовъ понизилось. Это проявлялось безсознательно, во взглядѣ, въ движеніи, въ какой-то, едва замѣтной, небрежности. Отъ природы не властолюбивая, но склонная къ жизни внутренней, я видѣла утрату своего значенія безъ сожалѣнія, и бо̀льшую часть времени проводила у себя въ комнатѣ. Отсутствіе мое изъ домашняго кружка едва замѣчалось.

Вскорѣ послѣ женитьбы, отецъ сталъ представлять жену

своимъ знакомымъ. Прежде всѣхъ они поѣхали къ баронессѣ К—ъ. Тамъ они нашли ея сына, онъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга съ своимъ товарищемъ К—мъ. Л—та М—на умная, развитая, такъ увлекла всѣхъ собою, что ее просили чаще посѣщать Э—во. Молодые люди хотѣли немедленно быть у насъ; а черезъ недѣлю всѣ мы приглашены были къ нимъ въ деревню на цѣлый день.

Воображеніе мое, настроенное романами, шутками и намеками старшихъ, портретомъ, въ подлинникѣ котораго я воображала найдти Малекъ-Аделя, создавало цѣлый романъ, и до того волновало меня, что, когда молодые люди подъѣхали къ нашему крыльцу, я собралась убѣжать въ садъ. Вошедшая горничная остановила меня.

— «Барышня, сказала она, идите въ гостинную, папаша выходилъ, спрашиваетъ васъ».

Перекрестившись, я отворила дверь гостинной и вошла.

Отецъ отрекомендовалъ меня молодому человѣку, въ которомъ я узнала оригиналъ портрета. Оживленный разговоръ шелъ бѣгло на французскомъ языкѣ между Л—ой М—ой и гостями. Я въ немъ не могла принять участія и сидѣла молча у окна. Послѣ обѣда К—фъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, долго ли будетъ продолжаться моя вакація?

— Я не на вакаціи, а совсѣмъ вышла изъ пансіона, возразила нѣсколько оскорбленнымъ тономъ.

— «Извините, отвѣчалъ онъ, я думалъ вы еще учитесь». И, увидя на фортепіанахъ воланы, спросилъ, умѣю-ли я въ нихъ играть.

— Это мои воланы, сказала я,—я въ нихъ играю хорошо.

Онъ предложилъ мнѣ въ нихъ поиграть.

Игра началась. Она прерывалась то незатѣйливымъ разговоромъ, то молодымъ смѣхомъ, когда роняли воланъ, и вмѣстѣ бросались поднимать его.

Когда К—фъ ушелъ въ гостинную, я вынула изъ платья булавку и отмѣтила ею ту ракетку, которою онъ игралъ, воткнувши ее въ бархатъ ручки.

Прощаясь, К—фъ сказалъ мнѣ: «пріѣзжайте же къ намъ, у насъ и воланъ, и серсо, и мячикъ».

Въ прекрасное весеннее утро поѣхали мы въ открытой ко-

ляскѣ въ Э—во. Молодые люди встрѣтили насъ вблизи усадьбы; мы вышли изъ коляски и всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ дошли до барскаго дома. Тамъ мы нашли полковника Зона [1]) съ женой, умной ученой аристократкой, и двухъ молодыхъ людей съ сестрой, дѣвушкой лѣтъ 24-хъ, очень недурной собою.

Вскорѣ между всѣми завязался интересный разговоръ.... Повертѣвшись около гостей, хозяйка оставила съ ними свою компаніонку, а сама вызвала меня на воздухъ — на балконъ, оттуда увела въ свою комнату, гдѣ прилегла на диванъ отдохнуть, а меня посадила подлѣ себя и мы завели не хитрую бесѣду.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ къ намъ ея сынъ Н—й А—чъ. Узнавши, что мать хочетъ отдохнуть, взялъ кресло и сѣлъ къ столу, напротивъ насъ. Поговоривши съ сыномъ, Настасья Александровна обняла меня, и спустивши у меня съ плечъ тюлевый шарфъ, сказала:

— «Посмотри-ка, Коля, какія у нея прелестныя плечики».

Я вспыхнула, въ глазахъ потемнѣло и покатились слезы. Н—й А—чъ въ одно мгновенье всталъ съ своего мѣста, сѣлъ подлѣ меня на диванъ, дружески взялъ мою руку, говоря:

— «Полноте, ну, что вы за дитя, о чемъ вы плачете. Увѣряю васъ, я ничего не видалъ, и не вижу, кромѣ вашихъ слезъ. Перестаньте же плакать».

Я улыбалась, но сквозь улыбку еще катились слезы. Мнѣ было оскорбительно и какъ-то смѣшно.

Настасья Александровна, простодушно пошутивши надъ моими слезами, отдала мнѣ шарфъ. Я схватила его и, торопливо надѣвая, обернула нѣсколько разъ вокругъ шеи, чуть не до рта. Н—й А—чъ покатился со смѣха.

Я надула губы и вырвала у него свою руку.

— «На что же это похоже, сказалъ онъ, улыбаясь, то вы плачете, то сердитесь. Лучше утрите ваши глаза, да пойдемте въ садъ. Туда всѣ пошли гулять — до обѣда, играютъ тамъ въ серсо, въ воланъ, и мы поиграемъ». Послѣ обѣда пили кофе на широкой террасѣ, противъ цвѣтника, полнаго бѣлыхъ нарцизовъ. Я сидѣла на нижней ступенькѣ, любовалась нарцизами и ду-

[1]) Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, онъ былъ убитъ въ лѣсу, черезъ который ѣхалъ къ близкимъ сосѣдямъ, своими крѣпостными людьми за жестокое обращеніе съ ними. Т. П.

мала, если бы изъ нихъ нарвать букетъ. Н—й А—чъ точно угадалъ мое желаніе. Онъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «вы любите нарцизы?—Очень люблю, отвѣчала я. Онъ нарвалъ большой букетъ, подалъ мнѣ, и позвалъ меня походить съ нимъ по аллеѣ, прилегавшей къ террасѣ.

Я прижала букетъ къ лицу, какъ-будто для того, чтобы подышать его запахомъ и поцѣловала цвѣты, къ которымъ только что прикасалась его рука. Въ аллеѣ онъ разспрашивалъ меня, чѣмъ занимаюсь, съ кѣмъ дружна, что знаю. Я разсказала, что дружна съ Сашей; знать ничего не знаю, кромѣ стиховъ, и проговорила ему столько стихотвореній, что онъ удивился. Узнавши, что главное мое занятіе чтеніе всевозможныхъ романовъ, онъ совѣтовалъ мнѣ бросить такое чтеніе, а взять Вальтеръ-Скотта, классиковъ, и обѣщалъ выбрать и доставить мнѣ хорошихъ книгъ.

Пріѣхавши домой, я поставила нарцизы въ воду, когда они завяли, высушила и спрятала. Взаимныя посѣщенія повторялись. Сверхъ того, мы встрѣчались у сосѣдей. Дружеское вниманіе и расположеніе ко мнѣ Н—я А—ча принимала я за болѣе сильное чувство. Благодаря безчисленнымъ романамъ, я ждала каждую минуту, что онъ упадетъ къ ногамъ моимъ, и будетъ умолять о взаимности, такъ точно, какъ въ крестовыхъ походахъ Малекъ-Адель умолялъ Матильду. Но къ ногамъ моимъ онъ не падалъ, ни о чемъ не просилъ, игралъ со мной въ воланы, вальсировалъ подъ фортепіано, и давалъ наставленія. Однажды мы были вмѣстѣ на имянинахъ у одного сосѣда. Около сумерекъ всѣ пошли посмотрѣть роскошную выставку персиковыхъ деревьевъ. Хозяинъ, угощая персиками, предложилъ мнѣ самый крупный, румяный персикъ; персиковая шпалера отдѣляла меня отъ К—фа. Я протянула руку сквозь расплетеныя вѣтки и подала ему мой персикъ. Онъ взялъ и въ полъ-голоса недовольнымъ тономъ сказалъ мнѣ: «не дѣлайте этого никогда впередъ». Черезъ нѣсколько минутъ онъ читалъ мнѣ строго-назидательную рѣчь объ общественныхъ приличіяхъ и сдержанности. Я выслушала безмолвно, глотая слезы, не поднимая глазъ.

— «Теперь кушайте вашъ персикъ», сказалъ онъ, окончивши рѣчь.

— Не хочу, отвѣчала я, и далеко забросила персикъ.

— «Напрасно, замѣтилъ онъ равнодушно, персикъ прекрасный, и должно быть очень вкусенъ».

— Богъ съ нимъ, буду умнѣе.

— «И прекрасно, а пока пойдемте туда, гдѣ всѣ».

X.

Приближалось время коронаціи. Мачиха моя сбиралась въ Москву, чтобы представиться вдовствующей императрицѣ, на что имѣла право, какъ воспитанница Смольнаго монастыря, получившая первый шифръ. Она брала меня съ собою. Иванъ Алексѣевичъ писалъ къ моему отцу и просилъ его отпустить меня къ нему поучиться вмѣстѣ съ «Шушкой» и посмотрѣть коронацію.

Мой «Малекъ-Адель» также отправлялся въ Москву и пріѣхалъ проститься съ нами. Пока всѣ были въ гостинной, я забѣжала въ залу, отрѣзала отъ его фуражки два длинные черные шнурка которыми онъ ее привязывалъ, и надѣвъ ихъ себѣ на шею, застегнула золотымъ замочкомъ, изъ двухъ сложенныхъ рукъ.

Прощаясь, Н. А. горячо сжалъ мнѣ руки, говоря: «Не забывайте меня. Вѣдь вы считаете меня въ числѣ друзей вашихъ, не правда-ли? въ Москвѣ мы увидимся, я буду жить не далеко отъ васъ».

Мы увидались черезъ шесть лѣтъ въ Твери, въ благородномъ собраніи. Онъ былъ женатъ, я—замужемъ.

Когда онъ уѣхалъ, я ушла къ себѣ въ комнату, расплакалась, ждала, что упаду въ обморокъ, какъ бы это и слѣдовало по порядку вещей, случай былъ подходящій, однако, грустно ошиблась. При всемъ страстномъ желаніи лишиться чувствъ, я чувствъ не лишилась, и даже черезъ нѣсколько времени довольно весело укладывалась въ дорогу, думая о томъ, какъ обрадуется мнѣ Саша, да что тамъ за новые учителя, какая это будетъ коронація и о возможности увидаться съ Малекъ-Аделемъ.

Прежде всего я увидала Москву. Вотъ и старая Конюшенная съ приходомъ Власія, вотъ и домъ во дворѣ, похожій на фабрику. Какъ радостно билось сердце мое, когда я торопливо входила на лѣстницу. Перецѣловавши всѣхъ и не видя Саши, я тотчасъ спросила: «гдѣ онъ?» «Онъ на верху, въ маленькомъ кабинетѣ, беретъ урокъ у Ивана Евдокимовича», отвѣчали мнѣ, и я немедленно отправилась къ нему. И вотъ, разсказывалъ

впослѣдствіи Саша, однимъ зимнимъ (ошибка, это было лѣтомъ) вечеромъ, сижу я съ Василіемъ (Иваномъ) Евдокимовичемъ; онъ толкуетъ о четырехъ родахъ поэзіи, и запиваетъ квасомъ каждый родъ, вдругъ шумъ, поцѣлуи, громкій разговоръ радости, ея голосъ... Я отворилъ дверь; по залѣ таскаютъ узелки и картончики, щеки вспыхнули у меня отъ радости; я не слушалъ больше, что Иванъ Евдокимовичъ говорилъ о дидактической поэзіи; черезъ нѣсколько минутъ она пришла ко мнѣ въ комнату, и послѣ оскорбительнаго «ахъ, какъ ты выросъ!» она спросила, чѣмъ мы занимаемся? Я гордо отвѣчалъ: «разборомъ поэтическихъ сочиненій». Даже красное мериносовое платье помню, въ которомъ она явилась тогда передо мной. Но увы! времена перемѣнились: она волосы зачесала въ косу. Это меня оскорбило, меня съ воротничками à l'enfant; новая прическа такъ рѣзко переводила ее въ совершеннолѣтнюю».

Саша жалѣлъ о моихъ распущенныхъ волосахъ, жаловался на перемѣну прически. На другой день я причесалась по-дѣтски.

Черезъ недѣлю мы уже учились вмѣстѣ у Ивана Евдокимовича, также у Маршаля, замѣнившаго Бушо, и у Оболенскаго.

Но живая симпатія намъ нравилась больше науки; она, вспоминалъ потомъ Саша, со мной, четырнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, стала обходиться, какъ съ большимъ. Я полюбилъ ее отъ всей души за это. Я подалъ ей мою маленькую руку и повлялся въ дружбѣ, въ любви, и теперь (1839 г.), черезъ тринадцать лѣтъ другихъ, готовъ снова протянуть ей руку; а сколько обстоятельствъ, людей и верстъ протѣснилось между нами. Ни съ кѣмъ и никогда до нее я не говорилъ о чувствахъ, а ихъ уже было много у меня; благодаря быстрому развитію души и чтенію романовъ; ей-то и передалъ я первыя мечты свои, мечты пестрыя, какъ райскія птицы, пестрыя, какъ дѣтскій лепетъ; ей писалъ я разъ двадцать въ альбомъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки и даже по-латыни [1]). Отогрѣвался я тогда за весь холодъ моей коротной жизни милой дружбой меленковской пери. (Меленками называетъ Александръ Корчеву). Самый возрастъ способ-

---

[1]) Альбомъ этотъ подарилъ мнѣ Александръ въ мои именины. Лѣтъ десять тому назадъ, его у меня кто-то взялъ. Если онъ у кого случайно окажется, прошу доставить въ редакцію «Русской Старины». Т. П.

ствовалъ развитію нѣжности. Для меня наставало то время, когда ребячество оканчивается, а юность начинается, это обыкновенно бываетъ въ 16-ть лѣтъ. Ребяческая наивная красота пропадаетъ, юношеская — еще не является; въ чертахъ дисгармонія; онѣ дѣлаются грубѣе, нѣтъ граціи, глаза томны и подъ часъ заискрятся; щеки блѣдны, а подъ часъ вспыхнутъ; физическое совершеннолѣтіе наступаетъ. Тоже происходитъ въ душѣ: неопредѣленныя чувства, зародыши страстей, волненіе, томность, чувство чего-то неопредѣленнаго и вслѣдъ за тѣмъ юность, восторженный лиризмъ, полный любви, раскрытыя объятія всему Божьему міру.... Ранній цвѣтокъ, я скорѣе достигъ этой эпохи; распуколки въ душѣ моей развернулись въ четырнадцать лѣтъ, я чувствовалъ, что ребячество кончилось, а юность началась.

И я одному ему передала первыя чувства дружбы, первыя дѣвическія мечты свои, ему высказывала поэму любви своей. Довѣренность сближала наши существованія; нравственное одиночество, взаимная симпатія влекли другъ къ другу. Грудь не могла вмѣщать мыслей, чувствъ, наполнявшихъ, волновавшихъ ее; томила жажда высказать ихъ, не только высказать, но слѣдить за словомъ своимъ, въ душу того, съ кѣмъ говоришь, и не однимъ словомъ — взоромъ, всѣмъ существомъ своимъ; на глазахъ блистали слезы, во взглядѣ—любовь. Вмѣстѣ, рядомъ входили мы въ жизнь, на зарѣ ея, взявшись за руки. Въ утреннемъ туманѣ волшебные образы рисовались передъ нами, видоизмѣняя дѣйствительныя формы внутренняго и внѣшняго міра нашего; вмѣстѣ вступили мы въ юность, полные восторга, грусти, молитвъ и упованій,—потомъ, потомъ широко разошлись пути наши. Но взглядъ мой на него, но чувства мои къ нему — остались тѣ же.

Горячія слезы лились изъ глазъ моихъ на листы газеты, въ которой нежданно увидала, что онъ отошелъ отъ міра этого. Воспоминанія живымъ потокомъ прихлынули къ груди, давно улегшія чувства проснулись; да будетъ миръ праху этого замѣчательнаго человѣка, котораго юная жизнь такъ тѣсно, такъ свѣтло вплеталась въ простую жизнь мою, что начавши писать мои воспоминанія, въ годы несчастія, какъ лекарство отъ нестерпимой боли души, я не могла миновать его. На порогѣ жизни онъ встрѣчается мнѣ младенцемъ, ребенкомъ—среди баловства и игрушекъ, отрокомъ—съ голой шеей и книжкою въ

рукахъ, юношей—со стыдливымъ взоромъ и огненной рѣчью. Онъ держитъ надо мной вѣнецъ въ церкви, онъ вмѣстѣ со мной принимаетъ послѣдній вздохъ моего мужа Вадима, провожаетъ его до послѣдняго пристанища и вмѣстѣ со мною плачетъ о немъ. Да будетъ же онъ помянутъ мною и искренними слезами, и теплой молитвой, и всепримиряющимъ дружескимъ словомъ. На могилѣ его всѣ партіи подали другъ другу руки и отозвались съ уваженіемъ къ нему. Самые противники выразили полное признаніе его замѣчательнаго таланта, благороднаго чистаго сердца и простили его увлеченія и политическія заблужденія. Весьма многіе засвидѣтельствовали, что это былъ человѣкъ цѣльный, неподдѣльный, котораго сердце было еще богаче, нежели его талантъ.....

Главной темой разговоровъ нашихъ того времени, кромѣ анализа чувствъ, была любовь моя и разные планы по этому поводу. Онъ юноша—по душевному и умственному развитію, ребенокъ—по опыту, вѣрилъ также, какъ и я, въ истинность моего чувства. Первое время онъ робко вслушивался въ слова мои, воображая, что это одна изъ трагическихъ страстей съ великой будущей развязкой, потомъ собрался быть дѣйствующимъ лицемъ въ этой драмѣ—идти въ «Малекъ-Аделю», все ему объяснить, все разсказать и сдѣлать меня счастливой. Вѣроятно, я придавала разсказамъ моимъ такой оттѣнокъ, какой мнѣ хотѣлось, чтобы они въ дѣйствительности имѣли. Дружба Саши ко мнѣ до того усилилась, что онъ сталъ участвовать въ моихъ сантиментальностяхъ, привитыхъ романами. Онъ взялъ половину сухихъ нарцизовъ; изъ шнурковъ, съ гусарской фуражки, сдѣлали мы по браслету и надѣли ихъ по выше локтя себѣ на руки. Итакъ, вспоминалъ потомъ самъ Саша, я слушался Тани, сантиментальничалъ и подъ часъ сентенціи, блѣдныя и тощія, служили финаломъ рѣчей моихъ; а можетъ быть оно было и не дурно, сантиментальность развела, подсластила жгучую силу.

Передавши другъ другу плоды чувствованій, мы принялись вмѣстѣ читать повѣсти, романы, стихотворенія, исторію, добрались до Вертера, облили его слезами и одолѣли Анахарсиса.

Чтенія наши прерывались игрой въ шахматы и въ воланы, которые я привезла съ собою. Играя въ воланъ, я всегда брала ракетку, отмѣченную булавкой и говорила, что я къ ней при-

вышла. Саша, по врожденной наклонности къ éspièglerie, перекололь булавку изъ одной ракетки въ другую. Ничего не подозрѣвая, я продолжала играть той, въ которой была булавка. Черезъ нѣсколько времени Саша признался мнѣ въ своей шалости. Я перемѣнилась въ лицѣ, залилась слезами и убѣжала въ свою комнату. Саша встревожился, перепугался, считалъ себя преступникомъ; нѣсколько разъ подходилъ онъ къ дверямъ моей комнаты, просилъ прощенія; я не впускала его, говорила, что между нами все кончено, что онъ больше мнѣ не другъ.... онъ написалъ мнѣ отчаянную записку. Я была тронута, вышла вся расплаканная. Мы обнялись и помирились. Множество возникавшихъ интересовъ, самый образъ жизни, не давали намъ сосредоточиваться на однихъ чувствованіяхъ, притупляли ихъ и стирали сантиментальность. Саша же, по самой живости своего характера, не могъ долго оставаться подъ натянутымъ состояніемъ ложной чувствительности. Высказанныя чувства теряли силу, переходили въ слова и образъ гусара блѣднѣлъ, отдалялся. Правда, мы еще раза два прогулялись мимо дома, въ которомъ онъ жилъ. Саша хотѣлъ даже завернуть къ нему, да раздумалъ, и мы завернули въ переулокъ.

Иванъ Евдокимовичъ преподавалъ намъ эстетику, хотя и самъ въ ней былъ не силенъ и заставлялъ писать статьи. Мы писали литературные обзоры въ запуски и сообща уничтожали классицизмъ. Иныя статьи переводили на французскій языкъ и подавали Маршалю. Были статьи и историческія. Саша писалъ о «Марѳѣ Посадницѣ», т.-е. не о настоящей, а о той спартанской Марѳѣ, о которой повѣсть написалъ Карамзинъ,—и сравнивалъ ее съ «Зиновеей Пальмирской»; я писала о «Вадимѣ Новгородскомъ». и не сравнивая его ни съ кѣмъ, очерчивала «Свинцовыя воды Волхова». Выражались мы больше въ тонѣ возвышенномъ. Саша въ одной изъ своихъ статей, говоря о чемъ-то рѣдкомъ, выразился такъ: «Оно рѣдко, какъ южная птица у полюсовъ». У меня преобладали описанія, а у Саши—мысль. Въ этихъ полудѣтскихъ еще статьяхъ его уже видѣнъ былъ талантъ, огонь и широкій взглядъ.

Иванъ Евдокимовичъ приходилъ въ восторгъ, поправляя его статьи; я приходила въ восторгъ, читая ихъ, предвѣщала ему

великую литературную извѣстность и поощряла его къ дѣятельности.

Иванъ Евдокимовичъ былъ студентъ медицинскаго факультета, изъ духовнаго званія. Господи Боже мой, какъ онъ бывало стучитъ дверью, когда придетъ, какъ снимаетъ галоши, какъ топаетъ. Волосы онъ носилъ ужасно длинные и никогда не чесалъ ихъ, по выходѣ изъ рязанской эпархіальной семинаріи. На иностранныхъ словахъ онъ ставилъ дикія ударенія школы, а французскія — щедро награждалъ греческой λ и русскимъ Ъ на концѣ. Душа у него была теплая, человѣческая. Съ нимъ съ первымъ Саша сталъ заниматься порядочно и то не сначала. Иванъ Евдокимовичъ не зналъ было, что съ нимъ дѣлать. Не рѣдко, въ продолженіе цѣлаго урока, Саша занимался вырѣзываніемъ іероглифовъ на учебномъ столѣ. Иванъ Евдокимовичъ краснѣя бралъ деньги за урокъ, и нѣсколько разъ хотѣлъ ихъ бросить, не способный за билетъ толковать цѣлый часъ каменной стѣнѣ. Наконецъ, Иванъ Евдокимовичъ перемѣнилъ одну пристяжную и, наскоро прочитавши въ географіи, изданной Титомъ Каменецкимъ, о ненужности и только для баласта выдуманой части свѣта Австраліи, принялся за исторію, и вмѣсто того, чтобы задавать по Шреку до отмѣтки ногтемъ, онъ разсказывалъ, чтó помнилъ, и какъ помнилъ. Саша долженъ былъ повторять своими словами на другой день, и исторіей онъ началъ заниматься съ величайшимъ прилежаніемъ. Иванъ Евдокимовичъ удивился, и утомленный его лѣнью въ грамматикѣ, поступилъ какъ настоящій студентъ, положилъ ее къ сторонѣ, и вмѣсто того, чтобы мучить его мѣстничествомъ между ѣ и е принялся за словесность. Преподаваніе словесности было отрицательное. Принимаясь за риторику, онъ сказалъ, что это самая пустая вещь, что кому Богъ не далъ краснорѣчія, того риторика не научитъ красно говорить. Читая съ нами образцовыя сочиненія, прибавлялъ, что десять строкъ «Кавказскаго Плѣнника» лучше всѣхъ этихъ сочиненій. Взглядъ на литературу у Ивана Евдокимовича проглядывалъ широкій и современный. Саша усвоивалъ его взгляды, возводя въ квадратъ и кубъ односторонности учителя.

Иванъ Евдокимовичъ былъ въ восторгѣ отъ новой литературы. Саша, бравши книгу, тотчасъ справлялся, въ которомъ году она издана, и если это было до 1820 годовъ бросалъ, не

раскрывая. Поклоненіе новой литературѣ сдѣлалось у насъ безусловнымъ. Уроки Ивана Евдокимовича имѣли большое вліяніе какъ на развитіе, такъ и на направленіе Александра.

Маршаль читалъ съ нами art poétique Буало, Лагарпа, Расина и былъ такъ нравственъ, что краснѣлъ въ 50 лѣтъ. Окончивши урокъ, онъ оставался у насъ на цѣлый день, игралъ съ нами въ шахматы и воланы, сопровождалъ въ прогулкахъ. Всѣ любили Маршаля, даже Иванъ Алексѣевичъ, никого нещадившій, съ Маршалемъ былъ деликатенъ и не употреблялъ противъ него своего орудія — ироніи. Маршаль оставилъ по себѣ память яснаго лѣтняго вечера, безъ малѣйшаго облака. Онъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые отъ рода не имѣли знойныхъ страстей, которыхъ характеръ свѣтелъ, ровенъ, которымъ дано столько любви, чтобы они были счастливы, но не настолько, чтобы она сожгла ихъ. Маршаль имѣлъ большія познанія въ древнихъ литературахъ и былъ классикъ по натурѣ. Выше всего онъ ставилъ пластическія формы греческой поэзіи и передѣланную изъ нея вѣка Людовика XIV.

Ученье наше шло вообще безъ системы, безъ надзора, какъ въ это время, такъ и впослѣдствіи. Мы занимались спустя рукава. За учителями присмотра не было, разъ условившись въ цѣнѣ, лишь бы приходили въ свой часъ и могли такъ продолжать, не отдавая отчета въ томъ, что дѣлается.

Саша замѣнялъ трудъ быстротою соображенія и памятью.

X.

Наступили празднества коронаціи. Гвардія и посольства были въ Москвѣ.

Государь оставался въ Петровскомъ дворцѣ до торжественнаго въѣзда въ столицу. Отъ сенатора, отъ посѣтителей и учителей мы то и дѣло слышали разсказы о бывшемъ возмущеніи. Говорили съ предосторожностями, боялись сознаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ осужденными. Только женщины не отрекались отъ несчастныхъ и явились во всемъ величіи своего характера. Матери проникали въ крѣпость, у престола молили царя о помилованіи сыновей. Жены, невѣсты бросали богатства, дѣтей, блестящее положеніе, чтобы ѣхать за приговоренными къ каторжной работѣ. Ихъ не пугала — ни Сибирь, ни даль, ни

притѣсненія. Всеобщій страхъ касался и насъ. Хотя смутно мы стали понимать, въ чемъ дѣло, и разсуждали о немъ по своему.

Всѣ ожидали, что, по случаю коронаціи, судьба осужденныхъ будетъ облегчена; даже Иванъ Алексѣевичъ не вѣрилъ, чтобы смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и говорилъ, что это дѣлается только для того, чтобы поразить умы.

Когда увидали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что 13-го іюля казнь была совершена, едва вѣрили глазамъ своимъ.

Черезъ день послѣ обнародованія казни былъ благодарственный молебенъ. Молебенъ совершалъ митрополитъ Филаретъ посреди Кремля. На немъ присутствовала вся знать. Кругомъ, на огромномъ пространствѣ, густая масса гвардіи, безъ киверовъ, молилась, колѣнопреклоненная; съ высоты Кремля гремѣли пушки. Мы присутствовали на этомъ молебствіи, затерянные въ толпѣ.

Послѣ молебствія былъ сдѣланъ торжественный въѣздъ. Мы смотрѣли его на Тверской, изъ знаменитой тогда булочной Ницмана.

По улицѣ, въ двѣ линіи, стояло войско; за нимъ по тротуарамъ и по крышамъ—народъ. Въ окнахъ толпа зрителей. Государь ѣхалъ верхомъ подлѣ кареты, въ которой сидѣла государыня съ наслѣдникомъ.

Между прочими посѣтителями у насъ бывали въ это время: князь Сапега, графъ Комаровскій, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ. Иванъ Алексѣевичъ принималъ всѣхъ въ спальнѣ въ своемъ поношенномъ, полосатомъ халатѣ на мерлушкахъ и въ поярковыхъ мягкихъ сапогахъ, иногда лежа на кровати, жалуясь на разныя немощи и недуги. Мы знали, что это все—одна комедія, что онъ недугами хочетъ отдѣлаться отъ поѣздки къ цесаревичу [1]). Цесаревичъ, черезъ графа Комаровскаго, поручалъ сказать Ивану Алексѣевичу, что желаетъ его видѣть. Иванъ Алексѣевичъ, отзываясь своей немощью, просилъ графа выразить цесаревичу его преданность и глубокое благоговѣніе,—что онъ весь къ услугамъ великаго князя, но что онъ не встаетъ съ постели, что онъ развалина. На это графъ Комаровскій сообщилъ Ивану Алексѣевичу, что цесаре-

[1]) Когда Иванъ Алексѣевичъ служилъ еще въ Измайловскомъ полку, Цесаревичъ очень милостиво былъ расположенъ къ нему за его острый, большой умъ и любезность въ обществѣ. Часто заѣзжалъ за нимъ и увозилъ — дѣлить свои удовольствія, которыя Иванъ Алексѣевичъ чрезвычайно оживлялъ.

вичъ не принимаетъ никакихъ отговорокъ въ уваженіе, и приказалъ передать ему, что если онъ не въ состояніи вставать съ постели, то пускай велитъ привезти себя на кровати. Это подѣйствовало. Начались сборы. Съ вечера, при шести свѣчахъ, Иванъ Алексѣевичъ брился, хладнокровно дѣлая каждому всевозможныя досады и оскорбленія. Камердинеръ его выходилъ изъ себя, съ сердцовъ рвалъ на себѣ волосы. Съ утра лежали наготовѣ: рыжеватый парикъ и длинный, темно-зеленаго цвѣта, теплый, мохнатый сюртукъ. Послѣ обѣда, отдохнувши, онъ отправился во дворецъ въ четверомѣстной каретѣ, въ той самой, въ которой, въ 1812 году, выѣхалъ изъ Москвы.

Онъ пробылъ у цесаревича до вечера; возвратился домой видимо растроганный, молча прошелъ въ свою комнату и легъ на постель. Мы не смѣли его разспрашивать. Только спустя нѣсколько времени, сказалъ намъ, что цесаревичъ живетъ очень просто, въ самомъ верхнемъ этажѣ дворца, и что онъ съ трудомъ поднялся къ нему. Еще черезъ нѣкоторое время, когда разговоръ шелъ о цесаревичѣ, онъ замѣтилъ: «да, это великій человѣкъ». Съ недѣлю Иванъ Алексѣевичъ былъ задумчивъ, смиренъ, какъ-будто не замѣчалъ насъ, почти не разговаривалъ и молча ходилъ цѣлые часы вдоль амфилады комнатъ. Что происходило въ это свиданіе, такъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ и умерло.

Князя Сапегу и графа Орлова Иванъ Алексѣевичъ намъ часто ставилъ въ примѣръ. Графа—тѣмъ, что онъ умѣетъ сохранять здоровье; что для здоровья каждый день, въ своей комнатѣ, пилитъ дрова. «Это такъ полезно, добавлялъ онъ, что я и самъ намѣренъ начать пилить дрова». Князь Сапега посѣщалъ насъ, какъ лихорадка, черезъ день. Высокой, худощавый, прямой какъ стрѣла, всегда въ черномъ фракѣ. Иванъ Алексѣевичъ давно зналъ князя, уважалъ его; разсказывалъ намъ о его богатствѣ, великолѣпныхъ дворцахъ и при этомъ о чрезвычайной простотѣ его жизни, которую намъ и ставилъ въ примѣръ. Князь постоянно ходилъ пѣшкомъ и всю жизнь проводилъ въ путешествіи; онъ и тогда пріѣхалъ изъ Лондона, чтобы видѣть человѣка, отказавшагося отъ русской короны.

Кромѣ сенатора, который каждый вечеръ привозилъ намъ разныя новости, вечерами пріѣзжали къ намъ оба брата Голо-

хвастовы и Николай Васильевичъ Шатиловъ; онъ былъ женатъ на сестрѣ Голохвастовыхъ, Натальѣ Павловнѣ.

Почти каждый вечеръ бывалъ у насъ молодой профессоръ химіи Іовскій, чиновникъ, занимавшійся дѣлами Яковлевыхъ, Андрей Ивановичъ Ключаревъ и Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ. Въ это же время сталъ бывать въ домѣ Ивана Алексѣевича нѣкто Лаптевъ, прожившій пол-жизни за границей. Онъ былъ нѣсколько разстроенъ умственно; Иванъ Алексѣевичъ давно зналъ его и относился къ нему чрезвычайно снисходительно. Онъ разсказывалъ намъ, что у Лаптева была исторія романическая въ въ Испаніи, съ серенадами, гитарой, веревочной лѣстницей и дуэлью; а другіе говорили, что его за серенады просто исколотили до того, что онъ тронулся разсудкомъ.

Утрами Луиза Ивановна и Егоръ Ивановичъ ходили съ нами въ Кремль на разводы, или на Ходынку смотрѣть маневры, на которыхъ мы изучили всѣ гвардейскіе полки по мундирамъ; знали всѣ посольства и насмотрѣлись на царскую фамилію. Эти походы не нравились Ивану Алексѣевичу; онъ отпускалъ насъ не охотно и называлъ ихъ «патріотизмомъ». Мы не обращали на его слова вниманія и продолжали свои патріотическія экскурсіи.

Однажды, рано утромъ, отправились мы на Ходынку. Тамъ готовились большіе маневры. Выйдя изъ кареты у Прѣсненской заставы, мы велѣли тамъ насъ дожидаться; а сами пошли на поле, какъ вдругъ увидали быстро подъѣзжавшую коляску и въ ней государя съ какимъ-то генералъ-адъютантомъ. Мы остановились. У заставы они вышли изъ коляски. Государь съ удивленіемъ осматривался во всѣ стороны. У заставы должны были ожидать ихъ верховыя лошади, но ихъ не было. Когда государь обратился къ намъ, мы ему поклонились; онъ отвѣтилъ намъ самымъ привѣтливымъ поклономъ и пошелъ за заставу; мы отправились за нимъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Вскорѣ стремглавъ прискакали съ верховыми лошадьми; государь, какъ можно было замѣтить, сдѣлалъ кротко замѣчаніе и сѣлъ верхомъ. Къ нему присоединилась многочисленная свита, и всѣ поскакали къ войску. Несмѣтныя толпы полковъ покрывали поле; густая масса стояла неподвижно. Черныя латы кирасиръ рѣзко отдѣлялись отъ ихъ бѣлыхъ мундировъ. Уланы, казаки, гусары блестѣли золотомъ и серебромъ. Стальные штыки сверкали на солнцѣ. Всѣ были

какъ бы въ нѣмомъ ожиданіи. Лишь только показался государь, громкое ура слилось въ одинъ звукъ. По полкамъ раздалась музыка. Сплошной массой пошла пѣхота; за ней, стройной колонной, двинулась конница. Мы стояли довольно далеко отъ мѣста дѣйствія, но видѣли маневры и слышали страшную пальбу изъ пушекъ и ружей. Не разъ кавалерія, во весь карьеръ, проносилась почти подлѣ насъ. Толпы народа бросались въ разсыпную.

Всѣ ждали нетерпѣливо коронаціи. Стѣны соборовъ и другихъ зданій въ Кремлѣ были окружены подмостками, въ видѣ амфитеатра; отъ Краснаго крыльца ко всѣмъ соборамъ тянулся помостъ, устланный пунцовымъ сукномъ, огражденный парапетомъ. Сенаторамъ назначены были ложи около дворца. Левъ Алексѣевичъ отдалъ намъ свою ложу,—самъ онъ участвовалъ въ церемоніи.

Мы выѣхали на коронацію до разсвѣта, попали въ цѣпь каретъ и вышли у Иверскихъ воротъ, когда былъ уже бѣлый день. Съ нами находился Иванъ Алексѣевичъ, Луиза Ивановна, Кало и Егоръ Ивановичъ. Ложа наша была угловая. Одна сторона выходила къ Красному крыльцу, съ другой — открывалась вся площадь. Площадь была усыпана народомъ и войскомъ. Амфитеатръ усѣянъ зрителями. По помосту, около парапета, въ двѣ линіи стояли неподвижно кавалергарды, держа оружіе на парадъ. Отъ времени до времени на помостѣ являлись члены посольствъ, флигель-адъютанты, сенаторы въ блестящихъ мундирахъ и проч.

Наконецъ, двери дворца растворились. Началось шествіе съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ—всей Россіи и всѣхъ государствъ, въ лицѣ ихъ представителей. Величественно развертывалась передъ нами торжественная процессія. Молодая государыня стала подъ балдахинъ, держа за руку наслѣдника престола. Царственное дитя на все смотрѣлъ своимъ яснымъ, добросердечнымъ взоромъ. Взоры умиленія и любви обратились на него. Мы съ Сашей вспомнили, какъ, будучи еще дѣтьми, случайно попали въ Кремль, въ то время, какъ бородинскія пушки возвѣстили о Его рожденіи; вспомнили и пророческій стихъ, предвѣщавшій Ему корону. Въ дверяхъ дворца показался Государь, рядомъ съ нимъ цесаревичъ, въ мундирѣ литовской гвардіи съ желтымъ воротникомъ. Государь былъ блѣденъ и серьезенъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой цесаревичу, приглашая его идти впередъ. Цесаревичъ уклонился и далъ дорогу государю. Ставши подъ балдахинъ, государь движеніемъ руки приглашалъ цесавича стать рядомъ съ собою; но тотъ, поклонившись ему, пошелъ подлѣ балдахина, сгорбившись, нахмуря густыя брови. Иванъ Алексѣевичъ смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ, слезы навернулись на глазахъ его.

Все скрылось въ соборѣ. Въ Кремлѣ распространилась тишина. Вдругъ—выстрѣлъ, звонъ, и Кремль задрожалъ отъ пушекъ и колоколовъ. Императоръ Николай I, въ коронѣ и порфирѣ, вышелъ изъ собора; его встрѣтилъ трогательный гимнъ «Боже Царя Храни», громкое ура, молитвы и упованія.

Послѣ коронаціи мы осмотрѣли обѣдъ, приготовленный для войска въ манежѣ. При насъ пріѣхала туда молодая императрица и великая княгиня Елена Павловна. Обойдя длинные ряды столовъ, онѣ остановились противъ насъ. Мы засмотрѣлись на выразительное, милое лицо Елены Павловны.

Народный праздникъ обошелся намъ не совсѣмъ благополучно. Мы пріѣхали на Дѣвичье-поле, гдѣ давался праздникъ народу, вмѣстѣ съ сенаторомъ Иваномъ Алексѣевичемъ и нѣкоторыми знакомыми, въ ложу сенатора.

Поле чернѣло народомъ. Едва виднѣлись фонтаны съ виномъ и столы, уставленные кушаньемъ. Государь, окруженный свитой и посольствами, проѣхалъ полемъ, при громкомъ ура, въ приготовленную для него, среди поля, ротонду. Когда онъ показался изъ ротонды, взвился флагъ, и столовъ какъ не бывало; столы и кушанья мгновенно исчезли вмѣстѣ съ оглушительнымъ ура! Фонтаны, только что забившіе виномъ, скрылись подъ облѣпившимъ ихъ народомъ и разрушились. Упавши въ развалины, вытѣсняя одинъ другаго, черпали вино шляпами. Мимо насъ проходили толпы, таща, кто курицу, кто блюдо, кто ногу баранины, а кто ножку стола. Когда императоръ удалился, народъ бросился на ложи грабить зрителей и обдирать крашеный холстъ. Краска полетѣла съ холста, какъ клубы дыма. Это приняли за пожаръ, закричали: «горимъ, грабятъ!» Я бросилась изъ ложи, мнѣ показалось, что наши выходятъ; а они, занятые происходившимъ на площади, не замѣтили, какъ я вышла. Очутившись въ галлереѣ, одна, среди бѣгущей толпы, я потерялась.

Меня оттѣснили къ лѣстницѣ. По необыкновенному счастію, я очутилась прямо противъ нашей кареты, а подлѣ нея стоялъ конторщикъ сенатора. Онъ изумился, увидавши меня одну, помогъ сойти мнѣ съ лѣстницы, провелъ между экипажей въ пустую улицу, и мы пустились домой. Внѣ себя отъ страха, я не шла, а бѣжала, и явилась домой растрепанная и объ одномъ башмакѣ, другой потеряла по дорогѣ. Няньки и мамки, взглянувши на меня, ахнули, съ приговорами меня раздѣли и уложили въ постель. Со мной сдѣлался сильный жаръ.

Въ ложѣ меня хватились и, нигдѣ не видя, перепугались до смерти. Думали, что я черезъ перилы упала въ толпу, на полѣ искали меня, по площади. Лаптевъ избѣгалъ все поле. Въ крайнемъ безпокойствѣ возвращались домой, и такъ обрадовались, найдя меня дома, что даже и выговаривать не стали, а еще начали за мной ухаживать. Саша помѣстился подлѣ моей постели съ книгой и сталъ мнѣ читать. Когда мы остались одни, на его замѣчаніе, зачѣмъ я убѣжала изъ ложи, я ему со слезами разсказала о своемъ испугѣ и путешествіи.

Иванъ Алексѣевичъ, увидя меня, только сказалъ: «конецъ патріотизму», и никого не пустилъ на фейерверкъ.

Изъ одного окна въ залѣ, мы видѣли, какъ вдалекѣ летали букеты ракетъ, звѣзды, мѣнявшія цвѣта, солнцы, храмы.

— «Вотъ, если бы ты не убѣжала съ поля, говорилъ мнѣ Саша, мы были бы тамъ».

Я молча вздыхала, чувствуя себя кругомъ виноватою.

ГЛАВА XII.

Среди всѣхъ этихъ событій, обычная жизнь наша не измѣняла своего порядка. Маршаль читалъ съ нами Расина, игралъ въ шахматы и воланы, и иногда сопровождалъ въ прогулкахъ. Иванъ Евдокимовичъ запивалъ уроки квасомъ, преподавая ихъ въ маленькомъ кабинетѣ, чтобы не быть на глазахъ Ивана Алексѣевича, который не могъ равнодушно видѣть его длинныхъ волосъ и слышать, какъ онъ выговариваетъ иностранныя слова; онъ сейчасъ же начиналъ его передразнивать съ разными ужимками, что смущало Ивана Евдокимовича и бѣсило Сашу.

Исторія сдѣлалась любимымъ предметомъ занятій Александра, особенно—древняго Рима и Греціи. Разумѣется, онъ принялся за

исторію не такъ, какъ за книгу народовъ—зерцало того и сего, а опять какъ за романъ; онъ читалъ ее по той же методѣ, т. е., выступая самъ въ Некрополисѣ и на форумѣ. Еще больше, разумѣется, потому, что Греція и Римъ, возстановленныя по Сегюру, были нелѣпы, но живы и соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Театральныхъ натяжекъ всѣхъ этихъ Курціевъ, бросающихся въ пропасти, онъ не замѣчалъ, а гражданскія ихъ добродѣтели понималъ. Сильно дѣйствовало на него чтеніе греческой и римской исторіи. Саша скорбѣлъ о томъ, что этотъ міръ добродѣтелей и энергіи давно схороненъ, плакалъ на его могилѣ. Какъ вдругъ болѣе внимательное чтеніе одного автора, бывшаго въ моихъ рукахъ, доказало ему, что и тотъ міръ, который окружаетъ его, въ которомъ онъ живетъ, не изъятъ доблестнаго и великаго. Открытіе это сдѣлало переворотъ въ его бытіи.

Шиллеръ! благословляю тебя,—говаривалъ потомъ Саша:—тебѣ я обязанъ святыми минутами начальной юности; сколько слезъ пролилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы, какой алтарь я воздвигъ тебѣ въ душѣ моей!

Онъ попалъ въ руки шиллеровымъ разбойникамъ, когда Маршаль читалъ съ нами Буало и Расина; ватага Карла Мора надолго увела меня въ Богемскіе лѣса романтизма. Иванъ Евдокимовичъ усердно помогалъ Шиллеровымъ разбойникамъ, и китайскіе башмаки Лагарповскаго воззрѣнія рвались по швамъ и по кожѣ. Иванъ Евдокимовичъ, замѣтивши въ Сашѣ либеральныя наклонности, старался ихъ поддерживать и развивать. Онъ сталъ намъ носить, тайкомъ, мелко переписанные запрещенные стихи Пушкина: «Оду на вольность», «Кинжалъ», «Деревню» и проч. Мы списывали ихъ, твердили наизусть; декламируя ихъ, Саша, чтобы произвести въ слушателяхъ трепетъ, который чувствовалъ самъ, принималъ трагическую позу и мрачное выраженіе лица, и задыхающимся голосомъ говорилъ:

Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый—
Кинжалъ! ты кровь излилъ... и проч.

Въ это время «Горе отъ ума» волновало всю Москву. Саша и я знали его наизусть, играли вмѣстѣ цѣлыя сцены. У Саши

былъ недостатокъ въ произношеніи, который придавалъ его рѣчи какую-то дѣтскую грацію. Онъ выговаривалъ слогъ *ла* между французскимъ *la* и русскимъ *ла*. Впослѣдствіи это, кажется, у него исчезло. Зная этотъ недостатокъ, Саша иногда среди рѣчи останавливался на этомъ слогѣ, какъ бы затрудняясь его произнести, какъ слѣдуетъ, и смотрѣлъ на меня, улыбаясь.

Выходившій тогда «Московскій Телеграфъ» передавалъ современное умственное состояніе Европы и читался съ увлеченіемъ. Альманахи сыпались. «Войнаровскій» и «Думы Рылѣева» возбуждали духъ гражданственности. Козловъ переводилъ Байрона. Типы его героевъ водворялись въ жизнь общества, облагороживали его и отражались въ поэмахъ и повѣстяхъ. Шиллеръ передавался въ прелестныхъ переводахъ Жуковскаго. Въ воздухѣ вѣяло вѣрованіями, надеждами, увлеченіемъ. Произведенія Пушкина рвали изъ рукъ въ руки, печатныя и въ спискахъ. «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыганъ» и даже «Руслана» я знала наизусть. Когда появился «Онѣгинъ», всеобщій восторгъ привѣтствовалъ его.

Александръ не разставался съ этой поэмой: носилъ въ карманѣ днемъ, клалъ подъ подушку на ночь; говорилъ изъ нее отрывки, потомъ всю выучилъ наизусть. Меня иначе не звалъ, какъ Таня. Простонародное имя Татьяны явилось опоэтизированнымъ въ лицѣ деревенской барышни. Во мнѣ Онѣгинъ оживилъ первое впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я—Татьяна Ларина, а К—фъ—Евгеній Онѣгинъ. Онъ и дѣйствительно принадлежалъ къ этому типу. Типъ этотъ ошибочно принимали за типъ того времени. Онъ, точно, являлся тогда и даже долгое время послѣ; но онъ выражалъ только одну сторону тогдашней жизни, а нисколько не выражалъ всѣхъ стремленій умственныхъ и нравственныхъ 1820-хъ годовъ. Типъ того времени отразился, въ литературѣ, въ Чацкомъ. Въ его молодомъ негодованіи слышится порывъ къ дѣлу. Онъ возмущается потому, что не можетъ выносить диссонанса своего внутренняго міра съ міромъ, окружающимъ его.

Рядомъ съ людьми, которыхъ барскія затѣи состояли въ псарнѣ, дворнѣ, насилованіи и сѣченіи, являлись типы—дѣйствительные типы того времени, которыхъ затѣи состояли въ томъ,

чтобы вырвать изъ рукъ розгу и добыть просторъ не ухарству въ открытомъ полѣ, а просторъ уму и человѣческой жизни.

Онѣгины же истекали изъ Байронова Чайльдъ-Герольда. Они увлекательны своей романтичностью и рѣзкимъ различіемъ съ отживавшимъ барствомъ.

Картина крѣпостнаго состоянія, либеральныя идеи, распространенныя въ обществѣ, литература, вліяніе учителей съ новыми взглядами, соединившись съ врожденными наклонностями Александра, обозначили основныя черты его характера и опредѣлили цѣли жизни. Сама среда, окружавшая его отъ колыбели, помогала этому своимъ рѣзкимъ отрицаніемъ усвоенныхъ имъ понятій, заставляя еще выразительнѣе выступать ихъ блестящія, увлекательныя стороны. Шиллеръ, со взоромъ, устремленнымъ туда, съ либерально-гражданскимъ направленіемъ, съ любовью къ людямъ и истинѣ, поднятыми до первообраза, до того былъ симпатиченъ идеальному юношѣ, что онъ сдѣлалъ религіей жизни своей осуществленіе этихъ возвышенныхъ типовъ. Онъ не вздрогнулъ передъ громадностію задачи; не взялъ въ разсчетъ, что подниматься—не значитъ бросаться въ размахъ. Да и возможно-ль это въ четырнадцать лѣтъ?

Мы страстно желали видѣть Пушкина, поэмами котораго такъ упивались; и увидали только года черезъ полтора, съ хоръ благороднаго собранія. Внизу было многочисленное общество, среди котораго вдругъ сдѣлалось особаго рода движеніе. Въ залу вошли два молодые человѣка. Одинъ былъ блондинъ, высокаго роста; другой—брюнетъ, роста средняго, съ черными, кудрявыми волосами и выразительнымъ лицомъ. «Смотрите, сказали намъ, блондинъ—Баратынскій, брюнетъ—Пушкинъ». Они шли рядомъ, имъ уступали дорогу. Въ концѣ залы Баратынскій съ кѣмъ-то заговорилъ. Пушкинъ сталъ подлѣ бѣлой, мраморной колонны, на которой былъ бюстъ государя, и облокотился на него. Мы не спускали съ него глазъ, чтобы навсегда запечатлѣть въ памяти образъ нашего любимаго поэта.

Возвышенныя идеи, стремленія и мечты не мѣшали намъ, при помощи горничныхъ и дворовыхъ ребятишекъ, украдкой, объѣдаться малиной и крыжовникомъ, и завести отдѣльные завтраки и ужины. Въ этомъ нравились намъ больше всего самостоятельность и тайна. Иванъ Алексѣевичъ находилъ, что на ночь

ѣсть вредно, и никто въ домѣ у нихъ не ужиналъ. Только мнѣ, Сашѣ и собакѣ Макбету каждый вечеръ покупалось два фунта ржанаго хлѣба, который мы съѣдали, посоливши и запивая холодной водой. Иногда къ хлѣбу прибавлялось крымское яблоко. Послѣ этой закуски, Саша ложился спать на свой диванъ; Иванъ Алексѣевичъ укрывалъ его простыней, утыкавъ ее со всѣхъ сторонъ, чтобы онъ ночью не раскрылся, крестилъ его, прощался съ нами и шелъ спать. Какъ только все въ домѣ утихало, Саша сбрасывалъ съ себя простыню, одѣвался и спускался внизъ, въ комнату, гдѣ стояло фортепіано; туда приходила и я. Вѣра Артамоновна приносила намъ изъ людской грешневой каши, или какой-нибудь похлёбки съ постнымъ масломъ, и начинался самый веселый ужинъ.....

Иногда, въ воскресенье или праздникъ, меня отпускали на цѣлый день къ княгинѣ. Въ это время княгинѣ было уже 70 лѣтъ. Она одна уцѣлѣла отъ всей семьи своей, и съ разбитымъ тѣломъ и душой доживала вѣкъ, въ томъ же флигелѣ, на дворѣ княжны Анны Борисовны, въ которомъ поселилась, послѣ пожара 1812 года, съ мужемъ и дѣтьми.

Домъ княгини былъ старинный, православный русскій домъ, въ которомъ соблюдались посты, ходили къ заутрени, ставили наканунѣ крещенія кресты на дверяхъ, дѣлали удивительные блины на масляницѣ, обѣдали ровно въ два часа, ужинали въ девятомъ; въ домѣ постоянно пребывали двѣ или три приживалки. Западная зараза, коснувшаяся братьевъ и сбившая ихъ нѣсколько съ родной колеи, не коснулась сестры.

Въ первый пріѣздъ мой къ княгинѣ, я увидала у нее дѣвочку лѣтъ 8—9 въ траурѣ, съ темно-голубыми глазами, блѣдную до синеватости, съ довольно правильными чертами лица, выражавшими спокойный, хладнокровный характеръ. Это была дочь Александра Алексѣевича Яковлева, Наташа. Алексѣй Александровичъ, по смерти своего отца, всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ, съ ихъ матерями, отправилъ изъ Петербурга въ свое Шацкое имѣніе—до его дальнѣйшихъ распоряженій. По его беззаботности и равнодушію къ этимъ дѣтямъ, дальнѣйшихъ распоряженій приходилось имъ дожидаться долго. Попавши въ Шацкъ, дѣти оставались тамъ заброшенными цѣлые годы. Нѣкоторыя, уже войдя въ юношескій возрастъ, своими стараніями, при участіи родныхъ,

кое-какъ оттуда выбрались, едва зная русскую грамоту. По дорогѣ изъ Петербурга въ Шацкъ, проѣзжая черезъ Москву, они остановились въ ней на короткое время въ домѣ Алексѣя Александровича, на Тверскомъ бульварѣ.

Княгиня, услыхавши объ этомъ, отправила свою домоправительницу Марію Степановну Макашеву провѣдать дѣтей и узнать, не нуждаются ли они въ чемъ. Возвратясь домой, Марія Степановна привезла съ собой двухъ хорошенькихъ дѣвочекъ показать княгинѣ, одна была Наташа, другая — Катя. При этомъ компаніонка разсказала, что дѣтей везутъ въ простыхъ кибиткахъ, тѣсно, неудобно; всѣ во многомъ нуждаются, и по общимъ разсказамъ видно, что не радостная доля ждетъ ихъ въ деревнѣ. Наташа все время не отходила отъ княгини и, не спуская съ нее глазъ, слушала, что говорили, облокотясь на ручку ея креселъ. Приласкавши дѣтей и подаривши имъ что-то, княгиня приказала Маріи Степановнѣ отвезти ихъ обратно; но та, вдругъ обратясь къ княгинѣ, сказала: «ваше сіятельство, извольте взглянуть на Наташу, она точно проситъ васъ о покровительствѣ,—жаль такого ребенка запропастить въ деревнѣ; оставьте ее у себя». Княгиня была изумлена такимъ не жданнымъ предложеніемъ и отвѣчала, что, при ея 70 годахъ и огорченіяхъ, не возможно взять на себя трудную обязанность воспитанія; ребенокъ же, кромѣ того, требуетъ присмотра,—кому у нее этимъ заняться. Марія Степановна сказала, что она берется заботиться о Наташѣ, и добавила, что когда придетъ время Наташу учить, то, при участіи къ ней родныхъ, Алексѣй Александровичъ принужденъ будетъ помѣстить ее въ хорошее учебное заведеніе. Послѣ долгаго колебанія, княгиня согласилась оставить у себя Наташу до тѣхъ поръ, пока она подрастетъ. Она уступила не столько просьбамъ Маріи Степановны, сколько взору ребенка и тайной мысли—отплатить покойному брату добромъ за сдѣланное имъ ей глубокое оскорбленіе.

Конечно, этотъ отживщій домъ, эта печальная, отсталая среда, были плохими условіями для жизни ребенка. Но въ то время для Наташи это было лучшее изъ худшаго.

Княгиня не притѣсняла и не оскорбляла Наташу, но, по старости лѣтъ своихъ и по серьезности характера, вся поглощенная горемъ, она мало обращала на нее вниманія и никогда не приласкала сироту; а ребенокъ нуждался въ ласкѣ, въ тепломъ

взорѣ—и грустилъ. Видя, какъ она сидитъ у окна съ своей куклой, или цѣлые часы неподвижно вышиваетъ въ маленькихъ пяльцахъ, княгиня говорила ей: «что ты не порѣзвишься, не пробѣжишь?» и, смотря на ее спокойное лицо, шутя, съ улыбкой, называла ее хладнокровной англичанкой. Ребенокъ, слушая это, улыбался, продолжалъ сидѣть печально у окна, и княгиня оставляла ее въ покоѣ и не дѣлала ничего для ея развлеченія. Приходили праздники: другимъ дѣтямъ дарили игрушки и обновки; Наташѣ ничего не дарили, находя, что дѣвочку безъ средствъ не слѣдуетъ пріучать къ баловству и роскоши. Раннее ученіе считала княгиня вреднымъ, а потому первые два года все ея воспитаніе состояло въ томъ, что ее учили читать священную исторію, работать и заставляли каждый день молиться Богу, утромъ—въ своей комнатѣ, подъ надзоромъ Маріи Степановны, вечеромъ—въ спальной княгини, передъ кіотомъ, наполненномъ образами, съ зажженной передъ ними лампадкой. Однажды вечеромъ, молившись передъ кіотомъ, полусонный ребенокъ, поклонившись въ землю, заснулъ. Ее хватились, искали по всему дому, безпокоились и, входя въ еле-освященную спальню, чуть не раздавили ее, спокойно спящую на полу передъ образами.

Наташѣ дали комнату въ мезонинѣ, которую занимала прежде меньшая княжна, и приставили къ ней въ няни Настеньку. Рядомъ была комната Маріи Степановны; она смотрѣла за бѣльемъ, платьемъ, одѣваніемъ Наташи и вмѣшивалась въ ея нравственное воспитаніе, прикасаясь, ненамѣренно, самымъ грубымъ образомъ до нѣжнѣйшихъ струнъ дѣтской души: когда что-нибудь дарили Наташѣ, она, чтобы развить въ ней духъ смиренія, говорила: «вотъ, что дарятъ тебѣ, Наташа; ты еще этого не стоишь»; ребенокъ сквозь слезы улыбался. Чтобы возбудить въ ней сильнѣе чувство благодарности, часто говорила ей: «помни всю жизнь, что княгиня — твоя благодѣтельница, моли Бога о продолженіи ея дней; что̀ бы ты была безъ нее?». Вмѣстѣ съ этими наставленіями, при которыхъ и я не разъ присутствовала, она поила ее въ своей комнатѣ, сверхъ общаго чая, своимъ чаемъ, съ калачами и баранками; покупала ей на свои деньги мятные пряники и леденцы, шила изъ своего полубатиста пелеринки и, давая все это, непремѣнно приговаривала: «будешь ли ты это помнить, Наташа?» — «Конечно, буду», отвѣчалъ машинально ребенокъ.

Съ моимъ присутствіемъ въ домъ княгини вносился элементъ болѣе свѣжій, современный; ребенокъ это чувствовалъ, привязался ко мнѣ и я любила Наташу. Она встрѣчала меня всегда съ тихой радостью. Я ее полюбила съ перваго раза и, сочувствуя ея сиротливости, привозила ей дѣтскія книги, краски, карандаши; учила читать, писать и рисовать. Наташа плакала и, провожая меня, часто говорила: «вы однѣ меня любите и ласкаете, а больше никто». Если я оставалась лишній день у княгини, Саша присылалъ мнѣ отчаянныя письма: «утѣшайте, утѣшайте другихъ, говорилъ онъ въ запискѣ, а другъ вашъ умираетъ съ тоски». «Если бы не Ѳома Кемпійскій, писалъ онъ разъ, то не знаю, чтобы было со мной,—въ немъ я нашелъ успокоеніе и отраду; ради Бога, возвращайтесь скорѣй». Я говорила княгинѣ, что у насъ урокъ, который нельзя пропустить. Приказывали заложить карету и меня отвозили.

Не знаю, какъ попалъ въ руки Сашѣ Ѳома Кемпійскій, но мы долго съ религіознымъ увлеченіемъ читали его вмѣстѣ. 12-е января былъ день моихъ имянинъ. Проснувшись по утру, я нашла подлѣ себя на столикѣ, въ хорошемъ переплетѣ, въ двухъ томахъ «Освобожденный Іерусалимъ», переведенный Раичемъ. Раскрыла книгу, на первой страницѣ увидала надпись, сдѣланную рукою Саши: «Новой Армидѣ одинъ изъ рыцарей».

Всѣ шутили надъ этой надписью. Но я не шутила, я была тронута; и когда Саша, краснѣя, робко спросилъ меня, что я думаю о сдѣланной имъ надписи, я отвѣчала, что какъ въ этой надписи, такъ и во всемъ, что онъ дѣлаетъ относительно меня, вижу его глубокое чувство дружбы ко мнѣ, сквозь которое онъ видитъ меня лучше, нежели я есть дѣйствительно.

У него навернулись слезы, онъ молча горячо обнялъ меня и поцѣловалъ.

ГЛАВА XIII.

1827—1829.

Дружбы первый шагъ храню я и донынѣ
Въ воспоминаніи, какъ мой весенній сонъ,
Какъ пѣснь сердечную, подобную святынѣ.
— ж.

Саша сталъ внимательно изучать исторію и съ энтузіазмомъ принялся за французскихъ писателей XVIII столѣтія. Онъ усвоивалъ ихъ доказательства о правѣ и вѣрилъ, что форма правле-

нія для народа можетъ, въ одинъ прекрасный день, истечь совсѣмъ готовая изъ какого-нибудь déclaration des droits de l'homme; вѣрилъ во всѣ теоріи и даже утопіи, которыя хотя и принесли человѣчеству большую практическую пользу, развили новую сторону духа въ его стремленіи къ идеалу; но сами по себѣ остались теоріями. Чтеніе Шиллера и духъ времени спасли его отъ сенсуализма и дали направленіе, которое было выше матеріалистическихъ воззрѣній. Вскорѣ занятія естественными науками отвлекли его отъ односторонности политическаго направленія.

На занятіе естественными науками навела его встрѣча съ Алексѣемъ Александровичемъ Яковлевымъ.

Спустя нѣсколько времени по смерти отца, Алексѣй Александровичъ пріѣхалъ на житье въ Москву, вмѣстѣ со старушкой матерью Олимпіадой Максимовной, доброй, кроткой и глухой. Онъ нѣжно любилъ ее и это было единственное теплое чувство въ его сердцѣ, охлажденномъ страданіями, которыя онъ вмѣстѣ съ нею вынесъ отъ отца своего. Горе тѣсно соединило ихъ и онъ окружалъ старость ея вниманіемъ и спокойствіемъ. Мы много слышали объ Алексѣѣ Александровичѣ, какъ о человѣкѣ ученомъ и очень странномъ, который ни съ кѣмъ не знается, занимается химіей, много читаетъ и постоянно отдаляется женщинъ.

Узнавши, что онъ пріѣхалъ въ Москву и живетъ въ своемъ домѣ, мы нетерпѣливо желали его видить.

Однимъ утромъ мы сидѣли въ комнатѣ Ивана Алексѣевича, какъ вошелъ человѣкъ и доложилъ: «Алексѣй Александровичъ Яковлевъ изволилъ пріѣхать!»—«Проси», сказалъ Иванъ Алексѣевичъ холодно. Луиза Ивановна, а съ нею и мы вышли встрѣтить его. Въ комнату вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, съ рѣдкими волосами и длиннымъ носомъ, въ золотыхъ очкахъ, одѣтый очень просто. Луиза Ивановна знала Алексѣя Александровича и мать его, съ пріѣзда своего въ Россію. Она нѣсколько лѣтъ не видалась съ ними и встрѣтилась съ Алексѣемъ Александровичемъ чрезвычайно дружески. Иванъ Алексѣевичъ принялъ новаго племянника холодно и колко. Племянникъ не остался въ долгу и отвѣтилъ тѣмъ же. Онъ пробылъ у Ивана Алексѣевича не долго; поговоривши о посторонних предметахъ, они разстались съ чувствомъ взаимной ненависти, и послѣ этого посѣщенія видались очень рѣдко. Прочіе родственники, которыхъ

Алексѣй Александровичъ счелъ долгомъ посѣтить, приняли его также непривѣтливо. Прощаясь съ нами, химикъ радушно пригласилъ насъ къ себѣ. Мы не замедлили этимъ воспользоваться и стали навѣщать его довольно часто.

Въ передней его насъ встрѣчали нѣсколько человѣкъ прислуги, которыхъ все занятіе состояло въ куреніи табаку и игрѣ на торбанѣ. Одинъ изъ нихъ провожалъ насъ черезъ нѣсколько огромныхъ залъ, никогда не топленныхъ, не освѣщенныхъ и оставленныхъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ были при отъѣздѣ въ Петербургъ отца химика. На полу стояли ящики съ уложеннымъ въ нихъ хрусталемъ и фарфоромъ. На столахъ, съ бронзовыми рѣшеточками, и этажеркахъ виднѣлись разныя рѣдкости, купленныя на аукціонахъ. Къ стѣнамъ прислонены были золоченыя рамки безъ картинъ. На стѣнахъ картины безъ рамъ, обращенныя лицемъ однѣ къ стѣнѣ, другія—въ комнату. На потолкахъ висѣли люстры со множествомъ хрустальныхъ подвѣсокъ. На мраморныхъ подзеркальникахъ почернѣлыя канделябры и разныя бронзовыя вещи; все это, покрытое густой сѣрой пылью, отражалось въ самыхъ вычурныхъ зеркалахъ, вдѣланныхъ въ позолоченыя рамы. Этими переходами, шагая черезъ разныя препятствія въ видѣ веревокъ, клочковъ соломы, рѣзанной бумаги, оставляя слѣды на покрывавшей полы пыли, достигали, наконецъ, кабинета Алексѣя Александровича и рядомъ съ нимъ его лабораторіи. Луиза Ивановна со мной и Егоромъ Ивановичемъ проходили въ комнаты его матери, а Саша, приподнявши коверъ, застилавшій дверь, шелъ прямо въ кабинетъ. Кабинетъ этотъ былъ наполненъ ретортами, горнами, химическими снарядами и книгами. Тутъ Алексѣй Александровичъ, въ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, сидѣлъ почти безвыходно, работалъ, читалъ, спалъ на широкомъ диванѣ, покрытомъ тигровой кожей. Занятый опытами и чтеніемъ, онъ жилъ внѣ всякаго прикосновенія съ обществомъ. Къ завтраку Саша съ химикомъ являлись на половину его матери. Алексѣй Александровичъ былъ уменъ, остеръ, занимателенъ, особенно говоря о наукахъ и вообще о предметахъ, его интересующихъ. Съ Луизой Ивановной онъ весело вспоминалъ о прошедшемъ, говорилъ о семейныхъ дѣлахъ и шутилъ надъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему дядюшками и другими родными. Намъ давалъ разсматривать

книги съ дорогими гравюрами, свои гербаріи и великолѣпную коллекцію каррикатуръ.

Замѣтивши въ Сашѣ способности и любовь къ серьезнымъ занятіямъ, Алексѣй Александровичъ сталъ совѣтовать ему бросить безполезную литературу и опасную политику, да приняться за естественныя науки. Предложилъ ему въ помощь свое руководство, книги, снаряды и рѣдкія коллекціи. «Естественныя науки, говорилъ онъ, воспитываютъ фактами, сближаютъ съ жизнью и смиряютъ передъ нею».

Въ началѣ 1830-хъ годовъ химикъ продалъ свой московскій домъ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ у него былъ собственный домъ, на англійской набережной, въ которомъ онъ прожилъ до конца своей жизни.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пріѣхавши по дѣламъ въ Петербургъ, я посѣтила химика. Войдя въ залу, увидала посрединѣ длинный столъ, заставленный ретортами, склянками, машинами, химическими снарядами. По стѣнамъ стояли шкафы съ книгами; въ гостинной были знакомыя фигурныя зеркала и рогатые канделябры.

Я нашла Алексѣя Александровича не совсѣмъ здоровымъ, полулежащимъ на диванѣ посреди подушекъ. Онъ съ чувствомъ вспоминалъ о Сашѣ, хотя послѣ женитьбы послѣдняго они нѣсколько разошлись; ставилъ его высоко, какъ писателя и мыслителя, особенно хвалилъ его письма объ изученіи природы. Сожалѣлъ, что онъ не продолжаетъ серьезныхъ занятій науками и опять вдался въ опасную политическую дѣятельность.

Между прочими предметами онъ сказалъ, что съ увлеченіемъ читаетъ евангеліе, и сознаетъ, что ни въ одной книгѣ не находилъ такого вѣрнаго основанія возможности совершенствованія во всѣхъ областяхъ жизни, какъ въ евангеліи. Что онъ каждый разъ, открывая евангеліе, находитъ въ немъ новые источники для размышленія, а за ними — безконечную даль.

Я изумилась, слыша такія слова отъ Алексѣя Александровича. Я знала, что онъ былъ чистый матеріалистъ, съ законченнымъ взглядомъ, считавшій эгоизмъ источникомъ всѣхъ людскихъ дѣйствій, полагая ихъ дѣломъ организма и обстоятельствъ; что даже натуръ-философію онъ закрылъ при началѣ чтенія и не раскрывалъ больше.

Алексѣй Александровичъ замѣтилъ мое изумленіе, понялъ его, и, улыбаясь, сказалъ, что односторонность занятій препятствовала ему обратить сѐрьезное вниманіе на что-либо внѣ предмета, его интересовавшаго исключительно; а если онъ и обращался къ нему когда, то съ готовымъ предубѣжденіемъ.

Подъ вліяніемъ химика Саша, пристрастился къ естественнымъ наукамъ и сталъ думать объ университетѣ, не смотря на то, что Иванъ Алексѣевичъ неблагопріятно смотрѣлъ на университетъ; и каждый разъ, какъ только Саша заводилъ о немъ рѣчь, начиналъ сердиться и бранить учителей, которые натолковали ему всякій вздоръ. Кромѣ того, что къ Московскому университету не благоволилъ и власти, многіе смотрѣли на него, какъ на сборище опасныхъ умовъ и источникъ либерально-образовательныхъ стремленій, Иванъ Алексѣевичъ боялся, чтобы, подъ вліяніемъ заразы университетскаго либерализма, не развились опасныя наклонности, уже виднѣвшіяся въ Сашѣ, и не навлекли-бъ ему несчастій.

Саша съ дѣтства былъ записанъ на службу въ кремлевскую экспедицію, къ пріятелю его отца князю Юсупову. Тамъ же былъ записанъ и старшій братъ его. Конечно, эта служба была мнимая; ни тотъ, ни другой на нее не явились. Они подписали бумагу, и больше о своей службѣ ничего не слыхали. Только время отъ времени являлся отъ князя чиновникъ сообщить, что полученъ ими такой-то чинъ.

Иванъ Алексѣевичъ совѣтовалъ Сашѣ, вмѣсто университета, слушать лекціи комитетскія, которыя читались профессорами для чиновниковъ. Саша отказался отъ этого, какъ отъ дилетантизма, и объявилъ, что онъ желаетъ быть студентомъ на общихъ основаніяхъ, и что если служба будетъ этому препятствіемъ, то онъ выйдетъ въ отставку. Но такъ какъ до университета было еще далеко, то и разговоры объ этомъ предметѣ кончились ничѣмъ.

Осенью получили письмо отъ моего отца. Онъ просилъ отпустить меня домой и увѣдомлялъ, что скоро вышлетъ экипажъ за мною.

Вѣсть эта всѣхъ встревожила; просили Ивана Алексѣевича не отпускать меня. Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ моему отцу, что хотя для него воля родителей священна, но онъ не видитъ

достаточной причины ѣхать мнѣ въ Корчеву; между тѣмъ, какъ въ его домѣ я имѣю всѣ средства полезно проводить время.

На это отецъ мой объяснилъ, почему мнѣ слѣдуетъ ѣхать въ Корчеву. Дѣло было въ томъ, что онъ, по привычкѣ ли къ независимости, или по недостатку взаимной симпатіи, съ женой не ужился и переселился въ Тверь. Женѣ же, родившейся отъ нея дочери и на содержаніе прислуги давалъ такъ мало, что она, для бо̀льшаго обезпеченія себя и ребенка, рѣшилась взять нѣсколько учениць. Заниматься съ ними одной было затруднительно, и она просила привезти меня ей на помощь. Открытіе учебнаго заведенія отцу не нравилось, самолюбіе его страдало; но такъ какъ оно избавляло его отъ излишнихъ расходовъ, то онъ не перечилъ и обѣщалъ меня немедленно выписать.

Послѣ этого я должна была разстаться съ домомъ Ивана Алексѣевича. Слезъ было довольно. Я не ѣхала,—меня везли.

ГЛАВА XIV.

По пріѣздѣ моемъ домой, мачиха встрѣтила меня ласково. Между прочими разговорами она объяснила мнѣ, почему взяла себѣ учениць, и «ты также, сказала она, раздѣляя мои труды, будешь получать долю изъ дохода за нихъ; на помощь же отца не разсчитывай».

Слова Л—ты М—ны казались мнѣ странны и напрасны. Мнѣ еще не приходилось и думать о томъ, о чемъ она говорила.

На другой день, поутру, Л—та М—на вмѣстѣ со мной вошла въ классную. Тамъ, на крашеныхъ скамейкахъ, тихо сидѣло нѣсколько дѣвочекъ передъ длинными узкими столами. Увидя насъ, онѣ робко встали, и сдѣлали по глубокому реверансу. Нѣкоторыя дѣвочки были лѣтъ по 13-ти, а меньшія отъ восьми до десяти. Начался урокъ. Л—та М—на спрашивала, объясняла строго, но съ толкомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, и показывала мнѣ манеру преподаванія. Предметомъ ея преподаванія былъ французскій языкъ, которымъ она владѣла въ совершенствѣ.

Когда урокъ кончился, я осталась съ дѣтьми до обѣда. Мы поняли другъ друга и сблизились.

Первое время, по пріѣздѣ въ Корчеву, я чувствовала страшную тоску и пустоту. Мнѣ казалось, я попала въ міръ новый, въ міръ чуждый мнѣ. Осмотрѣвшись не много, стала стараться

привести себя въ какой-нибудь уровень съ окружавшимъ меня, и опредѣлить свои отношенія къ лицамъ не только нашего дома, но и довольно многочисленныхъ знакомыхъ. Это мнѣ было трудно. Провинціальная жизнь меня отталкивала пустотой и мелочностью содержанія. Пользуясь своей обязанностію, я рѣшила почти нигдѣ не бывать, и весь нравственный интересъ свой сосредоточить на занятіяхъ съ ученицами и на перепискѣ съ Сашей. Л—та М—на, видя, съ какимъ рвеніемъ принялась я за дѣло, предоставила дѣтей мнѣ почти исключительно. Я создала себѣ жизнь совсѣмъ отдѣльную, не похожую ни на что, окружавшее меня.

Дѣтей я не стала томить правилами чистописанія и правописанія, а начала говорить имъ, какіе были и есть писатели; читала отрывки изъ ихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, давала учить на память, старшимъ—поэмы, баллады, маленькимъ—аппологи и басни. По примѣру Ивана Евдокимовича, изъ древней исторіи разсказывала историческія событія съ гражданскими подвигами; очерчивала лица, мѣстности, гдѣ совершались событія; подъ вліяніемъ разыгравшагося воображенія дополняла своимъ сочиненіемъ. Рѣшалась объяснять даже философскія системы, сама ихъ хорошо не зная и не понимая. Ландкарты мы разсматривали не столько съ географіей въ рукахъ, сколько съ путешествіями. Конечно, въ моемъ преподаваніи не было ни порядка, ни системы, ни цѣльности, одно путалось съ другимъ; но въ этой путаницѣ чувствовалась жизнь и какъ-то шло въ прокъ. Въ исторіи мы вертѣлись больше около Греціи. При помощи молодаго анахарсиса, я коротко познакомила ихъ съ древней Греціей. Спарта до того понравилась, что всѣмъ захотѣлось быть такими же сильными, смѣлыми и твердыми духомъ, какъ спартанки; для достиженія этихъ свойствъ взяты были многія мѣры. Къ числу этихъ мѣръ принадлежали: окачиваніе холодной водой, прогулка босикомъ по росѣ, по дождю, отреченіе отъ чая, отъ лакомствъ, отъ ссоръ и отъ слезъ. Сверхъ разныхъ наукъ, я учила дѣтей играть на фортепіано, рисовать, танцовать и устроивала изъ нихъ балеты и спектакли для своего удовольствія. Лѣтомъ лекціи мои перенесены были въ садъ. Было у меня и aide de camp, любимая моя подруга, дочь корчевскаго протопопа Маша. Мы съ ней подружились съ дѣтства черезъ

плетень, раздѣлявшій наши огороды. Я Машу по своему просвѣщала чтеніемъ, ученіемъ и интимными разговорами. Она была предана мнѣ безгранично, смотрѣла моими глазами, думала на мой ладъ. Цѣны труда и денегъ я еще не понимала. Получая плату за ученицъ, я накупала себѣ, Машѣ и дѣтямъ цвѣтовъ, ягодъ, сахарной патоки, тверскихъ пряниковъ, въ видѣ рыбъ, съ хвостами впрямъ, и съ хвостами кольцомъ; выписала нѣсколько книгъ, вообще же деньги у меня шли дурно, какъ говорится въ народѣ.

Когда дѣтей распустили на вакацію, я стала бывать больше у тетушки и ѣздить съ ней къ деревенскимъ сосѣдямъ. Чаще другихъ мы посѣщали семейство Р.... Тамъ было нѣсколько дочерей, подходящихъ къ моему возрасту, хорошенькихъ, умненькихъ, бойкихъ и живыхъ. Ихъ томили стѣснительные нравы женщинъ того времени, и онѣ отвоевали себѣ полную свободу, предполагая, что удалая жизнь уравняетъ ихъ положеніе съ независимымъ положеніемъ мужчинъ. Онѣ, вопреки общественному приличію, ѣздили однѣ по сосѣдямъ, часто на бѣговыхъ дрожкахъ, безъ кучера, сами управляя лошадью; или, стоя на телѣгѣ — неслись на лихой тройкѣ, скакали верхомъ, товарищески вступали въ разговоры и споры съ мужчинами. Этого рода явленія встрѣчались и въ другихъ семействахъ. Я знала одну очень милую, умную дѣвушку, которая думала найдти свободное положеніе и права мужчины, усвоивши ихъ костюмъ и манеры. Утрами она надѣвала мужской халатъ, и пивши изъ стакана чай, курила трубку на длиннѣйшемъ чубукѣ. Обувалась въ мужскіе сапоги, волосы стригла; покрой платья ея намекалъ на одежду мужчины. Пріемы ея, разговоръ, голосъ — все было подражаніе молодымъ людямъ. Вечерами она ходила по улицамъ въ военной шинели, и на вопросъ буточниковъ: «кто идетъ?» отвѣчала: «солдатъ». Собравшись въ гости къ роднымъ или близкимъ знакомымъ, когда становилось темно, она надѣвала мужское платье, на голову фуражку, садилась верхомъ на дрожки и отправлялась. Эта удаль, это ребяческое подражаніе мужчинѣ, это исканіе чего-то, уже содержали въ себѣ зародышъ протеста противъ отжившаго порядка вещей.

За этимъ дѣтскимъ, безотчетнымъ протестомъ, въ сороковыхъ годахъ, явился протестъ болѣе яркій, хотя такой же безсозна-

тельный. Изъ раззолоченныхъ гостинныхъ, изъ бальныхъ залъ выступилъ цѣлый рядъ вакханокъ въ рестораны, гдѣ среди шумныхъ оргій, со стаканами шампанскаго въ аристократическихъ рукахъ, презирая всѣ приличія, сбросивши всѣ маски и вуали, въ знакъ презрѣнія къ общественному мнѣнію, онѣ подражали разгулу и кутежамъ мужчинъ.

Новая, зарождавшаяся жизнь, какъ весенній воздухъ, проникая повсюду, не просвѣщала еще, а опьяняла головы. Подъ вліяніемъ этого вѣянія, чувствовалась подавленность воли и самобытности; чувствовалось, что есть жизнь другая—и имъ хотѣлось этой другой жизни; но какая она внѣ кутежа—понять не могли, и не освобождались, а разнуздывались, и доходили не до свободы, а до распущенности.

Возмущеніе ихъ было полно избалованности, каприза, кокетства. Эти травіаты не пропадутъ для исторіи. Онѣ составляютъ веселую, разгульную, авангардную шерингу, за которой выдвигается многочисленная шеринга молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, въ простой одеждѣ, съ лекціями въ рукахъ.

Травіатъ, съ упоительными балами и шумными оргіями, смѣнили академическая аудиторія, анатомическій залъ, гдѣ дѣвушки изучаютъ тайны природы, забывая различіе половъ передъ истинами науки.

Камеліи шли отъ неопредѣленнаго желанія, отъ негодованія, отъ волненія и доходили до пресыщенія. Другія—идутъ отъ идеи, въ которую вѣрятъ. Жаль только, что съ прямаго пути онѣ заворачивали на проселки. Заявляя права женщины и исполняя обязанности, налагаемыя вѣрой въ общемъ, въ частности онѣ падали до распущенности камелій съ гербами, травіатъ съ жемчугомъ. Съ той только разницей, что падали отъ опредѣленной идеи.

Однѣ уже извѣстны замѣчательными успѣхами въ химіи, другія возвратились съ дипломами на доктора медицины—и слава имъ!

Понятно, какое негодованіе, какое сожалѣніе объ уходящихъ формахъ жизни рождалось и еще рождается при подобныхъ явленіяхъ. Примирить можетъ время, а исторія—пояснитъ, что женщина не могла освободиться изъ-подъ гнета того порядка вещей, гдѣ требованія души ея не находили признанія иначе, какъ отрицаніемъ его, безпощадной ломкой. Вмѣстѣ съ отживающими

временными формами жизни, не щадятся и основныя истины жизни, какъ общественной, такъ и частной. Но для истины—смерти нѣтъ. Каждый разъ изъ-за, обломковъ временнаго, она выступаетъ съ бо́льшимъ блескомъ и отчетливостію.

Въ продолженіе года, проведеннаго въ Корчевѣ, мы съ Сашей безпрерывно переписывались. Жаль, что уцѣлѣли изъ писемъ только немногіе отрывки,—и то случайно. Саша разъ, перечитывая свои письма, взялъ у меня нѣкоторыя, понравившіяся ему юностью идей, свѣжестью картинъ, чтобы помѣстить въ своихъ воспоминаніяхъ, которыя иногда отрывками набрасывалъ. Отдавая ему письма, я опасалась, что они у него затеряются и сдѣлала изъ нихъ выписки.

Первое письмо, полученное мною отъ Саши, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Корчеву, начиналось такъ:

«Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ,
Или навѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное иль пламенный недугъ,
Обманомъ волновалъ мое воображенье.
Ты-ль дѣва нѣжная.....

Сонъ это былъ—или я точно сжималъ твою руку—скажи мнѣ. Долго смотрѣлъ я на ворота, за которыми ты скрылась, походилъ по двору—точно искалъ чего-то,—мертво, холодно. Вошелъ въ свою комнату—холодно, пусто. На всемъ еще лежала печать твоего недавняго присутствія, а тебя нигдѣ не находилъ. Опять одиночество, опять книга, одна книга товарищъ. Взялъ книгу, хотѣлъ читать и не могъ, думалъ, гдѣ-то теперь ты...»

Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ писалъ мнѣ изъ Васильевскаго:

«Какъ ни люблю я деревню, какъ ни хороши поля, лѣса, деревенская свобода, но мнѣ надобенъ другъ, съ которымъ я могъ бы подѣлиться впечатлѣніями, чувствами. Душа моя такъ полна, что мнѣ хотѣлось бы сплавить все въ этотъ листокъ бумаги, который скоро ты будешь держать въ рукахъ....

«Мы живемъ въ новомъ домѣ; что за видъ съ горы, на которой онъ стоитъ, и изъ моей комнаты въ мезонинѣ! Кругомъ видны: деревни, церкви, лѣса и черезъ все—голубая лента рѣки.... Я встаю рано, открываю окно и смотрю, и дышу, или ухожу въ лѣсъ. Онъ начинается сейчасъ за домомъ. Тамъ бросаюсь подъ дерево, громко читаю Шиллера и воображаю себя въ Богемскихъ лѣсахъ. Иногда лежу съ книгой на горѣ, и какъ при-

вольно мнѣ на ней. Передо мной безконечное пространство, и мнѣ кажется, что эта даль—продолженіе меня, что гора, со всѣмъ окружающимъ меня, мое тѣло, и мнѣ слышится ея пульсъ, какъ въ живомъ организмѣ. Иногда я кажусь себѣ совершенно потеряннымъ въ этой безконечности, листомъ на огромномъ деревѣ, но эта безконечность не давитъ меня. Неужели лучъ солнца, этотъ взглядъ любви Бога-отца на сына—мертвъ? неужели эта рѣка, движущая каждой волной, мертва? и будто не жизнь поднималась отъ горы, разорвала долины оврагами, деревьями устремилась вверхъ, бабочкой оторвалась отъ земли, и во мнѣ созерцаетъ себя. Великій духъ, облекающійся плотію, я молюсь тебѣ горячо и страстно. А лунныя ночи! лѣсъ еще страшнѣе и не пускаетъ лучи подъ тѣнь свою. Надъ рѣкой нависъ густой туманъ, бѣлый, страшный. Сова перекликается съ филиномъ человѣческимъ хохотомъ и дѣтскимъ плачемъ. Вдали свѣтятся двѣ точки—это глаза волка; его уже почуяли собаки въ деревнѣ и заливаются лаемъ. Мужикъ идетъ изъ дальней пустоши и громко стелится его заунывная пѣсня, и издали слышны его шаги. Я иногда въ эти ночи стою одинъ-одинехонекъ, думаю о тебѣ и подсматриваю сонъ природы, и боюсь духъ перевести, чтобы ночь не замѣтила меня».

«Версты полторы за оврагомъ», писалъ мнѣ Саша въ августѣ изъ Васильевскаго, «есть старинные курганы, неизвѣстно кѣмъ и на чьихъ могилахъ насыпанные. На нихъ ростутъ высокія сосны и покрываютъ своей погребальной, непроницаемой тѣнью. Въ народѣ ходитъ слухъ, что тамъ находятся ржавыя вещи, которыя принадлежали какому-то древнему, воинственному народу. Я рылся въ этихъ курганахъ и ничего не нашелъ. Народъ увѣряетъ меня, что страшно ходить мимо ихъ, и безъ крайности никто не ходитъ. Говорятъ, что-то нечисто да есть тутъ. Я увѣряю, что они боятся пустяковъ; но простой народъ разочаровываться не любитъ. Одинъ изъ нашихъ дворовыхъ предложилъ мнѣ, если я не боюсь, идти на курганъ ночью одному, и въ доказательство, что я тамъ былъ, принести черепъ издохшей лошади, валявшійся между дубовыхъ пней. Люди наши повѣсили его на сукъ. Я предложеніе принялъ и въ 12 часовъ ночи, въ это время всѣхъ духовидѣній, я отправился. Бодро перешелъ оврагъ; домъ еще былъ видѣнъ, однако, сердце билось; я безпрестанно

оглядывался и пѣлъ громко пѣсню, чтобъ ободрить себя. Вхожу я въ перелѣсокъ; вѣтеръ дуетъ сильный, деревья безпрестанно мѣняютъ свой видъ, шумятъ—темно. Я спотыкаюсь; кажется, бѣгутъ за мной; кажется, деревья не стоятъ на одномъ мѣстѣ, а переходятъ. Страшно было, страшно, смерть; но мнѣ и въ мысль не приходило возвратиться безъ лошадинаго черепа. Вотъ и курганъ, я осмотрѣлся. Звѣзды горѣли на небѣ. То листъ колыхнется, то ночная птица перепорхнетъ. Гдѣ же страшило, думалъ я, схватилъ свой призъ и быстро побѣжалъ домой; по счастью, въ черепѣ не было змѣи, какъ въ извѣстномъ черепѣ Олегова коня, и я принесъ его, при громкихъ рукоплесканіяхъ Левки цирульника съ братіей. Не сердись, пожалуйста, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ».

Вотъ какъ Саша описывалъ мнѣ возвращеніе изъ деревни въ Москву.

«Глубокая осень, грязь по колѣно; утромъ морозы; работы оканчиваются, одинъ цѣпъ стучитъ въ тактъ. Сборы, инструкціи, какъ окончить работу, какъ собирать оброкъ. Все готово. Является священникъ съ вынутой просвирой; является священника жена съ пирогомъ и бутылкой сливокъ. На дворѣ суета. Староста провожаетъ за десять верстъ, на мірской соврасой лошади, господъ, чтобы убѣдиться въ ихъ отъѣздѣ. Карета вязнетъ въ грязи. Батюшкинъ камердинеръ выходитъ каждый разъ изъ кибитки, когда карета склоняется немного на бокъ и поддерживаетъ ее, а самъ такой щедушный, что десяти фунтовъ не подниметъ. Вотъ Вязема, русская деревня, крытая по-голландски. Вотъ дрогомиловскій мостъ трещитъ подъ колесами, освѣщенныя лавочки, освѣщенные кабаки; калачи горячіе! сайки! и мы дома. Повара жена увидала первая, и суетится, не можетъ найти то отъ того-то ключа, то того, что было подъ ключемъ. Опять развертываются учебныя книги, опять являются учителя—новые учителя, что тебѣ о нихъ сказать? Разумѣется, всѣ они вмѣстѣ были хуже Маршаля. Но скажемъ и о нихъ слово-другое.

Дѣйствующія лица:

1. Василій Ипатовичъ Запольскій—учитель словесности.
2. Иванъ Өедоровичъ Волковъ—учитель математики.
3. Василій Ивановичъ Оболенскій—латинскаго языка.
4. Карлъ Өедоровичъ Мессъ—нѣмецкаго языка.

5. Францъ Николаевичъ Тирье — французскаго языка.
6. Василій Васильевичъ Боголѣповъ — закона Божія.

Большинство изъ нихъ не заслуживаетъ многихъ рѣчей.

Мессъ ужасно пахнулъ водкой, можетъ быть оттого, что издалъ нѣмецко-русскій лексиконъ, очень плохой, и былъ до того близорукъ, что всегда ѣздилъ носомъ по тетрадкѣ, когда поправлялъ переводъ. Тирье зналъ всѣ сплетни московскія, кто съ кѣмъ былъ въ интригѣ, есть, будетъ, былъ-бы. Даже для француза онъ былъ слишкомъ болтливъ. Запольскій самъ интриговалъ всю жизнь. Онъ заставлялъ меня дѣлать выписки изъ Остолопова поэтическаго словаря, множество переводить, щепетильно чистилъ мой слогъ, разсуждалъ Лагарповски о русской литературѣ и, между прочимъ, говорилъ: «великіе люди часто пренебрегаютъ законами, принятыми всѣми; знаете ли, что Карамзинъ не рѣдко употреблялъ въ словахъ вы, вашъ—маленькое *в*; ну, что-жъ послѣ этого говорить о запольскомъ, вотъ ему на зло маленькое земля *з*». Волковъ и Оболенскій интересны особенно по наружности. Въ нихъ повторилась противоположность Бушо и Эка. Иванъ Өедоровичъ Волковъ, учитель гимназіи, зналъ математику до коническихъ сѣченій, и больше ничего не зналъ. Василій Ивановичъ Оболенскій, магистръ университета, зналъ латинскій языкъ, да сверхъ того, omne scibile, кромѣ математики. Не смотря на то, что я уже учился охотно и не боялся учителей, невольный трепетъ пробѣжалъ по членамъ, когда я увидалъ Ивана Өедоровича; онъ подавилъ меня важностію и пышностію своей фигуры, онъ подавилъ меня вышиной, толщиной и шириной; настоящій математикъ, онъ былъ стереометрически огроменъ, огроменъ во всѣ три измѣренія. Когда онъ садился на кушетку, на которой я могъ, свободно протянувшись, лежать, то мнѣ не оставалось мѣста на ней. Одѣвался онъ всегда съ удивительною тщательностію; тангенсомъ, по его жилету висѣла цѣпь, перехваченная какимъ-то обручемъ, обитымъ бирюзою; на этой цѣпи держалъ онъ нортоновскіе каретные часы, превратившіеся въ карманные, взявъ въ разсужденіе содержаніе массы; отъ часовъ шла другая цѣпь по отвѣсной линіи, а на ней болталась цѣлая кунстъ-камера. Въ манишкѣ у него, между прочими рѣдкостями, была булавка съ надписью: «Bruto non numerant», изъ чего я заключилъ, что Ивану Өедоровичу очень не

хотѣлось быть Брутомъ, и боясь, чтобы кто-нибудь его таковымъ не счелъ, онъ, съ своей стороны, счелъ за нужное сдѣлать вывѣску. Въ обоихъ карманахъ у него лежало по платку; стало быть, у него платка не было. Помѣщался у него въ карманѣ серебряный патронтажъ съ табакомъ (табакъ Иванъ Ѳедоровичъ называлъ мерехлюндіумъ). Сверхъ математики, Иванъ Ѳедоровичъ преподавалъ анекдоты изъ своей жизни, въ продолженіе которой онъ былъ даже сержантомъ Преображенскаго полка; и это преподаваніе было очень пространно, могу сейчасъ написать стопы полторы похожденій Ивана Ѳедоровича. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ добрый и я очень обрадовался, увидавъ нечаянно въ газетахъ, что ему дали Станислава. Въ заключеніе скажу, что Иванъ Ѳедоровичъ, для вящей ясности, посвятилъ два урока на вырѣзку изъ картона разныхъ многоугольниковъ, и своей рукой надписалъ по надобности «Икосаедръ, Додекаедръ» ꝙ. Ну, гдѣ же бы безъ этого понять мнѣ! Совсѣмъ иное дѣло магистръ Оболенскій. Какъ полиція позволяетъ ему ходить по улицамъ—непостижимо, crême de lése nation! онъ столько же мало былъ человѣкъ, сколько Иванъ Ѳедоровичъ былъ много человѣкъ. Представьте себѣ филистра вершковъ въ пять, который проглотилъ аршинъ вершковъ въ шесть, и не можетъ ни наклонится, ни согнуться настолько, насколько это желаетъ деревянный Пимперле въ кукольной комедіи; онъ наматывалъ салфетку или какую-то простыню около шеи, оставляя пространство между нею и шеей; такимъ образомъ случалось, что онъ повернется и простыни нѣтъ, только кончики ея, завязанные розеткой, выглядываютъ изъ-подъ воротника фрака, будто у него тамъ спрятанъ кроликъ и хлопаетъ ушами. Жилетъ у него имѣлъ обыкновеніе застегиваться первой петлей на вторую пуговицу, отъ этого терялась послѣдняя симетрія и разстраивалась всякая возможность узнать въ магистрѣ человѣка, особенно, когда онъ надѣвалъ сверхъ фрака длинный сюртукъ, цвѣта гороховаго киселя съ пылью. Онъ похожъ былъ на нѣмецкаго университетскаго ученаго и на горячечнаго въ тихую минуту. Медленныя движенія, померкшіе глаза (des yeux ternes), наносный педантизмъ, невѣдѣніе всего міра реальнаго изъ-за превосходнаго знанія латинскаго и греческаго языковъ, и остермановская разсѣянность. Онъ бездну переучилъ, перечиталъ; но ему рѣ-

шительно наука не пошла въ пользу: онъ какъ скупецъ чахнулъ надъ трудно собранными деньгами, не употребляя ни копѣйки изъ нихъ. Магистру я обязанъ многимъ, но это случилось помимо его воли, и потому не знаю, долженъ ли я его благодарить. Я бралъ у него книги; книги у него всѣ были дѣльныя, особенно по части новой исторіи и нѣмецкой литературы. Наконецъ, онъ принесъ мнѣ Шеллинга,— онъ его уважалъ, но понималъ мало, больше вѣрилъ на слово Михаилу Григорьевичу Павлову.

Отецъ Василій былъ восторженный мистикъ, съ душой раскрытой всему таинственно-изящному. Въ немъ можно было понять служителя церкви Христовой. Я видалъ огонь въ его глазахъ во время преподаванія, видалъ слезы на его глазахъ— во время литургіи. При всемъ этомъ, онъ на меня дѣйствовалъ меньше, нежели этого можно было ожидать. Виной этому были, частію, матеріалистическіе софизмы, учителя́ (исключая Маршаля), которые хвастались своимъ esprit fort, занимавшій меня міръ политическій, непониманіе отношеній религіи къ государству, наконецъ, его мистицизмъ. Я видѣлъ въ Васильѣ Васильевичѣ человѣка отличнаго, высокаго, но увлеченнаго. Если бы онъ принималъ христіанство евангельски просто, если бы онъ не столько объяснялъ мнѣ мистическій характеръ религіи, я увѣренъ, онъ сократилъ бы путь, которымъ я достигъ бы до религіознаго воззрѣнія. Я смотрѣлъ на Василія Васильевича, какъ на блестящій метеоръ, любилъ его, слушалъ et passait outre. Не настал ъ еще часъ религіи въ душѣ моей...»

По пріѣздѣ въ Москву, Саша писалъ мнѣ:

«Я читаю Confession de J. J. Rousseau, эту исповѣдь страдальца, энергической души, вырабатывавшейся черезъ мастерскія часовщиковъ, переднія, пороки до высшаго нравственнаго состоянія, до всепоглощающей любви къ человѣчеству....»

Я еще не читала Руссо, но слыхала, что въ его исповѣди есть грязныя страницы, и отвѣчала Сашѣ:

«Не слишкомъ ли ты еще молодъ для того, чтобы нечистыя картины, которыхъ, я слышала, много въ исповѣди Ж. Ж. Руссо, прошли передъ твоей душой, не забрызгавши грязью!»

Къ несчастію, это письмо попало въ руки Ивана Алексѣе-

вича. Онъ имъ остался чрезвычайно доволенъ и тотчасъ же написалъ мнѣ слѣдующее:

«Любезная Танюша! Я прочелъ твое письмо къ Шушкѣ; во всемъ, что ты пишешь относительно Ивана Яковлевича Руссо, я съ тобою согласенъ и тебя за письмо благодарю. Кто моему ребенку открываетъ глаза, тотъ меня одолжаетъ.

«Сегодня пишу твоему батюшкѣ и прошу его отпустить тебя къ намъ, пользоваться уроками вмѣстѣ съ «Шушкой». Съ ученицами можетъ заняться твоя мачиха, а для тебя довольно, и долѣе можетъ быть вредно. Обнимаю тебя. Иванъ Яковлевъ».

Сашѣ мое письмо не понравилось. Онъ взбѣсился и писалъ мнѣ между прочимъ:

«Что это у васъ за страсть читать морали; я теперь, по милости вашего письма, выслушиваю цѣлые дни проповѣди отъ папеньки....»

Осенью рѣшено было, что меня отпускаютъ въ Москву. Какъ только выпалъ снѣгъ, меня отправили къ Ивану Алексѣевичу, въ сопровожденіи служившей мнѣ женщины Екатерины.

Дѣти плакали, провожая меня. Маша, рыдая, обнимала. Мнѣ было жалко ихъ, я сама заплакала; но въ глубинѣ души было свѣтло и какъ-то радостно. Какъ-будто плита падала съ груди моей.

Вечеромъ, подъ Москвою, застала насъ сильная мятель. Занесенныя снѣгомъ, мы въѣхали во дворъ дома Ивана Алексѣевича. На встрѣчу намъ выбѣжали изъ кухни и изъ комнатъ дворовые люди съ фонаремъ и свѣчами. Ночь была темная, хоть глазъ выколи; снѣгъ сыпалъ клочьями и залѣплялъ глаза; порывистый вѣтеръ задувалъ свѣчи. На силу мы выбрались изъ кибитки. Только что я вошла въ комнату и не успѣла еще снять шубы, шарфовъ, въ которые была закутана, и бѣлыхъ, мохнатыхъ сапоговъ, какъ въ переднюю стремглавъ вбѣжалъ Саша и бросился мнѣ на шею.

Какъ хорошо, пріютно было мнѣ среди друзей, послѣ долгой разлуки; какъ хорошо было въ свѣтлой, теплой комнатѣ, послѣ ночи въ полѣ, кибитки и мятели! Мы говорили всѣ вмѣстѣ, хотѣлось столько высказать, смѣялись, бранились, пили горячій чай и ѣли. Улыбка тихая, полная счастья, почти не сходила съ лица Саши. Въ немъ видѣнъ былъ уже юноша; онъ выросъ,

возмужалъ, во взорѣ свѣтилась опредѣлившаяся мысль и какая-то томность; въ голосѣ была перемѣна. Я шутила надъ его зеленоватаго цвѣта сюртучкомъ, изъ рукавовъ котораго руки его значительно выросли; онъ отшучивался и смущался нѣсколько. Рукава были на вершокъ короче рукъ. Воротъ рубашки еще раскинутъ и безъ галстуха, не смотря на то, что надъ верхней губой начиналъ пробиваться едва замѣтный пухъ и онъ, краснѣя, безпрестанно щипалъ его рукою.

— Что же мы не идемъ на верхъ, къ деръ-Геру (такъ мы называли Ивана Алексѣевича), онъ вѣрно всталъ уже, говорила я, пойдемте къ нему.

— «Нѣтъ, онъ еще не вставалъ, отвѣчалъ Саша; и что вы такъ торопитесь, успѣете. Вѣрно думаете, что за Жанъ Жака Руссо онъ ужъ такъ вамъ благодаренъ, что и гонки не будетъ— успокойтесь!»

Въ продолженіе этой зимы я брала уроки, вмѣстѣ съ Сашей, у нѣкоторыхъ изъ учителей его, да сверхъ того, ѣздила два раза въ недѣлю брать уроки музыки къ А. Н. Каризнѣ, отличной музыкантшѣ. Иванъ Алексѣевичъ зналъ, что Саша не любилъ танцевъ, и потому, какъ только находило на него дурное расположеніе духа, грозилъ взять намъ учителя танцевъ, съ добавленіемъ учителя декламаціи.

Самое затруднительное положеніе для насъ было подавать Ивану Алексѣевичу десять билетовъ, чтобы получить за нихъ деньги для уплаты учителю. Тутъ начиналась исторія съ того, что мы не дѣлаемъ успѣховъ и онъ деньги бросаетъ даромъ; что учителя, видя какъ мы мало расположены пользоваться ихъ знаніями, не внимательны, плохо исполняютъ свою обязанность. Тутъ переходъ дѣлался къ учителямъ, не только настоящаго, но прошедшаго времени. Представлялъ, какъ Иванъ Евдокимовичъ ходитъ съ растрепанными волосами и изступленнымъ видомъ; говорилъ Волтѐръ, вмѣсто Вольтеръ; Бушо глядѣлъ якобинцемъ, у Оболенскаго всѣ признаки безумія; Запольскаго называлъ Сигмунтовскимъ, Волкова—Крестовскимъ... Натѣшившись надъ всѣми, съ недовольной миной—Иванъ Алексѣевичъ выдавалъ наконецъ деньги.

Т. П. Пассекъ.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА,

придворный бытъ и забавы [1]).

1730—1740.

Императрица Анна Іоанновна вступила на престолъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, испытавъ до этого много горя, непріятностей и униженій. Съ дѣтства не любимая матерью, она выросла на рукахъ мамокъ, среди распущенной дворни и разнаго рода ханжей, юродивыхъ и святошъ, постоянно наполнявшихъ домъ царицы Прасковьи Өеодоровны, прозванный Петромъ Великимъ—госпиталемъ всевозможныхъ уродовъ и пустосвятовъ. Хотя царица и нанимала для своихъ дочерей учителей-иностранцевъ: нѣмца Іоанна-Дидриха Остермана и француза Рамбурха, но ученіе этихъ педагоговъ не принесло царевнамъ никакой пользы; по крайней мѣрѣ, Анна Іоанновна, не смотря на то, что впослѣдствіи долгое время жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, никогда не выучилась говорить по-нѣмецки и только могла понимать, когда при ней говорили на этомъ языкѣ. Семнадцати лѣтъ, Анна Іоанновна была выдана замужъ за герцога Курляндскаго Фрид-

---

[1]) Источники: «Записки графа Миниха-сына». Спб., 1817, стр. 175—187. — «Записки о родѣ князей Голицыныхъ». Серчевскаго. Спб., 1853, стр. 39.— «Записки княгини Е. Р. Дашковой». Лондонъ, 1859, стр. 72—74.—«Memoires sur la Russie du général Manstejn». Paris, 1860, t. I, pg. 95—99.—«Memoires du prince Pierre Dolgoroukow». Génève, 1867, t. I, pg. 380—384.— «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» князя Щербатова, «Рус. Старина», изд. 1870, т. II, стр. 52—56.— «Подлинное описаніе Ледянаго дома»—Георга Крафта. Спб., 1741.— «Исторія Россія»—Соловьева. М., 1869, ч. XIX, стр. 269 и 323.—«Сочиненія Державина», изд. Грота. Спб., 1868, ч. I, стр. 100, (примѣч. къ одѣ Фелица).—«А. П. Волынскій»; ст. Шишкина, «Отеч. Зап.» 1860, №№ 2 и 3.—«О придворныхъ шутахъ временъ Анны Іоанновны»; біографическія замѣтки М. Н. Лонгинова, «Моск. Вѣд.» 1857, №№ 132 и 135.—«Русскій Архивъ», 1864, стр. 261—265.— «Семейство Монсовъ», монографія М. И. Семевскаго, Спб., 1862, стр. 116—172. «Ледяной домъ», статья М. И. Семевскаго, въ «Общезаним. Вѣстникѣ» 1857, № 16.—«Царица Прасковья», монографія М. И. Семевскаго. Спб., 1861 г.

риха-Вильгельма и черезъ два мѣсяца послѣ брака овдовѣла. Петръ Великій поселилъ молодую вдову въ Митавѣ, подъ надзоромъ гофмейстера Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, и приказалъ отпускать ей на содержаніе изъ курляндскихъ доходовъ „столько, безъ чего прожить нельзя“, такъ что герцогиня всегда нуждалась въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ должна была прибѣгать къ униженнымъ просьбамъ и займамъ. Раннее и бездѣтное вдовство въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которой спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны Іоанновны игрушку политическихъ соображеній. Она стала невѣстой всѣхъ бѣдныхъ принцевъ, старавшихся получить Курляндію въ приданое; планы о ея бракѣ составлялись и раздѣлывались, смотря по отношеніямъ между Россіей, Польшей и Пруссіей. Положеніе герцогини, тягостное при ея великомъ дядѣ, распоряжавшемся домашними дѣлами племянницы, какъ своими собственными, не улучшилось ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II. Она встрѣчала всюду только одни препятствія и огорченія. За близкія отношенія къ Бестужеву родная мать, на которую дочь очень походила жестокостью нрава, чуть не прокляла ее; понравился принцъ Морицъ Саксонскій, но Меншиковъ, не взирая на „великія слезы“ и мольбы герцогини, разстроилъ этотъ бракъ изъ своихъ личныхъ выгодъ; связь съ Бирономъ повлекла къ непріятной исторіи съ Бестужевымъ и возбудила неудовольствіе и оскорбительныя выходки курляндской аристократіи. Унизительная роль, которую Аннѣ Іоанновнѣ приходилось играть такъ долго, была особенно чувствительна для нея, одаренной отъ природы характеромъ жестокимъ, гордымъ и властолюбивымъ. На тридцать седьмомъ году, судьба, казалось, улыбнулась ей: „благородное россійское шляхетство“ избрало ее императрицей; однако, и тутъ примѣшалось неожиданное препятствіе: вмѣстѣ съ актомъ избранія, депутаты привезли въ Митаву ограничительные пункты и требованіе, чтобъ любимый человѣкъ не смѣлъ являться въ Россію. Наконецъ, Аннѣ Іоанновнѣ удалось разорвать связывавшія ее путы и сдѣлаться самодержавной; но тутъ въ сердце пожилой императрицѣ, и безъ того наполненное горькими воспоминаніями, вкралось новое, роковое сомнѣніе: дадутъ ли спокойно пользоваться властью? Благодаря энергическому движенію гвардіи, пункты, ограничивавшіе самодержавіе, были уничтожены; но между знатными и сильными людьми осталось много недовольныхъ; при всякомъ удобномъ случаѣ, къ нимъ огли пристать и другіе, а въ Голштиніи росъ опасный соперникъ— родной внукъ Петра Великаго! Стремясь удержаться на престолѣ, Анна Іоанновна, по необходимости, должна была сосредоточить власть въ рукахъ людей вполнѣ ей преданныхъ, интересы которыхъ были

тѣсно связаны съ ея интересами и которымъ грозила неминуемая бѣда, еслибъ власть перешла въ руки русской знати. Эти люди были иностранцы. Но возвышенiемъ иноземцевъ, и особенно одного изъ нихъ, не имѣвшаго въ глазахъ народа никакихъ правъ на возвышенiе, оскорблялись русскiе. Анна Iоанновна, при своемъ не оспоримомъ умѣ, конечно, сознавала это, и потому не могла быть спокойной. Она жила въ постоянномъ страхѣ, тревожно и подозрительно осматриваясь по сторонамъ. Чтобы успокоиться и забыться среди тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для женщины не способной, подобно Аннѣ Iоанновнѣ, уходить во внутреннiй мiръ души и вызывать оттуда успокоенiе, оставалось одно средство,—внѣшнiя развлеченiя, празднества, окруженiе себя существами, которыя развлекали бы каждую минуту и гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство.

Русскiй дворъ, отличавшiйся при Петрѣ Великомъ своею малочисленностiю и простотой обычаевъ, совершенно преобразился при Аннѣ Iоанновнѣ. Императрица хотѣла непремѣнно, чтобы дворъ ея не уступалъ въ пышности и великолѣпiи всѣмъ другимъ европейскимъ дворамъ. Она учредила множество новыхъ придворныхъ должностей; завела итальянскую оперу, балетъ, нѣмецкую труппу и два оркестра музыки, для которыхъ выписывались изъ-за границы лучшiе артисты того времени; приказала выстроить, вмѣсто довольно тѣснаго императорскаго зимняго дома, большой трехъ-этажный каменный дворецъ, вмѣщавшiй въ себѣ церковь, театръ, роскошно отдѣланную тронную залу и семдесятъ покоевъ разной величины. Торжественные прiемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминацiи, фейерверки и тому подобныя увеселенiя, слѣдовали при дворѣ безпрерывно одни за другими. Любовь императрицы къ пышности и блеску не только истощала государственную казну, но вовлекала въ громадные расходы придворныхъ и вельможъ. „Придворные чины и служители",—говоритъ въ своихъ запискахъ Минихъ-сынъ, „не могли сдѣлать лучшаго уваженiя государынѣ, какъ если въ дни ея рожденiя, тезоименитства и коронованiя, каждогодно праздновавшiеся съ великимъ торжествомъ, прiѣзжали во дворецъ въ новыхъ и богатыхъ платьяхъ". Разумѣется, лица, имѣвшiя доступъ ко двору, соревнуя другъ передъ другомъ, лѣзли, какъ говорится, изъ кожи, чтобъ угодить императрицѣ и обратить на себя ея вниманiе. Многiе изъ нихъ въ короткое время проживались совершенно, раззоряли свои имѣнiя и затѣмъ, для добыванiя средствъ, обращались къ казнокрадству, которое развилось до поражающихъ размѣровъ. Роскошь и мотовство, поощряемые государыней, стали считаться достоинствомъ, дававшимъ болѣе правъ на почетъ и возвышенiе, нежели истинныя заслуги. При дворѣ велись

азартныя игры и нерѣдко въ одну ставку въ фараонъ или кинце (Quinze) проигрывалось до двадцати тысячъ рублей. Сама императрица не была пристрастна къ игрѣ, и если играла, то для того, чтобы проиграть. Въ такихъ случаяхъ, она держала банкъ и ставить могли лишь тѣ, кого она называла. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго императрица никогда не требовала уплаты. Попойки, которыми прежде непремѣнно оканчивались всякія торжества и собранія, теперь были совершенно изгнаны изъ придворныхъ обычаевъ, потому что Анна Іоанновна не могла видѣть и боялась пьяныхъ. Только одинъ день въ году, какъ исключеніе, посвящался Бахусу, именно 19-го января, когда праздновалось восшествіе на престолъ императрицы. Въ этотъ день каждый изъ придворныхъ даже былъ обязанъ, опустившись на одно колѣно передъ государыней, выпить огромный стаканъ венгерскаго вина. Впрочемъ, случалось иногда, послѣ военныхъ экзерцицій или въ навечеріе большихъ праздниковъ, что императрица сама подносила по бокалу вина придворнымъ и гвардейскимъ офицерамъ, являвшимся для цѣлованія ея руки.

Извѣстно, что господствующей страстью Бирона были лошади. По его желанію, знаменитый архитекторъ Растрелли воздвигнулъ, вблизи дворца, огромный манежъ, или, какъ тогда называли, „конскую школу“, содержаніе которой обходилось казнѣ ежегодно до 100,000 рублей. Анна Іоанновна, посѣщавшая манежъ сперва изъ угожденія своему любимцу, потомъ сама пристрастилась къ лошадямъ и, не смотря на свои сорокъ лѣтъ и полноту, даже выучилась ѣздить верхомъ. Въ манежѣ для нея была отдѣлана особая комната, гдѣ она не рѣдко занималась дѣлами и давала аудіенціи. Кромѣ того, императрица очень любила охоту и стрѣльбу изъ ружей, въ чемъ пріобрѣла такую снаровку, что безъ промаха попадала въ цѣль и на лету убивала птицъ. Во внутреннихъ покояхъ Анны Іоанновны всегда стояли заряженныя ружья, изъ которыхъ она стрѣляла, черезъ окна, въ мимолетавшихъ ласточекъ, воробьевъ, галокъ и т. п. Въ Петергофѣ и другихъ окрестностяхъ Петербурга были выстроены звѣринцы, наполненные всякаго рода туземными и чужеземными звѣрями и птицами. Всѣмъ вѣрноподданнымъ именными указами вмѣнялось въ непремѣнную обязанность ловить, размножать и присылать въ императорскіе звѣринцы дикихъ животныхъ. При дворѣ была учреждена призовая стрѣльба, а въ галлереѣ дворца устроенъ тиръ, гдѣ зимними вечерами, при яркомъ освѣщеніи, Анна Іоанновна практиковалась изъ винтовки. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ того времени изобилуютъ извѣстіями объ охотничьихъ подвигахъ императрицы.

Анна Іоанновна присутствовала постоянно на всѣхъ придворныхъ

увеселеніяхъ; но болѣе всего любила проводить время въ комнатахъ своего любимца или у себя въ опочивальнѣ, среди своихъ шутовъ и приживалокъ, которыхъ состояло при ней множество. Они были обязаны болтать безъ умолку, и императрица просиживала цѣлые часы, забавляясь ихъ болтовней и кривляньями. Личностей, обладавшихъ, завиднымъ для многихъ изъ тогдашнихъ придворныхъ, даромъ говорить, не уставая, всякій вздоръ, розыскивали по всей Россіи и немедленно препровождали ко двору. Въ государственномъ архивѣ сохранилось нѣсколько собственноручныхъ писемъ Анны Іоанновны, доказывающихъ заботливость ея о пополненіи своего интимнаго штата разными болтуньями и дурами. Такъ, напримѣръ, императрица писала въ Москву: „у вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я беру ее изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы, какъ сказываютъ, что она много говоритъ". Въ другой разъ государыня писала въ Переяславль: „Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну; ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сорока и также-бъ говорливы, какъ та, Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Анисья" (Мещерскія).

Въ свои фрейлины Анна Іоанновна выбирала преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя имѣли хорошіе голоса. Въ тѣ вечера, когда при дворѣ не назначалось никакихъ увеселеній, фрейлины должны были сидѣть въ комнатѣ, сосѣдней съ опочивальной императрицы, и заниматься разными рукодѣліями, вышиваніемъ и вязаніемъ. Позабавившись съ шутами и приживалками, Анна Іоанновна обыкновенно отворяла дверь въ комнату фрейлинъ и говорила: „ну, дѣвки, пойте!" и дѣвки пѣли до тѣхъ поръ, пока государыня не кричала: „довольно!" Иногда Анна Іоанновна требовала къ себѣ гвардейскихъ солдатъ съ ихъ женами и приказывала имъ плясать по-русски и водить хороводы, въ которыхъ не рѣдко принимали участіе присутствовавшіе вельможи и даже члены царской фамиліи. Императрица не чуждалась и литературныхъ забавъ: узнавъ какъ-то, что извѣстный профессоръ элоквенціи, В. К. Тредьяковскій, написалъ стихотвореніе игриваго содержанія, она призвала автора къ себѣ и велѣла ему прочитать свое произведеніе. Тредьяковскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ чтеніи: „Имѣлъ счастіе читать государынѣ императрицѣ, у камина, стоя на

колѣняхъ передъ ея императорскимъ величествомъ; и по окончаніи онаго чтенія удостоился получить изъ собственныхъ ея императорскаго величества рукъ всемилостивѣйшую оплеушину".

Анна Іоанновна, вообще, была очень строга къ своимъ приближеннымъ и обращалась съ ними крайне сурово. Такъ, напримѣръ, однажды двѣ фрейлины, сестры Салтыковы, которыхъ она заставила пѣть цѣлый вечеръ, осмѣлились, наконецъ, замѣтить ей, что онѣ уже много пѣли и устали. Императрица, не терпѣвшая никакихъ возраженій, до такой степени разгнѣвалась на бѣдныхъ дѣвушекъ, что тутъ же прибила ихъ и отправила на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачешномъ дворѣ. Въ другой разъ, Анна Іоанновна, находясь не въ духѣ, вздумала разсѣять себя зрѣлищемъ какого-то танца. Она тотчасъ же послала за четырьмя, извѣстными въ то время, петербургскими красавицами и приказала имъ исполнить танецъ въ своемъ присутствіи. Дамы начали танцовать, но смущенныя грознымъ видомъ государыни, смѣшались, перепутали фигуры и въ нерѣшимости остановились. Императрица молча поднялась со своего кресла, подошла къ помертвѣвшимъ отъ страха танцоркамъ, отвѣсила каждой по почещинѣ и за тѣмъ, возвратясь на мѣсто, велѣла снова начать танецъ. Анна Іоанновна весьма благоволила къ статсъ-дамѣ графинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой, умѣвшей хорошо разсказывать разныя городскія новости и анекдоты; но, не смотря на это, никогда не позволяла ей садиться при себѣ. Однажды Чернышева, разговаривая съ императрицей, почувствовала себя не хорошо и едва могла стоять на ногахъ. Анна Іоанновна, замѣтивъ это, сказала своей собесѣдницѣ: „ты можешь опереться на столъ, служанка заслонитъ тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы".

Шуты при дворѣ Анны Іоанновны не имѣли того значенія, которымъ пользовались при Петрѣ Великомъ. Петръ держалъ шутовъ не для собственной только забавы и увеселенія, но какъ одно изъ орудій насмѣшки, употреблявшейся имъ иногда противъ грубыхъ предразсудковъ и невѣжества, коренившихся въ тогдашнемъ обществѣ. Шуты Петра очень часто рѣзкой и ядовитой остротой клеймили пороки и обнаруживали злоупотребленія лицъ, даже самыхъ близкихъ къ государю. Когда вельможи жаловались Петру на слишкомъ безцеремонное обхожденіе шутовъ, онъ отвѣчалъ: „что вы хотите, чтобы я съ ними сдѣлалъ? вѣдь они дураки!" Шуты Анны Іоанновны не смѣли никому высказывать правды въ глаза и, по доброй волѣ или принужденію, исполняли роль простыхъ скомороховъ, потѣшая свою повелительницу забавными выходками, паясничествомъ, сказками и прибаутками. По свидѣтельству Державина, всякій разъ, какъ императрица

слушала обѣдню въ придворной церкви, шуты ея садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей нужно было проходить во внутренніе покои, и кудахтали, подражая насѣдкамъ. Иногда государыня заставляла ихъ становиться гуськомъ, лицомъ къ стѣнѣ и, по очереди, толкать одинъ другаго изъ всей силы; шуты приходили въ азартъ, дрались, таскали другъ друга за волосы и царапались до крови. Императрица, а за ней и весь дворъ, восхищались такимъ зрѣлищемъ и помирали со смѣху. Разъ, кто-то изъ шутовъ, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, отказался отъ подобной забавы и былъ за это немедленно и жестоко наказанъ батогами. Анна Іоанновна учредила для поощренія и награжденія своихъ шутовъ особый миніатюрный орденъ „св. Бенедикта", весьма похожій на крестъ св. Александра Невскаго и носившійся въ петлицѣ на красной лентѣ.

Всѣхъ придворныхъ шутовъ при императрицѣ находилось шесть человѣкъ: Балакиревъ и д'Акоста, наслѣдованные ею отъ Петра Великаго, Педрилло, графъ Апраксинъ, князь Волконскій и князь Голицынъ.

Иванъ Емельяновичъ Балакиревъ, сынъ бѣднаго дворянина, былъ сперва стряпчимъ въ Хутынскомъ монастырѣ, близь Новгорода, а потомъ, вытребованный въ 1718 году наравнѣ съ другими дворянами въ Петербургъ на службу, опредѣленъ „къ инженерному ученію". Въ столицѣ онъ случайно познакомился съ царскимъ любимцемъ, камергеромъ Монсомъ, понравился ему своимъ веселымъ характеромъ, балагурствомъ и находчивостію, и сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ. Монсъ, уже владѣвшій тогда сердцемъ императрицы Екатерины I, доставилъ Балакиреву мѣсто придворнаго камеръ-лакея, сносился черезъ него съ царицей, поручалъ ему вывѣдывать и выслушивать придворныя новости и разговоры и при его содѣйствіи продавалъ разнымъ лицамъ свои услуги и заступничество. Прикинувшись шутомъ, бывшій стряпчій съумѣлъ обратить на себя вниманіе Петра Великаго, и получилъ право острить и дурачиться въ его присутствіи. Однако, Балакиреву пришлось не долго пользоваться выгодами своего новаго положенія. Арестованный въ 1724 году, вмѣстѣ съ Монсомъ, онъ подвергся пыткѣ и за „разныя плутовства" наказанъ нещадно батогами и сосланъ въ Рогервикъ, въ крѣпостныя работы. По вступленіи на престолъ Екатерины I, Балакиревъ былъ возвращенъ изъ ссылки и опредѣленъ въ преображенскій полкъ солдатомъ. Не смотря на всѣ старанія и хлопоты, онъ только въ царствованіе Анны Іоанновны попалъ снова ко двору и получилъ званіе придворнаго шута. Многочисленные анекдоты о немъ, изданные нѣсколько разъ и во множествѣ экземпляровъ, большею частію выду-

маны или заимствованы изъ польскихъ книжонокъ подобнаго же содержанія. По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ современныхъ Петру Великому писателей, разсказывая о царскихъ забавахъ и шутахъ, даже не упоминаетъ имени Балакирева.

Янъ д'Акоста, португальскій жидъ, нѣсколько лѣтъ странствовалъ по Европѣ, перебиваясь мелкими аферами; держалъ маклерскую контору въ Гамбургѣ, и наконецъ, присталъ въ качествѣ шута къ бывшему тамъ русскому резиденту, съ которымъ и пріѣхалъ въ Россію. Смѣшная фигура, умѣнье говорить по немногу на всѣхъ европейскихъ языкахъ и, свойственная еврейскому племени, способность поддѣлаться и угодить каждому, доставили ему скоро мѣсто придворнаго шута. Онъ былъ чрезвычайно хитеръ и превосходно зналъ священное писаніе. Петръ Великій особенно благоволилъ къ д'Акостѣ, любилъ вступать съ нимъ въ богословскіе споры и далъ ему привиллегію получать тысячу рублей за каждый разъ, когда государь забылъ бы провозгласить тостъ за здоровье „семьи Ивана Михайловича" (Головина), т. е. русскаго флота. Тостъ этотъ полагалось пить на всѣхъ празднествахъ и онъ, конечно, никогда не забывался, потому что царскіе деньщики должны были постоянно напоминать о немъ императору. Петръ подарилъ д'Акостѣ безлюдный и песчаный островъ Соммерсъ, одинъ изъ среднихъ острововъ Финскаго залива, а впослѣдствіи наградилъ его за усердную шутовскую службу титуломъ „самоѣдскаго короля".

Пьетро-Мира, обыкновенно звавшійся сокращенно Педрилло, родомъ неаполитанецъ, явился въ Россію въ началѣ царствованія Анны Іоанновны пѣть роли буффа и играть на скрипкѣ въ придворной итальянской оперѣ. Не поладивъ, однако, съ главнымъ оперпымъ капельмейстеромъ Арайео, смѣтливый Педрилло перечислился въ придворные шуты, и такъ удачно исполнялъ свою новую обязанность, что въ короткое время сдѣлался любимцемъ императрицы, и съумѣлъ скопить себѣ изрядный капиталецъ, съ которымъ потомъ благоразумно удалился во свояси. Ловкость Педрилло въ наживаніи денегъ можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота: по какимъ-то разсчетамъ, онъ женился на очень невзрачной дѣвушкѣ; Биронъ, желая, однажды, посмѣяться надъ нимъ по этому поводу, спросилъ его: „Правда-ли, что ты женатъ на козѣ?"—„Не только правда,—отвѣчалъ находчивый шутъ,—но жена моя беременна, и должна на дняхъ родить; я смѣю надѣяться, что ваше высочество будете столь милостивы, что не откажететь, по русскому обычаю, навѣстить родильницу и подарить что-нибудь на зубокъ младенцу". Биронъ захохоталъ и обѣщалъ исполнить его просьбу. Черезъ нѣсколько дней,

Педрилло пришелъ къ Бирону съ радостнымъ лицомъ, и объявилъ, что жена его—коза благополучно разрѣшилась отъ бремени и напомнилъ объ обѣщаніи. Выходка эта очень понравилась Аннѣ Іоанновнѣ. Она приказала Педрилло лечь въ постель вмѣстѣ съ козой и пригласила весь дворъ навѣстить его и поздравить съ семейной радостію. Каждый, разумѣется, былъ обязанъ класть подарокъ подъ подушку шута, который пріобрѣлъ, такимъ образомъ, въ одно утро нѣсколько тысячъ рублей.

Кромѣ офиціальной должности придворнаго шута, Педрилло исполнялъ еще разныя другія порученія императрицы. Черезъ его посредство выписывались иногда изъ Италіи пѣвцы и пѣвицы для итальянской труппы и покупались для двора драгоцѣнные камни и различныя бездѣлушки. Съ этою цѣлью онъ неоднократно посылался за границу и даже вступалъ въ переписку съ владѣтельными особами. Когда, въ 1735 году, испанцы вторглись въ Тоскану, управляемую слабоумнымъ и развратнымъ герцогомъ Гастономъ Медичи, и европейскія державы, для избѣжанія войны, постановили, на выгодныхъ для каждой условіяхъ, передать Тоскану, по смерти бездѣтнаго Гастона, лотарингскому дому, то Анна Іоанновна, желая, по всѣмъ вѣроятіямъ, воспользоваться и на свою долю этимъ обстоятельствомъ, поручила Педрилло устроить покупку, по дешевой цѣнѣ, знаменитаго тосканскаго алмаза. По приказанію ея, шутъ обратился къ герцогу съ весьма оригинальнымъ письмомъ:

„Королевское высочество! — писалъ онъ, — я понынѣ должность мою исполнить и къ вашему высочеству писать пренебрегъ; но понеже сія оказія нынѣ подается, чтобъ ея императорскому величеству, моей самодержицѣ служить, привлекаетъ меня васъ симъ утруждать. И тако объявляю, что понеже здѣсь получена вѣдомость, что владѣніе вашего королевскаго высочества вступленіемъ непріятельскихъ войскъ едва не разорено, а именно: отъ вандальскихъ войскъ, которыя свирѣпыми и жестокими своими поступками, разоряя земли и требуя великія контрибуціи, въ бѣдственоое состояніе приводятъ подданныхъ вашихъ. Того ради, для облегченія вашего отъ толикаго нападенія, представляю вамъ со стороны сей августѣйшей моей императрицы 15,000 россійскаго войска, да аванъ-гвардію 40,000 казаковъ и калмыковъ; и надѣюсь, что, по прибытіи сего храбраго войска, гишпанскія войска стараться будутъ уходить спастись, и всю свою храбрость для безопасенія среди Африки содержать, а генералъ Монтемаръ и весь гишпанскій дворъ и въ Мадритѣ не безъ опасности будутъ. Однакожъ, надлежитъ для содержанія сихъ храбрыхъ войскъ, чтобъ ваше королевское высочество, приказалъ приго-

товить довольное число самой крѣпкой гданской водки, такой, какую ваше королевское высочество пивалъ, будучи въ Богеміи, и оною охотно напивался до пьяна. Соблаговолите принять мое предложеніе и увидите, что владѣніе ваше возстановится, подданные ваши веселиться станутъ и жизнь вашего королевскаго высочества двадцать лѣтъ еще продолжится. Чаю-жъ я, что, по причинѣ текущаго бѣдствія, казна ваша истощена деньгами и для того представляю вамъ купить вашъ самобольшой алмазъ, о которомъ слава происходитъ, что больше его въ Италіи не имѣется; ежели не дорогою цѣною оный продать намѣрены, то я вамъ купца нашелъ, ибо (правду вамъ сказать) и я хочу малою прибылью попользоваться. Ея императорское величество намѣрена тотъ алмазъ купить и деньги за оный заплатить; но изволитъ, чтобъ я себя купцомъ представилъ и торговалъ. Я бы надѣялся, что ваше королевское высочество, не имѣя наслѣдниковъ, не пренебрежетъ сею оказіею, и продажею сего алмаза къ ненуждѣ себя приведетъ, понеже великій Богъ вѣдаетъ, кому, послѣ преставленія вашего, имѣніе ваше достанется. Я вамъ сіе представляю, какъ истинный неаполитанецъ и добрый пріятель, и чаю, что такимъ и отъ вашего королевскаго высочества признанъ буду. Безъ замедленія соблаговолите отвѣтъ мнѣ дать и рѣшительно намѣреніе свое объявить, чтобъ я могъ деньги и вышесказанныя войска приготовить и бездѣльникамъ-гишпанцамъ напускъ дать.

„Ея императорскому величеству, учиненное отъ вашего королевскаго высочества чрезъ меня, устное поздравленіе объявилъ я, какъ о семъ многократно вы, въ бытность мою въ Италіи, приказывали; и сія моя августѣйшая государыня съ такою жъ склонностію отвѣтствуетъ и повелѣла мнѣ поздравить ваше королевское высочество и желать вамъ всякаго многолѣтняго благополучія, такъ, чтобъ могли пить чрезъ многія лѣта вкусныя питія: монте пульціана, гіанти, верден, мускателла и проч. А чтобъ весело жизнь свою провождать, вамъ надобно такъ поступать, какъ моя августѣйшая императрица, которая всегда веселится операми, комедіями, балами, интермедіями, приватною музыкой, фейерверками, катаніемъ, преобразительными машинами и всѣми тѣми пріятными видами, каковы отъ сихъ забавъ происходятъ. Хотя мы находимся въ самомъ Нордѣ, однакожъ, при семъ дворѣ имѣются такія забавы, какія могутъ быть при первыхъ европейскихъ дворахъ, не смотря ни на какое иждивеніе. Ваше королевское высочество можетъ симъ примѣромъ пользоваться. Впрочемъ, имѣю честь нарицаться и съ самымъ глубочайшимъ и покорнѣйшимъ решпектомъ пребыть вашего королевскаго высочества по-

корнѣйшій и послушнѣйшій слуга, Петръ Мира. С.-Петербургъ, января въ 13-й день, 1736 г.".

Неизвѣстно, послѣдовалъ-ли отвѣтъ на это письмо и привели-ли къ какому-нибудь результату переговоры Педрилло съ тосканскимъ герцогомъ. Странный выборъ корреспондента объясняется, отчасти, личнымъ знакомствомъ его съ герцогомъ (какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ выраженій въ письмѣ) и слабоуміемъ Гастона, которому предполагалось, вѣроятно, достаточнымъ обѣщать нѣсколько лишнихъ тысячъ червонцевъ, чтобъ выгодно уладить дѣло.

Камергеръ князь Никита Өедоровичъ Волконскій попалъ въ число шутовъ изъ личной мести государыни къ женѣ его, Аграфенѣ Петровнѣ, рожденной Бестужевой-Рюминой, отличавшейся умомъ, свѣтскимъ образованіемъ и безпокойнымъ характеромъ. Ненавидя дочерей царя Іоанна Алексѣевича, и въ особенности Анну Іоанновну, она, въ царствованіе Петра II, причинила имъ много непріятностей. Въ 1728 году, княгиня Аграфена Петровна, за тайныя политическія сношенія свои съ австрійскимъ посломъ, графомъ Рабутиномъ, и другія придворныя интриги, была сослана, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта, въ заточеніе въ Тихвинскій монастырь. Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ, отмстила своему уже безсильному врагу униженіемъ любимаго ею мужа. Князь Никита Өедоровичъ, человѣкъ пожилой и болѣзненный, былъ назначенъ шутомъ и получилъ приказаніе ухаживать и смотрѣть за левреткой государыни.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, племянникъ извѣстнаго петровскаго адмирала, графа Өедора Матвѣевича, началъ службу камеръ-юнкеромъ при Екатеринѣ I и въ 1729 году женился на княжнѣ Еленѣ Михайловнѣ, дочери князя Михаила Алексѣевича Голицына, о которомъ будетъ сказано далѣе. Увлеченный примѣромъ и убѣжденіями тестя, Апраксинъ принялъ католическую вѣру и, въ наказаніе за это, былъ сдѣланъ шутомъ. Онъ, впрочемъ, нисколько не тяготился своей унизительной ролью и исполнялъ ее съ рѣдкимъ усердіемъ почти до самой кончины, послѣдовавшей въ 1743 году. „Графъ Никита Ивановичъ Панинъ,—замѣчаетъ Порошинъ въ своихъ запискахъ,—разсказывалъ о шутѣ императрицы Анны Іоанновны, графѣ Апраксинѣ, что онъ несносный былъ шутъ, обижалъ всегда другихъ и за то часто битъ бывалъ".

Князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго боярина и любимца царевны Софіи, Василья Васильевича, и сынъ пермскаго намѣстника, князя Алексѣя Васильевича, родился въ 1679 году, за нѣсколько дней до того, какъ дѣдъ и отецъ его, лишенные чиновъ и помѣстій, были отправлены въ ссылку въ Пинегу. Когда князь

Михаилъ Алексѣевичъ достигъ совершеннолѣтія, Петръ Великій опредѣлилъ его солдатомъ въ полевые полки, гдѣ онъ, на сороковомъ году отъ рожденія, съ трудомъ достигъ чина маіора. Потерявъ въ 1729 году первую жену — Марѳу Максимовну, рожденную Хвостову, отъ которой имѣлъ сына князя Алексѣя, умершаго бездѣтнымъ въ 1758 году, и дочь Елену, вышедшую замужъ за графа Апраксина, Голицынъ испросилъ себѣ позволеніе ѣхать путешествовать за границу. Во время пребыванія своего во Флоренціи, онъ влюбился въ одну итальянку низкаго происхожденія, женился на ней и, по ея внушенію, перешелъ въ католическую вѣру. По пріѣздѣ въ Россію, князь Михаилъ Алексѣевичъ жилъ въ Москвѣ, тщательно скрывая отъ всѣхъ жену и перемѣну религіи; но обстоятельство это скоро обнаружилось и дошло до свѣдѣнія императрицы. Голицынъ былъ привезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ тайную канцелярію. По приказанію Анны Іоанновны, бракъ его былъ расторгнутъ, жена выслана за границу, а самъ онъ разжалованъ въ „пажи" и назначенъ придворнымъ шутомъ. Несчастный не имѣлъ настолько твердости характера, чтобъ предпочесть смерть позору,—и сѣлъ въ лукошко у дверей того самаго царскаго кабинета, въ который родственники его гордо входили безъ доклада. Голицыну, въ числѣ прочихъ шутовскихъ обязанностей, было поручено подавать императрицѣ квасъ, вслѣдствіе чего придворные прозвали его „квасникомъ". Прозвищемъ этимъ онъ именовался даже въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени.

Въ числѣ приживалокъ Анны Іоанновны находилась одна калмычка, Авдотья Ивановна, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ императрицы и носившая, въ честь ея любимаго блюда, фамилію „Бужениновой". Калмычка эта, уже не молодая и очень некрасивая собой, какъ-то въ разговорѣ выразила Аннѣ Іоанновнѣ охоту выйдти замужъ. Посмѣявшись надъ такимъ желаніемъ, императрица спросила Буженинову, есть-ли у нея въ виду женихъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказала, что беретъ на себя устройство ея судьбы. На другой же день Голицыну было объявлено, что государыня нашла для него невѣсту, и чтобъ онъ готовился къ свадьбѣ, всѣ расходы которой ея величество принимаетъ на свой счетъ. Мысль императрицы—женить шута на шутихѣ—встрѣтила полное сочувствіе въ кругу ея приближенныхъ. Камергеръ Татищевъ подалъ идею — построить для этой цѣли на Невѣ домъ изо льда и обвѣнчать въ немъ молодыхъ „курьезнымъ образомъ". Немедленно была составлена, подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго, особая „маскерадная коммиссія", которой порученъ высшій надзоръ и скорѣйшее исполненіе предложенія Татищева.

Коммиссія избрала для постройки „Ледяннаго дома“ мѣсто на Невѣ, между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ. Матеріаломъ при постройкѣ служилъ только чистый ледъ; его разрубали большими плитами, клали ихъ одну на другую и для связи поливали водою. Архитектура дома была довольно изящна. Онъ имѣлъ восемь сажень въ длину, двѣ съ половиной въ ширину и три въ вышину. Кругомъ всей крыши тянулась сквозная галлерея, украшенная столбами и статуями; крыльцо, съ рѣзнымъ фронтисписомъ, вело въ сѣни, раздѣлявшіе зданіе на двѣ большія комнаты; сѣни освѣщались четырьмя, а каждая комната—пятью окнами, со стеклами изъ тончайшаго льда. Оконные и дверные косяки и простѣночные пилястры были выкрашены зеленою краскою, подъ мраморъ. За ледяными стеклами стояли, писанныя на полотнѣ, „смѣшныя картины“, освѣщавшіяся по ночамъ извнутри множествомъ свѣчь. Передъ домомъ были разставлены шесть ледяныхъ трехфунтовыхъ пушекъ и двѣ двухпудовыя мортиры, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ, сдѣланныхъ также изъ льда, красовались два ледяные дельфина, выбрасывавшіе изъ челюстей, съ помощію насосовъ, огонь отъ зажженной нефти. На воротахъ стояли горшки съ ледяными вѣтками и листьями. На ледяныхъ вѣткахъ сидѣли ледяныя птицы. По сторонамъ дома, на пьедесталахъ съ фронтисписами, возвышались остроконечныя, четыреугольныя пирамиды. Въ каждомъ боку ихъ было устроено по круглому окну, около которыхъ снаружи находились размалеванныя часовыя доски. Внутри пирамидъ висѣли большіе, бумажные, восьми-угольные фонари, разрисованные „всякими смѣшными фигурами“. Ночью въ пирамиды влѣзали люди, вставляли свѣчи въ фонари и поворачивали ихъ передъ окнами, къ великой потѣхѣ постоянно толпившихся здѣсь зрителей. Послѣдніе съ любопытствомъ тѣснились также около стоявшаго, по правую сторону дома, ледяного слона въ натуральную величину. На слонѣ сидѣлъ ледяной персіянинъ, двое другихъ такихъ же персіянъ стояли по сторонамъ. „Сей слонъ“, разсказываетъ очевидецъ, „внутри былъ пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на двадцать-четыре фута пускалъ; ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ“ [1]).

Внутреннее убранство дома вполнѣ соотвѣтствовало его оригинальной наружности. Въ одной комнатѣ стояли: туалетъ, два зер-

---

[1]) См. планъ и фасадъ Ледянаго дома, также изображенія ледяныхъ пирамидъ, слона и бани—на I-мъ рис., приложеніе къ этой книгѣ «Русск. Ст.». Дельфины и пушки—на IV рисункѣ. Ред.

кала, нѣсколько шандаловъ, карманные часы, большая двухспальная кровать, табуретъ и каминъ съ ледяными дровами[1]). Въ другой комнатѣ были: столъ рѣзной работы, два дивана, два кресла и рѣзной поставецъ, въ которомъ находилась точенная чайная посуда, стаканы, рюмки и блюда. Въ углахъ этой комнаты красовались двѣ статуи, изображавшія купидоновъ, а на столѣ стояли большіе часы и лежали карты съ марками. Всѣ эти вещи, безъ исключенія, были весьма искусно сдѣланы изо льда и выкрашены „приличными натуральными красками"[2]). Ледяныя дрова и свѣчи намазывались нефтью и горѣли.

Кромѣ этого, при „Ледяномъ домѣ", по русскому обычаю, была выстроена ледяная же баня; ее нѣсколько разъ топили и охотники могли въ ней париться.

По именному высочайшему повелѣнію, къ „курьезной" свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ, изъ разныхъ концовъ Россіи, по два человѣка обоего пола всѣхъ племенъ и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ. Всего набралось триста человѣкъ. Маскарадная коммиссія снабдила каждую пару мѣстной народной одеждой и музыкальнымъ инструментомъ.

6-го февраля 1740 года, въ день, назначенный для празднества, послѣ бракосочетанія сіятельнаго шута, совершеннаго обычнымъ порядкомъ въ церкви, разноплеменные „поѣзжане" потянулись со сборнаго пункта длиннымъ поѣздомъ. Тутъ были: абхазцы, остяки, мордва, чуваши, черемисы, вятичи, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, хохлы, чухонцы и множество другихъ „разноязычниковъ и разночинцевъ", каждый въ своемъ національномъ костюмѣ и съ своей прекрасной половиной. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе — на оленяхъ, третьи — на собакахъ, четвертые — на волахъ, пятые—на козлахъ, шестые—на свиньяхъ и т. д., „съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторые въ образѣ птицъ странныхъ". Шествіе открывали „молодые", красовавшіеся въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ.

Свадебный поѣздъ, управляемый Волынскимъ и Татищевымъ, съ музыкою и пѣснями, проѣхавъ мимо дворца и по всѣмъ главнымъ улицамъ, остановился у манежа герцога курляндскаго. Здѣсь, на нѣсколькихъ длинныхъ столахъ, былъ приготовленъ изобильный обѣдъ, за которымъ каждая пара имѣла свое народное блюдо и свой лю-

---

[1]) См. II-й рисунокъ, приложеніе къ этой книгѣ «Русской Старины». Ред.

[2]) См. III-й рисунокъ, приложеніе къ этой книгѣ «Русской Старины». Ред.

бимый напитокъ. Во время обѣда, Тредьяковскій привѣтствовалъ молодыхъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Здравствуйте, женившись, дуракъ и дурка,
Еще... тота и фигурка!
Теперь-то прямое время намъ повеселиться,
Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.
Квасникъ—дуракъ и Буженинова...
Сошлись любовію, но любовь ихъ гадка.
Ну, мордва, ну, чуваши, ну, самоѣды!
Начните веселье, молодые дѣды!
Балалайки, гудки, рожки и волынки!
Сберите и вы бурлацки рынки.
Ахъ, вижу, какъ вы теперь рады!
Гремите, гудите, брянчите, скачите,
Шалите, кричите, пляшите!
Свищи весна, свищи красна!
Не возможно вамъ имѣть лучшее время:
Спрягся ханскій сынъ, взялъ ханское племя,
Ханскій сынъ Квасникъ, Буженинова ханка,
Кому того не видно, кажстъ ихъ осанка.
О пара! о не стара!
Не жить они станутъ, но зоблить сахаръ.
И такъ надлежитъ новобрачныхъ привѣтствовать нынѣ,
Дабы они все свое время жили въ благостынѣ:
Спалось бы имъ да вралось, пилось бы да ѣлось.
Здравствуйте-жъ, женившись, дуракъ и дурка,
Еще... тота и фигурка!»

Послѣ обѣда, „разноязычныя“ пары плясали каждая свою національную пляску, подъ свою національную музыку. Потѣшное зрѣлище это чрезвычайно забавляло императрицу и вельможныхъ зрителей. По окончаніи бала, пестрый поѣздъ, предшествуемый по прежнему „молодыми“, возсѣдавшими въ клѣткѣ на слонѣ, отправился въ „Ледяной домъ“, который горѣлъ огнями, эффектно дробившимися и переливавшимися въ его прозрачныхъ стѣнахъ и окнахъ; ледяные дельфины и ледяной слонъ метали потоки яркаго пламени; „смѣшныя“ картины въ пирамидахъ вертѣлись, къ полному удовольствію многочисленной публики, встрѣчавшей новобрачныхъ громкими криками.

Молодыхъ, съ различными церемоніями, уложили на ледяную постель, а къ дому приставили караулъ, изъ опасенія, чтобъ счастливая чета не вздумала раньше утра покинуть свое не совсѣмъ теплое и удобное ложе...

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ „курьознаго“ праздника, императрица Анна Іоанновна скончалась, завѣщавъ, какъ извѣстно, русскій престолъ племяннику своему, принцу Брауншвейгскому, Іоанну

Антоновичу. За малолѣтствомъ послѣдняго, управленіе государствомъ перешло въ руки матери его, принцессы Анны Леопольдовны, женщины доброй, мягкой, обладавшей прекрасными душевными качествами. Анна Леопольдовна, въ первый же день своего правленія, уволила всѣхъ шутовъ, наградивъ ихъ приличными подарками. Съ этого времени оффиціальное званіе „придворнаго шута" уничтожилось навсегда. Хотя потомъ шуты и продолжали появляться при дворѣ, но уже подъ другимъ именемъ и не въ шутовской одеждѣ.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила Алексѣевича Голицына.

Въ 1741 году онъ удалился въ Москву, гдѣ его жена-калмычка вскорѣ умерла. Отъ нея онъ имѣлъ двухъ сыновей: князя Алексѣя, умершаго холостымъ, и князя Андрея, женившагося на Аннѣ Өедоровнѣ Хитрово и оставившаго многочисленное потомство. Въ 1744 г., князь Михаилъ Алексѣевичъ обвѣнчался, въ четвертый разъ, съ Аграфеной Алексѣевной Хвостовой и прижилъ съ ней трехъ дочерей: Варвару и Елену (младшую), умершихъ въ дѣвицахъ, и Анну, вышедшую замужъ за отставнаго поручика конной-гвардіи Өедора Григорьевича Карина, составившаго себѣ, въ исходѣ прошлаго столѣтія, нѣкоторую извѣстность литературными трудами[1]). Князь Михаилъ Алексѣевичъ скончался въ 1778 году въ глубокой старости. Тѣло его погребено въ селѣ Братовщинѣ, по дорогѣ отъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру.

С. Н. Шубинской.

От редакціи. Настоящій очеркъ составленъ и помѣщенъ для того, чтобы напомнить читателямъ «Русской Старины», среди какихъ обстоятельствъ, для чьей потѣхи и образчикомъ какого рода нравовъ и обычаевъ было сооруженіе пресловутаго «Ледянаго дома» 1740 г. Тщательно выполненные рисунки этой замѣчательной постройки впервые появляются въ нашей печати послѣ 1741 г.; говоримъ впервые потому, что политипажи, изображавшіе ее, съ того времени были или крайне плохи, или даже не полны.

Весь складъ нравовъ и обычаевъ двора императрицы Анны Іоанновны представляетъ въ высшей степени благодарный сюжетъ для таланта художника, какъ историческаго романиста, такъ и историческаго живописца. Это, какъ нельзя лучше, понялъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ русскихъ художниковъ, профессоръ В. И. Якобій[2]), избравшій предметомъ для своей послѣдней картины: «Утро во дворцѣ Анны Іоанновны въ 1740 г.». Картина эта извѣстна весьма многимъ жителямъ Петербурга, посѣщавшимъ

---

[1]) См. біографію и перечень его литературныхъ трудовъ въ статьѣ М. Н. Лонгинова («Русская Старина» изд. 1870 г., т. II, стр. 74—76).

[2]) Біографическую о немъ замѣтку и перечень его болѣе замѣчательныхъ трудовъ въ области исторической живописи, см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г. т. III, стр. 540—541; 561. Ред.

мастерскую художника. Картина въ три аршина длины и два аршина высоты, включаетъ въ себѣ до 26-ти лицъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ фигуръ, всѣ остальные суть историческіе портреты. Такъ какъ это новое произведеніе кисти г. Якобія, вѣроятно, скоро сдѣлается всѣмъ извѣстнымъ, то мы считаемъ не лишнимъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, передать сюжетъ картины. Въ обширной спальнѣ государыня Анна Іоанновна лежитъ на постели, она не домогаетъ. Подлѣ постели, въ небрежной позѣ, сидитъ въ креслѣ Биронъ и чиститъ себѣ ногти. На ухо ему шепчетъ начальникъ страшной тайной канцеляріи, генералъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ; съ противоположной стороны постели, герцогиня Биронъ подаетъ больной лекарство; подлѣ постели, на полу, сидитъ карлица-шутиха, калмычка Буженинова. Комната полна народу: здѣсь обычный персоналъ двора Анны Іоанновны — шуты и потѣшники; они силятся своимъ скоморошничествомъ вызвать улыбку на уста своей владычицы. Шуты играютъ въ чехарду; посреди комнаты, склонившись къ полу, стоитъ другой маститый старецъ, кн. М. А. Голицынъ; чрезъ него перепрыгнулъ и лежитъ на полу гр. Апраксинъ; на Голицына вскочилъ кн. Волконскій, а на спинѣ послѣдняго возвышается веселая, умная фигура смѣлаго забавника Балакирева. Шутъ Педрилло, въ самой забавной позѣ, стоя у дверей, играетъ на скрипкѣ. Шутъ д'Акоста бичемъ, съ привязаннымъ къ нему пузыремъ, сидя на полу, подстегиваетъ всю группу играющихъ въ чехарду, а съ другой стороны стегаетъ ее бичемъ малолѣтный, но уже грубый, нравственно-испорченный сынишка Бирона.

Государыню, однако, видимо, уже не забавляютъ эти, столь обыденныя для нея, потѣхи,—она едва улыбается; за то весело смѣется кружокъ придворной блестящей знати: то красавица статсъ-дама Наталья Өедоровна Лопухина (впослѣдствіи, въ 1743 году, понесшая столь ужасную казнь), герцогиня Гессенъ-Гомбургская и гр. Левенвольдѣ, фаворитъ Лопухиной; они трое сидятъ въ ногахъ больной и играютъ въ карты, но игра прервана — они любуются на чехарду. На нее также направлено, съ другой стороны комнаты, вниманіе будущей правительницы Анны Леопольдовны, французскаго посла маркиза-де-Шетарди, хирурга Лестока и еще одного сановника; всѣ они, расположились въ глубинѣ спальни. Гр. Минихъ и кн. Ник. Трубецкой, съ озабоченными лицами, ведутъ за постелью дѣловой разговоръ, а въ противоположномъ концу покоя, близь станка съ попугаями, въ униженной позѣ, согбенно, стоитъ піита Василій Кирилловичъ Тредьяковскій: въ его рукахъ свитокъ — то новая ода; подобострастнѣйшій взоръ Василія Кирилловича устремленъ по направленію къ больной, но на него никто не обращаетъ вниманія. Двѣ фигуры: черемисянка въ національномъ костюмѣ и негритенокъ, обѣ фигуры, сидящія на полу, дополняютъ картину.

Всѣ лица, вошедшія въ картину, поражаютъ своимъ сходствомъ съ подлинными портретами; экспрессія каждой физіономіи схвачена поразительно вѣрно; вся картина такъ и дышетъ движеніемъ, жизнію, исторически-бытовою правдою... Взоръ вашъ невольно, однако, ищетъ фигуры, на которой бы выразился протестъ противъ того униженія, въ которомъ погрязли всѣ эти люди,—и вы съ удовольствіемъ замѣчаете въ глубинѣ картины, въ дверяхъ, только что вошедшаго Артемія Волынскаго. Никѣмъ изъ присутствующихъ не замѣченный, знаменитый кабинетъ-министръ останавливается на порогѣ и съ негодованіемъ смотритъ на представившееся ему зрѣлище... Очевидно, что, поэтизируя Волынскаго,— вслѣдъ за поэтомъ и романистомъ, его воспѣвшими,—художникъ думалъ

представить въ его лицѣ ту небольшую еще группу вполнѣ русскихъ людей, которые сознавали позоръ и стыдъ, до которыхъ довелъ Биронъ ненавистное ему россійское дворянство — этихъ сподвижниковъ и сыновъ «птенцовъ Петра Великаго». Повторяемъ, картина поражаетъ своею художественною правдою и поразительно-мастерскою отдѣлкою всей обстановки до мельчайшихъ подробностей, что, впрочемъ, и не могло быть иначе, такъ какъ кисть В. И. Якобія — эта лучшая кисть — почти два года не оставляла полотна картины!

Нѣкоторые прочитавши нашу замѣтку и не видавъ еще описываемое нами замѣчательное созданіе современнаго русскаго художества, придутъ къ заключенію, что картина Якобія — пародія, насмѣшка надъ русской аристократіей... Таковое заключеніе было бы совершенно ошибочно: картина эта есть лишь воспроизведеніе историческаго факта и притомъ не единичнаго и не мелочнаго. Не столько омерзеніе къ представителямъ боярства того времени охватываетъ зрителя, сколько негодованіе къ чужеземцамъ-проходимцамъ, каковы Биронъ и его подлые клевреты, которые довели Россію до того униженія, въ которомъ она находилась при Аннѣ Іоанновнѣ—женщинѣ, почти случайно занявшей престолъ. Въ ея время, уже въ послѣдній разъ, выступила помѣсь всего низкаго и худшаго изъ не понятыхъ европейскихъ новизнъ и не отброшенныхъ еще азіатскихъ привычекъ и обычаевъ. Дивная кисть художника, съ полнымъ безстрастіемъ правды, чуждая малѣйшей насмѣшки, напоминая намъ эту тяжелую, позорную для Россіи эпоху (1730—1740), въ то же время, однако, какъ бы напоминаетъ, что это были послѣдніе крупно-тяжелые дни переживаемаго русскимъ обществомъ прогресса; это былъ моментъ того процесса преобразовательной эпохи, когда наверхъ всплыли всѣ дурныя осадки,—но затѣмъ уже были близки дни свѣтлые... И вь самомъ дѣлѣ, не въ этотъ ли же самый дворецъ вступила дочь Великаго Петра, не изъ того ли же боярства выдвинулись зиждители московскаго университета, побѣдители Фридриха Великаго, сподвижники Екатерины II!.. Не подлѣ ли согбеннаго Тредьяковскаго невольно вспоминается исполненная сознанія своего достоинства — величавая фигура русскаго самородка-генія, великаго Ломоносова!

Нѣтъ, чѣмъ правдивѣе и полнѣе кисть и перо нашихъ художниковъ и писателей будутъ воспроизводить темныя стороны нашего историческаго бытія, тѣмъ ярче выступятъ въ нашемъ сознаніи свѣтлыя явленія и нашего прошедшаго, и нашего настоящаго. Ред.

Ледяной домъ.

(Описаніе очевидца Крафта).

1741.

Книга Крафта составляетъ одну изъ значительныхъ библіографическихъ рѣдкостей. Она вышла подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Подлинное и обстоятельное описаніе построеннаго въ Санктпетербургѣ, въ январѣ мѣсяцѣ 1740 года, Ледянаго дома и всѣхъ, находившихся въ немъ, домовыхъ вещей и уборовъ, съ приложенными при томъ гридорованными фигурами, также и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей, въ 1740 году, во всей Европѣ жестокой стужѣ, сочиненное для охотниковъ до натуральной науки, чрезъ Георга Вольфганга Крафта, Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ члена и физики профессора. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 1741 г." Въ 4-ю д., 36 стр. и 6 рисунковъ (всѣ они перепечатаны при этой книгѣ „Русской Старины").

Авторъ начинаетъ свой трактатъ разсужденіемъ о томъ, что „художество" до сихъ поръ пользовалось, для своихъ произведеній, всевозможнымъ матеріаломъ; но ледъ оставался до сихъ поръ мало употребителенъ,—изъ него дѣлали лишь въ Италіи „оконницы, стаканы и зажигательныя стекла". Послѣднія дѣлалъ изо льда славный французскій физикъ Маріотъ.

„Въ томъ состоитъ все то,—продолжаетъ Крафтъ,—что искусство изо льда по сіе время произвело; для того, что оно или, для чувствительной рукамъ стужи, работы своей продолжать не могло; или, разсуждая, что его труды надъ такою матеріею, которая, въ наибольшихъ частяхъ земнаго круга, весьма не долго держится, напрасны и безполезны будутъ. Хотя обѣ оныя причины и довольно важны, однако-жъ, онѣ насъ вовсе удержать не могутъ, чтобъ надъ льдомъ долотами и рѣзцами болѣе не дѣйствовать, дабы чрезъ то или нѣчто нечаянное произвести, или о вещахъ, которыя въ другихъ небесныхъ тѣлахъ всегда непремѣнны бываютъ, подать нѣкоторое понятіе. Ибо ледъ не вездѣ во всемъ свѣтѣ такъ коротко пребываетъ, какъ у насъ на земли. Коль подлинно сіе, что желѣзо, которое намъ труднѣе другихъ всѣхъ металловъ растопить, въ солнечномъ тѣлѣ всегда жидкою матеріею было; и что ежели бы въ солнечномъ тѣлѣ жители обрѣтались, то бы они текущимъ желѣзомъ мыться и оное пить могли; коль же и сіе подлинно, что жители, которыхъ мы въ планетахъ Венерѣ или Меркуріи въ умѣ себѣ представить можемъ, могли бы, равнымъ же образомъ, свинецъ и олово употреблять; толь подлинно и то, что

вода наша, которую мы, по большой части, видимъ, какъ жидкое тѣло, въ планетѣ Сатурнѣ всегда бы была камень, подобный твердостію мармору, который бы, однако-жъ, сіе свойство имѣлъ, чтобъ отъ великаго огня растаять могъ. Ибо сіе необходимо слѣдуетъ, что всегда пребывающая въ Сатурнѣ, для его безмѣрнаго отъ солнца отдаленія, жестокая стужа, гораздо въ бо̀льшемъ градусѣ, надъ водою тоже производитъ, что у насъ посредственная стужа дѣлаетъ. Итакъ, ежели въ Сатурнѣ есть вода, то оная тамъ не инако, какъ подъ образомъ мармора быть можетъ; ежели обрѣтаются въ оной планетѣ жители, которымъ бы нужда велѣла домы себѣ строить, то бы они, конечно, сей водяной камень на то употребляли; напослѣдокъ, ежели бы у насъ нашелся художникъ, который бы, будучи поощренъ награжденіемъ отъ какой-нибудь знатной особы, такую вещь произвелъ, за которую бы онъ, хотя денегъ получить не могъ, однако-жъ бы, тѣмъ способствовалъ къ распространенію нашего познанія и представилъ бы намъ, напримѣръ, такой увеселительный домъ, какой въ Сатурнѣ быть можетъ; или бы великолѣпный столбъ, которымъ бы какой-нибудь художникъ въ Сатурнѣ вѣчно имя свое хотѣлъ прославить, отчего бы смотрители нѣкоторое увеселеніе имѣть могли.

„Здѣсь, въ Санктпетербургѣ, художество гораздо знатнѣйшее дѣло изо льду произвело. Ибо мы видали изъ чистаго льда построенный домъ, который по правиламъ новѣйшей архитектуры, расположенъ и, для изряднаго своего вида и рѣдкости, достоинъ былъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, таково-жъ долго стоять, какъ наши обыкновенные домы; или, чтобъ въ Сатурна, какъ въ число звѣздъ, перенесенъ и между двумя, весьма достопамятными, строеніями, а именно—между созданною, отъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императора Петра Перваго, адмиралтейскою крѣпостью и построеннымъ, отъ блаженныя-жъ и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Анны, новымъ зимнимъ домомъ, который, для своего великолѣпія, достоинъ всякаго удивленія. На семъ мѣстѣ строеніе опять началось; самый чистый ледъ, на подобіе большихъ квадратныхъ плитъ, разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркулемъ и линейкою размѣривали, рычагами одну ледяную плиту на другую клали, а каждый рядъ водою поливали, которая тотчасъ замерзала и вмѣсто крѣпкаго цемента служила. Такимъ образомъ, чрезъ краткое время, построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ 8 саженъ, или въ 56 лондонскихъ футовъ, шириною въ 2 сажени съ половиною, а вышиною, вмѣстѣ съ кровлею, въ 3 сажени; и гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мармора былъ построенъ, для того, что казался сдѣланъ быть будто бы изъ

одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣта на гораздо дрожайшій камень, нежели на марморъ походилъ.

„И дабы благосклонный читатель могъ о семъ чрезвычайномъ домѣ, также и о наружномъ, и внутреннемъ его украшеніи, и о прочемъ приборѣ, которое все изъ чистаго льда сдѣлано было, подлинное и ясное понятіе получить, и сколько можно, въ тогдашнемъ нашемъ удовольствіи участіе имѣть, то намѣренъ я съ нимъ каждую онаго часть, по приложеннымъ здѣсь гридорованнымъ фигурамъ, разсмотрѣть. Главное онаго дома строеніе, съ посторонними украшеніями, представляетъ рисунокъ I. Фасадъ, или лицо дома, № 1, а планъ— № 2; причемъ находится также и масштабъ, на которомъ наималѣйшее раздѣленіе значитъ вершки, которыхъ 16 на аршинъ считаютъ; слѣдующее потомъ посредственное раздѣленіе значитъ аршины, которыхъ 3 сочиняютъ сажень; а напослѣдокъ, самое большее раздѣленіе показываетъ сажени, изъ которыхъ каждая содержитъ 7 лондонскихъ футовъ. На каждый день всякому позволено было въ сіе строеніе ходить, и оное смотрѣть; но оттого произошла-было безпрестанная тѣснота, такъ что вскорѣ надлежало тамъ караулъ поставить, дабы оный, при чрезвычайномъ собраніи народа, который туда для смотрѣнія приходилъ, содержалъ нѣкоторый порядокъ. Для помянутой же причины, около всего ледянаго строенія, воткнуты были деревянные колышки и соединены брусками, что на рисун. I, подъ № 2, подъ литерами ABCD видно. Напереди, передъ домомъ, стояло 6 ледяныхъ точеныхъ пушекъ, подъ литерами: E, F, G, H, I, K, рисунокъ I, № 2, которыя имѣли колеса и станки ледяныя-жъ, что и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что неледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Помянутыя пушки, величиною и размѣромъ противъ мѣдныхъ трехфунтовыхъ, сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ неоднократно стрѣляли, въ которомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четверти фунта, а при томъ посконное или желѣзное ядро закачивали. Такое ядро, нѣкогда въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата, въ разстояніи 60 шаговъ, доску, толщиною въ два дюйма, насквозь пробило. Изображеніе такой пушки находится на IV рис., подъ лит. A. Еще-жъ стояли, въ томъ же ряду съ пушками, двѣ мортиры, подъ лит. L, M, рис. I, № 2, которыя на IV рис., подъ лит. B, изображены. Оныя мортиры сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухпудовой бомбы, изъ которыхъ многократно бомбы бросали, при чемъ на зарядъ въ гнѣздо по четверти фунта пороху кладено. Напослѣдокъ, въ томъ же ряду, у воротъ, стояли два дельфина, подъ лит. N, O, рис. I, № 2, и подъ лит. n, o, рис. I, № 1, которыхъ изображеніе

Рис. I.

№ 1.

a a a ao an a a a

B C

№ 2.

A D

K I H M O N L G F E

Саж.

Баня.

Пирамида.

Фасадъ и планъ дома.

Пирамида.

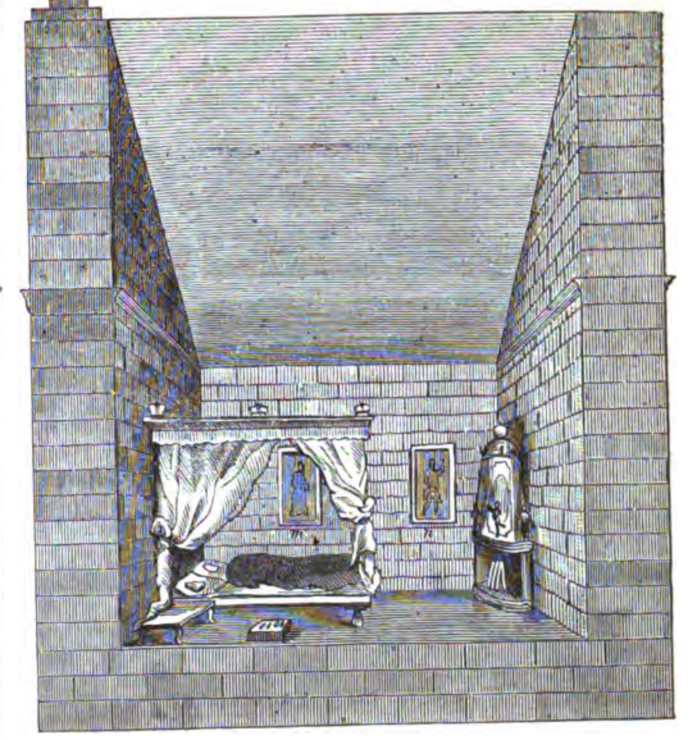
Слонъ.

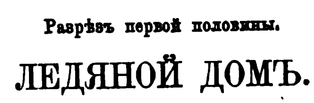
ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

1740 г.

Рис. II.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ», т. VII, изд. 1873 г.





Разрѣзъ первой половины.

Уборная. Спальня.

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

1740 г.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 15 февр. 1873 г.

Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 2—49.

показано на IV рис., подъ лит. C и D. Сіи дельфины, помощію насосовъ, огонь отъ зажженной нефти изъ челюстей выбрасывали, что̀ ночью пріятную. потѣху представляло. Позади помянутаго ряда пушекъ и мортиръ сдѣланы были, около всего дома, изъ ледяныхъ балясъ изрядные перилы, между которыми, въ равномъ разстояніи, четырехугольные столбы стояли, которые на рис. I, подъ №№ 1 и 2, лит. А означены. Когда на оный домъ изъ-близи смотрѣли, то съ удивленіемъ видна была вверху, на кровлѣ, четырехугольными столбами и точными статуями украшенная галлерея, а надъ входомъ — преизрядный фронтишпицъ въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенный, какъ сіе на рис. I, № 1, подъ лит. bc, de и cd явствуетъ. Самый домъ имѣлъ дверные и оконничные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою, на подобіе зеленаго мармора. Въ ономъ же домѣ находились крыльцо и двѣ двери, какъ на рис. I, № 2, подъ лит. b и c видно. При входѣ въ домъ были сѣни (рис. I, № 2, подъ лит. P), а по обѣимъ сторонамъ — покои (подъ лит. Q и R) безъ потолка, съ одною только крышкою, какъ сіе на рис. II и III показано. Въ сѣняхъ были четыре окна, а въ каждомъ покоѣ—по пяти оконъ, въ которыхъ, какъ рамки, такъ и стекла изъ тонкаго, чистаго льда сдѣланы были. Ночью въ оныхъ окнахъ неоднократно много свѣчъ горѣло и почти на каждомъ окнѣ видны были, на полотнѣ писанныя, смѣшныя картины, какъ сіе на рис. I, подъ № 1 изображено; при чемъ сіяніе, сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ, кромѣ главнаго входа (рис. I, № 2, подъ лит. f), находились еще двухсторонніа ворота g, h и на нихъ горшки съ цвѣтами и съ померанцевыми деревьями, а подлѣ нихъ—простыя ледяныя деревья, листья и вѣтви ледяныя же имѣющія, на которыхъ сидѣли птицы, что все изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было, какъ сіе па рис. I, № 1, подъ лит. h и i изображено. Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны были покои. Половина покоя G (рис. I, № 2, на рис. II), въ разрѣзѣ, представляется тою стороною, гдѣ окна (k и l) находятся. Тутъ стоялъ уборный столъ, на которомъ находились зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. Другая половина покоя G (рис. I, № 2), въ томъ же видѣ на рис. II, представляется тою стороною, гдѣ окна (m и n) находятся. Тутъ видны были: преизрядная кровать, съ завѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двое туфель, два колпака, табуретъ и рѣзной работы комелъ, въ которомъ лежащія ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли. Половина покоя R (рис. I, № 2) на III рис.

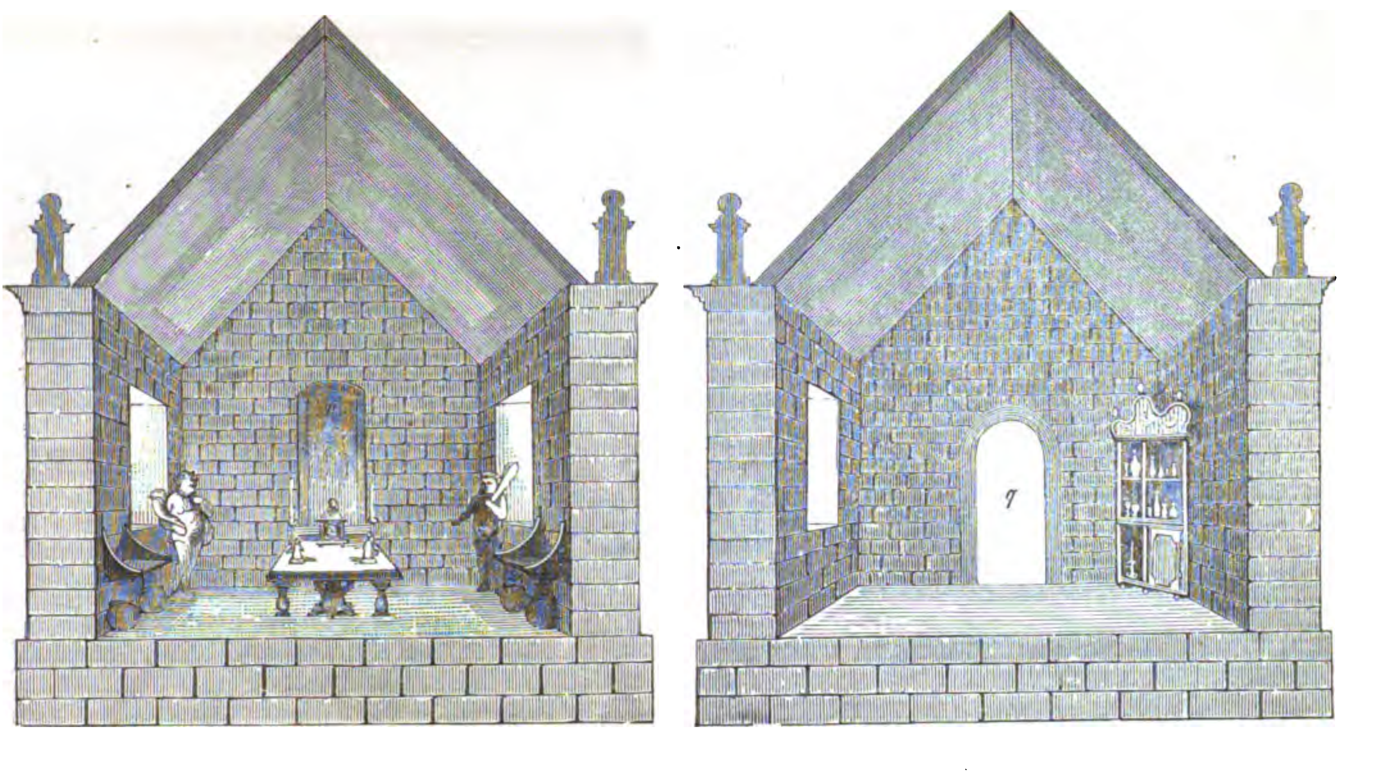
видна въ разрѣзѣ тою стороною, которая имѣетъ окно, лит. p назначенное. Тамъ стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса, сквозь свѣтлый ледъ, видны были. Сверхъ сего, на столѣ, въ разныхъ мѣстахъ, лежали, для игранія, приморо̀женныя подлинныя карты съ марками. Подлѣ стола, по обѣимъ сторонамъ, стояли рѣзной работы два легкіе стула, а въ углахъ — двѣ статуи. Другая половина покоя R (рис. I, № 2) на III рис., въ разрѣзѣ, представлена тою стороною, гдѣ двери подъ лит. q находятся. Тутъ стоялъ, по правую руку, рѣзной угольный поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная чайная посуда: стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изо льда сдѣланы и приличными, натуральными красками выкрашены были.

„Наружное и прочее сего дома украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. Во-первыхъ, на всякой сторонѣ, на пьедесталѣ съ фронтишпицомъ, поставлено было по четырехугольной пирамидѣ (что лит. r и s на I рис., подъ №№ 1 и 2 показываютъ). Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дома входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ, снаружи, размалеванныя часовыя доски находились; а внутри осьмиугольный бумажный, большой фонарь висѣлъ, у котораго, на каждой сторонѣ, всякія смѣшныя фигуры намалеваны были, и въ которомъ ночью свѣчи горѣли. Оный фонарь, находившійся внутри потайной человѣкъ, вокругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно, изъ помянутыхъ фигуръ, одну за другою смотрители видѣть могли.

„Второе, по правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ (рис. I, №№ 1 и 2, лит. t), на которомъ сидѣлъ персіянинъ, съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его еще два персіянина, въ обыкновенной человѣческой величинѣ, стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ и такъ хитро сдѣланъ, что днемъ воду, вышиною на 24 фута, пускалъ, которая, изъ близконаходившагося канала Адмиралтейской крѣпости, трубами приведена была; а ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третье, на лѣвой сторонѣ дома (рис. I, №№ 1 и 2, лит. u), по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изо льда построена была баня, которая, казалось, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили и, дѣйствительно, въ ней парились.

„Такого состоянія былъ сей ледяной домъ; и понеже жестокая стужа, съ начала января мѣсяца по самый мартъ, почти безпрерывно

Рис. III.



Разрѣзъ второй половины.

Гостинная.

Буфетъ.

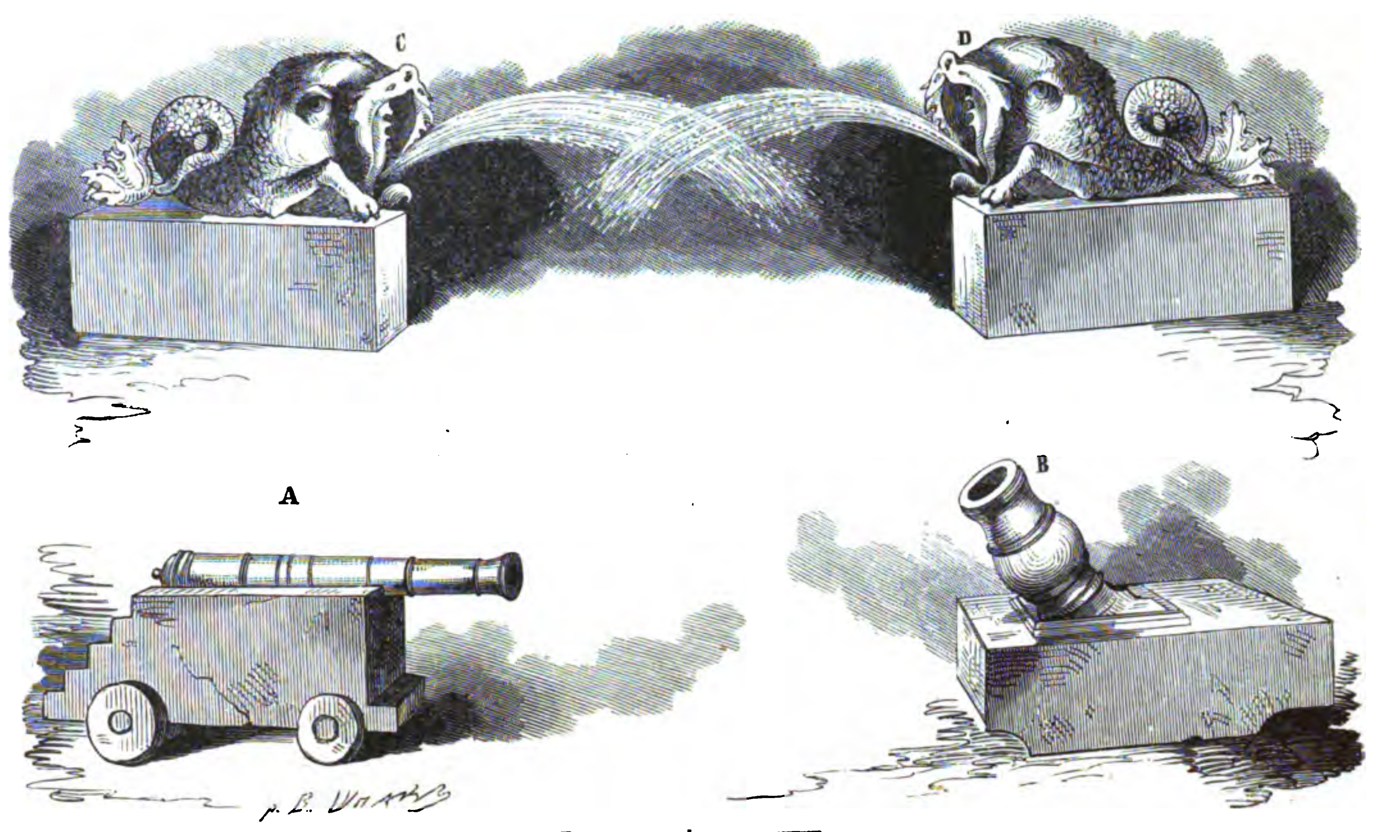
ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

1740 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 февр. 1873 г.

Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 2—49.

Рис. IV



Ледяные дельфины и пушки.

1740 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 февр. 1873 г.

Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 2—49.

продолжалась, то и оный домъ до того же времени стоялъ, безъ всякаго поврежденія. Въ исходѣ марта мѣсяца (1740) началъ онъ къ паденію клониться и по маленьку,. особливо съ полуденной стороны, валиться; при чемъ изъ обвалившихся льдинъ самыя большія въ императорскій ледникъ отвезены были. Кромѣ того, увеселеніе, которое сей ледяной домъ въ каждомъ смотрителѣ производилъ, можемъ мы оный еще и за дѣйствительный физическій опытъ почесть, который тѣмъ больше пользы имѣетъ, что учиненъ великимъ числомъ ледяной матеріи. Въ такомъ разсужденіи распространяемъ мы свое познаніе, какъ я уже выше упомянулъ, и, будучи увѣрены чрезъ самое искусство, видимъ теперь ясно, что изо льда, при жестокой стужѣ, можно строить; льдины поливая водою, въ скоромъ времени сплачивать, также и ледъ точить, сверлить, рубить, красить и, способомъ намазанной нефти, огонь производить; а притомъ еще изъ онаго стрѣлять, не употребляя того, какъ нѣкоторые думали, чтобъ порохъ въ жестяной трубѣ туда вкладывать. Все сіе познали мы при семъ предпріятіи, и о истиннѣ того совершенно увѣрены, хотя въ нѣмецкой землѣ нѣкоторые нашлись, которымъ наибольшая часть вышеупомянутаго описанія невѣроятна и вымышленна казалась. И сія невѣроятность часъ отъ часу больше возрости можетъ, чѣмъ далѣе въ полуденныя страны слухъ о ледяномъ домѣ распространится".

Далѣе Крафтъ вдается въ доказательства, что изъ ледяныхъ пушекъ можно стрѣлять и разсуждаетъ, какъ велика была бы польза, еслибы наступленіе „жестокихъ зимъ", подобныхъ бывшимъ въ 1709 и 1740 гг., можно было бы за ранѣе предугадать. Какъ пособіе для такихъ предсказаній могла бы служить обстоятельная справка о годахъ, въ какіе были „студеныя зимы". Въ видѣ опыта Крафтъ приводитъ перечень таковыхъ годовъ, начиная съ 177 до Р. Х. до 1740 г. послѣ Р. Х. включительно, и дѣлаетъ выводъ, что студеныя зимы, обыкновенно, бывали чрезъ каждое тридцатилѣтіе. Весь свой трактатъ Крафтъ заканчиваетъ нѣсколькими данными о стужѣ зимы конца 1739 и начала 1740 г. Сильнѣйшіе морозы продолжались, съ небольшими промежутками, съ 10-го ноября 1739 г. по 16-е марта 1740 г. „Наижесточайшій морозъ былъ въ то время 25-го января: въ 7 ч. утра, въ тотъ день, по Фаренгейтову термометру, ртуть стояла 30° ниже нуля. 14-го марта 1740 г. снѣгъ еще лежалъ въ С.-Петербургѣ толщиною въ два фута и земля еще была промерзши на 1/4 фута. Сильные холода стояли въ ту зиму и въ прочихъ мѣстахъ Европы; указаніями по этому предмету данныхъ по термометрамъ", заканчиваетъ авторъ свою книгу.

Книга Крафта, какъ мы замѣтили выше, довольно рѣдка и ее

можно лишь встрѣтить въ библіотекахъ любителей старинныхъ изданій. Въ библіотекѣ пишущаго эти строки есть очень хорошій экземпляръ; въ началѣ его помѣщено латинское стихотвореніе: „Ad clarissimum Auctorem epigramma Cristiani Cryssii". Въ 24-хъ строчныхъ виршахъ, авторъ, между прочимъ, хвалитъ Крафта и восторгается Ледянымъ домомъ; „эпиграммы" этой намъ не случалось видѣть въ прочихъ экземплярахъ книги Крафта. Ред.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА,

разсказъ начальника артиллеріи Сухозанета.

Авторъ предлагаемаго разсказа генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ род. 4-го іюля 1788 г. въ дер. Вѣсѣхъ, близъ г. Слуцка. Онъ происходилъ изъ небогатаго дворянскаго рода Витебской губерніи. Предки его считались, по дворянскимъ своимъ грамотамъ, польскаго происхожденія, но отецъ его, Онуфрій, поселился въ Россіи и состоялъ въ русской службѣ; три его сына, уже будучи православными, были опредѣлены въ русскую артиллерію.

Ограниченность состоянія, при многочисленномъ семействѣ, побудило Онуфрія Ивановича съ раннихъ лѣтъ отдать старшаго сына своего Ивана на казенное воспитаніе. Поступивъ, въ исходѣ 1800 г., въ артиллерійскій и инженерный (впослѣдствіи 2-й кадетскій) корпусъ и блестящимъ образомъ окончивъ тамъ курсъ наукъ, Иванъ Онуфріевичъ, въ исходѣ 1803 г., произведенъ въ подпоручики въ инженерный корпусъ; за тѣмъ, въ 1804 г., перешелъ въ 1-й артиллерійскій полкъ, вошедшій, при преобразованіи артиллеріи, въ составъ 6-й артиллерійской бригады. Военная карьера Ивана Онуфріевича начивается съ прусской кампаніи 1807 г. Не вдаваясь въ подробности его боевой службы, достаточно сказать, что участіе его въ битвахъ ознаменовалось нѣсколькими тяжкими ранами, полученными имъ на поляхъ сраженій. 2-го іюня 1807 г. ему поручено было прикрыть подступъ къ дер. Фридляндъ и онъ такъ увлекся личною отвагою, что замертво былъ вынесенъ съ поля сраженія. Далѣе, въ позднѣйшую эпоху, когда Наполеонъ выдерживалъ подъ Лейпцигомъ рѣшительную борьбу, Сухозанетъ, уже въ чинѣ генерала, сосредоточивъ на одномъ пунктѣ всю находящуюся на лицо русскую артиллерію, много содѣйствовалъ пораженію непріятеля, поддержавъ удачную аттаку легкой кавалеріи смертоносннымъ огнемъ своихъ орудій. Заслуги его въ эту кампанію оцѣнены были Александромъ I и союзными монархами. За распоряженія свои въ день возмущенія 14-го декабря 1825 г. Сухозанетъ получилъ званіе генералъ-адъютанта; осада Браилова въ 1828 г. принесла ему орденъ 3-го класса св. Георгія Побѣдоносца, — вслѣдъ за тѣмъ, онъ получилъ, въ 1830 г., ленту Александра Невскаго. Въ польскую кампанію 1831 г. подъ Гроховымъ Сухозанету оторвало правую ногу, ниже колѣна.

Въ 1832 г. мы застаемъ Сухозанета на новомъ поприщѣ—военно-образовательномъ. Оставаясь нѣсколько лѣтъ въ должности главнаго директора Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, онъ посвятилъ себя окончательно приготовленію и образованію полезныхъ офицеровъ для нашего возникавшаго еще тогда генеральнаго штаба, оставаясь директоромъ императорской военной академіи съ самаго ея основанія до преобразованія ея на новыхъ началахъ, въ 1854 г.

Въ началѣ 1861 г. И. О. Сухозанетъ скончался отъ нервнаго удара. Предлагаемый разсказъ составляетъ отрывокъ изъ записокъ покойнаго генерала и весьма обязательно сообщенъ его сыномъ А. И. Сухозанетомъ.

Ред.

...14 декабря 1825 г. при выходѣ отъ Николая Павловича начальники отдѣльныхъ частей присягнули въ главномъ штабѣ. Во время этой торжественной церемоніи я сообщилъ полковнику Нестеровскому, что предоставляю своей личной заботѣ присягу 1-й гвардейской артиллерійской бригады. Дѣйствительно, около 9-ти часовъ утра я туда отправился и нагналъ, близъ зданія арсенала, генерала Нейдгардта, который обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить ему при этой церемоніи присутствовать. Это домогательство, при тогдашнемъ настроеніи умовъ, предвѣщающемъ близость важныхъ событій, вызвало на лицѣ моемъ улыбку; однако, я посадилъ любопытнаго генерала въ свою карету и мы помчались далѣе.

Войдя на казарменный дворъ, я поздоровался съ людьми и, скомандовавъ: смирно! счелъ нужнымъ высказать имъ слѣдующее: „Ребята! слушайте со вниманіемъ! я самъ внятно и ясно прочту вамъ присягу!“ и прочелъ имъ извѣстныя оффиціальныя приложенія. Едва успѣлъ я дочитать послѣднее слово и восторженно воскликнуть: „Ура! императоръ Николай Павловичъ!“ какъ этотъ возгласъ подхваченъ былъ всѣми шеренгами съ многократными, единодушными и радостными восклицаніями. Солдатъ воспламенить легко. Обратившись къ священнику, я сказалъ ему: „батюшка, читайте молитву къ присягѣ“, а поворотясь къ солдатамъ, добавилъ: „ребята, это—молитва!“ Послѣ этого чтенія еще разъ громкое ура было повторено цѣлою массою голосовъ и затѣмъ всѣ по одиночкѣ подходили и прикладывались ко кресту и евангелію. Минута была торжественная, зрѣлище умилительное. Прощаясь со мною, генералъ Нейдгардтъ благодарилъ меня въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ за удовольствіе, ему доставленное, и прибавилъ: „вы вездѣ мастеръ своего дѣла!“ Мы разстались, ожидая еще извѣстій изъ конной артиллеріи и 2-й пѣшей бригады; я уѣхалъ тотчасъ же домой на свою квартиру, на углу Литейной улицы и Гагаринской набережной.

Не прошло и четверти часа, какъ посланный мною для наблюденія за присягою въ гвардейской конной артиллеріи, адъютантъ мой, Ремезовъ[1]) вбѣжалъ въ мою комнату блѣдный, смущенный, со всѣми признаками самаго сильнаго душевнаго волнененія, и едва могъ высказать: „Ваше превосходительство! конная артиллерія взбунтовалась, не присягаетъ! Офицеры разбѣжались!"—„Не тревожьтесь, сказалъ я ему,—отправляйтесь къ генералу Воинову[2]); а если вамъ вовсе не удастся его отыскать, то представьтесь прямо государю и доложите о томъ, что вы видѣли; а обо мнѣ скажите, что я буду тамъ, гдѣ мнѣ быть должно".

Мы вмѣстѣ сбѣжали съ лѣстницы; хотя моя карета была уже заложена, но такъ какъ она стояла на конюшенномъ дворѣ, нѣсколько отдаленномъ отъ моего подъѣзда, то я бросился въ первые попавшіеся мнѣ сани и поскакалъ въ казармы гвардейской конной артиллеріи. Первымъ словомъ моимъ при входѣ было: „ура, императоръ Николай Павловичъ!" и единодушное, рѣшительное повтореніе этого возгласа всѣми присутствующими чинами послужило достаточнымъ доказательствомъ полнаго сознанія долга и уничтоженнаго заблужденія. Людей я нашелъ въ порядкѣ, только лица нѣкоторыхъ изъ нихъ носили еще слѣды какого-то недоумѣнія. Веселые взгляды солдатъ, ихъ спокойное, хладнокровное обращеніе, убѣдили меня въ томъ, что принципъ безпрекословнаго повиновенія начальству въ этой части возстановленъ. Искренняя моя радость этому возвращенію къ долгу присяги была такъ велика, что я добавилъ: „Поздравляю васъ, ребята, съ новымъ императоромъ!"—„Рады стараться!" отвѣчали они и крикъ: „ура! императоръ Николай Павловичъ!" еще разъ повторился. Тогда я скомандовалъ по взводно, по старшинству, стройся! и обыкновенный шумъ, неизбѣжный при передвиженіи людей, со словомъ смирно! мгновенно прекратился. Это новое построеніе, введенное и изобрѣтенное мною, употреблялъ я постоянно при инспекторскихъ смотрахъ и нахожу его весьма полезнымъ и удобопримѣнимымъ, когда желаешь удержать въ рядахъ безусловную тишину и нравственный порядокъ. Я обязанъ сознаться, что приведеніе къ повиновенію людей въ эту трудную, рѣшительную минуту принадлежитъ не мнѣ, а полковнику Гербелю[3]), капитану Пистолькорсу[4]) и штабъ-

---

[1]) Впослѣдствіи тайный совѣтникъ и управляющій экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ.

[2]) Командовавшій гвардейскимъ корпусомъ.

[3]) Покойный генералъ-адъютантъ и начальникъ драгунской дивизіи.

[4]) Впослѣдствіи генералъ-маіоръ.

капитану графу Кушелеву[1]). Прочіе офицеры этой части неизвѣстно куда скрылись. Я приказалъ немедленно снаружи, у каждаго входа, поставить двухъ фейерверкеровъ, въ видѣ часовыхъ, внушивъ имъ строго, не впускать никого безъ предварительнаго мнѣ о томъ доклада. Вслѣдствіе этого распоряженія, всѣ возвращавшіеся офицеры арестовывались и являлись передъ людьми уже наказанными за одну только мысль, что при тогдашней обстановкѣ и неурядицѣ можно было какой-нибудь безпорядокъ затѣять. Замѣчательно то обстоятельство, что въ этотъ промежутокъ времени заѣзжалъ и хотѣлъ войдти адъютантъ генерала Бистрома, князь Оболенскій; но когда ему объявили, что его не впустятъ безъ доклада генералу Сухозанету, то онъ, сѣвъ обратно въ сани, ускакалъ стремглавъ. Между тѣмъ порядокъ еще надежнѣе устанавливался. Арестовавъ виновныхъ офицеровъ, я послалъ ихъ сабли къ коменданту, а самъ отправился къ государю доложить обо всемъ происшедшемъ. Государь вышелъ ко мнѣ съ лицемъ серьезнымъ, но спокойнымъ; и когда я, вкратцѣ изложивъ ходъ событій, разсказалъ, что нарушенный порядокъ возстановленъ, что виновные арестованы и сабли ихъ отосланы къ коменданту, то государь сказалъ: „возвратите имъ сабли; я не хочу знать кто они“; но добавилъ весьма грознымъ тономъ, возвышая голосъ, „но ты отвѣчаешь мнѣ за все головою“. Я возвратился поспѣшно въ конную артиллерію; хотя холодъ былъ умѣренный, но я весь продрогъ; въ казармахъ, не смотря на то, что я засталъ совершенный порядокъ, людей еще не распускали, потому что поджидали священника для присяги. Послѣ прочтенія оной, когда люди стали прикладываться къ евангелію, мы были осчастливлены прибытіемъ великаго князя Михаила Павловича. Это посѣщеніе всѣхъ насъ восхитило; солдаты убѣдились, что въ нихъ хотѣли только поколебать долгъ законнаго повиновенія. Ласковое обращеніе великаго князя съ нижними чинами, то добродушіе, которое постоянно его отличало, благотворно дѣйствовали на всѣхъ; но это было не на долго. Неожиданно прибылъ адъютантъ его высочества Н. М. Толстой[2]) и сказалъ нѣсколько словъ шопотомъ великому князю. Его высочество вышелъ съ нимъ изъ коридора въ помѣщеніе нижнихъ чиновъ, дверь была заперта, и вслѣдъ за тѣмъ его высочество насъ оставилъ, высказавъ мнѣ весьма ласково: „Пожалуйста, Иванъ Онуфріевичъ, приводите все къ концу, въ строгомъ порядкѣ; я не могу, да мнѣ и не нужно здѣсь долѣе оставаться! Прощайте!“ Тогда мы, касательно этого внезапнаго отъѣзда,

---

[1]) Впослѣдствіи свиты его величества генералъ-маіоръ, состоящій при его превосходительствѣ генералъ-фельдцейхмейстерѣ.

[2]) Нынѣ генералъ-адъютантъ и директоръ чесменской военной богадѣльни.

оставались въ полномъ недоумѣніи; но впослѣдствіи узнали, что въ ту минуту получено было извѣстіе о томъ, что взбунтовалась часть московскаго полка. Еще продолжали спокойно прикладываться къ евангелію; хотя государь императоръ приказалъ отдать сабли арестованнымъ офицерамъ, мнѣ удалось испросить дозволеніе его высочества, чтобы, до возвращенія моего изъ дворца отъ молебна, оставить ихъ подъ арестомъ, каждаго отдѣльно, въ солдатскихъ помѣщеніяхъ, какъ мною первоначально сдѣлано распоряженіе. Въ такомъ положеніи оставилъ я конную артиллерію, а самъ поѣхалъ домой переодѣться и везти пріятное извѣстіе во дворецъ къ молебну; но противъ преображенскаго госпиталя остановилъ меня генеральнаго штаба полковникъ князь Андрей Михайловичъ Голицынъ, со словами: „Извѣстно ли вамъ, любезный генералъ, о главномъ возмущеніи? Графъ Милорадовичъ смертельно раненъ на Сенатской площади; кавалерія безуспѣшно аттаковала мятежниковъ!“ Я тотчасъ отправилъ сидѣвшаго со мною адъютанта въ казармы конной артиллеріи, приказавъ ему молчать о возмущеніи, но пригласить полковника Гербеля, чтобы онъ безвыходно оставался въ казармахъ до моего изъ дворца возвращенія; а самъ поскакалъ домой. Камердинеръ, ожидавшій меня на крыльцѣ, не далъ мнѣ подъѣхать, а закричалъ: „Дежурный генералъ пріѣзжалъ къ вамъ отъ государя и отправился въ 1-ю бригаду!“ Тогда я понялъ, что извѣстіе, сообщенное мнѣ княземъ Голицынымъ, была страшная истина; приказавъ вести одну верховую лошадь вслѣдъ за мною, а другую—направить тотчасъ ко дворцу, я самъ устремился въ 1-ю бригаду. Дворъ я нашелъ пустымъ; подчасокъ сказалъ мнѣ, что генералъ Потаповъ находится въ дежурной комнатѣ, куда я тотчасъ побѣжалъ. Потаповъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ, и когда я спросилъ его: „зачѣмъ онъ присланъ?“ онъ какъ бы очнулся: „все взбунтовалось, генералъ; государь требуетъ артиллерію!“ Я бросился на конюшню; тамъ все уже было въ движеніи; я лично распорядился, чтобы первыя 4 орудія роты его высочества скорѣе запрягались и самъ повелъ ихъ, приказавъ полковнику Нестеровскому такимъ же порядкомъ отправлять, черезъ цѣпной мостъ, по 4 орудія ко дворцу. Адъютанта же Философова послалъ прямо въ лабораторію затѣмъ, чтобы привезти хотя нѣсколько зарядовъ прямо ко дворцу, для чего захватить извощиковъ, хотя бы силою; зарядные же ящики полковникъ Нестеровскій долженъ былъ позднѣе доставить. На Литейной встрѣтилъ я свою верховую лошадь, скомандовалъ: на орудія садись! и пустилъ лошадь въ полный галопъ. Черезъ цѣпной мостъ изъ предосторожности провелъ орудія шагомъ, а миновавъ оный, опять орудія помчались съ посаженной прислугой, мимо дома Апраксиной и

павловскихъ казармъ. Въ этомъ мѣстѣ встрѣтилъ я Нейдгардта, выѣзжавшаго изъ Миллiонной; подъѣхавъ къ нему, я спросилъ, куда онъ ѣдетъ? на что онъ весьма невнятно мнѣ что-то пробормоталъ. За нимъ замѣтилъ я безпорядочную толпу солдатъ, бѣгущихъ въ разсыпную изъ Мраморнаго переулка. „А это что?", спросилъ я. „Это бунтующіе гренадеры", отвѣчалъ мнѣ Нейдгардтъ и ускакалъ далѣе. Между тѣмъ артиллерія приблизилась; я скомандовалъ: „шагомъ, слѣзай, стой, равняйсь! ребята оправьтесь! по дворцу надобно идти въ порядкѣ!" Подъ этимъ предлогомъ пропустилъ я толпу бунтовщиковъ мимо себя и отсталъ отъ нихъ. Потомъ, подтвердивъ, чтобы всѣ шли на своихъ мѣстахъ, стройно и весело, скомандовалъ: вольнымъ шагомъ, маршъ! Толпа лейбъ-гренадеръ находилась въ то время не болѣе, какъ въ 300 шагахъ; я подъѣхалъ къ ней и, замѣтивъ нѣсколькихъ офицеровъ, шедшихъ неохотно въ замкѣ, за этимъ сборищемъ, сказалъ имъ: „теперь, господа, болѣе чѣмъ когда-нибудь, должно офицерамъ быть впереди и на своихъ мѣстахъ!" (кажется мнѣ, что тутъ находился полковникъ Стюрлеръ, но удостовѣрить не могу). Во время моего медленнаго движенія по Миллiонной, остальные 2 дивизіона роты его высочества къ намъ примкнули. Когда мы вышли на Дворцовую площадь, бунтъ былъ въ полномъ разгарѣ; испуганное духовенство въ саняхъ мчалось вдоль по Адмиралтейской площади.

Выстроивъ дивизіоны, сомкнувъ колонну, я приказалъ полковнику Апрѣлеву строго наблюдать за людьми, которые видѣли, что толпа лейбъ-гренадеръ потянулась длинною кишкою вдоль бульвара къ сенату; самъ же я сталъ искать государя. Обскакивая толпу мятежниковъ, мнѣ попался Пановъ, бѣжавшій во главѣ колонны гренадеръ. Я закричалъ этимъ людямъ: „срамитесь, ребята; идете за этой рожей".

Близъ Вознесенскаго проспекта, засталъ я государя и испросилъ его приказанія. Государь весьма хладнокровно сказалъ: „выстройтесь поперегъ площади". Я былъ душевно радъ, видя спокойствіе его лица; но мною овладѣлъ страхъ, когда я замѣтилъ, что онъ въѣхалъ въ середину, перерѣзывая путь бѣгущимъ лейбъ-гренадерамъ, и громко воскликнулъ: „стой, ребята! куда вы идете?" Самоотверженію юнаго Государя нельзя было не восхищаться; тутъ выказалось явное покровительство Всевышняго! Бунтовщики не только могли выстрѣлить, но даже пронзить его! И что же? они обходили лошадь спереди и сзади и, потупивъ глаза, слѣдовали далѣе. Выѣзжая изъ этой безпорядочной толпы, государь еще разъ повернулся къ ней лицомъ и, какъ бы съ прискорбіемъ, сказалъ: „они меня не слушаютъ" и направился ко

дворцу, а я выстроилъ батарею правымъ флангомъ къ бульвару, а лѣвымъ — къ Невскому проспекту, такъ что послѣднія два орудія могли бы, повернувшись, дѣйствоватъ вдоль Невскаго. Снявъ съ передковъ, я громко скомандовалъ: „Батарея! орудія заряжай, съ зарядомъ—жай!“ Это произвело замѣтное на всѣхъ окружающихъ впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ государь очутился передъ фронтомъ, поздоровался съ людьми; я подъѣхалъ къ нему и, нагнувшись, весьма тихо сказалъ: „орудія заряжены, но безъ зарядовъ; черезъ нѣсколько минутъ заряды будутъ!“—„Ты мнѣ доложишь“,—былъ отвѣтъ государя. Дѣйствительно, въ скорости Философовъ привезъ людей съ зарядами на извощикахъ. Я немедленно донесъ государю, что орудія заряжены уже картечью. „Хорошо“, отвѣчалъ онъ, съ тою важною осанкою, которая какъ бы перелилась въ него отъ покойнаго императора Александра I.

Многолюдство безпрестанно увеличивалось на Адмиралтейской площади, но тутъ не было никакого волненія. Присутствіе государя, безпрестанно проѣзжавшаго верхомъ, спокойно, съ величественнымъ видомъ, какъ бы передавалось,—всѣ ходили безъ страха, но въ недоумѣніи, ожидая, чѣмъ это все кончится.

Между тѣмъ на Сенатской площади, шумъ, доказывающій броженіе мятежническихъ умовъ, усиливался: толпа разночинцевъ сильно волновалась позади колоннъ; пьяные представляли какъ бы видъ шумнаго базара — все это я хорошо видѣлъ, въѣхавши верхомъ на бульваръ. Тутъ чувство безукоризненно исполненнаго долга и рѣзко отличающаяся исправность ввѣренной мнѣ части, разогнавъ во мнѣ мрачную скорбь, которою съ утра я былъ проникнутъ, породили во мнѣ мысль ѣхать къ государю съ предложеніемъ; я пустился вдоль площади и нагналъ государя противъ часовъ дворца (гдѣ теперь монументъ императору Александру I). Государь ѣхалъ шагомъ; я подскакалъ къ нему съ правой стороны и въ торопяхъ сказалъ: „Ваше высочество! прикажите пушкамъ очистить Сенатскую площадь!“ Я не окончилъ фразы, которая должна была объяснить причину сего предложенія, какъ государь, по первому моему слову, остановился, взглянулъ на меня съ такимъ строгимъ негодованіемъ, что у меня языкъ оцѣпенѣлъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ повернулъ свою лошадь на лѣво — прочь отъ меня. Это меня поразило и сконфузило такъ, что я даже и теперь, какъ бы во снѣ, это вижу. Я поѣхалъ шагомъ къ орудіямъ. Еще болѣе убитый, нежели какъ былъ послѣ моего доклада о конной артиллеріи, думалъ, неужели титулъ „ваше высочество“, ошибкою произнесенный, могъ его огорчить. Но вскорѣ, увидѣвъ его издали опять, спокойно ѣдущаго, обращающагося ласково со всѣми, я ду-

малъ, вѣроятнѣе, что предложеніе кровопролитія могло ему не понравиться. Эта мысль меня нѣсколько ободрила, хотя не успокоила. Я завидовалъ участи Милорадовича. Грусть повлекла меня опять на бульваръ, откуда я хорошо видѣлъ еще увеличивающееся волненіе и передъ колоннами особенно же, позади ихъ колоннъ. 2 часа уже пробило на Адмиралтейской башнѣ; я еще стоялъ долго. На мой взглядъ бѣда возрастала; я думалъ, что ежели до ночи это не кончится, то мятежъ можетъ сдѣлаться опаснымъ. Это дало мнѣ рѣшимость опять искать государя; „но уже буду говорить по-русски", думалъ я, и настигъ его почти противъ воротъ дежурнаго генерала. „Государь! сумерки уже близки, а толпа бунтовщиковъ увеличивается. Темнота въ этомъ положеніи опасна!" (достовѣрно не утверждаю, но мнѣ помнится, что я выразилъ желаніе быть посланнымъ къ мятежникамъ). Государь, не останавливаясь, ѣхалъ шагомъ и не отвѣчалъ мнѣ ни слова; но лицо его не измѣнилось—онъ, казалось, какъ бы взвѣшивалъ обстоятельства; я опасался, но не сконфузился. Спустя около 1/4 часа, я получилъ приказаніе государя подвести орудія противъ мятежниковъ. Тогда я взялъ 4 легкихъ орудія съ поручикомъ Бакунинымъ, и сдѣлавъ „лѣвое плечо впередъ" у самаго угла бульвара, поставилъ лицо въ лицо противъ колонны мятежниковъ, снявъ съ передковъ. Въ это время государь, стоявшій тутъ же верхомъ, у досчатаго забора, не совсѣмъ даже закрытый отъ мятежниковъ, подозвалъ меня и послалъ сказать имъ послѣднее слово пощады. Я погналъ лошадь въ галопъ, въѣхалъ въ колонну мятежниковъ, которые держали ружья у ноги и раздались передо мною. „Ребята! сказалъ я, пушки передъ вами; но государь милостивъ, не хочетъ знать именъ вашихъ и надѣется, что вы образумитесь—онъ жалѣетъ васъ". Всѣ солдаты потупили глаза и впечатлѣніе было замѣтно; но нѣсколько фраковъ и мундировъ начали, сближаясь, произносить поруганія. „Сухозанетъ, развѣ ты привезъ конституцію?" — „Я присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ", — и съ этимъ словомъ порывисто обернулъ лошадь; бунтовщики отскочили и я, давъ шпоры, выскочилъ. Съ султана моего перья посыпались; но мнѣ кажется, что по мнѣ были сдѣланы выстрѣлы изъ пистолетовъ не солдатскіе, потому что солдаты находились тогда въ замѣтномъ смущеніи.

Государь, какъ выше сказано, былъ тутъ же; все происходило въ глазахъ его. Я подъѣхалъ и сказалъ: „Ваше величество! сумасбродные кричатъ: конституція!" Государь пожалъ плечами и скомандовалъ: „пальба орудіями по порядку!" На этомъ мѣстѣ всего было сдѣлано 4 выстрѣла картечью, одинъ за однимъ, прямо въ колонны,—

орудія наводить не было надобности, разстояніе было слишкомъ близкое.

Между тѣмъ, у мятежниковъ сдѣлалось большое волненіе; при первомъ выстрѣлѣ они стрѣлять начали, но дѣйствіе испуга было явное— всѣ ихъ выстрѣлы были вверхъ. Масса обернулась и побѣжала, а по третьему выстрѣлу на мѣстѣ уже никого не осталось, кромѣ тѣхъ, которые уже не вставали; но таковыхъ было немного: на столь близкое разстояніе картечь, разсыпаясь, не была смертоносна, а оставила только много пятенъ на стѣнахъ сената и частныхъ домовъ, находившихся на теперешнемъ мѣстѣ св. синода.

Между тѣмъ 1-я легкая, а за нею и 2-я батарейныя батареи пришли на площадь и стали въ резервъ. Нѣсколько легкихъ орудій отправилось съ полковникомъ Статковскимъ въ обходъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Государь уѣхалъ во дворецъ, не желая видѣть этого плачевнаго зрѣлища; а я, придвинувъ орудія къ углу сената, видѣлъ, смѣха и жалости достойное, бѣгство толпы вдоль Англійской набережной. Нѣкоторые стремглавъ бросались черезъ парапетъ въ Неву, куда они падали въ глубокій снѣгъ, какъ на перину, а многіе даже не вставали. Я приказалъ заряженнымъ орудіямъ картечью выстрѣлить вверхъ, а потомъ, для страха, сдѣлалъ по одному выстрѣлу съ каждаго орудія ядрами, также вверхъ, вдоль Невы, приказавъ наводить лѣвѣе горнаго корпуса. Этимъ дѣйствіе артиллеріи совершенно окончилось.

Узнавъ, что мятежники скрылись въ домѣ графини Лаваль, я вбѣжалъ въ нижніе комнаты, гдѣ полковникъ Арбузовъ остановилъ меня словами: „ваше превосходительство, не ходите! ихъ тамъ множество“; я, однако, побѣжалъ далѣе по корридору, мнѣ тогда еще неизвѣстному[1].... Темнота заставила меня вернуться, чтобы дать приказаніе тотчасъ поставить отъ пѣхоты сильный караулъ у входа и объяснить, кажется, Арбузову, что полезно было бы у каждаго изъ домовъ Англійской набережной поставить часовыхъ, а также и въ Галерной, соединивъ ихъ промежуточными караулами. Затѣмъ я добавилъ: „это до артиллеріи не касается, но доложите своимъ начальникамъ; этимъ, кажется мнѣ, надо бы распорядиться“. Самъ я тотчасъ поскакалъ во дворецъ, гдѣ уже разъѣзжались послѣ молебна. Къ ночи всѣ войска и при нихъ артиллерія стали бивуаками у огней: пѣшая артиллерія почти вся вокругъ дворца, только два орудія поставлены у Аничкова моста; конная же артиллерія пошла на Васильев-

[1]) И. О. Сухозанетъ впослѣдствіи женился на племянницѣ графини Лаваль.
А. С.

скій Островъ и примкнула къ кавалеріи. Всю ночь объѣзжалъ я войска, солдаты были очень веселы; они понимали, что свой долгъ по присягѣ исполнили. Пролежавъ съ ними всю ночь на снѣгу, для примѣра, что весьма ободрило и самихъ офицеровъ, я передъ разсвѣтомъ, въ началѣ 7-го часа, пошелъ въ комнаты государя и вмѣстѣ съ генералъ-адъютантами пилъ чай, въ одной залѣ, когда вошелъ, блѣдный, разстроенный полковникъ князь Трубецкой (сопровождаемый не помню кѣмъ) и прямо былъ введенъ въ кабинетъ государя. Оттуда онъ вышелъ уже арестованнымъ, безъ шпаги, и тогда всѣ узнали, что онъ былъ участникомъ въ заговорѣ.

Около 9-ти часовъ утра, 15-го декабря, императоръ выѣхалъ къ войскамъ; въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ артиллерію и, подозвавъ меня, объявилъ, что назначаетъ меня генералъ-адъютантомъ; сдѣлалъ въ краткихъ словахъ какъ бы перечень моей службы покойному его брату, добавилъ увѣренность, что и ему буду служить такимъ же образомъ. Въ эту незабвенную для меня минуту, я еще просилъ себѣ одной милости, въ которой онъ мнѣ не только не отказалъ, но самымъ великодушнымъ отвѣтомъ совершенно меня успокоилъ и осчастливилъ.

Государь, объѣхавъ всѣ войска при радостныхъ крикахъ „ура!" приказалъ ихъ распустить. Тѣмъ все и кончилось.

Иванъ Сухозанетъ.

Сообщ. **А. И. Сухозанетъ.**

СЪѢЗДЪ ЧЛЕНОВЪ „СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВІЯ".

1821 г.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1872 г. (т. VI, стр. 597—602), помѣщенъ отвѣтъ Е. И. Якушкина на мою біографическую замѣтку („Русская Старина", изд. 1872 г., т. V, стр. 775—781) о покойномъ отцѣ моемъ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ. Въ отвѣтѣ этомъ утверждается справедливость разсказа И. Д. Якушкина о съѣздѣ членовъ „Союза Благоденствія", бывшемъ въ 1821 году, коимъ М. Ѳ. Орлову приписываются слова и предложенія, столь же неблаговидныя, сколько и несообразныя съ извѣстной прямотой его характера; и, въ подкрѣпленіе словъ И. Д. Якушкина, приводится донесеніе или записка тайнаго агента Грибовскаго о томъ же съѣздѣ, поданная императору Александру I, черезъ князя И. В. Васильчикова.

Желая избѣгнуть всякой полемики съ Е. И. Якушкинымъ, для насъ обоихъ, вѣроятно, тягостной, но, не будучи въ правѣ оставить его обвиненій безъ отвѣта, я обратился къ свидѣтельству уцѣлѣвшихъ дѣятелей Александровской эпохи, на которыхъ указываетъ самъ Е. И. Якушкинъ, и, между прочимъ, къ достопочтенному графу Павлу Христофоровичу Граббе, лично присутствовавшему на съѣздѣ членовъ „Союза Благоденствія", въ январѣ 1821 года. Вотъ мое письмо къ графу:

„М. г., графъ Павелъ Христофоровичъ."

„Вы изволили прочесть біографическую замѣтку о покойномъ отцѣ моемъ, М. Ѳ. Орловѣ, напечатанную мною въ майской кн. 1872 г. „Русской Старины", по поводу одной страницы „Исторіи царствованія Александра I"—генерала Богдановича, и, безъ сомнѣнія, достойно оцѣнили причины, побудившія меня взяться за перо. Оскорбленный во всемъ, что составляетъ религію моей жизни и корень моихъ убѣжденій и правилъ, какъ сынъ, какъ гражданинъ, коему дорогъ одинъ

изъ немногихъ совершенно чистыхъ и свѣтлыхъ образовъ, въ лицѣ М. Ѳ. Орлова, прошедшихъ черезъ русское общество первой половины текущаго столѣтія, я не могъ не заявить протеста противъ повѣствованія, уже по званію его издателя, имѣющаго занять мѣсто въ отечественной исторіи, и между тѣмъ, въ столь мелочномъ и недостойномъ видѣ выставляющаго характеръ отца моего. По мѣрѣ выбытія, изъ числа живыхъ, современниковъ императора Александра I, выбыли бы и послѣдніе очевидцы общественныхъ движеній его эпохи, и я лишился бы послѣднихъ свидѣтелей, на коихъ, благодаря Бога, могу еще опереться для выясненія истины. Ихъ, увы! осталось не много; и потому именно я и поспѣшилъ напечатать мою замѣтку, въ надеждѣ вызвать сочувственный отголосокъ въ подтвержденіе моихъ словъ и глубокаго нравственнаго убѣжденія въ полной ихъ правдивости, по крайней мѣрѣ во всемъ, что лично касается батюшки.

„Къ истинному прискорбію, въ возраженіи моемъ генералу Богдановичу оказалось невозможнымъ совершенно избѣгнуть нѣкотораго болѣзненнаго соприкосновенія съ чувствами и убѣжденіями, столь же почтенными, какими я считаю свои собственныя. Страница исторіи генерала Богдановича о съѣздѣ 1821 года, какъ онъ мнѣ объяснилъ лично, почерпнута имъ изъ „Записокъ", приписываемыхъ И. Д. Якушкину и напечатанныхъ въ Лондонѣ, въ 1862 году. Считая повѣствованіе Якушкина или вымысломъ неизвѣстнаго издателя его записокъ, произвольно включеннымъ въ подлинный ихъ текстъ; или же плодомъ старческой забывчивости и нервической раздражительности темперамента ихъ многострадальнаго составителя, я не могъ не упомянуть о томъ и другомъ моемъ предположеніи, тѣмъ болѣе, что по внимательномъ прочтеніи „Записокъ", въ нихъ оказывается много (частію мнѣ лично извѣстныхъ) несообразностей и бездна внутреннихъ противорѣчій; что редакція ихъ слаба до очевидности, хронологія фактовъ перепутана, или вовсе упущена; словомъ, что для незаинтересованнаго даже читателя онѣ не представляютъ того характера внутренней спокойной точности представленій, какая требуется отъ всякаго повѣствованія, имѣющаго притязаніе на историческую достовѣрность, въ этомъ можетъ убѣдиться всякій; и, выставляя это на видъ, я нисколько не думалъ посягнуть на нравственное достоинство автора, которое уже потому стоитъ выше моей оцѣнки, что я не имѣлъ чести быть лично съ нимъ знакомымъ, и что мнѣ извѣстно глубокое уваженіе, которое питали и питаютъ къ душевнымъ качествамъ И. Д. Якушкина его сострадальцы и знакомые. Тѣмъ не менѣе, въ ноябрской книгѣ „Русской Старины", изд. 1872 г.,

напечатанъ „Отвѣтъ“ Е. И. Якушкина, сына покойнаго Ивана Дмитріевича на мою „замѣтку“. Я не буду и не желаю, мнѣ тяжело возражать Е. И. Якушкину. Судя по себѣ, я понимаю его впечатлѣнія и вполнѣ ихъ оцѣниваю. Пусть все, что въ его „отвѣтѣ“ относится лично до меня и до плохой, будто-бы, услуги, которую я оказалъ памяти моего отца, останется безъ возраженія. Дѣло не въ мелочныхъ подробностяхъ и не въ личномъ препираніи между нами, а въ томъ, чтобы доставить читающей и мыслящей части русскаго общества возможно-точный матеріалъ для справедливой оцѣнки фактовъ и дѣятелей извѣстной исторической эпохи. Я готовъ согласиться, что нѣкоторыя второстепенныя подробности моего повѣствованія о съѣздѣ 1821 г., на которыя указываетъ Е. И. Якушкинъ, именно тѣ, коимъ, за давностію времени, когда я ихъ слышалъ, я не могу съ достовѣрностію приписать опредѣленнаго источника (какъ-то: о степени обрядности, соблюденной на съѣздѣ; о томъ, формально ли Орловъ распустилъ „Союзъ Благоденствія“, какъ одинъ изъ основателей онаго и т. д.), что эти, и имъ подобныя, выраженія мои, можетъ быть, не съ должной точностію передаютъ внѣшнюю физіогномію фактовъ.

„Но я не могу не остановиться на томъ, что въ „Отвѣтѣ“ Е. И. Якушкина и въ „Запискахъ“ его отца прямо относится къ нравственному достоинству и характеру батюшки; на томъ, что бросаетъ неблаговидную тѣнь на его побужденія и образу его дѣйствій придаетъ ни съ какой минутой его жизни не сообразный оттѣнокъ. Въ этомъ собственно отношеніи и видахъ, я смѣло обращаюсь къ вашему сіятельству, какъ къ одному изъ лицъ, по имени указанныхъ въ „Запискахъ“ И. Д. Якушкина, въ числѣ присутствовавшихъ на съѣздѣ 1821 года, съ убѣдительною просьбою, дать мнѣ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

„На съѣздѣ членовъ „Союза Благоденствія“, бывшемъ въ Москвѣ въ началѣ января 1821 года, требовалъ ли М. Ѳ. Орловъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію, какъ то приводитъ Е. И. Якушкинъ со словъ „записки тайнаго агента“ М. К. Грибовскаго, поданной императору Александру?

„Предлагалъ-ли М. Ѳ. Орловъ учрежденіе невидимыхъ братьевъ? (записка того же тайнаго агента).

„Предлагалъ-ли М. Ф. Орловъ заведеніе тайныхъ типографій въ лѣсахъ и дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій? (записка Грибовскаго и „записки“ И. Д. Якушкина).

„NB. Все это для того, чтобъ найти предлогъ отстать отъ общества, такъ какъ невозможно было ожидать, чтобъ они

(т. е. предложенія) были приняты (записка Грибовскаго и записки И. Д. Якушкина).

„Если, наконецъ, все вышесказанное не вѣрно, то въ чемъ именно состояла сущность заявленій и предложеній М. Ѳ. Орлова въ вышеозначенномъ засѣданіи членовъ „Союза Благоденствія"?

„Краткимъ отвѣтомъ на эти вопросы и разрѣшеніемъ мнѣ его напечатать, ваше сіятельство крайне обяжете всѣхъ почитателей исторической истины и справедливости, которую я исключительно въ настоящую минуту преслѣдую. Москва, 14-го декабря 1872 года."

На это письмо графъ П. Х. Граббе почтилъ меня слѣдующимъ отвѣтомъ:

„М. г. Николай Михайловичъ!

„На письмо ваше, отъ 14-го декабря 1872 года, долгомъ считаю отвѣтить:

„Не какъ членъ „Союза Благоденствія", каковымъ, въ сущности, я никогда не былъ, но по случаю, который въ настоящую минуту не требуетъ объясненій, мнѣ, дѣйствительно, довелось присутствовать на съѣздѣ 1821 года, въ тотъ самый вечеръ, когда на ономъ былъ и батюшка вашъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.

„Я слышалъ все, что было говорено въ этотъ день Михаиломъ Ѳедоровичемъ, и имѣлъ самъ случай сказать нѣсколько словъ немедленно послѣ него, въ подтвержденіе его мнѣнія, общее значеніе коего состояло въ настоятельномъ совѣтѣ и убѣжденіи присутствующимъ прекратить всякія дальнѣйшія дѣйствія по тому пути, по которому они до того слѣдовали, такъ какъ онъ можетъ довести лишь до общаго зла и погибели.

„Что же касается до предложеній, которыя, по словамъ Грибовскаго и И. Д. Якушкина, будто бы, были сдѣланы Орловымъ, съ цѣлію найти предлогъ отдѣлиться отъ сообщниковъ, и о которыхъ вы упоминаете,—я таковыхъ отъ него не слыхалъ; и полагаю, что трудно бы было не слышать того, что говорилось и предлагалось въ нашемъ собраніи, тѣмъ болѣе, что слова вашего батюшки непремѣнно принимались съ напряженнымъ вниманіемъ.

„Разсказъ И. Д. Якушкина для меня необъяснимъ, и идетъ совершенно въ разрѣзъ тому понятію, которое я себѣ издавна составилъ о характерѣ и умственныхъ свойствахъ уважаемаго Михаила Ѳедоровича. Что же касается записки Грибовскаго, то могу только сказать, что на съѣздѣ его не было; и слова его вообще о томъ, что на ономъ происходило, должны быть приняты, только какъ отголосокъ подпольныхъ сплетенъ, бывшихъ, безъ сомнѣнія, въ ходу во-

время и послѣ съѣзда. Примите увѣреніе и проч. Москва, 1873 г. февраля 5-го дня. Графъ Павелъ Граббе.“

На этомъ показаніи подобнаго очевидца нашъ споръ, кажется, долженъ окончиться. Я, по крайней мѣрѣ, могу считать честь покойнаго батюшки достаточно огражденной.

Могу только прибавить, что Е. И. Якушкинъ ошибочно утверждаетъ, что М. Ѳ. Орловъ, по собственному показанію, сдѣлался членомъ „Союза Благоденствія“ не раньше іюля 1820 г. Прошу обратить вниманіе на то, что батюшка, въ 1817 году, былъ назначенъ начальникомъ штаба въ Кіевѣ, и съ того времени, до 1821 года, не видался съ Тургеневымъ и не былъ на сѣверѣ; а между тѣмъ, несомнѣнно, что онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ и основныхъ членовъ перваго тургеневскаго общества, основаннаго въ Петербургѣ около 1816 г., и о которомъ я упоминаю въ моей біографической замѣткѣ. Связь, дружеская связь батюшки съ Тургеневымъ началась еще въ 1815 году; и есть указанія, что первоначальное общество не носило сперва названія „Союза Благоденствія“, а приняло его только впослѣдствіи. Отъ этого произошло, вообще, въ разсказахъ о томъ времени много сбивчивости и разнорѣчій.

Если „собственное показаніе“, о коемъ, выше сказано, находится въ донесеніи слѣдственной коммиссіи, то этимъ еще ничего не доказывается въ подробностяхъ; этого рода „донесеніе“ могло ошибаться, могло и невникнуть; да и не къ чему было загромождать ими и безъ того уже пространное изложеніе, въ которомъ М. Ѳ. Орловъ является почти не какъ подсудимый, а только какъ лицо прикосновенное.

Н. М. Орловъ.

Москва.
9-го февраля 1873 года.

Замѣтки Влад. Ѳед. Раевскаго, написанныя имъ въ Сибири.

1844.

Предложеніе правительствующему сенату управляющаго министерствомъ юстиціи, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукова, 1827 года октября 28-го числа.

За отсутствіемъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, товарищъ его, генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ, препроводилъ къ бывшему министру юстиціи копію съ высочайше конфирмованнаго, въ 15-й день минувшаго октября, всеподданнѣйшаго доклада начальника главнаго штаба [1]) его величества по двумъ военносуднымъ дѣламъ: о маіорѣ 32-го егерскаго полка Раевскомъ [2]) и братѣ его, отставномъ корнетѣ Раевскомъ, сужденномъ за разные противузаконные поступки. Изъ сего доклада, между прочимъ, видно, что высочайше учрежденная, для разсмотрѣнія сихъ дѣлъ, коммиссія, почитая, что корнетъ Григорій Раевскій продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи достаточно наказанъ уже за фальшивый свой поступокъ [3]), на который рѣшился онъ не по особеннымъ какимъ-

---

[1]) Графа Дибича, душевнаго друга генерала Сабанеева. В. Р.

[2]) Надъ маіоромъ Раевскимъ произведено было 4 военно-судныхъ дѣла: 1) при 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Сабанеева; 2) въ высочайше учрежденномъ комитетѣ противъ государственныхъ преступниковъ; 3) въ Царствѣ Польскомъ, въ крѣпости Замостье, подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова, такъ называемая высочайше учрежденная коммиссія; 4) при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашева и подъ надзоромъ великаго князя Михаила Павловича.

[3]) 1823 г. въ исходѣ, или 1824 года, отставной корнетъ Григорій Раевскій просилъ неотступно у своего отца позволенія съѣздить въ Одессу или Тирасполь, и узнать, за что братъ его, маіоръ Владиміръ Раевскій, преданъ суду, потому что маіоръ Раевскій судился секретно и узнать стороною было не возможно; но отецъ его, Ѳедосей Раевскій, ему рѣшительно въ томъ отказалъ. Черезъ этотъ отказъ желаніе молодаго, 17-ти лѣтняго человѣка только усилилось; онъ отыскалъ между бумагами нѣсколько старыхъ подороженъ братьевъ своихъ и, выбравъ лучшую, подскоблилъ годъ и отправился въ Одессу, сказавши отцу, что ѣдетъ въ Курскъ; пріѣхавши въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ проговорился, а какъ арестъ маіора Раевскаго считался весьма важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевскаго тотчасъ донесли графу Ланжерону, бывшему генералъ-губернатору. Ланжеронъ донесъ высшему начальству. Корнета Раевскаго взяли и увезли въ крѣпость Шлиссельбургскую, гдѣ онъ лишился ума; потомъ перевезли его въ крѣпость Замостье, а оттуда домой, гдѣ онъ, вслѣдствіе пятилѣтняго заключенія и помѣшательства ума, вскорѣ умеръ.

В. Р.

либо видимъ, но по незрѣлости лѣтъ и развращенному поведенію; притомъ же поступокъ сей учиненъ имъ до состоянія еще всемилостивѣйшаго манифеста, 22-го августа 1826 года,—полагала, освободя упомянутаго корнета Григорія Раевскаго изъ-подъ ареста, доставить въ имѣніе отца, гдѣ и быть ему подъ присмотромъ родственниковъ. Командующій же гвардейскимъ корпусомъ, разсмотрѣвъ заключенія означенной высочайше учрежденной коммиссіи и находя оныя, въ отношеніи къ обвиненію подсудимыхъ и сопричастныхъ къ этому лицъ [1]), равно къ оправданію нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ, по неприкосновенности ихъ къ поступкамъ маіора Раевскаго, съ достаточными для опредѣленія по нимъ мѣры наказанія виновнымъ, присовокупляетъ съ своей стороны: 1) что маіоръ Раевскій [2]), хотя, по удостовѣренію коммиссіи, и не принадлежалъ къ составленному, послѣ 1821 года, злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее объ немъ изслѣдованіе по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки, изъясненные къ рапортѣ коммиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни [3]), и потому на счетъ его, находя приговоръ коммиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевскаго, лиша чиновъ, заслуженныхъ имъ: ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги, съ надписью „за храбрость", медали въ

[1]) Сопричастныхъ лицъ, по 4 суднымъ дѣламъ, никого и нигдѣ не было. **В. Р.**

[2]) Маіоръ Раевскій судился въ комитетѣ о государственныхъ преступникахъ и найденъ рѣшительно непричастнымъ къ заговору. Да и не могъ принадлежать къ тому обществу, которое учреждено въ 1823 году, такъ какъ онъ заключенъ былъ въ крѣпость Тираспольскую въ 1822 г. 6-го февраля. **В. Р.**

[3]) Собственное же поведеніе и поступки, а въ особенности образъ мыслей (кто ихъ проникъ?) столь важны, что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ коммиссія и всѣ суды не могли огласить. Въ чемъ же состояла важность его поступковъ и думъ? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя одинъ поступокъ и одну или двѣ мысли?.... Маіоръ Раевскій лишенъ чиновъ, орденовъ, имѣнія; 6 лѣтъ содержался въ крѣпостномъ заключеніи, и сосланъ въ Сибирь, какъ вредный въ обществѣ человѣкъ, за важные поступки и образъ мыслей. Командующій гвардейскимъ корпусомъ опредѣлилъ: удалить маіора Раевскаго въ Сибирь, какъ вреднаго человѣка, находя приговоръ высочайше учрежденной коммиссіи и конфирмаціи цесаревича Константина Павловича не соотвѣтствующими; въ чемъ же состояла сія не соотвѣтствующая конфирмація высочайше учрежденной коммиссіи, которая судила маіора Раевскаго въ крѣпости Замостье около года? въ томъ: «чтобъ освободить маіора Раевскаго изъ заключенія съ вознагражденіемъ, или безъ вознагражденія на службу; а ежели за тѣмъ остаются какія-либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства». **В. Р.**

памяти 1812 года и дворянскаго достоинства, удалить, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, въ Сибирь на поселеніе; и 2) что бывшій гевальдигеромъ 16-й пѣхотной дивизіи поручикъ Таушевъ, получа отъ начальства предписаніе о принятіи въ вѣдѣніе свое, послѣ ареста Раевскаго, всѣхъ находившихся въ школѣ таблицъ, книгъ и разныхъ вещей, взялъ только однѣ печатныя таблицы Греча, а книги и письменныя прописи, подъ предлогомъ не нужныхъ, отдалъ служителю капитана Охотникова, который жилъ на одной квартирѣ съ маіоромъ Раевскимъ и находился съ нимъ въ тѣсной связи; каковое дѣйствіе поручика Таушева, очевидно, заключаетъ въ себѣ умыселъ къ сокрытію вреднаго намѣренія Раевскаго, за что и подлежалъ бы онъ строгому наказанію; но какъ въ семъ умыслѣ онъ, Таушевъ, не изобличенъ, а остается только въ подозрѣніи, то, согласно заключенію коммиссіи, освобождая его отъ дальнѣйшаго наказанія, его высочество признаетъ, однако, нужнымъ имѣть за поведеніемъ его строгое наблюденіе [1]). Во всемъ же прочемъ, по означеннымъ дѣламъ, его высочество согласенъ съ заключеніемъ коммиссіи.

На подлинномъ докладѣ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: „Быть по мнѣнію его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Николай". С.-Петербургъ, 15-го октября 1827 года.

(Смотри «Московскія Вѣдомости», № 94-й (среда), 1827 года ноября 23-го дня).

Мнѣніе Михаила Павловича утверждено, цесаревича Константина Павловича — уничтожено.

Изъ дѣла видно, что фальшивый поступокъ корнета Раевскаго заключался въ томъ, что онъ подскоблилъ подорожную и пріѣхалъ по ней изъ Курска въ Одессу. Причины поступка: любовь къ своему брату, желаніе видѣться съ нимъ и распросить его, успокоить его и себя.

Зная это, маіоръ Раевскій, изъ крѣпости Петропавловской, писалъ и просилъ о свободѣ брата, увѣряя государя въ невинности его. Надо полагать, что перемѣщеніе корнета Раевскаго изъ Шлиссельбургской крѣпости было слѣдствіемъ этого письма.

---

[1]) 20 лѣтъ прошло съ того времени, какъ я преданъ былъ суду; 20 лѣтъ назадъ говорилъ я, что прописей никакихъ не было, и черезъ 20 лѣтъ повторяю тоже. Прописи—былъ вымыслъ Сабанеева: въ припадкѣ бѣшенства онъ хотѣлъ запутать тутъ гавальдигера Таушева, но я съ клятвою повторяю, что Таушевъ ни въ чемъ не виноватъ, и самый судъ, подозрѣвая его и не находя виновнымъ, подвелъ подъ манифестъ. Въ чемъ же было намѣреніе Раевскаго и въ чемъ вредъ, когда прописей не было? и о бытіи ихъ ничѣмъ не доказано, кромѣ предположеній Сабанеева и послѣдней коммиссіи. **В. Р.**

Но каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что брата моего привезли въ крѣпость Замостье, посадили въ нумеръ на одномъ со мною корридорѣ, и что я съ нимъ ни явно, ни тайно видѣться не могъ, потому что онъ былъ лишенъ ума.

Сообщ. И. И. Якушкинъ.

Николай Николаевичъ Раевскій.

Г. Редакторъ! Въ „Русской Старинѣ", изд. 1873 года, т. VII, стр. 122, помѣщена „Замѣтка", въ коей умершаго товарища моего, Михаила Александровича Бестужева, несправедливо укоряютъ въ безпамятности или въ сдѣланной имъ погрѣшности.

Вполнѣ уважая побудительныя причины С. Н. Раевской, изъ любви къ родному брату, и столько же уважая свободу ея мнѣній относительно названной ею „грустной эпохи", объявляю, по совѣсти, ради истины, что М. А. Бестужевъ, въ этомъ случаѣ, показалъ сущую правду. Ссылаюсь на „Записки декабриста", изданныя въ Лейпцигѣ 1870 г., на стр. 112 и 342; на собственное признаніе высокоуважаемаго Н. Н. Раевскаго и еще на живаго свидѣтеля, встрѣтившаго его въ Петербургѣ, въ домѣ генеральнаго штаба, гдѣ Н. Н. Раевскій, только что помилованный и прощенный императоромъ Николаемъ I, навѣстилъ арестованнаго своего полковаго командира, полковника Кончіялова и сообщилъ, что онъ освобожденъ изъ уваженія къ отцу, знаменитому герою Бородинскаго погрома; въ порывѣ благодарности и самодовольствія онъ прибавилъ: „un poltron qui ne dira pas tout ce qu'il sait!"

Что же касается до оправдательныхъ уличеній или удостовѣреній, находящихся въ архивѣ нижегородскаго драгунскаго полка, то замѣчу только, что подобныя дѣла и упомянутый выговоръ не были помѣщаемы въ полковыхъ канцелярскихъ бумагахъ, а передавались прямо отъ военнаго министра, или отъ начальника главнаго штаба, корпусному командиру—тогда барону Гр. Влад. Розену, и были сообщаемы подлежащему лицу, съ предостереженіемъ или съ обычною головомойкою, какъ выражались въ то давнопрошедшее время.

Въ заключеніе, остается мнѣ теперь добавить только, что Н. Н. Раевскій отличался прямотою и откровенностью характера; и будь онъ въ живыхъ, то отвѣчаю за него, что онъ непремѣнно самъ избавилъ бы меня отъ этого протеста, невольно вызваннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго.

Прошу васъ, Михаилъ Ивановичъ, въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины" помѣстить мои строки, ради истины, и принять увѣреніе и проч. Баронъ Андрей Розенъ.

Викнина, близь г. Изюма.
19-го января 1873 г.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

I.

Замѣтки о Лермонтовѣ и о нѣкоторыхъ его современникахъ.

Сообщаю нѣкоторыя изъ извѣстій, могущихъ быть нынѣ напечатанными о Лермонтовѣ и о нѣкоторыхъ людяхъ, игравшихъ роль въ его жизни и которыхъ бо́льшую часть, также какъ и его самого, я зналъ почти всѣхъ болѣе или менѣе, а со многими былъ и въ дружескихъ отношеніяхъ, принадлежа къ одному съ ними поколѣнію, въ средѣ котораго былъ изъ младшихъ товарищей. Не могу обѣщать ничего систематическаго; но полагаю, что замѣтки мои не вовсе будутъ лишены интереса для читателей.

По семейнымъ преданіямъ, Лермонтовъ родился не въ 1814, а въ 1815 году, какъ утверждаетъ это и Е. А. Хвостова (Хв., 186). Я указалъ домъ, въ которомъ онъ родился („Соврем.", 1856, № 6, см. стр. 162). Онъ находился въ Москвѣ, на площади, у самыхъ Красныхъ воротъ, къ сторонѣ той части Садовой, которая идетъ къ Сухаревой башнѣ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ принадлежалъ купцу Бурову и сохранялъ еще свой прежній видъ. Теперь на его мѣстѣ возвышается огромное зданіе, не имѣющее никакого сходства съ прежнею постройкою.

О поѣздкѣ Лермонтова, въ его дѣтствѣ, именно въ 1825 году, на Кавказъ, мною также сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія (Ibid.). Онъ ѣздилъ туда съ своей бабкой Елисаветой Алексѣевной Арсеньевой, рожд. Столыпиной. При нихъ находились: родственникъ ея Михаилъ Погожинъ, докторъ Анзельмъ Левисъ, учитель Иванъ Кана и гувернантка Христина Ремеръ.

Бабушка и воспитательница Лермонтова Елисавета Алексѣевна была вдова поручика Михаила Васильевича Арсеньева. Единственная дочь ихъ, Марія Михайловна, была за Юріемъ Петровичемъ Лермонтовымъ; они имѣли единственнаго сына, нашего поэта, который и былъ со мною въ свойствѣ по Арсеньевымъ (Хв., 206). Я указалъ на любезность, доброту и умъ этой всѣми любимой старушки, которую всѣ въ обширномъ кругѣ ея родства и свойства называли „бабушкой" („Соврем.", 1856, № 6, см. стр. 163).

Братья Елисаветы Алексѣевны, Столыпины, были: 1) Александръ Алексѣевичъ, адъютантъ Суворова. 2) Аркадій Алексѣевичъ, сенаторъ, женатый на дочери знаменитаго графа Николая Семеновича Мордвинова. 3) Дмитрій Алексѣевичъ, генералъ-лейтенантъ. 4) Аѳанасій Алексѣевичъ (род. 1788, ум. 1866 г.), храбрый артиллеристъ, потомъ саратовскій губернскій предводитель дворянства, памятный Москвѣ, гдѣ проживалъ очень долго,— своимъ хлѣбосольствомъ, радушіемъ и веселымъ, хотя и солиднымъ умомъ; онъ былъ женатъ на Маріи Александровнѣ Устиновой, здравствующей нынѣ. Лермонтовъ особенно любилъ Аѳанасія Алексѣевича. 5) Пятаго брата звали, кажется, Григоріемъ Алексѣевичемъ.

Изъ сестеръ Е. А. Арсеньевой одна была за г. Хастатовымъ, а другая за г. Шанъ-Гиреемъ.

Изъ двоюродныхъ братьевъ Лермонтова, Столыпиныхъ, ближайшими сверстниками его и очень имъ любимыми были сыновья Аркадія Алексѣевича: Николай Аркадіевичъ, нынѣшній посланникъ нашъ въ Гагѣ; Алексѣй Аркадіевичъ (нынѣ умершій), бывшій съ нимъ въ юнкерской школѣ и выпущенный офицеромъ въ лейбъ-гусары въ 1835 году, спустя годъ послѣ Лермонтова, и Дмитрій Аркадіевичъ, произведенный, также изъ юнкерской школы, въ офицеры конной гвардіи въ началѣ 1839 года и печатающій теперь корреспонденцію Сперанскаго съ его отцемъ, съ которымъ Сперанскій былъ очень друженъ. Сестры ихъ: здравствующая нынѣ княгиня Марія Аркадіевна Вяземская (по первому мужу г-жа Бекъ) и покойныя — княгиня Вѣра Аркадіевна Голицына и Екатерина Аркадіевна Кочубей.

Особенно друженъ былъ Лермонтовъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Алексѣемъ; они были вмѣстѣ въ школѣ и въ гусарахъ, а также два раза (какъ помнится) на Кавказѣ: въ 1837 году, когда первый былъ переведенъ туда за стихи на смерть Пушкина, послѣдній же ѣздилъ туда охотникомъ изъ гвардіи, а затѣмъ въ 1840—1841 гг., когда первый вторично былъ высланъ туда за дуэль съ

Барантомъ, а послѣдній, вслѣдствіе той же дуэли, по внушенію покойнаго государя, поступилъ изъ отставки (въ которую недавно вышелъ), на службу капитаномъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ.

Алексѣй Столыпинъ вышелъ въ офицеры лейбъ-гусарскаго полка изъ юнкерской школы въ 1835 г. Въ 1837 г. ѣздилъ охотникомъ на Кавказъ, гдѣ храбро сражался. Въ концѣ 1839 года, будучи поручикомъ, вышелъ въ отставку. Въ началѣ 1840 г. поступилъ на службу на Кавказъ капитаномъ нижегородскаго драгунскаго полка. Въ 1842 г. вышелъ опять въ отставку. Въ послѣднюю войну онъ, не смотря на немолодыя уже лѣта, вступилъ на службу ротмистромъ въ бѣлорусскій гусарскій полкъ и храбро дрался подъ Севастополемъ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ совершеннѣйшій красавецъ; красота его, мужественная и вмѣстѣ съ тѣмъ отличавшаяся какою-то нѣжностію, была бы названа у французовъ „proverbiale". Онъ былъ одинаково хорошъ и въ лихомъ гусарскомъ ментикѣ, и подъ барашковымъ кивером нижегородскаго драгуна, и наконецъ, въ одѣяніи современнаго льва, которымъ былъ вполнѣ, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Изумительная по красотѣ внѣшняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать „Монгу-Столыпина" значитъ для людей нашего времени то же, что выразить понятіе о воплощенной чести, образцѣ благородства, безграничной добротѣ, великодушіи и беззавѣтной готовности на услугу словомъ и дѣломъ. Его не избаловали блистательнѣйшіе изъ свѣтскихъ успѣховъ, и онъ умеръ уже не молодымъ, но тѣмъ же добрымъ, всѣми любимымъ „Монго" и никто изъ львовъ не возненавидѣлъ его, не смотря на опасность его соперничества. Вымолвить о немъ худое слово не могло бы никому придти въ голову и принято было бы за нѣчто чудовищное. Столыпинъ отлично ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ пистолета и былъ офицеръ отличной храбрости.

Прозвище „Монго", помнится, дано было Столыпину отъ клички, памятной современникамъ въ Царскомъ Селѣ, собаки, принадлежавшей ему. Собака эта, между прочимъ, прибѣгала постоянно на плацъ, гдѣ происходило гусарское ученье, лаяла, хватала за хвостъ лошадь полковаго командира М. Г. Хомутова и иногда даже способствовала тому, что онъ скорѣе оканчивалъ скучное для молодежи ученье.

Въ 1839—1840 годахъ Лермонтовъ и Столыпинъ, служившіе тогда въ лейбъ-гусарахъ, жили вмѣстѣ въ Царскомъ Селѣ, на углу Большой и Манежной улицъ. Туда болѣе всего собирались гусарскіе офи-

цери, на корпусъ которыхъ они имѣли большое вліяніе. Товарищество (esprit de corps) было сильно развито въ этомъ полку и, между прочимъ, давало одно время сильный отпоръ, не помню какимъ-то, притязаніямъ, командовавшаго временно полкомъ, полковника С*. Покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, не любившій вообще этого „esprit de corps“, приписывалъ происходившее въ гусарскомъ полку подговорамъ товарищей со стороны Лермонтова со Столыпинымъ и говорилъ, что „разоритъ это гнѣздо“, то-есть, уничтожитъ сходки въ домѣ, гдѣ они жили. Вліянія ихъ дѣйствительно нельзя было отрицать; очевидно, что молодежь не могла не уважать приговоровъ, произнесенныхъ союзомъ необыкновеннаго ума Лермонтова, котораго побаивались, и высокаго благородства Столыпина, которое было чтимо, какъ оракулъ.

Публикѣ долго былъ извѣстенъ одинъ только портретъ Лермонтова, гдѣ онъ изображенъ въ черкескѣ съ шашкой. Я первый заявилъ о несходствѣ и безобразіи этого портрета, о чемъ говорила и г-жа Хвостова. Г. Глазуновъ, такъ старательно издававшій сочиненія Лермонтова въ послѣдніе годы, сталъ заботиться о пріисканіи лучшаго и досталъ у князя В. А. Меншикова (служившаго прежде тоже въ лейбъ-гусарахъ), портретъ Лермонтова, впрочемъ, также неудовлетворительный, изображающій его въ гусарскомъ сюртукѣ съ эполетами. Тогда я указалъ г. Глазунову на поколѣнный, въ натуральную величину, портретъ Лермонтова, писанный масляными красками, сохранившійся въ Саратовскомъ имѣніи А. А. Столыпина Нѣловкѣ, гдѣ я его и видалъ. Тутъ Лермонтовъ изображенъ въ лейбъ-гусарскомъ вицъ-мундирѣ и накинутой по-верхъ его шинели, съ треху̀гольною шляпой въ рукахъ. Г. Глазуновъ приложилъ гравюру его къ иллюстрированному изданію „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“. Это лучшій изъ извсѣтныхъ мнѣ портретовъ Лермонтова; хотя онъ на немъ и очень польщенъ, но ближе всѣхъ прочихъ передаетъ общее выраженіе его физіономіи (въ хорошія его минуты), особенно его глазъ, взглядъ которыхъ имѣлъ дѣйствительно нѣчто чарующее, „fascinant“, какъ говорится по-французски, не смотря на то, что лицо поэта было очень не красиво.

Кажется, составилось какое-то понятіе о томъ, будто Лермонтовъ былъ бѣденъ. Едва-ли это справедливо. Если отцовское имѣніе его было не значительно, за то состояніе его бабушки было довольно велико и она ничего для него не жалѣла, такъ что онъ могъ жить

весьма прилично даже въ лейбъ-гусарскомъ полку, гдѣ офицеры издерживали тогда много денегъ, и не отставать отъ нихъ.

Лермонтовъ произведенъ былъ въ офицеры въ самомъ концѣ 1834 года. Съ нимъ вмѣстѣ вышли изъ школы въ лейбъ-гусарскій полкъ покойный Александръ Францовичъ Тиранъ старый другъ мой, князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій и два брата Череповы.

Упоминаемыя въ пьесѣ „Монго“ лица были: танцовщица Екатерина Егоровна Пименова; казанскій помѣщикъ — г. Моисеевъ [1]).

Когда Пушкинъ былъ убитъ, я лежалъ въ постели, тяжко больной и едва, едва спасенный недавно отъ смерти заботами Арендта и попечительнымъ уходомъ за мною доброй матушки. Мнѣ не смѣли объявить сейчасъ же и прямо о смерти Пушкина. Я узналъ о ней послѣ разныхъ приготовленій къ такому объявленію. Тогда же получилъ я рукописные стихи на эту кончину, Губера и Лермонтова. Извѣстно, что пьеса послѣдняго произвела вскорѣ громкій скандалъ и автору готовилась печальная участь. Бабушка Лермонтова Елисавета Алексѣевна была въ отчаяніи и съ горя говорила, упрекая себя: „и зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ; вотъ до чего онъ довелъ его“.

Послѣ дуэли Лермонтова съ Барантомъ, нужно было ожидать большой бѣды для перваго, такъ какъ онъ уже во второй разъ попадался. Можно вообразить себѣ горе „бабушки“. Понятно также, что родные и друзья старались утѣшать ее, сколько было возможно. Между прочимъ, ее увѣряли, будто участь внука будетъ смягчена, потому что „свыше“ выражено удовольствіе за то, что Лермонтовъ, при объясненіи съ Барантомъ, вступился вообще за честь русскихъ офицеровъ передъ французомъ. Старушка высказала какъ-то эту надежду при племянникѣ своемъ, покойномъ Екимѣ Екимовичѣ Хастатовѣ, служившемъ адъютантомъ при гвардейскомъ дивизіонномъ начальникѣ Ушаковѣ. Хастатовъ былъ большой чудакъ и, между прочимъ, имѣлъ

---

[1]) Эта пьеса цѣликомъ напечатана, вмѣстѣ со многими разсказами о Лермонтовѣ, въ приложеніяхъ къ изданнымъ нами «Запискахъ Е. А. Хвостовой». Спб. 1870. Ред.

иногда обыкновеніе произносить рѣчи, какъ говорятъ по театральному, „въ сторону"; но дѣлалъ это такимъ густымъ басомъ, что тѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ скрыть слова свои, слышали ихъ, какъ нельзя лучше. Когда „бабушка" повторила утѣшительное извѣстіе, онъ обратился къ кому-то изъ присутствовавшихъ и сказалъ ему, по своему „въ сторону": „какъ же! Напротивъ того, говорятъ, что упекутъ голубчика". Старушка услышала это и пришла въ отчаяніе.

Поединокъ съ Барантомъ грозилъ Лермонтову тѣмъ болѣе серьезными послѣдствіями, что покойный государь долго не соглашался перевести его обратно въ гвардію, въ 1838 году. Императоръ разрѣшилъ этотъ переводъ единственно по неотступной просьбѣ любимца своего, шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Графъ представилъ государю отчаяніе старушки „бабушки", просилъ о снисхожденіи къ Лермонтову, какъ о личной для себя милости, и обѣщалъ, что Лермонтовъ не подастъ болѣе поводовъ къ взысканіямъ съ него, и наконецъ, получилъ желаемое. Это было, если не ошибаюсь, передъ праздникомъ Рождества 1837 года. Графъ сейчасъ отправился къ „бабушкѣ". Передъ ней стоялъ портретъ любимаго внука. Графъ, обращаясь къ нему, сказалъ, не предупреждая ее ни о чемъ: „ну, поздравляю тебя съ царскою милостію". Старушка сейчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и отъ радости заплакала. Лермонтова перевели тогда въ лейбъ-гвардіи гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій на поселеніяхъ, близъ Спасской Полѣсти, въ Новгородской губерніи. Таково было тогда обыкновеніе: выписанные въ армію переводились въ гвардейскіе полки, расположенные внѣ Петербурга: такъ Хвостовъ, Лермонтовъ (бывшіе лейбъ-гусары), Тизенгаузенъ (бывшій кавалергардъ) переведены были въ гродненскіе гусары; Трубецкой, Новосильцовъ (бывшіе кавалергарды)—въ кирасиры его величества, квартировавшіе въ Царскомъ Селѣ. Впрочемъ, уже на Святой недѣлѣ 1838 года, Лермонтовъ опять поступилъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, гдѣ и служилъ до второй ссылки въ 1840 году.

Секундантъ Лермонтова на роковой его дуэли, въ 1841 году, князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ—одинъ изъ сыновей славнаго, глубоко всѣми чтимаго вельможи, князя Илларіона Васильевича (1776—1847), умершаго въ высокомъ званіи предсѣдателя государственнаго совѣта (1838—1847). Молодой Васильчиковъ вышелъ въ 1839 году кандидатомъ изъ петербургскаго университета и находился на Кавказѣ при ревизовавшемъ край сенаторѣ Ганѣ, къ которому были прикомандированы нѣкоторые молодые люди, принадлежавшіе

въ высшему кругу, какъ напримѣръ, князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ, покойный князь Сергѣй Васильевичъ Долгорукій, Князь А. И. Васильчиковъ — авторъ недавно вышедшаго въ свѣтъ замѣчательнаго труда „О самоуправленіи".

Секундантъ противника Лермонтова, Михаилъ Павловичъ Глѣбовъ, розовый, красивый, до конца моложавый, какъ отрокъ „Мишка Глѣбовъ", какъ мы его называли. Онъ вышелъ изъ юнкерской школы въ офицеры конной гвардіи въ началѣ 1839 года, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Столыпинымъ, и въ 1841 году поѣхалъ, въ числѣ гвардейскихъ охотниковъ, на Кавказъ, гдѣ вскорѣ получилъ въ экспедиціи жестокую рану въ руку, почему долго долженъ былъ носить распоротый рукавъ, связывавшійся на живѣ черными ленточками. Такимъ образомъ, привелось ему быть свидѣтелемъ на несчастной дуэли, въ слѣдствіе которой его потомъ довольно долго обходили чиномъ, и онъ все оставался корнетомъ. Въ концѣ 1842 года, онъ поступилъ въ должность адъютанта при генералѣ Нейдгардтѣ, командовавшемъ войсками на Кавказѣ, гдѣ Глѣбовъ и прослужилъ до самой смерти. Помнится, въ 1843 году, былъ онъ захваченъ хищниками-черкесами на большой дорогѣ, не далеко отъ самаго Ставрополя, и долго томился въ плѣну, претерпѣвая жестокія лишенія и страданія. Наконецъ, его „укралъ" изъ плѣна, конечно, за значительный выкупъ, извѣстный горскій наѣздникъ Атарщиковъ. Для Глѣбова, отличавшагося отличною храбростію, открылась тогда же блестящая карьера. Новый намѣстникъ князь М. С. Воронцовъ оставилъ его въ 1845 году адъютантомъ при себѣ. Онъ вышелъ невредимъ изъ адской экспедиціи 1845 года въ Дарго, во время которой изъ адъютантовъ князя Воронцова, въ Ичкеринскомъ лѣсу, братъ мой Александръ былъ убитъ (14-го іюля), а Владиміръ Николаевичъ Нечаевъ и князь Сергѣй Илларіоновичъ Васильчиковъ — ранены. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, въ концѣ 1846 года, Глѣбовъ былъ, едва двадцати-семи лѣтъ отъ роду, полковникомъ конной гвардіи и весь увѣшанъ крестами. Помню, что съ нимъ же пріѣхалъ другой адъютантъ князя Воронцова, молодой полковникъ лейбъ-гусарскаго полка и тоже отличный офицеръ, Михаилъ Дмитріевичъ Масловъ. Тогда только что даны были войску каски, вмѣсто киверовъ и офицерскихъ трех-угольныхъ шляпъ. Но кавказская армія носила фуражки, въ которыхъ явились въ Петербургѣ Глѣбовъ и Масловъ, при своихъ гвардейскихъ адъютантскихъ мундирахъ. Это произвело большую „сенсацію" въ салонахъ и на улицахъ, гдѣ военный въ фуражкѣ былъ тогда чудомъ для всѣхъ.

Начальство гвардейскаго корпуса заявило, что пріѣзжіе, числясь въ гвардіи, должны слѣдовать формѣ гвардейской, а не кавказской; князь Воронцовъ выразилъ противное мнѣніе и, наконецъ, побѣда осталась за фуражками, къ великому соблазну служакъ-формалистовъ. Въ началѣ 1847 года, Глѣбовъ уѣхалъ на Кавказъ; мы простились, наканунѣ его отъѣзда, при очень веселой обстановкѣ и не думали, что уже не увидимся. Лѣтомъ, того же 1847 года, Глѣбовъ командовалъ отрядомъ въ экспедиціи подъ Салтами; 28-го іюня, во время пустой перестрѣлки въ цѣпи, шальная пуля ударила ему прямо въ лобъ и храбрый молодой человѣкъ былъ убитъ на повалъ.

Въ началѣ 1841 года Лермонтовъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Я не зналъ еще о его недавнемъ пріѣздѣ. Однажды, часу во второмъ, зашелъ я въ извѣстный ресторанъ Леграна, въ Большой Морской. Я вошелъ въ билліардную и сѣлъ на скамейку. На билліардѣ игралъ съ маркеромъ небольшого роста офицеръ, котораго я не разсмотрѣлъ по своей близорукости. Офицеръ этотъ изъ дальняго угла закричалъ мнѣ: „здравствуй, Лонгиновъ!“ и направился ко мнѣ; тутъ узналъ я Лермонтова въ армейскихъ эполетахъ съ цвѣтнымъ на нихъ полемъ. Онъ разсказалъ мнѣ объ обстоятельствахъ своего пріѣзда, разрѣшеннаго ему для свиданія съ „бабушкой“. Онъ былъ тогда на той высшей степени опогея своей извѣстности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургскій „beau-monde“ встрѣтилъ его съ увлеченіемъ; онъ сейчасъ вошелъ въ моду и сталъ являться по приглашеніямъ на балы, гдѣ бывалъ дворъ. Но все это было не продолжительно. Въ одно утро, послѣ бала, кажется, у графа С. С. Уварова, на которомъ былъ Лермонтовъ, его позвали къ тогдашнему дежурному генералу графу Клейнмихелю, который объявилъ ему, что онъ уволенъ въ отпускъ лишь для свиданія съ „бабушкой“, а что въ его положеніи неприлично разъѣзжать по праздникамъ, особенно когда на нихъ бываетъ дворъ, и что, поэтому, онъ долженъ воздержаться отъ посѣщенія такихъ собраній. Лермонтовъ, тщеславный и любившій свѣтскіе успѣхи, былъ этимъ чрезвычайно огорченъ и оскорбленъ, въ совершенную противоположность тому, что̀ выражено въ написанномъ имъ около этого времени стихотвореніи: „Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“ (Соч. Лерм., 1863, т. II, стр. 183).

Лермонтовъ былъ очень плохой служака, въ смыслѣ фронтовика и исполнителя всѣхъ мелочныхъ подробностей въ обмундированіи и ис-

полненіи обязанностей тогдашняго гвардейскаго офицера. Онъ частенько сиживалъ въ Царскомъ Селѣ на гауптвахтѣ, гдѣ я его иногда навѣщалъ. Между прочимъ помню, какъ однажды онъ жестоко приставалъ къ арестованному вмѣстѣ съ нимъ лейбъ-гусару, покойному Владиміру Дмитріевичу Вакаеву († 1871 г.). Весною 1839 г. Лермонтовъ явился къ разводу съ маленькою, чуть-чуть не игрушечною дѣтскою саблею при боку, не смотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же арестовалъ его за это, велѣлъ снять съ него эту саблю и далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ. Въ августѣ того же года, великій князь, за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира, послалъ его подъ арестъ прямо съ бала, который давали въ ротондѣ царскосельской китайской деревни царскосельскія дамы офицерамъ расположенныхъ тамъ гвардейскихъ полковъ (лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго), въ отплату за праздники, которые эти кавалеры устраивали въ ихъ честь. Такая нерадивость причитывалась къ болѣе крупнымъ проступкамъ Лермонтова и не располагала начальство къ снисходительности въ отношеніи къ нему, когда онъ въ чемъ-либо попадался.

Впрочемъ, ближайшіе начальники Лермонтова въ лейбъ-гусарскомъ полку были не только отличные служаки, въ лучшемъ смыслѣ слова, но и благороднѣйшіе люди, умѣвшіе и вести прекрасно свое дѣло, и цѣнить въ подчиненныхъ качества ума и души, независимо отъ служебныхъ достоинствъ. Это были старые гусары: Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, а потомъ—Николай Ѳедоровичъ Плаутинъ. Они умерли, занимая важныя мѣста: первый — наказнаго атамана войска донскаго, а второй — командира гвардейскаго корпуса.

Г-жа Верзилина, въ Пятигорскомъ домѣ которой произошла послѣдняя ссора Лермонтова, была супруга храбраго стараго кавказца, радушно принимавшая служившихъ на Кавказѣ и пріѣзжавшихъ туда. У ней были дочери очень миловидныя и любезныя, по отзыву всѣхъ, кто былъ знакомъ съ ними. Кажется, Лермонтовъ имѣлъ отчасти въ виду это семейство, когда говорилъ комплиментъ кавказскимъ дамамъ отъ лица Печорина (Соч. Лерм., 1863, т. II, стр. 313).

Говорили, будто рисуя нѣкоторыя черты характера Грушницкаго (въ „Княжнѣ Мери"), Лермонтовъ имѣлъ въ виду живое лицо, долго служившее на Кавказѣ, именно Н. П. К., недавно умершаго.

Также говорили, что докторъ Вернеръ (въ той же „Княжнѣ Мери“) имѣетъ сходство съ дѣйствительно существовавшимъ лицомъ, именно съ докторомъ кавказскихъ минеральныхъ водъ Конради, весьма умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Кстати, приведу здѣсь одинъ анекдотъ. Въ лейбъ-гусарахъ служилъ, бывавшій прежде на Кавказѣ и знавшій тамъ Конради, графъ Ѳ. Д. А. Это былъ добрѣйшій малый, славный товарищъ и великій кутила, очень шумливый подъ веселую руку. Въ 1837 году, въ Царскомъ Селѣ онъ, вмѣстѣ съ кирасирскими офицерами С. и В., послѣ веселаго ужина, выбили въ какомъ-то домѣ стекла въ окнахъ. Ихъ выписали въ гарнизонъ. Графъ А. переведенъ былъ въ одинъ изъ кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ, то Конради, при встрѣчѣ съ нимъ, воскликнулъ: „какъ попалъ ты сюда?“ А. сталъ обнимать его, восклицая: „О, Конради!“ (оконъ ради).

Слышно было, будто при послѣднемъ поединкѣ Лермонтова присутствовали не одни секунданты, а были еще нѣкоторыя лица, стоявшія въ отдаленіи; но это было скрыто при слѣдствіи, безъ чего эти свидѣтели подвергнулись бы отвѣтственности. Заношу этотъ слухъ въ мои замѣтки, не отвѣчая нисколько за его достовѣрность.

Вообще въ тѣ времена было въ ходу военное или свѣтское удальство. Многіе молодые люди переходили служить на Кавказъ. Гвардейцы хлопотали, чтобы попасть въ число охотниковъ, которые ежегодно отправлялись (по одному отъ каждаго полка) на Кавказъ и отличались тамъ превосходною храбростію, а нѣкоторые и такою отвагою, которая удивляла даже закаленныхъ въ бою старыхъ кавказскихъ воиновъ. Поединки тоже казались чѣмъ-то заманчивымъ. Я помню, что Монго-Столыпинъ, къ которому, изъ уваженія къ его тонкому пониманію чувства чести, нерѣдко обращались, чтобы онъ разсудилъ какой-либо щекотливый вопросъ, возникшій между молодыми противниками, — показывалъ мнѣ привезенную имъ изъ-за границы книгу: „Manuel du duelliste“ или что-то въ этомъ родѣ. Въ ней описаны были всѣ правила, безъ соблюденія которыхъ поединокъ не могъ быть признанъ состоявшимся „по строгимъ правиламъ искусства“. Между прочимъ, черезъ годъ послѣ дуэли Лермонтова, именно въ іюнѣ 1842 года, произошла другая дуэль въ лейбъ-гусарскомъ полку. Князь Владиміръ Владиміровичъ Яшвиль имѣлъ несчастіе убить князя Александра Николаевича Долгорукаго, сына харьковскаго

генералъ-губернатора князя Николая Андреевича. Недѣли за двѣ до этого, я видѣлъ ихъ вмѣстѣ пріятелями и они звали меня къ себѣ „въ лагери“, куда выступалъ полкъ. Но я уѣзжалъ изъ Петербурга, и сказалъ, что не могу быть. Вскорѣ, будучи въ Рязанской губерніи, я получилъ письмо съ печальнымъ извѣстіемъ о злополучномъ поединкѣ, послѣдовавшемъ, увы! изъ совершеннѣйшихъ пустяковъ. Старшій братъ этого, павшаго на поединкѣ Долгорукаго, князь Николай былъ корнетомъ конной-гвардіи и двадцати лѣтъ отъ роду погибъ въ экспедиціи 1837 года на Кавказѣ, гдѣ былъ тогда и Лермонтовъ.

Вотъ нѣсколько замѣтокъ къ стихотвореніямъ Лермонтова по изданію 1863 года.

ТОМЪ I.

Стр. 25. „Къ“ и стр. 78 „Додо“. Покойной Евдокіи Петровнѣ Сушковой (впослѣдствіи графинѣ Ростопчиной).

Стр. 26. „Къ Гр..нову“. Умершему Іосифу Петровичу Грузинову автору нелѣпѣйшихъ стихотвореній, изданныхъ въ Москвѣ въ 1830 году, подъ заглавіемъ „Цѣвница“.

Стр. 76. „Б...ной“. Вѣрѣ Николаевнѣ Бухариной (впослѣдствіи Анненковой).

Стр. 76. „Т....ому“. Трубецкому.

Стр. 77. „Н...ной“. Нарышкиной.

Стр. 77. „Т..ой“. Толстой.

Стр. 77. „М...вой“. Мартыновой.

Стр. 78. „Б...ву“. Покойному Александру Александровичу Башилову, извѣстному Московскому весельчаку.

Стр. 79. „Б...ву“. Покойному Константину Александровичу Булгакову. (О немъ см. „Русск. Арх.“, 1869, стр. 349).

Стр. 188. „Б—въ“ значитъ: Бибиковъ.

Стр. 191. „Лафа“, школьное прозвище Поливанова.

Стр. 193. „Маешка“. Это прозвище, приданное Лермонтовымъ самому себѣ, есть передѣлка на русскій ладъ имени фантастическаго урода „Monsieur Mayeux“, похожденія котораго изображены въ цѣлыхъ серіяхъ каррикатуръ, появлявшихся послѣ 1830 года въ парижскихъ каррикатурныхъ листкахъ, особенно въ „Charivari“. Лермонтовъ самъ посмѣялся тутъ надъ своею некрасивою наружностію.

Стр. 201. „Алеха“. Алексѣй Николаевичъ Струйсковъ.

Стр. 202. „Н. И. Б—ву“. Покойному Николаю Ивановичу Бухарову, лейбъ-гусарскому полковнику.

Стр. 211. „М. И. Ц.“. Михаилъ Ивановичъ Цейдлеръ, офицеръ

лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, товарищъ Лермонтова по школѣ, ѣхавшій въ экспедицію на Кавказъ въ 1838 году.

Стр. 215. „Къ графинѣ М. П.". Покойной графинѣ Эмиліи Карловнѣ Мусиной-Пушкиной, рожденной баронессѣ Шернваль.

ТОМЪ II.

Стр. 158. „Графиня В—а Д—ва". Графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, рожденная Нарышкина (род. 1818, ум. 1856). Портретъ ея былъ въ 1840 году налитографированъ въ Парижѣ извѣстнымъ Греведономъ. Къ нему-то и написаны эти стихи. У меня виситъ въ рамкѣ одинъ изъ рѣдкихъ уже теперь экземпляровъ этой литографіи, полученный изъ рукъ самого оригинала, любезнѣйшей изъ свѣтскихъ женщинъ того времени.

Стр. 192. „Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный". Пьеса эта написана къ Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой, старой, но любезной дѣвицѣ, сестрѣ бывшаго командира Лермонтова. Слѣпецъ — извѣстный поэтъ Ив. Ив. Козловъ, не задолго до того умершій. Онъ написалъ къ А. Г. Хомутовой посланіе: „Другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки". (Соч. Козл., изд. Смирд., стр. 256).

Основаніемъ разсказа „Бэла" было истинное происшествіе, конечно опоэтизированное и дополненное вымышленными подробностями, случившееся съ родственникомъ поэта Е. Е. Хастатовымъ, о которомъ говорено выше. Онъ имѣлъ помѣстье на Кавказѣ („Шелковое", „Земной рай" тожъ), и подолгу живалъ тамъ. Такъ какъ имѣніе это расположено уже на самомъ рубежѣ, за которымъ жили враждебныя намъ горскія племена, то Хастатова называли въ нашемъ кругу „передовой помѣщикъ россійской имперіи".

Приведу теперь нѣсколько замѣтокъ на вышедщую недавно книгу „Записки Е. А. Хвостовой".

Стр. 140. Яковлевъ, пѣвшій романсы,—Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, товарищъ Пушкина, по первому выпуску изъ лицея, нынѣ сенаторъ. Онъ написалъ прекрасную музыку на многіе романсы.

На стр. 186. Афоризмъ Лермонтова надо читать такъ: „La vie est une épigramme dont la mort fait la pointe".

Стр. 228. Боденштедтъ называетъ Лермонтова бѣлокурымъ; это невѣрно.

Стр. 288. М. А. Я—въ, въ разсказѣ Панаева, обозначаетъ Михаила Александровича Языкова.

Едва-ли гдѣ было что-либо подобное быстротѣ, съ которою Лермонтовъ достигъ извѣстности и славы. Въ печати явились только: „Хаджи-Абрекъ" (1835), „Пѣсня про купца Калашникова" и „Бо-

родино" (1837), да еще „Казначейша" (1838), впрочемъ послѣдняя даже безъ имени автора, къ чему можно присовокупить стихи на смерть Пушкина (1837), хотя рукописные, но довольно распространенные,—какъ стоило только появиться въ первой книжкѣ возобновленныхъ „Отечественныхъ Записокъ" 1839 года знаменитой „Думѣ", и имя Лермонтова сдѣлалось какъ-бы стариннымъ и дорогимъ достояніемъ русской литературы. Вслѣдъ за тѣмъ, сталъ выходить, одно за другимъ, рядъ превосходнѣйшихъ стихотвореній, составившій въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ какъ бы драгоцѣнное поэтическое ожерелье изъ чистѣйшихъ бриллiантовъ поэзiи. Тогда же вышелъ въ свѣтъ этотъ изумительный „Герой нашего времени", и доселѣ составляющій отчаяніе русскихъ повѣствователей, не создавшихъ въ тридцать лѣтъ ничего подобнаго. Надо было жить тогда, чтобы понимать теперь то чувство восхищенія и изумленія, которое испытывали мы, переходя отъ одного очарованія къ другому, по мѣрѣ появленія стихотвореній Лермонтова.

Стихи Лермонтова при жизни его печатались почти исключительно въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ первые годы (1839—1842) изданія этого журнала въ немъ только помѣщались (да еще въ Плетневскомъ „Современникѣ") еще изрѣдка произведенія лучшихъ писателей прежняго времени и авторовъ, составившихъ такъ сказать „high-life" русской литературы: Жуковскаго, князя Вяземскаго, Баратынскаго, князя Одоевскаго и пр.

О послѣдней дуэли Лермонтова съ здравствующимъ Н. С. Мартыновымъ, школьнымъ его товарищемъ, котораго я также имѣю честь хорошо знать и котораго благородный характеръ и доброжелательство къ людямъ извѣстны всѣмъ многочисленнымъ его знакомымъ, я теперь не скажу ни слова. „Non hic erat locus".

М. Н. Лонгиновъ.

II.

Какъ писать фамилію Лермонтова?

Родъ Лермантовыхъ происходитъ отъ испанскаго владѣтельнаго герцога Лерма, который, послѣ воздвигнутаго имъ гоненія на мавровъ, самъ былъ изгнанъ изъ Испаніи и поселился въ землѣ шкоттовъ и пиктовъ (въ Англіи), гдѣ жилъ въ бѣдности и утратилъ герцогское достоинство; а въ первую половину XVII вѣка, потомокъ его вызванъ былъ въ Россію, куда и прибылъ, въ 1633 году, мастеромъ пушкарскаго дѣла подъ именемъ генерала Юрія Матвѣевича или Андреевича Лерма. Потомки Юрія и Матвѣя жалованы вотчинами: Юрій — въ Кіевской, а Матвѣй — въ Костромской губерніи.

Объ этомъ у меня были двѣ почти одного содержанія записки. Одна найдена мною въ части фамильныхъ нашихъ бумагъ, очень страннаго почерка, съ разрисованнымъ гербомъ, точно такимъ же, какъ и на листѣ изъ герольдіи; а другую такую же записку, тоже стараго письма, я получилъ отъ воронежскаго архіепископа Антонія, когда, поселясь на жительство въ Воронежской губерніи, я въ 1840 году пріѣхалъ познакомиться съ преосвященнымъ Антоніемъ, который, въ бытность свою въ Кіевѣ, былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ кіевскими Лермантовыми. Къ сожалѣнію, обѣ записки, въ числѣ многихъ другихъ, сгорѣли во время пожара, бывшаго въ домѣ моемъ, въ 1842 году.

Но никогда въ фамиліи Лермантовыхъ, буквы *о* слышно не было и не могло быть, по строю фамиліи Лермантъ или Лерма; и поэтъ Лермонтовъ, букву *о* вмѣсто *а* могъ употреблять только по незнанію фамильной генеалогіи, такъ какъ онъ росъ и воспитывался въ семействѣ генерала Арсеньева, женатаго на Столыпиной, бабкѣ поэта, дочь которой была за Лермантовымъ, отцомъ поэта. Какъ доказательство малаго знакомства поэта Лермантова съ генеалогію нашею, могу привести то, что за гербовою печатью онъ присылалъ ко мнѣ въ 1834 году, когда я служилъ въ образцовой батареѣ, чтобы вырѣзать ее для себя.

Гербъ рода Лермантовыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, находится черное стропило съ тремя на немъ золотыми четвероугольниками, а подъ стропиломъ черный цвѣтъ; щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною. Наметъ на щитѣ золотой, подложенный краснымъ; внизу щита девизъ: „sors mea Jesus“.

Предокъ фамиліи Лермантовыхъ, Юрій Андреевичъ Лермантъ выѣхалъ изъ шкотскія земли въ Польшу, а оттуда, въ $\frac{7141}{1633}$ году, въ Москву. Потомки сего Юрія Андреевича Лермантовы, многіе россійскому престолу служили стольниками, воеводами и въ иныхъ чинахъ, и жалованы были отъ государей помѣстьями. Все сіе доказывается справкою разряднаго архива и родословною Лермантовыхъ.

Ив. Ник. Лермантовъ,

Задонскій помѣщ., почет. мир. судья.

III.

Неизданныя стихотворенія Лермонтова, въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1872 г. (т. V, стр. 84; 186—293) помѣщены нѣсколько молодыхъ произведеній Лермонтова, не бывшихъ до сихъ поръ въ печати, а также высказана была просьба „Редакціи Русской Старины" о сообщеніи ей пропущенныхъ мѣстъ изъ поэмы Лермонтова „Казначейша", у кого онѣ найдутся. По поводу вообще не изданныхъстихотвореній Лермонтова, мнѣ вспомнилось изданіе, 20 лѣтъ тому назадъ, его сочиненій въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта, и рецензія на переводъ, помѣщенная въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1852 г., въ декабрской книжкѣ. Рецензентъ очень хвалитъ переводъ за его вѣрность подлиннику и красоту стиха и сообщаетъ, между прочимъ, три небольшихъ стихотворныхъ отрывка въ переводѣ Боденштедта, но неизвѣстныхъ по-русски. Въ настоящее время я имѣю подъ рукою это изданіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Michail Lermontoff 's poetischer Nachlass, zum Ersten mal in den Versmassen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt und mit einem biographisch-kritischen Schlussworte versehen von Friedrich Bodenstedt, 1—2 Bde. Berlin, 1852. Здѣсь находятся переведенными изъ произведеній Лермонтова поэмы: „Демонъ", „Сказка для дѣтей", „Казначейша", „Мцыри", „Пѣсня про царя Ивана Васильевича", „Измаилъ Бей" и „Хаджи-Абрекъ" и лучшія лирическія пьесы; въ числѣ послѣднихъ оказываются неизвѣстныя до сихъ поръ по-русски 19 мелкихъ стихотвореній: 6 соединенныхъ по единству содержанія подъ общимъ заглавіемъ: „Kleine Betrachtungen", 12 также подъ общей рубрикой: „Kleine Einfälle und Ausfälle", и одна подъ названіемъ: „Hinaus". Въ концѣ втораго тома помѣщена статья Боденштедта, посвященная оцѣнкѣ поэзіи Лермонтова и характера его личности, по собственнымъ воспоминаніямъ автора. Извлеченія изъ этихъ воспоминаній и критической оцѣнки, любопытныхъ и довольно вѣрныхъ, помѣщены Дудышкинымъ въ матеріалахъ для біографіи Лермонтова, при второмъ томѣ изданныхъ имъ его сочиненій. Боденштедтъ познакомился лично съ Лермонтовымъ въ послѣдній годъ его жизни (зимою 1840—1841 гг.), и пользовался, какъ видно, нѣкоторыми его сочиненіями въ рукописи для своихъ переводовъ, кромѣ печатныхъ стихотвореній. Переводы Боденштедта, дѣйствительно, очень вѣрны содержанію и характеру подлинника; нѣкоторыя пьесы (напр.: „Дума", „И скучно, и грустно", „Родина" и пр.) даже поразительно близки оригиналу, такъ что нисколько ему не уступаютъ.

Изъ поэмъ, очевидно, переведены съ рукописи: „Демонъ", который въ 1852 году не былъ еще вполнѣ изданъ по-русски, и „Казначейша", въ которой у Боденштедта нѣтъ тѣхъ цензурныхъ пропусковъ во многихъ строфахъ, какъ въ русскомъ изданіи. Напротивъ, въ „Измаилъ-Беѣ" у него находятся всѣ тѣ пропуски, которые были въ прежнихъ изданіяхъ этой поэмы и которыхъ нѣтъ только въ послѣднемъ изданіи Лермонтова—Дудышкинскомъ.

Упомянутыя 19 неизвѣстныхъ по-русски пьесъ Лермонтова отличаются тою характерностью, по своей формѣ и интересу содержанія, и тою энергіей выраженія мысли, которыя свойственны поэзіи этого писателя. Онѣ относятся, очевидно, къ послѣднимъ годамъ жизни Лермонтова и, мнѣ кажется, заслуживаютъ помѣщенія на страницахъ „Русской Старины", хотя бы и въ переводѣ, пока найдется возможность отыскать ихъ и напечатать въ подлинникѣ. Къ тому же, близость и точность переводовъ Боденштедта вообще должна ручаться за вѣрность передачи и этихъ пьесъ, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Вотъ эти пьесы:

Размышленія.

(Переводъ).

1.

Нѣтъ, я не измѣнникъ своей странѣ, и не достоинъ я моихъ отцовъ, и это потому, что я не похожу на васъ ни въ чемъ, и не ползаю, какъ вы, съ чужими костылями!

2.

Потому, что ваши дѣла заставляютъ меня часто краснѣть отъ стыда, что я не слышу музыки въ звяканьи цѣпей и что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ: вы утверждаете, что я не патріотъ!

3.

Потому, что я совсѣмъ не стараго покроя и закала, и не иду съ каждымъ шагомъ назадъ: вы утверждаете, что я не патріотъ, не люблю свою страну и не понимаю ее!

4.

Они правы, самъ чортъ того не пойметъ: тѣ быстрѣе идутъ у насъ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ уже своей цѣли, когда я по своей дорогѣ только двинулся впередъ!

5.

Богъ даровалъ мнѣ глаза и ноги; но когда мнѣ захотѣлось пойти на своихъ ногахъ и задумалъ я взглянуть своими глазами, я долженъ былъ поплатиться за это тюрьмою, какъ за преступленіе.

6.

Богъ далъ мнѣ языкъ; но когда я вздумалъ заговорить, захватило у меня горло! Странныя вещи происходятъ въ моей странѣ, и удивительный обычай

завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ—для молчанія!

Случайныя пьесы и замѣтки.

1.

Они меня терзали за то, что я осмѣлился размышлять; они меня избили камнями за то, что я высказалъ мою мысль. Когда я пѣлъ о томъ въ пѣсняхъ, полныхъ правды и полныхъ огня, они не могли ничего отвѣтить, — отсюда-то вся ихъ ярость!

2.

Вы, которыхъ я попиралъ ногами, потому что узналъ въ васъословъ, которые просили у меня извиненія, потому что я назвалъ васъ ослами: вы, которые все искусство свое употребляли на то, чтобы трусливо мнѣ понравиться, когда я еще былъ нарядннымъ кавалеромъ и въ большомъ почетѣ: какая съ вами теперь перемѣна! какъ вы гордо выступаете въ блескѣ своихъ орденовъ, какъ-будто меня ужъ и не знаете!

3.

Какъ измѣнилось время: вы, которые такъ низко кланялись, теперь вы пестро обвѣшаны лентами, убраны звѣздами и орденами. Проходите же прочь, не глядя, мимо меня; не раздражайте моихъ нервовъ, и избавьте меня отъ противнаго труда—выбросить васъ за двери.

4.

Не завидую я ни вашимъ орденамъ, ни вашимъ гибкимъ спинамъ; не завидую тому, чѣмъ вы сдѣлались, черезъ подсказничество и низкопоклонство. Наслаждайтесь счастіемъ своего раболѣпія, таковъ ужъ порядокъ вещей: то, что одинъ носитъ въ своей груди, другой носитъ на груди.

5.

Пусть меня обвиняютъ, пусть меня предадутъ суду: я не стану себя оправдывать; одно только могу я сказать вамъ: я никогда не связывалъ себя съ низкими людьми, никогда я не былъ пошлякомъ.

6.

Вы не хотѣли понимать меня, вы все у меня отняли; не отняли только гордости моей и силы! Поколѣнія приходятъ и уходятъ, поколѣнія уходятъ и приходятъ, и смѣна эта — благо. Пройдете и вы, и другіе заступятъ ваше мѣсто, съ новою болѣе чистою кровью (въ жилахъ); и они поймутъ меня, если услышатъ мое слово, и познаніе это — благо.

7.

Мои глаза были также ясны, какъ твои, что улыбаются мнѣ такъ блаженно; моё сердце было также горячо, какъ твое, но его охолодили. Ничего изъ того блага у меня не осталось, я долженъ былъ все то оставить: небо учило меня любить, но люди научили меня ненавидѣть.

8.

Какъ страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни изъ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего полнаго права я боролся за все истинное и доброе, вамъ казалось это

пустымъ и вздорнымъ: вы разбили мою вѣру, лишили меня моей свободы, долгими тюремными муками убѣлили мою молодую голову. Тогда-то, по долгому размышленію, которому уже не препятствовала никакая сила, съ безграничнымъ презрѣніемъ обратилась къ вамъ моя ненависть. Вы показали себя отличными полицейскими во всѣхъ видахъ, но внушить мнѣ тѣмъ къ себѣ уваженіе — этого вы не достигли.

9.

Одно милостивое слово, одно слово раскаявья, открыло бы мнѣ снова путь къ старой благосклонности; но скорѣе я пропаду здѣсь, въ тюрьмѣ и цѣпяхъ, чѣмъ скажу хоть одно слово, чтобъ ложью спасти себя.

10.

Безъ вины настрадался я уже довольно, и хотѣлъ бы быть теперь свободнымъ; но лучше пусть буду я еще больше терпѣть, чѣмъ, по своей винѣ, поравняться съ вами, господа, во лжи и обманѣ.

11.

Не жалѣйте о моей судьбѣ, не жалѣйте о томъ, что святоши и ханжи оттолкнули меня отъ себя! Вы сами живете въ тюрьмѣ, какъ и я; только я живу вѣ маленькой, а вы—въ большой.

12.

Не жалѣйте о моихъ страданіяхъ въ этихъ тюремныхъ стѣнахъ, я предоставляю вамъ ваши радости; и дарю вамъ ваше состраданіе.

На волю.

Дико реветъ громъ, шумно бьетъ дождь; въ испугѣ бѣгутъ люди съ полей и дорогъ, они ищутъ защиты подъ крышею дома: я хотѣлъ бы на волю, прочь изъ-за затворовъ дома!

Я хотѣлъ бы на волю, - и лучше погибнуть мнѣ въ бурѣ и молніи, въ грозѣ и ужасѣ, чѣмъ дольше сидѣть здѣсь за затворами дома, я хотѣлъ бы на волю!

Что касается неизданныхъ по-русски стиховъ изъ поэмы Лермонтова „Казначейша“ (Die Rentmeisterin—у Боденштедта), то они состоятъ изъ отрывочныхъ мѣстъ, по одному или по нѣсколько стиховъ въ отдѣльныхъ строфахъ поэмы, и тѣсно связаны по содержанію съ этими строфами. Приводить ихъ здѣсь, по этому, отдѣльно не имѣетъ значенія. Также малъ отрывокъ, напечатанный въ русскомъ изданіи, въ пьесѣ „Вечерокъ“. Поэма „Сказка для дѣтей“ у Боденштедта имѣетъ заключительную строфу, слѣдующую, какъ говоритъ онъ, послѣ 10 недостающихъ строфъ этой пьесы, которыхъ не найдено въ рукописяхъ Лермонтова.

Вотъ эта строфа:

Soweit der Teufel, und der Dichter spricht:
Es war nicht meine Wahl, hier schon zu enden,

Man wahrt vor gröss'er Länge mein Gedicht
Von oben her mit väterlichen Händen.
Nur ungern thu' ich auf den Schluss Verzicht,
Wo man mir Alles blindlings auf Einmal streicht,
Und mit dem Rest auch leider die Moral streicht:
Denn die Censur beschränkt stets mein Talent;
Wenn sich's entwickeln will, auf ein Fragment.
Uud im Gehorsam bin ich exemplarisch:
Drum bleibt auch dieses Märchen fragmentarisch.

(Умолкнулъ демонъ — поэтъ же говоритъ: не моя была воля на этомъ здѣсь окончить, отъ излишней длинноты моя поэма охранена свыше отческими руками. Только очень неохотно отказываюсь я отъ заключенія, гдѣ все разомъ безъ разбора вычеркнуто, и вмѣстѣ со всѣмъ вычеркнута и мораль: такъ цензура постоянно обращаетъ мой талантъ, чуть только хочу я развернуться, въ отрывокъ. Я же хочу быть образцомъ повиновенія: вотъ почему и эта сказка остается отрывкомъ).

Привожу изъ Боденштедта, въ заключеніе замѣтки, тѣ отрывки и строфы, русскій переводъ которыхъ помѣщенъ выше:

Kleine Betrachtungen.

1.

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
Weil ich nicht euch in allen Stücken gleiche,
Und nicht wie ihr auf fremden Krücken schleiche!

2.

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten
Und mich nicht lockt der Glanz von Bajoneten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

3.

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin,
Und nicht mit jedem Schritte rückwerts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.

4.

Sie haben recht, — der Teufel mag's verstehen –
Am schnellsten gehn bei uns, die rückwärts gehen,
Weil schneller sie zu ihrem Ziele kommen
Als ich, der vorwärts seinen Weg gekommen.

5.

Gott segnete mit Augen mich und Füssen —
Doch als ich auf den Füssen gehen wollte,

Und als ich mit den Augen sehen wollte,
Musst' ich's im Kerker als Verbrechen büssen

6.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding im meinen Land,
Und wundersamer Brauch im Shcwungehier;
Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand,
Zum Schweigen seine Zunge hier.

Kleine Einfälle und Ausfälle.

1.

Sie haben mich gepeinigt,
Weil ich zu denken wagte,
Sie haben mich gesteinigt,
Weil ich mein Denken sagte.
Weil ich es sang in Liedern
Voll Wahrheit und voll Glut
Sie könnten Nichts erwiedern,
Daher die ganze Wuth!

2.

Die ich mit Füssen getreten,
Weil ich sie als Esel gekant,
Die nicht um Verzeihung gebeten,
Weil ich sie Esel genant,
Ihr, deren ganze Kunst war
Feig zu gefallen mir,
Als ich noch hoch in Gunst war
Ein schmucker Kavalier:
Wie seyd ihr anders worden,
Wie geht ihr stolz einher
Im Glanze euerer Orden,
Als kennt ihr mich nicht mehr!

3.

Die Zeit hat sich verändert, —
Die ihr euch tief gebückt:
Ihr seyd jetzt bunt bebändert,
Mit Sternen und Orden geschmückt.
Geht mir nur blind für mich vorbei,
So schont ihr meine Nerven,
Und spart mir die ekle Mühe dabei
Euch aus der Thüre zu werfen.

4.

Ich neide euch nicht eure Orden,
Noch euren geschmeidigen Rücken—

Beneide nicht was ihr geworden
Durch Kriechen und durch Bücken.
Geniesst das Glück in Demuthlust,
So ist der Dinge Lauf:
Der eine trägt es in der Brust
Der andre trägt's darauf.

5.

Und mag man mich verklagen,
Und mag man mit mir rechten:
Ich wasche mich nicht rein—
Doch dies kann ich euch sagen:
Nie hielt' ich's mit dem Schlechten,
Nie macht, ich mich gemein.

6.

Ihr wolltet mich nicht verstehen,
Ihr habt mir Alles genommen:
Nur nicht meinen Stolz und Muth!
Geschlechter kommen und gehen,
Geschlechter gehen und kommen,
Und dieser Wechsel ist gut:
Denn ihr auch werdet vergehen,
Und Andere werden kommen,
Ein neues, gereinigtes Blut—
Die werden mich verstehen
Wenn sie mein Wort vernommen,
Und dieses Verständniss ist gut.

7.

Mein Auge war klar wie deines,
Das mir so selig lacht;
Mein Herz war warm wie eines,
Mann hat es kalt gemacht.
Nichts Gutes ist mir geblieben,
Ich musste von Allem lassen
Der Himmel lehrte mich lieben,
Die Menschen lehrten mich hassen.

8.

Wie hab' ich geglüht für das Schöne
In seliger Sängerlust,
Wie klangen die Liedestöne
Gewaltig aus meiner Brust!
Ich kämpfte in stolzem Muthe
Mit gutem Fug und Recht
Fuer Alles Wahre und Gute,
Das schien euch schlimm und schlecht:
Ihr habt meine Leyer zerschlagen,
Mich meiner Freiheit beraubt,

Durch lange Kerkerplagen
Gebleicht mein junges Haupt.
Da ward durch lange Betrachtung,
Der keine Macht gewehrt,
In grenzenlose Verachtung
Mein Hass zu euch gekehrt.
Ihr habt euch in allen Grössen
Als gute Schergen gezeigt,
Mir Achtung einzuflössen —
Das habt ihr nicht erreicht!

9.

Ein einziges Wort der Gnade,
Ein einziges Wort der Reue,
Eröffnete mir die Pfade
Der alten Gunst auf's Neue;
Doch lieber zusammenbreche
Ich hier in Kerker und Ketten
Eh! ich ein Wort nur spräche
Durch Lüge mich zu retten.

10.

Wohl ohne mein Verschulden
Geduldet hab' ich genug,
Und frei seyn möcht ich nun;
Doch lieber will ich dulden
Noch mehr, als durch Verschulden
In eurem Lug und Trug
Euch, Herrn, es gleichzuthun!

11.

Klagt nicht ob meinem Verhängniss,
Nicht, dass die Frommen und Reinen
Mich von sich ausgestossen!
Ihr auch wohnt im Gefängniss:
Ich wohne in einem kleinen,
Ihr wohnt in einem grossen!

12.

Klagt nicht ob meinem Leiden
In diesen Werkermauern,
Ich lasse euch eure Freuden
Und schenke euch euer Bedauern!

Hinaus.

Wild heulen die Donner,
Laut prasselt der Regen;
Bang fliehen die Menschen
Von Aeckern und Wegen,

Sie suchen nach Obdach
Im schützenden Haus:
Ich möchte hinaus
Aus dem schützenden Haus!
Ich möchte hinaus,
Und lieber verkommen
In Stürmen und Blitzen,
Im Wetter und Graus,
Als länger hier sitzen
Im schützenden Haus,—
Ich möchte hinaus!

Сообщ. Г. С. Чириковъ.

Харьковъ.

IV.

Посланіе Лермонтова.

Н. Ѳ. Кудрявцевъ сообщилъ намъ, случайно доставшійся ему въ Тамбовской губерніи, въ Темниковскомъ уѣздѣ, подлинникъ письма поэта Лермонтова.

Помѣщая это интересное сообщеніе, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что оно вошло уже въ изд. соч. Лермонтова (Спб., 1863 г., т. II, стр. 467—468), но въ другомъ видѣ, а именно, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ письма къ ***“; при этомъ, однако, въ изд. 1863 г. напечатано едва-ли не нѣчто, составленное изъ двухъ-трехъ писемъ Лермонтова, при чемъ то письмо, подлинникъ котораго находится предъ нами, помѣщено, какъ часть, въ это, быть можетъ, составленное г. Дудышкинымъ произведеніе; редакторъ изданія, тотъ же г. Дудышкинъ, почему-то заблагоразсудилъ выбросить изъ стиховъ Лермонтова нѣкоторыя строки, спряталъ имена подъ буквы; выкинулъ слова и цѣлыя выраженія изъ письма. Какъ ни маловажны могутъ показаться иному подобныя выкидки, но мы полагаемъ, что со словомъ такихъ писателей, каковъ М. Ю Лермонтовъ, при изданіи его сочиненій, нельзя такъ обходиться; а потому считаемъ не лишнимъ воспроизвести присланное Н. Ѳ. Кудрявцевымъ письмо знаменитаго поэта въ подлинномъ видѣ. Ред.

«Примите дивное посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово писанье,
Но Павелъ вамъ отдастъ его.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!..
Куда не взглянешь—красной воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой.

Нѣтъ милыхъ сплетенъ — все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нѣтъ ни пошлыхъ новостей!

Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!...

И, наконецъ, я видѣлъ море,
Но кто поэта обманулъ?...
Я, въ роковомъ его просторѣ,
Великихъ думъ не почерпнулъ.

Нѣтъ! какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни — скукой боленъ,
(На зло былымъ и новымъ днямъ)
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебрянной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

„Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего поэзія души моей погасла.

«По произволу дивной власти,
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной разшибленный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ —
Не слышитъ ласки инвалидъ;
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ:
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой;
Онъ не годится и на волѣ!
Погибъ — и данъ ему покой!

„Мнѣ кажется, что это не дурно вышло; пожалуйста, не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, если бъ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, писалъ бы вовсе другое: каждый мигъ у меня новыя фантазіи. Прощайте, дражайшая. Я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъ поръ не получилъ отвѣта — стыдно; однако, я прощаю — и прощаюсь. M. Lerma..

„Тетинькѣ и всѣмъ нижайшее мое почтеніе. Пишите, что дѣлается и слышится, и говорится.

„У Демидовой былъ—дома не засталъ; она была у какой-то директорши — Богъ знаетъ; я письма не отдалъ и на дняхъ поѣду опять. Не имѣю слишкомъ большаго влеченія къ обществу: надоѣло! Все люди, такая тоска: хоть бы черти, для смѣха, попадались."

Сообщ. Н. Ө. Кудрявцевъ.

Н. Ѳ. ЩЕРБИНА.

Пѣсня ратникамъ московскаго ополченія.

1855 г.

Въ многочисленной группѣ стихотвореній, вызванныхъ войной 1853—1855 гг., „Пѣсня“, написанная Н. Ѳ. Щербиной, имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ ней, хотя въ очень общихъ выраженіяхъ, высказывались задушевныя желанія современнаго ему общества тѣхъ реформъ, которыя ознаменовали послѣдующее время. Печатаемъ пѣсню съ подлинной рукописи автора.

Ред.

«Дѣло земское», ребята!
Съ этимъ словомъ мы впередъ...
Дядя Минычъ — съ нимъ когда-то
Нашъ отстаивалъ народъ...

И двѣнадцатаго года
Вамъ разскажутъ старики,
Какъ нашла на насъ невзгода,
Бились наши мужики.

Всѣ мы любимъ Русь святую...
Любо русскому стократъ,
Что за земщину родную
Рати земскія стоятъ...

Скажемъ вамъ мірскою сходкой:
Съ Богомъ, Божій мужичокъ,
Бейся, русая бородка,
Ратуй, сѣрый армячокъ!

Знать, Господь судилъ омыться
Людямъ въ пламени, въ крови,

Чтобы вновь имъ народиться
Къ жизни правды и любви, —

Да всецѣло отдадимся
Силъ врожденныхъ полнотѣ,
И умами просвѣтлимся
Въ чистой сердца простотѣ,—

Да, скрижалямъ долга вѣрны,
Въ обновленья славный часъ,
Съ корнемъ мы вырвемъ скверны
И всѣ плевелы отъ насъ...

И велико время это:
Имъ мы движемся, ростемъ;
Бога мысли, Бога свѣта
Къ дѣлу жизни призовемъ, —

И пошлетъ онъ намъ строенье,
Правый судъ и вѣщій гласъ,
И мечомъ миротворенья
Препояшетъ крѣпко насъ..

Духа мудраго святыней
Буди, русская земля!
Имъ сіяя надъ твердыней
Вѣковѣчнаго Кремля,

Озаряй твои народы,
Къ лучшей долѣ ихъ зови;
Будь поборницей свободы
И подвижницей любви!

1855 г.

Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому.

(Читано на студентскомъ вечерѣ 9-го февраля 1873 г.).

Нынче минуло ровно 54 года со дня учрежденія нашего университета. Но первоначальная мысль о немъ родилась несравненно раньше. Она неразрывно сливалась съ мыслію объ академіи въ головѣ того великаго русскаго человѣка, котораго 200-лѣтнюю годовщину отпраздновали мы прошлой весной. Но мысли этой, какъ и многимъ мыслямъ Петра, приходилось долго оставаться неосуществленною. Дѣло, кипѣвшее въ его могучихъ рукахъ,—чуть не стало его, подверглось опять задержкамъ и, что̀ хуже того, искаженіямъ. Разомъ не стало того геніальнаго пониманья народныхъ нуждъ и настоящихъ народныхъ качествъ, того пониманія, въ которомъ заключалась вся сила Петра. Дѣйствительно, совершая свое великое дѣло, онъ опирался не только на тѣхъ немногихъ представителей мысли изъ высшаго духовенства, которые сразу обратили проповѣдническую каѳедру, остававшуюся такъ долго чуждою всякихъ земныхъ попеченій, въ трибуну политически-просвѣтительнаго учительства. Не одни Ѳеофаны Прокоповичи сразу постигли Петра, говоря: „мнози царіе тако царствуютъ, яко простой народъ дознатися не можетъ, что есть дѣло царское; ты единъ показалъ еси дѣло сего превысокаго сана быти собраніе всѣхъ трудовъ и попеченій, развѣ что и преизлишше твоего званія являеши намъ въ царѣ и простаго воина, и многодѣльнаго мастера, и многоименитаго дѣятеля.“ Съ не менѣе благодарнымъ сочувствіемъ понятъ былъ Петръ и извѣстною частью народа. Что̀, какъ не подобное пониманіе, видимъ мы у знаменитаго современника его изъ крестьянъ, Посошкова, относившагося съ такимъ глубокимъ почтеніемъ къ его государственному работничеству и сѣтовавшаго только о томъ, что „великій нашъ монархъ... на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору мильоны тянутъ“, или что „нѣтъ у великаго государя прямыхъ радѣтелей, но всѣ судьи криво ѣдутъ“. Откровенно высказываясь передъ нимъ, государемъ — своимъ человѣкомъ, онъ не скрывалъ отъ него того страха, который его обнималъ при мысли о „тянущихъ внизъ“, о тѣхъ чужеядныхъ, противныхъ народному духу, кого разумѣлъ онъ подъ именемъ „сильныхъ“. — „У насъ на Руси неправда вельми застарѣла....“ — „Кто съ кого сможетъ, тотъ того и давитъ“, говорилъ онъ царю, вызывая на самыя жестокія мѣры не только исправительную дубинку, но и безпощадно-разящій топоръ, и своими привѣтственными отношеніями даже къ пыткѣ

свидѣтельствуя о томъ, что самая кровавая сторона государственнаго перестроенія соотвѣтствовала огрубѣлости нравовъ и понятій народныхъ. Но вмѣстѣ съ сознаніемъ застарѣлой неправды, мы видимъ и сознанье вѣковаго невѣжества, заставляющее Посошкова вполнѣ сочувствовать заимствованіямъ всего добраго — откуда бы ни было, только бы не попасть при этомъ подъ опеку своихъ образцовъ и учителей, чего постоянно остерегался и Петръ Великій. Откровенно сознаваясь и въ томъ, что самое благочестіе, которымъ такъ любила хвалиться старая Русь, стало, наконецъ, обращаться въ одинъ пустой звукъ, такъ какъ, имѣя „лѣтъ подъ шестьдесятъ и больше своего житія"; многіе „у отцовъ духовныхъ на исповѣди не бывали", и мракомъ окончательнаго невѣжества покрывалось и большинство самаго духовенства;—Посошковъ, ни мало не уступая въ рѣшительности и прямомъ поспѣшеніи къ цѣли Петру, говорилъ: „буде которые отцы добромъ въ школы отпустить (т. е. своихъ дѣтей) не похотятъ, то брать бы ихъ и неволею." Но если, такимъ образомъ, оказывалось возможнымъ полнѣйшее соотвѣтствіе между волею государя и сокровенными стремленіями извѣстной части народа, то откуда же мнѣніе, что Петръ совершалъ свое великое дѣло наперекоръ ему, что онъ долго оставался между своими вполнѣ одинокимъ, чудесно творилъ изъ ничего? Мнѣніе это развилось подъ вліяніемъ той литературной школы, которая разучилась видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; создала, вмѣсто міра дѣйствительнаго, свой особенный міръ чудесъ съ сверхчеловѣческими личностями — героями или людьми-богами....

Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!

первый сказалъ о Петрѣ Ломоносовъ; и то же повторялось за нимъ цѣлымъ рядомъ послѣдователей, къ постоянно-усиливавшемуся соблазну писателей изъ раскола, съ которымъ простой человѣческій взглядъ самого Петра, чуждый всякой религіозной нетерпимости, могъ бы такъ легко помириться на многомъ. Между тѣмъ, среди всевозможныхъ надутыхъ похвалъ Великому, дѣло его не шло далѣе, или шло совершенно не такъ, какъ задумалъ онъ, извращалось, уродовалось. Вмѣсто дѣловаго сближенія съ Западомъ, вмѣсто стремленія—поскорѣе догнать его въ упорномъ трудѣ и, наверставъ потерянное, дойти и до самостоятельности, явилось скороспѣлое усвоеніе одной внѣшности, гоньба, вмѣсто дѣла, за призраками и малодушное подчиненіе самодовольно-своекорыстной опекѣ учителей. Отталкивавшее Петра суевѣрное увлеченіе всѣмъ своимъ, начиная съ наряда, смѣнилось столь же суевѣрнымъ увлеченіемъ всѣмъ чужимъ, т. е. всѣми принадлежностями чужой внѣшности; вмѣсто усвоенія себѣ

европейскаго трудолюбія и умѣлости, мы удовольствовались однимъ перевозомъ въ себѣ готовыхъ европейскихъ плодовъ. Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ знаній, пріучающимъ къ собственному умственному труду, началась пересадка готовыхъ ученій, готовыхъ направленій литературныхъ, оказывавшихся иногда совершенно несоотвѣтствующими нашей дѣйствительной жизни, нашему моменту развитія. Когда, въ эпоху Екатерины II, модное увлеченіе энциклопедистами, съ одной стороны, оставалось только фразою, съ другой — даже и въ случаѣ дѣйствительнаго усвоенія ихъ началъ, не могло бы оказаться настоящимъ врачевствомъ отъ нашихъ недуговъ, когда многіе изъ этихъ послѣднихъ только болѣе и болѣе усиливались и страшно выглядывали изъ-подъ блестящей, удивлявшей Европу внѣшности, тогда нѣкоторые умы въ Россіи, какъ Фонъ-Визинъ и особенно Новиковъ, стали разочаровываться въ самыхъ слѣдствіяхъ европейской образованности и не безъ сочувствія оборачиваться къ себѣ, къ домашнимъ началамъ, къ стихіямъ, существовавшимъ въ старой Руси, но задержаннымъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Между тѣмъ, они вовсе не простирали своего отрицанія на самое дѣло Петра, а продолжали видѣть въ немъ сѣятеля просвѣщенія, безъ котораго не могъ быть положенъ конецъ застою, вредному и при самыхъ лучшихъ началахъ. Имя Петра оставалось неприкосновенной святыней.

Первымъ изъ выдающихся лицъ Екатерининскаго времени, рѣшившимся порицать Петра (и то не сразу — сначала онъ былъ сторонникомъ его преобразованій), является умный, но странный по путаницѣ своихъ понятій, кн. М. М. Щербатовъ. Но въ смѣлыхъ его порицаніяхъ такъ и слышится мутный источникъ, когда узкое сословное чувство заставляетъ его сѣтовать о томъ, что, благодаря Петру, „стали не роды почтенны, а чины и заслуги, и выслуги“, и введена была „регулярная служба, въ которую, вмѣстѣ съ холопями, писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялись начальниками господъ своихъ“. И что-же? Этотъ порицающій голосъ, при томъ же не совсѣмъ чистомъ источникѣ, былъ усвоенъ и нашимъ знаменитымъ исторіографомъ. Ревностно ратовавъ за Петра въ своихъ „Письмахъ Русскаго Путешественника“, Карамзинъ измѣняетъ свой взглядъ въ „Запискѣ о древней и Новой Россіи“, не безъ сѣтованія говоря о томъ, что Петръ „уничтожилъ достоинство бояръ“, которымъ народъ поклонялся „съ истиннымъ уничиженіемъ“, и стараясь доказать, что „личные подвижные чины не могутъ замѣнить дворянства родоваго, постояннаго.“ Выступивъ противъ великаго преобразователя, Карамзинъ дошелъ до того, что сталъ

увѣрять, будто бы „мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія..." „Дѣды наши", говорилъ онъ, „уже въ царствованіе Михаила, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ міра, а святая Русь— первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго". Дѣло въ томъ, что Петръ не понималъ такой любви къ отечеству и такой силы, которая основывалась на самообманѣ; что онъ считалъ такое самопоклоненіе и такую гордыню только вѣрной порукою въ нежеланіи выйти изъ пагубнаго застоя. Опираясь на сознаніе тѣхъ, которые, какъ Посошковъ, чувствовали всю глубину разъѣдавшей насъ внутренней язвы, Петръ принялся, не колеблясь, за тѣ крутыя мѣры, неотложности которыхъ не могъ понять Карамзинъ.... Но, между тѣмъ, какъ исторіографъ утверждалъ, будто бы „перемѣнами Петра охлаждена въ насъ любовь къ Россіи"; другой, менѣе славный, но не менѣе ревностный писатель и дѣятель, проявлявшій въ своемъ „Русскомъ Вѣстникѣ" твердую вѣру въ русскую силу передъ отечественной войной [1]), заставлялъ говорить Петра: „Сыны Россіи! Я оставляю вамъ примѣръ мой и мои дѣла. Если, научась ремесламъ и искусствамъ, вы обольститесь приманками роскоши европейской, вспомните только, чѣмъ занимался Петръ. Въ роскошахъ ли, въ забавахъ-ли провождалъ онъ жизнь свою?... Не для того странствую, не для того тружусь, чтобы исторгнуть Россію изъ Россіи, но чтобы укрѣпить и вознести ее въ ней самой". Между тѣмъ Карамзинское воззрѣніе на Петра не заглохло. Оно (за исключеніемъ сословнаго оттѣнка) получило развитіе у позднѣйшихъ славянофиловъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не представляющихъ ничего общаго съ Карамзинымъ. И, конечно, самую слабую сторону составляетъ въ ученіи ихъ недодуманное воззрѣніе на Петра, какъ нарушителя стройнаго хода нашей исторіи, какъ на насильника и исказителя нашего народнаго склада и нрава. И въ ожесточенныхъ нападкахъ на эту именно сторону ихъ ученія оказывались несомнѣнно правыми литературные ихъ противники, во главѣ которыхъ, на поприщѣ критики, является незабвенный Бѣлинскій. Неотразимымъ оказывается у него, въ сущности чисто русскаго человѣка, тотъ доводъ, что если Петръ могъ одинъ, хотя бы и всею силою своей власти, испортить дальнѣйшій историческій ходъ своему народу, то хорошее же понятіе это даетъ о русскомъ народѣ! Между тѣмъ, еще значительно ранѣе спора изъ-

[1]) С. Н. Глинка.

за Петра между славянофилами и Бѣлинскимъ, нашъ геніальный поэтъ успѣлъ уже зорко подмѣтить все то, что связывало богатыря-преобразователя съ породившимъ его народомъ. Еще къ 1826 г. относится вдохновенное свидѣтельство Пушкина о томъ, что

.... правдой онъ привлекъ сердца....
что
.... нравы укротилъ наукой
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье; —
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Тотъ же Пушкинъ обрисовалъ Петра устами только что вернувшагося изъ Парижа, офранцузившагося русскаго барича: „государь—престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ....“. Когда же государь, искоса поглядѣвъ на него, на ассамблеѣ, говоритъ ему: „у тебя платье-то бархатное, какого и я не ношу, а я тебя гораздо богаче; это мотовство, смотри, чтобы я съ тобой не побранился“; когда, на той же ассамблеѣ, являются у него, вмѣстѣ съ разрядившимися богато, по иностранному, нашими барами и нашимъ генералитетомъ въ лентахъ, и простые голландскіе шкипера, и мастеровые въ курткахъ, со своими женами, въ незатѣйливыхъ платьицахъ; когда мы видимъ самого государя за шахматною доскою съ англійскимъ шкиперомъ, преисправно угощающими другъ друга табачнымъ дымомъ,—тогда, не смотря на это иностранное общество, не смотря на свое не русское платье, Великій не можетъ не представиться намъ лицомъ, гораздо болѣе близкимъ къ народу, чѣмъ всѣ московскіе наши цари при ихъ византійскомъ величіи, съ примѣсью позднѣйшаго восточнаго склада. А если Пушкинъ, рисуя Петра съ его величавой (въ особенномъ смыслѣ) его стороны, въ образѣ всадника, на скачущемъ конѣ, представляетъ его „вздернувшимъ на дыбы Россію“, то такое значеніе его державной узды окончательно объясняется, послѣ всего остальнаго, тѣмъ, что онъ, подобно служилому князю древней Россіи, все дѣлалъ самъ; подобно любимому богатырю народнаго эпоса, видѣлъ въ избыткѣ силы и избытокъ обязанно-

сти, а это-то и не могло, не смотря на всю грозность Петра, не дѣйствовать обаятельно на народъ. Петръ, употребляя выраженіе эпическое, царемъ на Руси служилъ, служилъ вѣрой и правдой, бодро тянулъ тягло за одно съ народомъ!

Замѣчу, въ заключеніе, что осужденіе петровскихъ преобразованій высказалось первоначально не въ русской литературѣ. Не кто другой, какъ знаменитый Жанъ-Жакъ сталъ утверждать (въ своемъ „Общественномъ договорѣ"), что у Петра былъ „только подражательный геній", что онъ „помѣшалъ своимъ подданнымъ когда-либо сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ бы они могли сдѣлаться, увѣривъ ихъ, будто бы они то, чѣмъ они не могутъ быть". Не трудно замѣтить, что въ этомъ взглядѣ проглядываетъ презрительное отношеніе къ народу русскому: куда вамъ занять мѣсто въ нашей семьѣ; оставайтесь себѣ тамъ, на востокѣ, съ своими татарами! Имѣя въ виду такой иностранный взглядъ, умная Екатерина II сказала въ началѣ своего „Наказа": „Петръ I, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ". Представителями предубѣжденнаго иностраннаго взгляда не даромъ выставлены у Батюшкова Монтескье и аббатъ Гуаско, въ его „Вечерѣ у Кантеміра". Но вспомнимъ, чтобы этимъ покончить, что говоритъ у него Кантеміръ, въ отвѣтѣ на ихъ покачиваніе головою, при имени Петра Великаго: „Петръ утѣшалъ себя великою мыслію, что... древо наукъ будетъ процвѣтать подъ тѣнію его державы, и рано или поздно, но дастъ новые плоды и человѣчество обогатится ими...."

Ор. Ѳ. Миллеръ.

МОСКОВСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

I.

Общія основанія учреждаемаго, въ Москвѣ, Музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Высочайше одобрено 3-го января 1873 года.

Генер.-Адъют. Зеленой.

1) Въ Москвѣ учреждается Музей имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича съ цѣлію служить наглядною исторіею главныхъ эпохъ русскаго государства.

2) Въ Музеѣ будутъ собираться всѣ памятники знаменательныхъ событій исторіи русскаго государства. Эти памятники, расположенные въ хронологической послѣдовательности, должны представлять,

по возможности, полную картину каждой эпохи съ ея памятниками религіи, законодательства, науки и литературы; съ предметами искусствъ, ремеслъ, промысловъ и вообще со всѣми памятниками бытовой стороны русской жизни, а равно съ предметами военныхъ и морскихъ силъ русскаго государства.

3) Замѣчательнѣйшія событія и главнѣйшіе дѣятели каждой эпохи будутъ изображены посредствомъ живописи и ваянія.

4) Собранные для Севастопольскаго отдѣла коллекціи и памятники поступаютъ въ Музей и, сообразно характеру и цѣлямъ его, составляютъ часть эпохи настоящаго царствованія.

5) Музей состоитъ подъ непосредственнымъ руководствомъ почетнаго президента и имѣетъ членовъ-учредителей, почетныхъ членовъ и членовъ Музея.

6) Для завѣдыванія Музеемъ и всѣми дѣлами, относящимися до устройства его, учреждается особое управленіе подъ наименованіемъ: „Управленіе Музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича".

7) Управленіе Музея состоитъ изъ предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя и членовъ управленія.

8) Управленію предоставляется право приглашать въ члены-сотрудники съ правами совѣщательнаго голоса тѣхъ лицъ, которыхъ оно признаетъ полезными или необходимыми.

9) Въ вѣдѣніе управленія Музея поступаютъ: пожертвованный неприкосновенный капиталъ и всѣ имѣющія поступить денежныя и вещественныя пожертвованія. Управленію принадлежитъ руководство и направленіе всего дѣла по устройству Музея.

10) На управленіи лежитъ обязанность изысканія денежныхъ средствъ, необходимыхъ для устройства и содержанія Музея. Управленію предоставляется право собирать пожертвованія и, вообще, принимать всѣ, закономъ дозволенныя общественнымъ предпріятіямъ, средства для сбора денежныхъ суммъ.

11) На управленіе возлагается обязанность постепенно выработать программу Музея и самый уставъ для представленія на утвержденіе установленнымъ порядкомъ.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ соизволилъ принять званіе почетнаго президента музея.

Управленіе Музея:

Предсѣдатель: Генералъ-адъютантъ Александръ Алексѣевичъ Зеленый.

Товарищи предсѣдателя: Дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

Состоящій по гвардейской артиллеріи полковникъ Николай Ильичъ Чепелевскій.

Члены: Тайный совѣтникъ Дмитрій Ѳомичъ Кобеко.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Андреевичъ Ермаковъ.

Коллежскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Брюзгинъ (онъ же и казначей).

Коммерціи совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Кононовъ.

Персидскій генеральный консулъ, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Ивановичъ Зайченко.

Управленіе помѣщается въ Москвѣ, на Новой Басманной, д. г. Оленина.

II.

Проектъ графа А. С. Уварова программы музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Отдѣлъ 1-й. Древности христіанскія. Христіанскіе памятники, отъ перваго до половины десятаго вѣка, должны показывать постепенное развитіе церковныхъ древностей и состояніе христіанскаго искусства въ то время, когда Русь приняла вѣру христіанскую отъ грековъ. Цѣлый рядъ надписей, фресокъ, саркофаговъ, мозаикъ, предметовъ церковной утвари, образцовъ византійской иконописи, будетъ оканчиваться памятниками Херсониса, въ которомъ крестился Владиміръ.

Отдѣлъ 2-й. Древности языческія первыхъ временъ существованія Руси, а также и другихъ славянскихъ народовъ. Въ совокупности этотъ отдѣлъ долженъ представлять ту степень развитія, на которой стояли славянскія племена, когда каждое изъ нихъ приняло христіанскую вѣру.

Отдѣлъ 3-й. Періодъ Кіевскій. Съ принатіемъ христіанской вѣры развивается связь между Русью и Византіею; съ этихъ поръ памятники художествъ, наукъ и литературы получаютъ преобладающій оттѣнокъ византійскаго вліянія; не только стиль въ памятникахъ вещественныхъ, но даже и научное вліяніе въ памятникахъ письменныхъ сохраняютъ византійскій отпечатокъ до тѣхъ поръ, пока Кіевъ остается первопрестольнымъ городомъ Руси.

Отдѣлъ 4-й. Періодъ Суздальскій. Памятники этого періода,— когда, съ перенесеніемъ столицы Андреемъ Боголюбскимъ (въ 1169 г.) изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ, вся политическая и умственная жизнь сосредоточилась на сѣверѣ, — утрачиваютъ постепенно свой византійскій характеръ и начинаютъ проявлять первые слѣды рус-

скаго стиля. Въ особенности зданія церковныя, гражданскія и постройки военныя, въ это время, служатъ характеристическими образцами измѣненій стиля. Наконецъ, подъ вліяніемъ призванныхъ западныхъ художниковъ, памятники получаютъ еще болѣе своеобразный отпечатокъ.

Отдѣлъ 5-й. Періодъ Московскій. Этотъ отдѣлъ представитъ многочисленные памятники зодчества церковнаго, гражданскаго и военнаго, иконописи, ваянія, литературы, какъ свѣтской, такъ и церковной, и первые начатки типографскаго дѣла, которые будутъ наглядно свидѣтельствовать о состояніи государственнаго развитія въ эту эпоху. Собираніе русской земли, начатое Іоанномъ Калитою (1328—1340), повліяло и на развитіе русскаго стиля; а потому съ этого, въ особенности. времени русскіе памятники получаютъ еще болѣе самобытный характеръ.

Отдѣлъ 6-й. Первый періодъ дома Романовыхъ. Такъ какъ со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича заканчивается періодъ внутреннихъ смутъ и возстановляется внутренее спокойствіе, то въ памятникахъ этого времени будетъ ясно видно постепенное возрожденіе наукъ, искусствъ, художествъ и ремеслъ.

Отдѣлъ 7-й. 2-й періодъ — Отъ Петра Великаго (1689) до Екатерины II.

Отдѣлъ 8-й. 3-й періодъ — Отъ Екатерины II до новѣйшихъ временъ.

Примѣчаніе. Подробное перечисленіе всѣхъ предметовъ и памятниковъ, входящихъ въ эту программу, и въ особенности въ отдѣлы 7-й и 8-й, находясь въ прямой зависимости отъ размѣровъ зданія, въ которомъ будетъ помѣщаться Музей, должно быть предоставлено особой ученой коммиссіи, учрежденной при управленіи.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Юшковы и Самарины.

Прочтя въ „Русской Старинѣ" (изд. 1872 г., т. VI, стр. 559—563), любопытныя замѣтки Н. Ѳ. Самарина о родѣ Юшковыхъ, сообщаю нѣкоторыя „дополненія" къ нимъ.

Объ извѣстномъ стольникѣ В. А. Юшковѣ сказано: „послѣ ссылки въ Нижній, В. А. Юшковъ какъ бы канулъ въ воду; на смотръ 1724 г. не являлся въ герольдмейстерской конторѣ. Въ 1735 г., по списку лицъ, „недостроивающихъ въ С.-Петербургѣ своихъ домовъ", значится стольникъ В. А. Юшковъ и противъ него отмѣтка: „оный Юшковъ умре". И точно, онъ умеръ въ 1726 г., ноября 1-го дня, и погребенъ въ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ монастырѣ, гдѣ еще уцѣлѣлъ и портретъ его, писанный масляными красками на желѣзномъ листѣ, съ надписью: „Стольникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ, скончался 1726 г., ноября 1-го дня". По слухамъ, онъ послѣдніе годы своей жизни (возвращенъ изъ ссылки послѣ смерти Петра I, въ 1725 году) жилъ въ селѣ Пятницѣ-Берендѣевѣ (Звенигородскаго уѣзда), въ домѣ или дворцѣ этого села, которое, вмѣстѣ съ находящимся въономъ Пятницкимъ-Берендѣевымъ монастыремъ, со всѣми его вотчинами, было, въ 1711 году, отписано отъ Воскресенскаго монастыря и отдано во владѣніе царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ; а по ея кончинѣ (13-го октября 1723 г.) поступило во владѣніе дочери ея, царевнѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ, по смерти которой снова Пятницкій монастырь и его вотчины, по указу царицы Анны Іоанновны, въ 1732 году, поступили во владѣніе Воскресенскаго монастыря.

Супруга стольника В. А. Юшкова, Татьяна Михайловна, какъ слышалъ, переживя мужа многими годами, скончалась монахиней московскаго Вознесенскаго монастыря.

Въ Воскресенскомъ же монастырѣ, на церковномъ кладбищѣ, погребены:

1) Дочь стольника В. А. Юшкова, Прасковья Васильевна, по мужу—Самарина. На ея надгробной плитѣ надпись: „1782 г., 14-го ноября, преставися вдова полковница Парасковея Васильевна Самарина, урожденная Юшкова, родившаяся въ 1722 г., ноября 27-го дня".

2) Зять В. А. Юшкова, мужъ вышеупомянутой Прасковьи Васильевны, урожденной Юшковой,—полковникъ Иванъ Михайловичъ Самаринъ. На его могильной плитѣ надпись: „1780 г., апрѣля 22 ч., преставися полковникъ Иванъ Михайловичъ Самаринъ, родившійся въ 1710 г., 14-го сентября".

3) Дочери И. М. Самарина: а) Анна Ивановна Самарина; на плитѣ надпись: „1803 г., 19-го апрѣля, преставися полковницкая дочь, дѣвица Анна Ивановна Самарина, родившаяся въ 1742 году, 5-го ноября". б) Татьяна Ивановна Самарина; на плитѣ надпись: „1828 года, 10-го марта, преставилась полковницкая дочь, дѣвица Татьяна Ивановна Самарина, родившаяся въ 1739 г., 21 декабря".

4) Сынъ И. М. Самарина. На его плитѣ надпись: „Подъ сею доскою погребено тѣло бригадира Петра Ивановича Самарина, родившагося въ 1762 году, 17-го іюня, а скончавшагося въ 1840 году, 23-го іюля; житія его было 78 лѣтъ".

Сообщ. Архимандритъ Леонидъ.

Новый Іерусалимъ.

Замѣтки и поправки.

I.

По поводу интересныхъ Записокъ гр. Ѳ. П. Толстаго («Русская Старина» 1873 г.), прошу помѣстить двѣ-три замѣтки. Изъ морскаго корпуса вышли въ мичмана: гр. Ѳедоръ Толстой (авторъ Записокъ) 28-го іюня 1802 г., а братъ его, гр. Петръ Толстой, 10-го іюня 1804 г. (см. «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса», Ѳ. Веселаго. Спб., стр. 143 и 208).

Судно, на которомъ, 25-го октября 1809 г., погибъ братъ автора «Записокъ», былъ 39-ти пушечный фрегатъ «Поллуксъ», подъ командою опытнаго и искуснаго капитанъ-лейтенанта Петра Ѳедоровича Тротскевича, не погибшаго въ каютѣ, какъ сказано въ статьѣ; распоряженія капитанъ-лейтенанта до послѣдней минуты его жизни, не взирая на пагубныя слѣдствія, заслуживаютъ удивленія и подражанія. Погибли: командиръ, 2 мичмана, штурманъ, констатель, лекарь и 184 человѣка нижнихъ чиновъ. Спаслись: подпоручикъ и 90 нижнихъ чиновъ. Графъ П. П. Толстой не долго держался на мачтѣ: онъ потерялъ силы, упалъ и утонулъ. Къ большему еще несчастію бывшихъ на крюсъ-стенгъ-вантахъ, они имѣли съ собою весьма непріятнаго и опаснаго сосѣда: медвѣдь, служившій прежде имъ забавою, взошедши теперь на крюсъ-салингъ, нѣсколько времени сидѣлъ смирно; но оттого-ли, что озябъ, или отъ голоду,

началъ онъ спускаться и садиться людямъ на головы и прижиматься къ нимъ, отчего они были въ безпрестанномъ движеніи и страхѣ. (См. часть IV, стр. 174—186, «Описанія достопримѣчательныхъ кораблекрушеній», капитанъ-командора В. М. Головнина. Спб., 1822 г., in 8, стр. 368. 378, 360, 367, и «Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ русскаго флота, отъ начала его до 1854 года», Александра Соколова. Спб., 1855 г., in 8, стр. XXI и 365).

Сообщ. **А. В. Фрейгангъ.**

II.

Помѣщая въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 236—253), нѣсколько неизданныхъ документовъ, относящихся до Хивинской экспедиціи 1839—1840 года, мы упомянули о статьяхъ, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1863 года №№ 1—4, какъ объ единственномъ описаніи экспедиціи, составленномъ лицомъ, участвовавшимъ въ ней и имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи множество матеріаловъ, доставленныхъ ему самимъ генераломъ Перовскимъ. Но, кромѣ этого описанія, свѣдѣнія объ экспедиціи находятся еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

«Военная экспедиція противъ Хивы въ 1839 году» — небольшая статья, помѣщенная въ отдѣлѣ смѣси «Библіотеки для чтенія» 1859 года, № 10.

«Хивинскія дѣла съ 1839 по 1842 годъ», Е. Зыкова — въ «Русскомъ Словѣ» 1862 года, № 3. Въ статьѣ есть ссылки на документы, хранящіеся въ архивѣ военно-топографическаго депо, и даже выписки изъ нихъ

«Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву», В. И. Даля — въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 года, № 4.

Въ «Этнографическихъ и историческихъ матеріалахъ по Средней Азіи и Оренбургскому краю», изданныхъ г. Галкинымъ въ 1868 году, въ статьѣ «Обозрѣніе сношеній Россіи съ Хивою», говорится, между прочимъ, и о Хивинской экспедиціи.

Въ книгѣ Костенко: «Средняя Азія», изданной въ 1870 году, въ главѣ: «Причины, побудившія русскихъ двигаться въ Среднюю Азію», находятся также сокращенныя свѣдѣнія объ экспедиціи.

Въ приложеніяхъ къ III выпуску сборника «Русскій Туркестанъ», изданному въ 1872 году, помѣщено: «Описаніе экспедиціи въ Хиву, произведенной подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго, въ 1839 году». Кѣмъ, когда и съ какою цѣлію составлено это описаніе — неизвѣстно; но, кажется, оригиналъ его былъ составленъ и хранился въ генеральномъ штабѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, а потомъ, вмѣстѣ съ другими дѣлами, былъ переданъ въ штабъ туркестанскаго военнаго округа.

Изъ всѣхъ этихъ статей, наиболѣе полныя свѣдѣнія объ экспедиціи находятся въ помѣщенныхъ въ «Русскомъ Словѣ», и въ «Русскомъ Туркестанѣ». Обѣ основаны на оффиціальныхъ документахъ, съ тою только разницею, что первая пользовалась ими изъ архива главнаго штаба, а послѣдняя — изъ оренбургскаго архива генеральнаго штаба. Замѣчательно, что въ обѣихъ статьяхъ всѣ предварительныя соображенія объ экспедиціи изложены словами напечатаннаго нами проекта, но съ болѣе или менѣе значительными пропусками, перестановками и прибавками послѣдующихъ распоряженій; и вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ опредѣленнаго указанія на источникъ, и безъ всякой критической оцѣнки его, какъ-будто всѣ эти соображенія не оспоримы и не преложны. Имѣя въ рукахъ подлинную рукопись проэкта экспедиціи въ Хиву, мы же-

дали узнать по ней автора тѣхъ мыслей и соображеній, которыя легли въ основу самой экспедиціи; но, къ сожалѣнію, не успѣли еще собрать автографовъ главнѣйшихъ оренбургскихъ дѣятелей того времени. Что касается втораго напечатаннаго нами документа, то о немъ не упоминается ни въ одной изъ названныхъ статей.

О сооруженіи памятника Вас. Наз. Каразину.

Въ нѣкоторыя изъ Петербургскихъ газетъ пишутъ изъ Харькова, что 17-го января 1873 г., на обычномъ годовомъ актѣ тамошняго университета, вслѣдствіе замѣтки, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1872 г (т. VI, стр. 294—296), о близкой столѣтней годовщинѣ дня рожденія В. Н. Каразина и рѣчи профессора Н. А. Лавровскаго, произнесенной на этомъ актѣ въ честь Каразина, въ Харьковѣ думаютъ почтить память основателя тамошняго университета подпиской между мѣстными жителями и питомцами университета, для постановки Каразину передъ этимъ университетомъ памятника и для устройства, именемъ его, нѣсколькихъ стипендій въ основанномъ имъ университетѣ. Харьковскій университетъ встрѣтилъ мысль о памятникѣ весьма сочувственно и 7-го сентября 1872 г., въ своемъ совѣтѣ, единогласно постановилъ снестись, по сему поводу, съ городомъ и съ земствомъ и затѣмъ просить разрѣшенія на открытіе подписки.

Кстати сообщимъ, что 10-го февраля текущаго года, въ Петербургѣ, по случаю миновавшей, 30-го января 1873 г., столѣтней годовщины дня рожденія Вас. Наз. Каразина, за дружескимъ, по подпискѣ, обѣдомъ, собрался небольшой кружокъ людей, глубоко почитающихъ память этого замѣчательнаго дѣятеля и благороднѣйшаго гражданина. Дорогимъ гостемъ былъ достойнѣйшій сынъ В. Н.—Ф. В. Каразинъ; тутъ же присутствовалъ одинъ изъ двоюродныхъ внуковъ Каразина (писатель и художникъ). За обѣдомъ было сказано нѣсколько задушевныхъ словъ: пишущимъ эти строки ред. «Русской Старины», также гг. Бѣликовымъ, Данилевскимъ и друг. Ф. В. Каразинъ, по просьбѣ всѣхъ присутствовавшихъ, прочелъ рукопись той рѣчи, которая была сказана г. Лавровскимъ въ Харьковѣ. Общія пожеланія, высказанныя на этомъ праздникѣ, были тѣ, чтобы Харьковскій университетъ скорѣе увидалъ предъ собою памятникъ, созданный благодарнымъ потомствомъ виновнику бытія этого университета; а все русское общество скорѣе получило-бы изданіе полнаго собранія замѣчательныхъ трудовъ незабвеннаго Вас. Наз. Каразина. Ред.

Аттестатъ студіозусу семинаріи.

Заимствуемъ эту довольно характерную шутку-пародію изъ «Альбома ипохондрика» Н. Ѳ. Щербины. Въ аттестатѣ соединены, конечно въ каррикатурѣ, черты воспитанія и образованія, какое давалось въ старину въ нашихъ семинаріяхъ. Ред.

Данъ сей студіозусу семинаріи, Апполинарію Тропаревскому, прошедшему чрезъ непроходимую дебрь философіи и скитавшемуся по классамъ бурсы сорокъ лѣтъ, аки Израиль по пустынямъ Аравійскимъ, и приступающему днесь къ возложенію на рамена своя тяжелаго пастырскаго бремени, услаждаемаго токмо единою чревонитательною кутіею.

Бывшу ему подъ сѣнію элоквенціи, оный, въ потѣ лица своего, упражнялся въ составленіи лѣпорѣчивыхъ періодовъ, казусныхъ синекдокъ и хрій, како порядочныхъ, тако автоніанскихъ и превращенныхъ; а паче всего въ композиціи велелѣпныя ораторскія конклюзіи, яже на концѣ ораціи полагается, сочетавая оную съ витіеватою интродукціею. Но, не взирая на искусительные соблазны, представляемые вертоградомъ словесности, оный Апполинарій, отнюдь не предавался тщетному стиходѣйству; но точію умудрялся въ ономъ изъ приснопоминаемыя книжицы, глаголемыя „Телемахида", писанныя медоточивыми перстами, блаженныя памяти, велемудраго мужа и профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредіаковскаго, заучая, денно и нощно, сладостные стихи его и почерпая изъ онаго неизглаголанныя лѣпоты словесныя.

Бывшу ему обуянну силою красноглаголанія, онъ, Апполинарій, произнесъ витіеватую рѣчь надъ усопшимъ пономаремъ Трифономъ Звонаревскимъ, кой зѣло угобзися [1]) въ сниманіи жупела съ свѣщъ перстами, исправляя при томъ оффиціи велегортаннаго стихарнаго дьячка, кой преданъ бѣ обычному, по вся дни, запою. Сія рѣчь его хранится въ книгохранилищѣ нашея бурсы, како по изяществу витійства, тако и по истинному изображенію житія сего доблестнаго кадиловозжигателя и клепателя во трезвоны, за что и пожалована ему бѣ въ награду отъ всещедрыя руки префекта вельми мудрая книжица, глаголемая: „Рѣчь о чистотѣ россійскаго языка", произнесенная чрезъ Василія Тредіаковскаго, въ градѣ св. Петра, тщательно и лѣпообразно переплетенная въ тельчу кожу.

Вступившу же ему въ курсъ философіи, оный рачительно и съ преуспѣяніемъ подвизался въ составленіи главокружныхъ дилеммъ, эпихеремъ, энтимемъ, соритовъ, плѣнивыхъ и рогатыхъ силлогизмовъ (sillogismus cornutus) и иныхъ философскихъ словоизвитій, и тако искусенъ бѣ въ словопреніи и въ силѣ убѣжденія, что лишь токмо въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ ко всевластной помощи, такъ на-

---

[1]) «Искусися».— Поправка профессора элоквенціи. Н. Щ.

*

зываемаго: „argumentum baculinum", не взирая на то, что, по вѣковому и непреложному положенію семинарскаго краснорѣчія, токмо единое—argumentum baculinum eloquentiae fundamentum est" [1]). (Сіе въ переводѣ толкуется тако: „палочное убѣжденіе есть основаніе всякаго краснорѣчія").

Егда же преступи въ курсъ богословія, оный немедленно посвященъ бѣ въ честный стихарь и вопіялъ на паперти церковныя: 1) противу лихоимныхъ виночерпіевъ, беззаконно претворяющихъ вино въ воду, и 2) противу студныхъ блудницъ, разверзающихъ на распутіяхъ гнусныя ложесна своя всякому мимоидущу.

Сей лѣпообразный, аки кринъ сельный, смиренный, яко агнецъ, и кроткій яко голубица, дисципулюсъ въ поведеніи своемъ бѣ зѣло добропорядоченъ.

Къ презусу, префекту, прецепторамъ и инымъ предержащимъ властемъ толико бѣ почтителенъ, что, узря еще издалече единаго грядуща отъ сихъ велемудрыхъ мужей, абіе срывалъ покровы съ бренныя главы своея и падалъ ницъ, повергшись во прахъ, доидеже сей мужъ не сокрывался отъ очесъ его, хотя бы сіе было на разстояніи цѣлыя стадіи, или въ лютый мразъ.

Лице его бѣ всегда омовенно и глава умащенна елеемъ, но не похищеннымъ со свѣтильниковъ церковныхъ во время всенощнаго бдѣнія.

Во дни будніе онъ носилъ благообразный халатъ, а во дни, посвященные Господу, хитонъ, глаголемый нынѣ сюртукъ, коего полы касашася долу; но онъ носилъ сію благолѣпную одежду отнюдь не для соблазна ближняго, а токмо для покровенія срамоты тѣлесныя.

Не облачался въ аллеманскую куртку съ демоно-подобными хвостами, яже отъ нечестивыхъ Галловъ и еретическихъ Аллеманъ фракомъ нарѣцается, коя есть изобрѣтеніе Вельзеула, князя тьмы кромѣшнія.

Наступающу каникулярну времени, Апполинарій, отправляясь въ домъ родительскій, не возсѣдалъ на колесницы, яко нечестивый Фараонъ, но шелъ пѣшкомъ, аки Іаковъ въ Мессопотамію къ дяди своему Лавану, слѣдуя словесамъ царя Давида: „Блаженъ, иже и скоты милуетъ."

Не расточалъ имѣнія отца своего на многоразличныя драгоцѣнныя и банкетныя сласти, како-то: на подсолнечное сѣмя, сушеныя груши, моченое терніе и иныя, симъ подобныя, сластолюбивыя и драгія яства, аки древле расточительный язычникъ Лукуллъ; но сохранялъ денаріи своя во глубинѣ калиты своея.

---

[1]) И въ наши дни симъ исконнымъ и непреложнымъ правиломъ бурсы съ величайшимъ успѣхомъ воспользовался и по нынѣ достойно употребляетъ оное, такъ называемый, президентъ богоотступныхъ и мятежелюбивыхъ Галловъ, Людовикъ Бонапарте.— Примѣчаніе 1852 г. Н. Щ.

Не пожиралъ съ неистовою жадностію брашенъ и снѣдей сухоядивыя бурсы, но, большею частію, питался подаяніемъ доброхотныхъ дателей, или немногими крупицами, падающими отъ трапезы ихъ, ходя подъ окнами благочестивыхъ парафіанъ, съ вертепомъ или же псалмопѣніемъ и славословіемъ.

Не объѣдался, до распоясанія ризъ, несчетнымъ количествомъ пироговъ или чрезъ мѣру кутіею и взваромъ въ нощь наканунѣ Богоявленія, при восходѣ первыя звѣзды, како чинимо то было отъ его сотоварищей, уже покотомъ лежащимъ у преддверій бурсы въ конвульсіяхъ и съ пѣною на устахъ, сопровождаемыхъ нѣкіимъ адскимъ клокотаніемъ во чревѣ и зловонною отрыжкою изъ онаго, подобно упитаннымъ тельцемъ или нечистымъ свиніямъ.

Егда же, трапезующу ему, попадался въ кашѣ нѣкій запещный инсектъ, глаголемый тараканъ, то Аполлинарій, боясь ущерба для казны скудоденежныя бурсы и соблюдая экономію ея, съѣдалъ онаго таракана купно съ кашею, а паче всего памятовалъ изрѣченіе Библіи, идѣ-же глаголется тако:

«Все создано есть на потребу человѣка....

. . . .

(Окончаніе сего манускрипта изъѣдено молiемъ и червіемъ).

Копія сія списана въ архивѣ съ подлиннаго нѣкіимъ піитою, покрытымъ мракомъ неизвѣстности. (Харьковъ, 1841).

Французская революція 1848 г.

(Разсказъ П. М. Садовскаго).

Въ одномъ изъ Московскихъ сборниковъ напечатанъ разсказъ П. М. Садовскаго о французской революціи 1848 года, доставленный въ редакцію чрезъ посредство В. И. Родиславскаго. Я близко зналъ Прова Михайловича и у меня записаны его разсказы. Всѣхъ ихъ было пять: «О французской революціи», «О Наполеонѣ на остр. Елены». «Разсказъ татарина», «Встрѣча двухъ пріятелей» и драма «Честь или смерть», но разсказа «О французской революціи» въ той редакціи, которая напечатана въ Московскомъ сборникѣ, я никогда отъ него не слыхалъ. Прошу редакцію «Русской Старины» напечатать на страницахъ своего уважаемаго изданія разсказъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ я его записалъ со словъ покойнаго артиста.

Иванъ Горбуновъ.

А слыщали-ли вы, батюшка, Иванъ Парамоновичъ, что за-моремъ дѣлается? Не слыхали-съ? Да тутъ вамъ и слушать-то нечего, а, примѣрно сказать, надо въ толкъ себѣ взять. Вы, можетъ быть, полагаете, что горы ушли въ море, али воды на тридесять локтей покрыли поднебесную? Такъ это было бы чудо. Али по тому размышленію мѣкаете, что агличане золото на русскія ассигнаціи мѣняютъ? — Подымайте выше! Тутъ дѣло такого нумера и достоинства,

что при квартальномъ поручикѣ и говорить страшно!... Самъ въ вѣдомостяхъ читалъ, Иванъ Парамоновичъ. Въ королевствѣ Франціи есть городъ Парижъ, что́ и малому рабенку извѣстно; я полагаю и вы знаете? А въ этомъ Парижу царствуетъ король Людовикъ Филиппычъ? Человѣкъ доброкачественный, семейный, жена, примѣрно, и все какъ должно. И царствуетъ этотъ король Людовикъ Филиппычъ 18 лѣтъ съ мѣсяцы. Но только онъ со своимъ народомъ совладать не умѣлъ, потому французу угодить, яко бы псу цѣпному, али бабѣ назойливой.... Только псу цѣпному и приравнять можно, иже яко левъ, искій кого поглотити. Вѣдь они вѣры-то православной не имутъ!... Если бы они знали, что нѣсть власти аще, что всякой твори еже предуставлено: будь тѣмъ, а не мѣть туда-то; такъ не пошелъ бы всякій обритый да обмытый лѣзть въ короли да въ министеры. А то, видишь, говорятъ: — вашего величества министеры не хороши, а мы хороши будемъ!... Ну, и давай народъ будоражить. А народъ, извѣстно: ты побѣги и онъ припустится; практика ужь это извѣстная. И началась, сударь мой, въ тѣ поры конфузія.... Началась она съ иностранной министеріи — стали они булыжникомъ цвѣтныя стеклы выбивать. Сейчасъ гг. перья [1]) въ сторону, епутаты въ другую; стража сдѣлала отпоръ, а народъ покрикиваетъ: не хотимъ, говоритъ, Людовика Филиппыча! А онъ, съ хозяйкой и съ дѣтками, подъ окошкомъ сидитъ, да всю эту оказію-то и видитъ. Ну, ему-то ничего, а ея дѣло женское — распылались очи-то, да не взыщите, потому народъ. Видитъ онъ, что дѣло плевое! Сейчасъ кличетъ квартальнаго. „Ты, говоритъ, голубчикъ квартальный, мнѣ другъ, аль нѣтъ?“—Другъ, говоритъ. „Найми извозчика“. Квартальный ему извозчика предоставилъ. Онъ супружницу съ дѣтками на извозчика посадилъ, да изъ Парижу-то улепетывай!... А они въ тѣ поры глумились, глумились, да шесть тысячъ тѣлесъ убіенныхъ во свидѣтельство и положили. А я запамятовалъ вамъ сказать, что онъ посылалъ къ нимъ, въ тѣ поры, на усмиреніе генерала Севастьянова [2])—умнѣющій генералъ былъ! Они его подъ холстинку упрятали. Покончимши все это дѣло, по благопристойности ихней, жители града Парижа заявили, что у нихъ отъ сего числа будетъ провизорское [3]) правленіе, гдѣ и возсѣдаетъ главнѣющій уставщикъ безпутчины грѣховной— генералъ Мартыновъ [4]).

Господи! Почто народы мятутся и людіе возмущаются тщетно! Кушайте, Иванъ Парамоновичъ. Не наше дѣло!....

Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ.

---

[1]) Перы.
[2]) Себастіани.
[3]) Provisoire.
[4]) Ламартинъ.

ныхъ хозяевъ надъ измѣненіями солнца, луны, звѣздъ и другихъ предметовъ; за адреснымъ отдѣломъ слѣдуетъ перечень достопамятныхъ Псковскихъ событій, статистическій очеркъ Псковской губерніи и, наконецъ, историческій. Въ статистическомъ очеркѣ особенно любопытно показаніе, что въ настоящую минуту, не смотря на повсюдное лѣсоистребленіе, почти половина площади Псковской губерніи (т. е. около 2 мил. десятинъ) занята лѣсомъ, почти исключительно принадлежащимъ частнымъ владѣльцамъ, и около $^{1}/_{2}$ мил. десятинъ отходитъ подъ воду, т. е. озера, болота и рѣки.

Куль хлѣба и его похожденія, разсказанныя С. Максимовымъ. Спб., 1873, 12°, 4 нен., 292 и V стр., съ 105-ю рис. Ц. 3 р.

Новый трудъ С. В. Максимова представляетъ счастливый и вполнѣ удавшійся опытъ этнографической христоматіи, одинаково-полезной для всѣхъ возрастовъ, сословій и профессій. Мысль г. Максимова — «поближе ознакомить съ честнымъ житьемъ, съ крѣпкою силою, съ добрымъ сердцомъ и сильнымъ разумомъ трудолюбиваго русскаго люда», ознакомить съ этимъ, расказавъ похожденія куля съ хлѣбомъ,— мысль — не только прекрасная, но и талантливая. Зрѣло обдуманная, она мастерски исполнена: части сочиненія отличаются системой, но безъ всякаго педантизма; пропусковъ, длиннотъ, отступленій, неумѣстныхъ вставокъ — нѣтъ; языкъ — чистый, русскій; рѣчь — изящная, свободная, недѣланная. Достоинства книги увеличиваются еще тѣмъ, что, ради наглядности, къ ней приложено болѣе сотни отдѣльныхъ картинъ и рисунковъ въ текстѣ, рисованныхъ художниками Нищенковымъ и Шурыгинымъ и рѣзанными на деревѣ Даммюлеромъ, Куренковымъ и другими. Вся книга состоитъ изъ 12-ти главъ. Первая, озаглавленная: «хлѣбъ — наша русская пища», составляетъ предисловіе, въ которомъ весьма удачно разсказаны и объяснены всѣ пословицы и присловія, относящіяся къ хлѣбу, этому кормилицу русскаго народа; затѣмъ объяснены всѣ колосовыя растенія: солома, кушанья и напитки изъ хлѣба въ крестьянскомъ обиходѣ, во время праздниковъ, при обрядахъ, и т. д. Вторая глава — «землю пашутъ» (лѣса, борьба людей съ природой, залежи, нови, голода, корчеванье, соха, борона и пр.); 3-я — «хлѣбъ сѣютъ» (сѣмена, повѣрья, обычаю и суевѣрія при посѣвахъ, загадки, навозъ, лѣнь и трудъ, яровое и озимь, и пр.); 4-я — «хлѣбъ растетъ»; 5-я — «хлѣбъ созрѣлъ — убираютъ»; 6-я — «куль и мѣшокъ»; 7-я — «хлѣбъ убранъ»; 8-я — «на базарѣ»; 9-я — «на пристани»; 10-я — «на Волгѣ»; 11-я — «въ каналахъ»; 12-я — «на биржѣ».

Съ талантомъ и добросовѣсностію С. В. Максимова знакома вся образованная и читающая Россія, и потому новая его книга въ рекомендаціи нашей, съ этой стороны, не нуждается. По своей мысли, плану и исполненію — «Куль хлѣба» составляетъ одно изъ видныхъ и положительныхъ пріобрѣтеній нашей литературы. Можно даже предсказать, что книга г. Максимова, переведенная на языки нѣмецкій, французскій и англійскій, не затеряется и за границей, и будетъ съ большимъ интересомъ и пользою прочтена. Въ заключеніе, въ виду того, что русская народная жизнь, помимо куля съ хлѣбомъ, представляетъ еще и другіе кули,— пожелаемъ, чтобы нашъ почтенный и даровитый авторъ обратилъ и на нихъ свое вниманіе.

Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса Военныхъ Топографовъ 1822—1872, Спб., 1872, 8°. 4 нен., VIII, 616, 151, VIII стр., (съ 6 карт.).

Это полезное и любопытное собраніе матеріаловъ для исторіи астрономическихъ, топографическихъ и картографическихъ работъ въ Россіи вызвано пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Корпуса Военныхъ Топографовъ. Не смотря на то, что, по обстоятельствамъ, къ составленію этого объёмистаго тома было приступлено только во второй половинѣ октября 1871 года,— изданіе это было готово уже черезъ годъ, съ присоединеніемъ къ нему 6-ти картъ и 18-ти портретовъ. Первая глава посвящена обозрѣнію (впрочемъ, довольно краткому), межевыхъ работъ и трудовъ въ Россіи до учрежденія Корпуса Топографовъ, упоминается о писцовыхъ книгахъ, генеральномъ межеваніи, спеціальномъ атласѣ Россійской имперіи 1745 года, и пр.

Краледворская рукопись въ двухъ транскрипціяхъ текста, съ предисловіемъ, словарями, частью грамматическою, примѣчаніями и приложеніями. Трудъ Н. Некрасова. Спб., 8°. 1872, VI и 438 стр.

Краледворская рукопись, какъ извѣстно, получила свое названіе отъ имени того города (Králové Dvor, Aula reginae), гдѣ была найдена въ 1817 году Вацлавомъ Ганкою. Она состоитъ изъ 12-ти пергаментныхъ листочковъ и заключаетъ въ себѣ 14-ть поэтическихъ произведеній эпическаго и лирическаго содержанія; въ число ихъ входитъ и отрывокъ пѣсни объ изгнаніи поляковъ изъ Праги. Хотя рукопись принадлежитъ XII вѣку, однако, произведенія, заключающіяся въ ней, относятся по своему происхожденію къ болѣе древнему времени: нѣкоторыя изъ нихъ сложились еще въ IX вѣкѣ.

Въ предисловіи своемъ, г. Н. Некрасовъ подробно обозрѣваетъ всѣ изданія Краледворской рукописи. Послѣ предисловія начинается текстъ въ двухъ транскрипціяхъ: первая принадлежитъ фотографическому изданію Вртятки, а вторая—примѣнена къ новому правописанію.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. АПРѢЛЬ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Къ этой книгѣ прилагаются пять рисунковъ (одна таблица) Моды въ Россіи въ 1779 г. Гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣрковъ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Труды Владимірскаго губ. стат. ком. Вып. IX, 1872 г., м. 8°, 182 (съ таблиц. и снимк.).

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины», за прошлый годъ мы помѣстили замѣтку о провинціальныхъ трудахъ по областной исторіи и библіографіи, причемъ высказали нѣкоторыя наши желанія и ожиданія отъ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ и губернскихъ вѣдомостей. Теперь, намъ пріятно заявить, что замѣчанія наши не пали на почву безплодную: г. Тихонравовъ, высылая 9-й вып. «Трудовъ», между прочимъ пишетъ: «вы предлагаете редакторамъ составить указатель къ губернскимъ вѣдомостямъ, такой указатель мною составленъ, и я, вслѣдъ за симъ, представлю его на ваше разсмотрѣніе».

Девятый выпускъ «Трудовъ» состоитъ изъ девяти статей: 1) первая изъ нихъ, составленная главнымъ образомъ, на основаніи «Губернскаго Служебника» князя Туркестанова, содержитъ въ себѣ весьма любопытныя и полезныя извѣстія о намѣстникахъ, правителяхъ, помощникахъ правителей, предсѣдателяхъ судебныхъ палатъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителяхъ Владимірской губ. съ 1778 по 1796-й годъ; 2) городъ Владиміръ въ началѣ XVIII вѣка; 3) Золотыя ворота, памятникъ гражданскаго зодчества XII вѣка, во Владимірѣ; 4) къ замѣткѣ о миѳическихъ изображеніяхъ 12-ти лихорадокъ, приложено два весьма любопытныхъ снимка: а) стѣнное изображеніе 12-ти лихорадокъ въ Тихвинской церкви, Холуйской слободы, и б) образецъ иконъ 12-ти лихорадокъ, которыя и понынѣ пишутся; 5) прекрасно составленный г-жею Екатериною Добрынкиною (она—дѣйствительный членъ Владим. стат. ком.) этнографическій очеркъ деревни Корниловки, Муромскаго уѣзда; 6) исторія древности и статистика города Вязники, съ приложеніемъ большой хромолитографіи, изображающей видъ города съ западной стороны; 7) свадебный обрядъ въ Меленковскомъ уѣздѣ. Остальныя двѣ статьи касаются новаго города (Иваново-Вознесенска) и состоянія народнаго здравія въ г. Владимірѣ, со многими обширными статистическими таблицами. Въ числѣ приложеній, слѣдуетъ поименовать снимокъ (въ натуральную величину) курганныхъ вещей (бронзовыя привѣска и пряжка, серебренныя щипцы и пряжка), найденныхъ въ Меленковскомъ уѣздѣ. Искренно желаемъ, чтобы содержаніе трудовъ и прочихъ статистическихъ комитетовъ было столь же богато.

Двадцатипятилѣтіе Имп. Рус. Геогр. Общества. Спб., 1872 г., 8°, III, 254 и VIII стр.

Января 13-го 1871 года исполнилось двадцать пять лѣтъ основанію Рус. Геогр. Общества, одного изъ дѣятельнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ, по своимъ изданіямъ и трудамъ нашихъ ученыхъ, обществъ. Государю Императору угодно было ознаменовать юбилей этотъ исполненіемъ просьбы Общества о принятіи званія Покровителя онаго, причемъ Его Величество, выражая признательность и полное одобреніе Обществу за его полезную дѣятельность, повелѣлъ отпускать впредь ежегодно, начиная съ 1871 года, въ дополненіе къ получаемому Обществомъ пособію, еще по пяти тысячъ рублей.

Въ память этого юбилея, въ настоящее время вышла книга, заглавіе которой выписано выше. Въ началѣ ея помѣщено краткое извѣстіе объ учрежденіи Общества и образованіи перваго состава; затѣмъ, слѣдуютъ три очерка результатовъ дѣятельности Общества по тремъ главнымъ спеціальностямъ, входящимъ въ кругъ его занятій: П. П. Семенова — по общей географіи, Л. Н. Майкова—по этнографіи и А. Б. Бушена — по статистикѣ. Но особенно замѣчательно обширное и любопытнѣйшее обозрѣніе трудовъ Общества по исторической географіи, прекрасно составленное А. И. Артемьевымъ. Поводомъ къ составленію этого обозрѣнія послужило то, что за истекшее двадцатипятилѣтіе въ средѣ Отдѣленія Этнографіи возникло, и въ значительной степени выполнено, намѣреніе «разработать географію России по памятникамъ отечественной письменности и составить сводъ всѣхъ этнографическихъ свѣдѣній о Россіи». Сообразно съ этимъ, почтенный авторъ раздѣлилъ свое обозрѣніе на двѣ части: 1) предпріятія и труды собственно по исторической географіи (писцовыя книги, книга Большаго Чертежа), и 2) по исторической этнографіи (разработка свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ путешествій русскихъ людей въ чужія земли и иноземцевъ по Россіи). Не смотря на усилія и труды Неволина, Иванова, Калачова, Срезневскаго, Надеждина и др. лицъ и на сочувствіе Общества, вопросъ о новомъ и полномъ изданіи книги Большаго Чертежа (съ картою) и о составленіи критическаго свода историко-этнографическихъ свѣдѣній о Россіи до сихъ поръ стоялъ на очереди, и только въ недавнее время вновь возбужденъ.

Въ концѣ книги приложены списки членамъ-учредителямъ, почетнымъ членамъ и должностнымъ лицамъ Общества, со времени основанія (6-го августа 1845 г.), по 13 января 1871 г., и—указатель.

Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей. Т. VIII, 1872 г., 4°, нен., 488 и 23 стр. Ц. 2 р.

Одесское историческое Общество, суще-

Головной уборъ по манеру шишака Минервина или по-драгунски.

Щеголиха на гуляньѣ.

Уборка изъ цвѣтовъ.

Левантской турбанъ.

Рогъ изобилія.

МОДЫ ВЪ РОССІИ

въ 1779 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 марта 1873 г. Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 49—2.

ВОСПОМИНАНІЯ КОЛЗАКОВА.

1815—1831.

«Не запомню эпохи, болѣе счастливой въ моей жизни, какъ пребываніе мое въ Варшавѣ съ 1815 по 1830 годъ», говаривалъ часто отецъ мой въ дружескихъ бесѣдахъ со старыми товарищами, сослуживцами и пріятелями, посѣщавшими его впослѣдствіи въ Петербургѣ. «Это было какъ-бы тихое пристанище послѣ продолжительной боевой и бурной жизни».

Наступила эпоха мира послѣ долгихъ и кровопролитныхъ войнъ; утомительная бивуачная жизнь кончилась, и, увѣнчанные славою нашего оружія, прогремѣвшаго на всю Европу, русскіе благоденствовали и отдыхали въ благодатной, по климату, странѣ, живя въ довольствѣ и изобиліи, при гуманномъ управленіи покойнаго цесаревича и великаго князя Константина Павловича, начальника, хотя строгаго и взыскательнаго, но исполненнаго чувствами сердечной теплоты и рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Страна эта, какъ выражался отецъ мой, казалась имъ тогда какою-то счастливою Аркадіей.

Умѣренный климатъ, дешевизна и удобства жизни, цвѣтущее состояніе края, веселое общество и, наконецъ, тогдашнее дружественное настроеніе большинства поляковъ къ русскимъ,—все способствовало къ тому, чтобы придать этому уголку тотъ веселый мѣстный характеръ, которому симпатизировало большинство населенія и который, какъ казалось, долженъ былъ сдѣлаться залогомъ продолжительнаго и безмятежнаго спокойствія и

счастія; но, по непреложному закону природы, государства, какъ и отдѣльныя личности, имѣютъ свои цвѣтущія эпохи, а равно и тяжкія испытанія.

Поляки уже не разъ подвергались этимъ превратностямъ судьбы, по собственной своей винѣ, но горькій опытъ ни къ чему не послужилъ; и если, въ продолженіе всей исторической жизни этого народа, бывали гибельные для него перевороты и потрясенія, вслѣдствіе ихъ необузданнаго самолюбія, то ни одно изъ нихъ не было столь неосновательно и несправедливо придумано ими, какъ возмущеніе 1830 года.

Не вдаваясь, однако, въ изслѣдованіе причинъ, породившихъ польское возстаніе, что гораздо раньше меня, въ числѣ множества писателей, сдѣлалъ партизанъ Денисъ Давыдовъ, превосходныя «Записки» котораго были напечатаны въ «Русской Старинѣ» (1872 г., т. VI, стр. 1—38 и 309—403), я ограничусь только тѣмъ, что изложу здѣсь нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ изъ разсказовъ отца моего и другихъ очевидцевъ, частью же и собственныхъ моихъ воспоминаній о любопытной эпохѣ, проведенной мною въ Варшавѣ—до 1830 г.

I.

Въ Варшавѣ.

18-го сентября 1814 года пріѣхалъ отецъ мой въ Варшаву, вмѣстѣ со свитою цесаревича Константина Павловича. Великій князь находился тогда еще на вѣнскомъ конгрессѣ.

Польша, въ то время, не знала объ окончательной своей участи; но великодушныя завѣренія государя Александра Павловича, при проѣздѣ его черезъ Варшаву, подавали полякамъ большія надежды на будущность,—они слѣдили, съ возрастающимъ любопытствомъ, за всѣми политическими комбинаціями дипломатовъ тогдашняго времени и неоднократно отправляли депутатовъ къ государю съ просьбою, принять ихъ исключительно подъ свою защиту, опасаясь новаго раздѣла Польши. Они умоляли о совокупномъ и всецѣломъ присоединеніи ихъ къ Россіи, какъ единоплеменной съ ними державѣ; однимъ словомъ, духъ и настроеніе поляковъ, въ то время, были совершенно въ нашу пользу.

Понятно, послѣ всего этого, что пріѣздъ русскихъ въ Вар-

шаву, въ тогдашнюю эпоху, при томъ общемъ сочувствіи, которое они встрѣчали повсюду въ польскихъ кружкахъ, не могъ не оставить въ нихъ самыхъ пріятныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній,—тѣмъ болѣе, что это было такъ неожиданно и что, разставаясь съ Петербургомъ и съ обычнымъ кругомъ родныхъ и друзей, и отправляясь въ страну, чуждую имъ по вѣрѣ, языку и обычаямъ, каждый изъ русскихъ никакъ не разсчитывалъ на столь радушный пріемъ.

Свита великаго князя была сначала немногочисленна. Состоящіе при немъ генералы и личные адъютанты были его сподвижниками и сотрудниками кампаній: 1812, 1813, 1814 годовъ. Взысканныя милостями августѣйшаго начальника и уже свыкнувшись совершенно съ его характеромъ, составляли они тѣсный и дружескій кружокъ; ни что, вообще, такъ не сближаетъ людей, какъ военное время. Походы, бивуачная жизнь, раздѣленіе трудовъ и опасностей,—все связывало ихъ незамѣтнымъ образомъ тѣснѣй и тѣснѣй; а кочующая жизнь и товарищескія сходки, обращаясь въ привычку, налагали на нихъ свой особенный отпечатокъ. Разгульная жизнь, торжества, пиры, вино и карты,—все это было въ духѣ времени тогдашней военной молодежи; даже солидныхъ лѣтъ люди не были изъ этого изъяты. Поэтому, пріѣздъ ихъ въ Варшаву, какъ нельзя болѣе, совпадалъ съ ихъ наклонностями.

Поляки, заискивая расположеніе русскихъ, ничего не щадили для достиженія этой цѣли. Знатнѣйшіе магнаты поспѣшили открыть свои богатыя хоромы для принятія новыхъ гостей—и загремѣли празднества. Забывая временные раздоры, старались они заглушить ихъ въ роскошныхъ пирахъ, гдѣ испивалось полными чашами вино за дружеское соединеніе двухъ славянскихъ племенъ.

Соревнуя въ гостепріимствѣ, наши русскіе, кто какъ могъ, не желая оставаться въ долгу, отплачивали имъ тѣмъ же,—и здѣсь-то высказалась русская широкая натура и любовь къ разгулу. Заликовала Варшава, и загремѣла музыкою и увеселеніями. Никогда еще не было выпито столько вина, какъ въ эту эпоху. Чтобы дать понятіе, до чего доходило своеволіе и духъ тогдашняго времени, приведу здѣсь анекдотъ, разсказанный мнѣ отцомъ моимъ о проведенномъ имъ канунѣ 1815 года, въ Варшавѣ, на

большомъ пиру у генерала отъ кавалеріи барона Меллера-Закомельскаго. Все, что было знатнѣйшаго въ Варшавѣ изъ числа русскихъ и польскихъ служащихъ, все было на этомъ торжествѣ. За обѣдомъ русскіе братались съ поляками въ неднократныхъ тостахъ; музыка гремѣла при оглушительныхъ крикахъ ура; предложенъ былъ, наконецъ, послѣдній тостъ за дружеское соединеніе славянскихъ братій, принесенъ былъ громадный старинный серебряный кубокъ, въ который вливалось заразъ 2 бутылки шампанскаго; всѣ гости должны были пить, по очереди, изъ этого кубка, и осушать его до дна; но желудки гостей уже такъ были переполнены яствами и винами, что не нашлось ни одного, кто бы могъ выпить и четверти кубка. Дошла наконецъ очередь до одного поляка, по имени Огинскій или Оборскій, не упомню. Онъ всталъ съ своего мѣста. Громадный ростъ, толщина и усатое лицо, раскраснѣвшееся отъ вина, придавали ему весьма типичный видъ. Оглушительнымъ басомъ заревѣлъ онъ по-польски: «здравицу за соединеніе славянъ» и, поднеся чашу къ губамъ, медленно, но безъ разстановки, осушилъ онъ весь кубокъ и опрокинулъ его себѣ на голову, какъ доказательство, что въ немъ вина болѣе не оставалось; вся зала загремѣла дружными ура!

Послѣ стола гости усѣлись за фараонъ и засыпали золотомъ игорные столы. Около полуночи приготовлено было 60 саней; въ эти сани стали разсаживать, по одиночкѣ, бо́льшую часть гостей, едва державшихся на ногахъ; къ каждому изъ нихъ сажали по музыканту, который обязанъ былъ во всю дорогу играть на своемъ инструментѣ. Во главѣ этой дикой процессіи везли, въ саняхъ, огромный транспарантъ, на которомъ, крупными цифрами, изображенъ былъ, въ вѣнкѣ, «1815 годъ». Вся эта вереница саней потянулась, такимъ образомъ, по Новому свѣту и другимъ главнымъ улицамъ Варшавы, и послѣ 1½ часовой ѣзды гости развозились по домамъ.

Таковъ былъ духъ тогдашняго общества въ Варшавѣ. Съ пріѣздомъ великаго князя и въ послѣдующіе года, все стало приходить въ лучшій порядокъ; всѣ ревностно занялись ломкою старыхъ, обветшалыхъ узаконеній и стали приводить въ исполненіе новую, дарованную полякамъ, конституцію. Восторгъ поляковъ доходилъ до нельзя и всѣ старожилы единогласно сознаются,

что эпоха, съ 1816 по 1822 годъ, т. е. время введенія окончательныхъ реформъ въ царствѣ польскомъ, была самая веселая въ Польшѣ.

Варшава представляла тогда самый оживленный видъ. Городъ обстраивался; эмигранты польскіе, получившіе амнистію, возвращались толпами въ свои помѣстья и дома. Увеселенія и празднества стали чаще повторяться. Многіе изъ приближенныхъ великаго князя, въ то время, женились и обзавелись домами, и другъ предъ другомъ старались щеголять гостепріимствомъ; и хотя не могли тягаться съ польскими магнатами богатствомъ и роскошью обстановки, но, тѣмъ не менѣе, радушіе и хлѣбосольство, присущіе русской натурѣ, замѣняли все остальное. Русская военная молодежь дружилась съ польскою; духъ прежней вражды по немногу исчезалъ. Польскія красивыя панны перестали уже коситься на москалей. Въ угодность имъ, заговорила наша молодежь на ихъ языкѣ, ломая свой благозвучный языкъ на ихъ шипящее нарѣчіе; все шло какъ нельзя лучше, и хотя были слышны, отъ времени до времени, нѣкоторые глухіе голоса недовольныхъ, но все это ограничивалось столь ничтожными въ началѣ выходками, что оставалось въ тайнѣ отъ большинства и хранилось только въ высшихъ административныхъ сферахъ, которыя, не видя въ этомъ большой важности, весьма снисходительно къ нимъ относились. Власти понимали, что голоса недовольныхъ не были выраженіемъ цѣлаго общества, а лишь вспышками отдѣльныхъ личностей, увлекаемыхъ ложнымъ и неумѣстнымъ патріотизмомъ.

Вмѣстѣ съ Варшавою, развивалась вся Польша и разцвѣтала видимо, на нашихъ глазахъ, съ каждымъ годомъ. Изъ прежней, опустошенной междоусобными и Наполеоновскими войнами, страны являлось новое, благоустроенное, цвѣтущее торговлею и богатствомъ, государство. Изъ старыхъ пепелищъ стали воздвигаться красивые города и села; проведены отличныя шоссе, закипѣли фабрики, и сельская промышленность разцвѣла. Конституція и либерально-гуманное управленіе, дарованное полякамъ императоромъ Александромъ, сдѣлалось залогомъ для будущаго счастія всѣхъ сословій; національный духъ поляковъ поднялся: у нихъ былъ свой сеймъ, свои судьи, свои министры, свой сенатъ, свое войско. Языкъ польскій былъ господствующимъ во

всѣхъ административныхъ сферахъ; даже русскіе должны были подчиниться общему порядку и въ своихъ дѣлахъ подавать просьбы на чуждомъ, часто непонятномъ имъ, языкѣ.

Между тѣмъ, съ процвѣтаніемъ всѣхъ отраслей матеріальной дѣятельности, улучшились и финансы царства. Науки и искусства развились съ новою силою. Образовались повсюду школы; въ Варшавѣ возникъ университетъ, а для образованія военныхъ устроились въ Варшавѣ и Калишѣ школы подпрапорщиковъ и юнкеровъ, откуда молодые люди поступали потомъ въ гвардію и армію. Однимъ словомъ, въ короткое время Польша доведена была до апогея благоустройства и могла стать на ряду съ образованнѣйшими государствами Западной Европы тогдашняго времени.

Въ угодность полякамъ, намѣстникомъ царства былъ избранъ изъ ихъ среды истый полякъ, даже бывшій злѣйшій врагъ Россіи, гр. Заіончикъ.

Великій князь не вмѣшивался вовсе въ административныя дѣла, а предоставилъ себѣ одну только военную часть, принявъ титулъ главнокомандующаго всѣхъ россійскихъ и польскихъ войскъ; къ нему былъ еще причисленъ и литовскій корпусъ [1]).

Мѣстопребываніемъ его были зимою—Брюловскій дворецъ, а лѣтомъ—Бельведеръ; большой же зàмокъ и лѣтній дворецъ Лазенки служили только для пріема государя и его свиты. Въ Лазенкахъ давались иногда празднества, въ лѣтнее время, и театры, въ такъ-называемой оранжереѣ и на открытой аренѣ на острову.

Въ Варшавѣ было, какъ и теперь, два театра: большой и малый, называемый Розмайтосци. Въ первомъ давались оперы, на польскомъ языкѣ, какъ напримѣръ: «Преціоза», «Весталка», «Калифъ Багдатскій», «Итальянка въ Алжирѣ», «Турки въ Италіи», «Волшебный стрѣлокъ», «Бѣлая дама», «Сорока-воровка», «Танкредъ» и друг.; впослѣдствіи стали давать польскую оперу «Хлопъ милліоновы», которая надѣлала тогда много шуму; въ ней пѣлись актеромъ Дамсъ длинные сатирическіе куплеты, въ которыхъ выставлялись карикатуры общества. Балетъ хотя и существовалъ тогда, но не имѣлъ еще той славы, до которой онъ достигъ впослѣдствіи, при правленіи кн. Паскевича. Знаме-

[1]) Въ первые года великій князь въ оффиціальныхъ бумагахъ подписывался: «Инспекторъ всей кавалеріи». К. К.

нитыя пѣвицы посѣщали Варшаву въ различное время, — такъ въ 1819 году явилась туда г-жа Каталани и давала концерты при дворѣ, во время пребыванія государя Александра I въ Варшавѣ; позднѣе была г-жа Зонтагъ, также и музыкальныя знаменитости — Шопенъ и Паганини.

Кружокъ русскихъ, служащихъ въ Варшавѣ, сталъ съ году на годъ увеличиваться. Слухъ о тамошней веселой жизни, дойдя и до нашей сѣверной столицы, сталъ привлекать многихъ лицъ въ этотъ новый эдемъ. Удвоенное содержаніе и сравнительная дешевизна жизни были не малою къ тому приманкою.

Въ 1817 году женился отецъ мой, въ Варшавѣ, по любви, на прелестной падчерицѣ французскаго подданнаго Р. Н. Миттона, служившаго при цесаревичѣ, въ его канцеляріи, и бывшаго главнымъ коммиссіонеромъ при его высочествѣ. Свадьба была отпразднована въ зàмкѣ, въ придворной церкви, 24-го января 1817 года; великій князь былъ лично посаженнымъ отцемъ.

Исторія моей бабушки, со стороны матери, была такъ тѣсно связана съ исторіею г-жи Фридериксъ, женщины, по своему положенію и вліянію, игравшей довольно замѣтную роль въ Варшавѣ, что не могу умолчать о нѣкоторыхъ ея подробностяхъ.

II.

Жозефина Фридрихсъ.

Моя бабушка, рожденная Пьеретта Матрей, была дочь богатаго французскаго помѣщика и вышла замужъ, въ началѣ 1-й французской революціи, за одного зажиточнаго дворянина, сосѣда по имѣніямъ, по фамиліи Буде-де-Террей (Boudet de Therray [1]); а 2-го сентября 1793 года родилась у нихъ дочь Анна-Жозефина-Елисавета-Луиза [2]). Революціонное движеніе обхватило всю страну, и слабый Людовикъ XVI не въ силахъ уже былъ обуздать духъ анархіи, распространившійся во всѣ классы общества. Вся Франція раздѣлилась на партіи, которыя стали спорить о первенствѣ, а Парижъ сдѣлался средоточіемъ ихъ крамолъ и междоусобій. Ораторы съ трибунъ проповѣдывали главенство народа и курили ему ѳиміамъ; возникли Дантоны, Мараты,

---

[1]) Младшая линія графовъ Буде, коихъ представители и теперь есть во Франціи. К. К.

[2]) Впослѣдствіи моя мать. К. К.

Робеспьеры; несчастное бѣгство короля ускорило катастрофу и кровавая драма довершилась цареубійствомъ; терроръ распространился во всей странѣ. Къ возгласамъ: «свобода и равенство» присоединились возгласы: «смерть аристократамъ»,—и полилась невинная кровь; повсюду началось страшное преслѣдованіе богатыхъ дворянъ и помѣщиковъ,—ихъ травили, какъ звѣрей. Запылали села, а отдѣльныя помѣстья и зàмки сдѣлались театромъ самыхъ отвратительныхъ сценъ.

Около этого времени умеръ, въ своемъ помѣстьи, отецъ г-жи Террей, старикъ Матрей; а мужъ ея, дабы спасти что-нибудь изъ богатаго родоваго наслѣдства, поѣхалъ въ провинцію, оставивъ больную жену, еще не оправившуюся отъ родовъ, въ Парижѣ. Но, будучи захваченъ въ имѣніи своемъ агентами грознаго Робеспьера, онъ былъ посаженъ въ темницу и вскорѣ казненъ со многими невинными жертвами лютости якобинцевъ.

Судьба несчастной г-жи Террей, съ этихъ поръ, представляетъ цѣлый романъ. Смерть отца, казнь мужа и потеря всего имущества, конфискованнаго въ пользу республики, нанесли ей тяжкій ударъ и оставили ее въ самомъ крайнемъ положеніи, отъ котораго она чуть не лишилась жизни. Но любовь и заботы о малюткѣ превозмогли и дали ей силы. Едва оправившись отъ тяжкой болѣзни, она должна была искать спасенія въ бѣгствѣ; скитаясь по ночамъ съ груднымъ ребенкомъ и скрываясь подъ чужимъ именемъ, она выѣхала изъ Парижа и, послѣ долгаго странствованія, достигла, наконецъ, предѣловъ Франціи.

Въ скромномъ городкѣ Германіи пріютилась она и нашла убѣжище въ домѣ одной почтенной семьи, гдѣ долгое время жила, въ качествѣ гувернантки, при дѣтяхъ. По воцареніи Наполеона, когда была объявлена амнистія многимъ эмигрантамъ, она получила дозволеніе возвратиться во Францію и отправилась въ Парижъ съ дочерью, въ надеждѣ спасти что-нибудь изъ своего прежняго имущества; но напрасны были всѣ ея старанія. Имѣніе мужа и ея собственное перешли уже черезъ столько рукъ, что о возвратѣ и думать было нечего. Надобно было, однако-жъ, на что-нибудь рѣшиться; нужда подходила, всѣ средства были истощены. Послѣ долгихъ хлопотъ и стараній, она выхлопотала себѣ, наконецъ, отъ правительства небольшое пособіе и, отбросивъ всякое тщеславіе, на эти деньги завела въ Парижѣ мод-

ный магазинъ, вполнѣ свыкнувшись съ трудовою жизнью во время эмигрантства за границею.

Между тѣмъ, Наполеонъ, дабы окружить свой тронъ блескомъ, сталъ создавать новое дворянство изъ своихъ любимцевъ—людей, выведенныхъ имъ, по большей части, изъ ничтожества, и раздавалъ имъ, по ихъ заслугамъ на полѣ брани, титулы и богатыя помѣстья. Отсюда началось такъ-называемое la fusion, т. е. смѣшеніе классовъ; онъ искусно заманивалъ представителей древнихъ фамилій ко двору своему и покровительствовалъ бракамъ новой аристократіи съ древнею. Вскорѣ къ нимъ пристала и партія богатыхъ плебеевъ, разжившихся разными неправдами, въ смутное время революціи; и легкомысленный народъ, такъ еще недавно провозглашавшій «свободу, равенство и братство», сталъ снова плясать вокругъ золотаго тельца и кадить ѳиміамъ новому кумиру.

Въ тихомъ и скромномъ уголкѣ Парижа пріютилась г-жа Террей, привыкая по-немногу къ новой трудовой жизни,—и дѣла ея пошли сначала довольно удачно.

Въ число немногихъ работницъ, бывшихъ у ней въ магазинѣ, взяла она въ ученіе 14-ти лѣтнюю дѣвочку, очень миловидную, съ черными выразительными глазами, по имени Josefine. Должность маленькой Fifine, какъ ее всѣ звали въ магазинѣ, состояла въ томъ, что она находилась при хозяйкѣ или, въ отсутствіи ея, при конторкѣ для пріема покупателей и закащиковъ. Вошелъ, однажды, въ магазинъ какой-то англичанинъ, чтобы заказать себѣ тонкое кружевное жабо, которое носили въ то время мужчины, въ особенности такъ - называемые les incroyables. Маленькая Fifine была тогда одна въ магазинѣ и съ такимъ проворствомъ, съ такою смѣтливостію показывала ему различные образчики, что чопорный англичанинъ плѣнился ею не на шутку и сталъ учащать свои визиты подъ разными предлогами; а когда заказъ его былъ оконченъ, онъ обратился къ хозяйкѣ съ страннымъ предложеніемъ дозволить ему увезти съ собою маленькую Fifine въ Англію, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы, давъ ей сначала приличное воспитаніе, жениться на ней, когда она достигнетъ совершеннолѣтія. Можно себѣ представить удивленіе г-жи Террей. Такая странная мысль могла придти только въ голову англичанину. Онъ объяснилъ, впрочемъ, что, наслѣдовавъ послѣ отца

титулъ лорда и большое состояніе, онъ повсюду искалъ себѣ достойную жену; но, не находя ни одной по своему вкусу, рѣшился самъ заняться осуществленіемъ этой идеальной подруги и воспитать ее по задуманному имъ самимъ плану. Разумѣется, г-жа Террей не могла принять такое странное предложеніе и рѣшилась, наконецъ, сказать, что это дѣло ее не касается и что онъ можетъ обратиться къ родителямъ дѣвочки. Чудакъ лордъ такъ и сдѣлалъ,—и, получивъ, послѣ долгаго колебанія, отъ нихъ согласіе, наградилъ ихъ при этомъ щедрою рукою и увезъ будущую жену въ Лондонъ; здѣсь онъ помѣстилъ ее сначала въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ, въ которомъ она пробыла четыре года и получила прекрасное воспитаніе.

Два года спустя, послѣ отъѣзда Жозефины, дѣла г-жи Террей, по случаю возрастающей конкуренціи въ Парижѣ, стали приходить въ упадокъ и она рѣшилась, по совѣту нѣкоторыхъ друзей, бросить Францію и переселиться въ Россію.

Это было въ то время, когда у насъ въ Россіи страсть къ французскому языку и къ французскимъ модамъ была въ высшей степени популярною въ аристократическихъ кружкахъ. Эмигранты привезли съ собою bon ton, салонныя манеры, и всѣ бредили французами. Налетѣли толпою въ Петербургъ и Москву виконты, марки, маркизы, денди, роялисты, а за ними вереницею—гувернеры, гувернантки, модистки и куаферы. Г-жа Террей поспѣшила продать магазинъ и, вмѣстѣ съ дочерью, пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ и занялась снова прежнимъ мастерствомъ.

Въ концѣ 1805 года, гуляя однажды по Невскому проспекту, встрѣтилась она съ одной молодою дамою, красивой наружности, которая, при видѣ ея, вскрикнула и, назвавъ ее по имени, бросилась ее обнимать. Хотя черты этой молодой дамы казались знакомы г-жѣ Террей, но никакъ не могла она припомнить, гдѣ съ нею могла встрѣтиться, и принуждена, наконецъ, была спросить ея фамилію. «Помните ли вы», сказала ей незнакомка, «ту маленькую Fifine, которую увезъ одинъ англичанинъ изъ вашего магазина?» Понятно, что г-жа Террей не могла узнать, не видавъ ее съ 14-ти-лѣтняго возраста, и, заинтересованная до крайности такою неожиданною встрѣчею, пригласила молодую женщину къ себѣ въ домъ и съ большимъ участіемъ просила разсказать ей свою исторію. Вотъ ея разсказъ.

По выходѣ Жозефины изъ пансіона, гдѣ она получила столь блестящее образованіе, лордъ-покровитель помѣстилъ ее въ богато-убранную, нанятую имъ, квартиру въ Лондонѣ; приставилъ къ ней женщину, въ качествѣ surveillante (надзирательницы), обставилъ ее всевозможною роскошью и, принявъ видъ строгаго аргуса, лично занялся окончаніемъ ея воспитанія. Неизвѣстно, въ чемъ заключалась его теорія и достигъ-ли онъ, наконецъ, своей задачи; олицетворился-ли передъ нимъ задуманный идеалъ, какія были его съ нею отношенія и имѣлъ-ли онъ все еще намѣреніе на ней жениться; но судьба часто забавляется неожиданными развязками разрушать глубокозадуманные планы людей. Какъ прелестный цвѣтокъ, разцвѣтала молодая дѣвушка среди роскоши и изобилія, лелѣя себя заранѣе сладостными мечтаніями о будущей счастливой жизни, среди почета и довольства; но въ одно утро лорда-покровителя не стало: онъ умеръ скоропостижно, не оставивъ никакого духовнаго завѣщанія; все его имѣніе было захвачено родственниками и бѣдная Жозефина осталась ни причемъ. Какъ карточный замокъ, распались всѣ надежды на будущее счастіе; наслѣдники заставили ее выѣхать изъ богатой родовой виллы, въ которую она была завезена, въ послѣднее время, покойнымъ ея покровителемъ. Она собрала свои пожитки и переѣхала въ Лондонъ, въ скромную квартирку.

Затворническая жизнь, въ которой ее держалъ покойный лордъ, удаляя постоянно отъ всякаго сообщничества съ своими знакомыми, была причиною того, что она очутилась, послѣ его смерти, въ многолюдной столицѣ, какъ въ лѣсу. Правда, у нея были пансіонскія подруги; но онѣ всѣ, болѣе или менѣе, повыходили изъ пансіона, и гдѣ же ей было ихъ отыскивать, и, наконецъ, могла-ли она надѣяться на какое-либо участіе съ ихъ стороны. Положеніе было критическое, тѣмъ болѣе, что и средства были весьма ограниченныя. Исключая богатыхъ туалетовъ и кое-какихъ цѣнныхъ вещей, подаренныхъ ей покровителемъ, денегъ у ней никакихъ не было, потому что, живя на всемъ готовомъ, она никогда въ нихъ не нуждалась. Къ довершенію бѣдъ, она не была пріучена ни къ какимъ женскимъ рукодѣліямъ, а занималась исключительно умственнымъ образованіемъ.

Въ такихъ-то стѣснительныхъ обстоятельствахъ находилась эта молодая дѣвушка, въ первое время, послѣ смерти своего бла-

годѣтеля. Изливъ сначала все свое горе въ слезахъ, предалась она, наконецъ, размышленію,—и первая благая мысль, попавшаяся ей на умъ, была—продать часть своего богатаго имущества, и на эти деньги возвратиться во Францію къ роднымъ.

Разбирая, однакожъ, свои наряды, другія мысли стали приходить ей въ голову,—ей стало жаль разставаться съ этимъ необходимымъ подспорьемъ женскаго могущества, а вглядываясь въ зеркало, можетъ быть, впервые поняла она всю свою силу, т. е. силу красоты, передъ которою все преклоняется и падаетъ ницъ; тайный голосъ, подобно тому змію, что искушалъ Евву, шепталъ ей льстивыя убѣжденія. Какъ знать, можетъ быть, встрѣтится ей здѣсь, въ столь многолюдной столицѣ, снова блестящая партія; съ ея умомъ, красотою и образованіемъ, трудно остаться не замѣченною. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не попытать было счастія, и неужели ей добровольно отказаться отъ такого блага, когда оно у ней въ рукахъ. Неужели ей, привыкшей уже къ роскошной жизни, похоронить себя для свѣта и превратиться въ простую работницу. И что же она найдетъ у родителей своихъ? Не будетъ-ли она, напротивъ того, имъ еще въ тягость? Послѣдній аргументъ пересилилъ, и возвращеніе на родину было отложено въ долгій ящикъ, какъ окончательное средство въ случаѣ неудачи.

И вотъ, наша новая Армида, вооружившись всѣми прелестями своихъ 20-ти лѣтъ, приправленными скромнымъ, но изящнымъ нарядомъ, пускается въ свѣтъ съ трудною задачею розысканія жениха. Нашлась услужливая сосѣдка, согласившаяся сопровождать ее на гуляньяхъ въ публичныхъ садахъ, посѣщены были и театры; но отъ этихъ первыхъ дебютовъ вынесла она только одну досаду и горькое разочарованіе. Знакомство, правда, было сдѣлано, и нашлось много поклонниковъ ея красоты; но они выражались съ такимъ цинизмомъ, съ такою холодною откровенностью, что не разъ краска негодованія выступала на ея лицѣ. Къ чести ея надобно сказать, что она не была испорченнаго нрава; она искала мужа, а не любовника, и всѣ блестящія предложенія, не основанныя на законномъ требованіи ея руки, были ею съ гордостію отвергаемы. Случай свелъ ее вскорѣ съ отыскиваемымъ Паладиномъ: то былъ не гордый сынъ Альбіона, а уроженецъ нашихъ хладныхъ эстонскихъ прибрежій, однимъ словомъ, русскій нѣм-

чикъ. Онъ былъ молодъ, не дуренъ собою; говорилъ, правда, только по-нѣмецки, но она училась этому языку еще въ пансіонѣ, и хотя не очень складно, но все-таки могла объясняться съ нимъ.

Сильно приглянулась молодая красавица нашему нѣмчику; получивъ разрѣшеніе явиться къ ней, сталъ онъ учащать свои визиты и не скрывалъ свои чувства къ ней, но находилъ такое сопротивленіе, при одномъ только намекѣ на неумѣстныя требованія, что не зналъ уже самъ, на что рѣшиться. Съ обѣихъ сторонъ употреблена была большая хитрость, чтобы казаться не тѣмъ, чѣмъ были въ самомъ дѣлѣ. Роскошная обстановка и наряды приводили его, правда, въ недоумѣніе, но все это было объяснено. Исторія лорда-покровителя, котораго она была невѣстою, была ему разсказана. Про себя же онъ сказалъ, что онъ полковникъ, флигель-адъютантъ императора россійскаго, что онъ присланъ въ Лондонъ съ важными депешами, и назвалъ свою фамилію, чуть-ли не съ титуломъ барона, Фридериксъ.

Видя, наконецъ, что доступъ до ея сердца, окольными путями, рѣшительно не возможенъ; притомъ, не сомнѣваясь, что, при такой обстановкѣ, долженъ былъ остаться у ней отъ бывшаго жениха и порядочный капиталъ, онъ сообразилъ, что, во всякомъ случаѣ, въ накладѣ не будетъ, и рѣшился предложить ей свою руку, а получивъ ея согласіе, такъ поспѣшно повелъ свои дѣла, что, не давъ ей и опомниться, обвѣнчался съ нею въ Лондонѣ по католическому обряду.

Двѣ недѣли прожилъ онъ съ нею въ столицѣ Англіи, испивъ всю чашу наслажденій; но настало, наконецъ, время отрезвленія. Предполагаемые капиталы оказались воздушными замками, но дѣлать было нечего. Надобно было, такъ или иначе, выйти изъ этого положенія; онъ, однако-жъ, выдержалъ свою роль до конца. Скрывъ отъ жены досаду, онъ ей объявилъ, что срокъ его откамандировки кончается и что ему необходимо вернуться въ Россію; что ее съ собою онъ теперь взять не можетъ, но что тотчасъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ ей напишетъ и вышлетъ деньги на проѣздъ въ Россію. И вотъ она снова одна въ многолюдной и шумной столицѣ, предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ и, въ ожиданіи извѣстій отъ мужа, ведетъ затворническую жизнь. Дабы укрыться отъ толпы нескром-

ныхъ волокитъ, перебралась она на другую квартиру, гдѣ жила въ совершенномъ одиночествѣ. Проходитъ мѣсяцъ—извѣстій нѣтъ никакихъ, проходитъ и другой съ такимъ же результатомъ; письма ея остаются безъ отвѣта, а между тѣмъ, средства къ жизни истощаются,— она рѣшается продать все свое имущество и на эти деньги, взявъ мѣсто на парусномъ суднѣ, пріѣзжаетъ наконецъ, въ Петербургъ. Здѣсь начинаетъ она розыскивать своего мужа. Ей совѣтуютъ обратиться въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Тамъ она узнаетъ, что полковника и флигель-адъютанга, по имени Фридерикса, въ свитѣ государя нѣтъ; а что, дѣйствительно, былъ посланъ въ Лондонъ курьеромъ нѣкто Фридрихсъ, но не полковникъ и не флигель-адъютантъ, а простой фельдъегерь. Отправляется она въ фельдъегерскій корпусъ, справляется о Фридрихсѣ, его не было въ то время въ Петербургѣ — онъ усланъ на Кавказъ, но по примѣтамъ узнаетъ, что это тотъ самый, котораго она ищетъ. Указываютъ ей его квартиру въ казармахъ и солдатскую кровать въ общей камерѣ. О, ужасъ! какое горькое разочарованіе! съ отвращеніемъ глядитъ молодая, благовоспитанная женщина на эту грубую солдатскую обстановку — не вѣритъ глазамъ своимъ и спѣшитъ удалиться, понимая, что она сдѣлалась жертвою гнуснаго обмана. Въ такомъ-то горестномъ положеніи была г-жа Фридрихсъ, когда случайно встрѣтилась съ г-жей Террей, такъ обязательно предложившей ей свои услуги. Она тотчасъ перебралась къ ней на квартиру и нашла въ ея домѣ самый радушный пріемъ.

Прошло нѣкоторое время; г-жа Фридрихсъ начала по немногу свыкаться съ своимъ положеніемъ и помогала охотно въ занятіяхъ, такъ обязательно пріютившей ее, соотечественницы своей и бывшей хозяйки, какъ вдругъ пришла вѣсть о возвращеніи мужа, и какъ громомъ поразило ее. Фридрихсъ, узнавъ о ея пріѣздѣ, сталъ ее отыскивать и предъявлять свои права; но считая себя жертвою гнуснаго обмана, она и слышать не хотѣла о своемъ мужѣ, говорила, что будетъ хлопотать о разводѣ. Началась борьба, веденная обѣими сторонами съ одинаковымъ упорствомъ,— и много стоило трудовъ и убѣжденій со стороны г-жи Террей, чтобы принудить ее, наконецъ, уступить необходимости и возвратиться къ своему долгу. Дѣло кое-какъ улади-

лось. Нанята была особая квартира и разочарованная чета снова соединилась, но, увы! счастіе и согласіе не могли уже возвратиться. Утрата взаимнаго довѣрія и обманутыя надежды—все поселяло въ нихъ вражду и клонило къ разрыву. Сколько разъ прибѣгала бѣдная молодая женщина къ своей новой покровительницѣ и, со слезами на глазахъ, бросалась ей на грудь; называя ее второю матерью, повѣряла ей длинный перечень семейныхъ неурядицъ и всякій разъ возвращалась отъ нее успокоенною кроткими наставленіями и находила новыя силы для перенесенія горькой своей участи.

Въ началѣ 1806 года г-жа Террей вынуждена была, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, переѣхать на жительство въ Москву, вмѣстѣ съ дочерью; разставаясь съ Жозефиною Фридрихсъ, она уговаривала ее съ покорностью переносить свое положеніе и уповать на Бога. Съ стѣсненнымъ сердцемъ выслушивала ее молодая женщина, не могла скрыть свои слезы и, прощаясь съ нею, обѣщала ей часто писать въ Москву.

Въ началѣ, дѣйствительно, хотя письма ея были исполнены грустью, но отзывались смиреніемъ; подъ конецъ же чаще стали проявляться въ нихъ горькія жалобы на злосчастную судьбу. Поведеніе мужа сдѣлалось невыносимымъ: окружающее ея общество товарищей Фридрихса, грубыя наклонности мужа и пороки его,—все вызывало у нее отвращеніе и она рѣшилась покончить съ такою жизнію. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ г-жѣ Террей, она проситъ не осуждать ее слишкомъ строго, не клеймить ее презрѣніемъ, если, быть можетъ, дурная молва о ней дойдетъ до слуха ея благодѣтельницы; она расторгла свою связь съ ненавистнымъ и недостойнымъ мужемъ и нашла покровителя въ лицѣ высокопоставленной особы. Встрѣтясь съ нею на одномъ изъ маскарадовъ въ Петербургѣ, она подошла къ этому лицу, желая только просить защиту, но встрѣтила горячее сочувствіе,—и съ той минуты судьба ея была рѣшена, струны сердца были затронуты, она нашла въ этомъ лицѣ не только покровителя, но и друга; она повѣрила въ возможность быть съ нимъ счастливою и отдалась ему всею душею.

Въ концѣ письма своего она объявляетъ, что хотя въ глазахъ свѣта она виновна, но постарается искупить свою вину, дѣлая добро другимъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣняя себѣ въ обя-

занность отплатить и своей бывшей благодѣтельницѣ хотя часть того добра, что она отъ нея получила; умоляетъ ее написать ей о своихъ нуждахъ, зная, что дѣла ея не такъ цвѣтущи. Но не прибѣгнула г-жа Террей къ ея помощи,—судьба нашла ей иного покровителя. Она познакомилась въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ Р. Н. Миттономъ, богатымъ негоціантомъ-вдовцомъ, имѣвшимъ уже двухъ сыновей[1]),—и съ того времени злосчастная судьба ея должна была перемѣниться къ лучшему. Тронутый положеніемъ трудолюбивой женщины, претерпѣвшей уже въ своей жизни столько превратностей, Миттонъ предложилъ ей свою руку и, получивъ согласіе, перевезъ ее въ Петербургъ, гдѣ и женился на ней, 20-го декабря 1808 года, въ католической церкви, что на Невскомъ проспектѣ; а послѣ свадьбы переѣхалъ съ нею въ свой собственный домъ, на углу Гороховой и Адмиралтейской площади.

Р. Н. Миттонъ происходилъ отъ старинной французской фамиліи, родомъ изъ Нормандіи; ихъ было четыре брата: старшій изъ нихъ (Mitton des Croisettes) наслѣдовалъ послѣ отца всѣмъ имѣніемъ и жилъ въ помѣстьяхъ своихъ; меньшой (l'abbé Mitton Warango) пошелъ въ духовное званіе, а двое среднихъ рѣшились искать счастія въ коммерческихъ оборотахъ и переѣхали въ Россію, въ началѣ 1800-хъ годовъ. Счастіе имъ благопріятствовало; они вскорѣ разбогатѣли оптовою колоніальною торговлею, имѣли свои корабли и свои дома въ Петербургѣ и Москвѣ.

Наступилъ 1812 годъ и объявлена была война съ Франціею; всѣ французскіе подданные, бывшіе въ Россіи, получили повелѣніе возвратиться въ свое отечество. Миттонъ съ семействомъ послѣдовалъ за своими соотечественниками и пробылъ въ Парижѣ до 1814 года. Когда союзныя войска вступили въ Парижъ, первымъ дѣломъ Миттона было испросить дозволеніе переселиться снова въ Россію, гдѣ у него было, въ обѣихъ столицахъ, столь значительное имущество. Домогательство свое онъ началъ производить, чрезъ посредство великаго князя Константина Павловича. Отецъ мой былъ тогда при немъ дежурнымъ адъютантомъ и доставилъ случай Миттону представиться великому князю.

Цесаревичъ любилъ французовъ и охотно разговаривалъ съ

[1]) Старшій изъ нихъ генералъ отъ артиллеріи, живетъ въ Одессѣ. К. К.

ними въ ихъ шутливомъ тонѣ, придумыя остроты и каламбуры, что всегда было его любимымъ конькомъ. Ему очень понравился Миттонъ и онъ не только выхлопоталъ ему дозволеніе возвратиться въ Россію, но предложилъ ему быть его главнымъ коммиссіонеромъ, такъ что, въ концѣ 1814 года, Миттонъ уже снова явился въ Петербургѣ и, по своей должности, часто бывалъ у великаго князя. Съ этихъ поръ началось знакомство отца моего съ Миттономъ.

Въ началѣ 1815 года, г-жа Фридрихсъ переѣхала, вмѣстѣ съ 8-ми лѣтнимъ сыномъ своимъ, изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ жила въ одномъ домѣ съ высокимъ своимъ покровителемъ до 1820 года. Она все надѣялась на данное ей обѣщаніе, что эта связь укрѣпится со временемъ законнымъ бракомъ. Отъ своихъ прежнихъ узъ она давно была освобождена по формальному разводу съ мужемъ; оставалось только дожидаться такой же формальности со стороны ея высокаго покровителя, котораго бракъ не былъ еще уничтоженъ, не смотря на то, что онъ давно уже разъѣхался съ прежнею супругою. Попытки неоднократно были дѣлаемы, но, по высшей, независящей отъ нихъ волѣ, окончательнаго разрѣшенія не послѣдовало. Страдая внутренно отъ того фальшиваго положенія, въ которое она была поставлена, и не видя никакой возможности изъ него выйти, г-жа Фридрихсъ рѣшилась, ради свѣтскаго приличія, пожертвовать всѣмъ своимъ счастіемъ,—и сама добровольно расторгла свою связь, вступивъ въ супружество съ полковникомъ Вейсъ, 7-го марта 1820 года; а вслѣдъ за тѣмъ, т. е. 20-го того же марта (какъ будто ожидали только этого случая), состоялось разрѣшеніе объ уничтоженіи брака ея бывшаго покровителя.

Эта послѣдняя жертва, понесенная ею, такъ сильно повліяла на ея здоровье, что она должна была удалиться за границу для леченія; долго томилась она, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, какъ бы спасаясь отъ угнетающихъ ее тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ, но удрученная, наконецъ, ими, она скончалась въ Ниццѣ, 5-го апрѣля 1824 года.

Жозефина Фридрихсъ-Вейсъ являетъ собою одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ женщинъ, брошенныхъ въ свѣтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, безъ всякаго руководителя, на произволъ судьбы, и сохранившей, однако-жъ, при всей окружавшей ея обстановкѣ и

средѣ, чувство собственнаго достоинства и неиспорченную нравственность. Довѣрчивый характеръ и мягкое сердце заставляли ее дѣлать ошибки, но, постоянно обманутая въ своихъ надеждахъ, она тяготилась своимъ положеніемъ и всячески старалась изъ него выйти; если, подъ конецъ, она впала въ фальшивое положеніе, то не по своей винѣ, не какъ авантюристка, добивавшаяся своей цѣли, а просто—силою обстоятельствъ и игрою случая.

Кто зналъ ее покороче, тотъ могъ оцѣнить истинныя ея достоинства. Обладая душею прекрасною, она пользовалась положеніемъ и вліяніемъ только для дѣланія добра другимъ. Невмѣшиваясь вовсе въ государственныя занятія своего высокаго покровителя, она, однако-жъ, умѣла вліяніемъ своимъ укрощать его пылкій нравъ и порывы бурныхъ страстей, тогда, когда они могли служить во вредъ другимъ. Сострадательная къ несчастнымъ, она нерѣдко принимала участіе въ смягченіи горькой участи политическихъ преступниковъ и многіе изъ нихъ обязаны ей своимъ помилованіемъ. По описанію отца моего и другихъ очевидцевъ, она не была, что называется, красавицею. Роста средняго, съ темнорусыми, почти черными волосами, зачесанными по старинной модѣ маленькими кудрями на лбу, она, какъ видно изъ превосходнаго, сохранившагося у меня, ея портрета, имѣла лицо не правильное; маленькій носикъ, нѣсколько вздернутый, губы тонкія, всегда улыбающіяся, цвѣтъ лица чистый, слегка румяный,—придавали ей большую миловидность; но главную ея прелесть составляли глаза, большіе, каріе, съ выраженіемъ необыкновенной доброты и осѣненные длинными черными рѣсницами.

Какъ и бо́льшая часть своихъ соотечественницъ, она говорила скороговоркою, слегка картавя, и въ дружеской бесѣдѣ была очень веселаго нрава.

III.

Княгиня Ловичъ.

12-го мая 1820 года совершилось въ Варшавѣ, въ придворной церкви въ за́мкѣ, бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ польскою дѣвицею Іоанною Грудзинскою. Бракъ этотъ былъ совершенъ втайнѣ, безъ предварительной огласки и при трехъ только свидѣтеляхъ: графѣ Курутѣ, гене-

ралѣ Жандрѣ и моемъ отцѣ, такъ что прочіе, служащіе при великомъ князѣ лица узнали о немъ только на другой день. Послѣ свадьбы его высочество переѣхалъ, съ молодою женою, во вновь отдѣланную половину Бриловскаго дворца [1]).

Княгиня Жанета Антоновна Ловичъ была дочь польскаго небогатаго помѣщика, Антона Грудзинскаго, нѣкогда служившаго въ Наполеоновской арміи и уже умершаго въ то время; мать ея вступила во второй бракъ за графа Бронницъ, имѣвшаго званіе гофмаршала двора [2]). У ней было всего три дочери отъ 1-го брака и всѣ три красавицы; Жанета Антоновна была изъ нихъ меньшою. Старшая изъ нихъ вышла за Гутаковскаго, котораго императоръ Александръ назначилъ флигель-адъютантомъ; на другой, одаренной замѣчательнымъ умомъ, женился полковникъ Хлаповскій, весьма способный отъ природы человѣкъ, бывшій нѣкогда officier d'ordonnance у Наполеона; вынужденный цесаревичемъ оставить русскую службу, онъ проживалъ, обыкновенно, въ Познани, а въ 1831 году сражался противъ русскихъ въ рядахъ своихъ собратій.

Великій князь познакомился съ Жанетою Антоновною еще за три года до своей свадьбы, встрѣтивъ ее въ первый разъ на балѣ у намѣстника Заіончика, гдѣ она обратила его вниманіе своею граціозностію въ танцахъ. Съ того времени, встрѣчаясь съ нею часто на балахъ у польскихъ вельможъ и познакомившись съ нею покороче, онъ сталъ ѣздить въ домъ ея матери гр. Бронницъ, и подъ конецъ, почти всякій вечеръ просиживалъ у нихъ постоянно отъ 8 до 11 часовъ, всегда въ мундирѣ и въ орденахъ.

При весьма привлекательной наружности, княгиня Ловичъ обладала высокими качествами ума и сердца, и къ тому же была образованная женщина; прекраснымъ воспитаніемъ своимъ она обязана была одной англичанкѣ, бывшей у нихъ долгое время гувернанткой въ домѣ. Роста средняго, съ прекрасными голубыми глазами и правильными чертами лица, княгиня Ловичъ въ особенности отличалась такимъ достоинствомъ во всѣхъ своихъ

---

[1]) Высочайшимъ манифестомъ, даннымъ въ С.-Петербургѣ іюля 8—20 дня 1820 года, всемилостивѣйше пожаловано супругѣ великаго князя въ удѣлъ городъ Ловичъ и титулъ княгини Ловичской. К. К.

[2]) Человѣка разгульной жизни и замѣчательнаго собутыльника. К. К.

движеніяхъ и пріемахъ (un air distingué), что невольно внушала къ себѣ всеобщее уваженіе, и была прозвана царицею всѣхъ баловъ. Необыкновеннаго цвѣта пепельно-бѣлокурые волосы и чудная коса придавали ея лицу большую оригинальность.

Не смотря на свое внезапное возвышеніе, она съумѣла, съ большимъ тактомъ, тотчасъ поставить себя вполнѣ соотвѣтственно высокому положенію; при всемъ томъ, обходительная и ласковая ко всѣмъ приближеннымъ великаго князя, она вскорѣ приковала къ себѣ всѣ сердца.

Въ первые годы, послѣ свадьбы, она часто выѣзжала съ цесаревичемъ на балы, даваемые высшими сановниками, любила танцы, театры, торжественные пріемы во дворцѣ и парады; но со временемъ здоровье ее стало слабѣть, она должна была ограничивать свои выѣзды, и нѣсколько разъ ѣздила на Германскія воды для леченія.

Свита у ней была небольшая и любимою фрейлиною ея была графиня Малаховская, которая постоянно ее сопровождала въ заграничныхъ поѣздкахъ. Она любила великаго князя искренно и преданность свою къ нему доказала во многихъ случаяхъ.

IV.

1826 годъ [1]).

Пріѣзды государя Александра Павловича и иностранныхъ принцевъ въ Варшаву сопровождались, обыкновенно, большими торжествами. Городъ оживлялся чрезвычайно. Великій князь Константинъ, съ особенною гордостью, выводилъ на смотры созданныя имъ польскія войска, обученіе которыхъ было доведено имъ, по тогдашнему времени, до возможнаго совершенства. Изъ всѣхъ польскихъ полковъ отличалъ онъ въ особенности 4-й пѣхотный полкъ, который и былъ его любимою забавою. Онъ зналъ въ этомъ полку не только всѣхъ офицеровъ по имени, но и всѣхъ фельдфебелей и многихъ рядовыхъ и, ставя этотъ полкъ постоянно въ образецъ прочимъ, всегда былъ въ веселомъ расположеніи духа, когда, бывало, выводилъ его на ученіе. Русское войско въ Варшавѣ состояло изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ: волынскаго

---

[1]) Къ этой главѣ относится весьма характерный эпизодъ, разсказанный К. П. Колзаковымъ по воспоминаніямъ своего отца и напечатанный въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. I, изд. перв., стр. 495—499; изд. второе, 247—253. Ред.

и литовскаго, 3-хъ кавалерійскихъ: подольскаго, кирасирскаго, уланскаго его высочества, гродненскихъ гусаръ, и двухъ батарей: одной—конной и одной—пѣшей.

Казармы этихъ полковъ были расположены: волынскаго и литовскаго въ сѣверной части города, въ такъ-называемыхъ Александровскихъ и Уяздовскихъ казармахъ, а кавалерія стояла недалеко отъ бельведера, въ деревянныхъ низкихъ казармахъ, окруженныхъ рвами; артиллерія была расположена въ городахъ, но находилась довольно далеко отъ Варшавы, именно: конная батарея—въ Скергивицахъ, а пѣшая—въ Гурѣ. Въ лѣтнее время войска выходили, обыкновенно, въ лагерь, расположенный за Маримонтской заставой, на такъ-называемомъ маримонтскомъ полѣ.

Маримонтскій лагеръ отличался необыкновенною красотою. Длинныя тѣнистыя аллеи вели по фронту и раздѣляли полки одинъ отъ другого. Полковые, бригадные и дивизіонные командиры развели во кругъ своихъ бараковъ изящные сады, гдѣ, среди раскошнаго выбора цвѣтовъ и деревьевъ, виднѣлись статуи и красивыя беседки; щеголяя другъ передъ другомъ убранствомъ помѣщеній, командиры войскъ устраивали, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, пиры, на которые стекалась обыкновенно вся блестящая молодежь столицы и цвѣтъ лучшихъ красавицъ. Музыка гремѣла повсюду и танцы продолжались далеко заполночь, при блестящей иллюминаціи, и оканчивались фейерверками,—все это приманивало громадную массу публики, такъ что маримонтскій лагерь служилъ постояннымъ гульбищемъ для жителей Варшавы.

Шелъ годъ за годомъ въ безпрерывныхъ веселіяхъ и удовольствіяхъ. Казалось, повидимому, что два единоплеменные народа, прежде такъ долго враждовавшіе между собою, должны были, наконецъ, слиться въ неразрывныхъ узахъ братства и любви. Русскіе всѣ заговорили по-польски; вся наша военная молодежь обзавелась коханками и помышляла только о любовныхъ интригахъ, о танцахъ и другихъ увеселеніяхъ; а красивыми паннами такъ щедро надѣлена Варшава. Какъ войско Аннибала, очарованное въ стѣнахъ Капуи, съ безпечностью предавалось всѣмъ прелестямъ веселой жизни, такъ и русское воинство въ Варшавѣ, прельщенное и ослѣпленное, утопало въ наслажденіяхъ чувственныхъ, не заботясь о будущемъ и не думая вовсе, что могутъ настать когда-нибудь и худшія времена. Пока, такимъ образомъ, все

ликовало въ Варшавѣ, разразилась вдругъ, какъ громовой ударъ, вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича. Замолкло все въ Варшавѣ, оцѣпенѣли всѣ сердца. Рѣшался вопросъ о будущей судьбѣ громадной Россіи. Законный преемникъ былъ въ Варшавѣ; всѣ взоры были устремлены на него—всѣ были въ тревожномъ ожиданіи, что скажетъ Россія, въ виду небывалаго еще спора двухъ братьевъ не о захватѣ престола, а объ уступкѣ его! Чѣмъ вырѣшится этотъ вопросъ? Въ трепетномъ волненіи всѣ ждали извѣстій изъ Петербурга; наконецъ, получили вѣсть объ отреченіи великаго князя Константина, о воцареніи императора Николая, а вслѣдъ за тѣмъ о возмущеніи 14-го декабря. Все впало въ уныніе; русскіе, не зная еще именъ заговорщиковъ, но зная только, что ихъ арестовано много, опасались, кто за родственниковъ, кто за добрыхъ знакомыхъ и товарищей. Поляки же пріуныли, предугадывая заранѣе что-то недоброе для себя,—и дѣйствительно, показанія задержанныхъ декабристовъ обнаружили имена многихъ польскихъ революціонеровъ; начались тотчасъ аресты въ Польшѣ. Горизонтъ сталъ омрачаться. Наряжена коммиссія, въ началѣ 1826 года, въ составъ коей назначенъ былъ и отецъ мой.

Вотъ подлинный текстъ полученнаго имъ секретнаго по сему случаю предписанія.

(Переводъ). „Варшава, 7-го февраля 1826 г. Г-ну капитанъ-командору Колзакову. Его императорско-королевское величество, полагая имѣть достаточно поводовъ къ предполагаемому существованію въ Польшѣ общества, имѣвшаго цѣлію—нарушеніе порядка, нынѣ уста-

---

Warsovie le 7 Fèvrier 1826.

(Подлинникъ). A m-r le Capitaine Commodore Kolzakow.

«Sa Majesté l'Empereur et Roi croyant avoir acquis des motifs suffisants pour supposer l'existence d'une association en Pologne, qui aurait pour but la subvertion de l'ordre actuellement établi dans le Royaume, a bien voulu m'investir d'un pouvoir discretionnaire et illimité à l'effet de prendre telles mesures de surveillance de sureté ou de rigueur que le besoin de Son service, et mon discernement me dicteraient dans la vue d'atteindre les coupables et mettre un terme à leurs pernicieuses menées.

Afin de répondre à la confiance de l'Empereur et Roi, j'ai résolu d'instituer un comité d'enquètes chargé de recueillir les dépositions des individus inculpés et de constater l'évidence des chefs d'accusation, le comité, dont je me réserve la direction supérieure et dont je Vous ai appelé à fairè partie, m-r le Capitaine

новленнаго въ царствѣ, соизволилъ облечь меня неограниченною и конфиденціальною властію, дабы приняты были мною тѣ мѣры предохраненія, предосторожности и строгости, кои будутъ внушены мнѣ долгомъ службы и моею предусмотрительностію, въ видахъ отысканія и обличенія виновныхъ, дабы тѣмъ положить предѣлъ ихъ зловреднымъ замысламъ.

„Дабы оправдать довѣріе его императорско-королевскаго величества, я рѣшился учредить слѣдственную коммиссію, коей обязанности состоятъ въ отобраніи допросовъ отъ провинившихся лицъ и уличеніи главныхъ вождей обвиненныхъ. Въ этой коммиссіи, предоставляя себѣ главное предсѣдательство, я назначаю васъ, г. капитанъ-командоръ, членомъ. Коммиссія будетъ состоять изъ 10-ти членовъ, изъ коихъ 5 русскихъ и 5 польскихъ; въ числѣ первыхъ назначены: дѣйствительный тайный совѣтникъ Новосильцевъ, генералъ-лейтенантъ Курута, генералъ-маіоръ Кривцовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ баронъ Моренгеймъ; въ числѣ вторыхъ: палатинъ и президентъ сената графъ Замойскій, палатинъ Грабовскій (Францискъ), министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ графъ Грабовскій, министръ юститіи графъ Игнатій Соболевскій и дивизіонный генералъ Гауке (военный министръ). Я желаю, чтобы первое засѣданіе этой коммиссіи было 8-го (20-го) текущаго мѣсяца, въ 6 часовъ вечера. Члены имѣютъ собраться въ одной изъ залъ Бриловскаго дворца, отведенной для ихъ засѣданій. Бригадный генералъ Раутенштраухъ назначается секретаремъ засѣданій коммиссіи, генералъ Кривцовъ возьметъ на себя трудъ переписки со внутренними губерніями имперіи, а дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Моренгеймъ — будетъ завѣдывать иностранною перепискою. Константинъ“.

Варшава, 7-го февраля 1826 г.

---

commodore, sera composé de dix membres, dont 5 russes et 5 polonais, au nombre des premiers seront: M. M. le conseiller privé actuel Novosiltsoff, le lieutenant général Kourouta, le général major Kriwtzow et le chambellan et conseiller d'état actus Baron de Mohrenheim; au nombre des seconds seront: M. M. le Palatin et Président du Sénat C-te Zamoisky, le palatin Grabowsky (François), le ministre des Cultes et de l'Instruction publique C-te Grabowsky le ministre de la Justice Comte Jgnace Sobolewsky et le general de Division Hauke (ministre de la Guerre). Mon intention est que la première seance du comité ait lieu Lundi prochain le 8/20 du Courant, à 6 heures des soir. Les membres se reuniront dans un appartement du palais de Brühl, consacré à leurs travaux. C'est M-r le Général de brigade Rautenstrauch, qui tiendra la plume aux séances du Comité; m-r le Général de Kriwtzow se chargera des correspondences à établir avec les provinces de l'Empire et m-r le Conseiller d'état actuel Baron de Mohrenheim de celles à entretenir avec l'étranger. Constantin».

Коммиссія тотчасъ приступила къ дѣлу. Вслѣдствіе показаній въ началѣ арестованныхъ лицъ, обнаружился громадный заговоръ противъ правительства русскаго, съ цѣлію возстановленія свободной Польши, въ прежнихъ ея предѣлахъ. Заговоръ этотъ, имѣвшій связь со многими тайными обществами, образовавшимися за нѣсколько лѣтъ до того, былъ распространенъ въ разныхъ кружкахъ не только по всему царству польскому, но и въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, даже за границею. Число виновныхъ прибывало съ каждымъ днемъ; доносы не переставали, аресты увеличивались. Улики были явныя и грозили привести многихъ къ эшафоту. Все въ Варшавѣ затрепетало и впало въ ужасъ. Паника сдѣлалась такъ велика, что многіе повыѣхали за границу. Недовѣрчивость и тайная злоба стали вкрадываться въ русскомъ обществѣ противъ поляковъ; это былъ первый, явный поводъ къ разрыву двухъ племенъ, начинавшихъ-было сближаться, хотя со стороны поляковъ никогда и не было, въ сущности, чистосердечнаго намѣренія къ примиренію,—все это была маска и лишь заученая роль. Но вотъ завѣса раскрылась и обнаружила интригу уже не шуточную, а цѣлый громадный заговоръ. Народная гордость наша была затронута; еще обаяніе нашей славы было во всей своей силѣ; еще были свѣжи въ памяти наши недавнія побѣды; еще Россія гордилась тѣмъ, что сокрушила величайшаго полководца въ мірѣ и даровала миръ цѣлой Европѣ; сподвижники и сотрудники колоссальной борьбы, изъ которой мы вышли побѣдителями, были во множествѣ тутъ же на лицо. Понятно, съ какимъ справедливымъ негодованіемъ они должны были взирать на эти враждебныя демонстраціи, столь мало заслуженныя и неосновательныя, противъ Россіи, которая спасла, возстановила и облагодѣтельствовала Польшу; и вотъ, вмѣсто благодарности, пользуясь единственно нашею снисходительностію, поляки намъ готовили Варѳоломеевскую ночь. Почему же не возставали они противъ нашихъ сосѣдей, австрійцевъ и пруссаковъ, гдѣ польская національность была подавлена, гдѣ у нихъ отняты были всѣ права на самостоятельность и гдѣ гнетъ нѣмецкій былъ, дѣйствительно, невыносимъ. Потому только, что мы сами дали имъ всѣ средства къ возстанію противъ насъ, такъ сказать, облегчили имъ эту задачу, давъ имъ полную автономію и готовое войско, а сами не подумали о собственной защитѣ.

Дѣла коммиссіи продолжались слишкомъ годъ. Арестованныхъ лицъ было множество, въ особенности изъ военной молодежи, которую великій князь болѣе всего выводилъ изъ терпѣнія своею вспыльчивостію и горячностію на ученьяхъ. Вся Польша трепетала въ ожиданіи грозной развязки. Знатнѣйшія фамиліи польскія были компрометированы,—многіе изъ ихъ членовъ были замѣшаны въ число заговорщиковъ и арестованы. 1826-й годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ Варшавѣ.

По окончаніи слѣдствія, дѣла были переданы на разсмотрѣніе великаго князя Константина, и такъ какъ, въ числѣ арестованныхъ лицъ, было много людей военнаго званія, то великій князь предложилъ судить ихъ военнымъ судомъ; но, по волѣ государя, не желавшаго нарушить существующія законныя формы, дѣло передано было въ сенатъ польскій, какъ въ высшее судилище въ краѣ.

Это одно обстоятельство уже было торжествомъ для поляковъ, потому что сенатъ, состоя весь изъ членовъ польскихъ (исключая одного только Н. Н. Новосильцева), подавалъ имъ много надежды на успѣшный исходъ, такъ что нельзя не полагать, чтобы и тутъ не было интриги. Президентомъ судилища былъ избранъ старѣйшій изъ членовъ, графъ Бѣлинскій, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, совершенно неспособный къ такому дѣлу,—однимъ словомъ, такой, какой требовался польской партіей, а не русской.

Началось странное судилище, продолжавшееся два мѣсяца. Говорю странное по результату, потому что задача была трудная—подлежало буквально изъ чернаго сдѣлать бѣлое,—и тутъ-то высказалась вся громадная изобрѣтательность подпольной интриги. Патеры-іезуиты, какъ змѣи, повыползли изъ своихъ норъ и схватились дружно за всѣ вспомогательныя средства и уловки. Аристократія польская, съ женскою половиною, была приведена въ движеніе. Вопросъ затрогивалъ всѣ интересы, всѣ пружины были натянуты,—и все, что только человѣческій умъ можетъ изобрѣсти въ видахъ искушенія людей, все было употреблено въ дѣло въ отношеніи членовъ суда: Каждый изъ нихъ былъ буквально окруженъ какимъ-то таинственнымъ, очарованнымъ кругомъ и подвергаемъ всевозможнымъ обольщеніямъ посредствомъ женщинъ, золота и угрозъ мщенія; понятно, что, при такой обстановкѣ,

дѣло должно было принять совсѣмъ иной оборотъ. Изъ числа судей немного нашлось святыхъ Антоніевъ, и только двое оказалось обвинителей—Новосильцевъ, какъ русскій, и другой, хотя полякъ, но носившій русскій мундиръ,—генералъ-адъютантъ Красинскій, поплатившійся впослѣдствіи жизнію за таковую смѣлость.

Большинствомъ голосовъ заговорщики были оправданы всѣ до одного и тотчасъ освобождены изъ-подъ ареста. Непонятно ослѣпленіе нашего правительства, предоставить вопросъ такой важности, касавшійся явно интересовъ Россіи, на судъ исключительно поляковъ!

Торжество во всемъ краѣ было неописанное. Съ этой минуты заговорщики, съ бо̀льшимъ рвеніемъ, принялись снова за дѣло; но за то плели сѣть заговора съ бо́льшею уже осторожностію.

V.

Коронація Николая I въ Варшавѣ.

1829.

Привожу выписки изъ собственноручныхъ, подлинныхъ замѣтокъ отца моего, относящихся до коронаціи государя Николая I въ Варшавѣ, въ 1829 году; изъ нихъ я вычеркнулъ все то, что относится до частной жизни автора Записокъ.

«1829 года, 1-го мая, пріѣхалъ въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ, а 4-го мая, въ день рожденія великой княгини Ловичъ, послѣ обѣдни, оба великіе князя поѣхали въ Яблонну на встрѣчу государя императора, который пріѣхалъ на коронацію изъ Петербурга и остановился въ Яблоннѣ на ночлегъ. Великіе князья возвратились въ Варшаву въ тотъ же вечеръ, а на другой день, т. е. въ воскресенье 3-го мая, съ утра, стали собираться войска и становились шпалерами по улицамъ отъ самой Модлинской заставы.

1-й эшелонъ войскъ стоялъ за полуверсты отъ заставы, гдѣ были отведены и украшены два домика для государя и императрицы.

Въ 10½ часовъ утра всѣ стояли уже на мѣстахъ; день былъ ясный, теплый. Великіе князья, въ 9½ часовъ, выступили изъ за̀мка верхами, а за ними вся свита поскакала чрезъ новый мостъ на Вислѣ въ Прагу. Мы остановились у двухъ домиковъ, гдѣ

уже ожидали насъ, въ золотыхъ каретахъ, четыре министра и Н. Н. Новосильцевъ; президентъ города съ чиновниками, назначенными для поднесенія хлѣба и соли, стояли тутъ же вмѣстѣ съ другими изъ свиты. Народу кругомъ, по улицамъ, въ окнахъ домовъ и на кровляхъ было видимо-невидимо. Въ 11 часовъ государь императоръ подъѣхалъ въ коляскѣ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ, къ домику и тотчасъ сѣли на лошадей. Великій князь поднесъ рапортъ государю и всѣ поѣхали по фронту мимо трехъ конныхъ полковъ, стоявшихъ за заставой (лейбъ-кирасиры, польскій гвардейскій конно-егерскій и польскій конно-егерскій, 1-й полкъ наслѣдника). Вслѣдъ затѣмъ подъѣхала императрица къ другому домику и вышла изъ кареты.

Государь, доѣхавъ до заставы, вернулся назадъ; президентъ города встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью; государь послалъ ихъ къ императрицѣ и ей подали они хлѣбъ-соль.

Государь императоръ, возвратясь, сошелъ съ лошади у своей квартиры и, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ, они всѣ пошли завтракать. Когда они кончали, данъ былъ сигналъ ракетою.

Государь со свитою сѣлъ верхомъ, императрица сѣла въ парадную карету одна—и кортежъ тронулся къ заставѣ; при звукѣ гимна, громѣ пушекъ, крикахъ ура, звонѣ колоколовъ, медленно подвигалась процессія; видъ былъ торжественный.

Наконецъ, въ 12½ часовъ, прибыли всѣ къ зàмку и, сойдя съ лошадей, вошли въ палаты и прямо въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Тѣмъ и кончилась церемонія въ этотъ день.

Когда всѣ разъѣхались, государь поѣхалъ съ визитомъ къ великому князю въ Бриловскій дворецъ. Оба великіе князя обѣдали въ этотъ день съ государемъ въ зàмкѣ, также и княгиня Ловичъ.

Вечеромъ городъ былъ блестящимъ образомъ иллюминованъ, въ особенности садъ Красинскаго и казенное зданіе, что по близости. На Краковскомъ предмѣстьи окна и балконы были убраны коврами и драпировками, а вечеромъ—огненными гирляндами и фестонами; во многихъ мѣстахъ были транспаранты съ вензелями Н. и А. и большой щитъ передъ дворцомъ.

День былъ тихій, теплый; народъ толпился по улицамъ и, при проѣздѣ государя, кричалъ ура! Государь и вечеромъ заѣзжалъ въ Бриловскій дворецъ къ великому князю, а императрица

была у княгини Ловичъ; тѣмъ кончился день 5-го мая. На другой день былъ разводъ на Саксонской площади. Погода, какъ нельзя болѣе, благопріятствовала церемоніи; множество любопытныхъ стеклось вокругъ площади смотрѣть на парадъ; балконы и окна были наполнены дамами; государь съ наслѣдникомъ пріѣхалъ въ 10 часовъ и пошелъ по фронту; императрица смотрѣла изъ оконъ квартиры генерала Куруты. Послѣ развода было представленіе во дворцѣ всей свиты великаго князя, которую онъ самъ представлялъ государю, поименно. Въ Саксонскомъ саду играла музыка. Наслѣдникъ ходилъ гулять; тамъ было множество народу.

7-го мая былъ снова разводъ на Саксонской площади, въ присутствіи государя, послѣ чего вся гвардія и штабъ-офицеры арміи представлялись во дворцѣ императрицѣ и былъ baise-main.

Княгиня Ловичъ въ этотъ день заболѣла и пролежала въ постелѣ цѣлый день.

8-го мая день былъ жаркій; разводъ былъ на площади. Императрица смотрѣла изъ окна квартиры гр. Куруты. Государь смотрѣлъ до развода школу пѣшихъ подпрапорщиковъ и дѣлалъ имъ ученіе на площади. Въ 12 часовъ во дворцѣ было представленіе у императрицы всѣхъ дамъ и подходили къ рукѣ ея.

Княгиня Ловичъ все была больна и не выходила; но ей къ вечеру сдѣлалось лучше.

9-го мая, въ 9½ часовъ утра, былъ на Марсовомъ полѣ смотръ всему войску русскому и польскому. Государь былъ верхомъ, въ лентѣ, а императрица проѣхала въ коляскѣ по фронту съ камеръ-фрейлиной, графиней Орловой. Войска стояли въ колоннахъ въ четыре линіи; потомъ былъ церемоніальный маршъ, по-взводно. Великій князь самъ велъ парадъ, потомъ проходили колоннами. Государь былъ очень доволенъ смотромъ и все кончилось въ 12 часовъ. Въ 1-мъ часу собрались, передъ Бриловскимъ дворцомъ, герольды съ ассистентами и конвоемъ польскаго конно-егерскаго полка, и, въ сопровожденіи генерала Викентія Красинскаго, поѣхали до площади зàмка; тамъ, передъ дворцомъ, остановились и читали объявленіе о коронаціи и бросали экземпляры по улицамъ; потомъ, раздѣлившись на два отряда, поѣхали по всѣмъ улицамъ Варшавы и на всѣхъ площадяхъ читали манифестъ. Въ 7 часовъ государь съ императрицей пріѣхали къ княгинѣ Ловичъ навѣстить,—она все еще была въ постелѣ, но ей лучше.

Въ 8 часовъ вечера государь съ императрицей пошли пѣшкомъ изъ Бриловскаго дворца до зàмка. Въ саду было гулянье и большое стеченіе публики.

10-го мая былъ разводъ на Саксонской площади, въ присутствіи государя, въ 10 часовъ утра; послѣ того государь посѣтилъ княгиню Ловичъ, ей было лучше; оттуда, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, онъ поѣхалъ въ зàмокъ.

Въ 12 часовъ герольды снова ѣздили по городу, собравшись у Бриловскаго дворца.

Я былъ вечеромъ на балѣ у коменданта Левицкаго, куда была приглашена и вся свита государя.

Вечеромъ его величество снова былъ у княгини Ловичъ.

11-го мая у меня собралось много дамъ, съ утра, смотрѣть на разводъ изъ нашихъ оконъ. Государь посѣтилъ, послѣ того, княгиню Ловичъ. Я пошелъ во дворецъ и назначенъ былъ, въ числѣ другихъ генераловъ, для несенія балдахина во время коронованія, подъ которымъ государыня должна идти. Мы дѣлали тамъ репетицію, что продолжалось до 2-хъ часовъ.

12-го мая. Въ воскресенье, съ утра, снова съѣхалось ко мнѣ много дамъ и дѣвицъ. Я одѣлся въ полную парадную форму и, въ 9½ часовъ, поѣхалъ во дворецъ; день былъ превосходный, какъ казалось, и жаркій. Во дворцѣ начали собираться; уже вся площадь дворцовая и пристроенная галлерея наполнились народомъ,—стеченіе публики было огромное. Въ 11 часовъ изъ дворца тронулась процессія съ регаліями и короною къ каѳедральному костелу; отъ самыхъ воротъ дворца до костела былъ сдѣланъ помостъ, устланный малиновымъ сукномъ; кавалерійскіе солдаты разставлены были отъ самаго дворца, изъ сенатской комнаты, до костела. Въ 1-мъ часу возвратилась церемонія изъ костела гдѣ всѣ эти вещи были освящены, и пронесли ихъ въ государевы комнаты, а чрезъ полчаса процессія эта снова показалась и стала съ этими же вещами противъ трона; государь изволилъ выйти вмѣстѣ съ императрицей.

Когда государь сталъ на свое мѣсто, то примасъ прочелъ молитву и провозгласилъ его королемъ польскимъ. При семъ послѣднемъ словѣ началась пальба изъ пушекъ, послѣ чего примасъ поднесъ государю порфиру, которую начали надѣвать на государя придворные, первые сановники, за тѣмъ корону, ски-

петръ и державу,—все это съ молитвою подносимо было примасомъ. Государь, поднесенную ему, корону надѣлъ самъ себѣ на голову; потомъ, двое великихъ князей подвели къ нему императрицу, которая стала на колѣна и онъ надѣлъ на нее цѣпь Бѣлаго Орла и корону, и она стала съ нимъ рядомъ у трона.

Вслѣдъ за тѣмъ государь сталъ на колѣна и произнесъ, на французскомъ языкѣ, молитву; когда онъ кончилъ и всталъ, то императрица и вся свита въ залѣ стали, въ свою очередь, на колѣна, и примасъ началъ читать молитву, послѣ которой всѣ встали и началось шествіе. Балдахинъ стоялъ у воротъ дворца готовый; мы за него взялись, 16 полковниковъ его держали и мы, 16 генераловъ, держась за кисти, были ассистентами. Императрица стала подъ балдахинъ. Государь, въ коронѣ и порфирѣ, вышелъ изъ воротъ и сталъ впереди; за нимъ шли великіе князья Константинъ и Михаилъ, потомъ императрица, подъ балдахиномъ,—у ней ассистентами были: графъ Соболевскій и графъ Красинскій; потомъ шелъ наслѣдникъ съ княгинею Ловичъ, а потомъ—весь дворъ. Процессія потянулась къ каѳедральному костелу, гдѣ отслужили тедеумъ [молебствіе], по окончаніи котораго все шествіе, тѣмъ же порядкомъ, пошло обратно во дворецъ, при громѣ музыки, звонѣ колоколовъ и крикахъ ура, стоявшихъ войскъ и всей толпы. Зрѣлище было торжественное. Все это кончилось къ 2-мъ часамъ.

Устроенная галлерея дворца была наполнена дамами аристократическаго круга; видъ былъ безподобный.

Въ три часа былъ парадный банкетъ при дворѣ для особъ первыхъ трехъ классовъ, съ женами ихъ, и духовенства; во время стола служили камергеры, а церемоніймейстеръ стоялъ съ жезломъ противъ государя; пили за здоровье государя, императрицы, всей царской фамиліи и народа польскаго, при пушечной пальбѣ и крикахъ ура; я насилу могъ добраться до дому сквозь толпу, которая густыми массами стояла у дворца и по улицамъ. Вечеромъ была блестящая иллюминація; экипажей было такъ много, что насилу двигались въ нѣсколько рядовъ.

Въ этотъ день получили награды: графиня Соболевская—портретъ; графиня Кудаковская—кокарду; графиня Гауке—кокарду, а дочь ея пожалована фрейлиной; мужъ ея—Бѣлаго Орла; m-mes Левицкая и Рихтеръ—кокарды; дочь Левицкой—

фрейлиной; также и дѣвицы Рихтеръ и Раутенштраухъ. Графъ Красинскій и генералъ Рожицкій—Бѣлаго Орла; Стась Потоцкій — генералъ-аншефа; генералъ Раутенштраухъ — Александровскую ленту; генералъ Рихтеръ сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ и генералъ-адъютантомъ; генералъ Курнставій—также; генералъ Круковецкій—генералъ-лейтенантомъ; 8 польскихъ полковниковъ—въ генералъ-маіоры; П. К. Александровъ—флигель-адъютантомъ; генералъ Кривцовъ—Владиміра 2-й ст.; генералъ Даниловъ—Станислава 2-й ст.; генералъ Гинцъ—Анны 1-й ст., и много другихъ польскихъ чиновъ награждены орденами. Русскимъ, изъ свиты государя, дано много лентъ; но намъ свиты цесаревича ничего не дали.

13-го мая. День былъ сѣренькій, но теплый и дождя не было; утромъ былъ разводъ на Саксонской площади, въ присутствіи государя; вечеромъ — bal paré во дворцѣ,—съѣзжались въ 8½ часамъ, мужчины въ чулкахъ и башмакахъ, дамы—въ длинныхъ платьяхъ, со шлейфами; собрались всѣ въ мраморной залѣ, а въ 9 часовъ вышла императрица съ наслѣдникомъ и великими князьями, съ нею была и княгиня Ловичъ; государь не былъ на балѣ, по случаю простуды. Начался полонезъ: императрица пошла съ великимъ княземъ Константиномъ, и танцовала потомъ, по старшинству, съ 19-ю особами. Балъ кончился въ 10¾ часа; иллюминація въ городѣ не удалась по случаю дождя.

14-го мая. Утромъ былъ я у великаго князя, который мнѣ объявилъ, что я получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., и велѣлъ мнѣ тотчасъ надѣть звѣзду. Государь у развода не былъ. Вечеромъ была иллюминація въ городѣ и въ Саксонскомъ саду большое гулянье; погода прекрасная.

15-го мая. Государь все еще не выходитъ и не былъ у развода. Въ 12 часовъ всѣ чины съѣзжались, въ полной парадной формѣ, во дворецъ и приносили поздравленіе ихъ величествамъ; у императрицы былъ baise-main.

16-го мая. Послѣ развода собралась вся свита у костела св. Александра и верхами ожидали мы пріѣзда государя, который пріѣхалъ въ 12½ часовъ. Сего числа былъ народный праздникъ на площади: противъ Уѣздовскаго госпиталя, были накрыты столы на 10,000 человѣкъ и приготовлены разныя увеселенія и представленія; кругомъ устроены были эстрады для публики,

а по серединѣ шатеръ для царской фамиліи, свиты и иностранныхъ особъ. Въ часъ прибылъ государь и поѣхалъ верхомъ за коляской императрицы, сопровождаемой всею свитою. Мы проѣхали по аллеямъ вплоть до мѣста, гдѣ царская фамилія вошла въ шатеръ и по 3-й ракетѣ начался пиръ. Все обошлось безъ шума и продолжалось не долго; народу было со зрителями до 50,000; видъ былъ безподобный и день весьма благопріятствовалъ. Великіе князья со свитою оставались верхами; государь подъ конецъ сѣлъ на лошадь и объѣхалъ всѣ столы при громкихъ крикахъ ура; только что успѣли подать императрицѣ коляску, какъ пошелъ сильный дождь и всѣ стали, въ торопяхъ, разъѣзжаться; я насилу нашелъ свою коляску и поѣхалъ на Вержбу обѣдать, а вечеромъ, возвращаясь въ городъ, встрѣчалъ въ аллеяхъ еще множество гуляющаго народа. Въ 7 часовъ вечера я, въ чулкахъ и башмакахъ, поѣхалъ на балъ въ ратушу. Ихъ величества пріѣхали туда въ 9 часовъ, вмѣстѣ съ великими князьями и княгинею Ловичъ, и много танцовали. Ужинъ былъ на 900 человѣкъ; вообще балъ прекрасно удался и кончился въ 12-ть часовъ.

17-го мая. Сегодня, за разводомъ, представлялись государю всѣ русскіе и польскіе военные, получившіе награды, и благодарили его величество. Великій князь представлялъ каждаго поименно.

Вечеромъ сенатъ и послы отъ народа давали балъ на биржѣ; великолѣпно убрана была зала и балъ былъ прекрасный; приглашенныхъ было болѣе 1,500 человѣкъ. Императрица танцовала мазурку послѣ польскаго; въ 12 часовъ былъ ужинъ на верху, на 1,000 особъ. Домъ министерства финансовъ и биржа были великолѣпно иллюминованы; противъ дома былъ поставленъ обелискъ, съ высокимъ транспораномъ; музыка на площадкѣ играла весь вечеръ для народа, котораго собралось множество.

18-го мая. Утромъ присутствовалъ я, въ свитѣ, на ученіи гвардейско-кавалерійской дивизіи, на Мокотовскомъ полѣ; государь дѣлалъ смотръ и ученіе, и остался доволенъ войсками; вечеромъ былъ балъ у графа Замойскаго на 500 человѣкъ, на которомъ была вся царская фамилія и много танцовали. Государь и великій князь были въ уланскихъ мундирахъ и оставались до 2-хъ часовъ.

19-го мая, въ воскресенье, пріѣхалъ въ Варшаву прусскій принцъ Вильгельмъ и былъ сегодня у развода съ государемъ. Императрица была въ квартирѣ у графа Куруты, и посѣтила потомъ княгиню Ловичъ. Въ 12 часовъ поѣхалъ я въ зàмокъ къ обѣдни; былъ выходъ парадный во дворцѣ, а въ 3 часа—парадный обѣдъ во дворцѣ на 400 человѣкъ, на которомъ были всѣ высшія особы—военныя, гражданскія и духовныя, чужестранные посланники и агенты, и дамы; вечеромъ вся царская фамилія поѣхала въ театръ; давали польскую новую оперу, на сей случай сочиненную.

20-го мая. Послѣ развода государь съ принцемъ Вильгельмомъ были у княгини Ловичъ; я въ три часа поѣхалъ на обѣдъ къ Н. Н. Новосильцеву—у него человѣкъ 70 обѣдало, а въ 7 часовъ, въ чулкахъ и башмакахъ, поѣхалъ на балъ во дворецъ; государь съ императрицей вышли въ 9 часовъ въ залу; императрица много танцовала—и притомъ всѣ танцы. Государь былъ очень веселъ; раза три ко мнѣ подходилъ, и со мною разговаривалъ весьма милостиво; ужинъ былъ на 500 человѣкъ. Государь и царская фамилія удалились въ 2 часа.

21-го мая. Я ѣздилъ поздравлять, съ утра, великаго князя Михаила Павловича съ имянинницей, а нашъ князь не принималъ никого. Былъ разводъ. Государь заходилъ снова съ принцемъ къ княгинѣ; выходъ во дворцѣ отказанъ. Въ 3 часа поѣхалъ я на большой обѣдъ къ президенту Соболевскому; всѣ мы были въ лентахъ и полной формѣ. Императрица, послѣ обѣдни, изволила выѣхать изъ Варшавы въ Берлинъ съ принцемъ Вильгельмомъ; государь и великій князь Михаилъ обѣдали у нашего великаго князя.

22-го мая 1829 г. Государь императоръ выѣхалъ изъ Варшавы, въ 12 часовъ, для свиданія съ королемъ прусскимъ за Калишемъ; съ нимъ отправились графъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ. Вечеромъ я былъ въ концертѣ Паганини и былъ истинно пораженъ его громаднымъ талантомъ. Что онъ со скрипкой выдѣлывалъ—невѣроятно».

На этомъ мѣстѣ я прекращаю выдержки изъ дневника моего отца и обращаюсь къ изложенію дальнѣйшихъ событій: кануна и дня возстанія въ Варшавѣ, въ злополучный день 30 ноября 1830 г.

К. П. Колзаковъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Переписка съ Ѳ. П. Опочининымъ.

1816—1831.

Цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ—сопутникъ Суворова въ славномъ походѣ въ Италію и затѣмъ правитель Царства Польскаго съ 1816 по 1830 г., съ скромнымъ титуломъ «генералъ-инспектора всей кавалеріи» [1]), мало извѣстенъ русскому обществу. Съ одной стороны, клеветы поляковъ, съ другой—недоумѣніе русскихъ, пораженныхъ печальными событіями Варшавскаго мятежа 1830—1831 годовъ, установили самое неясное, сбивчивое мнѣніе о нравственной личности великаго князя, образъ дѣйствій котораго въ 1825 году, во всякомъ случаѣ, вызываетъ къ нему чувство невольнаго удивленія. Нынѣ являющаяся на страницахъ «Русской Старины» переписка великаго князя Константина Павловича до нѣкоторой степени восполняетъ указанный нами пробѣлъ въ новѣйшей исторіи Россіи. Переписка эта ведена была съ однимъ изъ самыхъ близкихъ, наиболѣе уважаемыхъ друзей цесаревича, съ Ѳедоромъ Петровичемъ Опочининымъ, и представляетъ довольно крупный, по своему значенію, матеріалъ для біографіи великаго князя Константина Павловича; въ этой перепискѣ разсыпано множество чертъ, рисующихъ свѣтлыя стороны въ характерѣ цесаревича: его постоянную готовность дѣлать добро, глубокую привязанность къ друзьямъ, высокосознанное чувство долга преданности государю.....

Представитель старинной боярской фамиліи, Ѳедоръ Петровичъ Опочининъ былъ женатъ на княжнѣ Дарьѣ Михайловнѣ Голенищевой-Кутузовой-Смоленской и, по своему уму и нравственнымъ качествамъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ высшихъ слояхъ Петербургскаго общества, которому всецѣло принадлежалъ по своему происхожденію, образованію и фамильнымъ связямъ. Въ изданныхъ нами письмахъ фельдмаршала кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, есть нѣсколько весьма лестныхъ отзывовъ о Ѳедорѣ Петровичѣ Опочининѣ. (См. «Русскую Старину» 1870 г., т. I, изд. перв. 497, изд. второе 250; изд. 1871 г., т. III, 54, 55, 60; изд. 1872 г., т. V, 260, 268, 654, 660, 690, 691, 696, 697, 952.

Опочининъ началъ свою карьеру въ военной службѣ; перейдя затѣмъ въ

[1]) Собственно гражданскою частью въ Царствѣ цесаревичъ не завѣдывалъ, хотя, конечно, ничего важнаго не дѣлалось безъ его разрѣшенія.

гражданскую, онъ съ 1816 г. былъ уже шталмейстеромъ, а затѣмъ быстро подвигался по лѣстницѣ чиновъ и умеръ въ декабрѣ 1852 г. дѣйств. тайн. совѣтникомъ, членомъ государственнаго совѣта и оберъ-гофмейстеромъ. Живя постоянно въ Петербургѣ, Өедоръ Петровичъ, съ 1816 по 1831 годъ, былъ постояннымъ и ревностнымъ исполнителемъ порученій цесаревича Константина Павловича.

1816 г.

6-го марта 1816 года, Варшава.

Өедоръ Петровичъ! Посылая при семъ къ вамъ портфель съ рисунками мундировъ польскихъ войскъ, я прошу васъ, принявъ оные подъ свой надзоръ, заставить лѣниваго и прелѣниваго Орловскаго заняться прилежнѣе оными, и нарисовавъ, какъ ихъ, такъ и прежде еще отъ меня ему данные, поспѣшнѣе, ко мнѣ потомъ поскорѣе доставить. Засимъ вѣрьте въ моемъ къ вамъ всегдашнемъ съ дружбою уваженіи. „Константинъ".

28-го марта 1816 года, С.-Петербургъ.

.... Получивъ рескриптъ вашъ отъ 6-го текущаго мѣсяца, я тотчасъ призвалъ къ себѣ господина Орловскаго, и, объявивъ ему волю вашу, вручилъ препровожденные ко мнѣ рисунки, за надлежащею описью, съ роспискою. Г. Орловскій отозвался мнѣ, что одержимъ будучи болѣзнію, отъ которой и нынѣ еще не совсѣмъ излечился, не могъ онъ столь поспѣшно, какъ бы желалъ, исполнить возложенное на него порученіе. Но, не взирая на сіе препятствіе, уже совершенно окончилъ гвардейскихъ гренадеръ, улановъ и конныхъ егерей, которые я лично видѣлъ; теперь-же занимается гвардейскими мушкатерами и конною артиллеріею, а вслѣдъ за симъ приступитъ къ отдѣлкѣ и послѣднихъ присланныхъ рисунковъ [1]). Донося о выше изложенномъ вашему императорскому высочеству, имѣю счастіе пребыть по гробъ преданный вамъ Ө. Опочининъ [2]).

Въ письмѣ, отъ 14-го мая 1816 года, великій князь Константинъ Павловичъ поручаетъ Опочинину похлопотать у министра финансовъ о скорѣйшемъ назначеніи генералъ-майору Веревкину высочайше пожалованной аренды.

24-го іюня 1816 года, Варшава.

Өедоръ Петровичъ! Не получивъ по сіе время ожидаемыхъ мною отъ г. Орловскаго извѣстныхъ вамъ рисунковъ, которые онъ такъ медленно рисуетъ, я прошу ваше превосходительство принудить его,

---

[1]) Объ этомъ заказѣ академику Орловскому см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. V, стр. 546, въ «Запискахъ академика Витберга». Ред.

[2]) Въ послѣдующихъ письмахъ Опочинина — мы какъ начало, титулъ, такъ и окончанія, содержащія выраженія преданности опускаемъ. Ред.

какъ можно скорѣе, оные непремѣнно окончить и объявить ему, что я ихъ ожидаю получить съ первою эстафетою. Съ истинною дружбою васъ уважающій „Константинъ“.

23-го октября 1816 года, Варшава.

Ѳедоръ Петровичъ! Вы мнѣ обѣщались, по пріѣздѣ вашемъ въ С.-Петербургъ, рапортовать о вашемъ пути, былъ ли благополученъ; но вотъ уже нѣсколько эстафетовъ, какъ я получилъ послѣ вашего пріѣзда, а отъ васъ ничего. Пожалуйста, скажите, за что такая немилость? я, кажется, сего не заслужилъ, и всею душою васъ люблю и въ заключеніе скажу, что я съ дружбою искренно къ вамъ всегда расположенъ. „Константинъ“.

3-го декабря 1816 года, Варшава.

Ѳедоръ Петровичъ! Весьма благодарю васъ за ваши хлопоты и старанье по моимъ порученіямъ; на счетъ печати очень хорошо вы сдѣлали, что поручили составить оную г-ну Леберехту.

Въ дипломѣ на дворянское достоинство Ульянѣ Михайловнѣ, я, согласно вашимъ мыслямъ, самъ нахожу, что долженъ быть для нея гербъ одинаковый съ тѣмъ, который присвоенъ Павлу Константиновичу [1]); о чемъ и прошу васъ учредить въ герольдіи, какъ слѣдуетъ. Слѣдующіе же за дипломъ деньги 577 рублей 50 копѣекъ приказано статскому совѣтнику Томсену доставить.

Я васъ просилъ наблюдать, чтобы г. Орловскій, какъ можно скорѣе, кончилъ отдѣлать всѣ посланные ему польскіе рисунки; и теперь о семъ же еще повторяю, и о успѣхѣ прошу меня увѣдомить, и затѣмъ быть увѣрену въ искренно-дружескомъ моемъ къ вамъ всегда расположеніи. „Константинъ“.

Въ слѣдующихъ письмахъ, отъ 30-го декабря 1816 года и 28-го января 1817 года, великій князь поручаетъ Опочинину похлопотать за генералъ-майора Ант. Степановича Чаликова о перемѣнѣ пожалованной ему аренды на лучшую. Ред.

Въ письмѣ отъ 23-го января 1817 года, великій князь поручаетъ Опочинину попросить у Дм. Прокофьевича Трощинскаго «покровительство и защиту» бывшему въ Сибири гражданскому губернатору, дѣйствительному статскому совѣтнику Корнилову. Константинъ Павловичъ зналъ Корнилова— въ царствованіе своего родителя — капитаномъ 1-го ранга за «честнаго и хорошаго человѣка». При письмѣ приложена записка и прочіе документы по дѣлу Корнилова, павшаго жертвою злобнаго генералъ-губернатора сибирскаго Ивана Пестеля. Документы эти мы опускаемъ, какъ неимѣющіе особаго интереса.

---

[1]) Александрову. Ред.

1817 г.

23-го января 1817 года, С.-Петербургъ

Ваше императорское высочество! Безпредѣльныя ваши ко мнѣ благодѣянія и милости, въ полной мѣрѣ мнѣ дали право быть увѣреннымъ въ участіи, которое вы пріемлете во всемъ томъ, что до меня касается; а потому поспѣшаю донести вашему высочеству, что его императорскому величеству угодно было удостоить меня кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени. Отличіе сіе для меня тѣмъ болѣе лестно, благодѣтель мой, что оно можетъ послужить вамъ новымъ доказательствомъ, какъ воспитанникъ вашъ, слѣдуя вашему примѣру и волѣ, непрестанно, сколько силы его душевныя и тѣлесныя ему позволяютъ стремиться къ исполненію обязанностей, на него возложенныхъ, умѣетъ цѣнить милостивое ваше о немъ съ младенчества попеченіе и старается, хотя слабыми заслугами, удостовѣрить васъ и всеавгустѣйшаго братца вашего, что ваше высочество призрѣли не неблагодарнаго. Вслѣдствіе повелѣнія вашего императорскаго высочества, генералъ Дука доставилъ ко мнѣ 6 рисунковъ, которые уже мною и вручены подъ росписку г. академику Орловскому, съ подтвержденіемъ тотчасъ ихъ исправить и пополнить и непремѣнно къ вамъ препроводить съ завтрашнею же эстафетою. Вашему императорскому высочеству по гробъ преданный Ѳ. Опочининъ.

P. S. Вчерашняго числа, въ церкви мраморнаго дворца, адъютантъ вашего императорскаго высочества князь Голицынъ сочетался первымъ законнымъ бракомъ на дѣвицѣ Ланской.

4-го февраля 1817 года, Варшава.

Ѳедоръ Петровичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 23-го января; съ искренними чувствами отъ всего сердца поздравляю васъ съ полученіемъ монаршей милости, и скажу притомъ безъ лести, что достойному—достойное и воздаяніе. Вы, однакожъ, въ своемъ письмѣ, между прочимъ, говорите о моемъ къ вамъ попеченіи и стараніи съ младенчества вашего; на сіе слово младенчество позвольте мнѣ вамъ сдѣлать примѣчаніе и напомнить, что ваше превосходительство, хотя немногимъ, но кажется постарѣе меня лѣтами; видно вы себя молодите, а другихъ только дѣлаете стариками.

Повторяя еще, что для меня весьма пріятна полученная вами награда, я прошу быть увѣрену въ моемъ къ вамъ съ истинною дружбою всегда расположеніи. „Константинъ".

Въ письмѣ отъ 14-го февраля 1817 года, великій князь поручаетъ Опочинину ускорить у министра финансовъ высылкой коллежскому совѣтнику барону Моренгейму ста червонцевъ, вмѣсто камергерскаго ключа.

8-го апрѣля 1817 года, Константинъ Павловичъ благодаритъ за высылку Моренгейму червонцевъ и за поздравленіе съ праздникомъ пасхи.

15-го апрѣля, великій князь изъявляетъ готовность, согласно съ ходатайствомъ Опочинина, опредѣлить въ корпусъ племянника статскаго совѣтника Лабинскаго.

21-го сентября, поручено Опочинину похлопотать въ сенатѣ по тяжебному дѣлу бригаднаго генерала польскихъ войскъ графа Антонія Потоцкаго.

15-го октября 1817 года, великій князь рекомендуетъ Опочинину — прусскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ Шмидта, отправляющагося въ Петербургъ.

12 ноября 1817 г., Варшава.

Θедоръ Петровичъ! Генералъ-лейтенантъ баронъ Карлъ Θедоровичъ Толь, по случаю рожденія у него сына, просилъ меня при крещеніи его быть воспріемникомъ; я, съ удовольствіемъ принимая на себя имя крестнаго отца, прошу васъ сдѣлать мнѣ въ семъ случаѣ одолженіе, вмѣсто меня при крещеніи новорожденнаго занять мое мѣсто; надѣясь на васъ, что вы мнѣ въ семъ не откажете, я и его о семъ увѣдомилъ.

Всегда съ истинною дружбою и уваженіемъ къ вамъ расположенный „Константинъ“.

18-го ноября 1817 года, Варшава.

Θедоръ Петровичъ! Какъ еще остаются у академика Орловскаго неоконченные рисунки, вамъ оные извѣстные, то я васъ прошу понудить его, дабы онъ скорѣе ихъ окончилъ и ко мнѣ доставилъ.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный „Константинъ“.

1818 г.

4-го апрѣля, Варшава.

Θедоръ Петровичъ! Препровождая при семъ къ вамъ слѣпокъ съ печати его императорскаго высочества, великаго князя Николая Павловича, прошу принять на себя трудъ приказать, кому вы найдете лучшимъ, сдѣлать, сообразно сему слѣпку, рисунокъ для моей печати, съ тою только перемѣною, что въ серединѣ сей печати другого, въ меньшемъ видѣ, орла не надобно, а вмѣсто онаго помѣстить въ срединѣ большого орла, или крестъ Маріи-Терезіи, какой есть теперь на моей прежней печати, или Георгіевскую звѣзду; а затѣмъ прибавить въ рисункѣ къ ордену Андрея Первозваннаго мои ордена: св. Георгія 2-го класса, св. Владиміра 1-й степени, австрійскій военный Маріи-Терезіи 1-й степени, прусскій желѣзный, баварскій военный Максимиліана 1-й степени, виртембергскій военный 1-й степени, милиціонную медаль 1807 года, на военной лентѣ, палашъ и шпагу, и, по изготовленіи сего рисунка, не оставить съ первымъ эстафетомъ прислать оной ко мнѣ.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный „Константинъ“.

Въ письмѣ отъ 4-го мая 1818 года, великій князь поручаетъ Опочинину въ дѣлѣ графини Потоцкой съ гр. Стройновскимъ, производившемся въ сенатѣ, похлопотать за первую, согласно ходатайству генерала графа Потоцкаго.

29-го мая 1818 года, Москва.

Θедоръ Петровичъ! Получивъ письмо ваше ко мнѣ, сего мѣсяца отъ 21-го числа, коимъ вы поздравляете меня съ днемъ моего ангела, я обращаюсь за сіе къ вамъ съ моею благодарностію, и желаю вамъ того же, чего вы и мнѣ желаете; благодарю васъ также за трудъ въ отысканіи моего портрета, который прошу васъ, по прибытіи государя императора въ С.-Петербургъ, отдать, какъ я уже до сего къ вамъ писалъ... „Константинъ“.

5-го іюля 1818 г., Варшава.

Θедоръ Петровичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить письмо ваше, отъ 25-го іюня, и при ономъ рисунокъ моей печати и съ мнѣніемъ г. статскаго совѣтника Леберехта. Я нахожу, что все сдѣлано въ ономъ весьма хорошо, и я съ онымъ согласенъ, только прошу перемѣнить: шпагу и палашъ помѣстить не вверху, а внизу—гдѣ кресты, и также крестообразно, какъ теперь означено, и прибавить вверху печати полукружіемъ слова: „за службу и храбрость“ и, съ сею перемѣною и прибавленіемъ, прислать мнѣ еще рисунокъ. Какъ-же г. Леберехтъ говоритъ, что ему нуженъ Виртембергскій военный орденъ 1-й степени и съ лентою, для правильнаго изображенія онаго на печати, то я посылаю къ вамъ оный, который прошу, по минованіи надобности, возвратить ко мнѣ.

На счетъ благодарности вашей касательно супруги и сына вашего въ бытность ихъ въ Москвѣ, скажу вамъ, что я истинно любя и уважая васъ, для меня весьма пріятно во всякомъ случаѣ дѣлать вамъ удовольствіе, и все, что касается до Опочинина, я не считаю себѣ чуждымъ.

Князь Петръ Михайловичъ Волконскій увѣдомилъ меня, что, представленное при рапортѣ моемъ государю императору, просительное письмо лейбъ-гвардіи литовскаго полка полковника Габбе, о всемилостивѣйшемъ пожалованіи отцу его, служащему въ сенатѣ экзекуторомъ, коллежскому совѣтнику Габбе, какого-либо количества земли, по высочайшему повелѣнію, препровождено отъ него на разсмотрѣніе къ г. министру финансовъ. Я прошу васъ похлопотать о семъ дѣлѣ къ пользѣ г. Габбе, во уваженіе весьма усердной службы сына его, полковника Габбе, и объ успѣхѣ меня увѣдомить..... „Константинъ“.

4 сентября 1818 г., Опочининъ препровождаетъ рисунокъ печати великаго князя Константина Павловича, передѣланный Леберехтомъ.

21-го сентября 1818 г., великій князь проситъ Опочинина принять къ себѣ на службу надворнаго совѣтнита Кузьминскаго, за котораго просила жена его, бывшая при императрицѣ камерюнгферою. Утверждаетъ рисунокъ печати, сдѣланный Леберехтомъ.

1819 г.

11-го января, Варшава.

Ѳедоръ Петровичъ! Получивъ письмо ваше ко мнѣ, сего мѣсяца отъ 1-го числа, коимъ вы поздравляете меня съ новымъ годомъ, я обращаюсь къ вамъ за сіе съ моею благодарностію, и равнымъ образомъ поздравляю и васъ съ тѣмъ же наступившимъ новымъ годомъ, который начался весьма съ печальнымъ для насъ происшествіемъ; я увѣренъ, что вы въ скорби нашей примите участіе.... „Константинъ".

8-го марта 1819 г., великій князь извѣщаетъ Опочинина объ опредѣленіи, согласно его просьбы, двухъ сыновей генералъ-маіора Муранова въ 1-й кадетскій корпусъ.

Съ этого времени по май 1824 г., у насъ не имѣется писемъ великаго князя къ Опочинину. 9 мая 1824 г. Константинъ Павловичъ изъявляетъ удовольствіе при извѣстіи о пожалованіи пенсіона 250 червонныхъ аббату Малерба. Затѣмъ, по январь 1826 года, переписка снова представляетъ пробѣлъ, но ужъ потомъ идетъ непрерывно въ теченіе шести лѣтъ, то-есть, до кончины цесаревича Константина Павловича.

1826 г.

20-го января, Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ! Извѣстный вамъ, по происшествію въ С.-Петербургѣ 14-го минувшаго декабря, Кюхельбекеръ, полагавшійся погибшимъ въ дѣлѣ, наконецъ очутился здѣсь и, только что прошелъ въѣздъ и вошелъ на Прагу вчерашняго числа, былъ пойманъ унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка Григорьевымъ и отведенъ на гауптвахту прагскаго предмѣстья, откуда по порядку къ здѣшнему коменданту, а наконецъ представленъ ко мнѣ. Я, приказавъ взять съ него подробный допросъ и заковавъ его въ кандалы, отправляю сейчасъ съ фельдъегеремъ и двумя казаками, при всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ къ его императорскому величеству, въ С.-Петербургъ; для любопытства же вашего посылаю при семъ къ вамъ копіи: съ взятаго отъ него показанія и подробнаго донесенія моего государю императору о поимкѣ сего преступника, въ которомъ вы увидите, каковъ молодецъ сей унтеръ-офицеръ. Теперь къ сему только присовокуплю, что извѣстное вамъ вспоминаніе наизусть по списку преступниковъ чрезъ сіе измѣнилось, ибо Кюхельбекеръ уже не въ числѣ погибшаго во время дѣла.

Въ ожиданіи о благополучномъ пріѣздѣ вашемъ увѣдомленія, про-

шу быть въ полной мѣрѣ увѣреннымъ въ моемъ къ вамъ всегдашнемъ истинномъ расположеніи и дружбѣ. „Константинъ“.

20-го января 1826 г., Варшава.

Его императорскому величеству отъ его императорскаго высочества цесаревича

Рапортъ.

По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, г. военный министръ генералъ-отъ-инфантеріи Татищевъ, отъ 4-го сего января, сообщилъ мнѣ сдѣлать повсемѣстное объявленіе, чтобы взяты были всѣ мѣры къ отысканію коллежскаго ассессора Кюхельбекера, и если гдѣ окажется кто-либо его скрывающій, съ тѣмъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ противъ скрывающихъ государственныхъ преступниковъ, описавъ и примѣты онаго Кюхельбекера.

Вслѣдствіе чего, сдѣлано было отъ меня объ ономъ циркулярное предписаніе по россійскимъ и польскимъ войскамъ и губерніямъ, въ начальствѣ моемъ состоящимъ, и сообщено по царству польскому г. намѣстнику генералу князю Заіончеку.

Вчерашняго же числа, пополудни въ часъ, лейбъ-гвардіи волынскаго полка унтеръ-офицеръ Никита Григорьевъ, будучи посланъ по ротнымъ дѣламъ съ однимъ рядовымъ на предмѣстье Прагу, идя тамъ по площади, встрѣтилъ человѣка, одѣтаго въ тулупѣ, крытомъ китайкою, а подъ нимъ простомъ нагольномъ тулупѣ же, подпоясаннаго кушакомъ и въ русской шапкѣ, шедшаго въ городѣ отъ Гроховскаго въѣзда. Сей человѣкъ, остановя его, спросилъ по-русски: „тутъ ли квартируетъ гвардейская конная артиллерія?“ Унтеръ-офицеръ Григорьевъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ, и спросилъ его, что онъ за человѣкъ и зачѣмъ онъ хочетъ знать объ конной артилеріи? На сіе онъ сказалъ, что крѣпостной слуга барона Моренгейма, и желаетъ знать, гдѣ офицеръ оной артиллеріи Есаковъ, знакомый съ его господиномъ? Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, вглядываясь въ него и помня примѣты Кюхельбекера, о которомъ назадъ тому нѣсколько дней, какъ въ полку было объявлено въ приказѣ и внушено объ оныхъ нижнимъ чинамъ, и находя, что оныя весьма сходствуютъ съ симъ человѣкомъ, а притомъ, видя, что онъ мѣшается въ рѣчахъ, спрашивая объ конной артиллеріи, тогда когда самъ объявилъ, что находится уже съ годъ въ Варшавѣ, и потому предложилъ ему проводить его лейбъ-гвардіи въ волынскій полкъ, говоря, что тамъ есть братъ г. Есакова, командиръ полка, который ему дастъ вѣрнѣе свѣдѣніе объ служащемъ въ конной артиллеріи; но человѣкъ въ тулупѣ, благодаря его нѣсколько разъ за труды, неоднократно просилъ, учтивымъ образомъ, не безпокоиться и вернуться, говоря,

что нечѣмъ ему за оное заплатить. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, изъ сего болѣе еще удостовѣрясь, что онъ долженъ быть сомнительный человѣкъ, повелъ его на гауптвахту, что на Прагской площади, и представилъ къ караульному офицеру лейбъ-гвардіи литовскаго полка прапорщику Суровцову 2-му, который спрашивалъ его, что онъ за человѣкъ? Но и ему отвѣчалъ, что барона Моренгейма. Офицеръ же отправилъ его подъ арестомъ къ коменданту, предъ которымъ уже онъ признался, что есть тотъ самый Кюхельбекеръ, котораго отыскиваютъ. Вслѣдствіе чего, онъ былъ тотчасъ представленъ ко мнѣ, и я приказалъ снять съ него подробное показаніе находящемуся при мнѣ дѣйствительному тайному совѣтнику сенатору Новосильцову и дежурному генералу главнаго штаба моего генералъ-маіору Кривцову, которое обще съ нимъ Кюхельбекеромъ, за строжайшимъ арестомъ и съ найденнымъ при немъ фальшивымъ видомъ, при семъ вашему императорскому величеству представляя, всеподданнѣйше повергаю во всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества воззрѣніе отличный поступокъ, внимательность и расторопность унтеръ-офицера Григорьева.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ цесаревичъ.

1826 года, января 19-го дня, задержанный на прагскомъ предмѣстьи лейбъ-гвардіи волынскаго полка унтеръ-офицеромъ Григорьевымъ нижеозначенный человѣкъ показалъ.

Вопросы: Какъ васъ зовутъ и прозываютъ? Сколько отъ роду лѣтъ? Какой вѣры? Изъ какого происходите состоянія? Гдѣ родились? Кого, и гдѣ имѣете родныхъ? Гдѣ воспитывались? И, по окончаніи наукъ, служили-ли въ государственной службѣ, гдѣ, и какой имѣете чинъ?

Отвѣтъ: Зовутъ меня Вильгельмъ Карловъ, сынъ Кюхельбекеръ. Отъ роду имѣю 29-й годъ. Вѣры лютеранской. Происхожу изъ дворянъ; отецъ мой, саксонскій уроженецъ, служилъ въ россійской службѣ статскимъ совѣтникомъ и былъ секретаремъ при покойномъ государѣ императорѣ Павлѣ I, въ Павловскѣ, въ бытность еще его императорскаго величества великимъ княземъ, который уже умеръ. Родился я въ С.-Петербургѣ; изъ родныхъ имѣю въ живыхъ: мать, одного брата и двухъ сестеръ. Братъ служитъ въ гвардейскомъ экипажѣ лейтенантомъ и ротнымъ командиромъ; мать же жительствуетъ нынѣ въ Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ деревнѣ Закупѣ, при старшей дочери своей, сестрѣ моей, статской совѣтницѣ Юстинѣ Глинкиной, вдовѣ послѣ статскаго совѣтника Глинки, который былъ профессоромъ въ дерптскомъ университетѣ, а наконецъ кавалеромъ при нынѣшнемъ государѣ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и его им-

ператорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, гдѣ также находится и другая сестра моя, незамужняя, Юлія. Первоначально воспитывался я при родителяхъ, потомъ Лифляндской губерніи, въ г. Верро, въ пансіонѣ при тамошнемъ уѣздномъ училищѣ, наконецъ въ царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ состоялъ на казенномъ содержаніи, и по окончаніи наукъ выпущенъ въ 1817 году изъ онаго лицея съ чиномъ титулярнаго совѣтника; послѣ чего поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и во время служенія въ оной находился старшимъ учителемъ россійскаго и латинскаго языковъ въ пансіонѣ, учрежденномъ при педагогическомъ институтѣ. Въ 1820 году вышелъ въ отставку и, по разстроенному здоровью, ѣздилъ для поправленія онаго въ Марсель съ оберъ-камергеромъ двора его императорскаго величества Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ, при коемъ находился въ качествѣ секретаря, бывъ съ нимъ знакомъ напредъ сего по стариннымъ фамильнымъ связямъ и по рекомендаціи барона Дельвига, который долженъ былъ ѣхать съ г. Нарышкинымъ въ качествѣ секретаря; но отъ того отказался. На возвратномъ же изъ Марселя пути проѣзжалъ черезъ Варшаву.

Въ 1821 году, возвратясь въ С.-Петербургъ, вскорости послѣ того, когда возвратился туда же изъ Лайбаха генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ, я былъ рекомендованъ ему Александромъ Тургеневымъ и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельродомъ, и принятъ имъ на службу для особыхъ порученій въ Грузіи, съ чиномъ коллежскаго ассессора. Въ Грузіи находился я помай мѣсяцъ 1822 года, а въ сіе время, вышедши въ отставку, жилъ одинъ годъ въ деревнѣ сестры моей, статской совѣтницы Глинкиной; потомъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ занимался съ княземъ Владиміромъ Одоевскимъ изданіемъ журнала подъ заглавіемъ „Мнемозина", въ продолженіе одного года, а наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1825 года, возвратился въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ вступить опять въ службу, занять каѳедру россійской словесности, долженствующую быть учрежденною для гг. офицеровъ при черноморскомъ флотѣ, на каковой, въ концѣ сентября мѣсяца прошлаго года, пущены были въ ходъ къ вице-адмиралу Грейгу о прежней моей службѣ бумаги.

Къ сему на вопросъ добавляю, что, въ бытность мою въ Грузіи, былъ я знакомъ съ двумя братьями Вельяминовыми, изъ коихъ одинъ—начальникомъ штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, другой—дивизіоннымъ начальникомъ, также съ губернаторомъ Ховеномъ, съ тогдашнимъ полковникомъ (что нынѣ генералъ-маіоръ) Петромъ Ермоловымъ и многими другими.

На вопросъ: Былъ ли я знакомъ тамъ же съ Якубовичемъ, от-

вѣчаю, что познакомился я съ нимъ въ Георгіевскѣ, но знакомство наше было не короткое; наконецъ, видѣлся иногда съ нимъ въ С.-Петербургѣ у журналиста Булгарина, кажется, у Греча, навѣрно, однако, не знаю, и въ другихъ мѣстахъ, коихъ непомню; но также близкаго съ нимъ знакомства не сводилъ.

Въ бытность же мою въ С.-Петербургѣ, имѣлъ я знакомства и связи съ слѣдующими лицами: роднымъ братомъ моимъ, о коемъ уже сказано выше, журналистами Гречемъ и Булгаринымъ и былъ сотрудникомъ издаваемыхъ ими журналовъ; съ разными литераторами, какъ-то: Измайловымъ, Жуковскимъ, Карамзинымъ, Козловымъ, Рылѣевымъ, Сомовымъ и адъютантомъ герцога виртембергскаго Бестужевымъ; кромѣ того, почти со всѣми военными товарищами брата моего, гвардейскаго экипажа офицерами, хотя не весьма коротко, потому что, въ небытность мою въ Петербургѣ, старые офицеры перемѣнились, и я нашелъ всѣхъ новыхъ, съ коими не успѣлъ свесть тѣсныхъ связей; далѣе съ бывшими моими лицейскими товарищами: Михайлою Яковлевымъ и Стевеномъ, живущими теперь вмѣстѣ, барономъ Корфомъ, служащимъ при предсѣдателѣ государственнаго совѣта князѣ Лопухинѣ; съ домомъ полковника Ивана Львовича Альбрехта, за коимъ въ замужествѣ сводная сестра моей матери; съ домомъ князя Владиміра Ивановича Львова, съ домомъ г-жи Ярославовой, коей имени и отчества не упомню; съ купцами Кусовыми, княземъ Трубецкимъ, полковникомъ, съ которымъ былъ знакомъ въ С.-Петербургѣ и возобновилъ знакомство въ Парижѣ; съ княземъ Одоевскимъ, лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикомъ, съ коимъ жилъ на одной квартирѣ послѣдніе два мѣсяца, съ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ, коего зналъ я слегка и видѣлъ въ день возмущенія 14-го декабря, съ отставнымъ поручикомъ Каховскимъ, съ которымъ знакомство не было короткое.

На вопросъ о знакомствѣ съ бывшимъ вице-губернаторомъ Горскимъ, отвѣчаю: что, во время несчастнаго происшествія 14-го декабря, я видѣлъ въ толпѣ человѣка подъ пудрою, въ шляпѣ съ плюмажемъ, и кажется мнѣ, что это могъ быть онъ, Горскій, но навѣрное не утверждаю. Впрочемъ, я зналъ онаго, Горскаго, въ бытность мою въ Георгіевскѣ. Бестужевыхъ всѣхъ братьевъ знаю, а въ особенности имѣлъ я связи изъ нихъ съ Александромъ, издателемъ „Полярной звѣзды". Съ княземъ Оболенскимъ случалось мнѣ видѣться у издателя „Полярной звѣзды" Рылѣева. Пущина знаю я, какъ товарища по лицею; лейбъ-гвардіи финляндскаго полка Цѣбрикова, кажется, гдѣ-то видѣлъ. Гвардейскаго экипажа лейтенантовъ: Арбузова, Бодиско и Вишневскаго также знаю, изъ коихъ съ по-

слѣдними свидѣлся 14-го декабря, первый разъ по возвращеніи его съ вояжа: лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитана Пущина знаю, какъ брата вышеписаннаго. Отвѣтствуя на вопросы о знакомствахъ, нахожу нужнымъ присовокупить, что кромѣ вышепоименованныхъ, я еще имѣю многія, о коихъ не былъ спрашиванъ и которыя могъ бы назвать къ моей чести и моему оправданію.

Вопросъ: Извѣстно правительству, что вы принимали участіе въ происшествіи, случившемся въ С.-Петербургѣ 14-го декабря. Объясните подробно, какимъ образомъ въ оное вошли и какъ въономъ дѣйствовали?

Отвѣтъ: О восшествіи на престолъ его императорскаго величества Николая Павловича я узналъ не прежде, какъ 14-го декабря. Считавъ оное несогласнымъ съ волею его императорскаго высочества цесаревича, я рѣшился остаться вѣрнымъ прежней своей присягѣ.

Къ сему меня наиболѣе побуждалъ примѣръ многихъ моихъ друзей и знакомыхъ, равно, по принятіи той присяги, неимѣніе въ виду никакого манифеста объ отреченіи отъ престола, отъ лица его императорскаго высочества цесаревича.

Вслѣдствіе того, отправился я, во-первыхъ, въ гвардейскій экипажъ, услышавъ, что оный раздѣляетъ мое намѣреніе. Здѣсь узналъ я о возмущеніи лейбъ-гвардіи въ московскомъ полку, которое порицалось всѣми офицерами гвардейскаго экипажа, а именно моимъ братомъ. Сей, отведши меня въ сторону, мнѣ именно сказалъ: „представь, что они сдѣлали, ранили Шеншина; мы сдѣлаемъ иначе". Потомъ гг. офицеры гвардейскаго экипажа, не имѣя кого послать изъ своихъ, чтобъ навѣдаться о томъ, что происходитъ, поручили мнѣ, во-первыхъ, съѣздить въ казармы московскаго полка, а потомъ на Сенатскую площадь, куда (какъ они узнали) пошелъ баталіонъ онаго полка. Я поѣхалъ сперва на площадь, а потомъ въ казармы; по прибытіи куда нашелъ, что часть полка стоитъ подъ ружьемъ, и подошедъ къ одному незнакомому мнѣ офицеру, спросилъ его по-французски: „Que voulez vous que je dise à vos frères de l'équipage de la garde?"—Сей сначала не отвѣчалъ мнѣ; тогда я счелъ нужнымъ назвать себя по фамиліи, чтобы онъ не почелъ меня шпіономъ. Услышавъ мое имя, онъ пожалъ плечами и показалъ на солдатъ; но что это значило, я не знаю. Послѣ чего я уѣхалъ обратно въ гвардейскій экипажъ, но меня уже туда не впустили. За симъ отправился я снова на Сенатскую площадь, гдѣ нашелъ баталіонъ лейбъ-гвардіи московскаго полка подъ ружьемъ. Полчаса спустя, присоединилась къ оному рота лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а потомъ, сколько я могъ замѣтить, весь лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ, и

наконецъ гвардейскій экипажъ, къ которому послѣднему я присталъ. При семъ, кажется, говорено было, что ожидали туда же и конную артиллерію; но какую батарею—мнѣ неизвѣстно.

Братъ меня уговаривалъ удалиться слѣдующими словами: „сохрани, по крайней мѣрѣ, одного сына матери". Тоже самое сдѣлалъ Николай Александровичъ Бестужевъ, и тѣми же почти словами; но я остался. Былъ я свидѣтелемъ слѣдующихъ потомъ происшествій. Подошелъ къ гвардейскому экипажу преосвященный митрополитъ и сталъ офицеровъ и рядовыхъ онаго уговаривать. Ему отвѣчали, во-первыхъ крикомъ: „ура! Константинъ". Во-вторыхъ: „подайте намъ его на лицо, тогда повѣримъ". Къ этому послѣднему крику и я присталъ. Когда шумъ нѣсколько утихъ, вслѣдствіе увѣщанія офицеровъ и по собственному желанію солдатъ услышать, что говоритъ преосвященный, братъ мой, перекрестясь, подошелъ къ кресту, который держалъ митрополитъ, и, поцѣловавъ оный, сказалъ: „пришлите намъ Михаила Павловича". Вскорѣ потомъ, кажется, и подъѣхалъ его императорское высочество Михаилъ Павловичъ, а съ нимъ, если не ошибаюсь, генералъ-отъ-кавалеріи Воейковъ, но, находясь тогда на другомъ концѣ и не зная послѣдняго въ лицо, навѣрно того сказать не могу. При послѣдовавшихъ потомъ картечныхъ выстрѣлахъ противъ насъ, гвардейскій экипажъ обратился въ бѣгство и я былъ увлеченъ, противу воли моей, общимъ стремленіемъ.

Толпа солдатъ гвардейскаго экипажа бросилась на дворъ дома, пройдя конно-гвардейскій манежъ. Я хотѣлъ ихъ тутъ построить и повесть на штыки. Ихъ отвѣтъ былъ: „Вѣдь въ насъ жарятъ пушками". Братъ мой, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „уходи". Послѣднее, что я видѣлъ, было, какимъ образомъ офицеры гвардейскаго экипажа, подошедъ къ командиру лейбъ-гвардіи семеновскаго полка генералъ-маіору Шипову, кажется, ему сдавались. Я послѣ сего, ушедши къ себѣ на квартиру и переодѣвшись въ платье моего человѣка, то есть, въ шубу нагольную его и собственный мой тулупъ, вышелъ изъ С.-Петербурга въ 7-мъ часу вечера, не чрезъ въѣздъ, а между въѣздами нарвскимъ и московскимъ. Къ сему я имѣлъ намѣреніе употребить найденный при мнѣ билетъ, данный Духовщинскаго уѣзда изъ экономическаго скачковскаго волостнаго правленія, на имя крестьянина Ивана Алексѣева, каковой билетъ случайно достался мнѣ во время пребыванія у сестры въ 1823 году, въ которомъ онъ былъ данъ; но я изъ 3-хъ переправилъ 5-ть, на прошедшій 1825 годъ. Съ каковымъ билетомъ и прибылъ я въ Варшаву; впрочемъ, въ дорогѣ нигдѣ сего билета никто меня не спрашивалъ.

Отправившись изъ С.-Петербурга, я шелъ пѣшкомъ, а гдѣ могъ

дешево нанять лошадей, то нанималъ и ѣхалъ. Проходилъ черезъ Софію, Гатчино, Рожественъ, Лугу, Порховъ, Великія Луки, Усвятъ, Витебскъ, Оршу, Борисовъ, Минскъ, Слонимъ, Каменецъ-Литовскій, Высокое-Литовское, а между Дороговичинымъ и Граномъ перешелъ въ Царство Польское; потомъ слѣдовалъ чрезъ Соколовъ, Венгровъ, Ливо, Станиславово, Окуневъ и изъ онаго въ Варшаву. Въ городахъ ночлеговъ не имѣлъ нигдѣ, а ночевалъ по деревнямъ, которыхъ не-упомню; въ коихъ на вопросъ, имѣю ли я паспортъ? Я увѣрительно отвѣчалъ, что имѣю; послѣ чего предъявленія онаго отъ меня не домогались.

Вопросъ: Съ какимъ намѣреніемъ прибыли вы въ Варшаву? Гдѣ и кто васъ здѣсь остановилъ и задержалъ?

Отвѣтъ: Прибылъ я въ Варшаву, по собственному моему, безъ совѣтовъ и участія другихъ, предположенію: прибѣгнуть къ ходатайству и покровительству его императорскаго высочества цесаревича, менѣе для самого себя, какъ для моихъ друзей. Быть же представлену къ его императорскому высочеству я надѣялся или чрезъ барона Моренгейма, давнишняго пріятеля всего семейства нашего, или чрезъ генерала Александра Ивановича Альбрехта, моего двоюроднаго брата по матери. При входѣ въ Варшаву на Гроховскій въѣздъ, бывъ спрошенъ досмотрщикомъ, что за человѣкъ? назвался крѣпостнымъ барона Моренгейма (первое имя, какое мнѣ попалось на память), бывшимъ по надобности въ недальней за городомъ корчмѣ, а за тѣмъ и пропущенъ. На Прагѣ еще попался мнѣ на встрѣчу (какъ послѣ я узналъ) лейбъ-гвардіи Волынскаго полка унтеръ-офицеръ Григорьевъ, у котораго я спросилъ, гдѣ стоитъ конная артиллерія, полагая, что если она здѣсь, то отыщу моего лицейскаго товарища, офицера оной гвардіи Есакова, (не зная, впрочемъ, какого теперь онъ чина) и чрезъ него могу узнать о баронѣ Моренгеймѣ и о генералѣ Альбрехтѣ. Унтеръ-офицеръ Григорьевъ, послѣ распросовъ меня, взявъ изъ отвѣтовъ моихъ на меня подозрѣніе, отвелъ меня на гауптвахту.

Вопросъ: Участвуя въ происшествіи 14-го декабря, имѣли-ли вы какое при себѣ оружіе, съ какимъ намѣреніемъ? по собственному ли своему побужденію или по внушенію чьему-либо?

Отвѣтъ: Я имѣлъ пистолетъ съ однимъ зарядомъ, который былъ въ карманѣ въ шинели. Сей пистолетъ, когда я ѣхалъ, посланный гвардейскимъ экипажемъ въ первый разъ на Сенатскую площадь, не доѣзжая Синяго моста, когда по неосторожности извозщика опрокинулись сани и я выпалъ изъ оныхъ, то и пистолетъ упалъ въ снѣгъ и сдѣлался къ употребленію неспособнымъ, что многіе люди видѣли. Потомъ палашъ получилъ я, не знаю уже отъ кого,

на Сенатской площади, только кто-то изъ черни далъ мнѣ оный; а этотъ палашъ отнятъ былъ чернью у полицейскаго драгуна, коего мы спасли жизнь, ибо безъ насъ его бы чернь растерзала, но куда послѣ дѣвался оный палашъ, не помню. Вооружился я для того, что въ подобныхъ случаяхъ безъ оружія не бываютъ.

Вопросъ: Не принадлежали-ли вы къ тайнымъ обществамъ, и къ какимъ именно?

Отвѣтъ: Былъ я масономъ въ ложѣ Михаила, избраннаго Великой Астреи, до закрытія въ Россіи ложъ. Такъ какъ я при таковомъ закрытіи былъ въ отставкѣ, то подписки отъ меня не требовано и я оной не давалъ. По чести и совѣсти увѣряю, что, кромѣ масонства, ни къ какому тайному обществу болѣе не принадлежалъ. Впрочемъ, не знаю и утвердить не смѣю, чтобы изъ моихъ знакомыхъ кто не былъ въ тайномъ обществѣ.

Вопросъ. Не имѣете-ли вы чего еще показать?

Отвѣтъ: Въ дополненіе къ вышеписанному добавляю: 1) что 14-го декабря, по утру, я былъ позванъ черезъ человѣка къ Рылѣеву, по приходѣ къ коему нашелъ я тамъ Ивана Пущина, служившаго прежде въ конной артиллеріи, а теперь служащаго въ Москвѣ по гражданской части. Не помню, кто изъ нихъ, Рылѣевъ или Пущинъ, объявивъ до того неизвѣстное мнѣ восшествіе на престолъ его императорскаго величества Николая Павловича, спросилъ: что я намѣренъ сдѣлать? Мой отвѣтъ былъ: „остаться вѣрнымъ моей прежней присягѣ"; а потомъ произошло то, что объяснилъ уже я выше; 2) въ заключеніе всего объясняю, что относится до смерти графа Милорадовича, то я объ оной, до выхода изъ С.-Петербурга, не зналъ, а услышалъ уже въ дорогѣ отъ мужиковъ. Сначала не вѣрилъ и крайне тому удивлялся; и 3) возвращаясь, въ 1821 году, лѣтомъ изъ Марсели чрезъ Парижъ и Варшаву въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ служащимъ нынѣ при графѣ Воронцовѣ г. Туманскимъ, пробыли мы въ Варшавѣ три или четыре дня, но отнюдь не болѣе недѣли. Квартиру имѣли въ трактирѣ, кажется, Дрезденскомъ. Я ѣздилъ тогда въ гвардейскую конную артиллерію за 40 отсюда верстъ, для свиданія съ г. Есаковымъ, единственно потому, что онъ былъ моимъ по лицею товарищемъ. Въ Варшавѣ же былъ у генерала Есакова, дабы видѣться съ отцомъ его. Видѣлся также съ прежнею женою генерала Альбрехта и въ Лазенкахъ, въ театрѣ, съ генераломъ Рихтеромъ; а впрочемъ, ни съ кѣмъ здѣсь знакомъ не былъ. У барона Моренгейма хотя и былъ, но его тогда не засталъ и даже его не было въ городѣ, а куда-то выѣзжалъ. Болѣе сего ничего не знаю и показать не могу.

Сверхъ всего вышеписаннаго, на вопросъ: не знаю ли я о суще-

ствованіи тайнаго общества Благоденствія, или другихъ тому подобныхъ? Отвѣтствую: что объ обществѣ Благоденствія никогда не слыхалъ и объ ономъ ничего не знаю. Но случалось мнѣ слышать про общество Зеленой Лампы, существовавшее въ С.-Петербургѣ, и даже помнится, былъ приглашаемъ вступить въ оное; чего однако-жъ не захотѣлъ, по причинѣ господствовавшей будто бы тамъ неумѣренности въ употребленіи напитковъ. Общество сіе имѣло свое собраніе, какъ говорили мнѣ, въ домѣ Никиты Всеволодича Всеволодскаго. Слыхалъ я также мелькомъ, въ 1817 или 1818 году, не помню отъ кого, о существованіи какого-то тайнаго общества въ Москвѣ, котораго ни цѣли, ни членовъ не зналъ и не знаю.

Къ сему показанію собственноручно подписалъ: Коллежскій ассессоръ Вильгельмъ Карловъ, сынъ Кюхельбекеръ.

Допрашивалъ: главнаго штаба его императорскаго высочества цесаревича оберъ-аудиторъ 6-го класса Іовѣцъ. При отобраніи сего показанія присутствовали: дѣйствительный тайный совѣтникъ сенаторъ Новосильцовъ.

Дежурный генералъ главнаго штаба его императорскаго высочества цесаревича, генералъ-маіоръ Кривцовъ 1-й.

25-го января 1826 г., Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ! Какое получилъ я письмо отъ войсковаго атамана Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Иловайскаго 1-го, съ онаго препровождаю при семъ для любопытства вашего копію, которое можетъ служить въ коллекціи аттестатовъ мнѣ..... „Константинъ“.

23-го декабря 1825 г., Новочеркаскъ.

Ваше императорское высочество! Съ чувствами глубочайшей горести Донское войско внимало извѣстію о кончинѣ императора Александра Павловича, отца нашего. Покорствуя волѣ Всевышняго, вѣрноподданные монархамъ своимъ сыны Дона тогда же совершили присягу на подданство вашему императорскому высочеству. Провидѣніе измѣнило ходъ вещей: предопредѣленія его непостижимы. Судьбы Божіи произвели событіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра. Дивятся современники, изумятся потомки наши. Великость души вашего императорскаго высочества возсіяла въ полномъ блескѣ. Исчезнутъ вѣка, минутъ тысячалѣтія, не затмится слава величія вашего императорскаго высочества.

Въ сердечномъ умиленіи благоговѣя предъ Всевышнимъ Промысломъ, молитъ Донское воинство, да ниспошлетъ благословеніе свое Царь Царей и сохранитъ дни вашего императорскаго высочества.

Излiянiе искреннѣйшихъ чувствованiй сихъ, въ лицѣ моемъ приноситъ Донское войско, какъ знакъ всегдашней преданности вашему императорскому высочеству.

Войска донскаго войсковой атаманъ, генералъ-лейтенантъ Иловайской 1-й. Вѣрно: генералъ-маiоръ Кривцовъ 1-й.

26 января / 6 февраля 1826 г., Варшава.

Любезный Өедоръ Петровичъ! На три ваши письма, полученныя мною съ фельдъегеремъ Подгорнымъ, отвѣтствую вамъ такимъ же образомъ, какъ и вы ко мнѣ писали, по пунктамъ [1]).

1) Начинаю тѣмъ, что весьма благодарю васъ за все то, что вы пишете.

2) О всемилостивѣйшемъ пожалованiи начальника штаба литовскаго корпуса, генералъ-маiора Вельяминова орденомъ св. Анны 1-й степени, я получилъ извѣстiе, но по начальству не получилъ еще офицiальной о томъ бумаги.

3) О намѣренiи государя императора назначить изъ польскихъ войскъ генералъ-и флигель-адъютантовъ, я уже отвѣчалъ его императорскому величеству. Въ С.-Петербургѣ оные назначены въ награжденiе изъ числа тѣхъ войскъ, которые участвовали къ прекращенiю возмущенiя 14-го числа декабря, кромѣ тѣхъ, кои находились за городомъ и не были къ тому употреблены, и на которыхъ сiе не распространилось; слѣдовательно, и польскiя войска такимъ же образомъ не подходятъ къ оному случаю, хотя весьма лестна таковая монаршая къ онымъ милость.

4) О намѣренiи государя императора наградить нижнихъ чиновъ польскихъ войскъ егерскаго имени его императорскаго величества полка за похвальный ихъ поступокъ, по полученiи свѣдѣнiя о кончинѣ блаженной памяти государя императора, я полагаю, что имъ не слѣдуетъ никакого особеннаго награжденiя, во избѣжанiе могущихъ произойти отъ того различныхъ толковъ; а ежели угодно, то можно имъ пожаловать деньгами. Списокъ симъ нижнимъ чинамъ, во исполненiе высочайшей воли, у сего препровождаю.

5) На счетъ путешествiя его королевскаго высочества австрiйскаго эрцъ-герцога Фердинанда въ С.-Петербургъ, кругомъ, а не чрезъ Царство Польское, и о послѣдствiяхъ сего, я уже обо всемъ писалъ

---

[1]) Въ большей части послѣдующихъ писемъ великiй князь отвѣчаетъ также по пунктамъ. Каждое письмо начинается обыкновенно извѣстiемъ, отъ какихъ чиселъ и съ какимъ фельдъегеремъ получены письма. Этого рода извѣстiя мы опускаемъ. Нѣкоторыя письма Константина Павловича—Опочининъ, въ подлинникѣ, представлялъ императору Николаю и государь дѣлалъ на нихъ замѣтки. Ред.

къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде.

6) Весьма васъ благодарю за докладъ государю императору о моихъ путевыхъ за границею издержкахъ.

7) Я весьма радъ, что государь императоръ изволилъ одобрить распоряженіе мое о высылкѣ отсюда отставнаго изъ лейбъ-гвардіи уланскаго имени моего полка полковника князя Голицына.

8) Дабы, по теперешнимъ обстоятельствамъ, быть въ сношеніи между собою корпуснымъ командирамъ, государь императоръ изволилъ самъ ко мнѣ писать; но официальной о семъ бумаги я еще не получилъ.

9) На счетъ прихода дивизіоннаго генерала Станислава Потоцкаго благодарить, когда получено было, что государь императоръ изволилъ удостоить бывшій свой егерскій полкъ носить имя его императорскаго величества, я отвѣчалъ государю императору, что „я ручаюсь за польскихъ начальниковъ: они умѣютъ чувствовать милость государя; дай Богъ только, чтобы другіе умѣли это чувствовать, какъ они".

10) Списки о всѣхъ, открывшихся до сего, противу правительства преступникахъ, я уже получилъ, ожидая и далѣе получать свѣдѣнія, что будетъ открываться.

11) Что относится до подполковника лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка Лунина, о которомъ есть воля государя императора, чтобы его не арестовать, и который состоитъ подъ самобдительнѣйшимъ наблюденіемъ, то съ самаго того времени, какъ онъ здѣсь находится, на всѣ поступки его обращаемо было особенное вниманіе; при всемъ, однако, томъ, не открылось за нимъ не только того, чтобы онъ заводилъ что-либо вредное, но даже ни малѣйшаго подозрѣнія. Не для оправданія сего подполковника Лунина, но единственно потому, что его императорскому величеству благоугодно, чтобъ я говорилъ правду и открывался предъ его величествомъ со всѣмъ моимъ чистосердечіемъ, не могу я не обратить вниманія на положеніе онаго Лунина. Статься могло, что онъ, находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что-либо на счетъ онаго говорить, какъ случается сіе не съ однимъ имъ,—даже его императорское величество изволитъ припомнить, что мы сами иногда между собою, сгоряча не одумавшись, бывали, въ подобныхъ случаяхъ, не всегда въ рѣчахъ умѣренными; но это еще не означаетъ какого-либо вреднаго намѣренія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ тогда правительству, хотя можно, но надобно принять въ соображеніе и то, что въ оное, какъ теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и другихъ родствен-

никовъ его, а равно и то, былъ-ли бы онъ въ состоянiи, донести правительству, доказать? Онъ, Лунинъ, отставъ въ 1821 году отъ тайнаго общества и служа въ литовской уланской дивизiи, и наконецъ здѣсь, не имѣлъ уже съ вышеописанными своими братьями и родственниками никакихъ сношенiй по тайному обществу; но они, вѣроятно, оговариваютъ его изъ злости, для того, чтобы его запутать и очернить за то, что отсталъ. Еще повторяю, что я не имѣю намѣренiя оправдывать и щадить Лунина, но надобно имѣть и доказательства явныя, чтобы обвинить его; а особливо, принявъ въ соображенiе, что злоумышленники, какъ усматриваю я изъ доставляемыхъ мнѣ отъ г. военнаго министра свѣдѣнiй, оговариваютъ людей, не поясняя ни имени, ни званiй, ни жительствъ ихъ; слѣдственно, можно-ли имъ вѣрить? Въ заключенiе присовокупляю, что ежели послѣдуетъ высочайшая воля его императорскаго величества, то я вслѣдствiе оной тотчасъ прикажу подполковника Лунина арестовать и отправить въ С.-Петербургъ.

Помѣта рукою Николая Павловича: «Никакой нѣтъ надобности. Здѣсь онъ не принесетъ пользы, тамъ можетъ быть полезенъ».

12) Я весьма счастливъ, что государь императоръ изволитъ позволять мнѣ объяснять предъ собою правду, которая не иначе можетъ отъ меня проистекать, какъ отъ неограниченнаго моего усердiя и преданности. Я какъ вижу и какъ понимаю вещи, такъ со всею искренностiю и откровенностiю скажу; впрочемъ, я человѣкъ, и никакъ на себя не беру,—могу и ошибиться! что самое можетъ отнестись и на предыдущiй пунктъ.

13) Что касается до поступка государя императора съ морскимъ офицеромъ, то отдаю полное уваженiе и почтенiе мое кротости и великодушiю его императорскаго величества. На счетъ же подбрасываемыхъ не подписныхъ писемъ и записокъ,—ежели имъ вѣрить, выйдутъ большiя непрiятности и несправедливости, ибо самая ракалья можетъ порочить и сдѣлать вредъ невиннымъ и честнымъ людямъ.

14) О газетахъ и что на счетъ сего французскiй посолъ отвѣчалъ, также относительно впуска оныхъ въ Россiю, мое мнѣнiе есть совершенно соотвѣтственное съ его императорскимъ величествомъ.

15) О поступкѣ чиновника Царства Польскаго Грабовскаго, находящагося по порученiямъ правительства въ Вѣнѣ, относительно присяги,—сей чиновникъ есть статсъ-совѣтникъ [1]), служитъ по Министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенiя, и былъ взысканъ милостями покойнаго государя императора. Я не оправдываю его,

---

[1]) Radca Stanu.

онъ можетъ быть и худо въ семъ поступилъ, ибо судить объ ономъ не могу по описанію весьма вкратцѣ мнѣ сего случая, но только нужнымъ нахожу изъяснить, что присяга въ Царствѣ Польскомъ есть иная, нежели въ Россіи: здѣсь конституціонная. Хотя я не выхваляю сіе, но такъ была воля покойнаго государя императора. Что генералъ-адъютантъ Закревскій привелъ въ Финляндіи къ присягѣ по нашей обыкновенной формѣ,—но сего съ подданными Царства Польскаго нельзя сдѣлать: здѣсь весьма къ сему придерживаются и наблюдаютъ. Австрійцы же весьма боятся и, можно сказать, дрожатъ за Галицію, чтобы имъ оная при первомъ случаѣ изъ рукъ не вырвалась.

Помѣта Николая Павловича: «Какъ кончить — уже изволитъ увидать изъ ноты гр. Нессельроде.»

16) О случившихся шалостяхъ пажей я не получилъ еще по начальству донесенія. Касательно до духа въ пажескомъ корпусѣ, я ссылаюсь на мои предписанія покойному главному директору генералу Коновницыну, теперешнему генералъ-адъютанту Голенищеву-Кутузову и на словахъ, какъ имъ, такъ и директору корпуса генералъ-лейтенанту Гогелю 1-му, что я всегда имъ говорилъ.

Все, что государь императоръ изволитъ поручить на счетъ сего его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу, я съ благоговѣніемъ принимаю и напередъ благодарю за оное.

Помѣта Николая Павловича: «Показать его выс. Мих. Павл.»

17) Весьма благодарю васъ за извѣщеніе о вахтъ-парадахъ.

18) На счетъ присылки въ С.-Петербургъ польскаго генерала, отвѣтствую, что я всемѣрно воздерживался посылать отсюда кого-либо изъ русскихъ или польскихъ генераловъ и офицеровъ, дабы, увидѣвъ съ малиновымъ или желтымъ цвѣтомъ мундиры, не вышло такъ, какъ государь императоръ изволитъ знать, съ желтою шапкою, — и потому посылалъ отсюда или фельдъегерей, или казачьихъ офицеровъ, которыхъ мундиры не имѣютъ разницы отъ прочихъ, а оттого ихъ распознать не можно. Затѣмъ же, ежели сія осторожность не нужна уже будетъ, и государь императоръ изволитъ удостовѣриться, что никакихъ глупостей не можетъ уже выйдти, и когда ежели изволитъ приказать прислать польскаго генерала, то я перваго отправлю дивизіоннаго генерала Станислава Потоцкаго.

Помѣта императора Николая: «Просить—принять будетъ хорошо—повторить о ген.-адъют.»

19) Отъ всей души поздравляю васъ съ чиномъ и званіемъ. Вы теперь выходите генералъ-лейтенантъ или дивизіонный генералъ. Ежели явитесь когда сюда, то вамъ поручится зауряд дивизія. Боже васъ сохрани, ежели ваша команда будетъ не въ порядкѣ, готовьтесь къ сему и держите ухо востро.

Собственноручныя приписки цесаревича (буквально):

„20) Ce que vous me dite de la conduite du Comte Arakcheieff m'a vivement interessé et celle que Sa Majesté a daigné tenir envers lui est digne du monarque regnant sur 50,000,000 d'habitans. Toute foi je me permet d'observer que feu notre bienfaiteur le comptait pour le plus fidèle de ses sujets et des hommes qui lui etoit devoués et qui meritent sous ce rapport des menagemens tout particuliers.

„21) Quand au cordon de St. André pour notre vénérable et viel am Kourouta, tout en reconnaissant les bontés de l'Empereur, je croi devoir observer qu'il y a de ses anciens auprès de Sa Majesté et de moi qui s'en trouveroit peut être blessés et par conséquent, je croi le grand cordon de St. Wladimir 1 Classe, ayant déjà la 2, suffisant. Quand au tems de l'envoye je croi que le plus tot sera le mieu.

„22) Mettez moi aux pieds de l'Empereur, de Son angclique épouse et de tous ses enfans et dites leur, que le veteran Constantin leur est devoué de coeur, d'ame, de faculté, de Zele et de fidelité. Constantin.

„1) P.S. Все сіе письмо прошу государю показать.

„2) 3-го класса госпожѣ Опочининой, Даріи Михайловнѣ, прошу меня повергнуть къ ея стопамъ и объявить, что я себя и своихъ препоручаю ея святымъ молитвамъ.

„3) Дѣтямъ поклонъ.

„4) Жена и сынъ благодарятъ за вашу къ нимъ память и васъ въ своей просютъ принять увѣреніе.

„5) Не забывай и люби любящаго тебя по смерть. К."

Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ.

(Переводъ съ французскаго): 20) То, что вы мнѣ пишите про поведеніе графа Аракчеева, сильно меня интересуетъ, а равно и то, что государь поступилъ въ этомъ случаѣ достойно монарху, царствующему надъ 50,000,000 народонаселеніемъ. Не смотря на то, я позволю себѣ замѣтить, что покойный нашъ благодѣтель считалъ его однимъ изъ самыхъ вѣрноподданныхъ и преданныхъ ему людей, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи особыхъ снисхожденій.

21) Что касается Андреевской ленты нашему почтенному и старому другу Курутѣ, то я, хотя и вполнѣ сочувствую милостямъ государя, однако, не могу не замѣтить, что при немъ и при мнѣ находятся старшіе, которые могли бы считаться обиженными, а потому полагаю достаточнымъ дать ему Владиміра 1-й, имѣя уже Владиміра 2-й степени. Относительно же времени присылки его, то я думаю, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

22) Повергнете меня къ стопамъ императора, его ангельской супруги и всѣхъ его дѣтей, и скажите имъ, что ветеранъ Константинъ преданъ имъ сердцемъ, душею и помышленіемъ, со всею вѣрностію и усердіемъ. Константинъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

I.

Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву.

1794—1799.

Въ «Русской Старинѣ» (1870 г., т. I, изд. первое, стр. 499; второе, стр. 482) М. Н. Лонгиновымъ, со словъ одного близкаго къ покойному графу П. А. Клейнмихелю лица, сообщено весьма интересное указаніе—на существованіе одного, въ высшей степени рѣдкаго, изданія писемъ Александра I, напечатаннаго, по распоряженію графа Аракчеева, безъ цензуры. Отъ этого изданія уцѣлѣло всего 24 экземпляра, и они заложены графомъ въ колоннахъ собора въ его имѣніи, въ селѣ Грузинѣ.

Въ обширномъ собраніи матеріаловъ «Русской Старины», еще не напечатанныхъ, между прочимъ, есть значительная коллекція — до ста подлинныхъ писемъ графа Аракчеева къ его ближайшему сотруднику, по управленію военными поселеніями, Ивану Ѳомичу Самбурскому [1]): здѣсь, между прочимъ, находятся положительныя указанія самаго Аракчеева на то, что имъ изданы нѣкоторыя особенно важныя бумаги, письма и рескрипты къ нему императоровъ Павла и въ особенности Александра I, и что брошюры этого изданія заложены въ колоннахъ грузинскаго собора и въ его колокольнѣ. Такъ, напримѣръ, графъ Аракчеевъ часто пишетъ Самбурскому о напечатаніи этихъ бумагъ (въ типографіи при управленіи военныхъ поселеній) «осторожнымъ», т. е. секретнымъ образомъ; также о томъ, чтобъ «тщательно переплести книги въ футляры», «черновыя сжечь», (т. е. копіи бумагъ, съ которыхъ печаталось изданіе), и «строго наблюдать, чтобы ни одинъ экземпляръ никому не былъ отданъ».

«Благодарю васъ, любезный Иванъ Ѳомичъ», пишетъ, между прочимъ, Аракчеевъ Самбурскому, изъ округа короля пруского, 19-го сентября, «и прошу из-

---

[1]) Письма эти сообщены Бар. Бутлеромъ, которому и свидѣтельствуемъ нашу глубокую признательность. Ред.

виненія въ двухъ моихъ ошибкахъ, въ первой, что я забылъ сказать вамъ о числѣ колоннъ, а во второй, что, дѣйствительно, первыя книжки находятся у меня. Вы одобрили мою мысль, и даже ей пособили назначеніемъ года, а мнѣ сія мысль взошла нечаянно; кажется, сіе удивлять будетъ потомство... Осень была добрая, и строенія здѣсь идутъ исполинскими шагами».

«Грузино, 5-го іюля 1821 г. Милостивый государь, Иванъ Ѳомичъ! Благодарю васъ за исполненіе моихъ порученій; я рескрипты императора Павла получилъ, а прочія печатаемыя записки прошу оставить у себя до личнаго нашего свиданія; посылаю къ вамъ еще двѣ, въ переплетѣ, книги, съ коихъ прошу списать копіи, а также, по дружбѣ своей, заведеннымъ осторожнымъ порядкомъ напечатать, все въ одинъ форматъ, и все хранить у себя до личнаго свиданія... Вашъ покорный слуга г. Аракчеевъ».

«Грузино, 22-го апрѣля 1823 г. Милостивый государь, Иванъ Ѳомичъ! Вы сдѣлали мнѣ уже одолженіе, напечатали рескрипты государевы (Александра I), по 1822 годъ; то я опять прошу васъ, любезнаго друга, принять на себя трудъ и напечатать оные за 1822 годъ, которые и посылаю къ вамъ въ спискѣ сведенные».

Изъ дальнѣйшихъ распоряженій графа Аракчеева видно, что рескрипты и письма Александра I были напечатаны имъ въ двухъ книгахъ: въ одной—по 1822 годъ, и притомъ «по матеріямъ», а въ другой—послѣдующаго времени и въ порядкѣ хронологическомъ. Обѣ книжки были напечатаны одинаковымъ шрифтомъ, въ одномъ форматѣ, и лишь въ тридцати экземплярахъ. «О семъ препорученіи прошу сказать, продолжаетъ Аракчеевъ, и почтенному нашему Петру Андреевичу Клейнмихелю, и попросите его, дабы онъ отдалъ вамъ одинъ станокъ, а напечатать сіе можете, когда вамъ свободно будетъ, ибо спѣшить никакой нѣтъ надобности. Я увѣренъ, что никто ихъ читать не будетъ, въ чемъ надѣюсь на вашу дружбу».

Въ августѣ, 1823 г., все изданіе рескриптовъ было готово. 9-го іюля 1824 г., Аракчеевъ просилъ припечатать, въ томъ же количествѣ 30-ти экземпляровъ, государевы къ нему письма за 1823 годъ; «а послѣ прошу», пишетъ Аракчеевъ, «копіи ко мнѣ возвратить и строго посмотрѣть, дабы онѣ не попали ни къ кому въ руки».

«21-го сентября (1825 г.). Милостивый государь, Иванъ Ѳомичъ! Если возможно, то прошу распорядиться присылкою футляровъ и книжекъ, ибо работы на колокольнѣ за оными остановилися; чѣмъ обяжите пребывающаго вамъ покорнаго слугу. Г. Аракчеевъ».

Изъ собранія секретно напечатанныхъ и схороненныхъ графомъ Аракчеевымъ, въ стѣнахъ грузинскаго собора, историческихъ матеріаловъ мы имѣемъ первую брошюру этого изданія, именно: «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ Аракчееву». Брошюра эта, весьма обязательно сообщенная Б. М. Ѳедоровымъ, напечатана въ 8-ю д., на сѣроватой бумагѣ, въ 42 страницы, и заключаетъ въ себѣ 55 рескриптовъ, писемъ, записокъ и отрывочныхъ замѣтокъ великаго князя, а затѣмъ императора Павла Петровича, за время съ 1794 по 1799 годъ включительно. Документы эти—довольно важный историческій матеріалъ: имъ характеризуются занятія и вообще направленіе дѣятельности Павла, до восшествія его на престолъ, и ярко обрисовываются отношенія его къ Аракчееву. Незначительныя по объему, записочки и замѣтки Павла къ Аракчееву вводятъ насъ въ среду, мало извѣстной,

гатчинской жизни великаго князя, и вполнѣ даютъ понять, чего надо было ожидать отъ него съ того времени, когда верховная власть перейдетъ въ его руки.

Какъ издатель — Аракчеевъ является весьма добросовѣстнымъ и свѣдущимъ человѣкомъ: почти каждый документъ сопровождается самымъ точнымъ указаніемъ на время его полученія, и ни одно письмо, хотя бы и немилостивое, не опущено издателемъ. Достойно замѣчанія, что Аракчеевъ, постоянно называетъ Павла «его величество», даже и за время до восшествія его на престолъ; любопытно также, что ни въ одномъ изъ 55 документовъ не упомянуто объ Екатеринѣ; на отношенія къ старшему двору указываетъ на стр. 23, № 3: Зубовъ отдаетъ приказаніе великому князю. Изъ опалъ, постигшихъ замѣчательныхъ лицъ въ царствованіе Павла, въ настоящихъ документахъ упоминается о Суворовѣ и о Матвеѣ Ивановичѣ Платовѣ.

Перепечатываемъ брошюру вполнѣ. Цифры въ скобкахъ, какъ здѣсь, такъ и въ подлинникѣ, обозначаютъ страницы. Ред.

(1.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный.

Января 13-го дня 1794 г. С.-Петербургъ.

„Ваше учрежденіе хорошо, но прошу прислать другой списокъ офицерскихъ имянъ, какихъ они корпусовъ которой, ибо порядокъ вещей того требуетъ. Вашъ благосклонный Павелъ“.

Полученъ 13-го января 1794 г.

(2.)

Іюля 3-го дня 1794 г. Павловское.

Препоручая вамъ, г. подполковникъ Аракчеевъ, учредить въ Гатчинѣ, по примѣру прежнему, классъ для преподаванія военной науки, предоставляю вамъ избрать способнаго для сего офицера; что же касается до установленія оной, то о семъ спестись вамъ съ тамошнимъ комендантомъ, о чемъ и ему отъ меня, равномѣрно, предписано. Впрочемъ, съ благорасположеніемъ пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

На семъ рескриптѣ собственноручная его величества приписка:

„На домахъ, которые по угламъ улицъ, вмазать имяна улицъ на мѣдныхъ доскахъ“.

Полученъ 4-го іюля 1794 г., въ 9-ть часовъ вечера.

(3.)

Іюля 4-го дня 1794 г. Павловское.

По учрежденіи вами, г. подполковникъ Аракчеевъ, вслѣдствіи приказанія моего, для офицеровъ военнаго класса, предписываю вамъ

имѣть прилежное смотрѣніе, какъ за успѣхомъ ихъ въ ученіи, такъ и за поведеніемъ во время онаго; а притомъ наблюдать, чтобы они были всегда опрятно и, какъ должно, по формѣ одѣты, не дозволяя имъ ходить въ классы въ сертукахъ; если же кто противъ сего сдѣлается ослушнымъ, то дозволяю вамъ таковаго тотчасъ арестовать, давъ о томъ знать за извѣстіе камендакту, а меня тотчасъ рапортовать, такъ какъ и доносить мнѣ по часту обо всемъ ономъ. Для классовъ же избрать вамъ способное время, какъ, напримѣръ, послѣ обѣда, въ кое офицеры отъ должностей свободны бываютъ; сіе же относится для тѣхъ, кои въ Гатчинѣ, а не живущихъ въ Скворицахъ. Впрочемъ, пребываю съ благорасположеніемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Полученъ 4-го іюля 1794 г., въ 11-ть часовъ вечера.

(4.)

Іюля 6-го дня 1794 г. Павловское.

Распоряженіемъ вашимъ, г. подполковникъ Аракчеевъ, военнаго класса для офицеровъ, я доволенъ, и коменданту Штейнверу предписалъ, чтобы ежедневно одинъ изъ баталіонныхъ маіоровъ имѣлъ надъ онымъ смотрѣніе. Изъ присланнаго же вами, о офицерахъ ходящихъ въ классъ списка усмотрѣлъ я, что у маіора Герценберха въ ротѣ показанъ только Аристовъ 2-й, а какъ въ оной есть еще одинъ, то и ему ходить въ классъ прикажите. Корнетовъ Фроловскаго и Врангеля, такъ какъ въ Гатчинѣ не находящихся, и показывать нѣтъ нужды. Подпоручикъ же Кнабъ посылается къ вамъ симъ. Впрочемъ, съ моимъ благорасположеніемъ есмь вамъ благосклонный Павелъ.

Полученъ 6-го іюля 1794 г., въ 7-мъ часовъ вечера.

(5.)

Декабря 1-го дня 1794 г. С.-Петербургъ.

Въ сего дни полученной мною, объ отпускаемыхъ въ команды вещахъ, вѣдомости не показано будучи имянно въ какой баталіонъ или команду, и сколько куда отпущено, то, въ разсужденіи сего, и имѣете вы, г. подполковникъ Аракчеевъ, впередъ все сіе подробно назначать. Впрочемъ, съ благорасположеніемъ пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Полученъ 2-го декабря 1794 г.

(6.)

Декабря 7-го дня 1794 г. С.-Петербургъ.

Усмотря изъ приложеннаго, при донесеніи вашемъ, рапорта маіора Канабиха, о неоднократномъ худомъ поведеніи и намѣреніи поку-

ситься на его, команды его извощика Дениса Егорова, имѣете вы, г. подполковникъ Аракчеевъ, нарядить надъ нимъ на мѣстѣ слѣдствіе и, по заключеніи сентенціи, представить оную мнѣ на конфирмацію. А какъ въ Павловскѣ не довольно для составленія коммиссіи артиллерійскихъ офицеровъ, то и предписалъ я маіору Ертелю о прикомандированіи для сего изъ другихъ командъ. Впрочемъ, съ благорасположеніемъ пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

Полученъ 8-го декабря 1794 г., чрезъ курьера.

(7.)

Декабря 11-го дня 1794 г. С.-Петербургъ.

Присланное вами, г. подполковникъ Аракчеевъ, сегодня съ нарочнымъ дѣло, будучи текущее, а сверхъ сего, по существу своему, и никакого изслѣдованія не заслуживающее, то и удивляюсь я, почему вы отправили съ онымъ нарочнаго козака, а не дождались учрежденной въ Гатчинѣ почты, тѣмъ болѣе, что окромѣ артиллеріи ничто подъ командою вашею не состоитъ, и для того остерегаться вамъ и впередъ отъ подобныхъ сему дѣлъ. Усмотря же изъ возвращаемаго при семъ произведеннаго надъ фурлейтомъ Егоровымъ слѣдствія несоблюденія формы, ибо вамъ должно извѣстно быть, что у насъ названіе секундъ- и примiеръ-маіоровъ не существуетъ, то и не могу, чтобъ не дать вамъ знать о моемъ по сему удивленіи, рекомендуя вамъ стараться о избѣжаніи и впредь таковыхъ новостей. Впрочемъ, есмь вамъ благосклоннымъ Павелъ.

Полученъ 11-го декабря 1794 г.

(8.)

Декабря 22-го дня 1794 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, г. подполковникъ Аракчеевъ, я получилъ, и, увольняя васъ, по прошенію вашему, до 15-го будущаго марта въ домъ вашъ, пребываю съ благорасположеніемъ, всегда вамъ благосклоннымъ, Павелъ.

Полученъ 22-го декабря 1794 г., въ 5-ть часовъ вечера.

(9.)

Марта 17-го дня 1795 г. С.-Петербургъ.

По рапорту вашему, г. подполковникъ Аракчеевъ, дозволяю вамъ отправить поручика Грина на Сестрорѣцкіе заводы, для отвозу туда ружей и прочаго. Музыкантовъ же Софійскаго полка, желающихъ опредѣлиться въ артиллерійскую команду, имѣете вы принять обыкновеннымъ порядкомъ. Павелъ.

Полученъ 17-го марта 1795 г.

(10.)

Іюня 16-го дня 1795 г. Павловское.

По просьбѣ вашей, г. подполковникъ Аракчеевъ, увольняю васъ на четыре дни въ С.-Петербургъ. Впрочемъ, съ благорасположеніемъ пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

Полученъ 16-го іюля 1795 г., въ 10-мъ часу вечера.

(11.)

Іюля 28-го дня 1795 г. Павловское.

О слѣдованіи конной артиллеріи, послѣ перваго числа наступающаго августа мѣсяца, въ Гатчину для артиллерійской практики, отдамъ сего дни при паролѣ приказаніе; а о желавшемъ Бѣлозерскаго полку рядовомъ служить во вѣренной вамъ части, имѣете вы, г. подполковникъ Аракчеевъ, куда слѣдуетъ представить. Павелъ.

Полученъ 28-го іюля 1795 г.

(12.)

Августа 2-го дня 1795 г. Павловское.

Такъ какъ о всѣхъ, до порядка и устройства касающихся, дѣлахъ долженъ я рапортованъ быть чрезъ губернатора, то и слѣдовало бы вамъ о случившемся убитіи квартермистра Тетерина рапортовать губернатора, которой бы о семъ мнѣ и донесъ, и для того рекомендую о поступаніи по сему впредь. Павелъ.

Г. подполковнику Аракчееву.

Полученъ 2-го августа 1795 г.

(13.)

Августа 4-го дня 1795 г. Павловское

Давъ подполковнику Боратинскому дозволеніе отбыть въ городъ, когда нужды его того потребуютъ, не извѣстенъ я былъ, что, во время происшедшаго смертоубійства, находился онъ въ С.-Петербургѣ, и для того, оговаривая симъ полученный вами, по сему случаю, мой ордеръ, нахожу, что порядокъ соблюденъ былъ. Павелъ.

Г. подполковнику Аракчееву.

Полученъ 4-го августа 1795 г.

(14.)

Декабря 12-го дня 1795 г. С.-Петербургъ.

По рапорту вашему имѣете вы, г. подполковникъ Аракчеевъ, отпустить подпоручика Иванова на три дни въ городѣ, но неизвѣстно въ какой; а какъ въ рапортѣ вашемъ не прописано въ которой

городъ, то увѣдомить меня о семъ. Желающаго же служить во ввѣренной вамъ части, здѣшнихъ гарнизонныхъ баталіоновъ рядоваго Устинина, имѣете вы принять и опредѣлить. Павелъ.

Полученъ 12-го декабря 1795 г., пополудни въ 12-мъ часу.

(15.)

Января 2-го дня 1796 г. С.-Петербургъ.

Инспекціи вашей, г. подполковникъ Аракчеевъ, штабсъ-капитанъ Кутлубицкій явился ко мнѣ изъ отпуску на срокъ, но я, сверхъ того, дозволилъ ему пробыть здѣсь три дни, слѣдовательно и не считать его въ просрочкѣ. Павелъ.

Полученъ 2-го января 1796 г., пополудни, въ 8-мъ часу.

(16.)

Пункты, собственною его императорскаго величества рукою писанные и подписанные:

„1-ое. Аресту не подверженъ.

2-ое. Не теряетъ иначе, какъ по суду, чины или дворянство.

3-ое. При смерти возвращается назадъ. Павелъ".

Пункты сіи конфирмованы при учрежденія ордена на шпагѣ еще въ Гатчинѣ, до восшествія государя на престолъ, въ 1795 году.

(17.)

Высочайшій рескриптъ.

Января 9-го дня 1796 г. С.-Петербургъ.

На рапортъ вашъ, г. подполковникъ Аракчеевъ, даю вамъ симъ знать, что разводъ вашъ можетъ быть на томъ же мѣстѣ, гдѣ и всѣ прочіе караулы оный дѣлаютъ, избравъ на то одну сторону, о чемъ я и подполковнику Боратинскому уже предписалъ. Адъютанта же Апрѣлева имѣете вы отпустить, на 28 дней, въ городъ Тихвину. Павелъ.

Полученъ 9-го января 1796 г., пополудни въ 8-мъ часу.

(18.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный.

„Возвращаю къ вамъ Грузинова рапортъ[1]). Прошу узнать, что слышно о сихъ движеніяхъ войскъ, даже что и врутъ, а при томъ, гдѣ и какъ долго стоять будутъ? П."

Полученъ 23-го января 1796 г.

---

[1]) Это одинъ изъ двухъ братьевъ Грузиновыхъ, трагическая судьба которыхъ разсказана въ этой книгѣ «Русской Старины». См. ниже. Ред.

(19.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

„Здѣсь пріобщаю обратно письмо Грузинова. Я весьма доволенъ точностію и расторопностію его и его донесеніями. Пошлите сію записку къ нему въ оригиналѣ, чтобъ онъ ее прочелъ и видѣлъ мое удовольствіе. П.“

Полученъ 30-го января 1796 г.

(20.)

Февраля 13-го дня 1796 г. С.-Петербургъ.

Возвращая вамъ при семъ два орла съ сюпервестовъ, имѣете вы, въ срединѣ оныхъ, велѣть написать гербы, а положить ихъ на голубое сукно такое, какое на чепракахъ у жандармовъ; обложить же ихъ бѣлою нитяною тесьмою по краямъ въ два ряда, а офицерамъ, серебрянымъ голуномъ въ два же ряда, и какъ скоро изготовятся, то прислать мнѣ по одному на опробацію. Павелъ.

Полученъ 13-го февраля 1796 г.

(21.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

„Весьма доволенъ и благодаренъ, по письму вашему, Алексей Андреевичъ, что и можете, если хотите, при паролѣ отъ меня отдать; о гренадерѣ же напишите мнѣ объ имяни его. Желаю вамъ хорошихъ праздниковъ. П.“

Полученъ 16-го апрѣля 1796 г.

(22.)

Апрѣля 16-го дня 1796 г С.-Петербургъ.

Если возвращаемое при семъ къ вамъ, г. подполковникъ Аракчеевъ, отъ жандармовъ поручика Цорна прошеніе безъ вѣдома вашего послано, то имѣете вы отдать при паролѣ, что я лѣнивыхъ, ради ихъ лѣности, отъ службы не увольняю; ему же, Цорну, служить за корнета до выслуги; а сверхъ сего, за сей поступокъ, арестовать на недѣлю. Павелъ.

На семъ рескриптѣ собственноручная его величества приписка:

„Найдите сообщниковъ, арестуйте ихъ, а его заставьте служить за рядоваго нѣсколько денъ, да за юнкера нѣсколько, а потомъ кор-

нетомъ до выслуги. Уймите ихъ и скажите жандармамъ при паролѣ, что я ихъ раскасую, если не уймутся".

Полученъ 16-го апрѣля 1796 г.

(23.)

Собственноручныя его императорскаго величества записки:

1-я.

„Я къ вамъ посылаю свой баталіонъ, котораго и, по сегодняшнему его пріему, считаю не за благо здѣсь держать. Извольте его тамъ приказать учить, не взирая на каникулы. Духъ дуренъ и ничто не беретъ".

Получена 8-го іюня 1796 г.

2-я.

„Какъ баталіоны маіоровъ Недоброва и Өедорова зачинаютъ примѣтнымъ образомъ опускаться и становятся похожи на образъ, какъ было при инспекторѣ Боратинскомъ, то и совѣтую пріѣхать сюда на нѣкоторое время вывесть сей духъ".

Получена въ Гатчинѣ изъ Павловска 28-го іюня 1796 г., въ вечеру.

3-я.

„Зуб: мнѣ велѣлъ сказать, что ты именно у меня остаешься и о семъ именно приказано, куда слѣдуетъ. Вотъ и объясненіе всего".

Получена въ Павловскѣ 29-го іюня 1797 (1796?) г., въ 12-мъ часу дня, изъ Царскаго Села.

(24.)

Высочайшій рескриптъ, собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

„12-ть человѣкъ отослать къ Синявину. На ихъ мѣста помѣстить изъ сверхъ комплектныхъ. 74 Шацу сдать, отъѣзжающему къ вамъ, капитану Гессѣ, за отсутствіемъ Тарасова. Екзекуціи быть завтре. Если покажется много 12 разъ, то остановите на стольки, чтобъ смерть не приключилось, а если выдержитъ, то всѣ 12 разъ. Павелъ".

Полученъ 2-го іюля 1796 г.

(25.)

Собственноручная его императорскаго величества записка:

„У насъ также удалились, и мои партіи, ходившія до 60 верстъ, ничего уже не нашли по самую Черную рѣчку. Я былъ по Ижерѣ самъ, то и тамъ ничего нѣтъ".

Получена 29-го іюля 1796 г.

(26—27.)

Высочайшій рескриптъ.

Августа 1-го дня 1796 г. Павловское.

На полученныя мною отъ военнаго департамента вѣдомости, слѣдующія здѣсь приказанія имѣете вы, г. полковникъ, кому слѣдуетъ, для исполненія объявить: 1) Чтобъ со всѣхъ, кои департаменту должны, не упустительно стараться собирать долги. 2) По показаніи остающейся въ наличіи суммы, показывать въ особой рубрикѣ всѣ тѣ вещи, кои слѣдуетъ по сроку построить. 3) Такъ какъ сермяжнаго сукна 800 аршинъ, а оное нынѣ не употребляется, то продать оное. 4) Тесьму, употребляемую въ вашемъ баталіонѣ, и называть просто такого-то баталіона, а не чушечною и проч. 5) Наличные кушаки жандармскіе голубые и чепраки отдать по полкамъ въ ихъ экономію. 6) Имѣющіеся 4 золотые аксельбанта прислать въ баталіонъ великаго князя Александра Павловича. 7) Умершаго же штабъ-лекаря, коллежскаго ассессора Семенова малолѣтняго сына имѣете опредѣлить кадетомъ въ экстерны по сиротскому дому, который туда и отправленъ будетъ. 8) Находящіеся въ наличіи 5 музыкантскихъ алыхъ мундировъ, или употребить на иное что нужное, или и продать. Павелъ.

(28—29.)

Собственноручныя его императорскаго величества записки:

1-я.

„Теперь узналъ о печальномъ извѣстіи, полученномъ вами. Зная мое расположеніе къ себѣ, не можете сумнѣватся объ участіи моемъ, тѣмъ болѣе, что я его зналъ и былъ человѣкъ стараго шлагу. Боже, утѣши васъ".

Получена въ день извѣстія о кончинѣ моего родителя, въ августѣ 1796 года.

2-я.

„Быть сюда 6-го числа, то есть въ четвергъ, баталіону маіора Малютина, въ 9 часовъ утра, и такъ выступить ему въ 2 часа".

Получена 4-го августа 1796 г.

3-я.

„Вмѣсто баталіона маіора Малютина, прислать мой, если такъ, какъ вы пишете; караулы убавить у васъ, выѣзды лишніе заперши; шапки тотчасъ употребить на оба баталіона".

Получена 5-го августа 1796 г.

4-я.

„Отправляю къ вамъ мать и маленькаго Семенова для помѣщенія его въ кадеты. Постарайтесь, чтобъ о нашемъ заведеніи хорошее имя шло“.

Получена 5-го августа 1796 г.

5-я.

„Будь ты у меня съ операціонными планами завтре, въ 7-мь часовъ поутру“.

Получена 14-го марта, въ вечеру въ Петербургѣ, 1797 г.

(30.)

Высочайшіе рескрипты.

Апрѣля 26-го дня 1797 г. Москва.

Господинъ генералъ-маіоръ баронъ Аракчеевъ! отправляетесь вы, во время отсутствія генералъ-фельдмаршала князя Репнина, для учиненія инспекторскаго смотру надъ полками инфантерей литовской дивизіи. Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

(31.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

Мая 24-го дня 1797 г. Волмарь.

„Каковъ получилъ мемморіалъ, Алексей Андреевичъ, отъ Меера, таковъ къ вамъ въ оригиналѣ посылаю, съ тѣмъ, чтобъ вы о достовѣрности его извѣстій узнали. Богъ съ вами. Прощайте. П.“

Полученъ 27-го мая 1797 г., въ Вильнѣ.

(32.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

Іюня 20-го 1797 г. Павловскъ.

„Ваше письмо, отъ 5-го, я получилъ. Приказать собрать къ себѣ Меера и тому подобныхъ, ибо они вѣтренностію насъ компрометируютъ. Двухъ офицеровъ егерскихъ, по представленію княжому, я велѣлъ судить. Вашъ баталіонъ пришелъ. Прекрасенъ и усерденъ. Весьма былъ оной огорченъ, услыша, что мой не таковъ, какъ оной. Пора бы вамъ къ намъ. Вашъ вѣрной Павелъ“.

На семъ рескриптѣ приписка его величества: «Чирковъ за затеи выбылъ изъ службы».

Полученъ 27-го іюня 1797 г., на дорогѣ между Гродною и Олитой, пополудни въ шестомъ часу.

(33.)

Собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

Іюня 26-го дня 1797 г. Павловское.

„Весьма бы не излишно бы было, Алексей Андреевичь, пріѣхать вамъ сюда, не видя для вашего тамъ пребыванія, необходимости, которая можетъ быть въ васъ здѣсь настоитъ, то и есмь вашъ обыкновенный Павелъ“.

Полученъ въ Ковнѣ, 3-го іюля 1797 г., въ 6 часовъ пополуночи.

(34.)

Собственноручная его императорскаго величества записка:

„Генералъ-маіоръ Платовъ привезенъ къ суду, а между тѣмъ, имѣть вамъ его за карауломъ по способности“.

Получена августа 15-го дня 1797 г.

(35.)

Высочайшій рескриптъ, собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

„Доходитъ до меня, что нѣкоторые офицеры Преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что я, гвардіи не взлюбя, хочу корпусъ иностранной для своей безопасности заводить и послалъ за французскимъ принцовымъ корпусомъ; почему и поручаю вамъ, Алексей Андреевичь, узнать о семъ и о нихъ, хотя и отъ нихъ самихъ. О семъ немедленно донести, какъ и о причинахъ сего разглашенія. П.“

Полученъ 1797 г., въ сентябрѣ, изъ Гатчины.

(36.)

Собственноручная его императорскаго величества записка:

„Я къ вамъ писалъ, какъ о вещи, мнѣ уже извѣстной, то должно вамъ сихъ двухъ спросить, призвавъ къ себѣ“.

Получена 1797 г., въ сентябрѣ, изъ Гатчины.

(37.)

Высочайшій рескриптъ, собственноручно его императорскимъ величествомъ писанный и подписанный:

„Свѣдалъ я, что офицеры ваши[1]) разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно имъ угождали; то и

---

[1]) То есть, Преображенскаго полка. Ред.

изволъте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить, отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною. Павелъ".

Полученъ 1797 г., въ сентябрѣ, изъ Гатчины.

(38 — 40.)

Собственноручныя его императорскаго величества записки:

1-я.

„Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я, что вы, видно, не прочли моей руки. Я писалъ прислать полковника Ланскова, гренадерскаго баталіона, а отнюдь не о баталіонѣ, ибо его и поставить негдѣ. Оной же баталіонъ къ вамъ возвращаю".

Получена 1797 г., въ сентябрѣ, изъ Гатчины.

2-я.

„Алексей Андреевичъ, прикажи завтра, поутру, артиллерію зачать перевозить послѣ развода".

12-го апрѣля 1799 г., въ С.-Петербургѣ.

3-я.

„Оставьте отправленіе артиллеріи, какъ было прежде приказано, то есть, послѣ обѣда, въ четыре часа".

12-го апрѣля 1799 г., въ С.-Петербургѣ.

4-я.

„О вашемъ рапортѣ мы трактуемъ у князя. А вы поставьте пикетъ пѣшій изъ 30-ти человѣкъ, при двухъ офицерахъ, у воротъ".

5-я.

„Кто старѣе: Давыдовъ или Канабихъ?"

6-я.

„Имя Канабиха и Давыдова?"

7-я.

„Богъ даровалъ сына Николая".

8-я.

„О караулахъ въ мое отсутствіе".

9-я.

„Гренадерскаго баталіона полковнику Ланскому быть сюда".

10-я.

„О де-Воланте и о прочихъ инженерныхъ чинахъ".

11-я.

„Его высочеству наслѣднику предсѣдательствовать военнымъ департаментомъ. Сіе дѣлается за труды его въ благодарность. А генералу Ламбу быть вице-президентомъ военной коллегіи".

12-я.

„О отставкѣ Суворова по отзыву, что теперь войны нѣтъ".

(41.)

Высочайшіе рескрипты:

Сентября 15-го дня 1798 г. Гатчино.

Господинъ генералъ-лейтенантъ баронъ Аракчеевъ! Съ полученія сего, имѣете вы отправиться въ Брестъ-Литовскъ къ соединенному тамъ корпусу, подъ командою генерала отъ инфантеріи Розенберга, и произвести надъ онымъ, на проходѣ, инспекторской смотръ, для донесенія мнѣ, равномѣрно и обо всемъ, до корпуса сего касающемся. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

(42.)

Мая 18-го дня 1799 г. Павловскъ.

Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ. По благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени нашей любезнѣйшей невѣстки, великія княгини Елисаветы Алексѣевны, рожденіемъ намъ, сего мая въ 18-й день, внуки, нареченныя Маріею, сообщая вамъ сіе пріятное для насъ приключеніе, ясно ознаменяющее благодать Всевышняго къ намъ и дому нашему, повелѣваемъ: возвѣстить оное всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, въ командѣ вашей состоящимъ. Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Сообщ. В. М. Ѳедоровъ.

II.

Указы, распоряженія и резолюціи императора Павла.

1796—1801.

Въ русской исторической литературѣ царствованіе императора Павла Петровича совершенно еще не разслѣдовано; даже подлинныхъ матеріаловъ, къ этой эпохѣ, обнародовано, сравнительно съ царствованіями Екатерины II и Александра I, весьма не много. На страницахъ «Русской Старины» помѣщено, впрочемъ, нѣсколько довольно важныхъ матеріаловъ для будущей исторіи императора Павла, таковы: письма Павла къ М. И. Голенищеву-Кутузову (т. I, изд. перв. 251; изд. второе 484); приказы первыхъ дней царствованія (т. I, изд. перв. 31; изд. второе 417); пребываніе Павла въ Козмодемьянскѣ (т. I, изд. перв. 322; изд. второе 419); разсказы о временахъ Павла (т. II, 294; т. III, 686, 785, 789; т. IV, 300, 414; т. VI, 87—97); его указы и распоряженія 1796—1800 гг., (т. II, 515; т. III, 83, 531, 628); объ исключеніи Павломъ графа Аракчеева изъ службы въ 1799 г. (т. III, 241—242); повелѣнія Павла с.-петербургскимъ губернаторамъ 1797—1799 гг. (т. V, 236—256).

Нынѣ представляемыя распоряженія и резолюціи императора Павла состоялись по судебнымъ дѣламъ; тутъ же, между прочимъ, указы сената извлечены изъ дѣлъ прежнихъ судебныхъ и иныхъ учрежденій Петербургской губерніи; нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія, распоряженія вошли въ полное собраніе законовъ, прочія, какъ состоявшіяся по частнымъ случаямъ, не были напечатаны.

1796 г.

1.

12-го ноября. Именной указъ, данный ген.-прокур. Самойлову: „Сдѣланное запрещеніе генералъ-поручику князю Сергѣю Трубецкому въѣзжать въ наши столицы всемилостивѣйше разрѣшаемъ“.

2.

12-го ноября. Именной указъ, данный дѣйст. тайн. совѣт. Петру Завадовскому: „О пожалованіи бригадиру графу Алексѣю Бобринскому, возведенному въ это достоинство съ потомствомъ 12-го же ноября, имѣній въ Тульской и Московской губерніяхъ и дома на Мойкѣ лежащаго, именуемаго Штегельманскимъ“.

3.

18-го ноября. Именной указъ, объявленный сенату Самойловымъ: „О пожалованіи с.-петербургскаго городскаго головы, именитаго гражданина Николая Рѣзваго въ надворные совѣтники“.

4.

20-го ноября. На докладѣ сената, по производившемуся въ с.-петербургскомъ совѣстномъ судѣ дѣлу дочерей умершаго дѣйст. стат. совѣт. Еропкина, дѣвицъ Софіи и Прасковьи Еропкиныхъ съ ротмистршею Талызиною о деньгахъ 12,000 руб., взятыхъ, по показанію Еропкиныхъ, братомъ Талызиной, умершимъ генералъ-маіоромъ и гвардіи маіоромъ Ѳедоромъ Олсуфьевымъ, высочайше написана слѣдующая резолюція: „Я утверждаю, яко свидѣтель, по знакомству моему съ покойнымъ генералъ-маіоромъ Олсуфьевымъ, точность его воли; но, не хотя безпокоить наслѣдницу, тринадцать лѣтъ уже наслѣдствомъ его пользующуюся, вступаю на ея мѣсто, въ удовольствіи дѣвицъ Еропкиныхъ, 12-ю тысячами рублями, которые я даю имъ отъ себя, и сіе долженствуютъ онѣ считать не единственною отъ меня милостію, но удовлетвореніемъ ихъ иска“ [1]).

5.

22-го ноября. Именной указъ Самойлову: „Генералъ-маіору Амосову, которому воспрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы, всемилостивѣйше оный разрѣшаемъ“ [2]).

6.

23-го ноября. Именной указъ Самойлову: „Коллежскаго совѣтника Петра Сушкова, который, по дѣлу о подложномъ займѣ изъ банка княземъ Шаховскимъ денегъ въ 1785 г., исключенъ изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять и не выбирать, запретя въѣзжать въ столицы,— всемилостивѣйше прощаемъ“.

7.

27-го ноября. На докладѣ сената, о растраченныхъ по конторѣ банка барона Сутерланда казенныхъ деньгахъ, послѣдовала слѣдующая резолюція:

„По разсмотрѣніи сего доклада повелѣваемъ: 1) статскаго совѣтника Василія Хлѣбникова впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять; а о скорѣйшемъ взысканіи съ него въ казну 25 тысячъ рублей принять дѣятельнѣйшія мѣры; 2) съ иностранца Диго взыскать только въ одинъ разъ издержанныя имъ, на свои надобности, деньги; 3) с.-петербургскаго гостя, Александра Раля, мы не на-

---

[1]) Этимъ распоряженіемъ Павла I вполнѣ подтверждается справедливость разсказа П. Ѳ. Карабанова о томъ же случаѣ. См. «Русскую Старину» 1872 г., т. VI, стр. 88, разсказъ № 148. Л.

[2]) Амосовъ осужденъ, въ 1781 г., за растрату денегъ изъ артиллерійской конторы и за принятіе подарковъ отъ фабриканта Грунта.

ходимъ ни въ чемъ къ сему дѣлу причастнымъ; 4) купца Ямеса и прочихъ, бывшихъ конторщиковъ барона Сутерланда, въ томъ числѣ и сына его, яко не участвовавшихъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ, оставить отъ всякаго взысканія свободными".

Предписавъ о взысканіи денегъ съ Хлѣбникова и Диго. сенатъ далъ знать, что на послѣднемъ считается казеннаго долга—201,884 р. 55 коп.

8.

3-го декабря. Именной указъ Самойлову, о томъ, чтобы не взыскивать съ камергера графа Ворселя пошлинной недоимки по продажѣ имѣнія его графу Потоцкому и о предоставленіи Ворселю права сдѣлки безъ внесенія пошлинъ, при возвращеніи въ прежнее владѣніе его тѣмъ имѣніемъ.

9.

19-го ноября и 3-го декабря. Именной указъ сенату: „О пожалованіи полковнику Ѳедору фонъ-Шацу 500 душъ мужскаго пола крестьянъ, съ землею и угодьями изъ приписныхъ къ ораніенбаумскому дворцу имѣній.

10.

4-го и 12-го декабря. Именной указъ сенату: „О пожалованіи гардеробмейстеру Ивану Кутайсову 1,500 душъ мужскаго пола крестьянъ, съ землею и угодьями, въ Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, и въ С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда.

11.

4-го и 12-го декабря. Именной указъ сенату [1]): „О пожалованіи статскому совѣтнику барону Николаи 1,500 душъ мужскаго пола крестьянъ, съ землею и угодьями, въ Нарвскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи [2]).

12.

13-го декабря. Сенату: „По разсмотрѣніи нами, поднесеннаго отъ сената, доклада о смертоубійцѣ Урковѣ и копіи съ доклада о губернскомъ секретарѣ Степанѣ Андреевѣ, который обвиненъ былъ въ участіи убійства поповича Ракитина, жившаго въ С.-Петербургѣ, въ домѣ его, Андреева, находившимися въ услуженіи его людьми Леонтіемъ Аверьяновымъ и Козьмою Поляковымъ, видимъ мы собственное его, Суркова, признаніе, что убійство поповича Ракитина сдѣлано съ согласія его, Суркова, адьютантомъ Лубянов-

[1]) Въ февралѣ мѣсяцѣ 1797 г. пожалованное этимъ указомъ имѣніе замѣнено другимъ.

[2]) См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. III, 628.

скимъ, который уже умеръ, а означенные Аверьяновъ и Поляковъ, также секретарь Андреевъ, совсѣмъ тому убійству причастны не были, и что по поводу обвиненія ихъ онъ, Сурковъ, воспользовался полученіемъ изъ имѣнія Андреева, поклепнаго иска,—и для того повелѣваемъ: помянутыхъ людей, Аверьянова и Полякова, и секретаря Андреева съ каторжной работы, въ которую они отосланы, освободить, возвратя ему, Андрееву, прежніе чины и снабдивъ на отбытіе оттуда надобнымъ числомъ денегъ. Означенныхъ же людей, учинивъ свободными, предоставить имъ на волю избрать родъ жизни, какой приличнымъ они найдутъ".

Андреевъ, въ 1788 году, сосланъ былъ на нерчинскіе заводы, а Аверьяновъ и Поляковъ—въ Кронштадтъ.

13.

17-го декабря. Именной указъ, данный генералъ-прокурору князю Куракину: „Находившейся, при любезнѣйшей родительницѣ нашей, блаженной памяти государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Марьѣ Перекусихиной, въ разсужденіи долговременной и усердной ея службы, всемилостивѣйше пожаловали, въ вѣчное и потомственное владѣніе, домъ, поступившій въ казну, послѣ бывшаго придворнаго банкира барона Сутерланда за долги его, состоящій на берегу рѣки Невы, съ принадлежащимъ къ нему мѣстомъ и строеніемъ[1]); да Рязанской губерніи, въ Скопинскомъ уѣздѣ, казенную землю, называемую степь Чернавскую, въ коей и съ отрѣзанною отъ села Чернавы землею, состоитъ 4,517 десятинъ и 2005 саженъ. О чемъ, куда слѣдуетъ, къ исполненію предложите".

Сенатомъ дано объ этомъ знать с.-петербургскому и рязанскому губернскимъ правленіямъ и государственному казначею Васильеву.

14.

19-го декабря. Именной указъ сенату: „Взысканіе съ курскаго именитаго гражданина Ивана Голикова недоимки 83,797 руб., по бывшему его съ товарищами содержанію питейныхъ сборовъ въ Иркутской губерніи, положенное сенатомъ въ 1792 г., четырнадцать лѣтъ спустя, по прошествіи того откупа, который они кончили согласно съ контрактомъ, съ ними заключеннымъ, какъ въ разсужденіи сего обстоятельства, такъ болѣе въ уваженіе извѣстныхъ сенату полезныхъ успѣховъ, каковые проистекаютъ отъ заведенной, собственнымъ

---

[1]) Этотъ домъ, на дворцовой набережной, нынѣ принадлежитъ, по наслѣдству, Екатеринѣ Дмитріевнѣ Всеволожской, рожд. княжнѣ Волконской. Л.

иждивеніемъ помянутаго именитаго гражданина Голикова, сѣверо-восточной-американской компаніи, наипаче же и сроднаго намъ милосердія, прощаемъ, повелѣвая вышесказанной недоимки не взыскивать и имѣніе его, Голикова, и товарищей его изъ-подъ секвестра освободить“.

15.

29-го декабря. Именной указъ, объявленный сенату княземъ Куракинымъ: „За приведеніе въ несостояніе сестрорѣцкихъ оружейныхъ заводовъ, оказавшихся таковыми, по случаю не отдѣлки лейбъ-гвардіи на преображенскій полкъ ружей, а потомъ конной-гвардіи разныхъ вещей, взыскать съ генералъ-фельдцейхмейстера князя Зубова такую сумму, какая артиллерійскою канцеляріею исчислена и сенату представлена будетъ“.

По рапорту артиллеріи генерала Мелисино потребовано отъ Зубова 50 тысячъ рублей.

16.

6-го и 30-го декабря. Именной указъ сенату: „О пожалованіи подполковнику Ивану Смирнову 200 душъ мужскаго пола, съ землею и угодьями, въ Лужскомъ уѣздѣ“.

1797 г.

1.

4-го и 30-го декабря 1796 и 7-го января 1797 года. Именные указы сенату: „О пожалованіи бригадиршѣ Аннѣ Буткевичевой 300 душъ мужскаго пола крестьянъ въ Лужскомъ уѣздѣ, съ землею и угодьями“.

2.

17-го декабря 1796 и 1-го января 1797 г. Именные указы сенату: „О пожалованіи подполковнику Петру Малютину 1,000 душъ мужскаго пола въ Рожественскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи“.

3.

17-го декабря 1796 г. и 2-го января 1797 г. Именные указы сенату: „О пожалованіи коллежскому совѣтнику и лейбъ-хирургу Ивану Блоку 600 душъ мужскаго пола, съ землею и угодьями, въ Ямбургскомъ уѣздѣ.

4.

5-го декабря 1796 г. и 7-го января 1797 г. Именные указы сенату: „О пожалованіи тайному совѣтнику Валуеву 1,000 душъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ и Сѣвскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи.

5.

4-го января. Именной указъ сенату: „О пожалованіи камерфрау Доротеѣ Греве къ принадлежащей къ мызѣ Наровской, Нарвскаго уѣзда, рыбныхъ ловель на рѣкѣ Наровѣ и по морю".

6.

4-го декабря 1796 г. и 9-го января 1797 г. Именные указы сенату: „О пожалованіи генералъ-адъютанту, генералъ-маіору Ростопчину — 2,000 душъ изъ дворцовыхъ имѣній С.-Петербургской и Воронежской губерній".

7.

5-го января. Именной указъ, объявленный сенату Куракинымъ: „Василья Бороздина, лишеннаго, въ 1763 году, артиллеріи капитанскаго чина и оставленнаго въ штыкъ-юнкерскомъ, всемилостивѣйше пожаловавъ арміи въ подполковники, повелѣваемъ немедленно освободить изъ деревень отца его, откуда выѣзжать ему было запрещено".

8.

О пожалованіи крестьянъ, съ землею и угодьями [1]), коллежскому совѣтнику и лейбъ-хирургу Фрейгангу — 400 душъ въ Орловской, Владимірской и С.-Петербургской губерніяхъ; статскому совѣтнику Роткирху—1,000 душъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ; инспекторшамъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ: Рошток, въ награду ея усердной службы — 208 душъ; Дешанъ — 200 душъ, въ награду ея усердной службы; Зильберейзенъ младшей—202 души и Зильберейзенъ старшей—203, всѣмъ въ Рожественскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи; придворному аптекарю Ганнеману—160 душъ въ Шлиссельбургскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ; титулярному совѣтнику Ильмеру—100 душъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ; флигель-адъютанту полковнику Нелидову—1,000 душъ въ Курской и С.-Петербургской губерніяхъ; надворному совѣтнику Матюшкину — 100 душъ въ Лужскомъ уѣздѣ; генералъ-маіоршѣ Монахтиной — 441 души въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ; вдовѣ Бастидонской—200 душъ въ Лужскомъ уѣздѣ; колежскому совѣтнику Алединскому — 100 душъ въ Гдовскомъ уѣздѣ; камеръ-фрейлинѣ Протасовой — 1,000 душъ въ Воронежской и С.-Петербургской губерніяхъ.

---

[1]) Имянные указы сенату: 24 декабря 1796 года и 16 января 1797 года, 5 декабря 1796 г. и 10 января 1797 г., 16 января, 16 января, 16 января, 16 января, 21 декабря и 16 января, 21 декабря и 16 января, 5 декабря и 16 января, 16 и 25 января, 28 января, 21 и 29 января, 24 и 30 января, 18 и 30 января. 1797 г.

9.

26-го января. Именной указъ, данный сенату[1]): „Находящіеся въ печатныхъ 1762 года указныхъ книгахъ, по порядку номераціи, листы, въ форматѣ четверки, съ третьяго на десять по двадцать первый, и въ форматѣ осьмушки съ седьмаго надесять по тридесятый, повелѣваемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы оныя книги не находились, означенные листы, изъ нихъ выдравъ, доставить безъ промедленія къ нашему гененералъ-прокурору, о чемъ имѣетъ сенатъ учинить свое распоряженіе, и куда слѣдуетъ предписать о точномъ и самопоспѣшнѣйшемъ исполненіи сей нашей воли".

Примѣчаніе. Съ полною увѣренностію можно сказать, что, послѣ такого указа, ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ не найдется ни одного полнаго экземпляра; но у нѣкоторыхъ, конечно, весьма немногихъ, частныхъ лицъ, вѣроятно, сохранились. Такимъ образомъ, въ нашемъ собственномъ книгохранилищѣ находится рѣдкій экземпляръ этихъ указовъ безъ вырѣзки: это длинный манифестъ Екатерины II о «винахъ» императора Петра III. Въ послѣдніе годы манифестъ былъ перепечатанъ въ историческомъ сборникѣ: «XVIII вѣкъ».
Ред.

10.

3-го февраля. Именной указъ генералъ-фельдцейхместеру князю Зубову: „Князь Платонъ Александровичъ. По прошенію вашему, увольняя васъ на два года въ чужіе краи для поправленія здоровья, позволяю заѣхать и въ лежащія на пути литовскія деревни ваши".

11.

4-го февраля. Указъ синода, послѣдовавшій по жалобѣ дворянской дочери Надежды Борисовой, о насильной выдачѣ ея теткою, Торопецкою помѣщицею, Креницыною въ замужество за шестидесятилѣтняго двороваго человѣка Креницыной — Никифора Захарьева.

Резолюція. „Бракъ ея, Борисовой, съ онымъ, нынѣ уже, какъ по дѣлу значитъ, Торопецкимъ купцомъ, Захарьевымъ утвердить, объявя ей, Борисовой, чтобы она явилась въ Торопецкое духовное правленіе, отъ котораго и поручить ее оному мужу, Захарьеву".

12.

11-го февраля. Указъ синода, послѣдовавшій по именному указу 18-го января 1797 г., на имя новгородскаго и с.-петербургскаго митрополита Гавріила даннаго: „О бытіи въ Москвѣ, на время пребыванія ихъ величествъ для коронаціи, святѣйшему синоду, въ коемъ присутствовать членамъ: митрополиту Гавріилу, митро-

---

[1]) См. І-е П. с. З. № 17,159.

политу Платону; архіепископамъ: казанскому Амвросію и тверскому Иринею; духовнику государя, благовѣщенскому протоіерею Исидору и гвардіи преображенскаго собора протоіерю Лукіану; а въ С.-Петербургѣ, на сіе время, быть синодальной конторѣ, въ коей присутствовать синода членамъ: архіепископу псковскому Иннокентію и новоспасскому архимандриту Анастасію".

13.

11-го февраля. Именной указъ сенату: „О присоединеніи къ пожалованному генералъ-маіоршѣ Манахтиной имѣнію—228 десятинъ пашенной и сѣнокосной земли и другой, близъ деревни Дранишниковой, отданной изъ платежа 95 рублей въ годъ, которыя, по миновaніи срока найма, изъ оброчныхъ исключить".

14.

13-го февраля. Именной указъ сенату: „О пожалованіи статскому совѣтнику барону Николаи — 1,500 душъ мужскаго пола крестьянъ съ землею, угодьями и мельницею, въ Моршанскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, взамѣнъ того имѣнія, которое назначено было, по указамъ отъ 4-го и 12-го декабря 1796 года".

15.

9-го января и 17-го февраля. Именные указы сенату: „О пожалованіи полковницѣ Адели Бороздиной — 500 душъ въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, и въ Рожественскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи".

16.

3-го февраля. Именной указъ сенату: „Снисходя на прошеніе нашего генерала отъ кавалеріи Дерфельдена и уважая усердную его намъ службу, всемилостивѣйше повелѣваемъ: воспитаннику его, псковскаго драгунскаго полка капитану Михаилу Дерфельду, принять названіе Дерфельдена съ гербомъ ея, и означенному генералу распорядить недвижимое свое благопріобрѣтенное имѣніе въ пользу сего воспитанника, на основаніи законовъ и права, благородному дворянству пожалованнаго".

17.

21-го февраля. Именной указъ Куракину: „О сложеніи съ пожалованныхъ оберъ-церемоніймейстеру Валуеву имѣній недоимки 5,195 рублей.

18.

19-го февраля. Именной указъ сенату: „Статскій совѣтникъ и здѣшней губерніи предсѣдатель палаты суда и расправы Мартьяновъ, за непорядочное поведеніе, отставляется отъ службы".

19.

„О пожалованіи надворному совѣтнику Ефремову—200 душъ въ Рожественскомъ уѣздѣ и барону Боде—тоже 200 душъ въ Нарвскомъ уѣздѣ“.

(Именные указы сенату, отъ 1-го января и 26-го февраля, и отъ 26-го февраля и 1-го марта 1797 г.).

20.

Докладъ сената по дѣлу секретаря конторы херсонскаго порта Петра Васильянова, обвинявшагося въ оскорбленіи величества и присужденнаго къ лишенію чиновъ и дворянства.

Сенатъ, однако, приговорилъ Васильянова къ наказанію кнутомъ, заклепанію въ кандалы и къ ссылкѣ вѣчно на нерчинскіе заводы. На докладѣ семъ написано: „Быть по сему“, 6-го марта. Рѣшеніе основано на резолюціи Павла I по дѣлу Рожнова (см. ниже № 24).

21.

„О пожалованіи надворному совѣтнику Конради—200 душъ въ Лужскомъ уѣздѣ, и вдовѣ коллежскаго ассесора Бекманъ—100 душъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ.

(Именные указы сенату, отъ 24-го фераля и 6-го марта и 28-го февраля и 6-го марта 1797 г.).

22.

8-го марта. Именной указъ, объявленный Куракинымъ: „О сложеніи съ крестьянъ Красносельской волости казенной недоимки“, въ количествѣ болѣе 7,000 рублей, и объ обращеніи оной ко взысканію на земскаго исправника и виновниковъ въ таковомъ запущеніи недоимки, „коихъ должность обязывала по службѣ пещись о взысканіи оной въ свое время“.

23.

Изъ указовъ сената, отъ 16-го и 24-го марта 1797 г. видно, что I-й департаментъ онаго и коллегія иностранныхъ дѣлъ, по случаю коронаціи, прибыли въ Москву и тамъ начали свои дѣйствія.

24.

Сего 1797 года января 2-го, правительствующій сенатъ подносилъ его императорскому величеству докладъ объ отставномъ прапорщикѣ Рожновѣ, который; за произношеніе дерзскихъ и къ разврату клонящихся словъ, о святыхъ иконахъ и владѣтельныхъ государяхъ, по закону заслужилъ смертную казнь; но какъ оной, по указу 1754 года,

чинить не велѣно, то и подлежитъ къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжкую работу. Поелику же состоялъ онъ въ оберъ-офицерскомъ чинѣ, а въ жалованной, 1785 года, дворянству грамотѣ сказано: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“, то слѣдовало, лиша его чина и соединеннаго съ нимъ дворянскаго достоинства, заклепать въ кандалы и послать въ тяжкую работу.

По докладу сему состоялся, того же января, 3-го числа, собственноручный его императорскаго величества указъ, коимъ высочайше повелѣно: „какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается; по сему и впредь поступать“.

Въ послѣдствіе сего сенатъ, разсматривая разныя дѣла о преступникахъ, какъ-то: о подпоручикѣ Федосѣевѣ, приличившемся въ возмущеніи крестьянъ, о секретарѣ Васильяновѣ—въ оскорбленіи величества, о подпоручикѣ Перскомъ, учинившемъ смертное убійство, и о прапорщицѣ Трубниковой, участвовавшей въ таковомъ же злодѣяніи, мужемъ ея учиненнымъ, подносилъ его императорскому величеству докладъ, основывая мнѣніе свое на вышеизображенномъ указѣ, чтобъ преступниковъ, дѣяніями своими достоинство дворянское разрушившихъ, по снятіи онаго, какъ уже привиллегія до нихъ не касается, наказать кнутомъ и сослать въ работу.

На этихъ докладахъ собственною его императорскаго величества рукою написано: „Быть по сему“.

25.

7-го апрѣля. Именной указъ сенату: „Для ежегодныхъ нашихъ въ Москвѣ пребываній повелѣваемъ отдѣлать Кремлевскій нашъ дворецъ, нашему гофмейстеру князю Гагарину и дѣйствительному статскому совѣтнику Рыкову, а для переѣздовъ учредить лошадей по станціямъ съ таковымъ распоряженіемъ, чтобы оное не могло быть поселянамъ отяготительно; число же оныхъ не болѣе 100 лошадей на каждой станціи быть долженствуетъ“.

26.

5-го апрѣля. Именной указъ сенату (день коронованія): „О пожалованіи дѣйствительному статскому совѣтнику Алопеусу 600 душъ съ землею и угодьями въ С.-Петербургской губерніи, въ Бѣлоостровской вотчинѣ“.

27.

5-го апрѣля. Именной указъ сенату: „О пожалованіи дѣйствительному статскому совѣтнику Кроку—600 душъ въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ“.

28.

5-го апрѣля. Именной указъ сенату: „О пожалованіи дѣйствительному тайному совѣтнику и вице-канцлеру князю Куракину, въ бывшемъ Нарвскомъ уѣздѣ, Итовской и Орельской мызъ, съ 1,437 душами и съ принадлежащими къ мызамъ землями и угодьями".

29.

5-го апрѣля и 2-го мая. Именные указы сенату: „О пожалованіи статскому совѣтнику и коммерцъ-коллегіи вице-президенту Долинскому 265 душъ изъ Осинорощинской и Бѣлоостровской вотчинъ, С.-Петербургской губерніи".

30.

16-го апрѣля и 26-го іюня. Именные указы сенату: „О пожалованіи артиллерійскаго баталіона капитану Апрѣлеву 150 душъ, съ землею и угодьями, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ".

31.

5-го іюня. Указъ синода: „Святѣйшій синодъ, по исполненіи высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, по прибытіи своемъ въ С.-Петербургъ, открылъ, 1-го іюня, первое присутствіе".

32.

6-го іюня. Именной указъ сенату: „О пожалованіи статскому совѣтнику Роткирху мельницы въ Ямбургскомъ уѣздѣ".

33.

13-го іюня. Именной указъ сенату: „Всемилостивѣйше прощая подпоручика Тимана, въ 1785 году сосланнаго въ Сибирь, повелѣваемъ: возвратить его оттолѣ, предоставляя свободу жить, гдѣ пожелаетъ".

Примѣчаніе. Тиманъ и жена его судились въ причиненіи бобыльской дочери, дѣвкѣ Марьѣ Вихко, насилія битіемъ плетью и забраніемъ разнаго платья и вещей. Ред.

34.

20-го сентября. Именной указъ сенату: „Даровавъ, указомъ нашимъ отъ 13-го іюня, прощеніе и свободу жить, гдѣ пожелаетъ, подпоручику Тиману, находившемуся на поселеніи въ Сибири, всемилостивѣйше разспространяемъ оное и на жену его".

35.

4-го іюня. Именной указъ сенату: „О пожалованіи полковнику Герарду—250 душъ въ Ямбургскомъ и Ораніенбаумскомъ уѣздахъ".

36.

Сенатъ слушалъ дѣло объ отставномъ подпоручикѣ Абдуллѣ-Менанѣ-Ассадулинѣ, обвинявшемся въ подкупѣ.

При слѣдствіи Ассадулинъ показалъ, что ему 20 лѣтъ, закона магометанскаго, породы татарской; отецъ его мещерякскаго не регулярнаго войска былъ старшина, а нынѣ отъ арміи капитанъ Калли-Мулла Ассадулинъ, Уфимскаго округа, въ деревни Сапаровой; а онъ, Менанъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи семеновскомъ полку съ 1794 года; въ 1796 году, января 1-го, изъ капраловъ выпущенъ подпоручикомъ, и съ того времени имѣлъ хожденіе во 2-й сената департаментъ за собственнымъ отца его апиеляціоннымъ дѣломъ о спорной землѣ съ башкирцами, по которому познакомился съ сенатскими приказными служителями. Изъ нихъ канцеляристъ Павелъ Ефимовъ хаживалъ къ нему для свиданія и бывалъ отъ него угощаемъ чаемъ и прочимъ, а иногда, по просьбамъ его, Ефимова, давалъ онъ ему копѣекъ по 20 или 50 на извощика; больше онъ того никогда ничего не давалъ и ни къ чему его не склонялъ; но безъ всякой просьбы тотъ, Ефимовъ, въ небытность его, Менана, въ квартирѣ, оставилъ ему выписку съ заготовленнаго опредѣленія, изъ коей видѣлъ онъ, Ассадулинъ, рѣшеніе сената въ пользу его, а послѣ того сказывалъ Ефимовъ, что оное перемѣнено и совѣтовалъ просить генералъ-прокурора, предъ которымъ онъ, Ассадулинъ, все то открылъ и ту самую копію представилъ.

Надворный судъ приговорилъ Ассадулина, за обольщеніе Ефимова, къ лишенію чиновъ, изверженію изъ числа честныхъ людей и къ ссылкѣ на поселеніе, а палата суда и расправы полагала: „лишить его чиновъ и дворянскаго достоинства и выслать на жительство къ отцу, съ тѣмъ, дабы впредь его, Ассадулина, въ столичные города не впущать".

Въ сенатѣ состоялось слѣдующее опредѣленіе: „какъ уже бывшій сенатскій канцеляристъ Ефимовъ, по произведенному въ палатѣ суда и расправы слѣдствію, чистосердечно признался, что онъ, сверхъ даваемыхъ ему подпоручикомъ Ассадулинымъ на наемъ извощиковъ денегъ, получилъ отъ него за означенную, съ сенатской резолюціи, копію 5 руб., за что, по опредѣленію сената, лишенъ канцелярскаго званія и записанъ въ солдаты; слѣдовательно, подпоручикъ Ассадулинъ, въ лиходательствѣ Ефимову тѣхъ 5 руб. запирается несправедливо, и за непризнательность свою достоинъ вящшаго, нежели палата положила, сужденія,—но какъ онъ происходитъ изъ татаръ и потому, можетъ быть, не столь свѣдущъ о строгости законовъ, на та-

ковые случаи изданныхъ; при томъ-же, и сіе злоупотребленіе открылось чрезъ него самаго, то сенатъ полагаетъ: „въ сходственность генеральнаго регламента 50 главы, повелѣвающей по прочемъ штрафовать виновныхъ по силѣ прегрѣшенія, лишить его чиновъ и обязать его подпискою, чтобы впредь, на подобныя тому дѣянія, поступать не дерзалъ".

37.

Правительствующій сенатъ слушалъ доношеніе Академіи Наукъ, коимъ прописывая, что состоявшимся, въ 1783 г. февраля 23, именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно: „изъ всѣхъ казенныхъ и вольныхъ типографій всякой въ печать издаваемой книги по одному экземпляру доставлять въ библіотеку Императорской с.-петербургской Академіи Наукъ", по которому и отъ правительствующаго сената тогда же, кому слѣдовало, предписаніе сдѣлано. Но, по сравненіи книжныхъ росписей россійскихъ книгопродавцевъ съ.катологами книгъ, въ библіотекѣ Академіи Наукъ находящихся, усмотрѣно много такихъ книгъ, коихъ въ оной библіотекѣ нѣтъ; почему Академія Наукъ проситъ, всѣмъ губерніямъ, въ коихъ книжныя типографіи находятся, возобновить свое предписаніе о точнѣйшемъ и непремѣнномъ исполненіи помянутаго именнаго высочайшаго указа. Предписано 12-го августа 1797 г.

38.

5-го октября. Именной указъ, объявленъ сенату кн. Куракинымъ: „Объ изъявленіи высочайшаго соизволенія на желаніе отставнаго подпоручика Герарда отъѣхать въ Берлинъ, на его родину".

39.

Именной указъ, отъ 26 февраля и 26 октября 1797 г. сенату: „О пожалованіи фрейлинѣ Шкуриной 200 душъ въ Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, и въ С.-Петербургской губерніи, Шлиссельбургскаго уѣзда".

40.

2-го ноября. Именной указъ сенату: „Ротмистра Яцына, включившаго, въ жалобѣ своей на 2-й сената департаментъ, многія укоризненныя, дерзкія и обидныя выраженія къ присутствію сената, повелѣваемъ: за таковой поступокъ предать суду".

Въ жалобѣ своей государю на сенатъ, Яцынъ употребилъ слѣдующія выраженія: „2-й сената департаментъ, вмѣсто соблюденія законовъ, явно нарушилъ ихъ; вмѣсто сохраненія благосостоянія вѣрноподаннаго весьма его утѣсняетъ, и сіе сдѣлано надъ отцемъ моимъ, который, безъ доказательствъ, безъ законовъ и противъ здраваго раз-

судка, а по однимъ гадательнымъ причинамъ, осуждается. Правительство, не только отступя отъ законовъ, но и отъ натуральнаго смысла, судило отца моего въ чужомъ преступленіи. Рѣшеніе сенатъ учинилъ, удалясь отъ истины и законовъ; представленный Извѣковымъ (маіоръ, противникъ отца Яцына) счетъ, сенатъ утверждаетъ по гадательнымъ только причинамъ, никакого вѣроятія не заслуживающимъ. Сенатъ доказательствъ не уважилъ, отринулъ и далъ полную вѣру бездоказательному, Извѣкова, показанію".

Предписано отослать Яцына къ суду въ надлежащее присутственное мѣсто, ноября 9-го 1797 г.

41.

12-го февраля 1798 г. Именной указъ сенату: „Разсмотрѣвъ докладъ сената, поднесенный намъ объ отставномъ ротмистрѣ Яцынѣ, сужденномъ въ дерзкихъ на сенатъ выраженіяхъ, и, принявъ въ уваженіе его молодость и побудительныя къ тому причины, повелѣваемъ, „вмѣсто всѣхъ, опредѣленныхъ ему судебными мѣстами и самимъ сенатомъ, наказаній, сослать только для усмиренія въ Тобольскъ".

Давая о семъ знать, сенатъ, 19-го марта 1798 г., опредѣлилъ: „коль скоро Яцынъ получитъ отъ болѣзни свободу, тотчасъ отправить его въ Тобольскъ".

42.

2-го ноября 1797 г. Именной указъ сенату: „О пожалованіи: 1) находившемуся лейбъ-гвардіи въ преображенскомъ полку подпоручику Розерману—100 душъ мужскаго пола, съ землею и угодьями, въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ; 2) кавалергардскаго корпуса поручику Букину—102 души въ Софійскомъ уѣздѣ".

43.

13-го ноября. Именной указъ, объявленъ кн. Куракинымъ: „Его императорское величество, по прошенію пастора Сигидуса, отъѣхать ему въ Швецію для совершенія супружества, срокомъ на 6 недѣль, высочайше соизволилъ".

44.

16-го апрѣля и 2-го декабря. Именной указъ сенату: „О пожалованіи: 1) полковнику лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Ротгофу — 200 душъ, съ землею и угодьями, въ Лужскомъ уѣздѣ, и 2) поручику коннаго полка Дершау — 100 душъ въ Порѣчскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи".

45.

22-го декабря. Указъ сената: „Такъ какъ изъ представленной генералъ-прокурору, князю Куракину, отъ коммиссіи для составленія законовъ россійской имперіи, вѣдомости, усматривается, что нѣкоторые господа депутаты, находившіеся въ этой коммиссіи, померли, о другихъ показано, либо лишены достоинства депутатскаго, либо разбойниками ограблены или въ случившіеся пожары все ихъ имущество сгорѣло, а данные имъ депутатскіе золотые знаки послѣ ихъ не отобраны и не взысканы, а потому и въ коммиссію не доставлены,— вслѣдствіе сего сенатъ, согласно предложенію генералъ-прокурора, предписалъ о взысканіи или знаковъ, или денегъ".

46.

Г. генералъ-адъютантъ и кавалеръ Ростопчинъ объявилъ высочайшую волю его императорскаго величества, что государь императоръ указать соизволилъ: „императорскаго шляхетскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса, кадета Воейкова, если онъ въ наукахъ отличился, произвести провинціальнымъ секретаремъ къ статкимъ дѣламъ; если же учился на равнѣ съ другими — регистраторомъ".

Изъ представленія корпуснаго начальства оказалось, что, какъ Воейковъ обучался съ прочими на равнѣ, то корпусъ аттестуетъ въ регистраторы.

Причисленъ къ герольдіи съ чиномъ коллежскаго регистратора.

1798 г.

1.

25-го января. Князь Куракинъ усмотрѣлъ изъ дошедшихъ къ нему дѣлъ, что курьеры, отправляемые по службѣ, платятъ въ Курляндской и Литовской губерніяхъ прогоны серебряною монетою, отчего происходитъ въ деньгахъ, противъ надлежащаго числа, передача, на которую, для безостановочнаго продолженія пути, принужденными бываютъ они заимствовать отъ разныхъ людей; почему, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ казнѣ, предложилъ сенату сдѣлать предписаніе, дабы въ оныхъ и другихъ губерніяхъ, въ платежъ прогоновъ, деньги требованы были ходячими деньгами, каковыя курьерамъ обыкновенно отпускаются.

2.

28-го января. Именной указъ, объявленный княземъ Куракинымъ. Его императорское величество высочайше указать соизволилъ: по вступившему отъ синода въ сенатъ вѣдѣнію, о дерзкомъ и не при-

стойномъ поступкѣ отставнаго морской артиллеріи унтеръ-лейтенанта Рагозина: „Судить его и поступить съ нимъ по законамъ, а для того и его самого сюда привезти".

Рагозинъ ослушался синода и не пристойно отозвался о его рѣшеніи, по дѣлу о разводѣ съ женою.

Предписано: „означеннаго Рагозина, какъ возможно скорѣе отыскать и доставить въ с.-петербургское губернское правленіе", а на послѣднее возложена обязанность: „отдать его, куда слѣдуетъ, подъ судъ".

3.

11-го февраля. На поднесенномъ сенатомъ докладѣ объ отставномъ сержантѣ изъ дворянъ Бесѣдновѣ, оказавшемся въ подговорѣ и продажѣ чужихъ людей, за каковое его преступленіе сенатъ полагалъ: „Лишить его, Бесѣднова, дворянскаго достоинства и сослать въ Иркутскъ на тамошнюю суконную фабрику", собственною его императорскаго величества рукою написано: „Быть по сему".

4.

17-го февраля. Именной указъ сенату: „Разсмотрѣвъ докладъ сената о завѣщаніи умершаго гвардіи капитана Николая Бахметева, которымъ все движимое и недвижимое благопріобрѣтенное и родовое имѣніе его просилъ утвердить племянницѣ, роднаго брата дочери, княгинѣ Наталіи Голицыной, мимо племянниковъ его, братьевъ ея, отставныхъ капитана Дмитрія и подпоручика Николая Бахметевыхъ, по причинѣ изъясненныхъ имъ, многихъ огорченій ему и отцу ихъ нанесенныхъ развратными и буйственными ихъ поступками, отъ коихъ опасался онъ расточенія и жестокости и остающемуся послѣ него имѣнію; хотя въ подтвержденіе сего находимъ мы многія оглашенія таковыхъ поступковъ въ дѣлахъ, о нихъ имѣющихся по разнымъ губерніямъ, чрезъ что содѣлываются они и недостойными къ владѣнію недвижимымъ имѣніемъ; но, какъ родовое, по общимъ государственнымъ узаконеніямъ, долженствуетъ обращаться въ родѣ мужескаго колѣна, и не прежде, какъ по пресѣченіи онаго, можетъ выходить въ наслѣдіе по женскому колѣну,—и для того повелѣваемъ: „по намѣренію завѣщателя, утвердить племянницѣ его, княгинѣ Голицыной и наслѣдникамъ по ней, одно благопріобрѣтенное его недвижимое имѣніе, купно совсѣмъ оставшимся движимымъ имуществомъ, а родовое недвижимое, ко владѣнію которымъ племянники его сдѣлали себя недостойными, отдать въ опеку, и поручить въ особливое надзираніе опекъ, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ съ сего имѣнія удѣлять часть на безнужное сихъ племянниковъ содержаніе, а досталь-

ное ежегодно препровождаемо было въ сохранную казну воспитательнаго дома, для обращенія въ процентахъ, которые вмѣстѣ съ капиталомъ, какъ и все оное родовое имѣніе, поступить имѣетъ въ распоряженіе и пользу законнымъ, послѣ ихъ, Бахметевыхъ, наслѣдникамъ. Самихъ же Бахметевыхъ, по оглашеннымъ буйственнымъ поступкамъ, для усмиренія: сослать на житье, Дмитрія—въ Вологду, а Николая—въ Кострому, куда и часть доходовъ доставлять на содержаніе ихъ".

5.

17-го февраля. Именной указъ сенату: „Порховскаго помѣщика, подполковника Косицкаго, обличеннаго въ неправильномъ опроверженіи векселя своего и осужденнаго къ лишенію чиновъ; дворянскаго достоинства и къ ссылкѣ въ Иркутскъ, въ уваженіе старости его лѣтъ и оказанныхъ имъ заслугъ, всемилостивѣйше прощая, повелѣваемъ: положенное ему сенатомъ наказаніе оставить".

6.

28-го февраля. Именной указъ сенату: „Постановивъ договоромъ, заключеннымъ съ гросмейстеромъ и орденомъ Малтійскимъ, сохраненіе въ имперіи нашей того ордена, яко полезнаго и къ утвержденію добрыхъ правилъ служащаго, и учредивъ великое пріорство россійское съ командорствами въ пользу подданныхъ нашихъ римскаго исповѣданія, въ доводъ особливаго нашего благоволенія къ сему установленію и покровительства его, которое мы, по просьбѣ гросмейстера и всего общества ихъ, на себя воспріяли, всемилостивѣйше пожаловали мы, навсегда, великому россійскому пріорству въ С.-Петербургѣ домъ, именуемый канцлерскій, повелѣвая отдать оный тому пріорству чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ".

7.

1-го марта. Именной указъ сенату: „По случаю послѣдовавшаго отъ насъ, въ 25-й день минувшаго февраля мѣсяца, на докладѣ сената о надворномъ совѣтникѣ Салтыковѣ, указа, которымъ отъемлется у него право распоряжаться имѣніемъ, повелѣваемъ: данную ему, при отъѣздѣ въ чужіе краи, княгинею Бѣлосельскою довѣренность на управленіе, въ отсутствіе ея, имѣніемъ, уничтожить, а попеченіе объ ономъ возложить на нашего дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юсупова, яко ближайшаго ея родственника, который, по сему, и имѣетъ войдти въ надлежащій, объ управленіи Салтыковымъ сего имѣнія, разборъ".

8.

11-го марта. Именной указъ, объявленный княземъ Куракинымъ: „Его императорское величество, на прошеніе тайнаго совѣтника сенатора Дивова, высочайше соизволилъ, для излеченія болѣзни жены его, отлучиться въ чужіе краи".

9.

7-го апрѣля. Именной указъ кн. Куракину: „Изъ дошедшаго къ намъ прошенія, лейбъ-казачьяго полка отъ поручика Алейски, усмотрѣли мы, что имѣющій съ нимъ тяжебное дѣло лакей Андреевъ укрѣпилъ за собою имѣніе его, а проситель, не получая по просьбамъ удовольствія, пропустилъ срокъ аппеляціи и чрезъ то лишился права къ оной, единственно по причинѣ отлучки его по службѣ, что доказано, какъ собранными о томъ справками, такъ и засвидѣтельствованіемъ генерала отъ кавалеріи Денисова. Пріемля въ уваженіе, что, со стороны поручика Алейски, упущеніе, въ семъ случаѣ, узаконеннаго порядка произошло не отъ небреженія его, но потому токмо, что, будучи занятъ должностію и находясь въ отлучкѣ по службѣ, не могъ онъ, на сей разъ, имѣть надлежащаго о дѣлѣ своемъ попеченія, повелѣваемъ: возобновя право аппеляціи, дѣло его съ придворнымъ лакеемъ, Андреевымъ, въ здѣшнемъ уѣздномъ судѣ рѣшенное, дозволить ему перенесть въ высшее судебное мѣсто, поступя, впрочемъ, на основаніи законовъ".

10.

10-го апрѣля. Именной указъ, объявленный кн. Куракинымъ: „О взысканіи съ бригадира Ефима Гурьева рекрута за то, что въ его деревнѣ Колаевой, Новоладожскаго уѣзда, проживалъ, послѣ срока отпуска, рядовой бывшаго 3-го пограничнаго с.-петербургскаго баталіона Евстифѣевъ".

11.

21-го апрѣля. Именной указъ сенату: „Состоящій на поселившихся въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Лифляндской, Саратовской, Слободско-Украинской и Малороссійской, колонистахъ казенный долгъ, за сдѣланныя имъ, при заселеніи ихъ, ссуды, всемилостивѣйше соизволяемъ обратить на возстановленіе собственнаго ихъ состоянія. А по сему, возлагая сборъ ихъ на попеченіе экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностраннаго и сельскаго домоводства, повелѣваемъ: чтобы она, принявъ въ распоряженіе свое полученныя въ прошедшемъ году и впредь деньги сіи изъ общей массы ихъ, по усмотрѣнію своему, дѣлала надлежащее употребленіе ссудою потреб-

наго количества неимущихъ изъ поселенцевъ для полезныхъ, по домоводству, оборотовъ, вспоможеніемъ въ случающихся имъ несчастіяхъ отъ пожаровъ, скотскаго падежа и другихъ непредвидѣнныхъ и неизбѣжныхъ приключеній, а тѣмъ самымъ, по обязанности своей, всемѣрно бы содѣйствовала къ обзаведенію и устроенію колоній прочнѣйшимъ и хозяйственнымъ образомъ".

12.

1-го мая. Сенатскій указъ. Изъ указа сего видно, что рядовой Иванъ Елисѣевъ, командированный, 9-го сентября 1797 г., для отвода, взятаго въ пьянствѣ, купца Якова Иванова съ выборгской въ васильевскую часть, не доведя до съѣзжаго дома, взялъ съ него рубль и, отпустивъ, бумагу о купцѣ разорвалъ и возвратился въ команду пьяный. Палата суда и расправы, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Пократьевымъ, заключили: „онаго, Елисѣева, наказать жестоко плетьми и, яко недостойнаго быть болѣе въ службѣ, исключа изъ оной и изъ числа добрыхъ людей, послать въ работы". Сенатъ утвердилъ рѣшеніе.

13.

31-го мая. Указъ синода: „Явившагося синоду, отлучившагося самовольно, Воронежской епархіи, Калатвянскаго округа, слободы Новой-Бѣлой, Успенской церкви, дьячка Ефрема Савина, который, преосвященнымъ Меѳодіемъ, епископомъ воронежскимъ, какъ оказавшійся, по нынѣшнему церковному разбору, безмѣстнымъ, назначенъ къ отсылкѣ въ военную службу, — то и отослать въ оное (с.-петербургское) губернское правленіе для обращенія въ упомянутую службу".

14.

25-го мая. Указъ сената: „Ямбургской инвалидной команды рядовой Максимъ Тананьинъ, стоя на часахъ въ тюрьмѣ и не разбудя на смѣну себѣ другаго солдата, вышелъ на дворъ, а чрезъ то неумышленно упустилъ содержащагося тамъ бѣглаго рекрута". Тананьинъ умеръ 1-го мая, 75-ти лѣтъ отъ роду.

Резолюція: „Предположенное сужденіе о помянутомъ рядовомъ, за смертію его, оставить, а губернскому начальству подтвердить, чтобы впредь подобныхъ ему, Тананьину, престарѣлыхъ не опредѣлять стражами къ колодникамъ, но назначать, по разсмотрѣнію, къ другимъ должностямъ".

15.

21-го ноября 1796 года. Именной указъ, на имя князя Куракина: „Купленный у тайнаго совѣтника графа Моркова домъ, въ Луговой-Милліонной, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ".

16.

17-го іюня 1798 г. Именной указъ кн. Куракину: „Во всемилостивѣйшемъ снисхожденіи къ дошедшей до насъ, отъ жены содержащагося подъ присмотромъ въ городѣ Нолинѣ, отставнаго маіора Роштейна, просьбѣ объ освобожденіи его оттуда, повелѣваемъ вамъ возвратить ей мужа изъ ссылки и дозволить ему жить, гдѣ онъ желаетъ, кромѣ столицъ нашихъ".

17.

29-го іюня. Именной указъ кн. Куракину: „Положенный на бывшаго софійскаго исправника, коллежскаго ассесора Котляревскаго, и на товарищей его штрафъ 7,336 р. 98¼ к., за невзысканіе ими толикаго числа недоимки съ красносельскихъ крестьянъ, всемилостивѣйше оставляя, повелѣваемъ вамъ онаго не взыскивать".

18.

4-го іюля. Именной указъ кн. Куракину. Возлагая на князя Куракина принятіе мѣръ къ прекращенію усиливающейся, въ Лифляндіи, заразы (скотскаго падежа), императоръ Павелъ находилъ нужнымъ, для удобнѣйшаго узнанія на мѣстѣ дѣйствительныхъ къ тому средствъ, отправить туда кого-либо изъ гг. сенаторовъ, коего избраніе, тако-жъ и снабженіе потребнымъ числомъ медицинскихъ чиновъ, поручилъ кн. Куракину. „Главное стараніе посылаемаго для искорененія заразы должно обратиться къ тому, чтобъ ею объятыя уже мѣста отдѣлены были отъ тѣхъ, до коихъ она еще не коснулась, и паче, отъ здѣшней стороны, воспользуясь для сего какою-либо рѣкою, которая бы, теченіемъ своимъ внѣ зараженнаго края, служила преградою сообщенія". Другимъ повелѣніемъ командированъ на мѣсто болѣзни сенаторъ, тайный совѣтникъ Тарбѣевъ.

19.

6-го іюля. Именной указъ кн. Куракину: „Находящимся въ Кронштадтѣ, въ купеческой гавани, береговымъ мѣстамъ, биржами называемыми, по указу нашему отъ 20-го марта сего года, отобраннымъ у промышленниковъ въ казенное вѣдомство, повелѣваемъ: быть въ вѣдѣніи государственной коммерцъ-коллегіи и отдаваться единственно тѣмъ, кто дѣйствительно упражняется въ коммерціи и на дѣло, до одной торговли принадлежащее, на такомъ точно основаніи, какъ отдаются с.-петербургскіе биржевые пакгаузы; собираемый же съ нихъ доходъ, на основаніи того указа, оставить для надобностей порта".

20.

9-го іюля. Указъ сената. (Именное повелѣніе, сообщенное княземъ Куракинымъ). Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ. Учредить посты для возки писемъ отъ С.-Петербурга, чрезъ Тихвинъ и Мологу, въ Ярославль, и другой—отъ Твери вдоль по Волгѣ, не отдаляясь теченія сія рѣки, до Мологи-жъ, поставя на первой, сверхъ того, нѣсколько почтовыхъ лошадей, дабы и проѣзжающіе могли оною пользоваться.

21.

14-го іюля. Указъ сената: „Находившіеся при дворѣ его императорскаго величества, камеръ-лакей Гримъ и лакеи Василій Степановъ и Ѳедоръ Пикулевъ, и откомандированные къ его свѣтлости принцу Конде, признались въ кражѣ изъ дома принца — Гримъ — двухъ креселъ, оцѣненныхъ въ 18 руб. 35 коп., а послѣдніе — 9 стульевъ, оцѣненныхъ въ 1 рубль".

Сенатъ, имѣя въ виду, что Гримъ, Степановъ и Пикулевъ изъ службы исключены и, со времени начатія дѣла, содержатся подъ стражею, предписалъ отослать ихъ въ рабочій домъ, для заработанія цѣны ими украденнаго, и затѣмъ избрать имъ родъ жизни".

22.

15-го іюля. Указъ сената: „Рядовые Николай Михайловъ и Иванъ Волковъ препровождали къ ораніенбаумскому городничему преступника Луку Филипова, скованнаго въ ножные кандалы; дорогою всѣ вмѣстѣ вошли въ состоящую, на петергофской дорогѣ, харчевню для ночлега и тамъ легли спать, а въ ночи преступникъ убѣжалъ. Палата суда и расправы приговорила: Михайлова и Волкова къ наказанію батогами и оставить, по прежнему, рядовыми". Сенатъ утвердилъ это рѣшеніе.

23.

15-го іюля. Указъ сената: „Такому же наказанію подверженъ рядовой с.-петербургской полиціи, Илья Звѣревъ, за пьянство и упускъ колодницы, препровождаемой имъ въ смирительный домъ за непотребство".

24.

31-го іюля. Именной указъ сенату: „Тайный совѣтникъ и сенаторъ Новосильцевъ отъ службы отставляется и повелѣваемъ: жить ему въ отдаленныхъ его, отъ столицъ нашихъ, деревняхъ".

25.

28-го іюня. Именной указъ, на имя государственнаго казначея барона Васильева. Изъ указа сего видно, что для принца Конде купленъ, у графа Чернышева, домъ и дача въ С.-Петербургѣ, за 200,000 руб.

26.

Докладъ сената. Отставной прапорщикъ Өедоровъ, во время занятій въ надворномъ судѣ, укралъ часть песцовой шубы, оставшейся послѣ застрѣлившагося генералъ-маіора фонъ-Вестфалена, продавъ, на рынкѣ, за 15 руб., и деньги пропилъ, въ чемъ и сознался.

„Прапорщика Өедорова, сужденнаго и признавшагося въ покражѣ изъ надворнаго суда части песцоваго мѣха въ 20 руб. и въ сочиненіи фальшивой росписки отъ имени софійской мѣщанки Ватагиной, въ уваженіе 26-ти-лѣтней безпорочной его службы, всемилостивѣйше повелѣваемъ: лиша чиновъ, отослать для опредѣленія въ государственную военную коллегію“.

27.

22-го августа. Именной указъ сенату: „За неисполненіе даннаго генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому, въ 1789 году, указа объ изслѣдованіи и наказаніи принадлежавшихъ помѣщикамъ Базилевскимъ, села Турбаева, крестьянъ, убившихъ двухъ братьевъ и сестру ихъ, повелѣваемъ: не отысканное изъ расхищеннаго тѣми крестьянами имѣнія, по представленнымъ о Базилевскихъ Иградижскимъ уѣзднымъ судомъ справедливыми признаннымъ доказательствамъ, на 63,587 руб., взыскать съ доставшагося наслѣдникамъ князя Потемкина-Таврическаго имѣнія; переданные же Базилевскими, при покупкѣ у нихъ крестьянъ казною, деньги за бывшихъ въ числѣ оныхъ казаковъ взыскать немедленно съ ихъ помѣщиковъ въ казну“.

28.

3-го мая. Именной указъ Куракину: „Его императорское величество, снисходя на прошеніе губернскаго секретаря Андреева, десять лѣтъ невинно страдавшаго въ нерчинскихъ заводахъ за учиненное, будто бы, имъ убійство для похищенія 7,000 руб., и, по открытіи виновнаго въ семъ преступленіи, всемилостивѣйше оттуда освобожденнаго, о возвращеніи ему имѣнія на счетъ тѣхъ, кои незаконно оное распродали въ удовлетвореніе, какъ сей суммы, такъ и казенной недоимки на содержателѣ питейныхъ сборовъ Дружининѣ, по коемъ, съ прочими, былъ онъ порукою, всемилостивѣйше указать соизволилъ:

сей секретаря Андреева искъ разсмотрѣть правительствующему сенату".

Сенатъ поручилъ истребовать отвѣтъ отъ виновныхъ.

29.

Докладъ сената. Отставной лейбъ-гвардіи коннаго полка унтеръ-офицеръ, изъ дворянъ, Петръ Тренцъ, изобличенъ въ обманѣ харчевника, при промѣнѣ имѣвшейся у него 25-ти рублевой ветхой ассигнаціи, завернутой въ бѣлую бумагу, отдалъ вмѣсто ассигнаціи, сдѣланную съ намѣреніемъ, порозжую бумагу. Также онъ обманулъ и погребщика.

Палата суда и расправы, а равно и сенатъ, присудили Тренца къ тѣлесному наказанію и къ ссылкѣ; но на докладѣ семъ рукою его императорскаго величества написано: „сослать безъ наказанія".

30.

12-го сентября. Именной указъ сенату, объявленный Куракинымъ. „Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: жену оберъ-бергмейстера Колтовскаго, Наталью Алексѣеву [1]), выславъ для житья къ матери ея, управлявшихъ имѣніемъ ея опекуновъ счесть и на мѣсто ихъ опредѣлить опекунами кого мать и ближайшіе ея родственники изберутъ".

31.

Резолюція указа синода отъ 30-го сентября. „Нижегородскаго благовѣщенскаго собора дьячка Степана Васильева, присужденнаго преосвященнымъ Павломъ, епископомъ нижегородскимъ и кавалеромъ, за причиненіе того-жъ собора пономарю Степанову, столкнутіемъ его съ крыльца, тяжкой обиды, къ отсылкѣ въ военную службу; но на сіе рѣшеніе имѣвшаго въ святѣйшемъ синодѣ аппеляцію, какъ оказалось, что онъ, Васильевъ, еще въ 1781 году за убійство, Курминскаго округа, села Спасскаго, дьячка Иванова, учиненное въ дракѣ не для обороны своей, а изъ отмщенія,— нижегородскою уголовною палатою приговоренъ былъ къ нещадному наказанію кнутомъ, но избавленъ оттого единственно по всемилостивѣйшему, 1783 года, манифесту, яко нетерпимаго отнюдь въ духовномъ званіи, отослать въ с.-петербургское губернское правленіе для надлежащаго о немъ разсмотрѣнія".

---

[1]) Рожденную Турчанинову. См. «Русскую Старину» 1872 г., т. V, стр. 364. Л.

32.

7-го октября. Указъ сената. Изъ него видно, что въ домѣ гвардіи прапорщика Аудобашева производилась запрещенная игра въ карты. Участниками были: грузинскій царевичъ Меріанъ, подпоручикъ Горе, Аудобашевъ, маіоръ Бутко и проч. Для поступленія съ военными по закону, сенатъ предписалъ военной коллегіи, а относительно тѣхъ лицъ, которыя коллегіи не подчинены, сказано: въ указѣ 1761 г., іюля 16-го, въ 4 пунктѣ предписано: „кто, гдѣ въ таковыхъ преступленіяхъ обличенъ и оштрафованъ будетъ, о всѣхъ оныхъ присылать увѣдомленія, дабы, такихъ знавъ, въ производствѣ и награжденіи въ чины съ воздержанными не ровнять".

33.

18-го октября. Указъ сената. Въ немъ изложены, во 1-хъ, докладъ правленія государственнаго банка о покупкѣ, подъ присутствіе заемнаго банка, дома купца Крохалева, утвержденный 19-го сентября, и во 2-хъ, именной указъ 27-го сентября, данный дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову. „Утверждая докладъ вашъ для построенія, на Невскомъ проспектѣ, близъ Адмиралтейства, каменнаго театра, повелѣваемъ мы отпустить изъ кабинета нашего пятьдесятъ тысячъ рублей въ полное ваше распоряженіе и отдать вамъ испрашиваемое на то вами мѣсто, повелѣвая сохранить въ цѣлости находящійся на ономъ старый домъ. Впрочемъ, поручаемъ строеніе онаго театра архитекторомъ Бренномъ въ непосредственное ваше смотрѣніе и наблюденіе".

34.

9-го октября. Именной указъ синоду: „Преосвященный Иннокентій, архіепископъ псковскій и рижскій, просилъ насъ уволить его, за старостію и болѣзнями, отъ синода и отъ управленія епархіальнаго. Мы не только всемилостивѣйше снисходимъ на сіе прошеніе его, но еще, въ несомнѣнный знакъ уваженія долговременнаго и радѣтельнаго его служенія престолу Божію и нашему императорскому, восхотѣвъ оказать ему наше отличное благоволеніе, повелѣваемъ: производить ему по смерть изъ суммъ, на духовную часть положенныхъ, безъ малѣйшаго изъятія все то, что онъ получалъ до нынѣ, оставляя, для всегдашняго его пребыванія, то самое псковское подворье, которое онъ нынѣ занимаетъ; на мѣсто же его, синоду мы предоставляемъ, избравъ кандидатовъ, представить ихъ на утвержденіе наше".

35.

1-го декабря. Указъ сената. „Исключенный изъ сената, за нерадѣніе къ должности, подканцеляристъ Зюзинъ, сознавшійся въ кражѣ изъ Исаакіевской церкви кадила, оцѣненнаго въ 27 рублей, приговоренъ къ лишенію званія, наказанію нещадно плетьми и къ ссылкѣ на екатеринбургскіе золотые рудники въ работу“.

36.

9-го апрѣля и 27-го октября. Именные указы сенату: о пожалованіи генералъ-лейтенанту князю Сибирскому 5,000 десятинъ земли въ разныхъ губерніяхъ [1]).

37.

29-го ноября. Именной указъ сенату. „Усмотрѣвъ изъ поднесеннаго намъ отъ сената нашего рапорта, что бывшей когорты пѣшихъ стрѣлковъ и арнаутовъ капитанъ Мирковичъ, по ложнымъ доносамъ преданный суду, и, по оправданіи его, два года подъ онымъ удерживался, повелѣваемъ: удовлетворить его полнымъ, двухгодовымъ, по капитанскому окладу, жалованьемъ, взыскавъ оное съ отдавшаго его неповинно подъ судъ, по неосновательнымъ извѣтамъ, бывшаго въ Екатеринославлѣ губернаторомъ, генералъ-лейтенанта Хорвата“.

38.

26-го ноября. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ Лопухинымъ. Поручая разсмотрѣть дѣло вдовы придворнаго полотера Гурьяновой объ имѣніи, оставшемся послѣ ея брата Ингермана, указъ прибавляетъ: „не вмѣняя просительницѣ въ вину, что она, по простотѣ своей и не знанію россійскихъ законовъ, не явилась въ срокъ въ судъ“.

39.

На докладѣ сената, объ отставномъ унтеръ-лейтенантѣ морской артиллеріи Рогозинѣ, преданномъ суду за оскорбленіе синода, 4-го декабря написана слѣдующая резолюція: „просить прощенія“. Сенатомъ предписано, Рогозина, для исполненія того высокомонаршаго повелѣнія, препроводить въ синодъ. Изъ указа сената, 17-го декабря,

---

[1]) Князь Василій Θеодоровичъ Сибирскій, генералъ кригсъ-коммисаръ, сосланъ въ 1800 г. въ Сибирь; оттуда возвращенъ, по высочайшему повелѣнію, объявленному генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ, 16-го февраля 1801 г. Л.

видно, что Рогозинъ, 15-го декабря, просилъ у синода „въ означенномъ, учиненномъ имъ дерзкомъ поступкѣ своемъ, милостиваго прощенія, которое ему отъ синода, подражая ученію Христа Спасителя и соображаясь съ высокомонаршимъ его императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ милосердіемъ, и учинено".

40.

14-го декабря. Именной указъ сенату: „Снисходя на просьбу Вавилонскаго жителя Арютюна, предъявленный имъ, по довѣренности отъ живущей въ Багдадѣ армянской жены Ага Оглановой, искъ на грузинскомъ принцѣ Бакаровичѣ въ десять тысячъ рублей, какъ не подвергающійся праву десятилѣтней давности по иностранству заимодавца и разности законовъ его страны, повелѣваемъ: удовлетворить изъ имѣнія наслѣдниковъ". Деньги взысканы.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

Обзоръ художественной дѣятельности.

Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 24—51; 123—145) напечатаны нѣкоторыя главы изъ Записокъ графа Ѳ. П. Толстого. Нынѣ помѣщаемъ, какъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго искусства, обзоръ художественной дѣятельности графа Ѳедора Петровича, имъ составленный и весьма обязательно намъ сообщенный. **Ред.**

Съ выпуска моего изъ морскаго кадетскаго корпуса мичманомъ, въ 1802-мъ году, я состою, по сіе время, на службѣ, имѣя счастіе занимать должность Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ.

Нынѣ, когда слабость зрѣнія лишаетъ меня возможности, что-либо производить самому, по части художествъ, я считаю себя обязаннымъ представить отчетъ всѣмъ произведеніямъ, сочиненнымъ и исполненнымъ мною въ продолженіе моей службы.

Окончивъ полный курсъ рисованія и скульптуры въ Академіи Художествъ, находясь еще въ военной службѣ, я началъ выставлять на публичныхъ академическихъ выставкахъ сочиненные и лѣпленные мною изъ воска большіе историческіе и миѳологическіе барельефы.

Въ 1806-мъ году, по волѣ императора Александра Павловича, я оставилъ военную службу и былъ опредѣленъ состоять при Эрмитажѣ. Въ 1809-мъ году, въ полномъ собраніи совѣта, былъ выбранъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ.

I.

Занимаясь медальорнымъ искусствомъ, опредѣленъ я, по именному повелѣнію императора Александра I, въ монетный департаментъ по медальорной части. Медальорное искусство на нашемъ монетномъ дворѣ, въ то время, въ отношеніи художественности, оставалось еще

на той степени, на которой оно было во Франціи, при Людовикѣ XIV и другихъ государяхъ до революціи, то есть, медали производились не художниками, а болѣе или менѣе искусными рѣзчиками штемпелей, по доставляемымъ имъ, худо-сочиненнымъ и исполненнымъ, рисункамъ. При существовавшемъ, во время моего вступленія на монетный дворъ, усовершествованіи изящныхъ искусствъ, необходимо было измѣнить столь запоздалую систему производства медалей.

Поэтому я составилъ себѣ собственную методу сочинять и исполнять заказываемыя мнѣ медали, основанную на правилахъ, требуемыхъ современнымъ художествомъ, то есть, на строгой правильности рисунка, какъ въ одиночныхъ фигурахъ, такъ и въ группахъ; на основательномъ знаніи анатоміи и на вѣрности съ натурою всего того, что, по сюжету медали, должно быть на ней изображено.

Такъ какъ изобрѣтеніе медалей имѣетъ цѣлію передавать потомству достойныя памяти событія и дѣянія, то послѣднія должны быть на медаляхъ изображаемы, какъ можно яснѣе, такъ, чтобы, при разсматриваніи ихъ, не было бы необходимости прибѣгать къ подписямъ. Поэтому, я взялъ себѣ за правило производить медали только по собственно мною сочиненнымъ рисункамъ и по моделямъ, мною лѣпленнымъ изъ воска, въ которыхъ я строго держался стиля и вкуса древней греческой скульптуры.

Первая медаль мною была исполнена, по порученію Виленскаго университета, положившаго выбить медаль въ честь графа Чатскаго. Съ одной стороны этой медали находится портретъ графа Чатскаго, а съ другой—изображена Паллада, жезломъ своимъ будящая спящаго генія, съ латинскими кругомъ надписями.

Начавъ мой отчетъ съ медальорнаго искусства, я буду продолжать описывать все, мною сочиненное и произведенное, по этой отрасли художествъ, не придерживаясь хронологическаго порядка.

По полученіи реляціи о лейпцигскомъ сраженіи, гдѣ Наполеонъ былъ разбитъ и владычество его надъ Франціей поколеблено, я тотчасъ вылѣпилъ изъ воска, въ осьми угольномъ медальонѣ, шести вершковъ въ діаметрѣ, портретъ императора Александра I, въ военномъ славянскомъ костюмѣ, въ шлемѣ, со щитомъ и копьемъ въ рукахъ. Съ надписью кругомъ: „Родомыслъ девятаго на десять вѣка“. Я немедленно вырѣзалъ съ этого медальона форму въ составной крѣпкой мѣди, для выливанія изъ алебастра.

По изгнаніи Наполеона изъ предѣловъ Россіи, гдѣ онъ оставилъ всю свою огромную двадцати-племенную армію, по взятіи Парижа, и наконецъ, по плѣненіи Наполеона, я вздумалъ, въ такихъ же медальонахъ, какъ Родомыслъ, изобразить всѣ побѣды россій-

сkихъ войскъ надъ Наполеономъ, со вступленія его въ предѣлы нашего отечества до вступленія нашихъ войскъ въ столицу Франціи. Съ этой цѣлью я нарисовалъ, по собраннымъ мною реляціямъ этой трехлѣтней войны, всѣ тѣ сраженія, которыя, по моему соображенію, наиболѣе способствовали нашимъ войскамъ вступить въ столицу Франціи.

Эти рисунки, по возвращеніи императора Александръ I въ Петербургъ, я представилъ его величеству, и получилъ разрѣшеніе вылѣпить изъ воска и вырѣзать на мѣди формы всей коллекціи медальоновъ. Эта коллекція мѣдныхъ формъ окончательно мною была вырѣзана уже въ царствованіе императора Николая Павловича.

Восковыя модели этой коллекціи медальоновъ находятся въ музеѣ императорской Академіи Художествъ, а мѣдныя формы—у меня.

Коллекція состоитъ изъ 20-ти медальоновъ, а именно:

1) Портретъ императора Александра I, въ видѣ Родомысла; 2) Народное ополченіе; 3) Битва Бородинская; 4) Освобожденіе Москвы; 5) Бой при Маломъ Ярославцѣ; 6) Трехъ-дневный бой при городѣ Красномъ; 7) Сраженіе при Березинѣ; 8) Бѣгство Наполеона за Нѣманъ; 9) Первый шагъ Александра за предѣлы Россіи; 10) Освобожденіе Берлина; 11) Тройственный союзъ; 12) Сраженіе на высотахъ Кацбаха; 13) Бой при Кульмѣ; 14) Битва при Лейпцигѣ; 15) Освобожденіе Амстердама; 16) Переходѣ за Рейнъ; 17) Сраженіе при Бріенѣ; 18) Бой Арсисъ-сюръ-Объ; 19) Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ; 20) Покореніе Парижа.

Эти медальоны доставили мнѣ честь быть членомъ всѣхъ европейскихъ Академій Художествъ; на всемірной лондонской выставкѣ за нихъ я получилъ медаль, а петербургская Академія Художествъ признала меня своимъ профессоромъ медальорнаго искусства.

Въ 1836 году, по повелѣнію императора Николая Павловича, съ этихъ медальоновъ, подъ моимъ надзоромъ, приготовлены учениками моими, Лялинымъ и Клепиковымъ, и окончательно мною довершены штемпеля для выбиванія медалей обыкновенной величины. Въ этой коллекціи медалей, съ одной стороны, изображены поименованныя выше сраженія великой борьбы 1812, 1813 и 1814 годовъ, а съ другой—портретъ императора Александра I, въ видѣ Родомысла. Въ замѣнъ Родомысла, который въ коллекціи медалей пошелъ на реверсъ, я сочинилъ вновь медаль, изображающую миръ, исполненную также, какъ и вся коллекція.

По окончаніи персидской и турецкой войны, государю угодно было приказать мнѣ изобразить въ медаляхъ, по доставленнымъ мнѣ ми-

нистромъ двора описаніямъ, 12 главнѣйшихъ побѣдъ надъ персидскими и турецкими войсками.

По утвержденіи его величествомъ сочиненныхъ мною рисунковъ для сихъ медалей, были вылѣплены мною изъ воска модели, съ которыхъ, подъ моимъ надзоромъ, тѣми же моими учениками, Лялинымъ и Клепиковымъ, были приготовлены предварительно штемпеля для отбиванія медалей на металлахъ и окончательно мною пройдены. На одной сторонѣ этихъ медалей представлены русскія побѣды, а именно:

Персидской войны: 1) Сраженіе подъ Елизаветполемъ; 2) Взятіе крѣпости Эривани; 3) Занятіе Тавриза.

Турецкой войны: 4) Сраженіе подъ Ахалцыхомъ и штурмъ этой крѣпости; 5) Совершенное разбитіе двухъ корпусовъ турецкой арміи; 6) Занятіе Арзерума; 7) Взятіе Карса; 8) Переправа черезъ Дунай; 9) Капитуляція крѣпостей Браилова, Варны и другихъ; 10) Подвигъ брига „Меркурій"; 11) Переходъ черезъ Балканы, и 12) Занятіе Адріонополя.

На другой сторонѣ этихъ медалей изображенъ россійскій гербъ.

Съ восковыхъ моделей этихъ 12 медалей сдѣланы мною мѣдныя формы, посредствомъ только что открытаго тогда способа, галваническимъ токомъ осаждать мѣдные слѣпки. Восковыя модели этой коллекціи и мѣдныя съ нихъ формы находятся у меня.

Государь приказалъ министру двора: коллекціи персидской, турецкой и отечественной войны 1812, 1813 и 1814 годовъ отправить въ Академіи Художествъ вѣнскую, берлинскую, мюнхенскую и парижскую, прося ихъ дать свое мнѣніе о достоинствѣ этихъ медалей въ отношеніи сочиненія и выполненія.

Чрезъ не продолжительное время я получилъ, по повелѣнію его величества, выписку, за скрѣпою директора канцеляріи министра двора В. И. Панаева, изъ письма князя Меттерниха къ министру двора, по поводу мнѣнія вѣнской Академіи Художествъ; вотъ она:

„Comme conception et comme exécution cette série de médailles est remarquable, et je ne crois pas qu'aucun pays en aie produit de plus belles dans le cours des derniers siècles. Tel est le jugement unanime de nos médailleurs, à la tête desquels je puis citer le célèbre Louis Sichler".

Отзывы другихъ Академій Художествъ, присланные къ министру двора, точно также для меня лестны.

Въ это время я имѣлъ честь получить слѣдующее письмо отъ князя Меттерниха (куратора вѣнской Академіи Художествъ):

„Monsieur le Comte! J'ai eu l'honneur de reçevoir en dernier lieu par la voie de l'Ambassade Impériale d'Autriche à St.-Pétersbourg la

lettre, que Vous avez bien voulu m'adresser avec le don destiné à l'Académie des Beaux Arts de Vienne".

„Je me suis empressé de transmettre la précieuse collection de vos médaillons à cette Académie, et je remplis un devoir bien agréable pour moi en Vous exprimant, en son nom et en ma qualité de son Curateur, le sentiment de sa vive reconnaissance pour la marque d'intérêt et de bienveillance, que Vous venez de lui accorder par ce cadeau, dont elle apprécie toute la valeur.

„Vos médaillons formeront dorénavant un des plus beaux et des plus utiles ornements des salles de l'Académie de Vienne en existant l'admiration des amateurs, en présentant aux jeunes artistes, qui les fréquentent, des objets d'étude également distingués et par l'invention et par l'exécution.

„Je réunis de grand coeur mes voeux à ceux de l'Académie de Vienne, heureux de Vous compter, Monsieur le Comte, parmi ses membres, pour que la providence Vous laisse encore jouir pendant longtemps de la douce satisfaction d'étendre et d'enrichir le domaine des arts, par Vos ouvrages et par Votre efficace protection.

„Agréez, Monsieur le Comte, l'assurance de la considération très distinguée, avec láquelle j'ai l'honneur d'être, Monsieur le Comte, Votre très humble et très obeissant serviteur Metternich".

Vienne, le 6 Octobre 1836.

Въ новой Александровской залѣ Зимняго дворца, во фризѣ, по повелѣнію его величества, помѣщены, въ большомъ видѣ, копіи съ моихъ медальоновъ отечественной войны; но какъ, по величинѣ залы, недоставало четырехъ, то я сочинилъ и вылѣпилъ модели, изображающія еще четыре сраженія той же войны, а именно:

1) Занятіе Варшавы; 2) Взятіе Бремена; 3) Взятіе Касселя, и 4) Сраженіе при Госсѣ, гдѣ Александръ I вырвалъ побѣду изъ рукъ Наполеона.

По поводу различныхъ случаевъ, я сочинилъ и вылѣпилъ модели для 20-ти медалей, изъ коихъ штемпеля для 16-ти предварительно приготовилъ и окончательно прошелъ собственноручно. Медали эти слѣдующія:

1) Средней величины, выбитая въ честь графа Чатскаго, отъ виленскаго университета (вышеописанная).

2) Средней величины, академическая, большая серебряная медаль, раздаваемая за рисунки съ натуры: съ одной стороны — портретъ императора Александра I, съ другой — изображенъ старецъ, сидя, раздающій награды.

3) Средней величины, въ память избранія великаго князя Ни-

колая Павловича куратором абовскаго университета. Съ одной стороны — портретъ его высочества, а съ другой — группа Апполона съ сидячею женскою фигурою.

4) Средней величины, большая золотая медаль, раздаваемая Академіею Художествъ ученикамъ, за произведенія по програмамъ. Съ одной стороны — сидящій геній держитъ жезлъ, съ повѣшенными на немъ наградными вѣнками; съ другой стороны — на обломкѣ колонны двуглавый орелъ, съ распростертыми крыльями.

5) Большой величины медаль, поднесенная с.-петербургскимъ ополченіемъ принцу Александру Виртембергскому. На одной сторонѣ группа изъ трехъ фигуръ: военачальника, воина съ знаменемъ и женщины на колѣняхъ; съ другой стороны, въ античномъ лавровомъ вѣнкѣ, надпись.

6) Большой величины медаль, выбитая въ честь директора Петропавловской с.-петербургской школы, г. Вейзе. На ней, съ обѣихъ сторонъ, латинскія надписи.

7) Большая медаль, на кончину императора Александра I. На одной сторонѣ, внутри кольцомъ свернувшейся змѣи портретъ Александра I, съ другой — Всевидящее око въ лучахъ. Кругомъ надпись: „нашъ ангелъ въ небесахъ".

8) Малой величины медаль, выбитая въ память посѣщенія императрицы Маріи Ѳеодоровны пятидесяти и столѣтняго юбилеевъ Академіи Наукъ. Съ одной стороны — ея портретъ, въ дубовомъ вѣнкѣ, съ другой — два вѣнка: розовый и лавровый, въ первомъ „1776" годъ, въ другомъ — „1826".

9) Средней величины медаль, исполненная по порученію его высочества герцога Лейхтенбергскаго. Съ одной стороны — его портретъ, съ другой — латинская надпись.

10) Средней величины медаль, на соединеніе лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданія. Съ одной стороны изображена религія, съ другой — Финляндія, въ видѣ сидячей фигуры.

11) Большой величины медаль, съ двумя портретами, одинъ за другимъ, Александра I и Баторія, съ другой — портретъ Николая I. Надписи латинскія.

12) Большой величины медаль отъ Академіи Наукъ, основателю и хранителямъ. На одной сторонѣ изображена сидящая Минерва, вѣнчающая двуликій бюстъ, въ формѣ Януса, Екатерины II и Александра I, съ другой — портретъ Николая I.

13) Большой величины медаль на пятидесятилѣтіе россійской Академіи Художествъ. Съ одной стороны — Апполонъ съ лирою, на античномъ треножникѣ, вѣнчаетъ лаврами два бюста, одинъ за дру-

гимъ, Александра I и Екатерины II. На другой сторонѣ — портретъ Николая I.

14) Большой величины медаль; на одной сторонѣ — Минерва, въ шлемѣ, съ щитомъ и копьемъ, коронуетъ лавровымъ вѣнкомъ молодаго воина, стоящаго на колѣнѣ. Кругомъ надпись: „достойному въ наукахъ". На другой — портретъ Николая I.

15) Самой малой величины медаль, для ношенія въ петлицѣ войску, за взятіе Парижа. Съ одной стороны—портретъ императора Александра I, въ лавровомъ вѣнкѣ, осѣненный лучами Всевидящаго ока, съ другой—въ лавровомъ вѣнкѣ надпись: „за взятіе Парижа въ 1814 г."

16) Самой малой величины медаль, для ношенія въ петлицѣ воинамъ, участвовавшимъ въ персидской и турецкой войнѣ. Съ одной стороны, между двумя лавровыми вѣтвями, означены года: „1826, 1827 и 1828", надъ ними Всевидящее око въ лучахъ. Съ другой—надпись: „за персидскую и турецкую войну".

17) Средней величины медаль. На одной сторонѣ—крылатый геній, окруженный атрибутами, держитъ лавровый вѣнокъ, съ другой — внутри лавроваго вѣнка, надпись: „преуспѣвшему".

18) Большой величины медаль на столѣтіе Академіи Наукъ. Съ одной стороны изображена сидячая женская фигура, въ русскомъ костюмѣ, съ жезломъ, увѣнчаннымъ маленькимъ двуглавымъ россійскимъ орломъ, въ лѣвой рукѣ. Правою рукой она держитъ скрижаль, на которой вверху находится 1724 г., а внизу—1824; кругомъ надпись: „единымъ вдохновеніемъ". На другой—внутри звѣзднаго вѣнца, портретъ Петра Великаго.

19) Самой большой величины медаль на сооруженіе каменнаго моста черезъ Неву. Съ одной стороны—Геркулесъ, перебросивъ свою палицу черезъ воду, льющуюся изъ урны лежащей нимфы, переходитъ по ней, руководимый Минервою, на другую сторону. Надъ этою группою надпись: „бысть". На другой—сторонѣ изображеніе самаго моста, надъ которымъ паритъ коронованный двуглавый орелъ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной лапѣ и громами въ другой.

20) Большой величины медаль на уничтоженіе венгерскаго возмущенія. Съ одной стороны — двухглавый россійскій орелъ, съ щитомъ, на которомъ россійскій гербъ, поражаетъ трехглавую гидру. Орелъ осѣненъ лучами Всевидящаго ока, кругомъ славянскими буквами надпись; съ другой—также надпись.

Съ этихъ послѣднихъ четырехъ медалей, штемпеля, подъ моимъ надзоромъ, предварительно приготовлены на стали моими учениками Лялинымъ и Клепиковымъ, и окончательно довершены мною.

Всѣ эти штемпеля, такъ же какъ и штемпеля медалей отечествен-

ной войны и персидской и турецкой войнъ, хранятся на монетномъ дворѣ. Модели же, лѣпленныя мною изъ воска, хранятся у меня.

Также находятся у меня, лѣпленные мною съ натуры, портреты моихъ родныхъ и знакомыхъ, числомъ болѣе сорока.

II.

Въ 1816 году я сочинилъ и вылѣпилъ изъ воску, на аспидныхъ доскахъ, четыре барельефа изъ поэмы Гомера: „Одиссея" (барельефы въ шесть съ половиною вершковъ длины и три вершка высоты).

Первый барельефъ изображаетъ пиршество, въ домѣ Одиссея, искателей руки Пенелопы, жены Одиссея, во время пребыванія послѣдняго на Троянской войнѣ. Молодой Телемакъ особо угощаетъ Минерву, пришедшую къ нему, въ видѣ Ментора, совѣтывать ему ѣхать отыскивать отца.

Второй барельефъ изображаетъ Телемака, пріѣхавшаго, съ однимъ изъ своихъ пріятелей, къ королю Менелаю, гдѣ, по обычаю грековъ того времени, былъ ласково принятъ имъ и женою его, Еленою,—причемъ, Елена, удовлетворяя любопытству незнакомыхъ посѣтителей и разсказывая подробности Троянской войны, распространилась о великихъ подвигахъ Улисса. Телемакъ заплакалъ и былъ узнанъ.

Третій барельефъ изображаетъ возвратившагося Улисса на островъ Итаку. Во время пиршества жениховъ Пенелопы, онъ является въ свой дворецъ, въ видѣ нищаго, которымъ, по обычаю страны, дозволялось входить за подачкою. Телемакъ, по совѣту отца, объявляетъ женихамъ, что тотъ только будетъ владѣть рукою его матери, кто, натянувъ лукъ Одисеевъ, пропуститъ стрѣлу чрезъ повѣшенное въ залѣ кольцо. Ни одинъ изъ жениховъ не въ силахъ натянуть этотъ лукъ. Нищій также выражаетъ свое желаніе участвовать въ этомъ состязаніи. Телемакъ, не смотря на сильное негодованіе ищущихъ руки Пенелопы, велитъ передать нищему лукъ. Одиссей съ легкостью натягиваетъ его и пропускаетъ стрѣлу сквозь кольцо, но второю стрѣлою онъ убиваетъ главнаго преслѣдователя Пенелопы, а потомъ, съ помощію Телемака и одного пастуха, и всѣхъ пировавшихъ, за исключеніемъ Феміуса, пѣвца.

Четвертый барельефъ представляетъ Меркурія, отводящаго прозрачную группу летящихъ тѣней жениховъ Пенелопы въ адъ. У входа ихъ встрѣчаютъ тѣни Агамемнона и Ахилла, удивленныя одновременною смертію стольких юношей. Агамемнонъ, узнавъ одного изъ нихъ, разспрашиваетъ о причинѣ ихъ смерти и узнаетъ о происшедшемъ на островѣ Итакѣ.

Съ этихъ четырехъ восковыхъ барельефовъ я вырѣзалъ, въ со-

ставной крѣпкой мѣди, формы для выливанія въ нихъ гипсовыхъ слѣпковъ. Съ перваго барельефа я вырѣзалъ форму въ 1818 году, со втораго—въ 1820, съ третьяго и четвертаго—въ 1821 и 1822 гг.

Въ бытность его величества Александра Павловича въ Москвѣ, по окончаніи отечественной войны, я поднесъ государю миніатюрный барельефъ, мною сочиненный и вылѣпленный изъ воска на аспидной доскѣ. Онъ изображалъ тріумфальный въѣздъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ, на богатой колесницѣ, влекомой двумя слонами, на спинахъ которыхъ, стоя, сидя и лежа, играютъ музыканты; впереди идутъ, скованные, побѣжденные владыки и вожди; по сторонамъ несутъ на носилкахъ, покрытыхъ коврами, большія, богато-украшенныя скульптурою вазы, жертвенники, треножники, канделябры и другія богатства, добытыя войною. За колесницею идутъ конныя и пѣшія войска, неся на копьяхъ доспѣхи ими побѣжденныхъ. Это шествіе вступаетъ въ Вавилонъ, чрезъ тріумфальныя ворота, украшенныя четырьмя колоннами дорическаго ордена, между которыми стоятъ жертвенники съ пылающимъ огнемъ, статуями и барельефами. На антаблементѣ, въ фризѣ котораго барельефъ изображаетъ конныя и пѣшія сраженія, стоятъ четыре треножныя, античныя курильницы. На послѣднемъ планѣ, въ дали, видны нѣкоторыя зданія, наполненныя народомъ.

Длина всего барельефа не болѣе пяти вершковъ. Фигуры въ немъ величиною въ три четверти дюйма, и ихъ, съ лошадьми и слонами, около ста.

Въ 1847 году было мнѣ поручено, съ соизволенія его величества Николая Павловича, сочиненіе и исполненіе скульптурныхъ украшеній 12-ти вратъ, долженствующихъ находиться по четыремъ сторонамъ воздвигаемаго въ Москвѣ, нашимъ извѣстнымъ зодчимъ Константиномъ Андреевичемъ Тономъ, храма Спасителю. По утвержденіи государемъ сочиненнаго, вылѣпленнаго и произведеннаго мною на мѣди, посредствомъ гальванопластическаго тока, способомъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ въ Петербургѣ въ 1849 году, эскиза западныхъ среднихъ вратъ, я приступилъ къ лѣпкѣ изъ глины, въ настоящую величину моделей, а именно: въ огромныя, круглыя ниши среднихъ вратъ—вверху три, въ сажень величины, горельефныя, почти совершенно круглыя фигуры, изображающія Бога Саваоѳа, на облакахъ, благословляющаго Спасителя, сидящаго на тронѣ, Божію Матерь съ младенцемъ, также сидящую на тронѣ, и въ четвертую нишу—Святаго Духа, въ видѣ голубя въ лучахъ, окруженнаго херувимами.

Въ круглыя большія ниши восьми меньшихъ вратъ—горельефы, изображающіе коллосальныя, ниже колѣна, фигуры разныхъ святыхъ.

На четыре среднія враты, на ихъ створы, въ фигурныхъ нишахъ—16 круглыхъ статуй, немного меньше обыкновеннаго человѣческаго роста, стоящихъ на фигурныхъ кронштейнахъ: 4 евангелиста, съ ихъ эмблемами на кронштейнахъ, 8 апостоловъ и 4 святителя. На остальныя враты—32 поясныхъ, съ руками, изображеній святыхъ, также въ круглыхъ нишахъ, и наконецъ, всѣ скульптурныя украшенія вратъ.

Всѣ эти модели, лѣпленныя мною, по предварительно утвержденнымъ его величествомъ, сочиненнымъ и исполненнымъ мною рисункамъ, я имѣлъ счастіе представлять на утвержденіе государя въ гипсовыхъ слѣпкахъ, при посѣщеніяхъ его величества публичныхъ выставокъ Академіи Художествъ.

Когда всѣ модели 12-ти вратъ были кончены, я получилъ за нихъ письменное благоволеніе его величества, а совѣтомъ Академіи Художествъ удостоенъ званія профессора скульптуры.

Шесть вратъ, совершенно готовыхъ, вылитыхъ бронзовымъ мастеромъ Шопеномъ съ моихъ моделей, стоятъ уже въ храмѣ Спасителя на своихъ мѣстахъ. Утвержденные государемъ рисунки находятся у меня.

На публичныхъ академическихъ выставкахъ я продолжалъ выставлять свои восковые историческіе и миѳологическіе барельефы.

Поднесенные, послѣ коронаціи, императору Николаю Павловичу, съ хлѣбомъ-солью, большія блюда и солонки изъ золота с.-петербургскимъ дворянствомъ и купечествомъ, были сдѣланы по рисункамъ, мною сочиненнымъ; а барельефы, фигуры, аллегорическія эмблемы и всѣ украшенія на нихъ вылиты съ моделей, мною скомпонованныхъ и вылѣпленныхъ изъ воска. Эти два золотыя блюда и двѣ большія солонки, въ античномъ стилѣ, находятся въ Эрмитажѣ его величества, а рисунки и модели у меня.

Также поднесенныя, подъ хлѣбомъ-солью, с.-петербургскимъ купечествомъ ихъ высочествамъ великой княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ, великимъ князьямъ Александру Николаевичу и Константину Николаевичу, и великой княгинѣ Маріѣ Михайловнѣ, при ихъ бракосочетаніи, золотыя блюда и солонки были сдѣланы, по сочиненнымъ мною рисункамъ и лѣпленнымъ мною моделямъ всѣхъ украшеній на нихъ. Рисунки эти находятся также у меня.

III.

Изъ скульптурныхъ произведеній я выставлялъ на академическихъ выставкахъ, сочиненныя и вылѣпленныя мною изъ глины, небольшія статуи: первая изъ нихъ изображала преимущество моральной силы человѣка надъ громадною физическою силою лютаго звѣря. Это представлено

мною въ видѣ молодого человѣка, въ узкой, перекинутой черезъ плечо и спереди спадающей на полъ, драпировкѣ, вмѣсто всякой одежды, съ посохомъ въ рукахъ, ведущимъ на весьма тонкомъ поводѣ большаго, черногриваго африканскаго льва, вылѣпленнаго мною съ натуры.

Другая статуя, такой же величины и также исполненная въ античномъ стилѣ, представляетъ почти обнаженную нимфу, стоящую на колѣнѣ правой ноги на небольшой скалѣ, между тѣмъ, какъ лѣвою ногою она спускается въ большую раковину, въ которую она льетъ воду изъ античнаго кувшина, который держитъ обѣими руками надъ правымъ плечемъ.

Третья статуя, такихъ же размѣровъ, изображаетъ нимфу Аганиппу, дочь рѣки Пермесъ, обращенную въ источникъ: она лежитъ на скалѣ, прикрытая только легкой драпировкой, съ распущенными по плечамъ и скалѣ густыми волосами, съ протянутыми въ изумленіи руками; одна прядь волосъ лежитъ у нее на рукѣ и изъ всѣхъ оконечностей волосъ льется вода. Эта статуя, въ большомъ размѣрѣ, предназначалась для фонтана.

Вторую изъ этихъ статуй я вылѣпилъ изъ глины, въ натуральный ростъ высокой женщины. Это произведеніе доставило мнѣ весьма лестную похвалу совѣта Академіи Художествъ, какъ по идеи, граціозности движенія нимфы, такъ и правильности рисунка всей фигуры.

Въ Петергофскомъ дворцѣ я имѣлъ счастіе представлять эту статую его величеству Николаю Павловичу и получить письменное монаршее благоволеніе, а также повелѣніе вырубить эту статую изъ мрамора и произвесть, гальванопластическимъ способомъ, мѣдную, для фонтана въ нижнемъ саду Петергофа, гдѣ она находится и теперь, внутри мраморной колоннады. Выполненіе же статуи въ мраморѣ, по поводу возникшей съ французами и англичанами войны, приказано мнѣ на время остановить, а такъ какъ приказанія возобновить производство статуи въ мраморѣ не было, то она, по сіе время, осталась въ гипсовомъ слѣпкѣ.

Сочинены, вылѣплены изъ глины и вырублены изъ карарскаго мрамора: 1) бюстъ дремлющаго Морфея (Μορφυς), какъ онъ изображался въ греческой миѳологіи — человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ бородою, съ небольшими крыльями на головѣ, въ знакъ быстроты сновидѣній, и въ густомъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ породы лилій, называемыхъ лупинесъ (Lupinea), которымъ древніе греки приписывали свойство усыпляющее, и 2) грудное изображеніе Спасителя, такъ же какъ и бюстъ Морфея, въ обыкновенный человѣческій ростъ.

По случаю подавленія венгерскаго возстанія былъ мною сочиненъ, вылѣпленъ изъ глины и вырубленъ изъ мрамора большой бюстъ

императора Николая Павловича, въ славянскомъ вооруженіи, съ россійскимъ гербомъ на груди, въ богатомъ шлемѣ, съ верха котораго падаютъ, длинными прядями, конскіе волосы; на лѣвомъ плечѣ накинута царская мантія, которая опускается на пьедесталъ.

Этотъ мраморный бюстъ пріобрѣтенъ княгинею Юсуповой и находится въ ея великолѣпномъ домѣ, на Литейной.

IV.

Въ 1830 году я выгравировалъ на мѣдныхъ доскахъ, au burin, 63 большія гравюры, сочиненныхъ мною и въ контурахъ перомъ сдѣланныхъ, рисунковъ, изображающихъ въ лицахъ поэму Богдановича „Душенька“ („Исторія Амура и Психеи“—Аппулея), писанную имъ въ шутливомъ тонѣ. Я же, изображая эту поэму въ моихъ рисункахъ, держался строгаго, благороднаго и изящнаго стиля лучшаго времени процвѣтанія искусства древней Греціи, т. е. времени Перикла. Зданія, расположеніе и устройство комнатъ, убранство ихъ роскошными драпировками, красивою мебелью съ богатою рѣзьбой, статуями, барельефами, разнообразной формы вазами, украшенными скульптурою, канделябрами, лампами, курильницами, треножниками и всѣмъ, что употреблялось въ то время для украшенія царскихъ палатъ; мужскіе и женскіе костюмы съ ихъ украшеніями, головными уборами; вооруженіе, шлемы, мечи, колесницы, и все, что мнѣ пришлось изобразить въ этихъ рисункахъ, не было скопировано съ антиковъ, существующихъ въ музеумахъ и галлереяхъ, не снято съ рисунковъ сочиненій, описывающихъ древности Греціи, но въ малѣйшихъ подробностяхъ сочинено мною, сообразно съ вкусомъ и обычаями того времени Греціи, въ которое я перенесъ поэму Богдановича.

Его высочество герцогъ Лейхтенбергскій, въ то время президентъ академіи, съ соизволенія государя, послалъ по экземпляру этого изданія: королю прусскому, императору австрійскому, королямъ шведскому, баварскому, саксонскому и многимъ европейскимъ Академіямъ Художествъ, между прочими, и флорентинской, гдѣ я также членомъ. Отъ всѣхъ этихъ академій я, при весьма лестныхъ отзывахъ о моемъ трудѣ, получилъ золотыя, перваго достоинства, медали.

Отъ шведскаго короля я получилъ командорскій крестъ сѣверной полярной звѣзды.

Отъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма получилъ собственноручное письмо съ большою золотою медалью, назначенною за заслуги въ наукахъ. Вотъ это письмо:

„Monsieur le Comte! C'est avec un intéret tout particulier, que j'ai reçu votre illustration du poéme „Douschinka“, que Vous avez eu l'at-

tention de me fair parvenir, par son Altesse Impériale le duc de Leichtenberg. Appréciant le zèle, qui Vous anime pour les sciences et les beaux-arts, je me plais à Vous offrir, comme une marque de Ma satisfaction le médaille cijointe, destinée aux mérites dans les sciences, et à Vous assurer en même temps de mon éstime et de Ma bienveillance. Sur ce je prie Dieu, qu'il Vous tienne dans Sa saint et digne garde. Votre affectioné Frédéric Guillaume".

Charlottenbourg, le 17 Mars 1852.

Какъ оригинальные мои рисунки поэмы Богдановича „Душенька", такъ и гравированныя съ нихъ мною 63 мѣдныя доски находятся у меня.

V.

Въ 1845 году, по повелѣнію его величества Николая Павловича, особымъ комитетомъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, устроено было при Академіи Художествъ мозаическое заведеніе, котораго я и былъ начальникомъ, по художественной части. Къ освященію Исаакіевскаго собора, мозаичнымъ заведеніемъ были доставлены въ коммиссію Исаакіевскаго собора четыре колоссальные образа, исполненные мозаикой.

VI.

Маслянными красками написаны мною три картины; двѣ изъ нихъ были на выставкѣ въ Академіи Художествъ. Первая картина, написанная мною въ 1830 году, изображаетъ перспективу моихъ комнатъ. На первомъ планѣ у стѣны, на которой виситъ картина Вернета старшаго, стоитъ диванъ, передъ нимъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На этомъ диванѣ и около стола расположена мною семейная группа—жена моя, двѣ малолѣтнія дочери и я самъ, занимающійся лѣпкою статуи молодаго человѣка со львомъ. Величина главныхъ фигуръ этой группы въ полъ аршина вышины. Возлѣ дивана, въ правую сторону отъ зрителя, настежъ отворенныя двери, въ которыя видна слѣдующая комната. Тамъ зеркало, по сторонамъ его стоятъ на пьедесталахъ копіи съ античныхъ статуй Апполона и Венеры. На полу лежитъ лягавая собака. Противоположныя двери этой комнаты также отворены настежъ, въ нихъ видна третья комната, въ которой прямо у стѣны стоитъ трюмо̀, въ правой сторонѣ у окна дама шьетъ въ пяльцахъ, а влѣво, на античномъ пьедесталѣ, стоитъ мною вылѣпленный бюстъ Морфея, съ драпировкой, перекинутой ему черезъ плечо.

Сюжетъ второй картины взятъ мною изъ шотландской баллады о королѣ Варвигѣ.

Картина представляетъ наводненіе въ бурную осеннюю ночь;

вдали видѣнъ королевскій зáмокъ, окруженный водою; на первомъ планѣ небольшая парусная лодка, подъ управленіемъ сѣдаго, длиннобородаго старца; въ лодкѣ находится Варвигъ, и, по указанію старца, протягиваетъ руку къ младенцу, который, стоя на выходящемъ изъ воды камнѣ, молитъ о спасеніи. Картина освѣщена луною, прорѣзывающеюся между облаковъ. Фигуры въ этой картинѣ также въ полъ аршина.

Третья картина, написанная мною въ 1855 г., есть видъ, писанный съ натуры въ саду дачи, въ Филяндіи; она изображаетъ скалу съ множествомъ колоссальныхъ, поросшихъ мѣстами кустарникомъ и папоротникомъ, камней. Изъ-за нихъ видна часть бесѣдки; справа изъ сада спускается крутая тропинка, по которой сходятъ двѣ дѣвочки въ соломенныхъ, съ широкимъ полями, шляпкахъ; мать ихъ издали слѣдуетъ за ними. Въ этихъ двухъ дѣвочкахъ портреты моихъ дочерей отъ втораго брака. Фигуры вышиною въ четверть аршина.

Всѣ эти три картины находятся у меня.

VII.

Въ 1840 г. я сочинилъ и написалъ программу балета, взявъ для того сюжетъ изъ скандинавскихъ преданій. Къ этому балету я скомпоновалъ и нарисовалъ всѣ позы солистовъ обоего пола, какъ въ ихъ отдѣльныхъ разнообразныхъ танцахъ, такъ и въ общихъ группахъ; нарисовалъ всѣ игры того племени, состязанія въ силѣ, борьбѣ, проворствѣ на бѣгу, стрѣльбѣ изъ лука и искусствѣ владѣть копьемъ и мечемъ; нарисовалъ также всѣ поединки и сраженія.

Костюмы были написаны мною акварелью. Финальная сцена, съ декораціями и всѣми дѣйствующими лицами, изображена мною въ большомъ рисункѣ, окончательно сдѣланномъ перомъ и выгравированномъ на мѣдной доскѣ. Въ ней на облакахъ является храмъ Валгалы, со всѣми богами скандинавской миѳологіи, окруженными тѣнями убитыхъ на войнѣ воиновъ и бардовъ, которые, сплетясь руками съ живыми, танцуютъ частью на землѣ и частью на воздухѣ.

Я имѣлъ счастье представлять этотъ балетъ государю, императрицѣ и всей царской фамиліи, которымъ понравились и программа балета и рисунки. Я получилъ приказаніе отъ министра двора передать программу балета и рисунки дирекціи императорскихъ театровъ, такъ какъ его величество изволилъ разрѣшить поставить этотъ балетъ на сцену с.-петербургскаго Большаго театра.

Но балетъ мой не былъ данъ, и какъ я узналъ уже въ 1846 году, отъ директора театровъ, во-первыхъ, по причинѣ дороговизны постановки такого обширнаго балета; во-вторыхъ, потому, что будто бы

петербургская публика не любитъ серьезныхъ эстетическихъ балетовъ, гдѣ, помимо танцевъ, артисты должны пантомимою и мимикою изображать цѣлыя драмы, а любитъ въ балетахъ только одни танцы, граціозныя и страстныя позы солистовъ.

Всякій настоящій балетъ, изображая дѣйствіе какой-нибудь драмы, какъ я полагаю, при каждой сценѣ, вмѣстѣ съ танцами, долженъ представлять зрителямъ цѣлую картину, составленную изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и декорацій такъ, чтобы не оставалось никого и ничего на сценѣ, не включеннымъ въ общую картину. Поэтому второй сочиненный мною балетъ, заимствованный изъ греческой миѳологіи, я весь изобразилъ въ 48 рисункахъ, окончательно исполненныхъ мною перомъ, такимъ же образомъ, какъ исполнена мною поэма „Душенька", въ ту же величину листа и фигуръ. Ни программы балета, ни рисунковъ я еще не представлялъ его величеству.

Программы и рисунки обоихъ балетовъ находятся у меня.

Кромѣ рисунковъ, которые я имѣлъ счастье дѣлать въ альбомы ихъ величествъ, императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ, Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Александрѣ Ѳедоровнѣ, у меня находится большаго формата альбомъ, слишкомъ въ 90 рисунковъ, мною сочиненныхъ и окончательно исполненныхъ: карандашемъ, сепіей, перомъ въ контурахъ и водяными красками, но не акварельною или гвашевою живописью, а принятымъ мною способомъ располагать корпусными красками, приготовляемыми для миніатюрныхъ работъ.

Въ этомъ альбомѣ около 50 рисунковъ во весь листъ альбома; они изображаютъ разные сюжеты изъ священнаго писанія, всемірной исторіи и миѳологіи; остальные—различныхъ величинъ и сюжетовъ, болѣе всего рисованные красками съ натуры—цвѣты, букеты въ стеклянныхъ сосудахъ, фрукты, ягоды, съ упавшими съ нихъ росинками, бразильскія птички съ ихъ разноцвѣтными, съ металлическимъ отблескомъ перышками, бабочки съ ихъ фантастически-изпещренными крыльями, стрекозы, жучки; также рисованный съ натуры красками левъ. Есть нѣсколько проэктовъ памятниковъ, изъ коихъ одинъ въ видѣ древняго саркофага, съ высокими треножными курильницами по угламъ, на огромномъ паралелогранномъ камнѣ, сочиненный и нарисованный мною для памятника почетному гражданину И. В. Кусову,—поставленъ надъ его могилою на кладбищѣ Невскаго монастыря; есть нѣсколько видовъ съ натуры, фасадъ дачи на Кавказѣ и 7 проэктовъ фонтановъ изъ группъ наядъ, амуровъ и тритоновъ, въ нижній садъ петергофскаго дворца. По приказанію его величества Николая Павловича, съ нихъ копіи переданы ея высочеству Маріи Николаевнѣ.

VIII.

Послѣднее мое художественное произведеніе есть осьмиугольный медальонъ одной формы и величины съ медальонами, исполненными мною на отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ.

По объявленіи свободы крестьянъ во всей Россіи, исполненный чувствомъ глубокаго благоговѣнія къ этому великому событію, обусловливающему счастіе и величіе нашего отечества, я предпринялъ, въ память его, сочинить и вылѣпить изъ воска медальонъ, изображающій виновника этого событія императора Александра II: въ славянскомъ вооруженіи, въ шлемѣ и порфирѣ, озаренный свыше Божественнымъ лучемъ, попирая ногою изломанное ярмо, соединяетъ онъ стоящихъ по обѣимъ его сторонамъ боярина и крестьянина. Послѣдніе подаютъ другъ другу руки, въ знакъ неразрывнаго согласія подвизаться за-одно для славы и блага родины. Кругомъ славянскими буквами надпись, взятая изъ древней русской пѣсни:

«Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на сей землѣ, слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтла, слава!»

Съ этого медальона, вылѣпленнаго изъ воска, я сдѣлалъ галваническимъ способомъ форму, чтобы отливать изъ гипса, и прошелъ эту форму окончательно рѣзцемъ.

Его величеству государю императору Александру Николаевичу угодно было приказать съ этого медальона дѣлать на монетномъ дворѣ медали.

Кромѣ описанныхъ выше моихъ произведеній, я сочинилъ и вылѣпилъ изъ воска и глины множество юбилейныхъ вазъ, блюдъ, которыя не входятъ въ счетъ здѣсь представленныхъ мною произведеній.

Графъ Ѳ. П. Толстой.

1873 г.

ДѢЛО ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА КОПЬЕВА.

Разсказъ изъ времени управленія Кавказомъ кн. Воронцовымъ.

1845—1850.

Перебирая мои бумаги, я нашелъ въ нихъ замѣтки относительно событія, надѣлавшаго, въ свое время, много шуму, и дѣйствительно замѣчательному. Теперь, когда прошло болѣе четверти вѣка съ тѣхъ поръ, какъ дѣло это возникло, когда главныя, дѣйствовавшія въ немъ лица уже давно предстали предъ судомъ Предвѣчнаго Судіи, а изъ участвовавшихъ въ его производствѣ лицъ, сколько мнѣ извѣстно, только я одинъ обрѣтаюсь еще живымъ, считаю себя обязаннымъ собрать въ одно цѣлое эти замѣтки. Но для ясности разсказа необходимо сдѣлать отступленіе и сказать нѣсколько словъ о себѣ.

Я имѣлъ честь служить въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку, и безъ хвастовства скажу, что, по знанію мною службы, считался не изъ послѣднихъ офицеровъ полка.

Въ 1839 году я женился. Слабое здоровье жены потребовало пребыванія въ тепломъ климатѣ и я вынужденъ былъ оставить, сулившую мнѣ, по началу, блестящую карьеру, службу въ преображенскомъ полку и отправиться на Кавказъ, въ эриванскій карабинерный полкъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1843 года состоялся мой переводъ; но, должно быть, не въ добрый часъ затѣялъ я его, потому что съ этого времени начинаются всѣ мои бѣдствія и неудачи.

Въ началѣ 1845 года послѣдовало назначеніе графа Михаила Семеновича Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ кавказскою арміею, съ такими правами и преимуществами, какія, до того, не были дарованы ни одному, когда-либо начальствовавшему на Кавказѣ, лицу. Говорить о произведенномъ этимъ назначеніемъ впечатлѣніи, въ Грузіи и на Кавказѣ вообще, было бы здѣсь излишне: всѣ были преисполнены великихъ надеждъ и встрѣтили

графа съ неописаннымъ восторгомъ. Но на первыхъ порахъ, кромѣ чрезмѣрнаго наплыва чиновнаго люда, военнаго и статскаго, послѣдовавшаго за графомъ изъ Одессы и вновь навербованнаго въ Петербургѣ, ничего особеннаго не произошло; а такъ какъ экспедиція въ Дарго была рѣшена, то его сіятельство вскорѣ отправился въ Темиръ-Ханъ-Шуру и все осталось на основаніи прежнихъ порядковъ, хотя многихъ тяготило тайное предчувствіе, что буря не за горами. Дѣйствительно, съ ноября мѣсяца того же года, всѣ и вся въ Тифлисѣ переполошились: вернулся князь Михаилъ Семеновичъ, привезя съ собою глубокое убѣжденіе, что въ Грузіи и на Кавказѣ укоренились страшныя злоупотребленія, что всюду господствуетъ своевластіе, казнокрадство и тому подобныя гражданскія доблести; у подъѣзда князя привѣшенъ былъ знаменитый желтый ящикъ, куда каждый могъ, безнаказанно, опускать безъимянные доносы, ябедныя письма, пасквили (въ которыхъ, иногда не щадили и самого князя), словомъ— все, что вздумалось; и по всѣмъ такимъ доносамъ, ябедамъ и часто явнымъ клеветамъ, немедленно назначались слѣдствія и дознанія, поручавшіяся нерѣдко людямъ, заинтересованнымъ обвинить личность, надъ которою они производили дознаніе или слѣдствіе. Переполохъ и сумбуръ вышли страшные, доходившіе иногда до полнѣйшаго комизма; такъ, мнѣ привелось быть свидѣтелемъ одной, весьма забавной сцены: собрались мы однажды, вечеромъ, у всѣми уважаемаго, любимаго доктора И. А. Попейко, поиграть въ вистъ, до котораго онъ былъ страстный охотникъ; вдругъ за однимъ столомъ возникла между играющими ссора, за какой-то неправильный ходъ, и одинъ изъ ссорившихся пресерьезно сказалъ другому: „я на васъ завтра же напишу безъимянный доносъ и опущу его въ желтый ящикъ!“ Разумѣется, что выходка была встрѣчена общимъ, неудержимымъ хохотомъ и стоила хозяину нѣсколькихъ лишнихъ бутылокъ шампанскаго; но она, какъ нельзя лучше, характеризуетъ общее, въ то время, настроеніе умовъ и доказываетъ вполнѣ несостоятельность принятія крайнихъ мѣръ, вызванныхъ даже самыми честнѣйшими и самыми теплыми побужденіями на общую пользу и благо края. Въ добрыхъ же и благихъ намѣреніяхъ князя Михаила Семеновича Воронцова ужъ, конечно, никто не усумнится. Но ошибаться, увы! присуще человѣку.

Итакъ, сумбуръ и перелеполохъ въ Тифлисѣ были общіе; но когда разнеслась вѣсть, что командиръ грузинскаго гренадерскаго полка, флигель-адъютантъ его императорскаго величества, полковникъ Юрій Алексѣевичъ Копьевъ отрѣшенъ отъ командованія полкомъ, преданъ военному суду и будетъ лишенъ званія флигель-адъютанта,

тогда ужасъ овладѣлъ всѣми, и пресловутый желтый ящикъ, грозно вывѣшенный у главнаго подъѣзда дворца князя-намѣстника, принялъ какой-то особенный видъ; были и такіе робкіе смертные, которые, проходя мимо его, украдкою клали на себя крестное знаменіе и творили молитвы въ родѣ: „помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его" и т. д. Дѣйствительно, событіе было крупное, да и обвиненія, возведенныя на Копьева, немаловажны: онъ обвинялся въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными ему солдатами полка, вслѣдствіе чего, одинъ изъ нихъ лишилъ себя жизни чрезъ повѣшеніе,—каковое происшествіе, будто бы, скрыто по приказанію Копьева,—и въ недоброкачественности провіанта, поставлявшагося имъ для полка на коммерческомъ правѣ, отчего значительно увеличилась смертность нижнихъ чиновъ и терялось на очищеніе до двадцати фунтовъ въ кулѣ муки, что и относилось на отвѣтственность ротъ и командъ, пополнявшихъ убыль эту собственными артельными деньгами. Слова нѣтъ, что если бы обвиненія оказались справедливыми, то полковникъ Копьевъ вполнѣ былъ бы достоенъ постигшей его участи и, конечно, ни въ комъ не встрѣтилъ бы къ себѣ состраданія и сочувствія; но негласные слухи объ этомъ событіи ходили совершенно другіе по Тифлису: говорили, напримѣръ, что вся суть заключается въ старинной враждѣ князя Воронцова съ отцемъ Копьева, извѣстнымъ проказникомъ и любимцемъ императора Павла Петровича; что доносъ на Копьева былъ безъимянный и писанъ личнымъ врагомъ его, котораго онъ выжилъ изъ полка, какъ человѣка негоднаго; что, наконецъ, производство дознанія, по этому доносу, порученное полковнику Г**, который давно, но безуспѣшно домогался получить въ свое командованіе какой-либо полкъ, ведено имъ совершенно неправильно, съ предвзятою цѣлью обвинить Копьева, выслужиться тѣмъ передъ княземъ и, въ награду за такой недостойный поступокъ, быть назначеннымъ командиромъ грузинскаго гренадерскаго полка. Какъ бы то ни было, но вскорѣ полученъ былъ высочайшій приказъ, которымъ полковникъ Копьевъ лишался званія флигель-адъютанта его величества и предавался военному суду арестованнымъ въ Тифлисѣ. Тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ вообще произвело это извѣстіе, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе, какъ я уже сказалъ, далеко не безусловно обвиняло Копьева. Какая громадная разница съ событіемъ, происшедшимъ въ Тифлисѣ 8 или 9 лѣтъ передъ тѣмъ! Тогда, въ лишеніи званія флигель-адъютанта и въ преданіи военному суду командира эриванскаго карабинернаго полка, полковника князя Дадьяна, всѣ видѣли вполнѣ заслуженную имъ кару за противузаконныя его дѣйствія и управленіе полкомъ, какъ бы наслѣдственною вотчиною

крѣпостныхъ крестьянъ. Копьева же положительно никто не обвинялъ, а всѣ наперерывъ старались выказать ему участіе и сочувствіе, и, не смотря на строжайшій арестъ, которому онъ былъ подвергнутъ, находили все-таки возможность утѣшать и успокоивать несчастнаго страдальца.

Въ члены коммиссіи военнаго суда, наряженнаго надъ полковникомъ Копьевымъ, попалъ и я; составлена же она была такъ: презусъ—генералъ-маіоръ Чекмаревъ; ассессоры: артиллеріи полковники князь Бектабековъ и Чаплицъ; маіоры: эриванскаго карабинернаго полка я, Фелькнеръ, мингрельскаго егерскаго—Гаркушенко, тифлисскаго егерскаго — Воронченко и тифлисскій плацъ-адъютантъ, капитанъ (впослѣдствіи маіоръ) Гурскій; аудиторъ—Кабенинъ.

Никогда не забуду я перваго засѣданія коммиссіи, когда мы, принявъ, по обряду суда, присягу, послали члена плацъ-адъютанта Гурскаго за полковникомъ Копьевымъ, а по прибытіи его, прочли предписаніе объ открытіи коммиссіи военнаго суда и предложили ему заявить, не имѣетъ-ли онъ законныхъ причинъ къ устраненію кого-либо изъ членовъ? Никто изъ насъ не узнавалъ въ этомъ, представшемъ предъ нами, убитомъ горемъ штабъ-офицерѣ, за два мѣсяца предъ тѣмъ блестящаго, счастливаго флигель-адъютанта государя императора, полковника Копьева. Передъ нами смиренно, съ поникшей головой, стоялъ, внимательно слѣдя за чтеніемъ аудитора, дряхлый, согбенный старикъ, въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ котораго серебрилась недавняя, обильная сѣдина; морщины быстро избороздили знакомое намъ пріятное, красивое лицо его, а глаза, такъ недавно озарявшіеся пламенемъ счастія и вѣры въ будущее, теперь тускло глядѣли изъ-подъ нависшихъ бровей, и невольная, неудержимая слеза вытекала изъ нихъ на исхудавшія, почернѣвшія щеки.

Мертвая тишина царила въ коммиссіи во время чтенія аудитора; безмолвно выслушали мы Копьева, сказавшаго, что онъ не считаетъ себя вправѣ сомнѣваться въ комъ-либо изъ насъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ, какъ въ благородствѣ и безпристрастіи нашемъ, такъ и въ своей невинности, и твердо уповаетъ, что, при благонамѣренныхъ и нелицепріятныхъ дѣйствіяхъ членовъ коммиссіи, одушевляемыхъ принятою ими предъ лицомъ Бога Всемогущаго присягою, истина, а съ нею и правота его восторжествуютъ и козни враговъ его обратятся на ихъ преступныя головы. Не знаю, что происходило въ сердцахъ моихъ сотоварищей, но я задыхался отъ душевнаго волненія и тогда же далъ себѣ обѣтъ употребить всѣ средства, всѣ усилія мои, чтобы правда была обнаружена, и быть строго безпристрастнымъ и справедливымъ въ этомъ дѣлѣ, хотя бы подвергся

самъ всякимъ невзгодамъ отъ сильныхъ міра сего. Обѣтъ этотъ былъ, видимо, принятъ Господомъ силъ, избравшимъ меня орудіемъ святой воли своей, и все впослѣдствіи случилось по внутреннему предчувствію моему.

Затѣмъ начались ежедневныя засѣданія коммиссіи; но на первыхъ же порахъ всѣмъ рѣзко бросилось въ глаза, что полковникъ Копьевъ былъ преданъ суду безъ формальнаго слѣдствія, какъ то требуется основными законами нашего судопроизводства; что къ обвиненію его, послужили: а) дознаніе, произведенное полковникомъ Г**, безъ присяжныхъ или даже письменныхъ показаній, спрошенныхъ, будто бы, имъ лицъ, и б) представленная имъ же, Г**, проба недоброкачественнаго хлѣба, вреднаго для употребленія въ пищу, испеченнаго, будто бы, изъ поставлявшагося Копьевымъ провіанта и взятая, по завѣренію Г** же, въ пекарнѣ инвалидной полуроты грузинскаго гренадерскаго полка. Непостижимо было, какъ могъ полковникъ Г**, прослужившій много лѣтъ въ военной службѣ, допустить въ столь важномъ дѣлѣ такіе непростительные промахи, какъ представленіе пробы хлѣба, опечатанной только его печатью, безъ составленія акта о взятіи таковой именно въ пекарнѣ инвалидной полуроты и именно такого качества, за подписомъ и приложеніемъ печатей дежурныхъ офицеровъ по полку и баталіону, командира и артельщика полуроты и дежурнаго по госпиталю медика? Какъ бы не взять ни одного формальнаго показанія отъ спрошенныхъ имъ, о злоупотребленіяхъ полковника Копьева, нижнихъ чиновъ, а говорить глухо, что такіе-то и такіе-то сообщили ему то-то и то-то, забывая, что отъ оффиціальной передачи этихъ, крайне неопредѣленныхъ, разсказовъ начальству, зависѣли участь и честь человѣка, до того ничѣмъ незапятнаннаго, пользовавшагося общимъ уваженіемъ и высокимъ благоволеніемъ государя императора? Невольно приходилось задаваться мыслію, что дѣло это выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ; что обвиненія голословны, не подтверждены присяжными показаніями; что поспѣшность, съ которою рѣшалась судьба Копьева, болѣе чѣмъ загадочна и подозрительна; что только отъ добросовѣстнаго и неуклонно-честнаго образа дѣйствій членовъ коммиссіи зависитъ разъясненіе истины, и что этого имъ слѣдовало, во что бы то ни стало, добиться. Таково было мое убѣжденіе, и я неизмѣнно руководился имъ до конца; раздѣляли-ли его прочіе члены коммиссіи и сочувствовали-ли мнѣ,—не знаю; но упущенія Г** были такъ очевидны; невозмжность постановить приговора, безъ предварительнаго производства слѣдствія, столь непреложна, что, по первому заявленію моему о томъ, всѣми признано было необходимымъ просить разрѣшенія высшей власти, командировать для

этой надобности двухъ или трехъ членовъ коммиссіи, при аудиторѣ, въ г. Гори, штабъ-квартиру грузинскаго гренадерскаго полка; до полученія же отвѣтнаго по сему предписанія, засѣданія коммиссіи пріостановить.

Ходатайство коммиссіи, о разрѣшеніи производства слѣдствія, было принято неблагосклонно, и еслибы не личное вліяніе начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта П. Е. Коцебу, признавшаго справедливость таковаго, то въ немъ несомнѣнно было бы отказано; но вотъ, однажды, презусъ пригласилъ насъ въ засѣданіе, прочелъ намъ полученное собственно имъ,—не по званію презуса коммиссіи военнаго суда, учрежденной при тифлисскомъ ордонансъ-гаузѣ надъ полковникомъ Копьевымъ, а какъ генералъ-маіоромъ Чекмаревымъ,—предписаніе такого содержанія, что „хотя князь-намѣстникъ вполнѣ убѣжденъ въ виновности полковника Копьева, достаточно обнаруженной уже какъ дознаніемъ, произведеннымъ полковникомъ Грекуловымъ, такъ и въ особенности пробою хлѣба, представленною этимъ штабъ-офицеромъ, но, для вящаго раскрытія злоупотребленій Копьева, разрѣшаетъ отправить въ г. Гори, для производства формальнаго слѣдствія, трехъ членовъ коммиссіи при аудиторѣ, подъ предсѣдательствомъ г. презуса“.

Прочитавъ эту, по истинѣ замѣчательную, бумагу, генералъ-маіоръ Чекмаревъ сложилъ ее и спряталъ въ карманъ, а аудитору предложилъ составить протоколъ о точномъ ея исполненіи; всѣ члены безмолвствовали, украдкою поглядывая другъ на друга, какъ бы желая высказать тѣмъ, что они пришли къ убѣжденію, что напрасно навлекли на себя неудовольствіе князя-намѣстника, такъ какъ безусловное признаніе его сіятельствомъ виновности Копьева, ясно доказываетъ, что ничто его не оправдаетъ, потому что.... ну, хотя потому, что сила солому ломитъ! Я одинъ смотрѣлъ на это иначе; я глубоко сознавалъ, что теперь-то именно наступила рѣшительная минута дѣйствовать и что, упустивъ ее, дѣло ничѣмъ уже не исправить; а потому, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ попросилъ г. презуса еще разъ прочитать предписаніе; когда же онъ это исполнилъ и затѣмъ вновь собирался спрятать бумагу, то я заявилъ мнѣніе, что она необходимо должна быть пріобщена къ дѣлу, какъ документъ, разрѣшающій производство слѣдствія; что ее слѣдуетъ выслушать и передать аудитору, а отнюдь не прятать. Генералъ-маіоръ Чекмаревъ, видимо смущенный такимъ требованіемъ, принялся горячо мнѣ возражать, опираясь на то, что предписаніе адресовано лично ему, а не презусу коммиссіи; но на это я совершенно спокойно и твердо отвѣчалъ, что, въ такомъ случаѣ, не нужно было вовсе читать его въ

присутствіи суда; а то, что разъ прочитано, то по закону должно быть пріобщено къ дѣлу, присовокупивъ при томъ, что если мое справедливое желаніе почему-либо не будетъ исполнено, то я вынужденнымъ найдусь представить особое объ этомъ мнѣніе, съ прописаніемъ текста предписанія. Невмѣшательство прочихъ членовъ въ этотъ споръ нашъ ободряло генералъ-маіора Чекмарева и онъ настойчиво продолжалъ упорствовать, такъ что я приступилъ уже къ составленію протеста; но, въ это время, аудиторъ, подойдя къ нему, началъ шепотомъ что-то ему говорить, вѣроятно, разъяснять несостоятельность его упорства,—и тогда генералъ Чекмаревъ передалъ предписаніе ему, приказавъ, во всеуслышаніе, составить протоколъ. Такъ какъ я только этого домогался, то подавать мнѣніе дѣлалось безполезнымъ; а потому, дождавшись написанія и подписанія протокола и убѣдясь, что знаменитое предписаніе, дѣйствительно, пріобщено къ дѣлу, я, совершенно довольный и счастливый такимъ успѣхомъ, оставилъ присутствіе коммиссіи.

Считаю излишнимъ разъяснять всю важность одержанной мною побѣды. Каждый легко пойметъ, что пріобщеніе къ дѣлу такого знаменательнаго документа, какъ это предписаніе, которымъ явно обнаруживалось предвзятое убѣжденіе высшей въ краѣ власти въ несомнѣнной, хотя фактически еще не доказанной, виновности Копьева, послужитъ, при разсмотрѣніи дѣла въ генералъ-аудиторіатѣ, непреложнымъ фактомъ, что Копьевъ не настолько преступенъ, насколько имѣлось въ виду это выставить и, быть можетъ, сдѣлается какъ бы точкою опоры для его оправданія.

Не скрою, что въ этотъ день я былъ совершенно счастливъ и доволенъ собою,—но, увы! такому блаженному состоянію не суждено было долго длиться,—къ вечеру разсыльный казакъ привезъ мнѣ изъ корпуснаго штаба повѣстку, чтобы я на завтра, въ десять часовъ утра, явился къ князю-намѣстнику. Дѣлать было нечего; и за полчаса до пазначеннаго времени, я уже былъ въ пріемной, откуда дежурный адъютантъ, штабъ-ротмистръ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, ввелъ меня въ кабинетъ князя Воронцова. Онъ встрѣтилъ меня на серединѣ комнаты и холодно—вѣжливо отдалъ мнѣ поклонъ, откинувъ притомъ обѣ руки на спину. Нѣсколько секундъ прошло въ тяжеломъ молчаніи; по едва замѣтному подергиванію тонкихъ губъ его и напряженной иронической улыбкѣ, я тотчасъ замѣтилъ, что князь не на шутку взволнованъ и что разговоръ будетъ серьезный.

— „Я позвалъ васъ", началъ князь, „для того, чтобы сказать вамъ, что мнѣ очень не нравятся возраженія, которыя вы позволяете

себѣ дѣлать въ коммиссіи военнаго суда надъ полковникомъ Копьевымъ; вамъ извѣстно, что я признаю штабъ-офицера этого виноватымъ, а потому оправдать его нельзя."

На отвѣтъ мой, что всѣ обстоятельства дѣла этого разъяснятся слѣдствіемъ, которое, съ разрѣшенія его сіятельства, будетъ произведено командированными для того членами суда, а что теперь еще нѣтъ законнаго основанія признать Копьева безусловно виноватымъ и постановить приговоръ,—онъ, съ явнымъ неудовольствіемъ, продолжалъ:

— „Мнѣ нѣтъ дѣла до слѣдствія; это все вздоръ; приказываю вамъ, отнюдь никакихъ мнѣній не подавать, и чтобы дѣло Копьева было окончено, въ кратчайшій срокъ, его обвиненіемъ. Слышите! я этого требую!"

Вся кровь хлынула мнѣ въ голову, при этихъ жестокихъ словахъ, и я едва устоялъ на ногахъ. Всѣ, самыя теплыя, самыя святыя мои вѣрованія и убѣжденія разбивались ими въ прахъ; сердце мое было какъ бы надорвано ими,—но я былъ тогда молодъ, впечатлителенъ и пылокъ, а потому, скоро оправившись отъ невольнаго смущенія и собравъ всѣ силы, твердо отвѣчалъ:

— „Не могу, ваше сіятельство, считать мои дѣйствія въ дѣлѣ полковника Копьева неправильными; принявъ же разъ присягу, обязанъ поступать по долгу совѣсти и чести, и не могу допустить, чтобы намѣстникъ справедливаго и милостиваго царя русскаго требовалъ отъ меня чего-либо инаго. Утѣшаю себя мыслію, что вашему сіятельству угóдно было только испытать твердость моихъ убѣжденій."

— „Очень радъ, что вы такъ вѣрно поняли мои намѣренія", живо возразилъ князь,—„будьте увѣрены, что я не забуду этого разговора; прощайте" [1]).

Съ этими словами онъ быстро повернулся и пошелъ къ письменному столу; я же, почтительно поклонясь ему, вышелъ изъ кабинета. Должно быть наружность моя ясно выражала происходившее, въ то время, въ душѣ моей волненіе, потому чтó князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, съ свойственнымъ ему сорказмомъ, прощаясь со мною, сказалъ:

— „Il parait que Vous avez eu aujourd'hui votre Dargo!" [2])

Хотя въ этихъ словахъ князя слышался ѣдкій намекъ на многое и на многихъ, а также и на то, что я не участвовалъ въ знаменитой

---

[1]) Слова князя М. С. Воронцова и мои отвѣты, были записаны мною въ тотъ же день на моихъ памятныхъ листкахъ, а потому въ точности ихъ сомнѣнія быть не можетъ. А. Ф.

[2]) Кажется, и вы побывали сегодня въ Дарго.

экспедиціи прошлаго года,—но они пришлись мнѣ тогда по сердцу и я, крѣпко пожавъ руку привѣтливаго князя, совершенно успокоенный его милою шуткою, поспѣшилъ оставить чертоги князя-намѣстника.

Слухъ о томъ, что князь-намѣстникъ вызывалъ меня, что онъ не доволенъ моими отвѣтами, быстро распространился по городу и полкамъ, и пересудамъ не было конца; отъ меня даже, какъ отъ прокаженнаго, стали иные сторониться. Но меня это нисколько не волновало и не тревожило; твердое убѣжденіе, что я честно исполнилъ свою обязанность, что дѣйствіями моими не руководили какія-либо пристрастныя побужденія или корыстныя цѣли, успокоивало мою совѣсть, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія слѣдственной коммиссіи и возобновленія засѣданій суда. Около двухъ мѣсяцевъ прошло въ такомъ ожиданіи, тѣмъ болѣе тягостномъ, что о дѣйствіяхъ коммиссіи не было никакихъ слуховъ; но по тому непреложному закону природы, по которому всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, кончились и труды ея, и она, въ полномъ своемъ составѣ, прибыла въ Тифлисъ, привезя фоліанты спросовъ, показаній, актовъ, книгъ и прочаго.

Прошло еще нѣсколько дней, употребленныхъ аудиторомъ на приведеніе въ порядокъ произведеннаго коммиссіею слѣдственнаго дѣла,—и начались, такъ нетерпѣливо ожидаемыя, засѣданія, въ которыхъ раскрылась передъ нами вся истина, всѣ козни и интриги, жертвою которыхъ былъ злосчастный Копьевъ. Не даромъ же общественное мнѣніе не обвиняло его,—не даромъ указывало оно на ложный, безименный доносъ на него тайнаго врага и на недобросовѣстность дознанія, произведеннаго полковникомъ Г**. Вообразите себѣ, что буквально ни одинъ обвинительный, противъ Копьева, пунктъ не подтвердился, какъ показаніями, спрошенныхъ подъ присягою, нижнихъ чиновъ, на словесныя сообщенія которыхъ указывалъ Г**, такъ и тщательною повѣркою артельныхъ и харчевыхъ книгъ, скорбныхъ листовъ полковаго госпиталя и другими фактами. Что же касается пробы хлѣба, представленной Г**, то никто изъ чиновъ грузинскаго гренадерскаго полка даже не зналъ, когда и гдѣ таковая имъ взята. Не правда-ли, что такая таинственность въ дѣлѣ, которое требовало, напротивъ того, непреложнаго оффиціально засвидѣтельствованнаго удостовѣренія, что проба хлѣба этого точно взята въ пекарнѣ инвалидной полуроты и что именно такимъ недоброкачественнымъ хлѣбомъ пользовались нижніе чины полуроты, болѣе чѣмъ предосудительна и давала полное право осуждать полковника Г** и заподозрить его въ злонамѣренномъ оклеветаніи Копьева, съ предвзятою, корыстною цѣлью,

опираясь на безъимянный доносъ, которымъ, къ несчастію, былъ введенъ въ заблужденіе и самъ князь-намѣстникъ.

Вотъ сущность полученныхъ, по разсмотрѣніи слѣдствія, выводовъ

Относительно повѣсившагося рядоваго оказалось, что онъ, за нѣсколько недѣль до самоубійства, сильно запилъ (что съ нимъ и прежде случалось) и сдѣлалъ самовольную отлучку изъ своей команды, продолжавшуюся нѣсколько дней; когда же онъ возвратился, то о поступкѣ его было доложено полковнику Копьеву, по приказанію котораго пьяница наказанъ 50 или 70-ю ударами розогъ. Эта исправительная, вовсе не жестокая мѣра взысканія не подѣйствовала на порочнаго солдата и онъ снова запилъ, снова самовольно отлучился и, дней черезъ десять, найденъ повѣсившимся. Формальное слѣдствіе, нараженное по этому случаю, никакихъ причинъ, побудившихъ его къ самоубійству, не открыло, кромѣ сильнаго запоя и затѣмъ страха, подвергнуться болѣе строгому взысканію, чѣмъ то, которому онъ уже подвергся. По окончаніи, слѣдствіе было, установленнымъ порядкомъ, представляемо на разсмотрѣніе и утвержденіе подлежащей высшей власти, которая постановила: „оставить случай этотъ безъ послѣдствій". Никто изъ чиновъ грузинскаго гренадерскаго полка не заявилъ о жестокомъ обращеніи полковника Копьева съ подчиненными; напротивъ того, общіе отзывы о немъ были, какъ о начальникѣ справедливомъ, добромъ, снисходительномъ и внимательномъ; въ такомъ же точно смыслѣ аттестовалъ его и командиръ кавказской гренадерской бригады. Сочувствіе и участіе къ судьбѣ его въ чинахъ полка было общее.

Относительно провіанта, поставлявшагося полковникомъ Копьевымъ, обнаружено слѣдующее:

Горійскій уѣздъ и городъ Гори, гдѣ была штабъ-квартира грузинскаго гренадерскего полка, извѣстенъ въ Грузіи недоброкачественностію своего хлѣба, въ которомъ постоянно оказываются примѣси другихъ произрастеній, преимущественно же рожковъ (Seculum Cornutum), имѣющихъ весьма вредное вліяніе на здоровье людей; такъ что въ то время, когда провіантъ для полка поставлялся подрядчиками провіантскаго вѣдомства, то, дѣйствительно, случаи заболѣванія и даже смертности, отъ употребленія въ пищу этого хлѣба, были довольно часты въ полку; это подтвердилось тщательнымъ разсмотрѣніемъ скорбныхъ листовъ полковаго лазарета. Имѣя объ этомъ обстоятельствѣ вѣрныя свѣдѣнія, бывшій командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ, предложилъ флигель-адъютанту его императорскаго величества полковнику Копьеву, принять на себя поставку, для командуемаго имъ полка, провіанта,

съ тѣмъ, чтобы грузинскій хлѣбъ отнюдь не былъ допускаемъ къ употребленію въ пищу нижнихъ чиновъ. Не желая противиться волѣ главнаго начальника края, полковникъ Копьевъ взялъ на себя подрядъ доставки провіанта, но ужъ, ни въ какомъ случаѣ, не изъ корыстныхъ цѣлей, потому что объявилъ цѣну, значительно меньшую противъ цѣнъ подрядчиковъ. Въ точности исполняя принятое на себя обязательство, полковникъ Копьевъ не щадилъ ничего, чтобы пріобрѣтать провіантъ самаго лучшаго качества и въ дѣлѣ имѣлись даже точныя доказательства того, что онъ не рѣдко покупалъ хлѣбъ дороже той цѣны, которая утверждена была правительствомъ, безъ всякаго за то отъ послѣдняго вознагражденія. Такая добросовѣстность его увѣнчалась самыми удовлетворительными послѣдствіями, такъ какъ случаи заболѣванія нижнихъ чиновъ полка, отъ употребленія въ пищу недоброкачественнаго хлѣба, если не вовсе прекратились [1]), то, по крайней мѣрѣ, сдѣлались очень рѣдки; это блистательно подтвердилось разсмотрѣніемъ скорбныхъ листовъ и отзывомъ полковаго медика. Смертныхъ же случаевъ, за все время, вовсе не было.

Разсмотрѣніе харчевыхъ и артельныхъ книгъ всѣхъ ротъ и командъ грузинскаго гренадерскаго полка привело къ убѣжденію, что на очистку провіанта отъ постороннихъ веществъ, не только 20 фунтовъ, но и 20 золотниковъ на куль муки не отходило; мнимая убыль эта собственными солдатскими деньгами никогда не пополнялась, и никто изъ указанныхъ полковникомъ Г** нижнихъ чиновъ, говорившихъ, будто бы, ему объ этомъ, такихъ словъ не подтвердилъ, хотя бо̀льшая часть изъ нихъ спрошена была слѣдователями подъ присягою.

Что же касается пробы недоброкачественнаго хлѣба, представленной Г**, то, какъ уже выше сказано, никто не видалъ, гдѣ и когда она была имъ взята. Слѣдователи же добавили, что хлѣбъ совершенно схожій съ пробнымъ по виду и качеству, постоянно продается въ городѣ Гори на базарѣ, мѣстными жителями; въ ротахъ же и командахъ они всегда видѣли хлѣбъ самаго лучшаго качества и никто изъ чиновъ полка не приносилъ имъ жалобы на недоброкачественность провіанта, поставлявшагося полковникомъ Копьевымъ, о которомъ всѣ единодушно отзывались съ самой лучшей стороны и высказывали живое и теплое участіе къ его незаслуженному, тяжелому горю.

Военно-судная коммиссія дѣлала свое дѣло и постановила: „дать полковнику Г** (который уже командовалъ мингрельскимъ егерскимъ

[1]) Такіе случаи, иногда могли еще происходить, безъ сомнѣнія, оттого, что нижніе чины могли употреблять вредный хлѣбъ въ пищу на сторонѣ. А. Ф.

полкомъ) очныя ставки съ тѣми нижними чинами грузинскаго гренадерскаго полка, на которыхъ онъ поименно указалъ въ своемъ дознаніи, какъ на лицъ, заявившихъ ему, что провіантъ, поставлявшійся полковникомъ Копьевымъ, былъ недоброкачественный, и еще то, что потеря 20-ти фунт. на куль муки, при очисткѣ этого провіанта, пополнялась собственными солдатскими деньгами. Назначеніе очныхъ ставокъ вызвало небольшое разногласіе во мнѣніи членовъ суда, изъ коихъ нѣкоторые находили, что эта мѣра можетъ вновь навлечь на коммиссію неудовольствіе высшей власти; но необходимость принять таковой была столь очевидна, что скоро всякое опасеніе за „qu'en dira-t-on" было устранено, и полковнику Г** послано приглашеніе, прибыть въ коммиссію ко дню, назначенному для явки въ оную нижнихъ чиновъ.

Боже праведный! И теперь, безъ особаго, тяжелаго чувства нельзя вспомнить о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ членами военно-судной коммиссіи изъ засѣданія этого знаменательнаго дня. Не дай, Господи, злѣйшему врагу когда-либо находиться въ такомъ жалкомъ, унизительномъ положеніи, въ какомъ находился въ этотъ день полковникъ Г**! Онъ едва могъ выдерживать испытываемую имъ нравственную пытку. Вообразите, что всѣ, безъ исключенія, предъявленные ему нижніе чины уличали его въ глаза,—каждый, конечно, по своему,—что указанія его на нихъ совершенно ложны; что они никогда ничего подобнаго ему не говорили и говорить не могли, потому что были всегда довольны, какъ обхожденіемъ съ ними полковника Копьева и его строгою справедливостію ко всѣмъ безъ исключенія, такъ и провіантомъ, имъ поставлявшимся, получая который „они, какъ говорили, свѣтъ увидѣли, животики свои успокоили и перестали подвергаться одуренію". Замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ, была очная ставка Г** съ однимъ старикомъ-инвалидомъ, состоящей при полку полуроты. Ставъ предъ зерцаломъ присутствія на колѣна, маститый старецъ, украшенный сѣдинами, двумя Георгіевскими крестами, знакомъ ордена св. Анны 5-й степени и многими шевронами, со слезами на глазахъ, говорилъ: „Ваше превосходительство! Ваши высокоблагородія! Вотъ видите-ли, я вѣдь старикъ, ужъ одною ногою стою въ могилѣ; имѣю сыновей, всѣ они на царской службѣ унтеръ-офицерами, грудь ихъ, какъ моя, обвѣшана св. Егоріями; имѣю внучатъ, они меня тѣшатъ и покоятъ; но не дай мнѣ, Господь, увидать ихъ, не дай умереть на ихъ рукахъ, если я когда-либо говорилъ вотъ этому г. полковнику, что сидитъ въ сторонкѣ, о нашемъ бывшемъ командирѣ и о хлѣбѣ, которымъ онъ насъ кормилъ; а съ чего ихъ высокоблагородія писали въ лепортѣ, я не знаю, а только такихъ словъ, что мнѣ нонѣ ска-

зываютъ, и будто я ихъ ему, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, въ Гори, говорилъ, и то не правда; видѣть-то я его тогда видѣлъ и говорилъ съ нимъ, но того, что онъ написалъ, ей Богу,—не говорилъ.... Не загублю души предъ концомъ жизни,—я вѣдь святую присягу принялъ, что буду показывать сущую правду и не попущусь, ни ради чего, на свидѣтельство ложно!“

Слушая старика, мы хранили глубокое молчаніе. Г** же сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти: лицо его то блѣднѣло, то багровѣло.

Съ окончаніемъ очныхъ ставокъ, прекратился живой интересъ этого замѣчательнаго дѣла; тотчасъ же приступлено было къ составленію выписки и ею кончилось мое въ немъ участіе, потому что, сдавъ въ то время сводно-учебный баталіонъ и принявъ 3-й баталіонъ эриванскаго карабинернаго полка, я отправился въ экспедицію на лезгинскую кордонную линію и окончательнаго приговора не подписывалъ. Но исходъ суда надъ Копьевымъ мнѣ извѣстенъ: военно-судная коммиссія не нашла его виноватымъ и, въ такомъ видѣ, дѣло представлено было въ Петербургъ на высочайшую конфирмацію. Государь императоръ изволилъ обратить особое вниманіе на это дѣло (всѣмъ извѣстно, какъ строго онъ относился ко всему, что касалось его флигель-адъютантовъ); но всѣ, собранные судомъ, факты такъ краснорѣчиво говорили въ пользу полковника Копьева, что признать его виновнымъ было невозможно. Сущность высочайшей конфирмаціи была, приблизительно, слѣдующая:

„Полковника Копьева признать отъ суда и отвѣтственности свободнымъ и прикомандировать къ образцовому пѣхотному полку; членамъ военнаго суда, подписавшимъ протоколъ о дачѣ очныхъ ставокъ полковнику Грекулову съ нижними чинами грузинскаго гренадерскаго полка, сдѣлать выговоръ, безъ внесенія таковаго въ формулярные ихъ списки; а хотя и слѣдовало бы подвергнуть полковника Грекулова той отвѣтственности, которой подвергся-бы полковникъ Копьевъ, если бы изложенное въ дознаніи подтвердилось, но, вслѣдствіе ходатайства намѣстника кавказскаго и во вниманіи къ его прежней, долговременной службѣ, ограничиться высочайшимъ выговоромъ и арестованіемъ на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ взысканія этого въ формулярный его списокъ“.

Такъ кончилось дѣло полковника Копьева. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ имѣлъ счастіе представляться государю императору, былъ милостиво имъ принятъ и черезъ два или три мѣстца сдѣланъ командиромъ армейскаго пѣхотнаго полка. Во время крымской кампаніи, Копьевъ былъ генераломъ и командующимъ дивизіею, и въ этомъ

званіи, по окончаніи войны, онъ умеръ, вслѣдствіе паденія изъ экипажа.

Что касается моего участія въ спасеніи честнаго и невиннаго Копьева, то оно обошлось мнѣ не дешево. Князь Воронцовъ исполнилъ свое слово: онъ не забылъ моего съ нимъ объясненія.

Не смотря ни на какія представленія меня къ наградамъ,—даже по двумъ реляціямъ, — князь-намѣстникъ безжалостно вычеркивалъ меня изъ наградныхъ списковъ; и если бы не особое ходатайство начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Коцебу, то я не получилъ бы и ордена св. Анны 2-й ст. съ мечами,—хотя въ экспедицію 1850 года совершилъ, по распоряженію самого князя, переходъ изъ урочища Агдамъ-Тахты, черезъ Кавказскій хребетъ, къ с. Цахуру, по мѣстамъ, гдѣ еще никогда не бывала русская нога, съ двумя только ротами и командою крѣпостныхъ ружей, тогда какъ самъ князь пришелъ въ Цахуръ съ нѣсколькими баталіонами, орудіями, казаками и сборною милиціею.

А. И. Фелькнеръ.

ПРЕДКИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

I.

Русскіе акты о предкахъ поэта.

1621—1703.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ Общемъ Гербовникѣ дворянскихъ родовъ россійской имперіи, часть IV, стр. 102, помѣщенъ гербъ рода Лермантовыхъ съ слѣдующими объясненіями:

„Въ щитѣ, имѣющемъ золотое поле, находится черное стропило, съ тремя на немъ золотыми четвероугольниками, а подъ стропиломъ черный цвѣтокъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою короною. Наметъ на щитѣ золотой, подложенный краснымъ; внизу щита девизъ: Sors mea Iesus“ [1]).

„Предокъ фамиліи Лермантовыхъ, Юрій Андреевичъ Лермантовъ, выѣхалъ изъ Шкотскія земли въ Польшу, а оттуда, въ 1633 году, въ Москву. Потомки сего Юрія Андреевича Лермантова многіе россійскому престолу служили стольниками, воеводами и въ иныхъ чинахъ, и жалованы были отъ государей помѣстьями. Все сіе доказывается справкою разряднаго архива и родословною Лермантовыхъ“.

Родословная эта представлена была въ разрядъ внуками Юрія Лерманта, Евтихіемъ и Петромъ Петровыми Лермантовыми въ $\frac{7196}{1698}$ году; справка же изъ разряднаго архива выдана была секундъ-маіору Юрію Матвѣевичу Лермонтову и имъ внесена въ сенатъ, 1-го апрѣля 1799 года, по случаю составленія общаго гербовника.

1) Часть моя—Іисусъ.

Но въ этомъ извѣстіи есть нѣкоторыя невѣрности. Во-первыхъ, Юрій Андреевичъ назывался еще не Лермантовымъ, а просто Лермантомъ. Во-вторыхъ, онъ пріѣхалъ въ Москву не въ 1633 году, а гораздо раньше, какъ это видно изъ послушной грамоты царя Михаила Θеодоровича, отъ 9-го марта 1621 года, внесенной въ дворянское собраніе костромскаго намѣстничества чухломскими помѣщиками, флота капитанъ-лейтенантомъ Николаемъ и арміи поручикомъ Павломъ Петровыми Лермантовыми[1]). 1633-й годъ внесенъ въ гербовникъ только по недоразумѣнію, такъ какъ подъ этимъ годомъ имя Лерманта, по справкѣ, записано въ книгѣ иноземскаго приказа, хотя тутъ же онъ названъ иноземцемъ стараго выѣзда. Въ-третьихъ, помѣстьями были жалованы не потомки Юрія Лерманта, а самъ онъ.

Приводимъ теперь самые документы, въ ихъ подлинномъ видѣ:

I. Грамота царя Михаила Θеодоровича 7129 (1621) г., марта 9-го. Отъ царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всея Россіи, въ Галицкой уѣздъ, въ Чухломскую осаду, Заболоцкія волости, въ деревню Привалкино, въ деревню Капылова, въ деревню Острожниково, въ деревню Филино, въ деревню Черемисиново, въ деревню Кузнецово, въ деревню Семеново, въ деревню Ревякино, на рѣчкѣ на Мокшѣ, въ деревню, что былъ починокъ Окатовъ, въ полпустоши Подолнова, на рѣчкѣ на Немдѣ, въ четверть пустоши Шишкина, въ пустошь Казуево, въ пустошь Усомцова, въ три жеребья пустоши Ершева, въ треть пустоши Остарова, въ полпустошѣ Жаворонкову, что были тѣ деревни и пустоши въ черныхъ волостяхъ, всѣмъ крестьянамъ, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ, а на пустошахъ учнуть жить: пожаловалъ есмя тѣми деревнями, и пустошами, и жеребьи пустошей поручика Юрья Лерманта въ его окладъ въ шестьсотъ четвертей вмѣстѣ со всѣми угодьи. А по книгамъ письма и раздѣлу Θедора Тороканова да подъячего Савина Васильева, лѣта 7129 (1621), въ тѣхъ деревняхъ и пустошахъ и въ жеребьяхъ пустошей написано пашни паханье, и перелогу, и лѣсомъ поросло середніе земли 461 четверть въ полѣ, а вдву потому-жъ. И вы-бъ всѣ крестьянѣ, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ, а на пустошахъ и на жеребьяхъ пустошей впредь учнутъ жити, поручика Юрья Лерманта слушали, пашню на него пахали, и доходъ ему помѣщиковъ платили. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7129 (1621) марта 9-го. На подлинномъ подписано тако: царь и великій князь Михаило Θедоровичъ. Справилъ Савка Самсоновъ.

II. Копія съ справки разряднаго архива. По справкѣ въ архивѣ

---

[1]) Достойно вниманія, что, представляя свои дворянскіе документы, Н. и П. П. Лермонтовы въ прошеніи своемъ писали: «о предкахъ родоначальника нашего Юрія Лерманта, какого были они происхожденія, въ разсужденіи древности, мы доказать не можемъ». Стало быть, имъ не были извѣстны справка и родословная разряднаго архива, находившіяся у Ю. М. Лермонтова, а потому и семейныя записки, на которыя ссылается И. Н. Лермантовъ («Рус. Стар.», изд. 1873 г., т. VII, стр. 392), очевидно, не имѣютъ большой цѣны.

В. Н.

фамилія Лермонтовыхъ имена написанными оказались, по Москвѣ, въ боярскихъ книгахъ нижеписанныхъ лѣтъ, о которыхъ въ описи значитъ, что въ оныхъ писаны бояре, окольничія, и думныя, и ближнія люди, стольники комнатные, и стольники-жъ, и стряпчія, и дворянѣ московскіе, выборныя, и жильцы и съ тѣхъ чиновъ, которые служатъ въ начальныхъ людехъ, и въ рейтарехъ, и дьяки, а именно:

184 (1676) г. безъ закрѣпы въ первой половинѣ по прочимъ значитъ: великій государь царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ пожаловалъ въ стряпчіе; потомъ явствуетъ въ 186 (1678) году подъ тѣмъ написано въ сентябрѣ, затѣмъ: въ 8-е [1]) и въ числѣ другихъ знаки (читъ) Петръ Петровъ сынъ Лермонтовъ.

Подъ именемъ его, другою рукою, написано: и 189 (1681) г. марта въ 7-е, по выпискѣ за помѣтою дьяка Любима Домнина, учиненъ ему окладъ вновь помѣстно пятьсотъ четъ, денегъ двадцать-пять рублей. Ему-жъ, для объявленія великаго государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича 183 (1675) г. сентября 1-го числа, какъ онъ, великій государь, (объявленъ) былъ царевичемъ, придачи сто четьи, денегъ двѣнадцать рублей [2]).

Потомъ значитъ 187 (1679) г. великій государь пожаловалъ въ стряпчіе; затѣмъ явствуетъ въ январѣ, въ 26-е, и въ числѣ другихъ написанъ Евтифей Петровъ сынъ Лермонтовъ.

194 (1686) г. безъ закрѣпы въ первой половинѣ по прочимъ значутъ столники и въ числѣ другихъ написанъ Евтифей Петровъ сынъ Лермонтовъ.

200 (1692) г. безъ закрѣпы по прочимъ значутъ столники и въ числѣ другихъ написанъ Евтифей Петровъ сынъ Лермонтовъ, Петръ Петровъ сынъ Лермонтовъ [3]).

---

[1]) Здѣсь пропущено, вѣроятно, іюня. См. «Дворцовые разряды», т. IV, ст. 48: 7186 (1678) іюня 8-го великій государь царь и великій князь Θеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, на праздникъ своего государскаго ангела, святаго великомученика Θеодора Стратилата, пожаловалъ въ чины 30 человѣкъ; въ стольники изъ стряпчихъ: .... Списокъ обрывается на седьмомъ имени. В. Н.

[2]) «Въ дворцовыхъ разрядахъ» (т. III, ст. 977) подъ этимъ числомъ записано: 7183 (1674) г. сентября въ 1-й день, пожаловалъ великій государь, для своей государской всемірной радости и для сына своего, государя царевича и великаго князя Θеодора Алексѣевича, вновь придачами, помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ: бояръ... ближнимъ людямъ со 100 по 30 чети, денегъ по 15 рублевъ; государя царевича стольникамъ тоже, что и ближнимъ людямъ; рядовымъ стольникамъ со 100 по 20 чети, денегъ по 12 рублевъ. Стало быть, Петръ Лермонтовъ получилъ награду наравнѣ съ стольниками. В. Н.

[3]) Въ Алфавитномъ Указателѣ къ боярскимъ книгамъ (М. 1853) Лермонтовы упомянуты подъ слѣдующими годами: Евтихій Петровичъ стряпчимъ — 7187 (1679) (дважды); стольникомъ — 7190, 7194, 7200 (1682, 1686, 1692); Петръ Петровичъ стряпчимъ—7168 (1660); стольникомъ—7200 (1692). Годъ 7168 представляется весьма сомнительнымъ: не ошибка-ли это вмѣсто 7188 г.? Въ «Записках старинным службамъ русскихъ благородныхъ родовъ», составленныхъ Матвѣемъ Спиридовымъ (Рук. имп. Пуб. Библ.), въ 15-й части, 55-мъ отдѣленіи, подъ № MMCCCLVI показаны въ 1703 году: Евтихъ Петровичъ 159-мъ въ стольникахъ и Петръ Петровичъ 45-мъ въ отставныхъ стольникахъ.

III. Родъ Лермонтовыхъ. Выѣхалъ дѣдъ нашъ Юрья Андреевъ, сынъ Лермантъ, изъ Шкотскіе земли въ Польшу, на Бѣлую [1]), а съ Бѣлыя исъ Польши выѣхалъ въ московское государство, — и какъ дѣдъ нашъ выѣхалъ въ московское государство, и въ которомъ году и при которомъ государѣ, и то написано въ иноземскомъ приказѣ, въ книгѣ (въ прошломъ 141 (1633) году разныхъ вѣръ и государствъ иноземцовъ. За приписью дьяка Григорья Нечаева написано въ книгѣ иноземцевъ: стараго выѣзду бѣлской нѣмчинъ ротмистръ Юрья Лермантъ служилъ блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Михаилѣ Ѳедоровичу всея Россіи самодержцу; а по его, государеву, указу велѣно быть у него, Юрья, въ ученье дворянемъ, и дѣтямъ боярскимъ, и новокрещеннымъ нѣмцомъ стараго и новаго выѣзду, и татаромъ въ конскомъ райтарскомъ строю; да ему-жъ, дѣду нашему Юрью Лермонту, по указу же великаго государя и по уговору боярина князя Ивана Борисовича Черкасскаго, государева жалованья давано по сту руб. на мѣсяцъ, вычитая треть за крестьянскіе дворы. И у дѣда нашего, у Юрья Андреева сына Лермонта, былъ сынъ Вилимъ, да сынъ Петръ, да сынъ Андрей [2]). И Вилимъ и Андрей умрѣ бездѣтны. А отецъ нашъ Петръ Юрьевичъ, въ 164 (1656) и пятомъ годѣхъ, по указу блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, былъ въ Саранску воеводою, да ему же, отцу нашему, велѣно было вѣдать по чертѣ иные городы съ пригородки воеводъ и головъ. А у Петра, отца нашего, дѣти—сынъ Ефтифей, да сынъ Петръ служили великимъ государемъ въ столникахъ, а у Евтифея сынъ Петръ. А въ Шкотской землѣ родственнику нашему дано (подъ тѣмъ значитъ):

Въ лѣтѣ отъ Рожества Христова 1057 прямова наслѣдника Шкотскіе земли Милколумбуса [3]) изогналъ тиранъ Макбѣтусъ и отца Милколумбусова Данкауса третьяго тѣмъ именемъ исгубилъ.

И Милколумбусъ, получивши пріятство у англинскаго короля Эдвардуса, что онъ повелѣлъ ему всякихъ людей принимати, которые похотятъ съ нимъ идти доставати его природнаго королевства.

И съ нимъ, Милколумбусомъ, поѣхали многіе породные люди Англинскіе земли, и Французскіе земли, и иныхъ земель, и ему помогли того тирана Макбѣтуса побити и королевство его, Шкоцкую землю, ему очистили.

Любопытно, что Спиридовъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, самаго Юрія Лерманта называетъ «потомкомъ выѣхавшаго изъ Польши; но», прибавляетъ онъ, «кто именно и когда выѣхалъ, не сказано». Въ «Дворцовыхъ разрядахъ» не оказывается именно тѣхъ списковъ, гдѣ, по предположенію, слѣдовало бы искать имени Лермонтовыхъ. В. Н.

[1]) Какое значеніе имѣло пребываніе Лерманта на Бѣлой (нынѣшній городъ Смоленской губерніи?), рѣшить трудно. Но, принимая во вниманіе, что въ Россію пришелъ тотъ же Лермантъ, который выѣхалъ изъ шкотскіе земли, можно сказать съ достовѣрностію, что оно не могло быть продолжительно.

В. Н.

[2]) Не русскія имена сыновей Лерманта Вилимъ (William) и, можетъ быть Андрей (вѣроятно, Henry) показываютъ, что и они выѣхали въ Россію изъ Шотландіи. В Н.

[3]) Откуда взялась эта форма Милколумбусъ, вмѣсто Малькольмусъ, не знаемъ; быть можетъ, это просто описка нашихъ писцовъ. В. Н.

И онъ, за такіе ихъ службы, пожаловалъ вотчинами. а Лерманту дано въ вотчину господинство Рарси, которымъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его [1]).

А свидѣтельствуетъ о томъ Гекторъ Боепыевъ, Ягапусъ Леслѣустъ и иные лѣтописцы и кроники.

Подъ тѣмъ написано тако, и рука енерала и поручика Петра Иванова сына Гордана. и иныхъ полковниковъ, на противу онаго, по-нѣмецки написано двемя руками.

На оборотѣ той, поколѣнной росписи, въ рукоприкладствѣ пишутъ тако:

«Къ сей поколѣнной росписи Евтифей Петровъ сынъ Лермонтовъ руку приложилъ».

«Къ сей поколѣнной росписи Петръ Петровъ сынъ Лермонтовъ руку приложилъ».

На той же росписи помѣта такова:

«196 (1698) г., февраля въ 10-й день, подалъ Петръ Лермонтовъ».

Таковы свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать о первыхъ четырехъ представителяхъ фамиліи Лермонтовыхъ въ Россіи: ротмистрѣ Юрьѣ Андреевичѣ Лермантѣ, саранскомъ воеводѣ Петрѣ Юрьевичѣ и его сыновьяхъ Евтихіѣ (Юрьѣ) и Петрѣ Петровичахъ Лермонтовыхъ. Чтобы опредѣлить теперь отношеніе поэта къ роду Лермонтовыхъ, представляемъ поколѣнную роспись этой фамиліи и, для большей наглядности, родословную таблицу ея старшей отрасли.

I.

№ Отцовскій.	№ Общій.
	1. Юрья Андреевичъ Лермантъ, поручикъ въ 1621, ротмистръ—въ 1633 г.

II.

1 . .	2. Вилимъ Юрьевичъ.
	3. Петръ Юрьевичъ въ 1656—1657 гг. воевода въ Саранскѣ.
	4. Андрей Юрьевичъ.

[1]) Что касается господинства (dominium) Рарси (вѣроятно, Rarcey), то мы объ немъ не нашли никакихъ свѣдѣній. Фамилія Лермонтовъ (Learmonth) существуетъ въ Шотландіи и до нынѣ. Шотландскіе Лермонты имѣютъ мѣстопребываніемъ помѣстье Динъ (Dean), въ графствѣ Эдинбургъ, почему и называются Learmonth of Dean and Murriston. Представителемъ этой фамиліи, въ настоящее время, является мѣстный мировой судья, отставной подполковникъ (lieutenant colonel) 17-го уланскаго полка, Александръ Лермонтъ, род. 22-го августа 1829 г. Тожество ея съ нашею доказывается гербомъ. Гербъ шотландскихъ Лермонтовъ (Vid. Sir Bernard Burke. A Genealogical and Heraldic Dictionary. L. 1858, sub nomine) представляетъ также, на золотомъ полѣ, черное стропило (chevron), съ тремя золотыми ромбами (mascles), но безъ чернаго

III.

№ Отцовскій.	№ Общій.	
3 . .	5.	Евтихій (Юрій) Петровичъ, стряпчій въ 1679 г., стольникъ въ 1686 г.; во 2-мъ бракѣ женатъ на Бѣлкиной.
	6.	Петръ Петровичъ, стряпчій въ 1676 г., стольникъ въ 1692 г.

IV.

№ Отцовскій.	№ Общій.	
5 . .	7.	Петръ Евтихіевичъ (Юрьевичъ), упомин. подъ 1698 г.
	8.	Матвѣй Евтихіевичъ, жен. въ 1-мъ бракѣ на Готовцевой, во 2-мъ—на Лызловой.
	9.	Яковъ Евтихіевичъ.
	—	Ирина Евтихіевна за Голохвастовымъ.
6 . .	10.	Матвѣй Петровичъ.
	11.	Михайло Петровичъ.

V.

№ Отцовскій.	№ Общій.	
7 . .	12.	Александръ Петровичъ.
	13.	Дмитрій Петровичъ.
	14.	Михайло Петровичъ.
	15.	Юрья Петровичъ.
8 . .	16.	Иванъ Матвѣевичъ.
	17.	Юрій Матвѣевичъ, секундъ-маіоръ въ 1799 г.
	18.	Парменъ Матвѣевичъ, жен. на Баршевой.
	—	Наталья Матвѣевна—за Черевинымъ.
	—	Анна Матвѣевна—за Клементьевымъ.
	—	Павла Матвѣевна въ 1-мъ бр. за Юрьевымъ, во 2-мъ—за Ртищевымъ[1]).
10 . . .	—	Катерина Матвѣевна—за Скрипицынымъ.
11 . .	19.	Михайло Михайловичъ, жен. на Наст. Ѳед. NN.

цвѣтка подъ стропиломъ; за то у нихъ сохранился, утраченный въ нашемъ гербѣ, нашлемникъ (crest), на которомъ изображенъ пурпуровый голубь съ масличною вѣтвью. Ихъ девизъ: «Dum spiro—spero» (пока дышу — надѣюсь). Какъ произошли и что означаютъ эти измѣненія въ гербѣ и девизѣ—не знаемъ. Мы, съ своей стороны, обратились къ г. А. Лермонту съ просьбою, доставить намъ свѣдѣнія о его фамиліи. В. Н.

[1]) Черезъ нее-то М. Ю. и находился въ родствѣ съ Юрьевыми. В. Н.

VI.

№ Отцовскій.	№ Общій.
12 . .	— Марія Александровна — за Чагинымъ.
14 . .	20. Иванъ Михайловичъ. 21. Григорій Михайловичъ.
15 . .	22. Петръ Юрьевичъ.
17 . .	23. Матвѣй Юрьевичъ. 24. Иванъ Юрьевичъ [1]).
18 . .	— Маргрета Парменовна — за Мельгуновымъ.
19 . .	25. Сергѣй Михайловичъ, жен. на Куломзиной. 26. Петръ Михайловичъ, жен. на Ольгѣ Ѳед. Коптевой. 27. Алексѣй Михайловичъ, жен. на Борщевой (?). — Елисавета Михайловна—за Шиповымъ.

VII.

21 . .	28. Александръ Григорьевичъ [2]).
22 . .	29. Юрья Петровичъ, род. 1787 г. — Екатерина Петровна—за Свиньинымъ. — Елена Петровна—за Петр. Вас. Віолевымъ [3]).
23 . .	30. Ростиславъ Матвѣевичъ. 31. Владиславъ Матвѣевичъ. [4]).
25 . .	— Анна Сергѣевна—за Телепневымъ.
26 . .	32. Николай Петровичъ, жен. въ 1-мъ бр. на Торбѣевой, во 2-мъ—на Марьѣ Вас. Перфильевой. 33. Павелъ Петровичъ, жен. на Борноволоковой.
27 . .	34. Михайло Алексѣевичъ. 35. Аполлонъ Алексѣевичъ. [5]). — Лія Алексѣевна. — Клеопатра Алексѣевна—за Изгеймомъ.

VIII.

29 . .	36. Михаилъ Юрьевичъ род. 1814—1815 (?), уб. 1841.

[1]) Сверхъ того, у Юрья Матвѣевича было шесть дочерей которыхъ замужества намъ неизвѣстны.

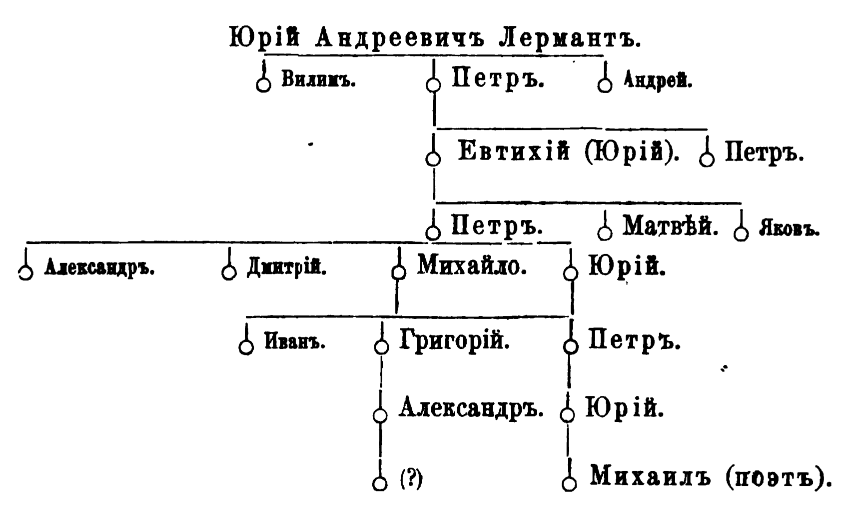
[2]) Потомство неизвѣстно.

[3]) Свѣдѣніями о Еленѣ Петровнѣ, непоименованной ни въ одной родословной, мы обязаны М. Н. Лонгинову, который зналъ ее лично. **В. Н.**

[4]) Находятся въ живыхъ.

[5]) Потомство неизвѣстно. **В. Н.**

Старшая вѣтвь рода Лермонтовыхъ.



Мелкимъ шрифтомъ напечатаны имена тѣхъ лицъ, послѣ которыхъ не осталось потомства въ мужскомъ поколѣніи.

Не приводимъ на этотъ разъ дальнѣйшаго списка рода Лермонтовыхъ, который особенно многочисленъ въ потомствѣ Николая Петровича (32), имѣвшаго десять сыновей [1]). Такимъ образомъ, если нѣтъ потомства Александра Григорьевича (28), то Михаилъ Юрьевичъ былъ, дѣйствительно, послѣднимъ представителемъ старшей, отъ Петра Евтихіевича (7), вѣтви рода Лермонтовыхъ, которая въ его лицѣ и угасла, передавъ старѣйшинство потомству Матвѣя Евтихіевича (8) [2]).

II.

Шотландскія извѣстія о родоначальникѣ Лермонтовыхъ.

1061.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
М. Ю. Лермонтовъ.

Въ поколѣнной росписи, представленной Евтихіемъ и Петромъ Петровичами Лермонтовыми и скрѣпленной подписью Петра Гордона,

---

¹) Въ числѣ ихъ Ивана Николаевича Лермантова, доставившаго замѣтку, напечатанную въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 392—393.

В. Н.

²) Собранные факты совершенно подтверждаютъ, что Лермонтовы—коренные костромичи. Но мы нигдѣ не встрѣтили никакихъ извѣстій о Лермонтовыхъ кіевскихъ, да и не находимъ возможности пріурочить ихъ къ по-

находится ссылка на Гектора Боецыева, Ягануса Леслеуста и иные лѣтописцы и хроники. Послѣдуемъ за ними въ „шкоцкую землю".

Hector Boethius, Boece или Boeis, род. около 1470, ум. около 1550 г.; родомъ былъ изъ Дунди (Dundee), въ графствѣ Ангусъ (Angus). Онъ былъ первымъ ректоромъ (principal) королевской коллегіи (King's College) въ Абердинѣ, основанной около 1500 года.

Въ этомъ званіи онъ и написалъ свою „Шотландскую исторію": Scotorum Historiae a prima gentis origine, cum aliarum et rerum et gentium illustratione non vulgari, libri XIX. Hectore Boethio Deidonano auctore. Parisiis. 1574.

Англійскіе критики (Еп. Никольсонъ, д-ръ Джонсонъ), отдавая справедливыя похвалы его латинскому языку, напоминающему Ливія и нисколько не похожему на варварскую средневѣковую латынь, упрекаютъ его, однако-жъ, за легковѣріе и даже прямо подозрѣваютъ во многихъ вымыслахъ. Что касается до легковѣрія, то за это нельзя много осуждать человѣка, который, по словамъ самого д-ра Джонсона, жилъ въ такой вѣкъ, когда весь свѣтъ былъ легковѣренъ. Послѣднее же обвиненіе смягчается уже тѣмъ, что, по ихъ же признанію, теперь открыты многіе источники, на которые ссылается Боэцій, а это даетъ намъ право заключить, что и другіе разсказы представляютъ не собственные вымыслы Боэція, а скорѣе народныя былины и легенды.

На стр. 256, кн. XII, его исторіи мы читаемъ слѣдующее:

„Малькольмъ, по обычаю предковъ, короновался въ Сконѣ, 25-го апрѣля 1061 г. по Р. Х. Затьмъ онъ созвалъ общій парламентъ въ Форферѣ [1]) и тамъ одарилъ щедрыми наградами тѣхъ вельможъ, которые держали его сторону и которыхъ отцы были убиты Макбетомъ. Возвративъ имъ земли и должности, возстановилъ прежнее достоинство, принадлежавшее имъ или ихъ отцамъ, и при этомъ изъявилъ желаніе, чтобы они, чего прежде не бывало, по обычаю другихъ народовъ, прозвались по своимъ владѣніямъ [2]). Нѣкоторыхъ

томству Юрія Лерманта. Было бы интересно, еслибъ Иванъ Николаевичъ Лермантовъ сообщилъ о нихъ какія-нибудь свѣдѣнія. В. Н.

[1]) «Мѣсто, гдѣ происходилъ этотъ раздѣлъ земель, и до сихъ поръ носитъ названіе Omnis terra (вся земля), потому что Малькольмъ II роздалъ здѣсь всѣ наслѣдственныя земли въ Шотландіи, или Boot-hill (сапожный холмъ), отъ обычая, по коему вассалы, въ знакъ подданства своему ленному владѣльцу, приносили сапогъ земли съ своихъ помѣстій, для полученія инвеституры отъ монарха. Муррай сказывалъ, что преданіе полагаетъ, что холмъ сей составился отъ накопившейся земли, въ сапогахъ сюда нанесенной». См. «Письма А. И. Тургенева», стр. 571. В. Н.

[2]) Голиншедъ передаетъ это мѣсто нѣсколько иначе: ...повелѣлъ, чтобы

онъ сдѣлалъ графами, другихъ—баронами или рыцарями; такъ онъ сдѣлалъ графомъ Магдуффа, тана Файфскаго, и другихъ знаменитыхъ мужей наименовалъ графами Монтета, Атоліи, Ленна, Моравіи (Moray), Катанезіи (Caithness), Рѳссіи и Ангузіи. Немногіе остались по прежнему танами. Это были первые графы, о которыхъ упоминаютъ наши лѣтописи[1]). Множество шотландскихъ фамилій получили тогда новыя прозванія: Кальдеръ, Локартъ, Гордонъ[2]), Сетоунъ, Галлора, Лаудиръ, Вавенъ, Мельдрунъ, Шау, Лермонтъ, Либертаунъ, Страквинъ, Каргиль, Катра, Дундасъ, Кокбурнъ, Маръ, Миртоунъ, Мензисъ, Аберкромме, Лезбеи, и многіе другіе обратили въ прозвища имена тѣхъ помѣстій, которыя они получили отъ царя въ даръ за свою храбрость"[3]).

Леслей (John Lesley 1526—1593), епископъ Россій (Bishop of Ross), горячій приверженецъ Стюартовъ, написалъ „Шотландскую исторію" съ древнѣйшихъ временъ: De origine, moribus ac rebus ge-

---

именно тѣ, которые носили фамилію (surname), происходящую отъ какой-нибудь должности или земли, ихъ получили и пользовались ими (commanded that specially those that bare the surname of any office or landes should have and enjoye the same. Holinshed-The History of Scotlande. Ed. 1571, pag. 252). В. Н.

[1])
My thanes and kinsmen,
Henceforth be earls, the first that ever Scotland
In such a honour named.

Shakespeare. Macbeth. Act V. Sc. VII v. 62—64. Cambridge ed. v. VII.

...Таны!',
Отнынѣ графы вы и этимъ титломъ
Шотландія привѣтствуетъ васъ первыхъ.

Пер. Кронеберга. Т. I, стр. 385. В. Н.

[2]) Вотъ почему свидѣтельство Гордона на поколѣнной росписи Лермонтовыхъ получаетъ особенную важность. В. Н.

[3]) Coronatus autem fuit Sconae more majorum vigesimo quinto die Aprilis, anno Christi sexagesimo primo supra millesimum: inde Forfair generale edixit consilium: ubi primores regni, qui partibus suis adhaeserant, quorumque patres a Maccabæo fuerant occisi, amplis donavit praemiis: agrisque ac magistratibus redditis, pristinam ipsorum aut parentum restituit dignitatem: volens, ut quod antea non fuerat, aliarum more gentium a praediis suis cognomina caperent. Quosdam vero etiam Comites, alios Barones, aut equites auratos creavit; Magduffum Fifae thanum, comitem fecit, atque alios quoque viros praestantes Montheti, Atholiae, Lenni, Moraviae, Cathanesiae, Rossiae, Angusiae dixit Comites. Pauci thani relicti sunt. Hi primi fuere comites quorum nostri meminerunt annales. Multarum nova cognomina Scotorum familiis indita, Calder, Locart Gordon, Setoun, Gallora, Laudir, Wawain, Meldrun, Schaw, Leirmont, Libertaun, Straquhyn, Cargil, Katra, Doundas, Cocburn, Mar, Myrtoun, Menzees Abercromme, Lesbeï multaque alia praediorum nomina, quibus viri fortes à rege donati in munerum concessere cognomina. В. Н.

stis Scotorum libri decem. Romae. 1578; ed. 2. R. 1675. Въ общемъ содержаніи своей Исторіи Леслей передавалъ сокращенно Боэція, кромѣ трехъ послѣднихъ книгъ, которыхъ обработкой онъ занялся съ особенною подробностію. Но и въ первыхъ семи книгахъ мы встрѣчаемъ, по временамъ, подробности, которыхъ нѣтъ у Боэція. Приводимъ его разсказъ о Малькольмѣ, опуская тѣ мѣста, гдѣ онъ буквально повторяетъ Боэція.

„Малькольмъ.... послѣ коронаціи, созвалъ парламентъ въ Форферѣ и тамъ осыпалъ благодѣяніями и щедрыми дарами всѣхъ тѣхъ, которые были виновниками его возвращенія въ отечество. Многимъ онъ при этомъ далъ новые почетные титулы. По милости царя были включены въ шотландское государство многіе знаменитые по происхожденію англичане, которые, въ это время, послѣдовали за царемъ въ Шотландію и, въ борьбѣ съ его врагами, мужественно подверглись величайшимъ опасностямъ; къ ихъ числу принадлежатъ вельможи: Кальдеръ, Локартъ, Гордонъ, Сетонъ, Лаудеръ, Вавнъ, Мельдронъ, Шау, Лермонтъ ...; отъ нихъ произошли многія знаменитѣйшія фамиліи" [1]).

Если изъ разсказа Боэція можно заключить, что Лермонты были шотландцы, то Леслей прямо называетъ ихъ англичанами, которые пришли съ Малькольмомъ въ Шотландію и тамъ натурализовались. Свидѣтельство Леслея важно потому, что онъ особенно интересуется шотландской аристократіей и тщательно перечисляетъ всѣ фамиліи, которыя переселились въ Шотландію — изъ Англіи съ Эдгаромъ, сыномъ Эдуарда, изъ Венгріи, съ его матерью Агатою и, наконецъ, изъ Франціи, въ дружинѣ Вильгельма Завоевателя. Очевидно, подавая свою родословную въ приказъ, Лермонтовы слѣдовали въ этомъ пунктѣ не Боэцію, а Леслею, на котораго поэтому сослались не даромъ.

На какія еще хроники и лѣтописи ссылались Е. и П. Лермонтовы, не знаемъ; можемъ только замѣтить, что Голиншедъ († 1578 или 1582 г.), современникъ Леслея, подобно ему, тоже повторяетъ Боэція; стало быть, его-ли, другихъ-ли историковъ разумѣли Лермонтовы, во всякомъ случаѣ, мы едва-ли нашли бы у нихъ много новаго.

Итакъ, по шотландскимъ преданіямъ, фамилія Лермонтовъ восхо-

---

[1]) Malcolmus ....post inaugurationem Forfairi generale indixit Concilium: ubi omnes, qui illius in patriam reditus auctores fuerunt, amplissimis beneficiis ac muneribus affecit. Novis ergo honoribus multos decoravit.... Multi Angli, summis natalibus praeclari, eum in Scotiam hoc tempore secuti, quod in convellendis ejus hostibus pericula maxima maximis animis contempserunt, in Remp. Scoticam Regis beneficio inserebantur: in quibus Calder, Lokert, Gordon, Seton, Lauder, Wawn, Meldron, Shaw, Lermount.... principes numerantur: ex quibus multae familiae perillustres originem traxerunt. Lib. VI, pag. 199—200. В. Н.

дитъ, ни болѣе ни менѣе, какъ къ XI столѣтію, и связывается съ трагическою исторіею Макбета, увѣковѣченною геніемъ Шекспира. Понятно, послѣ этого, что генеалогія отъ герцога Лермы [1]) не можетъ имѣть мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается и этимологическая сторона вопроса—о правописаніи этой фамиліи, которая непремѣнно должна бы писаться черезъ *о* (оффиціально же она должна писаться черезъ *а*, потому что такъ записаны Лермонтовы и въ гербовникѣ, и почти во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ). Переходъ *о* въ *а* весьма легко объясняется московскимъ ȧканьемъ, тѣмъ болѣе, что имя Лермонта имѣло и имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ.

III.

Томасъ Лермонтъ—шотландскій бардъ.

1286.

> И арфы шотландской струну бы задѣлъ.
> М. Ю. Лермонтовъ.

Имя Лермонта еще разъ, и опять въ поэтической обстановкѣ, является у Боэція, а вслѣдъ за нимъ у Леслея и у Голиншеда, подъ 1286 г. Въ этомъ году умеръ шотландскій король Александръ III, разбитый лошадьми. Но, наканунѣ самаго событія, его предсказалъ Томасъ Лермонтъ (Thomas Leirmont), котораго Голиншедъ, согласно съ шотландскимъ переводомъ Боэція, называетъ иначе Эрсильтономъ (Ersilton). Этотъ Лермонтъ пользовался репутаціей великаго пророка. Но еще большей славой пользовался онъ, какъ поэтъ, такъ что прозвище поэта (The rymer) слилось съ его именемъ до такой степени, что заслонило и его родовое имя Лермонта, и владѣнное (по имѣнію) Эрсильтона [2]).

---

[1]) Не говоря уже о томъ, что герцогъ Лерма былъ изгнанъ изъ Испаніи, по смерти Филиппа III въ 1621 г., между тѣмъ, какъ именно въ этомъ году Юрій Лермантъ былъ уже поручикомъ русской службы. В. Н.

[2]) Боэцій ограничивается только замѣчаніемъ о пророческой славѣ Томаса Лермонта, но Леслей представляетъ и характеристику его пророчествъ. «Онъ», говоритъ Леслей, «не былъ такъ ученъ (какъ Михаилъ Скоттъ, о которомъ прежде была рѣчь), но, возбуждаемый, не знаю какимъ, духомъ (благочестивый епископъ не хочетъ говорить о волшебныхъ связяхъ Томаса, хотя, очевидно, на нихъ намекаетъ; онъ и въ исторіи Макбета не упомянулъ о вѣдьмахъ), какъ нѣкій Аполлонъ съ треножника, предсказывалъ будущее. Онъ изложилъ въ риѳмованныхъ стихахъ предсказанія о событіяхъ шотландской исторіи; но эти предсказанія запутаны въ такой туманъ аллегорій и загадокъ, что и самый остроумный человѣкъ только тогда разъяснитъ ихъ смыслъ, когда они сбудутся» (Leslaeus, pag. 220). Пророчества Томаса Лермонта изданы Hart'омъ въ Эдинбургѣ, въ 1615 г. Ихъ главное содержаніе опредѣлено Леслеемъ. В. Н.

Какъ поэту, Лермонту приписываютъ знаменитый романъ о Тристремѣ (Sir Tristram), изданный въ 1804 г. Вальтеръ Скоттомъ, какъ дополненіе къ тремъ томамъ его „Украинскихъ былинъ" (Border Minstrelsy) [1]; по поводу его Вальтеръ Скоттъ велъ продолжительный споръ съ Джорджемъ Эллисомъ, отстаивая авторскія права Лермонта [2]. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ историко-литературный вопросъ, мы обратимся къ исторіи, или, вѣрнѣе сказать, легендѣ о Лермонтѣ-поэтѣ.

Его зàмокъ, развалины котораго и донынѣ носятъ имя Лермонта—Learmonth Tower, находился на берегахъ Твида, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ сліянія его съ Лидеромъ, въ виду знаменитаго Сэнди-Ноу (Sandy-Knowe), гдѣ провелъ свое дѣтство Вальтеръ Скоттъ и гдѣ, впослѣдствіи, онъ воздвигъ свой знаменитый, хотя и раззорившій владѣльца, Абботсфордъ. Выросши въ мѣстности, полной преданіями о Лермонтѣ, заинтересованный имъ, какъ авторомъ Тристана, Вальтеръ Скоттъ, въ 1804 году, написалъ балладу въ трехъ частяхъ Томасъ-поэтъ (Thomas the Rymer). Вотъ что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ въ предисловіи къ ней: „Не многія лица пользуются такой знаменитостью въ народныхъ преданіяхъ, какъ Томасъ Эрсильдоунъ (Erceldoune), извѣстный подъ именемъ Поэта. (The Rymer). Преданіе единогласно утверждаетъ, что его фамильное прозваніе было Лермонтъ (Lermont or Learmont), и что наименованіе поэта было ему дано за его поэтическія произведенія. На этотъ счетъ, однако, существуютъ койкакія сомнѣнія".

„Вѣрнѣе мы можемъ сказать о времени, когда жилъ Томасъ Эрсильдоунъ,—это послѣдніе годы тринадцатаго столѣтія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Томасъ Эрсильдоунъ, въ свое время, былъ замѣчательное и важное лицо, такъ какъ, очень скоро послѣ его смерти, мы уже встрѣчаемъ похвалы ему, и какъ пророку, и какъ поэту".

„Трудно рѣшить, самъ-ли онъ выдавалъ себя за пророка, или легковѣрное потомство придало ему это званіе. Во всякомъ случаѣ, народное преданіе повѣствуетъ, что Томасъ въ юномъ возрастѣ былъ унесенъ въ страну фей (Fairy Land), гдѣ онъ и пріобрѣлъ то знаніе, которое впослѣдствіи такъ его прославило. Послѣ семилѣтняго пребыванія въ царствѣ фей, онъ получилъ позволеніе возвратиться на землю и тамъ своею пророческою силою просвѣтить и изумить со-

---

[1] Къ удивленію и сожалѣнію, мы не могли найдти въ Петербургѣ этого изданія Вальтера Скотта. В. Н.

[2] См. S. G. Lockhart's Memoirs of the life of Sir W. Scott. L. 1837. T. I. p. 194, 225 passim. В. Н.

отечественниковъ, но съ обязательствомъ возвратиться къ своей царственной повелительницѣ, когда она того пожелаетъ. И вотъ однажды"....

Но здѣсь мы позволимъ себѣ прервать предисловіе Вальтера Скотта и передадимъ прозой его поэтическій разсказъ.

....„Роскошный пиръ идетъ въ Эрсильдоунѣ, въ старинной высокой залѣ Лермонта; сидятъ знаменитые рыцари и дамы, одѣтыя въ мантіи.

„За столомъ нѣтъ недостатка ни въ музыкѣ, ни въ пѣсни, ни въ стаканахъ съ кроваво-краснымъ виномъ, ни въ ковшахъ съ пѣнящимся элемъ.

„Когда окончился пиръ, всталъ вѣрный Томасъ, съ арфой въ рукѣ (на состязаніи пѣвцовъ, въ странѣ фей, выигралъ онъ эту арфу у эльфовъ).

„Умолкла толпа; стихли движеніе и разговоры; блѣднѣютъ отъ зависти менестрели; закованные въ желѣзо лорды склонились на мечи и прислушиваются къ пѣснѣ.

„Въ громкихъ стихахъ льется чарующая пѣсня пророка; въ будущихъ вѣкахъ не найдется поэта, который смогъ бы ее повторить.

„Только отрывки высокой пѣсни несутся по рѣкѣ временъ, какъ обломки разбитаго корабля, всплывающіе среди бурнаго моря.

„Онъ поетъ [1].... о кругломъ столѣ короля Артура, о вѣжливомъ Гавенѣ, о неистовомъ Морольфѣ и порожденіи дьявола — Мерлинѣ, но особенно о благородномъ Тристремѣ и нѣжной Изольдѣ,—о томъ, какъ ея послѣдній взглядъ слился въ поцѣлуѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго Тристрема. О, кто можетъ спѣть такъ, какъ онъ пѣлъ?

„Арфа умолкла; тихо замеръ въ ухѣ слушателей ея смолкнувшій звукъ, а молчаливые гости сидѣли недвижно вокругъ, какъ будто бы все еще слышали пѣніе.

„Въ робкомъ шопотѣ сказалось горе, и вздыхали не только дамы, но не одна стальная рукавица украдкой отерла суровую щеку.

„На струи Лидера, на за̀мокъ Лермонта спускаются вечерніе туманы; въ лагерѣ, въ крѣпости, въ домѣ каждый ратникъ сбирается опочить".

Но лорда Дугласа будятъ; ему приносятъ чудесную вѣсть:

„У Лидера идетъ бокъ-о-бокъ чета оленей (hart and hind), бѣлыхъ, какъ снѣгъ на Фернали.

„При свѣтѣ луны, съ гордой осанкой, спокойно и стройно идутъ они, не пугаясь собравшейся толпы, которая дивится на ихъ шествіе.

---

[1]) Мы сокращаемъ балладу. В. Н.

„Къ зàмку Лермонта летитъ вѣсть, какъ только пажъ можетъ поспѣть; и Томасъ встаетъ съ постели и быстро надѣваетъ свое платье.

„Сталъ онъ сначала блѣденъ, какъ воскъ, потомъ, какъ воскъ, красенъ; ничего не сказалъ онъ, только выговорилъ эти три слова: „пробилъ мой часъ; спрялась моя нить; за мной пришли они".

„Онъ повѣсилъ на шею, подобно менестрелю, арфу эльфовъ и грустно пронеслись по вѣтру и замерли ея звуки.

„И вышелъ; но часто оборачивался поглядѣть на свою древнюю залу; съ кроткимъ блескомъ падали на сѣдой зàмокъ лучи осенней луны....

„Прощай, старый зàмокъ моихъ отцовъ, прощай на долго", сказалъ онъ, „не бывать тебѣ никогда болѣе жилищемъ удовольствія, блеска и власти".

„Лермонту здѣсь болѣе не будетъ принадлежать ни одной пяди земли, и на твоей гостепріимной груди заяцъ выведетъ зайчатъ".

„Прощайте!" сказалъ онъ снова, оглядываясь вокругъ себя; „прощайте, серебряныя струи Лидера! прощай, Эрсильдоунъ!".

„Олени приблизились къ мѣсту, гдѣ, медля, стоялъ онъ; и вслѣдъ за ними, въ глазахъ лорда Дугласа, перешелъ онъ черезъ рѣку.

„Лордъ Дугласъ вскочилъ на своего воронаго коня и помчался за ними черезъ Лидеръ, но хоть летѣлъ быстрѣе молніи, онъ больше уже ихъ не увидѣлъ.

„Иные говорятъ, что къ холму, другіе—къ долинѣ направилось чудесное шествіе; но только подъ кровомъ живыхъ людей съ тѣхъ поръ не видали Томаса".

Мы не можемъ опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ Томасъ Лермонтъ находился къ фамиліи Лермонтовъ; но, имѣя въ виду, что всѣ три, упомянутые нами, историка пишутъ его имя въ обоихъ случаяхъ одинаково, и что, охотникъ до генеалогій, Леслей не сдѣлалъ никакой оговорки при его имени,—мы можемъ думать, что они считали его принадлежащимъ къ той же фамиліи Лермонтовъ. Вслѣдъ за ними и мы будемъ считать шотландскаго барда предкомъ русскаго поэта.

IV.

М. Ю. Лермонтовъ—шотландецъ.

Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.
М. Ю. Лермонтовъ.

Зналъ-ли о своемъ шотландскомъ происхожденіи нашъ поэтъ? Не только зналъ, но и говорилъ о немъ въ стихахъ, и старался ему придать какое-то особенное значеніе....

Вотъ неизданное стихотвореніе Лермонтова, сохранившееся въ черновыхъ его бумагахъ и сообщенное П. А. Ефремовымъ „Русской Старинѣ“:

Гробъ Оссіана.

(Узнавъ отъ путешественника описаніе его могилы).

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленный
Родимымъ вѣтромъ подышать,
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять....

Еще любопытнѣе, по своимъ подробностямъ, другое стихотвореніе Лермонтова, которое вошло въ оба послѣднія изданія его сочиненій, но которое мы, тѣмъ не менѣе, перепечатываемъ, такъ какъ вся наша статья составляетъ только комментарій къ нему:

Желаніе.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ зáмкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы:
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;

Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О! зачѣмъ я не воронъ степной!...
(Соч. т. I, стр. 132. Изд. 1863).

Итакъ, самъ Лермонтовъ называетъ себя „потомкомъ отважныхъ бойцовъ", Шотландію—„своей отчизной", вспоминаетъ о „ея туманныхъ горахъ и холмахъ", о „замкѣ, оружіи и арфѣ своихъ предковъ...." Конечно, всѣ эти выраженія вошли сюда, только какъ поэтическій образъ; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что Лермонтовъ попалъ на образъ исторически, или, по крайней мѣрѣ, легендарно-вѣрный.

Какія поэтическія комбинаціи могли бы родиться въ душѣ нашего поэта, котораго, по выраженію г. Дудышкина, грызла мысль о незнатности происхожденія, который хотѣлъ вторично занять свою жизнь даже отъ могилы Оссіана, если-бъ онъ зналъ исторію перваго Лермонта, въ дружинѣ Малькольма воевавшаго противъ Макбета и чуть-чуть не попавшаго подъ перо Шекспира, и легенду о второмъ Лермонтѣ, поэтѣ, пророкѣ, любимцѣ самой царицы фей, одушевившемъ послѣдняго шотландскаго менестреля Вальтера Скотта! Но Шекспиръ пренебрегъ именемъ Лермонта, Вальтера Скотта Лермонтовъ не любилъ, въ архивахъ и пыльныхъ фоліантахъ, конечно, не рылся,—и оригинальныя преданія его фамильной исторіи остались ему неизвѣстны.

В. В. Никольскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Указъ объ отставкѣ Ю. П. Лермонтова.

(отца поэта).

„По указу его величества государя императора Александра Павловича самодержца всероссійскаго. Изъ государственной военной коллегіи уволенному отъ воинской службы 1-го кадетскаго корпуса капитану Юрію Лермантову, о коемъ въ формулярномъ спискѣ значится: отъ роду ему 24 года, изъ дворянъ, помянутаго кадетскаго корпуса; изъ кадетъ выпущенъ въ кексгольмскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ 1804 г. октября 29-го; произведенъ подпоручикомъ, съ опредѣленіемъ, по прежнему, въ 1-й кадетскій корпусъ—1805 г. сентября 4-го; поручикомъ—1810 мая 28-го; въ 1808 августа 10-го, 1810 августа 18-го и сего 1811 г., іюля 26-го, объявлены ему высочайшее удовольствіе и благодарность; въ походахъ и штрафахъ не былъ, къ

повышенію аттестовался достойнымъ; а минувшаго ноября 7-го дня по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, за болѣзнію, уволенъ отъ службы капитаномъ и съ мундиромъ. Офицеровъ же кадетскихъ корпусовъ, высочайшимъ, 1810 года апрѣля 18-го, указомъ, повелѣно считать преимущественно противъ армейскихъ однимъ чиномъ выше. Во свидѣтельство чего ему сей, его императорскаго величества указъ данъ въ Санктпетербургѣ Декабря 13-го дня 1811 года. Генералъ-маіоръ Батюшковъ. Генералъ-маіоръ Борисовъ. Генералъ-маіоръ Якимовъ. Оберъ-секретарь Черноусовъ. Секретарь седьмаго класса Безугловъ. Губернскій секретарь Селезневъ".

Это единственный документъ, дающій намъ кое-какія свѣдѣнія объ отцѣ Лермонтова. Больше мы ничего о немъ не знаемъ, кромѣ слуховъ; по слухамъ же, онъ былъ замѣчательный красавецъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пустой, странный и даже худой человѣкъ (послѣднія слова принадлежатъ Сперанскому, который, впрочемъ, повторилъ ихъ тоже по слухамъ. См. „Рус. Арх." 1872 г., № 9, ст. 1852). Разлука съ отцомъ, котораго поэтъ едва-ли и зналъ, борьба съ нимъ бабушки (Е. А. Арсеньевой), желавшей удержать и удержавшей при себѣ любимаго внука, отзывы, которые о немъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, высказывались,—все это не осталось безъ вліянія на молодаго поэта. Въ замѣнъ дѣйствительныхъ отношеній, Лермонтовъ устанавливаетъ съ своимъ отцомъ идеальную связь; ихъ связываетъ: разлука, отчужденіе, которое поэтъ называетъ изгнаніемъ, гоненіе свѣта, общее страданіе. Отказываясь судить, былъ-ли виновенъ (въ чемъ?) его отецъ, Лермонтовъ видитъ его оправданіе уже въ томъ, что онъ былъ осужденъ свѣтомъ; поэтому, онъ не питаетъ къ нему вражды, точно такъ же, какъ и въ немъ не нашелъ вражды къ себѣ, понимаетъ его, и самую жизнь его называетъ подвигомъ. Для доказательства, приведемъ нѣсколько строкъ изъ недавно напечатаннаго стихотворенія Лермонтова и сличимъ ихъ съ тѣмъ, что находимъ въ собраніи его сочиненій.

I.

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ, съ названьемъ гражданина!
. . . .
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ!
Постигнутъ ты желанною кончиной!
. . . .
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья.

Не мнѣ судить, виновенъ ты, иль нѣтъ?
Ты свѣтомъ осужденъ....

(«Рус. Арх.» 1872, № 9, ст. 1850).

Эпитафія.

Прости! увидимся-ль мы снова?
И смерть захочетъ-ли свести
Двѣ жертвы жребія земнова?
Какъ знать? Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ столько зла извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ....

(Соч. I, 88).

Послѣднія строки этого стихотворенія:

Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

Лермонтовъ повторилъ въ своей поэмѣ „Ангелъ смерти" (1831 г. Соч. I, 337). Вся эта поэма, навѣянная мыслію о смерти, полна неясныхъ намековъ на дѣйствительные факты.

II.

Далеко отъ него (свѣта), духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей.
Ты счастливѣй меня: теперь передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
. . . .
Уже-ль теперь меня совсѣмъ не любишь ты?
О, если такъ, то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мѣрѣ—я люблю.

(«Рус. Арх.», Ibid)

Я видѣлъ тѣнь блаженства....

О, мой отецъ! Гдѣ ты? гдѣ мнѣ найдти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ тотъ міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ—и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

(Соч. I, 144).

Интересно сличить съ этимъ еще одно стихотвореніе той же эпохи: „Когда бъ въ покорности незнанья....", оканчивающееся словами:

Она (надежда) залогъ, что есть поныне
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,

Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

(Соч. I, 144).

Вообще эпоха 1830 — 1831 гг. богата у Лермонтова стихотвореніями, которыя имѣютъ своимъ предметомъ — смерть. Кромѣ приведенныхъ, у него есть два стихотворенія, прямо озаглавленныя словомъ: „Смерть“ (Соч. I, 120, 153), и, наконецъ, рядъ ихъ замыкается цѣлой поэмой „Ангелъ смерти“, въ которой поэтъ рѣшаетъ вопросъ: почему

Теперь томитъ его (ангела смерти) объятье,
И поцѣлуй его - проклятье?

Автобіографическое значеніе этихъ стихотвореній несомнѣнно; къ сожалѣнію, годъ смерти отца поэта остается неизвѣстнымъ..

Сообщ. **В. В. Никольскій.**

II.

Замѣтки и поправки къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Лермонтовѣ.

(«Рус. Ст.», изд. 1873 г., т. VII, стр. 380—392).

Пятаго брата Столыпина звали не Григоріемъ (стр. 381), а Николаемъ Алексѣевичемъ. Онъ былъ севастопольскимъ губернаторомъ и убитъ въ Севастополѣ, во время „чумнаго возмущенія“, 1830 г.

Кромѣ г-жъ Арсеньевой и Шанъ-Гирей, у нихъ были еще двѣ сестры, изъ коихъ самая старшая была за Евреиновымъ, а другая— за Григоріемъ Даниловичемъ Столыпинымъ, отцомъ: 1) Алексѣя Григорьевича, лейбъ-гусарскаго полковника и флигель-адъютанта, умершаго отъ холеры въ Саратовѣ, въ 1847 году, и бывшаго женатымъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Трубецкой, нынѣ супругѣ свѣтлѣйшаго князя Семена Михайловича Воронцова; 2) Валерьяна Григорьевича, отставнаго полковника конной гвардіи, нынѣ умершаго и бывшаго женатымъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Бахметевой; 3) Павла Григорьевича, отставнаго поручика того же полка, кажется уже давно умершаго, и 4) Анны Григорьевны, супруги генералъ-адъютанта, генерала отъ артиллеріи Алексѣя Илларіоновича Философова.

Стран. 384, стр. 6, напеч.: „Покойный Александръ Францовичъ Тиранъ старый другъ мой, князь Николай Сергѣевичъ Вяземскій“. Запятую нужно перенести и поставить послѣ фамиліи: „Тиранъ“; слова: „старый другъ мой“ относятся не къ нему, хотя я и зналъ его хорошо, а къ князю Вяземскому.

Стран. 384, стр. 20, напеч.: „вотъ до чего онъ довелъ его“. Чит.: „Вотъ до чего она довела его“. Стран. 387, стр. 21, напеч.: „опогея“, вм. „апогея“. **М. Н. Л.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Русскіе эмигранты въ царствованіе императора Павла.

Читатели «Русской Старины» хорошо ознакомились съ замѣчательною личностію Василія Назаровича Каразина по тѣмъ разностороннимъ письмамъ, мнѣніямъ и проэктамъ его пера, которыя во множествѣ помѣщены, въ 1870—1873 гг., на страницахъ нашего изданія. Въ періодѣ молодости этого государственнаго и общественнаго дѣятеля есть одинъ эпизодъ, который до сихъ поръ остается мало разъясненнымъ, а между тѣмъ, онъ въ высшей степени важенъ для характеристики пылкой, увлекающейся, высоко-благородной личности Каразина: это его попытка бѣжать изъ Россіи въ царствованіе Павла.

Попытка относится къ 1798 году.

Въ 1791 году, Каразинъ. восемнадцатилѣтній, весьма хорошо образованный молодой человѣкъ, поступаетъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и, съ перваго дня вступленія на престолъ Павла I (6-го ноября 1796 г.), дѣлается ближайшимъ, ежедневнымъ свидѣтелемъ тѣхъ событій, которыя заставили многихъ патріотовъ думать, что для Россіи настала пора гибели. Каразинъ вышелъ въ отставку и задумалъ удалиться за границу. Не получивъ паспорта, выдача ихъ производилась не иначе, какъ съ дозволенія государя, молодой человѣкъ бѣжитъ тайно; но на берегахъ Нѣмана его задерживаетъ пограничная стража. Драгуны отвозятъ его арестованнымъ въ Ковно. При суровости тогдашнихъ порядковъ, Каразину предстояла совершенная гибель: онъ хватается за послѣднее средство и, предупреждая оффиціальное донесеніе, пишетъ и отправляетъ съ эстафетою, непосредственно къ самому императору Павлу, письмо:

14-го августа 1798 г. Ковно.

„Государь! несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: преступникъ противъ твоихъ повелѣній, самодержецъ Россіи! не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня единый лучъ твоей прозорливости прежде, нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва!

Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну твоей державы; покусился на сіе вопреки твоей, двукратно, то есть, всенародно и частно на мое лицо выраженной воли. Ночью, противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправѣ у Ковно чрезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатеринославскаго гренадерскаго полка. Въ короткое время достигнетъ о томъ оффиціальное донесеніе.

Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣденія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободско-Украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что онѣ не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ,—оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей.

Пріими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего, молвою, вѣроятно, удесятеренные, грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ...

Теперь въ волѣ твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить—и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что я столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердомъ.“

Примѣчаніе В. Н. Каразина. Остатокъ письма не могу вспомнить. Слѣдствіемъ онаго была немедленно посылка за мною курьера и прощеніе, съ весьма милостивымъ принятіемъ въ службу. Я былъ рекомендованъ отъ имени его величества начальнику, котораго позволено мнѣ самому выбрать.

Отъ редакціи. Этотъ характеристическій документъ былъ уже напечатанъ въ «Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи» и въ одномъ русскомъ заграничномъ сборникѣ; но мы печатаемъ съ собственноручной рукописи В. Н. Каразина, сохранившейся у его почтеннаго сына Ф. В. Письмо набросано его родителемъ многіе годы спустя послѣ 1798 г., по памяти, и потому не удивительно, если когда-нибудь удастся найти подлинникъ, отправленный къ императору Павлу, то въ немъ окажутся варьянты.

Вслѣдъ за письмомъ пылкаго и высокодаровитаго Каразина, предпринявшаго попытку бѣжать изъ отечества лишь изъ любви къ родинѣ,—погибавшей, какъ казалось ему, отъ суровости правленія Павла,—помѣщаемъ письмо другаго русскаго эмигранта, побѣгъ котораго, сопровождался для него полнымъ успѣхомъ. Христофоръ фонъ-деръ-Ховенъ, — такъ зовутъ этого бѣгуна изъ земли русской, — былъ родомъ курляндецъ. Пишетъ онъ письмо къ родственнику своему, Роману Ивановичу фонъ-деръ-Ховену (род. 1775 г.), бывшему,

въ 1800 году, т. е. во время полученія этого документа, штабсъ-капитаномъ Выборгскаго пѣхотнаго полка. Романъ Ивановичъ дрался въ рядахъ русскаго отряда, высадившагося весной 1799 года, вмѣстѣ съ англійскимъ войскомъ, на берега Голландіи,—дрался противъ французовъ, которыми командовалъ храбрый генералъ Брюнъ. Въ это самое время, въ рядахъ французовъ находился братъ Романа Ховена — Христофоръ Ховенъ, русскій бѣглецъ, не устыдившійся сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Англо-русская экспедиція въ Голландіи окончилась въ ноябрѣ 1799 г. и сопровождалась для союзниковъ, какъ извѣстно, полнѣйшею неудачею. Письмо Христофора фонъ-деръ-Ховена заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности объ одномъ изъ эпизодовъ этой войны.

Настоящій документъ интересенъ не только по содержанію, но и по внѣшности; онъ писанъ на тонкой, пожелтѣвшей почтовой бумагѣ, въ четвертую долю, и украшенъ въ началѣ печатною виньеткою, бывшею въ модѣ въ эпоху «великой» французской революціи. Документъ писанъ по-русски, бойкою скорописью, съ помарками и значительными ошибками противъ правилъ правописанія; особенно не дается нашему бѣгуну-курляндцу русское ѣ. Приводимъ письмо, какъ черту нравовъ своего времени, цѣликомъ, не сохраняя, впрочемъ, грамматическихъ ошибокъ. **Ред.**

Гаагъ, 28-го жерміаля 6 года (19-го апрѣля 1800 г.)

„Милый и сердечный другъ [Романъ Ивановичъ]! Вчера-съ прибылъ сюда одинъ русскій плѣнный офицеръ, который вымѣненъ, и въ Англію отправляется; онъ мнѣ обѣщался, если возможно, тебѣ доставить сіе письмо. Бывши увѣренъ, что ты меня любишь, я думаю, что ты, конечно, желаешь знать, какъ я живу, и что со мной случалось. Если я въ жизни своей умный поступокъ сдѣлалъ, такъ [это], конечно, было то, что я вышелъ изъ Россіи. Я въ Кенигсбергѣ сѣлъ на корабль; первые дни погода [была] изрядная, вѣтеръ попутный; на пятый день буря и

непогода насъ сбили съ пути и принудили пристать къ острову Лаландъ; на одиннадцатый день прибыли въ Копенгагенъ; оттудова поѣхалъ, по почтѣ, въ Гамбургъ. Намѣреніе мое было пробраться до Швейцаріи; но сіе было невозможно—денегъ у меня не слишкомъ было, и чтобъ слѣдовать разумнымъ урокамъ объ экономіи, которые ты мнѣ такъ часто давалъ, я пошелъ пѣшкомъ. Былъ въ Брауншвейгѣ, Оснабругѣ, Касселѣ а, наконецъ, въ Ханноверѣ;—тутъ сидѣлъ въ трактирѣ съ вѣрнымъ своимъ Аяксомъ за столомъ и разсуждалъ о суетности мира и бренности вещей; вдругъ взглянулъ на газеты и читаю, что англичане приготовляются сдѣлать десантъ въ Батавской республикѣ; я не долго думалъ, взялъ пашпортъ и пошелъ въ Голландію. Прибывши въ Гаагу, первая моя походка была на Champ de Mars; тутъ я увидѣлъ всю національную гвардію, то есть, всѣхъ обывателей, безъ различія имѣнія или состоянія, подъ ружьемъ; я записался въ вольно-опредѣляющіеся; два дня послѣ того, англійской флотъ прибылъ и сдѣлалъ десантъ—наши ретировались; въ сраженіи 24-го фруктидора (12-го сентября) полбригаду, въ которой я находился, въ пухъ разбили; два баталіона взяли въ плѣнъ, и, можетъ быть, третій, при которомъ я находился, имѣлъ бы ту же участь, если бы ночь не приблизилась; я былъ раненъ пулею въ ногу и контуженъ въ голову. Ночь была темная; деревня, при которой [мы] находились, горѣла; бóльшая часть нашихъ офицеровъ убиты; непріятель насъ окружалъ и наши въ отчаяніи и въ безпорядкѣ: одни кричатъ, чтобы сдаться, другіе—чтобы пробиться,—я разсуждалъ въ ту пору, что попасться непріятелю въ руки или умереть—почти все равно; къ прибавленію несчастія, я не могъ на ногу стать. Въ то время я увидѣлъ, около половины сгорѣвшаго дома, стулъ; я всталъ на немъ и сказалъ: „Сограждане! намъ должно изъ двухъ одно выбирать: сдаться плѣнными и прожить нѣсколько лѣтъ въ неволѣ, отдаленными отъ женъ, дѣтей и пріятелей нашихъ, или пробиться, съ оружіемъ въ рукахъ; въ которую сторону мы кинемся — вездѣ встрѣтимся только съ равнымъ намъ числомъ непріятелей. Ночь теперь темная, они вѣрно спятъ и не стерегутъ насъ; но сперва надо намъ начальника, выбирайте его!“ Всѣ закричали вдругъ: „поведи насъ!“ Я сѣлъ на стулъ, два обывателя меня взяли на плечи. Мы пришли къ первымъ форпостамъ и не нашли никого; 200 шаговъ далѣе нѣсколько десятковъ русскихъ лежали около огня, мы дали залпъ и закричали „ça ira!“ Непріятель оставилъ дорогу пустою и мы продолжали свой путь до главнаго корпуса, куда прибыли на разсвѣтѣ. Генералъ-аншефъ Брюнъ меня пожаловалъ изъ простыхъ канонировъ въ артиллерійскіе поручики. Это была третья недѣля, что я въ службѣ рес-

публики былъ. По сраженіи, гдѣ **Германа** въ плѣнъ взяли и русскихъ безъ милости побили, генералъ-аншефъ меня къ директоріату послалъ съ извѣстіемъ. Я досталъ отъ президента братской поцѣлуй и отъ Праводавчей власти — титулъ ботавскаго гражданина. Начальникъ артиллеріи нашей, **Матусевичъ**, полякъ родомъ, великій мой пріятель и доброжелатель, которому я чрезвычайно много одолженъ, — меня взялъ адъютантомъ къ себѣ и я такую имѣю жизнь теперь, какъ въ раю: большое жалованье и дѣла никакого, любимъ всѣми, надежда впереди большая, особливо, когда война продолжится. Вотъ, милый мой пріятель, всѣ мои похожденія; дай Боже, чтобъ ты такъ доволенъ своимъ состояніемъ былъ, какъ я своимъ, и чтобы мы когда-нибудь въ сей жизни еще увидѣлись. Если будешь имѣть случай ко мнѣ писать, то сдѣлай слѣдующимъ образомъ: пошли письмо въ Кенигсбергъ, подъ адресомъ купца Heindrich Barklay; мой адресъ слѣдующій: Au Citoyen A. Howen, aide de camp-adjoint du Citoyen Marthusewitz, Comandant de l'artillerie de la Republique Batave, à la Haÿe.

Напиши мнѣ, во-первыхъ, все то, что до тебя касается, а во-вторыхъ, что дѣлаетъ Жоржъ съ любезной своей женой; что дѣлаютъ всѣ наши старые товарищи, **Третьяковъ**, **Тарарыкинъ** и проч. Живъ ли Тарарыкинъ? Я надѣюсь, что онъ здоровъ возвратился изъ Италіи? Гдѣ ты теперь находишься? Я крѣпко сомнѣваюсь, что-бъ къ тебѣ дошло сіе письмо [1]). Скажи Жоржу, что я къ нему для того не пишу, что не знаю, гдѣ онъ теперь находится, потому что онъ ужъ вѣрно болѣе не въ Брестѣ; но такъ какъ я полагаю, что ты еще въ службѣ, то тебя легче отыскать. Я надѣюсь, что онъ здоровъ и счастливъ, по крайней мѣрѣ, никто не можетъ того такъ сердечно желать, какъ я. Скажи имъ обоимъ, что я ихъ сердечно обнимаю и пошли имъ, если возможно, копію отъ сего письма

Ну, милый мой другъ, пора прощаться, будь здоровъ и счастливъ; люби и вспоминай иногда меня и кланяйся всѣмъ, которые о мнѣ спросятъ, и будь увѣренъ, что никто такъ тебя любить не можетъ, какъ **Христофоръ**.

Сообщ. **И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ.**

Примѣчаніе. Письмо Христофора Ховена писано, какъ свидѣтельствуетъ его племянникъ И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ, весьма обязательно сообщившій намъ этотъ документъ,—къ отцу послѣдняго, Роману Ивановичу (имя и отчество лица, къ которому адресовано письмо, въ подлинникѣ тщательно вымарано). Полученіе этого документа не обошлось штабсъ-капитану фонъ-деръ-Ховену даромъ: про письмо свѣдало начальство и, какъ разсказываетъ

---

[1]) Эта строка почти совсѣмъ стерлась въ подлинникѣ. **Ред.**

И. Р., отецъ его былъ отставленъ отъ службы. Въ 1801 году, послѣ смерти Павла I, Романъ Ивановичъ принятъ вновь на службу, капитаномъ, въ Псковскій пѣхотный полкъ. Послѣ многолѣтней боевой службы, онъ сдѣланъ комендантомъ въ Вильнѣ (съ 1812 по 1818 г.), а съ 1818 по 1827 г.—военнымъ губернаторомъ въ Тифлисѣ. Самая тѣсная дружба соединяла Романа Ивановича съ А. П. Ермоловымъ: удаленіе послѣдняго съ Кавказа заставило фонъ-деръ-Ховена выйдти въ отставку; онъ отказался принять предложеніе гр. Паскевича — пристроиться въ сенатъ. Нѣсколько лѣтъ провелъ фонъ-деръ-Ховенъ въ деревенскомъ уединеніи съ Ермоловымъ и до самой кончины взаимная любовь и довѣріе соединяли обоихъ. Памятникомъ этихъ чувствъ осталась интересная ихъ переписка, находящаяся, въ подлинникѣ, въ распоряженіи «Русской Старины»: на ея страницахъ она и будетъ напечатана.

Вѣсть о кончинѣ Ермолова такъ потрясла Романа Ивановича, что нѣсколько недѣль спустя, именно 4-го мая 1861 г., онъ скончался, провожаемый глубокимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его лицъ.

Обращаясь къ письму Христофора фонъ-деръ-Ховена, мы находимъ, что мѣсяцъ и число на немъ обозначены по французскому республиканскому календарю. Быть можетъ, не всѣ читатели имѣютъ полное о немъ понятіе, поэтому считаемъ не лишнимъ привести здѣсь, по сему предмету, замѣтку.

Декретомъ французской республики, отъ 24-го ноября 1793 г., повелѣно было считать новый календарь съ 22-го сентября (9 ч., 18 м., 30 с. до полудня) 1792 года:

Годы по Р. Х.	Годы съ начала республики: съ 22-го сентября:
1792	I
1793	II
1794	III
1795	IV
1796	V
1797	VI
1798	VII
1799	VIII
1800	IX
1801	X
1802	XI
1803	XII
1804	XIII
1805	XIV

Наполеонъ, сенатскимъ декретомъ 9-го сентября 1805 года, уничтожилъ республиканскій календарь.

Мѣсяцы: отъ 22-го сент. до 22-го дек.: Vendémiaire, Brumaire, Frimaire.
» » дек. » » марта: Nivôse, Ventôse, Pluviose.
» » мар. » » іюня: Germinal, Floréal, Prairial.
» » іюня » » сент.: Messidor, Thérmidor, Fructidor.

Мѣсяцъ раздѣлялся на три недѣли (décade), каждая о 10-ти дней: Primidi, Duodi, Tridi, Quartidi, Quintidi, Sextidi, Septidi, Octidi, Nonidi и Decadi. 12 мѣсяцевъ, по 30-ти дней каждый, составляли въ году 360 дней. Дополни-

тельные (jours complémentaires) 5 дней въ обыкновенные годы и 6 дней — въ высокосные, размѣщались, какъ національные праздники. Днямъ даны были имена, вмѣсто святыхъ, изъ хозяйственныхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, 7 Veadémiaere посвящался моркови (carottes). **Ред.**

Казнь братьевъ Грузиновыхъ.

27-го октября 1800 г.

Гвардіи полковникъ Грузиновъ 1-й, какъ гласитъ преданіе, былъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣйшихъ приближенныхъ императора Павла [1]) сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ, исполнялъ всѣ секретныя порученія государя и даже спалъ въ его кабинетѣ. Сановники, недовольные государемъ, и злоумышленники видѣли въ Грузиновѣ, для исполненія своего намѣренія, очень важное препятствіе, а потому рѣшились удалить Грузинова отъ государя. Разные наговоры и распускаемыя сплетни долго не могли возбудить въ императорѣ Павлѣ искру подозрѣнія. Наконецъ, придумано было, чтобы государь испыталъ Грузинова, и для этого отпустилъ бы его на Донъ, подъ предлогомъ повидаться съ родными; увидавъ себя на свободѣ, Грузиновъ будетъ-де имѣть возможность обнаружить свои дерзкіе замыслы противъ своего благодѣтеля. Подозрительный царь склонился на эту хитрость и, въ дружелюбномъ тонѣ, предложилъ Грузинову поѣхать домой и даже далъ ему денегъ; Грузиновъ, хотя и отказывался тѣмъ, что у него на Дону нѣтъ семейства (онъ не былъ женатъ) и что имѣетъ только старика-отца, разбитаго параличемъ, однако, принялъ деньги и поѣхалъ. Этого только и нужно было злоумышленникамъ; они отыскали какія-то улики, успѣли истолковать государю, разумѣется, въ превратномъ видѣ, дѣйствія любимца и довели царя до того, что онъ испугался мнимыхъ намѣреній Грузинова, и далъ повелѣніе заковать его въ кандалы и, составивъ особую коммиссію изъ донскихъ именитыхъ людей, произвесть строжайшее изслѣдованіе. Грузиновъ не успѣлъ еще провести времени своего отпуска, какъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, и закованъ въ кандалы. Той же участи подвергся и братъ его, подполковникъ Грузиновъ 2-й.

Обвиненія полковника Грузинова, главнымъ образомъ, состояли въ томъ: 1) что онъ хвалился, будто возьметъ Константинополь и населитъ его разныхъ вѣръ людьми,— учредитъ тамъ свой сенатъ и управленіе; 2) что пройдетъ всю Россію, да не такъ, какъ Степанъ Разинъ или Емельянъ Пугачевъ, а такъ, что и Москва затрясется; 3) что будто-бы поносилъ государя бранными словами, отказывался отъ пожалованныхъ ему крестьянъ, говоря, что они ему не нужны,

---

[1]) См. письма Павла I къ Аракчееву, «Рус. Стар.» 1873 г., т. VII, стр. 483 и 484.

и прогналъ ихъ, когда они пришли къ нему изъ Минской губерніи за приказаніями и проч. Обвиненія эти не подтвердились слѣдствіемъ, которое привлекло къ дѣлу Есаула Котчамина, хорунжаго Чеботарева и сотника Аѳанасьева. На всѣхъ допросахъ и священническихъ увѣщаніяхъ, Грузиновъ ничего не отвѣчалъ, кромѣ того, что „въ кандалахъ онъ говорить не можетъ, да и не знаетъ—что́ ему говорить". Прибавлялъ при этомъ, что еслибъ самъ государь видѣлъ его, то онъ повѣрилъ-бы въ его невинность. Для исполненія ужаснаго приговора и наблюденія надъ слѣдствіемъ, присланы были изъ Петербурга два генерала: Рѣпинъ и Кожинъ, которыхъ преданіе окрещиваетъ именемъ агентовъ сильныхъ, именитыхъ злоумышленниковъ. Слѣдствіе производилось поспѣшно, и изъ дѣла видно, что во время августа и сентября, 1800 года, въ Старочеркасскѣ была сильная тревога, слишкомъ замѣтная и для простаго народа. Вскорѣ, послѣ окончанія изслѣдованія, послѣдовала смертная казнь всѣхъ участниковъ, признанныхъ виновными; не извѣстно—была-ли на то конфирмація государя, или нѣтъ. Извѣстно только, что старочеркасскій прокуроръ протестовалъ и голосъ его дошелъ до царя, который, будучи скоръ и въ гнѣвѣ, и въ милости, послалъ указъ о помилованіи; но Рѣпинъ и Кожинъ, какъ гласитъ тоже преданіе, продержали царское повелѣніе до тѣхъ поръ, пока казнь совершилась.

Одинъ очевидецъ разсказывалъ о казни. Грузиновъ 1-й былъ засѣченъ до смерти, а остальнымъ четыремъ участникамъ отрублены головы. Грузиновъ, при каждомъ ударѣ, громко произносилъ: „Господи, помилуй" до тѣхъ поръ, пока третій палачъ бросилъ кнутъ и отошелъ въ сторону. Четвертаго палача не нашли, а потому рѣшили умертвить Грузинова другимъ способомъ: приказали дать ему напиться холодной воды, отчего онъ тотчасъ же и скончался. Полиція, передъ казнью, ходила по всѣмъ домамъ Старочеркасска и выгоняла старыхъ и малыхъ обывателей смотрѣть на экзекуцію. У эшафота, на углахъ, поставлено было четыре заряженныхъ пушки, дула которыхъ направлены были въ народъ. Въ рукахъ прислуги были зажжены фитили. Ропотъ и сожалѣнія народа высказывались только причитываньями бабъ и плачевными возгласами мужчинъ. Указъ о помилованіи былъ объявленъ послѣ казни, и императоръ, узнавъ объ этомъ, воспылалъ гнѣвомъ на Кожина и Рѣпина, которые тогда же и отданы подъ судъ.... чрезъ четыре мѣсяца въ Старочеркасскѣ узнали о внезапной смерти императора.

Сообщ. **А. А. Карасевъ.**

Примѣчаніе. Настоящій разсказъ, обязательно сообщенный извѣстнымъ на Дону писателемъ, А. А. Карасевымъ, составленъ по подлинному, совре-

менному экстракту изъ дѣла о полковникѣ Грузиновѣ Весьма интересно было бы видѣть самое дѣло. Между тѣмъ, объ этомъ же событіи, есть нѣсколько строкъ въ замѣткахъ о «Старочеркасскѣ и его достопримѣчательностяхъ», помѣщенныхъ въ «Донскихъ войсковыхъ вѣдомостяхъ» (1860 г., № 5, стр. 10 [1]).

Вотъ эта замѣтка: «Городъ Старочеркасскъ, какъ извѣстно, первоначально состоялъ изъ нѣсколькихъ станицъ, давно уже слившихся въ одно цѣлое. Въ одной изъ нихъ, Прибылянской, между нынѣшними Сиротиными и Старухиными домами, былъ сѣнной базаръ. Въ 1800 году, на этомъ базарѣ, совершились страшныя дѣла. Къ вечеру, подъ 27-е число сентября, на этой площади былъ устроенъ изъ брусьевъ высокой эшафотъ. Во время ночи къ нему привезены были пушки и разставлена стража. Противъ каждаго угла эшафота вырыты были могильныя ямы. При разсвѣтѣ, на площади явилось огромное собраніе народа. Эшафотъ закрытъ былъ артиллеріею; на немъ стоялъ, съ роковымъ топоромъ въ рукахъ. палачъ.... Вдругъ, среди народа сдѣлалось движеніе,—взоры всѣхъ были прикованы къ черному катафалку, на которомъ, въ страшныхъ колпакахъ, опущенныхъ по самую землю, были привезены къ эшафоту войсковой старшина Иванъ Аѳанасьевичъ Апонасовъ и три гвардейскихъ казака. Генералы Кожинъ и Рѣпнинъ велѣли читать смертное опредѣленіе несчастнымъ; народъ, съ трепетомъ и притая дыханіе, вслушивался въ каждое слово. Сдѣлалось такъ тихо, какъ будто бы никого не было. Опредѣленіе прочитано; весь народъ въ ожиданіи чего-то ужаснаго, замеръ ... Вдругъ, палачъ съ страшною силою схватываетъ Апонасова и въ смертной сорочкѣ повергаетъ его на плаху; потомъ увязавши его и трехъ товарищей-гвардейцевъ, сталъ, какъ изумленный, и нѣсколько времени смотритъ на жертвы.... Ему напомнили о его обязанности; онъ поднялъ ужасный топоръ, лежавшій у головы Апонасова.... И, вмигъ, по знаку бѣлаго платка, топоръ блеснулъ и у несчастнаго не стало головы.... Послѣ Апонасова и у прочихъ казаковъ были отсѣчены головы и, вмѣстѣ съ тѣлами, брошены въ приготовленныя для нихъ ямы. Холодная земля скрыла трупы отъ любопытныхъ взоровъ.

«На этомъ же мѣстѣ и въ томъ же году, 26-го апрѣля, былъ наказанъ кнутомъ гвардіи поручикъ Петръ Осиповичъ Грузиновъ; а 5-го сентября, того же 1800 года, понесъ наказаніе родной братъ его, гвардіи полковникъ Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ, которому, по прочтеніи рѣшенія, сломили на головѣ саблю и начали нещадно бить кнутомъ; эта страшная казнь началась при восхожденіи солнца и продолжалась до двухъ часовъ пополудни. Говорятъ, что несчастный страдалецъ за каждымъ ударомъ повторялъ: «Господи, помилуй!» Когда же сталъ умирать, его сняли и, положивъ на лицѣ клейма, отослали въ пороховой погребъ, находившійся близъ мѣста казни. Въ этомъ погребѣ, несчастный полковникъ, плавая въ крови, испустилъ духъ.

«Здѣсь же, на этомъ сѣнномъ базарѣ. за «сочиненіе критическихъ стиховъ», наказывали кнутомъ двухъ канцеляристовъ Дмитрія Баранова и Ѳедора Щербакова; вмѣстѣ съ ними пострадалъ, тою же казнію, и священникъ Ѳедоръ Петровъ,—пострадалъ собственно за то, что въ его домѣ найдены были упомянутые стихи. Всѣ же они, вмѣстѣ съ сотникомъ Галушкинымъ, были заклеймены и, съ вырванными ноздрями, сосланы въ Сибирь. Съ ними сосланы и два повытчика Андрей Альбаковъ и Семенъ Лѣнивовъ, у которыхъ служили въ повытіяхъ упомянутые канцеляристы. Въ 1801 году, по смерти Павла Петровича, манифестомъ Александра I всѣ они прощены и возвращены на Донъ».

---

[1]) Сообщеніемъ этого нумера мы обязаны С. И. Турбину.

Попытка учредить клубъ въ 1801 году.

Отношеніе генералъ-губернатора графа фонъ-деръ-Палена къ статсъ-секретарю Брискерну, отъ 15-го января 1801 г., за № 200.

Милостивый государь мой, Өедоръ Максимовичъ! Во исполненіе высочайшаго, его императорскаго величества, повелѣнія, въ отношеніи вашего превосходительства мнѣ объявленнаго, прусскій купецъ Ширмеръ, просившій позволеніе учредить общество, въ коемъ гражданскіе чиновники, равно и ученые, купцы и художники могли бы найдти препровожденіе времени по вечерамъ,—по выдержаніи на хлѣбѣ и водѣ одного мѣсяца, для высылки за границу, посредствомъ градскихъ и земскихъ полицій, сего числа отъ меня отправленъ; о чемъ увѣдомляя васъ, милостиваго государя моего, имѣю честь съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ быть и проч. Графъ фонъ-деръ-Паленъ.

Эпизодъ изъ исторіи русскаго театра.

1818.

Въ „Русской Старинѣ" 1873 г. (т. VII, стр. 269) помѣщено письмо императора Александра I къ графу Аракчееву, отъ 24-го октября 1818 г., по поводу случившагося въ театрѣ происшествія; при чемъ, редакціею пояснено, что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, неизвѣстно М. И. Богдановичу, на заключеніе котораго ею былъ препровожденъ означенный документъ.

Я былъ всегда страстнымъ театраломъ и, въ молодость мою, ежедневно бывалъ въ театрѣ, преимущественно русскомъ, и зналъ довольно коротко главныхъ артистовъ русской драматической труппы 1835 — 1850 гг.; вслѣдствіе чего, интересуясь всѣмъ, что̀ касалось до театра, я многое узналъ изъ ихъ разсказовъ и, между прочимъ, слышалъ отъ покойнаго Я. Г. Брянскаго о случаѣ, подавшемъ императору Александру I поводъ написать къ графу Аракчееву, напечатанное нынѣ въ „Русской Старинѣ", письмо.

Въ сентябрѣ 1818 г., актеръ Булатовъ провелъ за кулисы Большаго театра какого-то незнакомца. Начальникъ репертуара, Вагацій, замѣтивъ незнакомца и узнавъ, что его провелъ Булатовъ, сдѣлалъ послѣднему замѣчаніе и потребовалъ, чтобы Булатовъ немедленно увелъ незнакомца. Булатовъ не послушался. Вагацій пригрозилъ ему арестомъ въ театральной конторѣ. При этой угрозѣ, Булатовъ сталъ грубить начальнику репертуара и поднялъ такой шумъ, что брань его

сдѣлалась слышна въ театральной залѣ. Тогда Вагацій потребовалъ помощи отъ жандармскаго офицера; этотъ послалъ на сцену унтеръ-офицера, поручивъ ему отвести Булатова въ театральную контору; но Булатовъ не только не послушался унтеръ-офицера, но ему же надѣлалъ еще разныхъ угрозъ. Наконецъ, на сцену явился полиціймейстеръ, присутствіе котораго укротило разсвирѣпѣвшаго Булатова.

Виновный, т. е. Булатовъ, посаженъ былъ въ смирительный домъ; оскорбясь этимъ, русскіе артисты подали просьбы объ уничтоженіи ихъ контрактовъ съ дирекціею театровъ и объ увольненіи ихъ отъ службы. Просьбы представлены были с.-петербургскому генералъ-губернатору, въ завѣдываніи котораго находились тогда здѣшніе театры; и онъ, призвавъ къ себѣ актеровъ Брянскаго и Борецкаго, объяснилъ имъ сперва, что оштрафованіе дерзкаго не можетъ оскорблять невинныхъ, а затѣмъ приказалъ имъ явиться къ директору театровъ, взять обратно просьбы объ отставкѣ и просить извиненія „въ строптивомъ поступкѣ", что́ и было немедленно исполнено провинившимися [1]).

Сообщ. **Д. П. Сушковъ.**

Изгнанникъ къ своимъ родителямъ.

Друзья! есть Богъ, есть наше счастье,
Не въ здѣшнемъ мірѣ—въ небесахъ
Богъ въ страждущихъ живетъ душахъ;
Пройдетъ мгновенное ненастье,
Чтобъ намъ явить свѣтлѣе день,
Когда дойдетъ до жданной меты,—
Какъ рѣзкая въ картинѣ тѣнь,
Бросаетъ живость на предметы
И краски выдаетъ яснѣй.
Итакъ, друзья мои любезны,
Оставимъ ропотъ безполезный;
У Дародателя людей
Испросимъ къ подвигамъ терпѣнье;
Надеждой души оживимъ,
Доколѣ въ вѣчныя селенья
Душой свободной не взлетимъ.
Блаженъ, кто въ сей землѣ страстей
На нивахъ сердца сѣялъ слезы:
Тому ни бури, ни морозы
Въ день жатвы той не повредятъ,
Но къ новой жизни возвратятъ
Въ скорбяхъ посѣянныя слезы.

---

[1]) Г. Булатовъ впослѣдствіи служилъ по гражданской службѣ и нынѣ имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника. Ред.

Вы не печальтесь обо мнѣ,
Друзья мнѣ сердцемъ и душою,
Я не знакомъ еще съ тоскою,
Живя изгнанникомъ въ странѣ.
Благодарю Творца стократно,
Не жажду въ мірѣ ничего
И предаюся безвозвратно
Я въ милосердіе Его.
И лишь о васъ тревога,
Лишь одного прошу у Бога,
Чтобы спокойны были вы;
А я изъ дальней сей страны,
Исполняся святой отваги,
Одушевлю сей листъ бумаги,
Сыновнимъ чувствомъ напою,
На милу родину пошлю,
Тѣмъ усладивъ разлуку нашу,
И въ вашу горестную чашу
Хоть каплю радости волью.

Чита, 1827 г.

Примѣчаніе. Стихотвореніе это принадлежитъ декабристу Бобрищеву-Пушкину 2 (сконч. 13-го февраля 1865 г., въ Москвѣ) и весьма обязательно сообщено товарищемъ его несчастія, барономъ А. Е. Розеномъ. Другое стихотвореніе, того же автора, было напечатано въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. III, 534—536; упоминаніе о Бобрищевѣ-Пушкинѣ см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. II, 185. **Ред.**

Аттестатъ студіозусу Курильскому.

Въ «Русской Старинѣ» (1873 г., т. VII, стр. 419) помѣщенъ аттестатъ добронравному студіозусу. Нынѣ приводимъ аттестатъ юношѣ исключенному изъ бурсы; тотъ и другой—пародія-шутка изъ альбома покойнаго Н. Ѳ. Щербины и помѣщаются здѣсь только потому, что въ нихъ, конечно въ карикатурномъ видѣ, довольно ловко схвачены нѣкоторыя черты внутреннихъ распорядковъ бурсы прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Послѣ полнѣйшаго возрожденія духовныхъ семинарій къ лучшей жизни, вслѣдствіе преобразованій новѣйшаго времени, всѣ ужасы и грязь, отличавшіе ихъ въ старину, представляютъ интересъ только какъ черты нравовъ навсегда пережитаго прошлаго. **Ред.**

777777777. Копія.

Данъ сей студіозусу семинаріи Викентію Курильскому, исключенному, на основаніи семинарскаго регламента и иныхъ прочихъ узаконеній, въ томъ, что оный, прошедъ многотрудную и тернистую стезю элоквенціи и вступивши уже за прагъ философіи, сирѣчь любомудрія, совратися съ пути истины и благонравія и предадеся: гор-

танобѣсію, чревонеистовству, кощунству, киченію и рукобѣсію, за что многажды біенъ бѣ вервіемъ по бедрамъ, батожіемъ — по чресламъ, жезломъ — по раменамъ и дланію — по ланитамъ отъ смиренныя десницы префекта, такожде заплеваніемъ въ зракъ и заушеніемъ отъ презуса сугубо истязуемъ бѣ, аки лютый и необузданный вепрь; еще и многія другія пакости чинимы ему быша, отъ его же кондисципулюсовъ, за неизрѣченное вертопрашіе и презорство. Не видя же его, Викентія, обращающагося на стезю смиреномудрія, но тысящекратно ввергающагося въ любоплотіе, праздношатаніе, лихоиманіе, стихобѣсіе, женолюбіе, козлопѣніе и козлогласованіе, и, притомъ, уличенна бывша въ похищеніи неправедно, аки тать, нѣсколько сосудовъ тучныхъ и доброродныхъ, бурсѣ принадлежащихъ, галушекъ и нѣсколько чашъ многочтимыя и сладкосмачныя кутіи; еще же и у церковнаго служки унесша тайно, подъ заплечіемъ хламиды, четыре красоули пѣннаго и горячаго, сердце бѣснующа напитка, коимъ оный, Викентій, пресыщенный, всякое яствіе или снѣдь чрезъ мѣру запивалъ, аки Левіафанъ въ пучинѣ морстѣй, сопровождая сіе гортанное упражненіе куреніемъ богопротивнаго зелія, сирѣчь злосмраднаго злака, иже отъ нечестивыхъ галловъ табакомъ нарицается; и зря его на вышеозначенныя наши кроткія и человѣколюбивыя мѣры наказанія не взирающа, но еще на множайшая, горшая и тяжкая со дерзновеніемъ посягающа, како-то: подружился съ бѣсоугодными лицедѣи и скоморохи, и со блудницы сопрягшеся и съ ними многія нечестивства и любодѣйства чиняща; такожде посланія, эпистолы и цидулки отъ оныхъ женъ пріемлюща и онымъ таковыя же восписующа, въ нихъ же есть истолкованіе неистовыя страсти и плотоугодныя любве; и, въ субботу сыропустныя седьмицы, въ вертоградѣ нѣкоего виночерпія; поемше тайно лѣпоруннаго овна и, вземь его блеяща на рамена своя, притекъ въ предѣлы крѣпкостѣнныя бурсы и тамо предаде его закланію; и на сребороненавидящую, нелихоимную и нелицепріятную консисторію таковыя мнимолатинскія поговорки сочиняюща, якобы: „Consistorium protopoporum, poporum, diaconorum, diatchcorum, ponomarorumque obdiratio et oblupatio est“ [1]); и на честныхъ, гладолюбивыхъ и непрерывно въ воздержаніи пребывающихъ іереевъ разныя вирши сочиняюща....

Опричъ всѣхъ сихъ мерзостныхъ окаянствъ, на стогнахъ града сего, въ прилежащихъ ему весяхъ и на распутіяхъ, о таковыхъ своихъ студныхъ дѣяніяхъ, безъ зазрѣнія, громогласно и витіевато разгла-

---

[1]) Употребляя притомъ самъ, на торжищахъ, при куплѣ, мѣнѣ и продажѣ, запретное и хитросплетенное, такъ-называемое: «Ars naduvandi».

гольствующа, и бывша его уже ветха деньми, мы, смиренные и неусыпно-бдящіе презусы и префекты, со прецепторы человѣколюбно изгоняемъ его, Викентія Курильскаго, изъ чреды пасомаго нами юнаго и невозмужалаго стада, аки нѣкое злокачественное козлище: да не преткнетъ непотребныя стопы своея ко прагу вратъ высокостепеннаго нашего семинарскаго велемудрія. Аминь.

Данъ въ лѣто отъ созданія міра 0000, въ богоспасаемомъ градѣ Переяславлѣ.

На подлинномъ рукоприкладство учинили:

Профессоръ элоквенціи Аѳанасій Ивановъ, сынъ Синекдоха.

Профессоръ абевегіи Семеонъ Тропаревскій-Кондакъ.

Скрѣпилъ тайникъ Вакула Шульпика.

Письмоводникъ: Тарасъ Метаморфозовъ-Козолупенко.

Писецъ Акакій Боггосподіявисенскій.

Копія сія списана въ архивѣ съ подлиннаго, нѣкіимъ піитою, покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Н. Ѳ. Щербина.

Харьковъ, 1841 г.

Замѣтки и поправки.

Тимоѳей Григорьевичъ Простаковъ.

Самоучка архитекторъ изъ крѣпостныхъ, род. 1748 † 1853.

Милостивый государь, г. редакторъ! Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины", за прошедшій годъ, прочиталъ я въ запискахъ Витберга (стр. 577), что въ 1819 году этотъ творецъ знаменитаго проэкта „узналъ объ одномъ старикѣ Прассовѣ, который посвятилъ себя практической архитектурѣ и имѣлъ большія практическія свѣдѣнія не только по архитектурной, но и по инженерной и гидравлической частямъ" и т. д. „Но по несчастію, прибавляетъ Витбергъ ниже, Просановъ принадлежалъ генералъ-маіору Римскому-Корсакову" [1]) и т. д.

Различное названіе одной и той же, очевидно, фамиліи достаточно уже указываетъ на ошибку корректора, происшедшую, по всей вѣроятности, отъ неразборчивости текста. Такъ какъ, однако же, ни та, ни другая фамилія не соотвѣтствуетъ истинѣ, то почтенная редакція, конечно, не откажется напечатаніемъ настоящаго письма исправить ошибку и тѣмъ почтить память несчастнаго труженика, обширныя дарованія и трудолюбіе котораго были оцѣнены по достоинству луч-

---

[1]) Рукопись Записокъ Витберга принадлежитъ перу А. И. Герцена (Искандера); это ничто иное, какъ черновыя, бѣглыя замѣтки его, занесенныя на бумагу со словъ Витберга. Не мудрено, что Герценъ не разслышалъ фамиліи Простакова. **Ред.**

шими людьми эпохи. Рѣчь идетъ здѣсь, очевидно, о Тимоѳеѣ Григорьевичѣ Простаковѣ, который былъ женатъ на родной теткѣ (по матери) моего отца и который скончался въ 1853 году, имѣя болѣе ста лѣтъ отъ роду. Я зналъ Тимоѳея Григорьевича уже столѣтнимъ старикомъ; но и тогда еще онъ съ глубокою грустью вспоминалъ о своемъ прошломъ, о своихъ потерянныхъ надеждахъ и задавленныхъ обстоятельствами талантахъ, которые сдѣлали бы имя его извѣстнымъ въ отечествѣ, о своемъ „генералѣ", наконецъ, который освободилъ его только послѣ своей собственной смерти, уже 80-ти-лѣтнимъ старикомъ. Отъ него самого я слышалъ о томъ, что пишетъ о немъ Витбергъ, относительно упрямства Римскаго-Корсакова. На заявленное ему желаніе даже самого государя императора освободить Простакова, бывшій фаворитъ Екатерины отвѣчалъ, что государь можетъ сдѣлать все, что ему угодно, но собственнаго согласія своего на освобожденіе этого человѣка онъ не дастъ до своей смерти. Богатѣйшіе аристократы того времени (Голицынъ, Апраксинъ, Остерманъ и др.) очень любили Тимоѳея Григорьевича и часто нуждались въ его знаніяхъ по строительной части; пользовались его услугами, прося каждый разъ разрѣшенія на то у „генерала",—и Корсаковъ гордился этимъ, какъ нельзя болѣе, забывая въ своемъ крѣпостническомъ тщеславіи, что заѣдаетъ силу, которою, при другихъ условіяхъ, можетъ быть въ правѣ было бы гордиться отечество.

Отъ самого Тимоѳея Григорьевича я слышалъ тоже, чуть не въ первый разъ, о Витбергѣ. Старикъ всегда съ одушевленіемъ разсказывалъ о пылкой и высоко-художественной натурѣ этого человѣка, и показывалъ мнѣ большой, изящно отдѣланный планъ храма Спасителя въ томъ видѣ, какъ предполагалъ его строить Витбергъ на Воробьевыхъ горахъ. Планъ этотъ своимъ величіемъ и изяществомъ поражалъ всѣхъ, его видѣвшихъ; но, къ сожалѣнію, по кончинѣ Тимоѳея Григорьевича, исчезъ неизвѣстно куда.

Тимоѳей Григорьевичъ Простаковъ, по отзывамъ родныхъ, знавшихъ его въ менѣе преклонномъ возрастѣ, отличался всегда необыкновенною дѣятельностью: онъ съ любовью занимался архитектурою и весь отдавался своему призванію, на сколько это позволяло его несчастное зависимое положеніе. Онъ пережилъ жену и всѣхъ дѣтей своихъ и умеръ въ собственномъ своемъ домѣ, въ Сущевѣ, въ приходѣ Новаго Пимена, 15-го сентября 1853 года, ста пяти лѣтъ отъ роду, какъ полагали родственники его. Покойный не любилъ считать своихъ лѣтъ, вѣроятно, вслѣдствіе слишкомъ частой думы о нихъ въ былое время, когда мечталъ еще о своемъ освобожденіи; вспоминалъ, однако же, что, во время восшествія на престолъ императрицы Ека-

терины II, ему было уже 10 лѣтъ. На Ваганьковомъ кладбищѣ есть мѣсто, огороженное рѣшеткою, на которомъ видѣнъ памятникъ съ именемъ этого столѣтняго труженика,—несчастной жертвы былаго рабства, которое нельзя вспоминать безъ содроганія, если подумать, какъ много силъ лишилось чрезъ него наше отечество!

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ чувствѣ уваженія, которое всегда будетъ возбуждать „Русская Старина" во всѣхъ истиннолюбящихъ свое отечество русскихъ.

Докторъ медицины **Сергѣй Ив. Костаревъ.**

Москва, 9-го марта 1873 года.

Библіографамъ.

Г. Редакторъ! Въ настоящее время, приготовивъ къ печатанію «Хронологическое, историческое и библіографическое описаніе русскихъ повременныхъ изданій и сборниковъ», за время съ 1703 по 1802 годъ включительно, я встрѣтилъ препятствіе къ окончанію моего труда, по не отысканію, въ извѣстныхъ мнѣ книгохранилищахъ Петербурга, слѣдующихъ изданій:

1) 1728 г. «Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія» мѣсяцы: май—іюль, октябрь—декабрь.

2) 1731 г. «Историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія въ вѣдомостяхъ».

3) 1737 и 1742 годы. Примѣчанія на (и къ) вѣдомости (мъ).

4) 1780 г. «Магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ», издав. Новиковымъ (заглавіе взято изъ рукописной описи?).

5) 1780 г. «Что нибудь» журналъ, въ 4°, изданіе 2-е, 1782 годъ.

6) 1781 г. «Утренняя Заря», журналъ (заглавіе изъ рукоп. каталога ?).

7) 1781 г. «Утренній Разсвѣтъ», (журналъ бывшій у меня въ рукахъ).

8) 1782-1786 гг. «Городская и Деревенская Библіотека», издававшаяся Новиковымъ, при «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 12 частей (полный экземпляръ изъ библіотеки А. Нартова, былъ на рынкѣ въ 1870 году, въ лавкѣ Червякова).

9) 1783-1784 гг. «Историческія и физическія нравоученія», (заглавіе изъ рукоп. описи ?).

10) 1783 г. «Санктпетербургская Вивліоѳика журналовъ въ Англіи, Нѣмецкой землѣ, Франціи и Швеціи издаваемыхъ», мѣсяцъ іюль, Спб.

11) 1784 г. «Избранная Библіотека для Христіанскаго Чтенія», сборникъ, издан. Новиковымъ, 1-е изд.

12) 1784 г. «Магазинъ Свободныхъ каменщиковъ», часть 3-ю.

13) 1785-1789 гг. «Дѣтское чтеніе для сердца и разума»; 1-го изданія, части 1—4, 8, 12, 14, 17, 19 и 20-я.

14) 1786—1796 гг. «Новыя ежемѣсячныя сочиненія, издаваемыя отъ Академіи Наукъ»; часть 121-ю за 1796 годъ, мѣсяцъ іюль.

15) 1786 г. «Уединенный Пошехонецъ», журналъ, издав. въ Ярославлѣ, (нуженъ конецъ, послѣ 770-й страницы).

16) 1788 г. «Открытіе новаго изданія для души и сердца», (нужно приложеніе, въ концѣ брошюры помѣщенное).

17) 1790 г. «Журналъ историческій, выбранный изъ разныхъ книгъ», 2 части. Тобольскъ. (Сопик. № 4,103).

18) 1789—1791 гг. «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену», издав. въ Тобольскѣ П. Сумароковымъ, за 1790 годъ, мѣсяцы сентябрь—декабрь.

19) 1794—1796 гг. «Сокращенности достопамятныхъ происшествій», изъ соч. г. д'Арно, за 1795 годъ, мѣсяцы май—декабрь; за 1796 годъ: мѣсяцы январь—апрѣль и послѣ іюня. ?

20) 1794 г. «Аглая», сборникъ, издав. Н. М. Карамзинымъ, 1-ю книжку 1-го изданія.

21) 1797 г. «Журналъ Правовѣдѣнія». Сопик., № 4,108.

22) «Новости», ежемѣсячное изданіе, на 1799 годъ, съ мая по сентябрь, изд. П. Голубковъ (нужно продолженіе послѣ 348 страницы ?).

23) 1801 г. «Мой досугъ, или уединеніе», еженедѣльное изданіе, по средамъ и субботамъ, на 1801 годъ, 2 книжки.

Позвольте, г. редакторъ, чрезъ посредство издаваемаго вами журнала «Русская Старина», обратиться къ его читателямъ, и собирателямъ рѣдкихъ книгъ, съ покорнѣйшей просьбою оказать мнѣ свое содѣйствіе сообщеніемъ: нѣтъ-ли у кого изъ нихъ или въ библіотекахъ ихъ знакомыхъ, котораго либо изъ упомянутыхъ сочиненій, и буде есть, то соблаговолили бы оныя мнѣ доставить, на самый короткій срокъ. Весь расходъ, по пересылкѣ или доставкѣ, я съ удовольствіемъ возвращу, и, по выходѣ книги, въ благодарность за содѣйствіе, будетъ имъ доставленъ экземпляръ безплатно.

А. Н. Неустроевъ.

Адресъ: въ Спб., у Прачешнаго моста, по Фонтанкѣ, домъ придворнаго вѣдомства, № 4, Александру Николаевичу Неустроеву.

(№№ 4, 5, 6, 8, 11, 12 и 14, сколько намъ извѣстно, находятся въ библіотекѣ М. Н. Лонгинова). **Ред.**

Дамскія моды въ Петербургѣ сто лѣтъ назадъ.

При настоящей книгѣ „Русской Старины" помѣщены рисунки дамскихъ модъ, бывшихъ, сто лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Рисунки эти воспроизведены изъ слѣдующаго, нынѣ весьма рѣдкаго, самаго перваго по времени въ Россіи моднаго журнала, выходившаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Модное ежемѣсячное сочиненіе, или библіотека для дамскаго туалета" 1779 г. (Часть I—съ января по апрѣль; ч. II — съ апрѣля по іюль; ч. III — съ іюля по октябрь; ч. IV — съ октября по декабрь). Въ Санктпетербургѣ, печатано въ вольной типографіи Вейбрехта и Шнора 1779 года (ч. I и II) и въ Москвѣ, въ типографіи императорскаго московскаго университета (ч. III и IV) 8°. Часть I, стр. 6 н., 256 и 10 н. и 3 гравюры; ч. II—247 и 5 н. и 3 гравюры; ч. III—267 и 1 н. и 3 гравюры; ч. IV—168 и 4 н. и снова съ 73—168 (м. декабрь) безъ гравюръ. Вотъ что пишетъ извѣстный библіографъ А. Н. Неустроевъ, въ обширномъ своемъ, приготовленномъ уже къ печати, трудѣ о русскихъ журналахъ XVIII в., о „Модномъ сочиненіи" 1779 г.

*

„Изданіе это почти всѣми приписывалось Василію Ивановичу Майкову, находившемуся на службѣ, въ чинѣ бригадира, главнымъ членомъ Мастерской и Оружейной конторы, въ вѣдѣніи которой состояли всѣ древнія драгоцѣнности, принадлежащія императорскому двору. Приписывалось ему это изданіе на томъ основаніи, что въ немъ напечатано, въ іюльской книжкѣ, продолженіе перевода Майкова: „Овидіевы превращенія", которыхъ первыя четыре книги были имъ изданы около 1775 года отдѣльно. Но В. И. Майковъ умеръ 17-го іюня 1778 года, слѣдовательно, издателемъ „Моднаго ежемѣсячнаго сочиненія" не могъ быть. Намъ же кажется, и, по всей вѣроятности, безошибочно, что издателемъ этого журнала былъ никто иной, какъ неутомимый славный дѣятель своего времени, Н. И. Новиковъ. Вотъ на чемъ мы основываемъ это предположеніе:

Съ пятой книжки, мѣсяца мая, „Модное ежемѣсячное сочиненіе" стало печататься и выходить въ Москвѣ, тогда какъ первыя четыре книжки, начиная съ января по апрѣль, печатались въ Петербургѣ. Эта перемѣна мѣста изданія какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ и обстоятельствомъ, какъ Новиковъ снялъ въ аренду „Московскія Вѣдомости", а именно—1-го мая 1779 года; при чемъ онъ самъ. тогда же, перебрался въ Москву на постоянное жительство; съ переѣздомъ, Новиковъ перенесъ туда и всю свою издательскую дѣятельность. Въ Петербургѣ, до этого времени, издавалъ онъ журналъ „Утренній свѣтъ" (вся вырученная сумма съ него шла въ пользу учрежденныхъ имъ училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей: Екатерининское—при церкви Владимірской богоматери и Александровское—при церкви Благовѣщенія, что на Васильевскомъ острову); съ переѣздомъ Новикова, „Утренній Свѣтъ" сталъ такъ же, какъ и „Модное ежемѣсячное изданіе", выходить въ Москвѣ; при этомъ съ 5-й книжки (м. мая) на книгахъ „Моднаго ежемѣсячнаго сочиненія" есть точно такіе же штемпеля или печати, какіе поставлены на извѣстныхъ, того времени, Новиковскихъ изданіяхъ, какъ-то: „Утренній Свѣтъ", „Московское ежемѣсячное сочиненіе" и другія, состоящія изъ двухъ буквъ Н. Н., то есть, Николай Новиковъ; Наконецъ, помѣщенные въ журналѣ „Модное ежемѣсячное сочиненіе", труды А. П. Сумарокова и В. И. Майкова, близко знакомыхъ и уважаемыхъ Новиковымъ людей, еще болѣе подкрѣпляютъ наши предположенія относительно вѣроятности того, что именно Новиковъ, а не кто другой, былъ издателемъ этого журнала.

Журналъ этотъ, какъ мы сказали, выходилъ ежемѣсячно книжками сначала въ Петербургѣ (январь — апрѣль), потомъ въ Москвѣ (май—декабрь); три книжки составляютъ часть. Всего вышло 12 кни-

жекъ (4 части); въ послѣдней 12-й книжкѣ погинація страницъ перебита, и вмѣсто слѣдующей 173-й страницы, напечатана 73-я, пропущено сто, и такъ до конца остается безъ исправленія.

Въ извѣстіи объ изданіи журнала сказано: „Издается съ тѣмъ, чтобы доставить прекрасному полу, въ свободные часы, пріятное чтеніе; посему и будутъ въ томъ помѣщаться только такія сочиненія или переводы, кои пріятны или забавны. Сюда включаются: ироиды, еклоги, елегіи, идилліи, пѣсни, епиграммы, загадки и проч., мелкія стихотворенія знаменитыхъ россійскихъ стихотворцевъ, донынѣ еще не напечатанныя или вновь ими поправленныя. Наконецъ, сюда включаются сказочки, анекдоты и повѣсти, переводимыя изъ наилучшихъ авторовъ и на россійскомъ языкѣ сочиненныя; да приложится и о томъ стараніе, чтобы сообщаемо было о новыхъ парижскихъ модахъ. Словомъ, все вниманіе употреблено будетъ къ тому, чтобы сіе изданіе заслужило благосклонность прекраснаго пола.. Каждый мѣсяцъ сего изданія состоять будетъ изъ 5-ти или 6-ти листовъ; три мѣсяца составятъ часть, а весь годъ 4 части. При каждой части прилагаемы будутъ по три гравированныхъ картинки, изображающія самые послѣдніе парижскіе уборы. Порознь сіе изданіе продаваться не будетъ, ибо оное печатается для подписавшихся особъ; цѣна годичному изданію, на бѣлой бумагѣ, въ переплетѣ, 6 руб., а на простой — 5 руб.“

Изъ извѣстія этого видно, что въ журналѣ должны были помѣщаться описанія новыхъ парижскихъ модъ, но описаній этихъ не было печатано. Изданіе состоитъ исключительно изъ литературныхъ статей въ стихахъ и прозѣ. Гравированныхъ картинокъ обѣщано было 12, помѣщено же только 9 при первыхъ девяти книжкахъ. Картинки эти изображаютъ: 1) „Щеголиха на гуляньѣ“; 2) „Счастливый щеголь“; 3) „Головной уборъ по манеру шишака Минервина или по-драгунски“; 4) „Разцвѣтающая пріятность“; 5) „Раскрытыя прелести“ (на столько же, какъ и у разцвѣтающей пріятности); 6) „Прелестная простота“; 7) „Рогъ изобилія“; 8) „Уборъ а-ла бель-нуль“; 9) „Леванскій турбанъ“. Изъ нихъ бросается въ глаза, по оригинальности головной прически: 1) „Щеголиха на гуляньѣ“, въ короткомъ платьѣ, съ фарборой, сзади панье (какія носятъ теперь), обшитое рюшемъ. На головѣ волосы зачесаны кверху, притомъ такъ высоко, что не только равняются, но даже длиннѣе, чѣмъ отъ таліи до темени на головѣ. Верхъ головнаго убора покрытъ чѣмъ-то тканымъ, обвитъ гирляндой изъ цвѣтовъ въ два ряда, отъ которыхъ опускаются къ шеи два ряда буколь, а третій ихъ рядъ находится подъ самыми ушами, и отъ нихъ же опускается коса, прикрѣпленная

къ корсету на таліи; на затылкѣ, подъ самыми буклями, до половины спины, подчесанъ шиньонъ, въ окружности же вся прическа чуть не равняется съ подоломъ юбки, и 8) „Уборъ а-ла белль-нуль", видимый, въ настоящее время, въ 8-й картинѣ новаго балета „Камарго" у воспитанницъ, исполняющихъ танцы „Морскія эволюціи", такъ-называемая „Эскадра" (у нихъ въ головномъ украшеніи помѣщены корабли съ распущенными парусами).

Изъ рисунковъ „Моднаго журнала" 1779 г. „Русская Старина" 1873 г. воспроизвела при этой книгѣ, въ отчетливой гравюрѣ академика Л. А. Сѣрякова, рисунки №№: 1, 3, 4, 7 и 9, съ экземпляра библіотеки Н. П. Дурова.

Почему издатель назвалъ свой журналъ „Моднымъ", такъ какъ въ немъ, кромѣ приведенныхъ картинокъ, нѣтъ ничего о модахъ, это лучше всего поясняется предувѣдомленіемъ, помѣщеннымъ при первой книгѣ его изданія. „Свободные отъ упражненій нашихъ часы, посвящаемъ мы прекрасному полу, изданіемъ сего ежемѣсячнаго сочиненія. Намѣреніе наше исполнится, когда нѣсколько минутъ,—минутъ, можетъ-быть, иногда праздныхъ, при туалетахъ нашихъ дамъ, употребятся на прочтеніе листковъ нашихъ, и труды наши наградятся, когда оныя пріятны будутъ прекрасному полу. Мы просимъ и приглашаемъ всѣхъ быть нашими сотрудниками: сообщаемыя сочиненія и переводы, стихотворныя и прозаическія, помѣстятся въ листахъ нашихъ съ удовольствіемъ, лишь бы только не были они противны нѣжному вкусу нашихъ читательницъ. Мы всевозможно стараться будемъ сдѣлать имъ угодное, а отъ нихъ зависитъ сдѣлать наше изданіе моднымъ".

Въ началѣ, на особомъ листкѣ, напечатано „Прекрасному полу усерднѣйше посвящаютъ издатели".

Сообщ. **А. Н. Неустроевъ.**

Подписка на памятникъ Пушкину.

(Отъ высочайше учрежденнаго комитета).

Всего по 1-е января 1873 года состоитъ по счетамъ:

1) Государственнаго банка:

а) капитала	46,361 р. —	
б) процентовъ, начисленныхъ банкомъ по 1873 г.	5,400 » 85 к.	
		51,761 р. 85 к.

2) С.-петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка:

а) капитала	17,609 р. 60 к.	
б) процентовъ за 1872 годъ	667 » 21 »	
		18,276 » 81 »
Итого		70,038 р. 66 к.

Подписка на памятникъ Пушкину продолжается. Пожертвованія принимаются въ редакціи «Русской Старины» въ Спб., и въ друг. редакціяхъ

ствующее уже 33 года, было основано въ 1839 году, благодаря покровительству князя М. С. Воронцова, выхлопотавшаго ежегодную субсидію въ 5,000 р. Обязавшись, по уставу, издавать историческія и археологическія свѣдѣнія о Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи, Одесское Общество приступило къ собиранію, описыванію и храненію всѣхъ остатковъ древностей, открывающихся въ Южной Россіи; къ отыскиванію документовъ и актовъ, относящихся къ исторіи края; къ критическому разсмотрѣнію извѣстій о краѣ древнихъ писателей, и пр. Труды Общества выходятъ томами, въ разное время, подъ именемъ «Записокъ». Каждый томъ дѣлится на три отдѣленія: 1) статьи и изслѣдованія по археологіи, исторіи, географіи и статистикѣ Новороссійскаго края; 2) во второмъ отдѣлѣ описаны или объяснены разнородные историческіе матеріалы: памятники, монеты, грамоты, надписи и пр.; сюда же входитъ современная библіографія и отчеты о путешествіяхъ, совершонныхъ членами Общества; 3) смѣсь: лѣтопись Общества, некрологи умершихъ его членовъ, корреспонденція и разныя извѣстія. Въ продолженіе слишкомъ 30-ти лѣтняго періода вышло 8 томовъ: I—1844, II—1848, 1850, III—1852, IV—1858, 1860, V—1865, VI—1867, VII—1868, VIII—1872. Большіе между томами промежутки, напр., между III и IV, отчасти объясняются тревогой военнаго времени, бомбардировкой Одессы, когда рѣдкіе и удобопереносимые предметы Музея Общества уже были приготовлены къ вывозу изъ города, а тяжеловѣсные—зарыты въ землю. Но, кромѣ «Записокъ», Обществомъ издано, въ это время, еще семь отдѣльныхъ трудовъ своихъ членовъ и оказано, по мѣрѣ средствъ, участіе въ покрытіи издержекъ на изданіе нѣсколькихъ важныхъ для края трудовъ, напр., г. Скольковскаго—«Исторія Новой Сѣчи» (3 т.), Ашика и др. Библіотека Общества содержитъ въ себѣ болѣе 2,000 томовъ книгъ, 140 рукописей, 170 картъ и плановъ и болѣе 100 иконъ и портретовъ историческихъ. Музей—80 надписей, болѣе 1,200 разныхъ предметовъ, 34 «каменныя бабы» и слишкомъ 13,000 монетъ. Содержаніе «Записокъ» крайне разнообразно и богато по многимъ важнымъ статьямъ и изслѣдованіямъ, документамъ и актамъ. Здѣсь, въ длинномъ ряду авторовъ и корреспондентовъ, встрѣчаются имена Надеждина, Погодина, Срезневскаго, Бѣляева, Хавскаго и др. Первый томъ «Записокъ» начинается Геродотовой Скиѳіей, объясненной Надеждинымъ чрезъ сличеніе съ мѣстностями. Въ почтенной массѣ изслѣдованій и документовъ укажемъ для образца хоть на слѣдующіе: ярлыки Тохтамыша, мѣстоположеніе древняго города Пересѣчина, источники для удѣльнаго періода русской исторіи, начало книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ, о городищахъ въ славянскихъ земляхъ, рескрипты Екатерины II, письма кн. Потемкина, журналъ путешествія Екатерины II, дневникъ Миниха, о походной типографіи кн. Потемкина, слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, о мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи, списокъ сочиненій о Крымѣ, и пр. и пр. Къ каждому тому «Записокъ» прилагаются снимки, планы, карты, виды и пр. Секретаремъ Общества, съ его основанія, состоитъ уважаемый ученый Н. Н. Мурзакевичъ.

Въ первомъ отдѣлѣ недавно-вышедшаго VIII тома «Записокъ» помѣщено, между прочимъ, изслѣдованіе о криптахъ или Крымскихъ пещерныхъ городахъ, изсѣченныхъ въ горныхъ скалахъ; криптами особенно усѣяна юго-западная часть полуострова, горы которой отличаются своимъ мягкимъ камнемъ; эти крипты, восходя къ первобытной исторіи человѣчества, свидѣтельствуютъ о томъ моментѣ человѣческаго развитія, когда народы, еще незнакомые съ искусствомъ класть стѣны и ихъ цементировать, изсѣкали себѣ дома въ горныхъ скалахъ и, такимъ образомъ, создали цѣлые пещерные города. Къ этому изслѣдованію приложено нѣсколько рисунковъ. Въ отдѣлѣ матеріаловъ помѣщены: извѣстіе о неудачной осадѣ Азова турками въ 1641 году, дневникъ путешествія въ Крымъ кн. И. М. Долгорукова, возмущеніе татаръ въ 1774 г., доклады Потемкина императрицѣ, письма его и письма къ нему отъ Суворова, Кутузова, де-Рибаса и др., любопытнѣйшая и крайне важная записка о приходѣ и расходѣ экстраординарныхъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи кн. Потемкина. Оказывается, что этихъ экстраординарныхъ суммъ было отпущено кн. Потемкину свыше 55 милл. на содержаніе войска въ турецкую кампанію; на войско показано истраченнымъ 41 милл., по роспискамъ, но безъ документовъ — 9 милл., безъ всякихъ росписокъ и повелѣній болѣе 700 тыс ; по записочкамъ тайн. сов. Попова слѣдующаго краткаго содержанія: «выдать», «отпустить» — около 1 милл.; когда, по смерти кн. Потемкина, сдѣланъ былъ запросъ Попову на счетъ отчетности, Поповъ сослался во всемъ на покойнаго; кромѣ того, въ этомъ же документѣ есть свѣдѣніе, что кн. Потемкинъ иногда бралъ заимообразно у казны по 3½ милл.

Въ заключеніе, желая большихъ и большихъ успѣховъ почтенному Одесскому историческому Обществу, будемъ ожидать указателя къ его «Запискамъ», отсутствіе котораго весьма ощутительно при справкахъ.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ"
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія**, не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Өедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30)**; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается **въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута. кв. № 12.**

Въ послѣдующихъ книгахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (томъ IV и послѣдній), продолж. Зап. **М. А. Бестужева, Н. П. Колзакова, Пассекъ;** документы изъ архивовъ кн. **Голенищева-Кутузова**, кн. **Куракиныхъ**, гр. **Стакельберговъ**, кн. **Щербатова**, свѣтл. кн. **Италійскаго** графа **Суворова-Рымникскаго;** свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина;** кн. **Г. А. Потемкина;** «Шемякинъ судъ въ XIX в.»—записки историка **Д. Н. Бантыша-Каменскаго; И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго**, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. **С. И. Маевскаго**, записки ген. **Толя**, кн. **А. А. Шаховскаго;** Москов. театра артистки **Никулиной-Косицкой; И. Н. Скобелева, В. К. Кюхельбекера** (1831—1841 гг.); генерала **Фельнкера**, ак. жив. **А. В. Ступика** (1775—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича;** секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки **А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ө. Опочинина** (о 1831 г.); записки **Н. В. Веригина** и др. Дѣло **Волынскаго;** письма гр. **Бестужева-Рюмина**, гр. **Паниныхъ, Сальдерна, Пикара** (1782 г.); письма **Екатерины II;** письма императоровъ: **Павла I, Александра I, Николая I**, цесар. **Константина;** императрицы **Елизаветы Алексѣевны;** гр. **Аракчеева;** гр. **Бенкендорфа** и **Дибича; А. П. Ермолова;** мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова;** разсказы изъ исторіи тайн. канц. О пребываніи въ ссылкѣ Брауншв. фамиліи. Неизданныя бумаги **А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова** (болѣе 50 писемъ), **Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Бѣлинскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина**, статьи **В. Н. Каразина**, акад. **Венеціанова;** сообщенія: акад. **А. Ө. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щебальскаго;** статьи: профес. **И. Д. Бѣляева** и **Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади**, кн. **Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, П. И. Баранова.** Сообщ.: Гр. **К. И. Палена, К. С. Сербиновича**, кн. **П. Д. Волконскаго**, кн. **А. Б. Лобанова-Ростовскаго**, кн. **Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова**, акад. **А. А. Куника, Н. Н. Селифонтова, Ө. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, К. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ө. Крузе**, гр. **Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; А. С. Воронова, М. И. Богдановича**, бар. **Ө. А. Бюлера, М. Ө. Бороздина, Н. П. Дурова**, и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины" принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ, Императорской Археографической Коммиссіи и Московскаго Музея имени Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича— **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. МАЙ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1873.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. Съ приложеніемъ рисунковъ: модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ почерковъ и рисунковъ поэта. Изд. 2-е. Товарищества Общественной Пользы. Спб. 1873. Стр. III и 475.

Это простая перепечатка матеріаловъ, помѣщенныхъ въ 1 т. «Сочиненій Пушкина», изд. г. Анненкова. Достоинство втораго изданія матеріаловъ заключается въ томъ, что авторъ, не смотря на массу матеріаловъ для біографіи Пушкина, напечатанныхъ въ послѣднее время, не прибавилъ въ своей книгѣ ни одного факта, не сдѣлалъ ни одной новой ссылки, не раскрылъ ни одного имени, не исправилъ ни одной ошибки, даже не измѣнилъ ни одного слова, и мы, въ 1873 году, читаемъ тоже «теперь», тоже «еще недавно», которыя были въ 1855 году, М—ча, вмѣсто Мицкевича, С. Л. Ч., вмѣсто Чирикова, «неизданное» стихотвореніе, тогда какъ самимъ г. Анненковымъ оно было издано 23 года и 6 мѣсяцевъ тому назадъ, и даже слова «въ настоящемъ предлагаемомъ публикѣ изданіи», хотя никакого изданія Пушкина публикѣ и не предлагается. Новаго мы нашли только раздѣленіе книги на главы и оглавленіе, изображенія могилы Пушкина, модели (лицейской) его памятника (хотя при ней и не названо имя художника, г. Лаверецкаго), двухъ бѣсовъ—большаго и малаго въ снимкѣ съ рисунковъ Пушкина на черновыхъ тетрадяхъ и, наконецъ, массу опечатокъ, представляющихъ не только ошибки въ буквахъ,—напр. явяться, вм. являться, Царскаго, вм. Сарскаго,—но иногда и искаженіе смысла, напр. (стр. 77) картинная, вм. карантинная, и пропускъ цѣлыхъ стиховъ, напр. на стр. 20. Въ виду капитальнаго значенія Матеріаловъ г. Анненкова, сдѣлавшихся въ настоящее время значительною рѣдкостью, можно сказать, что Товарищество Общественной Пользы сдѣлало очень выгодное изданіе для своей пользы. Людямъ же, серьезно занимающимся изученіемъ Пушкина, мы все-таки посовѣтуемъ обратиться къ букинистамъ и поискать изданія 1855 года, причемъ, вмѣстѣ съ лучшимъ изданіемъ Матеріаловъ, они пріобрѣтутъ и лучшее изъ существующихъ изданіе Пушкина.

Сочиненія Лермонтова, съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статьею о Лермонтовѣ А. Н. Пыпина. Изд. 3-е, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб., 1873. Изд. книгопродавца А. И. Глазунова. Т. I, стр. XCVI и 404. Т. II, стр. VII и 508.

Новое и притомъ лучшее изданіе Лермонтова было настоятельною потребностію, такъ какъ экземпляры прежнихъ изданій у букинистовъ давно уже продавались по 10 рублей. Въ виду такой потребности, въ виду быстраго успѣха прежнихъ изданій, на очереди было такое изданіе, которое бы окончательно установило чтеніе текста, хронологію произведеній, дало всего Лермонтова, словомъ—удовлетворяло бы современнымъ требованіямъ, какъ въ отношеніи къ редакціи, такъ и въ отношеніи типографскомъ. Сдѣлать это г. Глазунову было тѣмъ легче, что для этого не требовалось съ его стороны другихъ расходовъ, кромѣ матеріальныхъ: право собственности, конечно, давно уже окупилось прежними изданіями. Къ сожалѣнію, новое изданіе оправдало ожиданія далеко не вполнѣ. Правда, оно дало прекрасную статью г. Пыпина, которая, не представляя чего-либо самостоятельнаго и новаго, тѣмъ не менѣе, съ свойственною г. Пыпину ясностью и полнотою, излагаетъ современный взглядъ и на личность, и на поэтическое значеніе Лермонтова. Списки изданій Лермонтова и всѣхъ статей, о немъ написанныхъ, а равно и примѣчанія, составлены г. Ефремовымъ съ тою тщательностію и обстоятельностію, какія мы привыкли встрѣчать во всѣхъ его работахъ. Наконецъ, самый текстъ, благодаря новой тщательной провѣркѣ по рукописямъ и старымъ изданіямъ, получилъ несравненно болѣе исправный видъ. Чтобы получить понятіе о важности этихъ исправленій, достаточно сказать, что они коснулись даже такихъ произведеній, какъ «Валерикъ», «Выхожу одинъ я на дорогу....», «Демонъ», «Герой нашего времени», «Пророкъ», «Молитва» (Я, Матерь Божія...) Теперь, кажется, можно допустить, что мы имѣемъ подлинный лермонтовскій текстъ. Но совсѣмъ другое должны мы сказать о планѣ и полнотѣ изданія. Новое изданіе Лермонтова, также какъ и предыдущія, состоитъ изъ двухъ томовъ; въ первомъ помѣщено все, что было издано самимъ Лермонтовымъ (къ этому присоединены 12 послѣднихъ стихотвореній изъ записной книжки кн. В. Ѳ. Одоевскаго и XVI писемъ Лермонтовва къ разнымъ лицамъ), а во второмъ то, что вошло въ печать безъ его личнаго участія. Г. Дудышкинъ, принявъ этотъ планъ, поступилъ очень хорошо: черновыя тетради, безъ которыхъ изученіе Лермонтова просто невозможно, въ то время еще вовсе не были извѣстны публикѣ, и ознакомленіе хотя бы съ частью ихъ вызывало дѣйствительную благодарность. Но теперь важность этихъ тетрадей уже признана, а число ихъ возросло до такой степени, что г. Ефремовъ предполагаетъ издать особый дополнительный томъ, въ который войдутъ юношескія тетради и еще нѣкоторыя произведенія Лермонтова, ненашедшія мѣста въ

ВОСПОМИНАНІЯ КОЛЗАКОВА.

1815—1831.

VI [1]).

Передъ взрывомъ.

Въ эпоху коронаціи императора Николая Павловича въ Варшавѣ, въ 1829 г., мои родители и я жили на Краковскомъ предмѣстьи—одной изъ главныхъ улицъ Варшавы, въ казенномъ домѣ, противъ Визитокъ (église des Visitandines). Домъ этотъ, существующій и понынѣ, былъ каменный, двухъ-этажный, съ двумя флигелями, изъ коихъ одинъ выходитъ на Саксонскую площадь. На противуположной сторонѣ былъ домъ частный, что нынѣ передѣланъ въ громадную Европейскую гостинницу. Это мѣсто считается почти однимъ изъ лучшихъ въ Варшавѣ, по близости къ Бриловскому дворцу и къ Саксонскому саду. Семейство наше занимало всю середину дома, а во флигеляхъ жили: въ одномъ—жандармскій полковникъ Минтеръ, а въ другомъ, что выходилъ на площадь,—польской службы генералъ Салацкій, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, служившій по инженерной части, весьма почтенный и добрый, съ семействомъ котораго родители мои очень сошлись. Старушка жена его, такая же простодушная и добрая, какъ и онъ самъ, была вовсе не свѣтская барыня и никуда почти не выѣзжала, занимаясь исключительно домашнимъ хозяйствомъ; но главнымъ украшеніемъ ихъ семьи была дочь ихъ Юлія, уже взрослая, въ то время, дѣвица.

---

[1]) Гл. I—V см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 423—455.

Лѣтомъ живали мы, по обыкновенію, на дачѣ, принадлежавшей вотчиму моей матери, старику Миттону. Это было прекрасное имѣніе, въ 3-хъ верстахъ отъ Мокотовской заставы, за городомъ, подъ названіемъ Виржба (что значитъ Верба).

Въ описываемую мною эпоху, т. е. въ 1829 и 1830 гг., матушка моя страдала сильнымъ разстройствомъ нервовъ, и безпрестанныя кровопусканія, къ которымъ при всякомъ случаѣ прибѣгали тогдашніе доктора, потрясли совершенно ея организмъ и обезсилили ее до крайности. Вслѣдствіе разстройства ея здоровья, образъ жизни родителей моихъ, въ ту эпоху, долженъ былъ измѣниться: гости бывали уже у насъ рѣже, матушка должна была отказаться отъ визитовъ и выѣздовъ на вечера и ограничивалась небольшимъ кругомъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Для поправленія же ея здоровья, мы всею семьею ѣздили, въ 1829 году, за границу. Не безъинтересно здѣсь упомянуть, что путь отъ Варшавы до Парижа сдѣлали мы на собственныхъ своихъ лошадяхъ, въ четвероместной каретѣ, запряженной четвернею въ рядъ, по-русски; нашъ крѣпостной кучеръ Савелій,— красивый парень, съ окладистою бородою, въ русскомъ армякѣ и шапкѣ,—довезъ насъ благополучно черезъ всю Германію до самой столицы Франціи. Нынѣшнему молодому поколѣнію, привыкшему къ желѣзнымъ дорогамъ, это можетъ показаться невѣроятнымъ, но въ тогдашнее время это дѣлалось, впрочемъ, не часто, такъ какъ для скорости все-таки предпочитали ѣздить на почтовыхъ; но матушка моя была больна и должна была каждую ночь отдыхать,—поэтому и предпочли мы взять своихъ лошадей и ѣхали, что называется à petites journées, т. е. только днемъ, а на ночь останавливались, гдѣ придется: въ городахъ, мѣстечкахъ или даже на самой дорогѣ, на постоялыхъ дворахъ, которыхъ за границей такъ много бывало на главныхъ шоссейныхъ дорогахъ; пока мы отдыхаемъ, накормятъ лошадей, дадутъ и имъ отдохнуть, а на слѣдующее утро путешествіе продолжается. Признаюсь откровенно, что хотя я и самъ совершилъ этотъ вояжъ вмѣстѣ съ матушкой, но до сихъ поръ удивляюсь, какъ мы не сбились съ дороги. Помню очень хорошо, что когда мы въѣзжали въ Парижъ съ этой упряжкою, еще невиданною въ томъ краю, за нами по бульварамъ слѣдила густая толпа любопытныхъ, въ особенности кучеръ нашъ казался имъ очень оригинальнымъ. Въ то время

ни одинъ французъ не носилъ бороды, кромѣ взвода гвардейскихъ sapeurs pompiers; вся Западная Европа брилась, ношеніе бороды считалось какимъ-то дикимъ варварствомъ; одни русскіе священники да русскіе мужики были съ бородами и то только въ Россіи; за границей же наши священники принуждены были брить бороды и одѣваться въ свѣтскую одежду; за эти же самые бородки получили мы отъ нашихъ сосѣдей-поляковъ прозваніе кацаповъ, (бородачей). Русскія борода и упряжь лошадей были причиною того, что когда мы свернули съ бульваровъ въ улицу Ришелье и остановились въ отелѣ des Colonies, то какой-то чудакъ англичанинъ, сопровождавшій верхомъ нашу карету, обратился, тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ гостинницу, съ вопросомъ: откуда мы пріѣхали въ такомъ экипажѣ? Узнавъ, что мы изъ Россіи, онъ предложилъ баснословную цѣну за нашихъ лошадей; онъ хотѣлъ и кучера нашего нанять, но мы продали только одну четверку, и, пробывъ всю зиму въ Парижѣ, возвратились уже на почтовыхъ лошадяхъ.

Изъ числа короткихъ знакомыхъ, посѣщавшихъ, въ концѣ 1830 г., мою матушку, кромѣ Салацкихъ, была еще г-жа Накваска, француженка, замужемъ за полякомъ. У нихъ было богатое помѣстье въ Польшѣ, гдѣ проводили они бо̀льшую часть года и пріѣзжали въ Варшаву только на зиму, на нѣсколько мѣсяцевъ. Г-жа Накваска была, сколько припомню, прекрасивая брюнетка; у ней была одна только дочь Леони, въ то время 6-ти лѣтъ, настоящій херувимъ. Какъ соотечественница, подружилась она съ моею матушкой и посѣщала ее очень часто, въ особенности въ послѣднее время.

Отецъ мой, въ противуположность моей матери, велъ, какъ и всегда, жизнь самую разнообразную и подвижную. Проводилъ все утро на службѣ,—почти всякій день бывалъ у великаго князя, присутствовалъ въ различныхъ коммиссіяхъ, завѣдывалъ отдѣленіемъ кантонистовъ русскихъ и польскихъ, а также гребною канонирскою флотиліею, устроенною имъ на рѣкѣ Вислѣ еще въ 1817 году. Въ свободное отъ службы время. дѣлалъ онъ визиты для поддержанія знакомства съ русскими и польскими домами, кружокъ котораго, съ теченіемъ времени, значительно увеличился. Въ такомъ городѣ, какъ Варшава, въ особенности въ то время, не возможно было жить замкнуто. Онъ. впрочемъ, самъ любилъ общество. былъ хлѣбосоломъ и любилъ выѣзжать; при-

глашенія со всѣхъ сторонъ сыпались, и нерѣдко случалось ему съ званаго обѣда поѣхать на два или на три вечера, гдѣ находилъ онъ постоянно свою партію виста; но чаще всего посѣщалъ онъ семейства И. Д. Данилова и графа Моріоль,—оба жили по близости, въ Бриловскомъ дворцѣ [1]).

Родители мои занимали весь верхній этажъ съ маленькимъ братомъ моимъ, которому было тогда 6 лѣтъ; а внизу были еще три комнаты, гдѣ я жилъ съ меньшимъ братомъ моей матери, Александромъ Миттономъ, который былъ только 9-ю мѣсяцами старше меня и воспитывался со мною вмѣстѣ. При насъ находился четвертый уже гувернеръ, французъ Пек-ръ.

Я помню, между прочемъ, что не задолго до революціи, отецъ мой привелъ ко мнѣ однажды мальчика, лѣтъ 13-ти, по имени Циволка. Это былъ сынъ машиниста при варшавскомъ театрѣ. Отецъ его (чехъ по происхожденію) прибѣгнулъ къ покровительству моего отца и ходатайствовалъ объ опредѣленіи сына своего въ какое-нибудь казенное заведеніе, преимущественно въ Морской или Штурманскій корпусъ, потому что мальчикъ этотъ, съ раннихъ лѣтъ, оказывалъ большую наклонность къ морской службѣ и самоучкою сдѣлалъ нѣсколько моделей лодокъ и корабликовъ. Онъ сталъ ходить къ намъ часто и, не смотря на свою невзрачную наружность, пріобрѣлъ вскорѣ мою дружбу, потому что помогъ мнѣ построить маленькій механическій театръ, въ которомъ мы давали представленія по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ. Я упомянулъ здѣсь о Циволкѣ потому, что онъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ мореплавателемъ, и имя его славно въ исторіи нашего флота открытіемъ новыхъ острововъ [2]).

Наступилъ ноябрь мѣсяцъ 1830 года. Жизнь въ Варшавѣ начинала входить въ свой обычный круговоротъ, и хотя еще баловъ большихъ не было, но собирались на званные обѣды и вечеринки съ танцами, посѣщали театры; тогда, какъ теперь помню,

---

[1]) Графъ Моріоль и Фавицкій состояли при П. К. Александровѣ, въ качествѣ наставниковъ. И. Д. Даниловъ служилъ въ собственной канцеляріи его высочества и впослѣдствіи былъ сенаторомъ. К. К.

[2]) Онъ дѣлалъ экспедиціи, въ 1834 и 1835 годахъ, помощникомъ Пахтусова, на Новую Землю; въ 1837 г. возилъ туда же академика Бера, а въ 1838 и 1839 гг. самъ былъ начальникомъ экспедиціи на Новую Землю и тамъ погибъ во льдахъ. К. К.

ставили на Большомъ театрѣ новую оперу «Нѣмая изъ Портичи» (Фенелла); отецъ мой бывалъ на репетиціи ея съ генераломъ Дьяковымъ и любовались они прекрасными декораціями, писанными извѣстнымъ тогда декораторомъ Стакетти. О революціонныхъ движеніяхъ хотя и говорили въ обществѣ, но уже это было не ново и такъ часто повторялось, что не обращали большаго вниманія на всѣ эти демонстраціи; ко всему можно привыкнуть; притомъ обычное польское общество было по прежнему внимательно и всячески старалось успокоивать умы русскихъ на счетъ какой-либо возможности возстанія въ Варшавѣ.

Возникали, однако, и демонстраціи. Президентъ города, Войда, былъ какъ-то на одномъ изъ разводовъ прибитъ палкою какимъ-то неизвѣстнымъ статскимъ, успѣвшимъ скрыться въ толпѣ; и вскорѣ послѣ того продавались въ Варшавѣ повсюду трости и палки подъ названіемъ Войдувки. Появлялись плакаты, наклеенные на углахъ домовъ, съ извѣщеніемъ о предстоящей революціи въ Варшавѣ; а на стѣнѣ Бриловскаго дворца нашли даже надпись, что этотъ домъ скоро будетъ отдаваться въ наймы. Все это почиталось шалостями, такъ что не обращали на это большаго вниманія. Полиція молчала, потому что состояла вся изъ поляковъ, а главный начальникъ ея, генералъ Жандръ, хотя и былъ прекрасный человѣкъ, но нисколько непригодный къ этому дѣлу: проводилъ все утро на службѣ при великомъ князѣ, присутствовалъ съ нимъ на разводахъ, почти ежедневно даваемыхъ, а остальное время проводилъ онъ въ гостяхъ.

Такъ шло до 17-го (29) ноября 1830 г.

Матушка моя, едва оправившаяся послѣ долгой, томительной болѣзни, была еще очень слаба и не выѣзжала ни куда. 16 (28) ноября отецъ мой былъ на большомъ званномъ обѣдѣ у адъютанта великаго князя Михаила Павловича, полковника Нащокина; къ этому Нащокину за нѣсколько времени до революціи, приходилъ бывшій адъютантъ великаго князя Константина Павловича, Китскій, бывшій уже въ отставкѣ, и сказалъ Нащокину, чтобы онъ предупредилъ великаго князя, что его жизнь въ опасности, что его хотятъ убить, прося при этомъ не говорить отъ кого онъ объ этомъ слышалъ. Нащокинъ сообщилъ это генералу Курутѣ для передачи великому князю. Курута исполнилъ это, сказавъ великому князю, что Нащокинъ связанъ честнымъ

словомъ не говорить отъ кого онъ знаетъ объ этомъ намѣреніи. Великій князь послалъ за Нащокинымъ, и пока послѣдній дожидался пріема, великій князь послалъ фельдъегеря въ замокъ, на квартиру Нащокина, узнать, кто у него былъ наканунѣ; когда же при спросѣ Нащокина получилъ отвѣтъ, что онъ не можетъ назвать говорившаго ему, великій князь отвѣчалъ:

— «Тебѣ сказалъ это Китскій; такъ знай, что если имъ не удалось меня убить въ 1815 году, то теперь и подавно не удастся».

16-го (28) ноября у Нащокина собрались почти всѣ русскіе генералы, бывшіе тогда въ Варшавѣ, и кто-то изъ гостей разсказывалъ, что великій князь получилъ письмо отъ государя, предостерегающее его о долженствующей вспыхнуть, 17-го или 18-го ноября, революціи въ Варшавѣ, прося его принять всѣ мѣры осторожности, усилить караулы и надзоръ полиціи къ этому дню; но великій князь такъ былъ увѣренъ въ своемъ любимомъ 4-мъ полку, который долженъ былъ занять караулы въ этотъ день, что пренебрегъ всѣми совѣтами и не прибавилъ ни одного лишняго часоваго къ немногимъ инвалидамъ, стоявшимъ на стражѣ у Бриловскаго дворца и въ Бельведерѣ.

Утромъ 17-го ноября былъ ясный день и не большой морозъ; въ полдень поднялся вѣтеръ съ юга, нагналъ тучи и начало таять. Отецъ мой съ утра пошелъ къ великому князю, въ Бриловскій дворецъ; разводъ былъ отказанъ. Его высочество принималъ, по обыкновенію, у себя въ залѣ вѣстовыхъ отъ гвардейскихъ полковъ. Когда кончилась эта церемонія, отецъ мой поѣхалъ вмѣстѣ съ генераломъ Курутой въ Лазенки, въ казармы кантонистовъ русскихъ и польскихъ; осмотрѣвъ ихъ, нашли все въ порядкѣ, и возвратились въ городъ; затѣмъ отецъ съѣздилъ еще съ визитами въ нѣсколько домовъ. Въ 2½ часа вернулся домой и нашелъ у матери моей г-жу Накваску съ дочерью и старушку графиню Оборскую, пріѣхавшихъ къ намъ на обѣдъ; самъ же онъ переодѣлся въ сюртукъ и поѣхалъ на званый обѣдъ къ генералу Маркову, командиру уланскаго его величества полка. Тамъ нашелъ онъ, въ числѣ гостей, ганераловъ Куруту, Жандра, командира литовскаго полка Энгельмана, Есакова (командира волынскаго полка), Кривцова, флигель-адъютанта Бутурлина, полковника Нащокина и младшаго брата Маркова, офицера уланскаго полка.

Генералъ Жандръ пріѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ и привелъ съ собою 12 человѣкъ музыкантовъ-богемцевъ, которыхъ онъ, того же утра, представлялъ великому князю; богемцы за обѣдомъ стали играть какую-то заунывную мелодію. Жандръ, противъ своего обыкновенія, былъ что-то грустенъ съ самаго начала обѣда; было-ли это предчувствіе, но замѣтно было, что ему музыка не нравилась; наконецъ, не вытерпѣвъ, обратился онъ къ хозяину: «ну ихъ къ чорту! заплати имъ, Марковъ, 15 рублей и отправь домой», сказалъ онъ, что и было исполнено.

Послѣ обѣда Жандръ хотѣлъ играть въ карты; но такъ какъ картъ въ домѣ не оказалось, и пока за ними посылали, онъ раздумалъ играть, сказавъ, что у него голова болитъ и что онъ хочетъ ѣхать домой отдохнуть, потому что послѣ долженъ еще заѣхать къ великому князю въ Бельведеръ, по дѣламъ, а оттуда уже пріѣдетъ опять къ нему, Маркову, прибавивъ: «надо намъ снова начать наши посидѣлки»[1]). Жандру донесли, что еще три офицера оказались замѣшанными въ бунтѣ, и что-то кроется не доброе. Отецъ мой игралъ въ это время съ Курутой на бильярдѣ въ другой комнатѣ; но, по окончаніи партіи, такъ какъ лампы что-то дурно горѣли, перестали они играть и, вмѣстѣ съ другими гостями, простились съ хозяиномъ и разъѣхались—кто домой, а кто въ театръ; самъ же генералъ Марковъ отправился къ знакомому смотрителю дворцовъ Бончакевичу, проживавшему противъ Уяздовскаго госпиталя [2]).

---

[1]) Когда начали появляться, еще въ началѣ 1830 г., безъимянныя записки съ предсказаніями о революціи на такое-то число, то многіе русскіе генералы рѣшились собираться по вечерамъ у Маркова, какъ ближайшаго полковаго командира къ Бельведеру, и просиживали у него, по обыкновенію, часовъ до 4-хъ и 5-ти утра, чтобы быть наготовѣ, выѣхать вмѣстѣ, въ случаѣ тревоги; полки также имѣли приказаніе быть готовыми. Эти собранія назывались посидѣлками; сначала они часто повторялись; но подъ конецъ, когда замѣтили, что предсказанія о возстаніи не сбываются, то и посидѣлки стали рѣже повторяться. К. К.

[2]) За чайнымъ столомъ дочь хозяина пришла сказать ему, что она слышитъ пальбу. Тогда Марковъ, выйдя изъ дома и слыша выстрѣлы, отправился прямо къ своимъ казармамъ, гдѣ нашелъ уже полкъ готовымъ. Въ его полку было около 30 человѣкъ убитыми и ранеными и много лошадей раненыхъ въ 3-мъ эскадронѣ, которымъ командовалъ князь Воронецкій. Этотъ эскадронъ былъ на очереди. Въ остальныхъ эскадронахъ успѣли запереть конюшни и не впустить подпрапорщиковъ; при этомъ унтеръ-офицеръ Субботинъ тупой саблей отрубилъ руку одному подпрапорщику, который хотѣлъ поджечь конюшню.

(Разсказъ И. В. Маркова).

По выходѣ отъ Маркова, отецъ мой отправился домой, гдѣ нашелъ г-жу Накваску, сидѣвшую съ моей матерью въ гостиной. Старушка графиня Оборская уѣхала домой, а меньшой братъ мой съ маленькой Леони играли въ другой комнатѣ. Было восемь часовъ вечера. Отецъ мой объявилъ дамамъ, что онъ пойдетъ докончить вечеръ къ Данилову, гдѣ его ждетъ партія въ вистъ; и, простившись съ ними, отправился пѣшкомъ чрезъ пустынную и слабо-освѣщенную Саксонскую площадь къ Бриловскому дворцу, во флигелѣ котораго жилъ Даниловъ. Тамъ нашелъ онъ много гостей, въ числѣ коихъ были два полковые командира—Энгельманъ и Есаковъ, пріѣхавшіе прямо отъ Маркова.

— «Добро пожаловать, Павелъ Андреевичъ, мы васъ давно ждемъ», привѣтствовала его толстая хозяйка, носившая постоянно на головѣ шолковую повязку, какъ наши попадьи и прежнія купчихи; и, подавъ ему карту, посадила за игру съ двумя полковыми командирами, а сама сѣла четвертою съ ними играть въ вистъ.

VII.

Ночь на $\frac{\text{18-е ноября}}{\text{30-е ноября}}$ 1830 г.

Пока русскіе генералы такъ спокойно и безпечно проводили время за картами, никто изъ присутствовавшихъ, конечно, не думалъ о томъ, что участь Польши была уже рѣшена, что близокъ былъ роковой часъ, и что, въ ту самую минуту, горсть отчаянныхъ заговорщиковъ пробиралась по темнымъ улицамъ Варшавы къ осуществленію кровавой драмы. Стали подавать чай; не успѣли генералы сыграть второй роберъ, какъ вошелъ человѣкъ и вызвалъ отца моего въ переднюю. Здѣсь нашелъ онъ посланнаго отъ моей матери, крѣпостнаго нашего человѣка Алексѣя. Блѣдный, дрожа отъ страха и весь запыхавшись, проговорилъ Алексѣй: «Анна Петровна приказала васъ просить скорѣй домой, въ Варшавѣ ле—во....руція!!..» Онъ такъ заикался и не связно говорилъ, что отецъ мой долженъ былъ его заставить повторить сказанное, и, возвратясь въ залу, объявилъ о томъ хозяину и гостямъ. «Полноте насъ пугать», сказала хозяйка, подходя къ отцу и видя общую суматоху, произведенную его словами. Алексѣя, между тѣмъ, окружили въ передней и стали его разспра-

шивать, гдѣ и какъ онъ о томъ узналъ? Все пришло въ страшное замѣшательство: столъ; карты были брошены, гости стали расходиться,—иные подбѣгали къ окнамъ, желая что-нибудь разглядѣть, но на дворѣ было темно. Дамы подняли визгъ, громче всѣхъ слышались возгласы хозяйки:

— «Ахти, батюшки! да я ни за что не останусь здѣсь,—насъ тутъ первыми убьютъ».

Всѣ столпились въ передней и разбирали свои вещи; всѣ суетились. Отецъ мой не безъ труда отыскалъ свою шинель, въ этой суматохѣ, и вышелъ вмѣстѣ съ Энгельманомъ и Есаковымъ, которые сѣли въ свои коляски[1]), а онъ поспѣшилъ съ Алексѣемъ пѣшкомъ домой, снова черезъ Саксонскую площадь. Все было тихо; на площади никакого особеннаго движенія не было замѣтно; рѣдкіе прохожіе безмолвно пробирались въ темнотѣ, обходя лужи. Проходя мимо гауптвахты, отецъ услыхалъ окликъ часового, отъ стоявшаго тогда въ караулѣ одного баталіона 4-го пѣхотнаго полка; ничего особеннаго не было замѣтно на улицахъ, исключая отдаленнаго зарева отъ пожара; но такъ какъ пожары нерѣдко случались въ Варшавѣ, то отецъ мой не обратилъ на это особеннаго вниманія и съ довольно спокойнымъ духомъ дошелъ благополучно до дому. Входитъ онъ въ столовую и видитъ: на столѣ стоятъ еще самоваръ и чашки, но никого въ домѣ нѣтъ. Онъ послалъ Алексѣя отыскать кого-нибудь изъ людей, а самъ сталъ обходить всѣ комнаты. Домъ былъ пустъ. Въ спальнѣ шкафъ былъ раскрытъ, нѣкоторыя вещи валялись на полу; кроватка меньшаго сына раскидана. Въ дѣвичьей также никого не было, горничная и слуги—все изчезло. Въ недоумѣніи и безпокойствѣ хотѣлъ онъ идти внизъ, какъ наткнулся на лѣстницѣ на одного изъ своихъ казаковъ-вѣстовыхъ, котораго Алексѣй, наконецъ, отыскалъ.—«Гдѣ жена и дѣти? гдѣ всѣ люди?» спросилъ онъ въ торопяхъ у казака.

— «Анна Петровна изволила уѣхать съ другой барыней и дѣтьми въ каретѣ».

— «Куда?»

— «Не могу знать! Карета повернула отъ воротъ на право, по Краковскому предмѣстью».

---

[1]) Генералы Есаковъ и Энгельманъ, на дорогѣ отъ Данилова къ своимъ казармамъ, наткнулись на заговорщиковъ и были взяты ими въ плѣнъ, причемъ кучеръ генерала Есакова былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета. К. К.

Не зная еще, на что рѣшиться, отецъ приказалъ казаку осѣдлать тотчасъ верховыхъ лошадей и быть на-готовѣ съ нимъ ѣхать, а самъ сошелъ внизъ въ наши комнаты. M-r Pequeur, гувернеръ, былъ дома и глядѣлъ на улицу, высунувшись въ форточку. Онъ разсказалъ отцу моему, что, вскорѣ послѣ его ухода, пріѣхалъ къ намъ въ домъ флигель-адъютантъ А. П. Бутурлинъ; и узнавъ, что отца моего дома нѣтъ, побѣжалъ на верхъ и просилъ мою матушку тотчасъ за нимъ послать, что-де въ Варшавѣ вспыхнула революція и что онъ совѣтуетъ ей самой не оставаться въ этомъ домѣ, а вмѣстѣ съ дѣтьми искать гдѣ-нибудь убѣжища у знакомыхъ изъ поляковъ. Сказавъ это, онъ поспѣшно ихъ оставилъ. Перепуганная до-нельзя, матушка моя тотчасъ послала за отцомъ, а между тѣмъ, велѣла подавать карету; въ торопяхъ заложили двумѣстную. Г-жа Накваска уговорила мою мать ѣхать къ ней въ домъ; обѣ матери бросились укутывать своихъ дѣтей, на-скоро одѣли ихъ и сошли внизъ, влача за собою малютокъ и торопя людей, дабы подавали экипажъ. Намъ, старшимъ, велѣла матушка скорѣе надѣть шинели и шапки,— все это было исполнено въ нѣсколько минутъ, и, сѣвъ всѣ шестеро въ двумѣстную карету, помчались мы вдоль по Краковскому предмѣстью на Новый свѣтъ. Эта улица служитъ продолженіемъ Краковскаго предмѣстья; начиная отъ площади Коперника, противъ статуи котораго высится высокая колокольня церкви св. Креста, улица эта тянется до Александровской площади, откуда уже идутъ густыя липовыя аллеи по направленію къ Бельведеру и къ Мокотовской заставѣ.

Считая извѣстіе о революціи слишкомъ преувеличеннымъ и полагая, что это, быть можетъ, былъ гдѣ-нибудь случайный безпорядокъ, который въ скоромъ времени долженъ быть прекращенъ полицейскими мѣрами, отецъ мой все еще былъ довольно спокоенъ духомъ и, пославъ узнать готова-ли его лошадь, самъ, между тѣмъ, высунулся въ открытую форточку въ нижнемъ этажѣ, дабы прислушаться къ говору проходящихъ. Ночь была темная и холодная; накрапывалъ дождь съ изморозью. Прохожіе быстро пробирались по мокрымъ тротуарамъ, иные бѣгомъ,—и слышенъ былъ несвязный говоръ, котораго разобрать было не возможно. Нѣсколько дрожекъ, дребезжа по неровной мостовой, проѣхали мимо; про-

скакалъ какой-то всадникъ, котораго въ темнотѣ отецъ отличить не могъ,— все предвѣщало какое-то волненіе.

Пекёръ, между тѣмъ, разсказывалъ, что онъ съ дѣтьми сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ, въ то время, какъ дѣти занимались картонажемъ,— говорилъ это онъ про насъ; и дѣйствительно, я помню, что еще въ 8-мъ часу я послалъ человѣка въ лавку за цвѣтной бумагой. Человѣкъ, возвратившись, сказалъ, что лавки уже были заперты и что на улицѣ попались ему два всадника, проскакавшіе быстро мимо его; одинъ изъ нихъ имѣлъ обнаженную саблю въ рукахъ и кричалъ: «Polace do broni!» (поляки къ оружію). Онъ принялъ ихъ за пьяныхъ; вскорѣ послѣ сего, услышали мы на лѣстницѣ крики г-жи Накваски и вбѣжала къ намъ въ комнату мать моя съ этою дамой, какъ уже сказано выше.

Между тѣмъ, отцу пришли сказать, что лошадь его готова. Онъ еще разъ отправился на верхъ въ свой кабинетъ, взялъ съ собою денегъ на всякій случай,— велѣлъ человѣку своему созвать всѣхъ людей и не отходить отъ дома, успокоилъ его, сказавъ, что никакой революціи нѣтъ, что все придетъ въ порядокъ, что мы всѣ скоро вернемся домой; тоже самое повторилъ онъ и гувернеру, прося его смотрѣть за людьми,— и, выйдя на крыльцо, готовъ уже былъ садиться на лошадь, какъ посланный отъ генерала Салацкаго слуга вошелъ и объявилъ ему, что Анна Петровна у нихъ и проситъ его тотчасъ къ ней прійти. Въ одну минуту отецъ былъ у Салацкихъ, гдѣ нашелъ жену свою блѣдную, какъ смерть; г-жа Накваска лежала на диванѣ въ истерическомъ припадкѣ, все семейство Салацкихъ занято было около ней. Матушка моя бросилась къ отцу на встрѣчу и, обнимая его, со слезами сказала: «Благодари Господа, мы какимъ-то чудомъ спаслись отъ смерти». Затѣмъ стала она разсказывать, что съ ними случилось за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ; а такъ какъ я самъ былъ очевидцемъ этому, то передамъ всѣ подробности происшествія. Сѣли мы всѣ шестеро въ двумѣстную карету; ничего не зная, куда насъ везутъ и зачѣмъ, съежились мы съ Александромъ Миттономъ кое-какъ у ногъ матери моей и г-жи Накваска, держащихъ на колѣняхъ своихъ меньшихъ дѣтей. Захлопнули дверцы отъ кареты и кучеръ нашъ, въ русскомъ армякѣ и шапкѣ, выѣхалъ изъ воротъ и повернулъ направо къ Новому Свѣту. Подъѣзжая къ площади Коперника

(свіенты княжеской), слышимъ мы приближающіеся неистовые крики и пѣсни буйной толпы,—мы какъ разъ наткнулись на взбунтовавшійся 4-й пѣхотный полкъ, шедшій въ безпорядкѣ и во всю ширину улицы намъ на встрѣчу. Кучеръ нашъ, видя, что тутъ проѣхать нельзя, сталъ поворачивать назадъ; но въ это самое время нѣсколько солдатъ успѣли уже забѣжать впередъ; одинъ изъ нихъ ухватился за дверцы кареты,—мы слышимъ кричатъ намъ: «стуй, москале! кто ѣздѣ? стуй!» По счастію, дверцы туго отворялись и карета вся была въ движеніи, на поворотѣ. Пьяный солдатъ, ухватившійся за ручку, былъ увлеченъ движеніемъ, споткнулся и упалъ подъ колесо; карета помчалась быстро въ обратный путь. Мы слышимъ неистовые крики упавшаго; раздался залпъ: что-то грохнуло у нась надъ ушами,—съ трескомъ разлетѣлись стекла, посыпались и покрыли насъ осколками.

Провидѣніе, видимо, насъ охраняло: мы были спасены какимъ-то чудомъ, и никто изъ насъ не былъ раненъ. Попади пуля въ кучера или въ лошадь, карета была бы остановлена и Богъ знаетъ, что бы произошло съ нами.

Должно полагать, что выстрѣлы были косвенно направлены, потому что пули, пробивъ лѣвое стекло и оба переднія, разбили какъ ихъ въ дребезги, такъ и правый фонарь; благодаря наклоненію головъ, мы были спасены отъ явной смерти. Мчались мы обратно во всю прыть, качаясь съ боку на бокъ по испорченной мостовой; г-жа Накваска во всю дорогу немилосердно кричала, обнимая своего ребенка. Ужасъ охватилъ мою матушку и лишилъ ее возможности выговорить слово, такъ что почти безъ чувствъ ее довезли до нашего дома; но кучеръ подвезъ насъ къ подъѣзду Салацкихъ, гдѣ уже насъ, полумертвыхъ отъ страха, вытащили изъ экипажа и провели въ покои.

Разсказъ этотъ сильно встревожилъ отца моего; опоздай нашъ посланный къ нему одной минутой, и отецъ мой неминуемо бы наткнулся на бунтовщиковъ, стало быть, и его спасло Провидѣніе. Понятно, съ какимъ чувствомъ онъ обнялъ жену и дѣтей своихъ и какою сердечною благодарностію была проникнута его краткая, но многозначущая молитва къ Всемилосердому Творцу; минута была трудная, ужасная... Бунтовщики шли со стороны Новаго Свѣта, можетъ быть, и отъ Бельведера: быть можетъ, ве-

ликаго князя уже не существовало! — мысли, одна другой мрачнѣй и мрачнѣй, приходили моему отцу на умъ; неизвѣстность его мучила. Долгъ службы требовалъ немедленно отправиться въ Бельведеръ, — онъ хотѣлъ уже на то рѣшиться и какими-нибудь окольными путями до него добраться; но мать моя, предугадывая его намѣреніе, судорожно уцѣпилась за него и со слезами ему говорила: «Нѣтъ, не пущу тебя; ты на явную смерть хочешь идти, пожалѣй ты меня и бѣдныхъ дѣтей твоихъ!» Салацкій и вся семья стали его также уговаривать подождать, пока пройдетъ вся толпа мятежниковъ, и, въ самомъ дѣлѣ, безразсудно было идти ей на встрѣчу. Уже слышались приближающіеся крики неистовыхъ бунтовщиковъ; по временамъ грохотала пальба — вотъ ближе, ближе гулъ до насъ доходитъ; дамъ и дѣтей угнали въ заднія комнаты, но и сквозь запертыя двери доходятъ до насъ дикіе звуки разъяренной солдатчины. Окна на улицу были всѣ закрыты ставнями, но, чтобы разглядѣть, что происходило снаружи, отецъ мой съ Салацкимъ пошли наверхъ, гдѣ у нихъ былъ родъ чуланчика со слуховымъ окномъ, выходившимъ на улицу; оттуда видна имъ была вся безпорядочная толпа солдатъ, проходившая мимо нашего дома: впереди ѣхалъ верхомъ ксендзъ, съ обнаженною саблею въ рукѣ, и возбуждалъ народъ къ возстанію; нѣсколько пьяныхъ простоволосыхъ женщинъ шли, обнявшись съ солдатами и чернью, посреди толпы. Все это пѣло, кричало; послышалось нѣсколько близкихъ выстрѣловъ — весь домъ дрожалъ отъ стука и топота; на небѣ виднѣлось, въ двухъ мѣстахъ, зарево отъ пожаровъ; звукъ набата раздавался въ отдаленіи. Бѣдный Салацкій былъ внѣ себя отъ волненія; онъ принадлежалъ къ партіи благомыслящихъ, — и, хватая себя за голову, возглашалъ: «Безумцы! что это они затѣяли? о бѣдная наша Польша! сколько жертвъ невинныхъ снова падутъ!!..» Около 1/4 часа тянулась вся эта толпа мимо оконъ нашего дома, и, повернувъ потомъ на Саксонскую площадь, стала теряться въ отдаленіи; но еще долго вслѣдъ за ней по тротуарамъ замѣтна была толпа бѣгущей черни и зѣвакъ, выходившихъ изъ домовъ. Отецъ мой сошелъ внизъ, взволнованный до крайности, и снова долженъ былъ выдержать упорную борьбу между чувствами долга и привязанности къ семьѣ своей. Прошло еще, такимъ образомъ, 20 минутъ въ нерѣшительности; наконецъ, вырвавшись почти насильно изъ рукъ моей матери,

онъ готовъ былъ сѣсть на лошадь и отправиться, какъ вдругъ новый шумъ на улицѣ привлекъ его вниманіе: то былъ глухой гулъ, какъ бы приближавшейся массы кавалеріи. Отецъ снова съ Салацкимъ отправился на прежнюю обсерваторію, и они увидѣли конно-егерьскій польскій полкъ, скачущій по Краковскому предмѣстью, по направленію къ Новому Свѣту.

1-й эскадронъ, поровнявшись съ нашимъ домомъ, остановился и занялъ всю ширину улицы. Рѣшеніе моего отца было принято: онъ сошелъ внизъ, обнялъ мать мою и насъ, дѣтей своихъ, благословилъ семью и, поручивъ доброму Салацкому, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Пройдя черезъ дворъ, зашелъ онъ еще въ свою квартиру, досталъ изъ кабинета кое-какія драгоцѣнныя вещи, которыя поручилъ гувернеру отдать моей матери; наконецъ, помолившись Богу, сошелъ внизъ, сѣлъ у воротъ на лошадь и, въ сопровожденіи казака своего, оставилъ домъ, никакъ не воображая, что онъ разстается съ нимъ въ послѣдній разъ и что не придется ему никогда болѣе въ него возвратиться.

Только что отецъ показался на улицу, его окликнули конные егеря. Узнавъ по голосу знакомаго ему дивизіоннаго командира, подполковника Зеленку, отецъ назвался ему.

— «Ага! это вы, пане генерале», сказалъ ему по-польски Зеленка. «Куда вы хотите ѣхать?»

— «Къ великому князю въ Бельведеръ: имѣете-ли вы какое-нибудь извѣстіе о немъ?» спросилъ отецъ.

— «Ничего не знаю; насъ только что вывели изъ казармъ по тревогѣ, и мы здѣсь подождемъ прочіе эскадроны и, вѣроятно, поѣдемъ къ Бельведеру; дождитесь и вы, чтобъ поѣхать съ нами, пане генерале, вѣрнѣй будетъ», сказалъ ему Зеленка.

— «En ami ou ennemi?» спросилъ его по-французски отецъ.

— «Le soldat ne conait que son devoir. c'est d'obéir à son chef!» былъ отвѣтъ.

— «А гдѣ же вашъ начальникъ, генералъ Курнатовскій?»

— «Онъ ѣдетъ сюда съ остальными эскадронами».

Такіе неясные отвѣты заставили отца опасаться измѣны и потому онъ предпочелъ ѣхать одинъ, и, простившись съ Зеленкой, поскакалъ съ своимъ казакомъ впередъ, по направленію къ Новому Свѣту. На Александровской площади стояла колонна пѣ-

хоты — какая, въ темнотѣ онъ не могъ различить [1]), и, держась къ сторонѣ тротуаровъ, проскакалъ онъ мимо, никѣмъ не тревожимый. Отсюда въѣхали они въ тѣнистыя и мрачныя аллеи, тянувшіяся версты полторы до самаго Бельведера; раздалось нѣсколько выстрѣловъ по ихъ направленію, пули просвистали мимо ушей. То были возвращавшіеся отъ Бельведера, послѣ неудачнаго покушенія на жизнь великаго князя, подпрапорщики, которые, завидѣвъ издали скачущаго офицера съ казакомъ, стали въ нихъ стрѣлять. Они все мчались впередъ и, наконецъ, благополучно доскакали до Бельведера. На площадкѣ, передъ дворцомъ, стоялъ эскадронъ Подольскаго кирасирскаго полка, впереди котораго, верхомъ и закутанный въ плащъ, при тускломъ свѣтѣ фонаря, рисовался силуэтъ великаго князя, а за нимъ небольшая группа генераловъ, также верхами.

У главнаго въѣзда рѣшетчатой ограды отецъ мой столкнулся съ остальнымъ эскадрономъ кирасиръ, въѣзжавшимъ, на всемъ скаку и въ большомъ безпорядкѣ, на дворъ Бельведера; солдаты погоняли шпорами и бранью тяжелыхъ лошадей, — сшибаясь въ воротахъ и бряцая палашами, затрудняли они значительно въѣздъ, такъ что отецъ съ трудомъ и не безъ сильныхъ толчковъ могъ, наконецъ, пробраться во внутрь двора и отыскать великаго князя. Подъѣзжая къ нему, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ:

— «Точно гора у меня съ плечъ свалилась, когда я увидѣлъ великаго князя въ живыхъ и окруженнаго уже нашею свитою и кирасирами» [2]).

---

[1]) То были Егерскія пѣхотныя роты, остановившіяся на этой площади, гдѣ имъ заговорщики раздавали боевые патроны: тутъ же присоединились къ нимъ и четыре полевыя орудія. Генералъ Курнатовскій, проходя мимо ихъ съ своимъ конно-егерскимъ полкомъ, приказалъ этимъ ротамъ идти за собою и, такимъ образомъ, противъ воли мятежниковъ, охранялъ ими Бельведеръ.

К. К.

[2]) Великій князь Константинъ, какъ извѣстно, былъ спасенъ присутствіемъ духа своего камердинера Фризе. Когда партія подпрапорщиковъ, назначенная для нападенія на Бельведеръ, собралась въ рощѣ Лазенокъ, у моста Собіескаго, гдѣ они должны были выжидать условленнаго сигнала для начатія возстанія (сигналъ этотъ долженъ былъ быть поданъ подпрапорщикомъ Тильскимъ зажженіемъ пивоварни на Сольцѣ), тогда предводители шайки, Набѣлякъ и Гощинскій, раздѣлили присутствовавшихъ на двѣ партіи. Первая и большая, подъ начальствомъ Тржасковскаго, должна была идти на Бельведеръ, ворваться внутрь дворца и убить великаго князя; а другая—должна была стать съ задней стороны дворца въ саду, дабы воспрепятствовать великому князю отступленіе,

Отецъ мой, подъѣхавъ къ великому князю, нашелъ при немъ генераловъ: Куруту, Кнорринга, Штрандмана, Маркова, Данненберга и нѣкоторыхъ адъютантовъ. Увидѣвъ отца моего, великій князь, какъ-будто выведенный изъ задумчивости, спросилъ его:

— «Гдѣ ты былъ, Колзаковъ? я давно жду тебя».

Отецъ объяснилъ о невозможности выѣхать тотчасъ изъ квар-

въ случаѣ неудачи покушенія. Сигналъ долго не показывался; но, услышавъ выстрѣлы со стороны казармъ уланскихъ, на который долженъ былъ напасть Высоцкій съ главнымъ отрядомъ, предводители заговорщиковъ рѣшились начать наступленіе. Тржасковскій подходитъ къ воротамъ Бельведера, съ своею партіею въ числѣ 14 человѣкъ: отталкиваютъ стоявшихъ тутъ двухъ инвалидовъ, угрозами заставляютъ ихъ молчать, отпираютъ ворота и врываются во дворецъ съ крикомъ: «смерть тирану!» Войдя въ сѣни, разбиваютъ они висячую люстру, какъ люди, невладѣющіе болѣе собою, и устремляются на лѣстницу, въ верхній этажъ.

Великій князь имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, въ своемъ кабинетѣ на диванѣ; въ сосѣдней же комнатѣ были генералъ Жандръ и вице-президентъ Любовицкій, которые ожидали его пробужденія, съ докладами, каждый по своей части. Услышавъ крики и шумъ въ такое время, когда все молчало во дворцѣ, они подбѣжали оба къ стеклянной двери, ведущей на лѣстницу, и, увидѣвъ вооруженныхъ подпрапорщиковъ, поспѣшили назадъ, дабы предупредить великаго князя; но не успѣли они добѣжать до комнаты камердинера, какъ убійцы были уже на ихъ пятахъ. Великій князь, услышавъ шумъ, проснулся, вскочилъ съ дивана, растворилъ дверь къ камердинеру — и, такимъ образомъ, на одну секунду былъ онъ лицомъ къ лицу, въ 5-ти шагахъ, съ своими убійцами. Любовицкій успѣлъ ему только сказать: «Худо, ваше высочество!» и, бывъ пораженъ штыкомъ въ бокъ, свалился какъ снопъ; камердинеръ, бросившись на встрѣчу къ великому князю, втиснулъ его снова въ кабинетъ почти силою и захлопнулъ за собою дверь, заперевъ ее изнутри на задвижку; затѣмъ повлекъ его въ чуланчикъ, подъ крышу, гдѣ и помогъ ему наскоро одѣться. Изступленные до безумія, убійцы тщетно старались разломать двери; видя безсиліе свое, они наносятъ несчастному Любовицкому еще 12 ранъ штыками и нападаютъ на двухъ находящихся въ комнатѣ лакеевъ, которыхъ закалываютъ отъ злости; не зная уже, на что рѣшиться, — такъ какъ цѣль ихъ не была достигнута, — убійцы озираются кругомъ и совѣщаются, что предпринять. Въ эту минуту послышались голоса товарищей ихъ внизу: «Сходите внизъ, онъ убитъ!» Они спѣшатъ по лѣстницѣ внизъ во дворъ, гдѣ, узнавъ отъ товарищей, что великій князь убитъ, предаются бѣгству съ тою же поспѣшностію, съ какою пришли.

Недоразумѣніе это было по слѣдующему обстоятельству. Генералъ Жандръ, видя судьбу, постигшую президента Любовицкаго, взялъ другое направленіе: сбѣжавъ по другой лѣстницѣ во дворъ, съ намѣреніемъ позвать людей, онъ побѣжалъ безъ шляпы, въ одномъ сюртукѣ съ эполетами, по двору и былъ настигнутъ заговорщиками, которые, принявъ его за великаго князя, нанесли ему нѣсколько ранъ штыками, отъ которыхъ онъ упалъ на кучу песку и умеръ.

К. К.

тиры, мимо которой проходили бунтовщики. Затѣмъ, великій князь прибавилъ:

— «Ступай, отыщи княгиню на ея половинѣ; я тебѣ ее поручаю—вези ее, куда хочешь, но чтобы она была въ безопасности».

Отецъ поспѣшилъ исполнить приказаніе. Онъ нашелъ княгиню Ловичъ въ одной изъ залъ дворца, окруженною нѣсколькими дамами; она была блѣдна, какъ смерть, губы ея дрожали,—вообще на лицѣ ея изображалось сильное волненіе. Онъ передалъ волю его высочества, но княгиня рѣшительно объявила, что ни за что не согласится разстаться съ великимъ княземъ; видя, что всѣ увѣщанія напрасны, отецъ вернулся къ Константину Павловичу и передалъ ему отвѣтъ княгини; при этомъ отецъ предложилъ цесаревичу не оставаться въ Бельведерѣ, гдѣ, по стѣсненной мѣстности, невозможно войскамъ сосредоточиваться, а упрашивалъ его поѣхать на дачу тестя своего, Вержбу, противъ которой, на Мокотовскомъ полѣ, могутъ свободно расположиться войска. Совѣтъ этотъ былъ поддержанъ и другими генералами, такъ что великій князь, послѣ нѣкотораго колебанія, на него согласился и приказалъ начать кавалеріи отступленіе; егерскимъ же ротамъ, съ конно-егерскимъ полкомъ, приказалъ оставаться въ аллеѣ, подъ начальствомъ генерала Данненберга, для прикрытія. Княгиня сѣла въ карету и выѣхала изъ Бельведера вслѣдъ за уланами. Великій князь, со свитою, сопровождали ее верхами; за ними пошли кирасиры.

Мокотовская застáва находится въ ½ верстѣ отъ Бельведера; отсюда тянется, по прямой линіи, мокотовское шоссе, обсаженное, по обѣимъ сторонамъ, деревьями, какъ бы продолженіе аллей. На лѣвой сторонѣ отъ заставы виднѣются еще домики и кое-гдѣ корчмы; на правой же—тянутся огромныя мокотовскія поля; далѣе версты двѣ, налѣво, видна густая масса тополей и другихъ деревьевъ за оградой—это вилла Мокотово, принадлежавшая Потоцкимъ; а вслѣдъ за нею, въ разстояніи ½ версты, находится Вержба.

Подъ прямымъ угломъ отъ шоссе тянется аллея, ведущая къ главному дому: каменное двухъэтажное квадратное зданіе съ балкономъ, подпертымъ четырьмя колоннами. Въ этомъ домѣ жилъ самъ хозяинъ, старикъ Миттонъ. Великій князь не захотѣлъ туда ѣхать, по причинѣ отдаленности дома отъ шоссе, а пред-

почелъ остановиться на малой фермѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ влѣво отъ главнаго въѣзда. Это былъ родъ мазанки о трехъ комнатахъ, гдѣ жилъ сыроваръ—французъ Шанель съ семействомъ. Тутъ же былъ скотный дворъ и прочія хозяйственныя строенія [1]).

Была темная ночь и накрапывалъ дождь, когда подъѣхали къ этому домику карета съ княгинею и великій князь верхомъ со свитою. Въ домикѣ всѣ спали; можно себѣ представить испугъ и изумленіе сыровара, когда на стукъ въ двери—всталъ онъ сонный и полу-одѣтый и, съ ворчаніемъ отпирая дверь, увидѣлъ передъ собою великаго князя съ княгинею, а за ними и отца моего съ другими генералами, входящихъ въ его скромные покои. Въ этомъ-то домикѣ, сдѣлавшемся историческимъ, помѣстился великій князь съ княгинею въ двухъ комнаткахъ. Затопили каминъ, поставили самоваръ, и, при свѣтѣ двухъ сальныхъ огарковъ, ихъ высочества отогрѣвались и пили чай. Между тѣмъ, старикъ Миттонъ, предупрежденный заранѣе прискакавшими адъютантами о пріѣздѣ великаго князя, уже суетился въ главномъ домѣ и устроивалъ комнаты для ихъ высочествъ; но тамъ помѣстились только генералы изъ свиты великаго князя,—и туда стали всю ночь подъѣзжать семейства русскихъ служащихъ, успѣвшія выѣхать безпрепятственно изъ Варшавы. Въ каждой комнатѣ расположились дамы съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ и съ домочадцами. Подъѣзжала карета за каретой; комнаты наполнялись, суматоха была большая: говоръ женскій, крикъ дѣтей, брань прислуги—все слилось въ одинъ общій гулъ. Всѣ располагались, какъ попало: на диванахъ, креслахъ, на полу,—кто какъ могъ; иные, не найдя мѣста, оставались въ экипажахъ. Всю эту ночь былъ слышенъ конскій топотъ, стукъ экипажей, возня прислуги, ржаніе коней; отецъ мой не слѣзалъ съ лошади и ставилъ всюду часовыхъ. Конные патрули разъѣзжали; войска же стали на Мокотовскомъ полѣ бивуаками.

Такъ прошла эта злополучная ночь.

Никто, конечно, не спалъ,—всѣ были въ тревожномъ ожиданіи

---

[1]) Этотъ Шанель былъ извѣстенъ почти всѣмъ приближеннымъ великаго князя, въ особенности гастрономамъ,—онъ славился отличною выдѣлкою невшательскихъ сыровъ, которые тогда были въ большой модѣ въ Варшавѣ.

К. К.

чего-то. О пѣхотѣ нашей не было никакого извѣстія до утра, такъ какъ казармы ихъ были расположены на другомъ концѣ города. Волынскій и Литовскій полки, лишенные своихъ полковыхъ командировъ, взятыхъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ, явились только рано утромъ 18-го ноября и стали бивуаками на Мокотовскомъ полѣ.

Генералъ Герштейнцвейгъ прискакалъ 18-го числа, утромъ, изъ Гуры съ своею батарею конно-легкой артиллеріи, и, явясь къ великому князю, говорятъ, предлагалъ ему, черезъ 4 часа времени, усмирить Варшаву, лишь бы позволилъ ему дѣйствовать противъ мятежниковъ," и головой ручался за успѣхъ; но великій князь и слышать не хотѣлъ о томъ, дабы не подтвердить слухъ, разглашаемый въ Варшавѣ злоумышленниками, что будто бы русскіе рѣжутъ поляковъ. Онъ повторялъ, что такъ какъ вся администрація края въ рукахъ у польскихъ властей, и онъ въ нее не вмѣшивался, то онъ надѣется на ихъ благоразуміе, они сами съумѣютъ унять бунтовщиковъ,—и формально запретилъ всякія наступательныя дѣйствія съ нашей стороны. Эта увѣренность еще болѣе подтвердилась въ немъ, когда, на другой день, т.-е. 18-го числа, привезли ему прокламацію административнаго Совѣта, гдѣ было сказано, «что, сожалѣя о случившихся безпорядкахъ, Совѣтъ увѣщеваетъ народъ быть спокойнымъ, увѣдомляя его объ отступленіи русскаго отряда, и, надѣясь, что виновники мятежа не захотятъ предать свою страну междоусобной войнѣ, сами отступятся отъ своихъ предпріятій.»

18-е число прошло въ томъ же безпокойномъ ожиданіи и въ той же нерѣшительности. Вѣсти изъ Варшавы приходили все мрачныя и неутѣшительныя. Разграбленіе арсенала чернью, убіеніе многихъ польскихъ генераловъ, желавшихъ оставаться вѣрными данной присягѣ, — все это наводило вообще страшное уныніе; къ тому же, томительная неизвѣстность, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, ожиданія нападенія, и бездѣйствіе съ нашей стороны, — все это усиливало всеобщее волненіе. Прошла еще ночь — мучительная для всѣхъ, какъ тяжелая агонія.

19-го числа, около полудня, явился къ великому князю польскій генералъ Шембекъ (начальникъ дивизіи), и имѣлъ съ цесаревичемъ долгое совѣщаніе на фермѣ. Великій князь принялъ его съ распростертыми объятіями, какъ друга, нѣсколько разъ цѣловалъ его, и, возлагая на него всю надежду свою, убѣдительно

просилъ его уговорить войска свои остаться вѣрными долгу и присягѣ. Шембекъ обѣщалъ исполнить его просьбу и почти успокоилъ великаго князя; но, подъѣхавъ къ заставѣ и найдя тамъ егерскія роты, все еще стоявшія на своемъ посту, вмѣсто того, чтобы склонить ихъ на нашу сторону, онъ съигралъ роль Іуды, и приказалъ имъ возвратиться въ Варшаву, распѣвая: «Еще Польша не сгинела».

21-го ноября пріѣзжала на Вержбу депутація изъ Варшавы, въ числѣ коей были Адамъ Чарторижскій, Лелевель, Островскій и Любецкій. Одѣтые въ конфедераткахъ, съ революціонными польскими кокардами, они явились къ великому князю для переговоровъ. Шесть часовъ длились эти переговоры; въ нихъ, какъ извѣстно, принимала большое участіе княгиня Ловичъ. Лелевель хотѣлъ-было поколебать довѣріе великаго князя и увѣрялъ его, что въ Петербургѣ также вспыхнуло возмущеніе и что будто бы императора Николая нѣтъ уже въ живыхъ,—но самъ потомъ проговорился въ противномъ, упрашивая великаго князя выхлопотать у государя присоединеніе Литвы къ Польшѣ. Во все время этихъ переговоровъ, великій князь казался очень спокоенъ духомъ и говорилъ не много. За то княгиня говорила съ увлеченіемъ и запальчивостью, переходя отъ угрозъ къ просьбамъ и наоборотъ; но ничто не помогло, и депутаты удалились, взявъ слово отъ великаго князя, что еслибъ онъ былъ принужденъ впослѣдствіи сдѣлать нападеніе на Варшаву, то долженъ былъ предупредить ихъ о томъ за 48 часовъ. Разсказываютъ нѣкоторые очевидцы, что будто бы великому князю предложена была депутатами корона польская, но что княгиня, въ энергическихъ выраженіяхъ, отвергла это, высказавъ имъ всю дерзость такого предложенія; любопытно, что депутаты не на шутку надѣялись на успѣхъ.

Одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ великаго князя разсказывалъ мнѣ, что эти господа пріѣхали изъ Варшавы въ четырехмѣстной каретѣ, въ родѣ стараго рыдвана, запряженной двумя измученными клячами. На козлахъ, возлѣ кучера, былъ огромный узелъ; и когда разсказавшій мнѣ эти подробности подошелъ, изъ любопытства, къ полупьяному кучеру, чтобы спросить его, что въ этомъ узлѣ находится? то получилъ отъ него пренаивный отвѣтъ, что это-де польскія національныя кокарды, назначен-

ныя для свиты великаго князя, въ случаѣ его согласія принять титулъ короля польскаго, дабы съ этимъ убранствомъ сдѣлать торжественный въѣздъ въ Варшаву. Депутаты разстались весьма грубо съ великимъ княземъ, ибо, когда онъ, подъ конецъ, обѣщалъ предстательствовать у государя за виновныхъ, Островскій надѣлъ шапку свою предъ нимъ и съ запальчивостью сказалъ:

— «Здѣсь нѣтъ никого виновнаго».

Это было послѣднее оскорбленіе, нанесенное великому князю. Съ этой минуты онъ ясно увидалъ, что ему ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ удалиться изъ того края, который онъ такъ любилъ, и гдѣ, за всѣ его добрыя намѣренія и дѣла, ему платили такою черною неблагодарностью.

VIII.

Послѣ взрыва.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о нашей участи. Мы съ матушкой оставались въ Варшавѣ до 10-го (22) декабря. Мать моя не послѣдовала за прочими русскими дамами на Вержбу, потому только, что, уѣзжая, отецъ уговорилъ ее оставаться у Салацкихъ, будучи убѣжденъ, что на другой день все придетъ въ должный порядокъ и что онъ самъ вернется домой. Во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ дать знать о себѣ; но мы прожили три недѣли въ Варшавѣ, не имѣя никакихъ извѣстій отъ отца и не зная, находится-ли онъ въ живыхъ.

На другой день возмущенія, т. е. 18-го (30) ноября, уличныя сцены и безпорядки стали повторяться въ большихъ размѣрахъ.

Народъ, разграбивши арсеналъ, ходилъ толпами, вооруженный ружьями, саблями, тесаками,—и пьяные, съ дикими пѣснями, расхаживая массами по улицамъ, стали грабить дома и квартиры русскихъ. Мужъ г-жи Наквасна, зашедшій съ утра за женою и дочерью, остававшихся у Салацкихъ, принесъ намъ извѣстіе объ убіеніи многихъ польскихъ генераловъ, какъ-то: Трембицкаго, Гауке, Новицкаго, Блумера, Станислава Потоцкаго и полковника Мецишевскаго,—и хотя еще не былъ извѣстенъ ходъ возмущенія и тотъ оборотъ, который могутъ принять дѣла, но онъ повторялъ съ восторгомъ: «c'est une belle révolution», на что матушка ему отвѣчала: «mais qui fera le malheur de Votre pays».

Про Бельведеръ еще никто не имѣлъ извѣстій; мы только на третій день узнали, что великій князь живъ и ретировался на Вержбу, что отчасти успокоило мою мать,—она предугадывала, что это сдѣлано, вѣроятно, по внушенію отца моего.

Такъ какъ квартира Салацкихъ была въ нижнемъ этажѣ, то мы оставались все съ закрытыми ставнями. Проходившая чернь по нѣскольку разъ бросала камни въ окна и разбивала стекла. По временамъ проходили вооруженныя команды, громко распѣвая революціонныя пѣсни. На площадкѣ, противъ церкви Визитокъ, расположились солдаты и, поставивъ ружья въ козлы, развели костры; вся Саксонская площадь на другое утро была занята войсками,—къ нимъ подходили толпы студентовъ и ремесленниковъ вооруженныхъ; слышалась пальба, крики, брань, возгласы... Такъ какъ квартира Салацкихъ составляла уголъ, выходившій на Саксонскую площадь и Краковское предмѣстье, то мы, такъ сказать, были на самомъ юру—въ самомъ центральномъ пунктѣ всѣхъ безпорядковъ; легко себѣ представить, какъ все это должно было дѣйствовать на бѣдную мою мать, безъ того уже больную и слабую. Скучившись вмѣстѣ съ семействомъ Салацкихъ въ двухъ маленькихъ комнатахъ, выходившихъ окнами на дворъ, сидѣли мы молча, въ какомъ-то оцѣпененіи; мать моя, какъ-будто въ забытьи, лежала безъ силъ на кушеткѣ, вздрагивая по временамъ, при каждомъ стукѣ, при шумѣ разбитыхъ стеколъ. Дверь изъ гостинной была плотно затворена, туда нельзя было отважиться ходить; но и сквозь запертую дверь до насъ доходили неистовые крики и наводили на насъ ужасъ. Добрая Julie Салацкая то ухаживала за моею матерью, то сидѣла молча, закрывъ лицо платкомъ. Одинъ меньшой братъ мой безпечно игралъ на коврикѣ съ деревяннымъ солдатомъ и, какъ бы для контраста, прерывалъ наше грустное молчаніе своими дѣтскими веселыми возгласами.

Въ квартирѣ нашей оставался одинъ только гувернеръ, monsieur Пекёръ, который, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ и даже съ опасностью жизни, отстаивалъ наше жилище. Всѣ люди разбѣжались или скрылись отъ страха; дабы отвлечь толпу входившей черни отъ верхняго этажа, Пекёръ придумалъ устроить у себя внизу родъ кабака: купилъ нѣсколько ведеръ водки, угощалъ ею и спаивалъ приходившихъ уличныхъ бродягъ. Однако-жъ,

и это средство не на долго помогло. Съ утра, 18-го ноября, толпы вооруженныхъ людей стали все чаще и чаще проходить по нашей улицѣ. Ворота были разломаны; входную дверь въ нашу квартиру постигла та же участь. Всѣмъ извѣстно было, что это былъ казенный домъ и что въ немъ жили москале. Насъ хотѣли отыскать, — рвались въ верхній этажъ. Напрасно Пекёръ увѣрялъ всѣхъ, что мы въ прошлую ночь уѣхали вмѣстѣ съ отцемъ къ Бельведеру; напрасно сталъ онъ зазывать ихъ къ себѣ и пилъ вмѣстѣ съ ними, — вино было выпито, а насъ все-таки стали отыскивать повсюду. Изъ конюшни нашей вывели всѣхъ лошадей — четверку упряжныхъ и одну верховую; вывезли всѣ наши экипажи, а кучеръ нашъ спасся только тѣмъ, что зарылся въ сѣнѣ на чердакѣ и пролежалъ тамъ болѣе сутокъ. Вооруженная шайка пьяныхъ ремесленниковъ, подъ предводительствомъ бывшаго лакея нашего, — котораго не задолго до того отецъ мой принужденъ былъ выслать вонъ за пьянство и дерзость, — ворвалась въ верхній этажъ. Въ квартирѣ разграбили всѣ вещи, болѣе цѣнныя, а что не могли забрать, то разламывали и раскидывали по комнатамъ, какъ-то: зеркала, посуду, мебель. Завидя кивотъ съ образами, въ спальнѣ, одинъ изъ толпы выстрѣлилъ въ него изъ пистолета; образа всѣ разбросали по комнатамъ, и удивительно, что не расхитили, такъ что Пекёръ на третій день могъ ихъ еще собрать и прислалъ къ намъ на сохраненіе. Висѣвшіе въ залѣ, на стѣнѣ, портреты царской фамиліи были проколоты штыками; срубивъ головы съ двухъ гипсовыхъ бюстовъ императора Александра и цесаревича Константина, надѣли ихъ на штыки и съ ними прохаживались по улицамъ. Но никогда я не забуду то ужасное впечатлѣніе, которое произвело на насъ слѣдующее обстоятельство.

Дворикъ Салацкихъ былъ отдѣленъ отъ нашего двора небольшимъ деревяннымъ заборомъ, въ которомъ была калитка, запертая, въ то время, на замокъ. Изъ оконъ спальни, гдѣ мы находились, видна была эта калитка и заборъ. Около трехъ часовъ дня — мы слышимъ необыкновенный шумъ у калитки; я, какъ теперь помню, подбѣжалъ къ окну вмѣстѣ съ другими. Какая-то блѣдная, съ всклокоченными черными волосами, фигура, въ изорванномъ сюртукѣ, поднимается на заборъ и соскакиваетъ на дворъ Салацкихъ; мы въ ужасѣ отскочили отъ окна. Не прошло

минуты, какъ постучались къ намъ въ дверь, и мы только по голосу могли узнать нашего Пекёра. Онъ намъ только успѣлъ сказать нѣсколько словъ: «Sauvez Vous, ou cachez Vous, on sait que Vous êtes ici et l'on vient Vous chercher». (Спасайтесь, или скройтесь; узнали, что вы здѣсь и идутъ васъ отъискивать). Но куда бѣжать? гдѣ было скрываться, въ особенности больной матери моей? Приближеніе опасности дало ей, однако-жъ, силы: она встала и, крѣпко сжавъ насъ, двоихъ дѣтей, въ свои объятія, стала насъ судорожно цѣловать. Салацкіе выскочили изъ комнаты на встрѣчу злодѣевъ. По необыкновенному стуку прикладовъ ружейныхъ о паркетъ и сильному говору, мы поняли, что искавшіе насъ вошли уже въ домъ; бывшій нашъ лакей, котораго голосъ мы узнали, требовалъ громко у Салацкаго нашей выдачи и, не смотря на сѣдины стараго воина и его увѣренія, что мы уѣхали въ прошедшую ночь, пьяная толпа ворвалась насильно въ его комнаты и стала насъ отыскивать повсюду, заглядывая въ шкафы, влѣзая на чердакъ и спускаясь въ погребъ. Къ счастію нашему, они не разбрелись по одиночкѣ, а шли гуртомъ, вслѣдъ за старымъ генераломъ, который самъ имъ растворялъ всѣ двери и водилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ, стараясь отвлекать отъ той, гдѣ мы находились; а мы, слыша приближеніе ихъ, переходили изъ одной въ другую и прятались то за дверьми, то за занавѣсками. Положеніе Салацкихъ было не менѣе опасно. Ему грозили жестокою местью, называли его измѣнникомъ, и Богъ знаетъ, что бы случилось, если-бъ снова Провидѣніе не оказало намъ видимую Свою помощь. Мы перешли уже въ послѣднее свое убѣжище, въ маленькую комнатку за перегородкой, гдѣ спала горничная дѣвушка Салацкихъ. Комнатка эта была уже обойдена и осмотрѣна злодѣями, пока мы скрывались въ гостинной. Дверь, ведущую въ коридорчикъ, не успѣли мы за собою притворить; она была, по счастію, настежъ раскрыта,—а мы всѣ шестеро, въ томъ числѣ старая няня и горничная матери, съежились и стояли за дверью кучкой. Мы ясно слышимъ стучаніе ружей и бряцаніе объ полъ сабель въ сосѣдней комнатѣ; доходитъ до насъ грубый говоръ толпы и возгласы Салацкаго, что эту комнату уже осматривали, что онъ самъ ихъ туда водилъ и что пора прекратить это истязаніе и оставить его семейство въ покоѣ. Проходитъ минута колебанія, которая

намъ показалась вѣчностью; но, наконецъ, это сопротивленіе Салацкаго показалось имъ, вѣроятно, подозрительнымъ,—говоръ усилился, дверь съ шумомъ растворилась... одна тонкая перегородка раздѣляетъ насъ отъ нашихъ убійцъ. Сперся духъ, дыханіе у насъ притаилось. Малѣйшій стонъ, скрипъ или плачъ меньшаго брата могъ бы насъ выдать. Кто-то изъ черни показался въ дверяхъ и, не входя въ комнату, окинулъ ее взоромъ. Горничная Салацкихъ, по счастію, успѣла войти до этого и, стоя у порога, сказала:

— «Это моя комната; здѣсь уже все разглядывали».

— «Niema nikogo», повторилъ грубый голосъ и толпа, съ бранью и ворча, вышла изъ комнаты и удалилась.

Что чувствовала моя бѣдная мать въ эти минуты—предоставляю каждому судить. Вѣ тотъ же день, однако-жъ, опасаясь, чтобы таковыя сцены не повторялись и не желая компрометировать болѣе добрыхъ Салацкихъ, моя мать рѣшилась, когда смерклось, оставить его квартиру, и перешла съ цѣлою семьей къ знакомому намъ зубному врачу—французу Лефевру, жившему не далеко оттуда, на Краковскомъ же предмѣстьѣ. Тамъ провели мы нѣсколько дней, пока порядокъ въ Варшавѣ не возстановился, что послѣдовало вскорѣ, съ назначеніемъ Хлопицкаго диктаторомъ. Добрый старикъ Салацкій, которому мы столько были обязаны, и тутъ насъ не оставилъ. Онъ узналъ, что многія русскія семейства отдались добровольно подъ защиту новому правительству и переведены были въ зàмокъ, гдѣ имъ дано было приличное помѣщеніе, и пришелъ предложить намъ перебраться туда; но мать моя ни за что не хотѣла на это согласиться,—имѣла-ли она предчувствіе дурное, или потому-ли только, что желала поскорѣй выбраться изъ Варшавы, не знаю, но дѣло въ томъ, что и это обстоятельство послужило къ нашему спасенію. Нѣсколько недѣль спустя, при вторичномъ возмущеніи въ Варшавѣ, чернь бросилась на зàмокъ и, не смотря на сопротивленіе стражи, нѣкоторыя изъ русскихъ плѣнныхъ сдѣлались жертвою ярости народной,—въ томъ числѣ камергеръ Фридрихъ Феншау (Fanchaw) и генеральша Бажанова, которые были безчеловѣчно выволочены на площадь, обнажены и повѣшены буйною толпою. Положеніе наше у Лефевра было не завидное; у него у самого было большое семейство, и потому Салацкій еще разъ пришелъ намъ на

помощь и уговорилъ матушку переѣхать снова въ его квартиру, гдѣ все-таки помѣщеніе было больше и удобнѣе; самъ съѣздилъ за ея домашнимъ докторомъ и, вмѣстѣ съ женою своею и милою дочерью, такъ ухаживали они за больною матерью моею, что силы ея вскорѣ стали возстановляться и ей возможно было предпринять путешествіе въ Россію. Добрый старикъ самъ съѣздилъ къ Хлопицкому, добылъ у него свободный пропускъ матери моей съ семействомъ въ Россію; сыскалъ намъ четырехмѣстную карету — и 10-го (22) декабря 1830 года выѣхали мы изъ Варшавы, по направленію къ Брестъ-Литовску, гдѣ, наконецъ, 16-го числа, имѣли радость соединиться съ отцомъ моимъ, послѣ столь долгой и мучительной разлуки.

К. П. Колзаковъ.

Рѣчь, произнесенная государемъ императоромъ Александромъ I при открытіи сейма царства польскаго.

15 марта 1818 г.

„Представители царства польскаго! Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконецъ, собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

„Одно забвеніе прошедшаго могло произвесть ваше возрожденіе. Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе. Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно пріобрѣло еще новую. И дѣйствительно, Россія послѣ бѣдственной войны, воздавъ, по правиламъ христіанской нравственности, добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь—возстановить храбрый и достойный народъ.

„Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему сильно вспомоществовили событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный симъ однимъ внушеніемъ, тѣмъ драгоцѣннѣйшій моему сердцу.

„Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь

я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

„Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

„Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію.

„Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею; ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего кореннаго закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы. Благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала, среди самыхъ жестокихъ испытаній.

„Поприще трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія польскаго. Вы увидите проэкты законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлію постепенное усовершенствованіе. Учрежденія финансовъ государства требуютъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проэкты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предуспѣете поставить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

„Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и пріуготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

„Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ

лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

„Не взирая на усилія мои, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не всѣ еще заглажены. Таковъ законъ природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человѣческой.

„Представители царства польскаго! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

„Докажите своимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная; но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца, и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

„Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину. Да будетъ взаимное согласіе душею вашего собранія, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши прѣнія.

„Руководствуясь единственно любовію къ отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всѣхъ предубѣжденій, освобождайте ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ, и выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова.

„Наконецъ, да не покидаетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всѣмъ предписанной божественнымъ законодателемъ.

„Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе и признательность отечества и то общее уваженіе, которое подобное сословіе заставляетъ къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

„Первѣйшіе чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль, я показалъ вамъ ваши обязанности.

„Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ,

могу-ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже мною для васъ совершено.

„Вознесемъ благодареніе къ Тому, который единый просвѣщаетъ царей, связуетъ народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

„Призовемъ его: да благославитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше“.

Примѣчаніе. Рѣчь Александра I, въ свое время весьма извѣстная, была тогда-же, въ 1818 г., напечатана въ газетахъ и журналахъ. Она вошла и въ новѣйшія исторіи царствованія Александра I (Богдан., т. V, стр. 371). Мы сочли однако не лишнемъ помѣстить ее послѣ разсказа о безумномъ возстаніи Варшавы, такъ какъ рѣчь эта была одна изъ исходныхъ точекъ того блестящаго періода въ развитіи страны (съ 1815 — 1830 гг.), плоды котораго были затоплены въ крови самими-же поляками. Рѣчь императора-царя, 15 марта 1818 г., вошла въ «Учебную книгу Россійской Словесности», изд. Ник. Гречемъ (Спб., 1820 г., ч. II, стр. 239—243), изъ этой книги,—нынѣ довольно рѣдкой (экземпляръ ея принадлежитъ нашей собственной библіотеки),—мы ее и перепечатываемъ, въ тогдашнемъ русскомъ переводѣ съ французскаго, значительно отличномъ отъ текста приведеннаго въ соч. г. Богдановича. Рѣчь была сказана на сеймѣ по-французски и также прочтена въ польскомъ переводѣ.

Ред.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

XVII [1]).

Ѳедоръ Александровичъ Эминъ.

Ѳ. А. Эминъ, по всѣмъ показаніямъ, родился около 1735 года. Но гдѣ именно произошелъ онъ на свѣтъ, какой былъ націи, кто были его родители и какъ провелъ онъ первыя двадцать пять лѣтъ своей жизни, — все это совершенно неизвѣстно. Самъ онъ и люди, близко его знавшіе и будто бы отъ него же слышавшіе повѣсть объ его похожденіяхъ въ дѣтствѣ и первой молодости, оставили объ этихъ обстоятельствахъ четыре разсказа, совершенно несходные между собою, а потому и имѣющіе интересъ только сказочный, какимъ отличаются автобіографіи, очевидно вымышленныя, разныхъ проходимцевъ-самозванцевъ, столь многочисленныхъ въ минувшемъ вѣкѣ. Такъ какъ всѣ эти четыре повѣсти о жизни Ѳ. А. Эмина не имѣютъ никакого біографическаго значенія и, конечно, ни одно изъ нихъ не достовѣрно, то я считаю достаточнымъ, не пересказывая ихъ, ограничиться указаніемъ на то, что читатели найдутъ ихъ въ „Словарѣ" митрополита Евгенія (ч. I, стр. 213—218). Изъ этой путаницы можно вывести только слѣдующія заключенія: а) родители Ѳ. А. Эмина были, вѣроятно, не русскіе; б) родился онъ не въ Россіи; в) исповѣданія былъ онъ не православнаго; г) онъ успѣлъ какъ-то пріобрѣсти разныя познанія и выучиться многимъ языкамъ, обладая хорошими способностями; д) онъ много странствовалъ по разнымъ государствамъ; е) съ нимъ гдѣ-то случилось какое-то таинственное приключеніе, вѣроятно, весьма его компрометировавшее, и можно полагать,

---

[1]) См. «Русскую Старину», т. I, изд. первое, стр. 463; изд. второе, стр. 541; т. II, стр. 74 и 194; т. III, стр. 205; т. IV, стр. 571 и 681.

что это-то и было первоначальною причиной запутанности и разнорѣчивости показаній о себѣ самомъ Ѳ. А. Эмина, желавшаго скрыть нити, которыя могли бы довести до обнаруженія какихъ-либо, неделающихъ ему чести, дѣяній. Достовѣрныя данныя для біографіи Ѳ. А. Эмина начинаются не ранѣе, какъ съ конца пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ это время въ Лондонѣ жилъ русскій посланникъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (впослѣдствіи вице-канцлеръ, а потомъ оберъ-камергеръ; род. 1723, ум. 1807). Къ нему явился однажды какой-то молодой человѣкъ, разсказавшій ему оригинальныя и необыкновенныя похожденія свои и заключившій свое повѣствованіе выраженіемъ желанія принять православную вѣру. Посланникъ, конечно, согласился,—и въ домовой его церкви совершенъ былъ обрядъ, при которомъ князь былъ воспріемникомъ. Неизвѣстный получилъ при этомъ имя Ѳедора и фамилію Эмина (Слов. Евг., ч. I, стр. 215, 218 и 219). 11-го апрѣля 1761 года князь Голицынъ выдалъ Ѳ. А. Эмину, по желанію его, паспортъ для проѣзда въ Россію, съ объясненіемъ, что имя его было до крещенія Мехметъ Еминъ, что онъ рожденъ отъ русскихъ родителей (?) и, пріѣхавши изъ Константинополя, принялъ православіе (Ibid., стр. 219). Въ іюнѣ 1761 года Ѳ. А. Эминъ уже былъ въ Петербургѣ и подалъ на имя императрицы Елисаветы Петровны, на итальянскомъ языкѣ, прошеніе, за подписью „Theodoro Emenowsky", объ опредѣленіи его въ русскую службу, на которой онъ можетъ быть полезенъ по знанію языковъ: англійскаго, итальянскаго, испанскаго, португальскаго, польскаго и турецкаго (Ibid., стр. 216 и 218). Снискавши какую-то протекцію, Ѳ. А. Эминъ опредѣлился учителемъ въ кадетскій корпусъ. Потомъ, пользуясь покровительствомъ графа Г. Г. Орлова (пред. къ сочиненію Эмина „Непостоянная фортуна"), онъ перешелъ переводчикомъ въ иностранную коллегію, а оттуда въ кабинетъ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, въ которомъ и состоялъ до своей кончины, послѣдовавшей 18 апрѣля 1770 года (Ibid., стр. 215). На смерть его написаны были стихи (Мат. Ефр., стр. 125). Неизвѣстно, на комъ былъ женатъ Ѳ. А. Эминъ. Онъ оставилъ сына, Николая Ѳедоровича, бывшаго тоже писателемъ. Замѣчательно, что Ѳ. А. Эминъ, въ 1761 году еще незнавшій, какъ видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, русскаго языка, или, по крайней мѣрѣ, мало съ нимъ знакомый, черезъ два года уже сдѣлался русскимъ литераторомъ, имѣлъ литературныя ссоры съ Сумароковымъ (Зап. Порош., стр. 5) и пр. Въ семь лѣтъ успѣлъ онъ издать слѣдующіе труды свои:

1) „Безсчастный Флоридоръ, исторія о принцѣ Ракалмуцкомъ".

Пер. съ итальянск. Спб., 1763. (Соп., № 12,414; Пл., № 4,991, показано двѣ части; Смирд., № 8,551).

2) „Любовный вертоградъ, или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены“. Пер. съ португ. Спб., 1763 (Соп., № 2,435; Плав., № 4,117; Смирд., № 8,966. Изданіе второе. М., 1780; Соп., № 2,436. Плав., № 4,117; Смирд., № 8,966).

3) „Непостоянная фортуна, или похожденіе Мирамонда“. 3 части. Спб., 1763. (Соп., № 6,830; Плав., № 4,529; Смирд., № 8,408. Изданіе второе. М., 1781; Соп., № 6,831; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 8,408. Изданіе третье, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя; Спб., 1792; Соп., № 6,832; Плав., № 4,529; Смирд., № 8,408).

4) „Приключенія Ѳемистокла и разные политическіе, гражданскіе, философическіе, физическіе и военные его съ сыномъ своимъ разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. Спб., 1763. (Соп., № 9,007; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Изданіе второе. М., 1781. (Соп., № 9,008; Плав., № 4,714; Смирд., № 8,437).

5) „Награжденная постоянность, или приключенія Лизарка и Сарманды“. Спб., 1764. (Соп., № 6,433; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 8,404. Изданіе второе. Спб., 1788; Соп., № 6,434; Плав.; № 4,513; Смирд., № 8,404).

6) „Нравоучительныя басни“. Спб., 1764. (Соп., № 2,156; Плав., № 3,861, безъ указанія года; у Смирд. нѣтъ. Другія изданія, Соп., „неоднократно вновь были перепечатаны“; у Плав. нѣтъ; Смирд, № 8,339. Изд. второе. М., 1793).

7) „Горестная любовь маркиза де-Толедо“. Пер. съ испанск. Спб., 1764. (Соп., № 6,103; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 8,671).

8) „Письма Эрнеста и Доравры“. 4 части. Спб., 1766. (Соп., № 8,141; показаны 1766—1768 годы; Плав., № 4,601; Смирд., № 8,427. Изданіе второе. Спб., 1792; Соп., № 8,143; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Книга эта есть подражаніе „Новой Элоизѣ“ Ж. Ж. Руссо).

9) „Исторія Польская, соч. аббата Солиньяка“. Пер. съ франц.; 2 части. Спб., 1766. (Соп., № 4,873; Плав., № 2,651; Смирд., № 3,208).

10) „Россійская исторія, жизни всѣхъ древнихъ отъ самаго начала Россіи государей, всѣ великія и вѣчно достойныя памяти императора Петра Великаго дѣйствія, его наслѣдницъ и наслѣдниковъ ему послѣдованіе и описаніе въ сѣверѣ златаго вѣка во время царствованія Екатерины Великой, въ себѣ заключающая“. 3 части, Спб., 1767—1769. (Соп., № 4,887, указаны 1768—1769 годы; Плав.. № 2,686; Смирд., № 2,410).

11) „Краткое описаніе древнѣйшаго и новѣйшаго состоянія Отто-

манской Порты". Спб., 1769. (Соп., № 7,617; Плав., № 2,807; у Смирд. нѣтъ. Изданіе второе. М., 1787; Соп., № 7,618; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 3,555).

12) „Адская почта, или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ". Спб, 1769. Журналъ, издававшійся съ іюля мѣсяца; 7 книжекъ. (Соп., № 3,772; Плав., № 6,680; Смирд., № 9,675. Изданіе второе, подъ заглавіемъ: „Курьеръ изъ ада съ письмами"; Спб., 1788; Соп., № 3,772, безъ указанія года; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 9,675).

13) „Путь ко спасенію, или разныя набожныя размышленія, въ которыхъ заключается нужнѣйшая къ общему знанію часть Богословіи. (Первое извѣстное мнѣ изданіе, Спб., 1806, см. Соп., № 13,130 и Плав., № 1,485. Другія изданія: а) Спб., 1811, см. Соп., № 13,131; б) Спб., 1819, см. Плав., № 1,485 и Смирд., № 389; в) Спб., 1824, см. Смирд., № 389. О первомъ изданіи этой книги есть указаніе, что оно вышло въ Москвѣ въ 1780 году, десять лѣтъ послѣ смерти автора. Слов. Евг., ч. I, стр. 222).

XVIII.

Николай Ѳедоровичъ Эминъ.

Н. Ѳ. Эминъ, сынъ Ѳедора Александровича, родился въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ молодости онъ служилъ экзекуторомъ губернскаго правленія въ Петрозаводскѣ, когда губернаторомъ тамъ былъ Державинъ („Зап. Держ.", стр. 254). Въ началѣ 1785 года, Державинъ, питавшій тогда къ Н. Ѳ. Эмину довѣріе, посылалъ его въ Петербургъ съ донесеніемъ императрицѣ о несправедливыхъ притѣсненіяхъ намѣстника Т. И. Тутолмина (Ibid. и „Соч. Держ.", изд. Грота, т. V, стр. 408). Въ концѣ лѣта, того же года, Н. Ѳ. Эминъ съ сослуживцемъ своимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ Екатерины II, А. М. Грибовскимъ, сопровождалъ Державина во время поѣздки его по Бѣлому морю, для открытія города Кеми, и едва не погибъ со своими спутниками во время страшной бури на морѣ. („Зап. Держ.", стр. 260). По порученію Державина, Н. Ѳ. Эминъ составилъ въ то время, по случаю учрежденія пограничной таможенной стражи между Россіей и шведской Лапландіей, оставшееся въ рукописи „Краткое описаніе образа жизни и свойствъ живущихъ смежныхъ съ Корелами Шведскихъ Лапландцевъ". („Соч. Держ.", изд. Грота, т. V, стр. 406, пр.).

Въ февралѣ 1786 года княгиня Е. Р. Дашкова, вѣроятно по просьбѣ Державина, опредѣлила Н. Ѳ. Эмина въ канцелярію Академіи Наукъ (Ibid., стр. 880). Но лѣтомъ, того же года, ему надоѣла

эта служба и онъ, оставивши ее самовольно, поступилъ квартирмистромъ стоявшаго въ Ригѣ казанскаго кирасирскаго полка, гдѣ вскорѣ попалъ въ милость у начальника своего, извѣстнаго остряка Сергѣя Лаврентьевича Львова, котораго очень любилъ всемогущій Потемкинъ (Ibid., стр. 507 и 562). Н. Ѳ. Эминъ писалъ объ этомъ Державину въ самомъ преданномъ письмѣ (Ibid., стр. 488), и вообще былъ тогда большимъ его партизаномъ, такъ что написалъ въ защиту его и противъ Тутолмина, который притѣснялъ поэта, басню „Сильная рука владыка“ (Ibid., т. V, стр. 543). Но Державинъ уже тогда не слишкомъ ему довѣрялъ, находя его „опрометчивымъ и дерзкимъ“ (Ibid., стр. 578). Съ тѣхъ поръ теряется у меня, на долгое время, нить, по которой могъ бы я прослѣдить служебную карьеру Н. Ѳ. Эмина. Впрочемъ, если она и не была блестящею, то, конечно, оказывалась не безвыгодною, потому что Н. Ѳ. Эминъ умѣлъ, повидимому, снискивать расположеніе сильныхъ міра сего. По крайней мѣрѣ, въ 1789 г. мы видимъ Н. Ѳ. Эмина уже въ милости у едва успѣвшаго тогда войдти въ силу при дворѣ, Платона Александровича Зубова, такъ что Державину, тогда удаленному отъ должности и искавшему обратить на себя прежнее вниманіе императрицы, пришлось, чрезъ недавняго своего подчиненнаго, передавать Зубову, для поднесенія государынѣ ко дню ея коронаціи, 22-го сентября, знаменитую оду свою: „Изображеніе Фелицы“ („Зап. Держ.“, стр. 298), которая была первымъ поводомъ къ прекращенію Державинскихъ невзгодъ. Н. Ѳ. Эминъ, оказавши ему эту услугу, однако, не сталъ съ нимъ церемониться и бранилъ Зубову стихи Державина, находя, въ 1791 году, оду его „На взятіе Измаила“ грубою, безъ смысла и безъ вкуса; однако же, не рѣшился напечатать свою критику вмѣстѣ съ одою, чтобы публика произнесла свой судъ надъ ними, какъ то предлагалъ поэтъ (Ibid., стр. 311). Державинъ не безъ основанія сердился на Н. Ѳ. Эмина, написалъ, въ 1797 году, эпиграмму на переводъ его одной оды Анакреона („Соч. Держ.“, изд. Грота, т. III, стр. 369). Но это не помѣшало тому, что, по добротѣ своей, Державинъ же хлопоталъ, по смерти Н. Ѳ. Эмина, о назначеніи пенсіи его вдовѣ (Ibid., т. II, стр. 232).

Когда Карамзинъ началъ, въ девяностыхъ годахъ, реформу русской прозы, Н. Ѳ. Эминъ присталъ къ сторонѣ его противниковъ и былъ въ числѣ сотрудниковъ Крыловскаго журнала „Зритель“, гдѣ участвовали Клушинъ, Туманскій и другіе писатели, неблаговолившіе къ Карамзину. („Письма Карамзина къ Дмитріеву“, стр. 33 и 024).

Въ началѣ 1804 года Н. Ѳ. Эминъ имѣлъ большую непріятность съ какимъ-то парикмахеромъ Борегаромъ, а въ апрѣлѣ, того же года,

назначенъ былъ выборгскимъ губернаторомъ (Matér. pour la biogr. future de Comte Théod. Rastaptchine, p. 483). Н. Ѳ. Эминъ умеръ 8-го января 1814 года. Онъ былъ женатъ на старшей сестрѣ извѣстнаго драматическаго писателя, Николая Ивановича Хмельницкаго, воспитывавшагося первоначально подъ его руководствомъ, и оставилъ дочь Вѣру Николаевну, бывшую за предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, генералъ-адъютантомъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, также занимавшимся литературой. („Соч. Держ.", изд. Грота, т. II, стр. 232, „Ист. Христ. Галах.", т. II, стр. 443, и пр.).

Отдѣльно изданныя произведенія Н. Ѳ. Эмина суть слѣдующія:

1) „Мнимый мудрецъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ". Спб., 1786. (Соп., № 5,453; Плав., № 5,726; Смирд., № 7,176. Имя автора не показано ни въ заглавіи, ни въ библіографіяхъ; но авторъ—положительно Н. Ѳ. Эминъ, о чемъ см. „Соч. Держ.", изд. Грота, т. V, стр. 440 и 488).

2) „Роза, полу-справедливая оригинальная повѣсть". 2 части. Спб., 1786. (Соп., № 9,776; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Второе изданіе. Спб., 1788, у Соп., № 9,777; у Смирд., № 8,442, названо первымъ изданіемъ; у Плав. нѣтъ. Третье изданіе. Спб., 1798; у Соп., № 9,778, у Плав., № 4,785; у Смирд., № 8,442, названо вторымъ изданіемъ).

3) „Знатоки, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ". Спб., 1788. (Соп., № 5,390; Плав., № 5,663; Смирд., № 7,115).

4) „Игра судьбы". Спб., 1789. (Соп., № 4,340; Плав., № 4,339; Смирд., № 8,378. Второе изданіе. Спб., 1798; Соп., № 4,341, Плав., № 4,339; Смирд., № 8,378).

5) „Прологъ на случай побѣды, пріобрѣтенной надъ шведами 1790 года, іюня 22-го дня". Спб., 1790. (Соп., № 5,577, показанъ 1791 годъ; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 7,785).

6) „Ода на заключеніе мира съ готѳами". Спб., 1790. (Соп., № 7,219; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

7) „Стихи графу Платону Александровичу Зубову, на случай пожалованія ордена святаго апостола Андрея Первозваннаго". (Соп., № 11,463: года не выставлено, но извѣстно, что графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ получилъ Андреевскую ленту въ августѣ 1793 г.; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

8) „Подражанія древнимъ". Спб., 1795. (Соп., № 8,448; Плав., № 6,483; Смирд., № 6,660).

9) „Стихи графу Валеріану Александровичу Зубову, на случай покоренія Дербента". Спб., 1796. (Соп., № 11,467; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

М. Н. Лонгиновъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Указы, распоряженія и резолюціи императора Павла.

1799 -- 1801[1]).

1799 года.

1.

Именное повелѣніе, объявленное сенату Лопухинымъ 22-го ноября 1798 и выраженное въ указѣ сената отъ 10-го января 1799 г. Его императорское величество, всемилостивѣйше уваживъ заслуги семипалатинскаго 2-й гильдіи купца Николая Глухарева, государству имъ оказанныя выводомъ не малаго числа семей ташкенцевъ подъ державу его величества,—высочайше повелѣть соизволилъ дать ему классный чинъ. Приказали: означенному купцу Глухареву, поелику онъ находился въ городѣ Семипалатинскѣ градскимъ головою, которая положена въ 10-мъ классѣ заурядъ, дать чинъ титулярнаго совѣтника.

2.

6-го апрѣля 1798 и 24-го февраля 1799 г. Именной указъ, данный сенату: „О пожалованіи дѣйствительному тайному совѣтнику Квашнину-Самарину 10,000 десятинъ земли въ разныхъ губерніяхъ".

3.

10-го апрѣля. Именной указъ, данный сенату: „Состоящій въ селѣ Александровкѣ домъ, въ коемъ помѣщена бумажно-прядильная фабрика, аббатомъ Оссановскимъ заведенная, со всѣми къ ней при-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 491—516.

надлежностями и суммами, заимообразно отъ казны отпущенными, повелѣваемъ: обратить въ пользу с.-петербургскаго воспитательнаго дома, препоручивъ ее въ совершенное его вѣдомство и управленіе, дабы хозяйственными его распоряженіями заведеніе сіе приведено было къ надлежащему своему совершенству и, утвердясь на своемъ основаніи, какъ само себя въ своемъ дѣйствіи поддержало, такъ и на прочія фабрики пользы и вліяніе свое распространило".

4.

20-го апрѣля. Именной указъ сенату: „О разрѣшеніи иностранцамъ Карлу-Фридриху Шимпонту и Карлу-Фридриху Кнофу содержать лакированную фабрику".

5.

27-го мая. Именной указъ, данный сенату: „Именитыхъ граждань с.-петербургскихъ Емельяна Чеблокова, Петра и Михаила Кусовниковыхъ и рязанскаго—Гавріила Рюмина, въ вознагражденіе усердія ихъ къ пользамъ казны, всемилостивѣйше жалуемъ въ наши надворные совѣтники, оставляя ихъ въ прежнихъ, по купечеству, правахъ".

6.

28-го мая. Именной указъ сенату: „Находившагося при родильномъ домѣ экономомъ, с.-петербургскаго купца Погодина, всемилостивѣйше жалуемъ въ титулярные совѣтники, повелѣвая его впредь по купечеству уже не числить".

7.

Докладъ сената, по дѣлу отставнаго коллежскаго ассессора Портнова, 19-ти лѣтъ. Кол. ассес. Портновъ воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; выпущенъ въ 1794 г. мичманомъ, былъ затѣмъ адъютантомъ у вице-адмирала Гибса, лейтенантомъ; въ сентябрѣ 1798 года уволенъ изъ флота капитанъ-лейтенантомъ, а послѣ переименованъ въ коллежскіе ассессоры. Судимъ за производство и сбытъ фальшивыхъ 100-рублевыхъ ассигнацій, въ чемъ и сознался въ тайной коммиссіи. Хотя расправа и сенатъ присудили Портнова къ лишенію чиновъ и дворянства, наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу на нерчинскіе заводы, но императоръ написалъ на докладѣ послѣдняго: „лиша чиновъ и достоинства, сослать въ Сибирь на поселеніе". (Указъ сената 21-го іюня).

8.

21-го іюля. Указъ сената. Генералъ-прокуроръ Александръ Андреевичъ Беклешовъ предложилъ: для содержанія въ нужной исправности почтъ, во время пребыванія высочайшаго двора въ Павловскѣ и Гатчинѣ, предписать о прибавкѣ наряда на станахъ софійскомъ для колясочной почты — четыре и для содержанія въ Павловскѣ, при почтовой экспедиціи, на случай экстреннаго отправленія,—двѣ, итого — шесть подводъ, а на колпинскую, для колясочной почты, четыре, и ради экстренныхъ отправленій столько же.

9.

8-го августа. Именной указъ, данный сенату. „Для сохраненія памяти въ предъидущихъ вѣкахъ великихъ дѣлъ генералъ-фельдмаршала нашего графа Суворова-Рымникскаго, въ четыре мѣсяца избавившаго всю Италію отъ безбожныхъ ея завоевателей и возстановившаго въ оной царства и законныя власти, предводительствуя побѣдоносными нашими войсками и цесарскою арміею, и въ знакъ признательности нашей предъ цѣлымъ свѣтомъ, жалуемъ ему, генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымниксому, знаменитое достоинство князя россійской имперіи съ титуломъ Италійскаго, распространяя оное на всѣхъ его потомковъ мужескаго и женскаго родовъ, повелѣвая ему быть и писаться княземъ Италійскимъ, графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ“.

10.

22-го августа. Именной указъ сенату. „По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о недостающихъ суммахъ и о прочихъ недостаткахъ за персидкій походъ, подъ начальствомъ отставнаго генерала графа Зубова, повелѣваемъ сенату нашему взять подъ секвестръ все его имѣніе и держать подъ онымъ до тѣхъ поръ, пока во всей точности все оное совершенно заплачено будетъ“.

11.

23-го ноября. Именной указъ сенату: „Отставнаго маіора Панютина, за рачительность и усердіе, употребленныя имъ при доставленіи въ городъ нашъ Гатчину усердствующихъ къ службѣ дворянъ Смоленской губерніи, всемилостивѣйше пожаловали мы въ надворные совѣтники“.

12.

13-го декабря. Докладъ сената, по дѣлу о похищеніи изъ государственнаго ассигнаціоннаго банка денегъ, съ такимъ мнѣніемъ

сената: секретаря Матвѣева, за похищеніе казны и подложные росписки, и архиваріуса Неѣлова, за тоже воровство и наставленіе къ тому Матвѣева, лишить чиновъ и соединенаго съ ними дворянскаго достоинства; послѣ чего вывесть ихъ на площадь и поставить у столба, съ привѣшенными, для народнаго зрѣлища, на грудяхъ таблицами, написавъ у каждаго изъ нихъ: „Воръ государственной казны"; потомъ наказать ихъ кнутомъ и, заклепавъ въ канадалы, сослать на нерчинскіе заводы въ каторжную работу вѣчно. На этомъ докладѣ написано: „Быть по сему, а кнутомъ не наказывать".

1800 года.

1.

8-го января. Именной указъ, объявленный сенату Беклешовымъ: о предоставленіи содержателямъ питейнаго откупа въ С.-Петербургѣ, надворнымъ совѣтникамъ Чеблокову, Михаилу и Петру Кусовниковымъ и Гавріилу Рюмину права на покупку деревень съ крестьянами.

2.

18-го февраля. Именной указъ сенату: о пожалованіи подполковника Осокина въ коллежскіе совѣтники, за поставку имъ сукна для войскъ отмѣнной доброты.

3.

1-го марта. Именной указъ сенату: объ отрѣшеніи отъ должностей членовъ с.-петербургской палаты суда и расправы 2-го департамента за медленность въ рѣшеніи дѣлъ и о преданіи за тоже секретарей суду.

4.

2-го марта. Именной указъ сенату: „С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора Глинку, за найденныя въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ разныя упущенія въ дѣлахъ, медленность въ рѣшеніи оныхъ и собственную его непопечительность и нерадѣніе къ должности, повелѣваемъ выключить изъ службы".

5.

3-го марта. Именное повелѣніе, объявленное Обольяниновымъ сенату: „Его императорское величество, по представленію тайныхъ совѣтниковъ и сенаторовъ Тарбѣева и Камынина, осматривавшихъ С.-Петербургскую губернію, повелѣть соизволилъ: оставшіяся нерѣшенныя прежнихъ лѣтъ дѣла въ с.-петербургскомъ уѣздномъ судѣ съ 1788 года, и въ двухъ департаментахъ городоваго маги-

страта съ 1761 года, рѣшить тѣмъ судьямъ, въ бытность которыхъ при должности не приведены оныя къ окончанію, безъ жалованья".

6.

1-го марта. Именной указъ сенату. О взятіи въ секвестръ имѣнія костромскаго губернатора Кочетова, за разграбленіе палаты. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, сказано: „сенату нашему повелѣваемъ: по всѣмъ губерніямъ дать знать, что если гдѣ таковое разграбленіе случится, то управляющіе тѣми губерніями будутъ за оное отвѣчать ихъ имѣніемъ, и, за таковое послабленіе въ исполненіи своихъ обязанностей, выключены будутъ изъ службы".

7.

17-го марта. Именное повелѣніе, объявленное сенату Обольяниновымъ. Его императорское величество повелѣть соизволилъ: служившаго во 2-мъ департаментѣ сената, коллежскаго ассесора Кузьмина, продержавшаго три аппеляціонныя жалобы безъ доклада съ апрѣля 1797 года по нынѣ, судить по законамъ. Изъ указа сената, 15-го апрѣля, видно, что Кузьминъ приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. На докладѣ написана конфирмація: „Быть по сему, въ примѣръ другимъ" [1]).

8.

27-го марта. Именное повелѣніе, объявленное сенату Обольяниновымъ, о назначеніи тайнаго совѣтника Державина опекуномъ надъ имѣніями оберъ-бергмейстерши Колтовской [2]).

9.

17-го марта. Именной указъ сенату. „Разсмотрѣвъ поданное намъ прошеніе царскосельскаго вѣдомства, деревни Кирцаловой, отъ крестьянина Андрея Юганова, о взятіи отъ него малолѣтняго сына его, Андрея, и объ отдачѣ онаго бывшему унтеръ-шталмейстеру Маркову, и собранныя, противъ того прошенія, свѣдѣнія, находимъ, что хотя означенный малолѣтній и родился отъ крѣпостной дѣвки того Маркова, за восемь мѣсяцевъ до ее за помянутаго крестьянина Юганова замужества, но Марковъ не только тогда, но и чрезъ цѣлые 6 лѣтъ никакого требованія на него не имѣлъ; напротивъ того, Югановъ, призрѣвъ его въ сущемъ еще младенчествѣ, воспиталъ и записалъ съ собою вмѣстѣ въ ревизію; а потому, на основаніи указовъ

---

[1]) Именнымъ указомъ сенату, 17-го марта 1801 года, прощенъ, съ возвращеніемъ чиновъ и дворянства.

[2]) См. «Русскую Старину» 1873 г., т. VII, стр. 513, № 30.

1744 года, мая 22-го и августа 21-го, и долженъ онъ принадлежать воспитателю его, крестьянину Юганову, и для того повелѣваемъ: означеннаго сына того крестьянина Юганова отъ Маркова взять и быть ему въ вѣдомствѣ царскосельскихъ вотчинъ".

10.

18-го апрѣля. Именной указъ с.-петербургскому военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену. „Состоящее въ казенномъ вѣдомствѣ мѣсто, подъ названіемъ Екатерингофъ, всемилостивѣйше пожаловали мы статсъ-дамѣ княгинѣ Гагариной въ вѣчное и потомственное владѣніе, повелѣвая вамъ оное мѣсто изъ казеннаго вѣдомства исключить и, какъ слѣдуетъ, отдать во владѣніе ей, княгинѣ Гагариной, сообразуясь во всемъ съ планомъ онаго, намъ поднесеннымъ, на коемъ рукою нашею означили мы все то, что мы изъ онаго мѣста исключили, оставляя оную часть въ казенномъ вѣдомствѣ, а все прочее ей, княгинѣ Гагариной, всемилостивѣйше пожаловали". Указъ сената отъ 25-го апрѣля.

11.

30-го апрѣля. Изъ указа сената видно, что въ это время с.-петербургская губернская рота оставалась безъ офицеровъ, почему губернаторъ генералъ-лейтенантъ Мещерскій поручилъ управленіе оною экзекутору губернскаго правленія Ридигеру.

12.

Именной указъ, объявленный сенату Обольяниновымъ: „Все имѣніе фельдцейхмейстера князя Зубова и отставнаго генерала графа Зубова, кромѣ родоваго, взять въ казенное вѣдомство въ число всѣхъ суммъ, даже и тѣхъ, которыя сперва сложены были". (Указъ сената 25-го мая)

13.

16-го мая. Указъ сената: Докладъ сената объ экзекуторѣ экспедиціи государственнаго хозяйства, надворномъ совѣтникѣ Медвѣдевѣ, проигравшемъ деньги тайнаго совѣтника Новосильцова и бѣжавшемъ, съ видомъ парикмахера Ветгера, въ Ковну, гдѣ онъ былъ задержанъ евреемъ Лейбовичемъ, заподозрившимъ его въ намѣреніи скрыться за границу. Палата суда и расправы и сенатъ приговорили Медвѣдева къ лишенію чиновъ и дворянства, наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ сибирь. На докладѣ написано: „Быть по сему" [1]).

---

[1]) 17-го марта 1801 году. Именной указъ сенату: «Надворнаго совѣтника Медвѣдева, по молодости лѣтъ впавшаго въ преступленіе и за оное лишен-

14.

1-го іюня. Именной указъ сенату: объ отрѣшеніи отъ должности с.-петербургскаго губернатора генералъ-лейтенанта князя Мещерскаго.

15.

16-го іюня. Указъ сената. Изъ этого указа видно, что преосвященному Амвросію, архіепископу с.-петербургскому, высочайше поручено сдѣлать тверскому преосвященному выговоръ за исполненіе не дѣльнаго требованія с.-петербургскаго губернатора князя Мещерскаго, объ увольненіи десяти семинаристовъ для опредѣленія ихъ въ статскую службу. Въ заключеніи повелѣнія сказано: „предпишите всѣмъ епархіямъ, семенаристовъ не обращать, безъ воли моей, въ въ другое какое званіе, о чемъ каждый разъ синоду меня спрашиваться“.

16.

26-го іюня. Именное повелѣніе, объявленное Обольяниновымъ сенату. „Его императорское величество, по всеподданнѣйшему прошенію отставнаго поручика Губина, касательно положеннаго сенатомъ на него взысканія за уплатою изъ имѣнія капитанши Толстой 2,168 рублей достальныхъ, по поручительству его по ней, Толстой, при займѣ ею у купца Риделя подъ вексель денегъ, въ пользу поручицы Пригеровой, разсмотря дѣло, высочайше указать соизволилъ: оное взысканіе учинить съ него, Губина, яко съ поручителя по векселю, такъ какъ самъ онъ показалъ, что купецъ Ридель далъ ей, Толстой, на вексель деньги единственно для его по ней поручительства, на основаніи уложенія 10 главы, 155 и 203 пунктовъ и указа 1736 года іюля 19-го; ему же, Губину, предоставить взыскивать то, что заплатилъ, съ нея, Толстой, или съ кого слѣдовать будетъ“.

17.

14-го іюля. Именной указъ сенату: „Гатчинскаго вѣдомства, въ деревнѣ Загвоздкѣ, зашедшихъ съ давняго времени крестьянъ Петра, Абрама и Осипа Югановыхъ, съ ихъ семействами, по неизвѣстности ихъ помѣщика, дабы не оставались безгласными, повелѣваемъ приписать въ число гатчинскихъ крестьянъ“.

наго чиновъ и дворянства, и, по наказаніи кнутомъ, сосланнаго въ каторжную работу, всемилостивѣйше повелѣваемъ, возвративъ изъ нынѣшняго мѣста, отдать отцу его».

18.

24-го іюля. Именное повелѣніе, объявленное сенату Обольяниновымъ: „Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: по жалобѣ надворнаго совѣтника Юговича на генералъ-лейтенанта Острожскаго въ кражѣ у него лошадей, коровъ, сѣна, часовъ и платья, произвесть слѣдствіе гражданскимъ судомъ".

19.

7-го іюля. Именной указъ, объявленный сенату Обольяниновымъ: о принятіи въ русское общество французскихъ дворянъ Фелисита де-Кастеида и Фридерика д'Арета, а также и въ дворянскій родъ.

20.

31-го іюля. Именной указъ сенату: Объ исключеніи крестьянина графа Буксгевдена, деревни Лиговой, Егора Ипатова, съ семействомъ, изъ владѣнія помѣщика, о зачетѣ послѣднему за это семейство 2 рекрутъ и о предоставленіи Ипатову права приписаться въ с.-петербургское мѣщанство.

21.

26-го августа. Именной указъ, данный канцеляріи войска донскаго: „Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова за измѣну противъ насъ и государства, повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать не щадно кнутомъ и отправить его къ нашему генералъ-прокурору, а имѣніе его отписать въ казну". Указъ сената 29-го августа.

22.

31-го августа. Указъ сената: „Коллежскіе регистраторы, Ивановъ и Осокинъ, за развратное поведеніе и пьянство, въ наказаніе имъ и въ примѣръ другимъ, приговорены къ лишенію чиновъ и къ надписанію въ солдаты". Докладъ объ нихъ утвержденъ.

23.

16-го сентября. Именной указъ сенату: „Оберъ-секретарь временнаго аппеляціоннаго департамента сената Иванъ Гречъ отъ службы отставляется."

24.

4-го октября. Указъ сената: „Отставной подпоручикъ Иванъ Подкуровъ, за составленіе фальшивыхъ паспортовъ и сношенія съ ворами, приговоренъ сенатомъ къ лишенію чиновъ и дворянства, на-

казанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Нерчинскъ въ каторжную работу". Рѣшеніе утверждено.

25.

26-го сентября. Именной указъ сенату: О назначеніи при дворцахъ кастелянами зàмковъ: при гатчинскомъ генералъ-прокурора Обольянинова, при петергофскомъ—генералъ-маіора Булатова, при царскосельскомъ—дѣйствительнаго статскаго совѣтника Леонтьева; капитанами зàмковъ: при зимнемъ дворцѣ—тайнаго совѣтника Дурново, при михайловскомъ—тайнаго совѣтника Нащокина, при кремлевскомъ и слободскомъ дворцахъ—тайнаго совѣтника князя Тюфякина.

26.

8-го октября. Именной указъ сенату: О пожалованіи ямбургскаго дворянскаго предводителя, статскаго совѣтника Жеребцова, за бездоимочный, въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, наборъ рекрутъ и взысканіе податей, также за устройство съ наилучшимъ успѣхомъ сельскихъ магазиновъ, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ примѣръ другимъ.

27.

13-го октября. Именной указъ сенату: „Генералъ отъ кавалеріи Репинъ исключается изъ службы, съ отобраніемъ патентовъ, за приведеніе въ исполненіе сентенцій смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго моею конфирмаціею".

28.

4-го октября. Именной указъ сенату: „Желая отличить монаршею милостію нашею, присланныхъ къ намъ, отъ правительства семи соединенныхъ острововъ, депутатовъ графа д'Оріо и нобля Кладана, всемилостивѣйше жалуемъ перваго—въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а послѣдняго—въ статскіе совѣтники".

29.

9-го октября. Именной указъ сенату: „Находящагося при депутатахъ республики семи соединенныхъ острововъ маіора Власопуло жалуемъ всемилостивѣйше въ седьмой классъ".

30.

26-го ноября. Указъ сената по слѣдственному дѣлу о ксензѣ Булло. „Литовской губерніи, Россіенскаго уѣзда, мѣстечка Веліонъ, ксензъ Станиславъ Булло, лишенный священническаго сана за то,

что онъ не позволялъ хоронить чиновника Рыкачева на кладбищѣ того мѣстечка, а потомъ, соглашаясь на это, требовалъ 20 червонцевъ, былъ преданъ суду по высочайшему повелѣнію. Сенатъ нашелъ, что преступленіе Булло происходило главнѣйше отъ предубѣжденія и невѣжества, и приговорилъ его къ ссылкѣ въ Тамбовскую губернію".

31.

12-го декабря. Именной указъ, объявленный сенату Обольяниновымъ: Объ исключеніи изъ службы ученаго цензора виленской цензуры, седьмаго класса Меньша, съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять.

32.

18-го декабря. Указъ сената. „Правительствующій сенатъ слушали рапортъ гатчинскаго городоваго правленія, въ коемъ, прописывая именной его императорскаго величества высочайшій указъ, данный за собственно-ручнымъ подписаніемъ главноуправляющему городомъ Гатчиною, генералъ-лейтенанту Обольянинову, минувшаго октября въ 10-й день, въ которомъ изображено: „Гатчинскаго уѣзда, деревни Парицы, крестьянина Карла Юрданова, съ женою его, тремя сыновьями и дочерью, повелѣваемъ, изъ оклада подушнаго исключить, отъ платежа податей уволить, а когда похочетъ самъ собою родъ жизни избрать, то предоставить сіе въ его волю". Къ этому собственною его величества рукою написано: „а участокъ его отдается ему въ собственность". Сверхъ того, городовое правленіе прибавило, что, во исполненіе сего указа, означенному крестьянину и съ дѣтьми, дана отпускная, владѣемую имъ часть земли, изъ принадлежащей къ деревнѣ Парицы дачи, чрезъ тамошняго уѣзднаго землемѣра, велѣно вырѣзать и дать въ его собственность, снабдя на владѣніе оною данною, изъ подушнаго оклада по вѣдомству городоваго правленія исключить, а для исполненія сего въ другія мѣста, гдѣ слѣдуетъ, правительствующему сенату представляетъ" [1]).

---

[1]) Въ Гатчинѣ, въ 1840-хъ годахъ, ходилъ слухъ, что Юрдановъ получилъ свободу при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ былъ истопникомъ при тамошнемъ дворцѣ, и въ одинъ прекрасный день, собираясь класть въ печку дрова, присѣлъ для этого на корточки. Проходившій въ это время по комнатѣ императоръ ткнулъ его носкомъ сапога. Юрдановъ, въ увѣренности, что эта штука одного изъ его товарищей, съ которымъ онъ только разстался, не оборачиваясь сказалъ: «полно, братецъ, шалить». Императоръ повторилъ, а Юрдановъ отвѣтилъ въ томъ же родѣ. Послѣ третьяго, болѣе чувствительнаго толчка, Юрдановъ сказалъ съ сердцемъ: «да перестань же, братецъ, шалить»; затѣмъ вскочилъ на ноги и, увидя императора, упалъ на колѣна и

33.

24-го декабря. Именное повелѣніе, объявленное сенату Обольяниновымъ: о пожалованіи профессора Гатенберга въ восьмой классъ.

34.

18-го декабря. Именной указъ сенату. „Вмѣсто предположеннаго застрахованія, отданныхъ въ потомственное содержаніе московскому купцу Кнауфу, лугинскихъ заводовъ, дозволяемъ ему, Кнауфу, единовременно купить и укрѣпить на его имя, въ потомственную собственность, 1,000 душъ въ россійскихъ губерніяхъ, отнюдь не переводя ихъ къ заводамъ, кои и повелѣваемъ принять отъ него залогомъ въ содержаніи оныхъ заводовъ на законномъ основаніи“.

1801 г.

1.

2-го января. Именной указъ сенату: „Въ вознагражденіе отличныхъ трудовъ и усердія къ службѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Калинина, всемилостивѣйше жалуемъ ему по жизнь, безъ платежа аренды, Ямбургскаго уѣзда, деревню Хотыницъ съ принадлежностями, которая нынѣ состоитъ въ его же владѣніи, по званію с.-петербургскаго почтдиректора“.

2.

3-го января. Указъ сената, основанный на вѣдѣніи синода. „По поднесенной его императорскому величеству, отъ генерала отъ кавалеріи Репина, жалобѣ на жену въ распутствѣ и въ прижитіи ею, по разлученіи съ нимъ, чрезъ 14 мѣсяцевъ, младенца, изслѣдованіе поручено преосвященному Іоаникію, епископу подольскому, которому велѣно, истребовавъ означенную жену его, Репина, чрезъ гражданское начальство, въ консисторію, взять отъ нея противъ той жалобы письменное показаніе, а потомъ, ежели нужно будетъ, учиня надлежащее распоряженіе, сіе дѣло рѣшить по правиламъ духовнымъ“.

3.

Докладъ сената о сенатскомъ регистраторѣ Черняевѣ, сужденномъ за лѣность, нерадѣніе къ службѣ и дурное поведеніе. На судѣ Черняевъ объяснилъ, что онъ нерадѣнія и лѣности не имѣлъ, кромѣ

просилъ прощенія. Государю такъ понравилось названіе «братца», что онъ отвѣтилъ за него пожалованіемъ Юрданову свободы и земли. Слышано отъ нѣсколькихъ лицъ. Деревня Парицы—верстахъ въ 4 — 5-ти отъ Гатчины. Ст.

только, что по случаю женидьбы его, въ октябрѣ 1800 г., не былъ при должности три дня. Сенатъ нашелъ, что Черняевъ, по нетрезвости и лѣности, къ продолженію службы не способенъ, и приговорилъ его къ лишенію чиновъ и къ написанію въ солдаты. На этомъ докладѣ написано: „быть по сему". Января 8-го.

4.

11-го января. Именной указъ, объявленный сенату Обольяниновымъ, о томъ, что его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ уволить въ отпускъ шлиссельбургскаго городничаго, коллежскаго ассессора Безобразова, въ С.-Петербургъ на 29 дней.

5.

29-го января. Указъ сената по дѣлу о кражѣ, на с.-петербургскомъ монетномъ дворѣ 11 мѣшковъ серебра; пять мѣшковъ украдено во время комендантства генералъ отъ инфантеріи Вязмитиновѣ, а шесть—генералъ лейтенанта князя Долгорукова. На докладѣ Обольянинова, послѣдовало повелѣніе: „взысканіе денегъ произвести, по расчисленію, съ обоихъ бывшихъ комендантовъ" [1]).

6.

7-го февраля. Указъ сената. „Новоладожскаго помѣщика, титулярнаго совѣтника Мордвинова, за отличное усердіе и ревность къ общей пользѣ, въ доставленіи на собственномъ иждивеніи Новоладожскаго уѣзда не служащихъ дворянъ для опредѣленія въ военную службу, произвесть въ коллежскіе ассесора.

7.

11-го февраля. Именной указъ сенату: „Часть дачи Александровой, принадлежащую дѣйствительному тайному совѣтнику князю Куракину 3 и содержащую въ себѣ 73 души и 572 десятины земли, повелѣваемъ: взявъ въ казенное вѣдомство, со всѣми ея строеніями, землею и угодьми и всѣми принадлежностями, причислить къ вѣдомству александровской мануфактуры; а въ замѣнъ оной, повелѣваемъ ему отдать изъ отписныхъ бывшаго полковника Грузинова, въ Московской губерніи, 580 десятинъ, село Воздвиженское, содержащее въ себѣ 79 душъ, о назначеніи и отдачѣ коихъ сенатъ, сдѣлавъ надлежащее распоряженіе, имѣетъ поднести грамоту къ нашему подписанію".

---

[1]) 20-го марта 1801 г. послѣдовало сенату повелѣніе: «Взысканіе отмѣнить».

8.

9-го февраля. Именной указъ сенату: „Поступившему въ прошломъ, 1788 г., въ подданство наше королевско-шведскому камергеру, Барону фонъ-Нолькену, всемилостивѣйше жалуемъ чинъ нашего коллежскаго совѣтника“.

9.

27-го февраля. Именное повелѣніе, объявленное сенату Обольяниновымъ: „Его императорское величество, всемилостивѣйше указать соизволилъ: пожалованную, 13-го октября 1785 г., покойному Гавріилу митрополиту, бывшему новгородскому и с.-петербургскому, богородицкую мызу, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, по берегу рѣки Невы стоящую, со всѣми къ оной принадлежностями, принять въ вѣдомство казенное“.

Изъ отношенія синода въ сенатъ, по этому предмету, видно, что въ оставшемся по кончинѣ митрополита Гавріила объ имѣніи его завѣщаніи ни слова о сей деревнѣ не упомянуто.

10.

20-го февраля. Именной указъ сенату: „Снисходя на прошеніе нашего дѣйствительнаго статскаго совѣтника и заемнаго банка перваго директора Данилевскаго, всемилостивѣйше дозволяемъ ему прибавить къ его фамиліи Михайловскій, и именоваться впредь Михайловскій-Данилевскій, распространяя право сіе и на потомство его“.

11.

4-го марта. Именной указъ сенату: „Херсонскаго купца Перетца всемилостивѣйше жалуемъ въ коммерціи совѣтники“.

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА ВАДКОВСКАГО.

1820—1822.

Извѣстное происшествіе въ старо-Семеновскомъ полку, 18-го октября 1820 г., оставило глубокій слѣдъ въ царствованіи Александра I. Семеновскимъ событіемъ объясняется рѣшительный поворотъ правительства того времени на путь крайней реакціи. Отсюда понятно, почему этотъ эпизодъ имѣетъ важное значеніе для изслѣдователя и новыя о немъ подробности имѣютъ значеніе. Таковыя подробности представляютъ записки полковника Ивана Ѳедоровича Вадковскаго, бывшаго въ 1820 году командиромъ 3-го, а потомъ 2-го баталіона лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Разсказъ Вадковскаго озаглавленъ въ подлинникѣ «оправдательная статья», и дѣйствительно, кромѣ довольно подробнаго изложенія событій 18-го октября и послѣдующихъ дней 1820 г., онъ заключаетъ въ себѣ оправданія автора противъ взведенныхъ на него обвиненій въ нераспорядительности и проч. Во всякомъ случаѣ, «оправдательная статья» Вадковскаго, вмѣстѣ съ напечатанными уже въ «Русской Старинѣ»[1]) разсказомъ очевидца и письмами кн. Васильчикова, всесторонне разъясняютъ, такъ называемую, Семеновскую исторію 1820 г.

Ред.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1820 года, полковникъ Шварцъ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Примѣтивъ вспыльчивость новаго полководца, предвидя непріятности, могущія чрезъ то быть мнѣ навлекаемы, рѣшился я оставить вышесказанный полкъ, и просилъ о переводѣ своемъ въ полевые полки[2]). Вскорѣ послѣ сего получилъ я письма отъ генераловъ Ермолова, Дибича и Храповицкаго, которые предлагали мнѣ полки и брались поддержать пред-

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. IV, стр. 419, 533 и 645.

[2]) Лишь одному несчастью приписать я могу неуспѣхъ всѣхъ моихъ предпріятій на счетъ перевода моего въ полевые полки. Генералами: Ермоловымъ, Дибичемъ, Горчаковымъ, Потемкинымъ и Храповицкимъ были предлагаемы и частію обѣщаны мнѣ полки; къ командованію нѣкоторыхъ былъ даже я представленъ. Но приключеніе, случившееся лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, заставившее меня исполнить обязанность другихъ, прервало всѣ способы, которые могъ я употребить для собственныхъ своихъ выгодъ. **В.**

принимаемое мною [1]). Его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ былъ столько милостивъ, что изволилъ обѣщать мнѣ свое покровительство. Всякій день ожидалъ я представленія моего въ полковые командиры и утвержденія его величества. Желаніе мое, однако, не совершилось.

Въ маѣ мѣсяцѣ, того же года, во время командованія мною 3-мъ баталіономъ, замѣтивъ, что грубое и строгое обхожденіе г-на полковника Шварца отяготительно было для подчиненныхъ, принялъ я намѣреніе идти къ нему для представленія моихъ замѣчаній [2]). Того-же дня, въ пять часовъ по полудни, получилъ я, чрезъ полковника Обрескова, приглашеніе отъ г-на начальника гвардейскаго штаба, немедля явиться къ нему. Совершенно лишнимъ полагаю пояснить, какимъ образомъ и отъ кого генералъ Бенкендорфъ узналъ, что я намѣренъ былъ идти къ полковнику Шварцу. Г. начальникъ штаба требовалъ отъ меня свѣдѣнія на счетъ обращенія г. полковаго командира съ подчиненными. Войдя съ нимъ во всѣ подробности, я представилъ ему все, что мнѣ, по сему случаю, извѣстно было. Генералъ Бенкендорфъ просилъ меня оставить мое намѣреніе, увѣряя, что чрезъ сей поступокъ, могущій обратить на полкъ гнѣвъ государя императора, я пользы оному полку никакой не принесу. Именемъ же г. корпуснаго командира далъ мнѣ почувствовать, что ежели Семеновскій полкъ, для избѣжаній всѣхъ непріятностей, рѣшится еще нѣсколько потерпѣть, то въ малое время увидитъ счастливую перемѣну [3]), ибо г. корпусный командиръ долгомъ себѣ поставитъ представить на видъ его императорскому величеству грубое и тягостное обращеніе съ подчиненными г. полковаго командира; при томъ, генералъ Бенкендорфъ приказалъ мнѣ успокоить гг. офицеровъ [4]) ввѣреннаго мнѣ баталіона и позволилъ передать имъ вышеупомянутыя его слова, что и было въ тотъ же день исполнено [5]).

---

[1]) См. ниже письма подъ литерами А, В и С. **В.**

[2]) Намѣреніе мое идти къ полковому командиру не ясно-ли доказываетъ, что я имѣлъ въ виду общую пользу. Ежели же въ полку существовало начало заговора, не къ безразсудству-ли, не къ сумашествію-ли долженствовало тогда приписать принятую мною таковую мѣру? **В.**

[3]) Его превосходительство подъ названіемъ счастливой перемѣны не понималъ-ли новаго полководца, котораго обѣщалъ мнѣ и прочимъ баталіоннымъ командирамъ? **В.**

[4]) Нѣкоторые изъ нихъ явили желаніе выдти въ отставку. **В.**

[5]) Ежели бы, какъ то старались внушить государю императору, безпорядокъ, случившійся лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, могъ назваться возмущеніемъ, имѣющимъ начало свое за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе: ежели въ маѣ мѣсяцѣ, въ свиданіи моемъ съ генераломъ Бенкендорфомъ, изъ словъ и до-

Одиночныя, ротныя, баталіонныя, полковыя ученья и лагерь заняли полкъ — іюнь, іюль, августъ и сентябрь мѣсяцы 1820 г.

Наконецъ, 1820 года, октября 17-го дня, во второмъ часу по полуночи, получилъ я отъ г. капитана Кошкарова письменное донесеніе, въ которомъ объявлялъ онъ мнѣ, что рота его императорскаго величества, ввѣренная его командѣ, собравшись, безъ его на то приказанія, въ 10 часовъ вечера, просила покорно довести до свѣдѣнія моего, „что тягость трудовъ, возложенныхъ ежедневно на нее господиномъ полковымъ командиромъ, превозмогла силы ея, и тѣмъ понуждала искать убѣжища въ справедливости высшаго начальства". Г. капитанъ Кошкаровъ увѣдомлялъ меня въ томъ же донесеніи, что, по единому его приказанію, люди разошлись по комнатамъ и легли спать. Я долгомъ почелъ дождаться утра, для выслушанія просьбы подчиненныхъ; неожиданное мое прибытіе въ роту, среди ночи, полагалъ я лишнимъ [1])!....

Итакъ, въ седьмомъ часу утра, пріѣхавъ въ роту, приказалъ не медля ей собраться; тщетно доказывалъ я людямъ беззаконіе ихъ поступка, тщетно говорилъ я имъ, что таковое нарушеніе военныхъ постановленій долженствовало навлечь на нихъ гнѣвъ и наказаніе государя императора! Въ отвѣтъ моимъ упрекамъ, моимъ увѣщеваніямъ и угрозамъ, люди только просили меня довести до свѣдѣнія высшаго начальства, „что безпрестанныя чистка и бѣленіе аммуниціи не только лишали ихъ собственности, но часто, даже и въ самые воскресные дни, не позволяли имъ исполнять христіанскаго долга слушаніемъ божественной литургіи". Приказавъ людямъ ра-

---

несеній моихъ замѣтить или предвидѣть можно было, что общее неудовольствіе полка на полковника Шварца могло бы возродить заговоръ,—не обязанность-ли была его превосходительства довѣдаться истины, принять тогда же благоразумныя мѣры, и тѣмъ въ началѣ искоренить зло? Къ чему припишемъ также мы пятимѣсячное молчаніе г. корпуснаго командира? не извѣщенъ-ли онъ былъ обо всемъ господиномъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса? **В.**

[1]) Ежели бы рота не расходилась, то дѣйствительно обязанность моя была явиться въ оную и возстановить надлежащій порядокъ; но капитанъ Кошкаровъ, увѣдомляя меня въ своемъ донесеніи, что люди, безъ шума, безъ сопротивленія, послушно, почтенно и покорно приняли его приказанія, разошлись по комнатамъ и легли спать,—здравый разсудокъ, опытность и самое повиновеніе нижнихъ чиновъ ясно и неоспоримо доказывали, что бунта еще никакого не существовало. Глубочайшее спокойствіе царствовало въ ротѣ, люди спали,—для чего жъ бы я пріѣхалъ? будить ихъ? тревожить? собирать? допрашивать? суетливая, робкая, неумѣстная предосторожность, которая, возстановивъ людей противъ меня, могла бы имъ показаться страхомъ съ моей стороны, и дать имъ мысль о силѣ ихъ. **В.**

зойтись, что и было исполнено, поѣхалъ я къ полковому командиру и донесъ ему о случившемся происшествіи. По принятіи словеснаго моего рапорта, полковникъ Шварцъ поѣхалъ, не извѣстно мнѣ куда, увѣряя, что поспѣшитъ обо всемъ извѣстить высшее начальство [1]). Того же утра, въ 11 часовъ, его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, сопровожденный господиномъ начальникомъ гвардейскаго штаба, генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, пріѣхалъ въ роту его величества. Его высочество и генералъ Бенкендорфъ, вошедши прямо въ комнату фельдфебеля, потребовали тамъ отъ меня и отъ капитана Кошкарова словесныхъ рапортовъ на счетъ незаконнаго сбора людей; нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ дежурнаго и дневальныхъ, допрашивали они по одиночкѣ; потомъ приказали мнѣ собрать роту гренадеровъ въ нижнемъ, а стрѣлковъ—въ верхнемъ коррицорахъ. По исполненіи сего, его высочество сперва гренадерамъ, а потомъ и стрѣлкамъ изволилъ попрекать преступленіе ихъ. Замѣтивъ неудовольствіе людей, отъ раздѣленія ихъ на двѣ части, я немедля доложилъ о семъ генералу Бенкендорфу. По предложенію уже моему, вся рота сведена была въ нижній корридоръ, гдѣ начальникъ штаба сталъ оную допрашивать. Люди, на сдѣланные имъ вопросы, совершенно тоже отвѣчали, что передъ симъ уже говорили капитану Кошкарову и мнѣ. Генералъ Бенкендорфъ, при всемъ стараніи, не могъ уговорить оныхъ; рота упорствовала и представляла, съ покорностію однако, тягость трудовъ, возложенныхъ на нее полковымъ командиромъ. Распустивъ людей, его превосходительство приказалъ капитану Кошкарову и мнѣ къ восьми часамъ вечера доставить въ гвардейскій штабъ письменные рапорты о вышесказанномъ происшествіи [2]). Въ три часа пополудни, будучи на квартирѣ капитана Кошкарова, для составленія съ нимъ рапортовъ, требуемыхъ отъ насъ, ѣздовой, присланный ко мнѣ, объявилъ волю его высочества, дабы сей же

---

[1]) Мнѣ кажется, что, соображая долгъ службы съ здравымъ умомъ, входило нѣкоторымъ образомъ въ обязанность полковаго командира пріѣхать самому въ роту, самому оную допросить и самому привести виновниковъ,—или рѣшительностію своею въ страхъ, или разсудительностію—въ раскаяніе. Неожиданное появленіе полковаго командира, среди возставшихъ на него, несомнѣнно, поразило бы мятежниковъ; инспекторскій смотръ кончилъ бы начатое, давъ людямъ способъ законно явить свое неудовольствіе. **В.**

[2]) Меня обвиняютъ въ томъ, что, пріѣхавъ въ роту, я не умѣлъ ни отыскать зачинщиковъ, ни прекратить безпорядка. Чѣмъ оправданъ будетъ неуспѣхъ генерала Бенкендорфа, который, находясь немалое время въ казармѣ и имѣвъ, какъ по званію своему, такъ по власти и чину, стократъ болѣе меня способовъ, не могъ, однако же, довѣдаться истины? И если мнимая моя медленность учинила зло, была-ли польза отъ нерѣшимости начальниковъ? **В.**

часъ явиться къ нему. По прибытіи моемъ во дворецъ, великій князь спросилъ: „что дѣлается въ полку? и не замѣтилъ-ли я въ ономъ какого-либо безпорядка?“ Смѣло отвѣчалъ я его высочеству, что вездѣ, сколь могъ я замѣтить, существовали порядокъ и тишина. Хотя и не моя обязанность была, но упрашивалъ я его высочество прекратить сіе происшествіе, не доводя оное до свѣдѣнія высшаго начальства, какимъ-либо домашнимъ наказаніемъ. Бригадный командиръ на то согласился, съ тѣмъ, однако, чтобы. поѣхавъ въ роту его величества, обратно бы привезъ ему раскаяніе нижнихъ чиновъ въ вышеупомянутомъ проступкѣ. Прибывъ туда и собравъ роту, употребилъ всѣ способы, дабы доказать людямъ важность ихъ вины и дабы вразумить ихъ, что одно признаніе въ оной могло еще возвратить прежнее къ нимъ благорасположеніе начальниковъ, но тщетно! Я поѣхалъ обратно во дворецъ и доложилъ обо всемъ его высочеству; генералъ Бенкендорфъ, случившійся тутъ, приказалъ мнѣ, того же опять дня, къ восьми часамъ вечера, привести роту въ штабъ гвардейскаго корпуса: рядовыхъ — въ шинеляхъ и фуражныхъ шапкахъ; унтеръ-офицеровъ же — въ киверахъ съ тесаками; при оной ротѣ велѣно было находиться однимъ капитану Кошкарову и мнѣ. Генералъ Бенкендорфъ былъ такъ милостивъ, что изволилъ мнѣ самъ открыть причины сего ночнаго похода. По его словамъ: „Г. корпусный командиръ, желая видѣть людей, но, будучи самъ нездоровъ, а посему въ невозможности пріѣхать въ полкъ, требовалъ ихъ въ штабъ для учиненія имъ допросовъ“ [1]). Пріѣхавъ въ полкъ, первою обязанностію почелъ довести до свѣдѣнія г. полковаго командира данныя мнѣ господиномъ начальникомъ штаба приказанія; не нашедъ его дома и увѣдомивъ объ оныхъ дежурнаго по полку г. штабсъ-капитана Рындина, повелъ я роту; оную принужденъ былъ собирать при свѣчахъ; на всѣхъ лицахъ изображены были неудовольствіе и страхъ. Наконецъ, сопровождаемый немалымъ количествомъ праздныхъ людей, прибылъ я на мѣсто назначенія и выстроилъ роту на площади, противъ штаба; тутъ, разсмотрѣвъ, что, по причинѣ скопившагося народа, мѣсто нисколько не приличествовало къ допрошенію людей, принялъ я на себя смѣлость дать сіе замѣтить господину начальнику штаба. въ присутствіи господина корпуснаго командира и генерала Бистрома, сидѣвшихъ тогда въ сѣняхъ штаба. Ге-

---

[1]) Довольно странно должно было всѣмъ показаться, что болѣзнь, помѣшавшая генералъ-адъютанту Васильчикову пріѣхать въ полкъ, не помѣшала ему тогда же, въ семь часовъ вечера, прибыть въ манежъ, который, какъ всѣмъ извѣстно, не менѣе былъ отдаленъ отъ квартиры, занимаемой его превосходительствомъ. В.

нералъ Бенкендорфъ отвѣчалъ мнѣ, „что, во избѣжаніе таковыхъ неудобствъ, приняты уже надлежащія мѣры, что манежъ отпертъ и освѣщенъ!“ Потомъ приказалъ онъ мнѣ ввести въ оный людей, что и было исполнено. Въ манежѣ нашелъ я уже выстроенныя, въ аммуниціяхъ и съ ружьями, двѣ роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Г. корпусный командиръ, прибывшій въ оный вмѣстѣ съ нами, окружилъ себя людьми ввѣренной мнѣ команды; что говорилъ онъ имъ— мнѣ неизвѣстно, но, вѣроятно, люди допрашиваемы не были, ибо я не слыхалъ ни одного отвѣта; вскорѣ послѣ того приказалъ онъ имъ идти въ Петропавловскую крѣпость, подъ конвоемъ вышеозначенныхъ ротъ [1]. Я же, во время выступленія роты изъ манежа, поѣхалъ, по приказанію корпуснаго командира, въ штабъ, гдѣ и ожидалъ прибытія его превосходительства. Генералъ Васильчиковъ не замедлилъ пріѣхать; принявъ меня весьма благосклонно, онъ изволилъ войти со мною во всѣ подробности случившагося, велѣлъ мнѣ ѣхать въ полкъ и сообщить полковнику Шварцу, дабы онъ, немедля, явился къ нему. Возвратившись съ капитаномъ въ полкъ, рапортовалъ я обо всѣмъ господину полковому командиру и явилъ ему волю генерала Васильчикова, прося притомъ его, по причинѣ недостатка людей во ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ, снабдить меня приказаніями касательно составленія нашихъ карауловъ, имѣющихъ быть на другой день. По принятіи сихъ приказаній, поѣхалъ я въ баталіонъ для передачи оныхъ фельдфебелямъ; въ ротахъ нашелъ я всѣхъ людей спящихъ, дежурныхъ и дневальныхъ — при своихъ мѣстахъ; однимъ словомъ, обыкновенный и надлежащій порядокъ. У первой роты подошелъ ко мнѣ случившійся тамъ, не знаю по какимъ причинамъ, полковой адъютантъ Бибиковъ; именемъ г. полковаго командира приказалъ я ему съ каждой роты всего полка нарядить по 20-ти человѣкъ рядовыхъ къ дополненію карауловъ на мѣсто роты его величества. Неимѣвъ никакого подозрѣнія, отправился я домой, а Бибиковъ поспѣшилъ въ канцелярію для вышеозначеннаго наряда; но, чтобы исполнить приказаніе господина полковаго командира, надлежало будить во всѣхъ ротахъ фельдфебелей, во всѣхъ ротахъ—капральныхъ унтеръ-офицеровъ, во всѣхъ ротахъ—правящихъ ефрейторовъ, во всѣхъ капральствахъ—по пяти человѣкъ рядовыхъ! Изъ сего воспослѣдовали (полагаю я) вопросы, отвѣты, прибавленія къ онымъ, и, вѣроятно, вотъ какимъ образомъ весь полкъ, въ теченіе, можетъ быть, получаса,

[1] Нужно замѣтить, что когда роту ввели въ манежъ, барабанщиковъ и флейщиковъ отпустили домой; фельдфебель и унтеръ-офицеры, проводивъ оную въ крѣпость, были также отосланы въ полкъ. Мудрено-ли было разнестись слуху о заточеніи роты его величества въ крѣпость? В.

извѣщенъ былъ о заточеніи роты его величества въ казематы Петропавловской крѣпости.

По возвращеніи моемъ на свою квартиру, едва прошелъ часъ времени, какъ посланный ко мнѣ верхомъ вѣстовой увѣдомилъ меня, что первая рота собралась въ корридорѣ. Одѣвшись со всею возможною скоростью, немедля, поѣхалъ въ баталіонъ. Прибывъ въ первую роту, принявъ рапортъ дежурнаго при оной унтеръ-офицера и узнавъ отъ него, что весь баталіонъ находится въ казармѣ 3-й роты, поспѣшилъ я въ оную, гдѣ дѣйствительно нашелъ всѣхъ людей ввѣреннаго мнѣ баталіона, толпящихся въ безпорядкѣ и шумѣ; присутствіе мое возстановило тишину и молчаніе. Люди, сколь позволяла имъ тѣснота, выстроились и выровнялись. Разспросивъ у нихъ причину таковаго ихъ сборища, въ необыкновенный часъ и безъ приказанія на то начальства, получилъ я отъ нихъ въ отвѣтъ, что они покойными быть не могутъ безъ роты его величества. Объяснивъ имъ, что не ихъ дѣло входить въ распоряженіе начальниковъ своихъ, приказалъ я имъ разойтись по комнатамъ и готовиться къ караулу, на что они отвѣчали, что „начальству никогда сопротивляться не хотѣли, что къ караулу будутъ готовы, но не иначе, какъ съ головою, то есть, съ ротою его величества, ибо безъ нея не къ чему пристраиваться". Касательно же полковника Шварца единственно изъявляли они желаніе видѣть его и просить у самаго его освобожденія роты его величества; даже и поговаривали, что надо идти его искать.... Мнѣ, какъ баталіонному командиру, надлежало помѣшать имъ исполнить таковое намѣреніе. Но какъ и какимъ способомъ? Дѣйствовать строго и рѣшительно, употребить угрозы и наказанія, почиталъ я первою нелѣпостью, ибо шумящая толпа, забывъ уже всякую дисциплину, могла бы ослушаться. Что-жъ бы воспослѣдовало? Мятежники таковымъ ослушаніемъ, показавъ явное презрѣніе къ чину и званію моему, познали бы степень силы своей, потеряли бы всякое ко мнѣ уваженіе, а чрезъ то и лишили-бъ меня возможности остановить ихъ; они бы, въ присутствіи моемъ, ворвались въ дверь, вышли бы изъ роты, разбѣжались бы по полку, искали бы полковаго командира, вбились бы силою въ кабаки, и такимъ образомъ нарушили-бъ, можетъ быть, спокойствіе всего города. Итакъ, довѣріе ихъ и любовь ко мнѣ, будучи единственное орудіе, которымъ еще можно было дѣйствовать, и единственная препона, еще могущая остановить ихъ стремленіе,—я приказалъ и получилъ отъ нихъ обѣщаніе, ждать меня часъ времени въ корридорѣ 3-й роты, объявивъ, что имѣю намѣреніе ѣхать къ начальникамъ для донесенія имъ о происшедшемъ и для исходатайствованія баталіону моему прощенія. Посему видно, что

таковую мѣру принялъ я, дабы чѣмъ бы то ни было обуздать людей, изъявляющихъ громогласно желаніе оставить роту и идти искать полковаго командира; настоящая же моя цѣль была, сообразно 136-му артикулу воинскаго сухопутнаго устава, идти къ полковнику Шварцу, донести ему обо всемъ и уговорить его пріѣхать въ баталіонъ, или, по крайней мѣрѣ, снабдить меня приказаніями, приличными случаю. Полковникъ Шварцъ имѣлъ квартиру свою въ полку и я не сомнѣвался, что возвращусь гораздо прежде назначеннаго мною срока; но, къ несчастію, я его не нашелъ дома...... Чувствуя, однако, сколь время дорого было, и не желая потерять довѣрія нижнихъ чиновъ, увѣренъ будучи, что начальники не замедлятъ снабдить меня найскорѣйшими приказаніями или совѣтами, поѣхалъ я къ бригадному командиру и донесъ ему о вышесказанномъ; великій князь приказалъ мнѣ ѣхать за генераломъ Бенкендорфомъ. Прибывши на квартиру господина начальника штаба, нашелъ уже у него полковаго адъютанта Бибикова, который доносилъ ему, что 1-й баталіонъ и часть прочихъ двухъ баталіоновъ, вышедши изъ казармъ, собирались на полковомъ дворѣ [1]). По полученіи сего словеснаго рапорта, генералъ Бенкендорфъ послалъ Бибикова къ великому князю съ тѣмъ, что самъ къ нему не будетъ, но проситъ его высочество не медля прибыть въ домъ господина корпуснаго начальника; мнѣ же повелѣно было ѣхать въ штабъ, для собранія всѣхъ адъютантовъ онаго, по исполненіи чего также явиться къ генералу Васильчикову. Симъ послѣднимъ былъ я допрошенъ о всемъ случившемся; принявъ донесеніе мое, корпусный командиръ былъ такъ милостивъ, что спросилъ у меня мнѣніе мое на счетъ встрѣтившихся обстоятельствъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, и позволилъ изложить ему мѣры, полагаемыя мною полезнѣйшими, для возстановленія надлежащаго порядка. Я осмѣлился просить одной милости и дерзнулъ предложить два совѣта; милость была та, чтобы г. корпусный командиръ возвратилъ роту его величества, которая, по сему несчастному случаю, уже не одна виновна была; слѣдовательно, весь полкъ долженъ былъ съ нею наказаніе терпѣть; возвращеніе же оной роты, возстановивъ порядокъ и тишину, помѣшало бы сему несчастному случаю разгласиться; притомъ я смѣлъ отвѣчать, что по отдачѣ роты полку, оный на другой день вступитъ въ караулъ, а тѣмъ прервутся всякіе шумъ

---

[1]) Нѣсколько разъ приводилъ я на память генераламъ, у которыхъ былъ въ ночи 18-го числа, что баталіонъ меня ожидаетъ. Несомнѣнно, и дождался бы онъ меня, ежели бы не нечаянное возвращеніе наряженнаго караула, съ бывшаго того вечера маскарада, не привело людей въ отчаяніе, давъ имъ думать, что оный присланъ былъ для установленія въ 3-й ротѣ порядка. **В.**

и роптаніе. Главнѣйшая причина моей просьбы была та, что, предвидя гласность сего происшествія, предвидя огорченіе, могущее быть чрезъ то нанесено всемилостивѣйшему государю императору моему, страшась вліянія, которое могло оно имѣть на народъ и войско, единая цѣль моя, единое желаніе мое были, какими-то-либо мѣрами ни было, въ ту же самую ночь установить порядокъ и тѣмъ самымъ утаить отъ народа вышеописанное приключеніе; по смѣнѣ же съ караула, г. корпусный командиръ всегда воленъ былъ производить наказаніе, которое бы заблагоразсудилъ. Совѣтъ мой былъ первый: чтобы господинъ корпусный начальникъ изволилъ самъ немедленно ѣхать въ полкъ, а второй, чтобы онъ велѣлъ привести роту артиллерійскую на полковой дворъ и попробовалъ бы нѣсколькими выстрѣлами постращать виновныхъ. Вскорѣ, по предложеніи сего послѣдняго совѣта, разсмотрѣлъ я самъ неосновательность онаго [1]). Г. корпусный командиръ, посовѣтовавшись съ генераломъ Бенкендорфомъ, изволилъ мнѣ отвѣчать, что роты его величества ни подъ какимъ видомъ не возвратитъ, ибо таковой поступокъ докажетъ слабость начальства; ѣхать немедля въ полкъ также отказалъ; но велѣлъ мнѣ объявить собранной толпѣ, что къ 8-ми часамъ утра прибудетъ онъ самъ въ полкъ и сдѣлаетъ инспекторскій смотръ. До того же времени долженъ былъ я, пятый штабъ-офицеръ въ полку, мимо самого полковаго командира, мимо старшихъ двухъ баталіонныхъ командировъ......, долженъ былъ я увѣщевать людей, дабы разошлись и легли спать! Тутъ же, при мнѣ, приказалъ онъ генералу Бенкендорфу нарядить лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ въ караулъ, а самъ явилъ намѣреніе ѣхать къ графу Милорадовичу, къ которому предписалъ мнѣ послать офицера съ донесеніемъ о вліяніи, которое будутъ имѣть переданныя мною въ полкъ приказанія его; я отправилъ для сего къ его сіятельству дежурнаго при полку штабсъ-капитана Рындина.

Съ сего времени дѣйствовалъ уже я по приказанію высшаго начальства, и если были какія-либо ошибки, весьма тяжело будетъ мнѣ принять оныя на свою отвѣтственность!... Совѣсть моя чиста, угрызеніе не тяготитъ сердце мое; я исполнилъ свой долгъ, я поступалъ открыто; открыто и со всею возможною ревностію старался смирить мятежниковъ и угождать тѣмъ, отъ коихъ я зависѣлъ. Смѣло скажу, что не разъ усмотрѣлъ я достиженія своей цѣли, какъ въ собственныхъ и личныхъ одобреніяхъ начальниковъ, такъ и въ лестныхъ похвалахъ, коими они сопроводили порученіе мнѣ втораго баталіона;

[1]) Вѣроятно, невооруженная толпа, испугавшись строгимъ мѣрамъ, принятымъ противъ нея, не стала бы защищаться, но разбѣжалась бы по городу, что могло имѣть довольно пагубныя послѣдствія. В.

смѣло говорю, что вездѣ дѣйствовалъ по ихъ повелѣніямъ, не отклонялся отъ чести и закона, и во всѣхъ случаяхъ сего приключенія старался соображать мѣры свои съ обязанностями подчиненнаго, подданнаго и христіанина.

Итакъ, возвратясь въ полкъ, я нащелъ оный на полковомъ дворѣ, толпящимся въ шумѣ и безпорядкѣ. Передавъ возмутителямъ приказанія господина корпуснаго командира, я вновь увѣщевалъ ихъ, вновь говорилъ имъ, чтобы они разошлись, легли бы спать и приготовлялись бы къ назначенному смотру. Люди, снимая фуражки, являя всѣ наружные знаки уваженія, не препятствовали, однако же, упорствовать, объявляя, что твердо намѣрены оставаться на площади и ждать на оной возвращенія имъ роты его величества.

Между 3-мъ и 8-мъ часами утра, пріѣзжали, въ разныя времена, господа генералы: графъ Милорадовичъ, Потемкинъ, Бистромъ и Бенкендорфъ [1]); всѣ говорили толпѣ, всѣ увѣщевали оную, но никто не успѣлъ. Одинъ генералъ Потемкинъ, силою привязанности къ нему прежнихъ подчиненныхъ, возродилъ между ими малое волнованіе; нижніе чины, окруживъ его превосходительство, съ большимъ вниманіемъ слушали упреки стараго ихъ командира: многіе изъ нихъ проливали слезы, нѣкоторые уже строились, и, убѣжденные офицерами, казались согласными войти въ должное повиновеніе...... Но внезапный пріѣздъ генерала Бистрома, коему корпуснымъ командиромъ повелѣно было принять командованіе лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, неожиданное, говорю, прибытіе его превосходительства, отвлекши людей отъ словъ генерала Потемкина, какъ бы напомнило имъ причину ихъ сборища и какъ бы укоренило въ нихъ намѣреніе не отступать отъ требованія роты его величества. Въ то время, замѣтивъ, что народъ и любопытные количествомъ своимъ лишали свободнаго проѣзда мимо площади, страшась вліянія, которое могло имѣть надъ праздною толпою возмущеніе гвардейскаго полка и, видя притомъ, что медленность начальниковъ усугубляла лишь упрямство виноватыхъ, я испросилъ позволеніе у старшаго меня полковника Ефимовича ѣхать къ его высочеству и именемъ всего корпуса офицеровъ ходатайствовать

[1]) Въ теченіе сей ночи, что дѣлалъ генералъ Васильчиковъ? могъ-ли онъ забыть, что цѣлый полкъ, въ безпорядкѣ, ждалъ его на площади полковаго двора, не внимая ни просьбамъ, ни угрозамъ своихъ офицеровъ? могъ-ли онъ не подумать, что сей толпѣ легко было разбѣжаться и тѣмъ усилить безпорядокъ? Нельзя здѣсь не замѣтить, что если сего не случилось, то единственно тѣмъ обязаны старанію господъ офицеровъ, которые, сколько могли, мѣшали людямъ разсыпаться. Я самъ остановилъ немалое количество нижнихъ чиновъ, желающихъ воспользоваться общимъ смятеніемъ, чтобы ворваться въ кабаки. В.

у него освобожденіе, хотя на короткое время, заточенной его величества роты. Таковое позволеніе получивъ, я поспѣшилъ во дворецъ и прибылъ въ оный въ то самое время, какъ великій князь принималъ вѣстовыхъ, въ томъ числѣ и семеновскихъ [1]). Бригадный командиръ, не отринувъ моей просьбы, поѣхалъ немедленно къ корпусному. Я же возвратился въ полкъ.

Въ 9-ть часовъ утра уже и самъ генералъ Васильчиковъ пріѣхалъ въ оный; нетерпѣливая толпа, едва давъ ему выдти изъ кареты, вся двинулась къ нему,—корпусный командиръ приказалъ ей разойтись, стать по ротно и по баталіонно; но и его повелѣніе осталось неисполненнымъ. Когда же полкъ сталъ просить о возвращеніи роты его величества, генералъ Васильчиковъ рѣшительно отказалъ и велѣлъ оному слѣдовать въ Петропавловскую крѣпость. Тогда нижніе чины, въ видѣ неустроенной толпы, а не гвардейскаго полка, поспѣшно устремились со своими полковыми начальниками. Въ крѣпости, уже и волею генерала Васильчикова, они выстроились во взводныя колонны справа, по командѣ своихъ баталіонныхъ командировъ; послѣ чего люди по ротно были посажены въ казематы; дежурные офицеры оставлены при нихъ, а остальные отпущены домой.

На другой день, то есть 19-го числа, въ 7-мь часовъ утра, посланный ко мнѣ адъютантъ отъ г. корпуснаго командира объявилъ мнѣ, что его превосходительство требуетъ меня въ Петропавловскую крѣпость. Генералъ Васильчиковъ, который находился тогда со многими генералами въ комендантскихъ покояхъ, принявъ меня весьма благосклонно, предложилъ мнѣ командованіе втораго баталіона. Я представилъ его превосходительству, что, командуя уже первымъ, мнѣ трудно будетъ принять на свою отвѣтственность и другой, въ которомъ числились два полковника, изъ коихъ одинъ былъ старѣе меня. Генералъ Васильчиковъ отвѣчалъ мнѣ, что сіи полковники въ прошедшую ночь оба сказались больными и что, по причинѣ назначеннаго второму баталіону похода въ крѣпость Свеаборгъ, сей баталіонъ вручалъ онъ мнѣ; „почему и надѣялся (прибавилъ онъ), что

---

[1]) Именно 6-й роты, коей ординарца, вѣстоваго и двухъ человѣкъ со щетками нашелъ я въ залѣ у его высочества. Того же дня и, по обыкновенію, были разосланы вѣстовые во всѣ мѣста. Посему трудно вѣрить, чтобы бунтъ существовалъ до таковой степени, какъ начальство хотѣло оный его императорскому величеству представить; ибо въ таковомъ случаѣ, то есть, когда бы возмущеніе было бы слѣдствіемъ какого-либо заговора или замышленія, невѣроятно было бы, чтобы полкъ собрался на площадь безъ оружій, въ рубашкахъ, въ шинеляхъ и безъ полной обуви; еще бы ненатуральнѣе было вѣстовымъ не выйдти изъ ежедневнаго порядка и слѣдовать къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. В.

люди, подъ моимъ начальствомъ, сохранивъ должные порядокъ, тишину и устройство, не замедлятъ возвратить полку благорасположеніе и прощеніе государя императора". Одинъ часъ мнѣ данъ былъ для того, чтобы проститься съ родителями и приготовиться къ походу.

Возвращаясь въ крѣпость, я встрѣтилъ на дорогѣ лейбъ-гвардіи казачій, кавалергардскій и гренадерскій полки, которые всѣ подвигались къ Троицкому мосту [1]). Корпусный командиръ, давъ мнѣ нѣкоторыя наставленія и вручивъ деньги, приказалъ мнѣ собрать баталіонъ и выстроить оный въ колонну. По исполненіи сего приказанія, гг. генералы Васильчиковъ, Милорадовичъ, Закревскій и многіе другіе подошли къ людямъ, вновь увѣщевали ихъ, давали имъ совѣты на счетъ будущаго ихъ поведенія и обѣщались исходатайствовать имъ прощеніе у государя императора; тутъ же прочтенъ былъ нижнимъ чинамъ приказъ, который отрѣшалъ полковника Шварца отъ командованія полка. Что касается до моей ревности, оная была возвышена до необыкновенной степени; всѣ восхваляли то, что я чтилъ простымъ исполненіемъ обязанностей, всѣ превозносили меня ... не знаю за что?... всѣ прославляли мое стараніе.... многіе даже, что оное не останется безъизвѣстнымъ государю императору [2]).

Послѣ, простившись со мною и съ людьми, генералъ Васильчиковъ приказалъ мнѣ оныхъ посадить на приготовленные три штимбота. Вотъ какимъ образомъ, 1820 г.. 19-го числа октября мѣсяца, въ 11 часовъ по полуночи, сопутствуемый вѣтромъ и дождемъ, я поплылъ изъ Санктпетербурга, предводительствуя 8-ю стами, въ ветхихъ шинеляхъ одѣтыми, людьми, изъ коихъ половинное число было почти безъ обуви.

Въ Кронштадтъ пріѣхалъ я весьма поздно; людей, обмокшихъ и цѣлый день неѣвшихъ, въ самый городъ не впустили, а помѣстили на военный корабль, именемъ „Память Евстафія". Оный стоялъ на рейдѣ, въ самомъ жалкомъ положеніи, безъ окошекъ, безъ рамъ, безъ бортовъ и налитый водою [3]). На немъ ждалъ я шесть дней

---

[1]) По принимаемымъ мѣрамъ начальниками, всякій здраво-мыслящій долженъ былъ заключить, что непріятель находился въ окрестностяхъ города: ибо, встрѣчая въ одномъ мѣстѣ кавалергардскій полкъ, въ другомъ—конногвардейскій, здѣсь—лейбъ-казаковъ, тамъ—артиллерію, далѣе—пѣхоту, нельзя было думать, что всѣ сіи войска тронулись для усмиренія горсти обезоруженныхъ людей. Таковыми мѣрами начальство лишь обнаружило всему городу и въ одну минуту происшествіе, которое могло и даже долженствовало пребыть скрытнымъ. **В.**

[2]) Смотри ниже письмо подъ литерою Д. **В.**

[3]) Не могу не замѣтить, что на кораблѣ «Память Евстафія», по малой помощи, данной мнѣ начальствомъ, едва могъ я устроить между подчиненными

вооруженія трехъ фрегатовъ, назначенныхъ для баталіона; въ числѣ оныхъ фрегатъ „Іоганъ-Шарлота" былъ назначенъ того же года въ ломъ.

25-го октября, наконецъ, мы подняли якорь и поплыли къ Свеаборгу [1]). Морозы, вѣтры, снѣги и дожди безпокоили насъ во всю переправу, что тѣмъ тягостнѣе было, что люди одежды почти никакой не имѣли. На пятый день прибылъ я къ мѣсту назначенія, но съ двумя только ротами; другія двѣ, будучи въ невозможности противиться вѣтрамъ, должны были 12-ть дней прожить на ревельскомъ рейдѣ, послѣ чего и соединились со мною въ Свеаборгѣ; баталіонъ квартировалъ смирно и тихо, въ чемъ ссылаюсь на начальниковъ сей крѣпости. Оную оставилъ я 25-го ноября, въ силу высочайшаго приказа, отданнаго 2-го числа того же мѣсяца; а 15-го января 1821 года вступилъ я съ баталіономъ въ городъ Псковъ [2]). Распредѣленіе людей по дивизіямъ, разсчетъ артельныхъ денегъ и раздача имущества солдатскаго по рукамъ, задержали меня два дни въ Псковѣ; по истеченіи оныхъ и соображаясь съ приказаніями г. дежурнаго генерала, я сдалъ баталіонъ старшему по мнѣ, и, въ вечеръ 16-го числа, отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ явился къ генералъ-адъютанту Орлову, бывшему тогда презусомъ суда, учрежденнаго надъ полковникомъ Шварцомъ. Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ столицѣ и давъ въ вышеупомянутую коммиссію нѣкоторыя требованныя отъ меня объясненія, я былъ отправленъ въ Костромской пѣхотный полкъ; за отсутствіемъ командира онаго барона Врангеля, принялъ я сей полкъ въ командованіе.

. . . .

Апрѣля 6-го дня 1821 г. я получилъ приказаніе ѣхать въ городъ Псковъ и явиться тамъ генералъ-лейтенанту Лаптеву. По случаю назначеннаго 1-й пѣхотной дивизіи похода, я уже не нашелъ его

какой-либо порядокъ касательно ихъ пищи. Всѣ страшились, всѣ взирали на мою команду, какъ на опаснѣйшихъ нарушителей общаго спокойствія,—и строгій приказъ воспрещалъ ей входъ въ Кронштадтъ и всякое съ онымъ сообщеніе. Долженъ также здѣсь прибавить, что если я счастливо доплылъ до Свеаборга, я сіе приписываю не попеченію и не старанію начальниковъ, но единственно Провидѣнію, избавившему отъ гибели суда, которыя, по ветхости своей, нисколько не казались способными къ дальному пути. В.

[1]) Не взирая на законъ Петра Великаго, претящій военные корабли въ таковое позднее время пускать въ море. В.

[2]) Въ теченіе похода 2-го баталіона изъ крѣпости Свеаборга въ городъ Псковъ, сильнѣйшая корь задержала меня въ Выборгѣ; вмѣсто требуемыхъ шести недѣль, для совершеннаго выздоровленія отъ сей опасной въ моихъ лѣтахъ болѣзни, я, не взирая на увѣщеванія докторовъ, догналъ ввѣренную мнѣ команду на тринадцатый день. В.

превосходительства въ семъ городѣ; но увѣдомленъ предписаніемъ, оставленнымъ мнѣ, что, по высочайшей волѣ, велѣно производить надо мною слѣдствіе за то, что, какъ показалъ г. подполковникъ NN, я былъ главною виною происшедшимъ въ Псковѣ безпорядкамъ, во время распредѣленія по дивизіямъ людей втораго баталіона бывшаго Семеновскаго полка [5]). Изслѣдованіе сего дѣла было поручено генералу Жеребцову; назначенный тогда походъ 1-му пѣхотному корпусу, къ коему меня прикомандировали, былъ причиною тому, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я имѣлъ пребываніе свое въ городахъ: Ригѣ, Шавляхъ, Митавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ и Динабургѣ.

Генералъ Жеребцовъ разсмотрѣлъ доносы, сдѣланные на меня, равно какъ и аттестаты начальниковъ тѣхъ губерній и городовъ, черезъ которые я проходилъ, присланные ему въ доказательство хорошаго поведенія нижнихъ чиновъ, состоявшихъ тогда подъ моею командою; его превосходительство, изслѣдовавъ и тѣ, и другіе, открылъ нелѣпость и несправедливость всѣхъ существующихъ обвиненій, и я былъ оправданъ... Но сіе было недостаточно; имѣя, вѣроятно, сильныхъ враговъ, я долженъ былъ остаться виноватымъ [6]), и потому, не взирая на рѣшеніе судьи, очистившаго меня отъ всякихъ доносовъ, я получилъ наистрожайшій выговоръ, частію за неумѣстныя выраженія, а частію и за то, что исполнилъ свой долгъ!

15-го числа іюня 1821 г. я былъ отправленъ обратно въ полкъ; съ онымъ сдѣлалъ я походъ, съ онымъ вступилъ на новыя квартиры, назначенныя ему въ Воронежской губерніи, въ деревнѣ Равенкахъ. Едва располагался поправить свое здоровье и имѣніе, совершенно разстроенныя вышеупомянутыми походами и поѣздками, какъ присланное въ полкъ новое приказаніе отъ высшаго начальства увѣдомило меня, что я преданъ военному суду, „за то, что слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ своимъ. я далъ усилиться безпо-

---

[1]) Не знаю, какая причина побудила г. NN учинить на меня столь несправедливый доносъ; но извѣстно мнѣ, что въ день, послѣ моего отъѣзда изъ Пскова, онъ пріѣхалъ въ оный городъ, видѣлся съ генераломъ Лаптевымъ, и, вѣроятно, вотъ какимъ образомъ, не довѣдаясь истины и не давъ себѣ времени основать свои показанія, онъ представилъ на меня рапортъ, по которому и отданъ я былъ подъ слѣдствіе. **В.**

[2]) Вотъ двадцать мѣсяцевъ, какъ я гонимъ безпрестанно по дѣлу семеновскаго полка. Сравнивъ таковыя преслѣдованія съ похвалами, коими осыпали меня генералы во время происшествія, припомнивъ данное мнѣ нѣкоторыми обѣщаніе довести мою ревность до свѣдѣнія государя императора, не могу не заключить, что имѣю сильныхъ враговъ; не могу не думать, что оные стараются меня погубить во мнѣніи царя моего, какъ безпокойнаго свидѣтеля ихъ важныхъ ошибокъ. **В.**

рядку, происшедшему въ командованіе мое первымъ баталіономъ прежняго состава лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка". Судъ долженъ былъ производиться въ штабѣ гвардейскаго корпуса, и мнѣ приказано было явиться къ генералъ-адъютанту Васильчикову. 25-го числа октября мѣсяца 1821 г. я прибылъ въ Витебскъ; но, по случаю перевода штаба изъ онаго города въ Минскъ, я уже не засталъ генерала Васильчикова, а явился къ генералъ-адъюданту Орлову, назначенному презусомъ вышесказанной коммиссіи; послѣ сего вскорѣ и началось судопроизводство.

Въ свиданіи моемъ съ генераломъ Орловымъ 20-го числа февраля мѣсяца 1822 г., его превосходительство объявилъ мнѣ, что спустя 4 дня прочтена будетъ мнѣ выписка всѣхъ моихъ отвѣтовъ; послѣ чего, черезъ двѣ недѣли, и самое дѣло будетъ приведено къ концу. Мѣсяцъ прошелъ, но ни выписки, ни рѣшенія не слыхалъ. Знаю только несумнительно, что, противу всѣхъ законовъ, существующихъ въ Россіи, 1-го числа марта мѣсяца весь составъ нашего дѣла былъ съ эстафетою отправленъ въ С.-Петербургъ.

Апрѣля мѣсяца, 14-го дня, я былъ призванъ въ коммиссію; судьи, прочитавъ мнѣ краткую выписку всего дѣла и присоединенное къ ней отношеніе генерала Васильчикова, требовали отъ меня, чтобы я всѣ сіи бумаги подписалъ. Найдя вышесказанное отношеніе во всѣхъ пунктахъ несогласнымъ съ правдою и не желая, подписавъ оное, дать поводу думать, „что я нахожу показанія генерала Васильчикова истинно справедливыми, то есть, что я признаю себя совершенно виноватымъ", я просилъ у г. презуса и получилъ отъ него позволеніе на сіе отношеніе отвѣчать; но, имѣвъ на то только 8 часовъ даннаго времени, не успѣвъ посему упомянуть о каждомъ пунктѣ отдѣльно, находя впрочемъ, что оные почти всѣ противны были истинѣ, я, по праву всякаго подсудимаго, подалъ въ коммиссію рапортъ, коимъ вообще опровергалъ все, показанное на меня генераломъ Васильчиковымъ.

Наконецъ, въ засѣданіи 22-го числа того же мѣсяца 1822 г., мнѣ прочтена была сентенція. Я приговоренъ къ лишенію чести, имѣнія и живота:

1) За то, что потерялъ записку капитана Кошкарова, тогда какъ никакой законъ не обязывалъ меня оную сохранить.

2) Потому, что я на другой день только пріѣхалъ въ роту его величества, тогда какъ я имѣлъ на то важныя причины, совершенно меня оправдующія.

3) За то, что я не употребилъ для возстановленія порядка какія-

либо рѣшительныя мѣры, тогда какъ никто изъ старшихъ къ сему средству не прибѣгалъ.

4) За то, что я не довольно пространно отвѣчалъ на отношеніе генерала Васильчикова; какой былъ бы мой приговоръ въ противномъ случаѣ [1])?

Вотъ посуленная мнѣ награда! Вотъ мзда, обѣщанная генералами! Пятнадцать лѣтъ служу царю моему и отечеству; смѣю льстить себя мыслію, что въ теченіе сего времени не безъ успѣховъ всегда старался я стяжать благорасположеніе начальниковъ, любовь товарищей и довѣріе подчиненныхъ. Нынѣ гонимый, преслѣдуемый жертвою нечестиваго суда, могу-ли не роптать на тѣхъ, кои скрываютъ истину государю императору, на тѣхъ, кои уже лишивъ меня его милостей, наносятъ еще сильнѣйшіе удары чести моей? Я невиненъ! гласъ совѣсти и истины вѣщаютъ мнѣ, что во всѣхъ моихъ поступкахъ я дѣйствовалъ, какъ должно. Но если и самое оправданіе тяготитъ того, кто не заслужилъ обвиненія, долженъ-ли я равнодушно видѣть себя въ лицѣ всей арміи осужденнымъ на то, къ чему приговариваютъ и самыхъ измѣнниковъ? могу-ли хладнокровно видѣть себя лишеннымъ всѣхъ способовъ оправдаться передъ моимъ царемъ?

Ив. Вадковскій.

1822 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.

Mon cher Wadkovsky! J'ai été extrêmement content, que nos desirs se sont rencontrés sur le même point: avant même d'avoir êu le plaisir de recevoir votre lettre, j'avais ecrit au Prince Volkonsky en lui proposant pour le régiment de la Petite Russie un Lieutenant-Colonel de l'armée, je lui dis en même temps que le Général en chef desirerait davantage, qu'on nous donne un Colonel de la Garde et je me suis pris la liberté de vous proposer vous, étant persuadé qu'on ne vous nommerait pas, sans savoir votre consentement. Il parait que l'Empereur pour ne pas retarder la nomination a mieux aimé de fixer son choix sur le Lieutenant-Colonel proposé; mais comme il y a à présent le

[1]) Я приговоренъ по 134-му артикулу воинскаго сухопутнаго устава. Предлагаю всякому здравомыслящему прочесть сію выписку и спрашиваю: есть-ли въ оной хотя бы и одна строка, которая бы соотвѣтствовала упомянутымъ обстоятельствамъ въ вышесказанномъ артикулѣ? Предполагаю даже, что я виновенъ и что мною сдѣланы были найденныя судомъ ошибки,—заслуживаю-ли я, наравнѣ съ преступникомъ, лишенія чести, имѣнія и живота? В.

5-me de Carabiniers vacant et que celiu de Fanagoria le sera sous peu de temps, j'espère qu'une seconde tentative réussira mieux, d'autant plus, si je puis l'appuyer de votre consentement et de celiu du Divisionnaire. Je serai bien content de vous voir dans la 1-re armée, mon cher Colonel, et encore davantage, si cela me donnera l'occasion de vous prouver les sentiments d'estime et d'amitié que vous porte. Votre très dévoué Dibitch.

Mohilef. Ce 15 Octobre 1820.

B.

Je ne sais, cher et aimable Colonel, si vous vous rappellez quelques fois de l'existence d'un homme, qui malgré la distance où le sort l'a place, loin de ses amis et des compagnons de sa jeunesse, malgré le tems, se rappelle toujours avec plaisir des moments qu'il a passé avec vous et qui se fait une fête de l'idée qu'il pourra redevenir votre camarade, si bon vous le semble. Je suis chargé par le Général Ermoloff (Алексѣй Петровичъ) de savoir votre consentement, accepteriez vous un régiment dans le corps d'armée de la Géorgie? Le Général n'a pas voulu faire de présentation, sans avoir préalablement votre consentement... etc. etc. etc. P. Ermoloff.

Tifflis. Ce 17 Août 1820.

C.

Милостивый государь, Иванъ Θедоровичъ! Возвратясь изъ расположенія полковъ ввѣренной мнѣ дивизіи, нашелъ письмо ваше. Имѣвъ случай узнать усердіе, съ коимъ вы исполняли обязанность ротнаго командира, увѣренъ, что, взойдя на высшую степень, оно, конечно, еще увеличится, буде сіе возможно; а потому душевно радъ буду, если вы, по пребываніи своемъ въ Пе-

---

А. (Переводъ). Любезный Вадковскій! Я былъ чрезвычайно доволенъ, что мы сошлись въ нашихъ желаніяхъ; прежде чѣмъ я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, я писалъ къ князю Волконскому и предложилъ ему въ командиры малороссійскаго полка армейскаго подполковника, но въ тоже время сообщилъ ему желаніе главнокомандующаго, чтобы къ намъ былъ назначенъ гвардейскій полковникъ. При этомъ я осмѣлился указать на васъ, будучи увѣренъ, что безъ вашего согласія не послѣдуетъ назначенія. Кажется, что государь, чтобы не задержать назначенія, предпочелъ остановить свой выборъ на представленномъ подполковникѣ. Такъ какъ теперь есть вакансія въ 5-мъ карабинерномъ полку и въ скоромъ времени еще откроется въ фанагорійскомъ, то я надѣюсь, что второе ходатайство лучше удастся, тѣмъ болѣе, если мнѣ его можно будетъ подкрѣпить вашимъ согласіемъ, и согласіемъ дивизіоннаго начальника. Я буду очень радъ видѣть васъ въ 1-й арміи, мой любезный полковникъ, тѣмъ болѣе, что это даетъ мнѣ случай доказать вамъ чувства уваженія и дружбы, которыя къ вамъ имѣетъ вамъ преданный Дибичъ.

Могилевъ, 15-го октября 1820 г.

В. (Переводъ). Не знаю, дорогой и любезный полковникъ, вспоминаете-ли вы когда-либо о существованіи человѣка, который не смотря ни на пространство, куда судьба его забросила, вдали отъ всѣхъ его друзей и товарищей его молодости, ни на время, всегда съ удовольствіемъ вспоминаетъ минуты, проведенныя съ

тербургѣ, узнавъ о могущей открыться ваканціи, будете стараться быть помѣщеннымъ въ командуемой мною дивизіи. etc. etc. etc. М. Храповицкой.

Тула. 2-го іюня 1820 г.

D.

Le Général Vassiltchikoff ayant lû votre lettre, mon Colonel, m'a chargé de vous dire, que comme il regarde votre présence indispensable pour ce moment au second bataillon. Il ne peut pas vous accorder votre demande. L'Empereur à son arrivé ici, décidera de tout, et prendra sûrement en considèration le zèle, que vous avez mis à commander le second bataillon. etc. etc. etc. A. Benkendorff.

St.-Petersbourg. Ce 22 Octobre 1820.

вами и заранѣе радуется при мысли, что онъ снова можетъ сдѣлаться вашимъ сотоварищемъ, если вамъ это будетъ угодно. Мнѣ поручилъ генералъ Ермоловъ (Алексѣй Петровичъ) узнать: согласитесь-ли вы принять полкъ въ грузинскомъ корпусѣ? Генералъ не хотѣлъ сдѣлать объ этомъ представленія, не получивъ предварительно вашего на то согласія, и пр. П. Ермоловъ.

Тифлисъ, 17-го апрѣля 1820 г.

D. (Переводъ). Генералъ Васильчиковъ, по прочтеніи вашего, полковникъ, письма, поручилъ мнѣ сообщить вамъ, что такъ какъ онъ въ настоящее время считаетъ ваше присутствіе во 2-мъ баталіонѣ необходимымъ, то и не можетъ согласиться на вашу просьбу. Государь, по возвращеніи сюда, разрѣшитъ все и, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на ревностную службу, оказанную вами при командованіи 2-мъ баталіономъ, и пр. А. Бенкендорфъ.

С.-Петербургъ, 22-го октября 1820 г.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

С. МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ.

1794—1826.

Біографическій очеркъ.

Настоящій очеркъ составленъ по матеріаламъ, помѣщеннымъ въ историческихъ изданіяхъ: «Русская Старина», «Русскій Архивъ», «Чтенія Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ», а также въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» (1868 г., кн. VI: Записки Н. И. Греча о декабристахъ) и по «Исторіи царствованія Александра I», составленной генераломъ Богдановичемъ (т. V и VI). Представляя лишь сводъ фактовъ, разсѣянныхъ въ указанныхъ изданіяхъ, а также въ «Запискахъ Басаргина» (изд. 1872 г.), Гебеля, М. И. Муравьева-Апостола («Русскій Архивъ» 1871 г. тетр. 6-я) и друг.,—настоящій разсказъ не лишенъ интереса: изъ него совершенно ясно видно, что Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ мало зналъ Россію и своихъ соотечественниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, проведя дѣтство и отрочество за границей, затѣмъ довершивъ образованіе въ институтѣ путей сообщенія, заведеніи въ то время чисто французскомъ, Муравьевъ-Апостолъ даже первые годы своей службы провелъ вдали отъ родины, принимая участіе въ кампаніяхъ 1813—1814 гг. Только полнымъ незнаніемъ своей страны и народа, и фантазіями, развитыми чужеземнымъ образованіемъ, можно объяснить тотъ интересный фактъ, что человѣкъ, столь образованный и съ прекраснымъ сердцемъ, какимъ обладалъ С. Муравьевъ-Апостолъ, могъ вступить на стезю заговорщика и стать въ челѣ мятежниковъ.... Ред.

Настоящій очеркъ составленъ при содѣйствіи брата С. И. Муравьева-Апостола—Матвѣя Ивановича, ветерана 1812 года. Мы нашли въ немъ, не смотря на его 80 лѣтъ, совершенную свѣжесть памяти, сердца, ума, вполнѣ ясный, современный взглядъ на вещи и полную готовность сообщить намъ разсказы о видѣнномъ и перенесенномъ имъ. Отъ всего сердца благодаримъ его за содѣйствіе нашему труду.

Видѣть этому человѣку пришлось много: онъ слышалъ звонъ колоколовъ въ Парижѣ, при провозглашеніи Наполеона I императоромъ; онъ участвовалъ

въ сокрушеніи этого гиганта и съ гордостью носятъ раны, полученныя имъ подъ Кульмомъ. Затѣмъ несчастная попытка, тяжелые годы испытанія, возвращеніе; наконецъ великія событія, свершившіяся по волѣ нашего, дорогаго для сердца русскаго Государя Императора, великія дѣянія его, ознаменованныя улучшеніемъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія — все это прошло при жизни благороднаго старца.

Съ чувствомъ уваженія посвящаемъ свой скромный трудъ Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу. **Михаилъ Валасъ.**

I.

Je passerai sur cette terre,
Toujours rêveur et solitaire,
Sans que personne m'aie connu.
Ce n'est qu'à la fin de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu[1]).

(Kamenka) Sirge Mouravieff-Apostol.

Отецъ Сергѣя Ивановича, Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ[2]), замѣчательная личность своего времени, родившись въ Москвѣ, въ 1765 году, и получивъ солидное первоначальное обученіе въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ нѣмецкихъ пансіоновъ, поступилъ на службу въ измайловскій полкъ. Умный, красивый, любезный, съ глубокими классическими познаніями, молодой человѣкъ обратилъ своимъ переводомъ Шеридановой комедіи „Школа Злословія“ вниманіе просвѣщенной монархини Екатерины II, которая и опредѣлила его кавалеромъ къ Александру и Константину Павловичамъ. Въ 1790 г.

---

[1]) Въ 1823 году С. И. гостилъ въ Каменкѣ у Давыдова. Однажды между хозяиномъ и гостемъ зашелъ споръ о французскихъ стихахъ. С. И. доказывалъ, что французскіе стихи берутъ, главнымъ образомъ, своею мыслію, а не пѣвучестью, въ доказательство чего вышелъ въ другую комнату и написалъ эту пророческую строфу. **М. В.**

[2]) Здѣсь кстати объяснить приставку къ фамиліи Муравьевыхъ «Апостолъ». Когда дѣдъ Матвѣя и Сергѣя Ивановичей, Матвѣй Артамоновичъ, стоялъ съ своимъ полкомъ въ Малороссіи, то полюбивъ дочь (внучку?) гетмана Даніила Апостола, и не получивъ согласія со стороны родителей, онъ тайно увезъ ее. Впослѣдствіи ея фамилія была присоединена къ фамиліи Муравьевыхъ. **М. В.**

Родословія Апостоловъ и Муравьевыхъ-Апостоловъ помѣщены въ изд. нами «Русской Родословной Книгѣ» (изд. 1873 г., стр. 122—123; 235—236.—Снимокъ съ автографа Сергѣя Муравьева-Апостола, см. въ «Сборникѣ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. редакціи «Рус. Стар.» 1873 г., стр. 23, № 56. **Ред.**

Иванъ Матвѣевичъ женился на Аннѣ Семеновнѣ Черноевичъ[1]. Со вступленіемъ на престолъ Павла I, онъ былъ назначенъ въ Гамбургъ министромъ-резидентомъ. Нужно замѣтить, что Гамбургъ въ то время былъ весьма важнымъ дипломатическимъ постомъ, ибо мы черезъ него имѣли первыя, послѣ бывшаго перерыва, сообщенія съ французской республикой.

Когда, въ 1799 году, Павелъ I объявилъ войну французской республикѣ, то главныя силы, подъ начальствомъ Суворова, были отправлены въ Италію, другая же часть, для совмѣстнаго дѣйствія съ Англіей—въ Голландію. Сборнымъ пунктомъ нашего войска былъ островъ Джерсей. Между прочимъ, было приказано всѣмъ генераламъ (гатчинскимъ), отправлявшимся въ Голландію изъ Петербурга, останавливаться въ Гамбургѣ для того, чтобы узнать, куда имъ ѣхать. Эти гатчинскіе генералы доставляли много хлопотъ Ивану Матвѣевичу, но и много пищи для остротъ. Такъ, одного гатчинскаго генерала укачало во время переѣзда изъ С.-Петербурга въ Гамбургъ, и онъ убѣдительно просилъ Ивана Матвѣевича перевезти его сухимъ путемъ на островъ Джерсей. Другой гатчинецъ просилъ представить его гамбургскому королю; онъ же побилъ своего человѣка, который въ тотъ же день бѣжалъ, и когда на его просьбу миссія отказалась пожаловаться гамбургской съѣзжей, такъ какъ ее въ Гамбургѣ нѣтъ, то гатчинецъ ядовито замѣтилъ: „Хорошъ же городъ, гдѣ ни короля, ни съѣзжей нѣтъ".

Въ 1800 году, когда Иванъ Матвѣевичъ, будучи назначенъ вице-президентомъ иностранной коллегіи въ Петербургѣ, разсказывалъ объ этихъ продѣлкахъ гатчинцевъ Ростопчину, то тотъ отвѣчалъ, что и на его долю много досталось хлопотъ чрезъ нихъ. Одинъ изъ гатчинцевъ явился къ императору Павлу въ костюмѣ пруссака, временъ Семилѣтней войны; это обратило вниманіе государя и онъ приказалъ выдать ему на дорогу въ Гамбургъ 100 червонцевъ. На другой день этотъ гатчинскій генералъ является къ Ростопчину и проситъ благодарить за эту сумму. Ростопчинъ замѣтилъ ему, что этой суммы едва станетъ на переѣздъ. „Помилуйте", отвѣчалъ тотъ, „да меня всякій извощикъ довезетъ за 10 рублей". Дѣло состояло въ томъ, что гатчинскій генералъ смѣшалъ Гамбургъ съ Ямбургомъ.

---

[1]) Отецъ Анны Семеновны, Семенъ Черноевичъ, сербъ, генералъ австрійской службы, былъ принятъ съ тѣмъ же чиномъ въ русскую армію; проживъ въ Петербургѣ два года, женился на Елизаветѣ Аристарховнѣ Кашкиной. Во время турецкой войны Черноевичъ, получивъ отдѣльное начальствованіе, поѣхалъ въ молдавскую армію, занемогъ дорогой и скончался въ Стародубѣ.

М. В.

Прослуживъ короткое время вице-президентомъ иностранной коллегіи, Иванъ Матвѣевичъ былъ назначенъ министромъ-посланникомъ въ Испанію, и здѣсь, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выучился для веденія переговоровъ свободно владѣть испанскимъ языкомъ. Извѣстное дѣло сдачи Синявина подъ Лиссабономъ, возбудивъ неудовольствіе на нѣсколько несогласныя съ намѣреніями правительства дѣйствія посланника, заставило Ивана Матвѣевича отправиться, для личныхъ объясненій, въ 1808 году, ко двору: съ этихъ поръ онъ бросилъ службу и проживалъ въ своей деревнѣ Хомутецъ, Полтавской губ., Миргородскаго уѣзда, предавшись любимымъ имъ занятіямъ науками.

Въ 1819 году сдѣланъ имъ былъ превосходный переводъ одного изъ труднѣйшихъ классиковъ—„Облаковъ" Аристофана. Мастерство и ясность перевода и легкость языка показываютъ къ немъ глубокое знаніе классическихъ языковъ. Другое капитальное его произведеніе— это изслѣдованіе памятниковъ Тавриды. Громадная эрудиція и ясное опредѣленіе топографіи сдѣлали его путешествіе по Тавридѣ, изданное въ 1823 г., извѣстнымъ всему ученому и литературному міру, такъ что новѣйшіе изслѣдователи памятниковъ Крыма постоянно ссылаются на его книгу (см. сочиненія Спасскаго. Кене и др.). Вообще это былъ человѣкъ просвѣщенный, сочувствовавшій улучшенію общества. Въ глубокой старости онъ скончался, въ 1851 году, сенаторомъ въ С.-Петербургѣ.

Второй сынъ Ивана Матвѣевича, Сергѣй Ивановичъ, родился въ 1794 году, въ Петербургѣ, въ домѣ отца Самборскаго [1]). Дѣтство его протекло главнымъ образомъ за границей: сперва въ Гамбургѣ, а потомъ—въ Парижѣ. Въ Испаніи родители Матвѣя и Сергѣя Ивановичей, вслѣдствіе отсутствія всякихъ сносныхъ воспитательныхъ заведеній, не могли ихъ оставить и принуждены были отдать въ париж-

---

[1]) Замѣчательная личность протоіерея Самборскаго стóитъ того, чтобы о ней упомянуть. Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій былъ священникомъ при нашей миссіи въ Лондонѣ, до 1781 г. Просвѣщенный и страстный любитель сельскаго хозяйства, онъ первый вывезъ изъ Англіи земледѣльческія орудія. Въ 1781 году сопутствовалъ онъ, по назначенію Екатерины II, въ путешествіи Павла I и его супруги по Европѣ. Назначенный духовникомъ и законоучителемъ Александра и Константина Павловичей, онъ путешествовалъ потомъ по Греціи и, наконецъ, поселился въ Украйнѣ. Въ деревнѣ своей Каменкѣ устроилъ онъ больницу, выписалъ доктора и спасъ крестьянъ отъ появившагося, въ сильныхъ размѣрахъ, сифилиса.

Внѣшность Самборскаго была нѣсколько оригинальна для духовнаго сана: онъ брилъ себѣ бороду и внѣ службы ходилъ въ сюртукѣ, со звѣздой, и въ круглой шляпѣ. М. В.

скій пансіонъ Hix'а. Пансіонъ этотъ совмѣщалъ въ себѣ и приготовительное, и гимназическое образованіе; отсюда были выпускаемы воспитанники и въ политехническую школу, и въ университетъ [1]). Окончивши блистательно воспитаніе въ этомъ заведеніи (его латинскіе стихи обратили вниманіе всего училищнаго совѣта), Сергѣй Ивановичъ, вмѣстѣ съ братомъ и матушкой, отправились въ Россію. Замѣчательно, что Сергѣй Ивановичъ, вслѣдствіе своей доброты и серьезности характера, съ самаго ранняго дѣтскаго возраста былъ всеобщимъ любимцемъ пансіона, гдѣ было до 600 воспитанниковъ.

Когда Иванъ Матвѣевичъ выѣхалъ въ Россію, то Анна Семеновна отправилась изъ Мадрита въ Парижъ дождаться окончанія воспитанія своихъ сыновей. Но, по причинѣ непріязненныхъ отношеній Франціи съ Россіей, для пребыванія въ Парижѣ нужно было испросить разрѣшенія Наполеона I, который съ рѣдкой любезностью отвѣтилъ на ея просьбу, что „покуда во Франціи будетъ уважаться добродѣтель, до тѣхъ поръ M-me Муравьевой не будетъ никакого притѣсненія".

Въ 1809 году Наполеонъ женился на эрцгерцогинѣ австрійской Луизѣ; матушка братьевъ Муравьевыхъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы возвратиться изъ Парижа въ Россію. Единообразіе дороги не было ничѣмъ нарушено, исключая встрѣчи подъ Лейпцигомъ съ французскимъ кавалерійскимъ отрядомъ, выставленнымъ противъ партизанскаго отряда ротмистра Шиля, который впослѣдствіи былъ изрубленъ, вмѣстѣ съ увлеченнымъ эскадрономъ, подъ Гамбургомъ.

Въ проѣздѣ черезъ Берлинъ, они остановились въ Липовой аллеѣ. Въ одно прекрасное утро, когда Анна Семеновна сидѣла съ дѣтьми за утреннимъ чаемъ, съ раскрытыми окошками, вблизи раздался ружейный залпъ. По приказанію Наполеона, были разсрѣляны въ Берлинѣ, противъ королевскаго дворца, взятые въ плѣнъ нѣсколько кавалеристовъ изъ отряда Шиля. Прусскій король и его семейство жило въ Кенигсбергѣ. Всѣ прусскія крѣпости были заняты французами.

На границѣ Пруссіи съ Россіей, дѣти, завидѣвши казака на часахъ, выскочили изъ кареты и бросились его обнимать. Усѣвшись въ карету ѣхать далѣе, они выслушали отъ своей матушки вѣсть, очень поразившую ихъ. „Я очень рада", сказала она дѣтямъ, „что долгое пребываніе за границей не охладило вашихъ чувствъ къ родинѣ, но готовьтесь, дѣти, я вамъ должна сообщить ужасную вѣсть; вы найдете

[1]) Въ политехническую школу могли поступать только французскіе подданные, изъ чего мы видимъ, что предположеніе Н. И. Греча о воспитаніи С. И. въ этомъ заведеніи не вѣрно. М. В.

то, чего и не знаете: въ Россіи вы найдете (крестьянъ) рабовъ!“ Дѣйствительно, нужно преклониться передъ такой женщиной-матерью, которая, до 15-ти-лѣтняго возраста своихъ дѣтей, ни разу не упоминала имъ о рабахъ, боясь разстлѣвающаго вліянія этого сознанія на дѣтей. Въ 1810 году Анна Семеновна скончалась, оставивши семеро дѣтей [1]). Въ концѣ 1809 года оба брата поступили въ институтъ путей сообщенія, а въ 1811 году Сергѣй Ивановичъ былъ выпущенъ прапорщикомъ.

Институтъ путей сообщенія былъ учрежденъ около 1808 года. Для этого былъ купленъ домъ Юсупова, на Фонтанкѣ, у Обухова моста; попечителемъ его былъ назначенъ принцъ Ольденбургскій, а главноуправляющимъ—генералъ Бетанкуръ, французъ, испанскій инженеръ, рекомендованный русскому правительству Иваномъ Матвѣевичемъ. Старикъ Сенноверъ былъ директоромъ института, а главными сподручниками его были, почти исключительно, французы. Вообще заведеніе носило чисто французскій отпечатокъ. Большинство воспитанниковъ принадлежало къ самымъ лучшимъ аристократическимъ и иностраннымъ фамиліямъ. Они носили мундиръ съ шитьемъ, но безъ эполетъ; произведенные въ прапорщики оставались въ училищѣ до поручичьяго чина. Значительный спросъ людей образованиыхъ, сравнительно съ ничтожнымъ предложеніемъ, заставляло не рѣдко людей того времени приниматься не за ту спеціальность, къ которой онъ готовился; такъ, мы видимъ Сергѣя Ивановича, въ 1812 году, офицеромъ генеральнаго штаба, сперва при генералѣ Монфреди, а потомъ—въ партизанскомъ отрядѣ генералъ-адъютанта Петра Ожеровскаго. За кампанію 1813 года Сергѣй Ивановичъ получилъ Владиміра 4-й степени и золотую шпагу за храбрость. Около этого же времени, по мысли и на иждивеніе Екатерины Павловны, герцогини Ольденбургской, былъ сформированъ изъ удѣльныхъ ея крестьянъ „егерскій, имени ея высочества, баталіонъ“, командиромъ котораго былъ назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій. Въ этотъ же баталіонъ былъ переведенъ съ чиномъ поручика Сергѣй Ивановичъ и съ нимъ участвовалъ въ походахъ 1814 года, командуя ротой. Изъ исторіи этого баталіона видно участіе его въ Кенигштейнскомъ, Лейпцигскомъ и почти во всѣхъ замѣчательныхъ сраженіяхъ той великой эпохи. Изъ 1,000 человѣкъ возвратилось только 417. Въ декабрѣ 1814 года баталіонъ былъ расформированъ и Сергѣй Ивановичъ, съ чиномъ штабсъ-капитана, получивъ Анну на шею за кампа-

---

[1]) Матвѣя, Сергѣя и Ипполита Ивановичей; Екатерину Ивановну, впослѣдствіи Бибикову, Елисавету Ивановну—графиню Ожеровскую, Анну Ивановну—Хрущову и Елену Ивановну—Капнистъ. М. В.

нію 1814 года, былъ переведенъ безсмѣннымъ ординарцомъ къ Н. Н. Раевскому; а въ 1816 году—переведенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, съ которымъ братъ его. Матвѣй Ивановичъ, совершилъ всю кампанію 1812—1814 гг.

Походы 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ имѣли сильное вліяніе на нашу лучшую, т. е. военную молодежь. Возвратившись съ походовъ, многое нашла она въ Россіи несоотвѣтствующимъ новымъ ея, выработаннымъ среди заграничной обстановки, понятіямъ.

Всѣ историки александровской эпохи согласны въ томъ, что, не смотря на блистательные наши подвиги во время отечественной войны, многое находилось у насъ не въ блистательномъ положеніи. Торговля и промышленность въ упадкѣ, повсемѣстное угнетеніе и бѣдность закрѣпощеннаго народа, повсемѣстное казнокрадство, взяточничество въ судахъ и угнетеніе бѣдныхъ,—все это тяжело отзывалось на души патріотовъ, воспитанныхъ на чтеніи Монтескье, Бенжамена, Констана, Руссо, Бентама и во очію видѣвшихъ лучшіе порядки. И вотъ они стали мечтать о томъ, что нынѣшнее поколѣніе вполнѣ уже имѣетъ, благодаря великой воли нынѣшняго нашего Монарха.

Въ 1816 году, когда Якушкинъ съ Трубецкимъ были въ гостяхъ у братьевъ Муравьевыхъ, жившихъ въ казармахъ семеновскаго полка, пріѣхали къ нимъ Александръ и Никита Муравьевы и предложили имъ принять участіе въ тайномъ обществѣ, цѣль котораго, по ихъ мнѣнію, состояла въ благѣ отечества. Впрочемъ, намѣреніе свое они привели въ исполненіе не ранѣе февраля 1817 года, когда, привлеченный въ это общество Никитой Михайловичемъ Муравьевымъ, Павелъ Ивановичъ Пестель составилъ уставъ для общества, названнаго ими: „Союзомъ спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“. По своимъ внѣшнимъ пріемамъ, оно во многомъ подражало, отживавшимъ уже въ то время, обрядамъ массонства[1]), что и было главною причиною его недолгаго существованія. Члены общества дѣлились на три разряда: основатели-члены назывались „бояре“, потомъ шли „мужи“ и, наконецъ, „братія“; въ это время мы находимъ Сергѣя Ивановича въ числѣ бояръ. Мы не будемъ подробно останавливаться на изложеніи устройства и іерархіи, какъ этого, такъ и послѣдующихъ обществъ, ибо желающіе могутъ прочесть это во многихъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы, статьяхъ и мемуарахъ; мы оста-

[1]) Въ числѣ членовъ военной ложи «Трехъ вѣнчанныхъ мечей», по свидѣтельству Вигеля, мы находимъ Сергѣя Ивановича; но безполезные мистическіе обряды скоро надоѣли членамъ и они ее бросили. Да и вообще массонскія ложи составляли уже въ то время не болѣе, какъ своего рода клубы.

М. В.

новимся на нихъ на столько, на сколько они касаются Муравьева-Апостола.

Въ концѣ 1817 года царская фамилія отправилась въ Москву; въ числѣ офицеровъ первыхъ баталіоновъ гвардіи находился и Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ. Около этого же времени многіе члены, будучи недовольны уставомъ общества „Спасенія", написаннаго Пестелемъ въ подражаніе устава массонскихъ ложъ и основаннымъ на правилахъ слѣпаго повиновенія, употребленіи яда и кинжала и т. п., положили отмѣнить его и поручили составить новый уставъ А. Н. и М. Н. Муравьевымъ, кн. Трубецкому и Колошину, по образцу устава Tugenbund'а, привезеннаго изъ-за границы княземъ Ильей Долгорукимъ.

Общество приняло названіе: „Союза Благоденствія". Между тѣмъ гвардія возвратилась въ Петербургъ, и главные члены продолжали энергично дѣйствовать въ пользу распространенія общества. Главная цѣль этого устава состояла въ слѣдующемъ: „одно благо отечества есть цѣль его; что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, которое, не смотря на свое могущество, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ лицъ; что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благонамѣренныхъ, будетъ трудиться въ тайнѣ для избѣжанія нареканій злобы и ненависти"[1]). Это общество дѣлилось на 4 группы; предметомъ дѣятельности 1-й было человѣколюбіе, 2-й—умственное и нравственное образованіе; 3-й—дѣйствія судовъ и правосудіе въ нихъ; 4-й—предметы политической экономіи. Задача первой группы состояла въ распространеніи частной и общественной благотворительности, въ увѣдомленіи правительства о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ въ нихъ, равно и въ изысканіи средствъ исправленія и усовершенствованія. Задача второй группы состояла въ распространеніи познаній, заведеніи училищъ, особенно Ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіи воспитанію юношества. Задача третьей группы состояла, какъ въ наблюденіи за правосудіемъ, такъ и принятіи на себя различныхъ судебныхъ должностей, для оказанія содѣйствія правосудію по мѣрѣ возможности. Задачи четвертой группы состояли въ изысканіи и опредѣленіи непреложныхъ правилъ общественнаго богатства, въ распространеніи всякаго рода промышленности, утвержденіи общаго кредита и истребленіи монополій. Такія цѣли и задачи способствовали быстрому распространенію общества въ 1819 и 1820 годахъ.

---

[1]) Смотри Донесеніе слѣдственной коммиссіи.

Но тутъ случилось происшествіе, обратившее вниманіе всей Европы. Я говорю о безпорядкахъ въ Семеновскомъ полку.

Семеновскій полкъ, старѣйшій изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, былъ любимѣйшимъ полкомъ императора. Будучи шефомъ его, онъ принималъ лично рапорты отъ дежурнаго и, оставивъ эту честь полку и послѣ вступленія на престолъ, имѣлъ возможность знать лично почти всѣхъ офицеровъ.

Дѣствительно, этотъ гвардейскій полкъ, стяжавшій безсмертную славу во время колоссальныхъ войнъ, былъ лучшимъ во всей арміи.

Начиная съ полковаго командира и до послѣдняго солдата,—все въ немъ было безукоризненно. Офицеры его, считавшіеся самыми образованными во всей гвардіи, принадлежали къ самымъ аристократическимъ фамиліямъ. Грубая казарменность была выведена изъ употребленія, неприличный и несогласовавшійся съ правилами чести поступокъ влекъ за собой немедленное исключеніе изъ службы. Офицеры занимались обученіемъ солдатъ, серьезнымъ чтеніемъ; тѣлесное наказаніе было выведено изъ употребленія. Солдаты во всемъ старались подражать своимъ офицерамъ, и вѣжливость, развитость семеновца была поразительна.

Въ средѣ офицеровъ этого полка особенно выдѣлялись два брата Муравьевы-Апостолы, Матвѣй и Сергѣй Ивановичи; они пользовались всеобщимъ уваженіемъ.

Необыкновенная кротость Сергѣя Ивановича, соединенная съ любезностью, живостью и остроуміемъ, была въ немъ, по выраженію современниковъ, блистательна и приманчива. Возвышенный и свѣтлый умъ, глубокая религіозность, прекрасныя душевныя качества пріобрѣтали ему чувства любви и преданности. Привѣтливость и остроуміе дѣлали его душею общества. По поводу его остротъ Н. Гречъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: однажды директоръ Публичной Библіотеки, А. Н. Оленинъ, жаловался С. И. Муравьеву-Апостолу на равнодушіе нашей публики къ умственнымъ занятіямъ. На одномъ публичномъ чтеніи въ Императорской Публичной Библіотеки слетѣло съ верхней галлереи яблоко. „Cela doit vous faire plaisir, — сказалъ С. И. директору: — on a écoute avec fruit".

Вслѣдствіе неудобства соединенія разомъ двухъ командъ полковаго и дивизіоннаго командира въ лицѣ Я. А. Потемкина—какъ командиръ Семеновскаго полка онъ подчиненъ былъ его императорскому высочеству Николаю Павловичу бригадному командиру, а какъ бригадный командиръ — великій князь былъ подчиненъ ему), Я. А. Потемкинъ оставилъ командованіе полка, сдавъ его, 14 мая 1820 г., полковнику Шварцу. Это былъ человѣкъ грубый, вспыльчивый, фанатикъ шаги-

стики. Недостойное поведеніе Шварца, какъ командира полка, вызвало негодованіе его подчиненныхъ.

„Осенью 1820 г., шедши по Гороховой улицѣ, встрѣтилъ я,—пишетъ Вигель,—Сергѣя Ивановича съ какимъ-то однополчаниномъ".

—„Что съ вами?" спросилъ я. „Мнѣ кажется, вы нездоровы?"

—„Нѣтъ я здоровъ, только не веселъ,—радоваться нечему".

—„Потерпите", сказалъ я, „надѣйтесь".

„Грустно взглянулъ онъ на меня, промолвивъ: „viver in spirando. morir in ca-ndo", поклонился и пошелъ дальше".

Подробности безпорядковъ, возникшихъ въ Семеновскомъ полку, хорошо извѣстны[1]). Въ моментъ событія въ третьей ротѣ все было спокойно; дневальные не впускали солдатъ возмутившихся ротъ, и въ то же время, былъ посланъ унтеръ-офицеръ за начальникомъ ея. С. Муравьевъ-Апостолъ только что собирался лечь спать, какъ прибѣжалъ къ нему посланный за нимъ унтеръ-офицеръ. Приказавъ не пускать въ свою роту возмутившихся людей, онъ быстро одѣлся и отправился. Въ то же время пріѣхалъ Вадковскій, баталіонный командиръ; онъ началъ ихъ уговаривать и просилъ ихъ подождать своего пріѣзда отъ полковаго командира. Когда пріѣхалъ Муравьевъ, то удивился, увидѣвъ въ квартирѣ своей роты скопище, и спросилъ: „Кто собралъ роту?" На это ему отвѣчали, что 2-я и 1-я рота насильно ворвались. Тогда онъ обратился къ солдатамъ: „Не увлекайтесь примѣромъ товарищества. Въ продолженіи четырехлѣтняго командованія ротой, я заслужилъ вашу довѣренность и любовь,—не губите себя и меня вмѣстѣ". Солдаты, повинуясь голосу любимаго начальника, собрались уже разойтись, какъ вдругъ съ лѣваго фланга послышались голоса: „Не расходись, не отставай". Разсерженный Сергѣй Ивановичъ бросился на солдатъ другихъ ротъ, возмущавшихъ его роту, и закричалъ: „кто далъ вамъ право придти въ мою роту?" и приказалъ имъ расходиться, на что они отвѣчали ему, что баталіонный командиръ приказалъ имъ дожидать себя. Въ это время, съ праваго фланга, неожиданнымъ напоромъ солдаты бросились во 2-ю гренадерскую роту и увлекли часть 3-й роты. Сергѣй Ивановичъ, приказавъ фельдфебелю сторожить оставшихся людей, самъ бросился за побѣжавшими и привелъ свою роту назадъ. Сергѣй Ивановичъ успокоилъ солдатъ, сказавъ имъ, что къ разсвѣту надо одѣваться въ караулъ и что они осрамятъ полкъ, когда узнаютъ причину ихъ неявки. Солдаты отвѣчали, что у нихъ все готово и отъ службы они непрочь.

---

[1]) См., между прочимъ, разсказъ полковника Вадковскаго въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VII. стр. 635—650.

Онъ приказалъ имъ разойтись по камерамъ и лечь спать, прибавивъ при этомъ, что отъ нихъ не отойдетъ до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Успокоенные имъ солдаты заснули. Утомленный трудами и видя спокойствіе солдатъ, Сергѣй Ивановичъ отправился съ поручикомъ Тулубьевымъ въ комнату фельдфебеля ожидать Вадковскаго.

Внезапное появленіе караула, возвращавшагося съ придворнаго маскарада, испортило все. Возбужденные умы солдатъ приняли его за конвой, явившійся ихъ арестовать; вторая и первая роты выбѣжали съ криками во дворъ, третья ей послѣдовала. Тщетно Сергѣй Ивановичъ ее останавливалъ. Ничто не помогло. Офицеры отправились во дворъ, чтобы возстановить порядокъ въ массѣ. Послѣдствія извѣстны.

Здѣсь кстати разсказать эпизодъ, могущій пролить нѣсколько иной взглядъ на дѣйствія Шварца. Когда семеновцы по ротно выводились изъ С.-Петербурга, Шварцъ, по довѣрію къ Сергѣю Ивановичу, поручилъ ему передачу семеновцевъ армейскимъ офицерамъ, и когда онъ пришелъ въ послѣдній разъ за приказаніемъ, то Шварцъ взялъ Сергѣя Ивановича за руку и подвелъ къ образу: „Какъ Богъ святъ", сказалъ онъ, „я не виноватъ, что лишилъ Россію ея полка. Мнѣ сказали, что это полкъ бунтовщиковъ, и я,уракъ, этому повѣрилъ; я не стою послѣдняго солдата этого полка" [1]).

Старо-Семеновскій полкъ былъ расформированъ; офицеры были разсѣяны по арміи; Сергѣй Ивановичъ, назначенный сперва съ чиномъ подполковника въ полтавскій пѣхотный полкъ, оттуда генераломъ Ротомъ былъ переведенъ начальникомъ втораго баталіона черниговскаго полка.

II.

Между тѣмъ, дѣла общества все разстраивались; большинство членовъ не сочувствовало планамъ руководителя и главнаго дѣятеля на югѣ —Пестеля. Скоро въ отношеніяхъ членовъ явилась холодность, начали возникать несогласія, жаркіе споры. Дабы побудить сѣверное общество быть дѣятельнѣе, Пестель поручилъ, ѣхавшему въ то время въ Москву, Вурцову принять къ этому должныя мѣры. По обнаруженіи разномыслія и по выходѣ многихъ членовъ, предсѣдателемъ этого собранія, Н. И. Тургеневымъ, въ 1821 году въ концѣ февраля, общество было распущено. Уставъ „Союза Благоденствія" и многія другія бумаги уничтожены. Но главные руководители намѣрены были только прі-

[1]) Слова эти сообщены мнѣ Матвѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ. М. В.

остановить дѣятельность общества, вовсе не думая совсѣмъ отказаться отъ нея. На югѣ Пестель воспользовался этимъ случаемъ; удалилъ слабосердыхъ, представляя имъ опасности и трудности предпріятія и, вмѣстѣ съ генераломъ Юшневскимъ, рѣшили не признавать общество разрушеннымъ. Съ этого времени общество Пестеля и Юшневскаго приняло названіе Южнаго Округа, раздѣлившись, согласно прежнему уставу Пестеля, на бояръ, имѣвшихъ право голоса при рѣшеніи важныхъ вопросовъ директоріи, на мужей, имѣвшихъ право принимать членовъ, скрывая, впрочемъ, отъ прочихъ членовъ ихъ фамилію, и, наконецъ, на братьевъ, неимѣвшихъ права принимать и вербовать членовъ. Предсѣдателями были назначены Пестель, Юшневскій и Никита Михайловичъ Муравьевъ. Петербургское общество, совершенно разстроенное, только въ 1823 году было снова организовано. Предсѣдателями его сперва былъ назначенъ одинъ только Никита Муравьевъ, а впослѣдствіи—князь Сергѣй Трубецкой и князь Евгеній Оболенскій.

Съ этихъ поръ оба общества приняли названіе по географическому своему положенію: первое названо было Южнымъ, второе — Сѣвѣрнымъ. Южное общество, отличавшееся необыкновенной дѣятельностью, управлялось Тульчинской думой, директорами которой были Пестель, Юшневскій и, въ скоромъ времени, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Подъ начальствомъ Тульчинской думы находились двѣ управы: правая или Калинская, подъ начальствомъ полковника Давыдова и князя С. Волконскаго; лѣвая или Васильковская, подъ начальствомъ Сергѣя Ивановича и Михаила Павловича Бестужева-Рюмина. Въ январѣ 1823 года былъ съѣздъ блюстителей управъ въ Кіевѣ, на коемъ были читаны и обсуждаемы отрывки конституціонныхъ опытовъ Пестелевой правды; при этомъ члены предавались суесловію, которое, главнымъ образомъ, тутъ же и осуждалъ Сергѣй Ивановичъ. Различныя сумазбродныя предпріятія, въ родѣ слѣдующихъ: начать дѣйствія осенью 1823 года въ лагерѣ подъ Бобруйскомъ, или въ 1824 году, въ Бѣлой Церкви, на смотру 3-го пѣхотнаго корпуса; оттуда идти на Кіевъ и на Москву, изъ Москвы на Петербургъ и т. д., лопнули сами собой, вслѣдствіе несбыточности, и свидѣтельствовали о сильномъ возбужденіи умовъ, которое господствовало тогда въ южномъ обществѣ.

Около этого же времени (1823 г.) князь Яблоновскій и графъ Викторъ Яблоновскій, члены варшавскаго патріотическаго общества, провѣдавъ о тайномъ обществѣ офицеровъ, извѣстили свое общество объ этомъ. Варшавское патрі тическое общество поторопилось, для разузнанія средствъ и цѣлей южнаго общества, поручить своему члену

въ Кіевѣ, Городецкому, провѣдать объ этомъ. Городецкій тщетно кружился около Тульчина, и значительно позже сталъ вести переговоры съ княземъ Волконскимъ и Пестелемъ.

Независимо отъ порученія, даннаго патріотическимъ варшавскимъ комитетомъ Городецкому, Васильковская управа, въ лицѣ своихъ блюстителей М. П. Бестужева-Рюмина и Сергѣя Муравьева-Апостола, въ 1824 году, напала на слѣдъ польскаго общества, познакомившись черезъ графа Ходькевича съ Крыжановскимъ.

Крыжановскій, по собственному признанію, не былъ уполномоченъ своимъ обществомъ дѣлать какіе-нибудь договоры, и цѣль его заключалась въ сближеніи двухъ обществъ; каждый высказывалъ свое мнѣніе, и Крыжановскій обѣщалъ довести до свѣдѣнія варшавскаго общества их требованія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ единствѣ дѣйствій.

Сверхъ того, рѣшили, длясообщенія важныхъ свѣдѣній другъ другу, назначить постоянными коммиссарами С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина — со стороны русскаго южнаго общества и Городецкаго и Черкаскаго — со стороны польскаго общества. Но переговоры эти велись вяло и медленно [1]). Варшавское патріотическое общество не торопилось отвѣтомъ. Около этого же времени князь Сергѣй Волконскій, познакомившись съ Городецкимъ, привезъ его къ Пестелю, съ которымъ онъ велъ переговоры. Въ 1825 году, въ присутствіи князя Сергѣя Волконскагó, по поводу совѣщанія между Пестелемъ и уполномоченнымъ отъ польскаго патріотическаго общества, княземъ Яблоновскимъ, здѣсь обнаружились несогласія въ цѣляхъ двухъ обществъ и переговоры были отложены до 1826 года.

Лѣтомъ 1825 года, во время стоянки лагеремъ 3-го пѣхотнаго корпуса близъ мѣстечка Лещина, Волынской губерніи, Житомірскаго уѣзда, во время постоянныхъ сборовъ офицеровъ, Бестужевымъ-Рюминымъ открыто было и принято Муравьевымъ-Апостоломъ, независимо существовавшее до тѣхъ поръ въ продолженіе двухъ лѣтъ, общество соединенныхъ славянъ. Основателемъ его былъ Петръ Ивано-

---

[1]) Вообще донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета противорѣчитъ, въ этомъ случаѣ, донесенію верховной слѣдственной коммиссіи. Варшавскій комитетъ говоритъ, что, въ продолженіе 11-ти-мѣсячныхъ сношеній, члены обоихъ обществъ ни въ чемъ не могли согласиться, и что между ними не было и разсужденій о присоединенныхъ къ Россіи областяхъ. Да къ тому-жъ, въ опроверженіе распространеннаго мнѣнія о желаніи Пестеля располагать достояніемъ Россіи, Петръ Николаевичъ Свистуновъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» приводитъ слѣдующія слова Пестеля: «Какъ Богъ единъ, такъ и Россія едина». М. В.

вичъ Борисовъ 2-й [1]), подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады; вообще, въ немъ мы можемъ видѣть благороднаго, но не зрѣлаго политическаго мечтателя; цѣль его общества панславическая—соединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ одно. Въ уставѣ этого общества, въ катехизисѣ соединенныхъ славянъ, видно подражаніе мистическимъ обрядамъ ультра-массонства; да и вообще общество это было весьма оригинально и скорѣе было плодомъ фантазіи, чѣмъ мысли, если сравнить громадность задачи съ ничтожествомъ средствъ. Число членовъ этого общества было не болѣе 36, по большей части молодыхъ артиллерійскихъ и армейскихъ офицеровъ; М. П. Бестужеву-Рюмину не трудно было убѣдить ихъ присоединиться къ южному обществу. Они находились въ подчиненіи Васильковской управы, съ которою имѣли сообщенія черезъ двухъ избранныхъ членовъ — Горбачевскаго и Спиридова. Изъ всѣхъ этихъ дѣятельныхъ дѣйствій Васильковской управы мы видимъ, что Муравьевъ-Апостолъ въ это время весь предался интересамъ тайнаго общества и распространенію его идей. Въ тоже время заброшенный судьбою вѣ глушь, такой человѣкъ, какъ Сергѣй Ивановичъ, не могъ не принесть пользы тѣмъ гуманнымъ началамъ, которыя съ полною силою вошли въ русскую жизнь только 19-го февраля 1861 года. Обученіе грамотѣ солдатъ, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія солдатъ, внушеніе имъ рѣдкаго въ то время уваженія къ чужой собственности; поднятіе нравственнаго духа, по мѣрѣ возможности, офицеровъ,—вотъ предметы заботъ Муравьева-Апостола, въ указываемое нами время. Какъ былъ низокъ уровень нравственнаго развитія въ средѣ офицеровъ арміи, до перехода въ нее Муравьевыхъ-Апостоловъ и другихъ „Семеновцевъ",—служитъ слѣдующій фактъ: нерѣдко случалось прежнимъ гвардейцамъ видѣть, какъ армейскій офицеръ приходилъ жаловаться къ полковому командиру, что такой-то его пріятель ударилъ его по лицу.

Послѣ лещинскаго лагеря, въ скоромъ времени послѣдовала смерть Александра I; затѣмъ доносы Шервуда, Майбороды—и аресты, по настоянію Чернышева, въ Тульчинѣ.

Осенью 1825 года, когда князь Трубецкой, получивъ отпускъ, ѣхалъ въ Петербургъ, Сергѣй Ивановичъ, предчувствуя напрасныя жертвы тщетныхъ попытокъ, просилъ князя воспрепятствовать вся-

[1]) Петръ Ивановичъ Борисовъ, подобно большей части нашихъ дворянъ 20 годовъ; не получилъ солиднаго образованія. Поступивъ юнкеромъ, 18 лѣтъ, въ артиллерію, онъ былъ случайно заброшенъ со своею ротой въ деревню къ одному помѣщику, у котораго была очень богатая библіотека, наполненная произведеніями свободныхъ мыслителей XVIII вѣка. Отсюда первый шагъ.....

М. В.

кимъ попыткамъ къ возстанію. Въ декабрѣ же мѣсяцѣ Пестель извѣстилъ Муравьева-Апостола, черезъ Н. А. Крюкова, о двухъ доносахъ. Въ то же время въ Васильковъ пріѣхалъ Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ, просившій Муравьева-Апостола выхлопотать ему отпускъ въ Нижній-Новгородъ. По случаю кончины нѣжно имъ любимой матери, онъ желалъ побывать у своего отца. Извѣстно было, что, по распоряженію высшаго начальства, всѣмъ семеновцамъ запрещено было брать отпуска, выходить въ отставку и производиться въ слѣдующіе чины; но Муравьевъ-Апостолъ очень любившій Бестужева, рѣшился отправиться къ корпусному командиру Роту выпросить ему отпускъ.

Выѣхавъ, 22-го декабря 1825 года, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Матвѣемъ Ивановичемъ въ Житоміръ, они на послѣдней станціи узнали отъ сенатскаго курьера, развозившаго присяжные листы, о происшествіи 14-го декабря. Курьеръ, подошедши къ экипажу, вызвалъ таинственно Матвѣя Ивановича въ избу, гдѣ и сообщилъ подробности дѣла, прибавивъ, что отецъ его здоровъ, и что домъ, въ которомъ жилъ Иванъ Матвѣевичъ, былъ обстрѣленъ картечью.

Пріѣхавъ въ Житоміръ, С. Муравьевъ-Апостолъ тотчасъ же отправился къ Роту поздравить его съ праздникомъ. Ротъ пригласилъ прибывшаго отобѣдать у него; за обѣдомъ говорили весьма много о происшествіи 14-го декабря. Тотчасъ же послѣ обѣда Сергѣй Ивановичъ возвратился на квартиру, гдѣ засталъ брата своего уже готоваго къ отъѣзду. Они сѣли въ коляску и, черезъ Бердичевъ, отправились въ свою стоянку, въ Васильковъ. По дорогѣ они заѣхали, черезъ мѣстечко Брусилово, къ полковнику П. А. Набокову, командиру кременчугскаго полка въ 8-й дивизіи, но его не застали дома; затѣмъ—къ Александру Захарьевичу Муравьеву въ Трояно, а потомъ въ Люборъ—къ Артамону Захарьевичу Муравьеву. Вслѣдствіе порчи экипажа, они оставили его здѣсь и, нанявъ жидовскую форшпанку, ночью въ Бердичевѣ перемѣнили лошадей и поѣхали дальше.

25-го декабря, по случаю полковаго праздника, полковой командиръ Черниговскаго полка пригласилъ къ себѣ офицеровъ на вечеръ. Въ самый разгаръ вечера, среди танцевъ, все общество было смущено появленіемъ двухъ жандармскихъ офицеровъ, Спанова и Несмѣянова (послѣдній былъ посланъ, чтобы арестовать Матвѣя Ивановича), присланныхъ изъ Петербурга и Могилева, изъ главной квартиры 1-й арміи [1]).

[1]) Доносъ на С. И., по запискамъ Гебеля, послѣдовалъ такимъ образомъ: во время лагеря Гебель уступилъ свою палатку Сергѣю Ивановичу; при палаткѣ находился полковой ящикъ и при немъ постоянно часовой. Нескромныя бесѣды молодыхъ офицеровъ продолжались далеко за-полночь. Здѣсь они го-

Послѣ короткаго разговора, Гебель съ жандармами отправился на квартиру Сергѣя Ивановича. П. И. Сухиновъ, бывшій офицеръ черниговскаго полка, но въ это время перешедшій въ александрійскій гусарскій полкъ, оставался еще въ Васильковѣ; узнавши о цѣли пріѣзда жандармовъ, онъ бросился на квартиру С. Муравьева-Апостола, гдѣ засталъ уже Бестужева-Рюмина, съ которымъ они успѣли скрыть нѣкоторыя бумаги. Сухиновъ далъ свою подорожную Бестужеву, чтобы онъ предупредилъ объ этомъ Сергѣя Ивановича.

Между тѣмъ, братья Муравьевы пріѣхали черезъ Бердичевъ въ Трилѣсьѣ, мѣсто стоянки 5-й мушкатерской роты 2-го баталіона, и остановились на квартирѣ у ротнаго командира ея Кузьмина. Въ это же время прискакалъ Бестужевъ-Рюминъ съ извѣстіемъ, что жандармы захватили его бумаги, что они ждутъ ихъ въ Васильковѣ, чтобы арестовать, что Бердичевъ оцѣпленъ войсками.

Въ ту же ночь (25-го декабря) подполковникъ Гебель съ жандармами ѣхалъ въ Житоміръ. Прибывъ въ квартиру корпуснаго командира, онъ узналъ, что, пообѣдавши у Рота, Муравьевы отправились въ полковую квартиру. Здѣсь же они узнали, что братья Муравьевы квартировали въ трактирѣ Добровольскаго и наняли фурманъ до сел. Тростянца. Подполковникъ Гебель, взявъ жандармскаго офицера 3-го корпуса, капитана Ланга, поѣхалъ за ними вслѣдъ; заѣзжалъ по дорогѣ къ помѣщику, который сказалъ ему, что Муравьевы отправились въ Любаръ. Въ Любарѣ отъ Артамона Захарьевича они узнали, что Муравьевы были у него не болѣе двухъ часовъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ отъ евреевъ, они отправились въ Бердичевъ, но, потерявши слѣды, поѣхали по дорогѣ въ Трилѣсьѣ. Въ ночь съ 28-го на 29-е декабря они подъѣхали къ ротной квартирѣ и увидѣли деньщика, ставившаго самоваръ. Гебель спросилъ: „здѣсь подполковникъ Муравьевъ?“ Деньщикъ торопливо отворилъ дверь и проговорилъ: „здѣсь, пожалуйте!“ Передъ тѣмъ только недавно пріѣхавшіе братья Муравьевы, послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, раздѣлись и легли спать. Гебель попросилъ ихъ одѣться и выслушать высочайшій приказъ объ арестованіи, что они тотчасъ же исполнили; попросили Гебеля пить вмѣстѣ съ ними чай и провели, такимъ образомъ, время до утра. Въ это время пришла пятая мушкатерская рота изъ Василькова, куда она ходила присягать. Съ ней вмѣстѣ явились всѣ ротные командиры 2-го баталіона. Нужно замѣтить, что второй ба-

---

ворили громко и свободно о своихъ намѣреніяхъ; часовой, подслушавъ ихъ разговоры, послѣ смѣны тотчасъ же отправился къ главнокомандующему 1-й арміей, въ Могилевъ, къ Сакену,—и такъ какъ туда долго шелъ, то приказъ объ арестованіи послѣдовалъ только въ декабрѣ. М. В.

таліонъ черниговскаго полка, состоявшій подъ командой С. Муравьева-Апостола, считался образцовымъ во всемъ 3-мъ корпусѣ; въ немъ выведены были изъ употребленія палка и розга, безъ всякаго ущерба для дисциплины, — хозяйство было передано въ руки солдатъ; доброта сердца, мягкое обращеніе Сергѣя Ивановича съ подчиненными сдѣлали его любимцемъ всего полка; офицеры и солдаты были готовы изъ-за него рѣшиться на все. Корпусный командиръ Ротъ два раза его представлялъ въ полковые командиры, но всякій разъ тщетно.

Разставивъ часовыхъ, Гебель вошелъ въ комнату и, строго обратясь къ офицерамъ, спросилъ ихъ, что они тутъ дѣлаютъ и зачѣмъ сюда прибыли? Кузьминъ отвѣтилъ, что онъ у себя на квартирѣ. На это послѣдовалъ еще болѣе неумѣстный вопросъ подполковника Гебеля, не разъ спасаемаго отъ бѣды Сергѣемъ Ивановичемъ: „Какъ смѣли вы говорить съ арестантомъ?“ [1]). Гебель, не выдержавъ укоровъ, вышелъ изъ комнаты,—за нимъ послѣдовали офицеры и между ними произошла свалка. Трудно, въ настоящее время, безошибочно отдать предпочтеніе одному разсказу передъ другимъ; когда очевидцы разсказываютъ объ одномъ и томъ же происшествіи діаметрально противуположныя вещи; но до извѣстной степени можно согласиться съ тѣмъ извѣстіемъ, что Гебеля ранили довольно сильно, причемъ совсѣмъ нельзя обвинять Сергѣя Муравьева, извѣстнаго за человѣка мягкаго и добраго. Рослый жандармскій офицеръ Лангъ бросился предъ нимъ на колѣни, прося, на французскомъ языкѣ, пощадить ему жизнь. Сергѣй Ивановичъ отвѣтилъ ему, что онъ можетъ быть спокоенъ, насилія противъ него не будетъ,—и тотчасъ же выскочилъ черезъ окно остановить расправу офицеровъ съ Гебелемъ. Въ доказательство того, что раны Гебеля не могутъ пасть на совѣсть Муравьева-Апостола, служитъ тотъ фактъ, что, по приходѣ въ Васильковъ, онъ тотчасъ же послалъ нарочнаго къ женѣ Гебеля успокоить и завѣрить ее честнымъ словомъ на счетъ дальнѣйшей судьбы Гебеля, а также выразить ей прискорбіе по поводу такого несчастнаго событія.

Пятая рота привѣтствовала крикомъ „ура!“ освобожденіе своего начальника. Муравьевъ-Апостолъ былъ поставленъ въ безвыходное

---

[1]) Въ разсказѣ объ этомъ событіи мы придерживались предпочтительно текста воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола, ибо во всѣхъ другихъ является намъ весьма непонятнымъ безпричинное нападеніе на подполковника Гебеля. Вообще изъ разсказовъ видно, что поступи Гебель, въ этомъ случаѣ, болѣе достойно, не оскорбляй онъ людей, и еще одной безплодной попыткой было бы меньше, еще меньше было бы жертвъ. М. В.

положеніе; мотивы, которые побудили его рѣшиться на безумное предпріятіе—мятежа, изложены съ полною ясностью въ слѣдующемъ мѣстѣ воспоминаній его брата. „Участвовавшій въ походахъ 1812, 1813 и 1814 года, Сергѣй Ивановичъ былъ достаточно свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы не питать никакой надежды на успѣхъ возстанія при силѣ, заключавшейся въ горсти людей. Но обстоятельства такъ сложились, что возстаніе, непредвидѣнное, неприготовленное, было уже свершившимся фактомъ, вслѣдствіе грубаго, безразсуднаго обхожденія Гебеля съ офицерами, расположенія которыхъ онъ не успѣлъ снискать. Солдаты ненавидѣли его, сочувствовали офицерамъ, а тѣмъ болѣе Сергѣю Ивановичу. Они ему говорили, что готовы слѣдовать, куда бы онъ ихъ ни повелъ. Офицеры, нарушившіе законъ повиновенія изъ преданности и любви къ нему, ожидали его рѣшенія. Покинуть ихъ — значило бы отказаться раздѣлить съ ними горькую участь, ихъ ожидавшую. Братъ рѣшился идти въ походъ для соединенія съ 8-ю пѣхотной дивизіей. Въ ней находились многіе члены тайнаго союза и общества соединенныхъ славянъ. Въ числѣ первыхъ считалось не мало полковыхъ командировъ, на содѣйствіе которыхъ можно было положиться; нѣсколько ротъ стараго семеновскаго полка были переведены въ эту дивизію и вполнѣ довѣрились брату. Офицеры пѣшей 8-й артиллерійской бригады, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти императора, дали знать, что все у нихъ готово къ походу и лошади подкованы на зимніе шипы. Къ тому же, наконецъ, надежда, что возстаніе на югѣ, отвлекая вниманіе правительства отъ товарищей сѣверянъ, облегчитъ тяжесть угрожающей имъ кары, какъ бы оправдывали въ его глазахъ отчаянность предпріятія. Наконецъ, то соображеніе, что, вслѣдствіе доносовъ Майбороды и Шервуда, намъ не будетъ пощады, что казематы — тѣ же безмолвныя могилы,—все это, вмѣстѣ взятое, поселило въ Сергѣѣ Ивановичѣ убѣжденіе, что отъ предпріятія, повидимому, безразсуднаго, нельзя было отказаться, и что настало время искупительной жертвы“.

Со взводомъ 5-й мушкатерской роты Сергѣй Муравьевъ двинулся на соединеніе со 2-ю гренадерскою, въ селѣ Ковалевкѣ. Кузьмину поручено было явиться въ Васильковъ съ остатками своей роты. Ночлегъ былъ въ селѣ Сподинки. Между тѣмъ, посланные въ Васильковъ за присоединеніемъ своихъ ротъ, баронъ Соловьевъ и Щепилла были заарестованы маіоромъ Трухинымъ, который приготовлялся къ защитѣ города съ находящейся въ немъ 4-й ротой.

Выставленная цѣпь стрѣлковъ противъ Сергѣя Ивановича, при приближеніи 5-й роты, 30-го декабря, въ 3 часа пополудни, соединилась съ ней на гребнѣ, съ крикомъ „ура!“ Офицеры были осво-

бождены съ гауптвахты. Ив. Ив. Сухиновъ занялъ караульные посты по назначенію, взялъ полковой ящикъ и дѣятельно заботился о продовольствіи прибывшихъ и прибывающихъ солдатъ. Острогъ, по приказанію Сергѣя Ивановича, былъ строго оберегаемъ. И, какъ бы въ опроверженіе того пятна, которое на него старались наложить за грубое обращеніе съ Гебелемъ, Сергѣй Ивановичъ приказалъ къ дому подполковника Гебеля поставить оберегательный отрядъ. Кромѣ этихъ распоряженій, Сергѣемъ Ивановичемъ приказано было никого не впускать и не выпускать на заставахъ безъ его вѣдома. Утромъ, на слѣдующій день, присоединились остальныя роты 2-го баталіона. 31-го декабря поручено было Ивану Ивановичу Сухинову присоединить двѣ роты: 4-ю мушкатерскую, въ которой ни капитанъ, ни солдаты до послѣдней минуты ничего не знали; также была присоединена еще одна рота.

По приказанію Муравьева-Апостола, утромъ, въ 11 часовъ, были собраны роты на площади. Священникъ, послѣ долгихъ колебаній, согласился за 400 руб. прочесть передъ солдатами муравьевскій катехизисъ, въ коемъ излагались обязанности воиновъ по отношенію къ Богу и Отечеству. Священникъ началъ дрожащимъ голосомъ читать его, но Бестужевъ взялъ его и громко докончилъ. Послѣ чтенія, Сергѣй Ивановичъ говорилъ имъ рѣчь объ ихъ правахъ, призывалъ ихъ защищать свою свободу, обѣщалъ имъ уменьшеніе срока службы, облегченіе тягости крестьянъ и закончилъ рѣчь слѣдующими словами: „кто хочетъ вмѣстѣ со мной защищать свои права, тотъ пойдетъ со мной; кто не хочетъ этого, тотъ оставайся. Я никого не хочу вести по принужденію“. Солдаты громкимъ крикомъ „ура!“ выразили свое согласіе. Во время выступленія ротъ подъѣхала тройка, и изъ почтоваго возка выскочилъ юноша Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ, офицеръ генеральнаго штаба, только что блистательно выдержавшій экзаменъ и назначенный въ штабъ второй арміи въ Тульчинъ, какъ-бы для того, чтобъ исполнить предначертаніе злаго фатума, тяготѣвшаго надъ этимъ злополучнымъ семействомъ. Не смотря на настоятельныя просьбы братьевъ, невѣрившихъ въ счастливый исходъ своего безумнаго предпріятія, Ипполитъ остался съ ними. Въ 12 часовъ, 31-го декабря, выступили они въ село Мотовиловку, гдѣ былъ ночлегъ и дневка по случаю новаго года. 1-го января прибыла вторая, запоздавшая, мушкатерская рота. 2-го января С. Муравьевъ, намѣреваясь отправиться на Бердичевъ, чтобы воспользоваться лѣсистой мѣстностью, ночевалъ въ 10-ти верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Пологахъ. Сухиновъ былъ посланъ для развѣдки о дѣйствіяхъ 18-го егерскаго полка, въ которомъ считалось много членовъ; одинъ изъ офицеровъ этого

полка, пріѣхавшій на площадь во время прибытія С. Муравьева изъ Трилѣсья въ Васильковъ и обѣщавшій присоединить ему, по крайней мѣрѣ, двѣ роты. Но, узнавъ, что 18-й егерскій полкъ выставленъ противъ него, Сергѣй Ивановичъ свернулъ на Житоміръ, чрезъ Трилѣсье.

Между тѣмъ, корпусный командиръ Ротъ, узнавъ объ происшедшемъ съ подполковникомъ Гебелемъ, поѣхалъ, въ ночь съ 30-го на 31-е декабря въ мѣстечко Бѣлую Церковь; на дорогѣ же, будучи извѣщенъ о возмущеніи черниговскаго полка, приказалъ, расположеннымъ близъ Василькова, 9-ти эскадронамъ 3-й гусарской дивизіи и № 5 конно-артиллерійской ротѣ слѣдовать на назначенные имъ пункты, сближаясь къ мѣсту дѣйствія 17-го егерскаго полка, а стоящіе въ смежности полки отдалить къ Житоміру. Узнавъ, что Сергѣй Ивановичъ, 31-го числа, выступилъ съ шестью ротами къ Поволугу и Брусилову [1]), Ротъ, 1-го января съ разсвѣтомъ, двинулъ противъ него изъ Бѣлой Церкви 12 ротъ пѣхоты и четыре пѣшихъ орудія; но видя, что съ пѣхотой трудно будетъ достигнуть отрядъ мятежниковъ, который постоянно мѣнялъ направленіе, „я оставилъ оную и, взявъ вышеупомянутые 9 эскадроновъ гусаръ съ конною ротой, успѣлъ, 3-го января, окружить его съ трехъ сторонъ“ [2]). Изъ Пологовъ Муравьевъ-Апостолъ, 3-го января, выступилъ въ Ковалевку въ 11 часовъ, и сдѣлалъ здѣсь привалъ. Управляющій Ковалевкой, г. Петровскій съ своимъ семействомъ, оказали Муравьевымъ и офицерамъ радушный пріемъ. Солдатамъ были выданы съѣстные припасы и вино. Въ

---

[1]) Вотъ составъ отряда мятежниковъ:

Начальникъ втораго баталіона — С. Муравьевъ-Апостолъ.

Адъютантъ его — прапорщикъ Григорій Ивановичъ Апостолъ-Кейчъ, умеръ дорогой, идя въ Сибирь, отъ горячки.

2-я гренадерская рота: командиръ ея, за отсутствіемъ штабсъ-капитана Глухова, находившагося въ отпуску, — Владиміръ Николаевичъ Петинъ.

4-я мушкатерская: командиръ ея — штабсъ-капитанъ баронъ Вельяминъ Николаевичъ Соловьевъ, † въ 1871 г. въ Рязани.

5-я мушкатерская: командиръ ея — поручикъ Анастасій Дмитріевичъ Кузьминъ.

6-я мушкатерская: командиръ ея — штабсъ-капитанъ Михаилъ Алексѣевичъ Щепила, поручикъ Быстрицкій; умеръ въ 1872 г., въ Подольскѣ.

Перваго баталіона: 2-я мушкатерская: командиръ ея — капитанъ Рафаловичъ (скрылся), поручикъ Ив. Ив. Сухиновъ.

3-я мушкатерская: командиръ ея — штабсъ-капитанъ Маіевскій, поручикъ Мозгалевскій (умершій въ Сибири) и подпоручикъ Антонъ Станиславовичъ Войдовичъ. **М. В.**

[2]) Изъ донесенія корпуснаго командира, генералъ-лейтенанта Рота, начальнику 25-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту и кавалеру Гогелю. **М. В.**

часъ вышли изъ Ковалевки въ Трилѣсье, куда путь, по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ, загораживала конно-артиллерійская рота, состаявшая подъ командой члена тайнаго общества Пыхачева [1]). Въ часъ пополудни, средній отрядъ, коимъ командовалъ генералъ-маіоръ Гейсмаръ, состоявшій изъ 4-хъ эскадроновъ гусарской дивизіи (1 маріупольскаго, 1 ахтырскаго и 2-хъ принца Оранскаго), увидѣлъ мятежниковъ съ его отрядомъ на Устиновской высотѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Ковалевки. Сергѣй Ивановичъ остановилъ свой отрядъ, построилъ во взводную колонну справа (до того времени порядокъ шествія былъ слѣдующій: роты шли по отдѣленіямъ, впереди авангардъ, позади — аріергардъ, между аріергардомъ и отрядомъ шелъ обозъ). Стрѣлки вызваны за взводы. Построившись въ ротныя колонны, отрядъ двинулся: С. Муравьевъ-Апостолъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ и Ипполитъ Муравьевъ впереди, остальные—по своимъ мѣстамъ. Сергѣй Ивановичъ приказалъ разсыпать стрѣлковъ и, подъ выстрѣлами ихъ, атаковать орудія; но прежде, чѣмъ успѣли они это сдѣлать, раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ—второй, затѣмъ открылась пальба картечью. Въ отрядѣ мятежниковъ были многіе поранены и убиты, въ числѣ ихъ начальникъ 3-й мушкатерской роты, Михаилъ Алексѣевичъ Щепила. Видя безполезность неравнаго боя и желая уменьшить и безъ того большое число жертвъ, Сергѣй Ивановичъ (Муравьевъ-Апостолъ) обратился къ солдатамъ, прося у нихъ прощенія, что, возбудилъ въ нихъ надежду на успѣхъ и тѣмъ обманулъ ихъ. Въ то же время, онъ сталъ артиллеристамъ махать бѣлымъ платкомъ и упалъ въ ту же минуту пораженный картечью въ лѣвую часть черепа надъ глазомъ. Кавалерія окружила солдатъ, ружья были поставлены въ козлы. Сергѣя Ивановича, Кузьмина, раненаго въ плечо, Матвѣя Ивановича и всѣхъ офицеровъ оранскіе гусары привезли въ корчму, въ Трилѣсье, состоявшую изъ двухъ комнатъ; при нихъ поставили двухъ человѣкъ, а въ большой комнатѣ — караулъ.

Въ этой корчмѣ раненымъ офицерамъ пришлось столько перенести, что едва-ли возможно передать эти чувства перомъ.

Матвѣй Ивановичъ досталъ кровать и уложилъ на нее своего раненаго брата, который все это время былъ въ безпамятствѣ отъ потери крови, которая шла у него изъ головы и которую нельзя было остановить, такъ какъ нечѣмъ было перевязать голову. Анастасій Дмитріевичъ Кузьминъ, получившій двѣ раны на высотахъ Устиновскихъ, садясь съ Соловьевымъ вмѣстѣ въ сани, сказалъ: „Будь

[1]) Только многіе годы спустя, проживая въ Твери, послѣ возвращенія изъ ссылки, М. И. Муравьевъ-Апостолъ узналъ относительно Пыхачева, что наканунѣ этого дѣла онъ былъ арестованъ. М. В.

остороженъ: я раненъ въ плечо и въ бокъ, но, пожалуйста, объ этомъ никому не говори". Соловьевъ раздобылъ для раненаго товарища немного соломы и положилъ Кузьмина около стѣны. Наступила ночь, подали огонь. Кузьминъ попросилъ Матвѣя Ивановича подойти къ нему, тотъ указалъ ему на голову раненаго брата, которую онъ поддерживалъ плечомъ,—тогда Кузьминъ подползъ съ усиліемъ къ Матвѣю Ивановичу, пожалъ ему руку тѣмъ пожатіемъ, которымъ соединенные славяне узнавали своихъ членовъ, и поползъ опять на свое мѣсто. Въ это время Сергѣй Ивановичъ попросилъ, чтобъ его посадили; но какъ только это исполнили, онъ отъ выстрѣла, раздавшагося въ комнатѣ, упалъ безъ чувствъ съ постели. На выстрѣлъ сбѣжался весь караулъ. Анастасій Алексѣевичъ Кузьминъ убилъ себя наповалъ.

4-го января утромъ, подали сани, и братьямъ Муравьевымъ много стоило, чтобы убѣдить конвойнаго дозволить имъ проститься съ убитымъ своимъ братомъ Ипполитомъ [1]). Они вошли въ нежилую комнату; на полу лежали голыя мертвыя тѣла. Между ними ихъ братъ. Онъ лежалъ съ видомъ гордо-спокойнымъ, на лѣвой щекѣ, подъ глазомъ, замѣтна была небольшая черноватая опухоль. Матвѣй Ивановичъ помогъ своему раненому брату стать на колѣни; минута великая: осужденный на смерть прощается съ мертвымъ, какъ бы заранѣе предвкушая замогильныя ощущенія. Горячо помолились они Богу, съ чувствомъ, полнымъ безмѣрной скорби, поглядѣли они на своего дорогаго Ипполита, дали ему прощальный поцѣлуй,—и уѣхали подъ конвоемъ въ Бѣлую Церковь.

6-го января 1826 г. Сергѣя Ивановича и прочихъ арестованныхъ офицеровъ привезли въ Бѣлую Церковь. Сергѣй Ивановичъ, Матвѣй Ивановичъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ посажены были здѣсь отдѣльно, остальные же—вмѣстѣ. 12-го они изъ Бѣлой Церкви, закованные, были посланы въ Могилевъ на Днѣпрѣ, куда и прибыли 14-го января. Затѣмъ всѣхъ ихъ возили къ командиру жандармскаго полка кн. Гарчакову, который всѣхъ ихъ, по одиночкѣ, возилъ къ

---

[1]) Ипполитъ Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, родившійся въ 1805 г., былъ только что произведенъ въ офицеры, послѣ блистательнаго экзамена въ школѣ колонновожатыхъ, и назначенъ въ штабъ 2-й арміи. 13-го декабря, онъ вмѣстѣ съ П. Н. Свистуновымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Они везли письмо отъ кн. С. П. Трубецкаго Михаилу Ѳедоровичу Орлову, которое Ипполитъ Ивановичъ успѣлъ уничтожить, когда пріѣхали арестовать П. Н. Свистунова. Участвуя въ дѣлѣ на Устиновской высотѣ, онъ, увидѣвъ, что братъ Сергѣй упалъ, пораженный картечью, выстрѣломъ въ ротъ пресѣкъ свою 19-лѣтнюю жизнь. М. В.

начальнику штаба 1-й арміи Толю. Толь со всѣми бранился. 15-го января дежурный генералъ Ольдекопъ началъ снимать допросы.

Въ концѣ января 1826 г. Сергѣя и Матвѣя Ивановичей и Бестужева-Рюмина привезли въ крѣпость, въ Петербургъ. Сергѣй Ивановичъ былъ заключенъ, въ числѣ 16-ти болѣе важныхъ политическихъ преступниковъ, въ особомъ отдѣленіи Алексѣевскаго равелина; къ нимъ былъ приставленъ надзирателемъ гражданскій чиновникъ.

Показанія С. Муравьева-Апостола, при допросѣ, были исповѣдью его убѣжденій.

Отцу позволили посѣтить Сергѣя Ивановича въ тюрьмѣ. Старый дипломатъ сильно огорчился, увидѣвъ сына въ забрызганномъ кровью мундирѣ, съ раздробленной головой.

— „Я пришлю тебѣ“, сказалъ старикъ, „другое платье“.

— „Не нужно“, отвѣтилъ заключенный: „я умру съ пятнами крови, пролитой за отечество“ [1]).

Послѣ окончанія допросовъ тайной слѣдственной коммиссіи, былъ, по высочайшему повелѣнію, утвержденъ верховный уголовный судъ 1-го іюля, состоявшій изъ членовъ правительствующаго сената, государственнаго совѣта, святѣйшаго синода и еще 15-ти сановниковъ. По приговору верховнаго уголовнаго суда, 10-го іюля, С. Муравьевъ-Апостолъ, въ числѣ прочихъ пяти товарищей, былъ приговоренъ къ четвертованію. По высочайшему повелѣнію, 11-го іюля 1826 г., верховному уголовному суду предоставлено было право смягчить мучительную казнь болѣе легкою. Судъ опредѣлилъ повѣсить. Сестра Муравьевыхъ-Апостоловъ, Екатерина Ивановна Бибикова, узнавши о приговорѣ своего брата, помчалась въ Царское Село и просила черезъ Дибича, о дозволеніи имѣть свиданіе съ братомъ. Ей на это былъ данъ часъ времени.

Горько было свиданіе родной сестры съ осужденнымъ на смерть братомъ. Эта ужасная разлука навсегда произвела сильное впечатлѣніе даже на коменданта Сукина, героя изъ солдатъ. Сергѣй Ивановичъ сохранялъ спокойствіе и просилъ сестру не оставить заботами брата Матвѣя Ивановича. Къ вечеру пришелъ, съ печальнымъ видомъ, плацъ-маіоръ Подушкинъ и надѣлъ на него кандалы. Наканунѣ казни Сергѣй Муравьевъ былъ заключенъ въ 12 № Кронверкской куртины. Но и наканунѣ казни ему было некогда думать о себѣ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ юноша, можно сказать мальчикъ, Михаилъ

---

[1]) Разговоръ этотъ отца съ сыномъ переданъ въ «Запискахъ Греча» «Русскій Вѣстникъ» 1868 г.

Бестужевъ-Рюминъ. Съ отеческимъ чувствомъ наставлялъ онъ его о Христѣ, обезсмертіи души. Ночь была іюльская, свѣтлая. Твердость духа его доходила до поразительной стойкости. Андреевъ, сидя рядомъ съ С. Муравьевымъ въ куртинѣ, сказалъ ему:

— „Пропойте мнѣ пѣсню, я слышалъ, что вы превосходно поете".

Муравьевъ ему спѣлъ.

— „Вашъ приговоръ?" спросилъ Андреевъ.

— „Повѣсить!" отвѣчалъ тотъ спокойно.

— „Извините, что я васъ побезпокоилъ".

— „Сдѣлайте одолженіе, очень радъ, что могъ доставить вамъ это удовольствіе".

Въ 12 часовъ ночи пришелъ въ камеру осужденнаго протоіерей Мысловскій съ дарами. Онъ съ большимъ уваженіемъ отзывался впослѣдствіи о религіозности С. Муравьева-Апостола. По уходѣ священника, онъ долго еще бесѣдовалъ, укрѣплялъ, ободрялъ Михаила Бестужева-Рюмина; читалъ ему въ слухъ новый завѣтъ и мѣста изъ пророковъ.

Въ 2 часа, едва занялся день, какъ пятерыхъ, осужденныхъ на казнь, повели въ крѣпостную церковь; затѣмъ они двинулись, въ сопровожденіи полиціймейстера Чихачева, окруженные павловскими гренадерами. Впереди шелъ Коховскій, за нимъ подъ руку Бестужевъ-Рюминъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, который горько раскаявался въ принятіи въ свое общество Бестужева-Рюмина, и просилъ у него прощенія; далѣе шли Рылѣевъ съ Пестелемъ. Передъ ними начали сооружать эшафотъ, но какъ его не могли скоро окончить, то ихъ отвели опять назадъ; когда эшафотъ былъ готовъ, ихъ привели опять.

Бестужева-Рюмина, изнемогавшаго подъ бременемъ ожидавшаго его исполненія приговора, велъ подъ руку протоіерей Мысловскій. Муравьевъ не переставалъ ободрять своего юнаго друга, и, обратившись къ отцу Мысловскому, сказалъ, что онъ очень сожалѣетъ, что на долю его пришлось вести ихъ, какъ разбойниковъ. Протоіерей Мысловскій отвѣчалъ словами Іисуса....

13-го іюля, въ 5 часовъ утра, Сергѣя Муравьева-Апостола не стало. Онъ понесъ казнь вызванную его тяжкимъ преступленіемъ.

Михаилъ Валасъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ВАРШАВѢ.

1835 г.

Рѣчь императора депутатамъ Варшавы.—Журнальная полемика того времени.— Историческія къ ней примѣчанія [1]).

I.

Переводъ французскаго текста передовой статьи, помѣщенной въ № 140 „Journal de St.-Pétersbourg", $\frac{\text{24 ноября}}{\text{3 декабря}}$ 1835 г., подъ рубрикой „Внутреннія Извѣстія".

С.-Петербургъ, 20-го ноября. „Journal des Débats" передалъ слова, произнесенныя государемъ императоромъ, въ бытность его въ Варшавѣ, передъ депутаціей города, которую онъ соблаговолилъ принять. Эта газета присоединила къ нимъ комментаріи, столь же враждебные, какъ и коварные, составляющіе рѣзкую противуположность съ принципами прочности и порядка, которые она съ нѣкотораго времени проповѣдуетъ.

Мы получили приказаніе перепечатать эти статьи „Journal des Débats" для того, чтобы онѣ сдѣлались извѣстны въ Россіи. Данная имъ, такимъ образомъ, гласность есть единственный отвѣтъ, котораго онѣ заслуживаютъ. Она же будетъ для нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самою ѣдкою критикою, ибо докажетъ, какъ мало у насъ придаютъ вѣса нападкамъ безсильной вражды, направленной противъ дѣйствій или словъ государя императора. На всемъ протяженіи Россіи рѣчь, произнесенная имъ въ Варшавѣ, будетъ принята, какъ всегда, съ единодушнымъ чувствомъ вѣрности и свойственной русскому народу преданности. Въ царствѣ польскомъ она, конечно, была выслушана

---

[1]) См. «Русскую Старину», 1872 г., октябрь, стр. 390—393 и декабрь, стр. 679—681.

съ глубокимъ убѣжденіемъ, какъ выраженіе серьезной, но спасительной истины, тѣмъ болѣе, что благоденствіе народовъ не созидается потачкою ихъ страстямъ. Для того, чтобы оградить прочнымъ образомъ спокойствіе и счастіе своихъ подданныхъ царства польскаго, государь императоръ именно долженъ былъ открыто сказать имъ: оставайтесь вѣрны своимъ обязанностямъ и вы заслужите забвеніе прошедшаго; блюдите сами за спокойствіемъ своей страны, препятствуйте обращенію въ ней сочиненій зажигательнаго свойства и вы этимъ утвердите ея благосостояніе; воспитывайте дѣтей своихъ въ принципахъ религіи и вѣрности къ ихъ государю и вы имъ упрочите счастливую будущность; наконецъ, будьте стражами внутренняго спокойствія въ городѣ и тогда Александровская цитадель будетъ существовать только для собственной вашей охраны. Иначе, вы накличите неизгладимыя, непоправимыя несчастія на себя и на свое отечество. Вотъ тѣ истины, которыя императоръ и царь долженъ былъ высказать варшавскимъ депутатамъ. Но онъ, кромѣ того, прибавилъ слѣдующія достопамятныя слова, которыя „Journal des Débats" преднамѣренно выпустилъ: „Я давно простилъ оскорбленія, которыя были направлены противъ меня и моего семейства. Единственное мое желаніе воздать добромъ за зло, содѣлать васъ счастливыми, хотя бы вопреки вамъ самимъ. Я далъ въ этомъ клятву Богу и я не нарушаю своихъ клятвъ!"

Эти слова прощенія и примиренія были громогласно произнесены. Они найдутъ отголосокъ въ сердцахъ всѣхъ поляковъ, вѣрныхъ своему государю и искренно любящихъ свое отечество. Они послужатъ, мы въ томъ твердо увѣрены, новымъ залогомъ возрождающагося благоденствія царства польскаго. Одни только враги его спокойствія могутъ ихъ перетолковывать или опускать (преднамѣренно).

Выписка изъ „Journal des Débats", 11-го ноября.

„Тому уже нѣсколько времени поговаривали въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ объ рѣчи, которую императоръ Николай будто-бы произнесъ, при проѣздѣ чрезъ Варшаву, предъ тамошнимъ городскимъ совѣтомъ; говорили объ этомъ и въ Парижѣ, и нѣсколько списковъ этой рѣчи ходили по рукамъ въ сихъ столицахъ, не смотря на безмолвіе, которое нѣмецкія газеты сочли нужнымъ соблюсти. Одинъ изъ нихъ дошелъ до насъ и, прочитавъ его, мы обратились къ себѣ съ вопросомъ: не обманываютъ-ли насъ наши глаза и могъ-ли когда-нибудь монархъ выразиться такимъ образомъ? Наше удивленіе, наши сомнѣнія, въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе основательны, что членовъ варшавскаго городскаго совѣта назначаетъ самъ императоръ, вѣроятно, изъ числа поляковъ, самыхъ преданныхъ его особѣ. Обратиться къ

нимъ съ такою рѣчью не значило-ли бы сознаться, что Польша единодушно отвергаетъ московское владычество и что права, которыхъ требуетъ императоръ и которыя онъ грозитъ привести въ дѣйствіе съ безжалостною строгостью, запечатлѣны единственно силою? Если бы Польша, изъ ранъ которой еще сочится кровь, начинала свыкаться съ потерею своей независимости, недостаточно-ли было бы этой рѣчи императора Николая, чтобы заглушить въ сердцахъ, въ странѣ столь просвѣщенной, какова Польша, всякое чувство примиренія и забвенія, которое могло бы развиться подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ хода времени?

„Однако-жъ, не взирая на сомнѣніе, которое мы имѣемъ и которое мы еще желали бы сохранить относительно степени достовѣрности этой рѣчи, считаемъ себя обязанными сообщить ее публикѣ; она, конечно, затруднится, какъ и мы, повѣрить подлинности этой рѣчи. Но если, къ несчастію, мы убѣдимся въ существованіи такого документа, то мы не ограничимся настоящими размышленіями".

Рѣчь, произнесенная его величествомъ императоромъ Россійскимъ предъ депутаціей города Варшавы, 10-го октября 1835 г.

„Я знаю, господа, что вы хотѣли обратиться ко мнѣ съ рѣчью; я даже знаю ея содержаніе и именно для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, — для того, чтобы избавить васъ отъ лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, какъ вы меня въ томъ хотите увѣрить.

„И какъ мнѣ имъ вѣрить, когда вы мнѣ говорили тоже самое наканунѣ революціи? Не вы-ли сами, тому пять лѣтъ, тому восемь лѣтъ, говорили мнѣ о вѣрности, о преданности и дѣлали мнѣ такія торжественныя завѣренія (протестаціи) преданности? Нѣсколько дней спустя, вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

„Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ Русскому императору слѣдовало, который осыпалъ васъ благодѣяніями, который покровительствовалъ (vous a favorisés) вамъ болѣе, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ, который сдѣлалъ изъ васъ націю самую цвѣтущую и самую счастливую,—императору Александру I вы заплатили самою черною неблагодарностью.

„Вы никогда не хотѣли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили свое счастье. Я вамъ говорю правду, чтобы уяснить наше взаимное положеніе, и для того, чтобы вы хорошо знали, чего держаться, такъ какъ я вижу васъ и говорю съ вами въ первый разъ послѣ смутъ.

„Господа, нужны дѣйствія, а не слова. Надо, чтобы раскаяніе

имѣло источникомъ сердце; я говорю съ вами не горячась, вы видите, что я спокоенъ; я не злопамятенъ и буду вамъ дѣлать добро вопреки васъ самихъ. Фельдмаршалъ, находящійся здѣсь, приводитъ въ исполненіе мои намѣренія, содѣйствуетъ примѣненію моихъ воззрѣній и также печется о вашемъ благосостояніи. (При этихъ словахъ, члены депутаціи кланяются фельдмаршалу).

„Господа, что же доказываютъ эти поклоны? Прежде всего, надо выполнять свои обязанности и вести себя, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ. Вамъ предстоитъ, господа, выборъ между двумя путями: или упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно и вѣрноподданными подъ моимъ правленіемъ.

„Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только накликнете на себя большія несчастія. По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разгромить вашъ городъ, я разрушу Варшаву и ужъ, конечно, не я отстрою ее снова.

„Мнѣ тяжело говорить это вамъ,—очень тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю это вамъ для вашей собственной пользы. Отъ васъ, господа, зависѣть будетъ заслужить забвеніе прошедшаго. Достигнуть этого вы можете лишь своимъ поведеніемъ и своею преданностію моему правительству.

„Я знаю, что ведется переписка съ чужими краями, что сюда присылаютъ предосудительныя сочиненія и что стараются развращать умы. Но при такой границѣ, какъ ваша, наилучшая полиція въ мірѣ не можетъ воспрепятствовать тайнымъ сношеніямъ. Старайтесь сами замѣнить полицію и устранить зло.

„Хорошо воспитывая своихъ дѣтей и внушая имъ начала религіи, вѣрность государю, вы можете пребыть на добромъ пути.

„Среди всѣхъ смутъ, волнующихъ Европу, и среди всѣхъ ученій, потрясающихъ общественное зданіе, Россія одна остается могущественною и неприкосновенною.

„Повѣрьте мнѣ, господа, принадлежать Россіи и пользоваться ея покровительствомъ есть истинное счастіе. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете выполнять всѣ свои обязанности, то моя отеческая попечительность распространится на всѣхъ васъ и, не смотря на все происшедшее, мое правительство будетъ всегда заботиться о вашемъ благосостояніи.

„Помните хорошенько, что я вамъ сказалъ“.

Выписка изъ „Journal des Débats“, 13-го ноября.

„Надо признаться, что императоръ Николай произнесъ странную

рѣчь предъ депутатами города Варшавы, и мы до сихъ поръ спрашиваемъ себя: не выдумана-ли эта непостижимая рѣчь кѣмъ-либо изъ приверженцевъ Польши? Въ самомъ дѣлѣ, что хотѣлъ сказать императоръ Николай, выражаясь такимъ образомъ? Какія были его цѣль, его намѣренія? Обращается-ли онъ къ Европѣ, или къ Польшѣ? Онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что слова его вскорѣ разнесутся по всей Европѣ, такъ какъ онъ знаетъ, и самъ непреминулъ сказать, что Польша находится въ письменныхъ сношеніяхъ съ чужими краями. Мы стараемся угадать намѣреніе, мы стараемся доискаться, что могло бы заключаться тутъ искуснаго,—до того намъ противно думать, что эта рѣчь есть ничто иное, какъ вспышка со стороны раздраженнаго властителя, у котораго гнѣвъ доходитъ до многоглаголанія. Мы до сихъ поръ имѣли иное понятіе о Россійскомъ императорѣ: мы полагали, что онъ просвѣщенъ, мудръ, терпѣливъ, искусенъ, и хотя мы его считали противникомъ Западной Европы и затаеннымъ врагомъ свободы въ томъ видѣ, какъ она существуетъ во Франціи и въ Англіи, но намъ пріятно было отдавать справедливость его способности управлять; мы указывали на честолюбіе Россіи, но даже въ этомъ предостереженіи заключалось сокровенное чувство, побуждавшее насъ любоваться счастливою судьбою этого государства, и мы охотно приписывали всю честь этой счастливой судьбы мудрости его правителя. Слѣдуетъ-ли отказаться отъ этой идеи? Слѣдуетъ-ли видѣть въ императорѣ Николаѣ ничего болѣе, какъ государя, который стоитъ ниже своей судьбы, который слѣпо увлекается чувствомъ ненависти,—своимъ собственнымъ или народнымъ, который раздѣляетъ или поощряетъ давнишнюю антипатію русскихъ въ отношеніи къ Польшѣ, и который перемѣняетъ роль монарха обширной имперіи, состоящей изъ разныхъ народностей, на роль вождя партіи или дикаго племени, который порабощенъ національною злопамятностью?

„Конечно, въ этой рѣчи есть чѣмъ возбудить негодованіе великодушныхъ сердецъ,—до того въ ней оскорбленіе, брань и угроза отзываются чѣмъ-то суровымъ. Это древняя Московія, пробивающаяся сквозь оболочку учтивости и цивилизаціи, въ которую она кое-какъ закуталась. Это до-петровское варварство. Послѣ такой рѣчи, Петербургъ есть для царя слишкомъ европейская, слишкомъ просвѣщенная столица: ему приличнѣе Москва и древній Кремль, ему приличнѣе зàмокъ (sic) Іоанна IV. Дворецъ Екатерины уже непригòденъ; даже хижина, гдѣ отдыхалъ Петръ Великій, когда онъ строилъ Петербургъ, не годится для государя, который собирается громить и разрушать города и который клянется оставить ихъ въ развалинахъ!

„Да, есть поводъ къ негодованію, когда подумаешь, къ кому обращено оскорбленіе, къ какой великодушной націи, къ какимъ невзгодамъ, къ какимъ побѣжденнымъ! Но и сколько тутъ утѣшительнаго! Какъ важно и торжественно то признаніе, которое гнѣвъ срываетъ съ устъ побѣдителя Польши! Какъ? Они не обратились въ пустой звукъ, храбрые поляки, эти слова вашего народнаго гимна: „Еще Польша не сгинела!“ Какъ? Польша до сихъ поръ существуетъ на самой польской почвѣ. Итакъ, эта земля, упитанная кровью, пролитою за независимость, еще трепещетъ, и какая-то невѣдомая закваска патріотизма двигаетъ и оживляетъ почву! Порой мы думали, въ глубокой скорби, что для земли польской пришелъ конецъ и что отъ Польши осталась во всемъ мірѣ только ссыльная Польша, которая разбрелась по Европѣ, чтобы засвидѣтельствовать преступленіе ея палачей; мы говорили: итакъ, отъ этой великой и геройской націи остались одни только воспоминанія и горести; и, быть можетъ, вы сами, благородные изгнанники, предавались унынію и отчаянію. Вы сами, замѣчая грустную улыбку у тѣхъ, кому выражали надежду когда-нибудь вернуться въ любезное отечество, вы начинали, можетъ быть, свыкаться съ мыслію, что Богъ вамъ судилъ умереть одному за другимъ на чужбинѣ. Ужели мы ошиблись? Теперь, притѣснитель Польши самъ свидѣтельствуетъ о ея существованіи!

„Узнавъ, что въ проѣздъ императора чрезъ Варшаву, депутація отъ города пошла къ нему на поклонъ, мы могли бы подумать, что между поляками есть и такіе, которые добровольно несутъ иго Россіи; и хотя мы знаемъ, чего стоятъ оффиціальныя рѣчи, ихъ слова могли бы быть для насъ оптическимъ обманомъ. Но императоръ Николай предупреждаетъ насъ, что эти рѣчи ложь; въ нихъ упоминалось о вѣрности, преданности... все это ложь! Они—поляки, а мы—русскіе; они насъ ненавидятъ, и между ими и нами не можетъ быть ни вѣрности, ни клятвъ, кромѣ клятвъ вражды и отомщенія. Итакъ, пусть Европа не вѣритъ депутаціямъ и привѣтственнымъ рѣчамъ. Польша лжетъ, когда говоритъ о покорности; Польша лжетъ, когда увѣряетъ, что вѣрна. Какія бы слова ни были на устахъ, духъ строптивости живетъ во всѣхъ сердцахъ. Это тоже, что было наканунѣ возстанія; это тоже, что было наканунѣ востребованія отечества и свободы. Слова Россійскаго императора намъ въ томъ порукою.

„Мы могли подумать, что въ продолженіи тѣхъ четырехъ лѣтъ, какъ русскіе заняли Варшаву, это не осталось безъ вліянія, что генералъ-губернаторъ (sic) снискалъ себѣ приверженцевъ; что его менѣе ненавидятъ, чѣмъ въ первый день, что воздаваемыя ему почести болѣе искренни и прямодушны! И это опять заблужденіе, которое

Россійскій императоръ спѣшитъ разоблачить. Онъ хорошо знаетъ, что поклоны поляковъ русскому фельдмаршалу ничего не выражаютъ; онъ знаетъ, что все это не имѣетъ источникомъ сердце, которое остается непоколебимымъ; онъ знаетъ, что Польша не раскаевается, и вотъ что гнѣвитъ этого властителя, который, какъ намъ кажется, возводитъ свою власть на степень религіи и который требуетъ отъ своихъ враговъ не покорности, а раскаянія. Итакъ, пусть Польша раскаевается въ томъ, что три раза пыталась ожить; пусть она раскаевается въ томъ, что одерживала верхъ надъ русскою арміею и заставляла опасаться за судьбу имперіи; пусть она раскаевается въ своей славѣ и въ своемъ геройствѣ. Тогда, быть можетъ, ей удастся снискать милость у царскаго престола. Но до сихъ поръ благодать, умягчающая совѣсть и ослабляющая храбрость, благодать, создающая рабовъ и подлецовъ, еще не коснулась ея сердца. Польша не раскаевается о себѣ самой. Возблагодаримъ Бога и императора, который намъ это подтверждаетъ!

„Мы могли думать, что, согбенная подъ гнетомъ столькихъ несчастій, придушенная столькими бѣдствіями, Польша, наконецъ, отреклась отъ своей независимости, и что польская національность сохранила смыслъ только въ исторіи. Сознаемся въ своей ошибкѣ. Польша не забыла, что она есть нація независимая и свободная; Польша и не думала отрицать обожаніе своей національности. Она еще довѣряетъ себѣ. Въ воскрешеніе ея вѣрятъ не одни изгнанники. Въ самой Варшавѣ, подъ московскимъ игомъ, подъ ихъ (sic) пушками, въ виду ихъ казней, Польша—имя божественное и священное, сохраняетъ свой кумиръ; онъ имѣетъ поклонниковъ, тѣмъ болѣе усердныхъ, чѣмъ ближе для нихъ вѣнецъ мученическій. Она настойчиво ожидаетъ своего мессію-избавителя и побѣдителя. Стараясь запугать этихъ благочестивыхъ почитателей отечества и чести, напрасно говорятъ имъ, что есть цитадель и зажженные фитили для разрушенія ихъ града, если они не принесутъ жертвы на алтарѣ Россіи; они упорствуютъ въ своей національной набожности, — поляки не хотятъ быть русскими. Россійскій императоръ намъ это объявляетъ.

„Мы могли предполагать, что, недремлющая и склонная къ подозрѣніямъ, русская полиція препятствуетъ всякому сообщенію Польши съ чужими краями; мы могли думать, что изгнанники не могутъ вести переписку съ родными и друзьями своими, что они не имѣютъ возможности пересылать имъ сочиненія, которыя могли бы возбудить ихъ надежды и утѣшить ихъ въ несчастіи. Этотъ секвестръ правды, наложенный на всю Польшу, заставлялъ скорбѣть; тяжело было подумать, что въ этой странѣ, столь чувствительной къ словамъ „сво-

бода и слава", изчезло всякое эхо, все остановилось и оглохло. Мы вопрошали себя, что станетъ съ новыми поколѣніями, воспитанными въ незнаніи своихъ предковъ, ихъ страданій, ихъ стремленій? Императоръ Николай озаботился успокоить въ этомъ отношеніи Европу, сообщивъ ей нѣсколько выписокъ изъ донесеній своей полиціи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Польша еще находится въ перепискѣ съ чужими краями; что найлучшая полиція въ мірѣ, русская полиція, не можетъ прекратить эти тайныя сношенія, и что границы Польши, каковы онѣ есть, вступаютъ въ патріотическій заговоръ съ польскими сердцами, для того, чтобы быть доступными, вопреки русской полиціи, окликамъ надежды и утѣшенія, приходящимъ извнѣ.

„Итакъ, судя по словамъ императора Николая, таково положеніе Польши: она не покорилась и не раскаевается; она не отреклась отъ идеи своей независимости и, не смотря на русскую полицію. ведетъ переписку съ чужими краями. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, что могло бы испугать Европу или ввергнуть въ уныніе польскихъ изгнанниковъ; а какъ брань и угрозы, которыми приправлено это признаніе, не заключаютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, либо примирительнаго, то мы также въ нихъ не видимъ ничего, что могло бы создать для Россіи приверженцевъ на польской почвѣ. Спросимъ же еще разъ, чего хотѣлъ императоръ Николай?

„Впрочемъ, какія бы ни могли быть его намѣренія, мы полагаемъ, что Польша должна быть ему благодарна за торжественно-данную имъ ей аттестацію. Мы даже увѣрены, что еслибъ варшавскіе депутаты могли отвѣчать ему съ полною откровенностью, то не преминули бы его поблагодарить за то, что онъ ихъ избавилъ отъ произнесенія привѣтственной рѣчи. Дѣйствительно, мы солгали бы,— могли бы они сказать,—назвавъ васъ своимъ государемъ. Вы сдѣлались имъ только силою, а сила можетъ передѣлать то, что она сдѣлала. Мы солгали бы, назвавъ себя вашими подданными; мы не ваши подданные, ибо мы не русскіе и не хотимъ быть ими. Мы поляки, мы нація независимая, еще признаваемая, въ настоящее время, Европою, по смыслу трактатовъ, которые она подписала. Насъ три раза душили, три раза раздробляли; но мы никогда не давали согласія своего на свое раззореніе и мы сохранили сознаніе своихъ правъ. Вы сами, государь, имѣете это сознаніе нашихъ правъ, подъ видомъ угрызенія совѣсти; и вотъ почему, уже тридцать лѣтъ сряду, вы стараетесь придавить нашу націю, то посредствомъ мира и ухищреній, то посредствомъ войны и насилія. Сегодня вы говорите намъ, что принадлежать Россіи есть счастье, что она одна остается тверда и неприкосновенна. Счастье быть русскими знаемъ мы только по

убіенію нашихъ братьевъ, по сожженію нашихъ деревень и по розамъ разрушенія, которыя вы еще сію минуту произнесли. Ч же касается до могущества Россіи, то мы знаемъ, что, бывъ малочисленны, плохо одѣты и дурно вооружены, мы цѣлый годъ потрясали вашу имперію, и что содроганія нашего пораженія еще смущаютъ вашу силу и имѣютъ послѣдствіемъ то, что, обращаясь къ намъ, вы теряете хладнокровіе и умѣренность, которыя суть принадлежность государей. Мы будемъ помнить ваши слова, какъ вы намъ это приказываете, но преимущественно для того, чтобъ благодарить Бога, вложившаго ихъ въ ваши уста, замѣнивъ нашу рѣчь нашими чувствами и ложь правдою. Эту правду, государь, столь утѣшительную для нашихъ братьевъ-изгнанниковъ, столь лестную для насъ самихъ, столь важную для Европы, вы только одни могли ее высказать въ Варшавѣ, не опасаясь немедленно быть наказаннымъ русскими палачами.“

II.

Императоръ Николай Павловичъ могъ отвѣчать презрѣніемъ на тѣ дерзкія выходки „Journal des Débats“, которыя лично до него относились, и могъ поэтому приказать перепечатать ихъ въ „Journal de St.-Petersbourgs“, почти безъ возраженій и поправокъ. Но теперь, по прошествіи почти 40 лѣтъ, когда рѣчь его и заносчивые на нее коментаріи сдѣлались достояніемъ исторіи, когда событія 1863 года вполнѣ оправдали слова и предчувствія покойнаго государя, — мы не можемъ оставить безъ возраженія тѣ оскорбленія, которыя „Journal des Débats“ расточалъ, при этомъ случаѣ, русской націи и русской арміи, равно какъ и тѣ искаженія исторической истины, которыя онъ себѣ позволялъ изъ пристрастія къ польской эмиграціи,— пристрастія, также заслуживающаго нѣсколько подробнаго изслѣдованія.

По словамъ „Journal des Débats“, мы варвары, мы—древняя Московія, мы—дикое племя, мы—нація рабовъ и палачей; а поляки, убивавшіе предательски ночью сонныхъ солдатъ нашихъ въ 1794 и въ 1830 годахъ,—образцы просвѣщенія, благородства, великодушія, геройства!... Въ Польшѣ народъ только недавно вызванъ къ жизни; до 1864 года представителями польской націи исключительно были: магнаты, ксендзы и шляхта; крестьяне же именовались стадомъ (быдло) и лишены были гражданскихъ правъ. Въ началѣ этого столѣтія, помѣщики имѣли надъ ними право живота и смерти, или, по крайней мѣрѣ, могли безнаказанно лишать ихъ жизни. Когда что-либо подобное было въ варварской Россіи? Притомъ, большинство польскаго народа, ослѣпленное католическимъ суевѣріемъ, конечно, и въ 1830 году стояло точно также, какъ и теперь стоитъ, на низшей степени раз-

витія, чѣмъ большинство русскаго народа. Если сравнивать меньшинство, то въ 1830 году, быть можетъ, было между поляками больше латинистовъ и классически-образованныхъ личностей, чѣмъ въ имперіи; но, вообще говоря, высшій классъ, просвѣщенный на западный ладъ, долженъ былъ численностью брать въ ней верхъ надъ польскою культурой.

Обратимся теперь собственно къ статьѣ „Journal des Débats", отъ 11 ноября.

Въ ней онъ утверждаетъ, что самъ императоръ назначалъ членовъ варшавскаго муниципальнаго совѣта. Это едва-ли справедливо. Онъ назначалъ членовъ государственнаго или правительственнаго совѣта царства польскаго. Муниципальный же совѣтъ—нѣчто въ родѣ городской думы, и членовъ его, вѣроятно, избранныхъ ихъ согражданами, утверждалъ намѣстникъ.

Въ той же статьѣ сдѣланъ намекъ на то, что ни одна нѣмецкая газета не посмѣла напечатать императорскую рѣчь или разсуждать объ ней. Очень ясно и просто. Во всей Германіи существовала тогда довольно-строгая цензура; да и нѣмцамъ, сосѣдямъ поляковъ, далеко было бы невыгодно поощрять ихъ къ новому возстанію. Для этого французы находились въ безопасности.

Тамъ же выражено удивленіе, къ чему-де произнесена была эта рѣчь? Произнесена была она для уясненія взаимнаго положенія. Императоръ Николай I горячо любилъ Россію и дорожилъ русскою кровью. Находясь въ Варшавѣ въ первый разъ послѣ мятежа, онъ не могъ не вспомнить, какіе потоки русской крови были пролиты изъ-за Польши. Притомъ, стòитъ принять во вниманіе его рыцарскую откровенность и приверженность къ законности, стòитъ вспомнить, какъ онъ гнушался лжи, измѣны, коварства, чтобы понять, что у него словно бремя съ плечь свалилось, когда онъ высказался... „Journal des Dèbats" притворяется, будто не понимаетъ, какую возвышенную цѣль имѣлъ въ виду государь, и, перефразируя его рѣчь, перетолковываетъ ее по своему.

Въ статьѣ 13 ноября, „Journal des Débats" сознается, что считалъ императора Николая Павловича врагомъ свободы, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ во Франціи и въ Англіи. Нелишне при этомъ вспомнить, что и съ тѣхъ поръ, по прошествіи почти 40 лѣтъ, Франція далеко не сдѣлалась страною образцовою въ отношеніи свободы, а все падала ниже и ниже. Пунктъ помѣшательства французовъ заключался, въ 1830-хъ годахъ, именно въ томъ, что они надѣялись привить себѣ либеральныя и столь прочныя въ Англіи учрежденія, между тѣмъ, какъ у нихъ почва къ этому неусвоена.

Далѣе, „Journal des Débats" очень коварно намекаетъ, что еслибъ не потрудился самъ императоръ Николай I разоблачить истину, то ему („Journal des Débats") пріятно было бы продолжать отдавать справедливость его способности управлять, и даже легко было бы вообразить, что есть поляки, которые добровольно вступили подъ владычество Россіи, что императоръ и его намѣстникъ стяжали себѣ приверженцевъ, и т. п. На это исторія отвѣчаетъ, что русская партія существовала между поляками только до распаденія Польши; а что кроткія и сладкія рѣчи императора Александра I, въ родѣ той, которую онъ произнесъ на сеймѣ царства въ 1818 г. [1]), равно какъ и то необыкновенно-цвѣтущее матеріальное благосостояніе, которымъ эта страна наслаждалась подъ его скипетромъ [2]), не только не уняли поляковъ, но облегчили и ускорили революціонный взрывъ 1830 года. Въ 1835 году ни сами поляки, ни „Journal des Débats" уже и не вспоминали о рѣчахъ Александра I и о прежнемъ благоденствіи царства. Для чего же было императору Николаю Павловичу пробовать дѣйствіе кротости, когда недавній опытъ доказалъ всю ея несостоятельность?

Въ той же статьѣ, оказывая полякамъ всевозможныя поблажки и напѣвая имъ, какъ настоящая сирена, сладкія пѣсни, порой доводящія его самаго до паѳоса, „Journal des Débats" крайне безнравственно поощряетъ ихъ ко лжи и, издѣваясь надъ могуществомъ Россіи, дважды напоминаетъ имъ, что не разъ-де имъ случалось одерживать верхъ надъ русскою арміей. Но онъ не говоритъ, что это случалось потому, что Александръ I и великій князь Константинъ Павловичъ сформировали самостоятельную польскую армію, что въ началѣ возмущенія 1830 года всѣ условія мѣстности были въ пользу поляковъ и что, при всемъ этомъ, многіе изъ ихъ побѣдныхъ бюллетеней были ложны. Извѣстно, что въ 1863 году эта систематическая ложь была доведена до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что съ этого началось разочарованіе Европы относительно польской эмиграціи, пополнившейся жандармами-вѣшателями, предавшейся фабрикаціи не только ложныхъ бюллетеней, но и фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и отблагодарившей Францію за гостепріимство участіемъ въ пожарищахъ коммуны.... Ужъ лучше бы „Journal des Débats" напомнилъ полякамъ, что, тому два столѣтія, Москва была въ ихъ власти, что они намъ навязывали своего королевича и цѣлый рядъ самозванцевъ, и что развѣнчанный

[1]) См. «Русскую Старину» 1873 г. т. VII, стр. 612—615.

[2]) Въ этомъ сознаются даже польскіе историки: Солтыкъ, чуть-ли не Лелевель, и пр. См. Записки Д. В. Давыдова, напечатанныя въ «Русск. Стар.», октябрь 1872 г., т. VI, стр. 326. Я. Ѳ.

русскій царь, Василій Ивановичъ Шуйскій, умеръ въ плѣну въ Варшавѣ; но, что съ тѣхъ поръ, мы два раза брали ее и что послѣдній король польскій, Станиславъ Августъ, умеръ развѣнчанный въ Петербургѣ.

Замѣтимъ, наконецъ, (и это всего важнѣе), что ссылка „Journal des Débats" на трактаты вполнѣ недобросовѣстна.

Въ ст. 1 вѣнскаго трактата 1815 года сказано, что царство польское, по своему внутреннему устройству (или строю), будетъ неразрывно связано (во французскомъ текстѣ lié) съ россійскою имперіей, во владѣніи императора всероссійскаго, его наслѣдниковъ и преемниковъ на вѣчныя времена (irrévocablement).

Слово constitution мы перевели выраженіемъ „внутреннее устройство", какъ наиболѣе подходящимъ къ эпохѣ, когда царству польскому конституціи еще не было даровано, когда въ Европѣ ограниченныхъ монархій было весьма немного и когда слово „конституція" еще вовсе не была синонимомъ представительнаго правленія, а просто означало, опредѣленную извѣстнымъ статутомъ, правильную форму внутренней организаціи какого-либо государства.

Въ томъ же § сказано:

„Его императорское величество предполагаетъ даровать, по своему усмотрѣнію, внутреннее распространеніе сему государству, имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ".

Это—то распространеніе, посредствомъ присоединенія къ царству Литвы и Волыни, которое, вслѣдствіе протестовъ Карамзина и Поццо-ди-Борго, никогда не состоялось.

Въ концѣ того же § читаемъ:

„Поляки, какъ русскіе подданные, такъ равномѣрно австрійскіе и прусскіе, будутъ имѣть народныя представительство и учрежденія, сообразованныя (réglées) съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, какое каждое изъ правительствъ, коимъ они принадлежатъ, признаетъ за полезное и приличное имъ даровать"

Если сравнить тѣ опредѣлительныя выраженія, которыми трактатъ налагаетъ на царство польское обязанность состоять во власти Россіи,—съ тѣми періодами, которые очень смутно излагаютъ обязанности русскаго правительства и въ концѣ которыхъ есть фразы, лишающія предыдущія всякой силы,—то окажется, что императоръ Александръ I во многомъ превзошелъ свои обѣщанія, даровавъ царству, по своему усмотрѣнію, народныя представительство и учрежденія, какія самъ признавалъ полезными и приличными.

Но „Journal des Débats" забывалъ, что, послѣ трактата и его исполненія въ столь широкой мѣрѣ, вспыхнуло польское возстаніе 1830 г.,

и что за нимъ послѣдовали война и завоеваніе, уничтожающія трактаты.

Императоръ Николай Павловичъ, короновавшійся въ Варшавѣ, пять лѣтъ сряду (1826—1830 гг.) исполнялъ, въ отношеніи къ Польшѣ, обязанности конституціоннаго короля и впослѣдствіи справедливо обвинялъ поляковъ въ томъ, что они сами, своими ногами, попрали свою конституцію.

Что же касается односторонности французскихъ газетъ, то она объясняется цѣлымъ рядомъ событій.

Раздѣлы Польши слѣдались возможны только потому, что между поляками были три многочисленныя партіи: русская, прусская и австрійская. Партія приверженцевъ Франціи была малочисленна. Это государство никогда не оказывало Польшѣ дѣйствительной помощи; но, недовольное раздробленіемъ ея, постоянно ее подстрекало противъ ея новыхъ властителей. Наполеонъ I эксплуатировалъ поляковъ, какъ chair à canon, и созданное имъ герцогство варшавское было нѣчто въ родѣ выродка. Въ 1830 году, іюльская революція во Франціи и вступленіе на престолъ младшей бурбонской линіи, въ лицѣ Людовика-Филиппа, вмѣсто старшей, оскорбило столь сильно развитое въ императорѣ Николаѣ I чувство законности; а отпаденіе Бельгіи отъ Голландіи, какъ нарушеніе вѣнскаго трактата, возбудило въ немъ тѣмъ бо̀льшее негодованіе, что французская армія вступилась за Бельгію и бомбандировала Антверпенъ. У насъ приготовлялись къ войнѣ; Пруссія соглашалась принять въ ней участіе; съ Австріей шли переговоры. Въ это-то время, происками французскаго правительства, и вспыхнула вожделѣнная для него диверсія въ Варшавѣ. Силы Россіи отвлечены были въ эту сторону. За эту диверсію Франція отблагодарила поляковъ тѣмъ, что, въ одинъ прекрасный день, военный министръ маршалъ Себастіани сухо объявилъ въ палатѣ депутатовъ: „L'ordre règne à Varsovie!“ Такъ узнала Франція о взятіи Варшавы русскими. Если прибавить, что покойный государь долго не признавалъ избранника Франціи, Людовика-Филиппа, то понятны будутъ всѣ возгласы противъ Россіи, разнузданной въ то время политической печати во Франціи, преимущественно же о̀ргана орлеанской партіи—„Journal des Débats“, родившагося въ то же время сатирическаго листка „Charivari“ и иныхъ газетъ.

Въ заключеніе напомнимъ, что въ Московской оружейной палатѣ показываютъ посѣтителямъ польскій мундиръ, въ которомъ императоръ Николай I короновался въ Варшавѣ; что тамъ-же положенъ имъ, у ногъ портрета Александра I, ковчегъ, въ которомъ хранится польская конституція; около этого ковчега развѣшаны поль

скія знамена съ слѣдующею, сочиненною государемъ Николаемъ Павловичемъ, вполнѣ исторически-вѣрною, надписью:

„Императоръ Александръ I, благодѣтель Польши, пожаловалъ сіи знамена своей польской арміи. Великодушію—отвѣчала измѣна. Вѣрная, храбрая русская армія знамена сіи возвратила, взявъ приступомъ и пощадивъ Варшаву“.

Сошлемся еще на одинъ авторитетъ. У Лагарпа, въ Женевѣ, былъ большой портретъ его августѣйшаго питомца. Онъ подъ нимъ написалъ: „La Pologne ingrate lui dût la liberté“ (неблагодарная Польша обязана была ему свободой).

Къ счастію, послѣ блистательнаго отраженія, депешами нашего канцлера князя А. М. Горчакова, затѣяннаго Наполеономъ III вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла, трудами другаго даровитаго и достопамятнаго государственнаго дѣятеля Н. А. Милютина, стерты слѣды старой феодальной и клерикальной Польши. Прежде борьба происходила съ отдѣльными личностями: такъ погибъ Конарскій и другіе демагоги-патріоты знакомились съ Сибирью. Теперь же, мудрою и благодѣтельною предусмотрительностію правительства, создано въ царствѣ многочисленное сословіе крестьянъ, свободныхъ собственниковъ, заинтересованныхъ въ спокойствіи края; значительно сокращено число монастырей, бывшихъ очагами революціи и вся страна покрыта множествомъ учебныхъ заведеній, долженствующихъ разсѣять невѣжество и полуобразованіе—сихъ дѣятельныхъ пособниковъ шляхетской смуты и польскаго безурядья. Развивающіеся въ привислянскихъ губерніяхъ консервативные элементы служатъ порукою, что судьбы прежней Польши составляютъ достояніе исторіи; что противъ демагоговъ воздвигнута оплотомъ цѣлая система, благодаря которой, мы имѣемъ предъ собою вполнѣ обновленную, отнынѣ уже не шляхетско-ксендзовскую Польшу, которой и можемъ теперь братски протянуть руку примиренія.

Я. В. Ѳоминъ.

КНЯЗЬ М. С. ВОРОНЦОВЪ.

Письма его къ князю В. О. Бебутову [1]).

14.

19-го августа 1850 г., Кисловодскъ.

....У насъ сегодня, поутру, былъ неожиданный и любопытный случай и наши дамы видѣли настоящее сраженіе въ Кисловодскѣ. Надобно было арестовать пять карачаевцевъ, извѣстныхъ разбойниковъ, которые недавно увели дочь полковника Туганова. Когда имъ велѣли отдать оружіе, они отказались, сѣли на лошадей, начали перестрѣливаться и разбѣжались по Кисловодску и на гору, гдѣ крестъ Реброва. Казаки старались ихъ окружить; пришли егеря и линейные солдаты и кончилось тѣмъ, что изъ 5-ти 4 убито и 1 смертельно раненъ. У насъ убитъ 1 солдатъ и ранено 3. Одинъ ворвался въ нашу конюшню, гдѣ сперва одинъ солдатъ встрѣтилъ его вилою; драгунъ, служащій у меня, бросился на него съ шашкою и ранилъ, но самъ раненъ въ двухъ мѣстахъ. Въ это время Илико (князь Орбеліани [2]), котораго я послалъ за чѣмъ-то въ горы, такъ ловко его ударилъ шашкою, что онъ, послѣ того, не всталъ. за то и шашка Ильи— по-поламъ. Другой сбѣжалъ съ горы, чтобы спастись въ ресторацію: взлѣзъ на хоры и защищался отчаянно. Его штурмовали, наконецъ, лѣстницами, и тутъ у насъ убитъ одинъ гренадеръ и другой раненъ. Можете вообразить, какой это былъ спектакль для пьющихъ воды!

---

[1]) См. «Русск. Старину», изд. 1873 г., т. VII, стр. 163—108; 254—261.

[2]) Т. е., князь Илья (Илико) Дмитріевичъ Орбеліани, впослѣдствіи генералъ-маіоръ и командиръ грузинскаго гренадерскаго полка; умеръ, въ 1853 г., отъ раны, полученной въ сраженіи съ турками при Баш-Кадыкларѣ (19 ноября 1853 г.). А. В.

15.

26-го августа 1850 г., Кисловодскъ.

Начинаю съ того, чтобы сообщить вамъ о прекрасномъ дѣлѣ, которымъ вновь отличился сунженскій нашъ герой Слѣпцовъ [1]). Посылаю къ вамъ копію съ письма Слѣпцова къ Козловскому. Вы увидите всѣ подробности. Дѣло это, славное по смѣлости и распорядительности, тѣмъ болѣе для насъ драгоцѣнно, что оно будетъ имѣть большой, моральный эффектъ въ нашу пользу и противъ Шамиля, показывыя ничтожество его укрѣпленій и намѣреній насъ останавливать. Несчастные чеченцы и тавлинцы, почти цѣлый годъ принужденные работать и защищать это пустое укрѣпленіе (Шалинское), и которые, и прежде теперешняго случая, сильно жаловались и кричали противъ такого притѣсненія, такъ что часть тавлинцевъ Шамиль принужденъ былъ отправить домой, теперь еще болѣе прежняго будутъ сѣтовать, когда еще лучше увидѣли и могутъ доказать всю безполезность ихъ огромныхъ усилій. Все это чрезвычайно намъ послужитъ для легкости будущей нашей экспедиціи.

Генералъ-маіоръ Викентій Михайловичъ Козловскій, временно командовавшій 20-ю пѣхотною дивизіею. Вотъ письмо къ нему генерала Слѣпцова:

«Изъ письма г. Кологривова ваше превосходительство усмотрите, что полковникъ Форстенъ содѣйствовалъ нашему успѣху и предложилъ одинъ баталіонъ, два орудія и одну сотню казаковъ, изъ коихъ я воспользовался тремя ротами пѣхоты и одной сотней, дабы не ослабить гарнизона крѣпости Грозной; и вотъ какъ совершилось наше общее желаніе. По письму вашего превосходительства, я собралъ 800 человѣкъ конницы изъ милиціи, при двухъ конныхъ орудіяхъ и ракетной команды; скрытно дневалъ въ Чечнѣ, около Алды, и въ то время, также скрытно, притянулъ вышеупомянутую часть изъ Грозной и, нисколько не медля, съ 21-го на 22-е, переправился чрезъ р. Аргунъ и былъ открыть уже на переправѣ ханкальскими жителями. Переправившись, я тотчасъ атаковалъ укрѣпленіе Шалинское и взялъ его приступомъ со всѣхъ сторонъ, съ весьма ничтожной потерей. Хотя непріятель, подъ предводительствомъ Талгика и Лабазы, усиливался удерживать завалъ, но все тщетно противъ храбрыхъ войскъ рѣшимости: завалъ взятъ и теперь уже размѣшанъ, ибо я, не имѣя ничего, кромѣ оружія и рукъ, сдѣлалъ трое воротъ и жду генералъ-маіора Меллера-Закомельскаго съ лопатами, чтобы совсѣмъ его уничтожить. Слава Богу, я исполнилъ ваше желаніе въ точности и съ ничтожной потерей....» Слѣпцовъ.

P.S. Генералъ Меллеръ прислáлъ на просѣку четыре роты съ двумя орудіями и одну сотню казаковъ, подъ командою подполковника Ушакова. По

[1]) Генералъ-маіоръ Николай Павловичъ Слѣпцовъ, командиръ 1-го сунженскаго полка; убитъ въ Чечнѣ, въ декабрѣ 1851 года. А. В.

отличнымъ своимъ дѣйствіямъ, нѣкоторые гг. штабъ- и оберъ-офицеры заслуживаютъ награды, то я бы просилъ ваше превосходительство о представленіи ихъ разрѣшенію его сіятельства г. главнокомандующаго.

Въ добавленіе къ письму моему къ вашему превосходительству, имѣю честь донести, что, послѣ занятія Шалинскаго укрѣпленія, непріятель, постепенно собиравшійся, дѣятельно продолжалъ перестрѣлку и у меня уже было до 30-ти раненыхъ. Около 11-ти часовъ утра, дерзость его дошла до такой степени, что онъ произвелъ, изъ дальняго, впрочемъ, разстоянія, выстрѣлы изъ орудій. Чтобы наказать его дерзость, я тотчасъ бросился въ атаку съ казаками на непріятеля, котораго силы оказались весьма значительны. Дружный ударъ казаковъ въ шашки обратилъ непріятеля въ бѣгство и я преслѣдовалъ его по полямъ и трущобамъ Большой Чечни, слишкомъ на 15 верстъ. Къ сожалѣнію, орудія непріятеля, быстро увезенныя и закинутыя въ трущобу, не могли быть отысканы. Это пораженіе навело такой паническій страхъ на непріятеля, что, при возвратномъ пути, онъ не смѣлъ преслѣдовать меня до просѣки и перестрѣлка прекратилась. Послѣ того прибылъ генералъ Меллеръ съ частью войскъ и инструментомъ и продолжалъ безпрепятственно работу по разрушенію укрѣпленія. При захожденіи солнца, отрядъ возвратился на ночлегъ въ крѣпость Воздвиженскую, безъ всякой перестрѣлки.

Укрѣпленіе Шали, 22-го августа 1850 года.

16.

21-го сентября 1850 г., Пятигорскъ.

17-го числа, въ прошлое воскресенье, въ 11 часовъ поутру, мы имѣли счастье дождаться и встрѣтить, въ Усть-Лабѣ, нашего высокаго гостя государя наслѣдника. Его императорское высочество, по случаю встрѣтившей его въ морѣ, по высадкѣ изъ Ялты, бури, не могъ дойти до Новороссійска, и, вышедши на берегъ у Тамани, изволилъ прибыть къ намъ изъ Екатеринодара. На другой день, поутру, въ понедѣльникъ, мы выѣхали изъ Усть-Лабы и продолжали благополучно путь нашъ сюда черезъ станицы кубанскія. Сегодня его императорское высочество изволилъ обозрѣвать Кисловодскъ и къ позднему обѣду пріѣхать сюда. Завтра мы выѣзжаемъ отсюда далѣе, на Нальчикъ, и въ понедѣльникъ надѣемся быть въ Тифлисѣ. Везти великаго князя по Лабѣ, какъ мы прежде предполагали, не могли мы, потому что Магометъ-Аминь дѣлаетъ большіе сборы, одинъ изъ коихъ въ 25-ти верстахъ отъ этой рѣки. Пѣхоты тамъ у насъ мало и Евдокимовъ былъ въ отчаяніи. Надобно было или бросить всю линію и всѣ станицы съ ничтожною защитою, или провожать великаго князя съ конвоемъ, совершенно недостаточнымъ, и, во всякомъ случаѣ, идти отъ Теширгоя до Прочнаго-Окопа съ пѣхотой, не болѣе 4-хъ ротъ, и остановиться отъ большаго числа повозокъ въ Вагенбургѣ, при появленіи какой-нибудь партіи, что было бы неприлично для наслѣдника россійскаго престола. Посему, я рѣ-

шился показать ему одну прекрасную и обширную станицу, а именно Некрасовскую, гдѣ Іедлинскій [1]) чрезвычайно его потѣшилъ своими казаками, ракетами и мальчиками станицы; потомъ мы воротились ночевать въ Усть-Лабу, и потомъ все ѣхали по правому берегу Кубани, поворотили въ виду Баталпашинской станицы и ночевали, вчера, въ Суворовской. Сегодня видѣлъ онъ Есентуки, Кисловодскъ и Пятигорскъ. Онъ всѣмъ чрезвычайно доволенъ; но особливо восхищенъ линейными казаками, которыхъ онъ видѣлъ теперь бо̀льшую часть, и съ удивленіемъ нашелъ, что вся масса этого прекраснаго войска не уступаетъ образчикамъ въ Петербургѣ и Варшавѣ. Завтра мы ѣдемъ въ Нальчикъ и князь Эристовъ съ нами; а ежели получимъ завтра что-либо серьезное на счетъ дѣйствій непріятеля, то завтра же, вечеромъ, Эристовъ отправится, изъ Нальчика, къ своему отряду на верховьяхъ Кубани, гдѣ, до его пріѣзда, командуетъ полковникъ Унгернъ. Не знаю, что Магометъ-Аминь сдѣлаетъ, но знаю, что мы, съ своей стороны, все сдѣлали, и что никогда линія не была такъ сильна; а потомъ — какъ Богу будетъ угодно.

Великій князь желаетъ въѣхать въ городъ въ мундирѣ и верхомъ; мы поѣдемъ прямо, по Атаманской улицѣ, въ Сіонъ, и оттуда уже домой, къ почетному караулу, и проч. Кромѣ принадлежащихъ къ караулу, вы будете тамъ одни, а на другой день онъ будетъ всѣхъ принимать.

17.

28-го сентября 1850 г., Владикавказъ.

Мы сейчасъ сюда пріѣхали; все хорошо, кромѣ погоды; дай Богъ, чтобъ была лучше завтра. Но великій князь всѣмъ чрезвычайно доволенъ. Больше нечего вамъ сказать; прибавлю только, что вы лично встрѣтите великаго князя, гдѣ вамъ угодно; но я полагаю, что лучше было бы на томъ мѣстѣ, гдѣ его высочество сядетъ на лошадь. Вы это лучше знаете.

18.

30-го августа 1852 г., Крѣпость Грозная.

....Мы третьяго дня сдѣлали прекрасную прогулку по Большой Чечнѣ, на р. Бассъ. Я имѣлъ случай видѣть прекрасные плоды послѣднихъ нашихъ экспедицій и всѣмъ, что ни обозрѣлъ, остался очень доволенъ. Сегодня мы ѣдемъ далѣе и ночуемъ въ Червленной. Погода опять установилась прекрасная.

---

[1]) Войсковой старшина. Альбертъ Артуровичъ Іедлинскій, нынѣ генералъ-маіоръ и помощникъ начальника кавказской кавалерійской дивизіи.

А. В.

19.

12-го сентября 1852 г., Ейскъ.

....Городъ Ейскъ удивительно какъ подвигается. Въ немъ уже до 10,000 жителей, законно записанные и еще 3,000, которые ожидаютъ бумагъ изъ разныхъ государственныхъ палатъ, чтобы такимъ же образомъ правильно записаться. Коммерческіе обороты въ полномъ ходу и со дня на день болѣе оживляются. Когда вспомнишь, что, четыре года тому назадъ, мы искали мѣста въ степи, гдѣ быть городу Ейску, то такое явленіе не можетъ не быть утѣшительнымъ.

Вообще этотъ годъ счастливъ и по урожаямъ, и по части здоровья. Даже на рѣкѣ Бѣлой, гдѣ въ прошломъ году было такъ много больныхъ, теперь ихъ почти вовсе нѣтъ, и князь Григорій (Орбеліани) пишетъ, что тоже самое и въ Дагестанѣ. Я теперь поѣду по городу и окрестностямъ, и кончу это письмо завтра.

13-го сентября.

Я былъ удивленъ и восхищенъ всѣмъ, что я видѣлъ вчера. Малолѣтній городъ нашъ идетъ впередъ быстрыми шагами и выборъ Чередѣева, для управленія онымъ, вышелъ самый удачный во всѣхъ отношеніяхъ.

Вчера былъ сильный вѣтеръ и мы не могли нагрузить экипажи; но сегодня погода утихла и я надѣюсь, что мы отправимся въ 6 часовъ вечера и будемъ въ Бердянскѣ завтра, къ разсвѣту.

20.

24-го октября 1852 г., Сухумъ-Кале.

Я только что начинаю письмо здѣсь и окончу оное, я думаю, въ Зугдиди, куда мы прибудемъ послѣ завтра. Плаваніе наше, во все время, было самое пресчастливое, и я, по милости Божіей, былъ довольно здоровъ, чтобы сдѣлать все, что я хотѣлъ сдѣлать. Изъ Анапы мы пошли сухимъ путемъ, съ небольшимъ конвоемъ, до Новороссійска; а изъ Новороссійска я ходилъ, съ отрядомъ, въ земли дальнихъ натухайцевъ, по рѣкѣ Адагумъ, 28 верстъ отъ Новороссійска. Тамъ мы ночевали въ лагерѣ, или лучше сказать, на бивуакѣ, а на другой день воротились въ Новороссійскъ къ обѣду. Мнѣ было очень любопытно и нужно посмотрѣть эту мѣстность, тѣмъ болѣе, что на Адагумѣ предположено, какъ скоро средства позволятъ, выстроить укрѣпленіе. Отрядъ состоялъ изъ 14-ти ротъ двухъ учебныхъ командъ взвода балаклавскихъ грековъ, двухъ сотень донскихъ казаковъ, пол-

сотни анапскихъ всадниковъ и 9-ти орудій. Идучи туда, у насъ была малая перестрѣлка, на второй половинѣ марша, въ которой мы имѣли только одного раненаго. На другой день они собрались и провожали насъ верстъ десять; но, наконецъ, попали подъ атаку всадниковъ и охотниковъ изъ за-кубанскихъ армянъ, потерявши нѣсколько людей на мѣстѣ, и оставили насъ въ покоѣ. Въ этотъ день у насъ два раненыхъ, но легко. Линейные солдаты молодцы и бо́льшая часть изъ нихъ, съ тѣхъ поръ, какъ взялъ начальство адмиралъ Серебряковъ, весьма часто въ движеніяхъ и бояхъ врядъ-ли въ чемъ уступаютъ нашимъ старымъ кавказскимъ полкамъ. Изъ Новороссійска мы пошли опять моремъ и въ первый день видѣли фортъ Лазарева, а вчера вышли на берегъ въ Пицундѣ и пришли сюда, въ Сухумъ, въ 6 часовъ. Завтра мы выѣзжаемъ въ одномъ только экипажѣ до Очемширъ, а послѣ завтра надѣемся быть въ Зугдиди, не заѣзжая въ Редутъ-Кале. Мы здѣсь нашли Гагарина, князя Шервашидзе, Кацо-Маргани и проч. Владѣтель выѣхалъ сегодня, чтобы принять насъ въ Очемширы. Ежели, какъ всѣ увѣряютъ, я найду дорогу удобопроѣзжаемою, то надобно будетъ, въ будущемъ же году, имѣть тамъ способы для проѣзда, т. е., почтовыя станціи. Пароходы уже не будутъ ходить далѣе Сухумъ-Кале, а для товаровъ здѣсь есть охотники заготовлять перевозочныя средства....

28-го октября 1852 г., Зугдиди.

Мы пріѣхали сюда вчера, рано, изъ Анакліи, гдѣ ночевали на казачьемъ посту, ибо въ одинъ день изъ Очемширъ трудно бы было пріѣхать. Скоро послѣ того, какъ мы оставили пароходъ и морское плаваніе, погода сдѣлалась очень дурная; и пароходъ нашъ „Эльборусъ“ ничего не могъ выгрузить ни въ Редутъ-Кале, ни въ Поти, и воротился въ Сухумъ. Сегодня погода, кажется, хорошая; впрочемъ, мы экипажей нашихъ дожидаться не будемъ и поѣдемъ въ Тифлисъ въ извѣстныхъ, по всему Закавказскому краю, крытыхъ дрожкахъ; и коли Богъ дастъ, пріѣхать къ вамъ 3-го числа, но не прежде 6-ти часовъ вечера, ибо мнѣ въ Гери нужно будетъ посмотрѣть строющійся мостъ и узнать подробно о второмъ мостѣ и о дорогѣ между ними.

Дадіани приняли насъ радушно и мы вчера уже любовались прекрасному здѣшнему саду. Я здѣсь получилъ ваше письмо, отъ 23-го числа, и благодарю васъ за оное, а равно и за сообщеніе „ужасныхъ мерзостей персидскаго шаха противъ замѣшанныхъ людей въ поку-

шеніи на его жизнь [1]). Мнѣ первый, съ ужасомъ о томъ, говорилъ самъ государь, и удивлялся, что я о томъ ничего не знаю....

Теперь, проѣхавшись по всей дорогѣ изъ Сухума до Анакліи, откуда уже нѣтъ затрудненія до Редута, скажу вамъ, что дорога есть и должна быть въ ходу, въ будущемъ году. Считая съ 1-го мая, шесть станцій должны быть готовы и пароходы, какъ военные, такъ и новороссійскіе, уже рѣшительно не должны ходить и пропадать, какъ въ томъ всегда есть опасность, въ Редута-Кале или въ Поти. Комитетъ вашъ долженъ открыть карманъ и вытянуть кошелекъ; примѣрно, надобно будетъ назначить на почтовыя станціи и на устройство 15 или 16 т. руб. Полныхъ помѣщеній для станціи, мы, въ будущемъ году, сдѣлаемъ два; въ другихъ же четырехъ сдѣлаемъ, на первый случай, только конюшни и турлучныя помѣщенія для извощиковъ. Прочіе же можно будетъ кончить въ 1854 и въ 1855 годахъ.

21.

18-го іюля 1853 г., Боржомъ.

....Турки собираютъ какое-то ополченіе близъ Карса и говорятъ о нападеніи на форштатъ Александрополя, желая раззорить все, что не въ крѣпости. Я посылаю, для вашего общаго свѣдѣнія, письмо отъ Назорова [2]). Войны еще все нѣтъ и, можетъ быть, не будетъ, но надобно быть готовымъ на все. Вы лучше знаете, сколько можно будетъ приготовить милиціи; регулярныхъ войскъ, вы знаете, у насъ очень немного, но ежели получимъ извѣстіе, что точно должна быть война, мы еще притянемъ 2 или 3 баталіона.

22.

30-го іюля 1853 г., Манглисъ.

По всѣмъ извѣстіямъ, полученнымъ даже почти оффиціально, можно надѣяться, что войны не будетъ; но и безъ войны у насъ хлопотъ довольно, и я совершенно утомленъ рапортами, отвѣтами и разрѣшеніями отъ всѣхъ частей сѣвернаго поката горъ. Къ этому, какъ будто нарочно, присоединились несчастія на военно-грузинской дорогѣ и даже естественныя бѣды на правомъ флангѣ и въ Черноморіи отъ саранчи, града въ куриное яйцо, падежа скота, и не достаетъ только холеры, на счетъ которой я боюсь, не будетъ-ли она

[1]) Дѣло идетъ о тѣхъ казняхъ и преслѣдованіяхъ, которымъ подвергали въ Персіи, въ 1852 году, бабинцевъ, вслѣдъ за покушеніемъ ихъ на жизнь шаха. А. В.

[2]) Генералъ-маіоръ Иванъ Ивановичъ Назоровъ, эриванскій военный губернаторъ. А. В.

къ намъ изъ Тавриза. Вообще эдакаго, хлопотливаго года мы еще не имѣли; и какъ при ономъ всякое или, лучше сказать, никакое леченіе не можетъ быть дѣйствительно, то и здоровье мое не могло отъ Боржома укрѣпиться. Не знаю, когда Богъ дастъ, чтобы все это успокоилось.

Три сотни линейныхъ казаковъ, которые шли сюда, къ турецкой границѣ, я рѣшился поворотить назадъ и остановить, на нѣкоторое время, въ распоряженіи Вревскаго [1]), около Владикавказа; это будетъ имѣть хорошій моральный эффектъ, показывая, что мы не ожидаемъ турецкой войны, а между тѣмъ, подкрѣпитъ Вревскаго, до котораго доходятъ увеличенные слухи о страшныхъ намѣреніяхъ Шамиля.

Сообщ. **Ад. П. Верже.**

Замѣтка по поводу разсказа о дѣлѣ флигель-адъютанта Копьева.

Одно изъ отраднѣйшихъ явленій въ современной намъ литературѣ составляютъ, безъ сомнѣнія, періодически-издающіеся, въ обѣихъ нашихъ столицахъ, сборники историческихъ свѣдѣній, матеріаловъ и всякаго рода изысканій, относящихся до возлюбленнаго нашего отечества и до дѣятелей, бывшихъ призванными на служеніе ему. Чтеніе этихъ сборниковъ доставляетъ истое наслажденіе каждому, слѣдящему за развитіемъ, посѣянныхъ на родной почвѣ, сѣмянъ усовершенствованій и преуспѣянія. Съ жаднымъ любопытствомъ ожидаются, между прочими, каждыя первыя числа мѣсяцевъ, въ которыя съ столь желанною, похвальною акуратностію доставляются подписчикамъ книжки „Русской Старины.“ Эти хранилища свѣдѣній о событіяхъ, ознаменовавшихъ наше отечество, и о лицахъ, болѣе или менѣе руководившихъ этими событіями, служатъ источниками ощущеній гордости, при мысли, сколь богата наша земля дѣятелями, всецѣло, съ безграничнымъ самоотверженіемъ посвятившихъ себя служенію Россіи,—и скорби о томъ, что и самыя блистательныя качества ума не ограждаютъ смертныхъ отъ увлеченій.

Эти ощущенія, въ полномъ ихъ объемѣ, были мною испытаны при прочтеніи, въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“, разсказа А. И. Фѣлькнера—изъ временъ управленія Кавказомъ князя Воронцова.

---

[1]) Генералъ-маіоръ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ) баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій, начальникъ владикавказскаго военнаго округа; смертельно раненъ, въ 1858 г., при штурмѣ аула Китури, въ Иланхевскомъ обществѣ. **А. В.**

Имѣвъ счастіе, въ теченіи 30 лѣтъ, находиться безотлучно при этомъ истомъ сынѣ Россіи, коимъ она, до позднѣйшаго потомства, имѣетъ право гордиться, — этого просвѣщеннаго творца всѣхъ начинаній, приведшихъ Новороссійскій край въ особенности, а впослѣдствіи и Кавказъ, на настоящую степень ихъ благосостоянія, смѣю сказать, что мнѣ, болѣе нежели кому-либо, извѣстны высокіе, благородные, честные порывы, одушевлявшіе его до послѣдняго мгновенія его земнаго поприща; по этому понятно, какое глубоко-горестное чувство во мнѣ породили обвиненія, на него взведенныя, по поводу дѣла о флигель-адъютантѣ Копьевѣ.

Воронцовъ не нуждается въ чьей-либо посмертной защитѣ. За память о немъ громко возстаютъ славныя, благія дѣла, въ теченіе болѣе полувѣка имъ совершенныя; но, будучи преисполненъ безграничной любви и уваженія къ покойному фельдмаршалу князю Воронцову, храня, какъ святыню, благоговѣйнѣйшую о немъ память, которая до гробовой доски не изгладится изъ глубины моей души, я счелъ бы недостойнымъ себя оставить безъ возраженій, приводимыя на страницахъ бытописаній нашего отечества, обвиненія одного изъ доблестнѣйшихъ его сыновъ въ побужденіяхъ, далеко несходныхъ съ тѣми, которыя имъ постоянно руководили.

Совершенно справедливо говоритъ г. Фелькнеръ, что при назначеніи, въ 1845 году, графа Михаила Семеновича Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ кавказскою арміею, всѣ были преисполнены великихъ надеждъ и встрѣтили его съ неописаннымъ восторгомъ. И смѣло можно сказать, ссылаясь на всѣхъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ обитателей, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ обширнаго Кавказа, что надежды эти вполнѣ сбылись; что съ какимъ восторгомъ былъ встрѣченъ Воронцовъ, съ такою же скорбью былъ провожаемъ, когда, подъ бременемъ недуговъ, вслѣдствіе тяжкихъ, понесенныхъ имъ трудовъ, онъ былъ вынужденъ покинуть имъ взлелѣянный, облагодѣтельствованный край. И доселѣ, по прошествіи стольких лѣтъ, какъ свидѣтельствуютъ пріѣзжающіе съ Кавказа—жители Тифлиса, равно какъ и прибывающіе туда отовсюду изъ Закавказья, проходя мимо памятника, воздвигнутаго покойному фельдмаршалу, на оконечности великолѣпнаго моста чрезъ р. Куру, благоговѣйно снимаютъ шапки предъ изображеніемъ незабвеннаго мужа, стяжавшаго всеобщую любовь и признательность.

Творить добро, истреблять зло—было постоянною цѣлью самыхъ пламенныхъ стремленій князя Михаила Семеновича Воронцова, но.... „errare humanum est“,—нѣтъ совершенства на земли, оно недосягаемо смертными и присуще одному Божеству. Нельзя не допускать

вліянія на дѣянія человѣческія впечатлѣній, извнѣ навѣваемыхъ; нельзя не сознать, что самый высокій, геніальный умъ не пребываетъ чуждымъ этимъ впечатлѣніямъ и имъ подчиняется. Я имѣлъ честь находиться съ покойнымъ княземъ Воронцовымъ въ С.-Петербургѣ, въ началѣ 1845 года, при назначеніи его намѣстникомъ Кавказскимъ; знаю о существовавшихъ тогда, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, убѣжденіяхъ въ противузаконныхъ дѣяніяхъ, творящихся въ странѣ, которая ввѣрялась управленію новаго намѣстника, которая, какъ говорили, служила ареною необузданнаго самоуправія и лихоимства. Излишнимъ было бы упоминать обо всемъ, что тогда передавалось о злоупотребленіяхъ, допускавшихся по всѣмъ отраслямъ, какъ военной, такъ и гражданской администраціи въ этой странѣ. „Примѣръ кары, постигшей кн. Дадіана, не принесъ пользы“, говорили вліятельныя лица въ Петербургѣ, „не послужилъ урокомъ для посягателей на казенную и частную собственность, для взирающихъ на полки и на отдѣльныя части управленія, какъ на собственно имъ принадлежащія вотчины“.

Подъ такимъ-то настроеніемъ прибылъ на Кавказъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ князь Воронцовъ. Онъ былъ проникнутъ твердымъ убѣжденіемъ въ господствующемъ тамъ необузданномъ самоволіи, въ потворствѣ, оказываемомъ всѣми и каждымъ, противузаконнымъ дѣяніямъ.

Такими же воззрѣніями сопровождались, многіе годы спустя, первые шаги Николая Николаевича Муравьева по тернистому пути управленія страною, въ то время далеко еще неблагоустроенною; но и онъ, подобно своему предмѣстнику, постепенно сталъ удостовѣряться въ преувеличеніи всего, ему внушеннаго, о злоупотребленіяхъ, допускаемыхъ въ той странѣ. Прощаясь съ Н. Н. Муравьевымъ, въ 1856 году, при назначеніи меня сенаторомъ, онъ мнѣ сказалъ: „съ каждымъ днемъ моего здѣсь пребыванія все болѣе и болѣе во мнѣ утверждается сознаніе, что на Кавказѣ много и много людей способныхъ, благомыслящихъ, всецѣло преданныхъ своему дѣлу и неукоризненной честности. Дай Богъ, чтобы таковыхъ столько же находилось по всѣмъ областямъ и по всѣмъ частямъ управленія въ Россіи“.

Служебная дѣятельность моя на Кавказѣ вращалась преимущественно въ сферѣ гражданской, и потому мнѣ совершенно неизвѣстны тѣ данныя, которыя послужили основаніями къ преданію суду командира грузинскаго гренадерскаго полка, равно какъ и всѣ подробности этого несчастнаго дѣла, производившагося по главному штабу главнокомандующаго; но я считаю священнымъ долгомъ сердца тор-

жественно опровергнуть предположеніе, что будто-бы главная побудительная причина преслѣдованія полковника Копьева была—старинная вражда князя Воронцова съ отцомъ Копьева. Мнѣ совершенно неизвѣстно, какія могли между ими существовать столкновенія; но знаю, что высокой душѣ покойнаго князя были чужды всякія чувства, его недостойной, злобы и желанія гнусной мести. Какъ истый христіанинъ, проникнутый ученіемъ Спасителя рода человѣческаго, онъ прощалъ своимъ врагамъ, за зло творилъ добро; и я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ, оказанныхъ имъ услугъ и милостей своимъ лютѣйшимъ недоброжелателямъ, преимущественно даже предъ тѣми, въ преданности и любви коихъ къ нему онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Какъ бы то ни было, я помню, что, при посѣщеніи флигель-адъютантомъ Копьевымъ Одессы, за нѣсколько времени до назначенія его командиромъ полка на Кавказѣ, тогдашній новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, графъ Воронцовъ оказалъ Копьеву самый ласковый, самый радушный пріемъ; проѣзжая же, въ 1845 году, въ качествѣ гавнокомандующаго и царскаго намѣстника изъ Редутъ-Кале въ Тифлисъ, графъ Воронцовъ останавливался въ домѣ Копьева, въ г. Гори, гдѣ былъ расположенъ грузинскій гренадерскій полкъ, дѣлалъ смотръ этому полку и выразилъ командиру онаго совершенное свое удовольствіе и благодарность.

Повторяю, мнѣ совершенно неизвѣстно, какія могли быть приносимы впослѣдствіи жалобы на Копьева, кѣмъ былъ поданъ главнокомандующему на него доносъ и въ чемъ заключался этотъ доносъ, вызвавшій, по возвращеніи князя Воронцова изъ Даргинской экспедиціи, въ продолженіи коей начальникомъ штаба былъ генералъ-лейтенантъ Гурко, преданіе суду командира грузинскаго гренадерскаго полка; и потому не смѣю входить въ сужденія относительно правильности веденія сего прискорбнаго дѣла, и было-ли оно производимо согласно основнымъ законамъ судопроизводства; но не могу пройти молчаніемъ, переданный г. Фелькнеромъ, разговоръ его съ княземъ Воронцовымъ.

Вполнѣ раздѣляя то уваженіе, которое г. Фелькнеръ стяжалъ на Кавказѣ своими воинскими доблестями, своею неустрашимостію въ бояхъ и въ особенности тѣмъ качествомъ, которое нельзя довольно дорого цѣнить, которое нельзя не ставить выше мужества воинскаго—присущаго всѣмъ русскимъ воинамъ, а именно: мужествомъ гражданскимъ, коего г. Фелькнеръ явилъ блистательный образецъ по дѣлу флигель-адъютанта Копьева,—не смѣю ни на мигъ сомнѣваться въ правдивости приведеннаго Фелькнеромъ разговора его съ главнокомандующимъ; но повторяю, если князь Воронцовъ, столь всегда кроткій

и сдержанный, столь умѣвшій владѣть собою, рѣшился выразить безусловное обвиненіе Копьева, то, конечно, это потому, что онъ былъ твердо убѣжденъ въ его виновности, и не менѣе убѣжденъ въ потворствѣ, ему оказываемомъ,—въ стремленіяхъ, вообще господствовавшихъ на Кавказѣ, укрывать преступленія; и что, задавъ себѣ задачу, всѣми мѣрами искоренять злоупотребленія, онъ рѣшился, подавляя въ себѣ присущія ему чувства снисходительности, примѣромъ строжайшаго преслѣдованія и кары, положить предѣлъ дальнѣйшимъ поползновеніямъ на дѣянія, законамъ противныя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ, что князь Воронцовъ, въ тайникѣ высокой души своей, одобрилъ смѣлое объясненіе съ нимъ г. Фелькнера, хотя даже и могъ сомнѣваться въ его безпристрастіи и добросовѣстности. Убѣжденіе это истекаетъ изъ той благодушной снисходительности, изъ того невозмутимаго терпѣнія, съ коими князь Воронцовъ выслушивалъ, отъ всякаго откровенно ему повергаемыя, мнѣнія и возраженія. Эту снисходительность, чуждую всякаго самолюбиваго упрямства, я, между прочимъ, неоднократно испытывалъ на самомъ себѣ, въ продолженіи многолѣтняго моего служенія при незабвенномъ правителѣ двухъ обширнѣйшихъ окраинъ нашего отечества. Такъ, между прочимъ, при посылкѣ, по должности моей директора канцеляріи намѣстника кавказскаго, князю Воронцову, во время его поѣздокъ по краю, къ подписи дѣлъ и бумагъ по многосложному управленію Кавказомъ и Закавказьемъ, я позволилъ себѣ выразить ему по одному дѣлу мнѣніе, противуположное его начертанію. Вотъ что князь Воронцовъ мнѣ на это отвѣтилъ: „Я долженъ начать мой отвѣтъ къ тебѣ выговоромъ за всѣ изысканныя рѣчи, коими ты извиняешься, Богъ знаетъ для чего, въ томъ, что представляешь мнѣ свое мнѣніе, несогласное съ моимъ. Мнѣ кажется, что втеченіи 25-ти лѣтъ, что мы вмѣстѣ служимъ, ты могъ удостовѣриться, что я всегда принимаю не только безъ неудовольствія, но и съ благодарностію мнѣнія и совѣты людей, которыхъ я люблю и уважаю, хотя бы они были и не согласны съ собственнымъ моимъ предшествовавшимъ мнѣніемъ. Итакъ, прошу тебя, любезный другъ, впредь, въ письмахъ твоихъ ко мнѣ, не изощряться въ извиненіяхъ, когда представляешь мнѣ сужденія въ опроверженіе какой-либо мысли моей. Доказательствомъ, что я всегда готовъ слѣдовать добрымъ совѣтамъ, да послужитъ тебѣ то, что я подписалъ присланную мнѣ тобою бумагу безъ малѣйшаго измѣненія".

Еще болѣе разительный примѣръ благодушной терпимости, съ которою князь Воронцовъ внималъ возраженіямъ своихъ подчиненныхъ, является въ слѣдующемъ. Получивъ однажды отъ него приказаніе со-

ставить по одному дѣлу опредѣленіе, имъ указанное, я принялъ смѣлость доложить ему, что предполагаемое имъ распоряженіе не согласно съ законами и съ пользою самаго дѣла; но, вслѣдствіе его настояній, предписаніе было составлено, по точному его наставленію. Не давъ хода этому предписанію, я, чрезъ нѣсколько дней, снова представилъ ему оное, доложивъ князю, что бумага, имъ подписанная, мною не отправлена. „Да почему же ты такъ упорно противишься этому распоряженію?“ спросилъ меня князь.—„Позвольте мнѣ, ваша свѣтлость“, отвѣтилъ я ему, „еще разъ покорнѣйше просить васъ тщательно и всесторонне обсудить это дѣло,—и вы несомнѣнно изволите убѣдиться, что приведеніе въ исполненіе предписываемаго распоряженія можетъ повести къ послѣдствіямъ, крайне неблагопріятнымъ“. Князь Воронцовъ взялъ изъ рукъ моихъ бумагу, и, внимательно её перечитавъ и изорвавъ въ мелкіе куски, благодарилъ меня за охраненіе его отъ дѣйствія, несовмѣстнаго съ собственными его всегдашними воззрѣніями на все, могущее содѣйствовать къ развитію благосостоянія въ подвѣдомственной ему странѣ. Много-ли можно представить примѣровъ подобныхъ отношеній могучаго начальника къ подчиненнымъ исполнителямъ его воли?

Обращаясь, за симъ, къ знаменитому желтому ящику, упоминаемому г. Фелькнеромъ въ статьѣ по дѣлу флигель-адъютанта Копьева; приэтомъ позволю себѣ повторить высказанное мною объ убѣжденіяхъ, съ коими кавказскій намѣстникъ прибылъ, въ злоупотребленіяхъ, пустившихъ глубоко корни отъ моря Чернаго до Каспійскаго, въ странѣ, ввѣренной его управленію; о стремленіяхъ всѣхъ и каждаго, власть имѣющихъ, укрывать эти злоупотребленія, потворствовать имъ; однимъ словомъ, что нигдѣ, какъ на Кавказѣ, столь рельефно не оправдывается поговорка: „рука руку моетъ“. Въ теченіи десяти-лѣтняго своего намѣстничества, въ князѣ Воронцовѣ постепенно изглаживались эти впечатлѣнія, и онъ, ближе узнавая людей, съ радостною готовностію отдавалъ имъ справедливость, возстановлялъ сложившееся о нихъ невыгодное мнѣніе и вознаграждалъ ихъ за утраченное ими. Но на первыхъ порахъ, подозрѣвая, что,—не смотря на то, что по два раза въ недѣлю, нѣсколько часовъ времени были посвящаемы княземъ Воронцовымъ пріему просителей всѣхъ безразлично сословій и званій, терпѣливому выслушиванію ихъ жалобъ и принятію немедленныхъ мѣръ къ ихъ удовлетворенію,—многія жалобы могли быть къ нему недопускаемы, установленъ былъ у подъѣзда дома его ящикъ, въ который каждый безпрепятственно могъ опускать письменныя свои заявленія. Ящикъ этотъ каждое утро, въ присутствіи намѣстника, былъ раскрываемъ; и если дѣйствительно онъ нерѣдко заключалъ въ себѣ

ябеды, безъимянные доносы, пасквили и всякаго рода нелѣпицы, то могу привести примѣры и тому, что ящикъ этотъ служилъ иногда и путеводною нитью къ раскрытію самыхъ сокровенныхъ неурядицъ, къ возстановленію истины, къ защитѣ безсильныхъ отъ сильныхъ, къ утѣшенію угнетенныхъ и страждущихъ. Такъ и на плодоноснѣйшихъ нивахъ, вмѣстѣ съ самыми цѣнными произведеніями земли, произростаютъ и сорныя травы. Отъ опытнаго жнеца зависитъ, собравъ плевелы, предавать ихъ сожженію, пшеницу же убирать въ житницу.

Въ заключеніе не могу не повторить, что если, по прискорбному дѣлу флигель-адъютанта Копьева, князь Воронцовъ и могъ быть вовлеченъ въ нѣкоторыя заблужденія по доносу, ему представленному, то, конечно, немыслимо, ни въ какомъ случаѣ, заподозрить въ немъ завзятое намѣреніе погубить, во что бы ни стало, Копьева, изъ побужденій, далеко несвойственныхъ доблестному мужу, вся жизнь коего ознаменовалась непрерывнымъ рядомъ дѣлъ благотворенія, самоотверженія и любви къ ближнему.

М. П. Щербининъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Присоединеніе Пруссіи къ Россіи.

(проэктъ).

«Быть по сему».
30 апрѣля 1760 г.
Елисаветъ.

Кампаніи 1757, 1758 и 1759 годовъ коалиціи трехъ державъ: Россіи (императрица Елисавета Петровна), Австріи (Марія-Терезія) и Франціи (Людовикъ XV) противъ Пруссіи, или, лучше сказать, противъ ея короля-полководца Фридриха II, стоили много крови и жертвъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Но особенно тяжки были для Пруссіи побѣды, одержанныя русскою арміею. Вслѣдствіе этихъ побѣдъ, въ началѣ 1760 года, мы твердо стояли въ Восточной Пруссіи; древняя столица ея, Кенигсбергъ, обращена была въ русскій губернскій городъ,—русское общество беззаботно въ немъ вселилось, и русскіе генералъ-губернаторы мирно правили всѣми завоеванными областями. Въ Кенигсбергѣ явилась русская духовная миссія съ архимандритомъ во главѣ; чеканилась русская монета и, наконецъ, всѣ жители покоренной страны приведены были къ присягѣ на подданство россійской императрицѣ [1]).

При такомъ положеніи дѣла весьма естественно, что петербургскій кабинетъ пришелъ къ мысли о совершенномъ присоединеніи къ Россіи той части Пруссіи, которая досталась намъ по праву завоеванія. И вотъ, 30-го апрѣля 1760 года, государыня Елисавета Петровна собственноручно утвердила проэктъ присоединенія къ Россіи Королевства Прусскаго. Этотъ проэктъ былъ составленъ по указаніямъ тогдашняго канцлера гр. М. Л. Воронцова; написанный едва-ли не Дм. Вас. Волковымъ, замѣчательнымъ государственнымъ дѣльцомъ того времени, въ видѣ промеморіи, врученъ посламъ гр. Эстер-

---

[1]) Въ I и во II-мъ томахъ, изданныхъ нами записокъ А. Т. Болотова (изд. 1870 и 1871 гг.), заключаются въ высшей степени интересныя подробности о Семилѣтней войнѣ и пребываніи русскихъ въ Пруссіи (1757—1762 гг.).

Въ нумизматическомъ собраніи кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго есть интересная и весьма полная коллекція русскихъ монетъ, чеканенныхъ въ Пруссіи, во время завоеванія ея Россіей (1758—1761 гг.). Ред.

гази—представителю римской имперіи (Австріи) и маркизу л'Опиталю—послу Франціи. Переговоры между союзными державами затянулись,—продолжалась и упорная кровавая борьба на поляхъ битвъ. Все это кончилось, со смертію Елисаветы Петровны, въ 1761 г., необыкновенною, небывалою перемѣною въ политикѣ русскаго двора: изъ смертельнаго врага Россія (императоръ Петръ III) сдѣлалась самымъ великодушнымъ, самоотверженнымъ другомъ Фридриха II [1]).

Такимъ образомъ Россія повергла Пруссію на край гибели — Россія же и спасла Пруссію.

Съ небольшимъ только столѣтіе протекло съ тѣхъ поръ, какъ мы властною рукою хозяйничали въ Королевствѣ Прусскомъ и весьма серьезно готовились обратить его въ русскую губернію,—и вотъ это же королевство, трудомъ и наукой, подъ сѣнью свободно-законныхъ учрежденій и при широкой свободѣ мысли и слова, пришло къ побѣдамъ, поставившимъ его въ челѣ могущественной единой Германской Имперіи.

Но если этотъ, нынѣ могучій, другъ и союзникъ Россіи когда-нибудь подыметъ свои полчища противъ насъ, будемъ надѣяться, что онъ встрѣтитъ не только прежняго стойкаго, безстрашнаго русскаго солдата, который, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, сокрушилъ геній короля-полководца,— но и воина образованнаго, защитника отечества, далеко двинувшагося по пути прогресса и цивилизаціи. Ред.

Промеморія, врученная посламъ графу Эстергази и маркизу л'Опиталю.

Учиненное ея императорскому величеству формальное сообщеніе заключеннаго между ея величествомъ императрицею королевою (Маріею-Терезіею) и его величествомъ королемъ французскимъ (Людовикомъ XV) въ Версалѣ, 30-го декабря 1759 г., новаго союзнаго трактата, было тѣмъ пріятнѣе ея величеству, что изъ онаго усматривать изволитъ полезное и похвальное обоихъ высокихъ содоговорителей намѣреніе—счастливо возстановленную между ними дружбу и добросогласіе навсегда утвердить и непоколебимыми сдѣлать, все то заблаговременно отвращая, что бы впредь къ непріятнымъ спорамъ и самой бѣдственной войнѣ поводъ подать могло, избраніемъ римскаго короля, въ персонѣ его свѣтлости архи-герцога Іосифа, предохранить римскую (австрійскую) имперію отъ опасаемыхъ въ междуцарствіи безпокойствъ и замѣшательствъ; вредныя короля прусскаго, какъ зачинщика нынѣшней войны, силы сократить и въ такіе предѣлы привесть, которые не допускали-бъ его болѣе возмущать, какъ всеобщее, такъ и сосѣдей своихъ спокойствіе; обиженнымъ сторонамъ, а особливо его величеству королю польскому, какъ курфирсту саксонскому, доставить праведное награжденіе, на иждивеніи возмутителя общаго покоя, охранять права и вольности

---

[1]) См. чрезвычайно важную для исторіи того времени подлинную переписку Фридриха II и Петра III, впервые напечатанную въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 283–309.

республики польской,—и буде, при будущемъ избраніи короля польскаго, оное вольнымъ республики изволеніемъ падетъ на одного изъ свѣтлѣйшихъ принцевъ курфирстскаго саксонскаго дома, то сей выборъ, по возможности, подкрѣплять и приглашать, чтобъ ея императорское величество къ сему трактату формально приступить изволила.

Важность сего трактата требовала уже строгаго разсмотрѣнія, по причинѣ заключающихся въ ономъ весьма многихъ и великихъ намѣреній. Но, какъ и заключенный въ Копенгагенѣ, 4-го мая 1759 г., трактатъ сообщенъ почти въ одно время, и ея величество императрица-королева и его величество король французскій столько же усердно желаютъ, чтобъ ея императорское величество къ оному приступить изволила; то ея императорское величество, желая союзникамъ своимъ подать новой удостовѣрительной дружбы своей опытъ и, приступленіемъ своимъ къ обоимъ вышеупомянутымъ трактатамъ, содѣйствовать къ лучшему исполненію оныхъ, за весьма нужное, однако-жъ, находитъ объяснить сперва свои мнѣнія съ такою откровенностію, съ каковою ея величество, во всѣхъ случаяхъ, съ вѣрными своими союзниками поступать обыкла.

Ея императорское величество отдаетъ полную справедливость мудрости и предусмотрѣнію, съ каковыми заключены оба помянутые трактаты. Достиженіемъ принятыхъ въ оныхъ намѣреній, конечно, надѣяться можно прочной тишины въ Европѣ, и потому всемѣрно надобно прилагать къ тому всѣ силы, толь больше, что сверхъ сего неоцѣненнаго добра, имѣютъ почти всѣ, въ нынѣшней войнѣ участвующія, державы ожидать собственно себѣ воздаянія.

Императрица-королева имѣетъ получить Шлезію и графство Глацъ.

Бурбонскій домъ, полюбовными соглашеніями, конечно, пріобрѣтаетъ въ Италіи и, можетъ быть, со стороны Нидерландовъ и Люксембурга.

Король польскій, какъ курфирстъ саксонскій, конечно, заслуживаетъ справедливое, за претерпѣніе его земель, получить награжденіе.

Датскому двору, за единое почти его неутральство, обѣщано, по меньшей мѣрѣ, ревностное стараніе доставить ему такое пріобрѣтеніе, которое для него крайпе драгоцѣнно; не забыты, конечно, интересы и шведской короны, въ заключенной съ нею конвенціи, о которой ожидается здѣсь сообщенія.

Императрица Всероссійская сильнымъ своимъ содѣйствованіемъ положа довольное, къ достиженію сихъ великихъ намѣреній, основаніе, конечно, за особливое себѣ удовольствіе и славу почла-бъ, продолжая такъ далѣе и не требуя взаимно себѣ никакого воздаянія,

быть орудіемъ во исполненіи толикихъ желаній; безкорыстныя ея величества мнѣнія самымъ дѣломъ довольно свѣту доказаны.

Но когда, согласуясь приступить къ вышеупомянутымъ трактатамъ и распространить чрезъ то вновь принятыя обязательства, само собою приходитъ во уваженіе:

1) что оба помянутые трактаты и самыя полезнѣйшія принятыя оными намѣренія, а потому и приступленіе къ онымъ ея величества, будутъ тщетны, ежели не удастся привести короля прусскаго въ желаемое силъ ослабленіе;

2) что, вмѣсто справедливо ожидаемой отъ того пользы, могутъ произойти ужасныя нестроенія, и буде не новыя войны родятся, то, однако-жъ, недовѣренностію между союзниками впредь оныхъ опасаться должно будетъ, ежели-бъ король прусскій въ нынѣшнемъ сильномъ состояніи остался;

3) что потому нынѣ больше, нежели когда-либо, надлежитъ съ крайнимъ усиленіемъ и единодушіемъ противъ него дѣйствовать;

4) что когда нынѣшняя, знаменитыми побѣдами толь славная, кампанія и не совершенно соотвѣтствовала желаемымъ успѣхамъ, но отъ благословенія и помощи Божіей для переда лучшаго ожидать надлежитъ, однако-жъ, на долговременную еще и кровопролитную войну готовиться надобно;

5) что пускай, съ окончаніемъ будущей кампаніи, вся война кончится и высокіе союзники достигнутъ каждый своего намѣренія и желаннаго покоя, ея величество найдется еще и тогда въ великихъ затрудненіяхъ, коимъ образомъ возвращать заведенную толь далеко армію и сохранить съ безчисленнымъ иждивеніемъ учрежденные въ Пруссіи магазины и завезенную туда артиллерію;

6) что понеже, желаемымъ исполненіемъ помянутыхъ обоихъ трактатовъ, нечувствительно составится такая система, которая надежно гарантируетъ союзникамъ ея величества тишину и безопасность ихъ областей, а ея императорское величество нетокмо никакимъ образомъ въ то не включена, но паче, политически разсуждая, надлежало бы опасаться, что здѣшняя имперія, бывъ полезнымъ сему великому зданію орудіемъ, по совершеніи онаго, столь нужною не будетъ, и только сама, по дѣламъ германскихъ, его императорскаго высочества (великаго князя Петра Ѳедоровича), владѣній, въ нѣкоторой зависимости найдется, ежели-бъ не была ея величество лучше удостовѣрена о праводушіи и признательности союзниковъ,— то весьма легко случиться можетъ, что при заключеніи желаемаго мира, пока всѣ союзныя державы въ новыя пріобрѣтенія вступятъ, и постановленіемъ покоя свои убытки награждать стали-бъ, и пока

армія ея императорскаго величества еще въ свои границы не возвратилась бы, а наименьше потребное отдохновеніе и поправленіе получила, да и того меньше, чтобъ вся имперія понесенныя ужасныя тягости, и потерянныхъ людей и иждивенія наградила-бъ,—найдется оная въ новой, но столь труднѣйшей войнѣ съ турками, что новые тогда рекрутскіе поборы и новыя, нынѣшнимъ подобныя, иждивенія были бы совсѣмъ несносны; что Франція, въ заключенномъ съ нею союзномъ трактатѣ, и къ тому обязаться не хотѣла, чтобъ, въ случаѣ нападенія на здѣшнюю имперію отъ турокъ, подавать помощь хотя деньгами, хотя ея величество охотно обязывалась подавать его христіаннѣйшему величеству помощь противъ Англіи; что хотя Оттоманской Портѣ, къ нарушенію вѣчнаго мира, отнюдь никакого повода не дано и подано не будетъ, и хотя равно не подаетъ и оная причины къ жалобамъ, но ея внутреннее состояніе причинствуетъ иногда войну противъ желанія самаго правительства, а въ семъ, весьма возможномъ случаѣ, конечно, скорѣе война начата была бъ противъ здѣшней имперіи, войною противъ короля прусскаго истощенной, нежели противъ австрійскаго дома, пріобрѣтеніемъ Силезіи и новыми союзами весьма подкрѣпленнаго;

7) что когда подробно исчислить, во что нынѣшняя война собственно казнѣ ея величества и генерально всей имперіи уже стоитъ, хотя-бъ не дѣлать никакого исчисленія, чего стоятъ толико тысячъ земледѣльцевъ, то число превзойдетъ почти вѣроподобность.

Краткое всѣхъ сихъ справедливыхъ и основательныхъ уваженій предъявленіе, чинится, однако жъ, не для того, чтобъ, воображая себѣ оныя, имѣть меньше объ общей пользѣ ревности, или затруднить приступленіе ея величества къ вышепомянутымъ трактатамъ. Выше уже довольно сказано, что ея величество къ тому склонна быть изволитъ; но предъявленіе всего того нужно было къ слѣдующимъ вопросамъ:

1) Не справедливо-ли, что соглашенная часто помянутыми двумя трактатами система для союзниковъ ея величества весьма полезна и славна, когда оная совершенно утвердится, и не надобно-ли, напротивъ того, опасаться, какъ выше сказано, ужасныхъ нестроеній и, можетъ быть, новой войны, ежели, вмѣсто ожидаемой пользы, произойдутъ изъ того одни несогласія и зависти?

2) Не доказательно-ли равнымъ образомъ, что все сіе только отъ того зависитъ, будутъ-ли силы короля прусскаго сокращены или нѣтъ?

3) Буде, какъ неспоримо кажется, все дѣло въ томъ состоитъ, то

колико надобно къ тому сильное содѣйствованіе ея императорскаго величества?

4) Ежели оное къ тому совсѣмъ необходимо, и буде донынѣ полезно было, то не требуетъ-ли собственный высокихъ союзниковъ интересъ, основанная ими для переда система, и потому собственныхъ ихъ областей благосостояніе, о томъ всѣми силами стараться, чтобъ здѣшняя имперія за понесенные убытки справедливое награжденіе получила, тѣмъ паче ея величество въ состояніе приведена была войну съ равною ревностію и силою продолжать и самаго ея окончанія не опасаться столько-жъ, сколько продолженіе ея тягостно?

По предъявленіи всего сего, конечно, не оставалось бы болѣе, какъ ожидать, что высокіе союзники сами по справедливости, по востребованію собственныхъ своихъ интересовъ и по своему признанію къ награжденію здѣшнихъ убытковъ, за довольно найдутъ толь паче, что когда наибóльшая нужда состояла подать скорую помощь, ея императорское величество не оставила тогда оную, чтобъ выговорить сперва себѣ потребныя выгоды и надежности,—и теперь препоручаетъ свои интересы попеченію высокихъ ея союзниковъ, когда они напередъ уже о своихъ согласились, и сообщая ея величеству, не только требуютъ ея къ тому приступленія, но, конечно, и усматриваютъ сами, что къ достиженію собственныхъ ихъ намѣреній нужно сильное ея величества содѣйствованіе.

Но какъ ея величество не хочетъ весьма въ тягость быть своимъ союзникамъ, ниже требовать невозможнаго, а напротивъ того, въ версальскомъ трактатѣ, 30-го декабря 1759 г., за основаніе и намѣреніе всѣмъ учиненнымъ соглашеніямъ принято:

«Какъ бы зачинщика войны, т. е. короля прусскаго, принудить къ учиненію обиженнымъ сторонамъ справедливаго за прошедшее удовлетворенія, чтобы доставить отъ него достаточную для переду безопасность, сохранить германскую систему въ настоящей ея силѣ и возставить на прочномъ основаніи общій покой, особливо же въ римской имперіи, приведеніемъ короля прусскаго въ такіе предѣлы, которые не допускали-бъ его возмущать болѣе, какъ всеобщее, такъ и сосѣдей своихъ спокойствіе, по прихотямъ собственнаго его и Англіи властолюбія».

Да согласно тому и здѣсь, въ заключенной съ императрицею-королевою (Маріею-Терезіей), 22-го генваря 1757 г., конвенціи, VI-мъ артикуломъ именно постановлено:

«Понеже европейскій покой никогда твердо установленъ быть не можетъ, ежели у короля прусскаго не отнимутся способы къ смущенію онаго, то ихъ императорскія величества всѣ силы и старанія къ тому употребятъ, чтобъ сдѣлать сію услугу человѣческому роду, и будутъ для того соглашаться со всѣми тѣми державами, коихъ они въ равномѣрныхъ склонностяхъ найдутъ; и

его христіаннѣйшее величество (Людовикъ XV) хотя не приступилъ къ сей конвенціи, однако-жъ, декларацiею своею отъ 24 октября 1756 г., за подписаніемъ кардинала Берниса, объявляетъ, что онъ не приступаетъ къ помянутой конвенціи; однако-жъ, онъ не апробуя постановленіе оной, съ такою же искренностію готовъ учинить, согласно съ обѣими государынями императрицами, все то, что можетъ споспѣшествовать намѣренію о возстановленіи мира на справедливыхъ кондиціяхъ о учиненіи онаго сколько возможно прочнымъ, приведеніемъ въ безсиліе явнаго нарушителя народной тишины, о доставленіи союзникамъ удовольствія и возвращенія убытковъ за претерпѣнныя ими разоренія и объ утвержденіи впредь авантажей ихъ и спокойствія. Чего ради его величество, согласуясь на всѣ мѣры, кои могутъ быть для него съ обѣими государынями императрицами общія, чрезъ добрый успѣхъ въ толь полезныхъ видахъ, объявляетъ еще, что онъ не отступитъ отъ принятыхъ въ сей войнѣ намѣреній и продолжать будетъ наибольшія старанія, для принужденія общаго непріятеля къ поступленію на справедливыя кондиціи, и что онъ, при всѣхъ случаяхъ, со всякою довѣренностію соглашаться будетъ съ обѣими государынями императрицами, и съ общими союзниками, какъ о принятіи мѣръ, такъ и объ авантажахъ, которые, по состоянію дѣлъ, имъ доставлены, и при заключеніи мира гарантированы быть могутъ, напротивъ чего и его величество увѣренъ, что они такую-жъ готовность и въ разсужденіи его оказать не оставятъ».

То видится великому сомнѣнію, ни затрудненію не подлежитъ, чтобъ императрица-королева и король французскій, не такъ въ награжденіе понесенныхъ убытковъ, какъ паче въ признаніе за толь сильное ея императорскаго величества содѣйствованіе къ возстановленію прочнаго мира и тишины въ Европѣ и за укрощеніе возмутителя оныхъ, на его жъ иждивеніи, обѣщали ея величеству употребить во время войны, при конференціи о мирѣ, всевозможныя старанія свои и домогательства, дабы Королевство Прусское, оружіемъ ея императорскаго величества дѣйствительно завоеванное, и котораго жители добровольно учинили ея императорскому величеству присягу вѣрности, ея величеству уступлено было, и король прусскій (Фридрихъ II) отъ нея и совершенно отрекся, и тогда дать на оное свою гарантію. Что сіе, именемъ однимъ королевства громкое, а само по себѣ гораздо маловажное пріобрѣтеніе, не подлежитъ никакому затрудненію, то къ доказательству довольно, что оное къ римской имперіи не принадлежитъ, что не всегда бранденбургскій домъ онымъ владѣлъ, что для завоеванія онаго не новую войну начинать,—оно уже завоевано. И что когда не только намѣреніе, но и самыя обязательства пріемлются получить и доставить другія еще покоренныя области, и гдѣ ни нарушеніе трактатовъ, ни разореніе не служатъ правомъ, то, видится, можно еще удобнѣе получить и доставить провинцію, оружіемъ завоеванную, столь бóльшимъ правомъ, что король прусскій, еще до вступленія арміи ея императорскаго величества въ Пруссію, издалъ такую декларацію, которая не можетъ почесться инако, какъ

прямымъ войны объявленіемъ, — а во время продолженія войны, да и прежде оной, столько оскорбленій дѣлали ея императорскому величеству, отъ войны независимой, но тогда въ персонѣ ея министровъ, а потомъ въ нарушеніи всенародныхъ правъ, что и для славы ея величества неинако, какъ достойно и праведно получить знаменитое удовлетвореніе.

Что союзникамъ ея величества, а особливо императрицѣ-королевѣ (Маріи-Терезіи) и королю французскому (Людовику XV), сіе новое сей имперіи приращеніе не можетъ, какъ полезно быть, и имѣющуюся въ намѣреніи систему утверждать и соблюдать, то доказывать больше пространно, нежели трудно.

Всѣ союзы, на какихъ бы взаимныхъ желаніяхъ и склонностяхъ ни утверждались, не могутъ почитаться прямо полезными, а потому и прочными, ежели пресѣчены всѣ способы, чтобъ одна держава другой могла взаимную подавать помощь; что здѣшняя армія подавала союзникамъ сильную помощь, преодолѣвая толикія препятсвія и дѣлая толикіе походы, тому примѣры рѣдко видимъ. А буде полагать, что король прусскій, по отнятіи у него Шлезіи, не будетъ только силенъ и опасенъ, то хотя сіе и правда, однако-жъ, и того оспорить не можно, что онъ началъ войну для полученія Силезіи, не имѣвъ оной и во время, когда австрійскій домъ другою войною отягощенъ еще не былъ, и когда король прусскій не имѣлъ на своей сторонѣ ни Англіи, ни протестантскихъ въ имперіи принцевъ.

Такимъ образомъ, всемѣрно нужно, кажется, не о томъ помышлять, сколько король прусскій одинъ собою, безъ Силезіи, силенъ и слабъ будетъ, но сколько онъ еще съ помощію Англіи, Ганновера и другихъ его союзниковъ опасенъ быть можетъ, ибо то неоспоримо, что чѣмъ тѣснѣйшее будетъ между австрійскимъ и бурбонскимъ домами согласіе, тѣмъ больше Англія короля прусскаго подкрѣплять и о томъ стараться будетъ, чтобъ протестанскіе въ имперіи дворы въ его союзѣ нераздѣлимо содержать,—и самая Силезія не будетъ-ли источникомъ новыхъ только въ имперіи неспокойствъ, несогласій, недовѣрки и зависти, съ тою только разностію, что, тогда король прусскій случая искать будетъ, и онымъ воспользуется получить обратно сію любезную ему провинцію. Напротивъ того, король прусскій—Пруссіи лишенный, не лишается подлинно великихъ доходовъ, потому что оная немного приноситъ, однако-же, силы его тѣмъ много убавятся, что онъ оттуда армію свою молодыми наполнять не станетъ; пресѣкутся, по бо́льшей части, ему способы опустошать жителями и польскія провинціи, и быть нигдѣ такъ, какъ въ оной опаснымъ, а особливо при нынѣшнихъ, въ семъ королевствѣ и безъ того вели-

кихъ, несогласіяхъ; а ея императорское величество, хотя великихъ силъ всегда тамъ въ готовности содержать и не можетъ, но имѣя тамъ въ готовности магазины и пристани, легко для пользы своимъ союзникамъ можетъ доставить туда знатную армію.

Впрочемъ, ежели-бъ, паче ожиданія, оказалось о томъ какое сомнѣніе, что, такимъ образомъ, королевство польское областьми ея величества больше окружено было-бъ, то сверхъ неоспоримой истины, что польская республика и тѣмъ весьма много пріобрѣтала-бъ, когда-бъ, избавясь нѣсколько сего, ей опаснаго, сосѣда, избавилась и того опасенія, что и опять театръ войны внутри ея земель возстановиться можетъ, и, сверхъ того, что здѣшняя имперія больше всѣхъ интересована пещися о сохраненіи сей республики при ея правахъ и вольностяхъ,—ея величество себѣ предоставляетъ, получа однажды во свое владѣніе Пруссію, удобнаго средства искать: невозможно-ли будетъ съ республикою польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обоихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе.

Сіе есть главное и существительнѣйшее, о чемъ ея императорское величество министерству своему повелѣла сообщить ихъ превосходительствамъ, господамъ посламъ, дабы, въ случаѣ, чтобъ они отъ дворовъ своихъ къ тому достаточно инструированы и уполномочены были, поступить тотчасъ на подписаніе акта приступленія, а въ случаѣ, чтобъ имъ новыхъ наставительныхъ указовъ требовать надлежало они поскорѣе о томъ дворамъ своимъ представить могли. Ибо прочіе (предметы) уповательно не будутъ подлежать никакому затрудненію, какъ то господа послы сами усмотрятъ изъ проэкта, которымъ ея императорское величество къ частопомянутому версальскому трактат уприступить готова быть изволитъ.

Собственною рукою императрицы Елисаветы Петровны написано: «Быть посему».

С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1760 г

Василій Васильевичъ Капнистъ,

авторъ комедіи «Ябеда».

Василій Васильевичъ Капнистъ род. 1757, ум. въ 1824 г. Литературная его дѣятельность началась въ 1774 г. одою по случаю Кайнарджійскаго мира Россіи съ Турціею. Оды, мелкія лирическія произведенія, эпиграммы и сатиры, исполненныя живости и остроумія, а также драматическіе переводы съ французскаго, пріобрѣли ему довольно видное мѣсто въ средѣ литературныхъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX вѣка. Но особенно замѣчательное его произведеніе—это комедія въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Ябеда».

Вотъ разсказъ по поводу появленія ея въ 1798 г., помѣщенный въ № 5 «Виленскаго портфеля» (Teka Wiléńska 1858 г. № 5; переводъ въ «Библіогр. Зап.» 1859 г., стр. 47). «Капнистъ въ комедіи своей «Ябеда» прекраснымъ языкомъ и въ живыхъ для своего времени чертахъ выставилъ всю подкупность, все плутовство, безпутство и грабительство чиновниковъ. Когда піеса была поставлена на сцену, зрители, видя характеры, такъ живо схваченные съ натуры, торжествовали отъ всей души, и шумно привѣтствовали комедію, какъ люди, еще незнавшіе границъ, установленныхъ истиннымъ образованіемъ. Но чиновный людъ всѣхъ ранговъ, пристыженный, если только это могло быть, такой картиной, и видя въ ней, какъ въ зеркалѣ, изображеніе своихъ пороковъ, просто разрывался съ досады. Составленъ былъ докладъ. Представлено императору, что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность; найдено даже явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ: въ подобныхъ выраженіяхъ обрушена была на писателя цѣлая гора лживыхъ обвиненій. Все это завершалось униженнымъ челобитьемъ объ охранѣ власти, запрещеніи піесы и о примѣрномъ, для будущаго времени, наказаніи злостнаго, не отчизнолюбиваго автора. Императоръ Павелъ, довѣрившись донесенію, приказалъ немедленно отправить Капниста въ Сибирь. Это было утромъ. Приказъ былъ немедлено выполненъ. Послѣ обѣда гнѣвъ императора остылъ, онъ задумался и усомнился въ справедливости своего приказанія. Не повѣряя, однако, никому своего плана, онъ велѣлъ въ тотъ же вечеръ представить «Ябеду» въ его присутствіи на эрмитажномъ театрѣ. Государь показался въ театрѣ только съ вел. княземъ Александромъ. Больше никого не было въ театрѣ. Послѣ перваго же акта, императоръ, безпрестанно аплодировавшій піесѣ, послалъ перваго попавшагося ему фельдъегеря, чтобы тотчасъ же возвратить Капниста; пожаловалъ возвращенному писателю чинъ статскаго совѣтника, минуя нисшіе чины въ порядкѣ чинопроизводства (Капнистъ былъ въ то время только коллежскимъ ассесоромъ), щедро наградилъ его и до самой кончины удостоивалъ своихъ милостей».

Ко времени появленія «Ябеды» относятся и нижеприводимые, впервые появляющіеся въ печати, документы. **Ред.**

I.

Милостивый государь мой, Юрій Александровичъ! (Нелединскому-Мелецкому). Досады, которыя мнѣ и многимъ другимъ надѣлала ябеда, причиною, что я рѣшился осмѣять ее въ комедіи; а неусыпное стараніе правдолюбиваго монарха нашего искоренить ее въ судахъ, внушаетъ мнѣ смѣлость посвятить сочиненіе мое его императорскому величеству.

Препровождая оное вашему превосходительству, аки любителю россійскаго слова, покорнѣйше прошу узнать высочайшую волю, угодно-ли будетъ усердіе мое его императорскому величеству, и благоволитъ-ли онъ удостоить меня всемилостивѣйшимъ позволеніемъ украсить въ печати сочиненіе мое, одобренное уже цензурою, священнымъ его именемъ.

Имѣю честь быть и проч. Василій Капнистъ.

Санктпетербургъ, апрѣля 30 дня 1798 г.

II.

М. г. мой, Дмитрій Николаевичъ (Неплюеву). По всевысочайшей волѣ государя императора, отобранные мною отъ господина Крутицкаго, иждивеніемъ его печатанные 1,211 экземпляровъ комедіи „Ябеда“, при семъ честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству. Впрочемъ, съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ пребываю навсегда баронъ фонъ-деръ-Паленъ.

27-го октября 1798 г.

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

III.

«Ябеда», комедія Капниста.

Комедія Капниста „Ябеда“, какъ извѣстно, возбудившая въ концѣ XVIII в. множество толковъ, неудовольствій и опасеній, накликавшая на автора ожесточенныя преслѣдованія, была напечатана въ первый разъ только при императорѣ Павлѣ въ 1798 году. Мы имѣемъ экземпляръ этого изданія, сдѣлавшагося библіографическою рѣдкостью [1]). Нашъ экземпляръ принадлежалъ одному изъ лучшихъ русскихъ актеровъ начала нынѣшняго столѣтія, Щеникову, въ бенефисъ котораго „Ябеда“ шла 2-го сентября 1814 года, съ поправками, сдѣланными авторомъ. Всѣ измѣненія внесены въ книгу Щениковымъ. Вотъ онѣ:

Напечатано:

Судейской красный столъ, мой другъ! я вижу здѣсь

Этотъ стихъ замѣненъ другимъ:

Не видно никого, знать рано мы пришли.

Слѣдующіе стихи перечеркнуты:

Добровъ.

Не знаю какъ сказать: иль ангелъ, или бѣсъ,
Внявъ челобитчиковъ умильному моленью,
Присудственны мѣста всѣ предалъ всесожженью;
А какъ домовъ такихъ нельзя здѣсь вдругъ найтить,
Гдѣ выгодно суды могли бы помѣстить,
То предсѣдатель нашъ въ свой домъ вмѣстилъ палату,
Съ казны за то себѣ пріобрѣтая плату.

---

1) Вотъ заглавіе: «Ябеда, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Съ дозволенія санктпетербургской цензуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798 г., печатано въ императорской типографіи. Иждивеніемъ г. Крутицкаго». (Въ небольшую осьмушку, 8 и 136 страницъ). Фамилія автора обозначена на посвященіи императору Павлу I.

Прямиков.

Такъ мы нечаянно въ святыню забрели. (Стр. 11 и 12).

Между стихами:

Такъ и явился чистъ; а съ нимъ весь бился день.
Теперь остался мнѣ одинъ лишь нашъ хозяинъ.

Вставленъ слѣдующій:

Какъ замкнется, ну, такъ тутъ и станетъ въ пень. (Стр. 37).

Два стиха:

А тѣ свидѣтели, которыхъ на лицо
Нѣтъ, ужъ подставлены-ль?....

Поправлены:

А тѣ свидѣтели, которыхъ неравно
Судъ спроситъ, наняты-ль? (Стр. 38).

Стихи:

На имянинный пиръ изволитъ навалить
Я всѣхъ ихъ на повалъ хочу перепоить.

Поправлены:

Изволитъ навалить на имянинный балъ,
Я всѣхъ перепоить хочу ихъ на повалъ. (Стр. 41).

Стихи:

Вы шутите, сударь! извольте лишь войтить,
Вы ясно въ дѣлѣ семъ изволите найтить,
Что не наслѣдникъ онъ......

Поправлено:

Вы шутите, сударь! извольте лишь взглянуть,
Вы ясно въ дѣлѣ семъ найдете, что отнюдь
И не наслѣдникъ онъ...... (Стр. 50).

Стихи:

Я-бъ завернулъ въ нее, чтобъ распорядокъ дать,
И обстоятельно вамъ отрепортовать.

Поправлено:

Я-бъ заглянулъ въ нее, и осмотрѣвши самъ,
Подробно, въ точности, о всемъ донесъ бы вамъ.

Стихи:

Мнѣ дѣла на словахъ нельзя такъ изъяснить,
Но на бумагѣ все изволите найтить.

Поправлено:

Мнѣ дѣла изъяснить нельзя вамъ на словахъ,
Но все изволите увидѣть изъ бумагъ. (Стр. 54).

Стихъ:

Сколь ни желалъ, того не предъуспѣлъ узнать.

Поправлено:

Сколь ни желалъ, о томъ никакъ не могъ узнать. (Стр. 71).

При первомъ изданіи „Ябеда“ (1798 г.) находится гравированная на мѣди картинка аллегорическаго содержанія: солнечные лучи озаряютъ вензель императора, испускающій громовую стрѣлу въ ябеду. У подножія пьедестала, на которомъ помѣщенъ вензель, сидитъ женщина (Истина), указывающая на надпись: „Тобой поставлю судъ правдивый“ (Ломоносовъ, 2-я ода) Съ боку пьедестала видѣнъ Фавнъ со своею свирѣлью.

Сообщ. **С. И. Турбинъ.**

Самозванцы-объявители указовъ императора Павла I.

1800.

Множество странныхъ распоряженій, во множествѣ состоявшихся въ 1797—1800 годахъ, каковыя распоряженія касались нерѣдко условій совершенно частнаго и общественнаго быта, какъ-то: формы и цвѣта одеждъ, головныхъ уборовъ, упряжи, ѣзды и проч., повергли населеніе столицы въ тревожное положеніе; этимъ рѣшились воспользоваться нѣкоторые смѣльчаки-мошенники, и, съ цѣлью лихоимства, стали предъявлять мнимые указы и распоряженія императора Павла. Двое такихъ объявителей небывалыхъ актовъ верховной власти были изловлены полиціей. Вотъ объ этомъ:

„Донесеніе с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера Рачинскаго, 9-го октября 1800 г. Его императорскому величеству всеподданнѣйшій рапортъ. Узнавъ, что въ Лѣтнемъ саду ходитъ человѣкъ, который останавливая людей, кои ходятъ въ шляпахъ и кушакахъ, подъ стращаніемъ наказанія беретъ съ нихъ деньги, я приложилъ стараніе къ отысканію его, который нынѣ и пойманъ; по приводѣ-жъ мнѣ признался, что онъ отставной канцеляристъ Александръ Андреевъ, отъ роду ему 17-й годъ, сочинилъ себѣ самъ фальшивую копію съ приказа, въ коемъ назвалъ себя Лѣтняго сада коммиссаромъ Звѣревымъ, и предписывающемъ ему смотрѣть за садомъ и „наблюдать, чтобы купцы, мѣщане и крестьяне не входили въ сей садъ въ кушакѣ и шляпѣ, а ежели кто будетъ усмотрѣнъ, то съ таковыми поступать по силѣ приказанія: высѣчь плетьми и отдать въ смирительный домъ“. Съ симъ приказомъ ходилъ въ Лѣтній садъ, удерживалъ людей, кои шли въ шляпѣ или кушакѣ, показывалъ имъ приказъ, дѣлая видъ, будто хочетъ ихъ отдать на гауптвахту подъ караулъ; но напослѣдокъ, по просьбамъ тѣхъ устращенныхъ имъ людей, отпущалъ, бравъ за это съ нихъ деньги по 50 копѣекъ, по рублю и болѣе, въ чемъ дважды съ нимъ былъ товарищемъ, отставной же канцеляристъ, Иванъ Степановъ, коему тожъ настоящее свое званіе не объявилъ. Денегъ собралъ онъ до 30-ти рублей, кои промоталъ; приказъ же отысканъ, равно и Степановъ взятъ и посаженъ

подъ караулъ до окончанія слѣдствія, о чемъ вашему императорскому величеству счастіе имѣю всеподданнѣйше донести. Санктпетербургскій оберъ-полиціймейстеръ и кавалеръ Рачинской“.

Старинныя остроcловія.

1.

Чичаговы—дядя, сынъ и внукъ.

Наслѣдна-ль та болѣзнь,
Природы-ль то уставъ:
Отъ дѣда шмыгнулъ Карлъ,
Отъ батюшки—Густавъ,
А сквозь сынка пролѣзъ Наполеонъ.
Бѣда, коль межъ орловъ мѣшаютъ и воронъ.

Намекъ на то, что Чичагова дядя выпустилъ изъ рукъ Карла XII, Чичагова отецъ—выпустилъ Густава шведскаго (говорятъ, по желанію государыни Екатерины), а самъ Чичаговъ выпустилъ Наполеона.

2.

Одна дама вышила подушку, которую поднесла Александру I при слѣдующихъ стихахъ:

Россійскому отцу
Вышила овцу,
Сихъ ради причинъ,
Чтобъ мужу дали чинъ.

Резолюція Державина—министра:

Россійскій отецъ
Не даетъ чиновъ за овецъ.

Сообщ. Н. И. Цыловъ.

Нѣчто о конституціяхъ и о цензурѣ.

1824 г.

Министерство народнаго просвѣщенія. С.-петербургскій учебный округъ. Цензурный комитетъ. Въ С.-Петербургѣ, іюня 1824 г., № 81.

Съ препровожденіемъ рукописи: „Нѣчто о конституціяхъ“.

Господину исправляющему должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа.

Въ прошломъ 1823 году прислана была въ с.-петербургскій цензурный комитетъ отъ неизвѣстнаго переводчика рукопись, подъ названіемъ: „Нѣчто о конституціяхъ“, вольный переводъ; съ эпиграфомъ: „сынове человѣчестіи доколѣ тяжкосердіи? вскую любите суету и ищете лжи. Псал. 4.“

На основаніи 12-й статьи высочайше утвержденнаго устава о цен-

зурѣ, комитетъ предоставилъ разсмотрѣніе сей рукописи цензору статскому совѣтнику Красовскому, который, усумнясь одобрить ее къ напечатанію, внесъ оную, по 13-й статьѣ цензурнаго устава, въ полное собраніе комитета, для разрѣшенія его сомнѣній.

Комитетъ, съ своей стороны, нашелъ не менѣе затруднительнымъ одобрить къ тисненію сію рукопись, во-первыхъ, потому, что, по его мнѣнію, нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже приличія разсуждать публично о конституціяхъ въ государствѣ, благоденствующемъ подъ правленіемъ самодержавнымъ; во-вторыхъ, потому, что, съ другой стороны, нѣкоторыя сужденія о семъ предметѣ политики могутъ показаться непріятными для союзныхъ съ Россіею иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное; въ-третьихъ, что изданіе въ свѣтъ сего сочиненія на русскомъ языкѣ (хотя оное писано и въ духѣ самодержавнаго монархическаго правленія) можетъ подать поводъ издателямъ періодическихъ сочиненій и другихъ книгъ писать о конституціяхъ, а публикѣ дѣлать свои заключенія и, можетъ быть, превратныя толкованія на счетъ появленія сихъ особаго рода сочиненій; наконецъ, въ-четвертыхъ, комитетъ всего болѣе затруднялся дать свое согласіе на напечатаніе означеннаго сочиненія потому, что сомнѣнія его подкрѣпляются предписаніемъ бывшаго г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 24-го мая 1818 года, № 1,036, въ которомъ изъяснено:

„Матеріи (собственно до правительства касающіяся) могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе, ибо ему одному можетъ быть извѣстнымъ, что изъ такихъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публикѣ. По сему издателямъ не слѣдуетъ писать ни въ подкрѣпленіе какой-либо о подобныхъ предметахъ мысли, ни противъ оной: то и другое нерѣдко бываетъ равно вредно поданіемъ повода къ разнымъ заключеніямъ и толкамъ“. Сіе предписаніе никакимъ другимъ не отмѣнено, и потому комитетъ обязанъ оное исполнять.

По таковымъ причинамъ, комитетъ пріостановился дать одобреніе на напечатаніе рукописи: „Нѣчто о конституціяхъ“.

Нынѣ сдѣлалось комитету извѣстнымъ, что сія рукопись прислана была отъ члена главнаго правленія училищъ и попечителя казанскаго университета, г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Леонтьевича Магницкаго, который требуетъ позволенія напечатать оную, а въ противномъ случаѣ объявленія ему законоположенія, по которому комитетъ не можетъ пропустить ее къ тисненію.

Такое требованіе г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, равно какъ и остающіяся комитету причины къ сомнѣнію, по-

ставляютъ комитетъ въ обязанность, на основаніи 14-й статьи устава о цензурѣ, испрашивать на случай сей разрѣшеніе высшаго начальства.

Александръ Безруковъ, Александръ Красовскій, Карлъ фонъ-Поль.

Секретарь Василій Комовскій.

Помѣта попечителя Спб. учебнаго округа Д. П. Рунича: «представить г. министру содержаніе донесенія комитета и самую рукопись на его усмотрѣніе и рѣшеніе, присовокупя, что предписаніе г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, упомянутое въ представленіи комитета, не позволяетъ оному дать требуемое дозволеніе на напечатаніе представленной рукописи. 30 іюня 1824 г.»

Раевскій.

По поводу замѣтки В. Ѳ. Раевскаго на приговоръ по дѣлу о ланкастерской школѣ, напечатанной въ „Русской Старинѣ" 1873 г., (т. VII, стр. 376), необходимо замѣтить, что Раевскій былъ членомъ „Союза Благоденствія" и завѣдывалъ ланкастерскою школою, устроенной при дивизіи М. Ѳ. Орлова.

Раевскій дѣйствовалъ не совсѣмъ осторожно въ смыслѣ тайнаго общества, возбудилъ подозрѣніе и былъ арестованъ въ 1822 году.

Въ бумагахъ его былъ, между прочимъ, найденъ списокъ чиновъ общества, и ежели оно не было тогда же открыто, то обязано этимъ Раевскому, который, во все время своего продолжительнаго заключенія, сохранилъ необыкновенную твердость характера.

Въ 1822 г. военныя ланкастерскія школы были закрыты (по крайней мѣрѣ, въ южной арміи), Орловъ потерялъ начальство надъ дивизіей, а Раевскій—заключенъ въ крѣпость, въ которой и находился до 1827 г., когда былъ сосланъ въ Сибирь.

Человѣкъ умный и энергическій, но невнушавшій къ себѣ симпатіи, В. Ѳ. Раевскій игралъ значительную роль въ 1850-хъ годахъ, при главномъ управленіи Восточною Сибирью. М. И.

Австрія и будущность Европы.

Изъ записокъ В. И. Фрейганга.

1844 г.

Въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. I, изданіе первое, стр. 10, былъ помѣщенъ отрывокъ изъ записки «О Славянскомъ вопросѣ», написанной на французскомъ языкѣ, въ 1844 г., русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Венеціи, В. И. Фрейгангомъ. Нынѣ помѣщаемъ другой отрывокъ, заключающій въ себѣ пророчество того же наблюдательнаго и просвѣщеннаго русскаго дѣятеля, предугадавшаго многія событія, совершившіяся уже послѣ его смерти, въ наши дни.

Ред.

„....Европа, послѣ продолжительнаго волненія, пользуется счастіемъ мира въ продолженіи четверти вѣка. Этотъ періодъ времени

могъ бы быть драгоцѣннымъ для того, чтобы заживить многія раны, спокоить умы, преобразовать государства по системѣ менѣе сложной, болѣе сообразной съ требованіями обстоятельствъ и прогрессомъ вѣка, и менѣе убыточной, чтобы дать вновь развиться торговлѣ и промышленности, а главное — обезпечить финансы. Австріи, кажется, не удалось воспользоваться ни 25-лѣтнимъ миромъ, ни тяжкими уроками прошлаго; а между тѣмъ, та же самая Австрія покончила великую борьбу съ Наполеономъ въ 1815 году со славой, обогативъ себя новыми государствами и новыми народами, становясь державой болѣе величественной, чѣмъ когда-либо она была, со временъ Карла V. Кто тогда посмѣлъ бы усумниться въ ея преобладающемъ вліяніи на Италію, государи которой были обязаны, по бо́льшей части, Австріи возстановленіемъ своей власти,—а также въ ея первенствѣ въ Германіи, гдѣ воспоминанія шести вѣковъ говорили въ ея пользу, но гдѣ, однако, она пріобрѣла и оказываетъ понынѣ (1844 г.) лишь слабое вліяніе, не смотря на то, что ей предоставлено было предсѣдательство на Германскомъ сеймѣ.

Такъ какъ австрійское правительство приняло за аксіому—оставаться неподвижнымъ почти во всемъ, тогда какъ остальная Европа во всемъ быстро двигается впередъ, то австрійская имперія, со своими 35 милліонами подданныхъ, со своими различными прекрасными королевствами и со всѣми элементами для того, чтобы быть сильной и богатой, должна неизбѣжно отставать. Та же самая аксіома, три вѣка тому назадъ, была причиной упадка Венеціанской республики въ то время, какъ остальная Европа шла отъ прогресса къ прогрессу.

Бюрократія въ Австріи многочисленная,— это большое зло, это бичъ; 160,000 гражданскихъ чиновниковъ составляютъ бюрократическую іерархію, которая сто́итъ государству свыше 14 милліоновъ флориновъ ежегоднаго бюджетнаго расхода, и все болѣе и болѣе образуютъ отдѣльное государство въ государствѣ (status in statu) и притомъ государство всемогущественное, своевольное, надменное, придирчивое, съ педантичной и методической медленностью въ дѣлахъ самыхъ ничтожныхъ, къ великому ущербу, столько же управляемыхъ, сколько и самаго правительства. Финансы Австріи, съ государственнымъ долгомъ, который уже нынѣ (въ 1844 г.) увеличился до 1,000 милліоновъ флориновъ бюджета, проценты котораго поглащаютъ треть общей суммы ежегоднаго дохода государства, въ бо́льшомъ упадкѣ, не смотря на бѣдственное уменьшеніе курса, не смотря на постоянные пагубные займы, на многочисленныя, непомѣрныя, чрезвычайно-притѣснительныя и постоянно однообразныя подати, не взирая на 25-лѣтній

миръ и на всѣ выгоды, которыя нѣкогда принесъ Австріи парижскій трактатъ.

Торговля въ Австріи также неподвижна: ежегодный вывозъ почти равняется привозу; контробандный торгъ чрезвычайно убыточенъ; народная промышленность, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностахъ и городахъ обширнаго государства, не безъ достоинствъ и успѣха,—но ни торговля, какъ бы она ни процвѣтала, ни самая дѣятельная промышленность не въ состояніи поправить финансы, такъ какъ самая система ихъ ложная. Австрія, по преимуществу, государство бюрократическое и менѣе всего военное: настоящей военной силы, не смотря на то, что нѣкоторыя войска хорошо дисциплированы, не существуетъ въ Австріи, потому что въ наше время настоящую силу составляетъ духъ народа и его нравственныя качества, а не численность штыковъ и укрѣпленій. И потому венгерецъ точно также не на своемъ мѣстѣ въ Италіи, какъ итальянецъ въ Венгріи и какъ славянинъ внѣ своей родины, хотя бы эта мѣра и оказывалась довольно хорошей въ небурное время.

Духъ вѣка, несомнѣнно готовящій Европѣ новую эру, докажетъ, что армія, состоящая изъ смѣси разныхъ національностей, можетъ только удовлетворить въ безмятежные годы и когда внутри страны царитъ полное спокойствіе; но та же самая армія никогда не будетъ въ состояніи послужить оплотомъ въ эпоху волненій, когда въ нѣдрахъ страны клокочетъ волканъ.

Австрія слыла правительствомъ патріархальнымъ; австріецъ, а болѣе всего добродушный житель Вѣны, убѣжденъ въ этомъ и теперь, и, быть можетъ, не безъ основанія; но, Австрія, собственно говоря, это—Вѣна и нѣкоторыя прилегающія провинціи, тогда какъ къ австрійской имперіи принадлежатъ (въ 1844 г.) Чехія, Моравія, Галичина, Венгрія, Иллирія, Миланъ и Венеція,—и несомнѣнно то, что въ этомъ обширномъ государствѣ, гдѣ находятся столько различныхъ народностей, австрійское правительство, т.-е. ея бюрократическая іерархія, не имѣло счастья внушить къ себѣ сочувствія.

Австрійское правительство было извѣстно своимъ непоколебимымъ принципомъ неподвижности; его сравнивали иногда съ китайской имперіей; но духъ вѣка могущественнѣе всякой верховной власти, всѣхъ стереотипныхъ принциповъ и всѣхъ возможныхъ преградъ: онъ не допускаетъ болѣе въ наше время той неподвижности, которую почившій императоръ Францъ II полагалъ возможнымъ сохранить въ своихъ различныхъ владѣніяхъ. Появленіе желѣзныхъ дорогъ разрушаетъ Китайскую стѣну и должно распространять съ удивительною, почти

волшебною быстротою мысли, даже самыя сумасбродныя и сдѣлать эпидемическимъ всякое сильное нравственное потрясеніе.

Духъ времени—это нравственный феноменъ, который характеризуетъ великія эпохи исторіи; это—сила; это—потокъ. Духъ времени—это нравственная сила, часто доходящая до горячки, до бреда; страсти человѣка, его невѣжество удвоиваютъ эту силу, противъ которой ничего не можетъ устоять. Отъ этого происходили эти плачевные бичи, каковы были нѣкогда варварскія проявленія среднихъ вѣковъ, рыцарство, крестовые походы, ужасныя гоненія на догмы и ученія,—а въ новѣйшее время французская революція, ея терроризмъ и блестящее, но кровавое поприще Наполеона. Захотѣть обуздать духъ времени, это значитъ пожелать дать потоку обратное направленіе; пытаться же связать духъ времени доводами или картечью, это, по бóльшей части, значитъ ухудшить зло. Исторія подтверждаетъ это.

Для того, чтобы направить духъ времени по желанію правительствъ, чтобы связать его, дать ему желаемое направленіе и облагородить его, представляется одно только средство, но которое тягостно высказать: для этого сами правительства должны стать во главѣ этого всемогущаго духа. Только пока правительства съумѣютъ, не роняя своего достоинства, идти въ ногу съ массою, имъ будетъ удаваться направлять ее и, съ помощью ея, пролагать потоку русло и приготовлять для сего почву. Если бы такъ всегда дѣлалось, сколько было бы устранено слезъ, крови и преступленій!

Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ, неутомимо преслѣдовавшій свои обширные планы при помощи своего генія, своего счастія и своихъ полчищъ, не повелѣваетъ болѣе міромъ, духъ времени повидимому высказывается въ настоящее время болѣе миролюбивымъ образомъ, упираясь на паръ, который занимаетъ нынѣ своими дивными результатами, безспорно, первую роль въ цивилизованномъ мірѣ. Тому доказательствомъ служатъ безчисленныя паровыя машины въ области промышленности; тысячи пароходовъ и желѣзныя дороги, умножающіяся до безконечности. Результаты этихъ новыхъ средствъ, какъ промышленности, такъ въ особенности сообщенія уже огромны и еще болѣе увеличатся, ибо настоящая эпоха характеризуется почти ежедневными изобрѣтеніями при помощи химіи и механики.

Но матеріальная польза, доставляемая этими новыми способами перевоза и обращенія, какъ она ни велика, далеко не составляетъ главнѣйшаго результа: неизмѣримая важность этого результата состоитъ въ быстромъ, какъ-бы телеграфномъ, обмѣнѣ идей между однимъ концомъ Европы и другимъ, и вскорѣ различныя націи не въ политическомъ, но интелектуальномъ отношеніи составятъ одну

огромную семью. Поэтому, если возникнетъ мысль, то не удивительно, что она распространится съ быстротой электричества, и если встрѣтитъ сочувствіе, то сдѣлается всеобщею и господствующею.

Таково нынѣ положеніе почти всей Европы, гдѣ духъ времени, кажется, готовитъ подъ вліяніемъ преобладающей идеи большую политическую катастрофу: въ сердцахъ разныхъ націй развивается глубокое, прочное и священное чувство, которое проявляется съ силой. Это чувство состоитъ въ единодушной, непоколебимой волѣ, которая, во что бы то ни стало, требуетъ сохраненія національности, и поэтому прежде всего, сохраненія національнаго языка [1]). При каждой попыткѣ воспрепятствовать этому духу или сокрушить и истребить его тѣмъ или другимъ способомъ, духъ этотъ выскажется съ грозною силою и дойдетъ до фанатизма и неистовства.

Французской революціи и Наполеону только потому и удалось сдѣлать Францію грозной, и создать героевъ, что они прибѣгли къ національному духу, и Германія сдѣлалась сильной въ борьбѣ съ Наполеономъ только тогда, когда и она обратилась къ германскому національному духу. Съ тѣхъ поръ вездѣ сталъ господствовать этотъ духъ: когда германское юношество, въ весьма критическій моментъ, было вызвано, во имя этого духа, бороться съ общимъ врагомъ, то оно мгновенно возстало массами, и хотя вскорѣ потомъ оно было распущено и разочаровано, оно все-таки до сихъ поръ продолжаетъ питать глубокое чувство національности.

Такъ точно въ Италіи подъ прежнимъ именемъ „карбонаризма" нынѣ „юной Италіи", тлѣетъ худо погашенный огонь, готовый при первомъ случаѣ воспламениться. На дняхъ совершился неожиданный переворотъ въ Греціи; мадьяры мечтаютъ о независимости отъ Австріи; шведы, норвежцы и датчане сближаются обще-скандинавскими симпатіями, и даже у бельгійцевъ пробуждается фламанскій элементъ. Германцы, подъ вліяніемъ Пруссіи, сближаются все болѣе и болѣе между собою.

Германія, хотя разбитая на разныя государства, крупныя и мелкія, со столькими характеристическими личностями, начинаетъ сознавать въ себѣ одно великое государство, гдѣ господствуетъ одинъ и тотъ же, ясно выраженный, народный духъ. Таможенный союзъ все болѣе и болѣе сближаетъ, безъ различія, всѣхъ нѣмцевъ, а король прусскій, творецъ этой таможенной системы, столько же торговой, сколько политической, дѣйствуя, болѣе всѣхъ другихъ государей Европы, со-

[1]) Этотъ фактъ, обнаружившійся еще въ 1844 году, прямо опровергаетъ увѣренія нѣкоторыхъ, будто національный вопросъ есть созданіе Наполеона III. Ред.

образно духу времени, будетъ призванъ сдѣлаться главой протектората древней Тевтоніи, или, лучше сказать, новой Германіи, хотя бы даже, къ крайнему неудовольствію, королей, великихъ герцоговъ, герцоговъ и князей, которые уже болѣе „не царствуютъ Божію милостію“, но, говоря безъ обиняковъ, „управляютъ по желанію и благоусмотрѣнію народовъ“.

Пруссія, сочувствуя во многихъ отношеніяхъ Германіи, между прочимъ, въ оскорбительномъ равнодушіи къ Австріи и въ не основательномъ и несправедливомъ недоброжелательствѣ къ Россіи, можетъ совокупно съ Германіей, на которую часто указываютъ, какъ на сердцевину Европы и сосредоточіе мысли и основательнаго образованія, сдѣлаться когда-нибудь преобладающей державой Европы.....

(Переводъ съ французск. Е. Б. З.) Сообщ. **А. В. Фрейгангъ.**

Къ исторіи русскихъ суевѣрій.

Содержаніе нижеслѣдующаго курьезнаго документа не требуетъ большихъ объясненій: происшествіе, въ немъ разсказанное, основано на весьма распространенномъ въ народѣ вѣрованіи въ оборотничество. Конецъ рапорта доказываетъ, что составитель его, лекарь Рампау, былъ не чуждъ этому суевѣрію, не смотря на все свое уваженіе къ «медицинѣ и наукѣ».

Печатаемый документъ выписанъ мною изъ одного обширнаго рукописнаго сборника конца XVIII вѣка, принадлежащаго академику А. Ө. Бычкову. Я позволилъ себѣ исправить безграмотное правописаніе и нѣсколько очевидныхъ описокъ рукописи.

Л. Майковъ.

Въ Шацкую провинціальную канцелярію, Шацкой провинціи, отъ лекаря Рампау рапортъ.

По прибытности моей сюда, въ Шацкую провинцію, приходитъ ко мнѣ много изъ деревенскихъ обывателей мужеска и женска полу, объявляя о себѣ нутренныя порчи, но токмо какія оныя порчи—въ медицинѣ и наукѣ признать невозможно, ибо уповательно какъ черезъ одно еретичество. Нынѣшняго году, февраля во 2-й день, призванъ я былъ въ городъ Темниковъ, въ домъ воеводскій, для пользованія у сожительницы его перста; и будучи въ трактѣ, сталъ ночевать въ деревнѣ Будныхъ-Майданѣхъ, у крестьянина Алексѣя Иванова. Онаго Иванова мать стала мнѣ жалобы приносить, что сноха ея, Алексѣева жена Алена, уже двадцать лѣтъ съ мужемъ живетъ, а дѣтей не родитъ и все сохнетъ, — которая ей признавается въ порчи. Того-жъ вечера, послѣ свекрови, пустила (пропущено: въ избу?) помянутая Алена трехъ видовъ овецъ и спустила къ нимъ изъ коробья одного ненка и загасила огонь,—въ которыхъ овецъ, погодя черезъ часъ,

сталъ великій стукъ, и съ хозяйкою стали человѣческимъ голосомъ сквернословить, тихо говорить болѣе двухъ часовъ,—которыхъ я признаваю—одного еретичества; отчего я, отъ великаго страху и ужасти, принужденъ изъ избы выбѣжать и разбудить имѣющаго(ся) при мнѣ города Темникова солдата Петра Живетина, который спалъ въ возкѣ моемъ для аптеки; и велѣлъ ему огонь вздуть, и послалъ за старостою Өедоромъ Слезкинымъ. И промежъ того время, при огнѣ, стали тѣ овцы паче человѣческимъ голосомъ репетировать съ тѣхъ словъ, что̀ безъ огня говорили. И, по приходѣ старосты, объявилъ я ему оные непорядки, чтобъ онъ тѣхъ овецъ дѐржалъ, и въ деревни осмотритися — кого въ той деревни въ домѣхъ крестьянъ ни имѣется. Но токмо оный староста съ великимъ (пропущено страхомъ?) отвѣтствовалъ мнѣ: „Этакихъ овецъ у насъ много, и онѣ надобны; ты не фискаломъ-ли сюда пріѣхалъ?" А когда онъ услышалъ объ моемъ имени, откуда я, то онъ сталъ покоренъ и просилъ, чтобъ я это уничтожилъ, и за то хотѣлъ, съ народомъ собрався [1]), мнѣ поклонъ отдать; на что̀ я ему сказалъ, что ни его поклонъ, ни тысяча мнѣ не надобна, а присяги своей не нарушу. И староста пошелъ; и овцы паки стали, при помянутомъ солдатѣ, человѣческимъ голосомъ говорить: меня по имени, отчеству и фамиліи называютъ, тако-жъ и о себѣ имена человѣческія сказываютъ; одинъ изъ нихъ — Өедоръ, а двое—Гаврилы; и называющій(ся) Өедоромъ показался съ затылку въ видѣ дьявольскомъ, весь чернаго лица, изъ лѣваго уха высунулъ большой красный языкъ. Тако-жъ много кратъ при ономъ солдатѣ мое имя, отчество и прозваніе называли и просили: „Выпусти насъ!" Напротивъ того, я говорилъ: „Староста отступился; какъ хочетъ хозяйка, а я васъ не выпущу". И объявилъ я этой хозяйкѣ: „Егда ты ихъ хочешь?" А хозяйка мнѣ объявила: „Какъ мнѣ сосѣдовъ не знать!" [2]). По которому ея отвѣту овцы зачали многократно при солдатѣ человѣческимъ голосомъ говорить: „Алена, выпусти насъ!" И тогда она, хозяйка, про прежнюю свою утайку и, стыда ради, вся въ лицѣ покраснѣла и зачала плакать.

Въ чемъ, по присяжной моей должности и по евангельской заповѣди, провинціальной канцеляріи для вѣдома рапортую, а въ государственную медицинскую коллегію отъ меня представлено быть имѣетъ. Февраля   дня 1765 года.

Сообщ. Л. Н. Майковъ.

---

[1]) Въ рукописи: «собралъ а».

[2]) Въ рукописи: «не знаетъ». Повидимому, въ этомъ мѣстѣ въ рукописи пропускъ.

Параша-Сибирячка.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, на русской сценѣ имѣло громадный успѣхъ извѣстное драматическое произведеніе Николая Алексѣевича Полеваго: «Параша-Сибирячка». Приводимъ разсказъ лица, знавшаго дѣйствительную героиню этой пьесы. Ред.

Въ 1800 году, бывши еще мальчикомъ [1]), я зналъ довольно коротко поселенца Лупалова и дочь его, впослѣдствіи столь извѣстную, Парашу-Сибирячку. Разскажу о нихъ, что могу припомнить.

Григорій,—отчество забылъ,—Лупаловъ, родомъ малороссъ, служившій когда-то драгунскимъ поручикомъ и полковымъ казначеемъ, былъ разжалованъ и сосланъ въ Сибирь, за растрату казенныхъ 20-ти тысячъ рублей, ввѣренныхъ ему по должности казначея. Состоя на поселеніи, несчастный проживалъ въ деревнѣ Жиляковкѣ, что нынѣ предмѣстье Ишима. Здѣсь онъ имѣлъ собственный домикъ, просто лачугу. Кормился Лупаловъ частью отъ убогаго хозяйства, которое вели его старушка-жена и единственная дочь, дѣвушка лѣтъ 18-ти; частью содержалъ себя и семью платою за переписку бумагъ въ ишимскомъ земскомъ судѣ. Канцелярія послѣдняго была мѣстомъ нашихъ общихъ занятій: я, почти ребенокъ, служилъ въ качествѣ штатнаго копіиста, а старикъ трудился, какъ помню твердо, за 3 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Дорожа милостію начальниковъ, старикъ Лупаловъ являлся на должность раньше всѣхъ насъ, между тѣмъ, какъ жилъ версты чуть не двѣ отъ суда, и зимою, въ морозы и бураны, ходилъ одѣтый крайне бѣдно.

Дочь Лупалова, Прасковья, впослѣдствіи героиня, была дѣвушка такъ себѣ, очень недурна лицемъ, честная и рукодѣльница. Мнѣ не рѣдко случалось видѣть ее въ Жиляковкѣ, куда мы, народъ приказный, хаживали лѣтомъ, въ праздники, посмотрѣть деревенскіе хороводы, и дѣло прошлое, поплясать съ молодыми крестьянками. Какъ сейчасъ вижу, Прасковья играетъ въ горѣлки, по-ишимски въ разлуку—и на бѣгу вяжетъ чулокъ. Бывало, когда завечерѣетъ, отецъ или мать Лупаловы выйдутъ за ворота, поищутъ взглядомъ, прикрывъ худые глаза ладонью, дочь, затерявшуюся въ толпѣ, и найдутъ ее, окликавъ по-хохлацки: „Праскута, Праскута! ходе до дому“. Добрая дѣвушка немедля оставляла все и шла на зовъ безъ ропота, тогда какъ подруги ея всегда надували губки при подобномъ возвращеніи.

Сообщ. Ив. В. Вологдинъ.

---

[1]) Разсказывалъ чиновникъ (масонъ) Иванъ Петровичъ Пономаревъ въ Томскѣ, Ѳ. А. Прядильщикову. **И. В.**

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ П. П. ЛОПУХИНЪ.

1788—1873.

23-го февраля 1873 года скончался, въ своемъ помѣстьи Корсунь, Кіевской губерніи, свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, принадлежавшій къ числу немногихъ, пощаженныхъ временемъ, участниковъ исполинской борьбы Россіи съ Франціею, съ 1812 по 1815 г.

Князь П. П. родился въ 1788 году и чуть не отъ самой колыбели былъ взысканъ царскими милостями, которыя, впослѣдствіи времени, оправдалъ ревностною, усердною службою. На пятомъ году отъ рожденія князь, по существовавшему въ то время обычаю, былъ зачисленъ портупей-прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ (10-го сентября 1793 года). Въ царствованіе императора Павла былъ произведенъ въ прапорщики (1798), пожалованъ во флигель-адъютанты и сохранилъ это званіе и при исключеніи изъ полка съ чиномъ поручика (11-го марта 1800 года). По вступленіи императора Александра I на престолъ, тринадцатилѣтній князь Лопухинъ былъ переименованъ въ дѣйствительные камергеры и получилъ повелѣніе возвратиться къ родителямъ для окончанія своего воспитанія. Настоящую свою служебную карьеру онъ началъ шестнадцати лѣтъ (30-го октября 1806 года), поступивъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ. Онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ подъ Гейльсбергомъ и и подъ Фридландомъ, и, съ 15-го марта 1809 года, вступилъ въ отправленіе должности по званію флигель-адъютанта. Во все продолженіе кампаніи 1812 года князь состоялъ при начальникѣ главнаго штаба арміи, А. П. Ермоловѣ и безъ его участія не обошлось почти ни одного сраженія. Витебскъ, Смоленскъ, Заболотье, Бородино, Тарутино, Малый Ярославецъ, Вязьма и Красный были свидѣтелями отваги, храбрости и разумной распорядительности князя Лопухина. Въ 1813 году онъ состоялъ при особѣ императора Александра I, затѣмъ въ корпусѣ барона Винцингероде—въ арміи кронъ-принца швед-

скаго; участвовалъ въ битвахъ подъ Гросъ-Береномъ, при Денневицѣ и подъ Лейпцигомъ. Съ двумя казачьими полками занялъ бо̀льшую часть вестфальскаго королевства и очистилъ герцогство Ольденбургское, Остъ-и Вестъ-Фризъ отъ занимавшихъ ихъ непріятельскихъ отрядовъ. Въ кампанію 1814 года князь постоянно находился въ авангардѣ генералъ-адъютанта Чернышева; отличился въ сраженіи подъ Люттихомъ; обратилъ на себя вниманіе безстрашіемъ и распорядительностью при Суассонѣ, при Лаонѣ, при Реймсѣ и при взятіи Парижа. Въ 1815 году, начальствуя сперва казачьимъ отрядомъ, потомъ двумя казачьими полками, князь Лопухинъ прикрывалъ главную квартиру подъ Линдау, Страсбургомъ и Пфальсбергомъ.

Исчисляя заслуги князя, нельзя умолчать о наградахъ. Не говоря о кавалерскомъ знакѣ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пожалованномъ императоромъ Павломъ I князю-отроку еще въ 1798 году, скажемъ, что въ 1817 году двадцатидевяти-лѣтній князь Лопухинъ, въ чинѣ генералъ-маіора, былъ командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи и имѣлъ ордена: св. Георгія 4-й степени, св. Владиміра 3-й степени, св. Анны втораго класса съ алмазными украшеніями и золотую шпагу съ надписью: „за храбрость“. Въ 1829 году князь Лопухинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Тринадцать лѣтъ (съ 1817 по 1830 годъ) начальствуя по-перемѣнно дивизіями второй конно-егерской и первой гусарской, князь Лопухинъ многократно былъ удостоенъ монаршаго благоволенія и, кромѣ того, получилъ бриллiантовый перстень съ вензелемъ императора Николая I и орденъ св. Анны 1-й степени съ императорскою короною. Польская кампанія 1831 года пополнила послужной списокъ князя Лопухина многими блестящими страницами. 7-го февраля онъ командовалъ авангардомъ 1-го пѣхотнаго корпуса въ генеральномъ сраженіи при корчмѣ Ваверъ; 13-го февраля въ сраженіи на поляхъ Гроховскихъ командовалъ онъ всею кавалеріею перваго пѣхотнаго корпуса, 14-го мая участвовалъ въ сраженіи подъ Остроленкою, затѣмъ, находясь постоянно въ авангардѣ, послѣ переправы на лѣвый берегъ Вислы, принималъ участіе въ генеральномъ сраженіи, взятіи приступомъ передовыхъ укрѣпленій и при покореніи Варшавы (25, 26, 27-го августа 1831 г.). Ордена̀ св. Владиміра 2-й степени и св. Георгія 3-й степени были наградами князю за эти подвиги, въ его боевой жизни бывшіе послѣдними. Кромѣ медалей за кампаніи, въ которыхъ участвовалъ князь, онъ былъ кавалеромъ иностранныхъ орденовъ: австрійскаго—Леопольда, прусскаго—„за достоинство“, французскаго—св. Людовика и шведскаго—Меча. По счастію, которое бываетъ рѣдкимъ удѣломъ участниковъ многихъ битвъ и стычекъ, князь Лопухинъ, во все продолженіе 29-ти-лѣтней

службы, ни разу не былъ раненъ, хотя, участвуя въ пятидесяти шести сраженіяхъ, онъ всегда служилъ образцомъ храбрости своихъ подчиненныхъ.

Высочайшимъ приказомъ 11-го января 1835 года, согласно прошенію по домашнимъ обстоятельствамъ, князь Павелъ Петровичъ былъ уволенъ отъ службы въ чинѣ генералъ-лейтенанта, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья. Онъ поселился въ своемъ роскошномъ имѣніи Корсунь.

Здѣсь имѣлъ случай познакомиться съ кн. Лопухинымъ одинъ изъ ревностныхъ любителей отечественной старины, явившійся въ Корсунь по приглашенію самого князя и, именно для того, чтобы послушать и записать полные интереса разсказы князя про времена, давно минувшія. Вотъ какъ очерчиваетъ посѣтитель Корсуня личность доблестнаго воина, знаменитаго его хозяина:

„....Пріѣхавши въ Корсунь, въ октябрѣ 1869 года, я увидѣлъ князя Лопухина въ первый разъ моей жизни. Это былъ тогда бодрый и свѣжій еще старикъ. Не смотря на свои преклонныя лѣта, имѣлъ онъ память необыкновенную. Говорилъ весьма охотно и изъяснялся одинаково свободно на русскомъ, французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Въ обхожденіи былъ чрезвычайно любезенъ; не могу не признаться, что чрезмѣрная вѣжливость моего радушнаго хозяина иногда даже смущала меня: въ нашемъ поколѣніи мы уже отвыкли отъ подобнаго обращенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что князь Лопухинъ представлялъ собою типъ стараго русскаго боярина, въ самомъ полномъ и достойномъ смыслѣ этого слова. Впечатлѣніе, которое я вынесъ послѣ моего девятидневнаго пребыванія въ Корсуни, было самое пріятное, самое симпатичное....“

Со смертью бездѣтнаго кн. Павла Петровича, титулъ свѣтлѣйшаго князя Лопухина не исчезъ: на основаніи высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 1866 году, этотъ титулъ, вмѣстѣ съ фамиліей Лопухина, перешелъ къ полковнику Николаю Петровичу Демидову и будетъ принадлежать старшему въ его родѣ [1]).

---

[1]) См. подробное родословіе Демидовыхъ въ «Русской родословной книгѣ» 1873 г., изд. «Русской Старины», стр. 381—388.

ГРАФЪ Ѳ. П. ТОЛСТОЙ.

р. 10 февраля 1783 г., ум. 13 апрѣля 1873 г.

Въ 6 часовъ пополудни, 13-го апрѣля сего года, послѣ продолжительной и упорной борьбы со смертію, скончался маститый патріархъ Русскихъ Искусствъ, Товарищъ Президента Императорской Академіи Художествъ и почетный ея членъ (съ 1809 г.), графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой. Почти сто лѣтъ прожилъ этотъ достойный человѣкъ и почти три четверти вѣка знаменитый художникъ не оставлялъ трудиться на разнообразныхъ поприщахъ художества. Четыре поколѣнія русскаго общества чтили въ гр. Ѳедорѣ Петровичѣ талантъ, просвѣщенный умъ и честнѣйшее, благороднѣйшее сердце. Императорская Академія Художествъ справедливо гордилась своимъ Патріархомъ; славнѣйшія Академіи Искусствъ въ Европѣ издавна предоставили, въ средѣ своихъ сочленовъ, почетное мѣсто русскому графу-художнику.

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца сего года, почти наканунѣ предсмертной своей болѣзни, гр. Ѳедоръ Петровичъ просилъ насъ дать мѣсто на страницахъ „Русской Старины" обозрѣнію его художественной дѣятельности.

— „Трудовая моя жизнь — кончена", говорилъ намъ слабымъ, прерывающимся голосомъ графъ: „но мнѣ хотѣлось бы оглянуться назадъ и посмотрѣть, что сдѣлано мною.... Возьмите „Отчетъ", мною составленный; быть можетъ, лица интересующіяся трудами по части русскаго художества не безъ интереса его прочтутъ и помянутъ меня добрымъ словомъ....."

Мы поспѣшили исполнить это желаніе [1]. Такимъ образомъ, самъ

[1] См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, апрѣль, стр. 517—532. Біографическій этюдъ жизни гр. Толстаго и выдержки изъ его записокъ напечатаны также въ «Русской Старинѣ», 1873 г., т. VII, стр. 24—51; 123—145.

художникъ въ сжатой безъискусственной формѣ, стоя уже одной ногой въ гробу, далъ своимъ согражданамъ отчетъ въ своей жизни постояннаго, упорнаго, всегда проникнутаго талантомъ и наукой труда.

Но что особенно удивляетъ въ этомъ многолѣтнемъ трудѣ— это поразительное разнообразіе таланта опочившаго художника: прекрасный живописецъ (акварелью и масляными красками), дивный скульпторъ, неподражаемый, геніальный граверъ (на мѣди), преобразователь не только у насъ, но и въ Европѣ медальернаго искусства,—такимъ образомъ, въ одномъ русскомъ человѣкѣ соединялась вся Академія Художествъ. Явленіе—въ высшей степени рѣдкое, почти небывалое.

Графу Ѳедору Петровичу Толстому безспорно принадлежитъ мѣсто въ пантеонѣ замѣчательнѣйшихъ мужей нашего отечества,— онъ гордость и слава Россіи, на ряду съ величайшими подвижниками ея на поприщахъ умственной дѣятельности.

Ред.

13-го апрѣля 1873 г.

Библіографическія замѣтки.

Г. Редакторъ! Въ дополненіе, напечатаннаго въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ (т. VII, стр. 582), обращенія моего „къ Библіографамъ“ о содѣйствіи къ окончанію предпринятаго мною: „Описанія Періодическихъ изданій за время 1703 — 1802 гг.“, присылкою поименованныхъ въ спискѣ изданій, прошу васъ дополнить помянутый списокъ слѣдующими сочиненіями, которыя значутся:

По библіографіи Сопикова:

1759 г. „Полезное съ Пріятнымъ“, № 3,841.

1783—1784 гг. „Историческія и физическія нравоученія“, выходившія при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, сперва въ 4-ю, а потомъ въ 8-ю долю листа. Соп., № 2,711.

По списку (рукописному) покойнаго Сахарова:

1788 г. „Мѣщанинъ“, Москва.

1795 г. „С.-Петербургскій Магазинъ“.

По приложенію къ „Настольному Словарю“ Ф. Толля, изд. 1866 г., стр. 372—373, при перечисленіи періодическихъ изданій, упоминаются еще слѣдующія:

1755 г. „Литературный Хамелеонъ“.

1755 г. „Русскій Меркурій“.

1764 г. „Русскій Патріотъ“.

1774 г. „Музыкальныя увеселенія“.

1792 г. „Петербургскія Сумерки“.

1801 г. „Московскій Журналъ“.

Перечисленныя изданія едва-ли существовали, но, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ и ускользнули отъ Библіографіи; а потому, если не найдется ихъ на лицо, то, можетъ быть, послѣдуетъ отъ кого-нибудь разъясненіе сомнительнаго ихъ существованія.

На просьбу мою, обращенную къ библіографамъ, по настоящее время мнѣ доставлено: 1-го апрѣля отъ Алексѣя Васильевича Лосевскаго: „Что-нибудь“, еженедѣльное изданіе. 1780 г.

2-го апрѣля отъ библіотеки г. Черкесова, при письмѣ Андрея Илларіоновича Кузьмина (изъ числа уцѣлѣвшихъ въ библіотекѣ покойнаго А. Ф. Смирдина, пріобрѣтенной г. Черкесовымъ):

1780 г. „Что-нибудь“, изданіе второе, 1782 года.

1782—1786 г. „Городская и Деревенская Библіотека“.

Недостаетъ 4-й части, которую желательно получить.

1783 г. „Спб. Вивліоѳика Журналовъ".

1785—1789 г. „Дѣтское Чтеніе".

1788 г. „Открытіе новаго изданія".

1794 г. „Аглая".

1797 г. „Журналъ Правовѣдѣнія".

Кромѣ того, библіотека г. Черкесова предложила полную свою готовность снабдить меня всѣми сочиненіями, какія мнѣ будутъ нужны изъ числа имѣющихся въ ея распоряженіи, какъ въ самой библіотекѣ, такъ и отпускомъ ко мнѣ на домъ, безъ всякаго съ моей стороны вознагражденія.

Отъ Николая Павловича Дурова, (прекрасная библіотека котораго, еще до моего обращенія къ Библіографамъ, доставила мнѣ многія изданія) нынѣ еще получена:

1784 „Избранная Библіотека для Христіанскаго Чтенія", части 1—3. Мнѣ необходима еще 4-я часть?

Позвольте, м. г., чрезъ посредство „Русской Старины", выразить мою искреннюю признательность гг. Лосевскому, библіотекѣ Черкесова, А. И. Кузьмину и Н. П. Дурову за ихъ просвѣщенное вниманіе и сочуствіе къ моему изданію.

А. Н. Неустроевъ.

Адресъ мой: въ Спб., на Фонтанкѣ, у Прачешнаго моста, д. № 4. Александру Николаевичу Неустроеву.

Вопросы библіографамъ.

У кого въ Россіи значительнѣйшія собранія русскихъ журналовъ?

Есть-ли и гдѣ портретъ извѣстнаго мореплавателя Беринга († 1741 г.)?

Существуетъ-ли и гдѣ книга, упомянутая у Сопикова подъ № 6140: Магиконъ, М. 8°.?

Г. Г.

двухъ первыхъ томахъ. Этотъ особый томъ приводитъ насъ въ недоумѣніе.... Какое онъ будетъ имѣть значеніе? Очевидно, значеніе матеріаловъ? Но тоже значеніе имѣетъ и второй изъ теперь изданныхъ томовъ. Почему же этотъ томъ будетъ особый и дополнительный? Не логичнѣе-ли было бы издать отдѣльно одинъ первый томъ подъ именемъ Сочиненій Лермонтова, и отдѣльно же второй и третій подъ именемъ Посмертныхъ сочиненій или просто Матеріаловъ? Тогда, дѣйствительно, достигалась бы та цѣль, которую имѣлъ въ виду г. Дудышкинъ, и публика получала бы въ одномъ томѣ того Лермонтова, какимъ онъ самъ желалъ быть передъ обществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для массы публики, которая покупала бы одинъ этотъ томъ, изданіе стоило бы дешевле; да и учащаяся молодежь,—которую, пока у насъ нѣтъ классныхъ изданій авторовъ, по нашему мнѣнію, опускать изъ виду ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, получила бы Лермонтова безъ разныхъ Уланшъ и Монго, благодаря которымъ сочиненія Лермонтова встрѣтятъ не мало задержекъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, и въ домашнемъ чтеніи. Что касается до полноты изданія, то и съ предполагаемымъ третьимъ томомъ его еще нельзя считать полнымъ. Г. Ефремовъ помѣстилъ девять новыхъ стихотвор. Лермонтова и нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ въ письмахъ (хотя, по общему оглавленію ихъ, выходитъ 27, благодаря тому, что одно и тоже стихотвореніе помѣщено въ немъ по два и по три раза). Но это не все. Не говоря уже о томъ, что есть лица, которыя просто не даютъ въ печать находящихся въ ихъ рукахъ сочиненій Л—ва (см. I, 372), во второмъ томѣ напечатаны не вполнѣ такія вещи, которыя были въ рукахъ издателей. Г. Ефремовъ совершенно справедливо упрекаетъ Дудышкина за то, что онъ слишкомъ произвольно обошелся съ имѣвшимся у него матеріаломъ. Но этотъ упрекъ до извѣстной степени можно обратить и къ самому г. Ефремову. Печатая юношескія поэмы, г. Дудышкинъ выбралъ, по его словамъ, «все, что въ нихъ есть лучшаго»,—и г. Ефремовъ оставилъ тотъ же самый выборъ мѣстъ, хотя и напечаталъ ихъ въ лучшемъ видѣ. Кто же поручится, однако, что Дудышкинъ, произволъ и даже небрежность котораго такъ обстоятельно доказаны г. Ефремовымъ, выбралъ дѣйствительно лучшее? Да и зачѣмъ выбирать лучшее въ дѣтскихъ опытахъ? Они интересны сами по себѣ, какъ матеріалъ, и потому непремѣнно должны быть напечатаны цѣликомъ,—а ужъ тамъ дѣло критики разбирать, что лучше и что хуже. Поэтому мы надѣемся увидѣть въ третьемъ томѣ цѣликомъ и «Корсара», и «Литвинку», и «Испанцевъ», и «Двухъ братьевъ».

Внѣшняя сторона изданія крайне не удовлетворительна. Начать съ того, что оно не чуждо опечатокъ, напр. I, 11, 21 запаленный, вм. запыленный; 51, 20, прошелъ, вм. пришелъ; II, 1, 26, подымаетъ, вм. подмываетъ; 9, 21, къ терему, вм. къ Тереку; 69, Н. Ф. М...вой, между тѣмъ какъ въ прежнемъ изданіи М. Ф.; 85, 3 сн., все, вм. всѣ; 109, 22, къ тебѣ, вм. въ тебѣ; 118, 6, думъ... не душъ-ли? и пр. Но что положительно ужасно, такъ это часть типографская. Нечего и говорить о какихъ-нибудь художественныхъ приложеніяхъ (видахъ и т. п.,—ихъ не помѣщено, даже портретъ приложенъ только одинъ), нечего и говорить о какой бы то ни было типографской роскоши... Безобразный шрифтъ, сѣрая бумага,

Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ....

такъ что «нужна отвага, чтобы открыть....» не тотъ журналъ 1840-хъ годовъ, надъ которымъ смѣялся Лермонтовъ, а его, Михаила Юрьевича, собственныя сочиненія, изданныя г. Глазуновымъ въ 1873 году! Такъ-то готовится г. Глазуновъ къ столѣтнему юбилею своей издательской (?!!) дѣятельности. Впрочемъ, онъ хоть не прикрывается именемъ «общественной» пользы, а для своей пользы, конечно, всякій воленъ дѣлать, какъ ему угодно.

Завѣщаніе отеческое къ сыну. Соч. Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреемъ Поповымъ (съ приложеніемъ подлиннаго снимка). М. 1873. Стр. XV и 246.

Новое сочиненіе Посошкова, случайно найденное г. Поповымъ, имѣетъ весьма важное значеніе для изученія личности Посошкова, стоящей до сихъ поръ особнякомъ въ литературѣ петровскаго времени. Читая его сочиненія, нельзя отдѣлаться отъ вопроса: откуда взялись такія мысли у человѣка, который, по его собственнымъ словамъ, «въ школахъ не бывалъ, грамматикѣ не учивался?». Изданное теперь «Завѣщаніе», не разрѣшая всѣхъ недоумѣній и вопросовъ, тѣмъ не менѣе, такъ-сказать, перекидываетъ мостъ между книгою «о богатствѣ и скудости» съ одной стороны и старинными Домостроями—съ другой. Въ существѣ дѣла и «Завѣщаніе» есть Домострой; оно даже сходится многими не только взглядами, но и выраженіями съ Домостроемъ сильвестровскимъ; но въ то же время оно и отдѣляется отъ него цѣлою пропастью. Тогда какъ старый Домострой замыкалъ всю жизнь человѣка въ предѣлахъ дома и ничего не говорилъ объ интересахъ общественныхъ; —Посошковъ цѣлую треть своей книги посвящаетъ главамъ «о гражданскомъ житіи (V) и о приказныхъ порядкахъ (VI)», въ которыхъ уже слышится будущій авторъ книги о скудости. Не вызоветъ-ли хоть это изданіе—изслѣдованій о Посошковѣ, о которомъ, кромѣ нѣмецкихъ статей г. Брикнера въ «Baltisches Monatsschrift», у насъ не написано ни слова!

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. ІЮНЬ. **1873 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня.

Библiографическiй листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Чтенiя въ Имп. Обществѣ Исторiи и древностей Россiйскихъ за 1872 годъ. Четыре тома. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к.

Въ «Чтенiяхъ» за прошлый годъ, въ отдѣлѣ изслѣдованiй, обращаетъ на себя вниманiе трудъ г. Некрасова, посвященный историко-литературнымъ розысканiямъ о происхожденiи древне-русскаго Домостроя. Все изслѣдованiе распадается на три главы, изъ коихъ особенно любопытна первая, предлагающая данныя для сравнительнаго изученiя нашего Домостроя: здѣсь сообщаются интересныя извѣстiя о домострояхъ: древнеиндiйскомъ, итальянскомъ, французскомъ, германскомъ и чешскомъ;. о старопольской же литературѣ XVI вѣка, которая не менѣе богата чѣмъ чешская, авторъ, къ сожалѣнiю, упоминаетъ только вскользь, указывая на Рея «и другихъ». Послѣ обзора списковъ Домостроя, г. Некрасовъ переходитъ къ вопросу о происхожденiи его и рѣшаетъ такъ: глава «о мiрскомъ строенiи», есть древнѣйшая часть Домостроя, неизвѣстно кѣмъ и для кого составленная въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ и существовавшая какъ отдѣльное сочиненiе; глава же «о духовномъ строенiи» составлена тоже въ Новгородѣ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка; священникъ Сильвестръ старался отуземить Домострой въ Москвѣ, съ нѣкоторыми измѣненiями и съ прибавкою наставленiя къ своему сыну.

Послѣ изслѣдованiя г. Некрасова, мы должны указать на переводъ «Путешествiя черезъ Московiю Корнилiя де-Бруина». Переводъ этотъ сдѣланъ г. Барсовымъ съ французскаго и вполнѣ провѣренъ О. М. Бодянскимъ по голландскому подлиннику, при чемъ исправлены всѣ невѣрности и пропуски французскаго переводчика. Корнилiй де-Бруинъ, родившiйся въ Гагѣ, въ 1652 году, по профессiи живописецъ, болѣе извѣстенъ своими путешествiями на Востокъ, къ которымъ онъ питалъ неодолимое влеченiе. Отправляясь въ Персiю и Восточную-Индiю, де-Бруинъ прибылъ въ сентябрѣ 1701 года, моремъ, въ Архангельскъ, а въ январѣ слѣдующаго года достигъ Москвы, гдѣ прожилъ слишкомъ годъ; затѣмъ поплылъ рѣками Москвою, Окою и Волгою до Астрахани, и потомъ далѣе на Востокъ, откуда вернулся въ Москву въ половинѣ 1707 года, прожилъ здѣсь около полугода и, наконецъ, прежнею дорогою черезъ Архангельскъ вернулся въ Амстердамъ въ октябрѣ 1708 года. Описанiе этого путешествiя на голландскомъ языкѣ вышло въ 1711 г., украшенное множествомъ изображенiй (болѣе 320), мастерски исполненныхъ и представляющихъ виды городовъ и другихъ мѣстностей, различныя постройки, народныя одежды, изображенiя животныхъ и пр. При русскомъ переводѣ рисунки эти, къ сожалѣнiю (по недостатку средствъ), не приложены. Что касается текста, то въ немъ подробно описаны въ разныхъ отношенiяхъ всѣ страны, области и города, въ которыхъ де-Бруинъ жилъ, или только проѣзжалъ. Это сочиненiе де-Бруина еще тогда же было переведено почти на всѣ европейскiе языки. У насъ же былъ переведенъ впервые отрывокъ (7 главъ, съ пропусками) въ «От. Зап.», 1829—30 гг. Г. Барсовъ перевелъ только ту часть путешествiя де-Бруина, которая имѣетъ интересъ для насъ, русскихъ: двукратное пребыванiе де-Бруина въ Россiи и путешествiе по оной.

Въ послѣднихъ двухъ книгахъ «Чтенiй» за прошлый годъ помѣщено начало (первые 4 мѣсяца) крайне любопытнаго посмертнаго сочиненiя кн. И. М. Долгорукаго, своеобразно озаглавленнаго «Капище моего сердца» или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми кн. Долгорукiй былъ въ разныхъ отношенiяхъ въ теченiи его жизни. Такъ какъ словарь этотъ расположенъ по днямъ каждаго мѣсяца, то въ оный всѣхъ лицъ вошло 365. Читатель встрѣтитъ здѣсь характеристики Строгановыхъ, Нарышкиныхъ, Аксаковыхъ, Кошелевыхъ, Опочининыхъ, Шуваловыхъ, Толстыхъ, Барятинскихъ, и пр. и пр.

Изъ прочихъ матерiаловъ въ «Чтенiяхъ» за прошлый годъ любопытны: документы для исторiи хлыстовской и скопческой ереси, собранные извѣстнымъ знатокомъ П. И. Мельниковымъ; высочайшiе рескрипты Екатерины II и министерская переписка по дѣламъ крымскимъ (изъ архива гр. В. Н. Панина); мнѣнiя кн. А. Ѳ. Орлова и А. С. Меншикова о крестьянскомъ вопросѣ. Любопытны также и «замѣтки» почтеннаго редактора, въ которыхъ О. М. Бодянскiй расправляется съ лицами и изданiями, перечащими ему: прошлый годъ особенно богатъ ими.

Въ заключенiе, въ виду того, что замѣчанiя наши («Р. Ст.» 1872, и пр.), такъ сказать, апробованы О. М. Бодянскимъ, хотя и съ ссылкою на недостатокъ средствъ, мы позволимъ себѣ предложить вниманiю уважаемаго редактора «Чтенiй» слѣдующее. Не было-ли бы красивѣе и выгоднѣе, если бы труды, подобные собранiю галицкихъ народныхъ пѣсенъ, печатались въ два столбца (гдѣ длина строчки это дозволитъ) и не съ такими пробѣлами между отдѣлами и №№ пѣсенъ? Если учесть такую издательскую роскошь въ галицкихъ народныхъ пѣсняхъ, помѣщаемыхъ въ «Чтенiяхъ» нѣсколько лѣтъ, то непремѣнно получится при томъ же наборѣ, но при оной версткѣ, цѣлый томъ чистой бумаги, или около того.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ,

Записки Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

До Бога высоко,
До царя далеко!
Народная пословица.

«Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести... Шемяка, въ краткое время своего владычества... попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ на вѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ о судѣ Шемякинѣ, донынѣ употребительной».
Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., т. V, изд. втор., стр. 321, годъ 1446.

«Отъ сего убо времени въ Велицѣй Русіи на всякаго судію и восхитника во укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ».
Изъ Хронографа.

I.

До ревизіи.

Предсказанія друзей. — Недоброжелатели. — Могила Меншикова. — Разговоръ съ маіоромъ Елинымъ.
1825 — 1826 гг.

Покойный Д. Н. Бантышъ-Каменскій [1]) принадлежитъ къ числу не многихъ нашихъ отечественныхъ историковъ, пользующихся громкою, вполнѣ заслуженною извѣстностью. Его „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго“ съ портретами (2 ч., изд.

[1]) Родился въ Москвѣ въ 1788, умеръ въ 1850 году. Біографическая замѣтка о немъ была помѣщена въ «Русской Старинѣ». См. т. III, изд. 1871 г., стр. 525 — 526.

1812 г.), „Исторія Малороссіи“ (первое изд. въ 4 ч. 1822 г., второе изд. 1830 г., въ 3 ч. съ портретами, картами и снимками), „Историческое собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ россійскихъ императорскихъ орденовъ“, „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“ (изд. 1836 и 1847 гг.) и „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ“ (изд. 1840 г., въ 4 ч.),—труды многолѣтніе, добросовѣстные, донынѣ составляютъ драгоцѣнные матеріалы для русской исторіи и едва-ли когда утратятъ свои достоинства въ глазахъ каждаго просвѣщеннаго и любознательнаго читателя. При всѣхъ стѣсненіяхъ цензуры своего времени, Бантышъ-Каменскій, первый изъ русскихъ біографовъ, отважился выставить многихъ государственныхъ дѣятелей (нѣкоторыхъ изъ нихъ — даже современныхъ) въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, низводя этихъ чуть не гомерическихъ героевъ съ ихъ высокихъ пьедесталовъ на степень обыкновенныхъ смертныхъ со всѣми, имъ свойственными слабостями; независимо отъ этого, въ своихъ трудахъ онъ оставилъ богатый матеріалъ для новѣйшей исторіи Россіи. Біографическіе словари его долго еще будутъ необходимы, какъ справочныя книги. Воздавая должное истиннымъ сынамъ отечества, нашъ біографъ строго относился къ его пасынкамъ, къ сынамъ счастія и временщикамъ, которыми изобиловали царствованія преемниковъ и преемницъ Петра Великаго. „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго“ было напечатано имъ въ 1812 году, когда дозволено было писать правду только о временахъ Грознаго; „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ“ появились въ 1840 г., когда и объ Иванѣ Грозномъ слѣдовало относиться чуть не съ благоговѣніемъ. По этому можно судить, какихъ трудовъ и усилій стоило нашему историку избѣгать столкновеній съ придирчивой цензурою,—и, при всемъ томъ, онъ съумѣлъ выйдти побѣдителемъ изъ неравной борьбы и лестью не маскировалъ исторической правды.

Принося пользу отечеству, имъ страстно любимому, Бантышъ-Каменскій послужилъ ему и не на одномъ только ученомъ поприщѣ. Искренно сочувствуя благимъ видамъ правительства, надѣясь на свою энергію, онъ, послѣ многолѣтней службы на поприщѣ дипломатическомъ, рѣшился вступить на поприще административное и былъ назначенъ тобольскимъ губернаторомъ.

Много трудовъ, но еще того болѣе обидъ и непріятностей перенесъ Бантышъ-Каменскій въ теченіи трехъ лѣтъ своей службы (1825—1828); много онъ натерпѣлся,—много накипѣло желчи въ его честномъ, до того времени незлобивомъ сердцѣ, и онъ излилъ ее въ

своихъ запискахъ, которыя озаглавилъ: „Шемякинъ судъ въ XIX столѣтіи, или ревизія Тобольской губерніи“.

Эти записки составляютъ цѣлый томъ изъ 239 полулистовъ (безъ оборотной пагинаціи), очень красиво переписанный писцомъ, съ многочисленными выносками и примѣчаніями собственной руки Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Весь разсказъ раздѣленъ на 16 главъ, съ подробнымъ къ каждой изъ нихъ оглавленіемъ. Записки окончены 30-го октября 1831 г.; но затѣмъ слѣдуетъ дополненіе, руки самаго автора, которое обнимаетъ 1831—1834 гг. (7 полулистовъ).

Вѣрный правилу, что никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, историкъ нашъ записывалъ только факты,—факты возмутительные, дѣйствительно напоминающіе времена Шемяки и княженіе Темнаго, вмѣстѣ съ которымъ и вся святая Русь была погружена въ непроглядную тьму невѣжества, подъ гнетомъ самодурства и произвола... „До Бога высоко, до царя далеко“ гласитъ эпиграфъ къ любопытнымъ запискамъ Бантышъ-Каменскаго; но эту пословицу справедливѣе было-бы замѣнить другою: „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“, оправдавшеюся на авторѣ записокъ.

Выбирая изъ его рукописи особенно замѣчательныя и интересныя мѣста, мы приводимъ ихъ въ точныхъ выпискахъ. Затѣмъ подробности чисто личныя, либо мелочныя, имѣющія совершенно частный интересъ,—мы приводимъ въ сжатомъ видѣ, въ нашемъ извлеченіи.

«Ревизія — величайшее добро, благодѣтельная мѣра, когда ввѣряется сановникамъ добродѣтельнымъ, богобоязливымъ,—есть величайшее зло, вопіющая къ небу несправедливость, когда уполномоченные царемъ, забывая присягу, долгъ, играютъ довѣріемъ монарха и судьбою людей, губятъ невинныхъ и на бѣдствіи ихъ основываютъ мнимыя заслуги отечеству, получаемыя награды, славу свою.

— «Ей, не просись въ губернаторы», говорили мнѣ пріятели: «будешь подъ судомъ».—«Пустое», отвѣчалъ я имъ, съ увѣренностью честнаго человѣка: «суда должны бояться одни бездѣльники. Когда я буду исполнять въ точности обязанности свои, кто можетъ вредить мнѣ?»—«Но къ губернатору легко придраться: онъ долженъ всѣмъ угождать. У него начальниковъ куча».—«Губернаторъ обязанъ дѣйствовать по присягѣ, закону и совѣсти своей».—«Прекрасно! Вотъ самый ближайшій способъ получить возвышеніе: изъ губернаторовъ поступить прямо въ сенатъ, въ уголовный департаментъ!» — «Губернаторъ долженъ помышлять

объ одномъ только: быть справедливымъ и безпристрастнымъ. Не почести льстятъ меня, не ожидающее бремя устрашаетъ. Я желаю въ потѣ лица вѣрою и правдою служить царю; дѣлать добро по возможности. Согласитесь, по крайней мѣрѣ, со мною, что губернаторъ болѣе, нежели кто другой, можетъ быть полезенъ человѣчеству?»—«Вздоръ, вздоръ!» возразили пріятели мои: «кто теперь думаетъ о пользѣ иной, кромѣ собственной? Съ такою философіею ничего не выиграешь; но дѣлай, что хочешь. Мы предсказываемъ: не миновать тебѣ суда!»—«Благодаренъ за лестное предвѣщаніе. Судъ не есть еще осужденіе».—«Такъ; а пословица, что говоритъ? Не бойся суда, но судьи».—«Страшиться надобно дурныхъ дѣлъ. Правда всегда останется правдою».—«Такъ думали наши предки. Но мы живемъ въ XIX столѣтіи!»—«Понимаю: вы хотите сказать, что теперь люди стали просвѣщеннѣе, то есть, плутоватѣе. Согласенъ. Но пускай смѣются надо мною. Я лучше желаю быть антикомъ, нежели дурнымъ слѣпкомъ».—«Если ты хочешь быть антикомъ, такъ мало найдется знатоковъ, чтобъ цѣнить твое достоинство. Но тебя не переувѣришь. Добрый путь! Надѣемся, что скоро ты заставишь говорить о себѣ въ газетахъ?»—«Только не такимъ образомъ прошу думать, какъ «Бригадиръ» Ивана Ивановича Дмитріева».—«О! конечно, не такимъ. Бригадиръ этотъ, оставившій по себѣ память выѣздомъ своимъ изъ столицы, не могъ за то попасться подъ судъ».

«Вотъ предисловіе къ описанію событій, со мною послѣдовавшихъ».

Назначенный губернаторомъ въ Тобольскъ, Бантышъ-Каменскій, 29-го мая 1825 года, вступилъ въ отправленіе своей должности. Съ чувствами справедливаго, и потому весьма извинительнаго самодовольствія, онъ въ своихъ запискахъ со всѣми подробностями разсказываетъ о своей многосторонней и неутомимой дѣятельности (гл. I—IV, стр. 1—68). На первый случай, по порученію генералъ-губернатора Западной Сибири Петра Михайловича Капцевича [1]), Бантышъ-Каменскій былъ командированъ въ Ялуторовскій округъ, для производства слѣдствія. Тамъ три волости, состоявшія изъ четырехъ тысячъ крестьянъ, полтораста лѣтъ тягались изъ-за клочка земли. Новому губернатору удалось, кроткими увѣщаніями, примирить тяжу-

[1]) Которому сильно покровительствовалъ гр. Аракчеевъ.

щихся и водворить между сутягами доброе согласіе. Изъ Ялуторовскаго округа онъ отправился въ Тарскій и побудилъ тамошнихъ татаръ къ исправному платежу податей и повинностей. По возвращеніи въ Тобольскъ, онъ занялся благоустройствомъ города и въ короткое время привелъ его, сравнительно съ прежнимъ, почти въ цвѣтущее состояніе. Тюремный зàмокъ былъ исправленъ, при чемъ Бантышъ-Каменскій обратилъ особенное вниманіе на санитарныя условія: въ больницѣ устроилъ палаты по разрядамъ болѣзней, позаботился о вентиляціи; размѣстилъ арестантовъ по казармамъ, отдѣливъ подсудимыхъ отъ приговоренныхъ и каторжниковъ; наконецъ, его же стараніями при тюремномъ зàмкѣ освящена была церковь, о благолѣпіи которой Бантышъ-Каменскій приложилъ особенное стараніе. Съ чувствомъ глубокаго умиленія упоминаетъ онъ въ своихъ запискахъ о „жертвѣ незначительной, но навѣрно пріятной Всемогущему“: ссыльный Гаврило Кузьминъ, отправленный изъ тюремнаго зàмка въ дальній путь, занемогъ дорогою и, умирая, завѣщалъ все свое имущество, 14 р. 85 к., на построеніе храма при острогѣ. На эти деньги сооруженъ былъ жертвенникъ [1]).

Осматривая городъ, Бантышъ-Каменскій приказалъ сломать ветхіе дома, угрожавшіе паденіемъ, при чемъ вознаградилъ хозяевъ соотвѣтствующими суммами, по оцѣнкѣ. Эта разумная мѣра возбудила ропотъ между десятками обывателей, но она спасла жизнь нѣсколькимъ сотнямъ. Затѣмъ, во избѣжаніе гнилостныхъ испареній, городскія бойни отведены были въ мясные ряды, на берегъ рѣчки. По приказанію же новаго губернатора, назначены были дни для посѣщенія городской бани мужчинами отдѣльно отъ женщинъ: до того времени оба пола мылись вмѣстѣ [2]). Наконецъ, Бантышъ-Каменскій исходатайствовалъ, ради увеличенія городскихъ доходовъ, разрѣшеніе о сборѣ въ пользу города съ приходящихъ купеческихъ судовъ, лодокъ и возовъ, благодаря которому, доходъ Тобольска удвоился; распорядился приведеніемъ въ исправность мостовыхъ, преобразовалъ полицію; увеличилъ пожарную команду, исправивъ огнеспасительные снаряды; освѣтилъ городъ фонарями, къ крайней досадѣ мошенниковъ и вообще любителей темноты — физической и моральной. По-

---

[1]) Мы упоминаемъ объ этомъ фактѣ потому, что онъ характеризуетъ сибирскіе нравы того времени. Чиновники и крючкодѣи, Сибирскіе дѣятели, герои Записокъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго, грабили народъ и чуть не отнимали сумы у нищихъ; а бѣднякъ-ссыльный, Гаврило Кузьминъ, послѣдніе свои гроши завѣщалъ на храмъ Божій. Ред.

[2]) Этотъ патріархальный обычай существовалъ и въ обѣихъ столицахъ въ первое десятилѣтіе царствованія Александра I. Ред.

нятно, что новый губернаторъ, прогрессивными своими распоряженіями, навлекъ на себя ненависть приверженцевъ старыхъ порядковъ, особенно изъ среды приказныхъ. Вскорѣ по прибытіи Бантышъ-Каменскаго въ Тобольскъ, къ нему, подъ масками доброжелателей, явились наушники и крючкодѣи, надѣявшіеся подчинить губернатора своему вліянію. Начали они наговорами на П. М. Капцевича; но, при первой-же ихъ попыткѣ очернить генералъ-губернатора въ глазахъ Бантышъ-Каменскаго, послѣдній, какъ говорится, осадилъ ихъ назадъ и тѣмъ вызвалъ на борьбу открытую. Вотъ что разсказываетъ о нихъ почтенный авторъ „Шемякина суда“:

....«У насъ на святой Руси въ иностранцахъ нѣтъ недостатка. Загляни, куда хочешь—вездѣ ихъ найдешь. Много добрыхъ, свѣдущихъ, благодарныхъ отечеству нашему, иноземцевъ кормитъ царство русское; велика отъ нѣкоторыхъ и польза родинѣ нашей. Но въ большомъ семействѣ не безъ урода. Надобно было, чтобъ я попалъ разомъ не на одного, а на двухъ изъ нихъ. Первый—нѣмецъ Миллеръ, почтъ-директоръ сибирскій, средняго роста, блѣдный, тупой слухомъ, ходившій всегда розиня ротъ; гордясь своею независимостью отъ мѣстнаго начальства, своимъ отдѣльнымъ вѣдомствомъ, распространявшимся на обѣ Сибири, и не имѣя ни природнаго ума, ни свѣдѣній, ни даже добраго сердца, имѣлъ нравъ завистливый, безпокойный, сварливый. Любилъ хвастать по пальцамъ тѣмъ, что пережилъ въ Тобольскѣ многихъ генералъ-губернаторовъ, гражданскихъ губернаторовъ, архіеревъ, комендантовъ, которые то смѣнялись, то умирали; принималъ къ себѣ въ домъ чиновниковъ, коими мѣстное начальство было недовольно, ласкалъ ихъ, сводилъ короткое съ ними знакомство; дѣлалъ непріятности, грубости тѣмъ, которые были на хорошемъ замѣчаніи у меня или у г. генералъ-губернатора; бранилъ ихъ открыто въ разныхъ домахъ, называлъ взяточниками и вмѣстѣ не стыдился говорить мнѣ, что «еслибъ онъ былъ губернаторомъ, то бралъ бы съ такого-то исправника—десять тысячъ рублей въ годъ, съ другаго—пятьнадцать, съ третьяго—пять тысячъ, и такъ далѣе; съ откупщиковъ—тридцать тысячъ рублей. Вѣдь окружающіе васъ и члены губернскаго правленія,—продолжалъ онъ,—берутъ. Такъ не лучше-ли вамъ пользоваться, нежели имъ?» Второй—французъ Коллетъ, совѣтникъ главнаго управленія Западной Сибири, водившій за носъ двоихъ своихъ

товарищей: одного старика, семидесятивосьми-лѣтняго Резанова, который подписывалъ бумаги, не зная, что подписываетъ, всегда перекрестясь лѣвою рукою, ибо правая была въ хирагрѣ; другаго нѣмца Машмейера, всегда пьянаго, развратнаго поведенія, выдавшаго одного бѣглеца, купеческаго сына, за своего племянника, содѣйствовавшаго чрезъ сіе опредѣленію его на службу и потомъ отказавшагося отъ родства съ нимъ, когда открылось, кто онъ таковъ; жившаго съ одною солдаткою, отъ живаго ея мужа, представляя ее своею женою; подававшаго мнѣнія по дѣламъ, писанныя на-черно Коллетомъ; неимѣвшаго собственнаго своего сужденія. Сей Коллетъ небольшаго роста, фигурою сходный съ глаголемъ, объ одномъ глазѣ, почти безволосый, имѣлъ лицо умное, на которомъ игралъ румянецъ, не смотря на преклонныя его лѣта, улыбку ядовитую, даръ слова, искусство привлекать слушателей пріятнымъ, ловкимъ разговоромъ; но, начитанный книгъ новѣйшихъ философовъ, не имѣлъ, такъ сказать, ни вѣры, ни закона,—открыто смѣялся надъ религіею, утверждалъ (вопреки всѣхъ возраженій): «что когда человѣкъ умретъ, все съ нимъ оканчивается; что будущая жизнь, воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ—мечта, предразсудки, небылица; что надобно жить для наслажденій»—и тому подобныя бредни! Любилъ, отступая отъ существа дѣлъ, выставлять свою начитанность въ бумагахъ служебныхъ, давать совѣты даже тѣмъ, кто оныхъ у него не спрашивалъ,— предложилъ и мнѣ совѣщаться съ нимъ по дѣламъ, но безъ успѣха; дѣйствовалъ явно противъ главнаго начальства, увѣренъ будучи въ сильной подпорѣ, которую имѣлъ въ С.-Петербургѣ; не щадилъ ни кого для остраго словца[1]).

---

[1]) Приведу здѣсь два примѣра: въ 1812 году, когда непріятель занялъ Москву, Коллетъ, въ одинъ воскресный день, въ присутствіи многихъ чиновниковъ и гражданъ тобольскихъ, поднесъ съ насмѣшливою улыбкою архіепископу Амвросію Келенбету, у котораго тогда былъ въ гостяхъ, табакерку свою, говоря: «Не угодно-ли вашему высокопреосвященству московскаго табачку? Онъ теперь очень рѣдокъ!» Преосвященный понялъ всю колкость словъ француза, но сдѣлалъ видъ, какъ будто бы ихъ не понимаетъ. Когда-жъ наши соотечественники вступили въ Парижъ, возвратясь отъ молебна въ свои покои, поднесъ Коллету, въ свою очередь, табакерку, сказавъ ему: «Помните-ли, Леонардъ Петровичъ, какъ вы угощали меня московскимъ табакомъ? Не угодно-ли вамъ парижскаго? Онъ теперь очень вздешевѣлъ». Въ бытность г. генералъ-губернатора Западной Сибири, П. М. Капцевича, въ С.-Петербургѣ, Коллетъ приказалъ побочной своей дочери вырѣзать печать, представлявшую

«Сіи господа, не успѣвъ поссорить меня съ начальникомъ, прибѣгли къ другому средству для водворенія раздора въ Тобольскѣ: начали вооружать подчиненныхъ—и первымъ орудіемъ ихъ былъ председатель губернскаго суда, статскій совѣтникъ Кукурановъ, глупый, упрямый, рѣшавшій дѣла по произволу или, лучше сказать, по карманнымъ связямъ, кривившій душею и законами. Я изъявилъ ему мое неудовольствіе. Сего довольно было для Миллера и Коллета, чтобы сблизиться съ нимъ. Кукурановъ сдѣлался дерзкимъ противъ меня, началъ помѣщать въ представленіяхъ своихъ оскорбительныя для званія моего выраженія, не уважалъ моихъ предложеній о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ арестантскихъ».

Въ исходѣ 1825 года, Бантышъ-Каменскій съ возрастающею энергіею приступилъ къ искорененію злоупотребленій въ низшихъ административныхъ учрежденіяхъ. Писаря волостныхъ правленій не только лихоимствовали, но, безъ околичностей, грабили крестьянъ, выдумывая небывалые налоги и подати. Крестьяне страдали тѣмъ болѣе, что и настоящія повинности были для нихъ крайне обременительны. До изданія новаго учрежденія для управленія сибирскихъ губерній, было назначено въ Тобольской губерніи, по смѣтамъ и росписаніямъ (кромѣ подушныхъ и оброчныхъ), на земскую повинность въ 1822—1823 гг. только 369,783 р. 10¾ к. По изданіи Сибирскаго учрежденія, сборъ сей былъ увеличенъ: въ 1824 году—до 1,039,827 р. 53 к., въ 1825 годудо—1,274,834 р. 58 к., и въ 1826 году—до 1,532,712 р. 15¼ к. Вслѣдствіе этого увеличенія, къ началу 1826 года скопилось взысканій, съ однихъ и тѣхъ же сословій, огромная сумма — въ 5,507,303 р. 20¼ к. Вѣсть о кончинѣ Александра I и о восшествіи на престолъ Николая I вдохнула въ крестьянъ нѣкоторыхъ волостей несбыточную надежду не только на сложеніе недоимокъ, но и на совершенную отмѣну податей. Почти всѣ округа просили отсрочки, а волости: Туринская, Куминовская, Черемшанская и Суерская вовсе отказались отъ платежа податей и, выйдя изъ повиновенія, возмутились. Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ крестьянами, истощивъ всѣ средства къ ихъ усмиренію, Бантышъ-Каменскій былъ вынужденъ припугнуть нѣкоторыхъ „экзекуціей"…. Вскорѣ всѣ неустройства были

государя императора Александра Павловича въ сюртукѣ, въ шляпѣ, смотрящаго (на Сибирь) въ большую зрительную трубку, и одного генерала, высокаго роста, худощаваго (П. М. Капцевича), въ лентѣ, безъ шляпы, поддерживавшаго сію трубку. Вверху помѣстилъ надпись: «все такъ!» Онъ показывалъ сію печать многимъ, въ томъ числѣ гг. Жуковскому и Альберту, отъ которыхъ я слышалъ сей анекдотъ. В.-К.

прекращены безъ малѣйшаго пролитія крови и благочиніе водворено повсемѣстно. Признательный къ заслугамъ своего сотрудника, генералъ-губернаторъ Западной Сибири неоднократно объявлялъ ему свою благодарность, въ то же время возлагая на него новыя порученія. Къ числу таковыхъ принадлежали: составленіе отчетовъ за 1823, 1825—1826 годы, обозрѣніе быта инородцевъ Березовскаго и Пелымскаго округовъ. При содѣйствіи благонадежныхъ чиновниковъ, имъ самимъ избранныхъ, Бантышъ-Каменскій снабдилъ казеннымъ хлѣбомъ тамошнихъ остяковъ, самоѣдовъ и вогуловъ; принялъ дѣятельныя мѣры къ пресѣченію развитаго между ними пьянства и къ искорененію языческаго суевѣрія, такъ какъ во многихъ деревняхъ еще владычествовало идолопоклонство. Для улучшенія быта вогулъ, губернаторъ склонилъ ихъ къ разведенію картофеля и къ выдѣлкѣ холста изъ крапивы, для замѣны покупаемаго ими у русскихъ крестьянъ, выдѣлываемаго изъ конопли.... Генералъ-губернаторъ П. М. Капцевичъ, проѣзжая чрезъ Тобольскъ въ Москву (въ маѣ 1826 г.), осыпалъ Бантышъ-Каменскаго вполнѣ заслуженными похвалами и возложилъ на него обязанность, во время своего отсутствія, предсѣдательствовать въ совѣтѣ главнаго управленія и, сверхъ того, завѣдывать провіантской частью въ Восточной и Западной Сибири. Въ бытность свою въ Москвѣ, на коронаціи императора Николая Павловича, генералъ-губернаторъ исходатайствовалъ Бантышъ-Каменскому орденъ св. Анны 1-й степени.

„Лишь только выѣхалъ генералъ-губернаторъ изъ Тобольска, началась потѣха!“ говоритъ авторъ „Шемякина суда“. По городу разнесся слухъ, что Капцевичъ въ Сибирь не возвратится, такъ какъ на его мѣсто назначенъ сенаторъ Корниловъ. Партія противниковъ Бантышъ-Каменскаго — Миллеръ, Кукурановъ, Машмейеръ, Коллетъ съ товарищами, стали оказывать губернатору явное неповиновеніе. Губернскій судъ, казенная палата противились его распоряженіямъ, наперекоръ существующимъ законамъ. Эти неурядицы принудили Бантышъ-Каменскаго устранить отъ должности совѣтника казенной палаты Щигровскаго, одного изъ главныхъ виновниковъ возникшихъ безпорядковъ. Этимъ поступкомъ губернаторъ пуще прежняго раздражилъ своихъ недоброжелателей.

Въ началѣ 1827 года Бантышъ-Каменскій посѣтилъ Обдорскъ для усмиренія волненій между тамошними остяками и самоѣдами. Причиною безпорядковъ были обременительныя подати, вскорѣ отмѣненныя по ходатайству губернатора.

Его же просвѣщенному содѣйствію обязанъ былъ штурманъ Ива-

новъ (присланный изъ Архангельска для описанія острова Бѣлаго) успѣшнымъ исполненіемъ даннаго ему порученія.

Отъ вниманія неусыпнаго губернатора не ускользнуло и страшное бѣдствіе, постигшее сѣверный край Тобольской губерніи, съ 1816 г.: говоримъ объ эпидемическомъ сифилисѣ, свирѣпствовавшемъ между тамошними инородцами. Распоряженія Бантышъ-Каменскаго, командировавшаго въ несчастный край опытныхъ врачей съ необходимыми медикаментами, много содѣйствовали ослабленію лютой эпидеміи.

Въ Березовѣ просвѣщенный нашъ историкъ посѣтилъ могилу князя Меншикова, жизнь котораго онъ такъ мастерски описалъ въ своихъ „Біографіяхъ генералиссимусовъ“ [1]) и въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“ (изд. 1847 г., т. II, стр. 378—422, съ портретомъ Меншикова). Разсказъ Бантышъ-Каменскаго объ обрѣтеніи останковъ „безроднаго баловня счастья“, сподвижника Петра Великаго, слишкомъ любопытенъ, чтобы не привести его въ подлинникѣ [2]):

«Я возвратился въ Березовъ 6-го января 1827 г. на разсвѣтѣ и того-жъ числа обревизовалъ присутственныя мѣста, а послѣ обѣда осмотрѣлъ гробницу Меншикова, любимца Петра Великаго, бывшаго генералиссимуса россійскихъ войскъ. Мерзлая земля, принявшая останки сего знаменитаго изгнанника, сохранила ихъ отъ порчи въ теченіи ста лѣтъ. Городничій березовскій, г. Андреевъ, при самомъ вступленіи его въ сію должность, получилъ отъ меня словесное приказаніе открыть мѣсто погребенія Меншикова, если оно неизвѣстно. Принявъ слово сіе буквально, г. Андреевъ сталъ рыть землю на косогорѣ, въ десяти саженяхъ отъ берега рѣки Сосвы и близъ фундамента сгорѣвшей, въ 1806 году, церкви, самимъ Меншиковымъ построенной; нашелъ гробницу, длиною въ сажень, совершенно сохранившуюся [3]). По снятіи крыши, оказалось, что тѣло усопшаго, покрытое на вершокъ льдомъ, не имѣло

---

[1]) См. изданіе 1840 г., стр. 73—120.

[2]) Князь А. Д. Меншиковъ скончался 22-го октября 1729 года; гробъ его былъ открытъ чрезъ 97 лѣтъ и три мѣсяца послѣ погребенія: почти столѣтняя давность не спасла, однако же, Бантышъ-Каменскаго отъ пересудовъ, нареканій и извѣтовъ, какъ видно изъ послѣдующаго разсказа. **Ред.**

[3]) Въ числѣ указавшихъ г. Андрееву могилу Меншикова, на коей не имѣлось даже насыпи, былъ казакъ Иванъ Андреевъ Шаховъ, 57 лѣтъ, который узналъ объ оной отъ умершаго на сто седьмомъ году, въ 1797 году, березовскаго мѣщанина Матвѣя Баженова. Сей послѣдній опускалъ, въ 1729 году, гробъ Меншикова въ землю. **В.-К.**

ни малѣйшаго поврежденія. Гробъ Меншикова тогда-жъ былъ засыпанъ прежнею землею. Городничій не приказывалъ поднимать его на поверхность и я тоже сдѣлалъ 6-го января, желая удостовѣриться, дѣйствительно-ли тѣло, найденное г. Андреевымъ, было Меншикова. При первомъ взглядѣ, я узналъ его по фамильному портрету, бывшему у меня, съ котораго снятый рисунокъ помѣщенъ въ изданныхъ мною біографіяхъ любимцевъ Петра Великаго. На усопшемъ не было уже льда, но тѣло его, по увѣренію г. Андреева, чрезвычайно почернѣло, вѣроятно, отъ прикосновенія воздуха, между тѣмъ, какъ въ 1825 году находилось въ томъ видѣ, въ какомъ погребено. Сукно, покрывавшее гробъ, позументъ, шелковое покрывало, стеганная шапочка на головѣ усопшаго, вѣнчикъ, платье, башмаки съ острыми носками и высокими каблуками, также пострадали отъ перваго раскрытія и частію истлѣли, частію перемѣнили цвѣтъ[1]). При освидѣтельствованіи гробницы Меншикова не было стеченія народа и сіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на жителей Березова. Я пригласилъ тамошняго протоіерея отслужить панихиду по немъ. Та же насыпь покрыла въ тотъ же день мѣсто, гдѣ покоятся останки одного изъ ревностнѣйшихъ слугъ Петра Великаго, того любимца фортуны, который имѣлъ счастіе, для славы Россіи, спасти жизнь монарха, благодѣтеля своего; строилъ вмѣстѣ съ нимъ корабли, обучалъ войско, побѣждалъ враговъ; управлялъ кормиломъ государства въ царствованіе Екатерины I; помолвилъ дочь за императора Петра II; намѣревался сочетать бракомъ сына съ великою княжною, проложить потомкамъ своимъ дорогу къ престолу,—низвергнутъ въ прежнее ничтожество; лишился вдругъ: всѣхъ надеждъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей, болѣе ста тысячъ душъ, княжескаго достоинства, чиновъ, знаковъ отличій, жены, дочери, имъ любимой, и въ несчастіи побѣдилъ самаго себя, умѣвъ сносить оное съ христіанскимъ терпѣніемъ! На могилѣ Меншикова сдѣлано возвышеніе изъ дерна, въ полтора аршина; деревянная, выкрашенная рѣшетка окружаетъ сіе мѣсто[2])».

[1]) Въ моемъ собраніи нѣкоторыхъ достопамятныхъ вещей сохранился лоскутокъ сукна, которымъ былъ обитъ гробъ кн. А. Д. Меншикова. Лоскутокъ этотъ, оторванный отъ его гроба Андреевымъ, былъ подаренъ имъ А. Н. Кренницыну, а симъ послѣднимъ отданъ мнѣ въ 1864 г. Ред.

[2]) Г. Альбертъ спускался въ могилу Меншикова и, по моему порученію, снялъ крестъ съ усопшаго, бантикъ изъ ленточки, находившійся на груди его, также

Уменьшеніе земскаго почтоваго сбора, улучшеніе быта арестантовъ, безъ особенныхъ расходовъ; заготовка провіанта для сибирскихъ войскъ, съ соблюденіемъ экономіи свыше 400,000 рублей; увеличеніе плаката на продовольствіе больныхъ острожнаго госпиталя; возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, прдаваемый крестьянами за безцѣнокъ ради пріобрѣтенія денегъ для взноса податей; облегченіе нѣкотор хъ, повинностей обывателей города Тобольска; учрежденіе школы для казацкихъ сиротъ, наконецъ, взысканіе недоимокъ по Тобольской губерніи (свыше милліона рублей),— таковы были подвиги, ознаменовавшіе дѣятельность неутомимаго губернатора въ началѣ 1827 года. Взыскивая съ крестьянъ деньги въ казну, Бантышъ-Каменскій, въ то же время, старался облегчать имъ бремя повинностей, увеличенныхъ „Сибирскимъ учрежденіемъ"—созданіе Сперанскаго. Между прочимъ, возложенное на поселянъ Западной Сибири содержаніе тамошней дорожной сухопутной команды ежегодно требовало почти столько же денегъ, сколько всѣ статьи земскихъ повинностей. Имѣя это въ виду, Бантышъ-Каменскій рѣшился войти въ сибирскій комитетъ съ особымъ представленіемъ объ упраздненіи безполезныхъ дорожныхъ командъ въ Западной Сибири, при чемъ указалъ на нѣкоторыя неудобства устава сухопутныхъ сообщеній, подтверждая разумные свои доводы цифрами и фактами [1]). Чѣмъ рисковалъ Бантышъ-Каменскій, указывая на погрѣшности и промахи устава, можно судить по нижеслѣдующему разговору, происшедшему между губернаторомъ и директоромъ сухопутныхъ сообщеній, маіоромъ Елинымъ:

«Въ то время, какъ я готовился отправить въ С.-Петербургъ сію важную бумагу, вошелъ въ мой кабинетъ директоръ сухопутныхъ сообщеній, г. маіоръ Елинъ, чиновникъ свѣдущій, расторопный, мнѣ преданный. Я сообщилъ ему содержаніе оной.

частицу волосъ съ брови, смѣшанную съ приставшею къ нимъ мерзлою землею. Крестъ, бантикъ, нѣсколько лоскутковъ сукна, шелковаго покрывала, позумента и кусокъ гроба изъ кедроваго дерева, были мною отправлены 15-го февраля 1827 года, № 355, къ князю Александру Сергѣевичу Меншикову, правнуку знаменитаго изгнанника. Волоса (положенные г. Альбертомъ въ скляночку, наполненную спиртомъ, для того, чтобъ они отдѣлились отъ земли) намѣревался я лично вручить князю, но не исполнилъ сего по той причинѣ, что письмо мое осталось безъ отвѣта. Скляночка хранится досель у г. Альберта (1834 г.). В.-К.

[1]) Дорожная команда набиралась изъ ссыльныхъ. Составитель Устава не принялъ въ соображеніе нравственности рабочихъ и неблагопріятныхъ санитарныхъ условій: одна треть нарицательнаго количества постоянно была въ бѣгахъ, другая—обрѣталась въ больницѣ, третья—лѣнилась и за нее работали поселяне, съ которыхъ, не смотря на то, все-таки взыскивали деньги на содержаніе команды. Ред.

— «Помилуйте!» воскликнулъ г. Елинъ: «что вы дѣлаете?»

— Исполняю свой долгъ, — возразилъ я.

Г. Елинъ: «Да развѣ вы забыли, кто сидитъ въ комитетѣ сибирскомъ?»

Я: Нѣтъ, не забылъ; помню всѣхъ членовъ на перечетъ.

Г. Елинъ: «Да, вѣдь, тамъ присутствуетъ М. М. Сперанскій, сочинитель Устава о сухопутныхъ сообщеніяхъ въ Западной Сибири?»

Я: Очень знаю.

Г. Елинъ: «Онъ будетъ вамъ мстить за то, что вы возстаете противъ его произведенія»:

Я: Не возстаю, но описываю неудобства онаго.

Г. Елинъ: «Примите совѣтъ мой, ваше превосходительство, уничтожьте сію бумагу».

Я: Понимаю: вамъ желательно сохранить свое мѣсто.

Г. Елинъ: «Нѣтъ, я не дорожу имъ. Для меня все равно, гдѣ-бъ ни служить государю; но я люблю васъ и мнѣ больно, что вы наживете себѣ сильнаго врага».

Я: Весьма вамъ благодаренъ за вашу привязанность; чувствую въ полной мѣрѣ всю цѣну оной, но не отступлю отъ своего долга. Пускай мстятъ мнѣ сильные. Я не страшусь ихъ. Обязанность начальника — облегчать участь ввѣреннаго ему народа. Ропотъ недовольныхъ только чрезъ него можетъ дойдти до престола. Вы жалѣете обо мнѣ, но, навѣрно, уважаете мой поступокъ. Хорошее мнѣніе благороднаго человѣка дороже для меня, нежели невыгодный отзывъ какого-либо временщика, жертвующаго всѣмъ для своего неограниченнаго честолюбія. Можно очернить невиннаго, но чернымъ сдѣлать его нельзя.

Симъ кончился разговоръ мой съ г. директоромъ».

II.

Ревизія.

Вѣсть о ревизорахъ. — Сенаторы Безродный и князь Куракинъ. — Прибывшіе съ ними чиновники. — Характеристика ревизоровъ.

1827 г.

Доносы недоброжелателей Бантыша-Каменскаго сдѣлали свое дѣло. Въ мартѣ 1827 года генералъ-губернаторъ оффиціально увѣдомилъ его о назначеніи въ Западную Сибирь ревизорами двухъ сенаторовъ:

III кл. Безроднаго и тайнаго сов. кн. Бориса Алексѣевича Куракина. Главною причиною ревизіи было обозрѣніе Сибирскаго учрежденія въ неудобопримѣнимости нѣкоторыхъ его уставовъ. Письмо свое П. М. Капцевичъ заключалъ извѣстіемъ, что, по слабости здоровья, не пріѣдетъ въ Сибирь.... другими словами, что ему, въ близкомъ будущемъ, готовится увольненіе. Эта опала была ему возмездіемъ за указаніе нѣкоторыхъ погрѣшностей Сибирскаго учрежденія. Бантышъ-Каменскій вспомнилъ о предсказаніи Елина: „Когда Сперанскій“, подумалъ онъ, „мститъ генералъ-губернатору за то, что онъ находилъ уродливымъ его дитятю, чего остается ожидать мнѣ?“ Затѣмъ, въ его запискахъ находимъ слѣдующую замѣтку о впечатлѣніи, произведенномъ вѣстью о назначеніи ревизоровъ на его враговъ, приказную братію:

«Какую разнообразную картину представлялъ тогда Тобольскъ! Миллеръ, Коллетъ, Кукурановъ, Щигровскій—только что не прыгали отъ радости; нѣкоторые изъ купцовъ, получившихъ золотыя медали на голубыхъ лентахъ въ бытность г. Сперанскаго въ Сибири, какъ-то: Селивановъ и два брата Ширковыхъ,—вдругъ перемѣнили свою поступь, сдѣлались надменнѣе и (въ особенности послѣдніе, соединенные родствомъ съ Щигровскимъ) присоединились къ числу недовольныхъ. Угрозы противъ мѣстнаго начальства сыпались отовсюду и наводили страхъ на робкихъ. Злоба торжествовала; клевета изощряла свое жало. Усердные, дѣятельные чиновники продолжали занятія безтрепетно, ожидая грозы, готовившейся поразить ихъ. Губернскій прокуроръ, г. Криднеръ, мыслилъ въ слухъ: «что ему нѣтъ дѣла до сенаторовъ, а какъ бы сблизиться съ секретарями!» Каждому свое. Я былъ совершенно спокоенъ.

— «Пускай они ѣдутъ сюда»,—говорилъ почтенному архіепископу тобольскому,—«пріѣздъ ихъ для меня не страшенъ».

— «Такъ», отвѣтствовалъ мнѣ со вздохомъ пастырь опытный, знавшій лучше меня сердца людей,—«нечего бояться, если они сановники добросовѣстные, богобоязливые; но когда намѣрены дѣйствовать изъ видовъ для собственной пользы—надобно страшиться ихъ пришествія!»

Какъ-будто онъ предчувствовалъ, что постигло насъ!»

Безродный и князь Куракинъ прибыли въ Тобольскъ 9-го мая 1827 года. Вотъ что говоритъ о нихъ и ихъ спутникахъ Бантышъ-Каменскій:

«Князя Куракина зналъ я давно, по высочайшему двору, гдѣ онъ служилъ прежде дѣйствительнымъ камергеромъ, а я—камеръ-юнкеромъ. О Безродномъ не имѣлъ никакого понятія и имя его даже не доходило до моего слуха. Онъ, какъ слышно, былъ низкаго происхожденія и низкихъ свойствъ: чины, ленты не могутъ вложить въ душу человѣка, рожденнаго въ грязи, благородныхъ правилъ. Служилъ прежде по провіантской части, управлялъ кіевскою коммиссіею, гдѣ оказался на немъ начетъ въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ рубляхъ [1]); подпалъ подъ слѣдствіе, которое доселѣ (1831 г.), его неусыпными стараніями, остается подъ сукномъ; довелъ, по сему дѣлу, до совершеннаго разстройства два семейства невинныя. Втерся низкими поклонами и лестію въ штатъ генерала-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, занялъ тамъ мѣсто правителя канцеляріи; оставался въ сей должности при главнокомандующемъ графѣ Сакенѣ, имѣя гнусную, рябую фигуру, спину сгибчивую, голосъ плаксивый передъ вельможами. Но будучи гордъ, грубъ, дерзокъ, жестокъ передъ младшими, умѣлъ получить чинъ 3-го класса, двѣ россійскія звѣзды, орденъ прусскаго Краснаго Орла 2-й степени, аренду и, наконецъ, званіе сенатора. Вотъ краткій очеркъ старшаго ревизора, который наиболѣе ворочалъ бумагами, между тѣмъ, какъ на кувертахъ находилась не его, а княжеская печать, съ изображеніемъ мантіи, короны, разныхъ орденовъ и даже камергерскаго ключа и съ надписью: «не по грамотѣ!» [2]).

«Отложивъ свою поѣздку по губерніи, я немедленно далъ предписанія исправникамъ тобольскому и тюменскому: о встрѣчѣ сенаторовъ на границахъ округовъ и о представленіи имъ надлежащихъ рапортовъ; запретилъ симъ чиновникамъ препятствовать крестьянамъ объясняться съ ревизорами и подавать жалобы, если разсудятъ.

«Въ то время, какъ Безродный кричалъ, нахмуря брови, кидая грозные, огненные взоры, пуская пѣну изо рта, топая ногами, и несчастные чиновники, какъ листья, трепетали передъ симъ надувшимся временнымъ Бореемъ,—товарищъ его, князь Куракинъ, хранилъ глубокое молчаніе, поправляя только, по вре-

---

[1]) На восемьсотъ тысячъ рублей! В.-К.

[2]) Сей гордый девизъ заставилъ многихъ сибиряковъ отзываться о князѣ Куракинѣ, какъ о безграмотномъ! В.-К.

менамъ, свою черную косынку, дергая въ верху черными бровями, гладя черныя, густыя бакенбарды и завивая черныя букли, изъ которыхъ одна красиво клубилась у него на лбу. Онъ молчалъ не для того, какъ думаю, что не умѣлъ говорить, получивъ отличное воспитаніе, но потому, что старшій блюститель правосудія шумѣлъ за десятерыхъ!

«Первый городъ губерніи Тобольской отъ Россіи, по тракту иркутскому, Тюмень былъ свидѣтелемъ жестокости Безроднаго: въ тюремномъ зàмкѣ тамошнемъ замѣтилъ онъ, что у нѣкоторыхъ арестантовъ, уже наказанныхъ кнутомъ и долженствующихъ поступить въ каторжную работу, не слишкомъ примѣтны были знаки на лбахъ.

— «Надобно непремѣнно вновь заклеймить ихъ», воскликнулъ онъ: «а то уйдутъ, бездѣльники!»

— Нѣтъ закона на это, ваше превосходительство, — говорили ему окружающіе [1]).

«Правитель дѣлъ, секретарь одного департамента правительствующаго сената, г. Никольскій, видный собою, чрезвычайно свѣдущій въ дѣлахъ, нрава тихаго, скромный, молчаливый, — былъ употребленъ ими по письмоводству и не присутствовалъ при ревизіи дѣлъ. Благочевъ — такъ назывался другой секретарь сенатскій — factotum Безроднаго, небольшаго роста, сухощавый, блѣдный, проворный, съ огненными глазами — подъячій во всемъ пространствѣ сего слова, — старался изъ мухи дѣлать слона: нѣсколько часовъ сряду рылся въ бумагахъ, чтобъ отыскать нѣсколько пробѣловъ въ отмѣткахъ; подавалъ сенаторамъ записки, передъ отъѣздомъ ихъ въ присутственныя мѣста, о томъ, что имъ надлежало тамъ дѣлать, — и когда Безродный, на другой день прибытія въ Тобольскъ, развѣсилъ рогожи на окнахъ въ своей спальнѣ, вмѣсто гардинъ, и Благочевъ выставилъ рогожу на своемъ окнѣ! Третья особа — Колоколовъ, колежскій ассессоръ, находившійся при князѣ Куракинѣ, пользовавшійся неограниченною его довѣренностью, управляя и имѣніемъ, собою видный, но лицомъ не красивый, рябоватый, съ

[1]) По настоянію Безроднаго, приказъ о ссыльныхъ входилъ потомъ ко мнѣ съ представленіемъ по сему предмету, но я умѣлъ уничтожить оное въ губернскомъ совѣтѣ, гдѣ мысль сія, какъ безчеловѣчная, была единогласно отброшена. В.-К.

ядовитою улыбкою, смотрѣвшій изъ-подлобья, низкаго происхожденія[1]),—соединялъ съ умомъ образованнымъ знаніе многихъ языковъ, искусство владѣть перомъ; вѣдалъ разсчетъ, какъ нельзя лучше; навезъ множество портретовъ нынѣ благополучно царствующаго государя (Николая I) и литографированныхъ изображеній его и императрицы; сбывалъ ихъ дорогою цѣною, увѣряя, что первые писаны, подъ надзоромъ Дова, однимъ ученикомъ его[2]).

«Прокуроръ мой сдѣлался общимъ поклонникомъ. Щигровскій, чрезъ купцовъ, пробился къ Безродному, и, имѣя пригожую, добродѣтельную, молодую жену, съ которою князь—цѣнитель прекраснаго пола—любилъ играть въ карты, обратилъ на себя также вниманіе его сіятельства. Огненные черные глазки и пріятная улыбка прелестной брюнетки, второй дочери Кукуранова, и ему пріобрѣли снисходительное воззрѣніе. Коллетъ, посредствомъ французскаго языка и безпрестанныхъ комплиментовъ, проложилъ себѣ дорогу въ княжескій кабинетъ. Миллеръ, покровитель Кукуранова, являлся съ первыми пѣтухами къ Безродному, чтобы надувать ему въ уши, и вечеромъ каждый день возобновлялъ свои посѣщенія. У князя Куракина, хотя трудился Коллетъ, но Миллеръ и тамъ имѣлъ своего суфлёра въ Колоколовѣ, съ которымъ давно былъ въ дружескихъ связяхъ».

Князь Куракинъ, въ былые годы, служилъ при дворѣ вмѣстѣ съ Бантышъ-Каменскимъ; отецъ послѣдняго и дядя князя были друзьями: самъ князь напомнилъ объ этомъ губернатору, когда тотъ ему представлялся. Эта любезность вельможи не могла, однако-же, оградить губернатора отъ грубости и заносчивости Бозроднаго, бывшаго при ревизіи главнымъ дѣйствующимъ лицемъ.

Ревизія началась. Въ совѣтѣ главнаго управленія Безродный нашелъ будто-бы страшные безпорядки и опущенія; „ревѣлъ, какъ левъ“, и съ пѣной у рта требовалъ общаго настольнаго реэстра и общаго исходящаго журнала.

---

[1]) Изъ дворовыхъ людей князя Александра Борисовича Куракина, а по увѣренію нѣкоторыхъ, изъ духовнаго званія. Б.-К.

[2]) Я купилъ одинъ изъ сихъ портретовъ для себя, грудной, за четыреста рублей ассигнаціями, и, по пріѣздѣ въ Москву, увидѣлъ портретъ государя одинаковой работы и величины у Бекерса, на Кузнецкомъ мосту. Съ перваго слова, просили за оный только сто двадцать пять рублей ассигнаціями. Б.-К.

— Ихъ не положено имѣть „Учрежденіемъ Сибирскимъ", отвѣчалъ Бантышъ-Каменскій.

— „Генеральный Регламентъ повелѣваетъ!" кричалъ ревизоръ.

— Порядокъ здѣсь заведенъ по печатнымъ формамъ отъ сибирскаго комитета.

— „Генеральный Регламентъ повелѣваетъ имѣть настольный реэстръ!" упорствовалъ Безродный.

Этого мало: Безродный и князь Куракинъ, наперекоръ существовавшимъ узаконеніямъ, дѣлали губернатору объ этомъ реэстрѣ оффиціальныя предложенія. Въ губернскомъ совѣтѣ повторилась таже исторія: ревизоры называли упущеніями и безпорядками всѣ процедуры дѣлопроизводства, которыя соблюдались въ исполненіи закона. Бантышъ-Каменскій жаловался на Кукуранова: Безродный, при немъ-же, съ пѣною у рта, крикнулъ губернатору, что Кукурановъ ему неподчиненный. Тамъ, гдѣ начальникъ губерніи ждалъ себѣ благодарности отъ ревизоровъ, онъ получалъ, вмѣсто нея, замѣчанія. Въ губернскомъ правленіи и въ приказѣ общественнаго призрѣнія придраться было не къ чему. Безродный досадовалъ; князь Куракинъ изъявилъ губернатору свою благодарность. Дѣла казенной палаты, губернскаго и окружнаго судовъ, дѣйствительно, находились въ большомъ безпорядкѣ, но къ виновнымъ въ томъ ревизоры примѣнили статьи милостиваго манифеста 22 августа 1826 года и не сдѣлали имъ даже замѣчанія. Страшному гнѣву Безроднаго подвергся полиціймейстеръ Алексѣевъ: сенаторъ прямо укорялъ его въ „наклонности къ любостяжанію". Причиною этихъ укоровъ (по отзыву Бантышъ-Каменскаго, неосновательныхъ) было показаніе въ числѣ нерѣшенныхъ дѣла о поимкѣ бѣглыхъ дворовыхъ, при которыхъ было найдено 3,065 руб. денегъ. Безродный заподозрилъ полиціймейстера въ намѣреніи утаить ихъ. Желая загладить несправедливость своего товарища, князь Куракинъ, въ предписаніи губернатору, отдавая справедливость усердію полиціймейстера и отличному во всѣхъ отношеніяхъ состоянію ему подвѣдомственной части, предложилъ Бантышъ-Каменскому... „учинить, отъ имени ревизоровъ, полиціймейстеру и частнымъ приставамъ наистрожайшее внушеніе о соблюденіи порядка по производству дѣлъ въ общей полицейской управѣ". Губернскій оспенный комитетъ, возстановленный въ Тобольскѣ при Бантышъ-Каменскомъ, получилъ отъ ревизоровъ выговоръ за бездѣйствіе... происходившее до его открытія. Безродный остался доволенъ только острожными щами, супомъ и ржанымъ хлѣбомъ, вслѣдствіе чего... „нѣсколько разъ посѣщалъ острожную кухню".

Въ домѣ умалишенныхъ съ Безроднымъ произошла забавная ис-

торія. Въ одной камерѣ, содержавшаяся тамъ безумная спросила его: „кто онъ такой?" —„Сенаторъ!" отвѣчалъ ревизоръ.—„А какъ ты прозываешься?" — „Безродный".—„Безродный?" воскликнула она съ радостью: „и я безродная! У меня ни роду, ни племени... Намъ-бы сочетаться бракомъ!" Каламбуръ сумашедшей очень не понравился сановнику.

При всей своей придирчивости, съ предвзятымъ намѣреніемъ повредить Бантышъ-Каменскому, Безродный не могъ покуда найдти основательныхъ данныхъ къ его пагубѣ; а между тѣмъ, скомпрометировать губернатора было нужно, во что-бы то ни стало... За что? За то, что генералъ-губернаторъ Капцевичъ благоволилъ Бантышъ-Каменскому, а Сперанскій былъ врагомъ Капцевича: Сперанскій настоялъ въ государственномъ совѣтѣ на отправленіи въ Западную Сибирь сенаторовъ-ревизоровъ. „Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, участвовалъ и въ выборѣ ихъ" [1]). Желая угодить своему могучему покровителю, Безродный простеръ свое усердіе далеко за тѣ предѣлы, которые полагало ему самое его званіе. Переодѣтый, инкогнито, онъ бродилъ по городу, подговаривая крестьянъ подавать жалобы на мѣстное начальство; выспрашивалъ у торговокъ о мнимыхъ злоупотребленіяхъ; предлагалъ дивизіонному начальнику, полковнику Скерлетову, написать на Бантышъ-Каменскаго безъимянный доносъ...

— „Извините, ваше превосходительство", отвѣчалъ Скерлетовъ: „я никогда не соглашусь на такой поступокъ: родясь не былъ доносителемъ и хочу умереть честнымъ человѣкомъ!" [2]).

Отъ горожанъ къ ревизорамъ не поступало никакихъ жалобъ; но ихъ подавали крестьяне Тобольской губерніи, не на начальство, а на обременительныя подати, которыми они были обложены на основаніи „Сибирскаго Учрежденія". Эти жалобы только подтверждали справедливость воззрѣній Капцевича и Бантышъ-Каменскаго и едва-ли могли благопріятствовать замысламъ Безроднаго. Однако, онъ съумѣлъ дать этому дѣлу иной оборотъ. Онъ и князь Куракинъ увѣдомили Бантышъ-Каменскаго, что крестьяне жалуются на притѣсненіе и поборы, чинимыя имъ земскими чиновниками, запрещающими имъ подавать просьбы сенаторамъ. Губернаторъ предложилъ губернскому правленію оповѣстить крестьянъ всѣхъ волостей печатными циркулярами не только о безпрепятственной подачѣ прошеній ревизорамъ, но и жалобъ на притѣсняющихъ ихъ чиновниковъ. Этому оповѣщенію было придано самое превратное и нелѣпое истолкованіе: по всей губерніи

[1]) Мнѣніе Бантышъ-Каменскаго. Шемякинъ судъ, рукоп., стр. 95.
[2]) Тамъ же, стр. 98.

разнесся слухъ, будто сенаторы требуютъ отъ всѣхъ жителей просьбъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, штрафомъ по рублю съ души, даже тѣлеснымъ наказаніемъ—плетьми и кнутомъ! Губернаторъ поручилъ произвести строжайшее слѣдствіе и розыскать виновныхъ: сенаторы отдали подъ судъ самаго слѣдователя, исправника Добриловскаго, „за своевольныя, тяжко притѣснительныя для крестьянъ и противузаконныя дѣйствія". Въ полной увѣренности, что сенаторы властны облегчить имъ подати, взимаемые чиновниками произвольно, крестьяне засыпали ревизоровъ жалобами на послѣднихъ. Этого только и добивался Безродный. Для производства слѣдствія надъ чиновниками земства онъ назначилъ: 1) выгнаннаго изъ службы, бывшаго томскаго губернскаго стряпчаго, Жилина, состоявшаго клевретомъ при почтъ-директорѣ Миллерѣ; 2) отрѣшеннаго Бантышъ-Каменскимъ отъ должности совѣтника тобольской казенной палаты—Щигровскаго и 3) Коллета, писавшаго доносы на Капцевича и на Бантышъ-Каменскаго. Губернаторъ имѣлъ право назначить депутатовъ отъ себя, для Жилина и Щигровскаго. Вотъ, что пишетъ по этому поводу авторъ „Шемякина суда":

«Затруднительно было положеніе мое! Къ кому могъ я обратиться безошибочно, на кого могъ возложить защиту утѣсненныхъ? Слѣдователи, подобно сенаторамъ, если-бъ и не желали даже мстить мѣстному начальству (чего отъ такихъ людей ожидать было невозможно), долженствовали, для собственныхъ видовъ, находить вездѣ: безпорядки, злоупотребленія, хищничество, грабежъ и смертоубійства. Депутатамъ оставалось избрать одно изъ двухъ: или, молча, подписывать слѣдствія, то есть, приговоры земскихъ чиновниковъ, или, сопротивляясь, быть устраненными, лишиться права на полученіе наградъ, подпасть подъ неминуемую отвѣтственность тѣхъ же самыхъ слѣдователей. Однимъ словомъ, имъ надлежало или быть палачами, или жертвами. Къ несчастію моему и бѣдныхъ моихъ подчиненныхъ въ Западной Сибири, никто не читалъ даже басни добраго Василья Львовича Пушкина: «Голубку», которая оканчивается стихами:

«Не лучше-ль жертвою, а не злодѣемъ быть?»

«Въ ястребахъ недостатка не было!

«Какъ помочь сему горю?» думалъ я. «Дѣловыхъ чиновниковъ отрывать невозможно; притомъ, не всѣ дѣловые одарены отъ природы честностью, питаютъ страхъ Божій. Гдѣ найти людей, твердыхъ въ правилахъ, добросовѣстныхъ, могущихъ про-

чивостать избраннымъ сенаторамъ?» Думалъ, и вдругъ вспомнилъ о совѣтникѣ тобольскаго губернскаго правленія, г. Поповѣ, послалъ за нимъ.

— «Что угодно вашему превосходительству?» сказалъ совѣтникъ, войдя въ кабинетъ мой.

Я: Готовьтесь ѣхать на слѣдствіе.

Г. Поповъ: «Куда прикажете?»

Я: Куда отправится Жилинъ, къ которому вы назначаетесь депутатомъ.

Г. Поповъ: «Какой Жилинъ?»

Я: Почтамскій.

Г. Поповъ: «Помилуйте, ваше превосходительство, чѣмъ я провинился, что вы желаете погубить меня?»

Я: Если-бъ я разумѣлъ васъ дурнымъ человѣкомъ, не уполномочилъ бы довѣренностію своею.

Г. Поповъ, со слезами на глазахъ: «Умоляю васъ, не для себя, но для жены, многочисленнаго семейства моего: пощадите меня, не сдѣлайте на вѣкъ несчастнымъ. Жилинъ—извѣстный бездѣльникъ, преданный почтъ-директору. Онъ будетъ, навѣрно, тѣснить всѣхъ земскихъ чиновниковъ. Я врагъ неправды; стану защищать невинныхъ, безъ всякой пользы для нихъ; меня отдалятъ, предадутъ суду, лишатъ мѣста, жалованья, послѣдняго куска хлѣба. Заклинаю, ваше превосходительство, Богомъ живымъ, пощадите меня, пощадите отца многочисленнаго семейства! Вы сами имѣете дѣтей. Войдите въ горестное положеніе мое».

Я: Но кѣмъ же замѣню я васъ? Къ кому обращусь съ подобнымъ предложеніемъ?

Г. Поповъ: «Найдутся охотники для собственной пользы».

Я: И вы жертвуете для нихъ участью многихъ?

Г. Поповъ: «Я отецъ семейства многочисленнаго. Не погубите онаго навсегда».

Я: Быть по вашему. Но, признаюсь, что положеніе мое не завидное!

Восхищенный совѣтникъ бросился обнимать меня. Тѣмъ кончилось первое явленіе.

Посылаю за старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія, коллежскимъ совѣтникомъ г. Серебрениковымъ, котораго ра-

зумѣлъ, хотя не такъ дѣловымъ, но, по крайней мѣрѣ, добросовѣстнымъ.

— «Ваше превосходительство изволили требовать меня?» сказалъ онъ, переступя за порогъ.

Я: Такъ точно. Вы обязаны находиться депутатомъ при г. Жилинѣ, котораго гг. сенаторы избираютъ слѣдователемъ.

Г. Серебрениковъ, съ радостію на лицѣ: «Позвольте принесть вашему превосходительству чувствительнѣйшую и неизгладимую мою благодарность за лестное для меня назначеніе. Когда долженъ я отправиться?»

Я: Вы узнаете отъ Жилина.

Г. Серебрениковъ: «Слѣдовательно, я могу ѣхать къ нему и явиться къ господамъ сенаторамъ для полученія ихъ приказаній?»

Я: Можете.

Г. Серебрениковъ, низко кланяясь: «Весьма благодаренъ вашему превосходительству за данный мнѣ случай оказать мои способности въ глазахъ начальства».

Я: Вы не оставите поступать по долгу присяги и совѣсти?

Г. Серебрениковъ, кланяясь: «Всѣ усилія мои будутъ употреблены на сей предметъ, для засвидѣтельствованія усердія моего къ пользамъ службы и готовности къ исполненію обязанности, на меня возложенной».

«Вотъ два человѣка, говорилъ я самъ себѣ, когда вышелъ изъ моего кабинета г. Серебрениковъ: «служащіе въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ званіи, имѣющіе оба семейства—и какъ различно они думаютъ! Но цѣль ихъ не одна-ли? Одинъ опасается погубить свое семейство; другой, можетъ быть, печется о пользахъ онаго, занимаясь своею собственною. Ужели догадка сія окажется справедливою?»

«Въ Тобольскѣ находился тогда окружный судья тюменскій, г. Жилинъ,—родственникъ почтамскаго,—котораго ненавидѣлъ, человѣкъ, невыдумавшій пороха, но прямой. Я назначилъ его депутатомъ къ Щигровскому, не желая отрывать отъ дѣла другаго какого-либо способнаго чиновника во время общей ревизіи. Послѣдствія докажутъ: можетъ-ли правота устоять противъ лукавства и ума, управляемаго мщеніемъ?»

Здѣсь Бантышъ-Каменскій прерываетъ нить разсказа и пускается опять въ своихъ запискахъ въ подробности характеристики своихъ ревизоровъ. Князь Куракинъ былъ чистый эпикуреецъ добраго стараго времени, Безродный—самый грязный циникъ, щеголявшій неряшливостью; князь молчалъ, когда обязанъ былъ говорить, Безродный кричалъ и бѣсновался, когда долженъ былъ молчать. Приводимъ подлинныя слова Бантышъ-Каменскаго:

«Въ то время, какъ Безродный, явнымъ образомъ, тѣснилъ меня, князь Куракинъ ласкалъ до-нельзя: приглашалъ неоднократно къ своему столу, проводилъ въ домѣ моемъ вечера два раза въ недѣлю, любезничалъ съ дамами, дурачилъ своего товарища, хвалилъ безпрестанно чиновникамъ Тобольской губерніи доброту души своей, справедливость его отличающую; говорилъ мнѣ и имъ: «что мы должны благодарить Бога за назначеніе его ревизоромъ вмѣстѣ съ Безроднымъ; что онъ удерживаетъ въ границахъ благоприличія порывы его жестокости; почитаетъ тотъ день счастливѣйшимъ въ жизни своей, когда удается ему смягчать безчеловѣчные нападки товарища» и проч., и проч. Между тѣмъ, выхваляя правоту свою, сострадательность, чувствительное сердце, тотъ же самый князь Куракинъ подписывалъ съ Безроднымъ весьма жесткія для мѣстнаго начальства и вообще для чиновниковъ бумаги. Я объяснился съ нимъ по сему предмету и получилъ въ отвѣтъ, что «онъ смягчаетъ, по возможности, означенныя бумаги, подписываетъ оныя для одной только формы; но что онѣ вредить мнѣ не могутъ, ибо онъ имѣетъ прямую дорогу къ государю чрезъ приближеннаго сановника и доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія всѣ несправедливости Безроднаго». Вотъ характеристика обоихъ сенаторовъ!

«Безродный любилъ проводить время съ купцами, у которыхъ бывалъ ежедневно. Одинакое происхожденіе сближало его съ симъ сословіемъ. Совѣтникъ Серебрениковъ, женатый на купеческой дочери, обратилъ на себя особое вниманіе старшаго сенатора, посѣщавшаго весьма часто его домъ. Смѣшно было смотрѣть, какъ бичъ Западной Сибири, скорчась въ дугу, выставя впередъ обѣ руки, подходилъ смиренно на балахъ моихъ, въ высокоторжественные дни, къ совѣтницѣ; какъ онъ приглашалъ ее на польскій сими словами: «протяните ручку, моя почтеннѣйшая!»

«Князь Куракинъ не менѣе былъ забавенъ въ утреннемъ на-

рядѣ своемъ: въ турецкомъ шалевомъ халатѣ съ откидными назадъ длинными рукавами, въ камзолѣ также шалевомъ, въ черныхъ бархатныхъ панталонахъ, въ красныхъ туфляхъ и съ расчесанными на головѣ пуклями. Сибиряки смотрѣли на него съ удивленіемъ, спрашивая другъ у друга: что за нарядъ [1])?

«Подражая своему товарищу, Безродный также принималъ посѣтителей въ халатѣ, сшитомъ на манеръ солдатскаго, бѣломъ и въ подштанникахъ. Нерасположеніе ко мнѣ сего ревизора обнаруживалось при всякомъ случаѣ. Когда въ высокоторжественные дни давалъ я обѣды, желая угостить сенаторовъ, становилъ передъ ихъ кувертами по двѣ бутылки лучшаго шамбертена и госотерна; преосвященнаго сажалъ обыкновенно между ими двумя, а самъ занималъ мѣсто подлѣ князя Куракина. Однажды, за столомъ, наливая въ рюмку послѣдняго шамбертень, слышу голосъ Безроднаго, требующаго, чтобъ и ему налили сего вина.

— Передъ вашимъ превосходительствомъ, сказалъ я ему, поставлены совершенно одинакія вина.

— «Вѣрю», возразилъ Безродный, «но все-таки желаю отвѣдать то, которое кушаетъ его сіятельство».

«Воля старшаго сенатора была выполнена и онъ, выпивъ вино, покачалъ головою, нахмурилъ брови, надулъ губы и произнесъ сердитымъ голосомъ, бросивъ суровый взглядъ на меня:

— «Нѣтъ, это превосходное вино!»

«Такъ точно ревизовалъ онъ и губернію.

«Да не осудитъ меня читатель, что, описывая дѣла не шуточныя, я смѣшиваю иногда съ оными происшествія мелочныя. Цѣль моя: не наскучить ему повѣствованіемъ сухимъ, мало занимательнымъ для того, кто не крещенъ въ чернилахъ или не сидѣлъ, по крайней мѣрѣ, за краснымъ сукномъ».

Послѣднее непріятное столкновеніе Бантышъ-Каменскаго съ сенаторами произошло по поводу сифилиса, свирѣпствовавшаго въ губерніи. Они обвиняли губернатора въ недостаткѣ энергіи для принятія мѣръ къ пресѣченію зла. Выше мы говорили, что онъ сдѣлалъ все, что могъ; отъ него требовали трудовъ свыше силъ. Губернаторъ пред-

---

[1]) Упоминаемый въ Запискахъ князь Куракинъ, Борисъ Алексѣевичъ род. 1783, † 2 октября 1850; онъ былъ женатъ на княжнѣ Елисаветѣ Борисовнѣ Голицыной и былъ роднымъ племянникомъ канцлера, князя Александра Борисовича Куракина. Ред.

ложилъ главному совѣту построить больницы; Коллегъ отвергъ это предложеніе, совѣтуя лѣчить болѣзнь мѣстными средствами. Эта мысль была одобрена сенаторами и они, въ свою очередь, предложили губернатору: путемъ печатныхъ инструкцій ознакомить жителей съ лѣченіемъ сифилиса туземными средствами, съ употребленіемъ декоктовъ и пива изъ молодаго ельника, ячменя, овса и хлѣба. Вопросъ объ учрежденіи больницъ отложили въ долгій ящикъ.

Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ, причиняемымъ сенаторами Бантышъ-Каменскому, присоединилась новая:

«Въ то время, какъ я претерпѣвалъ разныя нападки отъ пристрастныхъ ревизоровъ, событіе неожиданное увеличило печаль мою. Еще до прибытія ихъ въ Тобольскъ, получено мною, 9-го апрѣля, предписаніе отъ господина управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія:

«Дошло до свѣдѣнія государя императора, что 6-го числа прошедшаго генваря въ городѣ Березовѣ вырыто изъ земли тѣло покойнаго фельдмаршала князя Меншикова.

«Его величеству угодно знать, безъ отлагательства, по чьему повелѣнію и по какому поводу было сіе сдѣлано?

«За симъ государю императору угодно, чтобъ тѣло князя Меншикова было опять предано землѣ точно на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ, какъ было оно первоначально, и чрезъ ваше превосходительство доставленъ его величеству точнѣйшій отчетъ о семъ дѣлѣ».

«На другой же день донесъ я его высокопревосходительству:

1) Что тѣло бывшаго генералиссимуса князя Меншикова не было вырыто изъ земли, а только открыто мѣсто его погребенія, по моему приказанію, березовскимъ городничимъ г. Андреевымъ.

2) Какимъ образомъ г. Андреевъ исполнилъ возложенное мною на него порученіе безъ поднимания гроба на поверхность и, по освидѣтельствованіи, засыпалъ оный прежнею землею.

3) Что 6-го января, въ проѣздъ мой въ Обдорскъ чрезъ Березовъ, я желалъ видѣть сію гробницу, не поднимая оную также на поверхность земли, для того только, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли найденное г. Андреевымъ тѣло было Меншикова?

4) Что поводомъ къ сему было единственно желаніе мое отыскавъ мѣсто, гдѣ покоился прахъ знаменитаго изгнанника, котораго дѣянія описаны мною, въ 1812 году, въ изданныхъ біо-

графіяхъ Петра Великаго, соорудить въ честь его простой памятникъ. «Никто,—оканчивалъ я сіе донесеніе,—кромѣ меня одного, не виновенъ въ семъ дѣлѣ; и если я учинилъ какой-либо проступокъ, безъ умысла произшедшій, если обратилъ на себя, посредствомъ онаго, неблаговоленіе всемилостивѣйшаго государя, осмѣливаюсь повергнуть себя съ повинною къ священнымъ стопамъ его императорскаго величества».

«Тѣмъ, думалъ я, кончится сія переписка; но, къ крайнему изумленію, получилъ, 2-го іюня, другое предписаніе отъ Василія Сергѣевича Ланскаго, которымъ онъ увѣдомлялъ меня: «что государь императоръ, разсмотрѣвъ донесеніе мое, изволилъ найти, что въономъ нѣтъ чистосердечія, ибо я умолчалъ: о снятіи нашейнаго креста съ тѣла и присылкѣ онаго въ С.-Петербургъ къ генералъ-адъютанту князю Меншикову; а сверхъ того, дошло до свѣдѣнія его величества, что съ тѣла вырѣзаны бровь и глазъ.

«По сему его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ, дабы всѣ обстоятельства сего происшествія были непремѣнно дознаны и о томъ донесено его величеству.

«О таковой монаршей волѣ сообщая мнѣ, г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ поручалъ доставить ему, безъ промедленія времени, дополнительныя и самыя подробныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла.

«Тогда-жъ Василій Сергѣевичъ обратился съ подобнымъ же требованіемъ прямо въ Березовъ къ городничему, г. Андрееву, и, сверхъ того, о производствѣ слѣдствія, какъ онъ, г. Ланской, такъ и г. управляющій министерствомъ юстиціи, отнеслись къ сенаторамъ, находившимся въ Тобольскѣ.

«Въ первый разъ состраданіе ко мнѣ (понимается притворное) явилось тогда на лицѣ Безроднаго, который, пригласивъ меня къ себѣ, усовѣщивалъ, какъ государственнаго преступника, признаться ему во всемъ безъ самомалѣйшаго сокрытія истины, подъ опасеніемъ строжайшей и неминуемой отвѣтственности на основаніи законовъ; увѣрялъ въ сердечномъ участіи, пріемлемомъ имъ и княземъ Куракинымъ въ настоящемъ положеніи моемъ,—въ готовности ихъ быть мнѣ полезными, въ своемъ ходатайствѣ у высочайшаго престола, въ милосердіи монарха и проч., и проч.; однимъ словомъ, снималъ съ меня допросъ и вмѣстѣ читалъ уже отходную.

«Второе донесеніе мое по сему предмету, отъ 3-го іюня, господину управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, между прочимъ, вмѣщало: «Прежде нежели приступлю я въ подробнѣйшему описанію сего событія, священнымъ долгомъ поставляю оправдать себя предъ его императорскимъ величествомъ. Недоброжелатели мои совсѣмъ въ другомъ видѣ представили сіе происшествіе, ибо кто, кромѣ ихъ, осмѣлился бы клеветать на меня всемилостивѣйшему государю? Я уже объяснилъ въ первомъ донесеніи вашему высокопревосходительству, отъ 10-го апрѣля, № 1,070, что не вырывалъ изъ земли тѣла бывшаго князя Меншикова; но, отвѣтствуя на два пункта вашего, милостивый государь, предписанія: «по чьему повелѣнію и по какому поводу было вырыто сіе тѣло?» не могъ воображать, чтобъ требовалось отъ меня его императорскимъ величествомъ подробнѣйшее описаніе всего, найденнаго мною при открытіи гроба бывшаго князя Меншикова,—да и не полагалъ оставлять сего происшествія въ безгласности, чему служитъ доказательствомъ письмо мое къ князю Александру Сергѣевичу, отправленное вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Березова. Еслибъ извѣстна мнѣ была священная воля его императорскаго величества, я, безъ малѣйшаго отступленія, исполнилъ бы оную въ первомъ донесеніи вашему высокопревосходительству». Далѣе, описавъ малѣйшія подробности означеннаго происшествія, заключилъ свое донесеніе всепокорнѣйшею просьбою довести до высочайшаго свѣдѣнія: «что мысль всемилостивѣйшаго государя о нечистосердечномъ моемъ объясненіи для меня убійственнѣе всякаго наказанія, ибо, по моему мнѣнію, кто дерзаетъ скрывать что-либо отъ помазанника Божія, тотъ недостоинъ именоваться сыномъ отечества, вѣрноподданнымъ; что я могу, какъ человѣкъ, неумышленно сдѣлать проступокъ,—съ цѣлію никогда, и въ вѣрноподданствѣ, въ преданности моей къ государю, не уступлю ни одному изъ моихъ соотечественниковъ».

4-го августа (1827 г.) получено мною слѣдующее предписаніе отъ господина управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

«Донесеніе вашего превосходительства, отъ 3-го прошедшаго іюня, заключающее въ себѣ подробное изложеніе обстоятельствъ, бывшихъ при открытіи гроба покойнаго князя Меншикова, я представлялъ въ подлинникѣ его императорскому величеству.

«Г. статсъ-секретарь и сенаторъ Муравьевъ, отъ 4-го сего іюля, сообщаетъ мнѣ, что государь императоръ, разсмотрѣвъ донесеніе ваше относительно открытія гроба князя Меншикова, высочайше повелѣть соизволилъ, дабы я замѣтилъ вашему превосходительству, что любопытство ваше было, по крайней мѣрѣ, неумѣстно.

«Таковую монаршую волю я симъ и сообщаю вашему превосходительству».

«Не знаю и не хочу знать, кто такъ ложно доноситъ на меня? Судья ему Богъ; но онъ и то уже достаточно наказанъ, что злое намѣреніе его не увѣнчано желаемымъ успѣхомъ!»

Наконецъ, сенаторы, послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Тобольскѣ, выѣхали въ Томскъ. Князь Куракинъ, на прощаньи, самою любезною французскою фразою старался увѣрить губернатора въ своемъ расположеніи и всегдашней готовности ходатайствовать за него передъ государемъ императоромъ; Безродный, при послѣднемъ свиданіи съ Бантышъ-Каменскимъ, наговорилъ ему грубостей.

III.

Послѣ ревизіи.

Первое свиданіе съ Сперанскимъ.—Вторичное свиданіе.—Приговоръ сената.—Высочайшая резолюція.

1827 — 1830 гг.

Неизбѣжными послѣдствіями ревизіи были, во-первыхъ, усиленіе партіи, враждебной губернатору, и дерзкое ему неповиновеніе губернскаго суда. Предсѣдатель Кукурановъ позволялъ себѣ въ оффиціальныхъ бумагахъ оскорбительныя для Бантышъ-Каменскаго выраженія, препровождая въ то же время къ сенаторамъ безпрестанныя на него жалобы и извѣты. Находясь уже внѣ предѣловъ Тобольской губерніи, ревизоры докучали губернатору запросами, предложеніями и замѣчаніями. Полученный имъ, въ декабрѣ 1827 года, высочайшій рескриптъ, съ изъявленіемъ особеннаго монаршаго благоволенія (за соблюденіе экономіи въ 400,000 руб., при продовольствіи сибирскихъ войскъ), и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій указъ сената, съ изъявленіемъ совершеннаго его величества удовольствія за успѣшное окончаніе рекрутскаго набора,— заставили умолкнуть ябедниковъ, имѣвшихъ безстыдство явиться къ губернатору съ поздравленіями. 29-го марта 1828 года прибылъ въ Тобольскъ новый генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, „благород-

ный во всемъ пространствѣ этого слова". Съ Бантышъ-Каменскимъ онъ, разумѣется, поладилъ и всѣми силами содѣйствовалъ ему въ собираніи документовъ, которыми губернаторъ намѣревался воспользоваться для совершеннаго своего оправданія въ столицѣ, собираясь въ трехмѣсячный отпускъ. „Безродный чернѣе нашихъ сапогъ!" отзывался Вельяминовъ о ревизорѣ. Желая разладить его съ Бантышъ-Каменскимъ, Безродный и кн. Куракинъ, управляемый Коллетомъ, засыпали Вельяминова доносами на губернатора, возводя на него явныя клеветы, особенно по поводу заведенія въ Западной Сибири казенныхъ поселеній. Отрицая обвиненія, Бантышъ-Каменскій приводитъ факты и цифры: изъ послѣднихъ въ особенности заслуживаетъ вниманія вѣдомость о числѣ ссыльныхъ. „Съ 1823 года по 1-е марта 1828 г. прибыло въ Сибирь обоего пола каторжныхъ и поселенцевъ съ вольноидущими: пятьдесятъ пять тысячъ семнадцать человѣкъ (55,017), изъ нихъ 5,293 человѣка въ одну Тобольскую губернію; 676—обзавелось хозяйствомъ; 90—чрезъ женитьбы вошло въ дома старожиловъ [1]). Коллетъ, которому сенаторы поручили разслѣдовать и донести имъ о взысканіи податей съ татаръ нѣкоторыхъ округовъ, наплелъ на губернатора околесицу, которой, однако же, дали полную вѣру. Остальные слѣдователи, Жилинъ и Щигровскій, съ своей стороны, точно также успѣшно чернили губернатора, сваливая на него ошибки его предшественниковъ. Наконецъ, Бантышъ-Каменскій вырвался изъ этого омута и 10-го мая 1828 г. прибылъ въ

---

[1]) Бантышъ-Каменскій приводитъ слѣдующую выписку изъ «Устава о ссыльныхъ»: § 382 гласитъ: «Они обязаны водворяться собственными трудами». § 383: «По прибытіи въ волость, съ наступленіемъ 1-го января, облагать сихъ поселенцевъ подушными и оброчными податьми противъ крестьянъ и по 50 копѣекъ въ экономическую сумму ссыльныхъ». § 386: «Ежели въ свое время подати внесены не будутъ, то мѣстное начальство отдаетъ неплательщика въ работу старожиламъ за приличную плату и содержаніе». § 387: «Вообще ссыльныхъ, симъ образомъ водворяемыхъ, имѣть подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся домами и хозяйствомъ». § 389: «Ежели ссыльный, по истеченіи пятилѣтняго времени, обзаведется домомъ и хозяйствомъ и общество въ томъ удостовѣритъ, то записывается онъ въ крестьяне». § 390, пунктъ 1: «Съ начала наступающаго, по водвореніи его, года, пользуется трехъ-лѣтнею льготою отъ платежа податей и двадцати-лѣтнею отъ рекрутской повинности».— Пунктъ 2-й: «Получаетъ собственныя свои деньги, которыя имѣлъ при первоначальномъ отправленіи», и которыя, по § 189 и 190 того-жъ Устава, должны до дѣйствительнаго водворенія его храниться въ приказѣ о ссыльныхъ.

Уставъ сей—произведеніе М. М. Сперанскаго.

Въ біографіи П. М. Капцевича («Словарь достопамятныхъ людей русской земли», Спб., 1847 г., ч. II, стр. 97—109) Бантышъ-Каменскій дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о недостаткахъ этого «Устава». Ред.

Москву; отсюда, послѣ непродолжительнаго отдыха, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Первыми вѣстниками опалы, угрожавшей Бантышъ-Каменскому, были: кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ и новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Арсеній Андреевичъ Закревскій. Они предупредили Дм. Ник., что отзывы о его службѣ сенаторовъ, возвратившихся изъ Западной Сибири, весьма неблагосклонны и могутъ имѣть весьма дурныя послѣдствія, если онъ не предваритъ ихъ своимъ оправданіемъ. Бантышъ-Каменскій, прежде всего, счелъ необходимымъ увидѣть Сперанскаго.

«Послѣ нѣсколькихъ визитовъ къ швейцару, который встрѣчалъ меня слѣдующимъ отказомъ: «дома нѣтъ, изволилъ поѣхать верхомъ прогуливаться,—изволилъ выѣхать въ государственный совѣтъ; никого не принимаетъ, занимаясь дѣлами» и проч., и проч., наконецъ, допущенъ я былъ къ М. М. Сперанскому, преобразователю Сибири, члену комитета сибирскаго, открытому врагу бывшаго моего начальника и всѣхъ чиновниковъ, ему преданныхъ. Онъ находился тогда въ большой силѣ; занимался, по высочайшему повелѣнію, составленіемъ «Свода Законовъ»; получилъ отъ государя (кромѣ Владимірской ленты): брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (1827 г.), табакерку съ портретомъ (1828 г.), аренду на 12 лѣтъ въ пять тысячъ рублей серебромъ и знакъ отличія безпорочной службы за 25 лѣтъ! Каково было удивленіе мое, когда Сперанскій бросился ко мнѣ на шею и, какъ-будто обнимая, прикладывалъ щеки свои къ моимъ! Смотря на таковой пріемъ, иной подумалъ бы, что мнѣ очень везетъ у сего вельможи; но я разумѣлъ его и внутренно говорилъ: «лобзанія Іуды!»

Мы усѣлись.

— «Давно-ли вы здѣсь?» спросилъ меня Сперанскій.

— Уже шесть дней,—отвѣчалъ я,—и въ четвертый разъ являюсь къ вашему высокопревосходительству.

Сперанскій: «На долго-ли пріѣхали?»

Я: Самъ не знаю.

Сперанскій: «По дѣламъ или безъ дѣла?»

Я: По несчастію, для узнанія, въ чемъ именно обвиняютъ меня сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь.

Сперанскій: «Виновникъ этой ревизіи—вашъ бывшій генералъ-губернаторъ Капцевичъ, который вездѣ открыто злословитъ

меня. Я предлагалъ ему мировую, но онъ ее отвергнулъ. Если-бъ примирился, не были-бъ у васъ сенаторы. Теперь пускай отдѣлывается своими боками!»

Слушая слова сіи, вырвавшіяся изъ устъ столь хитраго, осторожнаго царедворца, я не зналъ, что отвѣчать ему. Негодованіе, презрѣніе наполняли попеременно сердце мое. «Такъ-то», думалъ я, «во зло употребляютъ довѣренность помазанника Божія! Если безпорядки и злоупотребленія требовали, чтобы Западная Сибирь была обревизована, къ чему мировая? Если ревизія состоялась для того только, чтобы генералъ-губернаторъ отдѣлывался своими боками, то есть, пострадалъ бы отъ нападеній пристрастныхъ ревизоровъ, гдѣ правда, гдѣ совѣсть?»

Сперанскій прервалъ мою думу сими словами: «Слѣдовательно, вы намѣрены оправдываться?»

Я: Долженъ.

Сперанскій: «Не ужели думаете жаловаться государю?»

Я: Можетъ быть. Самъ еще не знаю, на что рѣшиться.

Сперанскій: «Мой совѣтъ: ничего не предпринимать прежде времени. Васъ не обвинятъ, не истребовавши предварительно объясненія».

По возвращеніи въ Москву, Бантышъ-Каменскій написалъ слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

«Всемилостивѣйшій государь! Правосудіе вашего императорскаго величества ободряетъ меня повергнуть къ священнымъ стопамъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь, мое оправданіе! Съ покойною совѣстью я не страшусь нападенія сильныхъ: но мысль, что они могутъ запятнать безпорочную службу мою вашему императорскому величеству, что вы, всемилостивѣйшій государь, усомнитесь въ непоколебимомъ усердіи моемъ и отвратите отъ меня милосердный взоръ,—убійственнѣе самого жесточайшаго наказанія.

«Велико дерзновеніе, предпріемлемое мною! Борьба не равная! Съ одной стороны сановники, довѣріемъ вашего императорскаго величества облеченные; съ другой — неимѣющій никакой защиты у престола чиновникъ, котораго дѣла представлены вамъ, всемилостивѣйшій государь, въ томъ видѣ, въ какомъ угодно было господамъ сенаторамъ представить ихъ; котораго главное богатство—честное имя, единственная надежда—одно, повторяю, правосудіе вашего императорскаго величества.

«Въ запискѣ, подносимой при семъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, подробно изложены всѣ обстоятельства, къ оправданію моему относящіяся. Ваше императорское величество соизволите усмотрѣть изъ оной, сколь притѣснительны, сколь обидны были для меня и для чиновниковъ, мнѣ подвѣдомственныхъ, дѣйствія господъ сенаторовъ, ревизовавшихъ Западную Сибирь. Они — смѣло могу сказать — устранились отъ строгой справедливости, ихъ сану при-

дѣйствующей: при обозрѣніи дѣлъ обоихъ совѣтовъ, въ Тобольскѣ, относили къ безпорядкамъ такіе предметы, кои даже не были означены въ присланныхъ отъ сибирскаго комитета печатныхъ формахъ, высочайше утвержденныхъ; замѣчая малѣйшія упущенія въ присутственныхъ мѣстахъ, не приняли во уваженіе, что они произошли единственно отъ совершеннаго недостатка чиновниковъ и канцелярской суммы, не произвели никакого злоупотребленія и накопленія дѣлъ, коихъ оказалось, въ день пріѣзда господъ сенаторовъ, по всей Тобольской губерніи, включая въ то число общія губернское и окружныя управленія, въ Великороссійскихъ губерніяхъ несуществующія, только двѣ тысячи тридцать три[1]); упоминая о безпорядкахъ, ни въ одной бумагѣ не коснулись найденнаго ими гдѣ-либо устройства въ мѣстахъ, ими осмотрѣнныхъ, исключая производства дѣлъ въ Тобольскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія,—и по одному только молчанію ихъ о тюремномъ замкѣ, о богоугодныхъ заведеніяхъ приказа, равно по ревизіи дѣлъ въ Тюмени, можно было заключить, что остались довольны ими. Изъявленнымъ подозрѣніемъ на чиновниковъ земской полиціи, воззвали крестьянъ къ жалобамъ на нихъ и на мѣстное начальство; къ явному стѣсненію онаго избрали слѣдователями такія лица, коимъ законъ возбранялъ, въ семъ случаѣ, оказывать довѣріе, изъ которыхъ одинъ — надворный совѣтникъ Жилинъ, весьма дурно аттестованный прежними начальниками, открыто злословитъ бывшаго господина генерала-губернатора за непринятіе его на службу, въ 1823 году, по неблагонадежности; другой — надворный совѣтникъ Щигровскій, удаленъ мною отъ должности совѣтника за сдѣланную имъ грубость предсѣдателю казенной палаты; третій — статскій совѣтникъ Коллетъ, какъ господамъ сенаторамъ было извѣстно изъ представленнаго имъ мною отчета, доносилъ на меня и на господина генералъ-губернатора сибирскому комитету и явно возставалъ противъ всѣхъ распоряженій мѣстнаго начальства. Могли-ли, послѣ сего, чиновники сіи дѣйствовать безпристрастно? Депутаты, со стороны гражданской, при видѣ строгаго взысканія, упадавшаго на тѣхъ, кто осмѣливался противорѣчить слѣдователямъ, опасаясь подвергнуть себя одинакой участи, молчали. Одинъ только стонъ несчастныхъ жертвъ возносился къ небу и нынѣ чрезъ меня достигаетъ до августѣйшаго престола вашего, всемилостивѣйшій государь! Пятьдесятъ семь чиновниковъ Тобольской губерніи безъ доказательствъ, безъ уликъ и признанія, преданы суду за лихоимство; девять изъ нихъ отрѣшены отъ должностей, въ то время, какъ губернія нуждалась въ чиновникахъ. Участь найлучшихъ подчиненныхъ моихъ зависѣла отъ послѣдняго крестьянина. Питая къ нимъ злобу за дорожныя работы въ 1825 г., по случаю ожидаемаго прибытія въ Западную Сибирь блаженныя памяти государя императора, за взысканіе денежныхъ повинностей, учрежденіемъ для управленія сибирскихъ губерній положенныхъ, крестьяне клеветали на чиновниковъ. Господа сенаторы приписывали имъ потрясеніе благосостоянія и спокойствія людей земледѣльческаго класса, въ нарушеніе законовъ; возставали противъ дѣлаемыхъ, якобы земскою полиціею, притѣсненій, угнетеній и разоренія, между тѣмъ какъ на сихъ пятьдесятъ семь чиновниковъ, при явномъ пристрастіи слѣдователей, выведено лихоимства, ни чѣмъ недоказан-

[1]) До моего пріѣзда въ Тобольскъ, всѣхъ не рѣшенныхъ дѣлъ было, 1-го генваря 1825 года, три тысячи семдесятъ четыре; рѣшено въ томъ году: десять тысячъ восемьсотъ двадцать четыре. В.-К.

наго, съ 1817 года, на одиннадцать тысячъ тридцать рублей восемьдесятъ копѣекъ. Могла-ли сія сумма, еслибъ и дѣйствительно была израсходована крестьянами, разорить въ теченіи слишкомъ десяти лѣтъ цѣлую губернію, изъ двухъ сотъ двадцати шести тысячъ, девяти сотъ восьмидесяти девяти ревизскихъ душъ податнаго состоянія состоящую? Послѣдствія оправдываютъ подсудимыхъ: по рѣшеннымъ доселѣ четыремъ дѣламъ въ правительствующемъ сенатѣ, они признаны невинными, но бытность ихъ подъ судомъ остается въ послужныхъ спискахъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Съ чистыми руками и такою же совѣстью я былъ бы виновенъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, допустивъ чиновниковъ губерніи, высочайше мнѣ ввѣренной, заниматься постыднымъ лихоимствомъ, ибо безкорыстіе въ начальникѣ недостаточно, если подчиненные его преданы корыстолюбію. Строгій надзоръ за симъ почиталъ я главнѣйшею обязанностью и ни одна жалоба не доходила до меня.

«Не менѣе я былъ бы виновенъ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, еслибъ, при взысканіи денегъ съ поселянъ, причинилъ имъ разореніе. Напротивъ, старанія мои объ уменьшеніи повинностей свидѣтельствуютъ, что, исполняя долгъ мой, я вмѣстѣ обращалъ вниманіе и на облегченіе состоянія земледѣльцевъ, какъ ваше императорское величество соизволите усмотрѣть изъ записки моей, въ статьѣ о повинностяхъ. Тамъ приложена и вѣдомость объ имуществѣ крестьянъ Тобольской губерніи, показывающая благосостояніе ихъ; она, равно и исправный взносъ ими доселѣ податей, исключая однихъ только жителей Тобольскаго и Тюменскаго округовъ, подстрекаемыхъ осѣдлыми татарами и сихъ послѣднихъ, преданныхъ лѣности, служатъ доказательствомъ, что крестьяне не такъ разорены, какъ описываютъ ихъ.

«Господа сенаторы, обвиняя меня, что инородцы сѣвернаго края Тобольской губерніи, страждущіе отъ существующей въ тѣхъ мѣстахъ заразительной болѣзни, оставлены, якобы, безъ существеннаго пособія, и, вооружаясь противъ неприличной — по ихъ выраженію — смѣлости инспектора врачебной управы, статскаго совѣтника Альберта, позволившаго оправдывать дѣйствія свои послѣ сдѣланнаго ими заключенія, собственное оправданіе мое нашли неосновательнымъ, противнымъ прямому существу дѣла и унизительнымъ! Такія, всемилостивѣйшій государь, долженъ я былъ претерпѣвать оскорбительныя для званія моего выраженія отъ господъ сенаторовъ, которые, принявшись сначала съ горячностью за сіе дѣло, ограничили, напослѣдокъ, свои дѣйствія тѣми же медицинскими пособіями, какія до прибытія ихъ были оказываемы отъ губернскаго начальства обитателямъ сѣвернаго края.

«Господа сенаторы обвиняютъ меня и въ томъ, что доселѣ не заведены особыя поселенія для пересыльныхъ, доказывая, ссылкою на одно убійство происшедшее 10-го марта 1828 г., въ Томскѣ, что отъ сего проистекаетъ, якобы, поводъ къ злодѣяніямъ въ Западной Сибири.

«Сколь ни значительны вышеозначенныя вины, приписываемыя мнѣ господами сенаторами, но онѣ ничтожны противъ взводимой ими на меня, 29-го марта сего года, якобы я, съ нарушеніемъ порядка службы, противодѣйствовалъ имъ въ принимаемыхъ, по высочайше возложенной на нихъ довѣренности, мѣрахъ на открытіе истины въ такомъ предметѣ, который относился къ благосостоянію народа!

«Всемилостивѣйшій государь! Умоляю ваше императорское величество внять оправданію вѣрноподданнаго, который, уступая господамъ сенаторамъ въ од-

номъ только достоинствѣ, или носимомъ, не уступитъ имъ ни въ усердіи къ службѣ, ни въ строгомъ исполненіи лежащей на немъ обязанности; можетъ быть виновенъ въ неумышленныхъ проступкахъ, но никогда не отваживался и не дерзнетъ противиться власти, чтя выше всего, послѣ Бога, помазанника Его и свято повинуясь всѣмъ его велѣніямъ.

«Изложивъ вашему императорскому величеству съ совершеннымъ чистосердечіемъ постигшія меня событія, возлагаю все мое упованіе на правоту великой души вашей. Если я, для оправданія своего, употребилъ орудіемъ ложь, да постигнетъ меня вся строгость законовъ; но ежели истина обнаружится во всей полнотѣ и ясности, верховнымъ для меня благомъ будетъ, когда ваше императорское величество, удостовѣрившись въ моей невинности, не лишите высокомонаршаго вниманія, которымъ прежде неоднократно имѣлъ я счастіе быть удостоенъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Вашего императорскаго величества вѣрноподданный Дмитрій Бантышъ-Каменскій».

Въ приложенной къ прошенію обширной запискѣ, на документахъ основанной, Бантышъ-Каменскій изложилъ всю сущность дѣла не мудреватымъ приказнымъ слогомъ, но съ изяществомъ литературнымъ и со всей энергіею правоты, сознающей свою силу. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г. прошеніе было отправлено, а въ іюлѣ—передано покойнымъ императоромъ на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ. 30-го іюля 1828 г. состоялся указъ объ увольненіи Бантышъ-Каменскаго отъ должности тобольскаго губернатора съ причисленіемъ къ Герольдіи; 28-го сентября онъ былъ „подвергнутъ отвѣтственности", по донесенію ревизовавшихъ Западную Сибирь сенаторовъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ губернскаго суда Кукурановымъ, за существовавшія между ними личности, распри, раздоръ и разные безпорядки. Измученный физически, надломленный нравственно, Бантышъ-Каменскій заболѣлъ желчною горячкою. Къ вящему огорченію бывшаго губернатора, всѣ его недоброжелатели и враги удостоились наградъ не по заслугамъ. Безродному и кн. Куракину пожалованы были алмазные знаки ордена св. Анны 1-й ст.; Никольскому и Благочеву—чины и денежныя награды; Щигровскому—орденъ св. Владиміра 4-й ст., Коллету—3-й ст. Этотъ господинъ игралъ своимъ орденомъ, какъ игрушкою, отпуская о немъ разныя шуточки [1]).

Дѣло о личностяхъ Бантышъ-Каменскаго съ Кукурановымъ было рѣшено (10-го іюля 1829 г.) въ московскомъ сенатѣ не особенно во

---

[1]) «Помѣщаю здѣсь, для любопытства читателя, слѣдующій анекдотъ о Коллетѣ: получивъ орденъ св. Владиміра 3-й ст., сей угодникъ сенаторовъ носилъ крестъ на шеѣ такъ низко, что нельзя было замѣтить онаго подъ мундиромъ. Спросили его о причинѣ. «Какъ мнѣ не беречь сего ордена», отвѣчалъ Коллетъ съ язвительною улыбкою: сколько лѣтъ служилъ я, не получая никакого знака отличія! А крестъ сей достался мнѣ за службу, десять дней только про-

зрѣдъ первому: бывшему губернатору сдѣлано было только замѣчаніе, чтобы впредь онъ „не простиралъ своего усердія до нарушенія служебныхъ порядковъ".

Въ началѣ 1829 года, пріѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ, Бантышъ-Каменскій посѣтилъ нѣсколько вельможъ и вновь былъ у Сперанскаго.

«Вельможи смотрѣли на меня совсѣмъ иными глазами, чѣмъ прежде, уже какъ на подсудимаго, и объяснялись иначе. Одинъ изъ нихъ (кн. А. Н. Голицынъ) говорилъ мнѣ: «Нельзя не дать вѣры двумъ сенаторамъ, уполномоченнымъ довѣренностью царскою. Прежде посылался одинъ сенаторъ ревизовать губернію, но, когда усмотрѣли злоупотребленіе власти, начали отправлять двухъ».

— «Развѣ», возразилъ я, «два сенатора не могутъ согласиться дѣйствовать за-одно, для собственныхъ видовъ—несправедливо очернить губернатора?»

— «Тогда», отвѣчалъ вельможа, «останется только жалѣть о томъ, на кого они доносятъ, но вѣра должна быть имъ дана».

Другой (кн. Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій) привѣтствовалъ меня сими словами: «Какъ осмѣлился ты доносить на двухъ сенаторовъ, облеченныхъ монаршимъ довѣріемъ?»

— Не доносилъ, но только оправдывался, былъ отвѣтъ мой.

— «Да знаешь-ли, чему ты подвергаешься?», продолжалъ вельможа: «тебя будутъ судить, какъ ложнаго доносителя; ты будешь разжалованъ, лишенъ дворянства, будешь отданъ въ солдаты».

— Не думаю, чтобъ такъ несправедливо поступили со мною, возразилъ я.

— «Оттого-то и проистекаетъ вздоръ, безсмыслица», кричалъ на меня вельможа, «что ребята, нахватавъ ордена, выскочивъ вдругъ въ чины, не зная службы, дѣйствуютъ не думавши. Жаль, что я теперь не министръ, а то, по дружбѣ къ покойному отцу твоему, могъ бы спасти тебя отъ бѣды; представилъ бы государю: что ты съ ума сошелъ!»

должавшуюся!» Впослѣдствіи Коллетъ, покровительствуемый Сперанскимъ, былъ уволенъ отъ службы, по прошенію (3-го августа 1829 г.), съ полнымъ пенсіономъ получаемаго жалованья и съ единовременнымъ награжденіемъ 5,000 руб»

В.-К.

«Уваженіе къ лѣтамъ и заслугамъ налагало на меня глубокое молчаніе.

«Не менѣе замѣчательно свиданіе мое съ Сперанскимъ. Несчастіе есть пробный камень, на которомъ узнаютъ людей. Я испыталъ сію истину на самомъ себѣ, — и хотя умѣлъ цѣнить сердца человѣческія, но, со всѣмъ тѣмъ, любилъ забавляться себялюбцами!

«Въ третій пріѣздъ отворились для меня двери въ кабинетъ нашего законодателя. Пріемъ его былъ довольно холодный: приподнявшись немного съ своихъ креселъ, онъ указалъ мнѣ другія, на противуположной сторонѣ стола, за которымъ сидѣлъ. Сначала разговоръ нашъ не заключалъ ничего занимательнаго, но подъ конецъ сдѣлался огненнымъ.

— «Итакъ, вы рѣшительно намѣрены утруждать государя?» сказалъ мнѣ Сперанскій.

Я: Принужденъ къ тому сенаторами, бывшими въ Сибири, очернившими меня въ драгоцѣнномъ мнѣніи его, подведшими несправедливо подъ отвѣтственность, въ противность самихъ законовъ.

Сперанскій: «Не они, а 1-й департаментъ правительствующаго сената и комитетъ министровъ подвергли васъ отвѣтственности; слѣдовательно, вы должны жаловаться не на сенаторовъ, а на сенатъ, на комитетъ министровъ».

Я: Но правительствующій сенатъ и комитетъ господъ министровъ имѣли въ виду ихъ несправедливыя донесенія.

Сперанскій: «Такъ жалуйтесь же не на однихъ сенаторовъ, а также на сенатъ, на комитетъ. И вы думаете, что государь предпочтетъ васъ двумъ сенаторамъ, первому департаменту, комитету министровъ?»

Я: Вся моя надежда на правосудіе монарха.

Сперанскій: «Повѣрьте, что вы останетесь въ накладѣ. Съ сильными слабому бороться невозможно. Сенаторамъ всегда дастся вѣра,—они всегда останутся правыми».

Я: Для государя справедливаго, каковымъ я почитаю нашего, всѣ подданные должны быть равны. Отъ него зависитъ сегодня же сдѣлать изъ меня крестьянина, или сенатора.

Сперанскій, язвительно улыбаясь: «Не все такъ дѣлается, какъ думается».

Я: Мѣстное начальство сибирское навѣрно засвидѣтельствуетъ, что я обнесенъ напрасно, страждy невинно.

Сперанскій, блѣднѣя: «Чего-жъ вы хотите? Ужели думаете, что государь за васъ предастъ суду двухъ сенаторовъ, цѣлый департаментъ, комитетъ министровъ? Предпочтетъ имъ удостовѣреніе генералъ-губернатора?»

Я: Не сенатъ и комитетъ господъ министровъ обнесли меня государю, но сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь; слѣдовательно, они одни и должны отвѣчать за неправильный, противузаконный поступокъ.

Сперанскій: «Сенаторовъ нельзя винить, если бъ они и представили обозрѣнные ими предметы не въ настоящемъ видѣ. Каждый изъ насъ имѣетъ свои глаза: предметы сіи могли таковыми имъ показаться».

Я: Если государь посылаетъ сенаторовъ куда-бы-то ни было, особливо въ отдаленный край, то, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы они описывали обозрѣваемые ими предметы въ превратномъ видѣ, *каковыми имъ покажутся*, но въ настоящемъ.

Сперанскій, съ перемѣною въ лицѣ: «Впрочемъ, не подумайте, чтобы я бралъ сторону сенаторовъ. У Куракина, больнаго, я былъ только однажды, и то по просьбѣ отца его; а Безродный былъ только однажды у меня. Знакомства съ ними никакого не имѣю. Мой совѣтъ: не безпокоить государя; подъ судомъ же быть не великая еще бѣда! Не вы одни испытали сіе. И *Болгарскій* находился подъ судомъ, а теперь сенаторомъ».

Я: Конечно, не бѣда быть подъ судомъ для человѣка, который не дорожитъ своею честью,—но всякому благорожденному больно, очень больно!

Сперанскій: «Вступите снова въ службу, тогда все можетъ загладиться».

Я: Могу-ли думать о томъ, бывъ очерненъ во мнѣніи государя императора?

Сперанскій: «Почему же нѣтъ? Есть много примѣровъ».

Я: Но чрезъ кого искать мнѣ должности? Ваше высокопревосходительство возьмете-ли на себя трудъ ходатайствовать въ мою пользу?

Сперанскій, краснѣя: «Займемся послѣ, когда кончится ваше дѣло; а теперь унывать вамъ не для чего».

«Симъ прекратился разговоръ съ тайнымъ врагомъ моимъ. Я, благодаря за лестныя обнадеживанія, оставилъ его съ тѣмъ, чтобы никогда къ нему не возвращаться; онъ навѣрно далъ приказаніе своему швейцару: рѣшительно не принимать меня. И можно-ли ожидать чего хорошаго отъ человѣка, который держится правила: «все обѣщать, ничего не исполнять и никому не отказывать!»

Вотъ заключеніе сенатскаго приговора о дѣлѣ Бантышъ-Каменскаго съ Кукурановымъ:

«Правительствующій сенатъ, соображая обстоятельства дѣла сего съ силою узаконеній, находитъ: что дѣйствія бывшаго тобольскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бантышъ-Каменскаго, имѣя основаніемъ дѣятельность его и усердіе къ службѣ, сопряжены были, однако-жъ, съ отступленіемъ отъ надлежащаго въ объясненіи, по должности, съ предсѣдателемъ губернскаго суда Кукурановымъ и съ членомъ совѣта главнаго управленія Машмейеромъ приличія, и отъ установленнаго для сношеній по дѣламъ порядка, — признаетъ нужнымъ подтвердить ему, Бантышъ-Каменскому, чтобы впредь, если будетъ на службѣ, то, и при самыхъ порывахъ усердія, не отклонялся отъ установленнаго порядка. Въ отношеніи же предсѣдателя тобольскаго губернскаго суда, статскаго совѣтника Кукуранова, усматривая: дерзость его, Кукуранова, противъ начальства, явное своевольство, неосновательныя донесенія, личность противъ бывшаго губернатора, неприличныя на счетъ указа правительствующаго сената изъясненія и другія предосудительные поступки, полагаетъ: за таковыя дѣйствія, изъ коихъ нѣкоторыя относятся ко времени послѣ всемилостивѣйшаго манифеста, учинить ему, Кукуранову, строгій выговоръ, внеся оный въ формулярный о службѣ его списокъ, съ подтвержденіемъ, что если впредь будетъ поступать подобнымъ образомъ, а кольми паче дозволитъ себѣ какія-либо личности ко вреду службы, то подвергнетъ себя за то сужденію по всей строгости законовъ; тобольскому же губернскому суду сдѣлать подтвержденіе, чтобы впредь въ производствахъ по дѣламъ никакихъ двусмысленныхъ и обидныхъ, особенно къ лицамъ высшаго начальства, выраженій употреблять не осмѣливался, подъ опасеніемъ строгаго взысканія по законамъ».

«Въ собственномъ дѣлѣ судьею быть не можно, почему спрашиваю безпристрастнаго читателя: заслуживалъ-ли я такого строгаго наказанія за дѣятельную и усердную службу, какъ отзывается обо мнѣ правительствующій сенатъ? за то, что ограждалъ носимое мною званіе отъ оскорбленій, причиняемыхъ оному чиновниками подвѣдомственными, понуждалъ ихъ къ скорѣйшему и правильному рѣшенію дѣлъ, на моей отвѣтственности лежавшихъ? Невольное отступленіе отъ канцелярскаго порядка, или, изъясняясь словами правительствующаго сената, порывъ усер-

дія,—долженствовалъ-ли запятнать навсегда беспорочное мое служеніе?

«Но, къ несчастью Россіи, нѣтъ у насъ другаго князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго, который, въ началѣ XVIII вѣка, гремѣлъ въ совѣтахъ и судѣ, не картавя, не страшась грознаго монарха. Времена варварства — по словамъ иностранныхъ писателей—какъ не вспомнить о васъ! Тогда державшіе вѣсы Ѳемиды не дерзали кривить ими. Грозная дубинка мудраго преобразователя нашего плясала по спинамъ виновныхъ, не разбирая происхожденій. Посылая въ дальнія губерніи приближенныхъ для узнанія: хорошо-ли управляютъ воеводы? Петръ не довѣрялъ даже избраннымъ своимъ и, чрезъ чиновниковъ постороннихъ, вѣрныхъ, наблюдалъ скрытно за ними, за правотою ихъ дѣйствій. Тогда мы находились еще въ младенчествѣ. Просвѣщеніе начинало только водворяться у насъ. Счастливое время!

«Окинемъ взоромъ порядокъ настоящаго дѣлопроизводства въ XIX столѣтіи. Старцы наши вникали только въ одно существо дѣла, руководствуясь здравымъ разсудкомъ, совѣстью и законами. Мы, озаренные просвѣщеніемъ, поступаемъ иначе. Сначала удостовѣряемся, какія значительныя связи имѣютъ доноситель и подсудимый? Кого изъ нихъ болѣе поддерживаетъ правительство? Какими глазами смотрятъ вельможи на обоюдныя дѣйствія ихъ? Кого винятъ? Кому даютъ вѣру? И тогда произносимъ приговоръ, основанный на утонченной политикѣ, на дальновидномъ самоохраненіи и на законахъ, въ которыхъ, благодаря цѣлому столѣтію, нѣтъ у насъ недостатка!

«Какъ можно оправдать васъ?» говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ судей [1]): «я самъ сенаторъ и былъ ревизоромъ,—обязанъ поддерживать товарищей. Если губернаторы будутъ уничтожать донесенія сенаторовъ, къ чему сенаторы? Или должно ихъ совсѣмъ уничтожить, или не посылать болѣе на ревизію».

«По крайней мѣрѣ, судья сей мыслилъ вслухъ. Другіе молчали!.»

Для каждагó тяжущагося, или находящагося подъ судомъ, его тяжебное или слѣдственное дѣло превращается въ нѣчто въ родѣ нравственнаго недуга, неотразимой идеи (idée fixe). У больнаго — болѣзнь единственный предметъ его помысловъ и разговоровъ; у тя-

[1]) Егоръ Александровичъ Дурасовъ. В.-К.

жущагося или подсудимаго—его дѣло. Записки свои Бантышъ-Каменскій писалъ, конечно, для потомства; но, истомленный усиліями выпутаться изъ юридической паутины, онъ упустилъ изъ виду, что изъ десяти будущихъ читателей едва-ли отыщется одинъ юристъ, котораго заинтересуютъ разсказы о запросахъ, отношеніяхъ, отзывахъ, рукоприкладствахъ и т. п., испещренныя ссылками на статьи законовъ. То, что интересно спеціалисту, не можетъ занимать массу читателей. Болѣе сотни страницъ своихъ записокъ Бантышъ-Каменскій посвящаетъ доказательствамъ своей невинности и описанію кляузъ и придирокъ своихъ судей. Троекратными своими прошеніями на высочайшее имя онъ только вредилъ себѣ, и тѣмъ болѣе, что дозволялъ себѣ въ нихъ довольно рѣзкія выраженія. Вотъ еще одинъ изъ эпизодовъ этого дѣла. Въ августѣ 1830 г. Бантышъ-Каменскій пріѣхалъ вновь въ Петербургъ.

«Надлежало прежде всего узнать отъ оберъ-прокурора 1-го департамента, Журавлева, въ какомъ положеніи находилось тогда мое дѣло,—и вотъ средства, употребленныя мною для вывѣданія отъ сего лукаваго человѣка необходимыхъ свѣдѣній. Пріѣзжаю къ нему въ восьмомъ часу утра; вхожу, по докладу, въ кабинетъ,—онъ суетится, тащитъ большія кресла; я помогаю ему въ сей работѣ, усаживаюсь въ нихъ съ какимъ-то внутреннимъ предчувствованіемъ, что ласковый пріемъ не обѣщалъ ничего хорошаго!

— Позвольте узнать отъ вашего превосходительства,—говорю услужливому хозяину,—въ какомъ положеніи находится теперь мое дѣло? Тому ровно годъ, какъ докладная записка была изготовлена къ слушанію.

— «Такъ точно», отвѣчалъ Журавлевъ, опустивъ глаза внизъ и потирая руки; «но оно остановилось по случаю нѣкотораго соображенія».

Я: О какомъ соображеніи, ваше превосходительство, изволите говорить?

Журавлевъ: «При докладѣ сего дѣла, господа сенаторы нашли нужнымъ пополнить оное необходимымъ поясненіемъ».

Я: Отъ кого же было вытребовано сіе поясненіе, когда въ составленной запискѣ и въ моемъ рукоприкладствѣ помѣщены въ подробности всѣ обвиненія и мое оправданіе?

Журавлевъ: «Право, не упомню за давностью времени. У меня не одно ваше дѣло; притомъ я на дняхъ только возвратился изъ деревни».

Я: Помилуйте, ваше превосходительство, какъ вамъ не знать, что у васъ дѣлается въ департаментѣ? Поясненіе сіе навѣрно было требовано отъ сенаторовъ, ревизовавшихъ Западную Сибирь?

Журавлевъ, смотря на потолокъ: «Кажется, отъ сенаторовъ; да, такъ точно, отъ нихъ».

Я: Что-жъ они сдѣлали: оставили-ли требованіе правительствующаго сената безъ удовлетворенія, или написали свое опровержение противъ моего рукоприкладства?

Журавлевъ, обратя снова взоръ свой на потолокъ: «Право, не упомню за давностью времени: кажется сенаторы, что-то написали. Да, такъ точно, они возвратили все дѣло въ правительствующій сенатъ съ своимъ поясненіемъ».

Я: Слѣдовательно, какъ ваше превосходительство изволите говорить, рукоприкладство мое было передано моимъ обвинителямъ, которые возвратили оное съ неизвѣстнымъ мнѣ опроверженіемъ! И потому я считаю себя въ правѣ подать прошеніе въ правительствующій сенатъ о допущеніи меня къ прочтенію означеннаго опроверженія сенаторовъ и къ дополнительной запискѣ.

Журавлевъ, покраснѣвъ, съ примѣтною досадою: «Такъ этому дѣлу не будетъ конца! Вы желаете невозможнаго. Если допустить васъ къ новому рукоприкладству, то и сенаторы потребуютъ новыхъ поясненій».

Я: Войдите въ мое положеніе, ваше превосходительство: въ оправданіи, при рукоприкладствѣ, я ссылался на подлинныя дѣла, на засвидѣтельствованіе двухъ генералъ-губернаторовъ. Правительствующій сенатъ имѣлъ въ виду обвиненія ревизоровъ; не доставало только въ поясненію дѣла истребованія свѣдѣній, которыя обнаружили бы мою невинность или клевету,—но вмѣсто того самое оправданіе мое было передано моимъ обвинителямъ, чтобы они уничтожили оное неизвѣстнымъ мнѣ опроверженіемъ.

Журавлевъ: «Такъ угодно было господамъ сенаторамъ».

Я: Но неужели меня лишать права, предоставляемаго самыми законами: обвинять, не выслушавъ, не принявъ оправданія?

Журавлевъ: «Вашему превосходительству должны быть извѣстны законы: вы лишились сего права, по причинѣ, что дѣло ваше поступило въ докладъ».

Я: Не смѣю опровергать словъ вашихъ, но все остаюсь при

прежнемъ намѣреніи, подать прошеніе въ правительствующій сенатъ.

Журавлевъ: «Какъ угодно вашему превосходительству».

«По разговору сему можно судить о полученномъ мною успѣхѣ въ сенатѣ: прошеніе было написано, подано; отказъ объявленъ мнѣ тѣмъ же самымъ Журавлевымъ и тѣми же словами, которыя слышалъ отъ него въ кабинетѣ: «Господа сенаторы изволили найдти, что дѣло сіе, допустивъ васъ къ новому рукоприкладству, будетъ безконечное». Я поклонился ему и вышелъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ, не о себѣ одномъ, изъ верховнаго судилища!

«Россія! Любезное отечество мое! Доколѣ законы, долженствующіе служить огражденіемъ невинности, карою виновныхъ, будутъ колеблемы неправдою въ самыхъ нѣдрахъ твоихъ? Доколѣ блюстители правосудія, управляемые страстями, прихотью, будутъ преслѣдовать беззащитныхъ, не страшась послѣдствій? И въ какое время? Когда правительство печется о повсемѣстномъ соблюденіи святости законовъ, когда каждый россіянинъ пребываетъ въ твердомъ упованіи, что собственность его, благосостояніе, жизнь, честь — найдутъ вѣрную защиту въ скрижаляхъ народнаго благоденствія. Нѣтъ! При множествѣ узаконеній, недостаетъ у насъ одного, необходимаго въ обузданію вреднаго самовольства, въ истребленію древней пословицы: «безъ вины виноватъ»,—чтобы не давали полной вѣры донесеніямъ ревизоровъ, не выслушавъ противной стороны; чтобы 1-й департаментъ не подвергалъ отвѣтственности по однимъ обвиненіямъ, а вопрошалъ напередъ обвиняемыхъ по пунктамъ, и потомъ разсматривалъ: заслуживаютъ-ли они толь тяжкаго наказанія? Безъ сего закона, къ чему сенаторамъ-ревизорамъ посылать слѣдственныя дѣла въ 1-й департаментъ? Развѣ для того только, чтобы томить участь подсудимыхъ. Или слѣдуетъ оградить самовольство, или дать оному прямое направленіе. Но — скажутъ — на неправильное рѣшеніе предоставлено приносить жалобу. Удержитесь отъ сего сужденія, нечитавшіе съ начала до конца повѣствованія о послѣдовавшихъ со мною событіяхъ.

«Не буду описывать здѣсь огорченія моего, по случаю объявленнаго отказа въ 1-мъ департаментѣ. Я, нѣкоторымъ образомъ, приготовилъ себя къ оному; но перо мое не въ силахъ изобра-

зить поразившей меня неожиданной печали, когда узналъ, что всеподданнѣйшія прошенія, отъ 12-го марта и 14-го апрѣля 1830 г., поступили изъ коммиссіи прошеній къ господину управляющему министерствомъ юстиціи съ слѣдующимъ высочайшимъ повелѣніемъ: «чтобы онъ обратилъ вниманіе 1-го департамента правительствующаго сената на неприличныя и противузаконныя выраженія мои о сенаторахъ, ревизовавшихъ Западную Сибирь», состоящія въ томъ: будто они несправедливо обвинили меня и будто бы всѣ дѣйствія ихъ основаны были на желаніи вредить мѣстному начальству.

«Теперь остается мнѣ ожидать, какому новому наказанію подвергнетъ меня 1-й департаментъ правительствующаго сената?»

«Кончилъ, 30-го октября 1830 г.».

IV.

Свиданія съ министромъ и дѣльцами сената.

1831 — 1834 гг.

«Быстро летитъ время, когда счастье улыбается намъ; медленно, когда оно отъ насъ отвернется! Прошелъ годъ въ мучительномъ ожиданіи. Въ исходѣ 1831 г. древняя столица Россіи обрадована была неожиданнымъ посѣщеніемъ государя. Вслѣдъ за его императорскимъ величествомъ прибылъ въ Москву Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, нѣкогда младшій товарищъ мой по московскому архиву иностранной коллегіи, подчиненный отца моего,—тогда министръ юстиціи! Разстояніе большое между нами; но я смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, ходящаго на ходуляхъ. Ему удалось схватить ихъ, подняться, сродниться кстати, чтобы не упасть на придворныхъ паркетахъ,—одинъ толчекъ—и великанъ сдѣлается карлою! Съ сею мыслью явился я къ блюстителю правосудія.

«Послѣ нѣкотораго ожиданія съ нѣсколькими просителями, я былъ введенъ дежурнымъ въ кабинетъ министра.

— «Садитесь», сказалъ мнѣ Дашковъ, указывая на кресла, съ видомъ и голосомъ, соотвѣтствовавшими важному его сану. «Чего хотите вы?» спросилъ онъ меня потомъ, съ холодностью выслушавъ гордо извиненія мои, обыкновенныя со стороны просителей, ибо они, имѣя право одинъ разъ въ недѣлю обращаться къ вельможамъ съ просьбами и жалобами, обязаны, однакожъ, всегда испрашивать прощенія въ причиняемыхъ безпокойствахъ.

Я: «Скорѣйшаго рѣшенія моего дѣла, которое нѣсколько лѣтъ покоится въ первомъ департаментѣ».

Дашковъ: «Вы сами виноваты: зачѣмъ жаловались на сенаторовъ?»

Я: «Не жаловался, но оправдывался».

Дашковъ, съ жаромъ: «Что вы мнѣ говорите? Я читалъ все дѣло. Вы дерзко осмѣлились изъясняться противъ нихъ, забывъ всякое приличіе, долгъ службы, подчиненность».

Я: «Если ваше превосходительство читали все дѣло, то, навѣрно, удостовѣрились въ моей невинности и въ пристрастныхъ дѣйствіяхъ обвинителей?»

Дашковъ, заикаясь: «Вы поступили противузаконно, и заслуживаете строжайшаго наказанія въ примѣръ другимъ».

Я: «Вся вина моя состоитъ въ томъ только, что я, вмѣсто настоящаго наименованія, назвалъ клеветниковъ моихъ несправедливыми обвинителями».

Дашковъ, вскочивъ съ креселъ: «Какая дерзость! Называть клеветниками сенаторовъ, облеченныхъ монаршею довѣренностью! Это и въ парламентѣ англійскомъ не допускается. Если будутъ снисходить на сіе, я первый подамъ просьбу въ отставку. Младшій всегда долженъ быть виноватъ передъ старшими. Безпрекословное уваженіе, подчиненность—душа, порядокъ службы. Вы ихъ не соблюдаете, вы забыли ихъ!»

Я: «Еслибъ я несправедливо оправдывался, въ такомъ только случаѣ подлежалъ бы обвиненію».

Дашковъ: «Справедливость на сторонѣ старшихъ, когда они винятъ, — къ чему оправданія? Имъ дается полная вѣра».

Я, съ слезами на глазахъ: «Послѣ сего разговора, выходя изъ дома вашего превосходительство, еслибъ кто-либо напалъ на меня, началъ снимать мою шубу, платье,—клянусь вамъ, что не только не сталъ бы я защищаться, искать своего, но еще благодарилъ бы Бога, что жизнь при мнѣ оставлена!»

Дашковъ, улыбаясь: «Это уже слишкомъ много! Можно писать, да не такъ, однако-жъ, какъ вы писали. Впрочемъ, еслибъ я васъ не уважалъ, не разумѣлъ съ отличной стороны, то не только не сталъ бы съ вами говорить, даже не принялъ бы васъ. Когда возвращусь въ С.-Петербургъ, справлюсь, въ какомъ положеніи находится ваше дѣло и дамъ оному надлежащій ходъ».

«Мы поклонились другъ другу и я горестно удалился отъ блюстителя правосудія.

«Въ то самое время переведенъ былъ изъ перваго отдѣленія шестаго департамента (въ которомъ я прежде судился) въ первый департаментъ сената оберъ-прокуроромъ, вмѣсто Журавлева, пожалованнаго сенаторомъ того департамента, князь Иванъ Александровичъ***, вкравшійся въ сердце министра. Онъ былъ однихъ лѣтъ со мною, товарищъ моего младенчества; съ природнымъ умомъ соединялъ образованность, любезность, быстрое соображеніе, память обширную, навыкъ въ дѣлахъ; но, вмѣстѣ, имѣлъ нравъ завистливый, лукавый, не дорожилъ ни чѣмъ для достиженія своей цѣли, былъ честолюбивъ до крайности, тщеславенъ, низокъ,—не могъ простить мнѣ, что я получилъ прежде его Анненскую ленту! Ему обязанъ я былъ пристрастнымъ рѣшеніемъ моего дѣла въ 6-мъ департаментѣ. Онъ, выхваляя примѣрную честность мою, безкорыстіе, не стыдился говорить всѣмъ о старинной дружбѣ ко мнѣ, о живѣйшемъ участіи, которое онъ принимаетъ въ дѣлѣ моемъ,—и, въ то самое время, увѣрялъ каждаго: «что я былъ не на своемъ мѣстѣ, не знаю дѣлъ, не имѣю опытности,—самъ виновенъ, что попался подъ отвѣтственность!» Переводъ этотъ чрезвычайно огорчилъ меня.

«И въ 1832 году ѣздилъ я два раза въ С.-Петербургъ умолять неумолимыхъ, чтобы они скорѣе разсмотрѣли обвиненія сенаторовъ-ревизоровъ, не умерщвляли неизвѣстностью. Оберъ-секретарь Корсакевичъ, въ рукахъ котораго находились сіи бумаги, человѣкъ честный, дѣловой, но робкій, былъ опредѣленъ въ Тамбовъ вице-губернаторомъ. Онъ, со слезами, говорилъ мнѣ до того: «Что мнѣ дѣлать? Я читалъ дѣло ваше съ начала до конца, старался хотя въ чемъ-либо найти васъ виноватымъ—и не могъ! Какъ ни ворочалъ оное, съ какой стороны ни смотрѣлъ, не къ чему придраться! Войдите въ мое положеніе: господа сенаторы—люди сильные! Я ничего не значу передъ ними: одинъ имѣетъ важныя связи, другой—самъ присутствуетъ въ первомъ департаментѣ. Обвинить васъ не могу противъ совѣсти, оправдать—не смѣю; меня тотчасъ задавятъ. Видно Богъ за грѣхи послалъ мнѣ такое наказаніе!»

Такъ мыслилъ вслухъ добросовѣстный чиновникъ. Кѣмъ за-

мѣнилъ его мнимый мой пріятель кн. ***? Оберъ-секретаремъ Вилинскимъ, чрезвычайно мнительнымъ, вялымъ, у котораго дѣла покоятся обыкновенно нѣсколько лѣтъ, потому что онъ не можетъ рѣшиться представить оныя къ докладу, опасаясь пропусковъ, отступленія отъ существующихъ узаконеній, излишняго послабленія или взысканія незаслуженнаго!

«Я тотчасъ приступилъ къ справкамъ: какой оберъ-секретарь перваго департамента соединяетъ расторопность съ справедливостью? Мнѣ назвали Пурлевскаго. Немедленно отправился я къ кн. ***.

— «Его сіятельство изволилъ пойти къ обѣднѣ, но намѣревался возвратиться къ себѣ до обѣда».

— «Я дождусь его», былъ мой отвѣтъ камердинеру,—и съ сими словами вступилъ въ столовую, гдѣ неизвѣстный мнѣ человѣкъ, высокаго роста, довольно тучный, съ багровымъ румянцемъ на щекахъ, въ синемъ фракѣ, съ знакомъ отличія XXX лѣтней безпорочной службы, ожидалъ уже хозяина. Отъ нечего дѣлать, мы вступили въ разговоръ; погода завела насъ къ пріятностямъ столичной жизни: я хвалилъ каменныя зданія и тротуары, незнакомецъ—окрестности и дачи,—объявилъ мнѣ, что онъ лѣтомъ, въ полномъ смыслѣ слова, наслаждается жизнью въ своемъ владѣніи у самаго Петербурга. «Видно онъ богатъ», думалъ я про себя, «не удивительно, что такъ румянъ!» Между тѣмъ, зазвенѣлъ колокольчикъ нѣсколько разъ довольно громко, камердинеръ бросился отворять дверь и его сіятельство, лишь только вступилъ въ комнату, кинулся обнимать меня! Незнакомецъ зашаркалъ, еще болѣе покраснѣлъ и съ низкими поклонами вручилъ его сіятельству письмо отъ одной почтенной дамы.

Князь, распечатавъ письмо: «А это изъ Москвы? Здорова-ли госпожа N. N.?»

Незнакомецъ, съ низкими поклонами: «Благодареніе Богу, она пользуется, ваше сіятельство, вожделѣннымъ здоровьемъ».

Князь: «Прошу пожаловать въ кабинетъ мой. Садитесь, сдѣлайте одолженіе».

Незнакомецъ продолжалъ стоять.

Князь: «Садитесь, прошу васъ, или я самъ встану».

Незнакомецъ садится, говоря сквозь зубы: «Я могу и постоять передъ вашимъ сіятельствомъ».

Между тѣмъ, сидя въ креслахъ, любовался я сею картиною.

Князь, прочитавъ письмо: «Дѣло ваше находится у прекраснѣйшаго секретаря—дѣловаго, расторопнаго, честнаго, у котораго ни одна бумага не залежится. Я увѣренъ, что г. Пурлевскій въ непродолжительномъ времени изготовитъ оное къ докладу».

Незнакомецъ встаетъ съ креселъ, еще болѣе краснѣетъ, низко кланяется и говоритъ дрожащимъ голосомъ: «Я совсѣмъ о противномъ осмѣливаюсь безпокоить ваше сіятельство».

Князь, съ удивленіемъ: «Объяснитесь; не понимаю васъ. Развѣ вы не желаете, чтобы дѣло ваше было кончено скорѣе?»

Незнакомецъ: «Мнѣ желательно, ваше сіятельство, чтобы оно какъ можно долѣе оставалось безъ дѣйствія».

Князь: «По какой причинѣ?»

Незнакомецъ: «Я опасаюсь, ваше сіятельство, дурныхъ для себя послѣдствій и, притомъ, не составилъ еще надлежащихъ объясненій».

Князь: «Но были-ли онѣ требованы отъ васъ или нѣтъ?»

Незнакомецъ: «Были, ваше сіятельство, тому ровно два года?»

Князь: «И вы въ два года не могли отвѣчать!»

Незнакомецъ: «За болѣзнью, ваше сіятельство».

Князь: «По крайней мѣрѣ, извѣстно-ли правительствующему сенату, что вы были больны?»

Незнакомецъ, въ большомъ замѣшательствѣ: «Нѣтъ-съ, ваше сіятельство».

Князь: «Удивляюсь!»

Я, съ смѣхомъ: «Странное дѣло! Причина, заставившая меня придти сюда, совсѣмъ противная. Отъ тебя зависитъ удовольствовать насъ обоихъ: избавь меня отъ вялаго, мнительнаго оберъ-секретаря Вилинскаго и передай дѣло мое расторопному Пурлевскому, а дѣло господина предоставь первому».

Князь, смѣясь: «Мы поговоримъ о семъ послѣ. (Незнакомцу) Между тѣмъ, сегодня-же справлюсь я въ сенатѣ, въ какомъ положеніи находится ваше дѣло».

Незнакомецъ уходитъ съ низкими поклонами.

Я: «Кто этотъ гусь?»

Князь: «Директоръ морскаго коммиссаріатскаго департамента

5-го класса Симанскій. Онъ уличенъ въ лихоимствѣ и, какъ видишь, страшится рѣшенія».

«Не знаю, у кого покоится его дѣло; но мое, благодареніе случаю, который свелъ меня у князя съ Симанскимъ, было передано г. Пурлевскому.

«Наконецъ, послѣ долговременнаго страданія, лучъ надежды блеснулъ въ моемъ сердцѣ, оживилъ, далъ отраду душѣ. Управлявшій министерстромъ внутреннихъ дѣлъ, сенаторъ Николай Петровичъ Новосильцовъ, къ которому поступило дѣло мое на предварительное заключеніе, нашелъ меня совершенно невиннымъ, согласно постановленію министерскаго совѣта. Сенатъ долженъ былъ сказать тоже въ своемъ рѣшеніи.

«Хотя бывшему тобольскому гражданскому губернатору, Бантышъ-Каменскому, и слѣдовало сдѣлать выговоръ за противузаконныя и неумѣстныя выраженія въ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ о гг. сенаторахъ, ревизовавшихъ Западную Сибирь (здѣсь выбраны были изъ всѣхъ моихъ прошеній самыя сильныя выраженія, кромѣ упомянутыхъ, по высочайшему повелѣнію, въ предложеніи сенату министра), но, пріемля во уваженіе совершенную его невинность, долговременное нахожденіе подъ отвѣтственностью и отличный отзывъ о его службѣ настоящаго г. генералъ-губернатора Западной Сибири[1]), правительствующій сенатъ осмѣливается на все сіе обратить милосердное воззрѣніе его императорскаго величества».

6 марта 1833 года дѣло было рѣшено императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Онъ повелѣлъ: „Бантыша-Каменскаго избавить отъ всякаго взысканія; обратить на службу, при чемъ зачесть ему все время невиннаго нахожденія подъ судомъ—въ годы службы. Гг-мъ же сенаторамъ (ревизорамъ) поставить на видъ неосновательность ихъ донесенія“.

Изъ главныхъ недоброжелателей моихъ, князь Куракинъ вышелъ въ отставку; Безродный былъ убитъ не однимъ замѣчаніемъ, но въ особенности, что провіантское дѣло его, покоившееся такъ долго въ военномъ министерствѣ и состоявшее изъ

---

[1]) Ивана Александровича Вельяминова. Онъ писалъ: «Чѣмъ болѣе вникаю въ дѣла, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что дѣйствія Бантышъ-Каменскаго по службѣ были основаны на справедливости строгой и на пламенномъ желаніи быть полезнымъ и благотворительнымъ народу, высочайше ему ввѣренному».

23,000 листовъ, было представлено тогда государю графомъ Чернышевымъ. Дѣйствія его были обнаружены [1]), прикрыты милостивыми манифестами; со всѣмъ тѣмъ, военный министръ, въ мнѣніи своемъ, помѣстилъ, что «такого чиновника терпѣть на службѣ невозможно».

«Чѣмъ кончилось дѣло Безроднаго? Комитетъ министровъ (гдѣ болѣе всѣхъ покровительствовалъ ему графъ Канкринъ по древней дружбѣ, ибо онъ былъ генералъ-интендантомъ первой арміи, когда Безродный находился правителемъ канцеляріи главнокомандовавшаго) нашелъ, что «давніе проступки сенатора Безроднаго не ясно выведены, почему не слѣдуетъ подвергать его взысканію, тѣмъ болѣе, что комитетъ имѣетъ въ виду отличную службу его, монаршую довѣренность, точное исполненіе разныхъ важныхъ порученій, полученныя награды и важныя мѣста, имъ занимаемыя». Согласно заключенію комитета, Безродный избавленъ отъ всякаго взысканія. Онъ воскресъ и приподнялъ снова выю свою, до того времени согбенную! Любопытно, что дѣло это разсматривалось въ комитетѣ въ тѣ дни, когда графъ Чернышевъ въ немъ не присутствовалъ.

«Кстати: за годъ или за два года передъ тѣмъ, графъ Канкринъ (не бывъ начальникомъ Безроднаго) исходатайствовалъ ему десять тысячъ рублей на приданое дочери, во уваженіе крайней — будто бы — бѣдности! Впослѣдствіи Безродный получилъ ордена: Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго, украшеннаго алмазами, и чинъ дѣйст. тайн. совѣтника».

Что касается до нашего историка, то враговъ у него было еще довольно, что можно видѣть изъ неудачъ, которыя все еще сопровождали его служебную дѣятельность. Вотъ что онъ отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ:

«25-го января 1834 г. я просилъ объ оказаніи мнѣ денежнаго пособія, во уваженіе значительныхъ выгодъ, принесенныхъ казнѣ и совершенно разстроенныхъ домашнихъ дѣлъ. Къ прошенію приложилъ подлинный аттестатъ генерала И. А. Вельяминова. Оно осталось безъ вниманія.

---

[1]) Онъ, между прочимъ, заключалъ контракты 1807 года на бумагѣ 1809 года, получалъ деньги за перевозъ провіанта изъ одного города въ другой, между тѣмъ, какъ доставки сей въ самомъ дѣлѣ не было, ибо провіантъ покупался на мѣстахъ etc., etc. В.-К.

«16-го апрѣля 1834 г., по высочайшему повелѣнію, я уволенъ вовсе отъ службы, вмѣстѣ съ прочими чиновниками, числившимися при герольдіи не у дѣлъ; въ томъ числѣ находился, давно умершій, Р. Быховецъ, служившій до того гражданскимъ губернаторомъ въ Нижегородской губерніи. Какъ я не ожидалъ сего увольненія и не просилъ объ ономъ, то и лишился чина, слѣдуемаго мнѣ на основаніи указа 1762 года».

Кончилъ 26-го генваря 1834 года.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

Наконецъ, въ 1835 году фортуна вновь къ нему обернулась: Бантышъ-Каменскій опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій министерства финансовъ. 16-го мая 1836 г. онъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Вильну. Въ 1839 г.—назначенъ присутствующимъ въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ слѣдующемъ году—опредѣленъ членомъ департамента удѣловъ и пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; въ 1846 г. награжденъ орденомъ Владиміра 2-й степени. Досуги отъ службы въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни Бантышъ-Каменскій исключительно посвятилъ историко-литературнымъ трудамъ, которые появлялись то въ журналахъ (см. напримѣръ, въ „Отечеств. Зап." 1842 г. обширную статью его: „Памяти Карамзина"), то въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ 1850 г. Д. Н. скончался.

А. С. Пушкинъ, съ уваженіемъ отзываясь о литературной дѣятельности Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, называлъ его „настоящимъ историкомъ" [1]).

Заканчивая наши выдержки изъ записокъ почтеннаго историка, мы считаемъ долгомъ поблагодарить дѣтей его Софью Дмитріевну Казину, Елисавету Дмитріевну и Владиміра Дмитріевича за сохраненіе и сообщеніе рукописи „Шемякинъ судъ въ XIX столѣтіи"—матеріала важнаго не только для біографіи ихъ достопамятнаго родителя, но и для характеристики общества и администраціи нашей недавней старины.

Ред.

---

[1]) Письма Пушкина къ Бантышъ-Каменскому напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г. т. III, стр. 527—529.

ГЕНЕРАЛЪ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВЪ,

во время командованія гвардейскимъ корпусомъ.

1818—1822.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г. (т. IV, стр. 533—547), помѣщенъ разсказъ о возмущеніи въ 1820 г. стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, принадлежащій перу извѣстнаго декабриста, поэта Кондратія Рылѣева. Разсказъ Рылѣева возбудилъ всеобщее вниманіе, какъ по интересу происшествія, подробности котораго еще весьма мало разработаны, такъ и по весьма желчнымъ заключеніямъ о личности Илларіона Васильевича Васильчикова (впослѣдствіи князя, предсѣдателя государственнаго совѣта), командовавшаго въ то время гвардейскимъ корпусомъ. Хотя редакція «Русской Старины» заявила (т. IV, стр. 533), что, по ея мнѣнію, означенный разсказъ изложенъ пристрастно, съ очевидною цѣлью оправдать преступленіе семеновцевъ противъ дисциплины и порядка военной службы, но въ виду оскорбительныхъ и несправедливыхъ заключеній Рылѣева о личности покойнаго князя, сыновья его, князья А. И. и В. И. Васильчиковы, тогда же заявили о томъ, что представятъ документы, вполнѣ опровергающіе порицанія дѣйствій ихъ отца во время прискорбныхъ событій 1820 года. Согласно съ симъ, старшій сынъ, князь Александръ Илларіоновичъ, обратился ко мнѣ съ просьбою разобрать всѣ письма и документы покойнаго его родителя, относящіеся къ этому времени,—и я получилъ, къ своему разсмотрѣнію, довольно значительное собраніе бумагъ [1]. По внимательномъ и всестороннемъ изученіи предоставленнаго намъ кн. А. И. Васильчиковымъ матеріала, я, на основаніи добытыхъ изъ него данныхъ, предлагаю опроверженіе обвиненій, взведенныхъ на Васильчикова, по отношенію его къ событіямъ въ старо-Семеновскомъ полку; но прежде всего считаю необходимымъ коснуться начала военной карьеры Васильчикова.

В. Давыдовъ.

---

[1] Вотъ перечень этихъ бумагъ: 1) три собственноручныхъ письма Александра I къ генералу Васильчикову; 2) тридцать-четыре письма начальника главнаго штаба князя Волконскаго къ нему же; 3) восемь черновыхъ писемъ къ Александру I отъ генерала Васильчикова; 4) тридцать-шесть писемъ отъ него къ князю Волконскому; 5) письмо его же къ великому князю Николаю

I.

1-го января 1793 года Илларіонъ Васильевичъ произведенъ въ корнеты въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ; при императорѣ Павлѣ, бывъ ротмистромъ, назначенъ камергеромъ. Общая служба при дворѣ и въ гвардіи и общія невзгоды тогдашняго царствованія сблизили Васильчикова съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, который, черезъ годъ по воцареніи своемъ, произвелъ его въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ своимъ генералъ-адъютантомъ. Въ его глазахъ и съ его товарищами: гр. Строгановымъ, кн. Долгоруковымъ, кн. Чарторижскимъ и Новосильцовымъ, началась безплодная попытка къ измѣненію всего строя Россіи—игра въ запуски въ либерализмъ, взволновавшая всѣ умы и кончившаяся такъ плачевно. Начались войны съ Наполеономъ, въ которыхъ онъ принималъ блистательное участіе, бывъ вкладчикомъ въ той священной лотереѣ, гдѣ вопросъ шелъ—быть или не быть Россіи,—и своею саблею зарубилъ свое имя на скрижаляхъ исторіи славнаго 1812 г. До 1815 г. онъ, съ частію кавалеріи, которою командовалъ, перекочевывалъ изъ государства въ государство до самыхъ стѣнъ Парижа, не принимая никакого участія въ ковняхъ двора и сохраняя въ своемъ сердцѣ чистоту и правдивость боеваго солдата. Но съ 1815 г. роль Васильчикова измѣняется: онъ получаетъ сначала въ командованіе легкую кавалерійскую дивизію, а съ 29-го сентября 1817 г. гвардейскій корпусъ. Въ первое время дѣла шли еще немного

Павловичу; 6) одно къ графу Кочубею; 7) къ князю Меншикову; 8) черновая записка генерала Васильчикова о возмущеніи Семеновскаго полка; 9) записка начальника штаба гвардейскаго корпуса, генерала Бенкендорфа, къ князю Волконскому о томъ же; 10) рапортъ генерала Васильчикова государю о возмущеніи полка; 11) копія съ приказа государя о наказаніяхъ полку; 12) мнѣніе дежурнаго генерала Закревскаго и аудитора Пащенко о степеняхъ наказаній; 13) секретное замѣчаніе о дѣйствіи начальниковъ при возмущеніи, неизвѣстно чье, повидимому, писано рукою государя; 14) отвѣты на нихъ генерала Васильчикова; 15) мнѣніе генерала Васильчикова на рѣшеніе двухъ военныхъ судовъ; 16) замѣчанія генерала Васильчикова, посланныя имъ къ государю, на рѣшеніе военно-судной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ генерала Левашева; 17) секретная записка, неизвѣстно чья, оправдывающая нѣкоторыхъ лицъ въ дѣлѣ возмущенія полка; 18) двѣ секретныя вѣдомости о состояніи гвардейскихъ полковъ; 19) письмо генерала Паскевича. Кромѣ того, я обратился къ остающимся еще въ живыхъ свидѣтелямъ семеновской исторіи, а именно: къ генералъ-адъютанту Шипову, сенатору Казначееву, генералу Дивову, генералу Бѣлявцеву, генералъ-адъютанту графу Граббе, Өедору Николаевичу Глинкѣ и Матвѣю Ивановичу Муравьеву-Апостолу.

В. Д.

по старому; въ этомъ хаосѣ происшествій всякая военная часть, какъ левъ послѣ боя, осматривалась, осаживалась, зализывала свои раны и праздновала, съ полнымъ разгуломъ юности, свои славныя побѣды и свои тяжкіе труды и лишенія въ кампаніяхъ. Съ 1818 г. направленіе правительства значительно измѣняется. Самъ Александръ Павловичъ, столь лучезарно прекрасный до 1818 года, изъ либеральнаго, доступнаго къ великой мысли о правахъ человѣчества государя, подъ вліяніемъ Меттерниха и подобныхъ ему дѣятелей,—изъ покровителя и почти корифея либераловъ — дѣлается человѣкомъ крайне недовѣрчивымъ, суровымъ противникомъ того самаго либеральнаго движенія, котораго былъ виновникомъ—въ предѣлахъ своего государства и защитникомъ внѣ онаго. Великія побѣды славнаго русскаго воинства не только не отвратили Александра Павловича отъ мелочей фронтовой службы, но напротивъ, какъ бы утвердили въ немъ убѣжденіе, что въ мелочахъ плацъ-парадной службы и въ строжайшихъ взысканіяхъ за ихъ нарущеніе кроятся причины нашихъ боевыхъ успѣховъ. При такомъ направленіи образа мыслей Александра Павловича съ одной стороны—и при сильномъ развитіи либеральныхъ идей не только въ обществѣ, но и въ средѣ офицеровъ,—положеніе генерала Васильчикова, при принятіи имъ корпуса, — было весьма затруднительно.

Самолюбіе генерала Васильчикова начинаетъ страдать все болѣе и болѣе; въ началѣ ежедневныя замѣчанія замѣняются желчными вопросами, — всякое лыко ставится въ строку, недовѣріе къ нему ростетъ, откровенные отвѣты не принимаются на вѣру; въ каждомъ невинномъ дѣйствіи усматривается замыселъ, — отъ него требуется безусловная строгость и строгость. Онъ отписывается, но его правдивыя слова не убѣждаютъ, а раздражаютъ; на его плечи стараются взвалить всѣ вины его подчиненныхъ; противъ него интригуютъ, подкапываются, — все сказанное противъ него принимается на вѣру, а ему пишутъ дружескія письма, исполненныя будто-бы довѣрія.

Вотъ вѣрный, хотя еще неполный, очеркъ положенія генерала Васильчикова во время его командованія гвардейскимъ корпусомъ. Во все время своего командованія гвардіей онъ съ твердостью парируетъ направленные на него удары: откровенно излагаетъ свои мысли, не соглашается на дѣйствія произвола, а напротивъ, всегда требуетъ суда надъ виновными и уже послѣ обвиненія — строгаго взысканія. Онъ самъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ, что не легко падаетъ духомъ и потому смѣло борется съ кознями своихъ враговъ, съ мнительностью и недовѣрчивостью государя,—и, не смотря на постоянныя непріятности, не оставляетъ своего поста до той поры, когда возвращеніе государя изъ-за границы, послѣ конгресса въ Лайбахѣ, даетъ ему

*

возможность безъ укора совѣсти просить своего увольненія, оставшись до послѣдней минуты борьбы со щитомъ въ рукѣ. Разоблаченіе этихъ тайнъ въ его письмахъ бросаетъ яркій свѣтъ на дѣянія кн. Васильчикова, имѣвшаго полное право принять девизомъ въ своемъ гербѣ слова: „жизнь—царю, честь—никому". Въ нихъ эта мысль, это чувство проходитъ по всѣмъ строкамъ, какъ музыкальный мотивъ по всей оперѣ.

Обратимся теперь къ тремъ пунктамъ обвиненія дѣйствій генерала Васильчикова во время возмущенія Семеновскаго полка, а именно: 1) будто-бы данъ имъ приказъ на инспекторскомъ смотру Семеновскаго полка, въ августѣ мѣсяцѣ 1820 г., не заявлять какой-либо жалобы на полковаго командира полковника Шварца, подъ опасеніемъ наказанія; 2) неприбытіе его лично въ казармы для водворенія порядковъ въ ротѣ, чѣмъ спасъ-бы весь полкъ; 3) порученіе, данное имъ, для первоначальнаго производства слѣдствія надъ взбунтовавшеюся 1-ю ротою, бригадному командиру великому князю Михаилу Павловичу и начальнику своего штаба генералу Бенкендорфу. Разберемъ подробно и постараемся опровергнуть ихъ на основаніи указанныхъ нами документовъ.

Первое обвиненіе составляетъ полную и неопровержимую клевету, доказательствомъ чему служатъ не только показанія обвиненныхъ солдатъ въ двухъ военно-судныхъ коммиссіяхъ, но и два письма генерала Васильчикова къ кн. Петру Михайловичу Волконскому и частное письмо къ нему же отъ начальника штаба, генерала Бенкендорфа. Этотъ слухъ былъ распущенъ съ преднамѣренною цѣлью, согласно инструкціи, данной членамъ тайнаго общества отъ ихъ управъ, что видно изъ донесеній Грибовскаго, поданнаго генералу Васильчикову для доставленія государю и помѣщеннаго въ „Трудахъ слѣдственной коммиссіи" (во II главѣ, стр. 18), и изъ другихъ документовъ, какъ-то: „Записокъ декабристовъ", относящихся къ этому печальному времени. Въ виду этихъ разоблаченій, намъ понятны нынѣ причины пристрастности въ статьѣ Рылѣева: это былъ лозунгъ, mot d'ordre, который исполнялся слѣпо, не смотря на опровергающіе факты. Для бо́льшаго доказательства пристрастія въ распространяемыхъ тогда свѣдѣніяхъ, посредствомъ членовъ тайнаго общества, укажемъ еще на одно обстоятельство. При разспросахъ нашихъ у одного декабриста, очевидца „Семеновской исторіи" о подробностяхъ происшествія, онъ намъ разсказывалъ: во-1-хъ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ Семеновскаго полка, заявлялъ ему даже письменно о вышесказанномъ приказѣ, тогда какъ никто лучше его не зналъ, что этого приказа не существовало; и во-2-хъ, что онъ впервые отъ насъ узналъ, что командиръ взбунтовавшейся роты, капитанъ Ко[illegible]-

каровъ, умышленно потерялъ записку, данную ему фельдфебелемъ Брагинымъ, о зачинщикахъ бунта, и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы покарать только нѣкоторыхъ главныхъ виновниковъ, пришлось погубить сначала цѣлую роту, а потомъ и весь полкъ. Повторяемъ еще: ротный командиръ, про котораго мы говоримъ, былъ въ то время дѣйствующимъ лицомъ, весьма любимымъ и уважаемымъ какъ офицерами, такъ и солдатами, и не могъ не знать этого дѣйствія Кошкарова, но скрылъ его ото всѣхъ, вѣроятно, имѣя въ виду ту же инструкцію: выгораживать всѣми средствами поступки своихъ.

Второе обвиненіе состоитъ въ томъ, что упрекаютъ генерала Васильчикова въ неприбытіи его лично въ казармы Семеновскаго полка для водворенія порядка; касательно этого обстоятельства, есть даже письмо начальника главнаго штаба, князя Волконскаго, въ которомъ онъ дѣлаетъ ему тотъ же упрекъ и, вѣроятно, по приказанію государя. Васильчиковъ отвѣчалъ ему на это, что онъ, по званію своему, какъ начальникъ корпуса, не счелъ приличнымъ пріѣхать слѣдователемъ; онъ могъ только распорядиться наказаніемъ преступленія противъ дисциплины, послѣ всѣхъ тщетныхъ усилій его подчиненныхъ къ возстановленію порядка,— и, какъ видно, оправданіе это было принято въ уваженіе, потому что мы уже не встрѣчаемъ въ дальнѣйшихъ письмахъ ни упрека, ни порицанія. Мы, съ своей стороны, вполнѣ соглашаемся съ возраженіями генерала Васильчикова и находимъ ихъ вполнѣ вѣскими. Подобные случаи, хотя не столь серьезные, какъ въ 1-й ротѣ Семеновскаго полка, встрѣчались и до 1820 г. и послѣ этого происшествія, что видно изъ письма Васильчикова къ кн. Волконскому. Неужели корпусному командиру, главному начальнику войскъ, при каждомъ безпорядкѣ въ какой-либо ротѣ, немедленно отправляться лично въ казармы, не предоставивъ ближайшему начальству распорядиться этимъ дѣломъ? Для чего же существуетъ военная іерархія, если при всякомъ волненіи, неповиновеніи или какихъ-либо другихъ недоразумѣніяхъ въ ротахъ, корпусный командиръ будетъ обязанъ своимъ появленіемъ усмирять неповинующихся и тѣмъ компрометировать свое званіе и свою власть. На это есть ротные, баталіонные, полковые, бригадные, дивизіонные начальники; а корпусный командиръ, какъ лицо, слишкомъ высокопоставленное и облеченное бо́льшею властью, обязанъ требовать и наблюдать, чтобы всѣ чины исполняли свои обязанности, знать всякое распоряженіе своихъ подчиненныхъ; но при полномъ возмущеніи за нимъ остается только послѣднее слово: „покарать неповиновеніе", дабы бездѣйствіемъ власти не дать усилиться бунту.

Третье обвиненіе указываетъ, что генералъ Васильчиковъ сдѣлалъ

ошибку въ томъ, что поручилъ первоначальное изслѣдованіе происшествія генералу Бенкендорфу совмѣстно съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ,—обоимъ лицамъ, неопытнымъ въ подобныхъ дѣлахъ. Они, дѣйствительно, на мѣсто того, чтобы приступить къ опросамъ отдѣльно каждаго лица, обратились къ цѣлой ротѣ съ требованіемъ выдачи зачинщиковъ, и тѣмъ не только не достигли желаемыхъ результатовъ, но усугубили упорство роты, и дѣло было окончательно испорчено. Это обвиненіе, быть можетъ, вполнѣ справедливо, но нельзя обвинять генерала Васильчикова, а только вышеуказанныхъ лицъ; кому естественнѣе можно было поручить дознаніе въ подобномъ дѣлѣ, какъ не первому лицу послѣ него въ корпусѣ — начальнику его штаба, совмѣстно съ бригаднымъ командиромъ, къ тому же, братомъ государя? не имѣлъ-ли Васильчиковъ всѣ данныя предполагать, что присутствіе этихъ двухъ высокопоставленныхъ лицъ прекратитъ возмущеніе и что рота, въ виду строгости немедленно принятыхъ мѣръ, повинится, выдавши зачинщиковъ? Предвидѣть же, что и всѣ остальныя роты послѣдуютъ примѣру первой, было невозможно. Повторяемъ снова, подобные случаи повторялись и послѣ возмущенія Семеновскаго полка, а именно: въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку — въ ротѣ поручика Корсакова, въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку — въ ротѣ поручика Витта; но они оставались мѣстнымъ ослушаніемъ и эти волненія не принимали тѣхъ гибельныхъ размѣровъ, которые оказались въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Этотъ полкъ въ то время былъ исключеніемъ, какъ въ гвардіи, такъ и во всей арміи: въ немъ одномъ царствовала гуманность относительно солдатъ, полное дружество офицеровъ между собою, поддержанное бывшимъ полковымъ командиромъ, генералъ-адъютантомъ Потемкинымъ.

II.

Императоръ Александръ, послѣ блистательныхъ кампаній 1812, 13 и 1814 годовъ, упоенный блескомъ побѣдъ, паденіемъ Наполеона и колѣнопреклоненіемъ всей Европы, проводилъ бо̀льшую часть своего времени въ конгрессахъ царей, внѣ Россіи, оставивши ее на произволъ любимца своего графа Аракчеева. Тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, уничтожающихъ разстояніе; дѣла задерживались, запутывались,—возбуждалась вражда между правительственными лицами, неудовольствіе росло, промышленность и торговля—не имѣли надлежащаго простора, стѣсняемыя всевозможными монополіями; налоги значительностью своею подавляли нисшіе слои народа и безъ того

истощеннаго тяжкими жертвами, принесенными всей Россіей на алтарь ея спасенія въ двѣнадцатомъ году; но если эти жертвы вызваны были крайнею и дѣйствительною опасностью, въ которую поставлена была страна вторженіемъ деспота Франціи и всей Западной Европы, — то уже дальнѣйшія и значительно тягчайшія жертвы русскаго народа въ 1813 и 1814 годахъ, кромѣ славы его воинству и его вождямъ, не дали ничего: онѣ не только не принесли за собой облегченія отъ крѣпостныхъ путъ, въ которыхъ чахло его нравственное и матеріальное развитіе, но наложило новыя оковы въ видѣ военныхъ поселеній и рядъ всевозможныхъ мѣръ, окрещенныхъ общимъ именемъ аракчеевщины. Вообще нельзя не признать, что Россія второй половины царствованія Александра Павловича, — по внутреннему своему строю, не вполнѣ заслуживала тотъ высокій пьедесталъ, на который вознесъ ее предъ лицемъ всего міра военный геній вождей и самоотверженіе русскаго воинства 1812—1814 годовъ. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, уцѣлѣвшіе обломки „временъ Очакова и покоренья Крыма", состояли бо̀льшею частію изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться какого либо злоупотребленія, во имя правъ человѣчества, казалось преступленіемъ или измѣною отечеству. Но духъ свободы повѣялъ и на закрѣпощенную Россію: молодое ея поколѣніе, вступивши на гражданское поприще въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра I-го, воспитало себя подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ началъ, имъ же проповѣданныхъ и распространенныхъ, понимая, какъ далеко отстала Россія отъ остальнаго міра, кромѣ азіатскихъ народовъ, составляющихъ съ нею одно цѣлое. Вліяніе-же походовъ 1813—1815 гг. въ Германіи и Франціи на русскую военную молодежь слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы о немъ еще говорить.

Сравненіе тогдашнихъ отечественныхъ порядковъ со всѣмъ видѣннымъ въ Европѣ, возмущало и приводило въ негодованіе новыхъ граждан земли русской, уже отрезвленныхъ отъ самодурства отеческаго произвола. Имъ стыдно стало за Россію, такъ глубоко униженную ея внутреннимъ правленіемъ. Любовь и уваженіе ихъ къ императору Александру I, за его начальныя попытки къ измѣненію плачевнаго состоянія дѣлъ, заставили ихъ сначала спокойно ожидать отъ него благодѣтельныхъ преобразованій, готовясь усердно ему содѣйствовать. Но проходили годы — и все мрачнѣе и мрачнѣе дѣлались ихъ надежды. Зловѣщіе слухи стали доходить до нихъ объ измѣненіи мыслей государя. Всего болѣе оскорбляло русскихъ явное предпочтеніе, оказываемое имъ всѣмъ иностранцамъ предъ его подданными, предъ которыми онъ даже не скрывалъ своего неуваженія. Такъ, напримѣръ,

при смотрѣ войскъ въ Вертю, во Франціи, Велингтонъ, восхищаясь устройствомъ русскихъ войскъ, выразилъ государю свое удивленіе.

Императоръ отвѣчалъ ему: „за все, что вы здѣсь видите хорошаго, я обязанъ нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ" [1]). Британская душа герцога, въ которомъ, какъ во всякомъ англичанинѣ, чувство національной гордости ставится выше всякой доблести, была глубоко поражена и онъ часто вспоминалъ этотъ отзывъ Александра, въ виду дымящихся еще полей битвъ и городовъ, орошенныхъ кровью этихъ, пренебрегаемыхъ имъ, подданныхъ.

Польшѣ онъ даровалъ конституцію, смотрѣлъ на нее, какъ на часть Европы, многіе даже опасались, что Александръ Павловичъ, даже отторгнетъ нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединитъ ихъ къ Польшѣ. Между тѣмъ единовѣрную намъ Грецію,— эту злополучную страну — многія столѣтія издыхавшую подъ пятой мусульманина, и только при сверхъ-естественныхъ усиліяхъ пламенныхъ патріотовъ подьявшую мечь противъ своихъ поработителей,—Александръ Павловичъ не только не поддержалъ, но забывъ великія идеи руководившія политикой его безсмертной бабки Екатерины II, — предоставилъ Грецію ея собственнымъ силамъ и отдалъ въ жертву ея злодѣевъ и произволу интригъ Европейскихъ кабинетовъ; въ странномъ и мрачномъ направленіи, какое приняли его мысли въ эти годы, —Александръ Павловичъ борьбу Греціи за независимость принялъ за результатъ демагогическихъ замысловъ европейскихъ революціонеровъ и необратилъ ни малѣйшаго вниманія на сочувствіе Русскихъ къ ихъ единовѣрцамъ [2]). Принимая въ соображеніе состояніе умовъ въ Россіи въ то время, общій уровень образованія, обычаи и привычки временъ Петра и Екатерины, трудность, непониманіе необходимыхъ реформъ, закоснѣлость народа и общества и, наконецъ, самый характеръ императора Александра,— мы придемъ, быть можетъ, къ заключенію, что государь хотя и понималъ необходимость измѣненія порядка вещей, но также чувствовалъ, что зло слишкомъ въѣлось въ плоть и что палліативы не подѣйствуютъ, что нужна смѣлая и твердая воля для полнаго измѣненія порядка вещей. Неувѣренность въ своихъ собственныхъ средствахъ еще болѣе усугубилась въ немъ отъ начала его царствованія [3]): безплодными попытками улучшенія и измѣненія съ молодыми его сотрудниками, непонимавшими ни его, ни

---

[1]) «La Russie» Н. И. Тургенева, стр. 87. Часть 1, стр. 206, книга II. «Записки» Якушкина, стр. 7.

[2]) «Varnhagen denkwürd», 2 Aufl. III, стр. 216.

[3]) «Записки» Ермолова, его разговоръ съ государемъ при взятіи Парижа «La Russie» par N. Turgeneff, часть II, стр. 276.

Россіи, несчастіями первыхъ его войнъ и, наконецъ, исторіею со Сперанскимъ, пожертвованнымъ имъ въ виду ропота еще полудикаго русскаго общества. Послѣ побѣдоносныхъ войнъ, попробовавши роль владыки Европы, государь хотя измѣнилъ свои сомнѣнія на счетъ собственныхъ моральныхъ силъ, но его вниманіе и заботы не могли уже быть такъ исключительно обращены на Россію, въ виду возникавшихъ жгучихъ вопросовъ въ Европѣ, казавшихся ему гораздо важнѣе и славнѣе, чѣмъ улучшенія въ Россіи,—гдѣ, кромѣ малаго для него интереса, нужно было посвятить себя исключительно на этотъ предметъ, бороться, если не съ явной, то съ тайной оппозиціею, приняться за все разомъ,—гдѣ все было гнило и ветхо. Къ тому же, что̀ доставили бы ему улучшенія въ Россіи, кромѣ скучной и тяжелой борьбы и неудовольствій бо̀льшей части его приближенныхъ? Они не прибавили бы ему лишняго обаянія для Европы. Слава его царствованія была уже безъ того лучезарна, а тутъ невольно стали бы раскрываться всѣ язвы, гложущія Россію, нынѣ скрытыя отъ ореола побѣдъ.

Нѣтъ, императоръ Александръ I былъ слишкомъ тонкимъ дипломатомъ, чтобы добровольно наложить на себя это бремя. Къ тому же, характеръ Александра Павловича, видимо, измѣнился: онъ сталъ недовѣрчивымъ и сомнѣвающимся въ каждомъ. Самое незначущее обстоятельство, пустой слухъ, недоброжелательные толки,—все принималось имъ за чистую монету и заставляло не довѣрять самымъ преданнымъ ему лицамъ; приближенные къ нему не знали, какъ представлять ему различныя обстоятельства ихъ администрацій, опасаясь его гнѣва за самыя незначущія дѣйствія лицъ, которыхъ и предупредить нельзя было,—и потому каждый старался скрыть, сколько могъ, происходившее въ его вѣдѣніи, и такое направленіе отражалось на судьбу всѣхъ лицъ въ государствѣ.

Послѣдніе годы царствованія, а именно съ 1820 года, это тяжкое положеніе усиливалось съ каждымъ днемъ: мнительность, недовѣрчивость и скрытность Александра Павловича росли все болѣе и болѣе; онъ допускалъ до своего свѣдѣнія всѣ распри враждующихъ между собою начальствующихъ лицъ. Онъ зналъ, что въ Россіи существуютъ тайныя общества, боялся ихъ, и не имѣлъ довольно силы воли остановить, въ самомъ зародышѣ, злоумышленныя намѣренія [1]). Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла предъ самымъ возмущеніемъ Семеновскаго полка. Генералу Васильчикову, какъ уже сказано выше, приходилось бороться и съ внутреннимъ ослабленіемъ дисциплины

[1]) «Записки Якушкина». стр. 70.

въ войскахъ, и съ недовѣрчивостію государя, видѣвшаго въ самомъ невинномъ дѣйствіи зародышъ преступленія и нежелающаго принять рѣшительныхъ мѣръ къ устраненію причинъ всеобщаго неудовольствія. Вся отвѣтственность за войска гвардіи, весьма тяжелая и опасная по обстоятельствамъ, должна была пасть на Васильчикова. Чтобы вѣрнѣе обрисовать, въ какомъ упадкѣ находилась въ то время дисциплина въ войскахъ и странныя отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ, бывшихъ, до возвращенія войскъ изъ походовъ и послѣ оныхъ, во всѣхъ полкахъ, разскажу, со словъ Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, случай, бывшій въ Кавалергардскомъ полку въ 1811 году. Императрица Елисавета Алексѣевна имѣла обыкновеніе гулять въ Лѣтнемъ саду по утрамъ, и однажды была испугана появившимся неожиданно въ саду смѣненнымъ карауломъ Кавалергардовъ, возвращающихся въ свои казармы; она сказала объ этомъ государю и онъ приказалъ впредь карауламъ не проходить чрезъ Лѣтній садъ. Эскадронный командиръ, полковникъ Шеншинъ, пошелъ однажды посмотрѣть, исполняется-ли въ точности этотъ приказъ, и, войдя въ садъ, увидѣлъ штабъ-ротмистра Авдулина, ведущаго свой караулъ по одной изъ аллей. Онъ немедленно напомнилъ ему приказъ, тотъ возразилъ, и слово за слово, оба, одинъ другому, наговорили дерзостей. Они стрѣлялись и полковникъ Шеншинъ былъ убитъ. Не смотря на это, Авдулинъ даже не былъ судимъ и оставался въ полку, какъ будто ничего не происходило.

При такихъ ненормальныхъ отношеніяхъ начальниковъ и офицеровъ между собою, обращеніе съ солдатами было жестокое; 25-тилѣтняя служба ихъ была настоящею каторгой, кромѣ одного Семеновскаго полка; пьянство, буйство и дикій разгулъ были большею частію единственными развлеченіями не только офицеровъ, но и общества; серьезныхъ занятій—никакихъ, полное пренебреженіе къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, глухое броженіе и явное неудовольствіе отъ столкновенія двухъ враждебныхъ элементовъ въ войскѣ—стараго закала и пробуждающихся новыхъ мыслей въ пользу человѣчества[1]). Въ виду измѣненія характера и мыслей государя, его недовѣріи ко всѣмъ,—при значительномъ и повсемѣстномъ упадкѣ дисциплины и исключительномъ положеніи Семеновскаго полка,—намъ будутъ понятны дѣйствія генерала Васильчикова при этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, и мы не можемъ не отдать полной справедливости благороднымъ качествамъ этого государственнаго дѣятеля, неприбѣгавшаго, какъ обыкновенно, ко лжи и уверткамъ, къ порицанію своихъ

[1]) «La Russie» Тургенева, стр. 511 и 514.

подчиненныхъ, какъ это дѣлается обыкновенно, когда чувствуется темная или явная гроза, идущая отъ престола. Чтобы отдать ему достойное, мы позволимъ себѣ, въ подкрѣпленіе нашихъ словъ, привести ниже нѣкоторые случаи изъ его жизни, разсказанные намъ генералъ-адъютантомъ Шиповымъ и сенаторомъ Казначеевымъ.

III.

Государь императоръ Александръ Павловичъ, проѣзжая, въ 1818 или въ 1819 году, изъ-за границы въ Россію, не былъ намѣренъ смотрѣть войска и потому нигдѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій для представленія ихъ государю. Кавалерія стояла даже на травѣ. Его величество, усматривая, что по его маршруту приходилось проѣзжать черезъ мѣстечко, гдѣ стояли въ то время Бѣлорусскій гусарскій полкъ и конно-артиллерійская рота, вдругъ послалъ фельдъегеря съ приказомъ — собрать какъ полкъ, такъ и роту, для смотра ихъ къ его пріѣзду. Командиромъ Бѣлорусскаго полка былъ тогда храбрый полковникъ Ольшевскій, а ротою командовалъ полковникъ Поздѣевъ. Дѣлать было нечего; не смотря на невыгоды столь неожиданнаго смотра и на бытность лошадей на травѣ, полкъ былъ собранъ, но, къ довершенію его несчастія, во время слѣдованія къ назначенному мѣстечку, пошелъ проливной дождь и шелъ во все время 8-ми-верстнаго перехода; конно-артиллерійская же рота была счастливѣе: она травою пользовалась въ самомъ мѣстечкѣ и потому вышла въ строй почти передъ самымъ пріѣздомъ государя.

Сравненіе обѣихъ частей оказалось самое пагубное для Бѣлорусскаго полка: жалкій его видъ слишкомъ ярко бросился въ глаза въ виду роты, выѣхавшей, если не въ щегольскомъ, то, сравнительно съ гусарами, въ наилучшемъ видѣ. Государь разсердился и немедленно отрѣшилъ отъ должности полковника Ольшевскаго, а полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка. Полковникъ Ольшевскій, какъ я уже говорилъ, былъ одинъ изъ блистательныхъ офицеровъ русской кавалеріи: онъ началъ службу въ Ахтырскомъ полку и командовалъ эскадрономъ во время командованія полкомъ И. В. Васильчикова и брата его Д. В. Васильчикова, и потому былъ имъ обоимъ коротко знакомъ по его блистательнымъ качествамъ. По возвращеніи государя въ Петербургъ, за обѣдомъ, къ которому былъ приглашенъ И. В. Васильчиковъ, онъ началъ ему разсказывать объ неудавшемся смотрѣ и тутъ же объяснилъ, что онъ полковника Поздѣева назначилъ командиромъ полка.

На это генералъ Васильчиковъ сказалъ:

— „Что, если онъ осмѣлится выразить свою мысль его величе-

ству, онъ очень сожалѣетъ, что государь лишился въ полковникѣ Ольшевскомъ отличнаго офицера".

— „Но, полкъ его былъ въ ужасномъ положеніи", отвѣчалъ государь.

— „Тому была какая-нибудь причина, ваше величество; но полковникъ Ольшевскій — вполнѣ достойный офицеръ".

Разговоръ пресѣкся. Послѣ стола императоръ подошелъ къ Васильчикову и спросилъ его:

— „Вы, вѣроятно, коротко знаете Ольшевскаго, что такъ горячо за него заступаетесь?"

— „Да, государь, знаю его давно, какъ отличнаго офицера".

— „Но онъ, вѣрно, любитъ набивать свой карманъ?"

— „Государь, я смѣло могу вамъ сказать, что онъ такъ же честенъ, какъ я".

Императоръ, послѣ этого разговора, вышелъ. Онъ велѣлъ навести справки и, удостовѣрившись въ истинѣ, немедленно приказалъ дать Ольшевскому отличный конно-егерскій полкъ, и, увидѣвши Васильчикова, сказалъ ему: „Благодарю васъ, Илларіонъ Васильевичъ, что вы, вашими словами, дали мнѣ средство исправить мою ошибку".

Въ 1821 году, командиръ второй гвардейской бригады 1-й гвардейской дивизіи, представилъ нѣкоторыхъ подпрапорщиковъ Измайловскаго полка въ офицеры, обойдя, по своимъ соображеніямъ, нѣкоторыхъ другихъ старшихъ, имѣвшихъ право на производство. Въ числѣ ихъ былъ кн. Волконскій, братъ жены Казначеева. При докладѣ корпусному командиру о поступившемъ представленіи, генералъ Васильчиковъ спросилъ Казначеева: „всѣ-ли при этомъ соблюдены законы?". На это Казначеевъ отвѣчалъ, что „тутъ есть упущеніе одного закона, который бригадный командиръ, вѣроятно, забылъ: онъ обязываетъ начальниковъ, непредставляющихъ кого-либо къ слѣдуемой имъ наградѣ, указать причины, недозволившія ему сдѣлать представленіе; и что въ этомъ случаѣ, хотя Казначееву и неловко указывать на это упущеніе,—ибо это относится не только до его зятя, но и до нѣкоторыхъ другихъ,—но что это онъ считаетъ за свою обязанность по долгу службы". Корпусный командиръ приказалъ написать о томъ великому князю, и такъ какъ гнѣвъ его произошелъ изъ-за минутнаго каприза, то бригадный командиръ, великій князь поспѣшилъ измѣнить свое представленіе. Между тѣмъ нѣкоторые лица, узнавъ, что это произошло отъ замѣчанія Казначеева въ пользу его зятя, сильно вознегодавали на него, и чрезъ своихъ знакомыхъ стали распускать слухи, что корпусный командиръ и начальникъ штаба такъ ввѣрились въ дежурнаго штабъ-офицера, что подписываютъ, не читая,

все, что онъ имъ поднесетъ, и что онъ—настоящій командиръ, а не они. Эти слухи дошли до генерала Васильчикова и Бенкендорфа, и Казначеевъ сталъ замѣчать въ нихъ какое-то измѣненіе въ его отношеніи, не угадывая настоящей причины. Къ довершенію этого обстоятельства, въ это самое время произошелъ разрывъ между Н. Т. Аксаковымъ, адъютантомъ генерала Паскевича, съ своимъ начальникомъ изъ-за сватовства его за его свояченицу, Софью Александровну Грибоѣдову, вышедшую впослѣдствіи замужъ за Сергѣя Александровича Римскаго-Корсакова. Получивъ его согласіе, онъ началъ ее сватать, чѣмъ возбудилъ гнѣвъ генерала Паскевича, нежелавшаго этой свадьбы. Дабы уничтожить всѣ средства сношеній Аксакова съ его свояченицей, онъ его уволилъ отъ званія своего адъютанта. Аксаковъ, послѣ тщетныхъ усилій убѣдить своего генерала, что его сердечныя дѣла не входятъ въ кругъ его служебныхъ занятій и не подлежатъ контролю его начальника, рѣшился, наконецъ, чрезъ своего брата, Сергѣя Тимоѳеевича, обратиться къ содѣйствію и помощи Казначеева. Тотъ, въ частномъ разговорѣ съ будущимъ фельдмаршаломъ, началъ его убѣждать—положить гнѣвъ на милость и не лишать карьеры молодого офицера изъ-за его сердечныхъ дѣлъ; это еще болѣе разсердило генерала Паскевича и онъ, весьма рѣзко отклонивъ его ходатайство, началъ всѣмъ говорить, что великій князь правъ, указывая на вліяніе Казначеева въ корпусномъ штабѣ, что онъ вмѣшивается не только въ служебныя, но даже и въ домашнія дѣла лицъ, служащихъ въ гвардейскомъ корпусѣ.

Эти разсказы, разумѣется, дошли тоже до слуха корпуснаго командира и его начальника штаба; и хотя они, повидимому, оставались съ Казначеевымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но уже прежняго довѣрія не было и холодность росла съ каждымъ днемъ. Генералъ Васильчиковъ, во время доклада дѣла, имѣлъ обыкновеніе, прежде чѣмъ дать свою резолюцію, спросить сначала мнѣніе какъ начальника штаба, такъ и дежурнаго штабъ-офицера. Однажды, во время этихъ натянутыхъ отношеній, онъ самъ по какому-то важному дѣлу положилъ резолюцію, къ несчастію, несогласную съ статьями военнаго устава. Казначеевъ почтительно замѣтилъ ему, что это будетъ вопреки такой-то статьи, и увидѣлъ, что корпусный командиръ нахмурился и снова подтвердилъ свое приказаніе. На другой день генералъ Бенкендорфъ потребовалъ Казначеева и объявилъ ему, что корпусный командиръ приказалъ ему, впредь никогда не выражать своего мнѣнія, если оно несогласно съ его волею, и тутъ же высказалъ ему, что въ городѣ и безъ того говорятъ, что всеобщій дѣятель въ гвардіи—онъ, Казначеевъ, и что онъ будто бы вертитъ своими началь-

никами, какъ пѣшками. На это Казначеевъ отвѣчалъ, что это ему тѣмъ прискорбнѣе, что подобные слухи распространяются не его врагами, а врагами его начальниковъ, и что никто лучше генерала не можетъ знать, есть-ли хоть тѣнь правдоподобія въ подобныхъ сплетняхъ? а что разъ утративъ довѣріе своего начальства, онъ проситъ доложить генералу Васильчикову просьбу его—уволить его отъ званія дежурнаго штабъ-офицера для возвращенія его въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Бенкендорфъ согласился и поѣхалъ къ Васильчикову одинъ, а Казначеевъ сталъ готовить дѣла для сдачи. Прошло нѣсколько часовъ; между тѣмъ, въ штабъ пріѣхали корпусный командиръ съ начальникомъ штаба, чего въ продолженіе всей его службы никогда не бывало.

Генералъ Васильчиковъ, вошедши въ комнату, сѣлъ къ столу и спросилъ: „нѣтъ-ли еще какихъ дѣлъ, кромѣ доложенныхъ утромъ?" и дѣйствительно, случилось одно, уже заготовленное и довольно запутанное. По выслушаніи доклада, генералъ, по своему обыкновенію, обратился къ Казначееву и спросилъ его мнѣнія, на что тотъ отвѣчалъ, что „получивъ нынче утромъ приказаніе начальника штаба не смѣть подавать никогда мнѣнія, онъ не позволитъ себѣ не исполнить его, а что, въ виду потери довѣрія къ нему корпуснаго командира, онъ почтительно проситъ уволить его отъ его должности". Тогда генералъ Васильчиковъ всталъ, заперъ дверь и сказалъ генералу Бенкендорфу: „Александръ Христофоровичъ! Мы кругомъ виноваты передъ полковникомъ; онъ служитъ отлично, дѣла у него въ порядкѣ, все исполняется, какъ слѣдуетъ, а мы съ вами повѣрили пустымъ слухамъ и обидѣли человѣка". Тогда, обратясь къ Казначееву, онъ ему сказалъ: „Прости меня, любезный Александръ Ивановичъ; каюсь, что я кругомъ предъ тобою виноватъ, и прошу у тебя прощенія; не оставляй насъ, оставайся служить и забудемъ старое". Слезы брызнули изъ глазъ Казначеева въ виду такого благороднаго поступка, и онъ, разцѣловавшись съ Васильчиковымъ, остался дежурнымъ штабъ-офицеромъ. Эти факты, лучше всякихъ словъ, даютъ мѣрило недостойныхъ обвиненій и сохраняютъ для потомства черты высокаго гражданскаго мужества и честности того, кто смѣло могъ внести въ свой гербъ слова: „Жизнь—царю, честь—никому".

В. Д. Давыдовъ.

ПЕРСІЯ И ПЕРСІЯНЕ.

Донесеніе А. С. Грибоѣдова.

1827.

Въ біографіи кн. В. Г. Мадатова, напечатанной въ «Русской Старинѣ», (изд. 1873 г., т. VII, стр. 87—102), сообщены нѣкоторыя данныя относительно войны Россіи съ Персіей. Война эта, вполнѣ предвидѣнная Ермоловымъ, но совершенно неожиданная для высшаго правительства въ Петербургѣ, вспыхнула лѣтомъ 1826 г. Она началась внезапнымъ вторженіемъ наслѣдника персидскаго престола Аббасъ-Мирзы въ русскіе предѣлы. 3-го сентября 1826 г., блестящая побѣда кн. Мадатова подъ Шамхоромъ остановила успѣхи Персіянъ. Вслѣдъ за тѣмъ, 13-го сентября произошла славная для русскихъ битва подъ Елисаветполемъ. Честь побѣды принадлежитъ скорѣе кн. Мадатову, нежели генералу Паскевичу.

Успѣхъ за успѣхомъ сопровождали затѣмъ русское оружіе. Русскіе, отбросивъ Персіянъ въ ихъ предѣлы, перенесли войну въ Персію. 21-го мая 1827 года, генералъ Паскевичъ сдѣланъ былъ, вмѣсто Ермолова, главнокомандующимъ кавказскимъ корпусомъ [1]). 2-го іюля, Аббасъ-Мирза былъ совершенно разбитъ подъ Нахичеванью и самъ едва успѣлъ ускакать. 7-го іюля сдалась персидская крѣпость Аббасъ-Абадъ. Вскорѣ за этими блестящими успѣхами, Паскевичъ, съ отвѣтомъ на троекратныя просьбы Аббасъ-Мирзы о заключеніи мира, послалъ въ персидскій лагерь для переговоровъ одного изъ состоявшихъ при себѣ чиновниковъ: то былъ знаменитый авторъ «Горе отъ Ума», Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

Подробный и интересный разсказъ Грибоѣдова объ этой поѣздкѣ читатели найдутъ въ представляемомъ здѣсь донесеніи его генералу Паскевичу. Документъ этотъ важенъ какъ для біографіи геніальнаго писателя, такъ еще болѣе по тѣмъ характернымъ, тонко подмѣченнымъ чертамъ персидскихъ нравовъ, обычаевъ, понятій, какія Грибоѣдовъ соединилъ въ своемъ разсказѣ. Печатаемъ его по двумъ спискамъ: одинъ—довольно неисправный—пріобрѣ-

---

[1]) Къ этой эпохѣ относится обширное собраніе матеріаловъ, именно: секретныя донесенія и письма Ермолова, Дибича и Паскевича 1826—1827 гг., впервые появившіяся въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. V, стр 705, и т. VI, стр. 39 и 243.

тенъ отъ И. А. Пузыревскаго изъ бумагъ Н. В. Кукольника, а другой — вполнѣ тщательный, руки Ѳ. В. Булгарина, — полученъ нами отъ его сыновей Б. Ѳ. и В. Ѳ., при посредствѣ Т. А. Сосновскаго.

Ред.

Командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютанту и кавалеру Паскевичу. Иностранной коллегіи надворнаго совѣтника Грибоѣдова донесеніе.

30-го іюля 1827 г. Лагерь при селеніи Карабабы.

20-го числа іюля я, по приказанію вашего высокопревосходительства, отправился изъ крѣпости Аббасъ-Абадъ въ персидскій лагерь, куда въ тотъ же день прибылъ передъ вечеромъ; 7-мь часовъ ѣзды скорой, разстояніе около 49 верстъ отъ Аракса до опустѣлой деревни Каразіадинъ, гдѣ я долженъ былъ ждать, когда позоветъ меня къ себѣ Аббасъ-Мирза. Скудно-разбросанныя палатки не означали присутствія многочисленнаго войска. Вечеромъ прибылъ ко мнѣ Мирза-Измаилъ съ привѣтствіями отъ Шахзады, который на ту пору прохлаждался въ горахъ, и только на другой день намѣренъ былъ спуститься къ Каразіадину, или въ Чорскую долину (такъ называется цѣлый округъ изъ 12-ти деревень). Къ моей палаткѣ поставленъ почетный караулъ, разумѣется, чтобъ имѣть надо мною надзоръ; но всѣ условія вѣжливости были соблюдены, даже до излишества.

21-го іюля, поутру, подошва горъ къ югу, со стороны Хоя, запестрѣла вооруженными конными и сарбазами,—и вскорѣ былъ разбитъ лагерь на большомъ протяженіи.

Въ часъ пополудни за мною прибылъ наибъ Эшикъ-Агаси отъ Аббасъ-Мирзы, къ которому я отправился съ толпою народа; при мнѣ же были Мирза-Измаилъ и Мирза-Сале. Я былъ допущенъ къ аудіенціи тотчасъ, безъ предварительныхъ церемоній. Аббасъ-Мирза одинъ былъ въ обширной палаткѣ; со мною взошли нѣсколько человѣкъ изъ его приближенныхъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ о вашемъ здоровьѣ, обо мнѣ собственно, онъ началъ мнѣ вспоминать о прежнемъ моемъ пребываніи въ Тавризѣ и проч. Потомъ долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазоровича, Севаримидзева, какъ на главныхъ, по его мнѣнію, зачинщиковъ нынѣшней войны. Я ему отвѣчалъ, что неудовольствія были обоюдны, по случаю спора о границахъ; но съ нашей стороны никогда бы не вызвали военныхъ дѣйствій, если бы самъ Шахзади не вторгнулся въ наши области.

— „Моихъ и шаха пословъ не допускали до государя, писемъ не доставляли въ Петербургъ,—сколько я ихъ показывалъ князю Меншикову, мнѣ обратно присланныхъ, даже нераспечатанныхъ, сколько теперь у меня ихъ сохраняется, въ томъ же видѣ, для оправданія моего передъ государемъ вашимъ“.

Я ему напомнилъ о двукратномъ пріѣздѣ въ Россію Абуль-Гассанъ-хана, о Мекмедъ-Гассанъ-ханѣ-Афшарѣ, о Мирза-Сале, бывшихъ въ Петербургѣ, чрезъ которыхъ всегда можно было представить императорскому двору жалобы, еслибы онѣ основаны были на справедливости. Наконецъ, князь Меншиковъ для того былъ присланъ въ Персію отъ самого государя, чтобы устранить поспѣшно и навсегда возникшія тогда несогласія. Впрочемъ, когда кто лежитъ боленъ цѣлый годъ, не отыскиваютъ уже первыхъ причинъ его болѣзни, а стараются уврачевать ее,—такъ и съ настоящею войною.

Разговоръ въ этомъ смыслѣ продолжался болѣе часу. Я вынужденъ былъ сказать, что не имѣю порученія разбирать то, что предшествовало войнѣ, что это не мое дѣло....

— „Такъ всѣ вы говорите: не мое дѣло,—но развѣ нѣтъ суда на этомъ свѣтѣ!“

— Ваше высочество сами поставили себя судьею въ собственномъ дѣлѣ, и предпочли рѣшить его оружіемъ. Не отнимая у васъ ни благоразумія, ни храбрости, ни силы, замѣчу одно только: кто первый начинаетъ войну, никогда не можетъ сказать, чѣмъ она кончится.

— „Правда“, отвѣчалъ онъ.

— Прошлаго года персидскія войска внезапно и довольно далеко проникли въ наши владѣнія по сю сторону Кавказа. Нынче мы пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксѣ, овладѣли Аббасъ-Абадомъ, откуда я присланъ....

— „Овладѣли! взяли! Вамъ сдалъ Аббасъ-Абадъ зять мой, трусъ,—онъ женщина, хуже женщины“.

— Сдѣлайте то, что мы сдѣлали противъ какой-либо крѣпости, и она сдастся вашему высочеству.

— „Нѣтъ, вы умрете на стѣнѣ, ни одинъ живой не останется; мои не умѣли этого сдѣлать, иначе вамъ никогда бы не овладѣть Аббасъ-Абадомъ“.

— Какъ бы то ни было, при настоящемъ положеніи дѣлъ уже три раза, какъ генералъ получалъ отъ васъ предложенія о мирѣ, и ни одно изъ вашихъ сообщеній несходно съ условіями, мимо которыхъ съ нашей стороны не приступятъ ни къ какимъ переговорамъ. Такова есть воля государя. Чтобы на этотъ счетъ не было болѣе не-

доразумѣній, я сюда присланъ. При томъ долженъ объявить вашему высочеству, что посланные ваши, если явятся съ предложеніями другаго рода, несогласными съ нашими, или для преній о томъ, кто первый былъ причиною войны, — они не только не получатъ удовлетворительнаго отвѣта, но главноначальствующій не признаетъ себя даже въ правѣ ихъ выслушивать. Условія же, если ваше высочество расположены ихъ выслушать, я сейчасъ буду имѣть честь изложить вамъ,—въ этомъ именно состоитъ мое порученіе.

— „Послушаемъ“, сказалъ онъ; „но развѣ должно непремѣнно трактовать, наступя на горло, и нельзя разсуждать о томъ, что было прежде?“

Тутъ онъ опять началъ распространяться о безуспѣшныхъ прежнихъ его усиліяхъ жить съ нами въ мирѣ, подъ сѣнію расположенія къ нему россійскаго императора. Обвиненія съ жаромъ противъ пограничныхъ начальниковъ, не щадя и своихъ сардаръ и брата его; потомъ неистощимыя увѣренія въ преданности императору,—все это быстро слѣдовало одно за другимъ. Я изъ нѣкоторыхъ словъ могъ, однако, замѣтить, что личный характеръ государя императора сильно дѣйствуетъ на него, какъ отпечатокъ твердости и постоянства въ предпріятіяхъ; такъ, онъ отзывался, по свидѣтельству-ли англичанъ, или по другимъ до него дошедшимъ свѣдѣніямъ, но повторилъ не разъ, что онъ знаетъ о рѣшительныхъ свойствахъ великаго императора, что свидѣтельствуютъ всѣ сыны и братья европейскихъ царей и послы, пріѣзжавшіе поздравлять его со вступленіемъ на престолъ. Тоже впечатлѣніе я потомъ замѣтилъ и въ прочихъ лицахъ, съ которыми имѣлъ дѣло въ персидскомъ лагерѣ; они разсказываютъ множество анекдотовъ,— иные справедливые, бо̀льшею частью вымышленные, но представляющіе россійскаго государя въ какомъ-то могущественномъ видѣ, страшномъ и для его непріятелей. Я воспользовался этимъ, чтобы обратить вниманіе Шахзады на неприличность прошлогоднихъ поступковъ въ Персіи противъ кн. Меншикова.

— Какъ, съ такими понятіями о могуществѣ нашего государя, вы рѣшились оскорбить его въ лицѣ посланника его величества, котораго задержали противъ самыхъ священныхъ правъ, признанныхъ всѣми государствами? Теперь, кромѣ убытковъ, нами понесенныхъ при вашемъ впаденіи въ наши области, кромѣ нарушеній границъ, оскорблена и личность самого императора,— а у насъ честь государя есть честь народная!

При этихъ словахъ, онъ какъ-будто пораженъ былъ какою-то мыслью, и такъ непринужденно, громко и краснорѣчиво раскаявался въ своемъ проступкѣ, что мнѣ самому ничего не оставалось къ этому

прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это раскаяніе смиренно, по извѣстному уже вамъ характеру Персіянъ.

Послѣ того онъ всѣхъ выслалъ; остались: онъ, я и мой переводчикъ; но за занавѣсью выказывался человѣкъ, въ которомъ я опять узналъ Алагръ-хана. Аббасъ-Мирза, наконецъ, рѣшился выслушать условія, говоря, однако, что онъ уже ихъ знаетъ отъ Мирзы-Сале.

Переводчикъ мой пространно объяснилъ ему, чего требуетъ наше правительство; по поданнымъ ему отъ меня наставленіямъ, ни разу не уклоняясь отъ должной учтивости и уваженія къ тому, съ кѣмъ говорилъ, всячески щадя его самолюбіе. Шахзади нѣсколько разъ покушался его прервать, но я съ покорностью просилъ его быть терпѣливѣе, иначе мое порученіе останется недовершеннымъ. Когда все съ нашей стороны было объяснено, онъ едва не вскочилъ съ мѣста.

— „Такъ вотъ ваши условія! Вы ихъ предписываете шаху иранскому, какъ своему подданному! Уступка двухъ областей, дань деньгами! но когда вы слыхали, чтобы шахъ персидскій сдѣлался подданнымъ другаго государя? Онъ самъ раздавалъ короны. Персія еще не погибла".

— И Персія имѣла свои дни счастія и славы; но я осмѣлюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейнъ-шахѣ-Софіѣ, который лишился престола, побѣжденный авганцами. Предоставляю собственному просвѣщенному уму вашему судить, насколько русскіе сильнѣе авганцевъ.

— „Кто же хвалитъ за это шаха Гуссейна; онъ поступилъ подло,— развѣ и намъ слѣдовать его примѣру?"

— Я вамъ назову великаго человѣка и государя, Наполеона, который внесъ войну въ русскіе предѣлы и заплатилъ за это утратою престола.

— „И былъ истинный герой: онъ защищался до самой крайности. Но вы, какъ всемірные завоеватели, все хотите захватить,—требуете областей, денегъ, и не принимаете никакихъ отговорокъ".

— При окончаніи каждой войны, несправедливо начатой съ нами, мы отдаляемъ наши предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятеля, который бы отважился переступить ихъ. Вотъ отчего въ настоящихъ обстоятельствахъ требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги—также родъ оружія, безъ котораго нельзя вести войну. Это не торгъ, ваше высочество, даже не вознагражденіе за претерпѣнные убытки: требуя денегъ, мы лишаемъ непріятеля способовъ вредить намъ на долгое время.

Не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что эти слова по-

казались очень непріятными Аббасъ-Мирзѣ. Можетъ быть, я и нѣсколько перешолъ за черту даннаго мнѣ порученія; но смѣю васъ увѣрить, что этимъ не только ничего не испорчено, но при будущихъ переговорахъ уполномоченные его императорскаго величества избавлены будутъ отъ труда исчислять персіянамъ итоги военныхъ издержекъ, которыя они оцѣняютъ, по-своему, довольно дешево, ибо армія ихъ во время войны, даже въ собственномъ краю, кормится сколько можно даромъ, на счетъ поселянъ беззащитныхъ.

Аббасъ-Мирза подозвалъ меня, какъ можно ближе, и почти на ухо началъ меня распрашивать о степени власти, отъ государя вамъ ввѣренной,—можете-ли вы отъ себя убавить нѣкоторую часть своихъ требованій; что есть два рода главнокомандующихъ: одни на все уполномоченные, другіе—съ правами ограниченными, какова, наконецъ, власть генерала Паскевича?

— Большая, отвѣчалъ я; но тѣмъ она болѣе, тѣмъ болѣе отвѣтственность.

Потомъ я объяснилъ ему, что у насъ одна господствующая воля самого государя императора, отъ которой никто уклониться не можетъ, въ какую бы власть облеченъ ни былъ; условія будущаго мира начертаны по волѣ государя и исполнитель главноначальствующій, и проч. Это завлекло меня въ сравненіе съ Персіею, гдѣ единовластіе въ государствѣ нарушается по прихоти частныхъ владѣтелей и разномысліемъ людей, имѣющихъ голосъ въ совѣтѣ шахскомъ, даже изступленіемъ пустынника, который изъ Кербелая является съ возмутительными проповѣдями и вовлекаетъ государство въ войну бѣдственную. Аббасъ-Мирза часто оборачивался къ занавѣскѣ, за которой сидѣлъ Алагръ-ханъ, и сказалъ мнѣ:

— „У васъ тоже не одна воля: въ Петербургѣ одно говорятъ, Ермоловъ — другое; у насъ былъ Муштандъ для Музульманъ, вы тоже, для возбужденія противъ насъ армянъ, выписали въ Эчміадзинъ христіанскаго калифа“, и такъ далѣе.

Послѣ многихъ отступленій, мы опять обратились къ условіямъ будущаго мира.

— „Итакъ, генералъ Паскевичъ не можетъ или не хочетъ сдѣлать никакой отмѣны въ объявленныхъ вами предложеніяхъ? Мы заключимъ перемиріе; это онъ можетъ; тѣмъ временемъ я самъ къ нему прибуду въ лагерь, скажу ему, чтобы онъ указалъ мнѣ путь къ императору,—самъ отправлюсь въ Петербургъ, или пошлю моего старшаго сына, онъ наслѣдникъ мой, какъ я — шахскій. Будемъ цѣловать руку великаго государя, престолъ его,—мы его оскорбили, будемъ просить прощенія, онъ во всемъ властенъ, но великодушенъ; захочетъ

областей, денегъ—и деньги, и весь Ардэебидвамъ, и самого себя отдамъ ему въ жертву; но чистосердечнымъ симъ поступкомъ пріобрѣту пріязнь и покровительство россійскаго императора".

Эту идею онъ развивалъ мнѣ съ различными измѣненіями, и при каждомъ разѣ я напоминалъ ему, что ваше высокопревосходительство не въ правѣ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дать ему или Эмиръ-Зади пропускъ въ С.-Петербургъ; что это намѣреніе гораздо удобнѣе было исполнить прошлаго года, во время коронаціи императора; но Шахзади предпочелъ тогда схватиться за оружіе, и я не могу скрыть, что государь разгнѣванъ именно и лично самимъ Аббасъ-Мирзою.

Онъ снова говорилъ, что знаетъ, чувствуетъ это,—готовъ исправить вину свою, снискать утраченное имъ благоволеніе государя; эти увѣренія онъ повторялъ до безконечности.

— „Скажите, Грибоѣдовъ, вы жили въ Тавризѣ,—чего я не дѣлалъ, чтобы съ вами остаться въ дружбѣ? чѣмъ можете укорить меня, какимъ проступкомъ противъ трактата?"

Я привелъ ему на память разсѣяніе возмутительныхъ фирмановъ въ Дагестанѣ, на которые во все время жаловался генералъ Ермоловъ.

— „Видѣли-ли вы ихъ? гдѣ они? Это нелѣпости, вымышленныя моими врагами—Ермоловымъ и Мазаровичемъ, также какъ и уши, и носы убитыхъ на Кавказѣ русскихъ, которые будто бы привезены были лезгинами ко мнѣ въ Тавризъ. Когда же это было? Вы свидѣтель, что это ложь; между тѣмъ, императоръ Александръ выговаривалъ это Мехмедъ-Гуссейну-хану въ Петербургѣ; такими клеветами возбуждали противъ меня покойнаго вашего императора и также умѣли лишить меня благосклонности его преемника. Съ кн. Меншиковымъ можно было имѣть дѣло—умный и не коварный человѣкъ; но онъ всегда отговаривался, что не имѣетъ власти дѣлать мнѣ иныхъ предложеній, кромѣ тѣхъ, которыя мнѣ уже объявлены были генераломъ Ермоловымъ. Теперь, если мы вамъ отдадимъ области, заплатимъ требуемую сумму, что пріобрѣтемъ въ замѣну? Новые предлоги къ будущимъ распрямъ, которыя со временемъ созрѣютъ и произведутъ опять войну. При заключеніи прежняго мира, мы отказались въ пользу вашу отъ обширнѣйшихъ провинцій, на все согласились, что отъ насъ хотѣли,—англичане тому свидѣтели; и что же пріобрѣли, кромѣ новыхъ притязаній съ вашей стороны, обидъ нестерпимыхъ! Миръ во сто разъ хуже войны! Нынче посланные мои принимаются ласковѣе генераломъ Паскевичемъ, сообщенія его со мною вѣжливѣе, чѣмъ во время такъ-называемаго мира; я перечесть не могу всѣхъ оскорбле-

ній, мною претерпѣнныхъ въ теченіи десяти лѣтъ. Нѣтъ! Я, или сынъ мой, мы непремѣнно должны ѣхать къ императору...“ и проч.

Я опять представлялъ ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить этого; и въ обыкновенное время приличіе требуетъ писать предварительно въ Петербургъ, и просить на то соизволенія его императорскаго величества. Онъ началъ разсчитывать, какъ скоро можетъ прибыть отвѣтъ изъ С.-Петербурга; требовалъ отъ меня ручательства, что государь допуститъ его къ себѣ; просилъ меня стараться объ этомъ дружески и усердно при вашемъ высокопревосходительствѣ, а васъ самихъ—ходатайствовать за него въ С.-Петербургѣ,—въ то самое время, какъ я неоднократно изъявлялъ ему мое сомнѣніе о томъ, возможно-ли такія предложенія дѣлать и принимать въ военное время. Способъ трактовать—исключительно свойственный Персіянамъ, которые разговоръ о дѣлѣ государственномъ внезапно обращаютъ въ дружескую гаремную бесѣду, и поручаютъ хлопотать въ ихъ пользу чиновнику воюющей съ ними державы, какъ доброму ихъ пріятелю. Все это я замѣтилъ самому Шахзади довольно безполезно. Начались и продолжались толки о перемиріи на то время, какъ пошлется донесеніе въ С.-Петербургъ, и получится желаемый отвѣтъ, т. е., отъ 4-хъ до 5-ти недѣль. Я не призналъ за нужное оспаривать далѣе надеждъ Аббасъ-Мирзы, не подкрѣпляя ихъ, впрочемъ, ни малѣйшимъ увѣреніемъ, и занялся условіями перемирія, какъ дѣла, для насъ полезнаго. Предложеніе о томъ было съ его стороны. Онъ хотѣлъ, чтобы мы отступили въ Карибаду, а онъ—въ Тавризъ; Нахичиванскую область очистить и считать нейтральною, кромѣ Аббасъ-Абада, котораго гарнизонъ онъ на себя бралъ продовольствовать. Во многомъ мы были согласны; я иное отвергалъ,—ни въ чемъ не условились и я просилъ дать мнѣ нѣсколько часовъ досуга, чтобы обдумать и написать ему проэктъ перемирія.

— „Нѣтъ! сейчасъ рѣшить, я не хочу вашего письма. Ради Бога, не пишите,—вы потомъ не отступитесь ни отъ одного слова“.

Кончилось, однако, на томъ, что я у себя обдѣлаю и потомъ представлю ему условія. Привѣтствія полились рѣкою, похвалы, лесть, болѣе или менѣе сносныя. Аббасъ-Мирза спрашивалъ, часто-ли обо мнѣ навѣдываются его окружающіе? кто изъ нихъ былъ у меня? чтобы утромъ явились ко мнѣ, не оставляли меня скучать. Въ этомъ туманѣ я откланялся. Шесть часовъ продолжался разговоръ нашъ. Передъ вечеромъ я прибылъ къ себѣ.

Ночью я написалъ проэктъ перемирія по данному наставленію мнѣ отъ вашего высокопревосходительства; потомъ заставилъ его перевесть. Случай казался удобнымъ привести къ окончанію это дѣло.

Аббасъ-Мирза самъ подалъ тому первый поводъ. Притомъ я, въ трехлѣтнее мое пребываніе въ Тавризѣ, никогда не видѣлъ его въ такомъ расположеніи духа, съ такою готовностью на всякаго рода соглашенія, въ такой горячности раскаянія. Впослѣдствіи, однако, подтвердились наблюденія, не однимъ мною сдѣланныя, что у персіянъ слова съ дѣлами въ вѣчномъ между собою раздорѣ.

22-го іюля 1827 г., рано поутру, я свѣрилъ подлинникъ съ переводомъ бумаги, которую намѣренъ былъ отправить къ Аббасъ-Мирзѣ. Меня посѣтилъ Мирза-Мехмедъ-Али-Мустафа и проговорилъ цѣлое утро. Дѣло шло о невыгодномъ положеніи Шахзади, отца его, и вообще всей Персіи въ отношеніи къ намъ. Я изумлялся тому, что слышалъ: персидское высокомѣріе исчезло совершенно. Между прочимъ, я высказавъ Мирзѣ-Мехмедъ-Али то, чего не договорилъ наканунѣ самому Шахзадѣ, по той причинѣ, что мы ни минуты въ двоемъ не оставались, о будущей незавидной судьбѣ его: когда весь Ардербиджанъ будетъ въ рукахъ нашихъ,—какое лицо представитъ онъ изъ себя между братьями, лишась удѣла, ему отъ шаха пожалованнаго, и этимъ лишеніемъ обязанный самъ себѣ, своей опрометливости. Всѣ бѣдствія, которыя потомъ постигнутъ Персію, если война продолжится, припишутъ ему же,—и это, конечно, не только не утвердитъ его наслѣдственнаго права, но можетъ отдалить его отъ престола.

Мирза-Мехмедъ-Али во всемъ соглашался, и передалъ мои слова Аббасъ-Мирзѣ, потому что онъ самъ мнѣ потомъ говорилъ объ этомъ.

Бумагу мою я къ нему отправилъ и долженъ былъ въ тотъ же день вторично къ нему явиться; но, вмѣсто того, почувствовалъ въ себѣ сильный жаръ во всемъ тѣлѣ, боль головную, и слегъ въ постель со всѣми признаками горячки,—дѣйствіе губительнаго климата. Ртуть въ полдень возвысившись до 40 градусовъ теплоты, въ предшествующей ночи понизилась до 8-ми отъ точки замерзанія.

Въ этотъ же день я получилъ отъ Шахзади особеннаго рода лестный знакъ вниманія, который даетъ вѣрное понятіе о персидскомъ искательствѣ, и до чего они желаютъ вкрасться въ нашу пріязнь при настоящемъ положеніи ихъ дѣлъ. Главный церемонійместеръ Махмедъ-Гуссейнъ-ханъ, съ многочисленною прислугою и съ подносами всякихъ сластей, вручилъ мнѣ поздравительный фирманъ, за печатью Аббасъ-Мирзы, по случаю дня ангела ея величества вдовствующей государыни императрицы. И въ самое мирное время нельзя быть внимательнѣе. Причина же, я полагаю, Мирза-Сале,—мы наканунѣ вспоминали съ нимъ о торжествѣ въ Петергофѣ, при которомъ онъ однажды находился.

23-го іюля я чувствовалъ облегченіе, но не могъ еще встать съ

постели. Ко мнѣ прибылъ Мирза-Измаилъ съ проэктомъ перемирія, сочиненнаго подъ оказаніемъ Шахзади, и уже одобреннаго шахомъ, котораго два ферсанга сблизили съ Чурсомъ,—курьеры къ нему и отъ него скакали безпрестанно.

Съ персидской стороны требовалось, чтобы мы, кромѣ Аббасъ-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчміадзинъ, въ которомъ для охраненія храма Божія быть двумъ приставамъ: ихъ и нашему, а войскамъ не находиться ни русскимъ, ни персидскимъ. Пренія продолжались съ утра. Въ 3 часа пополудни Мирза-Махмедъ-Али прибылъ и возобновилъ ихъ,—продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья ихъ объ оставленіи нами Эчміадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всѣмъ тѣмъ, ничего не кончено.

24-го іюля я еще былъ слабъ; но, видя безполезность переговоровъ, отдаляющихъ дѣло отъ истинной цѣли, я просилъ отпуска. Опять прибыли ко мнѣ Мирза-Махмедъ-Али-Мустафа, Мирза-Измаилъ и Мирза-Сале,—и я въ теченіе цѣлаго дня долженъ былъ выдерживать діалектику XIII столѣтія. Возвращались къ предложеніямъ, въ которыхъ наканунѣ условились. Главное разногласіе состояло въ томъ, что съ персидской стороны требовалось перемиріе на 10 мѣсяцевъ. Мирза-Махмедъ-Али откровенно мнѣ объявилъ, что это необходимо для отдаленія изъ Хоя шаха, двора его и войска, отъ которыхъ обнищала вся провинція. Я ему далъ почувствовать, что эти причины уважительны только для ихъ пользы; но въ настоящее время, когда мы уже одержали нѣкоторую поверхность, кажется, можно безпристрастно соблюсти и намъ свои выгоды.

Наконецъ, видя, что разсужденія о перемиріи были только предлогомъ для продержанія меня въ ихъ лагерѣ, я объявилъ, что мы не имѣемъ нужды въ прекращеніи военныхъ дѣйствій; первая мысль объ этомъ принадлежитъ Шахзадѣ. Я представилъ ему условія, на которыхъ оно съ нашей стороны можетъ быть допущено,—вольны принять ихъ, или нѣтъ. Но мой Аббасъ-Мирзѣ усердный совѣтъ: для успокоенія края, особы шаха въ преклонности лѣтъ его, и для собственной безопасности своей, принять просто миръ, который даруется ему на извѣстныхъ условіяхъ. Говорили очень долго; я, наконецъ, подѣйствовалъ на воображеніе персидскихъ чиновниковъ тѣмъ, что мы, когда пойдемъ далѣе и завладѣемъ Адзербиджаномъ, то, обезпечивъ независимость этой обширной области, со стороны Персіи на десять ферсанговъ, никому не позволимъ селиться близь границы,—сама провинція прокормитъ 20 тысячъ милиціи, образованной изъ народа, извѣстнаго духомъ неудовольствія противъ нынѣш-

няго своего правительства; намъ стоитъ только поддержать ее въ семъ расположеніи, и, такимъ образомъ, мы навсегда прекратимъ наши политическія сношенія съ Персіею, какъ съ народомъ, несоблюдающимъ трактатовъ,—мы также будемъ мало знать ихъ, какъ авганцевъ и проч. отдаленныя государства въ глубинѣ Азіи.

— Этотъ планъ у нáсъ, говорилъ я, очень извѣстенъ, и полагается весьма сбыточнымъ, но къ исполненію его приступятъ въ такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условія, покуда ихъ дѣлаютъ, болѣе нежели угрозы.

Съ вечера и на другой день съ разсвѣтомъ я повторялъ настоятельно требованіе мое объ отпускѣ и 25-го іюля, поутру, за мной прибылъ Гаджи-Мангусъ-Ага, чтобы проводить меня къ Шахзади. При немъ находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казбинскій, Мехмедъ-Кавумъ-Мирза Уримійскій и Асифъ-ед-Даулетъ-Алагрханъ, также нѣсколько другихъ, въ числѣ которыхъ, какъ мнѣ потомъ сказали, былъ и Гассанъ-ханъ, братъ сардыря эриванскаго, но я не узналъ его. Онъ, во все время пребыванія моего въ лагерѣ, сильно говорилъ противъ всякаго съ нами сближенія, ѣздилъ къ шаху и просилъ денегъ и войска для защиты Эриванской области.

Я полагалъ, что наши условія при послѣдней аудіенціи, при столькихъ значущихъ свидѣтеляхъ, или торжественно будутъ отвергнуты, или станутъ разсуждать о нихъ,—вышло ни то, ни другое. Тонъ Шахзади былъ самый униженный: онъ извинялся, что чиновники его столько безпокоили меня дѣлами; сказалъ, что всѣ мои мысли о немъ, о будущемъ его положеніи ему извѣстны. Но не это его озабочиваетъ, а проступокъ противъ государя, утрата его довѣренности, и просилъ перемирія на десять мѣсяцевъ. Мирза-Мехмедъ-Али донесъ ему, что я не довѣряю ихъ чистосердечію, Алагрханъ этому чрезвычайно удивился. Но я поспѣшилъ объяснить ему, что прошлаго года также рѣшались послать къ императору Эмиръ-Заде, и вмѣсто того войска ихъ напали на наши границы; нѣсколько сорванныхъ головъ у нашихъ фуражировъ возбуждали надежды ихъ до до крайней дерзости,—характеръ народа извѣстенъ. Нѣтъ причины думать, чтобы нынче поступили иначе; и тогда русскій главноначальствующій, потерявъ время и остановясь среди успѣховъ нашего оружія, какое оправданіе представитъ государю императору въ томъ, что такъ противурѣчитъ настоящему сношенію между собою двухъ воюющихъ армій? Десятимѣсячное перемиріе—тотъ же миръ, а предполагаемая выгода заключается въ темной надеждѣ, что самъ Шахзади или сынъ его отправится въ Петербургъ,—но тамъ подпишетъ

ли онъ всѣ статьи мира, согласно съ пользою Россіи, или, что гораздо вѣроятнѣе, будетъ стараться объ уменьшеніи нашихъ требованій.

— „Нѣтъ! — сказалъ съ жаромъ Аббасъ-Мирза, — мы все подпишемъ, если императоръ лично мнѣ или моему сыну объявитъ свою волю и увѣритъ насъ въ будущемъ его покровительствѣ. Я сына моего сейчасъ представлю генералу Паскевичу въ залогъ, и еще двое изъ моихъ братьевъ къ нему отправятся въ лагерь....“ и проч., и проч.

Потомъ опирался на продолжительное перемиріе, имъ нѣкогда заключенное съ генераломъ Тормасовымъ. Спрашивалъ моего совѣта, и надѣюсь-ли я, что государь дозволитъ ему или сыну его прибыть къ высочайшему двору. Такое униженное, убѣдительное настаиваніе отняло у меня возможность отвѣчать ему коротко и рѣзко. Я болѣе всего отговаривался невѣдѣніемъ, сомнѣніемъ и старался избѣгать, чтобъ слова мои не утвердили въ немъ какой-либо надежды по сему предмету. Совѣтъ же подалъ ему чистосердечный,—представлялъ ему разореніе, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустройствѣ ихъ нерегулярнаго войска; сравнивалъ характеры двухъ народовъ: персіянъ—смѣлыхъ при счастіи, но теряющихъ бодрость и даже подчиненность при продолжительныхъ неудачахъ,—съ другой стороны указывалъ на нашихъ, которые во всѣхъ обстоятельствахъ одинаковы, повинуются и умираютъ. Наконецъ, съ возможною учтивостью доказывалъ, что лучше разомъ принести жертву необходимости, нежели длить время, и съ тѣмъ вмѣстѣ, претерпѣть гораздо важнѣйшія потери. Это не помогло; Шахзади не отступалъ отъ любимой своей мысли—самому или чрезъ сына прибѣгнуть къ великодушію государя императора.

Симъ заключается все то, что идетъ къ дѣлу; постороннихъ разговоровъ было много, ибо Шахзади продержалъ еще долѣе, нежели въ первый разъ. Я замѣтилъ, между прочимъ, что переходъ къ намъ Менти-Кули-хана много озаботилъ персіянъ на счетъ довѣрія, которое это происшествіе внушаетъ всякому, кто пожелаетъ поискать россійскаго покровительства. Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, между прочимъ:

— „Самымъ опаснымъ оружіемъ генерала Паскевича я почитаю то человѣколюбіе и справедливость, которыя онъ оказываетъ мусульманамъ своимъ и нашимъ. Мы все знаемъ, какъ онъ велъ себя противъ кочевыхъ племенъ отъ Эривани до Нахичевана, — солдаты никого ни обижали и онъ всѣхъ принималъ дружелюбно. Этотъ способъ пріобрѣсти довѣріе въ чужомъ народѣ и мнѣ извѣстенъ,—жаль, что я одинъ это понимаю во всей Персіи; такъ я дѣйствовалъ про-

тивъ турокъ, такъ и въ Карабахѣ, и прошлаго года. Съ другой стороны, Гассанъ-ханъ усердствовалъ вамъ, сколько могъ, и ожесточилъ противъ себя всю Грузію. Генералъ Ермоловъ, какъ новый Чингисханъ, отомстилъ-бы мнѣ опустошеніемъ несчастныхъ областей, велѣлъ бы умерщвлять всякаго, кто ни попадется,—и тогда, объ эту пору, у меня двѣ трети адзербиджанъ стали бы въ ружье, не требуя отъ казны ни жалованья, ни прокормленья".

Я отвѣчалъ ему, что генералъ Ермоловъ также, какъ нынѣшній главноначальствующій, наблюдалъ пользу государства; можно одной и той же цѣли домогаться разными путями.

О сраженіи 5-го іюля онъ говоритъ очень откровенно: отдаетъ вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете,—и онъ видѣлъ себя почти взятаго въ обходъ вашею пѣхотою, когда не полагалъ даже, что она переправится черезъ Араксъ; если бы зналъ, что пойдутъ на него со всѣми силами, то не уклонился бы отъ сраженія, но послалъ бы до 5,000 конницы, которая, выше переплывъ черезъ рѣку, очутилась бы у насъ въ тылу, и напала на нашъ обозъ. Объ Елисаветполѣ, объ Асландузѣ разсказывалъ мнѣ съ такою же искренностью, или, можетъ быть, взялъ на себя говорить мнѣ только пріятное, и то, что можетъ польстить нашему патріотическому самолюбію.

Былъ третій часъ пополудни, какъ я отъ него вышелъ, получа письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмедъ-Али угощалъ меня обѣдомъ противъ ихъ обыкновенія, ибо они обѣдаютъ съ захожденіемъ солнца. Потомъ подчивалъ меня въ своей палаткѣ Мехмедъ-Гуссейнъ-ханъ, Эшикъ-Агаси. Вниманіе, привѣтливость и лесть расточали передо мною съ избыткомъ. Я бывалъ у нихъ, живалъ съ ними въ мирное время въ пріязни, и никогда не видѣлъ подобнаго пріема, ни себѣ, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнѣйшему чиновнику союзной съ ними державы.

Чурской лагерь обширенъ, но палатки персидскія требуютъ большаго помѣщенія; я полагаю, что у нихъ тутъ отъ 7-ми до 8-ми тысячъ войска, въ томъ числѣ 4 баталіона сарбазовъ неполные,—я видѣлъ 10 пушекъ. Долина необширная; при въѣздѣ въ нее влѣво ущелье ведетъ къ Гергерамъ,—его охраняютъ Гассанъ-ханъ съ курдами, вправо на Манинской дорогѣ—Али-Кичи-Мирза, между ею и Ханскою—лагерь Аббазъ-Мирзы. Возвращаясь (по дорогѣ?) отъ Каразіадина до первой воды $1^1/_2$ часа; откудова до высоты, опредѣляющей границу Чурси, гдѣ также вода, 3 часа; оттудова—$2^1/_2$ часа ѣзды до Аракса, верстахъ въ 4-хъ выше Аббасъ-Абада.

Я оставилъ персидскій лагерь съ ободрительнымъ впечатлѣніемъ, что непріятель войны не хочетъ, что она ему тягостна и страшна; отъ повторенныхъ неудачъ, всѣ духомъ упали, всѣ недовольны. Въ день моего прибытія, отъ появленія 10-ти конвойныхъ казаковъ пикеты по всюду разбѣжались, едва могли собрать ихъ. Сарбазы, которые стояли у меня въ караулѣ, жалуются, что ихъ не кормятъ,—Керимъ-Бекъ-Султанъ ихъ просто истязуетъ,—что начальники у нихъ глупцы, и они съ ними пропадутъ. Нѣсколько разъ, не смотря на крѣпкій присмотръ, конные подъѣзжали и спрашивали моего переводчика: „скоро-ли миръ? Зачѣмъ мы ихъ тревожимъ? и что война имъ ужасно надоѣла“. Гаджи-Махмедъ-Ага, присланный ко мнѣ отъ Аббасъ-Мирзы, чтобы навѣдаться о моемъ здоровьѣ, когда я ему сказалъ, что мы въ немъ уважаемъ человѣка, который служилъ при кн. Циціановѣ, обрадовался и тотчасъ предложилъ готовность свою служить намъ и много разсказывалъ о недостаткахъ и неустройствѣ въ ихъ войскѣ. Этотъ человѣкъ можетъ намъ быть полезенъ; при томъ онъ не бѣжалъ, а, съ позволенія генерала Ермолова, удалился въ Персію, и нынѣ находится адъютантомъ при Аббасъ-Мирзѣ. Я поручилъ нашему Аббасъ-Кули вступить въ разговоръ съ курдами (не эриванскими), которые на обратномъ пути были у меня въ конвоѣ. Они тайно просили его, чтобы русскій главноначальствующій написалъ доброе слово ихъ хану, и они тотчасъ перейдутъ всѣ къ намъ. Таковъ духъ войска; о расположеніи управляющихъ государствомъ ваше высокопревосходительство можете заключить изъ объясненія со мною Аббасъ-Мирзы,—всѣ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Наши, гдѣ только встрѣтятся, разбиты, и не испытываютъ щедрости шаха, который теперь также мало склоненъ разсыпать казну, какъ и въ прежнее время. Мирза-Мехмедъ-Али нешуточно увѣрялъ меня, что шахское войско наводитъ гораздо болѣе трепета жителямъ, нежели наше. 12,000 кильваровъ хлѣба наложено подати на Хойскую провинцію подъ видомъ покупки. Шахъ насильно велѣлъ брать по тумаку кальваръ, тогда какъ онъ продаетъ по 5-ти между народомъ.

Изъ униженнаго тона, съ которымъ говорили со мною Аббасъ-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослѣпляются насчетъ сравнительнаго положенія ихъ силъ съ нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчасъ купили міръ цѣною предлагаемыхъ имъ условій, и для этого нужна рѣшительность; длить время въ переговорахъ болѣе имъ свойственно. Въ совѣтѣ шахскомъ превозмогающіе нынѣ голоса Алаяръ-хана и Сардаря съ братомъ; они еще твердо стоятъ противъ мира и имѣютъ на то личныя свои побудительныя

причины: первый поддерживаетъ прежнее свое мнѣніе и боится, что дѣло дойдетъ до расплаты за ту войну, которой онъ главнѣйшій возбудитель; Сардарь и братъ его, съ уступкою намъ Эриванской области, лишаются значительнаго источника ихъ богатства. Тогда только, когда падетъ Эривань и персіяне увидятъ себя угрожаемыми въ столицѣ Адзербидзама, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудитъ въ нихъ прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключенія мира на условіяхъ, которыя мы нынѣ имъ предлагаемъ.

Стороною я, однако, узналъ, что они готовятся къ покушенію на Аббасъ-Абадъ. Вѣроятно, что начальники не захотятъ долго держать въ бездѣйствіи войска (которыхъ, по разнымъ слухамъ, у нихъ 65 тысячъ, и можно навѣрное полагать до 45-ти тысячъ), потому что они тогда непремѣнно разбѣгутся, не видя случая къ грабежу и испытывая всякаго рода недостатки. Надворный совѣтникъ Грибоѣдовъ.

Примѣчаніе. Отлично изучивъ персіянъ, Грибоѣдовъ не могъ ошибиться въ своихъ выводахъ о нихъ: война должна была продолжиться и она вновь возникла уже въ августѣ. Въ сентябрѣ 1827 г. взяты крѣпости Сардарь-Абадъ и оплотъ персидскихъ владѣній—Эривань; 14-го октября занятъ русскими Тавризъ. Абассъ-Мирза вновь запросилъ о мирѣ, и онъ былъ заключенъ 10-го февраля 1828 г. въ Туркменчаѣ. Россія пріобрѣла: ханства Эриванское, по сю сторону Аракса, и ханство Нахичеванское, и получила двадцать милліоновъ рублей сереб. на возмѣщеніе военныхъ издержекъ.

Въ іюнѣ 1828 г. Грибоѣдовъ отправленъ полномочнымъ министромъ ко двору персидскаго шаха, а 30-го января 1829 г. истерзанъ дикою чернью города Тегерана. Трагическая катастрофа, лишившая Россію одного изъ замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей, весьма обстоятельно изложена въ обширномъ и на подлинныхъ, до толѣ неизданныхъ, документахъ основанномъ изслѣдованіи А. П. Берже: «Смерть А. С. Грибоѣдова» (см. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. VI, стр. 163—207).

Аббасъ-Мирза, сынъ персидскаго шаха Фетхъ-Али-Шаха, род. въ 1782 г. Онъ былъ третій сынъ по порядку рожденія; происходилъ отъ матери знатнаго персидскаго рода и, будучи любимѣйшимъ сыномъ шаха, избранъ имъ, въ 1816 году, въ наслѣдники престола. Аббасъ-Мирза получилъ воспитаніе совершенно азіятское; но имѣлъ умъ быстрый и понятливый, сердце доброе; по слабости-же характера, всегда стоялъ въ зависимости отъ окружающихъ его сановниковъ; коварство и вѣроломство азіятца отличали дѣйствія Аббассъ-Мирзы во всѣхъ дѣлахъ политики. Онъ воевалъ, конечно не успѣшно, противъ Россіи съ 1804 по 1812 гг. и весьма успѣшно противъ Турціи, въ 1824 г. Злополучная для него война съ Россіей, 1826—1827 гг., сильно потрясла его значеніе въ Персіи; но успѣхъ посольства сына его, Хозревъ-Мирзы въ Петербургѣ,

въ 1829 г., гдѣ молодой персидскій принцъ испросилъ у императора Николая прощеніе за убійство Грибоѣдова въ Тегеранѣ, а затѣмъ, успѣхи начатой Персіей войны противъ хановъ хоросанскихъ вновь подняли значеніе Аббасъ-Мирзы. На престолъ, однако, ему не суждено было взойдти: онъ умеръ въ 1833 г. Изъ тридцати пяти оставшихся послѣ него дѣтей, старшій его сынъ Мугаммедъ-Мирза, по смерти Фетхъ-Али-Шаха, въ 1834 г., взошелъ на престолъ Персіи. Въ 1848 г. онъ умеръ, оставя престолъ старшему своему сыну, нынѣ царствующему въ Персіи, Насръ-Эддинъ-Шаху, посѣтившему Россію въ маѣ мѣсяцѣ 1873 года. Ред.

ГЕНЕРАЛЪ ФРЕЙТАГЪ И ЕГО БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ.

Три эпизода изъ исторіи завоеванія Кавказа.

Посвящается памяти генералъ-лейтенанта Роберта Карловича Фрейтага и всѣмъ боевымъ его товарищамъ, уже отшедшимъ и оставшимся еще въ живыхъ.

1843.

(Изъ бумагъ сенатора, генералъ-лейтенанта А. А. Волоцкаго).

Г. редакторъ! Въ № 7-мъ «Русскаго Вѣстника» 1872 г. помѣщена статья г. Ильина, подъ заглавіемъ: «Изъ событій на Кавказѣ. Набѣги Шамиля въ 1843 году». Въ этой любопытной статьѣ очень вѣрно представлено бѣдственное положеніе, въ 1843 г., нашихъ отрядовъ въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, и съ потрясающими подробностями разсказаны: уничтоженіе отряда подполковника Веселитскаго, подвиги храбраго поручика Аносова; истребленіе подъ Харачиномъ трехъ ротъ маіора Зайцева, съ которымъ погибли гвардейскіе офицеры: Шелашниковъ, князь Черкассій, Аверкіевъ, Вуичъ, Красовскій и 20 юнкеровъ; геройская защита и смерть штабсъ-капитана Дементьева близъ Цатаныха, страданія и мученическая кончина молодаго артиллерійскаго офицера Потемкина, который отказался исполнить приказаніе Шамиля—стрѣлять по своимъ изъ орудія, и былъ буквально истерзанъ; наконецъ, тѣсная блокада Темиръ-Ханъ-Шуры и освобожденіе ея отрядомъ генералъ-маіора Фрейтага, котораго кавалерія нанесла тогда многочисленнымъ скопищамъ горцевъ совершенное пораженіе при селеніи Большія Казанищи. Но г. Ильину, по нахожденію его въ дагестанскомъ отрядѣ, не были извѣстны дѣйствія, состоявшаго подъ начальствомъ генерала Фрейтага, чеченскаго отряда, до казанищинскаго боя; а потому, припомнивъ, что между бумагами моими сохраняются Записки относящіяся до этой замѣчательной въ кавказской войнѣ эпохи, я отыскалъ ихъ и считаю обязанностью препроводить оныя къ вамъ, для напечатанія, какъ достояніе русской старины, съ тою цѣлію, чтобы, во-первыхъ, пополнить пробѣлы въ статьѣ г. Ильина, а во вторыхъ, возстановить истину относительно казанищинскаго боя и отдать при этомъ должную справедливость моимъ товарищамъ.

Александръ Волоцкой.

Спб.

I.

Разбитіе скопища Акушинцевъ и Тавлинцевъ при Низовомъ укрѣпленіи

19-го ноября 1843 года.

Тяжелъ былъ для насъ 1843 годъ на Кавказѣ. Шамиль до того усилился, что вынудилъ наши войска очистить Аварію и весь Дагестанъ, взялъ многія наши укрѣпленія, не смотря на отчаянное сопротивленіе гарнизоновъ,—такъ 3-й баталіонъ Тифлисскаго егерскаго полка весь легъ костьми въ Гергебилѣ,—сформировалъ себѣ артиллерію и ворвался въ Шамхальскія владѣнія. Шамханъ Тарковскій бѣжалъ изъ Большихъ Казанищъ и торжествующій Имамъ расположился въ его дворцѣ, занимая сильными отрядами дагестанцевъ и и чеченцевъ селенія Мусселимъ-аулъ и Кафыръ-Кумыкъ. Командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенантъ Гурко, неимѣвшій достаточно войскъ, чтобы остановить это повсемѣстное возстаніе, вынужденъ былъ затвориться, вмѣстѣ съ командующимъ войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, генералъ-маіоромъ Клюке-фонъ-Клюгенау, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ ожиданіи подкрѣпленій. Дерзость непріятеля доходила до того, что чеченская кавалерія Наиба Шуаибъ-муллы подскакивала къ самымъ нашимъ батареямъ, расположеннымъ подъ стѣнами крѣпости.

Начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи, генералъ-маіоръ Фрейтагъ,—про котораго предмѣстникъ генерала Гурко, генералъ-адъютантъ Граббе, говорилъ, что „Фрейтагъ для войны на Кавказѣ необходимъ, какъ порохъ и пушки",—явился здѣсь истиннымъ героемъ этой эпохи. Получивъ свѣдѣніе, что Низовое укрѣпленіе,—въ которомъ, по случаю возстанія всего окрестнаго народонаселенія, укрылся транспортъ молоканoвъ, слѣдовавшихъ за Кавказъ, и гдѣ весь гарнизонъ состоялъ изъ двухъ слабыхъ ротъ пѣхоты,—обложено громаднымъ скопищемъ акушинцевъ и другихъ горцевъ и едва держится, онъ быстро двинулся съ своимъ отрядомъ къ названной крѣпостцѣ и на разсвѣтѣ, 19-го ноября, подошелъ такъ осторожно, что горцы сначала совсѣмъ его не замѣтили. Пользуясь высотами, генералъ-маіоръ Фрейтагъ стянулъ главныя свои силы къ морю, выставивъ противъ скопища кавалерію и цѣпь стрѣлковъ, и подалъ сигналъ о приближеніи помощи гарнизону тремя выстрѣлами изъ орудія. Непріятель, видя передъ собою небольшое число нашихъ войскъ, обратилъ значитель-

ную часть своего сборища противъ нихъ и завелъ съ ними жаркую перестрѣлку, не подозрѣвая того, что главныя наши силы стянуты на лѣвый флангъ и могутъ легко ударить его съ боку. Такъ и случилось. Между тѣмъ, какъ горцы усиливались остановить разсыпанныхъ противъ нихъ стрѣлковъ, колонны пѣхоты, а за ними и кавалерія, двигаясь по берегу моря, скоро очутились на высотѣ главнаго скопища, и генералъ Фрейтагъ приказалъ кавалеріи атаковать непріятеля. Линейные казаки Кубанскаго, Волгскаго, Моздокскаго и Кизлярскаго линейныхъ полковъ дружно устремились противъ непріятеля,—и ошеломленные горцы бѣжали стремглавъ къ горамъ, такъ что въ самое короткое время на всемъ пространствѣ, противъ Низоваго укрѣпленія лежащемъ, не осталось ни одного врага. Гарнизонъ отворилъ ворота и мы, вошедши въ крѣпостцу, были свидѣтелями самаго трогательнаго зрѣлища: женщины, дѣти, молоканы, со слезами молились за Фрейтага и цѣловали ему ноги и стремена.

Для полнаго ознакомленія съ этимъ прекраснымъ дѣломъ, приводимъ журналъ военныхъ дѣйствій, собственноручно самимъ генераломъ Фрейтагомъ написанный.

Секретно.

Журналъ военныхъ происшествій, случившихся на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи съ 14-го по 23-е ноября 1843 г.

14-го ноября съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами Куринскаго егерскаго полка, 7-ю орудіями и 800 казаками, я выступилъ чрезъ Герзель-аулъ къ Внезапной, куда и прибылъ того же числа вечеромъ. Ночью я послалъ лазутчика въ горы, который, возвратясь оттуда, далъ мнѣ знать, что Шуаибъ-мулла остался съ партіею въ Мискитѣ, и что Улубей въ Яракъ-су-аухѣ собираетъ еще другую партію изъ ауховцевъ.

15-го ноября, утромъ я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ; вечеромъ прибывшій лазутчикъ объявилъ, что Шуаибъ-мулла соединился съ Улубеемъ, спустился по рѣкѣ Яраксу и намѣренъ переночевать въ Хасау-юртѣ. Лазутчикъ, посланный наблюдать за партіею Шуаибъ-муллы, передъ разсвѣтомъ возвратился въ Внезапную, и далъ мнѣ знать, что непріятель выступилъ и потянулся на Карагачъ.

16-го ноября, присоединивъ къ себѣ во Внезапной сводный баталіонъ, составленный изъ двухъ ротъ Навагинскаго и двухъ ротъ Кабардинскаго полковъ, и 4-е орудія, я выступилъ въ с. Янги-юртъ, куда и прибылъ вечеромъ того же числа. Шуаибъ-мулла успѣлъ уже выступить изъ Султанъ-Янги-юрта по направленію къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, на соединеніе съ Шамилемъ.

Въ Янги-юртѣ я нашелъ подполковника Евдокимова (нынѣ графъ), который пришелъ туда изъ Казіюрта за два часа до моего прибытія, съ отрядомъ, состоящимъ изъ 1-го баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, двухъ ротъ графа Паскевича-Эриванскаго, роты Апшеронскаго пѣхотнаго полка, 5-ти орудій и 600 казаковъ. Подполковникъ Евдокимовъ не могъ мнѣ сообщить никакихъ положительныхъ свѣдѣній о Низовомъ укрѣпленіи, съ которымъ всякое сообщеніе было совершенно прервано. По свѣдѣніямъ однихъ, укрѣпленіе это было взято; другіе же говорили, что гарнизонъ, очистивъ форштатъ, еще держится.

17-го ноября слышны были выстрѣлы со стороны укрѣпленія Міатлы. Зная, что пушечными непріятельскими выстрѣлами укрѣпленіе Міатлинское легко можетъ быть разрушено, я намѣренъ былъ выступить къ Міатламъ и лично удостовѣриться, можетъ-ли гарнизонъ отстоять оное и не полезнѣе-ли будетъ упразднить его, потому что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, переправа при Міатлахъ намъ совершенно безполезна и войска не могутъ быть направляемы на оную; но въ тотъ же день получены были мною свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что гарнизонъ Низоваго укрѣпленія еще не сдался. Это свѣдѣніе заставило меня поспѣшить на помощь къ послѣднему.

18-го ноября, оставивъ полковника Козловскаго съ двумя баталіонами и 10-ю орудіями въ Султанъ-Янги-юртѣ,— съ приказаніемъ двинуться на Міатлы, въ случаѣ появленія непріятеля противъ этого укрѣпленія, а также и прикрывать Внезапную, еслибы онъ имѣлъ свѣдѣніе, что противъ этого мѣста собирается партія,—я съ 1-мъ баталіономъ Кабардинскаго егерскаго полка, 3-мъ баталіономъ Куринскаго, двумя ротами графа Паскевича - Эриванскаго полка, одною Апшеронскою ротою, 6-ю орудіями и 1,200 казаками, выступилъ изъ Янги-юрта въ Озень, куда и прибылъ вечеромъ того же числа.

Проходя мимо аула Кумтеръ-Кале и замѣтя, что неподалеку отъ него пасется рогатый скотъ, я послалъ линейныхъ казаковъ, которые и отбили до 1,300 штукъ скота, который весь розданъ мною войскамъ.

Всю ночь, съ 18-го на 19-е число, слышны были выстрѣлы къ сторонѣ Низоваго. Это заставило меня заключить, что непріятель сильно атакуетъ укрѣпленіе.

19-го ноября, отправивъ отбитый мною скотъ подъ прикрытіемъ 200 донскихъ казаковъ въ Казіюртъ, я выступилъ къ Низовому.

Не доходя пяти верстъ до Низоваго укрѣпленія, отъ главныхъ горъ отдѣляется къ морю незначительный хребетъ, на которомъ былъ расположенъ станъ Петра Великаго. За переваломъ чрезъ этотъ хре-

бетъ, двѣ дороги ведутъ въ Низовое укрѣпленіе. Одна изъ нихъ прилегаетъ у самой подошвы утесистыхъ горъ. Дорога эта хотя и удобна для слѣдованія, но по горамъ лежатъ аулы и вдоль по дорогѣ разведены сады, изъ которыхъ непріятель можетъ сильно вредить ружейнымъ огнемъ во время слѣдованія. Другая дорога, отдѣлясь влѣво къ морю, спускается въ обширную равнину и самымъ берегомъ моря ведетъ къ пристани.

Подходя къ высотѣ, на которой расположенъ былъ лагерь Петра Великаго, я отправилъ занять эту высоту Нижегородскаго драгунскаго полка юнкера, князя Лобанова-Ростовскаго, съ летучею командою изъ 60-ти казаковъ. Онъ донесъ мнѣ, что въ Низовомъ производится сильная канонада и что непріятель также стрѣляетъ по укрѣпленію изъ орудія.

Выдвинувъ всю кавалерію на гору, я сдѣлалъ три сигнальныхъ выстрѣла изъ орудій, чтобы дать знать гарнизону о моемъ прибытіи. На эти выстрѣлы непріятель, огромными толпами, началъ сбѣгаться ко мнѣ. Я выжидалъ, чтобы толпы ихъ усилились, и, когда вся подгорная дорога зачернѣла отъ тянущихся людей, я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Въ это время подошла моя пѣхота. Мнѣ хотѣлось оттянуть непріятеля отъ горъ, и потому я приказалъ всей кавалеріи перейти на лѣвый флангъ пѣхоты, оставивъ на правомъ флангѣ только одну летучую команду. Непріятель, повидимому, обрадовался удаленію кавалеріи и съ необыкновенною дерзостію началъ подбѣгать къ горсти казаковъ, оставленныхъ на правомъ флангѣ. Командовавшій летучимъ отрядомъ юнкеръ, князь Лобановъ-Ростовскій, началъ немного отступать къ пѣхотѣ, это еще болѣе ободрило непріятеля.

Удачныя дѣйствія Шамиля сдѣлали горцевъ самонадѣянными; они съ невѣроятною дерзостію и безразсудно напирали на казаковъ. Я послалъ, состоящаго по кавалеріи и находящагося по особымъ порученіямъ при командирѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, полковника Волоцкаго, съ тремя сотнями линейныхъ казаковъ, поддержать летучую команду. Между тѣмъ, по всей линіи производилась сильная и удачная канонада; но это не поколебало непріятеля и значки его дерзко подскакивали къ намъ.

Замѣтивъ, что полковникъ Волоцкой уже выстроился на правомъ флангѣ, я приказалъ всѣмъ линейнымъ казакамъ броситься въ атаку, поддержавъ оную тремя конными орудіями, подъ прикрытіемъ Донскаго казачьяго № 52 полка.

Полковникъ Волоцкой, видя, что я бросился во флангъ непріятеля, съ своей стороны атаковалъ его съ фронта. Атака была сдѣ-

лана такъ неожиданно и съ такою стремительностью, что непріятель, не смотря на все свое желаніе удержаться на плоскости, принужденъ былъ искать спасенія въ горахъ. Въ одну минуту на плоскости не осталось ни одного человѣка, кромѣ 70 порубленныхъ труповъ со всѣмъ оружіемъ и три значка. Непріятель бѣжалъ въ большомъ безпорядкѣ, нигдѣ не останавливаясь. Кучки его столпились при подножіи горныхъ тропинокъ; я подвелъ артиллерію и началъ обдавать ихъ ядрами и гранатами. Гряды засѣянной марены остановили атаку казаковъ, но непріятель все бѣжалъ и продолжалъ бѣжать цѣлую ночь, полагая, что казаки несутся за нимъ. Трудно повѣрить, чтобы такой полный успѣхъ могъ быть пріобрѣтенъ съ такою ничтожною потерею, которую мы имѣли въ этотъ день. Съ нашей стороны ранены: Клястицкаго гусарскаго полка ротмистръ Стиксъ и пять казаковъ. Ротмистръ Стиксъ и одинъ казакъ на другой день умерли.

Причину этого успѣха надобно искать въ нравственныхъ силахъ. Успѣхи Шамиля были неимовѣрны и духъ войскъ, бывшихъ въ Дагестанѣ, упалъ. Горцы сдѣлались самонадѣянными; но здѣсь они столкнулись съ войсками бодрыми, которыя готовы были своею кровію искупить честь русскаго оружія и отомстить за несчастія своихъ собратій. Они съ нетерпѣніемъ ожидали случая столкнуться съ непріятелемъ; этотъ случай представился—и успѣхъ не могъ быть сомнителенъ. Горцы забыли побѣды русскихъ, видя, что русскіе вездѣ имѣютъ неудачу; они полагали, что испугаютъ насъ числомъ своимъ,— и когда казаки понеслись въ атаку, они, кажется, не хотѣли сначала повѣрить, что эта атака истинная, потому что они твердо стояли на мѣстѣ; но когда они увидѣли, что ихъ начали рубить, тогда изумленіе ихъ обратилось въ испугъ — и они бросились бѣжать.

Я не знаю, кому отдать преимущество, потому что всѣ, отъ начальниковъ до послѣдняго казака, были одушевлены однимъ желаніемъ — стереть ржавщину съ русскаго оружія; но я не могу умолчать о полковникѣ Волоцкомъ, который успѣлъ ухватить моментъ, чтобы атаковать непріятеля съ фронта, и тѣмъ не мало способствовалъ успѣху.

Нижегородскаго драгунскаго полка юнкеръ князь Лобановъ-Ростовскій, впереди своей летучей команды, вмѣстѣ съ есауломъ Гребенскаго казачьяго полка Синюхаевымъ, который велъ своихъ гребенцевъ, пронеслись по всему полю битвы, истребляя все, что имъ попадалось на пути, и послѣ атаки очутились на лѣвомъ флангѣ линіи. Войсковые старшины: Кубанскаго казачьяго полка Пильцинъ и Моздокскаго—Бычковъ все время атаки были впереди своихъ казаковъ и приказали закинуть ружья за плеча и работать шашками.

Андреевскіе кумыки, подъ командою своего пристава капитана Кишинскаго, вмѣстѣ съ находившеюся при мнѣ милиціею, дружно бросились съ казаками и первые захватили одинъ значекъ.

Пѣхота хотя не принимала участія въ атакѣ, но не менѣе того заслуживаетъ полную похвалу. Когда кавалерія понеслась въ атаку, пѣхота побѣжала за нею; я приказалъ остановить пѣхоту, но солдаты рвались впередъ, говоря: „все лучше быть поближе, неравно казаки пропадутъ безъ насъ". Пѣхота была остановлена, казаки не пропали; но все-таки эти слова обнаруживаютъ духъ войскъ. Одному Куринцу удалось-таки убѣжать съ кавалеріею и онъ имѣлъ удовольствіе въ грядахъ марены заколоть тавлинца.

По окончаніи дѣла, я направился къ Низовому укрѣпленію; приближаясь къ Низовому, я увидѣлъ, что непріятель съ поспѣшностью выбирался изъ Тарковъ,—вся гора усѣяна была толпами горцевъ. Вечеромъ прибылъ ко мнѣ одинъ татаринъ, котораго подполковникъ Евдокимовъ, дней пять тому назадъ, посылалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ письмомъ, и который былъ задержанъ партіею. Этотъ человѣкъ разсказалъ мнѣ, что въ Таркахъ находился кадій акушинской со всею своею милиціею, и что, дня два передъ моимъ приходомъ, Шамиль прислалъ къ нему въ подкрѣпленіе 1,000 тавлинцевъ. Ужасъ, овладѣвшій непріятелемъ, по словамъ его, былъ такъ великъ, что не только партія, но и всѣ жители, какъ Тарковъ, такъ и другихъ ауловъ, расположенныхъ по хребту, бѣжали и разсѣялись, и что около Низоваго не осталось ни одного человѣка.

По прибытіи моемъ въ Низовое, я осмотрѣлъ верки этого укрѣпленія,—нельзя не отдать должной справедливости мужественной защитѣ гарнизона, продолжавшейся болѣе 8 дней, противъ многочисленнаго непріятеля.

Когда существовала крѣпость Бурная, въ Низовомъ было расположено все хозяйственное заведеніе гарнизона; это мѣсто было обрыто канавой и обнесено незначительнымъ брустверомъ, безъ всякой фланговой обороны. Съ упраздненіемъ Бурной, гарнизонъ былъ переведенъ на низъ; для помѣщенія его устроили довольно обширный форштатъ, который также окопали рвомъ и оградили брустверомъ, что и получило названіе Низоваго укрѣпленія, а мѣсто хозяйственныхъ заведеній назвали цитаделью.

Низовое укрѣпленіе лежитъ у подошвы горъ и въ цѣломъ укрѣпленіи нельзя найдти ни одного мѣста, гдѣ бы можно было укрыться отъ ружейной пули.

По малочисленности своей, гарнизонъ долженъ былъ оставить форштатъ и запереться въ такъ-называемой цитадели, что дало воз-

можность непріятелю засѣсть въ форштатѣ и вредить гарнизону изъ-за строеній, которыя войска не имѣли времени и средствъ разрушить. Брустверъ и ровъ, окружающіе цитадель, такъ слабы, что конный могъ бы перескочить эту ограду, если бы не догадались обложить брустверъ колючкой.

Въ укрѣпленіи было пять чугунныхъ пушекъ; изъ нихъ два только орудія были на лафетахъ, остальныя валялись на землѣ. Во время блокады, гарнизонъ ухитрился и сдѣлалъ что-то такое, на что можно было положить орудіе, и, провертѣвъ дыру въ брустверѣ, нашли возможнымъ даже стрѣлять изъ онаго, если непріятель попадался по направленію орудія.

Вотъ мѣсто, въ которомъ было сложено около 10,000 четвертей провіанта и которому суждено было, съ 341 человѣкомъ гарнизона, выдержать 8-дневную осаду противъ 6-тысячной толпы.

Я поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства подробности этой примѣрной защиты укрѣпленія.

Постоянный гарнизонъ укрѣпленія составляла 4-я линейная рота Грузинскаго линейнаго № 12 баталіона, въ составѣ: унтеръ-офицеровъ — 11, барабанщика — 1 и рядовыхъ — 94.

8-го ноября прибыла въ Низовое укрѣпленіе рота его свѣтлости князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, подъ командою штабсъ-капитана Бибанова, на усиленіе гарнизона, въ числѣ: унтеръ-офицеровъ—11, музыкантовъ—4, рядовыхъ—95. Съ этой ротою прибылъ также конно-подвижной транспортъ, подъ командою Куринскаго егерскаго полка штабсъ-капитана Болотникова, и Апшеронскаго полка прапорщикъ Зыбинъ, съ командою изъ 30-ти человѣкъ рядовыхъ.

На другой день тарковскіе жители, огромными толпами, бросились на рейдъ,—истребили караулъ изъ 15-ти человѣкъ линейной № 4 роты, разграбили всѣ купеческіе товары и сожгли провіантъ. Штабсъ-капитанъ Болотниковъ, вызвавъ охотниковъ, сдѣлалъ вылазку, но не имѣлъ никакого успѣха. Въ этотъ же день прибыла въ Низовое укрѣпленіе еще команда Кабардинскаго полка изъ 60-ти человѣкъ. Такимъ образомъ, въ укрѣпленіи составился гарнизонъ изъ 341 человѣка, въ томъ числѣ и 40 человѣкъ подвижнаго транспорта.

Изъ этого видно, что тарковскіе жители не предпринимали еще никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ войскъ. Три дня они занимались грабежемъ и перевозкою товаровъ съ пристани въ деревню; но надобно было ожидать, что, окончивъ грабежъ, они начнутъ дѣйствовать противъ войскъ. Не надѣясь удержать за собою форштата, гарнизонъ, 11-го числа, началъ перебираться въ цитадель. На дру-

гой день огромныя толпы показались въ виду укрѣпленія; непріятель потребовалъ сдачи,—ему отвѣчали выстрѣлами. Не смотря на сильный огонь, непріятель ворвался въ форштатъ и, поражаемый картечью и ружейнымъ огнемъ, успѣлъ вывести транспортныхъ лошадей и весь скотъ гарнизона.

Съ тѣхъ поръ, до самаго прибытія моего, огонь не умолкалъ ни съ одной стороны. 14-го числа всѣ офицеры, общимъ совѣтомъ, выбрали начальниками, для защиты укрѣпленія, штабсъ-капитановъ Бибанова и Болотникова. Чтобы прикрыть себя нѣсколько отъ выстрѣловъ, они обложили крону брустверa кулями въ два ряда. Непріятель, съ своей стороны, дѣлалъ апроши изъ связанныхъ дровъ и, проломавъ въ оставленной на форштатѣ церкви амбразуры, подвезъ туда орудіе. Церковь эта отъ рва цитадели находилась въ 30-ти шагахъ.

17-го числа, непріятель, вмѣсто обычнаго своего гика, съ крикомъ „ура", бросился на штурмъ, но былъ отбитъ съ большою потерею. Что они дерзко бросились на штурмъ, служитъ доказательствомъ нѣсколько тѣлъ, оставленныхъ ими на самомъ краю контръэскарпа.

Въ ночь съ 18-го на 19-е непріятель провелъ свои апроши шаговъ на десять отъ рва, и укрѣпленіе, вѣроятно, въ скоромъ времени, было бы взорвано на воздухъ, потому что гарнизонъ рѣшился умереть, но не сдаваться.

Въ продолженіе 8-ми дней гарнизонъ ни на одну минуту не терялъ бодрости. Не только воинскіе чины, но все, что только было въ укрѣпленіи, принимало участіе въ оборонѣ; солдаты ни день, ни ночь не отходили отъ валовъ; молоканы, (которые, въ числѣ 108 душъ мужскаго и женскаго пола, слѣдовали въ Шемаху), стояли также на валу въ ряду солдатъ съ цѣпами, чтобы молотить татаръ, когда они полѣзутъ на брустверъ; ребятишки дѣлали патроны, женщины перевязывали и смотрѣли за ранеными; но усталость взяла свое: утомленные безпрерывнымъ боемъ, и солдаты, и женщины просили кончить все однимъ взрывомъ. Штабсъ-капитаны Бибановъ и Болотниковъ ободрили утомленныхъ, и 19-го числа, когда толпы горцевъ начали усиливаться, все ожило вновь.

Въ 2 часа пополудни раздались мои выстрѣлы; горцы начали кричать гарнизону, что это прибылъ Шамиль съ пушками; но передъ вечеромъ гарнизонъ увидѣлъ своихъ собратій. Все горе забыто и въ каждомъ сохранилось только чувство собственнаго достоинства.

Въ продолженіе 8-ми дней съ нашей стороны убиты: офицеръ—1, нижнихъ чиновъ—18, безъ вѣсти пропавшихъ на пристани—13. Ра-

нены: офицеровъ—4, въ томъ числѣ одинъ отставной, нижнихъ чиновъ — 58. Сверхъ того, убитъ чарвадаръ 1 и ранено — 3; женщинъ ранено — 5.

Въ этотъ день казаки порадовали меня своею блистательною атакою; но, осмотрѣвъ укрѣпленіе, меня изумила мужественная защита гарнизона, и трудно отдать себѣ отчетъ, какимъ образомъ люди могли удерживаться въ подобномъ укрѣпленіи?

Гарнизонъ былъ спасенъ; оставалось разрѣшить вопросъ, что мнѣ дѣлать?

Въ укрѣпленіи было сложено 10,000 четвертей провіанта, который желательно было бы спасти.

Я ни одного дня не могъ оставаться тамъ съ отрядомъ, потому что, для прикрытія всей Сулакской линіи и Кумыкскаго владѣнія, я оставилъ въ распоряженіи полковника Козловскаго всего только два баталіона пѣхоты. Шамиль сдѣлалъ ошибку, что отозвалъ къ себѣ Шуаибъ-муллу и тѣмъ далъ мнѣ возможность дѣйствовать; но узнавъ, что я нахожусь въ Таркахъ, онъ могъ поправить свою ошибку, отославъ Шуаибъ-муллу обратно,—и тогда всѣ бы кумыкскія деревни отложились непремѣнно, потому что безъ войскъ они драться не будутъ. Чтобы предупредить это, мнѣ нужно было спѣшить на Сулакъ, и въ такомъ случаѣ, все, что бы я могъ сдѣлать для сохраненія провіанта, ограничилось бы только усиленіемъ гарнизона двумя ротами.

Я уже сказалъ, что укрѣпленіе Низовое не можетъ держаться и, потому, двѣ роты, въ случаѣ потери укрѣпленія, увеличили бы только число жертвъ. Принявъ еще въ соображеніе, что, съ удаленіемъ моимъ, нравственная сила гарнизона неминуемо должна была ослабнуть, можно быть твердо увѣреннымъ, что укрѣпленіе не выдержало бы другаго натиска и, слѣдовательно, желая сохранить провіантъ, я бы потерялъ и провіантъ, и людей,— я рѣшился вывести гарнизонъ.

20-го ноября, сформировавъ, сколько можно было упряжей для перевозки раненыхъ и дѣтей, я приказалъ очищать укрѣпленіе. Между тѣмъ, я послалъ въ деревню Тарки всѣхъ, находившихся при мнѣ, кумыковъ. Возвратившись, они объявили мнѣ, что въ деревнѣ нѣтъ ни одного жителя, и что тамъ оставлено непріятелемъ одно чугунное орудіе на медвѣдкѣ. Я приказалъ заклепать его.

Выбравъ весь порохъ и артиллерійскіе снаряды изъ укрѣпленія Низоваго, я заклепалъ пять чугунныхъ орудій, и въ 10 часовъ утра выступилъ обратно на Сулакъ, предавъ огню все, что оставалось въ укрѣпленіи. На рейдѣ, я нашелъ купеческій корабль, который прибылъ въ Низовое съ казеннымъ лѣсомъ. Я вызвалъ лоцмана, и, такъ

какъ онъ хотѣлъ идти на зиму въ Баку, то я нанялъ его, чтобы доставить туда же или въ Кубу семейства молоканов, слѣдовавшихъ на поселеніе въ Ширванскій уѣздъ, на рѣку Армянку.

Отправленіе этихъ людей на корабль задержало меня на пристани до 3-хъ часовъ; къ вечеру я прибылъ въ Озень.

21-го я прибылъ въ укрѣпленіе Казіюртовское.

22-го я намѣренъ былъ дать отдыхъ войскамъ; но, получивъ донесеніе полковника Козловскаго, что въ Міатлахъ слышны частые пушечные выстрѣлы и что онъ уже двинулся туда съ 6-ю ротами при 5-ти орудіяхъ, оставивъ въ Султанъ-Янги-юртѣ двѣ роты для прикрытія тяжестей,—я немедленно направилъ къ Міатламъ всю кавалерію и два баталіона пѣхоты при 4-хъ орудіяхъ, подъ командою полковника Волоцкаго.

23-го ноября войска еще не возвратились изъ Міатловъ, и я не имѣю еще свѣдѣній, что тамъ дѣлается; но выстрѣловъ не слышно.

Я отправляюсь въ Амиръ-Аджи-юртъ, чтобы ускорить сформированіе новаго отряда, съ которымъ бы въ состояніи былъ начать рѣшительныя наступательныя дѣйствія; чрезъ 15 дней я могу быть въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Между жителями пронесся слухъ, будто бы подполковникъ Пассекъ оставилъ Хунзахъ и прибылъ въ Зиряны съ большою потерею. Говорятъ также, что башня въ Чиркѣяхъ взята чрезъ измѣну жителей,—укрѣпленіе въ Зубутѣ также взято. За справедливость этихъ слуховъ не ручаюсь.

Начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи генералъ-маіоръ Фрейтагъ 1-й.

II.

Дѣло подъ Міатлами на рѣкѣ Сулакѣ.

23-го ноября 1843 года.

«Покойный генералъ Викентій Михайловичъ Козловскій любилъ вспоминать объ этомъ дѣлѣ и, говоря про него, выражался всегда своею обычной поговоркой: «какъ, да, это было чистенькое дѣло». Пусть эти строки будутъ ему, вмѣсто лавровой вѣтки, на его свѣжую еще могилу». А. В.

Донесеніе полковника Волоцкаго генералъ-маіору Фрейтагу, отъ 24-го ноября 1843 г., изъ селенія Султанъ-Янги-юрта.

Выступивъ, по словесному приказанію вашего превосходительства, изъ Казіюрта 22-го сего ноября, въ 8 часовъ вечера, со ввѣренною

мнѣ кавалеріею и двумя конными орудіями, прибылъ я на разсвѣтѣ, 23-го числа, въ укрѣпленіе Міатлинское, гдѣ и присоединилъ къ себѣ отрядъ полковника Козловскаго. Огни непріятельской партіи виднѣлись по обѣимъ сторонамъ рѣки Сулака.

Осмотрѣвъ укрѣпленіе, мы нашли, что оно не представляетъ никакой возможности къ надежной оборонѣ, и потому рѣшились его оставить. Но какъ непріятель былъ въ сборѣ и при отступленіи нашемъ отъ Міатловъ къ Чиръ-юрту, по причинѣ гористой и перерѣзанной мѣстности, могъ нанести намъ значительный вредъ, то, дабы откинуть его въ горы, 23-го же числа, предпринято наступательное движеніе, давъ отдыхъ кавалеріи, послѣ сильнаго ночнаго перехода.

Въ два часа пополудни, подполковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, съ 1-мъ баталіономъ Куринскаго егерскаго полка, при двухъ легкихъ орудіяхъ, и 150-ю казаками, поднялся на гору, вверхъ по правому берегу р. Сулака, и, расположившись на одной высотѣ съ непріятелемъ, занимавшимъ противуположный берегъ, открылъ по немъ огонь изъ орудій. Въ то же время 2-я гренадерская рота Апшеронскаго полка, 2-я карабинерная и 4-я егерская Кабардинскаго полка, при двухъ горныхъ единорогахъ, переправились на паромѣ черезъ р. Сулакъ, а три сотни линейныхъ и двѣ сотни донскихъ казаковъ перешли рѣку въ бродъ.

Вытянувшись на гору, двѣ роты пѣхоты, подъ начальствомъ подполковника Ронжевскаго, и вся кавалерія построились въ боевой порядокъ на полянѣ. Горная артиллерія открыла огонь по непріятелю, который, отошедши съ чистаго мѣста, занялъ весьма выгодную позицію. Толпы его, при коихъ развѣвались три значка, увѣнчивали собою гребень высокой горы и, по приближеніи нашемъ, открыли сильный ружейный огонь. Но опытный взглядъ полковника Козловскаго, его смѣлое и быстрое движеніе съ пѣхотою, которой онъ давалъ самъ направленіе, скоро рѣшили дѣло. 2-я гренадерская рота Апшеронскаго полка, подъ командою молодаго, но славнаго офицера подпоручика Дьяконова, и 2-я карабинерная рота Кабардинскаго егерскаго полка, подошедши къ непріятельской позиціи, съ лѣвой стороны, бросились съ крикомъ „ура!“ на штурмъ горы; въ то же время сотня Волгскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины Вычкова, и одна сотня Донскаго № 52 полка, которую велъ самъ полковой командиръ подполковникъ Сычевъ, стремглавъ поскакали на гору, и, воспользовавшись небольшою впадиной, быстро поднялись на самый верхъ. Непріятель, опрокинутый совершенно, пустился бѣжать по всѣмъ направленіямъ, спускаясь въ овраги, которые открылись по ту сторону горы. Его преслѣдовала пѣхота и спѣ-

шенные казаки, ибо только нѣкоторая часть конныхъ могла пробираться по тропинкамъ.

По причинѣ наступавшаго вечера, должно было остановить войска, которыя возвратились спокойно въ лагерь.

Съ нашей стороны въ этомъ дѣлѣ ранены: оберъ-офицеръ — 1, нижнихъ чиновъ — 3; лошадей: убита—1, ранена—1. Потеря непріятеля неизвѣстна; но, по словамъ выбѣжавшаго черкеевца, у него много раненыхъ, а при преслѣдованіи изрублены казаками шесть человѣкъ.

Донося о семъ вашему превосходительству, считаю обязанностью почтительнѣйше присовокупить, что успѣхомъ нынѣшняго дня обязаны мы столько же храбрости войскъ, сколько неустрашимости и расторопности офицеровъ и въ особенности благоразумной рѣшительности полковника Козловскаго, который при этомъ случаѣ показалъ, какъ онъ коротко знакомъ съ здѣшнимъ образомъ войны и какъ хорошо знаетъ своего непріятеля. При атакѣ отличились: подполковникъ Сычевъ, войсковой старшина Бычковъ, Волгскаго казачьяго полка зауряд-хорунжій Сухоруковъ, (раненый въ бокъ пулею), Апшеронскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Дьяконовъ и полковой адъютантъ Кабардинскаго егерскаго полка подпоручикъ Козенцовъ. Подполковнику Евдокимову послано было, 23-го числа, приказаніе остановиться съ отрядомъ въ Султанъ-Янги-юртѣ; но пушечные выстрѣлы наши вынудили его подвинуться къ Чиръ-юрту, гдѣ онъ провелъ ночь и тѣмъ совершенно обезпечилъ наше отступленіе.

Въ сію минуту на высотахъ Салатау видны, въ разныхъ мѣстахъ, большіе огни.

Копію съ словеснаго приказанія на завтрашнее число при семъ имѣю честь представить. Полковникъ Волоцкой.

III.

Кавалерійскій бой подъ селеніемъ Большія Казанищи, въ Дагестанѣ.

15-го декабря 1843 года.

(Изъ записокъ очевидца).

Отрядъ генералъ-маіора Фрейтага прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ ночь на 15-е декабря. Кавалеріею соединенныхъ отрядовъ Кумыкскаго и Сулакскаго, состоявшею изъ 1,400 донскихъ и линейныхъ казаковъ, командовалъ полковникъ Волоцкой. У насъ знали и помнили, что для конницы всего важнѣе имѣть въ бою свѣжихъ и бодрыхъ коней, а потому берегли лошадей, какъ глазъ,—и кони наши пришли въ Темиръ-Ханъ-Шуру всѣ чрезвычайно свѣжими. Во время

осенней стоянки въ Ойсунгурѣ (нынѣ Куринское укрѣпленіе), мы нѣсколько разъ ходили ночью забирать чеченское сѣно и поиски наши не стоили намъ ни одного человѣка. Обыкновенно пошлютъ заранѣе, по разнымъ направленіямъ, нѣсколько партій охотниковъ, высмотрѣть, гдѣ у непріятеля лучшее сѣно и въ достаточномъ количествѣ; а потомъ, когда никто не ждетъ, начальникъ кавалеріи, послѣ пробитія вечерней зори, пойдетъ къ генералу Фрейтагу и, испросивъ разрѣшеніе, отдастъ приказаніе всѣмъ казакамъ сѣдлать. Мѣста нашихъ часовыхъ и резервовъ занимаетъ пѣхота. Мы выступаемъ безъ вьюковъ, тихо. Аммуниція, оружіе, конская сбруя, пригнаты такъ, что ничто не зазвенитъ, ничто не брякнетъ. На походѣ казаки ѣдутъ въ отдѣленіяхъ, на хвосту, никто ни слова—тишина мертвая; иной разъ можно слышать муху, и Боже сохрани, еслибъ кто осмѣлился закурить трубку или сказать громкое слово. Такъ бывало мы идемъ въ числѣ 800 и болѣе казаковъ; а куда — о томъ знаетъ одинъ начальникъ кавалеріи и находящіеся при немъ проводники. Дошедши до мѣста, гдѣ должно набрать сѣна, которое почти всегда находили мы на вершинахъ Качкалыковскаго хребта, отрядъ раздѣлялся на три части: одна—оставалась въ резервѣ внизу, другая—составляла цѣпь вокругъ сѣна, третья—живо набирала, вязала вьюки и спускалась внизъ, дабы смѣнить резервъ, который, въ свою очередь, шелъ набирать сѣно. Затѣмъ снимали цѣпь и она также навязывала вьюки подъ особымъ прикрытіемъ. Часто случалось намъ слышать лай собакъ въ аулахъ, такъ близко мы подходили къ жилищамъ чеченцевъ. На обратномъ пути одинъ казакъ велъ двѣ и даже три лошади, остальные казаки составляли пѣшее прикрытіе. Садиться на вьюки строго воспрещалось; сначала казакамъ это очень не нравилось, потомъ они привыкли и убѣдились, что такая мѣра необходима для сохраненія въ цѣлости конскихъ хребтовъ. Почти всегда на переходахъ мы слѣдовали на конѣ верстъ пять или шесть; потомъ останавливались, давали лошадямъ облегчиться, поправляли сѣдла и вьюки, подтягивали подпруги и шли пѣшкомъ версты двѣ и три,—затѣмъ опять садились верхомъ. Такимъ образомъ, лошади отлично сберегались. Кавалерія наша, послѣ успѣховъ подъ Низовымъ [1]) 19-го и подъ Міатлами 23-го ноября, выросла духомъ до невѣроятной степени. Она, казалось, не знала себѣ равной, и на чистомъ мѣстѣ, можно бы смѣло идти съ нею противъ десяти тысячъ гор-

---

[1]) Низовое укрѣпленіе было устроено при селеніи Тарки. Оно упразднено и, по близости отъ него, выстроился, на самомъ берегу Каспійскаго моря, городъ Петровскъ и существуетъ Петровское укрѣпленіе. А. В.

цевъ и разбить ихъ навѣрное. Между казаками различныхъ войскъ и полковъ завелось удивительное соревнованіе, доходившее до зависти. Нѣкоторыя сотни, за оказанныя отличія въ дѣлахъ, получили наименованія: были Бекешевцы, отличившіеся съ полковникомъ Круковскимъ подъ Бекешевской станицей, были Тарковцы и Міатлинцы, за подвиги подъ Низовымъ укрѣпленіемъ и при селеніи Міатлахъ такъ названные.

15-е число декабря предназначалось для отдыха. По утру рано часть людей послана была начальникомъ кавалеріи для пріемки провіанта и фуража; но вдругъ, часу въ 10-мъ, пріѣхалъ къ нему отрядной квартирмейстеръ, генеральнаго штаба капитанъ Кутузовъ, съ приказаніемъ отъ г. командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенанта Гурко, чтобы тотчасъ налегкѣ выступить со всею кавалеріею, дабы поддержать два баталіона пѣхоты, которые отправлены были къ селенію Кафыръ-Кумыку и встрѣтили тамъ сильнаго непріятеля. Въ 10-ть часовъ утра полковникъ Волоцкой былъ уже близъ селенія Кафыръ-Кумыка со всею конницею, при шести казачьихъ орудіяхъ. Тутъ нашелъ онъ генераловъ Гурко, Клюке-фонъ-Клюгенау и Фрейтага и получилъ приказаніе идти вправо, переправиться черезъ ручей и обогнуть вышеозначенное селеніе; но въ то время, когда мы искали удобной переправы, прискакалъ отъ господина командующаго войсками на линіи адъютантъ, съ новымъ распоряженіемъ, чтобы атаковать показавшуюся около деревни Муссе-лимъ-аула непріятельскую кавалерію передовыми казаками и поддержать эту атаку остальными линейными и, наконецъ, всѣми донскими казаками съ артиллеріею. Въ головѣ нашей колонны шла летучая команда изъ 60-ти казаковъ, подъ начальствомъ Нижегородскаго драгунскаго полка юнкера князя Михаила Лобанова-Ростовскаго, (поступившаго въ этотъ полкъ изъ чиновниковъ дипломатической канцеляріи главноуправляющаго въ Грузіи, храбреца, очень любимаго генераломъ Фрейтагомъ), потомъ слѣдовалъ не менѣе блистательной храбрости, состоявшій по кавалеріи ротмистръ баронъ Фридрихсъ, съ двумя сотнями Моздокскаго и отчаянный есаулъ Комковъ съ сотнею Гребенскаго полковъ. Начальникъ кавалеріи послалъ ихъ противъ непріятеля и приказалъ войсковому старшинѣ Бычкову, съ двумя сотнями Волгскаго казачьяго полка, поддержать эту атаку; а прочихъ линейныхъ и донскихъ казаковъ повелъ самъ, вслѣдъ за передовыми, шагомъ, дабы сохранить лошадей свѣжими. Направленныя, такимъ образомъ, сотни, понеслись, какъ ураганъ, съ перваго удара опрокинули, смяли непріятеля,—и горсть молодцевъ Лобанова помчалась вслѣдъ за бѣгущими, проскакала за деревню, черезъ ру-

чей и на гору, откуда уже отлогая поляна ведетъ къ самымъ Большимъ Казанищамъ. Ротмистръ баронъ Фридрихсъ и есаулъ Комковъ приняли вправо и отбили у непріятеля горный единорогъ. Фридрихсъ повезъ отнятое орудіе въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ моздокскими казаками, а Комковъ и Бычковъ поддержали Лобанова, на котораго непріятель, усиленный толпами, вышедшими изъ Казанищъ, началъ напирать. Оставивши командира Донскаго № 52 полка подполковника Сычова, съ донскими казаками и артиллеріею за ручьемъ, полковникъ Волоцкой выдвинулся на гору со всѣми остальными линейными казаками и увидѣлъ противъ себя сильныя массы непріятельской кавалеріи и пѣхоты, между тѣмъ, какъ новыя толпы спѣшили изъ Большихъ Казанищъ. Чтобы не дать непріятелю опомниться, начальникъ кавалеріи построилъ всѣхъ линейныхъ казаковъ въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ, и, подкрѣпивши себя еще сотнею донскихъ казаковъ, атаковалъ горцевъ и отодвинулъ ихъ назадъ. Позиція наша была выгодна: правый флангъ примыкалъ къ оврагу, а на лѣвомъ находилась высота, которую заняли частью казаковъ, подъ командою сотника Золотницкаго. Кромѣ фланкеровъ, казакамъ строжайше было подтверждено не стрѣлять. Въ строю сохранялось совершенное спокойствіе, какъ на маневрахъ регулярныхъ войскъ. Въ атакахъ, дротикъ и шашка одни дѣйствовали. Вдругъ неожиданно пришло къ намъ повелѣніе отступать. Чувствуя всю трудность выполнить безнаказанно движеніе назадъ, въ виду почти всего скопища Шамиля, доходившаго, какъ нѣкоторые говорятъ, отъ 40 до 50 тысячъ, полковникъ Волоцкой сталъ маневрировать, подаваясь цѣлыми линіями то впередъ, то назадъ; сдѣлалъ еще нѣсколько атакъ и, наконецъ, началъ-было отступать черезъ сотню, т. е., черезъ эскадронъ, какъ тутъ подошли двѣ роты пѣхоты, посланныя къ нему въ подкрѣпленіе генералъ-маіоромъ Фрейтагомъ, и начальникъ кавалеріи, остановившись, тотчасъ приказалъ пѣхотѣ залечь подъ горою, въ тылу нашей позиціи, а на высоту, передъ нами находившуюся, поставилъ одно орудіе и открылъ изъ него огонь по непріятелю. Селеніе Мусселимъ-аулъ, оставшееся у насъ сзади, правѣе нашихъ линій, было занято сотнею Ставропольскаго линейнаго казачьяго полка, подъ начальствомъ поручика Сверчкова. Такимъ образомъ, имѣя при спускѣ часть пѣхоты, а на другой сторонѣ ручья сильный резервъ изъ донскихъ казаковъ при 5-ти орудіяхъ, представилась возможность удержать натискъ всего скопища, даже и въ томъ случаѣ, еслибы передовыя сотни линейныхъ казаковъ были опрокинуты. Къ счастію, въ это же время пріѣхали на позицію всѣ главные начальники, именно: генералъ-лейтенантъ Гурко, генералъ-

маіоры Клюке-фонъ-Клюгенау и Фрейтагъ. Генералъ Гурко сдѣлалъ полковнику Волоцкому сначала замѣчаніе, что казаки слишкомъ занеслись и что поэтому, какъ онъ тогда выразился, день былъ потерянъ; но узнавши, что при атакѣ отбито у непріятеля орудіе, командующій войсками на Кавказской линіи остался доволенъ. Между тѣмъ, нѣсколько баталіоновъ пѣхоты, за которыми генералъ-маіоръ Фрейтагъ послалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, тотчасъ, какъ только онъ увидѣлъ, что у насъ завязалось съ главными силами Шамиля дѣло, начали уже подходить,—и тогда на позицію выдвинуто было еще одно орудіе и вскорѣ затѣмъ оба орудія подались впередъ, на другой небольшой курганъ, откуда начали обдавать непріятеля картечью. Толпы его стали сильно волноваться. Тутъ генералъ Фрейтагъ первый подалъ голосъ, что надобно атаковать; генералъ Гурко, посмотрѣвши на часы, выразилъ сначала сомнѣніе, словами: „не поздно-ли?“ (тогда былъ уже 5-й часъ пополудни); но затѣмъ изъявилъ согласіе, и, поручивши Фрейтагу исполнить это, поѣхалъ самъ назадъ для направленія колоннъ пѣхоты. Генералъ Фрейтагъ, обратившись къ начальнику кавалеріи и называя его по имени и отчеству, сказалъ: „Александръ Алексѣевичъ, атакуйте; резервъ поведу я, а вы распоряжайтесь“. Тогда полковникъ Волоцкой приказалъ выдвинуть на рысяхъ впередъ Донской № 52 полкъ, который и построился въ первой линіи развернутымъ фронтомъ въ двѣ шеренги, какъ полкъ регулярной кавалеріи; во второй линіи, уступомъ за флангами первой линіи, стали четыреста линейныхъ казаковъ и съ ними славный штабъ-офицеръ, войсковой старшина Бычковъ и храбрый начальникъ гребенской сотни есаулъ Комковъ. Въ резервъ были назначены остальные линейные и донскіе казаки, всего числомъ до 500, которые свернулись въ сотенную колонну, и въ головѣ ихъ остался генералъ Фрейтагъ. Желая быть вполнѣ увѣреннымъ въ успѣхѣ, начальникъ кавалеріи повелъ сперва донскихъ казаковъ лично, скомандовалъ имъ: „пики на перевѣсъ“, выровнялъ линію на большой рыси, подъ сильными выстрѣлами непріятеля,—и, пустивши ее въ атаку, при чемъ нельзя было безъ умиленія видѣть, какъ многіе казаки крестились, остановился, дабы наблюсти за послѣдствіями. Подполковникъ Сычовъ пошелъ въ атаку съ своими донцами прекрасно; однако, непріятель, пользуясь косогоромъ, который скрывалъ отъ насъ сильную его засаду и по которому, правѣе нашей позиціи, шла дорога въ Большія Казанищи, вдругъ, въ числѣ четырехъ сотъ или болѣе конныхъ, бросился во флангъ первой нашей линіи. Вѣроятно, толпу эту составляли отборные мюриды, ибо атака ихъ была рѣшительна. Видя такую дерзость и не опасаясь за лѣвый свой флангъ, по причинѣ ровной и на

далекое пространство открытой мѣстности, полковникъ Волонской скомандовалъ лѣвому уступу: „вправо, прибавь рыси“ и скачившіи всѣхъ казаковъ второй линіи, цѣликомъ кинулъ ихъ во флангъ мюридамъ. Бычковъ, Комковъ и Лобановъ ударили дружно и славно. Непріятель былъ совершенно опрокинутъ — и тогда все побѣжало. Шамиль, занимавшій въ Большихъ Казанищахъ дворецъ Шамхала Тарковскаго, смотрѣлъ, говорятъ, съ верхней терассы онаго на кипѣвшій бой и, вѣроятно, мечталъ уже, что горсть нашей храброй конницы будетъ раздавлена его огромнымъ скопищемъ; но когда увидѣлъ, что толпы его бѣгутъ въ безпорядкѣ, онъ сѣлъ на коня и ускакалъ съ сотнею своихъ тѣлохранителей-мюридовъ. Скоро на позицію пріѣхалъ г. командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, благодарилъ насъ; пѣхота подошла—и Большія Казанищи заняты были безъ выстрѣла. На другой день дагестанскій отрядъ пошелъ въ Зиряны и черезъ сутки отрядъ Пассека былъ спасенъ.

Бѣгство непріятеля изъ Большихъ Казанищъ совершилось такъ неожиданно и скоро, что наши казаки, посланные осмотрѣть передовыя сакли[1]), принесли начальнику кавалеріи котелокъ съ вареною, совсѣмъ горячею кукурузою; а во дворцѣ Шамхала Тарковскаго пѣхотные солдаты вынули изъ печей только-что испеченый нашими бѣглыми черный хлѣбъ. Вареная кукуруза показалась намъ необыкновенно вкуснымъ блюдомъ; ибо мы, съ 10-ти часовъ утра до 5-ти вечера, постоянно на конѣ и въ бою, ничего не ѣли и очень проголодались. Скопище чеченцевъ, по показанію лазутчиковъ, въ ту же ночь переправилось при Міатлахъ черезъ р. Сулакъ и разсѣялось.

Много было офицеровъ-молодцовъ въ нашей кавалеріи. Но особенною, блистательною храбростію отличались во время всего похода: Донскаго № 52 полка командиръ подполковникъ Сычовъ, котораго начальникъ кавалеріи любилъ и уважалъ за то, что ввѣренный ему полкъ былъ всегда въ превосходномъ состояніи,— ротмистръ баронъ Фридрихсъ[2]), юнкеръ, а потомъ прапорщикъ, наконецъ, маіоръ и флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества князь Михаилъ Лобановъ-Ростовскій; меньшой братъ его, молодой лейбъ-гвардіи конной артиллеріи прапорщикъ Лобановъ-Ростовскій, подбившій значекъ на Казанищинской полянѣ; линейнаго казачьяго войска: есаулъ Комковъ, получившій въ дѣлѣ подъ Большими Казанищами четыре кинжальныя раны, войсковой старшина Бычковъ, есаулъ Синюхаевъ, сотникъ

---

[1]) Такъ называются вообще дома жителей на Кавказѣ, иногда они турлучные, въ Дагестанѣ большею частью каменные. А. В.

[2]) Убитъ, въ 1844 году, въ Чечнѣ. А. В.

Золотницкій (раненый); донскаго войска: сотникъ Семилетовъ, кирасирскаго его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича полка корнетъ Масловъ и прусской пѣшей гвардіи поручикъ баронъ Гиллеръ [1]), командовавшіе кубанскими сотнями; унтеръ-офицеръ Кабардинскаго егерскаго полка князь Яшвиль [2]) и юнкеръ Нижегородскаго драгунскаго полка графъ Еверскій; наконецъ, каждый, кто подъѣзжалъ къ нашей конницѣ, увлекался геройскимъ ея

[1]) Съ высочайшаго разрѣшенія Государя Императора Николая Павловича, въ 1843 году, въ началѣ сентября, три офицера Королевско-Прусской гвардіи пріѣхали на Кавказъ, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Это были: капитанъ Вердеръ, поручики: баронъ Гиллеръ и Герздорфъ. Всѣ они тогда же назначены въ дѣйствовавшій за Кубанью отрядъ генералъ-маіора Ольшевскаго, гдѣ полковникъ Волоцкой состоялъ начальникомъ кавалеріи, и прикомандированы симъ послѣднимъ къ разнымъ сотнямъ линейныхъ казаковъ, которыми завѣдывали присланные также для участвованія въ экспедиціяхъ наши гвардейскіе и армейскіе кавалерійскіе офицеры. Вскорѣ послѣ того капитанъ Вердеръ, отправленный на рекогносцировку съ партіею казаковъ, былъ раненъ и нашелся вынужденнымъ оставить отрядъ, чтобы лѣчиться на линіи. Такимъ образомъ одинъ изъ героевъ послѣдней прусско-французской войны получилъ свое военное и кровавое крещеніе въ рядахъ нашихъ храбрыхъ кавказскихъ войскъ. Поручики баронъ Гиллеръ и Герздорфъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій на правомъ флангѣ, вмѣстѣ съ полковникомъ Волоцкимъ и покойнымъ кавказскимъ героемъ Слѣпцовымъ, тогда еще молодымъ офицеромъ, поѣхали на лѣвый флангъ Кавказской линіи въ отрядъ генералъ-маіора Фрейтага, гдѣ ожидались болѣе частыя и горячія встрѣчи съ непріятелемъ. Въ это время весь сѣверный и нагорный Дагестаны и большая часть Чечни были уже въ полномъ возстаніи. По прибытіи въ Ойсунгуръ (Куринское укрѣпленіе), Волоцкому поручено начальство надъ кавалеріею и Гиллеръ остался съ нимъ; а Герздорфъ, въ надеждѣ скорѣе попасть въ дѣло, отправился въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ и выдержалъ блокаду, состоя при командующемъ войсками на Кавказской линіи, до самаго прибытія отряда Фрейтага на выручку Темиръ-Ханъ-Шуры. Баронъ Гиллеръ выучился скоро русскому языку, настолько, что казаки могли его понимать и ему поручена была 2-я сотня Кубанскаго казачьяго линейнаго полка, которою онъ командовалъ во все время похода на законномъ основаніи, съ особеннымъ отличіемъ. Фуражныя деньги отпускались у насъ сотеннымъ командирамъ на руки, сотня Гиллера всегда была прекрасно содержана, лошади и люди имѣли видъ бодрый и здоровый и офицеръ этотъ своимъ усердіемъ къ службѣ, строгою точностью при исполненіи всякаго возлагаемаго на него порученія, заботливостью о ввѣренной ему части, мужествомъ и блистательною храбростью въ бою, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Дѣля съ казаками всѣ труды осенняго и зимняго похода, онъ особенно отличился подъ Низовымъ укрѣпленіемъ и при селеніи Большихъ Казанищахъ. Баронъ Гиллеръ убитъ, въ 1866 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, подъ Кёнигрецомъ. О немъ, говорятъ, очень жалѣлъ король и вся прусская армія. А. В.

[2]) Изъ разжалованныхъ за дуэль гвардейскихъ офицеровъ, впослѣдствіи бывшій командиромъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго его величества полка. А. В.

духомъ. Такъ, при послѣдней большой атакѣ, въ оной со славою участвовали, несясь впереди казаковъ: подполковники Евдокимовъ [1]) и Бибиковъ [2]), прусской службы гвардейскаго стрѣлковаго баталіона поручикъ Герздорфъ [3]), адъютантъ фельдмаршала князя варшавскаго гвардіи ротмистръ Аничковъ, штабсъ-капитанъ Матусъ и гвардіи поручики: Феншъ, Бонтанъ и Нейдгартъ.

IV.

Блистательный подвигъ кавалеріи отряда генералъ-маіора Фрейтага, подъ Казанищами, въ свое время не оцѣненъ по справедливости. Заслуга была громадная. Случайно доставшійся намъ рапортъ генералъ-лейтенанта Гурко, командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгарту, отъ 15-го ноября 1843 г. № 258, представляетъ ясно, въ какомъ положеніи была вся страна, какой общій упадокъ духа послѣдовалъ за неимовѣрными успѣхами Шамиля и какихъ страшныхъ послѣдствій можно бы ожидать, если бы кавалерія Фрейтага была опрокинута. Поступи полковникъ Волоцкой такъ, какъ изобразилъ его почтенный авторъ статьи „Русскаго Вѣстника": „Набѣги Шамиля въ 1843 году" и кавалерія его выскакала бы за нимъ на чистую обширную Казанищинскую поляну, гдѣ массы горцевъ окружили бы ее со всѣхъ сторонъ и казаки непремѣнно были бы раздавлены многочисленнымъ непріятелемъ, имѣвшимъ, если не сорокъ, то навѣрно тридцать противъ одного; наши легли бы, конечно, съ честью; но были бы истреблены. Вслѣдъ затѣмъ, подходившая пѣхота, въ которой съ Фрейтагомъ пришло много рекрутъ, могла бы также быть опрокинута и разсвирѣпѣвшіе, лютые сыны горъ ворвались бы съ отступающими баталіонами въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и все тамъ находящееся было бы перерѣзано; при лучшемъ исходѣ сраженія, остатки нашихъ отрядовъ заперлись бы въ несчастной крѣпости и подверглись всевозможнымъ лишеніямъ, потому что Шамиль не допустилъ бы тогда къ нимъ никакого подвоза; скорой помощи ожидать было не откуда, съ линіи всѣ войска были взяты. Торжествующему врагу открылся бы путь на линію — въ Кизляръ, Моздокъ, во всѣ станицы, до самаго Ставрополя. Шамиль, оставивъ достаточный отрядъ для блокады Темиръ-Ханъ-Шуры, съ остальными, все-таки весьма значительными скопищами, подкрѣпляемый артиллеріею, пошелъ бы

---

[1]) Нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи и графъ. А. В.

[2]) Убитъ въ 1845 году, въ Даргинской экспедиціи, въ чинѣ полковника и въ званіи командира Навагинскаго пѣхотнаго полка. А. В.

[3]) Убитъ въ послѣднюю войну германцевъ противъ французовъ, подъ Седаномъ, въ чинѣ генерала. А. В.

въ Кабарду, которую могъ заставить подняться и соединился бы съ горцами праваго фланга и Черноморской береговой линіи,—тогда хоть формируй новую армію и начинай завоеваніе Кавказа опять сначала. Еслибъ не разбили горцевъ подъ Казанищами, отрядъ Пассека погибъ бы въ Зирянахъ; ибо у него не было уже ни хлѣба, ни мяса, ни соли; сухарей оставалось мало, доѣдали послѣднихъ лошадей и отъ недостатка соли люди начинали пухнуть. Пробиться чрезъ узкое, утесистое Бурундукъ-Кальское ущелье не было возможности. Лишь только вступилъ бы слабый Зирянскій отрядъ туда, его бы истребили въ полчаса, какъ былъ истребленъ отрядъ Веселитскаго подъ Унцукулемъ. Слава Богу, что ничего подобнаго не случилось. Ура кавалеріи отряда генералъ-маіора Фрейтага!

По Шурѣ ходили слухи, что въ штабѣ командующаго войсками на Кавказской линіи, тотчасъ по прибытіи генерала Фрейтага, составлена была диспозиція, по коей предположили: 16-го декабря выступить изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ боевомъ порядкѣ противъ Шамиля, подойти къ Большимъ Казанищамъ, обстрѣливать ихъ, въ теченіи двухъ или трехъ часовъ, сильною артиллеріею, и потомъ, сформировавъ штурмовыя колонны, взять аулъ приступомъ. Вышло иначе. 15-го декабря, вызванная на легкахъ кавалерія завязала дѣло, отбила орудіе, удержалась, благодаря своему мужеству и смѣлости атакъ, противъ всего скопища, до прибытія пѣхоты, и разстроила и разсѣяла многочисленныя полчища Шамиля. Это многимъ не понравилось и реляція о славномъ Казанищинскомъ боѣ въ пяти строкахъ возвѣстила только слѣдующее: „Полковникъ Волоцкой бросился съ кавалеріею, опрокинулъ непріятеля и Шамиль очистилъ Большія Казанищи и отступилъ;" но о томъ, что у насъ дѣлалось съ 11-ти часовъ до 4-хъ,—такъ какъ первая атака, которую генералы Гурко и Клюке-фонъ-Клюгенау и ихъ штабы видѣли, произошла въ 10-ть часовъ утра, а послѣ того они не могли видѣть дальнѣйшаго хода дѣла, потому что насъ скрывала отъ нихъ высота,—никто даже не спросилъ ни генерала Фрейтага, ни полковника Волоцкаго.

Командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, господину генералъ-адъютанту и кавалеру Нейдгарту, — командующаго войсками на Кавказской линіи генералъ-лейтенанта Гурко

Рапортъ [1]).

Темиръ-Ханъ-Шура три дня уже отрѣзана отъ всѣхъ сообщеній. Два дня не получалъ я ни малѣйшаго свѣдѣнія изъ укрѣпленныхъ

[1]) Копія съ этого рапорта, собственноручно скрѣпленная генералъ-лейтенантомъ Гурко, находится въ дѣлахъ Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба.
А. В.

пунктовъ Дагестана; только сегодня дошло до меня донесеніе подполковника Пассека, въ коемъ изъясняетъ, что хотя дубликатъ предписанія моего. отъ 8-го сего ноября, объ оставленіи Хунзаха, былъ ему врученъ, за всѣмъ тѣмъ, онъ видитъ себя въ невозможности исполнить это приказаніе, потому что Танусъ, селенія Серине и Ирганай заняты непріятелемъ, и аварскій отрядъ принужденъ удерживать свое настоящее расположеніе. Кромѣ препятствій отъ мѣстности, затрудняющихъ сообщеніе Аваріи съ Темиръ-Ханъ-Шурою, занятіе непріятелемъ трехъ главныхъ пунктовъ, лежащихъ на пути, содѣлываетъ невозможнымъ оставленіе Хунзаха безъ большаго кровопролитія; къ сему подполковникъ Пассекъ присовокупляетъ слѣдующее: 7-го ноября, когда полковникъ Ясинскій сообщилъ ему о взятіи горцами Гергебеля и о восстаніи акушинцевъ, цудакаринцевъ и мехтулинцевъ, онъ, подполковникъ Пассекъ, рѣшился въ ту же ночь очистить Хунзахъ. Втайнѣ уже были сдѣланы всѣ предварительныя къ этому распоряженія; но когда жители это замѣтили, то они тотчасъ взволновались, и не вслѣдствіе какой-либо измѣны, но изъ опасенія, что ихъ предаютъ на жертву мюридамъ,—рѣшились вооруженною рукою остановить отрядъ. Это неудовольствіе жителей, обнаруженное ими при подозрѣніи, что русскіе хотятъ оставить Хунзахъ, успокоиваетъ меня нѣсколько на счетъ находящихся тамъ войскъ; тѣмъ болѣе. что хунзахцы, со всякимъ днемъ усерднѣе помогаютъ солдатамъ въ работахъ, даже снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, когда не достаетъ сухарей; посему, согласно донесенію подполковника Пассека, можно надѣяться, что жители будутъ защищаться съ мужествомъ и рѣшительностью. Для вывода войскъ изъ Хунзаха, не подвергая ихъ неминуемой гибели, необходимо выйдти имъ съ сильнымъ отрядомъ на встрѣчу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Ирганаю. Собственно въ моемъ распоряженіи имѣю я теперь только 3,000 человѣкъ, въ томъ числѣ вооруженныхъ инвалидовъ, фурлейтъ, писарей, музыкантовъ и двѣ сотни казаковъ; противъ себя же имѣю все народонаселеніе сѣвернаго и средняго Дагестана,—и потому не нахожу возможности подать помощи аварскому отряду безъ пожертвованія Темиръ-Ханъ-Шурою, не смѣю ранѣе выручить Низовое укрѣпленіе, обложенное уже Магометъ-кадіемъ акушинскимъ.

Изъ рапорта моего, отъ 12-го ноября № 254-й, ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволили распоряженія, сдѣланныя мною на тотъ конецъ, чтобы подполковникъ Евдокимовъ, собравъ всѣ ввѣренныя ему войска, двинулся къ Низовому для освобожденія находящагося тамъ транспорта; но такъ какъ всѣ мои сообщенія отрѣзаны,

то я не знаю даже, гдѣ именно теперь находится сей штабъ-офицеръ, какъ онъ дѣйствовалъ и съ какимъ успѣхомъ?

Освобожденіе Низоваго укрѣпленія необходимо, но причинѣ тамошнихъ складовъ продовольствія; но выводъ 5-ти баталіоновъ изъ горъ гораздо важнѣе, ибо, соединясь съ этими 5-ю баталіонами, я бы могъ надѣяться наступательными дѣйствіями нѣсколько поправить положеніе нашихъ дѣлъ на плоскости. Но я повторяю, что, съ имѣющимися у меня средствами, мнѣ совершенно невозможно сдѣлать шагъ впередъ, не подвергнувъ Темиръ-Ханъ-Шуры вѣрной гибели. По этой причинѣ, я вынужденъ ограничиваться обороною означенной крѣпости, какъ важнѣйшаго пункта въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Темиръ-Ханъ-Шура легко доступна съ 3-хъ сторонъ и предмѣстіе оной такъ велико, что все протяженіе линіи огня имѣетъ до $3^1/_4$ верстъ. Она укрѣплена на подобіе казачьихъ станицъ, а именно: валъ ея низокъ и ровъ небольшой, но брустверъ имѣетъ засѣки. Не смотря на это, въ крѣпости находится не менѣе провіанта, чѣмъ въ Низовомъ укрѣпленіи и, сверхъ того, большой запасъ пороху и снарядовъ, а въ особенности 1,100 больныхъ въ госпиталѣ и около 1,000 христіанскаго населенія на форштатѣ. Выступить съ отрядомъ, хотя бы слабымъ, для освобожденія Низоваго или войскъ въ Аваріи, значило бы совершенно пожертвовать Темиръ-Ханъ-Шурою, обложенною многочисленнымъ скопищемъ Шамиля, усиленнымъ артиллеріею, которое занимаетъ Большія Казанищи и ближайшія окрестности.

По моему убѣжденію, я не могу пожертвовать столь важною крѣпостью, но рѣшаюсь защищаться въ оной; не думаю ограничиваться пассивною обороною, напротивъ того, воспользуюсь всякимъ благопріятнымъ случаемъ для производства вылазокъ.

Къ сожалѣнію, войска, занимающія сію крѣпость, лишены даже квартиръ, ибо большая часть домовъ наполнены больными,—они нуждаются также въ дровахъ и въ столь суровое время года принуждены спать на бивуакахъ; Шамиль, напротивъ того, расположилъ многочисленныя свои толпы съ величайшимъ удобствомъ по деревнямъ.

Для отвлеченія, по крайней мѣрѣ, части непріятельскихъ силъ отъ сѣвернаго Дагестана, я предполагалъ просить генералъ-маіора князя Аргутинскаго-Долгорукова, съ 5-ю баталіонами, кои должны 26-го ноября собраться въ Кумыхѣ, двинуться въ Акушу; но ни одинъ изъ лазутчиковъ, за большую даже плату, не берется доставить это приказаніе князю Аргутинскому,—по сему не изволите-ли ваше высокопревосходительство благосклонно взять на себя, прямо отъ васъ, предписать сему генералу исполнить вышесказанное, дабы

хотя нѣсколько поправить положеніе нашихъ дѣлъ въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Имѣя честь довести о всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, обязываюсь присовокупить, что о движеніи моемъ къ Гергебилю и о возстаніи акушинцевъ, я отправилъ къ вамъ донесеніе мое, отъ 7-го и 8-го ноября №№ 244-й и 247-й, чрезъ капитана барона Турнау; но, не получивъ отъ сего офицера донесенія о прибытіи его въ Султанъ-Янги-юртъ, я 12-го ноября отправилъ, съ надежнымъ человѣкомъ, дубликатъ моего донесенія, а равно свѣдѣніе о полномъ возстаніи Шамхальскихъ владѣній, изложенное въ рапортѣ, отъ 12-го ноября № 254, къ вашему высокопревосходительству, чрезъ посредство генералъ-маіора Фрейтага.

Съ линіи долгое время не имѣю никакихъ донесеній. Здѣсь утверждаютъ, однако, что въ Чечнѣ собирается большое скопище и что ичкеринцамъ и ауховцамъ приказано готовиться къ походу. Можетъ быть, Шуаибъ-мулла, съ сильнымъ отрядомъ и артиллеріею, пойдетъ по правому берегу р. Сулака на подкрѣпленіе Шамиля. Въ этомъ предположеніи я предписалъ генералъ-маіору Фрейтагу дѣйствовать Шуаибъ-муллѣ въ тылъ, буде набѣгъ на Кизляръ не отвлечетъ его туда. Генералъ-лейтенантъ Гурко.

№ 258.
15-го ноября 1843 г.
Темиръ-Ханъ-Шура.

V.

Господину командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенанту Гурко, — командовавшаго кавалеріею соединенныхъ отрядовъ кумыкскаго и сулакскаго, состоящаго по кавалеріи и при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ полковника Волоцкаго

Рапортъ[1]).

На предписаніе вашего превосходительства, отъ 5-го минувшаго іюня № 1,131, имѣю честь почтительнѣйше объяснить слѣдующее:

15-го декабря прошедшаго года, въ 10 часовъ утра, я прибылъ со ввѣренною мнѣ кавалеріею къ селенію Кафыръ-Кумыку, гдѣ ваше превосходительство изволили дать мнѣ приказаніе, атаковать показавшуюся около дер. Мусселимъ-аула, непріятельскую конницу. Въ

---

[1]) Этотъ рапортъ помѣщается здѣсь для родныхъ и друзей ротмистра барона Фридрихса и есаула Комкова. За Казанищинское дѣло баронъ Фридрихсъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., Комковъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. А. В.

головѣ моей колонны шла летучая команда юнкера князя Лобанова-Ростовскаго, за нею двѣ сотни Моздокскаго линейнаго казачьяго полка; подъ начальствомъ ротмистра барона Фридрихса, и потомъ сотня Гребенскаго полка, подъ командою есаула Комкова. Направивъ эти части противъ непріятеля, я приказалъ войсковому старшинѣ Бычкову поддержать ихъ съ двумя сотнями Волгскаго линейнаго казачьяго полка; а самъ, со всѣми остальными казаками и артиллеріею, пошелъ вслѣдъ за ними шагомъ, дабы сохранить лошадей свѣжими. Лобановъ, баронъ Фридрихсъ и Комковъ, съ мѣста помчались опрометью, ударили на непріятельскую толпу, опрокинули ее и летучая команда князя Лобанова пронеслась за деревню; баронъ Фридрихсъ и Комковъ приняли вправо и отбили орудіе. Подвигъ этотъ былъ дѣломъ одного мгновенія. Баронъ Фридрихсъ и Комковъ, въ одно время, съ двухъ сторонъ, наскакали на орудіе. Быть можетъ, что первый былъ нѣсколько впереди, такъ какъ моздокскіе казаки шли впереди гребенскихъ; но у многихъ изъ моздокскихъ казаковъ загорѣлись лошади и баронъ Фридрихсъ, вѣроятно, не успѣлъ бы взять орудія, если бы вмѣстѣ съ нимъ не прискакалъ есаулъ Комковъ съ гребенскими казаками.

Такимъ образомъ, честь отбитія непріятельскаго орудія принадлежитъ, по мнѣнію моему, обоимъ храбрымъ моимъ товарищамъ. Справедливость требуетъ, чтобы я вновь убѣдительнѣйше ходатайствовалъ у вашего превосходительства объ испрошеніи награжденія орденомъ св. Георгія 4-й степени, какъ ротмистра барона Фридрихса, такъ и есаула Комкова. Кавалерственная дума можетъ съ гордостію записать ихъ обоихъ въ число своихъ членовъ. Вашему превосходительству извѣстно, что оба эти офицера храбрости блистательной. Есаулъ Комковъ, въ самой схваткѣ, получилъ четыре кинжальныя раны и, не смотря на то, въ теченіе шести-часоваго боя, оставался при своей сотнѣ,—сдѣлалъ съ нею нѣсколько атакъ и, наконецъ, славно участвовалъ въ послѣдней, замѣчательной атакѣ второй нашей линіи во флангъ непріятеля, который осмѣлился-было ударить во флангъ первой нашей линіи, т. е., донскому № 52 полку, когда полковникъ Сычовъ пошелъ съ нимъ въ атаку въ дротики. Полковникъ **Волоцкой**.

Сообщ. **А. А. Волоцкой**.

№ 203.
23-го іюля 1844 года.
Укрѣпленіе Темиръ-Ханъ-Шура.

От редакціи. Въ заключеніе настоящихъ документовъ, весьма обязательно сообщенныхъ А. А. Володкимъ, считаемъ совершенно умѣстнымъ привести выдержку изъ статьи г. Ильина о событіяхъ на Кавказѣ («Русскій Вѣстникъ» 1872 г., кн. 7). Въ ней находимъ свидѣтельство очевидца о ужасномъ положеніи, въ какомъ находилась Темиръ-Ханъ-Шура въ 1843 г., и о тѣхъ замѣчательныхъ результатахъ, какіе имѣли для всего края успѣхи славнаго генерала Фрейтага и его доблестныхъ боевыхъ сподвижниковъ.

Ред.

«.....Мы остались въ осадѣ съ 8-го ноября по 14-е декабря 1843 г., когда были выручены генераломъ Фрейтагомъ, пришедшимъ съ Кавказской линіи.

Нужно-ли описывать нашу блокаду въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ? Всѣ пять недѣль ея были такъ однообразны, какъ одинъ день. Шамиль подошелъ съ акудохаринцами, акушинцами, чеченцами, лезгинами и кумыками, и всѣ шамхальцы возстали противъ насъ. Шура обложена была болѣе, чѣмъ 50-тысячнымъ непріятелемъ. Насъ всѣхъ, съ жителями, становилось на валъ, для отраженія штурма, до 4-хъ тысячъ. Но Шамиль трусилъ. Онъ не рѣшался на штурмъ, хотя и готовилъ туры и фашины для рвовъ Шуры. Чеченцы и шамхальцы, опасаясь возмездія, требовали штурма, но Шамиль предполагалъ выморить насъ голодомъ, тревожа безпрерывно и показывая видъ, что хочетъ идти на штурмъ.

Мы проводили ночи на батареяхъ и на валу форштадта, а день отдыхали поочередно, — и только....

Мы были въ положеніи критическомъ. Сухарей оставалось немного. Боевыхъ коней своихъ мы выгнали къ непріятелю, за неимѣніемъ сѣна, сожженнаго кругомъ Шуры горцами, а вьючныхъ почти всѣхъ пріѣли. Весь Дагестанъ кипѣлъ возстаніемъ. Къ Шамилю, который готовился на штурмъ, прибыли новыя силы; число защитниковъ у насъ съ каждымъ днемъ уменьшалось, на помощь съ Линіи мы потеряли всякую надежду....

И вотъ настало роковое 13-е число декабря 1843 года, когда генералы Гурко, фонъ-Клугенау и командиръ Апшеронскаго полка, полковникъ Майборода, положили на совѣтѣ: «Выступить изъ Темиръ-Ханъ-Шуры кареями, заключивъ въ средину ихъ женщинъ и дѣтей. Пробиться сквозь силы Шамиля и чрезъ Евгеньевское укрѣпленіе выйдти къ Казіюрту [1]), гдѣ, сосредоточивъ силы, держаться до прибытія подкрѣпленій съ Линіи».

Наступилъ вечеръ. Всѣ были въ мрачномъ настроеніи духа, всѣмъ жаль было Темиръ-Ханъ-Шуры, оставляемой на разграбленіе. Къ этому примѣшивалось опасеніе за семейства и людей любимыхъ; но, тѣмъ не менѣе, большая часть офицеровъ, сокрушаясь о Шурѣ, какъ о добромъ товарищѣ, оставляемомъ въ боевомъ полѣ, ждали нетерпѣливо минуты, когда понадобятся кинжалы и шашки.

Вдругъ послышался радостный крикъ въ группѣ офицеровъ, и все туда прихлынуло: одинъ изъ нихъ поздравлялъ со скорымъ прибытіемъ генерала Фрейтага; «завтра», говорилъ офицеръ, «мы будемъ выручены, — Фрейтагъ въ 12-ти верстахъ».

Быстро разнеслась и подтвердилась радостная вѣсть эта. Черезъ четверть часа никто не узналъ бы Темиръ-Ханъ-Шуры. Вся она освѣтилась огнями,

---

[1]) Хорошая крѣпость на Сулакѣ. **И.**

вездѣ стрѣльба, всюду визжатъ пули, и дамы наши, разгуливающія по форштадту, едва успѣваютъ съ ними раскланиваться. И холодъ, и голодъ, и крайность положенія—все забыто. Въ Шурѣ былъ свѣтлый праздникъ. Послѣдняя ночь пятинедѣльной блокады нашей была чудная ночь. Всѣ ждали разсвѣта, и вотъ онъ забрезжилъ. И семь, и девять часовъ, и десять, а Фрейтага нѣтъ, и полдень — а все нѣтъ! Сердца всѣхъ и взгляды ждали своего избавителя, и вдругъ темныя точки колоннъ появились на дорогѣ отъ Евгеньевскаго укрѣпленія, растутъ, растутъ онѣ; привѣтный выстрѣлъ грянулъ съ кавалеръ-батареи, «ура» облетѣло Шуру.

Широко отворились Евгеньевскія ворота предъ нашими избавителями. И дѣти, и воины, и дамы, и жители, всѣ вышли навстрѣчу желаннымъ гостямъ, принимая ихъ съ благословеніями.

Генералы наши встрѣтили Фрейтага на форштадтѣ. Пѣхота, въ числѣ двухъ тысячъ, вступила въ укрѣпленіе. Выстрѣлы восторженныхъ шуринцевъ рокотали повсемѣстно въ честь прибывшихъ. Залпами отвѣчали дорогіе гости, а неизбѣжный подпѣвало выдѣлывалъ впереди хора невѣроятныя па. За пѣхотой, гудя глухимъ отголоскомъ смерти, явилась артиллерія, и, наконецъ, гарцуя на танцующихъ коняхъ, влетѣли линейные казаки, а за ними конные мусульмане. Всѣхъ ихъ было полторы тысячи всадниковъ. Впереди молодцевъ-линейцевъ ѣхалъ командовавшій ими и всею кавалеріею полковникъ Александръ Алексѣевичъ Волоцкой, рядомъ съ нимъ — князь Яшвиль и многіе другіе.

«Да мы чорта скрутимъ съ такими ребятами», кричали апшеронцы, любуясь войскомъ. «Ура, ребята, урра-а-а!» И долго гремѣло надъ Шурою ура солдатское.

15-го декабря, въ 8 часовъ утра, вышли баталіоны изъ Шуры и остановились за озеромъ, на возвышеніи, противъ аула Кафыръ-Кумыка. Этотъ аулъ былъ занятъ непріятелемъ постоянно, въ теченіе всей блокады, болѣе чѣмъ пятнадцатью тысячами горцевъ.

По разнымъ направленіямъ тянулись массы конныхъ горцевъ къ Кафыръ-Кумыку, который долженъ былъ выдержать первый натискъ нашъ.

Кавалерія помѣстилась на правомъ флангѣ пѣхоты, резервная № 2 батарея — на лѣвомъ, а еще лѣвѣе — артиллерія Фрейтага, и часть отряда его заняла возвышенія, ближайшія къ аулу.

Генералы Гурко, Клугенау и Фрейтагъ съѣхались.

— «Вы, ваше превосходительство», сказалъ Гурко генералу Клугенау, «какъ мѣстный начальникъ, распорядитесь боемъ».

Фрейтагъ поклонился въ знакъ согласія.

Артиллерія открыла огонь по Кафыръ-Кумыку, и посланы были стрѣлки противъ него, на низменность, но, въ скоромъ времени, большая часть изъ нихъ была переранена.

Большія массы непріятельской кавалеріи, тянувшіяся отъ Большихъ Казанищъ мимо Муселимъ-аула, въ четырехъ верстахъ отъ нашего праваго фланга, обратили вниманіе генераловъ, и потому послана была сотня линейныхъ казаковъ рекогносцировать къ Кафыръ-Кумыку. Но какъ только очутилась сотня эта на параллельной линіи между этимъ ауломъ и Муселимъ-ауломъ, находящимися одинъ отъ другаго верстахъ въ пяти, горцы, въ числѣ болѣе двухсотъ, ударили во флангъ сотнѣ линейцевъ, предводимыхъ маленькимъ, горба-

теньким, но отлично отважнымъ хорунжимъ. Онъ допустилъ горцевъ на сто шаговъ, далъ залпъ по нимъ и стремительно бросился въ шашки.

Все это происходило въ долинѣ, подъ нашими ногами, и насъ очень занимала молодецкая схватка сотни линейцевъ съ тройными почти силами непріятеля. Но полетѣли густыя кучки горцевъ изъ обоихъ ауловъ на мѣсто боя и сердца наши сжались.

«За мной, ребята!» раздался командный голосъ. И одна пыль, поднявшись высоко, стояла надъ мѣстомъ, гдѣ была кавалерія.

Когда разсѣялась пыль, мы увидѣли всю кавалерію, которая неслась за Волоцкимъ, опрокидывая новыя густыя массы горцевъ, спѣшившихъ на подмогу своимъ изъ Муселимъ-аула. Горцы не попали уже въ Муселимъ-аулъ, а проскакавъ въ Большія Казанищи, распространили тамъ ужасъ, и Шамиль бѣжалъ, оставивъ орудіе въ Казанищахъ.

Часть пѣхоты бѣгомъ и артиллерія на рысяхъ поспѣшили за кавалеріей. Въ Муселимъ-аулѣ отрядъ пѣхоты взялъ два горные единорога и нѣсколько плѣнныхъ. Пощады мало было. Выбитый артиллеріей изъ Кафыръ-Кумыка, непріятель бѣжалъ въ противоположную сторону отъ Казанищей.

Къ четыремъ часамъ пополудни обои Казанищи и другіе аулы были заняты нами. Шамиль ушелъ въ горы по эрпилинской дорогѣ.

Шамхалъ-Тарковскій, бывшій въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ во все время блокады ся, съ преданными ему ста человѣками, въ тотъ же день былъ водворенъ въ свою резиденцію Большія Казанищи.

Набѣгъ Шамиля кончился. Полчища его разсѣялись. Кавалерія рѣшила судьбу сѣвернаго-нагорнаго Дагестана, послѣ четырехмѣсячнаго мятежа.

За симъ, мы могли бы отдохнуть на лаврахъ спокойствія, доставленныхъ намъ генераломъ Фрейтагомъ, или, лучше сказать, его сподвижникомъ полковникомъ Волоцкимъ; но въ рукахъ Шамиля или его наибовъ оставался еще залогъ—укрѣпленіе Зиряны, гдѣ подполковникъ Пассекъ и полковникъ Ясинскій заперты были съ значительнымъ отрядомъ войска...» («Русск. Вѣстникъ» 1872 г., № 7). Ред.

КНЯЗЬ А. С. МЕНШИКОВЪ.

1853—1854.

Въ запискахъ «Очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ», изданныхъ г. Бартеневымъ, генералъ Ушаковъ, между прочимъ, говоритъ, что въ концѣ іюля 1854 г. въ Петербургѣ начали серьезно безпокоиться за Крымскій полуостровъ, что въ пространной запискѣ князя Меншикова, препровожденной къ князю Горчакову, которую генералу Ушакову удалось читать,— главнокомандующій крымскою арміею объяснялъ, что «вообще высадка въ Крымъ представитъ англо-французамъ много затрудненій, но что она возможна». Послѣдующій смыслъ разсказа очевидца клонится, однако, къ тому, что будто бы князь Меншиковъ не вѣрилъ въ возможность высадки, считая ее дерзкимъ, отважнымъ предпріятіемъ, или, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ она совершилась. Такое убѣжденіе относительно высадки приписывали кн. Меншикову и другіе, писавшіе объ экспедиціи союзниковъ въ Крымъ.

Состоя при князѣ А. С. Меншиковѣ съ 1848 г., занимая впослѣдствіи должность директора канцеляріи по командованію княземъ крымскою арміею и оставаясь при немъ до самаго возвращенія его въ Петербургъ, я имѣлъ возможность сохранить въ копіяхъ, а частію и черновую, въ подлинникахъ, переписку князя Меншикова. Приводя нынѣ эти документы въ порядокъ, я нашелъ копію съ донесенія князя покойному государю императору, въ которой онъ излагалъ взглядъ свой на положеніе Крыма въ ту эпоху и на средства къ защитѣ противу могущихъ быть покушеній непріятеля. Донесеніе это, относительно покушенія собственно на Севастополь, до такой степени противорѣчитъ читанной генераломъ Ушаковымъ неизвѣстной запискѣ, о которой упоминается выше, что я считаю необходимымъ сдѣлать ее извѣстною читающей публикѣ. Помню хорошо мнѣніе князя А. С. Меншикова, высказанное имъ въ Николаевѣ (гдѣ князь пользовался, уже по сдачѣ командованія арміею), о странномъ равнодушіи Петербурга и князя Горчакова къ предстоявшей несомнѣнной экспедиціи англо-французовъ на Крымскій полуостровъ. Я занесъ тогда въ свой дневникъ содержаніе разговора князя: «въ концѣ іюля князь Горчаковъ прибылъ съ боевою, испытанною, 100-тысячною арміею въ Фокшаны и огромною артиллеріею. Турки находились въ такомъ положеніи, что не могли насъ преслѣдовать, а между тѣмъ князь Горчаковъ счелъ возможнымъ отдѣлить въ Крымъ только одну 16-ю пѣхотную дивизію. Дивизія эта была отправлена только въ

концѣ іюля и пришла къ Перекопу не болѣе, какъ за недѣлю до Альмскаго сраженія, такъ что нѣкоторыя части ея были введены въ дѣло тотчасъ послѣ совершеннаго, труднаго похода въ 800 верстъ. Князь Меншиковъ не могъ объяснить себѣ повода къ распоряженію князя Горчакова объ отправленіи въ Россію, въ это критическое время, пяти дивизій съ частію кавалеріи, — распоряженіе, пріостановленное, къ счастію, покойнымъ государемъ, повелѣвшимъ съ похода возвратить войска въ Бессарабію; но, тѣмъ не менѣе, распоряженіе это замедлило оказать своевременную помощь въ Крыму».

Дѣлая извѣстнымъ донесеніе князя Меншикова о средствахъ къ защитѣ Крымскаго полуострова и Севастополя, я присоединяю къ этому и письмо его къ князю Воронцову, съ мнѣніемъ о защитѣ черноморскаго прибрежья. Документы эти: первое въ копіи, а второе, собственноручное, черновое, хранящіеся у меня, — даютъ возможность судить о вѣрности взгляда князя А. С. Меншикова на современное положеніе дѣлъ, и о степени тѣхъ безпокойствъ Петербурга, о которыхъ повѣствуетъ генералъ Ушаковъ. Документы эти нигдѣ не были напечатаны; они несомнѣнно совмѣщаютъ въ себѣ интересъ историческій и могутъ послужить матеріаломъ для будущаго историка восточной войны.

А. Д. Крыловъ.

От ъ редакціи. Этимъ важнымъ матеріаламъ для исторіи борьбы Россіи съ англо-турецко-французско-итальянскимъ союзомъ — мы сочли не лишнимъ предпослать письмо императора Николая Павловича къ турецкому султану, врученное ему въ февралѣ 1853 г. русскимъ посломъ кн. Меншиковымъ. Письмо это въ переводѣ было напечатано М. И. Богдановичемъ въ его статьѣ: «Переговоры кн. Меншикова въ Константинополѣ», («Вѣстникъ Европы», 1873 г., кн. I), но мы печатаемъ, вмѣстѣ съ другимъ переводомъ (Е. Б. З.), и подлинный текстъ этого очень важнаго документа, сообщеннаго намъ покойнымъ генералъ-лейтенантомъ В. Ѳ. Ратчемъ, въ литографическомъ оттискѣ.

Ред.

I.

Императоръ Николай — турецкому султану.

24-го января 1853 г. С.-Петербургъ.

(Переводъ). **Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь, падишахъ оттомановъ! Я исполняю въ отношеніи вашего величества долгъ**

I.

(Подлинникъ). Très-illustre et Très-Puissant Souverain et Padischah des Ottomans.

Je remplis envers Votre Majésté un devoir d'allié et d'ami véritable, en Lui adressant aujourd'hui cette lettre, et en envoyant auprès de Sa Personne mon Aide de camp Général, l'Amiral Prince Menchikoff, en qualité d'Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire. Revetu de toute ma confiance, il est chargé de Lui exprimer de vive voix le sentiment profond de peine et de sur-

союзника и истиннаго друга, обращаясь къ вамъ въ настоящее время съ этимъ письмомъ и посылая къ особѣ вашей моего генералъ-адъютанта, адмирала князя Меншикова, въ званіи чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Облеченный полнымъ моимъ довѣріемъ, онъ уполномоченъ выразить вашему величеству изустно чувства глубокой скорби и удивленія, испытанныя мной при извѣстіи о рѣшеніи, которое ваше величество разсудили за благо принять въ послѣднее время о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ.

„Какъ безпредѣльно точный блюститель всѣхъ моихъ обязательствъ и договоровъ съ турецкой имперіей, всегда расположенный подать ей руку помощи и дѣйствовать къ скрѣпленію все болѣе и болѣе тѣснаго союза, который достославный отецъ вашъ, султанъ Махмудъ, завѣщалъ вамъ въ примѣръ и въ наслѣдіе, я не могу думать, чтобы вы желали отвѣтить на мои чувства и на мое расположеніе уклоненіемъ отъ данныхъ обѣщаній и дѣйствіями, которыя бы меня огорчили, какъ друга, обидѣли, какъ союзника, и которыя возложили бы на меня, какъ государя, весьма тяжкія обязанности.

„Неопытные или недоброжелательные министры, вѣроятно, представили вашему величеству въ ложномъ видѣ положеніе вещей и скрыли послѣдствія отмѣны или искаженія фирмана, утвержденнаго вашимъ хатти-шерифомъ (высочайшею грамотою), который они сами недавно оффиціально сообщили моему представителю въ Константинополѣ.

„На важность этихъ послѣдствій, которыя вы еще имѣете возможность отстранить, точно такъ же, какъ я желаю предупредить,—поручено моему послу обратить особенное вниманіе вашего величества.

„Я васъ прошу имѣть полное довѣріе къ его словамъ и обсудить, съ свойственной вамъ мудростью, сущность настоящаго моего сообщенія и важность того рѣшенія, на которомъ вы остановитесь.

„Я далекъ отъ мысли, высокій и державный другъ, отъ намѣренія подвергнуть правительство ваше пререканіямъ съ другими державами

---

prise que j'ai éprouvé en apprenant la détermination que Votre Majésté a cru devoir prendre dernierement dans l'affaire des Saints-Lieux de la Palestine.

Scrupuleux observateur de tous mes engagemens et de mes traités avec l'Empire Ottoman.—toujours disposé à lui venir en aide et à cimenter de plus en plus une alliance intime dont Votre glorieux Pere, le Sultan Mahmoud, a légué à Votre Majésté l'exemple et l'héritage, il me serait impossible de croire, qu'Elle voulut répondre à ces sentimens, à ces dispositions de ma part par le désaveu de Ses promesses et par des actes, qui me blesseraient comme ami, qui m'offenseraient comme allié et qui, comme Souverain, m'imposeraient des obligations fort pénibles.

или предлагать нарушеніе какихъ-либо обязательствъ, исходящихъ изъ договора, который можетъ быть и понынѣ въ силѣ и обязателенъ для Турціи.

„Но, съ другой стороны, въ настоящемъ вопросѣ я не могу не посовѣтовать вамъ охранять права, освященныя вѣками, признанныя всѣми вашими достославными предшественниками и утвержденныя вами лично въ пользу православной церкви, догматы которой исповѣдуются, какъ христіанскимъ населеніемъ, вамъ подвластнымъ, такъ и наибольшею частью моихъ подданныхъ.

„Если сохраненіе этихъ правъ и поддержаніе распоряженій, исходящихъ отъ вашей воли и вашей державной власти, могли вызвать вашему государству какое-либо серьезное замѣшательство или какую-либо опасность, то подобныя событія могли бы только скрѣпить еще сильнѣе существующій между нами союзъ и привести насъ къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью вашего правительства и съ внутреннимъ спокойствіемъ вашей имперіи.

„Льщу себя надеждой, что, проникнутый справедливостью моихъ замѣчаній и искренностью моихъ словъ, ваше величество съ твер-

---

Des ministres inexpérimentés ou malveillans doivent avoir présenté à Votre Majésté sous un faux point de vue l'état de la question, comme ils Lui ont sans doute aussi dissimulé les conséquences de la révocation ou de la modification du firman revêtu de Votre hatti-chérif; dont ils ont donné eux-mêmes, il y a peu de tems, communication officielle à mon Représentant à Constantinople.

C'est sur la gravité de ces consequences,—qu'il est encore en Votre pouvoir d'écarter, comme il est dans mon désir de les qrévenir,—que mon Ambassadeur est plus particulièrement chargé de fixer l'attention de Votre Majésté. Je La prie d'ajouter foi à ses paroles, et de méditer, avec Sa sagesse habituelle, l'objet de ma présente communication et l'importance de la décision qu'Elle prendra.

Il est loin de ma pensée, trés-haut et trés-puissant Ami, de vouloir exposer Votre Gouvernement à des contestations avec d'autres Puissances, ou de Lui proposer la violation de quelqu'engagement, dérivant d'un traité qui serait encore aujoud'hui en vigueur et obligatoire pour la Turquie.

Mais d'un autre coté, dans la question actuelle, je ne puis que Vous conseiller le maintien des droits, consacrés par les siècles, reconnus par tous Vos illustres prédécesseurs et confirmes par Vous même, en faveur de l'Eglise Orthodoxe, dont les dogmes sont professés par les populations chrétiennes qui Vous sont soumises, ainsi que par la grande majorité de mes sujets.

Si, pour la conservation de ces droits et le maintien des actes emanés de Votre volonté et autorité Souveraine, quelque complication sérieuse ou quelque danger venait à menancer Vos Etats, un pareil evenement ne pourrait que resserrer d'avantage l'alliance qui existe entre nous et nous conduire à

достью устраните вѣроломныя и недоброжелательныя внушенія, посредствомъ которыхъ стремятся нарушить отношенія дружбы и добраго сосѣдства, столь благополучно донынѣ между нами существовавшія.

„Въ ожиданіи сего, прошу ваше величество принять увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи и непоколебимомъ къ вамъ расположеніи". Николай.

II.

Кн. А. С. Меншиковъ къ кн. М. С. Воронцову.

8-го ноября 1853 г. Севастополь.

(Переводъ). Посылаю вамъ обратно, любезный князь, фельдъегеря Стааля, доставившаго мнѣ письмо ваше, отъ 25-го октября отвѣчаю теперь на это письмо обсужденіемъ вопроса о защитѣ Черноморскаго прибрежья.

При вопросѣ о защитѣ береговъ съ моря слѣдуетъ принять въ соображеніе два обстоятельства: отсутствіе въ этомъ морѣ западныхъ флотовъ и ихъ въ немъ нахожденіе.

Въ первомъ случаѣ—море остается въ нашихъ рукахъ и серь-

---

une entente qui mettrait fin à des réclamations et des prétentions incompatibles avec l'indépendance de Votre Gouvernement et la tranquillité intérieure de Votre Empire.

Je me plais à esperer que pénétré de la justesse de ces observations et de la sincérité de mon langage, Votre Majésté écartera avec fermeté les insinuations perfides et malveillantes, par les quelles on cherche les rapports d'amitié et de bon voisinage qui ont existé si heureusement entre nous jusqu'à ce jour.

C'est dans cette attente que je prie Votre Majésté de recevoir l'assurance de ma haute considération et de mon inviolable attachement. Nicolas.

II.

(Подлинникъ). Au Prince Woronzow, le 8 novembre. 1853. de Sevastopol.

Je Vous renvoie, mon cher Prince, le feldyeger Staal, qui m'a apporté Votre lettre du 25 octobre et à la quelle je Vous réponds maintenant par une dissertation sur la question de la défense du littoral de la Mer Noire.

Maritimement il y a deux points à considerer: l'absence des deux flottes occidentales dans cette mer et leur présence.

Dans le premier cas nous restons maitres de la mer et une attaque sérieuse de la part des Turcs ne pourrait avoir lieu que du côté de Poti et de Redout Kalé. C'est aux troupes de terre qu'est dévolu essentiellement la défense de ces localités. Les secours de la marine dependant des vents et de la houle ne peuvent être, que sécondaires et en toutes circonstances bornés à la portée du canon.

Dans l'autre cas nos forces navales seraient en grande infériorité vis-à-vis des flottes combinées, qui continuent encore maintenant à augmenter le nombre

езное нападеніе со стороны турокъ можетъ быть сдѣлано только на Поти и на Редутъ-Кале. Тогда защита этихъ мѣстностей неотъемлемо принадлежитъ сухопутнымъ войскамъ. Помощь флота, находясь въ зависимости отъ вѣтровъ и морскаго волненья, можетъ быть только второстепенною и, во всякомъ случаѣ, должна ограничиваться разстояніемъ пушечнаго выстрѣла.

Въ другомъ случаѣ — такъ какъ наши морскія силы гораздо слабѣе, сравнительно съ союзными флотами, еще и теперь продолжающими увеличивать число своихъ кораблей—послѣдніе овладѣютъ моремъ. Вслѣдствіе этого намъ будетъ невозможно защищать съ моря тѣ пункты, которымъ не устоять при собственныхъ ихъ средствахъ, или при содѣйствіи подвижнаго сухопутнаго войска.

Укрѣпленія 2-й линіи, разумѣется, находятся въ этомъ положеніи, какъ вы это и замѣтили, и очищеніе ихъ отъ войскъ будетъ несчастной необходимостью, если послѣдуетъ нападеніе союзныхъ флотовъ. Но это, конечно, произведетъ прискорбнѣйшее впечатлѣніе.

И потому, слѣдовало бы опредѣлить, когда должно произойти выступленіе войскъ и какимъ образомъ оно должно совершиться?

Мнѣ кажется, что можно было бы воспользоваться зимнимъ временемъ, чтобы, на всякій случай, избавиться отъ лишнихъ запасовъ; войска же вывести только при совершенной увѣренности вступленія англо-французскихъ эскадръ въ Черное море.

Окончательное очищеніе крѣпостей, вмѣстѣ съ перенесеніемъ линіи, потребуетъ немного дней и можетъ быть разсчитано по часамъ.

---

de leurs vaisseaux et la domination de la mer leurs appartiendra. Il nous sera, par conséquent, impossible de concourir maritimement à la defeuse des points qui ne pourraient se soutenir, soit pas eux même, soit avec l'assistance d'une troupe mobile de l'armée de terre.

Les parts de la 2-de section, sont certainement dans cette position, ainsi que Vous l'avez observé, et leur évacuation devient une malheureuse necessité. si une agression des puissances maritimes avait lieu. L'effet que cela produirait serait à coup sûr déplorable.

Il s'agirait, par conséquent, de déterminer, quand une pareille évacuation devrait avoir lieu et quels seraient les moyen de l'affectuer?

Il me semblerait qu'on pourrait employer l'hiver à se debarasser à tout événement de l'exièdent du matériel et n'enlever les troupes qu'à la certitude acquise de l'entrée des escadres Anglofrançaises dans la Mer Noire.

Cette evacuation finale avec les moyens de transport de la ligne n'exigerait que fort peu de jours et dont on pourrait même culculer les heures.

Quant aux points fortifiés de la 1-re section: Anapa est hors d'insulte.

Novorossisk peut être attaqué du coté de la mer; je veux dire bombardé ou

Что касается до укрѣпленныхъ пунктовъ первой линіи: Анапа—не приступна.

Новороссійскъ можетъ подвергнуться нападенію со стороны моря,—я хочу сказать, что его можно бомбардировать и обстрѣливать; однако же, если это нападеніе сдѣлано будетъ однимъ или двумя фрегатами, тогда каленыя ядра могутъ отогнать эти суда, лишь бы батареи были снабжены амбразурами и безъ барбетовъ, ибо, въ послѣднемъ случаѣ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ могутъ истребить прислугу при орудіяхъ. Противъ значительнѣйшихъ морскихъ атакъ невозможно будетъ предохранить отъ раззоренія этотъ городокъ, начинающій приходить въ цвѣтущее состояніе. Но, какое ни было бы нападеніе, Новороссійскъ должно отстаивать, и занятіе его, при посредствѣ кого бы то ни было, не допускать, имѣя въ виду поддержку, которую онъ долженъ въ достаточной мѣрѣ и благовременно получить съ линіи кубанскихъ казаковъ.

Геленджикъ слѣдуетъ сохранить при тѣхъ же условіяхъ, какъ бы не благопріятны они ни были; ибо, если мы лишимся этихъ обоихъ укрѣпленій, тогда пропало и наше вліяніе на весь край.

Защита Абхазіи, по ту сторону 3-й линіи, связана съ защитою Гуріэля и, по моему, можетъ быть исполнена только подвижнымъ корпусомъ, который могъ бы дать отпоръ, какъ туркамъ изъ Батума, такъ и горцамъ, и воспрепятствовать ихъ соединенію. Не знаю, можете-ли вы располагать достаточнымъ числомъ войскъ для образованія этого отряда и есть-ли у васъ генералъ, настолько искусный, чтобы успѣшно дѣйствовать очень сложными, двухсторон-

---

canonné; cependant si cette attaque n'a lieu qu'avec une ou deux frégattes, les boulets rouges pourraient bien mettre ces batiments à la raison, pourvu que les batteries ayent des embrasures et ne soyent pas à barbettes, car dans ce dernier cas quelques volées à mitraille extermineraient les servant des pièces. Contre des forces maritimes plus considerables, il serait impossible de prévenir la ruine de cette baurgade, qui commence à devenir florissante. Mais quelle que soit l'attaque, Novorossisk doit être defendu, et son occupation par qui que cela soit rendu impossible, par l'appui que la garnison doit être en mesure d'obtenir en temps utile de la ligne casaque du Kouban.

Gelengik doit être conservé aux mêmes conditions toutes defavorables qu'elles sont, car si nous perdons ces deux places, c'en est fait de notre influence sur toute la contrée.

La défence de l'Abazie au de là de la 3-me section se lie à celle de Gouriel et ne peut s'operer à mon avis qu'avec un corps mobile qui puisse faire face tant aux Turcs de Batoum qu'aux Montagnards et empecher leur jonction. J'ignore si Vous pouvez disposer d'un nombre de troupes suffisant pour former ce détachement et si Vous avez un général aussi habile pour agir avec opportunité

ними маневрами въ тѣсныхъ предѣлахъ этой шахматной доски, разобщенной съ вами и вашими операціонными линіями. Во всякомъ случаѣ,—былъ бы нуженъ центральный укрѣпленный пунктъ — Редутъ Кале или, можетъ быть, Поти, который слѣдовало бы усилить головными укрѣпленіями (têtes-de-ponts).

Сухумъ, въ которомъ, кажется, у васъ есть склады, охраняется численностью защитниковъ и не можетъ быть охраняемъ иначе.

Въ состояніи-ли Бамборы и Пицунда выдержать нѣсколько дней бомбардировки съ моря, находятся-ли они внѣ выстрѣловъ военныхъ кораблей, этого я не знаю; если есть удобное сообщеніе между этими пунктами и Сухумомъ, отрядъ изъ этого послѣдняго мѣста могъ бы придти къ нимъ на помощь и подкрѣпить гарнизоны. Равномѣрно мнѣ неизвѣстно, можно-ли извлечь какія выгоды изъ добраго расположенія, если только оно есть, князя Абхазіи и изъ его милиціи.

Имѣя въ виду сборъ войскъ въ этихъ мѣстностяхъ, было бы, можетъ быть, необходимо теперь же принять мѣры къ обезпеченію ихъ продовольствія чрезъ подрядчиковъ. Вижу, что кутаисскій губернаторъ выдаетъ сухари, заготовленные въ Сухумѣ, и проситъ о присылкѣ ихъ для баталіоновъ, въ его губерніи расположенныхъ.

Таковъ, любезный князь, мой взглядъ на защиту прибрежьевъ, который, я думаю, не совсѣмъ рознитъ съ вашимъ.

Касательно мнѣнія Серебрякова, знаю только то, что онъ, желаетъ уменьшенія числа прибрежныхъ пунктовъ, занятыхъ войсками. Въ то же время онъ, однако, опасается, чтобы очищеніе ихъ отъ войскъ не увеличило бы кичливости въ черкесахъ и не заставило ихъ видѣть въ этой мѣрѣ знакъ слабости съ нашей стороны. Меншиковъ.

---

par un mouvement de navette bien combinée dans les limites de cet echiquier completement détaché de votre base et de vos lignes d'opérations. Dans tous les cas il y aurait besoin d'un point central retranché comme Redout Kalé ou peut être Poti, qu'il faudrait fortifier avec des têtes de ponts.

Soukhoum, où Vous avez je crois des depôts, ne l'est pas et probablement ne peut être maintenu que par le nombre des défenseurs.

Si Bambori et Pizounda sont de nature à pouvoir résister quelques jours à un bombardement naval ou bien se trouvent hors de la portée du canon des batiments de guerre, ce que je ne sais pas, et si ces points communiquent facilement avec Soukhoum—le détachement de ce dernier endroit pourrait venir à leur secours et en échélonner les garnisons. Les ressources qu'offriraient le bon vouloir, s'il existe, du Prince d'Abazie et de ses milices me sont également inconnues.

III.

Кн. А. С. Меншиковъ—императору Николаю.

Севастополь, 29-го іюня 1854 г. № 384.

По содержанію милостиваго рескрипта, которымъ ваше императорское величество удостоили меня отъ 18-го сего іюня, всеподданнѣйше обязываюсь изложить мой взглядъ на настоящее положеніе Крыма собственно въ отношеніи къ защитѣ его противу непріятельскихъ покушеній.

Непріятель, какъ предполагать можно, или сдѣлаетъ нападеніе на Өеодосію, или постарается прорваться въ Керченскій проливъ, или, наконецъ, высадитъ войско въ Евпаторіи, либо между симъ городомъ и Севастополемъ, чтобы устремиться на сей послѣдній, какъ на главнѣйшую цѣль войны, объявленной Россіи.

1) О покушеніи на Өеодосію:

Өеодосія не такой пунктъ, въ которомъ непріятель могъ бы основательно утвердиться. Гавани тамъ нѣтъ и линейныя суда должны стоять на рейдѣ, безспорно хорошемъ, но открытомъ.

Самый городъ, конечно, можетъ быть занятъ, но только съ боя и значительно превосходящею насъ силою. Потомъ непріятелю трудно будетъ защищать его съ береговой стороны противу нашего дѣйствія съ окрестныхъ высотъ. Сверхъ того, городъ имѣетъ такъ мало воды, что въ настоящее время и для гарнизона едва достаетъ ее.

Занять Өеодосію съ тѣмъ, чтобы идти оттуда на Севастополь,—едва-ли можетъ быть цѣлію непріятеля; ибо пуститься чрезъ всю ширину Крыма съ войскомъ, безъ обозовъ и безъ достаточнаго числа лошадей,—значило бы идти рискованно, подвергаясь, въ случаѣ по-

---

Dans la prévision d'une réunion des troupes dans ces localités, il serait peut être nécessaire de prendre dès à présent des mesures d'approvisionnement, car par les correspondances je vois que le Gouverneur de Koutaïs fait dépenser le biscuit préparé à Soukhoum et en demande l'envoi pour les bataillons cantonnés dans sa province.

Tel est, cher Prince, mon point de vue sur la défense du littoral et qui je crois ne diffère pas infiniment du votre.

Quant à celui de Serebriakow, ce que j'en sais, est qu'il aurait désiré que le nombre des points occupés de cette côte soit diminué, tout en craignant cependant que leur évacuation n'augmenta la présomption de Circassiens et ne soit considérée par ces peuplades comme un indice de faiblesse de notre part.

Recevez, cher Prince, l'expression etc.

Сообщ. А. Д. Крыловъ.

тери сраженія, истребленію, при сомнительной возможности обратной амбаркаціи.

Скорѣе можно предполагать, что съ занятіемъ Ѳеодосіи, непріятель будетъ имѣть въ виду набѣгъ на Арабатъ, дабы разстроить наши подвозы. Но чтобы достичь и этого укрѣпленія (которое слѣдуетъ вооружить), ему нужно взять его съ боя, — что можетъ оказаться не такъ легко.

2) О покушеніи овладѣть Керченскимъ проливомъ.

Безъ сомнѣнія, дѣльнѣе было бы со стороны нашихъ противниковъ стараться овладѣть этимъ пунктомъ, дабы разстроить наше каботажное плаваніе по Азовскому морю.

Къ достиженію и этого существуютъ не малыя препятствія:

Во-первыхъ, идти на Керчь изъ Ѳеодосіи, если она будетъ занята, что сомнительно—какъ изъяснено выше,—едва-ли предприметъ осторожный генералъ, зная, что на протяженіи 80-ти верстъ, двигаясь не въ виду своего флота, ему придется каждый шагъ впередъ брать съ боя.

Во-вторыхъ, высадить достаточное количество войска прямо въ Керчь также неудобно по причинѣ тѣсноты мѣстности, не дозволяющей направить вдругъ большой дессантъ,—что служитъ уже къ облегченію нашей обороны; а ежели притомъ

въ-третьихъ, покушеніе на Керчь предпримется не раньше, какъ чрезъ шесть недѣль отъ сего времени, т. е. въ половинѣ августа, то, независимо отъ средствъ нашей защиты, оно подвергнется еще всѣмъ случайностямъ равноденственныхъ погодъ.

Въ надлежащей защитѣ этого пункта, равно какъ и Ѳеодосіи, я вполнѣ полагаюсь на распорядительность генерала Хомутова и на тотъ отпоръ, который онъ дастъ непріятелю. Однако, не смѣю скрыть, что даже и неудачныя попытки враговъ на то, либо другое мѣсто, могутъ устрашить и разстроить каботажное наше плаваніе въ Азовскомъ морѣ. Устраненіе таковаго вліянія можетъ быть достигнуто, ежели Еникале и противулежащія косы азіатскаго берега будутъ укрѣплены батареями. Не говоря уже о пользѣ устройства сихъ батарей для защиты и самаго пролива,— укрѣпленіе Еникале и косъ внушитъ въ каботажныхъ судовщикахъ довѣріе къ безопасности предпріятія необходимыхъ для насъ перевозокъ.

Съ этою цѣлію, я предоставилъ въ распоряженіе генерала Хомутова тѣ орудія морскаго вѣдомства, которыя отъ устья Дона не могли до сего времени быть доставлены въ Крымъ.

Наконецъ, 3) о покушеніи на Севастополь.

Не признавая сбыточною экспедицію на Перекопъ, я думаю, однако,

что непріятель можетъ занять и укрѣпить Эвпаторію для составленія себѣ опорнаго пункта, съ цѣлію достичь главнѣйшихъ своихъ видовъ, а именно: уничтоженія нашего флота и Севастополя. Къ этому, конечно, будутъ направлены всѣ вражескія покушенія въ семъ краѣ.

Все изложенное выше о попыткахъ на Ѳеодосію и Керчь, приводитъ меня къ тому заключенію, что отъ предпріятій на эти пункты, предполагая ихъ даже удачными, мы можемъ въ настоящемъ году понести хотя и значительный, но не рѣшительный вредъ.

Важнѣе всѣхъ покушеній можетъ быть покушеніе на Севастополь.

Но при этомъ естественно представляется вопросъ:

„Достаточны-ли для сего настоящія, наличныя силы непріятеля"?

При отдѣленіи дивизіи въ Адріанополь, при подкрѣпленіи Омера-паши отрядомъ и при занятіи Варны сильнымъ гарнизономъ, невѣроятно, чтобы у непріятеля осталось достаточное количество войска для успѣшнаго дѣйствія противу Севастополя.

Но съ занятіемъ Валахіи австрійцами, ему не представится уже надобности подкрѣплять столь значительно турокъ, и тогда онъ, кажется, могъ бы отъ 50-ти до 60-ти т. англо-французскихъ войскъ, сверхъ еще турецкихъ, обратить на дѣйствія противу Крыма.

Мы здѣсь имѣемъ въ строю: въ 26 баталіонахъ—22,700 штыковъ, въ 8 эскадронахъ гусарскихъ—1,128 сабель и въ 4½ батареяхъ—36 легкихъ орудій.

Сверхъ того, я могу съ кордоновъ собрать въ резервъ отъ 500 до 600 казаковъ.

Изъ этого видно, что числительное превосходство будетъ на сторонѣ непріятеля. Равномѣрно на его же сторонѣ будетъ и выгода, какъ въ выборѣ мѣста для высадки войскъ, такъ и въ возможности держать насъ въ недоумѣніи фальшивыми дессантами.

Морской атаки, онъ, безъ сомнѣнія, не предприметъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи значительно-превосходящую насъ силу, поведетъ атаку берегомъ.

Высадку для этого войска можетъ сдѣлать за два или за три перехода сѣвернѣе Севастополя, въ Эвпаторіи, напримѣръ, какъ изъяснено выше, и слѣдовать вдоль берега, фланкируемаго флотами.

При предполагаемой же силѣ (отъ 50 до 60 т.) ему возможно будетъ отдѣлить часть войска, или даже судовыя команды, для дессанта на мысъ Херсонесъ, если не для наступленія на городъ, то по крайней мѣрѣ для отвлеченія нашихъ силъ, принудивъ насъ оставить нѣсколько баталіоновъ на южной сторонѣ.

Это обстоятельство побуждаетъ желать, чтобы въ сѣверной части Крыма расположена была еще хоть одна бригада съ ея артилле-

ріею, дабы нѣсколько возстановить равновѣсіе, какъ нашихъ силъ съ непріятельскими, такъ и самыхъ случайностей боя.

Противъ внезапнаго нападенія Севастополь, конечно, обезпеченъ достаточно временными своими укрѣпленіями. Но противу правильной осады многочисленнаго врага и противу бомбардированія съ берега средства нашей защиты далеко не соразмѣрны будутъ съ средствами осаждающаго. Два или три баталіона, которые бы могъ отдѣлить генералъ Хомутовъ въ подкрѣпленіе меня, ежели еще и самъ не будетъ удержанъ демонстраціею, едва-ли подоспѣютъ во время къ Севастополю, имѣя пройдти слишкомъ двѣсти верстъ разстоянія.

Мы положимъ животы свои въ отчаянной битвѣ на защиту святой Руси и праваго ея дѣла,—каждый изъ насъ исполнитъ долгъ вѣрнаго слуги своего государя и честнаго сына отечества; но битва эта будетъ одного противъ двухъ, чего, конечно, желательно бы избѣгнуть.

Все, изложенное здѣсь, я счелъ моимъ долгомъ повергнуть благоусмотрѣнію вашего императорскаго величества. Князь А. Меншиковъ.

Сообщ. А. Д. Крыловъ.

Примѣчаніе. Письмо это было отправлено на высочайшее имя въ концѣ іюня 1854 г. Вслѣдствіи однако, послѣ катастрофы постигшей союзниковъ въ Бабадагѣ, кн. Меншиковъ, измѣнивъ свое прежнее мнѣніе, писалъ, что «на сіе лѣто (1854 г.) можно быть безъ опасенія высадки союзниковъ въ Крымъ».

М. И. Богдановичъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ МИЛЮТИНЪ.

1859—1861.

26-го января 1872 г. Россія потеряла въ Н. А. Милютинѣ одного изъ славнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей нынѣшняго царствованія, безсмертнаго подвижника великой реформы—освобожденія крестьянъ въ имперіи, и энергическаго дѣятеля по совершенію полнаго преобразованія всего общественнаго и административнаго строя царства польскаго. Русская историческая литература вправѣ ожидать полной, всесторонней и обстоятельной біографіи Н. А. Милютина; до появленія таковаго труда, задача «Русской Старины» споспѣшествовать его составленію представленіемъ на своихъ страницахъ матеріаловъ. Въ этихъ видахъ, помѣщаемъ на этотъ разъ два документа: это письма къ Н. А. Милютину, одно—покойнаго гр. Нессельроде, государственнаго канцлера Россіи во все царствованіе императора Николая, а другое — Николая Ивановича Тургенева († 1872 г.), славнаго умомъ, образованіемъ и пламенною любовью къ Россіи, которой, однако, онъ лишился возможности служить, оставшись за ея рубежемъ, вслѣдствіе участія своего въ обществѣ декабристовъ.

Оба документа относятся къ великой эпохѣ составленія и затѣмъ обнародованія «Положеній 19-го февраля 1861 г.», и довольно ярко выражаютъ воззрѣнія двухъ лицъ, высоко-стоявшихъ въ просвѣщенномъ русскомъ обществѣ, на славнѣйшій актъ настоящаго царствованія. Ред.

I.

Гр. Нессельроде — Н. А. Милютину.

1859.

(Переводъ). Препровождаю къ вамъ при семъ двѣ тетрадки, которыя познакомятъ васъ съ нынѣ существующимъ устройствомъ крестьянъ въ моихъ Саратовскихъ имѣніяхъ. Уже 42 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я установилъ этотъ порядокъ, и имѣю полное основаніе быть довольнымъ достигнутыми результатами, какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщика. Интересы обѣихъ сторонъ до того слиты, что я не могъ бы не пожалѣть, если бы эманципація разрушила нынѣ существующую между ними связь, если-бъ власть помѣщика

ограничилась, а власть общины—усилилась. Я бы не желалъ того къ пользѣ самихъ крестьянъ, ибо самоуправленіе общины еще долгое время останется у насъ деспотизмомъ—крестьянъ достаточныхъ надъ крестьянами бѣдными. Мнѣ кажется была бы возможность найти среднюю мѣру, которая сохранила бы нѣкоторое вліяніе помѣщика надъ мірскимъ управленіемъ, нѣчто въ родѣ droit de veto (права голоса) въ важнѣйшихъ случаяхъ. Когда буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, вы мнѣ скажете, что объ этомъ думаете. А пока, потрудитесь прислать мнѣ одинъ экземпляръ вашего доклада [1]). Онъ мнѣ необходимъ, чтобъ имѣть возможность продолжать мои изученія, въ столь жизненномъ для насъ вопросѣ. Если бы могли мнѣ прислать два экземпляра, то вдвойнѣ обязали бы искреннно вамъ преданнаго Гр. Нессельроде.

II.

Н. И. Тургеневъ — Н. А. Милютину.

Вердуа, 8-го іюня 1861 г., близъ Парижа.

Милостивый государь, Николай Алексѣевичъ! Я получилъ, черезъ г-на Грота: „Изданіе матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій", которые вамъ угодно было мнѣ предназначить. Приношу вамъ за это чувствительную благодарность.

Проникая въ подробности, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ огромности труда и въ необычайной заботливости тѣхъ, кои совершили великій подвигъ. Ручательствомъ тому, что сей трудъ будетъ имѣть свое дѣйствіе, свои послѣдствія, однимъ словомъ, свой плодъ, — служитъ та возвышенная, та свѣтлая идея, которая одушевляла трудившихся. Вся обширная работа редакціонныхъ коммиссій, какъ въ главныхъ основаніяхъ, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, свидѣтельствуетъ, что члены сихъ коммиссій были одушевлены и руководимы чистою любовью къ правдѣ и къ добру, любовью къ бѣдному русскому народу. Какъ бы ни развилось новое законоположеніе, но главное, рѣшительное сдѣлано: крестьяне „вышли изъ крѣпост-

---

Гр. Нессельроде — Н. А. Милютину.

(Подлинникъ). Je vous envoye ci joint, mon cher Monsieur Milutine, deux cahiers, qui vous donneront une idée exacte de l'Ordre de choses, que j'en établi dans mes terres de Saratow. Il y existe depuis 42 ans, et j'ai tout lieu d'être satisfait des résultats obtenus, tout pour les paysans, que pour le помѣщика. Les interéts des unes et des autres sont tellement confondu, que je regretterai, que l'Emancipation rampit entièrement les lieus, qui subsistent jusqu'ici entre eux, que le pouvoir du Maitre fut trop restreint, celui de la Commune trop ren-

---

[1]) Труды редакціонныхъ коммиссій.

ной зависимости!" Я такъ сильно, такъ долго этого желалъ, что радость моя была неизъяснима (къ несчастію, такъ-называемыя „усмирѣнія" превратили эту радость въ глубокую печаль. Если кого слѣдовало бы усмирять, то это самихъ бѣснующихся усмирителей).

Сверхъ огромнаго труда, свидѣтельствуемаго „Матеріалами", люди безпристрастные должны также вспомнить и оцѣнить ту нравственную борьбу, въ которой усердные и правдивые дѣятели находились съ различными непріязненными элементами. Тутъ заслуга ихъ передъ Россіею и предъ человѣчествомъ принимаетъ новый, еще болѣе значительный и блистательный видъ.

Независимо отъ предмета, до коего касается трудъ редакціонной коммиссіи, я нашелъ въ немъ неоспоримое и утѣшительное доказательство тому, что въ Россіи обработка и начертаніе важнѣйшихъ государственныхъ узаконеній возможна. Съ моей стороны, я никогда въ этомъ не сомнѣвался; не менѣе того, доказательство такъ очевидно, что должно убѣдить всѣхъ и каждаго. Итакъ, всѣ должны теперь знать, что въ Россіи возможно составить и издать, напримѣръ, правильный уставъ судопроизводства, образовать новые суды— гражданскіе и уголовные, начертать новыя правила для внутренняго управленія, усвоивъ каждой мѣстности извѣстныя права и обязанности и проч., и проч. Тамъ, гдѣ можно было составить „полныя положенія" по крестьянскому дѣлу, тамъ, конечно, возможно издать новые уставы по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія и издать въ столь же короткое время, т.-е, въ два или въ три года. Надобно только прибѣгнуть къ такимъ же средствамъ и избрать такихъ же людей, какіе занимались дѣломъ освобожденія.

Пожелавъ вамъ всѣхъ полезныхъ наслажденій отъ спокойствія и отдыха, послѣ тяжелыхъ и полезныхъ трудовъ, равно и всѣхъ утѣшеній, на кои вы имѣете полное право, я прошу васъ принять увѣреніе въ непремѣнномъ моемъ уваженія и совершенной преданности. Н. Тургеневъ.

---

forcé. C'est surtout pour les paysans que je le désire, car de longtemps encore le Gouvernement de la Commune ne sera autre chose chez nous qu'un despotisme exercé par quelques paysans riches sur les paysans pauvres. Il y aurait peut être quelque terme moyen à trouver qui conserverait au propriétaire une certaine influence sur l'action du Міръ, une espece de droit de Veto dans les cas les plus grâves. Quant j'aurai le plaisir de vous voir, vous me direr ce que vous en penser.

En attandant, veuiller m'envoyer un exemplaire du Résumé. Il m'est nécessaire pour continuer à étudier cette question Vitale pour nous tous. Si vous pouviez même m'en envoyer deux,—vous obligeriez doublement. Votre très-dévoué.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Нѣмецъ-педагогъ въ Россіи.

1800 г.

Приводимъ договоръ, заключенный въ началѣ нынѣшняго столѣтія русскимъ бариномъ-помѣщикомъ съ педагогомъ изъ нѣмцевъ, нанятымъ къ его дѣтямъ. Документъ этотъ рисуетъ взглядъ тогдашняго общества на учителей и воспитателей. Печатаемъ документъ буквально, разставя лишь знаки препинанія.

Ред.

„1800 года, Октября 7 дня, я ниже подъ писавшейся Прусской нацие Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме, Харковскаго уезда, у господина помещика Подполковника К. обучать зимніе мѣсяци детей его Нѣмецкому язику, Граматическимъ правиламъ читать и писать й нижнехъ класовъ Арефметйкй, и за сыномъ его К. имѣть неусипное смотреніе за поведениемъ ево, идоставлять всякое ему благонъравие, какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ, безъ малейшаго упущения; весть себя всегда трезво и добропорядочно, какъ чесному человеку принадлежитъ; быть для хорошово примеру, впротивномъ же случаѣ за несмотреніе мое или пянство и худые поступки повиненъ я, Лотъ, отвечать по законамъ[1]). И по прохождеціе зѣмнихъ месяцей мнѣ Лоту за его синомъ уже болея не смотреть и детей не учить, а вступить мнѣ въ должность садовничию и старатся здѣлать два аглицкия сада завесть теплици, цветнйкй и парнйки, крития алей, ранжирею и огороднй; поросаживать деревья и делать прививки, колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ, по сей должности старатца не ясностею делать приобретения разния размноженню фруктовыхъ деревьевъ, даби неусипнымъ рачениемъ

---

[1]) Какимъ? не господина-ли подполковника? **Т. В.**

моимъ и трудами заслужить могъ себе похвалу и награжденіе; какияжъ до содоваво искуства потребни будутъ инструменти и матеріалй, тоже потребное число людей рабочихъ, онъ К. долженъ, по требованию моему, дато мнѣ и определить учениковъ двухъ; особую комнату для отаплеванія которой на кажду неделю по возу дровъ; для услужені моей жені дѣвчонку или женщину какую на ихъ одежде, а только на моихъ харчахъ, котория мнѣ Лоту получить въ годъ отъ ево же К. пшеницы пять и ржи четыре, крупъ одну пшена, одну гороху, одну овса, две четверти всего четирнадцать четвертей; масла коровьево пудъ, масла поснова ведро, сала синова два пуда, соли два пуда, свечнова сала топленнаго пудъ, уксусу ведро, наливки два ведра, горячево вина три ведра, солонины четыре пуда, вичины пудъ, свежаго мяса шесть пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и годоваго жалованя сто двадцать рублей. За первую половину получить впередь года и за вторую при окончаніи онаго, и паспортъ мой мнѣ вручить ему К. Буде же я хотя окажуся въ сихъ должностятъ незнающъ и нерачительнымъ, то вольно ему К. меня отпустить, заплатя за тотъ термеля мнѣ жаловане что я проживу въ его и всю провизию, а прочее все то, что я за службу".

Примѣч. Списано съ черноваго контракта, писаннаго рукою г-на помѣщика К.

Сообщ. **А. А. Туганъ-Мирза-Барановскій.**

Заботы сената о русскомъ языкѣ въ XVIII в.

I.

Опредѣленный въ вятской и пермской провинціяхъ для искорененія воровъ и разбойниковъ секундъ-маіоръ Есиповъ, объявляетъ сенату о появившейся по рѣкѣ Вяткѣ воровской компаніи и коимъ образомъ онъ съ командою на нихъ напалъ и имѣлъ съ ними немалую суктицыю. Сенатъ приказалъ: оному Есипову въ поимкѣ и искорененіи злодѣевъ имѣть крайнее стараніе; а впредь ему въ доношеніяхъ своихъ въ правительствующій сенатъ такихъ рѣчей, какъ выше значитъ, что имѣлъ съ ворами суктицыю отнюдь не писать, а писать россійскимъ діалектомъ (1750 годъ).

II.

Допущенъ въ правительствующій сенатъ коммиссаръ Петръ Крекшинъ и доносилъ: въ напечатанной нынѣ при Академіи вновь сочиненной профессоромъ Ломоносовымъ книжкѣ напечатано: статуя Петра Великаго, что-де писать было не должно, а надлежало

именовать персоною. И на оное отъ правительствующаго сената ему, Крекшину, объявлено, что помянутая книжка напечатана со опробаціи и противности въ ней никакой не находится (1751 годъ).

Сообщ. С. М. Соловьевъ.

Библіографическія замѣтки.

«Мѣщанинъ», о которомъ говорится въ Сахаровскомъ спискѣ, едва-ли не «Мѣщанина» (см. «Русск. Сатирич. журналы» Аѳанасьева, 28); «Московскій Журналъ» 1801 г. это второе изданіе журнала Карамзинскаго.

Лучшая библіотека журналовъ у Е. И. Якушкина въ Ярославлѣ.

Дядѣ моему Михаилу Павловичу Бестужеву-Рюмину проситься въ Нижній («Русская Старина», 667) было не зачѣмъ, такъ какъ съ 1818 г. дядя жилъ постоянно въ Москвѣ или въ подмосковной. Прибавлю, что бабушка Ек. Вас., передъ кончиною, всѣмъ показывала письмо С. И. Муравьева-Апостола, къ сожалѣнію потерянное, въ которомъ С. И. хвалилъ дядю.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Кто была жена русскаго фельдмаршала гр. Петра Петровича Ласси. (р. 1678 † 1751), и за кѣмъ были двѣ его дочери?

А. Л.

ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННАЯ КОММИССІЯ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ АРХИВОВЪ.

I.

Засѣданіе 17-го марта 1873 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, присутствовали: А. И. Артемьевъ, П. И. Барановъ, П. И. Боголюбовъ, А. Ѳ. Бычковъ, П. А. Гильтебрандъ, Н. И. Григоровичъ, А. Я. Гюббенетъ, князь В. М. Дондуковъ-Корсаковъ, Г. В. Есиповъ, К. К. Злобинъ, Л. Г. Ивановъ, С. А. Костливцевъ, Е. Н. Лазаревъ, С. Е. Леонтьевъ, И. И. Ореусъ, Н. Н. Пасмуровъ, Д. В. Полѣновъ, Г. К. Рѣпинскій, А. С. Старынкевичъ, Ѳ. Ф. Тибо-де-Бриньоль, В. Г. Чубинскій, И. С. Шумовъ и правитель дѣлъ коммиссіи Ѳ. К. Опочининъ.

I. Засѣданіе открыто сообщеніемъ предсѣдателя объ основаніяхъ, послужившихъ къ высочайшему утвержденію настоящей коммиссіи по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія. Мысль касательно образованія этой коммиссіи принадлежитъ второму археологическому съѣзду, имѣвшему свои засѣданія въ С.-Петербургѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1872 года, который, вслѣдствіе единогласнаго заключенія особой, бывшей въ его средѣ, коммиссіи объ устройствѣ архивовъ, положилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи, съ высочайшаго соизволенія, временной коммиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, съ тѣмъ, чтобы она, обсудивъ всѣ вопросы, представляющіеся относительно устройства архивовъ и храненія въ нихъ документовъ, составила положеніе о главной архивной коммиссіи, какъ правительственномъ учрежденіи, и объ ея отношеніяхъ къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Министръ народнаго просвѣщенія, прежде доклада Государю Императору о таковомъ ходатайствѣ бывшаго археологическаго съѣзда, счелъ долгомъ отнестись по сему предмету къ гг. министрамъ и главноуправляющимъ разныхъ вѣдомствъ, какъ для сообщенія ими своихъ заключеній по вопросу, возбужденному съѣздомъ, такъ и для опредѣленія ими членовъ въ предполагаемую коммиссію. Назначая сихъ послѣднихъ [1]), гг. министры и главноуправляющіе дали, вмѣстѣ съ тѣмъ, отзывы вполнѣ благопріятные касательно предположенія подчинить архивы разныхъ учрежденій (за исключеніемъ тѣхъ, въ коихъ находятся такъ-называемыя секретныя дѣла) однообразнымъ правиламъ, съ цѣлью сохраненія дѣлъ и документовъ, которые имѣютъ научное значеніе; а многіе изъ нихъ признали необходимымъ и учрежденіе для сего главной

---

[1]) Списокъ членовъ коммиссіи, а также членовъ-экспертовъ, приглашенныхъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, предсѣдателемъ коммиссіи, для участія въ ея занятіяхъ, помѣщенъ далѣе, на стр. 864—866.

архивной коммиссіи, которая, преслѣдуя чисто-научныя задачи, должна состоять изъ образованныхѣ спеціалистовъ и знатоковъ архивнаго дѣла. Приступая за симъ къ занятіямъ, лежащимъ на обязанности коммиссіи, нынѣ Высочайше учрежденной, Н. В. Калачовъ заявилъ, что хотя назначеніе этой коммиссіи заключается собственно въ начертаніи положенія о главной архивной коммиссіи, какъ правительственномъ учрежденіи и объ ея отношеніи къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ, но эта цѣль не можетъ быть достигнута иначе, какъ, съ одной стороны, чрезъ собраніе обстоятельныхъ свѣдѣній членами нынѣшней коммиссіи объ устройствѣ и состояніи нашихъ архивовъ разныхъ вѣдомствъ,—такъ какъ безъ ближайшаго знакомства съ отечественными архивами невозможно объяснить себѣ, какихъ требуютъ они улучшеній и какимъ образомъ главная архивная коммиссія можетъ удовлетворить этому требованію,—а съ другой стороны, чрезъ изученіе Архивовъ и архивнаго дѣла за границей, въ томъ вниманіи. не найдется-ли полезнымъ и возможнымъ существующія для архивовъ правила въ иностранныхъ законодательствахъ и практикѣ примѣнить и къ нашимъ архивамъ. Свѣдѣнія перваго рода уже имѣются отчасти въ виду вслѣдствіе того, что нѣкоторые изъ столичныхъ архивовъ доставили въ коммиссію, бывшую въ средѣ втораго археологическаго съѣзда, принятыя въ нихъ правила касательно разбора документовъ и уничтоженія тѣхъ изъ нихъ, которые не нужны для справокъ, а отъ доставленія въ настоящую коммиссію такихъ же правилъ, существующихъ для другихъ столичныхъ архивовъ, гг. начальники этихъ архивовъ, конечно, не откажутся; кромѣ того, каждый изъ членовъ коммиссіи можетъ самъ, съ большими удобствами, изучить любой изъ С.-Петербургскихъ или Московскихъ Архивовъ. Но провинціальные архивы остаются доселѣ бо̀льшею частію неизвѣстными. Поэтому, необходимо собрать и о нихъ ближайшія свѣдѣнія, а этому могли бы содѣйствовать частію статистическіе комитеты, находящіеся въ губерніяхъ, частію же тѣ изъ членовъ коммиссіи, коимъ предстоящимъ лѣтомъ придется быть въ провинціи. Что касается до устройства иностранныхъ архивовъ, то недостаточно запастись изданными по этому предмету сочиненіями, но также необходимо, чтобы тѣ изъ членовъ коммиссіи, которые намѣрены быть нынѣшнимъ лѣтомъ за границей, рѣшились наглядно изучить для предлежащей имъ цѣли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые важнѣйшіе архивы въ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи. Предложенныя соображенія предсѣдатель заключилъ приглашеніемъ гг. членовъ коммиссіи сообщить на нихъ свои замѣчанія и мысли.

II. Въ виду заявленія предсѣдателя о лежащей на коммиссіи,

какъ бы единственной, обязанности начертать положеніе о главной архивной коммиссіи, нѣкоторыми изъ членовъ возбужденъ былъ вопросъ: слѣдуетъ-ли ограничиваться одной этой задачей, или же коммиссіи принадлежитъ разработать и другіе вопросы, указанные въ тѣхъ основаніяхъ, которыя, по мнѣнію бывшей коммиссіи археологическаго съѣзда, должны быть приняты для того, чтобы упрочить въ Россіи архивное дѣло чрезъ общую связь между всѣми архивами, въ особенности по предмету сохраненія документовъ? Принимая во вниманіе, что всѣ эти основанія касаются вообще устройства архивовъ, которое и есть существенная задача и цѣль главной архивной коммиссіи, положено: подвергнуть тщательной разработкѣ все, что относится до приведенія въ порядокъ архивныхъ документовъ и ихъ разбора, равно и самаго состоянія архивовъ всѣхъ вѣдомствъ, такъ какъ безъ того самый предметъ занятій главной архивной коммиссіи и ея обязанности въ отношеніи къ архивамъ вообще не могли бы быть достаточно выяснены и опредѣлены.

III. Князь В. М. Дондуковъ-Корсаковъ предложилъ: не признаетъ-ли коммиссія возможнымъ просить каждое вѣдомство о доставленіи въ оную свѣдѣній объ устройствѣ, средствахъ и документахъ, подчиненныхъ ему архивовъ, въ томъ вниманіи, что свѣдѣнія такого рода, доставленныя самими вѣдомствами, будутъ не только полнѣе, но и точнѣе тѣхъ, какія могли бы быть собраны лицами другихъ вѣдомствъ, долженствующими лишь временно заняться распросами о томъ или другомъ архивѣ? Соглашаясь вполнѣ съ такимъ замѣчаніемъ, коммиссія положила: просить гг. начальниковъ архивовъ и другихъ представителей разныхъ вѣдомствъ о доведеніи каждымъ изъ нихъ до свѣдѣнія своего министра или главноуправляющаго просьбы коммиссіи доставить ей означенныя свѣдѣнія о подчиненныхъ каждому изъ нихъ архивахъ; для точнѣйшаго же уясненія предметовъ, подлежащихъ ближайшей отчетности въ свѣдѣніяхъ объ архивахъ, составить программу вопросовъ, на которые желательно получить опредѣлительные отвѣты отъ каждаго архива. Начертаніе этой программы, по предложенію предсѣдателя, поручено, при участіи его, членамъ: А. И. Артемьеву, А. Ѳ. Бычкову, К. К. Злобину, Л. Г. Иванову, С. А. Костливцеву, С. Е. Леонтьеву, И. И. Ореусу, Г. К. Рѣпинскому и В. Г. Чубинскому.

IV. А. Я. Гюббенетъ сообщилъ принятыя въ государственномъ контролѣ Высочайше утвержденныя правила для храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ, заявляя при этомъ, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ историческое значеніе и потому заслуживаютъ особаго вниманія. Признавая полезнымъ собрать въ коммиссіи правила, суще-

ствующія по разнымъ вѣдомствамъ для храненія и уничтоженія дѣлъ, предсѣдатель сообщилъ, что нѣкоторыя изъ такихъ правилъ уже прежде сего были ему доставлены, равно какъ и нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя имъ отъ начальниковъ Архивовъ и другихъ лицъ о разнаго рода дѣлахъ, хранящихся въ Архивахъ. Списокъ тѣхъ и другихъ при семъ прилагается. Останавливаясь же на дѣлахъ, подлежащихъ по означеннымъ правиламъ уничтоженію, С. А. Костливцевъ заявилъ, что было бы желательно, продолжая въ Архивахъ разборъ дѣлъ, гдѣ таковый предпринятъ, пріостановить ихъ уничтоженіе по крайней мѣрѣ до того времени, когда выяснятся результаты настоящей коммиссіи. Положено: просить гг. начальниковъ Архивовъ принять къ тому зависящія отъ нихъ мѣры и, въ случаѣ надобности, довести до свѣдѣнія гг. министровъ и главноуправляющихъ просьбу коммиссіи о пріостановленіи сдѣланныхъ ими распоряженій относительно уничтоженія бумагъ, хранящихся въ подвѣдомственныхъ имъ Архивахъ.

V. К. К. Злобинъ, имѣя въ виду, что документы, принадлежащіе частнымъ лицамъ, составляющіе иногда цѣлые Архивы, подвергаются не рѣдко уничтоженію по неимѣнію мѣста для ихъ храненія, или же, по недостаточному пониманію ихъ важности, предложилъ: въ положеніи о главной архивной коммиссіи, разрѣшить сей послѣдней принимать для вѣчнаго храненія, какъ Архивы и бумаги частныхъ лицъ, такъ и всѣ документы упраздняемыхъ вѣдомствъ. Заявленіе это признано коммиссіею основательнымъ.

VI. Ѳ. Ф. Тибо-де-Бриньоль сообщилъ о слѣдующихъ двухъ изданіяхъ, которыя могутъ быть полезны для изученія иностранныхъ Архивовъ: 1) Wolf: Geschichte der Archiwe in Wien. Wien, 1871. 2) Iochann Georg Veizinger: Theorie und Krazir der Bibliothekswissenschaft, и въ ней особое отдѣленіе, подъ заглавіемъ: Grund linien der Archiws wissenschaft Dresden, 1836. Предсѣдатель заявилъ, что хотя у него есть въ виду нѣкоторыя заглавія сочиненій и самыя сочиненія объ Архивахъ и архивномъ дѣлѣ, особенно въ Италіи, но было бы очень желательно, для болѣе полнаго собранія такихъ книгъ, чтобы всѣ гг. члены, кому какія знакомы такого рода изданія, доставили о нихъ свѣдѣнія въ коммиссію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Списокъ членовъ Коммиссіи объ устройствѣ Архивовъ.

1. Артемьевъ, Александръ Ивановичъ,—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

2. Барановъ, Платонъ Ивановичъ, — по приглашенію предсѣдателя коммиссіи.

3. Боголюбовъ, Петръ Ивановичъ, — отъ императорскаго человѣколюбиваго общества.

4. Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ, — отъ министерства народнаго просвѣщенія.

5. Висковатовъ, Константинъ Александровичъ, — отъ государственной канцеляріи.

6. Гильтебрандтъ, Петръ Андреевичъ,—по приглашенію предсѣдателя коммиссіи.

7. Григоровичъ, Николай Ивановичъ,—отъ святѣйшаго синода.

8. Гюббенетъ, Адольфъ Яковлевичъ,—отъ государственнаго контроля.

9. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, Владиміръ Михайловичъ, — отъ министерства путей сообщенія.

10. Есиповъ, Григорій Васильевичъ, — отъ министерства императорскаго двора.

11. Злобинъ, Константинъ Константиновичъ, — отъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

12. Ивановъ, Левъ Григорьевичъ, — отъ военнаго министерства.

13. Костливцевъ, Сергѣй Александровичъ, — отъ министерства финансовъ.

14. Лазаревъ, Е. Н., — отъ главнаго управленія государственнымъ коннозаводствомъ.

15. Леонтьевъ, Семенъ Емельяновичъ,—отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

16. Опочининъ, Ѳедоръ Константиновичъ, — по приглашенію предсѣдателя коммиссіи.

17. Ореусъ, Иванъ Ивановичъ, — отъ военнаго министерства.

18. Пасмуровъ, Николай Николаевичъ, — отъ кавказскаго комитета.

19. Полѣновъ, Дмитрій Васильевичъ,—отъ II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

20. Рѣпинскій, Григорій Косьмичъ,—отъ министерства юстиціи.

21. Селифонтовъ, Николай Николаевичъ,—по приглашенію предсѣдателя коммиссіи.

22. Семевскій, Михаилъ Ивановичъ,—по приглашенію предсѣдателя коммиссіи.

23. Старынкевичъ, Александръ Соломоновичъ,—отъ комитета по дѣламъ царства польскаго.

24. Тибо-де-Бриньоль, Ѳедоръ Францовичъ,—отъ IV отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи.

25. Чубинскій, Василій Григорьевичъ,—отъ морскаго министерства.

26. Шамшинъ, Иванъ Ивановичъ,—по приглашенію предсѣдателя коммиссіи.

27. Шольцъ, Эмилій Васильевичъ,—отъ комитета министровъ.

28. Шумовъ, Илья Степановичъ,—отъ министерства государственныхъ имуществъ.

В. Правила объ уничтоженіи дѣлъ и описи Архивамъ, доставленныя въ Коммиссію.

1. Правила 1861 г. объ уничтоженіи дѣлъ по вѣдомству путей сообщенія и публичныхъ зданій.

2. Правила 1864 г. о порядкѣ храненія и уничтоженія дѣлъ по министерству финансовъ и учрежденіямъ его вѣдомства.

3. Правила 1865 г. объ уничтоженіи дѣлъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

4. Правила 1865 г. о раздѣленіи дѣлъ морскаго вѣдомства на разряды и объ уничтоженіи ненужныхъ для справокъ.

5. Правила о разборѣ архивовъ судебныхъ мѣстъ 1 декабря 1866 г. и 11 февраля 1869 г.

6. Правила 1871 г. относительно архивныхъ дѣлъ и книгъ, могущихъ быть уничтоженными безъ разрѣшенія министра юстиціи.

7. Обозрѣніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

8. Памятная книжка Архива С.-Петербургскаго окружнаго суда.

II.

Второе засѣданіе, 23-го марта 1873 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, присутствовали: А. И. Артемьевъ, П. И. Боголюбовъ, А. Ѳ. Бычковъ, К. А. Висковатовъ, П. А. Гильтебрандтъ, Н. И. Григоровичъ, князь В. М. Дондуковъ-Корсаковъ, Г. В. Есиповъ, К. К. Злобинъ, Л. Г. Ивановъ, С. А. Костливцевъ, Е. Н. Лазаревъ, С. Е. Леонтьевъ, И. И. Ореусъ, Н. И. Пасмуровъ, Г. К. Рѣпинскій, М. И. Семевскій, А. С. Старынкевичъ, Ѳ. Ф. Тибо-де-Бриньолъ, В. Г. Чубинскій, И. С. Шумовъ и правитель дѣлъ коммиссіи Ѳ. К. Опочининъ.

I. Читана и съ нѣкоторыми исправленіями утверждена программа вопросовъ, на которые желательно получить опредѣлительные отвѣты отъ каждаго архива, составленная особымъ по сему предмету отдѣломъ коммиссіи (см. выше, ст. III журнала засѣданія коммиссіи 17 марта).

Положено: предоставить предсѣдателю разослать означенную (при семъ прилагаемую) программу въ подлежащія вѣдомства, вмѣстѣ съ выпискою относящихся къ ней статей въ журналахъ 1 и 2 засѣданій коммиссіи.

II. Предсѣдатель сообщилъ, что имъ полученъ отъ начальника Синодальнаго Архива проектъ правилъ объ управленіи симъ архивомъ, при чемъ Н. И. Григоровичъ увѣдомилъ его, что этотъ проэктъ представленъ имъ г. оберъ-прокурору святѣйшаго синода, графу Д. А. Толстому, который передалъ его на разсмотрѣніе коммиссіи высочайше учрежденной для приведенія въ порядокъ дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ святѣйшаго синода, состоящей подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова. **Положено:** Принять къ разсмотрѣнію.

III. Переданы въ коммиссію: 1) Л. Г. Ивановымъ: составленная главнымъ военно-кодификаціоннымъ комитетомъ инструкція (утвержденная 12 февраля 1872 г.) о содержаніи и храненіи дѣлъ въ главныхъ управленіяхъ военнаго министерства; 2) И. С. Шумовымъ: а) правила о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по министерству государственныхъ имуществъ и учрежденіямъ его вѣдомства; б) Распредѣленіе предметовъ дѣлъ министерства государственныхъ имуществъ и его вѣдомства на разряды. **Положено:** принять къ разсмотрѣнію.

IV. Переданы въ коммиссію отвѣты на вопросы, предложенные ею относительно состоянія и устройства архивовъ: 1) К. К. Злобинымъ—по архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 2) И. С. Шумовымъ—по архиву министерства государственныхъ имуществъ. **Положено:** принять къ разсмотрѣнію.

Программа вопросовъ, разосланныхъ Архивамъ.

1. Какого вѣдомства Архивъ?

2. Мѣсто нахожденія и названіе Архива?

3. Въ какомъ зданіи Архивъ помѣщается: въ казенномъ или частномъ, каменномъ или деревянномъ, далеко-ли отъ жилья и безопасномъ-ли отъ пожара и наводненія? Нѣтъ-ли сырости, и отчего?

4. Есть-ли для Архива особое помѣщеніе, со сводами или безъ сводовъ, съ какими полами, и съ желѣзными-ли дверьми, съ печами или безъ печей, сухое и свѣтлое-ли? Есть-ли ставни, и какія? если ихъ нѣтъ, то нѣтъ-ли рѣшетокъ?

5. Какъ великъ личный составъ Архива, штатный и по найму? Сколько сторожей?

6. Сколько расходуется ежегодно на содержаніе личнаго состава и самого Архива, и изъ какихъ суммъ? Сколько получаютъ сторожа?

7. Къ какимъ годамъ относятся древнѣйшіе въ Архивѣ документы (то есть: дѣла, книги, акты, и тому под.), и по какое время новѣйшіе? Какъ велико число ихъ вообще? Сколько въ особенности документовъ по 1726 годъ и съ 1726 по 1800 г. включительно? Нѣтъ-ли между документами писемъ высочайшихъ особъ, жалованныхъ грамотъ и столбцовъ?

8. Какъ хранятся въ Архивѣ документы: на полкахъ или въ шкафахъ, открытыхъ или закрытыхъ? въ связкахъ или картонахъ?

9. Какъ размѣщены документы: по годамъ, по вѣдомствамъ, или по предметамъ?

10. Есть-ли документамъ описи, за какое время, и по какой формѣ онѣ ведутся (объяснить время составленія этихъ описей и приложить образецъ ихъ формы)? Не имѣется-ли также алфавитовъ?

11. Продолжаютъ-ли поступать въ Архивъ документы, или пріемъ ихъ прекращенъ? Если прекращенъ, то съ какого времени? Если же документы продолжаютъ поступать, то указать, по возможности, сколько принимается ихъ въ годъ?

12. Нѣтъ-ли въ Архивѣ документовъ упраздненныхъ установленій и постороннихъ вѣдомствъ, и если есть, то какихъ именно?

13. Былъ-ли Архивъ разбираемъ: когда, кѣмъ, по какимъ правиламъ и съ какою цѣлью, напримѣръ, въ видахъ-ли приведенія его въ порядокъ, или съ цѣлью уничтоженія ненужныхъ документовъ?

14. Если документы были уничтожаемы, то въ какомъ порядкѣ (истреблялись или же продавались съ аукціона), и съ чьего разрѣшенія? Какое число документовъ уничтожено, и сохранились-ли описи уничтоженнымъ?

15. Не были ли переданы документы цѣлыми отдѣлами въ другіе Архивы или установленія?

16. Всѣ-ли документы разобраны, или же, по недостатку средствъ или по инымъ причинамъ, есть документы, не приведенные еще въ извѣстность, и коимъ поэтому еще не составлено описей?

17. Не былъ-ли Архивъ уничтожаемъ пожарами, частію или вполнѣ? Не подвергался-ли онъ наводненіямъ и разоренію отъ непріятелей?

18. Нѣтъ-ли въ Архивѣ предметовъ древности или искусства, печатныхъ книгъ, плановъ, картъ, писемъ важныхъ лицъ, и тому подобн. и если есть, то какіе именно?

16. Какія мѣры и средства необходимы для лучшаго устройства Архива?

Сообщ. Предсѣдатель Коммиссіи Н. В. Калачовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ" изд. 1873 года.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

СТРАН.

Записки и воспоминанія.

Указы, письма, донесенія, разсказы, статьи и замѣтки.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Анны Іоанновны.

Герцогъ Биронъ, регентъ россійской имперіи.

Правительница Анна Леопольдовна.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Николая Павловича.

Царствованіе Александра II.

СТРАН.

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XVIII вѣка.

Русскіе писатели XIX вѣка.

Исторія русскаго искусства.

СТРАН.

Московскій историческій Музей.

Коммисія объ устройствѣ Архивовъ.

Библіографическія замѣтки, вопросы и отвѣты.

Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ.

5. Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ. Съ пред. и прим. Павла Савантова. Спб., тип. Ак. Наукъ, 1872, б. 8°, 188 столбц. (на оберткѣ II кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
6. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Спб., 1872, б. 8°. Т. IX, 536 стр. Т. X, XXXVI и 477 стр. Ц. за кажд. 3 р. (тамъ-же).
7. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева, томъ XXII, М., 1872, 8°, 346, VII и III стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
8. Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству. Изслѣд. архим. Хрисанфа. Т, I, Спб., 1873, 8°. 4 нен. и 640 стр., Ц. 3 р. (тамъ-же).
9. Русская историческая библіографія. Годъ восьмой (1862). Спб., 1872, М., 8°, 4 и 357 стр. Ц. 1 руб. (тамъ-же).
10. Труды этн. стат. эксп. въ западно-русскій край. Юго-западный отдѣлъ. 1-й вып. I тома, томъ VI, 1-й вып. VII тома. Изд. подъ набл. П. А. Гильтебрандта. Ц. за 3 тома 7 р. 50 к. (на оберткѣ III кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
11. Новыя псковскія изданія. (тамъ-же).
12. Куль хлѣба и его похожденія, разсказанныя С. Максимовымъ. Спб., 1873, 12°, 4 нен. 292 и V стр., съ 105-ю рис. Ц. 3 р. (тамъ-же).
13. Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ. 1822—1872. Спб., 1872, 8°, 4 нен., VIII, 616, 151, VIII стр., съ 6-ю карт., (тамъ-же).
14. Краледворская рукопись въ двухъ транскрипціяхъ текста, съ предисловіемъ, словарями, частью грамматическою, примѣчаніями и приложеніями. Трудъ Н. Некрасова. Спб., 8°, 1872, VI и 438 стр. (тамъ-же).
15. Труды Владимірскаго губ. стат. ком. Вып. IX, 1872 г., М., 8°, 182 (съ таблиц. и снимк.) (на оберткѣ IV кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
16. Двадцатипятилѣтіе Имп. Рус. Геогр. Общества. Спб., 1872 г., 8°, III, 254 и VIII стр. (тамъ-же).
17. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. VIII, 1872 г., 4°, нен., 488 и 23 стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
18. А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. Съ приложеніемъ рисунковъ: модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ почерковъ и рисунковъ поэта. Изд. 2-е Товарищества Общественной Пользы. Спб 1873, стр. III и 475. (на оберткѣ V кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
19. Сочиненія Лермонтова, съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статьею о Лермонтовѣ А. Пыпина. Изд. 3-е, вновь свѣренное съ рукописями, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб., 1873. Изд. книгопродавца А. И. Глазунова. Т. I, стр. XCVI и 404. Т. II, стр. VII и 508. (тамъ-же).
20. Завѣщаніе отеческое къ сыну. Соч. Ивана Посошкова. Открыто и издано Андреемъ Поповымъ (съ приложеніемъ подлиннаго снимка). М. 1873. Стр. XV и 246. (тамъ-же).
21. Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 годъ. Спб. 1872, въ 4-ю д. л., XXX и 797 стр. (на оберткѣ VI кн. «Русск. Стар.» 1873 г.).
22. Изданія Севастопольскаго отдѣла. (тамъ-же).
23. Чехія и Моравія. Изданіе Славянскаго благотворительнаго комитета. Спб., 12°, VIII, 208 и 2 нен. стр. (съ картою), (тамъ-же).

Приложенія къ седьмому тому «Русской Старины»:

Провинціальныя изданія. Статистическіе комитеты начинаютъ понемногу откликаться на нашу о нихъ замѣтку («Р. Ст.» 1872, дек.). На дняхъ, К. М. Петровъ, учитель Олонецкой гимназіи и членъ комитета, прислалъ намъ три свои брошюры. Главнѣйшая изъ нихъ — «Указатель къ Олонецкимъ губ. вѣдомостямъ за 1838—70 г.», въ которомъ лица, мѣста и предметы расположены въ общемъ алфавитномъ порядкѣ, и притомъ описаны. Остальныя двѣ посвящены указателямъ историческихъ актовъ объ Олонецкой губерніи, напечатанныхъ въ изданіяхъ археографической коммиссіи, въ исторіяхъ Карамзина, Соловьева, Голикова, Устрялова. Полезность такихъ указателей очевидна, и было бы желательно, чтобы редакціи и прочихъ губернскихъ вѣдомостей обратили на нихъ свое вниманіе.

Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 годъ. Санктпетербургъ, 1872 г., въ 4-ю д. л., XXX и 797 стр.

Этотъ обширный, добросовѣстный и полезный трудъ исторіографа русскаго флота, Ѳ. Ѳ. Веселаго, окажетъ своими подробностями (указаніемъ числа пушекъ, размѣровъ, мѣста постройки, имени строителя и т. д.). великую услугу не только морякамъ, но и всѣмъ. интересующимся судьбою нашего военнаго флота, созданію котораго до Петра Великаго препятствовали злополучные Столбовской (1617 г.) и Кардискій (1661 г.) миры, лишившіе Россію на долгое время у «бережья морскаго», «земель западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ».

Оглавленіе книги слѣдующее: 1) первыя суда, не выходившія ни въ одно изъ морей; 2) суда Балтійскаго моря, 3) суда Азовскаго и Черноморскаго флота; 4) суда Каспійской флотиліи; 5) суда Бѣломорской флотиліи; 6) суда Сибирской флотиліи; 7) суда Аральской флотиліи; 8) суда взятыя у непріятеля; 9) алфавитный списокъ, и 10) суда, о которыхъ свѣдѣнія найдены во время печатанія списка.

Авторъ заключаетъ введеніе словами: «Настоящая книга представляетъ первый возможно-полный «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ», начинающійся со времени спуска корабля или барки «Орелъ», построеннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и оканчивающійся 1860-мъ годомъ, съ котораго, въ приложеніяхъ къ ежегоднымъ отчетамъ по морскому вѣдомству печатаются «Судовые списки», съ подробными свѣдѣніями о судахъ нашего флота. Несмотря на пробѣлы и нѣкоторыя частныя неточности, зависѣвшія отъ причинъ объясненныхъ на предъидущихъ страницахъ, «Списокъ», въ общемъ своемъ составѣ представляетъ вѣрную картину дѣятельности нашихъ верфей почти за двухсотлѣтній періодъ времени, и даетъ возможность, въ каждую извѣстную эпоху, опредѣлить съ достаточною точностію наличный составъ нашего флота и его силу. Заключая въ себѣ свѣдѣнія, основанныя на оффиціальныхъ документахъ, «Списокъ» можетъ служить какъ справочною книгою, такъ и матеріаломъ для многихъ историческихъ и статистическихъ выводовъ, не безполезныхъ въ административномъ и научномъ отношеніяхъ». Ошибка, какъ напр., продажа корвета «Наваринъ» въ Англіи, вмѣсто въ Голландіи, не показаніе, что транспортъ «Америка» разбился на Гохландѣ въ 1856 г., или пропускъ размѣровъ, не шлюпа, а шкуны «Кротовъ» (на которой Пехтусовъ отправился зимовать изъ Архангельска вторично на Новую Землю въ 1834 г.),—все это въ столь громадномъ трудѣ слишкомъ ничтожно, чтобъ остановиться на подобныхъ мелочахъ. Жаль только, что для полноты, рядомъ со спискомъ большаго числа иностранныхъ судовъ, взятыхъ у непріятеля, нѣтъ отдѣльнаго списка весьма немногихъ русскихъ судовъ, которыя были взяты у насъ непріятелемъ.

Чехія и Моравія. Изданіе Славянскаго благотворительнаго комитета. Спб., въ 12-ю долю, VIII, 208 и 2 нен. стр. (съ картою).

Издательская коммиссія петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета положила предпринять цѣлый рядъ популярныхъ изданій, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать распространенію въ Россіи свѣдѣній о славянскихъ земляхъ, народахъ и языкахъ. Изданная ею книга заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ Чехіи и Моравіи, въ отношеніяхъ естественномъ, статистическомъ и историческомъ. Обзоръ Чехіи составленъ молодымъ нашимъ ученымъ А. С. Будиловичемъ на основаніи извѣстной чешской книги «Чехы, земе и народъ», извлеченной изъ «Научнаго Словника» Ригера; очеркъ же Моравіи сдѣланъ А. П. Пparticularly Барановичемъ по книжкѣ Брандля «Про всакего моравака» и по статьѣ «Моравія», помѣщенной въ томъ же энциклопедическомъ словарѣ Ригера. Для ознакомленія съ топографіей страны, къ книгѣ приложена чешская карта, которая можетъ быть доступна каждому, знающему латинскую азбуку, при пособіи немногихъ замѣчаній о чешскомъ правописаніи, которыя приложены къ картѣ. Въ книгѣ употреблена географическая номенклатура — славянская, какъ извѣстно, весьма отличная отъ господствующей у насъ въ учебникахъ и на картахъ нѣмецкой, потому къ ней присовокупленъ алфавитный списокъ тѣхъ изъ чешскихъ названій, которыя замѣтно отличаются отъ паралельныхъ имъ нѣмецкихъ. Возьмемъ для примѣра нѣсколько онѣмеченныхъ урочищъ: Bunzlau—Болеславь, Ofen—Будимъ, Bauzen—Будишинъ, Königgrätz—Градецъ-Кралевы, Magdeburg—Дѣвинъ, Görlitz—Згорѣлецъ, Chemnitz—Каменица, Karlstadt—Карловецъ, Karlsbad—Карловы-Вары, Troppau—Опава, Kulm—Хлумъ.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

3 2044 015 593 171